Studia Aegyptia

КЛОД ВАНДЕРСЛЕЙЕН

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

ОТ КОНЦА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ДО КОНЦА НОВОГО ЦАРСТВА

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

ТОМ II

Серия «Studia Aegyptia»

Редакционный совет:

И. В. Богданов (Санкт-Петербург), В. А. Большаков (Москва),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург),
А. А. Ильин-Томич (Москва), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург),
С. А. Французов (Санкт-Петербург)

L'ÉGYPTE ET LA VALLÉE DU NIL

Tome II

De la fin de l'Ancien Empire à la fin du Nouvel Empire

de

Claude Vandersleyen

Presses Universitaires de France
1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
(АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ)

Клод Вандерслейен

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

Том 2

*От конца Древнего царства
до конца Нового царства*

Перевод *А. Ю. Беспятых, А. В. Банникова*

Научный редактор перевода
И. В. Богданов

2-е издание, исправленное

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.3(6Еги)
В32

Вандерслейен К.

В32 Египет и долина Нила. Т. 2: От конца Древнего царства до конца Нового царства / пер. с фр. А. Ю. Беспятых, А. В. Банникова; науч. ред. И. В. Богданов. — 2-е изд., испр. — СПб. : Академия Исследования Культуры, 2023. — 704 с., ил.

ISBN 978-5-9500-3456-5

Книга Клода Вандерслейена посвящена длительному периоду истории Древнего Египта, охватывающему правление VIII–XX династий. Исследуются основные проблемы хронологии, культуры, международных отношений, династической истории, административного устройства древнего государства в долине Нила. Труд К. Вандерслейена выходит далеко за рамки привычного последовательного изложения истории царских династий, фактически являясь фундаментальным справочным изданием по политической истории и археологии Древнего Египта.

ББК 63.3(6Еги)

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены.
Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с разрешения издательства.

Иллюстрация на обложке: Сенусерт III. XIX в. до н. э. Нью-Йорк, музей Метрополитен, № 26.7.1394.

© И. В. Богданов, научное редактирование, вступ. ст., 2023
© В. А. Большаков, вступ ст., 2023
© А. В. Банников, перевод (ч. I, II (гл. 1–5)), 2023
© А. Ю. Беспятых (ч. II, гл. 6, 7; ч. III–VII), 2023
© Presses Universitaires de France, 1995
© Академия Исследования Культуры, 2023

ISBN 978-5-9500-3456-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга Клода Вандерслейена и новейшие открытия в Египте 11

Благодарности 28

Предисловие 29

Египетский календарь 30

Транслитерация египетских слов 30

Часть первая
I Переходный период (с конца VIII династии) и XI династия (ок. 2160–1994 годов до н. э.)

Глава I. Рубеж Древнего и Среднего царств 33

Глава II. Гераклеополиты (IX/X династия) и фиванцы (XI династия) 35

Конец VIII династии и начало I Переходного периода 35

Гераклеополиты. Ок. 2160–2137 годов до н. э. 36

Номархи времен IX/X династии 39

Начало XI династии. Ок. 2137–2064 годов до н. э. 41

Глава III. Ментухотеп II. Ок. 2064–2013 годов до н. э.. 45

Хронология царствования 45

Внутренняя политика царя 50

Внешняя политика 53

Глава IV. Санхкара Ментухотеп III. Ок. 2013–2001 годов до н. э. 58

Глава V. Небтауира Ментухотеп IV. Ок. 2001–1994 годов до н. э. 62

Часть вторая
XII династия (ок. 1994–1797 годов до н. э.)

Глава I. Аменемхет I. Ок. 1994–1964 годов до н. э. 67

Основание XII династии 67

Начало правления. Царская семья 68

Титулатура 69

Внутренние дела 70

Вопрос о соправлении 73

Военная деятельность 75

Смерть Аменемхета I 77

Глава II. Сенусерт I. Ок. 1964–1919 годов до н. э.. 78

Продолжительность царствования и его значение 78

Внешняя политика 80

Мирные экспедиции 84
Внутренняя политика 87
Иконография Сенусерта I 92
Выводы 93

Глава III. Аменемхет II. Ок. 1919–1881 годов до н. э. 95

Глава IV. Сенусерт II. Ок. 1881–1873 годов до н. э. 101

Глава V. Сенусерт III. Ок. 1872–1854 годов до н. э. 105
Царствование 105
Экономические мероприятия 106
Военная деятельность 108
Дух царствования 112
Администрация 113
Заключение 115

Глава VI. Аменемхет III. Ок. 1853–1809 годов до н. э. 116
Важнейшие события царствования: Нубия и Синай 116
Продолжительность царствования. Именная титулатура. Семья 117
Дахшур. Файюм. Разливы Нила 119
Остальная территория Египта 121
Синай 122
Внешняя политика 123
Внутреннее управление 125
Авторитет монарха 125

Глава VII. Аменемхет IV (ок. 1809–1800 годов до н. э.) и царица Нефрусебек (или Себекнефру, ок. 1800–1797 годов до н. э.) 127
Дополнение. Возраст царей XII династии 129

Часть третья
II Переходный период (ок. 1797–1543 годов до н. э.)

Глава I. Источники 133

Глава II. XIII династия. Ок. 1797–1634 годов до н. э. 135
Общие вопросы 135
Продолжительность правления царей XIII династии 156
Внутреннее положение 157
Внешняя политика 162

Глава III. Замечания об истории XIII династии 164

Глава IV. От XIII династии к XVII 167
Появление гиксосов 167
XIV, XV и XVI династии 171
Великие гиксосы (XV династия). Ок. 1634–1526 годов до н. э. 173

Глава V. XVII династия. Ок. 1634–1543 годов до н. э. 180
Относительная хронология. Общие проблемы 180
Цари 182

Другие проблемы истории XVII династии 195
Глава VI. Итоги II Переходного периода 198
Внутреннее положение 198
Азия и Нубия в конце II Переходного периода 199
Гиксосское влияние на египетскую цивилизацию 201

Часть четвертая
Новое царство: XVIII династия до Аменхотепа III (ок. 1543–1387 годов)

Глава I. Введение 205
Общие вопросы истории Нового царства 205
Хронология Нового царства 206
Глава II. Яхмос. Ок. 1543–1518 годов до н. э. 209
Биография Яхмоса, сына Абана 210
Хронология царствования 211
Возраст царя и его династический статус 213
История царствования 215
Родственные связи, кончина и посмертная слава Яхмоса 223
Библейский исход 225
Глава III. Аменхотеп I. Ок. 1517–1497 годов до н. э. 230
Характер царствования. Хронология. Царская семья 230
История царствования 232
Глава IV. Тутмос I (ок. 1496–1483 годов до н. э.) и Тутмос II (ок. 1483–1480 годов до н. э.) 237
Наследование трона 237
Царская семья и продолжительность царствования Тутмоса I 238
Военные кампании Тутмоса I 244
Тутмос I — строитель. Царская иконография 249
Посмертная судьба Тутмоса I 250
Царствование Тутмоса II и Хатшепсут 251
Военные предприятия Тутмоса II 254
Деятельность Тутмоса II внутри страны. Его кончина 255
Глава V. Тутмос III (ок. 1479–1424 годов до н. э.) и Хатшепсут (ок. 1479–1457 годов до н. э.) 257
Восхождение Тутмоса III на трон. Хатшепсут-регентша 257
Хатшепсут-фараон 258
Военные кампании Хатшепсут и экспедиция в Пунт 265
Искусство и архитектура при Хатшепсут 267
Блистательное царствование Хатшепсут 271
Тутмос III — единовластный правитель 275
Военная экспансия Тутмоса III в Азию 276
Военная деятельность Тутмоса III в Нубии 286
Управление территориями за пределами Египта 287

Внутренние дела 290
Семья Тутмоса III. Наследование трона 294
Глава VI. Аменхотеп II. Ок. 1424–1398 годов до н. э.. 296
Восшествие на престол Аменхотепа II и хронология его правления 296
Войны Аменхотепа II 299
Невоенная деятельность 307
Личность царя 311
Окружение царя 312
Царская семья 313
Итоги царствования 314
Глава VII. Тутмос IV. Ок. 1397–1387 годов до н. э. 315
Восхождение Тутмоса IV на престол и хронология его царствования 315
Семья царя 318
Внешняя политика 322
Искусство при Тутмосе IV 325
Окружение царя 327
Итоги царствования 327

Часть пятая
XVIII династия от Аменхотепа III до Хоремхеба (ок. 1387–1292 годов до н. э.)

Глава I. Аменхотеп III. Ок. 1387–1348 годов до н. э. 331
Восшествие на престол и начало правления 331
Источники 333
Первые одиннадцать лет 336
Нубия 338
Азия и другие северные регионы 342
Последние годы. Праздники *сед*. Обожествление царя 346
Искусство при Аменхотепе III 349
Окружение царя 355
Семья царя 358
Замечания о царствовании Аменхотепа III 362
Вопрос о соправлении Аменхотепа III и Аменхотепа IV 363
Глава II. Аменхотеп IV. Амарнский период. Эхнатон.
Ок. 1359–1342 или 1348–1331 годов до н. э. 368
Хронология событий 369
Пребывание в Фивах. Истоки амарнской реформы 371
Амарна с 5-го по 12-й годы царствования Аменхотепа IV 382
За пределами Фив и Амарны 388
Политика как таковая 389
Семья царя 394
Окружение царя 398
Последние годы и амарнская смута: от Эхнатона к Тутанхамону 399
Амарнская революция 410

Глава III. После Эхнатона: Тутанхамон и Эйе 414
Тутанхамон. Ок. 1339–1329 или 1328–1318 годов до н. э. 414
Эйе. Ок. 1329–1325 или 1318–1314 годов до н. э. 423
Глава IV. Конец XVIII династии: Хоремхеб. ? — ок. 1292 года до н. э. 429
Хоремхеб до восшествия на престол 429
Царь Хоремхеб 430

Часть шестая
Эпоха Рамессидов. XIX династия
(ок. 1292–1186 годов до н. э.)

Глава I. Начало XIX династии: Рамсес I.
Ок. 1292–1291 годов до н. э. 437
Глава II. Сети I. Ок. 1290–1279 годов до н. э. 440
Приход к власти 440
Войны 442
Мирная деятельность 446
Окружение царя и общество того времени 449
Царевич Рамсес при Сети I. 451
Глава III. Царствование Рамсеса II. Ок. 1279–1212 годов до н. э. 454
Хронология царствования 454
Начало царствования Рамсеса II 456
Семья Рамсеса II. 458
Военная деятельность. 461
Дипломатия в Азии 470
Нубия 472
Остальной мир 476
Мирная деятельность: Рамсес II как созидатель 477
Рамсес II — бог. Праздники *сед* *480*
Искусство Египта в эпоху Рамсеса II. 481
Государственные деятели. 484
Кончина Рамсеса II 487
Итоги царствования 488
Глава IV. Мернептах. Ок. 1212–1202 годов до н. э. 490
Семья Мернептаха и его приход к власти 491
Войны 492
События мирного времени 502
Глава V. XIX династия после Мернептаха:
Сети II, Аменмесес, Сиптах и Таусерт 504
Сети II (ок. 1201–1196 годов до н. э.) и фараон-узурпатор Аменмесес
(ок. 1200–1197 годов до н. э.) 504
Сиптах. Ок. 1195–1189 годов до н. э. 510
Таусерт. Ок. 1188–1186 годов до н. э. 512
Внутреннее управление при последних царях XIX династии 514

Часть седьмая
Эпоха Рамессидов. XX династия
(ок. 1188–1078 годов до н. э.)

Глава I. Переход власти. Сетнахт. Ок. 1188–1185 годов до н. э. 517

Глава II. Рамсес III. Ок. 1185–1153 годов до н. э. 520

Царствование. Царская семья 520
Войны 522
Египет и его соседи в перерывах между сражениями 527
Рамсес III — строитель. Искусство при Рамсесе III 529
Аристократия 532
Внутренняя политика 533
Катастрофа в конце царствования 534

Глава III. XX династия после Рамсеса III 538

Наследие Рамсеса III 538
Рамсес IV. Ок. 1153–1146 годов до н. э. 540
Рамсес V. Ок. 1146–1143 годов до н. э. 546
Рамсес VI. Ок. 1143–1136 годов до н. э. 548
Рамсес VII. Ок. 1135–1128 годов до н. э. 552
Рамсес VIII. Ок. 1127 года до н. э. 552
Рамсес IX. Ок. 1126–1108 годов до н. э. 553
Рамсес X. Ок. 1108–1106 годов до н. э. 559
Рамсес XI. Ок. 1105–1078 годов до н. э. 559

Эпилог 567

Список царей 572
Библиография 578
Список сокращений 665
Карты 674
Указатели 679
I. Указатель имен 680
II. Указатель географических названий 693

КНИГА КЛОДА ВАНДЕРСЛЕЙЕНА И НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ЕГИПТЕ

Выход в серии «La Nouvelle Clio» второго тома «Египет и долина Нила», принадлежащего перу известного бельгийского исследователя К. Вандерслейена[1], стал весьма заметным событием в египтологии. Огромный хронологический охват работы — с I Переходного периода до конца Нового царства — и количество источников, дошедших только от одной эпохи Нового царства, в значительной степени определили объем второго тома, почти вдвое превосходящего часть, написанную Ж. Веркуттером. Вандерслейен выбрал для своей книги удачную структуру: каждая глава посвящена отдельному правлению, и все они делятся на примерно одинаковые по содержанию разделы — генеалогия нового царя, его приход к власти, внешняя и внутренняя политика, архитектура и искусство периода его правления, и т. д. Таким образом, хотя книга представляет собой типичный труд по политической истории, читатель получит некоторое представление также о социальном развитии, экономике, искусстве Древнего Египта, но все эти события, подчас в весьма подробном изложении, даются автором «дозированно», поскольку он строил свое повествование, подчинив его структуру относительной хронологии, следуя

[1] Vandersleyen C. L'Égypte et la Vallée du Nil. T. II: De la fin de l'Ancien Empire à la fin du Nouvel Empire. Paris: Presses Universitaires de France, 1995 = Nouvelle Clio. L'histoire et ses problèmes.

от царствования к царствованию. Благодаря этому оно избежало рыхлости и излишних экскурсов, хотя, например, почти полное отсутствие истории религии у кого-то, возможно, вызовет досаду. Но таковы законы жанра. Даже реформы Эхнатона рассматриваются вне истории религии — в основном внимание уделено государственным преобразованиям и личности фараона-еретика.

В отличие от многих подобных трудов по истории Египта, в книге приводятся обильные цитаты из источников, а ее автор постоянно вступает в научные дискуссии. В изданиях серии «La Nouvelle Clio» наличие огромной библиографии — одно из правил, совсем непривычных для русского читателя, привыкшего к отечественным традициям «импортозаменяющей науки». Теперь и он получает не просто добротный и объемный сводный труд по истории Древнего Египта, а подробнейшее, насыщенное фактами и оригинальными идеями исследование. Как отмечалось в рецензиях на книгу, труд К. Вандерслейена выходит далеко за рамки привычного последовательного изложения истории царских династий, фактически являясь фундаментальным справочным изданием по политической истории и археологии Древнего Египта.

Однако как ни велико число источников, которыми оперировал К. Вандерслейен, со времени публикации его монографии прошло больше двух десятилетий. За это время не только было сделано немало существенных археологических открытий, но и многократно увеличился объем научных публикаций, причем в отдельных случаях появление новых работ заставляет кардинально переоценивать отдельные выводы и интерпретации, изложенные на страницах книги.

Чтобы хотя бы в какой-то степени компенсировать пробел, образовавшийся со времени оригинального издания второй части «Египта и долины Нила», представляется необходимым осветить наиболее существенные археологические исследования в Египте с 1995 года. Важнейшие открытия связаны с раскопками памятников эпохи Нового царства, как известно превосходящей по обилию и разнообразию дошедших археологических, изобразительных и эпиграфических источников все прочие периоды древнеегипетской истории.

Пожалуй, наиболее активной за прошедшее с издания монографии время была деятельность различных археологических миссий в районе древних Фив, хотя не менее важные археологические работы велись и в других частях страны — в Ахмиме, Абидосе, эль-Берше, Амарне, Саккара.

Неожиданные открытия ждали археологов в, казалось бы, хорошо исследованной местности — в Долине Царей. Начатая в 1987 году в рамках Фиванского картографического проекта (The Theban Mapping Project) во главе с К. Уиксом расчистка малоизученной гробницы KV 5 увенчалась обнаружением настоящего погребального комплекса сыновей Рамсеса II[2]. Поскольку местом захоронения членов царской семьи в эпоху Рамсессидов, как считалось, главным образом служила Долина Цариц, обнаружение в Долине Царей усыпальницы царевичей, планировка которой была изначально рассчитана на коллективное погребение, бесспорно, стало самым значительным событием египетской археологии конца XX века. Полная расчистка и изучение KV 5, предназначенной, по предварительной оценке, для погребения не менее чем 50 человек, еще не завершены, но уже сейчас ясно, что это крупнейшая гробница Долины Царей. Декор и надписи в обследованных помещениях KV 5, к сожалению, практически не сохранились, однако в гроб-

[2] http://www.thebanmappingproject.com/sites/browse_tomb_819.html

нице обнаружено немалое количество материала, проливающего свет на историю ее использования, — фрагменты скелетов, керамики, погребальной утвари и т. д.[3]

Дальнейшее исследование Долины Царей ознаменовалось и другими открытиями: в 2005 году американской миссией под руководством О. Шадена была открыта шахтная гробница конца XVIII династии, получившая номер KV 63[4]. Гробница в сущности являлась небольшим однокамерным тайником, в который поместили несколько антропоидных деревянных саркофагов, предметы и материалы, использовавшиеся при бальзамировании и обрядах погребения.

В 2009 году была наконец поставлена точка в исследовании загадочного нисходящего тоннеля К в гробнице Сети I (KV 17)[5]. Начатая еще в 1960-х годов трудоемкая расчистка тоннеля не привела вопреки энтузиазму руководителя раскопок З. Хавасса к открытию второй, тайной, погребальной камеры. Более того, каких-либо новых помещений вообще не было обнаружено. Как оказалось, 174-метровый незавершенный тоннель оканчивался ложной дверью с начертанными на ней рабочими пометками строителей гробницы.

Последним на сегодняшний день крупным открытием в Долине Царей следует назвать обнаружение в самом конце 2011 года швейцарскими археологами небольшой гробницы XVIII династии (KV 64) с непотревоженным антропоидным саркофагом и деревянной стелой жрицы Амона Нехемес-Бастет[6]; при XXII династии гробница была использована вторично.

Стоит ли и дальше ожидать новых открытий в Долине Царей? Если раньше на этот вопрос можно было ответить однозначно отрицательно (как это делалось еще в начале XX века), то в свете находок последних лет и недавно высказанной Н. Ривзом гипотезы о потайных помещениях в гробнице Тутанхамона[7] такая вероятность все же существует.

Немаловажным дополнением к скудным сведениям о гробничной архитектуре царей XVII династии, изучение которой осложняется сравнительной малочисленностью дошедших источников, можно назвать открытие в 2001 году миссией Каирского филиала Немецкого археологического института (DAIK) пирамидного комплекса царя XVII династии Небухеперра Интефа, расположенного в некрополе Дра Абу-н-Негга[8]. Поскольку хронология XVII династии до сих пор остается предметом дискуссий[9], исследование забытого более чем на столетие гробничного комплекса Небухеперра Интефа приобретает особое значение в связи с определением места этого царя в династической истории.

Интенсивные археологические и реставрационные работы археологов в районе современного Луксора продолжались как на восточном, так и на западном берегу Нила.

---

[3] Weeks K. R. (ed.) KV 5: A Preliminary Report on the Excavation of the Tomb of the Sons of Rameses II / Valley of the Kings. Publications of the Theban Mapping Project 2. Cairo: American University in Cairo Press, 2000.

[4] http://www.kv-63.com

[5] Hamed A. Re-excavation of Seti First Tomb, KV 17, Luxor, Egypt // International Journal of Conservation Science, 2013, 4 (4), 433–446.

[6] Bickel S. Ein neues Grab im Tal der Könige: Untersuchungen zu nicht-königlichen Grabstätten in der Pharaonen-Nekropole / Antike Welt, 2013, 44, 1, 75–82; https://aegyptologie.unibas.ch/forschung/projekte/university-of-basel-kings-valley-project/report-2012

[7] Reeves N. The Burial of Nefertiti? // Amarna Royal Tombs Project. Valley of the Kings. Occasional Paper. 2015, N 1, 1–16, figs. 1–30.

[8] Polz D., Seiler A. Die Pyramidenanlage des Königs Nub-Cheper-Re Intef in Dra' Abu el-Naga: Ein Vorbericht. Mainz am Rhein, 2003.

[9] Schneider T. The Relative Chronology of the Middle Kingdom and the Hyksos Period (Dyn. 12–17). Leiden, 2006, 187; Franke D. The Late Middle Kingdom (Thirteenth to Seventeenth Dynasties): The Chronological Framework // Journal of Egyptian History, 2008, 1, N 2, 279.

В 2005 году на территории комплекса в Карнаке была найдена частично сохранившаяся скульптурная группа, атрибуция которой колеблется между Неферхотепом I и III. Ценность находки заключается прежде всего в том, что статуи эфемерных правителей II Переходного периода представляют собой большую редкость.

Другим примером памятника, значимого для восполнения исторических лакун, может служить стела верховного жреца Амона Бакенхонсу II, обнаруженная египетскими археологами при раскопках аллеи сфинксов между Луксором и Карнаком. В тексте стелы, датирующейся 4-м годом правлением Сетнахта, содержатся любопытные сведения о реставрационных работах в храме Амона в Карнаке, проведение которых по инициативе Бакенхонсу II соотносится с последствиями бурных событий рубежа XIX–XX династий[10].

Еще одним успехом археологии стало открытие американской миссией Университета Джонса Хопкинса в зоне храма Мут в Ишеру хорошо сохранившейся верхней части статуи знаменитой царицы Тийи (2006 год)[11]. Еще два других хорошо сохранившихся скульптурных изображения Тийи были найдены при раскопках храма Аменхотепа III под руководством У. Сурузян в Ком эль-Хейтане (The Colossi of Memnon and Amenhotep III Temple Conservation Project)[12]. Всего с начала раскопок в 1998 году на обширном участке позади знаменитых колоссов Мемнона из земли были извлечены сотни архитектурных и скульптурных фрагментов. Из числа последних в настоящее время удалось восстановить вторую (северную) большую стелу, колоссы царя на центральной оси и у северных врат храмовой ограды, а также две частично сохранившиеся колоссальные группы, включающие вышеупомянутые изображения великой супруги царя. Среди найденных за все время раскопок в Ком эль-Хейтане статуй немало фигур Сохмет, массовое тиражирование которых при Аменхотепе III служит дополнительным свидетельством стремления царя быть в фаворе у этой богини. В целом результаты работы в Ком эль-Хейтане уже сейчас позволяют по-новому взглянуть на архитектуру и историю всего поминального комплекса в целом.

Параллельно с работами в Ком эль-Хейтане на западном берегу Нила международные археологические миссии вели повторные раскопки поминальных храмов других царей Нового царства — Тутмоса III, Мернептаха, Таусерт. С 2008 года испано-египетская миссия работает на месте храма Тутмоса III[13], в 2002 году швейцарская миссия закончила проект музеефикации руин храма Мернептаха[14], а в 2004–2011 годах экспедиция университета Аризоны провела тщательное изучение фундаментов храма Таусерт. В част-

---

[10] Boraik M. Stela of Bakenkhonsu, High Priest of Amun-Re // Memnonia, 2007, XVIII, 119–126.

[11] Bryan B. M. A Newly Discovered Statue of a Queen from the Reign of Amenhotep III / S. H. D'Auria (ed.). Servant of Mut. Studies in Honor of R. A. Fazzini. Leiden; Boston, 2008, 32–43.

[12] Sourouzian H., Stadelmann R. The Temple of Amenhotep III at Thebes. Excavation and Conservation at Kom el-Hettân (Second Report on third and fourth seasons in 2000/2001) // MDAIK 59, 2003, 425–446, pls 71–76; Sourouzian H. Der Totentempel Amenophis' III in Thebes (Ägypten). Probleme und Perspektiven eine Grabung // Vinken G. (Hrsg). Das Erbe der Anderen: Denkmalpflegerisches Handeln im Zeichen der Globalisierung; The Heritage of the Other; Conservation Considerations in an Age of Globalization. Bamberg, 2015, 77–88; Sourouzian H. A New Portrait of Amnehotep III in Thebes // EA, 2015, 46, 20–22.

[13] http://thutmosisiiitempleproject.org/index.php/en/

[14] Jaritz H. The House of a Million Years of Merenptah at Qurna / Luxor: Problems and Achievements of its Conservation and Protection / C. J. Eyre (ed.) Proceedings of the Seventh International Congress of Egyptologists, Cambridge 3–9 September 1995. Leuven, 1998, 587–596; Jaritz H. The Mortuary Temple of Merenptah at Qurna and Its Building Phases / Z. Hawass (ed.) Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century: Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists. Cairo, 2003, I, 138–146.

ности, американские археологи уточнили планировку и реконструировали архитектурный облик храма Таусерт[15], причем было установлено, что достроенный и частично отделанный храм был разобран в начале XX династии. Более того, при расчистке фундаментов храма было сделано открытие, позволившее уточнить хронологию конца XIX — начала XX династии, — на одном из блоков сохранилась иератическая надпись, датированная 8-м годом правления царицы как фараона[16]. В связи этим нельзя не упомянуть открытие другой надписи, прояснившей судьбу временщика Баи, роль которого в смутное время конца XIX династии давно являлась предметом различных исторических гипотез и спекуляций. Речь идет об изданном в 2000 году найденном П. Грандэ в запасниках Французского Института восточной археологии в Каире (IFAO) остраконе с надписью, в которой говорится о казни Баи на 5-м году правления неназванного по имени царя, очевидно Сиптаха[17]. Таким образом, Баи исчез с исторической сцены не в 4-й год правления Сиптаха, как указывает в своей книге К. Вандерслейен, а в 5-й.

В Абидосе, являющемся ареной целенаправленных исследований нескольких археологических миссий, были раскопаны памятники, относящиеся к Среднему царству и II Переходному периоду. В 2014 году операция египетской полиции против нелегальных раскопок привела к обнаружению близ храма Сети I хорошо сохранившейся часовни Ментухотепа II[18], посвященной Осирису, Хентиментиу, Упууту и богам Абидоса. Несмотря на то что деятельность Ментухотепа II засвидетельствована источниками по всему Египту, памятников подобной сохранности известно не было.

Немало ценного для изучения начального периода истории Нового царства материала принесли планомерные раскопки пирамидного комплекса Яхмоса I в Южном Абидосе. Археологическая разведка местности, предпринятая еще на рубеже XIX–XX веков, давала лишь ограниченное представление об этом памятнике. В результате новых работ, осуществленных Восточным институтом Чикаго под руководством С. Харви в 1993 году (The Abydos Project)[19], удалось определить расположение ранее неизвестных культовых и административных построек, группировавшихся к северо-западу от царской пирамиды, — поминальный храм супруги царя Яхмос-Нефертари и пирамиды царицы Тетишери. Наиболее интересными находками стали фрагменты полихромных рельефов, позволивших сделать вывод о наличии в декоративной программе комплекса батальных сцен с гиксосами[20].

Австрийская академия наук продолжает крупномасштабные раскопки дворцовых комплексов и захоронений конца XII — начала XVIII династии в Телль эд-Даба — Избет Хелми, на крайнем востоке Дельты. К настоящему времени в археологической серии «Телль эд-Даба» вышли 23 тома результатов археологических и исторических исследований, не считая публикаций в журнале «Египет и Левант», большая часть которых посвящена гиксосской столице Аварису, а также общих трудов, в частности

---

[15] Wilkinson R. H. (ed.) Tausret. Forgotten Queen and Pharaoh of Egypt. Oxford, 2012, 92–105.

[16] Wilkinson R. H. (ed.) Tausret, 97–98, 100.

[17] Grandet P. L'exécution du chancelier Bay: O. IFAO 1864 // BIFAO, 2000, 100, 339–345.

[18] Wegner J. et al. A new temple: the mahat of Nebhepetre at Abydos // Egyptian Archaeology, 2014, 46, 3–7.

[19] The Oriental Institute 2002–2003 Annual Report: https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/02–03_Abydos.pdf

Harvey S. P. Report on Abydos, Ahmose and Tetisheri Project, 2006–2007 Season // Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 2008, 82, 143–155.

[20] Harvey S. P. Tribute to a Conquering King: Battle Scenes at Abydos Honor a Pharaoh's Triumph over Occupiers and his Reunification of Egypt // Archaeology, 2001, 54 (4), 52–55.

по хронологии средиземноморского мира в 1-й половине II тыс. до н. э., египетско-финикийских и египетско-эгейских отношений.

Среди множества замечательных открытий в Телль эд-Даба одно из самых поразительных — фрагменты фресок со сценой «игр с быком». Этот сюжет родился под влиянием знаменитой фрески из Кносса. Фрески были обнаружены во дворце Авариса в 1992 году экспедицией во главе с Манфредом Битаком. Открытие этих фресок, о которых Вандерслейен упоминает вскользь, вызвало шквал научной литературы[21]. Было установлено, что фрески созданы в начале правления Тутмоса III, который, следовательно, не только вел агрессивную внешнюю политику в Азии, но и развивал интенсивные культурные связи с Эгеидой. Эти отношения имеют долгую историю — они возникали еще по меньшей мере при XII династии, однако их расцвет приходится уже на гиксосское время[22]. Так, в слоях некоторых дворцовых захоронений Авариса, относящихся к XIII династии — гиксосскому периоду, были обнаружены сосуды стиля Камарес и золотая минойская подвеска, сходная по технике исполнения с подвесками из Эгинского клада. Следует упомянуть и давно известную диоритовую статую Усера начала XII династии, найденную А. Эвансом в Кноссе. Казалось бы, ее можно объявить египетским импортом, да только вот эпиграфика этой статуи весьма своеобразна[23]. Усер носил титул «литейщик золота, уроженец Антеопольского нома». Титул уникален даже для египтян в самом Египте, но еще важнее — это указание на родину ювелира; такие пояснения происхождения по названию нома давались умершим вдали от дома (например, утонувшим в рейдах морякам). По этим данным можно допустить, что приглашенный на Крит ювелир сам изваял для себя статую, переведя на египетский титул, который был дан ему самими критянами, и был похоронен в Кноссе.

Раскопки в Амарне, продолжающиеся не одно десятилетие под эгидой британского Общества исследования Египта (EES), привели к открытию в 2005 г. обширного кладбища простых жителей Ахетатона — так называемого некрополя южных гробниц[24]. По предварительной оценке, только на этом кладбище (одном из нескольких в Ахетатоне!) погребено не менее 3 тыс. человек. В целом историческое значение данного открытия вполне сопоставимо с раскопками некрополя строителей пирамид в Гизе.

---

[21] Shaw M. C., Mellink M. Bull Leaping Frescoes at Knossos and their Influence on the Tell el-Dabʿa Murals // Ägypten und Levante / Egypt and the Levant, 1995, 5, 91–120; ряд очерков в сб.: Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC / W. V. Davies, L. Schofield (Eds.). London, 1995; Bietak M. Avaris, the Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell el-Dabʿa. London, 1996, 72–83, pls. 1–8; Bietak M., Marinatos N., Palivou C. Taureador Scenes in Tell el-Dab'a (Avaris) and Knossos. Vienna, 2007.

[22] Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1995; Phillips J.· Aegyptiaca on the Island of Crete in their Chronological Context: A Critical Review, 1–2. Wien, 2008. Самые ранние египетские предметы, обнаруженные в слоях Додворцового (Pre-palatial, или протоминойского) периода (MM IA) на Крите, датируются XI династией (самый конец III тыс. до н. э.), а в Египте самый ранний импортный минойский сосуд Протодворцового периода (MM IB) обнаружен в гробнице в Куббет эль-Хава (Элефантина) конца XII — нач. XIII династии (нач. XVIII века до н. э.).

[23] Ираклеон (Крит), Археологический музей L 95; PM VII, 407; Edel E. Die Hieroglyphische Inschrift auf der Dioritstatuette des User aus Knossos // Studies in Egyptology Presented to Miriam Lichtheim I / Sarah Israelit-Groll (ed.). Jerusalem, 1990, 122–133; Gill D., Padgham J. 'One Find of Capital Importance': A Reassessment of the Statue of User from Knossos // The Annual of the British School at Athens 100, 2005, 45–46; Phillips J.· Aegyptiaca on the Island of Crete in their Chronological Context: A Critical Review. Wien, 2008, 2, 320 (158), 92–94.

[24] Kemp B. The City of Akhenaten and Nefertiti. Amarna and its People. AUC, 2012, 227–229, 256–263 http://www.amarnaproject.com/pages/recent_projects/excavation/south_tombs_cemetery

Полное исследование южного кладбища — дело будущего, однако антропологический анализ останков из вскрытых погребений уже позволяет оценить условия жизни простого люда Ахетатона, весьма далекие от идиллических сцен Амарнского периода.

Заслуживают упоминания и некоторые другие различные по масштабу локальные археологические находки. Например, возобновленные в 2000-х годах египетскими археологами раскопки в Ахмиме привели к локализации скрытого под землей огромного храмового комплекса бога Мина времен Рамсеса II, к которому, в частности, относились колосс царской дочери и супруги Меритамон и недавно расчищенные части сидящего колосса царя.

Кроме того, в древних каменоломнях в местности Дейр эль-Хиннис археологи из бельгийской миссии сделали важное открытие, касающееся истории Амарнского периода, — граффито 16-го года правления Эхнатона, в котором упоминается «великая супруга царя» Нефертити[25]. Историческое значение данной надписи исключительно велико, поскольку ранее позднейшим датированным упоминанием Нефертити являлся 12-й год правления. Теперь же наука получила надежное свидетельство того, что царица оставалась супругой Эхнатона почти до самого конца его правления.

Весьма плодотворными оказались результаты раскопок французских археологов, начатых в 1981 году под руководством А.-П. Зиви в Саккара (Mission archéologique française du Bubasteion). В ходе раскопок прежде совершенно неисследованной зоны в Северной Саккара удалось выявить целый сектор мемфисского некрополя с богато декорированными скальными гробницами высокопоставленных придворных XVIII–XX династий[26].

Там же, в Северной Саккара, до 2014 года продолжались интенсивные работы совместной археологической миссии лейденского Национального музея древностей и британского Общества исследования Египта (EES), посвященные исследованиям гробниц Нового царства. Среди достижений археологов кануна XXI века следует назвать публикации памятников вельмож позднеамарнской эпохи в окрестностях гробницы генерала Хоремхеба, будущего фараона. Многие из них были раскопаны еще в начале 1990-х годов, но были опубликованы уже на рубеже тысячелетий[27]. В 2014 г. исследования в этой местности были свернуты в связи с бурными политическими событиями в Египте.

Продолжается и масштабный проект по изданию материалов о частных гробницах в Фивах, которых насчитывается несколько сотен. Результаты этой работы постепенно реализуют археологи и эпиграфисты из Германии, Британии, Египта, Венгрии и других стран[28].

---

[25] Van der Perre A. Nefertiti's Last Documented Reference (For Now) // In the Light of Amarna. 100 Years of the Nefertiti Discovery / F. Seyfried (ed.). Berlin, 2012, 195–197.

[26] Zivie A. Les tombeaux retrouvés de Saqqara. Paris, 2003; Zivie A. Mission Archéologique Francaise du Bubasteion (Saqqara). Rapport sur les travaux de la mission durant la saison 1998–1999 // Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 2003, 77, 203–216.

[27] Martin G. Th. et al. The tomb of Tia and Tia: A royal monument of the Ramesside Period in the Memphite necropolis. London, 1997; Martin G. Th. et al. The Tombs of Three Memphite Officials. Ramose, Khay and Pabes, London, 2001; Raven M. J. et al. The Tomb of Maya and Meryt. II: Objects and Skeletal Remains. Leiden, 2001; Raven M. J. et al. The Tomb of Pay and Raia at Saqqara. Leiden; London, 2005; Martin G. Th. The tomb of Maya and Meryt, I: The reliefs, inscriptions, and commentary. London, 2012; Schneider H. D. The Tomb of Iniuia in the New Kingdom necropolis of Memphis at Saqqara. Turnhout, 2012; Raven M. J. et al. The tomb of Meryneith at Saqqara. Turnhout, 2014; и др.

[28] Общий обзор: Kampp F. Die thebanische Nekropole. Zum Wandel des Grabgedankens von der XVIII bis zur XX. Dynastie. Theben, 13. 2 Bd. Mainz am Rhein, 1996; информационный интернет-сайт: http://www.tmpbibliography.com/

Многие археологические проекты последнего времени посвящены новым исследованиям уже известных или разведанных памятников и комплексов I Переходного периода — Среднего царства. Австралийская миссия Университета Маккуори осуществляет переиздание материалов о гробницах Меира, Бени-Хасана и других эталонных некрополях. Археологическая ревизия эпиграфики приносит для ученых новые ценные данные, к тому же многие исследованные еще в начале прошлого века гробницы находятся в плачевном состоянии, поэтому эти материалы подлежат фиксации.

В Дейр эль-Берше с 2002 года в рамках масштабного исследовательского проекта (The Dayr al-Bersha Project) работают бельгийские археологи. Их исследования посвящены прежде всего гробницам номархов Заячьего нома времен Древнего — начала Среднего царства, знаменитых своими роскошными деревянными саркофагами с эталонными религиозными текстами. Первым капитальным вкладом стало новое издание материалов нескольких ранних гробниц[29]. В настоящее время исследуются гробницы номарха Аханахта I и Джехутинахта IV/V, датирующиеся самым концом I Переходного периода — XI династией. В 2012 году бельгийские ученые обнаружили внутри давно известной скальной гробницы Аханахта I следы другого, более раннего погребения. Предполагается, что его погребальный инвентарь принадлежал номарху Джехутинахту, отцу Аханахта[30].

Необходимо упомянуть также новую археолого-эпиграфическую серию немецких и египетских ученых по гробницам Асьюта, заслуги американских археологов по архитектурному изучению пирамидных комплексов ранних царей XII династии, тщательную и масштабную кампанию французских и египетских специалистов в Карнаке.

Говоря об археологических открытиях в Египте, полученные в итоге новые исторические данные можно упомянуть лишь вскользь, ведь все их детали учесть невозможно, да и решение многих вопросов в таких случаях обычно надолго затягивается.

Большую часть книги Вандерслейена, конечно, занимает повествование о царях Нового царства. Однако особенно важной частью этого издания многим любителям истории покажется раздел по II Переходному периоду, эпохе правления XIII–XVII династий. К началу 1990-х по II Переходному периоду в распоряжении науки имелись ранние труды Р. Вейля, Х. Штока, и Ю. фон Бекерата[31], но в связи с накоплением нового материала требовался новый обзор политической истории этой эпохи, и Вандерслейен, один из немногих в мире специалистов по этой проблеме, взялся за работу, которая отражала бы ее современное состояние. Он сообщает о царях II Переходного периода очень много нового, что сделало этот раздел фактически передовым исследованием той эпохи незадолго до выхода книги датского египтолога Кима Рюхолта[32].

---

[29] Willems H. et al. Dayr al-Barsha I. The Rock Tombs of Djehutinakht (17K74/1), Khnum-nakht (17K74/2), and Iha (17K74/3). With an Essay on the History and Nature of Nomarchal Rule in the Early Middle Kingdom, Orientalia Lovaniensia Analecta 155, 2007. Подробнее см.: http://www.dayralbarsha.com/node/12

[30] http://www.dayralbarsha.com/sites/drupal.arts.kuleuven.be.barsha/files/Dayr%20al-Barsha%20Press%20Report.pdf

[31] Weill R. La fin du Moyen Empire égyptien : étude sur les monuments et l'histoire de la période comprise entre la XIIe et la XVIIIe dynastie. Paris, 1918; Stock H. Studien zur Geschichte und Archäologie der 13, bis 17. Dynastie Ägyptens unter besonderer Berücksichtigung der Skarabäen dieser Zwischenzeit. Glückstadt; Hamburg; New York, 1942; von Beckerath J. Untersuchungen zur politischen Geschichte der Zweiten Zwischenzeit in Ägypten, Glückstadt; New York, 1965.

[32] Ryholt K. S. B. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B. C. Copenhagen, 1997.

С тех пор новые данные об эфемерных царях так и продолжают собирать по крупицам — и новые фрагменты мозаики добавляют свежие, яркие тона в общую картину сложнейшей обстановки в Египте от времен XIII династии до изгнания гиксосских завоевателей. Поэтому из калейдоскопа прояснившихся вопросов, накопившихся с момента выхода книги, наиболее пристальное внимание можно уделить новым открытиям в области царской хронологии Среднего царства — II Переходного периода, которой сам Вандерслейен отводил главное место.

Не так давно, в 2005 году, был опубликован памятник с упоминанием нового царя — Хора Санхибтауи Санхибра[33]. Этот архитрав, который происходит из Гелиополя, давно хранится в музее под открытым небом в Матарийе (район Каира) и известен ряду специалистов с конца 1980-х годов, однако его датировка всегда вызывала сомнения — его относили либо в самый конец XI, либо уже к XIII династии. В настоящее время наиболее вероятной считается датировка этого архитрава ранней XII династией, и это значит, что царь Санхибра был одним из эфемерных царей этого периода. Этот факт интересен тем, что XII династия хорошо изучена, и в хронологической последовательности ее царей обычно мало кто сомневается.

Конечно, последовательность царей XIII династии, предложенная Вандерслейеном, требует пересмотра, хотя точную хронологию выстроить все равно невозможно. Надо отдать должное бельгийскому специалисту — отдельные атрибуции памятников и любопытные гипотезы о генеалогических связях царей можно встреть только здесь — в этом труде, казалось бы, «рассчитанном на массового читателя». Корить автора за промахи, ныне заметные после появления новых данных, несправедливо. Вот пример такой ошибки, возникшей вследствие исключительной сложности обработки материала источников. Стела из Атрибиса с именем Хор Санхтауи Сехемкара (Британский музей 1346; HT IV, 22), которую Вандерслейен приписывает царю Сехемкара Аменемхету V, датируется, скорее всего, Додекархией (эпохой анархии конца XXV династии и ассирийского завоевания). Хор Санхтауи Сехемкара был одним из мелких царьков этого периода, поэтому схема деления Сехемкара Аменемхета-Сенбефа на двух царей с разными именами Хора, предложенная Вандерслейеном, оказывается призрачной. Любопытно, что новая датировка была предложена еще в работе П. Вернюса (Vernus, 1978, 79–80, doc. 84), на нее ссылается и Д. Франке, и обе эти работы не прошли мимо внимания Вандерслейена, однако новую датировку он не заметил. Еще один Хор Санхтауи, Шепсескара Иренра Геменефхонсубак, оставивший свои памятники в Танисе, также правил в Позднее время[34]. Мало известный по справочникам, но отмеченный в граффито в Шатт эр-Ригале Хор Санхтауи (Petrie, 1888, pl. 15, № 466) остается без датировки (возможно, это Сети I или Хор Санхтауифи Ментухотеп III) из-за отсутствия каких-либо критериев. Эти примеры показывают, что датировать даже царские памятники Древнего Египта подчас настолько сложно, что расхождения в версиях могут достигать тысячелетия.

Вместе с новыми открытиями как всегда приходят и новые загадки. Так, совсем недавно, в начале апреля 2017 года, в прессе появились сообщения об открытии новой пирамиды царя XIII династии Амени-Кемау в Дахшуре. При раскопках был обнаружен

---

[33] Zaki M. Une architrave «anonyme» d'Héliopolis // DE 63 (2005), 85–94; исследование: Ilin-Tomich A. King Seankhibra and the Middle Kingdom Appeal to the Living / Miniaci G., Grajetzki W. (eds.) The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC) I, MKS 1. London, 2015, 145–168.

[34] Источники об обоих упомянутых поздних эфемерных царях по имени Хор Санхтауи: Jansen-Winkeln K. Inschriften der Spätzeit. Teil III: Die 25. Dynastie. Wiesbaden, 2009, 252–254, 257.

блок с текстами, посвященными Амени-Кемау, так что атрибуция пирамиды именно ему кажется надежной — если дело не связано с узурпацией этим царем чужих текстов. Они представляют собой изречения из Текстов пирамид (PT 210, Pyr 127b–132b), уже трансформировавшиеся в раннюю редакцию главы 178 Книги мертвых. Для оформления пирамид Среднего царства этот факт сам по себе беспрецедентный, ведь считается, что заимствования из древних магических текстов Древнего царства еще со времен XI династии позволяли себе только вельможи. Но и это еще не все. Дело в том, что это уже вторая пирамида царя Амени-Кемау; руины первой, также расположенной в Дахшуре, были открыты еще в 1957 году — о ней упоминает и Вандерслейен. Принадлежность первой пирамиды этому царю также кажется неоспоримой — в ней нашли канопы с именем Амени-Кемау, так что именно его и должны были в ней похоронить[35]. Итак, царь XIII династии, более 60 царей которой правили в целом порядка 130 лет, ухитрился построить для себя сразу две пирамиды. К сожалению, срок его правления неизвестен, а его имя не сохранилось в Туринском каноне — и вряд ли стоит надеяться, что издание новых фрагментов этого знаменитого царского списка, обнаруженных в 2009 году в подвалах Египетского музей в Турине, откроет и имя Амени-Кемау[36].

Новые материалы о малоизвестных царях II Переходного периода были получены и благодаря археологическим исследованиям в Абидосских некрополях. Долгое время миссия Пенсильванского университета под руководством Д. Уэгнера вела в Южном Абидосе раскопки гробничного комплекса Сенусерта III[37], а позднее — окрестных царских гробниц конца Среднего царства. В 2013 году эти работы увенчались открытием руин внушительной гробницы S10, предположительно принадлежащей царю Ханеферра Себекхотепу IV. Соседняя гробница S9 была предварительно атрибутирована его брату Хасехемра Неферхотепу I. На следующий год американские археологи сделали еще одно значительное открытие — в этом же некрополе была расчищена относительно хорошо сохранившаяся гробница царя Усерибра Сенеб-Каи (CS9)[38]. Всего же в Южном Абидосе американской миссией выявлена группа из 8 царских гробниц II Переходного периода[39].

Некоторые уточнения в последнее время удалось внести и в хронологию последних царей XVII династии. Как известно, погибший в бою с гиксосами Секененра носил

---

[35] Swelim N., Dodson A. M. On the Pyramid of Ameny-Qemau and its Canopic Equipment // MDAIK, 1998, 54, 319–334.

[36] Ким Рюхолт (Ryholt K. S. B. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B.C. Copenhagen, 1997, 197, 214–215, 337–338) считает Амени-Кемау пятым царем XIII династии (эта позиция отмечена в Туринском каноне термином «лакуна» (*усеф*), то есть имя пятого царя было неизвестно даже самим составителям списка) и отводит ему 2 года правления. Он называет его просто Кемау (что, конечно же, верно), а его отца (Амени) отождествляет с Сехемкара Аменемхетом V. Вандерслейен выстраивает в книге иную генеалогию.

[37] Wegner J. The Mortuary Temple of Senwosret III at Abydos. New Haven and Philadelphia, 2007.

[38] Wegner J., Cahail K. Royal Funerary Equipment of a King Sobekhotep at South Abydos: Evidence for the Tombs of Sobekhotep IV and Neferhotep I? // JARCE, 2015, 51, 123–164. При строительстве погребальной камеры для царя были использованы блоки из окрестных частных гробниц: Cahail K. M. A Family of Thirteenth Dynasty High Officials: New Evidence from South Abydos// JARCE, 2015, 51, 93–122. Скорее всего, царя Сенеб-Каи можно отождествить с давно известным царем Себкаи, о котором упоминает и Вандерслейен (Quirke St. Birth Tusks: the Armoury of Health in Context — Egypt 1800 BC. London, 2016, 208–210). Имя царя представляет собой сочетание отчество + имя, то есть «Сенеба (сын), Каи». Такое указание филиации было принято в эпоху Среднего царства, в том числе в царских семьях II Переходного периода. Например, имя царя Амени-Кемау тоже представляет собой такое сложное сочетание, которое, если читать его слитно, перевести невозможно.

[39] Wegner J. A Royal Necropolis at South Abydos: New Light on Egypt's Second Intermediate Period // Near Eastern Archaeology, 2015, 78:2, 68–78.

личное имя Таа. Тронное имя его предшественника Снахтенра известно из крайне скудного числа источников, а личное имя этого царя до последнего времени было вообще неизвестно. Впрочем, издавна в науке утвердилась традиция награждать царя Снахтенра личным именем Таа I, благодаря чему Секененра получил у ученых имя Таа II — как оказалось, ошибочно. И вот как это случилось. Дело в том, что в папирусе Эбботт (BM 10221, KRI VI, 471–472) эпохи Рамсеса IX, посвященном расследованию ограблений гробниц царей XVII династии, отметка об инспектировании пирамиды Секененра Таа представлена дважды. Цифра «2» во второй отметке была поставлена писцом сразу после имени Таа, и это смутило египтологов. Долгое время считалось, что писец назвал Секененра вторым Таа, поскольку первым был его предшественник Снахтенра. Но в обеих отметках четко назван Секененра Таа. Из этого недоразумения нашли выход просто: дескать, писец ошибся, поставив в первой отметке «Секененра» вместо «Снахтенра», и следовательно, именно он был первым царем Таа. Вандерслейен (Vandersleyen, 1983a) уже давно предложил более простое и логичное объяснение этому случаю — цифра «2» относится не к имени Таа, а к самой отметке; иными словами, речь идет о двух инспекциях, а не о двух царях. В своей книге он касается этого вопроса лишь вскользь, попросту лишая Снахтенра мифического имени «Таа I», хотя заслуга в развенчании этого еще совсем недавно широко распространенного научного мифа принадлежит именно ему. Ким Рюхолт в своем фундаментальном исследовании истории II Переходного периода[40] согласился с Вандерслейеном, в свою очередь выдвинув предположение, что в папирусе Эбботт речь идет о некоей второй пирамиде Секененра Таа, а личное имя Снахтенра было Сиамун. И лишь в последнее время загадка второго имени царя Снахтенра разрешилась. В начале 2012 года в Карнаке, к юго-западу от храма Птаха, французскими археологами были обнаружены два фрагмента каменных врат, посвященных Амону-Ра царем с именами Хор Меримаат, Снахтенра, сын Ра, Яхмос[41]. Так вопрос был закрыт. Оказывается, Снахтенра был не «Таа I», а Яхмосом I, так что его потомок, основатель XVIII династии, в обновленном царском списке автоматически получил имя Яхмоса II. Так было открыто еще одно свидетельство непрерывности семейной традиции династии Яхмосидов.

Констатировав массу достоинств книги К. Вандерслейена, нельзя пройти и мимо дискуссионных моментов, а также откровенно дезинформирующих положений, выдвинутых автором. Безусловно, всем читателям сразу бросится в глаза особое отношение ученого к проблеме взаимоотношений Египта с окружающим миром, с его соседями, причем не южными (то есть нубийцами), а исключительно западными и северными, — то есть ливийцами, ханаанеями, «народами моря», хеттами, минойцами и т. п. Именно географические теории Вандерслейена, связанные с переносом народов и местностей из Азии в Дельту, а также отрицание практики морской навигации у египтян вызвали нарекания многих рецензентов его книги[42].

Сначала несколько слов о египтянах и море в представлении К. Вандерслейена. Традиционно в египтологии считается, что море египтяне называли термином wAD

[40] Ryholt K. S. B. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B. C. Copenhagen, 1997, 279–280.

[41] Biston-Moulin S. Le roi Sénakht-en-Rê Ahmès de la XVIIe dynastie // ENIM, 2012, 5, 61–72.

[42] Roccati A., in Rivista degli studi orientali, 1995, 69 (1/2), 229–231; Taylor J. H., in JEA, 1996, 82, 221–222; Delia R. D., in JARCE, 1997, 34, 264.

wr/*уадж-ур*, «великая зелень». В настоящее время эта трактовка уже, пожалуй, общепринята. Проблеме этого знаменитого термина Вандерслейен посвятил две книги[43]. Они ценны тем, что в них собраны в один сводный каталог по возможности все упоминания в источниках термина *уадж-ур*, однако сам он считает, что так египтяне обозначали Дельту. Несмотря на то что уже в 1970 годах в Вади Гасус и Мерса/Вади Гавасис на Красном море были найдены неопровержимые доказательства того, что здесь существовал порт, а при XII династии были оставлены несколько стел, повествующих об организации экспедиций в Пунт[44], автор книги расценивает эти эпиграфические свидетельства в русле гипотезы Нибби–Вандерслейена о невозможности осуществления египтянами морских путешествий и полагает, что плавания осуществлялись из Коптоса (этот город на Ниле расположен чуть южнее широты порта Мерса Гавасис на Красноморском побережье). Однако в последние годы крупномасштабные франко-египетские исследования на побережье Суэцкого залива выявили настолько важные археологические и эпиграфические доказательства существования трех баз египетского морского флота, что упомянутую гипотезу уже давно перестали рассматривать всерьез. Речь идет о портах в Айн Сухна (порт открыт при Хефрене и функционировал до конца Среднего царства), Вади ал-Джарф (времен Хеопса)[45] и в Мерса/Вади Гавасис (эпохи Среднего царства)[46]. Египтяне осуществляли морскую навигацию на кораблях, которые строились из азиатского дерева или просто приобретались у ханаанеев. Любой деревянный корабль, приспособленный для плаваний по морю, будь то Средиземному или же Красному, назывался поэтому kbnt/*кебенет*, то есть «библский»[47]. Одно из египетских названий Ханаана и его населения — «*фенехуу*» (то есть «плотники»), известное еще из Текстов пирамид VI–VIII династий, пережило века и вошло в греческий язык под названием «Финикия».

Сам Клод Вандерслейен все доводы о морских путешествиях египтян отметает. Однако когда читатель стремится узнать надежные основания его упрямства и скепсиса, то есть ссылки на источники или строгую логику в аргументации, в большинстве случаев он видит унылую и разочаровывающую ссылку на статьи Алессандры Нибби или самого Вандерслейена. Между тем подходы Нибби еще более условны.

---

[43] Впрочем, вторая книга является лишь расширенным и дополненным переизданием первой: Vandersleyen C. Ouadj our *w3ḏ wr*. Un autre aspect de la vallée du Nil. Bruxelles, 1999; Vandersleyen C. Le delta et la vallée du Nil. Le sens de ouadj our (*w3ḏ wr*). Bruxelles, 2008.

[44] Последний свод источников о плаваниях в страну Пунт из порта Мерса Гавасис: Breyer F. Punt. Die Suche nach dem «Gottesland». Leiden; Boston, 2016, 19, 25–26, 42–55, 603–620 (Dok. 8–26). Термин *w3ḏ wr* «море» упоминается на одной стеле из Мерса Гавасис (Ibidem, 66–70).

[45] Tallet P. Ayn Sukhna and Wadi el-Jarf: Two Newly Discovered Pharaonic Harbours on the Suez Gulf // British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan, 2012, 18, 147–168; Tallet, P. Marouard, G. Der Hafen des Cheops am Wadi el-Jarf // Sokar 35, 2017, 14–27.

[46] Bard K. A., Fattovich R. (eds.) Harbor of the Pharaohs to the Land of Punt. Archaeological Investigations at Mersa/Wadi Gawasis, Egypt, 2001–2005. Napoli, 2007; Bard K. A., Fattovich R. The Middle Kingdom Red Sea Harbor at Mersa/Wadi Gawasis // JARCE, 2011, 47, 105–129; Bard K. A., Fattovich R., Manzo A. The ancient harbor at Mersa/Wadi Gawasis and how to get there: new evidence of Pharaonic seafaring expeditions in the Red Sea // Desert road archaeology in Ancient Egypt and beyond / F. Förster, H. Riemer (eds). Köln, 2013, 533–556; Bard K.A., Fattovich R. Seafaring Expeditions to Punt in the Middle Kingdom: Excavations at Mersa/Wadi Gawasis, Egypt. Leiden, 2018.

[47] В поздние времена египетской истории термином *кебенут* (*библские*) называли уже греческие триремы (Darnell J. C. The *kbn.wt* Vessels of the Late Period // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / ed. J. H. Johnson. Chicago, 1992 (SAOC 51), 67–89) как корабли, предназначенные для морского и океанского плавания, — хотя, конечно, строили их отнюдь не в Финикии.

Одним из аргументов Нибби был, в частности, тезис о том, что тоннаж египетских судов не позволял им совершать дальние морские плавания. Эта якобы экспертная оценка тоннажа может произвести впечатление на массового читателя, падкого на идеи, ниспровергающие устойчивые исторические мифы и охваченные вольтерьянским пылом борьбы с «официальной наукой». На самом деле никакой официальной науки не существует в природе, а стремление ниспровергать «мифы» у Нибби регулировалось отсутствием элементарных знаний и методов интерпретации источников — как известно, тщеславие выбирает для реализации амбиций самый легкий путь — через дилетантизм. Чем напористей невежество, тем больше шансов у революционера науки сбить с ног пытливого читателя массированными аргументами, которые на деле являются плодами воображения автора.

В реальности тоннаж египетских судов позволял им совершать рейды на далекие расстояния. Египтяне еще в эпоху Древнего царства достигали Леванта по Средиземному морю, а Синая и Пунта — по Красному. Нет оснований думать, что путешествия на Синай они совершали пешком, караванными путями — военные отряды в экспедициях целиком состояли из моряков.

О зыбкости метода Алессандры Нибби, всю жизнь посвятившей ниспровержению устоявшихся научных представлений об ойкумене древних египтян, свидетельствует и такой пример. В знаменитом Дахшурском декрете времен VI династии упоминаются нубийцы-наемники, которые, ожидая переброски своего контингента в Азию в составе большой экспедиционной армии во главе со знаменитым Уни, дислоцировались в городе при пирамиде царя Снофру. Не будучи специалистом в области истории Древнего царства, А. Нибби использовала этот текст в доказательство того, что нубийцы всегда жили в Нижнем Египте, да и вся их страна Йам находилась в Северо-Западном Египте (Nibbi, 1982a)[48]. Таким образом, следуя фарватеру ее незамысловатого источниковедческого метода, в Нижнем Египте помимо самих египтян сгрудились не только ливийцы, Ливан, его население-*ааму* вместе с городами, но и нубийцы, а при Рамессидах к ним каким-то образом присовокупились еще и «народы моря» («народы Севера» в терминологии Вандерслейена).

Между тем современное «Ливия» как раз и происходит, через греческий, от египетского этнонима *rbw*/*ребу*, а «Ливан» — соответственно от егип. rmnn/rbrn/rmrn/*ременен*. Однако Нибби и *ременен* «Ливан», и *kbn/kpnj/kpn*/*кебен* «Библ» помещала в нильской Дельте, что позволило другим исследователям обвинить ее в занятиях «альтернативной географией»[49]. Надо добавить, что топоним *ременен* «Ливан» египтяне употребляли уже в эпоху Среднего царства, по крайней мере со времен Сенусерта III[50], и недавно об этом появилось первое красноречивое свидетельство — надпись

[48] Судя по упоминанию этой работы в книге Вандерслейена (при анализе вопроса о происхождении имени царя Нехси, правившего в Дельте), он отнесся с одобрением и к этой вздорной «интерпретации» Нибби.

[49] См. рец.: Kitchen, K. Review of «Ancient Egypt and Some Eastern Neighbors», by Alessandra Nibbi // Palestine Exploration Quarterly, 1983, 115 78; Olson S. L. Review: Nibbi's «Ancient Byblos Reconsidered» // The Jewish Quarterly Review, New Series, 78, 3/4 (Jan.–Apr., 1988), 323–32; и др.

[50] Altenmüller H. Zwei Annalenfragmente aus dem frühen Mittleren Reich. Hamburg, 2015, 26. — Людвиг Моренц (Morenz L. Die bisher ältesten ägyptischen Belege für den Libanon: Ein Beitrag zum geographischen Wissen der Ägypter im frühen 2. Jt. V. Chr // OLP, 2005, 31, 25–35) попытался разглядеть топоним *rmn*(*n*)/*ремен(ен)* еще и в Поучении Мерикара E 82–84 и в Сетованиях Ипувера 3, 6–8, что маловероятно. Кстати, последнее произведение, скорее всего, возникло уже при XIII династии, то есть позже самого раннего упоминания «Ливана» в египетских источниках.

«начальника экспедиции моряков» Хнумхотепа III в его гробнице в Дахшуре. Фрагменты надписи были открыты еще в 1894 году, но реконструирована и опубликована она была уже в XXI веке. Адмирал повествует об экспедиции в Левант и сообщает множество важных исторических сведений о политической жизни городов древнего Ливана[51].

Равно несуразным выглядит и тезис Вандерслейена о локализации «народов моря». Отрицая то, что терминами pA-jm/*па-иам* и *уадж-ур* обозначали море, ученый считает, что и шерданы из *па-иам* — это шерданы, осевшие в Дельте. Но тогда куда «селить» остальные «народы моря»? По этому поводу у него тоже есть свое объяснение: «“Народы Севера” не обязательно должны были высадиться в Киренаике, чтобы присоединиться к “ливийцам” и достичь Дельты с запада, пройдя вдоль Средиземного моря; возможно, они пришли из Азии, как и те племена, с которыми сражался Рамсес III». Таким образом, Вандерслейен оставшиеся «народы моря» размещает в Палестине, но как они ухитрялись в течение двух тысячелетий скрываться в Азии и в Дельте и при этом избежать попадания в египетские источники, он не объясняет. Все эти странные перемещения народов были затеяны им лишь в подтверждение своего тезиса о том, что терминами *па-иам* и *уадж-ур* египтяне обозначали не море, а Дельту и Нил.

Не менее свободно Вандерслейен обращается и с азиатскими топонимами, в огромном количестве засвидетельствованными в источниках[52], многие из которых он (со ссылкой опять же на работы Нибби) успешно объявляет собственно египетскими топонимами (включая Речену и пр.). Его рвение по исправлению локализации азиатских топонимов часто доходит до абсурда. Так, при анализе топонимов в отчете Рамсеса III о бедствиях, чинимых «народами моря», Вандерслейен отрицает отождествление Хета, Кеди, Каркемиша, Ирчу, Ирсы с регионами Малой Азии и прилегающими сирийскими областями и даже Каркемиш помещает в Палестину. Но Каркемиш — единственный из всех мест город, который четко локализуется в Северной Сирии, на границе с Турцией, поэтому, зная это, но оказавшись в безвыходной ситуации, Вандерслейен ставит риторический вопрос: «Может быть, это название нескольких городов?» Чтобы свести концы с концами в своей теории, в разных местах своего повествования он выявляет не только два Каркемиша, но и два Библа, два Нахарина и два Крита (егип. Кефти, второй топоним Кефти он помещает опять же на карте Палестины). Но с таким подходом можно пересмотреть маршруты не только войн египтян с «народами моря», но и походов Наполеона, поместив весь театр военных действий императора, скажем,

[51] Allen J. P. The Historical Inscription of Khnumhotep at Dahshur: Preliminary Report // BASOR, 352 (Nov., 2008), 29–39; Allen J. P. L’inscription historique de Khnoumhotep à Dahchour // BSFE, 173 (March 2009), 13–31.

[52] Одним из последних достижений в области локализации азиатских топонимов стало открытие нового упоминания Израиля в списке на давно известном блоке из Египетского музея в Берлине (Berlin, Ägyptisches Museum, 21687; из последних работ см.: van der Veen P., Theis Chr., Görg M. Israel in Canaan (long) before Pharaoh Merenptah? A fresh look at Berlin statue pedestal relief 21687 // Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 2010, 2 (4), 15–25; van der Veen Peter G., Zwickel W. Die neue Israel-Inschrift und ihre historischen Implikationen // «Vom Leben umfangen». Ägypten, das Alte Testament und das Gespräch der Religionen. Gedenkschrift für Manfred Görg. G. Gafus, S. Wimmer (hrsg.), Münster, 2014, 425–434, и др.). Исследователи реконструируют его в форме *jꜣšꜣjr*/*Иашаир* = «Израиль», а блок датируют правлением Аменхотепа II. Таким образом, древность топонима «Израиль» оказывается отодвинутой на 200 лет назад — до недавнего времени самым ранним считалось упоминание Израиля в форме *jsrjꜣr*/*Исриар* на знаменитой Стеле Израиля от 5-го года правления фараона Мернептаха (KRI IV, 19, 7), которой посвящено огромное количество публикаций. Впрочем, новейшая идентификация еще должна выдержать проверку временем, ср. сомнения: Weippert M. Historisches Textbuch zum Alten Testament. Mit Beiträgen von Joachim Friedrich Quack, Bernd Ulrich Schipper und Stefan Jakob Wimmer. Göttingen, 2011, 169, Anm. 149.

на территории современной Бельгии, а все европейские топонимы соответственно заменив на бельгийские же дубликаты, представив в итоге Бельгию Европой в миниатюре.

Беспочвенными были и возражения Вандерслейена относительно традиционного отождествления Вавилона и египетского «Сангара» (Helck, 1971, 278), который, как он считал, «находился намного западнее, вероятно в районе Оронта». Точка в колебаниях по поводу тождества Сангар = Вавилон была поставлена благодаря необычной находке — печати из Армении (в настоящее время она хранится в музее-заповеднике «Мецамор»), на которой титулатура касситского царя Куригальзу была вырезана египетскими иероглифами; он назван «князем Сангара» (то есть Сеннаара Септуагинты и Сенаара русской синодальной Библии), в данном случае — Вавилона. Об этом факте широкой научной общественности было известно уже давно[53], так что на мнение Вандерслейена мало кто обратил внимание. В новом издании списков топонимов в заупокойном храме Аменхотепа III Эльмар Эдель и Манфред Гёрг все же оценили локализации Вандерслейена, не без ехидства заклеймив его позицию как «бездоказательный “агностицизм”» («der ungerechtfertigte “Agnostizismus”»), а рвение Нибби доказать местонахождение Нахарины в Дельте — как «манию переноса» («Verlegungshysterie»)[54].

Все опыты ученого по смене локализации связаны со стремлением сохранить в целости изначально обреченную теорию Нибби–Вандерслейена, суть которой заключается в безоговорочном отрицании морской навигации у египтян и их контактов с Азией до начала XVIII династии. Как он работает с письменными источниками для доказательства своего тезиса, мы уже убедились. Но как же быть с археологией, с огромной массой импортных предметов материальной культуры? Между тем, по мнению Вандерслейена, обнаружение в Финикии (Эбле, Библе, Угарите и др.) египетских предметов не является надежным свидетельством отношений между Египтом и этими городами: «неизвестно, кто и почему мог доставить сюда эту движимость». Действительно, при таком подходе любые признаки присутствия египтян в Азии можно объявить бурным развитием

[53] Ханзадян Э. В., Пиотровский Б. Б. Цилиндрическая печать с древнеегипетской иероглифической надписью из Мецаморского могильника // Историко-филологический журнал, 4 (107), 1984, 60–65, рис. 1; Görg M. Zu einem Siegel mit dem Namen Kurigalzus von Babylonien in Hieroglyphen // Görg M. Beiträge zur Geschichte der Anfänge Israels. Dokumente — Materialien — Notizen (ÄAT 2). Wiesbaden, 1989, 88–89. — Манфред Гёрг ознакомился с редкой советской статьей благодаря оттиску, переданному ему самим Б. Б. Пиотровским, поэтому в обеих публикациях воспроизведена одна и та же транскрипция надписи. Титул Куригальзу во всех публикациях, однако, воспроизведен неверно, а в сравнительно недавней статье (van der Veen P., Theis Chr., Görg M. Israel in Canaan (long) before Pharaoh Merenptah? A fresh look at Berlin statue pedestal relief 21687 // Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 2010, 2 (4), 18) даже эта транскрипция была искажена настолько, что совершенно утратила вразумительный вид. Обычно титул царя читают либо как «Начальник великой страны Сангар» (как в первой журнальной публикации), либо как *Mr n Sngr* «Herrscher von Babylonien» (как в книге М. Гёрга), либо как «Great leader of Sangar» (как в статье 2010 года). Однако египтяне никогда не называли чужеземных правителей «начальниками», а слитное сочетание «великий начальник» (*ими-ра ур*) вообще было чуждо даже собственно египетской должностной номенклатуре. Вопрос должен решаться просто. Изготовитель этой транскрипции неправильно воспроизвел первый знак: он выписал знак «сова» (*m*/*м*) вместо иероглифа «ласточка» (*wr*/*ур*) (видно на фотографии в статье: Ханзадян Э. В. Мецаморский одиннадцатый курган и печать царя Куригальзу // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Ереван, 17–18 ноября, 2003. Эчмиадзин, 2003, 97, рис. 2). Идущий следом иероглиф, который все читают как эпитет «великий» к титулу «начальник» (*ими-ра*), на самом деле является идеограммой-детерминативом «старый или почтенный человек» (*ур*). Таким образом, титул Куригальзу следует читать стереотипно, как «великий» (*ур*), что значит «князь» или «царь»; а полностью он звучит так: «князь (или царь) страны Сангар» (*wr n*(*j*) *s3ngr* / *ур ни сангер*).

[54] Edel E., Görg M. Ortsnamenlisten im nördlichen Säulenhof des Totentempels Amenophis’ III. Wiesbaden, 2005, 141–143.

посреднических внешнеторговых отношений. Даже если объектов египетской материальной культуры в Азии найдется несколько тонн, можно представить дело так, что вся эта масса импорта прошла транзитом через ближайших соседей египтян до городов Палестины и Ливана. В результате «надежные свидетельства» контактов египтян с Палестиной и Сирией Вандерслейен фиксирует лишь при Тутмосе I.

Однако такой, казалось бы, беспроигрышной методологической тактике мешает одно обстоятельство: многие памятники иероглифической письменности, найденные в Библе, были составлены самими азиатами (прежде всего князьями)[55], причем найдены они в достаточном количестве и исключительно содержательны. Более того, в них используется фразеология и титулы, которые самими египтянами употреблялись в отношении своих азиатских соседей крайне редко. Азиаты либо переводили свои титулы на египетский, либо формулировали их, исходя из египетских представлений о ханаанеях как вассалах Египта, то есть писали «под диктовку» представителей египетской власти в своих городах. Тексты позволяют зафиксировать установление сюзеренитета Египта над Библом уже при VI династии, а новые источники значительно расширили круг наших знаний не только о контактах египтян с Ливаном и Палестиной, но и о египетском мореплавании. До гиксосского нашествия египтяне не воспринимали ни азиатскую культуру, ни самих азиатов как носителей культуры или технических достижений. Крайне скудные данные позволяют допустить, что ханаанеев могли использовать на военной службе как военачальников в эпоху Древнего царства и в I Переходный период. В эпоху Среднего царства даже как рабы азиаты ценились низко, а возможности карьеры финикийца в Египте как военного или мастера были предельно низкими и зависели от его изначального социального статуса у себя на родине[56].

Но после 100-летнего владычества гиксосов Египет оказался насыщен азиатской культурой, обычаями и бытом. От этого бремени, привнесенного извне, было уже не избавиться. В начале XVIII династии наступает апогей египетско-финикийских взаимоотношений. Таким образом, Вандерслейен фиксирует зарождение контактов египтян с Азией в тот момент, когда уже была недалека пора подведения итогов этих контактов. Вся дальнейшая история XVIII династии — это борьба египетского культурного начала с новой тенденцией, порожденной азиатским господством — маниакальной практикой тиража образа и славы царя, которая на египетской почве приобрела титанические масштабы. Именно гиксосы, к примеру, породили традицию замены царских имен на чужих памятниках своими[57], которая была продолжена Тутмосом III, Хоремхебом и Рамесси-

---

[55] Новый обзор хронологических корреляций конца XII–XIII династий на основании египетских надписей, составленных князьями Библа: Kopetzky K. Some Remarks on the Relations between Egypt and the Levant during the late Middle Kingdom and Second Intermediate Period // G. Miniaci, W. Grajetzki (eds.). The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC). Contributions on archaeology, art, religion, and written sources, II. London: Middle Kingdom Studies 2, 2016, 143–159.

[56] Обзоры египетско-левантийских отношений в эпоху Среднего царства: Wastlhuber Chr. Die Beziehungen zwischen Ägypten und der Levante während der 12. Dynastie — Ökonomie und Prestige in Außenpolitik und Handel. Inauguraldissertation. München, 2011; Mourad A.-L. Rise of the Hyksos. Egypt and the Levant from the Middle Kingdom to the Early Second Intermediate Period. Sydney, 2014. Детальный анализ всех источников об азиатах в Египте в 1-й половине II тыс. до н. э.: Schneider T. Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit. Teil 1: Die ausländischen Könige. Wiesbaden, 1998; Schneider T. Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit, 2: Die ausländische Bevölkerung. Wiesbaden, 2003.

[57] Forstner-Müller I., Müller W., Radner K. Statuen in Verbannung: ägyptischer Statuenexport in den Vorderen Orient unter Amenophis III und IV // Ägypten und Levante, 2002, 12, 160. — Например, знаменитые грандиоритовые сфинксы Аменемхета III с Восточной Дельты (Каир, CG 393–394, 530,

дами. Реформатором-реакционером пыталась выступить царица Хатшепсут. Обычно эту фигуру упоминают как эталон женщины-политика — крайне редкий типаж в истории Древнего Египта вплоть до времен Клеопатры VII. Мало того, она еще и отстранила на долгое время от престола своего пасынка, который впоследствии показал себя исключительно талантливым военным деятелем. И все же главная ее заслуга была иной — Хатшепсут на 20 лет повернула поток египетской культуры в русло догиксосской традиции. Происходит невиданный взлет повествовательного жанра на чистом, классическом языке. Тем не менее после военных кампаний Тутмоса III и закрепления позиций в Ханаане интеграция азиатской культуры пошла еще более интенсивно.

Приход к власти XIX династии превратил Египет уже фактически в державу азиатского типа. Различий между египтянами и азиатами на службе фараона уже не было никаких. Египет стал империей — египетская культура проникла в жизнь всех окрестных государств вплоть до Вавилона, а в самом Египте высшие административные и военные должности могли занимать ханааней, хетты и хурриты. При Рамсесе III военная и торговая экспансия египтян в восточном, северном и южном направлениях завершилась. Казалось бы, победоносные войны с «народами моря» и ливийцами должны были способствовать укреплению позиций египтян в Ханаане. Однако случилось обратное. Именно при Рамсесе III состоялась последняя известная экспедиция в страну Пунт[58]. Тогда же стали приходить в упадок караванные пути, о чем свидетельствуют открытия, сделанные совсем недавно. В конце 2010 года в окрестностях оазиса Тейма в Саудовской Аравии была найдена наскальная надпись с картушами Рамсеса III. Предполагается, что Тейма служила пунктом транзитной торговли между Египтом и Северо-Восточным Хиджазом. Караванный путь, согласно реконструкции египтологов, шел от Красноморского побережья через Синай и Южный Негев (согласно схожим надписям в Абу Гаде и Семилат Радади)[59]. Эти события знаменуют последний всплеск внешнеторговой активности египтян к исходу Нового царства[60].

Таков краткий перечень последних открытий в Египте, немного дополняющих содержание этой книги. В заключение отметим, что переводы египетских текстов, цитируемых в книге Вандерслейена, сделаны с французского, — в этом, как и во многом другом (за исключением исправления явных опечаток в оригинале), пришлось следовать правилам текстологии.

Иван Богданов,
Владимир Большаков

1243) были узурпированы впоследствии один за другим еще четырьмя царями — гиксосом Апопи, Рамсесом II, Мернептахом и Псусеннесом I, еще один (музей Исмаилии) — только Апопи и Рамсесом II (Verbovsek A. Die sogenannten Hyksosmonumente. Eine archäologische Standortbestimmung. Wiesbaden, 2006, 70–71, 164–173). Хотя имена и титулы Апопи были впоследствии почти полностью уничтожены, именно его следует признать зачинателем этой «традиции».

[58] Tallet P. Deux notes sur les Expéditions au Pays de Pount à la lumière de nouvelles données archéologiques // RdE 64, 2013, 198–209.

[59] Somaglino C., Tallet P. A road to the Arabian Peninsula in the reign of Ramesses III // Desert Road Archaeology in Ancient Egypt and beyond / F. Förster & H. Riemer (eds). Köln, 2013, 511–518.

[60] О культуре расписной керамики Курайии, распространенной, помимо прочего, в Хиджазе, и несущей следы египетского влияния, см.: Sperveslage G. Intercultural contacts between Egypt and the Arabian Peninsula at the turn of the 2nd to the 1st millennium BCE // Dynamics of Production in the Ancient Near East 1300–500 BC (ed. by Juan Carlos Moreno García). Oxford; Philadelphia, 2016, 310–312. Эта культура датируется самое раннее — концом XIV, самое позднее — XI вв. до н. э. (Singer-Avitz L. The Date of the Qurayyah Painted Ware in the Southern Levant // Antiguo Oriente 12, Buenos Aires, 2014, 123–148). О контактах Египта и Аравии в I тыс. до н. э.: Sperveslage, op. cit., 312–325.

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего я хотел бы поблагодарить профессора Жана Веркуттера, который поверил в меня и предложил создать этот труд. Мне помогали коллеги, бывшие ученики и друзья: Джон Харрис, Жан-Мари Крактен, Ян Кажбёр, Кристиан Каннюийе, Тьерри де Пюттер, Люк и Марк Габольды, Жак ван Схунвинкел, Робер Верньё, Жан Винан. Особенно ценной оказалась помощь Анн-Лор Остхук и Клода Обсомера. Надин Шерпьон взяла на себя труд прочитать последний вариант рукописи, что позволило исправить много ошибок. Составлением карт я обязан терпению Жаклин Майё. Наконец, Бетти Вотьер в течение всей долгой работы над книгой превращала черновики в связные тексты, без устали перечитывая и исправляя рукопись. Я благодарен им всем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга охватывает тот период длительной истории Египта, от которого сохранилось наибольшее количество источников, прямых и косвенных. Можно даже сказать, что этот комплекс материалов выглядит гигантским по объему. Между тем они далеко не всегда позволяют делать определенные выводы — вопросов возникает больше. Хотя этот временной отрезок длиннее того, что отделяет Карла Великого от Наполеона, историкам современности богатая источниковедческая база покажется скудной.

Основой и стержнем истории являются хронология и география, — именно им мы отдавали приоритет в наших изысканиях и логике изложения событий.

Так как последовательность правления царей — самая надежная путеводная нить в путешествии по времени, история каждого царствования изложена отдельно, в хронологическом порядке, но без всякого соотнесения с абсолютной хронологией. Многочисленные исследования, в которых предпринимались попытки установить надежные временные рамки правления царей или хотя бы сроки существования династий, до сих пор не дали точных или по крайней мере не противоречащих друг другу результатов. Более того, те данные, которые считались неоспоримыми, в очередной раз были поставлены под сомнение. Приблизительные датировки,

указанные в этой книге, являются результатом своеобразного компромисса между традиционными датировками, принятой здесь продолжительностью правления царей и позицией автора в отношении возможных соправлений при XII и XVIII династиях.

Еще более важны проблемы географического характера. Речь главным образом идет о географии соседних с Египтом регионов. Такие факторы, как площадь чужеземных стран и их локализация, равно как и локализация многочисленных топонимов, влияют на оценку деятельности царей в большей мере, чем данные по абсолютной хронологии, особенно с учетом того, что в эти времена трон занимали такие фараоны-воители, как Сенусерт III, Тутмос I, Тутмос III и Рамсес II. Между тем в этой области исторического знания выдвинутые некогда гипотезы зачастую принимаются за истину, хотя они противоречат источникам и новейшим исследованиям, которые должны были по крайней мере заставить современных историков задуматься. Наиболее показательный пример — идентификация топонима «*mw-ḳd/Му-кед*»: одни ученые отождествляют его с Евфратом, другие — с Красным морем или Индийским океаном, тогда как речь, вероятно, идет об участке Нила в районе четвертого порога, где река течет с северо-востока на юго-запад. Вопросы географического характера подверглись поэтому особо тщательному изучению, и предложенные ответы во многих случаях заметно отличаются от общепринятых.

Представленная здесь история — это история царей; основное внимание уделено сражениям, произведениям искусства, князьям и представителям знати. Некоторые вопросы, такие как общественная жизнь и экономика, затронуты лишь попутно; это, конечно, достойно сожаления, но исследование самого сложного периода истории Египта является настолько масштабной задачей, что мы ограничились рассмотрением лишь основных вопросов, чтобы написание книги не затянулось сверх всякой меры. Основная цель данного труда — установление надежных, соответствующих современному состоянию исторического знания хронологических и географических рамок как основы для будущих исследований.

Египетский календарь

Египетский год делится на три сезона — *ахет, перет и шему,* теоретически соответствующих половодью, зиме и лету. Каждый сезон состоит из четырех месяцев, по тридцать дней каждый. К этим 360 дням добавляются пять дополнительных «эпагоменальных» дней — между окончанием сезона *шему* и началом сезона *ахет*. Временной разрыв между египетскими и нашими временами года непрерывно увеличивался из-за того, что в египетском каледаре ежегодно «пропадала» четверть суток (о сотическом цикле см. с. 206–207). Эти вопросы были подробно рассмотрены Жаном Веркуттером в первом томе (Vercoutter, 1992, I, 72–82).

Транслитерация египетских слов

Египетские слова даются главным образом во «французском произношении», а не в научном написании, дабы не сбивать с толку неспециалистов. К тому же в томе I (Vercoutter, 1992, 63–72) Жан Веркуттер обстоятельно изложил вопросы, связанные с языком и письменностью Древнего Египта; в частности, он коснулся и принципов транскрипции.

Часть первая

I ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (С КОНЦА VIII ДИНАСТИИ) И XI ДИНАСТИЯ (ок. 2160–1994 годов до н. э.)

Глава I
РУБЕЖ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕГО ЦАРСТВ

Промежуток времени, отделяющий Древнее царство от Среднего, принято называть I Переходным периодом[1]. Он начался с угасанием VI династия и закончился, когда Ментухотепу II из XI династии удалось подчинить всю страну. Оба Переходных периода — благодаря чему они и получили такое название — характеризуются прежде всего малочисленностью памятников, особенно царских, число которых при трех великих египетских царствах, напротив, было преобладающим. Из-за отсутствия источников мы сравнительно мало знаем о данных периодах. И все же I Переходный период не является плодом «современных измышлений». Известно, что в древних списках, авторы которых единодушны по поводу «великих эпох», переходные периоды либо обходятся молчанием, либо сведения о них излагаются весьма кратко. К тому же те, кто стоял у истоков великих эпох, или основатели значительных династий получили известность благодаря посмертному культу — следовательно, они были заметными фигурами, о которых остались благоприятные воспоминания. Так, Яхмос, Ментухотеп II и Менес представлены

[1] К I Переходному периоду традиционно относят время правления VII, VIII, IX и X династий. История VII и VIII династий включена в том I, поскольку они тесно связаны с Древним царством.

в процессии царских статуй в Рамессеуме[2] — наглядное свидетельство того, что египтяне были прекрасно осведомлены о прошлом своей страны. В течение II и III Переходных периодов культура — этот великолепный барометр состояния государства и нации — не порывала с традициями прошлого, и самостоятельных направлений в ней не возникало. Культура I Переходного периода, напротив, одновременно весьма характерна и однородна в своих «контрпринципах»: отсюда следует, что этот отрезок времени должен был рассматриваться как нечто особое, совершенно не похожее на соседние эпохи. Новый стиль появился уже при VI династии и был в ходу еще достаточно долго, захватив значительную часть царствования XI династии. Таким образом, прямой стыковки от Древнего царства к Среднему нет и термин «переходный период» вполне оправдан.

I Переходный период можно разделить на две части. Ранний его этап представляют VII и VIII династии — кем бы ни были их представители — наследники государства с центром в Мемфисе, то есть Древнего царства. Затем страна раскололась: на севере возникло царство со столицей в Гераклеополе (по-египетски Хутненнесу; сегодня — Ихнасийя эль-Медина, к югу от Файюма), тогда как на юге появляются владения более или менее независимых номархов, в частности тех, что впоследствии создадут XI династию с центром в Фивах и объединят страну под своей властью.

Эпитоматоры Манефона (Manetho, 61–63) упоминают две гераклеопольские династии: IX и X. Поскольку *Туринский царский папирус* (далее *П. Турин*)[3] — единственный источник, позволяющий проверить Манефона — содержит только один перечень имен, который может относиться к ним обеим, а документы той эпохи не позволяют установить, какие события произошли при той или иной династии, мы будем использовать термин «IX/X династия»[4].

---

[2] LD III, 163; II, 434 (10) I, 1; Redford, 1986a, 34–35; Gestermann, 1987, 30.

[3] Gardiner, 1959; только иероглифический текст: KRI II, 827–844; см. также: Redford, 1986a, 1–18.

[4] Схожей позиции придерживаются В. Шенкель (Schenkel, 1962, 139–160), Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1966, 13; LÄ II, 1128) и Д. Лортон (Lorton, 1987b). Однако Э. Броварски (Brovarski, LÄ IV, 307–310) и Д. Спенел (Spanel, 1985, 248, n. 10; 1984b, 91, n. 3 (а еще раньше В. Барта (Barta, 1983b, 31–33) и Г. Дж. Фишер (Fischer, 1964, 1968)) хотят разделить эти две династии. Их диссертации (обе 1984 года) оказались мне недоступны, однако, судя по двум развернутым примечаниям Д. Спенела и двум трудам Г. Дж. Фишера, на которые он ссылается, мне кажется, что ни один документ и ни одна дискуссия о хронологии не позволяют уверенно отнести какое-либо историческое лицо к IX или X династии. Попытка объяснить расхождения между Манефоном и Туринским папирусом была предпринята Я. Малеком (Malek, 1982; ср., однако: Barta, 1983b, 11–13).

Глава II
ГЕРАКЛЕОПОЛИТЫ (IX/X ДИНАСТИЯ) И ФИВАНЦЫ (XI ДИНАСТИЯ)

КОНЕЦ VIII ДИНАСТИИ И НАЧАЛО I ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Мы ничего не знаем о том, при каких условиях трон занял род гераклеопольских правителей (IX/X династии), наследовавших мемфисским царям (VIII династия). Очевидно, их воцарение стало возможным вследствие слабости мемфисцев, однако власть гераклеополитов была ограниченной, и им так и не удалось подчинить себе весь Египет[5]. Любопытно, не произошло ли возвышение фиванского рода, которой станет называться XI династией, одновременно с тем, когда гераклеополиты устранили мемфисских царей? Впрочем, древнейшие представители фиванского семейства известны только по упоминаниям, сделанным их победоносными потомками. Политические трения и военные столкновения между двумя «лагерями», картину которых пытаются восстановить историки, вероятно, носили локальный характер и имели

[5] Нет никаких следов их присутствия южнее Тинисского (8-го) нома (ср.: Martin-Pardey, LÄ VI, 1440–1441, n. 1; Gomaà, 1980, 131), если не считать загадочного упоминания некоего царя Неферкара (?) в гробнице Анхтифи.

место лишь в поздний период — так, словно гераклеопольская политическая реальность сформировалась независимо от фиванской и два «блока» вступили в контакт только тогда, когда зоны их влияния расширились и соприкоснулись друг с другом. В самом деле, до этого времени в пространстве между двумя государствами существовал политический вакуум, заполняемый активностью номархов: последние, пользуясь сложными обстоятельствами и отсутствием центральной власти, действовали совершенно независимо.

ГЕРАКЛЕОПОЛИТЫ. Ок. 2160–2137 годов до н. э.

Согласно Манефону, основатель гераклеопольской[6] династии по имени Ахтой (Хети) «правил с большей жестокостью, чем его предшественники, причиняя несчастья жителям всего Египта. Наконец, он обезумел и погиб в пасти крокодила» (Manetho, 61). *П. Турин* не сохранил имени этого первого царя. В папирусе упоминаются три других царя по имени Хети, но имена 11 из 18 царей, представлявших IX/X династии, в нем отсутствуют (1–2 и 10–18)[7].

Наиболее подробные сведения об этом периоде содержатся в *Поучении Мерикара*[8]. Поскольку *Поучение* — литературный текст, историчность событий, о которых царю Мерикара поведал его отец — некий царь Хети[9], a priori вызывает сомнения. И все же нам следует использовать его: хотя у нас почти нет других источников, позволяющих прояснить ход событий, приводимые в *Поучении* сведения настолько правдоподобны, что они вполне могут быть подлинными.

Отец Мерикара упоминает царя, одного из своих предшественников, правление которого представляется ему апогеем этой династии; имя царя — Мери-[…]-Ра (E 74; Lopez, 1973, 180). Возможно, это царь Мерибра Хети, известный по считанным находкам[10].

---

[6] Гераклеополь — столица 20-го нома в Верхнем Египте; Gestermann, 1987, 103–106. Царский некрополь здесь до сих пор не найден; пирамида Мерикара локализуется в Саккара по данным титулатуры жрецов и чиновников.

[7] Handbuch, 61–62. — О других царях IX/X династии с именем Хети см. приблизительные выкладки В. Шенкеля (Schenkel, LÄ I, 945–947).

[8] Posener, LÄ III, 986–989 (подробная библиография); более углубленное исследование Э. Блюменталь (Blumenthal, 1980). — Частично комментированный перевод У. Уорда (Ward, 1971, 22–36). Есть новый перевод с транскрипцией и комментарием И. Ф. Квака (Quack, 1992). Текст цитируется в соответствии с П. Эрмитаж 1116А (поэтому и используется аббревиатура E (Ermitage), которая соответствует P (Petersburg) в издании В. Хелька, использующего другую нумерацию (Helck, 1977a)). Анализ интерпретаций древних текстов сделан Г. Бьёркманом (Björkman, 1964). О суровости эпохи и обязанностях царя см.: Derchain, 1989.

[9] Окончание имени Хети сохранилось в Петербургском папирусе (П. Эрмитаж 1116А, ср.: Helck, 1977a, 3; Posener, 1962, 264). Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1966, 20) предполагает, что речь идет о царе Небкаура Хети. Эту версию он, однако, не воспроизводит в LÄ II, 1128. Принятое ранее отождествление этого царя с Уахкара Хети лишено оснований.

[10] Handbuch 62, e; MHT § 47–50: бронзовая жаровня из Асьюта (Лувр); скарабей (Лувр); фрагмент шкатулки из слоновой кости из Лишта (Нью Йорк, MMA); эбеновая трость из Меира (Каир).

Он мог быть (хотя это не доказано) основателем династии[11]. Отец Мерикара подчеркивает, что этот его энергичный предшественник не смог сделать того, что он, отец Мерикара, сделал впервые: захватить Тинис и часть Тинисского нома. Дальше гераклеополиты на юг не продвинулись. Захваченной территорией они владели недолго: царь раскаивается и уверяет, что понес наказание (E 119–123). Впрочем, в дальнейшем его отношения с Югом были мирными и добрососедскими: Юг посылал различные продукты и позволял провозить гранит, а взамен получал зерно в случае голода (E 76–78). Подлинная угроза исходила от северных кочевников (E 106–107). После боев за Тинис именно на Севере вспыхнуло восстание, руководитель которого вознамерился захватить Дельту[12]; вся ее южная оконечность была охвачена мятежом (E 81–82). Царь подавил восстание на западе, на востоке и в центре Дельты[13], после чего с запада стали поставляться разнообразные сорта дерева (E 82–85). Порядок в регионе восстановился, и он был вновь заселен; только с неуловимыми *ʿ3mw/ ааму*, которых следовало бы называть скорее «кочевниками», чем азиатами (это более узкое понятие), не могли справиться из-за их высокой подвижности. Занимаемые ими области были труднодоступны, несмотря на множество ведущих туда дорог, к тому же действовать там было нелегко из-за отсутствия воды и горного рельефа[14] (E 91–94). В тексте приводятся и другие подробности, касающиеся внутреннего устройства Дельты (E 98–103)[15].

Захват Тиниса и сопровождавшие его насильственные действия принято сопоставлять с событием, известным под названием «мятеж в Тинисе», который вспыхнул на 14-м году правления Ментухотепа II: следовательно, Мерикара жил после этой даты. Однако Интеф II, один из предшественников Ментухотепа, утверждал, что на 50-м — и последнем — году своего царствования он полностью завладел Тинисским номом. Он говорит так, как если бы Фивы завоевали его впервые. Ни отец Мерикара, ни Интеф II не сообщают, у кого они отвоевали Тинис. Возможно, город удерживался номархом, независимым от обоих царей[16].

---

[11] Нет также доказательств того, что и другой царь Хети, которому отец Мерикара приписывает некое «Поучение» (E 110), был первым в династической линии.

[12] Helck, 1977a, 51; М. Лихтхайм считает иначе (Lichtheim, 1975, 103).

[13] Центральная часть Дельты названа здесь «срединными островами». Это название использовали для обозначения данной области еще при царе Пийе (кушитская эпоха) (Grimal, 1981, 38, n. 88).

[14] Fischer-Elfert, 1986, 208. — В. Хельк и М. Лихтхайм переводят иначе (Helck, 1977a, 57; Lichtheim, 1975, 103–104).

[15] «Поучение Мерикара» изобилует сведениями о Дельте, однако толкования текста до сих пор заметно расходятся между собой, и смысл его установить трудно. В E 99, где, как можно было бы подумать, «пуповиной» между Горькими озерами и 22-м номом Верхнего Египта называется Вади Тумилат (Helck, 1977a; Goedicke, LÄ VI, 1125), речь идет, возможно, лишь о районе Атфиха, столицы 22-го нома, располагавшейся напротив Гераклеополя, и Файюма (Lichtheim). О проектах Мерикара по строительству оборонительных сооружений в Восточной Дельте, которые были реализованы лишь при Аменемхете I, см.: Shea, 1977.

[16] На своей стеле из Дендеры (Каир JE 46048) некий Хорнахти рассказывает, что он снабжал свой город зерном в течение 56 лет, когда велись военные действия с Тинисским номом. В. Шенкель с полным основанием помещает эту стелу среди недатированных текстов (Schenkel, 1965, MHT, № 177). Согласно У. К. Хейсу (Hayes, 1971, 477), Хорнахти был подданным Интефа II. Данный текст свидетельствует, что каждый ном мог рассчитывать только на себя, что ном Дендеры хорошо управлялся и не испытывал голода, поскольку в течение 56 лет не было недостатка в зерне, и наконец, о том, что латентная война, продолжительность которой намного превосходила длительность любого правления,

Таким образом, нет доказательств существования какой-либо связи между нападением отца Мерикара на Тинисский ном и «мятежом», случившимся там на 14-м году правления Ментухотепа II. С событиями, о которых поведал отец Мерикара, скорее, соотносится надпись Джари (МНТ, § 72; Lichtheim, 1988, 40–42), который сражался за Уаханх Интефа II против гераклеополитов, чтобы захватить Тинис. Джари вел войну против дома Хети[17] «на западе Тиниса», что может означать тинисский некрополь, Абидос. Отец Мерикара упоминает о том, что битва произошла в некрополе, и сожалеет, что причинил разрушения гробницам. Похоже, что именно этому кощунству он приписывает постигшие его неудачи, то есть, вероятно, потерю завоеваний (E 69–71). Хотепи из Эль-Каба, другой современник Интефа II, также свидетельствует о ситуации, которая сложилась в Тинисском номе: два его главных города — Тинис и Абидос — похоже, находились в разных руках (Gabra, 1976, 47, стр. 5 и 55). Отец Мерикара, таким образом, был современником скорее Уаханх Интефа II, чем Ментухотепа II, а восстание 14-го года стало лишь одним из волнений, сопровождавших установление власти фиванцев.

Сведения о политике гераклеополитов мы можем почерпнуть также из надписей номархов Асьюта (13-й ном) (Edel, 1984). Сам Мерикара — тот самый Мерикара из *Поучения* — упомянут в надписи номарха Хети II (von Beckerath, LÄ IV, 94). Как и *Поучение*, надпись посвящена событиям, произошедшим в конце правления династии: они достаточно хорошо исследованы, чтобы можно было констатировать их одновременность с правлением князей XI династии, которая в это время уже прочно утвердилась у власти и достигла расцвета. В этой длинной надписи, размещенной в гробнице (Сиут IV; Edel, 1984, 67–156; Franke, 1987), номарх Асьюта в почтительных выражениях говорит о царе Мерикара, вассалом которого открыто признает себя. Этот царь, видимо, лично прибыл из Гераклеополя с Хети II, чтобы возвести номарха на трон, но невозможно сказать, сопровождалось ли царское путешествие военной операцией и не был ли Хети скорее «восстановлен на престоле» в своем городе после бегства от врагов. Флот гераклеополитов дошел до Шас-хотепа, который находился в 5 км к югу от Асьюта и более чем 100 км к северу от Тиниса, что позволяет говорить о явном отступлении гераклеополитов. По некоторым фонетическим особенностям тексты из этой гробницы можно датировать началом правления Ментухотепа II (Schenkel, 1962, 145). Вероятно, Мерикара был последним царем X династии. Таким образом, правление X династии завершилось при Ментухотепе II, что хорошо соответствует той роли основоположника новой эпохи, которую ему приписывали египтяне. Падение X династии могло случиться как до, так и после тинисского «мятежа» 14-го года.

Один из последних гераклеопольских царей, о котором нам известно лишь то, что он носил имя Небкаура и был персонажем *Истории поселянина*[18], вероятно, являлся

была тягостной для жителей Дендерского нома и перед ними не стоял вопрос о том, кого поддерживать — Фивы или Гераклеополь.

[17] Прочтение этой надписи не является абсолютно точным; см. с. 14, примеч. 2.

[18] Lefebvre, 1949, 41–69; Fecht, LÄ I, 638–651 (подробная библиография); Faulkner // Simpson, 1973a, 31–49; Lichtheim, 1975, I, 169–184. — Время создания этого произведения является спорным, иногда его относят к концу XII династии (Vernus, 1990); А. Роккати (Roccati, 1993) приводит достаточно веские аргументы, позволяющие датировать его началом этой династии.

предшественником Мерикара. Надпись на гире из красной яшмы, найденной в Телль эр-Ретабе в Вади Тумилат, гласит, что он тоже звался Хети и, подобно отцу Мерикара, имел виды на Дельту[19].

НОМАРХИ ВРЕМЕН IX/X ДИНАСТИИ

Самая подробная информация о том периоде, когда номархи были независимыми, содержится в надписях гробницы Анхтифи в Моалла, бывшем Хефате, городе в 3-м номе (Нехенском) Верхнего Египта. Эти тексты — по счастью, весьма содержательные — посвящены истории Верхнего Египта от 8-го нома до Нубии. Здесь царили анархия и голод, против которых Анхтифи успешно боролся. Возникает очевидный вопрос: стал ли голод следствием политических беспорядков или же был вызван губительным капризом Нила, против которого правители оказались бессильны?[20] Мы не знаем также, охватило ли бедствие весь Египет или затронуло только южные номы, где плодородные равнины не столь обширны, как на севере. Анхтифи занимал высшие должности в гражданской, военной и религиозной сферах. Он был номархом не только своего, 3-го нома Верхнего Египта, но и 2-го нома (Эдфуского), куда, по его словам, был призван Хором (то есть самим богом?), чтобы восстановить порядок (МНТ, 45, n. 3)[21]. Его сила держалась на флоте и на войске, набранном в городе Моалла, который оставался центром его деятельности. Борясь с голодом, он отправлял ячмень как в 8-й ном (Тинисский), так и в первый (Элефантинский), и даже дальше, до Уауата в Нижней Нубии (МНТ, 54). Он диктовал свою волю территориям, простиравшимся вплоть до Тиниса (МНТ 48 B, C). Кроме того, Анхтифи призвали в Армант, которому угрожали 4-й и 5-й номы (МНТ 49 D). Он высадился на левом берегу, на землях 4-го нома (Фиванского), и с ним не отважились вступить в бой (МНТ, 50 I). Многочисленные горделивые выражения постоянно, словно рефрен, сопровождает фраза: «Я герой, которому нет равных». Таким образом, создается впечатление о его абсолютной независимости и полной свободе действий. Не возникает подозрения, что он выполняет чью-либо волю; нет ощущения, что на соседних территориях какие-либо группировки противостоят ему по политическим мотивам. Проблема состоит в том, к какому времени отнести его деятельность. Между тем на стене этой же гробницы, но в стороне от этих надписей исторического содержания, отмечено — в легенде к одной из сцен — имя царя *Неферкара* (МНТ 56–57, № 38)[22]. В *Туринском каноне* в списке царей гераклеопольского периода упоминается только один Неферкара, стоящий третьим. Однако новая хронологическая атрибуция одного

[19] Petrie, 1917, pl. 10 (9.2). — О присутствии гераклеополитов в Восточной Дельте: Bietak, 1984b, 322–324.

[20] Относительно возможного влияния климатических изменений на политические события см.: B. Bell, 1971; Vercoutter, 1985, особенно 328, n. 5–7. — О режиме Нила в эту эпоху см.: Butzer, 1976, 31, табл. 5.

[21] Другая интерпретация: Brovarski, 1970. — О титулах этого лица и разделении номов см.: Brovarski, 1976b, 34–36.

[22] Имя написано как Ра-ка-нефер — согласно Ю. фон Бекерату (Beckerath, 1984, Handbuch, 62, n. 12), это верхнеегипетский вариант. Об этом царе см.: Brovarski, 1976b, 36–37.

из фрагментов этого папируса привела к тому, что на шестом месте появился еще один гераклеопольский царь Неферкара (Gestermann, 1987, 18). К сожалению, имена всех гераклеопольских царей в этом папирусе, за исключением трех Хети, почти полностью уничтожены. Крайне лаконичное упоминание об этом «Неферкара» в гробнице Анхтифи контрастирует с тем, как сам Анхтифи похваляется своими должностями, властью и подвигами Такое краткое упоминание о царе не позволяет с уверенностью сказать, был ли он и в самом деле современником номарха и его сюзереном или жил до него (не исключено даже, что имеется в виду Пепи II). Поэтому оно не является достаточным доказательством того, что Анхтифи принадлежал к гераклеопольской «партии» и что 4-й и 5-й номы противостояли ей.

В надписи Хотепи из Эль-Каба, датируемой правлением Интефа II, рисуется картина, очень похожая на ту, что изображена в надписи Анхтифи. Хотепи осмотрительно берет под свою власть владения трех номов на юге, как раз там, где изначально разворачивалась деятельность Анхтифи. После этого Хотепи направляется в Тинис. Это могло произойти только после смерти Анхтифи[23]; династия, которую мы называем XI, правила одновременно с гераклеопольскими царями. Вероятно, первые фиванские правители еще не помышляли о том, чтобы называться царями. Как и Анхтифи из Моалла, они управляли своим номом (4-м), потом соседними номами, добившись автономии: обстоятельства благоприятствовали и даже подталкивали к этому. Кажется весьма вероятным, что Анхтифи вначале был лишь одним из номархов и притом — современником гераклеополитов. Он высадился на западе Фиванского нома, а потом пошел на восток; уклонившиеся от сражения с ним враги, по всей видимости, были первыми представителями фиванской династии Интефа (Lichtheim, 1988, 21–23).

Таким образом, мы рассмотрели ситуацию в 20-м номе Верхнего Египта, где находился Гераклеополь, а также в Дельте, где отец Мерикара хотел реорганизовать слабые властные структуры, после чего осветили события, происходившие в восьми южных номах. Не следует забывать, однако, что эти территории не составляли всего Египта. Самая плодородная часть Верхнего Египта еще и сегодня располагается между 20-м и 8-м номами (Wilson, 1955, 228–229). Недостатка в источниках нет, однако эти номы, кроме Асьютского (13-го), надписи которого содержат точные исторические сведения, похоже, не были затронуты событиями, которым в основном посвящена эта глава. Номархи Меира, Бени Хасана и эль-Берши были видными деятелями, однако в их надписях нет почти ничего, что указывает на войны или какие-либо волнения[24]. Все выглядит так, словно у этих мелких местных правителей в какой-то момент менялся формальный сюзерен, что не нарушало спокойного течения жизни в их номах (Fischer, 1968, 132, n. 508). Некрополи Кау свидетельствуют даже о повышении благосостояния — судя по богатству гробниц — и одновременно о важных изменениях

[23] Gabra, 1976, 54. — Возможно, в эту эпоху или даже раньше полководец Джеми, который не упоминает имени царя, действовал на территории от Абидоса до Уауата. На его стеле говорится о том, что «сделал Уауат (Нижняя Нубия) плательщиком дани каждому номарху, который приходил к власти в этом номе». Неизвестно, о каком номе идет речь и был ли этот Джеми на службе у фиванских царей или независимым номархом, как Анхтифи. Здесь имеется в виду лишь взимание дани, а не завоевание, которое произошло только при Ментухотепе II (МНТ № 83; Säve-Söderbergh, 1941, 45; Gestermann, 1987, 203).

[24] Ср. граффити в Хатнубе, оставленные номархами 15-го нома в Верхнем Египте (некрополь Дейр эль-Берша); см. ниже, с. 43 и примеч. 3.

в местном обществе; все это может объясняться тем, что номы временно достигли политической независимости (Seidlmayer, 1987, 205 и сл.)[25].

Сами по себе трудности с датировкой времени правления этих номархов показывают, до какой степени они находились в стороне от «общенациональных» событий[26].

НАЧАЛО XI ДИНАСТИИ. Ок. 2137–2064 годов до н. э.

Первый царь XI династии, о котором у нас есть точные сведения, — это Уаханх Интеф, или Интеф II в наших нынешних списках. Его предшественники из XI династии нам неизвестны или известны лишь по упоминаниям их преемников. Основателем династии был некто Интеф, не имевший царского титула; это князь (*jrj-pˁt ḥ3tj-ˁ/ upu-nat хатиа*) Интеф, упомянутый в *Зале Предков* Тутмоса III в Карнаке (Urk. IV, 608, II, 5; Barta, 1970, 28; Gestermann, 1987, 22). Вероятно, именно его статую Сенусерт I приказал воздвигнуть все в том же Карнаке: этот его предшественник представлен в образе писца, без всяких атрибутов власти (Каир, CG 42005; PM II, 90), и назван «*jrj-pˁt/upu-nat* Интеф Старший» и «Интеф Старший, сын Икуи». Возможно, он был номархом — с помощью этого термина принято передавать египетское выражение *ḥrj-tp ˁ3/хери-теп аа*, буквально — «великий начальник»; однако эта должность не фигурирует в источниках, которые называют его лишь «старшим» и «сыном Икуи». «Начальник врат» Маат посвятил ему стелу с заупокойными дарами в «некрополе Интефов» в Гурне (TPPI § 14 = MHT № 79)[27]. Интефы известны и из других источников этого периода, однако неизвестно, идет ли речь об одном и том же лице (Gestermann, 1987, 24–26), особенно когда используется достаточно редкий титул «великий начальник (номарх?) Верхнего Египта» (Strasbourg 345; TPPI § 11, MHT № 44)[28]. Точно так же непонятно, кем был «государь, правитель, начальник жрецов» Интеф (Florence 6380; TPPI § 12, MHT № 45). Вельможа Интеф из *Зала Предков* Тутмоса III, вероятно, не представлен в *Туринском каноне*; во всяком случае, несмотря на плохую сохранность

[25] Р. Мюллер-Воллерманн (Müller-Wollermann, 1987) опровергла идею о том, что ячмень подразделялся на верхнеегипетский и нижнеегипетский и что номархи Верхнего Египта, боровшиеся с голодом, торговали с Нижним Египтом в течение I Переходного периода ради поставок ячменя; в действительности речь идет о широком колосе (*mḥ*/*мех*) или узком (*šmˁ*/*шема*) — ботанических понятиях, не имеющих отношения ни к топографии, ни к политическому делению страны.

[26] Сведения об этих номархах см.: Hayes, 1971, 468–472; Fischer, LÄ II, 412–413, § E-F; Gestermann, 1987, 154–190. — Недавно было высказано предположение о том, что знаменитых солдат Месехти из Асьюта следует отнести не к X или к XI, а к XII династии (Bietak, 1985b, особенно 92).

[27] В. Шенкель (Schenkel, MHT) и Ф. Гомаа (Gomaà, 1980, 141–142), полагая, что здесь говорится не о древнем прародителе XI династии, а о будущем царе Интефе III, включили этот текст в число «датированных источников» времен правления Интефа III. Однако Сенусерт I вряд ли назвал бы только титулом *jrj-pˁt*/*upu-nat* (то есть «князем») реально царствовавшего предшественника.

[28] Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1984a, Handbuch, 63, n. 2, 1; 65, n. 6) полагает, что в данном случае речь идет о начальном периоде правления Интефа I, когда он управлял не всем Верхним Египтом, а лишь Фиванским номом; однако, если считать, что Ментухотеп I был царем, нельзя объяснить тот факт, что его сын не имел этого титула с момента воцарения.

папируса, из него следует, что Небхепетра Ментухотепу II предшествовали только четыре царя. Действительно, тот, кто следует за князем Интефом в *Зале Предков*, носит царский титул: это Хор *tpj-ʿ/тепиа* Ментухотеп (Gestermann, 1987, 22, 26). Конечно, это царское имя Хора, которое обычно переводят как «предок» и которое встречается только на этом памятнике Тутмоса III, наводит на мысль о фиктивном имени. Однако его следующий преемник Интеф II Уаханх воздвиг ему статую на острове Элефантина, на пьедестале которой высечен длинный картуш со словами: «Отец богов, Ментухотеп Великий, любимец богини Сатет, владычицы Элефантины» (Habachi, 1985a, 109–110, n. 97). Это позволяет думать, что он почитал этого Ментухотепа как царя. Так считали еще во времена Тутмоса III, и, по всей вероятности, его имя фигурировало в *П. Турин*, где на месте одной их лакун должно быть имя царя Верхнего и Нижнего Египта (*nswt-bjtj/ несут-бити*): скорее всего, это было имя того самого Ментухотепа (Habachi, 1958, 183–184; Gestermann, 1987, 22). Тутмос изображен в *šnḏjt/ шенджит*, царской набедренной повязке; титул «отец богов» указывает на то, что он был отцом двух своих преемников (Habachi, 1958a, 110, n. 99; Barta, 1970, 22). Его действительно считали царем, в отличие от князя Интефа по прозванию Великий, который еще при Тутмосе III считался князем. Именно от этого Ментухотепа, которого следует называть «Первым», и надлежит отсчитывать те 143 года, что отделяют начало XI династии от начала XII династии в *Туринском каноне.* Если вычесть из этого числа указанную в том же папирусе продолжительность царствований, начиная с Интефа II (127 лет), мы получим 16 лет правления, которые отводят для Ментухотепа и его сына Интефа I Сехертауи (Barta, 1970, 30–33), — «того, кто навел спокойствие в двух землях». О жизни его ничего неизвестно, как и о жизни его отца[29]. Возможно, Интеф I был похоронен в гробнице *Сафф эд-Даваба*, в некрополе эт-Тарифа, поскольку его преемник покоится в соседней гробнице, расположенной севернее. Однако это предположение не подтверждено ни одним эпиграфическим свидетельством[30].

Первым значительным правителем XI династии стал, таким образом, Уаханх Интеф II, «сын Нефру», часто именуемый «Великим»[31]. Царствование его было очень

---

[29] На рельефе из Тода (Bisson de la Roque, 1937, 76 = Каир JE 66331–2; Habachi, 1963, 46 fig, 22) представлены три царя Интефа, стоящих один за другим, в хронологическом порядке; перед ними стоит богиня Хатор, а за ней царь, голову которого покрывает платок *псхент* и который, весьма вероятно, является Ментухотепом II, хотя имя его утрачено. Из-за этого рельефа, где Ментухотеп I не представлен, некоторые авторы ошибочно полагают, что Интеф I был первым настоящим царем, который начал свою карьеру в качестве номарха. См.: Gomaà, 1980, 141–142.

[30] Arnold, 1976, 22, 50 (Schenkel). Предположение о том, что Сафф эд-Даваба является гробницей Интефа I, основано на том факте, что три подобные гробницы в эт-Тарифе могли принадлежать трем царям Интефам XI династии (Arnold). При этом гробница Ментухотепа I также не обнаружена. Одна гробница, исследованная Э. Навиллем (PM I, p. 649; Naville, in 1894–1895, 35–36) на территории храма Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри, оказалась пустой; однако возле нее Г. Уинлок открыл множество граффити: имя Интефа в них приводится в картуше, за которым следуют слова *dj ʿnḫ/ди анх* — «дана жизнь» (Winlock, 1947, 37, pl. 38 A, о местоположении гробницы — pl. 34). Вряд ли ее можно считать гробницей царевича, сына Ментухотепа II, умершего прежде отца (гипотеза Г. Уинлока), — ведь в картуш заключалось имя царя, а не царевича. Значит, гробница в Дейр эль-Бахри могла принадлежать Интефу I, правление которого, вероятно, было очень кратким (сколько лет из 16, объединяющих царствования Интефа I и его отца, приходится на его правление?), а гробница в *Сафф эд-Даваба* — Ментухотепу I. Это соответствует архаическому характеру керамики, обнаруженной в данном *саффе*.

[31] Ср.: Schenkel, 1987. — В случае с номархом Интефом, *сыном Икуи*, детерминатив сидящей женщины, бесспорно, указывает на филиацию по матери (TPPI § 14 = MHT № 79).

долгим. В *Туринском каноне* из относящихся к нему лет правления сохранилась только цифра «9», однако один из важнейших источников об этом царствовании — Собачья стела — датируется 50 годом, который, очевидно, и был последним годом правления царя (Каир GG 20512, Arnold, 1976, 52–56)[32], что подтверждает восстановление цифры [4]9 в *Туринском папирусе*. Из-за титула «отец богов» на статуе Ментухотепа I его считают младшим братом Интефа I. Возможно, он и был тем самым могущественным соперником гераклеопольских князей. На 50-м году царствования Интеф II правил территорией, простиравшейся от 1-го до 10-го нома Верхнего Египта. Упоминание 10-го нома, Уаджит, выглядит двусмысленным: упор делается на завоевании 8-го нома, который находился на западном берегу и, по всей видимости, граничил с 10-м, так как 9-й ном располагался на восточном берегу (AEO II, 23*; 51*; Helck, LÄ III, 388). Это хорошо видно как из текста на царской стеле, так и из надписей, оставленных представителями местной знати. Чечи, сделавший карьеру при Интефе II и сменившем его Интефе III, определенно утверждает, что при Интефе II страна, которой он правил, простиралась «на юг вплоть до Элефантины и на север вплоть до Тиниса в 8-м номе» (TPPI § 20, MHT № 75; Gestermann, 1987, 28). Джари сражался «против дома Хети» (TPPI § 18; MHT № 72)[33] на западе Тиниса, затем получил от царя поручение «снабжать всю страну: на юге вплоть до Элефантины, на севере вплоть до 10-го нома (TPPI § 18, 4; MHT № 72; Gestermann, 1987, 28). Те же самые пределы указывает и Редиухнум (Gestermann, 1987, 171; Hayes, 1971, 477), который утверждает, что на этих территориях правила царица Нефрукаит (полная форма имени Нефру?), дочь и супруга царя. Судя по границам ее владений, она жила в рассматриваемое нами время. Поскольку стела Редиухнума была изготовлена не раньше, чем при Интефе II, и не позже, чем при Ментухотепе II, эта царица, скорее всего, была женой Интефа II. Она носила титулы «Владычицы Верхнего Египта, возвысившей две земли (*t3wj*/ *mayu*), великой этой страны». Возникает вопрос, что означает слово *t3wj*. Вне всякого сомнения, оно не имеет ничего общего с «воссоединением». Уаханх в современных ему источниках обычно называется «царем Верхнего и Нижнего Египта», однако в тот момент гераклеопольская династия пребывала в полном упадке.

Инет Хези — «Долина почтенного» (?), которая упомянута и на *Собачьей стеле* (TPPI § 16, 3; MHT № 69), и на стеле Джари (TPPI § 18, 6; MHT № 72), локализации не поддается — возможно, она располагалась на севере 8-го нома, в 10-м номе или на границе обоих номов и стала пределом продвижения войск царя Интефа II на север.

---

[32] Известен человек (имя его не сохранилось), который служил Интефу II в течение 37 лет, а после него — следующему царю (стела Дафферин; см.: Edwards, 1965, 22–23).

[33] Второе упоминание о «доме Хети» при Интефе II содержится на фрагменте одной из стел (ср.: Fischer, 1975, 35–37.). Можно задаться вопросом: был ли «дом Хети», упомянутый на трех памятниках XI династии — на стеле Джари, на фрагменте, опубликованном Г. Дж. Фишером, и на стеле Интефнахта (Каир 3/6/25/1, TPPI § 30 = MHT № 381), — царским гераклеопольским домом? Это мог быть дом номархов Асьюта или, если говорить о стеле Интефнахта, дом Хети — царского канцлера и казначея Ментухотепа II (cf. Schenkel, 1965, 239, MHT § 359 (В. Шенкель ошибочно упоминает визиря с таким именем, служившего Ментухотепу II). Ни один из трех текстов, где говорится о доме Хети (очень распространенное имя в ту эпоху), не может быть истолкован вполне определенно. И. Ф. Квак (Quack, 1992, 84 F) полагает, что «дом» означает здесь «владение», а не «потомство». В этих документах слово «Хети» никогда не стоит в картуше, более того, за ним не следует никакого титула. Напротив, в *Поучении Мерикара*, где «дом Хети» также упомянут (E 142–143), имя Хети находится в картуше; правда, эта рукопись относится к Новому царству.

Источники не упоминают о взятии какого-либо города в 10-м номе и в то же время говорят о взятии Тиниса — возможно, потому что он являлся мощным оплотом гераклеополитов и, во всяком случае, был самым южным населенным пунктом из всех, на которые распространялась их власть.

Уаханх Интеф уделял внимание не только политическим и военным делам, но также строительству и религиозным вопросам. Это не должно удивлять, поскольку они были тесно связаны с его политической деятельностью. Указания на *Собачьей стеле* (1.1–2) носят предельно общий характер, так как название храма, которому царь преподнес вазы для хранения напитков, не сохранилось. Неясно также, что такое «строительство» и «расчистка». Возможно, речь идет о восстановительных работах, призванных ликвидировать последствия тех трудностей, которые имели место в начале правления династии. На маленькой колонне, найденной в Карнаке, имеется вертикальная надпись следующего содержания: «Интеф Великий, могучий, сын Нефру». На сегодня это наиболее древняя надпись, свидетельствующая о строительных работах в храме Карнака (Le Saout et al., 1987, 294–297, Zimmer). Одна надпись царя была найдена в районе первой катаракты (МНТ, № 71). Более ощутимо Интеф II присутствует на Элефантине, где найдено множество фрагментов построек с его именем (Kaiser, 1975, 45–47). В храме Сатет — точнее, в святилище Хекаиба (Habachi, 1985a, 110, n. 98; pl. 189–190) — найдена нижняя часть статуи царя. На пьедестале в вертикальном картуше читаем: «*Его* сын, Хор Уаханх, царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра, Интеф». Формула продолжается горизонтальным картушем: «Любимый Сатет, владычицей Элефантины, вечно живущий, подобно Ра». Слова «его сын», как предполагается, адресованы Ментухотепу I, чья статуя найдена в том же месте, изготовлена из того же камня и в той же манере (Habachi, 1985a, 109–110, n. 97); такая связь между двумя статуями, не образующими единства, достаточно необычна. Рядом с этими двумя была найдена и третья статуя, изготовленная из того же материала и в той же манере, однако без головы и надписей; она представляет царя в облачении для праздника *сед*. Доказать, что это Интеф, невозможно, однако продолжительность его правления (49 лет) говорит в пользу такого отождествления (Habachi, 1985a, 110–111, n. 99). Ему же приписывают и бронзовую статуэтку[34].

Его сын и наследник Хор Нахтнебтепнефер Интеф III тоже был «рожден (царицей) Нефру»[35]. В том месте *Туринского папируса*, где могло стоять его имя, говорится о восьмилетнем царствовании. Согласно источникам, во время его правления, короткого и, очевидно, мирного, был отреставрирован один из древних памятников на Элефантине (Habachi, 1985a, 110, n. 100; Leprohon, 1983b, 103–107; Kaiser, 1975, 46). Тексты частного характера, относящиеся к этому царствованию[36], не содержат упоминаний о каких-либо политических или военных событиях. Можно предположить, что ситуация, существовавшая на 50-м году правления Интефа II, при Интефе III почти не изменилась.

---

[34] E. Schott, 1979. — Об уровне развития литературы в это время см.: Goedicke, 1991a; по поводу текста см. TPPI § 15, МНТ № 70).

[35] Относительно возможного соправления Интефа II и Интефа III см. интересную, но малоубедительную статью А. Шефер (Schaefer, 1986).

[36] МНТ 103–115, особенно 105–106, n. 75A, 12–14 (=TPPI § 20), n. 77, 3–7 (=TPPI § 22).

Глава III
МЕНТУХОТЕП II. Ок. 2064–2013 годов до н. э.

ХРОНОЛОГИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

При восшествии на престол сын Интефа III и царицы Ях[37] Ментухотеп II[38], возможно, был царем только части Египта, — как и его отец. Согласно *Туринскому папирусу* (5, 16), этот царь правил в течение 51 года, однако датированные источники, созданные при нем, весьма редки: от 14-го года — частная стела Интефа, сына Ка (Британский музей 1203, ранее Британский музей 99, TPPI § 23; MHT, № 374); от 41-го года — граффити неких Мерертети и Хети в Асуане (MHT, № 358, 359); от 46-го года — стела Turin Suppl. 1447 царского канцлера, «единственного друга» и казначея Меру (MHT, № 387). Существуют знаменитые барельефы и граффити из вади Шатт эр-Ригал (MHT, № 360–373; Winlock, 1947, pl. 12, 36, 37), но даже если «год 39», который

[37] Родственная связь засвидетельствована на стелах Хенуна (Каир JE 36346, 5) и Интефа, сына Ка (Британский музей 1203, 2–3, TPPI § 24; 23).

[38] Царские и частные памятники, известные на 1965 год, были собраны В. Шенкелем, который составил и библиографию по ним (Schenkel, 1965, MHT 207–249). Краткая сводка данных о Ментухотепе II составлена Ю. фон Бекератом (Beckerath, LÄ IV, 1982, 66–68); см. также памятники, приведенные в: Handbuch, 63–64.

указан на скале недалеко от них, и может относиться к правлению Ментухотепа II, все равно невозможно доказать, что эта надпись принадлежит к тому же времени, что и соседние памятники, и может помочь в их датировке. Эта оговорка тем более важна, что 39-й год (как и 14-й) служит одной из ключевых дат в хронологии царствования и, следовательно, делать беспочвенные утверждения относительно нее опасно.

Сегодня нет сомнений в том, что именно Ментухотеп II стал царем, объединившим Египет в конце I Переходного периода. Египтяне также не сомневались в этом, судя по тому, насколько значительной виделась его фигура представителям последующих поколений. Так, в Рамессеуме он почитался как основоположник великой эпохи, наряду с Менесом, стоявшим у истоков истории Египта, и Яхмосом, основателем Нового царства[39]. Об Интефе III известно точно, что к началу царствования он имел в своем подчинении только первые восемь номов; если же говорить о Ментухотепе II, то надо еще доказать, что в начале царствования он также еще не правил всем Египтом. К сожалению, исчерпывающих доказательств этому нет, но отдельные свидетельства сохранились, например барельеф из Гебелейна (Каир 24/5/28/5, Habachi, 1963, fig. 17, pl. XIb; Gestermann, 1987, fig. 7): царь собирается умертвить первую жертву, носящую, несомненно, египетскую набедренную повязку — *šnḏjt*/ *шенджит*, в то время как три других персонажа, стоя на коленях, ожидают своей участи. «Египтянин» не назван никак, а трое других обозначены как *stjw*/ *сетиу*, *sṯtjw*/ *сечетиу* и *ṯḥnw*/ *чехену*, то есть народы Юга, Севера и Запада. Надпись, венчающая всю сцену, звучит двусмысленно: «Покорение правителей двух стран, преобразование (*grg*/*герег*, ср.: Alex I, II) Верхнего и Нижнего Египта, чужеземных стран, обоих берегов, Девяти Луков»[40].

В своей часовне в Дендере (Gestermann, 1987, fig. 5; Habachi, 1963, fig. 6; МНТ § 342) царь заносит булаву не над человеком, а над эмблемой в виде стебля — иероглифа года. Вокруг него обвивается что-то вроде вьюнка, заканчивающегося подобием крохотного зонтика папируса. Судя по нижней части растения, это именно папирус: из небольшого холмика торчат сломанные стебли, так, как они изображены в иероглифе *mḥw*/ *меху*, обозначающем Дельту ( ). В. Барта (Barta, 1970) полагает, что это геральдическое изображение обозначает «год победы над Нижним Египтом». Остальные детали памятника свидетельствуют о том, что царь правил над обеими землями или по крайней мере претендовал на это: он носит *pꜣ-sḫmtj/na-сехемти/псхент* — двойную корону, состоящую из корон Верхнего и Нижнего Египта; Хор как божество Верхнего Египта и (скрытый?)[41] дух как божество Нижнего Египта связывают под его ногами гераль-

[39] PM II, 434 (10) I, 1; Redford, 1986a, 35.

[40] Обнаруженное в Дейр эль-Бахри коллективное погребение группы из шестидесяти солдат, павших под ударами египетского оружия, свидетельствует о междоусобной войне, но не обязательно — о борьбе за отвоевание земель (Winlock, 1945). Г. Уинлок был склонен видеть в нем захоронение солдат, павших во время осады Гераклеополя; это предположение очень слабо обосновано. Имена, которые можно прочесть на погребальных покровах, заставляют предположить скорее датировку XII династией, чем XI (см. также: Simpson, 1963b, 20c). Ранения по своему характеру соответствуют тем, которые наносились во время штурма городских укреплений, и соображения Г. Уинлока относительно малого количества солдат, задействованных в войнах этого времени, выглядят уместными; однако с учетом отсутствия имени царя, четкой хронологической привязки, расстояния между Гераклеополем и Фивами, а также многочисленных столкновений, которыми были отмечены периоды смут между Древним царством и XII династией, «выбор» будет настолько широким, что, как мне кажется, в настоящее время невозможно связать это коллективное погребение с конкретным событием.

[41] Согласно Л. Хабаши (Habachi, 1963, 23), изображать Сетха было нельзя.

дические растения вокруг знака единства, выражая таким образом власть царя над обеими частями страны. Легенда, расположенная между головой царя и тем, что он держит в руке, переводится следующим образом: «Хор, покоряющий чужеземные страны». Следовательно, Нижний Египет воспринимался как чужая страна. Это вполне возможно: регион нужно было заново завоевывать, и, кроме того, значительная часть Дельты еще долгое время была свободна от какого-либо контроля со стороны египтян. Однако надпись позади царя указывает на то, что речь идет не только о Нижнем Египте, но и о других регионах: «Чужеземные страны востока, четыре нагорья (?), пустыня, *nḥsjw*/*нехсиу* […], *mḏ3jw*/*маджайу* (из?) Уауата, *ṯmḥw*/*чемеху*», то есть народы, живущие в долине Нила на юге Египта, а также в Восточной и Западной пустынях. Больше ничего определенного нет, как нет и ясных данных об «объединении Верхнего и Нижнего Египта», которое Л. Хабаши (Habachi, 1963, 23, n. 2) надеялся здесь увидеть. В целом памятник сильно напоминает барельеф из Гебелейна — здесь тоже содержится скрытое указание на Нижний Египет и недвусмысленное упоминание чужеземных стран. Памятник является как бы обобщающим: вряд ли он был посвящен конкретному событию. Поэтому не может быть установлено и время строительства часовни.

Два важных памятника этого царствования находятся в Вади Шатт эр-Ригал, которое выходит на западный берег Нила, приблизительно в 135 км к югу от Луксора и в 75 км к северу от Асуана (Petrie, 1888, pl. 16; Winlock, 1947, 58–76, pl. 9–12; 39; Caminos, LÄ VI, 1119–1124). Первый (МНТ § 318) — это хорошо сохранившийся рельеф (не граффито), представляющий царя Ментухотепа II почти в натуральную величину в окружении трех фигур, каждая из которых наполовину ниже царя. Слева на одном уровне с царем стоит «мать царя, любимая им, Ях»; справа, немного выше — царь в головном уборе *немес*, поименованный как «отец бога, любимый богом, сын Ра, Интеф (в картуше)»; за ним — чиновник, «казначей царя Нижнего Египта, начальник казны Хети». Западнее, за группой из двенадцати тщательно выполненных надписей, принадлежавших важным чиновникам (Winlock, 1947, 66–70, A–M), находится второй царский рельеф, того же качества, но намного меньший по размерам (МНТ § 319; Winlock, 1947, 62–63, pl. 39; Gestermann, 1987, fig. 3); он представляет царя в одеянии для праздника *сед*, в белой короне, обращенным лицом налево к начальнику казны Хети. Справа от этого второго рельефа имеется граффито — «39-й год», за ним — два плохо различимых знака птиц. Эта дата не может относиться к рельефу, который находится слева от нее: между ними нет никакой связи, хотя они и расположены близко друг к другу. Дата граффито нацарапана без особого старания, направление письма *противоположно* фигуре царя и легенде к ней. Второе упоминание о 39-м годе можно найти в пятнадцати шагах на восток от большого рельефа, возле надписи начальника казны Себекхотепа (Winlock, 1947, 69–70, M); как и первая дата, эта «сделана наскоро на скале», в то время как надпись Себекхотепа «тщательно высечена резцом», а два царских рельефа «высечены превосходно». Кроме того, расстояние между двумя граффити составляет немного более 50 м, и эти даты процарапаны знаками намного меньшего размера, чем в других надписях. Г. Уинлок (Winlock, 1947, 70) пишет: «Расположенные таким образом две даты, очевидно, должны были обрамлять две стелы и группу надписей, которые были первоначально нанесены вокруг них… Представляется вполне вероятным, что несколько путешественников, которые знали о предстоящем приезде двора, дважды выцарапали эту дату, как бы утверждая тем самым:

“Имена, расположенные между этими двумя местами, — это имена царя и его придворных, которые побывали здесь в 39-м г. царствования”». Это не исключено, однако недоказуемо. Путешественник Г. Уинлок мог вполне пройти здесь на 39-м году и нанести дату своего перехода (не указав, однако, своего имени?), так же как в прошлом веке первый, кто скопировал надписи, оставил собственную запись: «A. C. Harris, 1850» (Winlock, 1947, 59). Это не значит, что путешественник прошел здесь в том же году, что и царь, а тем более — поскольку из рельефов не следует, что царь Ментухотеп, царица Ях или царь Интеф лично присутствовали в этих местах (Caminos, LÄ VI, 1120, n. 12) — в том же году, когда состоялась экспедиция. Несомненно, что такая большая цифра может относиться только к правлению Ментухотепа II, — если, конечно, она вообще была нанесена в данную эпоху. Нет оснований связывать ее с Уаханх Интефом, единственным царем этой династии, который правил 39 лет и даже больше. Эту цифру соотносят с 41-м годом в одном граффито, оставленном Мерертети в Асуане: таким образом, он побывал на юге немного позднее современника правления Ментухотепа II. Но это мнение безосновательно. Возможно, наличие рельефа побудило кого-то указать дату своего пребывания в этих местах и засвидетельствовать тем самым, что он видел изображение царя; граффито, таким образом, возникло позднее рельефа. Будет рискованно строить окончательные умозаключения, отталкиваясь от даты, объяснение которой так плохо обосновано.

Судя по облачению царя на втором рельефе, последний посвящен празднику *сед* (*хебседу*) и, следовательно, может быть датирован 30-м годом; указание на 39-й год побуждает думать, что царь отсчитывал тридцать лет, начиная с воссоединения страны, которое, таким образом, произошло на 9-м году его правления. В действительности, как мы видели, явной связи между 39-м годом и рельефом нет; более того, «момент воссоединения» почти не праздновался, и Ментухотеп II, подобно его предшественникам, считал себя, вероятно, царем «двух земель» с момента своего восшествия на престол. Вести отсчет тридцатилетия правления от момента воссоединения, а не прихода к власти означало бы принизить себя. Если принять значимость *хебседного* одеяния для установления даты этого рельефа, то мы можем отнести его только к 30-му году правления[42].

«Административное» доказательство того, что воссоединение действительно состоялось, появилось лишь в 41 году: из надписи *ḥꜣtj-ꜥ/хатиа* (князя) Мерертети мы узнаем, что он стоял во главе 13-го нома Нижнего Египта, к северу от Мемфиса и совсем далеко от Гераклеополя (МНТ § 358).

Стараясь определить точное время объединения страны, ученые анализировали эволюцию титулатуры Ментухотепа, наиболее сложной за всю историю Египта: некогда даже считалось, что различные ее варианты относятся к трем разными Ментухотепам. Одно из трех имен Хора, которое носил этот царь, звучало так: *zmꜣ-tꜣwj*/*Сематауи*, «Тот, кто объединил (или связал) две земли». Считается, что царь принял это имя после победы над гераклеопольской династией и если бы удалось определить, как это имя хронологически соотносится с другими вариантами, то можно было бы разделить источники на две группы — до и после объединения — и, более того, уточнить хронологию событий царствования.

[42] Идея высказана в книге: Hornung, Staehelin 1974, 62; против датировки рельефа 39-м годом выступает и Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1991, 30, 3).

Анализируя эволюцию царской титулатуры, можно установить следующие хронологические привязки. Имя Хора *sʿnḫ-jb-tꜣwj/ Санхибтауи* зафиксировано на 14-м году правления. Следующее имя Хора — *nṯr-ḥḏt/ Нечерхеджет*, и о нем не сохранилось ни одного источника с точной датой. С этим именем Хора упоминается — следовательно, относится к тому же времени — первое имя царя *nb-ḥpt-rʿ/ Небхепетра* со знаком (*ḥp*/*xen*: Gardiner Aa5); титул «сын Ра» постоянно *включается* в картуш с именем Ментухотепа в этом написании. Затем появляется имя Хора *Сематауи*; имя *Небхепетра* пишется теперь со знаком (*ḥp*(*t*)/*xen*(*em*): Gardiner P8), а титул «сын Ра» стоит обычно *перед* вторым картушем[43]. На жертвеннике, найденном в Дендере (Cauville, Gasse, 1988, 27, fig. 2), присутствуют и новая полная титулатура, и упоминание первого праздника *сед*. Следовательно, если праздник действительно имел место на 30-м году правления, третья титулатура появилась после этой даты. Вторая титулатура, с именем Хор *Нечерхеджет*, использовалась очень недолго сравнительно с продолжительностью царствования, между 14-м и 30-м годами (подробности, касающиеся титулатуры, см.: Vandersleyen, 1994c).

Итак, в неизвестный период времени после 14-го года правления царь изменил титулатуру и стал называться Хор *Нечерхеджет*, «Бог в белой короне». Идею отвоевания территорий, триумфа, власти над «обеими землями» и ее законности (Gestermann, 1984) лучше всего отражают памятники, которые он воздвиг именно тогда, а не те, на которых он назван *Сематауи* — «Тот, кто объединил две страны» (или «связал»: Goedicke, 1985a). Обычный принцип разделения царствования на периоды «до и после воссоединения» оказывается иллюзорным[44].

Именно с данной титулатурой царь недвусмысленно заявляет о своей божественности: в часовне Дендеры, в граффити в Коноссо и на Элефантине он предстает как Амон, Мин или, возможно, Монту, у которого он позаимствовал изысканный головной убор из перьев. Использование короны *pꜣ-sḫmtj/ псхент* также становится регулярным именно с этого момента — в Дендере, а также в Гебелейне и Шатт эр-Ригал она красуется на головах соколов в начале царского имени Хора. Видимо, идея воссоединения страны (то есть возвращения владений предков) получает распространение на более поздних памятниках, и это объясняет изобилие образов Хора, которые являются уже не «именами Хора», как в дендерской часовне, а символическими изображениями царя. Так, в Дейр эль-Бахри это «Хор Оправданный (или Законный)» или «Хор Надежный, разгромивший чужеземные страны и захвативший обе земли». Поэтому в уста божества вкладываются такие речи: «Я отдал тебе Верхний и Нижний Египет, я объединил для тебя две страны» (Баллас, Дейр эль-Бахри)[45].

Ментухотеп II, вероятно, считал себя подлинным основателем династии — во всяком случае, первым настоящим царем, — и этим может объясняться тот факт, что своих

---

[43] Имя Хора *Сематауи* и тронное имя *Небхепетра,* объединенные в одном *серехе,* присутствуют и на трех цилиндрических печатях, ср.: Vandier, 1968b.

[44] Л. Гестерман (Gestermann, 1987, 51–53) анализирует, хотя и несколько догматично, три имени Хора Ментухотепа II, чтобы определить эволюцию его политической программы. «Дата воссоединения» — возможно, относящегося к началу царствования — нам и доныне неизвестна.

[45] Habachi, 1963, 28, fig. 9; TPPI § 28, m 5. Подтверждение факта объединения страны содержится на стеле Турин 1310 (Vandier, 1964). Неизвестный, приказавший ее воздвигнуть, приводит перечень богов, почитаемых не названным по имени царем: этот перечень в точности соответствует пантеону богов, которых почитал Ментухотеп II. Ж. Вандье датирует стелу временем правления Интефа II.

предшественников он изобразил в тени своего могущества. Исходя из этого именно Ментухотеп II должен быть тем царем в *псхенте* на рельефе из Тода, имя которого утрачено и позади которого стоят друг за другом три фигуры в *немесах* с именем Интеф[46]. Поэтому и на рельефе в Шатт эр-Ригал напротив царя, изображенного в *псхенте* и с бородой, характерной для божества, изображен его отец, голова которого покрыта *немесом* и который назван здесь «отцом бога»; как и Интефы из Тода, он вдвое меньше царя по размеру. Все эти изображения прежних царей, размещенные вместе с правящим государем, возможно, иллюстрировали идею преемственности царской власти[47].

Члены царского семейства также хорошо известны — они были похоронены в его храме: великая супруга царя, мать его наследника, царица Тем, и царица Нефру, его сестра и жена[48]. Они изображены и на рельефах этого здания. Сцены, посвященные как войне, так и личной жизни, по сюжетам тяготеют скорее к частным, чем к царским памятникам; в них еще ощущается дух I Переходного периода (Winlock, 1947, 42–44; von Beckerath, LÄ IV, 97–98).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРЯ

Наши знания о политике царя основываются на данных двух типов: по титулам государственных служащих в текстах, датированных по именам царя, и по «репертуару» мест, где царь строил храмы или часовни и где были обнаружены памятники, относящиеся к его царствованию. При их изучении применяются два основных хронологических критерия: форма царского имени и стиль изображения, не говоря уже о палеографии и оформлении надписей.

Государственные служащие

Администрация. Нам не известно ни одного визиря I Переходного периода; первые появляются при Ментухотепе II. Об администрации гераклеопольских царей ничего не известно, если не считать психологических наставлений отца Мерикара его сыну, посвященных отношениям с подчиненными. Появление визирей при Ментухотепе II свидетельствует о централизации власти, находившейся до того в руках местных правителей. Этими визирями были Даги и Беби[49]. Предположение о том, что Ментухотеп II приблизил к себе лиц, ранее служивших гераклеополитам, обосновано очень слабо; господа по имени Хети, которым служили некоторые лица — например, Интефнахт, —

[46] Habachi, 1963, 46, fig. 22 = Каир JE 66331–2; его имя фигурирует на косяке ворот, ведущих к месту, где был найден рельеф.

[47] Blumenthal, 1987, 18; относительно титула «отец бога» см. также: Berlev, 1981.

[48] О восьми женщинах, погребенных на территории храма в Дейр эль-Бахри, см.: Kuchman, 1978; Ward, 1986, 102–114; Franke, 1990, JEA 76, 231.

[49] Gestermann, 1987, 148–150; Valloggia, 1974, 124–125. — Ипи, визирь, занимал эту должность не при Ментухотепе II, а скорее в начале XII династии (Arnold Do., 1991, 35–36).

вероятно, не были царями (Gestermann, 1987, 145–146; см. выше с. 43, примеч. 33). Чиновники различного достоинства известны нам по их погребениям или благодаря граффити, в частности тех, которые находятся рядом с царскими рельефами в Шатт эр-Ригал (Jaroš-Deckert, 1984, 15 etc; Winlock, 1947, 58–76; Hayes, 1971, 485–486).

Провинциальная администрация. Ценные исторические сведения — те, которые со всей определенностью можно отнести к этой эпохе — мы находим только в памятниках, содержащих имя царя. Углубленные исследования, посвященные многочисленным документам из провинций, которые связаны с высокопоставленными чиновниками — номархами, военными и т. д., — а также менее значительными лицами, позволили к настоящему времени создать относительную хронологию царствования, хотя, конечно, пока еще очень приблизительную. Учитывая, насколько редки датируемые исторические ориентиры — то есть периоды правления царей, — данная хронология оказывается слишком ненадежной: это видно по противоречивым и бездоказательным результатам многочисленных отвлеченных построений, основанных на этих источниках (Gestermann, 1987, 157). Как уже отмечалось, едва ли можно провести различие между IX и X династиями. Так же спорна датировка надписей Нехери из 15-го нома и гробниц Бени Хасана, сооруженных до XII династии.

О голоде упоминается много раз, но, возможно, в некоторых случаях разные тексты сообщают об одном и том же бедствии: мы пока не в состоянии уточнить подробности (см., например, Roccati, 1967). То же самое касается смут и военных действий, упоминания о которых, впрочем, редки (Fischer, 1964, 61, 70–1). Мы не можем выяснить, что имело место: относительный мир, нарушаемый очень редко, или же латентная нестабильность — возможно, на очень ограниченном пространстве. Пресловутый тезис о «воссоединении страны» заставляет каждое упоминание о проблемах в какой-либо области или о проявлении личной храбрости связывать со вторжением Ментухотепа II во владения гераклеополитов. При этом каждый раз задается вопрос, в каком лагере находилось данное лицо: в фиванском или гераклеопольском[50].

Номархи, время жизни которых мы можем привязать к определенному царствованию, были перечислены выше. Однако нет ни одного номарха, который был бы упомянут в надписи, содержащей царское имя, как современник Ментухотепа II.

Строительная деятельность царя

Если следовать с юга на север, мы увидим, что правление Ментухотепа II оставило следы (Gestermann, 1987, 117, карта) в Коноссо, Асуане, на Элефантине, в Шатт эр-Ригале, Эль-Кабе, Гебелейне, Тоде, Арманте, Фивах (Карнаке и Дейр эль-Бахри), Балласе, Дендере, Абидосе и Вади Хаммамат.

Наиболее внушительным памятником царствования является храм в Дейр эль-Бахри, построенный в несколько этапов (PM II², 381–400; Arnold, 1974, 1979, 1981). Размеры его необычайны, особенно если учесть, в какую эпоху он был возведен. Тогда в Фивах не было, насколько нам известно, сколь-нибудь значительного сооружения культового

[50] Характерным примером того, насколько трудно определить время правления династий некоторых номархов и особенно датировать ссылки на войны и голод, которые были пережиты, являются граффити Хатнуба, принадлежащие номарху Нехери и его семье (см. ниже, с. 64).

характера. Гробницы предшественников Ментухотепа II — это *саффы* (ряды) в эт-Тарифе, обширные тоннели, вырубленные в склоне горы; они заканчиваются фасадом, который поддерживается столбами и обращен к подземным погребальным покоям как таковым.

Возможно, храм Ментухотепа II первоначально имел тот же план. Шахтные гробницы, так называемые гробницы принцесс, служат едва ли не единственным доказательством этого; они восходят к той эпохе, когда царь еще носил имя Хор Нечерхеджет, а изображения отличаются смелостью и эксцентричностью, присущими I Переходному периоду.

Обнаружен заклад в фундамент дошедшего до нас храма: он сделан от имени Хора Сематауи, а почитаемым богом назван Монту-Ра. Только в этом храме и на жертвеннике в Карнаке (Habachi, 1963, 34, fig. 13) была обнаружена полная титулатура царя с пятью именами. Храм имеет необычный вид. Перед огромной почти квадратной платформой возвышается портик на четырехугольных столбах. На самой платформе располагается квадратный блок, в центре которого некогда находился курган с деревьями на вершине (а не пирамида или мастаба) (Stadelmann, 1985, 229); блок был окружен глухим коридором, который, в свою очередь, с трех сторон был окружен портиком с четырехугольными столбами. План был изменен уже после возведения алтаря — позади храма, напротив горы. Надписи, сообщающие об этом последнем этапе строительства, содержат упоминание о царском празднике *сед*; это упоминание может соответствовать 30-му году правления, когда вдоль аллеи, ведущей к храму, были воздвигнуты стоящие статуи царя, облаченные в одеяния для праздника *сед* (Szafrański, 1985, поправки: Vandersleyen, 1989a), и состоялось ритуальное погребение сидящей статуи царя. Последнюю обнаружили во дворе, в глубине подземной камеры, куда можно было пройти через Баб эль-Хосан.

На момент сооружения алтаря храм был посвящен Амону. В наосе, вырубленном в скале, находилась стоящая статуя царя. Анализ различных этапов строительства храма позволяет сделать вывод о том, что его создателей привлекали как образцы архитектуры Древнего царства, так и новые формы (Gestermann, 1987, 55–93). Это влияние Севера может свидетельствовать о восстановлении отношений с древней столицей — Мемфисом. На это указывает и возвращение к классическим канонам в рельефе (PKG, pl. XXV; Arnold, 1974, II, фронтиспис). В целом изменение проекта, переход к строительству огромного и необычного памятника, возможно, стало следствием ликвидации смуты внутри страны. В это время царь обрел новые силы и располагал огромными средствами. Данное событие произошло, если судить по титулатуре, между 14-м и 30-м годами правления. Можно внести дополнительные уточнения: на 14-м году Ментухотеп II еще не носил имя Хор *Нечерхеджет*; все памятники, где он назван *Нечерхеджет*, включая сооружения в Гебелейне и Дендере, граффити Коноссо, часовни принцесс в Дейр эль-Бахри, созданы в неканоническом стиле, отмеченном причудливой изобретательностью, яркой жизненностью и энергичными приемами в духе I Переходного периода. Перемена имени и стиля, таким образом, должна была произойти позднее и относится, вероятно, к середине этого долгого царствования. На всех памятниках, где упоминается о божественности царя, при жизни отождествлявшегося с Монту, Мином или Амоном (иными словами, царь считался воплощением этих божеств), присутствует имя *Нечерхеджет*.

Все постройки царя, кроме заупокойного храма и часовни в Дендере, сохранились фрагментарно (Gestermann, 1987, 114–117; Vandersleyen, 1994c).

Царские и частные памятники скульптуры и живописи этого времени еще хранят дух I Переходного периода.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Под внешней политикой, естественно, понимаются действия египтян, в результате которых они проявляли активность вне долины Нила или входили в контакт с народами, жившими за ее пределами. Сразу же приходит мысль о Ливии, Азии и Нубии; сюда можно добавить также экспедиции к рудникам или оазисам. Таким образом, речь идет о сборе тех немногих свидетельств, которые могут помочь в освещении этой проблемы. Однако понимание этих свидетельств зависит от интерпретации этнонимов и топонимов, а также широты их применения. Здесь существует большая неопределенность, прикрываемая привычкой использовать в переводах «традиционные» эквиваленты многих терминов, даже не ставя после них вопросительного знака. Между тем порой это всего лишь предположительные эквиваленты, малообоснованные, а то и вовсе признанные ошибочными. Словом «традиционный» я характеризую также такой подход, при котором для интерпретации географических объектов автоматически принимаются их нынешнее расположение и размеры.

Назовем одно из обобщений, достойных наибольшего сожаления: любое упоминание о дереве *ꜥš*/*аш* считается указанием на торговлю с Ливаном и Библом, и даже выражение «террасы(?) (деревьев) *аш*» обычно переводится как «Ливан». Между тем это выражение ни разу не сопровождается указанием на какое-либо место. То же самое можно сказать о стране Негау, которую П. Монтэ (1923 год) поместил в долине реки Нахр Ибрахим (некогда р. Адонис), в 8 км к югу от Библа, только лишь потому, что в этой стране росло дерево *аш*, хотя географическое название «Негау», упоминающееся в период Нового царства всего трижды, не сопровождается пояснениями относительно его местоположения[51]. Эти выводы были бы приемлемыми, если бы удалось доказать, что дерево *аш* росло только в Ливане, однако никаких подтверждений этому нет — даже напротив. Некогда велись споры о том, что это за дерево; порой они ведутся и сейчас. Часто полагали, что речь идет о кедре; на воображение исследователей, видимо, повлияла история храма Соломона, в строительстве которого участвовали подданные Хирама, царя Тира. «Пошли мне из Ливана кедра, кипариса и сандала, ибо мне ведомо: твои слуги знают, как рубить лес в Ливане», — пишет Соломон Хираму (2 Chron. 2, 8)[52]. Однако в 1916 году В. Лоре убедительно показал, что дерево *аш* не является кедром; это пихта (abies cilicica) или же сосна (также AEO I, 8; n. 1; Charpentier, 1981, 176–181, n. 268), весьма распространенные породы дерева. Вплоть до недавнего времен Ближний

[51] К сожалению, все эти выводы приводятся и в LÄ III, 1013 s. v. Libanon. Перевод *ḫntj-š*/ *хентише* как «Ливан» основан, таким образом, лишь на ассоциации дерева *аш* с этим топонимом.

[52] В русском Синодальном переводе: «И пришли мне кедровых дерев, и кипарису и певгового дерева с Ливана, ибо я знаю, что рабы твои умеют рубить дерева Ливанские». — *Науч. ред.*

Восток изобиловал лесами. Деревья разнообразных пород, особенно сосна, произрастали не только на примыкавших к Египту территориях, но и в Дельте (Meiggs, 1982; Nibbi, 1981a, 1–31; относительно дерева *аш*: Ibidem, 25–27). «Навязчивая идея» о Ливане повредила также изучению экономики и международных связей Египта. Часто можно прочесть, что уже при Снофру Египет импортировал лес из Ливана (LÄ, III, 1013). Единственный источник, подкрепляющий это утверждение, Палермский камень (Urk. I, 236, 12), надпись на котором гласит: «прибытие 40 кораблей, груженных деревом *аш*». Уже Г. Брэстед прокомментировал ее следующим образом: «Это морская экспедиция в Ливан» (AR I, § 146, n. a). Однако нет никаких оснований полагать, что речь идет о Ливане; более того, сами египтяне, по всей вероятности, никогда не пользовались морским путем (Nibbi, 1979a; b). Действительно, для обозначения моря не используется ни одно египетское слово — ни *wꜣḏ-wr*/ *уадж-ур*[53], ни даже *jm*/ *иам*[54]. Более того, на судах того времени было невозможно перевозить *по морю* такой тяжелый груз, как древесные стволы (Nibbi, 1981a, 14). Таким образом, следует полностью пересмотреть наш взгляд на взаимоотношения Египта с народами Восточного Средиземноморья.

Распространенный перевод египетского *ааму* (*ꜥꜣmw*) как «азиаты» также стал источником иллюзорных построений. Слово «азиаты» в наших глазах сразу же вызывает ассоциации со всем Ближним Востоком вплоть до Евфрата, который Тутмос III, вероятно, однажды пересек. Воображение историков, к счастью, не идет дальше этого. В действительности *ааму* могли находиться в Африке — так обозначали людей, выглядящих как ливийцы (E. Meyer, 1913, № 813). Итак, будет благоразумно избегать слишком точного перевода; термин, возможно, является обобщенным названием бедуинов (Brovarski, Murnane, 1980, 13, n. 11; Alex I, 77.0580), неуловимых кочевников, как говорится в *Поучении Мерикара*[55]. Эти номады должны были перемещаться по всей Дельте, поэтому предполагают, что даже в эпоху Нового царства они лишь в малой степени подверглись египетскому влиянию[56]. При таком резком сужении египетского исторического пространства можно дать источникам новое толкование, весьма отличное от того, которое было в ходу до наших дней.

---

[53] Nibbi, 1975, 35–48; Vandersleyen, 1991; 1986, и ниже, p. 34–35. — О. Гоэлет в своей статье (1992), оспаривающей мои выводы, к сожалению, лишь повторяет старые навязчивые идеи, без учета моих аргументов. Трудности плавания по Восточному Средиземноморью хорошо освещены Альтманом (1988).

[54] Доказательства того, что *иам* не означает «море», еще не систематизированы, однако собранные в связи с этим иероглифические документы позволяют сделать такое утверждение. См. главным образом: G. Goyon, 1949, 374–377; см. также: Nibbi, 1981a, 31, n. 107; Nibbi, 1982b. — Есть один случай, когда *иам* означает «море»: это описание Тира в P. Anastasi I, 21, I — конечно, если речь там действительно идет о Тире.

[55] E 93. В *Поучении*, E 91–92, термин *ꜥꜣmw*/*ааму* чередуется с *pḏt*/*педжет*, для которого было принято значение «кочевники»; см. также: Ward, 1971, 27, 27, n. 101.

[56] Lorton, 1987a, 9–12. — Сравнение с коптским словом ame, amhou, имеющим значение *bubulci* = «пастухи, погонщики быков» (DNG I, 34), наводит на мысль о βουκόλοι, о которых говорят классические авторы и которые даже в эту позднюю эпоху представляли собой непокорное племя, населявшее побережье Дельты. Возможно, это были потомки *хау-небут*. См. также: Yoyotte, Chuvin, 1983, 60–61, где говорится о «диких» народах. Ж. Кажбёр указал мне, что в коптскую эпоху существовало полное соответствие между коптскими терминами, ведущими свое происхождение от *ꜥꜣm*/ *аам*, *mr-jḥw*/ *мериху* («погонщики быков»), *šꜣsw*/ *шасу* (дословно «бродяги, кочевники»), и греческим словом ποιμήν «пастух» (ср.: Vycichl, 1983, 42).

Контакты с Азией и Восточным Средиземноморьем

На основании пассажа из *Сетований Ипувера*, или «*Увещеваний*» (3, 6 и 3, 8)[57], был сделан вывод о том, что в I Переходный период египтяне больше не совершали плаваний в Библ за стволами хвойных деревьев и смолой, необходимой для мумификации (Helck, 1971, 38), и что критяне больше не приезжали в Египет (Ward, 1971, 38): отсюда следует, что ранее эти связи были регулярными. Слово, переводимое как «Библ», на самом деле повреждено — осталось только […]*ни*; упоминание дерева *аш* позволило А. Х. Гардинеру восстановить его как [*кепе*]*ни.* Независимо от этой лакуны возможность перевода *Кепени* как «Библ» требует доказательства (Nibbi, 1985a, Pt. 1). К тому же слово *кефтиу*, переводимое обычно как «критяне», не обязательно обозначает этот народ — вероятно, так называли азиатское население[58]. Таким образом, в *Сетованиях Ипувера* нет ничего, что заставляло бы нас выходить за пределы Египта как такового.

Следующий возможный источник о «международных» отношениях Египта — его связях с Азией — это *Поучение Мерикара*. Действительно, отец Мерикара, рассказывает ему (E 82–83), что он освободил запад Дельты вплоть до побережья (?) и это позволило вести торговлю кедром (*mrw*/ *меру*) и можжевельником (*wʿn*/ *уан*). Переводы несколько различаются между собой, однако интерпретации схожи: из этого сделали вывод, что сирийское дерево вновь стали вывозить по морю (см. также: Lichtheim, 1973, 108, n. 11; Ward, 1971, 23, 32). Подобная трактовка не имеет под собой никаких оснований, учитывая то, что нам сейчас известно о возможных источниках поставок древесины и о выходах египтян в море. Именно поэтому при рассмотрении данного вопроса следует исключить биографию Хенену/Хену: представление о том, что этот вельможа, живший при Ментухотепе II, якобы выполнял некое поручение в Сирии, основано исключительно на упоминании дерева *аш* на его стеле, изобилующей лакунами и без точного указания местности (Hayes, 1949, 46, 49).

На рельефе из Гебелейна, о котором говорилось выше (с. 44), Ментухотеп II уничтожает среди прочих врагов и *sṯtj*/*сечети*. В заупокойном храме царя есть надпись с упоминанием о народе *mntjw*/ *ментиу* — как считается, азиатском племени с Синая (см. ниже, с. 225 и примеч. 4) (TPPI § 28 g 2). Однако это еще не доказывает, что Ментухотеп II действовал за пределами Египта: встреча с этими народами могла произойти и на территории Восточной Дельты. Военные сцены, фрагменты которых

[57] Gardiner, 1909, 32; Redford, 1986a, 144, n. 69. — Датировка этого текста не бесспорна: Дж. Ван Сетерс полагает, что он был создан во Втором Переходном периоде (Van Seters, 1964), Л. Гидди приводит аргументы в поддержку этой версии (Giddy, 1987, 53, n. 117 (p. 106)).

[58] Дж. Стрейндж (Strange, 1980) доказал, что *Кефтиу* не может быть соотнесен с Критом, и полагает, что это Кипр. Я продемонстрировал, что о Кипре не может идти речи и что это ближневосточное племя (см.: Vandersleyen, 1985, 46–50). Интересно вспомнить, что соответствие греческой Финикии египетскому *Кефтиу* содержится не только в *Канопском Декрете*: в одном демотическом тексте этноним, происходящий от *Кефтиу*, обозначает сиро-финикиян — «согласно неверному представлению, бытовавшему в греко-римскую эпоху», как совершенно ошибочно пишет А. Готье, цитирующий этот документ (Gauthier, DNG V, 199).

обнаружены в храме Дейр эль-Бахри (Naville, 1907, pl. XIV–XV) и в гробнице Интефа[59], изображают штурм города, удерживаемого «азиатами»[60]. Однако ничто не мешает полагать, что эти бои проходили в самом Египте, скорее всего — в Дельте; осаду вели совместно египетские и нубийские солдаты[61].

Помимо текстов есть и археологические находки, но они не содержат признаков египетского влияния в сирийских портах в период между правлениями VI и XII династий. Как бы ни интерпретировать присутствие египетских предметов на Ближнем Востоке, знаменательно, что ни одного имени царя, правившего в период между Пепи II и Сенусертом I, на них нет (Posener, 1971, 534, n. 3; 4). Даже в Восточной Дельте египетское присутствие, видимо, было незначительным: для эпохи от конца правления I династии до начала Гераклеопольского периода в Телль эд-Дабе никаких следов его не обнаружено (Bietak, 1979b, 237, 290).

Контакты с Востоком

Единственное реальное свидетельство о деятельности Ментухотепа II за пределами долины Нила или Дельты было обнаружено в Вади Хаммамат (HM № 112). Это простой картуш с именем Ментухотеп, которому предшествует титул «Сын Ра». Ментухотеп II — единственный царь с этим именем, при котором титул «Сын Ра» *вписывался в* картуш (Gundlach, LÄ VI, 1104); чаще всего этот прием использовался в период, когда он носил имя Хор *Нечерхеджет*. Семь прежних экспедиций в Вади Хаммамат состоялись в период между временем создания вышеупомянутого картуша и эпохой правления Меренра, царя VI династии. Во главе их стояли высокопоставленные лица, однако ни одного царского имени в своих надписях они не приводят. Вероятно, данные походы следует датировать I Переходным периодом, но не конкретнее.

Контакты с Югом

С конца Древнего царства до правления Ментухотепа II египетский царь никогда не пересекал северных границ страны. Однако на юге египтяне, несомненно, посещали Уауат. Некий царь — хотя имя утрачено, это вполне мог быть Ментухотеп II — сообщает, что он захватил Уауат и какой-то оазис в Верхнем Египте[62] и что именно он был первым, кто сделал это[63]. Уауат — это Нижняя Нубия, которая начиналась

---

[59] Arnold, 1971, 40. — Эта гробница эпохи Ментухотепа II имеет еще старую форму времен Небхепетра. Ср.: Arnold, Settgast, 1965, 51–52.

[60] Кажется, критериями для определения их как «азиатов» служат только желтая кожа и рыжие волосы. См.: Arnold, 1971, 40, n. 242: «Das Semitengelb» («желтый, как семит») со ссылкой, в частности, на работу W. Müller, 1895, 7, где дается такая характеристика: «Rothaarig und gelbhäutig also Asiaten» («рыжеволосые и желтокожие, то есть азиаты»).

[61] А. Шулмен с очевидностью показывает, что те редкие войны, о которых нам известно, имели локальный характер и происходили в самом Египте (Schulman, 1982b, 180–183).

[62] Этот оазис не назван в тексте. Поэтому нет уверенности, что это Куркур, как иногда считают (см. например: Hayes, 1971, 490).

[63] Habachi, 1963, 29 fig. 10; 30 (l. *x* + 5; + 6 в тексте, включая фрагмент и стк. x + 12); MHT § 341. Об этом тексте см. также: Vandersleyen, 1971, 50, n. 6.

за первым порогом Нила и, возможно, простиралась в ту эпоху вплоть до 2-го порога[64]. Хоть и неизвестно, надолго ли удалось египтянам там обосноваться, вероятно, именно с этим завоеванием, можно связать граффити в Асуане: в нем казначей Хети заявляет о своем прибытии «с кораблями из Уауата» (МНТ § 359). В надписи в дендерской часовне царь недвусмысленно утверждает, что *nḥsjw/ нехсиу*, *mḏ3jw/ маджайу* и, возможно, даже Уауат были побеждены и завоеваны[65]; здесь названы народы, обитавшие за первым порогом и дальше к югу, около второго порога (Posener, 1958). Датировка семи иератических граффити, оставленных нубийцем по имени Чехемау в гроте Абиско, километрах в двадцати к югу от Асуана, вызывает большие споры (Brovarski, Murnane, 1969; Gestermann, 1987, 208). Чехемау прямо говорит, что начал свою карьеру при Небхепетра, имя которого дается в новом написании — то ли потому, что нубиец заступил на службу в конце царствования, то ли потому, что в это время он создал свои тексты. Установить места, где он совершал свои деяния, также непросто. Единственный надежный топоним — это Фивы; «озеро Себека», возможно, следует отождествить с Файюмом; Бухен — результат исправления. Область Джати могла бы находиться южнее Уауата — вероятно, именно она упомянута (в форме *Джат*) в списке Тутмоса III, содержащем названия одних только африканских местностей, таких как Куш, Уауат и даже Пунт[66]. Высказывалось мнение, что деятельность Чехемау продолжалась вплоть до переходного периода между XI и XII династиями. В действительности же нет доказательств того, что события, описанные в этих семи текстах, происходили — даже частично — после правления Ментухотепа II, причем за пределами Нубии и южной части Верхнего Египта.

Вне долины Нила Ментухотеп мог встретить другие народы — непосредственно на западе или даже на юго-западе. Речь идет о тех, кого традиционно называют ливийцами: *чехену* и *чемеху*. Первые являются одним из народов «Девяти Луков» — это враги, обитающие к западу от Среднего Египта; Ментухотеп убивает одного *чехену* на рельефе из Гебелейна, а на другом рельефе из Гебелейна побежденный предводитель назван «правитель *чехену* Хеджуаш» (Habachi, 1963, 38, fig. 16). В часовне Ментухотепа II в Дендере уже изображены *чемеху* — народ, живший на юго-западе, — которые названы побежденными (Habachi, 1963, 22, fig. 6, в середине последней колонны справа). Они изображены среди народов Африки, и нет основания считать, что они обитали на Средиземноморском побережье.

---

[64] К. Вандерслейен, Ф. Хинце и В. Райнеке, исходя из многочисленности надписей XI династии, обнаруженных непосредственно к северу от 2-го порога, полагают, что начиная с этой эпохи Нубия, вероятно, была занята вплоть до 2-го порога (Vandersleyen, Ibid.; Hintze, Reineke, 1989, 14). Другим подтверждением этого является присутствие в Керме египетских ваз, вывозившихся с конца правления XI династии. Ср.: Lacovara, 1987, 60.

[65] См. прорисовку, опубликованную Л. Хабаши (Habachi, 1963, 22, fig. 6). Перевод Л. Хабаши (Habachi, 23) неточен; автор ошибочно, как мне кажется, увидел намек на объединение Египта, не обратив внимания на упоминание Уауата.

[66] Тот факт, что Джати была населена *ааму*, не обязывает нас отождествлять ее с Джати, находившейся в Азии, как это сделали Э. Броварски и У. Мёрнейн (Brovarski, Murnane, 1969, 13, n. 11–12). Возражение Д. О'Коннора (O'Connor, 1968, 48, n. 119) безосновательно, поскольку экспедиция Пепинахта (Urk. I, 134), снаряженная Пепи II для перевозки тела некоего полководца, убитого «*ааму*, теми, которые на песке» во время постройки им корабля для путешествия в Пунт, могла отправиться только далеко на юг, в сторону Пунта (Vandersleyen, 1989b).

Глава IV
САНХКАРА МЕНТУХОТЕП III. Ок. 2013–2001 годов до н. э.

Преемник Ментухотепа II[67] был, вероятно, его сыном: это «[царский] сын Ментухотеп», изображенный на фрагменте рельефа из храма Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри. Царевич представлен вооруженным, в военной сцене. Непосредственно за ним расположена фигура большого размера — без всяких сомнений, царя, его отца[68].

Взойдя на престол, Ментухотеп III принял коронационное имя *Санхкара*. Согласно *Туринскому канону*, он правил 12 лет. О его политической деятельности ничего не известно. Считается, что его правление было спокойным — ввиду отсутствия сведений противоположного характера, а также благодаря строительству, предпринятому царем на территории от Абидоса до Элефантины, включавшей Фивы, Тод и Армант[69]. Стиль барельефов становится классическим — в этот период они приобретают тонкость резьбы, строгость пропорций, изящество в моделировании круглых рельефов, выверенную разметку текста. Возврат к классицизму является знаком того, что I Переходный период полностью завершился и государство

[67] Von Beckerath, LÄ IV, 1982, 68–69; Handbuch, 64.

[68] Naville, 1907, pl. 12 B. — Его матерью была царица Тем. Ср.: Winlock, 1947, 43.

[69] Gestermann, 1987, 116, 118. — Относительно Элефантины см.: Kaiser, 1975, 47.

обрело силу и внутреннее спокойствие. Считается, что именно ему принадлежат первые настоящие осирические статуи, облаченные в плотную мантию[70]. При Ментухотепе III, помимо прочего, был воздвигнут единственный египетский храм, расположенный на возвышенности, посреди фиванского нагорья, на одном уровне с пустынным плато; он доминирует над всем левым берегом Нила. Эта возвышенность вместе с эль-Курной является самой высокой точкой к западу от Фив, видной из города[71].

События этого царствования в какой-то мере известны нам благодаря трем частным надписям.

Великий управляющий Хенену/Хену (TT 313, Hayes, 1949, 43–49), чья деятельность началась еще при Ментухотепе II, возглавил экспедицию в Пунт на 8-м году правления Ментухотепа III. Он был важным сановником, если верить надписи из Вади Хаммамат (HM № 114; Vandersleyen, 1989b, 148–158), которая содержит описание его деяний, открывающееся длинным перечнем его титулов и добродетелей. Неизвестно, почему Хенену так подчеркивает свое высокое положение — потому ли, что он находился вдалеке от двора, или потому, что наследник Ментухотепа II не имел возможности сдерживать амбиции вельмож. В этой «автобиографии» содержатся многочисленные намеки, неясные ссылки, которые могут содержать больше исторических деталей, чем кажется (Willems, 1983–1984, 99–100). Эта длинная надпись состоит — если не считать столбца, содержащего четыре первых царских имени — из шестнадцати строк. Она начинается панегириком Хенену из девяти строк; пять следующих строк рассказывают об экспедиции в Пунт, которая, по моему мнению, не имела отношения к Вади Хаммамат. Две последние строки снова носят панегирический характер. Экспедиция в Пунт отправилась из Коптоса, однако следовала по долине, а не по морю. Возможно, что Вади Хаммамат в фараоновскую эпоху не была торговым путем, способствовавшим судоходству в Красном море[72]. Роль моря в истории и торговле фараоновского Египта чрезмерно преувеличивалась, поскольку считалось, что слова *wꜣḏ-wr*/ *уадж-ур* и *jm*/ *иам* неизменно означают «море». Термин *Уадж-ур* всегда связан с Нилом: так обозначали либо его течение или разлив, либо озелененные благодаря его водам районы — чаще всего Дельту, но также и другие орошаемые им территории, например Файюм и Верхний Нил (где, кстати, и следует искать Пунт)[73]. Если Вади Хаммамат являлось

[70] Статуи этого типа обнаружены в Арманте, но ни одной оригинальной надписи на них не сохранилось. На большей части из них были сделаны новые надписи с именем Мернептаха. Однако стиль статуй и строительная деятельность Ментухотепа III в Арманте делают весьма вероятным предположение о том, что они были созданы в его время. Ср.: The Luxor Museum, 1979, n. 19. У нас нет ни одного скульптурного изображения головы царя, которое можно было бы идентифицировать по надписи. Коленопреклоненная статуэтка из Каира (CG 42006) головы не имеет. Головы Basel III 8397 (Geschenk, 1978, № 142) и New York MMA 66.99.3 с большой долей вероятности приписывают ему (см.: Aldred, 1970b, 34, fig. 10–12; сам С. Олдред колеблется между атрибуцией Ментухотепу III или Аменемхету I).

[71] PM II, 340. Облицовочные слои и длинный неоконченный уклон — следы подготовки к строительству заупокойного храма к югу от Дейр эль-Бахри — обычно относят к царствованию Ментухотепа III, но, скорее всего, они были выполнены при Аменемхете I.

[72] Это вади продолжало играть свою роль и в XVIII веке н. э., позволяя отказаться от пути через Суэц, затрудненного из-за финансовых препятствий, которые чинили египетские паши.

[73] Vandersleyen, 1988b. — К этому же мнению пришла и Кр. Дерош Ноблькур при обзоре экспедиции Хатшепсут (Desroches Noblecourt, 1986, 147).

обычным путем к Красному морю, а *уадж-ур* обозначало море, можно удивляться тому, насколько редко встречаются упоминания об *уадж-ур* в многочисленных надписях этого вади[74]. Понимание надписи облегчается только в том случае, если мы исключим маршрут в Пунт через Вади Хаммамат и Красное море, поскольку египтяне, с нашей точки зрения, всегда были очень скупы на подробности. Возможно, что экспедиция в Пунт не слишком удалялась от Нила, так как ей доставляли 6 тыс. кувшинов воды и 60 тыс. хлебов каждый день в течение времени, которое не уточняется, но должно было составить несколько месяцев. На территории, поросшей кустарниками, прорыли двенадцать колодцев, еще два, увеличенной глубины (на 10 и на 15 м) — прокопали в области Идахет; наконец, еще один — увеличенной ширины (5 на 5 м) — был прокопан до уровня воды. Возможно, дополнительные колодцы были скорее цистернами, нежели колодцами, а следовательно, были бесполезны с точки зрения снабжения экспедиции водой. Настоящий колодец был прорыт в области под названием *Яхетеб*; возможно, он соответствует *Иихтибу*, известному по списку средиземноморских народов на колонне храма в Солебе, который относится к правлению Аменхотепа III. Карола Цибелиус (Zibelius, 1972, 90) отмечает, что если это отождествление справедливо, то оно оказывается «единственным надежным свидетельством того, что топонимы списка южных народов могут относиться и к восточной пустыне севернее 1-го порога». Дело в том, что исследовательница по-прежнему располагала *Яхетеб* где-то в Вади Хаммамат (DNG I, 20). В действительности же он находился далеко на юге, там, где начинается новый *уадж-ур*, явно в зеленой и лесистой области, и где можно было построить флот. Хенену нагрузил его всеми припасами и отправился в путь, предварительно принеся в жертву множество быков и газелей, которых он, вероятно отловил на месте или получил от местных скотоводов. На этом заканчиваются сведения географического характера. Все путешествие на кораблях вплоть до Пунта обойдено молчанием. Хенену продолжает: «После возвращения из *уадж-ур*, когда было сделано то, что приказал Его Величество, и привезено все то, что я нашел на берегах Земли бога, я вернулся из (или через) *Уаг*[75] (?) (и?) из (или через) Вади Хаммамат (*Рахену*); я привез оттуда для него прекрасные камни — для статуй (его?) часовни». Текст говорит, таким образом, о двух различных экспедициях. Эта экспедиция в Пунт, первая после той, которую предприняли в конце Древнего царства, возможно, является знаком нового экономического подъема.

---

[74] Существует только два упоминания об *уадж-ур* в этих надписях: НМ № 1 и 114, которые прекрасно объясняются и без Красного моря. Вади Хаммамат являлось главным образом путем к рудникам и карьерам Восточной пустыни. Ж. Гуайон, доказывая факт использования дороги Коптос — Кусейр к Красному морю в раннюю эпоху, смог представить лишь две вышеназванные надписи (G. Goyon, 1957, 2–3). Мое объяснение надписи № 114 приводится ниже. Чаау, упоминающийся в № 1, Ж. Гуайон идентифицирует с Кусейром, однако, если взглянуть на надпись без предубеждения, можно заметить, что речь идет о местности в долине Нила. Ср.: Vandersleyen, 1989b.

Об отсутствии морских торговых портов на Красном море в фараоновскую эпоху см. замечания А. Нибби (Nibbi, 1981b; 1976, особенно 45–49). Если исследовать Восточную пустыню и порты Красного моря, станет ясно, что торговля стала развиваться здесь лишь со времен Августа (Reddé, Golvin, 1987).

[75] Можно сопоставить этот термин с топонимом *Wꜣʿg* ( ), засвидетельствованным в Нижней Нубии (ср.: DNG I, 173). Разница в их написании небольшая: в топониме из надписи в Вади Хаммамат отсутствует *айн*.

К тому же надпись № 114 из Вади Хаммамат является первой надписью периода Среднего царства, где объясняется цель экспедиции: привезти хороший камень для изготовления статуй[76].

Другой известный вельможа времен этого царствования — великий управляющий и канцлер Мекетра. Он, несомненно, занимал официальную должность еще при Ментухотепе II, поскольку его изображение есть на рельефах царского храма. Однако его гробница находится на юге долины Дейр эль-Бахри, напротив груды облицовочных материалов, которые могли быть приготовлены под строительство погребального комплекса Аменемхета I. Стиль моделей сцен повседневной жизни, во множестве найденных в гробнице Мекетра, указывает на то, что его карьера продолжалась при Ментухотепах III и IV, и что он должен был застать начало правления Аменемхета I (Arnold Do., 1991, 21–32). Эти модели (TT 280; PM I, 360–364) различных мастерских, домов с садами, сцены учета скота — все они широко известны. Они дают нам ценные сведения о технике, архитектуре и жизни общества конца XI — начала XII династий.

Царь Ментухотеп III не был забыт потомками. Сенусерт I почтил его память в Абидосе; он стал объектом почитания в то же самое время, что и гераклеополит Хети в Дельте, в Хатаана (von Beckerath, 1956, 15; Page, 1976, 18–19, № 21).

[76] В своей обширной статье со множеством карт Луиза Брэдбери исследует эту надпись и пытается определить путь между Коптосом и Красным морем, по которому шел Хену (Хенену) (Bradbury, 1988). Исследование основывается на традиционном предположении о том, что *уадж-ур* означает «море», и, таким образом, изъян заложен уже в его основе. Тем не менее в статье много полезных сведений, касающихся географии и геологии пустыни между Нилом и Красным морем. В примеч. 38 на с. 134. Л. Брэдбери приводит свидетельство Л. Белла и др. (Bell et al., 1984, 43): исследовав пустыню к востоку от Коптоса, они констатируют, что граффити, оставленные, в частности, как Фетекти (они скопировали его четыре граффити), образуют линию, идущую приблизительно с севера на юг, к центру Восточной пустыни, и параллельную прибрежным горам. К востоку от этой воображаемой линии нет ни иероглифических, ни иератических граффити.

Глава V
НЕБТАУИРА МЕНТУХОТЕП IV. Ок. 2001–1994 годов до н. э.

От последнего царя XI династии Небтауира Ментухотепа[77] сохранились только надписи на скалах вблизи карьеров и рудников: в Вади эль-Худи (в 35 км на юго-восток от Асуана) и в Вади Хаммамат. Благодаря двум из них (HM n. 192, 110 A) мы знаем его полную титулатуру; еще одна надпись (HM № 191) содержит имя «матери царя Ими», титул которой, в принципе, свидетельствует, что она не была ни дочерью, ни супругой царя (несмотря на мнение Ю. фон Бекерата (von Beckerath, 1965, 8)). Из этого делается вывод, что царь не был легитимным и являлся сыном какой-то второстепенной царицы и царя, которым мог быть как Ментухотеп II, так и Ментухотеп III; ничего не указывает, однако, на то, что он был лишь простолюдином, узурпатором, не связанным с правящей династией. В карнакском *Зале Предков* имя этого царя стоит на положенном ему месте, однако, согласно *П. Турин* (5, 18), после Санхкара Ментухотепа было «семь пустых лет» (*wsf*/ *усеф* «незанятых»)[78]. Неизвестно, что это — случайная лакуна в данных *П. Турин* или свидетельство анархии, вызванной трудностями престолонаследия. Есть

[77] Von Beckerath, LÄ IV, 69–70; Handbuch, 64, 7 (добавить HM № 192) и 195, 7.

[78] Относительно термина *wsf*/ *усеф* см. также: Redford, 1986a, 14–16, который иначе смотрит на ситуацию и переводит термин как *«kingless»* (*«анархия»*).

и другое указание, часто используемое для доказательства того, что мы имеем дело с узурпатором: речь идет об экспедиции во главе с могущественным вельможей, «князем, правителем города, визирем, начальником царских работ, доверенным царя Аменемхетом» (HM, n. 192, 11–12), в котором видят будущего основателя XII династии Аменемхета I. Этот последний занимает особое место в истории. По Манефону, он был не первым царем XII династии, а последним царем XI. Анализ его титулатуры вызывает сомнения и наводит на мысль о том, что царь не считался истинно легитимным — во всяком случае, царем, имеющим божественное происхождение (Omlin, 1962). В *Пророчестве Неферти*, видимо, говорится именно об этом царе — как о спасителе, который придет с юга. Однако подтверждений тому, что Аменемхет I захватил власть силой, нет.

Начало царствования Ментухотепа IV было ознаменовано миром и порядком, так как в 1-й год правления он отправил экспедицию к аметистовым рудникам Вади эль-Худи[79], а на другой год — вторую экспедицию к тем же самым рудникам[80] и еще одну, широкомасштабную, в Вади Хаммамат. Последняя известна по впечатляющему количеству надписей, четыре из которых представляют собой чрезвычайно объемные «литературные» произведения[81]. По своему масштабу эта экспедиция не имела себе равных, если судить по количеству надписей, которые могут относиться к ней: шесть из них точно датируются 2-м годом и определенным днем 2-го месяца сезона *ахет*; в двух других упоминается только 2-й год; еще двенадцать датируются только благодаря царскому картушу — Небтауира. Титулы авторов граффити или их начальников, которым посвящены надписи, варьируют, иногда очень сильно. То исключительное обстоятельство, что экспедицию лично возглавил визирь Аменемхет[82], говорит не об амбициях последнего, а лишь о важности предприятия. В ней принимали участие по меньшей мере 10 000 человек из Верхнего Египта и 3000 — из Нижнего Египта, о чем свидетельствует одна из надписей (HM n. 192, 12–14, 21). Эта колоссальная цифра — 13 000 человек — была превышена только во время экспедиции, предпринятой на 38-м году правления Сенусерта I, в которой участвовали 18 000 человек (HM n. 87; HG n. 61; ср.: Seyfried, 1981, 248–252). Эти 13 000 человек находились в походе по меньшей мере с 3-го по 27-й день месяца *ахет* (HM n. 110, 3-й день; n. 192b, 27-й день) — следовательно, около месяца, без учета пути из долины Нила до карьера и обратно, причем возвращение было замедленным, поскольку надо было транспортировать каменные блоки[83]. Насколько нам известно, Ментухотеп IV был первым царем, который приказал

---

[79] Fakhry, 1952, n. 1–4; MHT 260–261; пересмотренный перевод надписей 2 и 3 см. в: Seyfried, 1981, 7, 9; переиздание см.: Sadek, 1980, I, n. 1, 2, 3, 4A. — Эти надписи сделаны главным образом начальником переводчиков Интефом и подчиненным ему управляющим Интефом, сыном Шедуиптаха.

[80] Fakhry, 1952, n. 4b; MHT 261–262; Sadek, o, c., I, n. 4 B, в ведении канцлера и управляющего Интефа.

[81] HM №. 110, 113, 191, 192; другие — n. 40, 55, 105, 205 и HG n. 52–60, 140. — Надписи Санха (HM n. 1, 24) не обязательно относятся к этой экспедиции. См. также: Seyfried, 1981, 245–247; Hafemann, 1985, 179–215.

[82] Другие известные случаи: визирь Интеф-икер (при Сенусерте I) возглавлял экспедицию в Вади эль-Худи (ср.: Sadek, 1980, n. 8, 4–5), Параэмхеб при Сети II — в Вади Хаммамат (ср.: HG n. 95; n. a).

[83] Размеры саркофага (или только его крышки), доставленного экспедицией (HM n. 192, 19), составлял 8 × 4 × 2 локтя, или приблизительно 8 м²; поскольку плотность граувакки составляет 2,6 г/см³, вес блока превышал 20 т. По всей видимости, внутри он был частично выдолблен еще

произвести разведку Вади эль-Худи и открыл аметистовые рудники, так что следует отдать должное его энергии.

О пяти последних годах из семи, указанных в *П. Турин,* ничего не известно. В это время могли происходить волнения — если верно то, что надписи Нехери, номарха 15-го нома[84] и даже граффити в Абиско (Brovarski, Murnane, 1969; Willems, 1983–1984, 96–98; и выше с. 31) датируются этой эпохой. Скорее всего, возвышение Аменемхета не являлось следствием борьбы между амбициозным визирем и слабым царем; лучше представим (больше ничего не остается), что номархи, которых не успели обуздать Ментухотеп II и III[85], подняли голову и, возможно, стали представлять угрозу для царя, а то и даже устранили его. Тогда Аменемхет пришел на выручку и был вынужден принять власть, сыграв, таким образом, роль, к которой он не был подготовлен, и чувствовал, что он не вправе принять ее на себя. Тот факт, что он стал спасителем, а затем сместил несчастного монарха, объясняет существование обнаруженного в Лиште фрагмента чаши, где с одной стороны стоят титулы Ментухотепа IV, а с другой — Аменемхета I (Winlock, 1947, 54). На одном блоке времен правления Аменхотепа I (XVIII династия) последовательно идут имена Небхепетра (Ментухотепа II), Санхкара (Ментухотепа III) и «отца бога» Сенусерта; весьма вероятно, что последний был отцом Аменемхета I и дедом Сенусерта I. В этой надписи он как бы занимает место четвертого Ментухотепа. Исходя из этого делается вывод не только о том, что Ментухотеп IV действительно был незаконным царем[86], но и о том, что этот Сенусерт сыграл роль в предполагаемом устранении Ментухотепа и в возведении на трон Аменемхета I. В настоящее время других источников, подтверждающих эти гипотезы, не существует (Habachi, 1958; Blumenthal, 1987, 22–23).

до транспортировки. Скорее всего, это был не единственный предмет, доставленный столь грандиозной экспедицией.

[84] Библиографию и дискуссию по данному вопросу см.: Gestermann, 1987, 173–178 датирует их концом XI или даже началом XII династии.

[85] Могущество номархов сошло на нет при XII династии, что не обязательно — и не исключительно — связано с деятельностью Сенусерта III.

[86] Ментухотеп IV пропущен в царских списках Абидоса и Саккара, но упомянут в *П. Турин* и в *Зале Предков* в Карнаке. Ср.: von Beckerath, 1959, 84.

Часть вторая

XII ДИНАСТИЯ
(ок. 1994–1797 годов до н. э.)

Глава I
АМЕНЕМХЕТ I[87]. Ок. 1994–1964 годов до н. э.

ОСНОВАНИЕ XII ДИНАСТИИ

Переход от XI к XII династии не обязательно должен был сопровождаться убийством царя; ничто не доказывает, что Аменемхет I «захватил» власть насильственным путем или что Ментухотеп IV не правил в течение семи лет, составляющих в *П. Турин* промежуток между царствованиями Ментухотепа III и Аменемхета I (Gestermann, 1987, 32; von Beckerath, 1965). Это, однако, не означает, что цари не испытывали в это время никаких трудностей. Возможно, именно к этому переходному периоду следует отнести несколько «нубийских фараонов», имена которых по своей структуре напоминают имена царей конца XI династии[2], с которой они временно соперничали, но не сумели достичь прочных успехов. Предполагается, кроме того, что тогда же произошли волнения, отголоски которых сохранились

[1] Von Beckerath, LÄ I, 188–189; Berman, 1985. — Этого царя, носившего, как и все остальные, имя Аменемхет, называют иногда Амменемесом, следуя Манефону, у которого, однако, орфография этого имени меняется от одного царя к другому.

[2] *Какара Ин* (скорее так, чем Интеф (?)), его преемник (?) *Герегтауиэф Иуибхентира*, а также *Менехкара Сегерсени*. Ср.: Simpson, 1963, 34, 45–46; Handbuch, 64a–d; 195–196. — О *Какара Ине* см. также: Žaba, 1974, 154–155, 160–163; Säve-Söderbergh, 1941, 47–50.

в граффити Хатнуба[3]. Номархи 15-го нома достигли наибольшей независимости по отношению к центральной власти; это отразилось, в частности, в том, что они датировали сделанные ими надписи по годам своего правления (Blumenthal, 1976, 38–40). В целом, хотя Ментухотеп II смог объединить Египет с целью установления единой династии, он не смог подавить центры региональной власти; в результате его преемников больше заботила проблема местного сепаратизма, чем задача укрепления своей династии. Богатство Верхнего Египта, о котором можно судить по знаменитым некрополям Бени Хасана, Дейр эль-Берши, Меира, Асуана, возможно, появилось не в результате реорганизации государства, проведенной Аменемхетом I, а уже в I Переходный период, когда автономия номархов позволила им обрести могущество, усилившееся при XII династии.

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Согласно *П. Турин*, Аменемхет I правил 29 лет. До нас не дошло ни одного документа, относящегося к началу его правления. Все что можно сказать о нем, известно из *Пророчества Неферти*[4]. Аменемхет I, именуемый в этом произведении Амени, был выходцем с Юга, сыном женщины из Та-Сети — скорее из 1-го нома Верхнего Египта[5], чем из Нубии, поскольку текст продолжается словами «рожденный в Хен-Нехене», а так обозначался юг Верхнего Египта. Во всяком случае, его мать[6] могла быть нубийкой, поскольку в 1-м номе и в Нубии говорили на одном языке и эти территории объединялись под одним названием. Амени должен был стать царем Верхнего и Нижнего Египта и спасителем, призванным исправить бедственное положение в Восточной Дельте[7]. Далее об Амени говорится, что он — «сын человека, который увековечит свое имя» (*Пророчество Неферти* 61–62); так именовали важное лицо, не являющееся, однако, «сыном царя». Это согласуется с предположением о том, что «отец бога» Сенусерт, живший в конце XI династии (см. выше, с. 64), был его отцом. Сообщается также, что Амени усмирит восставших и недовольных, уничтожит *ааму* и *чемеху*, возведет «Вал

[3] Тексты: Anthes, 1928. — Согласно другим предположениям, это произошло в тот период, когда Ментухотеп II боролся с последними гераклеополитами (Р. Антес — первый издатель этих граффити), или когда был убит Аменемхет I (В. Шенкель). Соответствующие материалы были тщательно изучены Э. Блюменталь (Blumenthal, 1976), которая не высказала определенного мнения, но склоняется больше к версии Р. Антеса, а не В. Шенкеля. Обзор различных точек зрения сделала Л. Гестерман (Gestermann, 1987, 173–179). Наконец, Х. Виллемс (Willems, 1983–1984) относит Нехери и его сыновей к моменту прихода к власти Аменемхета I. Общую статью о Хатнубе см.: Simpson, LÄ II, 1043–1045.

[4] Blumenthal, LÄ IV, 380–381 (подробная библиография); Lichtheim, 1975, 139–145. — «Политическая» интерпретация текста: Posener, 1956, 21–60, 145–157.

[5] Или даже остров Элефантина (идея, которую отстаивает Лабиб Хабаши: Habachi, 1958, 188).

[6] Фрагмент рельефа, обнаруженного в заупокойном храме Аменемхета I в Лише (Mace A. C. The Egyptian Expedition, 1921–1922. Excavations at Lisht (BMMA 17, II, 1922, 12) свидетельствует о существовании «матери царя Неферт»; однако нет полной уверенности в том, что это мать Аменемхета I. (Речь идет не о фрагменте рельефа, а о жертвеннике New York MMA 22.1.21. — *Науч. ред.*).

[7] Неферти, 57–71. — Относительно этого пассажа см.: Blumenthal, 1982, 10–11. — Ж. Познер (Posener, 1956, 35–40) долго исследовал мотивы, в соответствии с которыми Неферти уделяет такое внимание восточной части Дельты (впрочем, он был оттуда родом). Ж. Познер особенно подчеркивает политическую и коммерческую важность этого региона.

правителя», дабы помешать *ааму* проникать в Египет (*Кемет*) (*Пророчество Неферти* 62–67). Все это соответствует общей ситуации и тому немногому, что мы знаем об этом царе из других источников. «Вал правителя» упоминается и в другом литературном тексте, *Рассказе Синухе* (B 17), где описывается положение, сложившееся по окончании правления Аменемхета I. Мы не знаем почти ничего о семье царя. Кроме сына Сенусерта, который наследовал ему, у него была по крайней мере одна дочь — Нефру, а также две сестры — родная и двоюродная (Franke, 1989, n. 70, n. 7).

ТИТУЛАТУРА

Первая титулатура Аменемхета I (von Beckerath, 1965, 4–10) имела ту же структуру, что и у царей XI династии: «Умиротворяющий сердце двух земель» (*Схотепибтауи*); «Тот, кто объединил (или связал)» (*zmꜣ/сема*); «Тот, кто умиротворил сердце Ра» (*Схотепибра*). Акцент, таким образом, делается на умиротворении. Бог Амон, который приобрел немалое значение уже при Ментухотепе II, стал династическим богом. Неизвестно, в какой момент царь поменял два своих первых имени — отныне оба звучали как *wḥm mswt* / *ухем месут* (Handbuch, 65, 197): «Повторение творения» или «Возрождение» (von Beckerath, 1965, 7). Эта новая титулатура — своего рода разрыв с прошлым, начало новой эпохи. От правления Аменемхета I дошли только две датированные надписи; это вновь граффити, одно из которых, сделанное на 23-м году правления, происходит из Асуана и Фил, а другое, от 29-го года, — из Гиргави в югу от Короско в Нубии[8]. Таким образом, обе надписи относятся к самому концу правления, длившегося около 30 лет[9]. Во всяком случае, не известно ни одного документа, датированного первыми двадцатью двумя годами царствования, поэтому мы не можем знать, когда царь отказался от прежней титулатуры. Эту перемену легко объяснить. Композиция титулатуры связывает царя с XI династией; Манефон, причисляя к ней Аменемхета I, поставил его отдельно, закончив этим именем первую книгу своей «Истории Египта» (*Aegyptiaca*)[10]; фрагмент вазы, обнаруженный в Лиште, на котором с внешней стороны написано имя Ментухотепа IV, а с внутренней — Аменемхета I, является археологическим подтверждением связи, указанной Манефоном. С другой стороны, Аменемхет I явно был новым человеком, чьи родители не происходили из царского дома. Его царствование действительно открыло новую эру, что подтверждает *Туринским списком*, в котором новой династии отведено особое место. Соответствующий раздел этого папируса называется «[Цари] резиденции в Ичтауи» (V, 19), а заканчивается словами:

[8] J. de Morgan, 1894, 34, n. 81; Žaba, 1974, 31–35, n. 4; см. также: Säve-Söderbergh, 1941, 65.

[9] Согласно *Истории Синухе* (R 5–6), царь скончался на 30-м году своего правления, в седьмой день второго месяца сезона *ахет*. О хронологии царствования сообщается также на каирской стеле CG 20516, где указана продолжительность правления в 30 лет, а не датировка 30-м годом. Этот документ включается в свод источников по соправлению Аменемхета I и Сенусерта I, о котором будет сказано далее. Третья надпись — из Кантира — датируется 20 + x годом (Habachi, 1954, 453–454), однако У. К. Симпсону его чтение кажется сомнительным (1965b, 63, n. 2). Во всяком случае, дата также относится к концу правления.

[10] Manetho, 62–65. — Вторая книга заканчивается после XIX династии: Ibid., 150–153.

«всего царей резиденции [в Ичтауи]» (VI, 3), тогда как для всех прочих династий указываются только «цари», без дополнительных определений[11]. Оставление Фив ради новой столицы Ичтауи[12] было воспринято, таким образом, как поворотный пункт; этот город оставался столицей до конца XIII династии. Инициатива переезда, несомненно, принадлежала Аменемхету I, поскольку полное название города звучит как «Аменемхет-ич-тауи» («Аменемхет — тот, кто захватил две земли»). Смена столицы могла совпасть и со сменой Аменемхетом своей титулатуры[13], которая произошла не сразу после его прихода к власти. Аменемхету — пришельцу, взошедшему на царский трон — вероятно, потребовалось некоторое время, чтобы разобраться с вопросами управления Египтом и принять решение о переносе столицы на север. У него было время, чтобы приступить к строительству величественного заупокойного ансамбля на севере Дейр эль-Бахри, прежде чем выбрать место для своей будущей пирамиды в Лише[14].

ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Царь — на это указывает уже перемена столицы — занимался в первую очередь внутриполитическими вопросами. «Престижных» предприятий задумывалось мало. За тридцать лет не было совершено ни одной экспедиции в Вади эль-Худи и только одна — в Вади Хаммамат (HM n. 199), во главе с царским эмиссаром и начальником жрецов Мина Интефом. Еще об одной экспедиции, в Серабит эль-Хадим на Синае, свидетельствует только имя царя, без даты и каких-либо подробностей (n. 63) (Seyfried, 1981, 247, 155). От Аменемхета I сохранилось мало статуй, большого строительства при нем не велось. Однако если следы деятельности Ментухотепов сосредоточены исключительно в Абидосе, то памятники царствования Аменемхета I чаще встречаются в северной части страны, чем в южной, где они расположены на пространстве от Тода до Дендеры. Вероятно, в тот момент, когда этот царь наследовал Ментухотепам, столицей были Фивы. Царь оставался там несколько лет — промежуток времени, достаточный для того, чтобы начать строительство большого царского комплекса в долине к югу от Фив (он напоминает комплекс Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри), и для того чтобы немало представителей знати приступили к возведению здесь своих усы-

---

[11] Весьма вероятно, что в *П. Турин* (VI, 4) говорится о XIII династии в связи с XII как о «наследовавшей [И]ч[тауи от (?) Схо]тепибра жизнь, здоровье, сила».

[12] Современное селение эль-Лишт, расположенное в 56 км южнее Каира, между Дахшуром и Медумом, своим названием обязано, скорее всего, древней столице Ичтауи, к названию которой добавили арабский артикль: Simpson, LÄ III, 1057–1061; Id., 1963c, 57–59; Gestermann, 1987, 108–113. — Причины переноса столицы именно сюда неясны (Arnold et al., 1988, 14–15).

[13] Dziobek, 1985, 74–75, 78–79. — Манефон отводит Аменемхета I 16 лет правления, что не поддается объяснению. Может быть, это отзвук ключевого момента царствования, когда Фивы были оставлены ради Ичтауи после четырнадцатилетнего правления?

[14] Доротея Арнольд (Arnold Do., 1991, 18) полагает, что пребывание в Фивах длилось от трех до пяти лет, однако дата переселения царя в Лишт неизвестна. Работы над пирамидой царя начались в конце его правления и продолжались еще при Сенусерте I (Ibid., 14–15), однако дата их открытия также неизвестна.

пальниц. Все эти постройки остались незаконченными, кроме гробницы Мекетра, который умер, по-видимому, в начале царствования Аменемхета I[15].

Вероятно, Аменемхет прежде всего намеревался улучшить охрану границ Египта. Эту политику в отношении южных границ продолжат его преемники, особенно Сенусерт III, который установит «затвор» на втором пороге. В Карет эд-Дахр, крайней точке Вади Натрун, приблизительно в 40 км к западу от западного рукава Нила, обнаружен форт времен Среднего царства и внутри него — храм, монументальные гранитные ворота которого содержат картуши Аменемхета I (PM VII, 317). Аналогичные ворота найдены в крайней восточной области Дельты, около Избет Хелми[16], остатки такого же сооружения обнаружены недалеко от Избет Рушди (Gestermann, 1987, 119); наконец, есть ворота в Бубастисе, ближе к центру Дельты (Naville, 1891, pl. 33 A). Эта строительная деятельность соответствовала, по всей видимости, идее военного присутствия. «Вал правителя» — линия наблюдательных укрепленных пунктов[17] — надежно обороняла Египет с востока[18]. Длинная стена на юге страны, защищавшая правый берег Нила от Шеллаля до Асуана, относится к тому же царствованию (Jaritz, в кн.: Leclant, Clerc, Fouilles, 1986–1987, 57, 365)[19].

Если не считать пирамиды в Лиште[20], для возведения которой Аменемхет I воспользовался камнями пирамиды Хеопса[21], и перечисленных выше построек на севере страны, сооружения царя-строителя, находившиеся некогда в Тоде, Дендере, Арманте и особенно в Коптосе, сохранились лишь фрагментарно (Gestermann, 1987, 141). Царь возвел также храм богу Себеку в своей столице, Файюме (Gestermann, o. c., 119; PM IV; Manuel II, 610) — первый симптом того интереса, который цари XII династии будут проявлять к этому оазису, питаемому Нилом.

Было бы неверно говорить о новой политике в отношении местного управления или даже о «возрождении нома в качестве административной единицы» (Gestermann, 1987, 141), что будто бы позволило Аменемхету реорганизовать провинциальную администрацию. Этот вывод сделан главным образом на основе сведений из текстов одной гробницы в Бени Хасане (16-й ном Верхнего Египта), принадлежавшей Хнумхотепу II

---

[15] Arnold Do., 1991. — Отдельные представители знати выбирали образцы, популярные при XI династии; фасад при этом был украшен портиком с четырехугольными столбами. Эти едва начатые сооружения были позднее заново отстроены в соответствии с новыми веяниями времен начала XVIII династии.

[16] Habachi, 1952–1954, 448–450. — Эти ворота назывались «воротами двух путей», поскольку, согласно В. Хельку (Helck, 1971, 39, n. 7), от них расходились две дороги — одна в Азию, другая на Синай. Именно у этих ворот была обнаружена хорошо сохранившаяся статуя царя (Каир JE 60520). Относительно значения Кантира для торговли см.: Kees, 1962.

[17] Вал не являлся непрерывным — Синухе смог проникнуть через него под покровом ночи (Синухе B 17–19). Ср.: Agam, 1982. — Однако У. Ши (Shea, 1977) говорит о сплошной стене, перед которой был вырыт ров.

[18] Ж. Познер (Posener, 1956, 56–57) помещает этот вал в Вади Тумилат, со стороны эль-Маскуты; ее возведение будто бы датируется началом царствования (Posener, 1956, 15).

[19] Другие мнения относительно времени возведения стены: Simpson, LÄ V, 902 (Сенусерт II), и ниже, с. 124.

[20] Manuel II, 168–170. — Сейчас в Лиште вновь ведутся раскопки (D. Arnold).

[21] Goedicke, 1971. — Нет уверенности в том, что это именно он разрушил памятники в Гизе; виновником мог стать какой-нибудь гераклеопольский царь, приказавший перевести блоки из Гизы в Саккара, где Аменемхет — если только это не был его сын Сенусерт — нашел их (Arnold D., 1988, 15, n. 10). Использование этих блоков свидетельствует о том, что Сенусерт I спешил завершить строительство пирамиды своего отца (Arnold F., 1991, 30–32).

(гробница Бени Хасан 3). Тексты этого номарха, посвященные его деду Хнумхотепу I, но созданные самое раннее при Сенусерте II — намного позднее излагаемых в них событий, — содержат косвенные данные, но не о всеобщей административной «реформе», а о единичном мероприятии: его целью было прекращение междоусобных распрей между номами, которые приводили к войнам за влияние. Это привело к установлению по указанию царя границ между 16-м номом и соседними с ним 15-м и 17-м (Urk. VII, 28, 1–5). Ничто не говорит о том, что реорганизация распространялась на весь Египет, однако это явное свидетельство того, что царь имел возможность заставить номархов признавать свою власть.

Впрочем, вмешательство царя в дела местных князей было необходимо, чтобы удержаться на троне; возможно, перед нами очень неясное указание на напряженность в отношениях, которая существовала между царем и конкурирующими источниками власти. Надпись, недавно обнаруженная в Вади Хаммамат (Gasse, 1988), гласит, что некий Ментухотеп, сын Хеви, в течение 54 лет — при Аменемхете I и Сенусерте I — выполнял поручения царя, связанные с наведением порядка. Сначала он был назначен правителем одного из городов, а затем — поскольку царь был доволен его действиями — «великим десятков юга», полномочия которого распространялись на весь юг (начиная с Тинисского нома?). Впоследствии Сенусерт I назначил его управляющим всей страны. Возможно, в это же время Сенусерт назначил молодого Амени, которому было только 18 лет, «великим десятков юга» вместо его отца Ментухотепа. Весьма вероятно, что эта надпись была сделана в Вади Хаммамат на 38-м году правления Сенусерта I; в том же году Амени, автор надписи, снарядил огромную экспедицию, рассказ о которой — датированный — соседствует с этой новой надписью (см. ниже с. 85 и примеч. 54). Амени уточняет, что его отец прожил 84 года, но, к сожалению, не говорит, что памятная надпись сделана в год смерти Ментухотепа, хотя это подразумевается. Тогда мы имели бы такую последовательность событий: Ментухотепу было 16 лет в момент восшествия на трон Аменемхета I; он стал наместником на 16-м году его царствования в 32 года и в течение 14 лет занимался наведением порядка на юге Египта, что, однако, не предотвратило убийства Аменемхета I; когда к власти пришел Сенусерт I, Ментухотепу было 46 лет, а его сыну — 18. Примечательно, что сам Амени, перечисляя свои титулы, говорит, что он «умиротворяет южные провинции»; таким образом, внутренняя напряженность сохранялась еще на 38-м году правления Сенусерта I. Еще в биографической надписи Хнумхотепа II в Бени Хасане проявляется явное недоброжелательство по отношению к этому царю, связанное с враждой между семьями (Omlin, 1962, 83–84; Helck, 1986a, 37).

Необходимость переустройства администрации — возникшая, по всей видимости, после многолетней децентрализации власти — особенно сильно ощущается в таких произведениях, как Книга *Кемит* и *Сатира на профессии* (Posener, 1956, 3–8; 1963, 17–18), созданных при Аменемхете I. В них восхваляется профессия писца, причем так, как будто в эту эпоху существовал дефицит квалифицированных кадров. *Кемит*, что можно перевести как «Альманах», — это рассчитанный на учеников писцов сборник эпистолярных формул, клише, фраз и разнообразных выражений, знание которых полезно в профессии. Во втором «учебнике» содержится обзор различных профессий, перечисляются их недостатки и демонстрируются достоинства ремесла писца» (Ж. Познер). В обоих случаях целью было воспитание хороших чиновников.

Область, о которой мы обычно знаем мало — частное хозяйство, — можно осветить в общих чертах благодаря знаменитым папирусам Хеканахта, обнаруженным в гробнице Месеха: это боковой покой внутри большой усыпальницы правителя города, визиря и судьи Ипи[22]. По счастливой случайности, они содержат информацию о деятельности частного лица, жившего, вероятно, при Аменемхете I[23]. Хеканахт был *ḥm-kꜣ* / *хем-ка* визиря Ипи. Этот термин обычно переводится как «заупокойный жрец», однако может принимать и более общий смысл, обозначая лицо, тесно связанное с покойным службой ему как при жизни, так и после его смерти (Allam, 1985). Архив содержит письма и различные частные документы — например, предписания, выданные Хеканахтом своему заместителю, когда он сам отправился в путешествие на 8-м году правления царя (Аменемхета I или Сенусерта I), и две описи продуктов, произведенных на его ферме, в частности злаковых. Одна из описей была составлена по случаю первого путешествия и датируется 5-м годом, а вторая — 8-м; ферма находилась в Небсит, к югу от Фив, на левом берегу Нила. Драматический намек на голодное время заставляет вспомнить о голоде в *Пророчестве Неферти*, с которым успешно боролся Аменемхет I. Однако голод был слишком частым явлением в Египте и поэтому как факт не может служить для точной датировки событий. Заместитель Хеканахта должен был выполнять те же самые функции, что и его господин в гробнице визиря, *хем-ка* которого был Хеканахт. Возможно, именно во время одного из своих обычных визитов он забыл в гробнице пачку документов, среди которых имелось и запечатанное письмо, так никогда и не попавшее к адресату (James, 1961a, 5).

ВОПРОС О СОПРАВЛЕНИИ

Считается общепринятым, что на 21-м году правления Аменемхет I возвел в царское достоинство своего сына Сенусерта, положив начало периоду соправления, который продолжался 10 лет; его примеру затем следовали и другие цари, вплоть до конца XII династии. Однако это соправление было мнимым. О его продолжительности — 10 лет — судят по стеле Интефа (Каир CG 20516), на своде которой друг напротив друга расположены две надписи, обычно переводимые следующим образом: «Тридцатый год правления Его Величества царя Верхнего и Нижнего Египта Схотепибра (Аменемхета I), да живет он вечно; десятый год правления Его Величества царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара (Сенусерта I), да живет он вечно». Этот перевод был оспорен Робертом Дилией (Delia, 1979), предложившем читать: «тридцать лет во времена правления… десять лет во времена правления…». Он опирается на тот несомненный факт, что на своде стелы стоят только знаки «года», за которыми

[22] TT 315; PM I, 390. — Точных сведений, позволяющих определить время жизни визиря Ипи, нет; Г. Уинлок полагает, что он жил при Ментухотепе II, поскольку гробница возвышалась над храмом этого царя.

[23] James, 1961a; см. также: Goedicke, 1984a; Arnold Do., 1991. — Точная датировка папирусов Хеканахта вызывает споры, однако они определенно относятся к началу XII династии; Доротея Арнольд относит их ко времени правления Сенусерта I (о. с., 35–37).

не следуют ни *t*, ни знак в виде круга, присутствующие в обозначении даты. Таким образом, эти надписи обозначают не даты, а сроки, в течение которых Интеф осуществлял свою деятельность, — очевидно, в течение 30 лет при Аменемхете I и в течение 10 лет при Сенусерте I[24].

Если не считать стелу Интефа, можно заметить, что количество свидетельств о соправлении в период XII династии окажется крайне незначительным. Тогда эта стела остается единственным источником, где говорится о совместном правлении Аменемхета I и Сенусерта I. Существует несколько других стел, где появляются имена сразу двух царей, однако этот случай — единственный, когда датировка производится одновременно по годам правления обоих; отсюда заключили, что надпись на стеле Интефа является свидетельством об их совместном правлении. Всякий раз, когда появляются два этих имени, датировка производится только по правлению младшего царя, как, например, на стеле Несумонту[25]. Все подобные примеры отмечены на частных памятниках, созданных, вероятно (а в некоторых случаях, как с Несумонту, вполне определенно), лицами, чья деятельность протекала при двух монархах. На стеле Несумонту картуш Аменемхета I находится над картушем Сенусерта I согласно порядку занятия ими престола и из-за почтительного отношения к усопшему царю[26]. Фрагменты царских памятников в Лиште и Коптосе, на которых упомянуты два царя, не содержат убедительной информации о соправлении (Delia, 1980, 194–195). О смерти Аменемхета I сообщается только в литературных текстах, но они были интерпретированы по-новому, в соответствии с идеей соправления. Если же понимать их буквально, то окажется, что они говорят, скорее, об обратном. В *Истории Синухе*[27] царское достоинство Аменемхета I подчеркнуто с особой торжественностью: «Год 30-й, 3-й месяц разлива, день

---

[24] Возражения Р. Дилии, касающиеся и других случаев соправления при XII династии, вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие У. Мёрнейн, М. Итон-Краус и Э. Блюменталь (Murnane, 1981a; M. Eaton-Krauss, 1982; Blumenthal, 1983), поддержавшие идею соправления, и Э. Графе и В. Хельк (Graefe, 1982; Helck, 1983b, 1989), поддержавшие интерпретацию Р. Дилии, который вернулся к высказанным им идеям в своей диссертации (1980, 187–232). Д. Франке (Franke, 1988, 113–119) еще оспаривает точку зрения Р. Дилии, но не приводит новых аргументов. На притолоке, найденной в оазисе Матарийя, параллельно представлены имена и титулы Аменемхета I (справа) и Сенусерта I (слева); это свидетельствует о прямой преемственности между отцом и сыном, но не является «доказательством» соправления вопреки тому, что думает издатель этого документа (Awadalla, 1990).

[25] Лувр C1 (PM VII, p. 382); ср.: Obsomer, 1993b. — Дата «24-й год», которую обычно приводят со ссылкой на эту стелу, на самом деле записана как [.]4; реконструкция [2]4 основана на предположении, что эта дата относится к царствованию старшего соправителя в период, когда цари правили совместно; «24» является в этом случае единственно возможной датой. Но если соправления не было, эта дата может относиться только к царствованию Сенусерта I и обозначать 8-й год его правления, что сближает эту стелу с ее «близнецом» Лувр C3, где указан 9-й год царствования Сенусерта I (ср.: Simpson, 1974a, 17, 23; pl. 14–15, ANOC 6)

[26] Возможно, именно так следует интерпретировать стелу Каир JE 59505, найденную в карьере в Тошке, к северо-западу от Абу Симбела (PM VII, 274); на ней друг за другом записаны имена «Сын Ра Аменемхет, наделенный вечной жизнью» и «Сын Ра Сенусерт, царь Верхнего и [Нижнего] Египта Хеперкара». Речь необязательно идет об Аменемхете II, как полагает Р. Дилия; возможно, родство здесь обозначено характерным для Среднего царства способом — имя отца предшествует имени сына, при этом слово «сын» иногда опускается (указание К. Обсомера). См. также фрагмент стелы (Habachi, 1985a, n. 11), принадлежавшей одному чиновнику на службе у Сенусерта I, который при этом упоминает и имя Аменемхета I.

[27] Об этой известной истории см.: Simpson, LÄ V, 950–955. Новое издание текста: Koch, 1990.

7-й. Вознесся бог к своему горизонту, царь Верхнего и царь Нижнего Египта, Схотепибра… Его Величество отправил в страну Тимхиу войско, во главе которого стоял его старший сын, добрый бог Сенусерт» (Sin. R 5–6; 11–13). Конечно же, имя Сенусерта стоит в картуше и он назван «добрым богом», однако в этом нет ничего удивительного, ведь *История Синухе* была написана в правление Сенусерта и предназначена для укрепления его престижа. Аменемхет I назван здесь своим коронационным именем Схотепибра, а Сенусерт — лишь именем, данным при рождении. Считается, что соправление было призвано обеспечить отсутствие потрясений при переходе от одного царствования к другому. Однако текст Синухе отражает другую ситуацию: наследный принц испытывает чувство страха. Когда ему сообщили о смерти отца, «он не медлил ни единого мгновенья, Сокол тотчас улетел со своими спутниками, не поставив в известность войско» (Sin. R 20–22). Это, несомненно, объясняется тем, что в условиях неразберихи царевич спешил опередить возможных соперников. В *Поучении Аменемхета своему сыну*, созданном, как и *Рассказ Синухе*, в пропагандистских целях, старый царь говорит своему сыну буквально следующее: на него напали, «когда со мной не было тебя; прежде чем придворные узнали, что я желал передать тебе власть; прежде чем я сел с тобой, чтобы дать тебе наставления. Ведь я не был готов, я не предвидел нерадивости слуг» (Mill., II, 5–7 = изд. Helck, VIII; по переводу М. Лихтхайм). Из этого наставления следует, что Аменемхет I в действительности не помышлял о соправлении[28]. Далее сообщается, что в заговоре оказались замешаны женщины и вся драма Синухе как раз стала следствием того, что он невольно услышал, как других царских детей тайно известили об освобождении престола[29].

Таким образом, следует признать, что Аменемхет I единолично правил 29 лет и несколько месяцев. Даже если наследному принцу Сенусерту уже давались поручения — например, возглавить войско, — соправителем он не был.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О военных предприятиях Аменемхета I мы знаем с его собственных слов — в *Поучении* он подводит краткий итог своего правления: «Я ходил на Элефантину, я вернулся в Дельту… я победил жителей страны Уауат, я покорил маджаев, я сделал так, что *сечетиу* стали покорными, как собаки» (изд. Helck, Xa; XIIa–c). В одном

[28] Дж. Фостер (Foster, 1981), издавший чикагский остракон (OIC 13636), который позволяет лучше понять концовку текста, настаивает на том, что *Поучение* имеет характер завещания. Сенусерт пожелал вызвать своего отца из загробного мира и услышать от него то, что отец не хотел говорить при жизни, а именно, что он намеревался сделать Сенусерта своим наследником. К тому же в P. Beatty IV, v 6, 11–14, буквально сообщается, что писец Хети составил *Поучение Аменемхета I* после смерти последнего (Posener, 1963, 15). Об авторе *Поучения* Хети, сыне Дуауфа, см.: Posener, 1980.

[29] Была сделана попытка согласовать факт соправления с рассказом об убийстве в *Поучении*, предположив, что покушение совершили на 20-м году правления Аменемхета I, однако оно оказалось неудачным и привело к тому, что царь назначил соправителя. Такова интерпретация Ф. Лл. Гриффита, которую приводят Г. Брэстед (Breasted, AR I, § 474) и Р. Антес (Anthes, 1977).

из этих походов участвовал номарх Бени Хасана Хнумхотеп I с флотом из 20 кораблей[30]; но его надпись сильно повреждена и не позволяет утверждать ничего определенного. Целью экспедиции, возможно, было достичь *Имет* (Телль Небеша) и *Суну* (Пелусия?), то есть восточной оконечности Дельты[31]. Надпись 29-го года, сделанная в эль-Гиргави, к югу от Короско, свидетельствует о том, что царь лично возглавил кампанию по покорению Нижней Нубии (Ууата)[32]. Об этой экспедиции в Нубию говорится и в другой надписи, более пространной, но не имеющей точной датировки (Žaba, 1974, 98–109, n. 73). Составивший (и высекший?) ее писец Рен-икер сообщает, что он сопровождал визиря Интеф-икера на (корабле) «Великое весло», который спустил на воду царь Схотепибра: достаточно ясное свидетельство царского присутствия. Визирь Интеф-икер докладывал, согласно той же надписи, что он построил крепость в эль-Гиргави и что все *нехсиу* в остальной части страны Ууат (то есть к югу от этого места?) истреблены: «Победоносно поднявшись по реке и убив *нехси* (то есть вождя народа *нехсиу*?) за его мятеж, я спустился (по реке), собирая их урожай, вырубая их деревья и сжигая их дома, как и надлежит поступать с теми, кто восстает против царя». Обвинение в восстании недвусмысленно указывает на то, что страна Ууат была завоевана при Ментухотепе II — по крайней мере, так думали сами египтяне. Вероятно, с событиями этой важной и содержательной надписи связаны и прочие, высеченные другими участниками экспедиции. Надписи не датированы, но, судя по ономастическим данным, сделаны в эпоху Среднего царства. Впрочем, зачастую трудно отделить граффити членов экспедиции Аменемхета I от тех, которые оставили участники походов Сенусерта I (речь о них пойдет ниже). Эль-Гиргави (в принципе, нужно говорить о Наге, Вади и Гебель эль-Гиргави), видимо, являлся важной базой, поскольку на участке длиной по меньшей мере 2 км по прямой сделаны 73 надписи; почти все они относятся к Среднему царству и к правлению двух указанных царей. Царствованием Аменемхета I датируются еще несколько граффити чуть севернее Герф Хусейна (Žaba, 1974, 171–173, n. 168).

Очевидно, завоевание Нубии Аменемхетом I произошло в самом конце его пребывания у власти. До этого царь был занят прежде всего внутренними делами, а поскольку он говорит в своем *Поучении*, что после похода на Элефантину вынужден был вернуться в Дельту, можно предположить, что ему приходилось вести борьбу одновременно на всех фронтах. На следующий год — в *Истории Синухе* это детально описано — царь остался во дворце и отправил своего сына вести войну с *чехену* на западе Египта. Так и выдался удобный случай для его убийства.

---

[30] Newberry, 1893, pl. XLIV = Urk. VII, 12, 3; речь идет о 20 кораблях из дерева *аш*. Не ясно, что это значит: «из пихты» или «перевозящие пихту».

[31] Ward, 1969. Слово *сечетиу*, которое переводят обычно как «азиаты», стоит в следующей строке; нет никакой уверенности в том, что в этой же строке присутствует слово *нехсиу*, обозначающее нубийцев.

[32] Žaba, 1974, 31–35, № 4; дискуссия по поводу датировки многочисленных надписей, обнаруженных в эль-Гиргави: Ibidem, 245–248. Однако З. Жаба, стараясь согласовать эпиграфические данные с идеей соправления, напрасно все усложняет. К. Обсомер (Obsomer, 1993b) смог доказать, что надпись № 64 из эль-Гиргави датируется не 29-м годом правления Аменемхета I, а 10-м годом, первым месяцем сезона *ахет* правления Сенусерта I.

СМЕРТЬ АМЕНЕМХЕТА I

Убийство царя произошло на 7-й день третьего месяца сезона *ахет*, на 30-м году его правления[33]. Драматический рассказ об этом событии, вложенный в уста самого царя, который вещает после своей смерти[34], напоминает откровение отца Гамлета. О мотивах убийства также сообщает от первого лица убитый царь. Рассказ пронизан горечью и прекрасно отражает общую ситуацию, так, как ее можно себе представить. «Не доверяй твоим подданным, которые ничто и с которыми ты не должен считаться… Не верь брату, не имей друга, не обзаводись близкими людьми, ибо это напрасно. Когда ты отдыхаешь, сам оберегай жизнь твою (досл. «твое сердце»), ведь ни у кого нет сторонников в день несчастья. Я подавал неимущему, я воспитывал сироту, я делал счастливым как бедного, так и богатого, но тот, кто вкушал от моей пищи, поднял на меня войско, тот, кому я протягивал руки, воспользовался этим, чтобы посеять смуту» (Mill., I, 3–7; изд. Helck, II–IVb). Возмущение пронизывает весь текст. Царь привел страну к процветанию. Голод и беспорядки, на которые жаловался Неферти, прекратились. «Я выращивал зерно, был любимцем Непри (бог злаков); Хапи (разлив) благоволил мне на всех полях. Никто не знал голода в мои годы; никто не испытывал жажды; благодаря тому, что я сделал, люди могли сидеть, разговаривая со мной. Каждой вещи я назначил ее место» (Mill., II, 11–III, 1; изд. Helck, XI). Все это могло порождать ненависть и зависть. Напряженная ситуация, сложившаяся вокруг царя, отражена и в *Истории Синухе*: его паническое бегство было вызвано тем, что он оказался в курсе заговора, призванного помешать приходу к власти Сенусерту, поэтому изгнание он предпочел неминуемой смерти, ждавшей его по возвращении во дворец. Все эти обстоятельства верно передают атмосферу общей нестабильности. Конечно, цари представлены как жертвы злодеев; а тексты, вероятно, носят пропагандистский характер, однако в результате те, кто достаточно долго чувствовал себя почти независимым, ощутили тяжелую хватку новой династии; они образовали оппозицию, уничтоженную Сенусертом I и его наследниками, правление которых, скорее всего, было безжалостной диктатурой. В соответствии с *Рассказом Синухе* «Вал правителя» был сооружен не только как бастион против нашествий чужеземцев, но и как препятствие для египтян, стремящихся бежать из страны (Sin. B 16–19). Редкие тексты, описывающие плачевное состояние храмов, которые инспектировал царь, намереваясь отстроить их заново, наводят на мысль о крайне тяжелых потрясениях; однако из-за формального характера источников и нашего пока еще несовершенного знания языка мы почти ничего о них не знаем[35].

---

[33] Sin. R 5–6. — Убийство произошло в канун праздника *сед*, то есть в момент, когда магические силы царя менее всего могли его защитить (ср.: Hornung, Staehelin, 1974, 59). О вероятном намерении Аменемхета I отмечать праздник *сед*: Hornung, Staehelin, 1974, 27 (XII), 61, 67, 78.

[34] Поучение Аменемхета своему сыну (Mill., I, 11–II, 4; изд. Helck, VI–VII). Остракон, опубликованный Дж. Фостером, свидетельствует, что поучение составлено от лица уже покойного царя (см. выше с. 52, примеч. 1). Эту часть текста заново опубликовал Х. Гёдике (Goedicke, 1988a).

[35] По поводу текстов с Элефантины и Тода см. весьма проницательные наблюдения В. Хелька (Helck, 1985; 1986a, 35–41).

Глава II
СЕНУСЕРТ I.
Ок. 1964–1919 годов до н. э.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Согласно *Туринскому папирусу*, правление Сенусерта I[36] длилось 45 лет. Манефон отводит ему 46 лет; это может означать, что царь умер на 46-м году правления, процарствовав 45 полных лет[37]. Как уже говорилось выше, нет оснований считать Сенусерта соправителем его отца, так что первый год правления Сенусерта I следует здесь за 30-м годом правления Аменемхета I. Царь взошел на трон в 8-й день 3-го месяца разлива (*ахет*), то есть на следующий день после убийства отца (Gardiner, 1946b, 100). Значение этого царствования велико не только ввиду его продолжительности, позволившей царю справить праздник *сед*, но и благодаря количеству царских и частных памятников, дошедших от того времени, активной деятельности, развернутой царем во всех областях, богатству, о котором свидетель-

[36] Simpson, LÄ V, 1984, 890–899; 1043–1045; Handbuch, 65, 197–198; готовится диссертация об этом царствовании (Obsomer).

[37] Надпись из Амады, которую А. Уэйгалл (Weigall, 1907a, pl. LIII, 3 (PM VII, 73–75) ошибочно приписывает Сенусерту III; стела Лейден V 4 датируется 44-м годом.

ствуют также памятники, оставленные номархами и другими значительными лицами того времени, важнейшим литературным сочинениям, скульптуре и произведениям живописи. Если Среднее царство обычно считается классическим периодом египетской цивилизации, то царствование Сенусерта I — это ее апогей. Ко всему прочему, этот царь почитался и последующими поколениями: он был обожествлен[38], как и его правнук Сенусерт III, однако, в отличие от статуй последнего, у большинства статуй Сенусерта I носы сохранились неповрежденными. Именно он заложил основы могущества и престижа Среднего царства, и дошедшие до нас источники не вступают в противоречие с превосходным панегириком, составленным в его честь Синухе (B 47–75).

Аменемхет I считал себя скорее человеком, нежели богом (Omlin, 1962), что было ошибкой. Сенусерт I хорошо осознавал это, поскольку вложил в уста своего отца фразу: «Ты носишь белую корону сына бога» (*Поучение*, изд. Helck, XVc, f; Sall., II, XII, 5). Он стремился в первую очередь к тому, чтобы легитимизировать свои права и права своей династии. Мы не знаем, каким образом произошел переход власти, в связи с которым Синухе испытал такой страх. Вполне вероятно, что Сенусерт I должен был отомстить за своего отца или по крайней мере усмирить соперников. В любом случае он показал, насколько был близок своему отцу, и пожелал утвердиться в качестве преемника великих царей прошлого и основателей Среднего царства.

Его титулатура проста и существует только в одном варианте. Первое имя — *ʿnḫ mswt*/ *анх месут*, оно напоминает имя его отца — *wḥm mswt*/*ухем месут*. Если *ухем месут* означает «возобновление творения, или рождений», то есть «возрождение», то *анх месут*, возможно, — «жизнь творения, рождений», то есть «жизненность»: уже не возобновление, а полный расцвет. Два других его имени — Хеперкара[39] и Сенусерт; последнее, превратившееся в греческой традиции в «Сесострис», означает «человек Могучей»[40]. Что касается его семьи, то известно, что жену царя звали Нефру (Sin. R 4–5).

Сенусерт построил свою пирамиду в 2 км к югу от пирамиды отца, поблизости от столицы Ичтауи (Лишт)[41]. В плане его заупокойный храм представляет собой почти точную копию храма пирамиды Пепи II (Manuel II, 171–178) — еще один способ связать себя с традицией. Ни один царь не заботился о поминовении великих предков так, как Сенусерт I: он приказал воздвигнуть статуи Снофру, Сахура, Ниусерра, Интефа Великого, «отца XI династии», Ментухотепа II, Ментухотепа III и самого Аменемхета I[42]. Несомненно, это он велел составить *Поучение Аменемхета I своему сыну* — прекрасную дань уважения отцу.

---

[38] Он был обожествлен в Бухене (Smith, 1976, 63; 91–92); от его имени была осуществлена эмиссия скарабеев при XVIII династии (Ward, 1978, 2, n. 17); согласно одной из стел, его культ был приобщен к культу Аменемхета I (Hayes, 1959, II, 50, fig. 24); его собственный культ существовал в Дахшуре при XVIII–XIX династиях (de Morgan, 1985, fig. 83 bis); в Ху он упоминается вместе с Хатор (Cruz-Uribe, 1980); имя этого царя фигурирует также в списке великих предков эпохи Рамессидов (TT 306; PM I, 384).

[39] Относительно перевода царских имен см.: Barta, 1985; Fischer, 1989.

[40] Что это была за «могучая» богиня — Хатор (Obsomer, 1989, 42), Сохмет или Сатет (Habachi, 1958, 189)? Возможно, это даже город Фивы, название которого *wꜣst*/ Усает в результате фонетической эволюции стало сливаться с *wsrt*/ Усерт (Quaegebeur, 1970, 300–301)?

[41] Arnold D., 1988. — О продолжительности строительства пирамиды см.: Arnold F., 1990, 30–32; указатель на с. 188.

[42] Скульптурная группа, обнаруженная на Синае, представляет Ментухотепа II, Ментухотепа III, Аменемхета I и Сенусерта I сидящими за столом (PM VII, 357, Murnane, 1977, 5, n. 18); нет основания

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Начало правления было посвящено в основном военным предприятиям. Убийство Аменемхета I произошло в тот момент, когда его сын возвращался из похода на запад Египта[43]. Имя Сенусерта на 1-м году его правления появляется около Асуана, во 2-м году — в Вади Хаммамат. Других экспедиций к рудникам не засвидетельствовано вплоть до 16-го года, когда была осуществлена вторая экспедиция в Вади Хаммамат и первая — в Вади эль-Худи (Seyfried, 1981). Именно в промежутке между этими двумя датами неоднократно предпринимались попытки завоевания Нубии, особенно в 7-м и 9-м годах. На 18-м году военные предприятия завершились, что было ознаменовано установлением южной границы страны на подступах ко второму порогу. Что касается оставшихся 27 лет правления, то для этого долгого периода нет никаких указаний на военную активность, однако показательно увеличение числа экспедиций к рудникам. Возможно, необычайный расцвет, о котором свидетельствуют многочисленные храмы, новые постройки и статуи, наступил именно во вторую половину царствования, в течение которой, похоже, царил мир.

Контакты с Азией

О контактах с Севером у нас нет почти никаких источников, кроме *Рассказа Синухе*. К сожалению, точное местопребывание Синухе в Азии до сих пор остается неясным и служит предметом споров. Во всяком случае, беседы между героем и Амуненши, государем Верхней Речену, показывают, что в этот момент не существовало никаких контактов между данным регионом и Египтом: «Пошли к нему (письмо); пусть он узнает имя твое, не замышляй против Его Величества» (Синухе B 73–74; Davies, 1975, 45–46). К тому же Синухе утверждает, что царь собирается расширить свою территорию за счет стран Юга и не интересуется странами Севера, хотя он «рожден, чтобы победить *сечетиу* и раздавить немиу-ша», то есть тех, кто кочует по пескам (B 71–73)[44]. Азия оставалась, таким образом, вне сферы интересов Сенусерта I; ни один другой источник того времени не противоречит в этом смысле рассказу Синухе. Предлагая своему царю завязать дипломатические отношения с Азией, Синухе перечисляет названия некоторых стран. Лаконизм египетских текстов и наше недостаточное, вплоть до сего дня, знание египетских географических терминов препятствуют их точной идентификации. Вот эти народы: страны (или равнины) *Фенеху*, *Кешу*, *Хенти-иауш*, *Меки*, *Менус*, *Верхняя*

полагать, что изваяние воздвигнуто по воле царя, правившего после Сенусерта I. Последний посвятил Снофру сидящую статую, также на Синае (Bruxelles, MRAH E 2146, PM VII, 358); однако Д. Вильдунг (Wildung, 1969, 128) оспаривает мнение о том, что статуя на самом деле была посвящена Сенусерту I. Статуя Каир CG 42004 (PM II, 136) посвящена «его отцу Сахура» (Wildung, 1969, 56–60). Статуя из Британского музея (BM 870) посвящена Ниусерра (Manuel III, 583; Wildung, Ibid.). Статуя Каир CG 42005 (PM II, 90, Карнак) посвящена «его отцу Интефу Великому». Из Умм эль-Кааб (Абидоса) происходит жертвенник, посвященный Сенусертом I Ментухотепу III (Leahy, 1989, 56, n. 54).

[43] Этот поход был набегом с целью захвата скота для проведения праздника *сед* Аменемхетом I (Hornung, Staehelin, 1974, 59–60).

[44] Логично предположить, что это не те народы, которые обитали в Верхней Речену.

Речену и *Кедем* (B 219–221). Изучив данный вопрос, Майкл Грин (Green 1983, 38–59) пришел к заключению, что вышеназванные территории находились на севере Палестины, простираясь от хребта Хермон до северной оконечности Генисаретского озера и Голанских высот (*Кешу* и *Хенти-иауш*) и далее через Бекаа (*Меки*) до горной цепи Аманус (*Менус*). Речену, согласно М. Грину, располагалась к северу от реки Литани и *Кедема*, на востоке Ливана. Создается впечатление, будто на пространстве между Дельтой и Ливаном не было ничего. Между тем известно точно, что земли Фенеху простирались на восток, начиная от самого восточного рукава Нила или даже от какой-то точки в Вади Тумилат (Vandersleyen, 1971, 109–111). Трудно сказать, насколько далеко на северо-восток распространялись эти территории, но нельзя упускать из виду, что по крайней мере некоторые из них примыкали к Египту. Азиаты, из которых вербовались рабочие на Синае, населяли страну Речену (Giveon, 1978a, 132). Предположение — вполне вероятное — о том, что название «Фенеху» происходит от известного египетского слова, означающего «плотники», побудило связать этот топоним с регионами, поставляющими лес: это заставило исследователей упорно говорить о Ливане. Между тем лес поступал из многих областей, некоторые из них располагались даже рядом с Египтом, если не в самой Дельте (Nibbi, 1986b, и выше, с. 26–27). Проблема идентификации всех этих топонимов остается неразрешенной.

Вероятно, указание на Азию содержится на стеле полководца Несумонту, датируемой временем правления Сенусерта I[45] — возможно, 8-м годом. Военные деяния полководца ограничивались уничтожением лучников *ментиу* и [сече]тиу, а также *хериу-ша* (тех, кто на песках = бедуины?), то есть представителей народов, которых египтяне встречали, достигая востока Дельты или Синая. Таким образом, эти сведения, размещенные в правом нижнем углу стелы, не уводят нас далеко от Египта (так же думает и В. Хельк (Helck, 1971, 43)). Первая часть стелы, наполненная, на первый взгляд, стереотипными формулами, тем не менее наводит на мысль о конкретных реалиях. Несумонту подчеркивает роль, которую он сыграл в Фиванском номе и Верхнем Египте. Если он говорит, что «никогда не поднимал восстания», можно предположить, что другие делали это. Строки 13 и 14 надписи (Sethe, 1928, 82, 7–10) неясны, поскольку мы не знаем точного политического контекста; однако слова «я уничтожил врагов, я убил противников моего господина; подобного не говорили ни о ком другом» могут быть связаны с волнениями, которыми был отмечен приход к власти Сенусерта I; вероятно, для Несумонту они значили больше, чем упоминания *ментиу* и *хериу-ша*.

Завоевание Нубии

Главной целью «внешней» политики Сенусерта I было подчинение Нубии. В этом он продолжил дело своего отца, который, в свою очередь, шел по стопам Ментухотепа II. Культ Сенусерта I в Бухене свидетельствует, что последующие поколения осознавали важность его деяний (H. Smith, 1976, Excursus C, 91–92).

[45] Стела Лувр C 1, возможно, из Палестины: PM VII, 382; фотография (плохого качества): Simpson, 1974a, pl. 14; Obsomer, 1993b. Кубическая статуя этого военачальника находится в Мюнхене; ср.: Wildung, 1981.

Став царем, Сенусерт I провел серию кампаний — с той же целью, что и поход, совершенный его отцом на 29-м году своего правления: результаты последнего, возможно, были сведены на нет после смены монарха[46]. Эта завоевательная политика завершилась кампанией 18-го года, основные сведения о которой содержатся на стеле полководца Ментухотепа, найденной в Бухене (PM VII, 130; Bosticco, 1959, 31–33, № 29; Obsomer, 1992a). Многочисленные наскальные надписи подтверждают присутствие царских войск на юге Египта. Согласно надписи в Асуане, они дислоцировались там начиная с 1-го года правления (Petrie, 1888, pl. 10, № 271). В эль-Гиргави, в нескольких километрах к югу от Короско, найдены две надписи от 7-го года (Žaba, № 52, 53), пять — от 9-го года (№ 11, 57, 58, 59, 65), одна — от 16 года (№ 56), величественная царская стела от 18-го года (№ 74)[47], которая подтверждает информацию стелы полководца Ментухотепа, и, наконец, надпись от 19-го года (№ 55). Надписей более позднего периода не сохранилось, хотя царствование Сенусерта продолжалось еще более 25 лет. Это говорит о том, что завоевание Нубии (возможно, повторное) было завершено и что промежуточная база в эль-Гиргави больше не использовалась. Военные кампании отныне начинались из Бухена (H. Smith, 1976, 64–65). Во время походов войска продвигались далеко за второй порог, поскольку на стеле Ментухотепа бог Монту приводит к царю «все страны Та-Сети». На стеле, в частности, названы (впервые в истории) Куш (Posener, 1987, 16, 23), Шаат, то есть остров Саи (Zibelius, LÄ V, 353–354; Posener, 1987, 24–26), расположенный более чем в 100 км к югу от Семны и Кумны, и Шмик, который, вероятно, следует соотнести с Ишмиком, топонимом, известным по надписям Сенусерта III возле порога Дал, к северу от острова Саи[48]. Можно сказать наверняка, что в эль-Гиргави только надпись № 74 содержит имя царя, другие же, как правило — только число лет и имена, однако соответствия в ономастических данных и стиле заставляют отнести эти надписи к царствованию Сенусерта I. Другие надписи не указывают на число лет, однако вносят окончательную ясность в ход событий. Так, высокопоставленная особа, командующий флотом Редис (Žaba, № 10 A), сообщает, что он в течение 20 лет действовал против Уауата под началом визиря Интеф-икера. Первой кампанией, в которой принял участие этот визирь, был поход Аменемхета I в 29-м году; через 20 лет, на 18-м году правления Сенусерта I, состоялся последний известный нам для этого царствования поход. Редис, таким образом, принимал участие во всех нубийских кампаниях. Его надпись можно понять именно так

[46] Две стелы, воздвигнутые на 5-м году правления Сенусерта I, найдены в Бухене (H. Smith, 1976, 61); на одной царь называется «любимцем Хнума, который стоит во главе (Нубии или порога?)», на второй — «любимцем богов, которые в Уауате». Таким образом, обе содержат упоминание о Нубии, не будучи, однако, явным образом связаны с Бухеном. Исследователи, придерживающиеся теории о соправлении, полагают, что этот 5-й год соответствовал 25-му году Аменемхета I и что присутствие Сенусерта I в Бухене предшествовало походу Аменемхета в 29-м году. Поскольку соправления не было, эта хронологическая инверсия событий отпадает.

[47] З. Жаба и У. К. Симпсон полагают, что «начальник двух житниц» Ментухотеп, приказавший изготовить эту колоссальную стелу, — не кто иной, как будущий визирь с тем же именем (Žaba, 1974; Simpson, 1991, 337, 339).

[48] Obsomer, 1989, 60, n. 200. — Жертвенник Сенусерта I был использован для постройки современного дома на острове Арго, в стене которого и был обнаружен (PM VII, 180). Арго находится в 20 км к югу от Кермы В Керме были обнаружены многочисленные египетские памятники, — такие, как статуи Хапиджефа и его жены Сеннуи. Вряд ли жители Кермы спускались до Семны и Куммы, чтобы завладеть ими.

только в том случае, если не учитывать возможности соправления; кроме того, она соотносится по содержанию с надписью из Вади эль-Худи от 20-го года правления Сенусерта I, из которой явствует, что визирь Интеф-икер все еще оставался в должности[49].

Сведения о походах против Куша содержатся в надписях двух гробниц номархов: Саренпута I в Асуане и Амени в Бени Хасане. Саренпут был, возможно, назначен номархом в самом начале нубийских кампаний Сенусерта (Säve-Söderbergh, 1941, 67). Во всяком случае, он должен был контролировать передвижения по реке в районе первого порога, а также выполнять другие важные обязанности, касающиеся Нубии. Царь по пути в Куш приказал отослать ему подарок; следовательно, номарх не принимал участия в походе, а поскольку кампаний было несколько и поход 18-го года стал последним, мы не можем знать, бывал ли царь в этих местах именно в 18-м году, хотя это вполне вероятно (Ibid., 67–69). Более определенное свидетельство содержится в гробнице Амени. Последний принял участие в походе вместо своего престарелого отца, а так как передача полномочий от старого номарха к его сыну произошла на 18-м году, Амени, возможно, участвовал в кампании этого года.

Оборонительная линия на втором пороге начала принимать зримый облик вместе со строительством первых крепостей[50]. Два преемника Сенусерта продолжали эту политику, однако дальнейшее развитие ситуация получила только при Сенусерте III, который возобновил военные действия, установил официальную границу на Семне и Кумме и самым энергичным образом устранил постоянное давление на Египет с юга, которое оказывали народы царства Куш (Керма) и группы С. Народы группы С — в соответствии с условной терминологией, предложенной Дж. Э. Райзнером во время раскопок в Судане — проникли в Нижнюю Нубию под конец существования Древнего царства, когда носители так называемой культуры Кермы занимали Верхнюю Нубию к югу от второго порога. Несомненно, именно народы группы С упомянуты в *Поучении Аменемхета I* как «народ страны Уауат», а в надписи в эль-Гиргави — как *Нехсиу*[51]. В противоположность тому, что говорится в этой надписи, они не были ни полностью уничтожены, ни даже потеснены, поскольку расцвет их культуры падает на период правления XII династии. Однако правящая верхушка и, вероятно, часть самого народа были отброшены за второй порог, где уже проживали носители культуры Кермы.

---

[49] Seyfried, 1981, 21, № 8. — Впрочем, Ж. Познер (Posener, 1988) полагает, что надпись Редиса относится исключительно к правлению Аменемхета I и, таким образом, Интеф-икер находился в должности еще за 20 лет до смерти Аменемхета, то есть с 10-го года правления этого царя. Против подобной интерпретации говорит отсутствие каких-либо указаний на походы Аменемхета в Нубию до 29-го года его правления. От этого года до 18-го года правления Сенусерта, без учета соправления, прошло как раз 20 лет. Возможно, Интеф-икер был еще визирем в 24-м году, если различные надписи времени Сенусерта I, найденные в Вади Гавасис, действительно датируются этим временем. Одна из них помечена 24-м годом, имя царя в ней не указано, однако имена Сенусерта I и Интеф-икера есть на других надписях, обнаруженных в этом месте (см.: Sayed, 1977, 159, 161, 170). Эмиссар Амени, упоминаемый на стеле из Вади Гавасис, где говорится об Интеф-икере, возможно, является тем самым Амени, который участвовал в походе в Вади Хаммамат на 38-м году правления Сенусерта I (предположение О. Д. Берлева: Berlev, BiOr 40, 1983, 355); в таком случае это говорит в пользу относительно поздней датировки (24-й год) надписи с упоминанием Интеф-икера.

[50] Сенусерт I заложил крепости в Кубане, Анибе, Бухене и Коре (H. Smith, 1966, 14, 228).

[51] Беренс также отождествил народы группы С с *чемеху* (Behrens, 1983). Это вызвало возражения И. Хофманна (Hofmann, 1983).

Возможно, именно объединение двух культур способствовало расцвету если не государства, то по крайней мере сильной общности, в конечном счете названной «Куш», хотя изначально так именовалась лишь ее часть[52]. В течение всего правления XII династии эта общность оказывала давление на северные границы, что заставляло египтян строить новые крепости (Lawrence, 1965, особенно 93–94, перечень мест и библиография). При помощи них тщательно отслеживались любые перемещения населения; допускались лишь контакты с купцами, торговавшими на границе, тогда как проход на север блокировался (согласно *депешам из Семны*, Spanel, LÄ V, 844–847). Давление с юга стало приобретать эффективность по мере ослабления Египта, то есть в конце XIII династии: это заставило первых царей XVIII династии вести множество войн, чтобы уничтожить царство Кермы и отодвинуть границы «зоны безопасности» до 4-го порога. Несмотря на относительное спокойствие, которое продлилось до эпохи Рамессидов, в будущем черные народы вновь настолько усилились, что смогли даже захватить Египет и основать XXV династию.

МИРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Войны, закончившиеся завоеванием Нижней и части Верхней Нубии, видимо, были единственной заботой царя. Экспедиции к карьерам и рудникам приняли значительный размах только после завершения военных действий.

Пунт

После установления власти Египта над 2-м порогом, на 24-м году царствования Сенусерта I состоялась экспедиция в Пунт. О ней упоминают надписи, обнаруженные в Вади Гавасис (см. ниже, с. 85–86); судя по всему, в ней приняли участие 3736 человек, в том числе 500 моряков и 3200 солдат. Экспедицию возглавил эмиссар Амени, сын Ментухотепа, подчинявшийся визирю Интеф-икеру.

Нубия

Одна надпись, датированная 20-м годом, обнаружена в гнейсовых карьерах на северо-западе Тошки. Состав экспедиции был впечатляющим — 1300 человек, в том числе 50 каменотесов и 200 камнеломов. От карьеров до Нила камень перевозили на 1000 ослах — это наибольшее количество вьючных животных, когда-либо использовавшееся за пределами самой долины (Säve-Söderbergh, 1941, 72; Engelbach, 1933, 70–71). Крепость в Кубане могла быть основана для защиты золотых рудников Вади

[52] Wenig, LÄ IV, 526–532, особенно 529–530; Säve-Söderbergh, LÄ III, 888–893; Seyfried, LÄ VI, 1158–1160.

Аллаки (Säve-Söderbergh, 1941, 32)[53]. Экспедиция под предводительством номарха Бени Хасана Амени, которая состоялась между 18-м и 43-м годами, была, по всей вероятности, снаряжена за золотом Нубии (Säve-Söderbergh, 1941, 73; Urk. VII, 15)[54].

Синай

Царь почти не предпринимал никаких действий на севере. Тем не менее активность на Синае в Серабит эль-Хадим подтверждена множеством надписей с его именем, однако ни одну из них нельзя датировать точно (Seyfried, 1981, 155; также Giveon, 1978a, 77–101, и LÄ V, 868). Одна стела вытянутой формы (приблизительно 2,50 м в высоту), напоминающая уменьшенный обелиск из Абгига, была найдена в Вади Хариг; на ней приведена титулатура царя, но без указания даты (Giveon, 1977, 62–63).

Восточная пустыня

Именно после окончательного подчинения Нижней Нубии, то есть после 18-го года правления, стала вестись деятельность в Восточной пустыне.

Восточная пустыня между Египтом и Красным морем в фараоновскую эпоху посещалась почти исключительно со стороны Нила, а не со стороны моря[55]. тем более удивительны находки памятников XII династии вблизи Красного моря, в Вади Гасус и Вади Гавасис. При раскопках Абдель Монема Сайеда (1977, 1983) в Вади Гавасис[56] были обнаружены надписи, в одной из которых есть имя визиря Интеф-икера. В этой и других надписях упоминается экспедиция в Пунт, о которой говорилось выше. Одна из них датирована 24-м годом правления монарха — вероятно, Сенусерта I, что дает возможность датировать весь комплекс надписей (Sayed, 1977, 161). В надписи, упоминающей Интеф-икера, Сенусерт приказывает визирю построить в доках Коптоса (или с привлечением работников этих доков?) флот для путешествия в Пунт. Корабли был построены на берегу *wꜣḏ-wr*/*уадж-ур* под контролем докладчика Амени, сына Ментухотепа, вместе с которым прибыли члены совета Верхнего Египта из Тиниса. Упоминание *уадж-ур* и тот факт, что надписи найдены поблизости от Красного моря, позволили сделать вывод, что корабли были построены около Вади Гавасис и что там существовал порт, откуда отправлялись экспедиции в Пунт. Это заключение выглядит необоснованным: упоминание об *уадж-ур*, как и о доках в Коптосе, переносит нас в действительности на берега Нила, а не к морю. Присутствие памятников XII династии в Вади Гавасис, несомненно, свидетельствует о деятельности,

[53] Тем не менее нельзя утверждать наверняка, что эти рудники разрабатывались во времена Среднего царства; ни одной надписи этого периода там не обнаружено (Пиотровский, 1983).

[54] Л. Хабаши отмечает, что под надписью времен Аменхотепа III в Асуане, возможно, существует еще надпись времен Сенусерта I (?), которая была сделана на 28-м (?) или, скорее, согласно прорисовке Л. Хабаши, в 12-м году его правления (Habachi, 1957c, 23, fig. 7).

[55] З. Жаба, изучая граффити вдоль дороги между Марса Аламом и Эдфу, обнаружил первую иероглифическую надпись в 138,9 км от Марса Алама, то есть всего лишь в 85 км от Эдфу (Žaba, 1974, 224–225). См. также с. 36, примеч. 2.

[56] На ±26° 34′ северной широты, то есть немного выше широты Сохага (Simpson, LÄ VI, 1097–1099).

которая велась в этих местах в данную эпоху. Возможно, в этих местах уже искали свинец и галенит (Baines, Malek, 1984, 24), однако здесь не было порта для крупномасштабной торговли[57]. Вероятно, об этих разведывательных операциях свидетельствует картуш Сенусерта I, обнаруженный в Вади Аталла, на полпути между Нилом и морем, на высоте Кены (F. Green, 1909, 322; а также Bradbury, 1988, 134, fig. 2), а также картуш, найденный в Вади Иса, южнее Вади Хаммамат (L. Bell et al., 1984, 36, граффити № 8).

Что касается первой половины царствования Сенусерта I, то нам известно только об одной экспедиции в Вади Хаммамат, совершенной на 2-м году[58]. Четырнадцать последующих лет царь был занят военными походами в Нубию. Этим объясняется тот факт, что новые экспедиции к рудникам состоялись лишь на 16-м году: одна — вновь в Вади Хаммамат, другая — в Вади эль-Худи[59]. После 18-го года, когда завершилось покорение Нубии, последовали, одна за другой, пять экспедиций в Вади эль-Худи (в 20, 22, 24, 28 и 29-м годах); число их участников было впечатляющим, даже если судить хотя бы по количеству надписей. После этого была осуществлена еще одна важная экспедиция в Вади Хаммамат, на 38-м году правления, — как можно полагать, наиболее масштабная из всех, когда-либо совершавшихся в эту местность, поскольку в ней участвовали более 18 000 человек, которые должны были доставить 60 сфинксов и 150 статуй[60].

Именно после окончания нубийских кампаний начинаются работы в карьерах Хатнуба, где сохранились надписи от 22-го (Posener, 1968) и 31-го года правления Сенусерта I; в последнем случае имеется ясное свидетельство о празднике *сед* царя (Anthes, 1928, 76, pl. 31).

Наши знания о работах в рудниках могут быть дополнены перечнем материалов, использованных Сенусертом I. Можно предположить, что 60 сфинксов и 150 статуй, о которых сообщается в надписи от 38-го года из Вади Хаммамат, были изготовлены из граувакки; но из почти 60 статуй, оставшихся от Сенусерта I, только две изваяны из этого камня; кроме того, сохранился только один сфинкс этого царя из «серого гранита» (Каир CG 42007; Götter-Pharaonen, 1978, № 18). Это заставляет задуматься о том, какое огромное количество памятников не дошло до нас.

Западная пустыня

Относительно нее мы знаем только то, что сообщение с оазисами Харга и Дахла было обеспечено и эта ситуация сохранялась на протяжении правления XII династии (Giddy, 1987, 57–60, 169).

---

[57] См. выше, с. 34–36, а также соображения А. Нибби (Nibbi, 1981, 69–72). Редде и Кольвен отмечают, что торговля вдоль этих путей в действительности началась только во времена Августа (Reddé, Colvin, 1987).

[58] Источники, библиографию и исследования, посвященные всем этим экспедициям, можно найти в книге К.-И. Зайфрида (Seyfried, 1981); о первой кампании: Ibid., 1, 257.

[59] Первая экспедиция могла состояться только в 17-м году, согласно А. Садеку (Sadek, 1980, I, 16, надпись № 6).

[60] Seyfried, 1981, 248–253, 269; Goyon, 1957, 17–20; № 61–63. — Новую, недатированную надпись Сенусерта I обнаружила в Вади Хаммамат А. Гасс (Gasse, 1987).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Царствование Сенусерта, необычайно долгое, вероятно, было и эпохой процветания государства. Об этом свидетельствуют успешные военные кампании в Нубии, многочисленные экспедиции к карьерам после ее завоевания, количество и необычайно высокое качество царских памятников, особенно статуй, и наконец, процветание отдельных номархов или провинциальных князей.

Номархи

Речь идет главным образом о Саренпуте I из Асуана (1-й ном), Хапиджефа (или Джефахапи) из Асьюта (13-й ном), о номархах из Меира (14-й ном), о Джехутинахте из эль-Берши (15-й ном) и Аменемхете, называемом Амени, из Бени Хасана (16-й ном) (Omlin, 1962, 80–92).

Значение личности Саренпута (гробница 36 в Куббет эль-Хава) связано с ролью Элефантины — пограничного поста у последнего порога Нила; здесь имелись каменоломни и активно отправлялись культы богов первого порога, особенно богини Сатет, верховным жрецом которой являлся Саренпут. Этот номарх, вероятно, был предан Сенусерту I с самого начала его царствования (Säve-Söderbergh, 1941, 67; Habachi, 1985a, 38–39, doc. № 1, 10).

Расположенные намного севернее четыре смежных нома — 13–16-й — образовывали сплоченную группу (AEO II, 51*, карта). Они находились в одинаковых условиях — регион был исключительно плодородным[61], вследствие чего эти номы, вероятно, имели средства и возможности ослабить связи с централизованным государством, чему способствовала и их удаленность от политических центров. Именно в этих номах попытки обретения независимости осуществились в полной мере. Вероятно, к тому времени, когда XII династия наследовала XI, номархи 15-го нома стали датировать свои памятники в соответствии с хронологией своего собственного «царствования»[62]. Позднее, уже после Сенусерта I, номарх 14-го нома (Меир) без зазрения совести присвоил ряд эмблем и символов, на которые имел право только царь[63]. Сплоченное развитие номов прослеживается даже в архитектуре: между типами гробниц в Бени Хасане, эль-Берше и Меире находят весьма сходные черты (Arnold // PKG, 154).

Номарху Аменемхету из Бени Хасана принадлежит прекраснейшая гробница в этом некрополе (Manuel II, 1, 348–350; PM IV, 141–144, № 2). Он наследовал своему отцу, имени которого не приводит, на 18-м году правления Сенусерта I, и управлял номом вплоть до своей смерти, последовавшей на 43-м году правления этого царя. Аменемхет был участником двух экспедиций в Нубию, в одной из которых сопровождал царевича-

[61] Wilson, 1955, 217. Роль региона как «чрева Египта» нашла отражение в мифах о нем (см.: J.-Cl. Goyon, 1988, 36–37).

[62] См. выше, с. 64. Амени из Бени Хасана поступил скромнее: только после 43-го года правления Сенусерта I он установил его соответствие с 25-м годом согласно хронологической системе, существовавшей в номе Орикса (Newberry, 1893, I, 24).

[63] Уххотеп III, Меир C 1: Blackman, 1953, VI, 15, pl. 30, 34–38.

наследника (Feucht, LÄ I, 193–194). Его карьера (и возможно, карьера его отца) прервала правление законной династии, о чем мы узнаем из биографии наследника по этой линии Хнумхотепа II, где рассказывается об истории его предков вплоть до воцарения самого Хнумхотепа при Аменемхете II (Omlin, 1962, 83–84). Возможно, что именно по воле Сенусерта во время его царствования семейство Амени отстранило от престола семейство Хнумхотепа. Гробница Джехутинахта (№ 1) в эль-Берше (15-й ном) слишком сильно разрушена, чтобы быть хорошим источником исторической информации. В Меире (14-й ном) датирована только одна гробница — гробница Уххотепа II (B 4), в которой присутствует имя Аменемхета II; гробницы, которые относят ко времени правления Сенусерта I, датируются исходя из этой даты, на основе генеалогий и вариаций стиля. Это гробницы Уххотепа I (B 2), Уххотепа III и Сенеби II (B 3). Тот факт, что имя царя ни разу не появляется в их гробницах, возможно, отражает их претензии на самостоятельность, о чем свидетельствует и чрезвычайно оригинальный стиль некоторых из них. Пышная титулатура этих знатных особ стала более скудной в конце правления Сенусерта I либо в начале царствования Аменемхета II (Omlin, 1962, 88–89). Наконец, Хапиджефа (или Джефахапи) в Асьюте (13-й ном) (Beinlich, LÄ I, 1105–1107; Franke, 1984a, № 777, с неполным списком титулов) владел множеством должностей — религиозных и гражданских, но не военных, а в его биографии говорится главным образом о восстановлении в Асьюте памятников, поврежденных в ходе предшествующих событий (Griffith, 1889, Tombe I, 1, 235–237; Beinlich, LÄ I, 1106). О богатстве этого человека, который, судя по его титулам, мог быть очень близок к царю, свидетельствуют впечатляющие размеры его гробницы: она включает самый обширный в Египте зал без опор (20,90 × 16,60 м), вырубленный в скалах. К тому же номарх приказал сделать себе великолепные статуи. Деревянная — которая, вероятно, происходит из его гробницы в Асьюте и изображает его самого — является самой большой статуей из дерева, сохранившейся до наших дней (Лувр E 26915; Vandier, 1971a; 1972, 101–102: достигает 2,285 м вместе с цоколем, высота которого составляет 0,20 м). От него дошло также множество каменных изваяний, одно из которых было найдено в Ливане (Chehab, 1969, 22; pl. IV), другое, сильно фрагментированное, — в Керме (Boston 14, 724; PM VII, 177; Manuel III, 583; Id., 1971a, CRAIBL, 368–369). Нижняя часть еще одной, сидящей гранитной статуи обнаружена в храме B 500 в Гебель Баркале (Напата) (Khartoum 1854; PM VII, 216); на ней высечен титул «Великий правитель Юга». Этот титул указывает на выполнение номархом каких-то обязанностей в Нубии, что объясняет находки его статуй в Керме и Напате[64], к которым можно прибавить статую из серого гранита его жены Сеннуи, также найденную в Керме (Boston MFA 14.720; PM VII, p. 177; Manuel III, 582). Высота последней составляет 1,68 м — явно больше натуральной величины для сидящей статуи; размер ее исключительно велик для частного изваяния, к тому же женского[65].

Возникает вопрос: откуда эта бросающаяся в глаза роскошь? Может быть, главной причиной благополучия этих людей было вовсе не царское расположение? В обмен на хорошую службу и преданность — по крайней мере, внешнюю — царь позволил им

[64] В. Хельк (Helck, 1976c) придерживается мнения, что они были привезены из Асьюта в гиксосскую эпоху. В действительности они могли быть найдены кушитами недалеко от Кермы.

[65] Нельзя со всей уверенностью утверждать, что статуя Worcester 1938.9 принадлежит номарху Хапиджефа (Dunham, 1937–1938).

разделить «излишки» власти: отравленный дар, ценный лишь до тех пор, пока их поддержка помогала Сенусерту I утверждать авторитет монархии. Благодаря этому его наследники смогли обойтись без поддержки номархов и постепенно ослабить их власть. Однако то обстоятельство, что царь распространил свои благодеяния именно на этих номархов, объясняется также могуществом и влиянием их номов, достигнутым еще до вмешательства царя. Они были одновременно и самыми опасными, и самыми полезными. Может быть, их следовало подкупить?

Администрация

Активная деятельность царя может свидетельствовать о значительных экономических средствах, сосредоточенных в руках сильной власти, а также о надежности административного персонала и стабильности его состава. Знаменитым администратором был визирь Интеф-икер (Franke, 1984a, № 146; Posener, 1988), занимавший эту должность уже при Аменемхете I; вероятно, его карьера продолжалась и в первой половине царствования Сенусерта I. Имя визиря встречается в Нубии, в Восточной пустыне, и в самом Египте — в *Папирусах Райзнера*. Гробница его матери Сенет находится в Фивах (№ 60), а его собственная — в Лиште, около пирамиды Аменемхета I, его первого повелителя. Преемником Интеф-икера был Ментухотеп, огромная мастаба которого расположена в Лиште, к югу от пирамиды Сенусерта (Simpson, 1991, 338–339); возможно, он исполнял эту должность вплоть до конца правления этого царя[66]. Интеф-икеру в начале правления XII династии пришлось испытать немало трудностей — первая нубийская война, убийство Аменемхета I, походы Сенусерта I в Нубию, которые завершились лишь на 18-м году правления; Ментухотеп же явно выступал в роли устроителя мира и получил от этого немалую выгоду. Он оставил множество личных памятников огромного размера: десять статуй в Карнаке, величественный кенотаф в Абидосе, мастабу в Лиште. В качестве начальника всех царских работ он отвечал за возведение многочисленных построек, предпринятых при этом монархе, и его колоссальных статуй по всему Египту[67]. Очевидно, что помимо номархов, соорудивших во время этого царствования превосходные гробницы, существовала армия чиновников, руководимых могущественными визирями[68].

Тщательность работы администрации нашла отражение в четырех папирусах эпохи Сенусерта I, представляющих интерес главным образом для экономической истории: это *Папирусы Райзнера*[69], которые дошли до нас по счастливой случайности. Эти документы важны для изучения египетского общества и системы организации работ; кроме того, вероятно, они были созданы в связи с конкретной исторической ситуацией. В *П. Райзнера* II имеются сведения о деятельности судостроительных верфей в Тинисе,

---

[66] Часть имени Аменемхета II (?) можно прочитать на правом плече одной из этих статуй, Каир CG 42044; Simpson, 1991, 340.

[67] У. К. Симпсон (Simpson, 1991) дал блистательный обзор сведений о нем; О. Д. Берлев даже склонен приписать ему *Поучение верноподданного* (Simpson, o. c., 337).

[68] Simpson, *LÄ* V, 892, 896; F. Arnold, 1991. — О сцене аудиенции придворных у Сенусерта I на 10-м году его правления см.: Habachi, 1985b.

[69] См. великолепную публикацию У. К. Симпсона: Simpson, P. Reisner, I–IV, 1963b, 1965a, 1969a, 1986.

осуществлявшейся под руководством визиря Интеф-икера с 15-го по 18-й год правления Сенусерта I. Не было ли это связано с подготовкой решающего похода в Нубию? *П. Райзнер* I датируется 24-м и 25-м годами. Возможное косвенное указание на голод хорошо соотносится с единственным известием о голоде в правление Сенусерта I, исходящим от Амени из Бени Хасана (то есть между 18-м и 43-м годами) — Ментухотеп из Арманта указывает, что он разразился именно на 25-м году (стела Лондон UC 14333, датируется временем Сенусерта I О. Д. Берлевым, BiOr 38, 1981, 318–319). Сведения, содержащиеся в данном папирусе, обрываются на 25-м году, что могло быть вызвано голодом (Simpson, 1986, 7; 1936b, 50, n. 4).

Среди других знаков власти назовем стелы, посредством которых царь установил границы между отдельными номами (Habachi, 1975b, 33–37), а также географическое описание страны с обозначением религиозных центров, высеченное на цоколе *Белой Часовни* (Schlott-Schwab, 1981).

Строительная деятельность

О деятельности Сенусерта I в Египте свидетельствуют его постройки, обнаруженные более чем в 35 местностях[70].

Нам хотелось бы включить в обозрение царствования историю возведения храмов, обелисков и статуй. К сожалению, источники, касающиеся этой деятельности — количество их возрастает год от года, — требуют специального исследования, обзора, который до сих пор не предпринят. Самое раннее свидетельство о строительстве сохранилось в берлинском *Кожаном свитке*. Документ датирован 3-м годом Сенусерта I, однако в действительности это историческое повествование было написано при Аменхотепе II (Derchain, 1992). Впрочем, поскольку составитель мог привлечь часть оригинальных данных, относящихся к эпохе XII династии, не исключено, что текст и в самом деле содержит информацию времен Сенусерта I. Последний будто бы предпринял крупные работы в Гелиополе, в храме Атума, воздвигнув также стелы в честь Ра-Хорахти. Возможно, обелиск, стоящий и сегодня в Гелиополе, свидетельствует об этих работах[71]. На 9-м году Мери, сын Менхута, был послан для возведения из турского известняка храма, который стал объектом почитания Осириса — вероятно, в Абидосе[72]. Один блок от 19-го года происходит из Коптоса[73]. Тридцать третьим годом датируется первое упоминание о храме Мина в Ахмиме (Kuhlmann, 1983, 21). Некоторые памятники можно связать с праздником *сед* царя (Hornung, Staehelin, 1974, 27–28, 52–53, 64, 67), который отмечался

---

[70] Основная библиография находится в Manuel II, passim, Simpson, LÄ V, 1984, 891–892; Gestermann, 120–121, 126; PM IV в этом отношении не совсем полон.

[71] *Кожаный свиток* содержит неясные намеки на пирамиду (Derchain, 1992, 43, n. 17); предшествующие переводчики интерпретировали это слово как «обелиск», поскольку в Гелиополе не было пирамиды, а второе слово *mr*/*мер* — как «озеро» (Goedicke, 1974b; el-Adly, 1984).

[72] Vernus, 1973; до этого считалось, что работы, о которых говорится в надписи, велись в Лиште.

[73] B. Fayolle, 1958, Le Livre du Musée Guimet de Lyon (Paris-Lyon) 90; по мнению К. Обсомера, 19-й год не принадлежит этому царствованию. Относительно комплекса памятников Сенусерта I, происходящих из Коптоса и хранящихся сегодня в лионском Музее Святого Петра, см.: M. Gabolde // Les Réserves de Pharaon. Lyon, 1988, 40–43; см. также: в Bulletin des Musées et Monuments Lyonnais, 1–2, 1990, 22–25.

на 31-м году[74]: это относится к *Белой Часовне* в Карнаке (Kees, 1958). Начиная с середины царствования, строительная деятельность велась под руководством визиря Ментухотепа.

Помимо этого, имеются свидетельства о деятельности Сенусерта в Мемфисе (откуда происходит берлинская статуя E 1205) и в Лиште, где находится его пирамида и его заупокойный храм[75], намного более грандиозный по замыслу, чем храм Аменемхета I, и повторяющий постройки Древнего царства; отсюда происходят 16 статуй. В Файюме, где были обнаружены статуи царя, он приказал возвести внушительный столб четырехугольного сечения и скругленный сверху, который по традиции называют «обелиском из Абгига» (Arnold, LÄ II, 91). В Среднем Египте его имя встречается также на памятниках в эль-Атауле, Ахмиме (о чем уже говорилось выше), Абидосе, Ху (Redford, 1973c, 2a–3b) и Коптосе.

Как и в случае с Гелиополем и Ахмимом, если не фундамент, то по крайней мере первая монументальная структура храма в Карнаке возникла при Сенусерте I[76]. Его имя встречается на архитектурных фрагментах — многоугольных колоннах, украшенных рельефами и осирическими изображениями царя поистине колоссальных размеров (см. ниже, с. 93). Они были возведены на начальном этапе строительства карнакского храма. Из 3-го пилона была извлечена и восстановлена знаменитая *Белая Часовня* (PM II, 61–63); в 9-м пилоне среди *талататов* Эхнатона недавно обнаружили вторую часовню из известняка, построенную Сенусертом I (Azim, 1981, особенно с. 55–56; Traunecker, 1982a). Южнее 7-го пилона было найдено нечто вроде культового комплекса, возникшего, вероятно, после перестройки храма в период Нового царства: наос из черного гранита располагался напротив двери (сделанной при Тутмосе III), которая находится теперь в восточной стене, соединяющей 7-й пилон с 8-м. По обе стороны этой двери, как и двери пилона, видны желоба для флагштоков; по бокам ее стояли две статуи Сенусерта из розового гранита. Весь ансамбль несет в себе загадку (Barguet, 1962, 266–268; см. также ниже, с. 74). Другие памятники тоже свидетельствуют о значительном размахе строительства в Карнаке при Сенусерте I — особенно многочисленные царские головы из песчаника[77]. Еще при Рамсесе IX, во времена верховного жреца Аменхотепа, помнили, что именно Сенусерт I решил поселить жрецов на территории храма Амона (Sauneron, 1966, 12–13, 15; Anus, Saad, 1971, 237)

К югу от Карнака памятники времен царствования Сенусерта I есть в Арманте, Тоде[78], Гебелейне, Иераконполе, но больше всего их на Элефантине, особенно в храме богини Сатет[79].

---

[74] Нет указаний на то, что, несмотря на значительную продолжительность царствования, были и другие *хебседы*. См.: Hornung, Staehelin, 1974, 27–28.

[75] Edwards, 1967, 253–260; Stadelmann, 1985, 231–232; Arnold, 1992; ср.: el-Khouly, 1978, 44 sq., относительно находки жертвенника. Пирамида строилась под руководством великого дворцового управляющего, должность которого появилась при Сенусерте I: Arnold F., 1991.

[76] Точка зрения, принятая в работе Albouy, Golvin, Goyon, 1989, 56–58; см. также двери и притолоку, опубликованные Т. Зиммером в Le Saout et al., 1987, 297–305. Первые архитектурные памятники в Карнаке восходят к Интефу II.

[77] Например, голова, хранящаяся в Швеции — Peterson, George, 1973, обложка и с. 7; другая голова, Ibidem, 34, а также голова Luxor J40 (номер не соответствует музейному каталогу).

[78] Bisson de la Roque, 1937, 6–16; 106–112. — В. Хельк (Helck, 1985) сделал предварительную публикацию одной важной надписи Сенусерта I из Тода; полностью надпись была опубликована Д. Редфордом (Redford, 1987b). Очерк истории храма Монту в Тоде: Desroches Noblecourt, Leblanc, 1984.

[79] Habachi, 1975b; *LÄ* I, 1218 *s. v.* Elephantine. — См. также отчеты о раскопках Германского и Швейцарского институтов в *MDAIK*, особенно Kaiser et al., 1975, 49–50; Schenkel, 1975; Helck, 1978b.

Предпринятое царем строительство имело как религиозную, так и политическую подоплеку и велось параллельно с литературной пропагандой, образцом которой считают, например, *Историю Синухе*. В *Кожаном свитке* царь объявляет о своих строительных проектах в Гелиополе, при этом придворные намекают на ожидаемую церемонию (?) Сема-Тауи; Х. Гёдике показал, что этот праздник проводился не в честь прихода царя к власти — скорее он символизировал объединение государства после смут, что еще не могло иметь места на 3-м году царствования Сенусерта I (Goedicke, 1985a, 311–312). Однако если этот текст и в самом деле был отредактирован при XVIII династии, доказать, что это конкретное событие относится к правлению Сенусерта I, будет непросто.

Заметное распространение получили отдельные культы, популярные в народе. При Сенусерте I увеличивается число адептов культа номарха Хекаиба на Элефантине, а также культа Осириса в Абидосе — последний, возможно уже сосредоточился вокруг гробницы царя Джера, почитавшейся как гробница этого бога; именно в эту эпоху на фиванских стелах появляется «Абидосская формула», а в гробницах — сцена паломничества в Абидос (Leahy, 1989, 55–59). Вероятно, не случайно сохранился папирус, раскрывающий детали проведения праздника *сед* Сенусерта I (Altenmüller, 1965–1966, особенно 441–442).

ИКОНОГРАФИЯ СЕНУСЕРТА I

Предполагается, что царские статуи — по крайней мере, те, у которых сохранились головы — должны дать представление о внешности царя, сообщить ему человеческое измерение, хотя мы пока еще плохо знаем, какие мотивы двигали заказчиками статуй и что ограничивало свободу скульптора. Количество статуй Аменемхета I относительно невелико, статуи же Сенусерта I, напротив, хорошо сохранились, причем во множестве. В то же время не существует ни одного известного изображения Аменемхета II[80], а почти все статуи, которые с уверенностью можно приписать Сенусерту II, были переделаны таким образом, чтобы придать им облик Рамсеса II. Зато Сенусерт III оставил нам огромное число статуй, половина из которых, правда, сильно повреждена. Достаточно многочисленны статуи Аменемхета III; очень редки статуи Аменемхета IV и Нефрусебек. Все эти особенности, несомненно, имеют важность для истории.

Египет достиг при Сенусерте I исключительного процветания — соответственно, число его статуй огромно. По их количеству и превосходному качеству можно судить о физическом облике царя и происходивших с ним возрастных изменениях, а также о его устремлениях. Ввиду отсутствия датированных документов первая хронологическая фиксация портретных статуй делается в соответствии с возрастом царя, отраженным в его лице — это выявляется путем сравнения лиц статуй с учетом

[80] Сфинкс A 23 в Лувре, который обычно считают изображением Аменемхета II, в действительности является памятником Древнего царства, что было продемонстрировано около 50 лет назад Пьером Монтэ и недавно подтверждено Надин Шерпьон (1991).

продолжительности царствования, — а затем по размеру, типу и характеру. Видимо, царь вмешивался в процесс создания статуй. Пример этому — группа из десяти сидящих статуй чуть выше натуральной величины (1,94 м), обнаруженных в Лиште возле пирамиды Сенусерта I (Каир CG 411–420), которым сегодня уделяют незаслуженно мало внимания. Царь выглядит молодым, стройным и энергичным. Эти десять изваяний остались незаконченными и были тщательно спрятаны, причем приставлены одно к другому вплотную для экономии пространства — признак того, что планы изменились и статуи остались невостребованными. У шести осирических статуй вдоль дороги, ведущей к входу в заупокойный храм, лица также выглядят очень молодыми и жизнерадостными (Каир CG 397–402); это первые осирические статуи, обнаруженные в данном месте. Они изготовлены почти в натуральную величину. У двух гранитных статуй из Карнака выражение лица столь же оптимистичное, но общий облик более атлетичен (Каир JE 38286–7); по размеру (3,10 м) они огромны, но уступают двум другим статуями из известняка, одна из которых высотой 4,75 м сохранилась полностью (Каир JE 48851; от второй остался только бюст, *The Luxor Museum*, 1979, № 25, J 174). Лицо царя не кажется больше радостным и юношеским. Он выглядит серьезным, физически сильным человеком — таким же, как на барельефе из Коптоса (Лондон UC 14786). Но есть еще статуи из диорита («черного гранита», Каир CG 384; 8/2/21/1), также колоссального размера, с неожиданно жестоким и отталкивающим лицом[81]. Пока еще рано давать какие-либо объяснения этим метаморфозам во внешнем облике царя, однако они, вне всякого сомнения, были следствием политических изменений во время царствования.

Во всяком случае, Сенусерт I, очевидно, был человеком сильным от природы, с железным здоровьем, о чем свидетельствует продолжительность его правления, и внушал уважение благодаря своей могучей фигуре и выдающемуся характеру.

ВЫВОДЫ

Что можно сказать об этом царствовании? На первый взгляд оно, конечно же, выглядит невероятно впечатляющим: искусство и литература достигли высочайшего уровня развития. Однако главными факторами успеха стали, по всей видимости, упрочение царской власти и установление эффективной системы управления. Сохранилось очень большое количество датированных частных документов — несомненно, принадлежащих тем, кто поддерживал царя. Эти документы, такие как *Папирусы Райзнера*, свидетельствуют о весьма сложной и разветвленной организации управления, внутри которой существовала жесткая иерархия. Возможно, была и оборотная сторона медали, о которой так убедительно и правдоподобно говорил В. Хельк (Helck, 1986a, 36–41): попытками обрести независимость и противодействие возвращению централизованного государства можно объяснить падение XI династии,

[81] Две деревянные статуи, найденные в Лиште (Каир JE 44951; MMA, 14, 3, 17), лица которых весьма отличаются от остальных изображений царя, датируются теперь временем XIII династии (S. Johnson, 1980).

убийство Аменемхета I и бурные потрясения, о которых свидетельствуют надписи Сенусерта I, где идет речь о восстановлении зданий, разрушенных в результате гражданских войн[82]. Может быть, эти многочисленные работы, предпринятые от имени Сенусерта I на севере и юге Египта, были вызваны катастрофическим состоянием построек после окончания смут, о которых почти не сохранилось упоминаний в официальных текстах. Эта напряженность ощущается и в *Истории Синухе*, которая заканчивается сюжетом об «амнистии» и обмороке Синухе, пришедшего к царю: это дает представление об опасности, угрожавшей непокорным (тем, кого В. Хельк называет «гёзами», по аналогии с героями оппозиционного Филиппу II движения в Нидерландах в XVI веке). Все это позволяет лучше понять контекст *Истории Синухе* и причины его бегства, которое невозможно объяснить, поскольку подлинные его мотивы не могли быть изложены.

[82] Знаменательным является тот факт, что из пяти изображений штурма укреплений, приведенных А. Шулменом (Schulman, 1982b, 180), четыре относят к XI династии и только одно — к XII, а точнее — ко времени Сенусерта I.

Глава III
АМЕНЕМХЕТ II.
Ок. 1919–1881 годов до н. э.

После впечатляющего царствования Сенусерта I[83] правление Аменемхета II (von Beckerath, LÄ I, 189–190) кажется непримечательным. Документы о нем малочисленны, а их толкование сомнительно. Ни одно изображение царя не дошло до нас[84]. Суждения о его «международной» политике основаны на информации, ценность которой серьезно оспаривается (сокровища из Тода, находка сфинкса «царской дочери Иты» и статуэтка «царской дочери Хнемет-нефер-хеджет» в Сирии). На одной стеле от 28-го года упоминается экспедиция в Пунт, однако присутствие этого памятника в Вади Гасус остается загадочным. Блеск царствования подтверждают главным образом золотые и серебряные изделия, обнаруженные возле пирамиды в Дахшуре в гробницах принцесс, однако не исключено, что эти царевны жили гораздо позднее.

[83] Последовательное правление трех первых царей XII династии засвидетельствовано надписями на стеле Самонту, Британский музей, 828; см.: Delia, 1980, 199–200.

[84] Статуи царя, несомненно, должны были существовать. В надписи Сахатора говорится об изготовлении 15 (а не «16», как пишет Г. Брэстед: Breasted, AR I, § 601 b), статуй из твердого камня для заупокойного храма царя (Британский музей 569, HT II, p. 20), но ни одна из них не была найдена. О сфинксе A 23 из Лувра см. выше, с. 92 и примеч. 80.

Аменемхет II носил тронное имя Небукаура. Наиболее поздней датой его царствования, зафиксированной в одном из документов того времени, является 35-й год[85], что близко к тридцати восьми годам, о которых сообщает Манефон. Предположение о соправлении Сенусерта I и Аменемхета II, как и о соправлении Аменемхета II и его преемника Сенусерта II, было отвергнуто Р. Дилией (1980, 198–202), точку зрения которого мы принимаем.

Перечислить членов семьи царя трудно. Нам известны женщины, именуемые дочерями царя, — такие, как царевны Ита, Хнемет (возможно, сокращенное имя следующей), Хнемет-нефер-хеджет и Сатхатор, которых современные авторы чаще всего считают дочерями Аменемхета II. Впрочем, титулы царских родственников никогда не сопровождаются конкретным именем царя[86]; их идентификация основана лишь на том факте, что гробницы последних обнаружены рядом с его пирамидой, хотя на предметах, которые в них находились, нет даже имени Аменемхета II. Это же касается и «его супруги» Кеминебу (PM III, 886)[87]. Тем не менее было бы опасно автоматически относить гробницы, окружающие пирамиду, ко времени того царя, при котором она была возведена. Наиболее ярким примером является гробница царя Хора, 14-го царя XIII династии, вырубленная в погребальном комплексе Аменемхета III. Точно так же гробница принцесс Иты и Хнемет была сооружена внутри погребального комплекса Аменемхета II, но сами царевны могли жить позднее этого царя. Нет никакой уверенности в том, что они были его дочерями[88]. Даже найденное в гробнице украшение с именем царя — датируемое, следовательно, его правлением — могло быть положено туда позднее.

Подобные сомнения существуют и в отношении памятников, обнаруженных в Сирии. Это статуэтка из Угарита и сфинкс из Мишрифы (Катны?), носящие соответственно имена принцесс Хнемет-нефер-хеджет и Иты (PM VII, 394 и 392). Их датируют временем Аменемхета II, так как имена на изваяниях как раз приписывают его дочерям. Поскольку эта гипотеза не имеет достаточных оснований и есть доводы в пользу датировки изваяний более поздним временем, ценность этих памятников для уточнения хронологии связей между Египтом и Азией оказывается незначительной, а для уточнения хронологии царствования Аменемхета II — нулевой.

---

[85] PM V, 247; Delia, 1980, 201–202. В Corrigenda Лексикона египтологии (LÄ I, 189, 46) эта цифра заменена на 38 без объяснений.

[86] Тем не менее сохранилась цилиндрическая печать царевны Хнемет-нефер-хеджет, после имени которой следует эпитет «владычица блаженства у царя Небукаура» (Newberry, 1907, 11, № 9, pl. I, № 9; Delia, 1980, 11, n. 4).

[87] У царя, как и у его отца, жен звали одинаково — Нефру (Arnold D., 1992, 22–25).

[88] Стела царевича Аменемхет-анха (PM III, 953, № 34) была использована при постройке гробницы принцесс. Поскольку Аменемхет II стал первым царем Среднего царства, возобновившим строительство в Дахшуре, эта стела и другие предметы с именем того же лица, найденные в этом месте, нужно датировать, вероятно, правлением Аменемхета II. Вторичное использование стелы может указывать на то, что между окончанием царствования Аменемхета II и началом строительства гробницы принцесс прошло некоторое время. См. также статью Х. Виллемса (Williams, 1975–1976), который вопреки мнению Х. Лиликвист (Lilyquist, 1979) вполне обоснованно отодвигает датировку гробницы Сенебтиси и других вплоть до середины XIII династии.

Для столь продолжительного правления, несмотря на достаточно большое количество частных стел (У. К. Симпсон (Simpson, 1974a, 27–28) перечисляет 28 памятников), следы царской деятельности редки. Кроме пирамиды царя в Дахшуре, именуемой белой пирамидой (PM III, 885–886), от построек времен Аменемхета II дошел фрагмент архитрава в Мемфисе (Ком ан-Нава; PM III, 851), блок в Телль эль-Йахудийя (PM IV, 57), пилон храма Тота в Гермополе (PM IV, 168; Spencer, 1989, 63–64) и фрагмент картуша в Северном Карнаке (PM II, 16). Его присутствие на Элефантине засвидетельствовано только благодаря его титулатуре на притолоке часовни Хема, отца Саренпута II; кроме того, его картуш является частью второго имени Саренпута II в гробнице последнего в Асуане[89].

В качестве наследного царевича Аменемхет лично сопровождал одного номарха из Бени Хасана в Нубию, чтобы привести оттуда золото (см. выше, с. 84–85). Чиновники оставили свои надписи в Гнауи Шема, напротив Хор Дехмита, на 3-м году его правления (Roeder, 1911–1912, 114, pl. 108 d; Weigall, 1907a, pl. 18, 11; PM VII, 6); в Тошке — на 4-м году[90]; наконец, возле Амады — на 5-м году (Weigall, 1907a, pl. 53, 11; PM VII, 75). Одна экспедиция в Пунт состоялась на 28-м году, однако стела, свидетельствующая о ней, была обнаружена в Вади Гасус (Durham 1934, PM VII, 338), вдалеке от путей, ведущих в Пунт. В 35-м году некий Хапу отметил факт своего пребывания в Асуане, отправляясь инспектировать крепости Уауата (de Morgan et al., 1984, I, p. 25, № 178; PM V, 247). Крепость в Миргиссе была заложена при Аменемхете II (Vercoutter, 1970, 20–21). Здесь были найдены *Тексты колдовства* (Kœnig, 1990). Засвидетельствована одна экспедиция в Вади эль-Худи без точной даты (Seyfried, 1981, 118). Помимо Нубии экспедиции отправлялись также на Синай[91].

В надписи Сахатора (см. выше, с. 95, примеч. 84), датируемой только по первому картушу царя, содержатся косвенные данные о нескольких экспедициях — возможно, тех самых, о которых только что говорилось. Аменемхет II, без сомнений, возглавлял походы в Нубию или по крайней мере посылал туда отряды, о чем Сахатор пишет: «Я достиг Та-Сети народа *нехсиу*, пришедших, чтобы пасть ниц из-за страха, который внушает им повелитель двух земель. Когда я прибыл к Ха, я прошел его страну и привез оттуда (растения)». Если Ха действительно является вариантом Меха[92], он обозначает район Абу Симбела, что весьма вероятно. Менее ясно начало надписи: Сахатор в молодости был отправлен в район рудников (*bj3/биа*), где принудил вождей добывать золото; он привез оттуда *mfk3t/ мефкат*, то есть бирюзу или малахит, которые обычно связываются с Синаем. Гранитный блок больших размеров, найденный в виде множества кусков в мемфисском храме бога Птаха, позволил кое-что прояснить относительно этого царствования (Malek, Quirke, 1992; Malek, 1992; Altenmüller, Moussa, 1991). Вероятно, речь идет об анналах. Главный фрагмент содержит 41 колонку текста, охватывающего часть двухлетнего периода; предположение о том, что

[89] Habachi, 1985a, 43, № 14; возможно, упоминаются и его современники: Idem., 74, № 48, 61, 88 и далее. Упоминание Амменемеса II в PM V, 253 является ошибкой, следует читать «Аменхотеп II», см.: Habachi, 1951, 18, n. 1.

[90] Эмиссар Хоремхет руководил здесь добычей халцедона (Simpson, 1934a, 50–53).

[91] Второй, 11-й и 24-й годы (Seyfried, 1981, 155–157). Причины появления граффити 17-го года в эль-Хош (на севере от Шатт эр-Ригал) неясны; ср.: Malek, 1977, 24, 51–52.

[92] Desroches-Noblecourt, Kuentz, 1968, 28, n. 142; PM VII, 113 (7–8).

он посвящен началу царствования, я считаю недоказанным. Текст касается главным образом учреждения приношений для культа Сенусерта I и Аменемхета II, а не контактов с другими странами в виде доставки различных продуктов питания либо экспедиций. Эти экспедиции совершались в земли *сечетиу* (M 8), на север Синая (M 13) и в регион, называемый *ḫntj-š*/ *Хенти-ше* (M 7 и 18). Предположение о том, что этот последний регион соответствует Ливану, совершенно не обосновано. Как и в других случаях, оно происходит от убеждения в том, что дерево *ꜥš*/ *аш*, произраставшее в *Хенти-ше*, можно было встретить только в Ливане (DNG IV, 181). На самом же деле мест, где росло это хвойное дерево, было очень много, а само слово *хенти-ше* являлось, вероятно, родовым понятием — например, для того или иного типа леса: это объясняет использование данного термина к югу и к северу от Египта и даже в самой стране (DNG IV, 180–181). Таким образом, упоминание о *хенти-ше* не позволяет сделать заключение о какой-либо деятельности Аменемхета II «в Азии». В связи с этими экспедициями упоминаются поставки различных продуктов из тех же регионов (M 12 и 23) и из Куша (M 11). Любопытно, что отдельные специфические продукты были доставлены из необычных мест. Так, с Синая привезли благовоние *šsꜣjt*/ *шесаит* и шкуры гепардов — товары, типичные для Нубии, а то и Пунта; область, откуда они были получены, названа здесь «бирюзовыми террасами», что обычно переводят как «Синай». Но не встречалось ли бирюзы в южных странах? Ошибочно и переводить *ꜥꜣmw*/ *ааму* как «азиаты»: эти номады проживали не только в Азии. Данная надпись, следовательно, содержит неясные места, сходные с теми, что присутствуют в надписи Сахатора.

Присутствие в Азии статуй египетских принцесс — например, Иты и Хнемет-нефер-хеджет, о которых говорилось выше — остается загадкой, как, собственно, и присутствие других памятников Среднего царства, рассеянных по всему Ближнему Востоку: нам неизвестны время и причины их вывоза в эти места. Поэтому будет неправильно рассматривать их как доказательства наличия в эту эпоху египетской торговли или тем более египетской дипломатии. От представления о «египетской империи» в Азии во времена XII династии отказались уже давно (von Beckerath, 1964). В. Хельк отнес эти «кощунственные» факты вывоза к смутному периоду, последовавшему за правлением XIII династии, причину же он видит в относительном ослаблении египетского влияния, которое будто бы сделало возможным вывоз в чужие страны статуй, посвященных египетским богам, что ранее казалось немыслимым. Он подозревает в этом гиксосов[93], однако, скорее всего, соответствующий период был очень коротким.

В полу храма в Тоде были найдены четыре кожаных ларца египетского типа; по крайней мере на двух из них есть картуши Аменемхета II[94]. В ларцах хранились драгоценности и предметы, иностранное происхождение которых не вызывает сомнений, как, например, ляпис-лазурь, цилиндры из Месопотамии, многочисленные серебряные кубки; некоторые носят следы эгейского влияния. На основании этих находок было сделано заключение о расширении торговых связей между Египтом,

[93] Helck, 1976c. — Вопросы У. Уорда (Ward, 1979) и Г. Скандоне Маттиэ (Scandone Matthiae, 1984), заставили В. Хелька, не отказываясь от своей точки зрения, внести в нее коррективы.

[94] Gomaà, LÄ IV, 615. — Это были не заклады в фундамент храма: Letellier, LÄ II, 907.

Месопотамией и Эгейским миром при Аменемхете II. Б. Кемп и Р. Мерриллис, недавно вновь осветившие проблему во всех ее аспектах (Kemp, Merrillees, 1980, 290–296; также 256), показали, что все четыре ларца были захоронены, по всей видимости, не при Аменемхете II, а не ранее чем при Тутмосе III; к тому же ларцы с именем Аменемхета II могли быть использованы заново для хранения ценных вещей[95] уже после его правления. Более того, содержимое ларцов очень разнообразно, и «критские» предметы в них встречаются редко. Торговля с эгейским миром осуществлялась не напрямую, а через Сирию; все найденные в ларцах «эгейские» изделия имеют параллели в Азии, и более вероятно, что они происходят из Сирии (ibid., 268–286). Сокровища Тода, таким образом, потеряли всякое значение как источник для освещения правления Аменемхета II и истории отношений Египта с другими странами (Walberg, 1984).

Если говорить о внутренней политике Аменемхета II, нужно подчеркнуть, что номархи сохранили свое влияние. Именно в его правление родился Саренпут II, сын Хема, гробница которого стала самой величественной в Асуане. Этот же номарх построил от своего имени часовню в храме Хекаиба на Элефантине, на притолоке которой сохранился картуш Сенусерта II от 4-го года правления[96]; он закончил свою карьеру на 8-м году царствования Сенусерта III (стела из Британского музея, BM 852). Джехутихотеп из эль-Берши носил титул «дитя царя» при Аменемхете II[97]; он был воспитан при дворе, затем стал «единственным другом царя» при Сенусерте II, продолжил свою карьеру при Сенусерте III, получив важные должности — в частности, «начальника номов Верхнего Египта» (Newberry, 1984, I, 6 pl. 16). Могущество и процветание Джехутихотепа отражает колосс с его лицом, высотой в 13 локтей (6,80 м), создание которого, возможно, явилось главным делом его жизни. Перевозка колосса из алебастровых карьеров в Хатнубе изображена в гробнице Джехутихотепа (Urk. VII, 47–50; Newberry, ibid., pl. 14–15; Badawy, 1963). Наиболее обширная гробница в Асьюте принадлежит номарху Хапиджефа III (PM IV, 264), также современнику Аменемхета II.

Мы знаем о нескольких визирях, живших в это время. Ментухотеп, визирь Сенусерта I, по всей вероятности, продолжал выполнять свои обязанности в начале правления Аменемхета II, как и Сенусерт, упомянутый в надписи гробницы 2 в Бени Хасане, относящейся к 43-му году правления Сенусерта I, — он появляется и на 8-м году правления Аменемхета II. Визиря Сиесе тоже относят к этому царствованию, поскольку его гробница расположена недалеко от пирамиды царя. Визирь Амени упоминается в документе, где последним из царей по имени назван Аменемхет II (Simpson, 1988). Кроме этих визирей, мы не знаем ни одного чиновника царской администрации, сколь-либо значимого именно для этого периода.

---

[95] Оцененные по рыночной стоимости, поскольку немалая часть маленьких серебряных кубков была согнута, словно их рассматривали только как материал; см.: Helck, LÄ II, 947, n. 21; было еще 10 золотых слитков (более 6 кг) и куски необработанной ляпис-лазури.

[96] См.: Habachi, 1985a, 41, № 12; относительно строительной деятельности этого номарха см. также: Ibid., 118–121 (Ф. Юнге).

[97] Следует ли из того факта, что его мать звалась *Сатхеперка*, делать вывод, что эта женщина, явно родившаяся при Сенусерте I, на самом деле принадлежала к потомкам этого царя? И является ли титул «дитя царя» (Urk. VII, 44, 12) намеком на существование такой линии родства?

Ввиду большой продолжительности царствования можно полагать, что царь справил по крайней мере один праздник *сед*. Два титула Хнумхотепа II из Бени Хасана являются единственными свидетельствами этого (Vandersleyen, 1968, 253–254; более сдержанный подход: Hornung, Staehelin, 1974, 45, n. 19)).

История этого царствования, достаточно скромного, наводит на мысль, что быстро укреплявшаяся царская власть в это время испытывала конкуренцию со стороны отдельных могущественных лиц.

Глава IV
СЕНУСЕРТ II.
Ок. 1881–1873 годов до н. э.

Сведений о правлении Сенусерта II (Simpson, LÄ V, 1984, 899–903) сохранилось еще меньше, чем о царствовании Аменемхета II. В данном случае причиной является кратковременность царствования, которое, вероятно, продолжалось не более восьми лет[98]. Сенусерт II носил тронное имя Хахеперра. Предположение о его соправлении с Аменемхетом II основано на надписи Хапу в Асуане (см. выше, с. 79). В ней упоминаются 35-й год Аменемхета II и 3-й год Сенусерта II, приравненные один к другому с помощью слова *ḫft*/*хефет*, который может означать «соответствующий». Р. Дилия оспаривает идею о соправлении и интерпретирует предлог как указание на то, что миссия Хапу на 3-м году царствования Сенусерта II, заключавшаяся в инспектировании крепостей Уауата, была идентична миссии, осуществленной ранее, на 35-м году царствования Аменемхета II[99]. Кратковременность правления подтверждается также малым количеством частных стел, датированных

[98] Еще недавно ему приписывали 20 лет правления. Проблему продолжительности правлений Сенусерта II и Сенусерта III обозначил уже У. Эджертон (Edgerton, 1941); см. также: Krauss, 1984, 37–38.

[99] Delia, 1980, 201–202, 213–218. — Ф. Хинце и В. Райнеке (Hintze, Reineke, 1989, 44) интерпретируют иератическое граффити № 94: «год 2 33 Меру» таким образом, чтобы оно говорило в пользу подобного соправления.

этим царствованием[100] и небольшим числом данных о знатных вельможах, о которых известно наверняка, что они служили при этом царе: мы можем назвать только Саренпута II из Асуана, Джехутихотепа из эль-Берши и Хнумхотепа II из Бени Хасана. Такой краткий срок может объясняться, например, продолжительностью предыдущих правлений, вследствие чего наследник вступил на трон уже в пожилом возрасте[101].

Супругу Сенусерта II, мать Сенусерта III, звали Хнемет-нефер-хеджет — это был титул, который при XII династии временно стал личным именем цариц. Чтобы различать ее и супругу Сенусерта III, которую, видимо, звали так же, к их именам добавили прилагательные *wrt*/*урет* и *šrj*/*шери* (или *ḫrd*/*херед*), то есть «старшая» и «молодая»[102]. Эта жена Сенусерта II, похоже, обладала большим авторитетом. Она является одной из пяти знаменитых цариц, которые, единственные за всю историю Египта, выпустили цилиндрические печати, посвященные Себеку, повелителю города Сумену, «жрицами-пророчицами» которого они являлись[103]. Знаменитая статуя представляет царицу по имени Неферт[104], «любимую Хахеперра»; она носила *урей* и была обладательницей важных титулов, в том числе такого, как «дочь царя», но не титула царской супруги. Однако ввиду большого значения статуи и присутствия картуша Сенусерта II, она могла быть только царицей, то есть другой женой этого царя.

Архитектурные памятники эпохи Сенусерта II (Manuel II, 184–187, 612, 980; Gestermann, 1987, 121–122, карта 128), также характеризующие царскую политику, сосредоточены вокруг Файюма. Постройка его пирамиды в Иллахуне, возле того места, где канал Бахр-Юсуф проникает в Файюм, могла иметь символический характер: Сенусерт II стал первым царем, который заинтересовался экономикой этого оазиса (Schenkel, 1978, 66). В городе, построенном поблизости («Кахун»), имелись здания, принадлежавшие лицам различного положения: дворец, огромные жилые комплексы (2400 м²), дома меньшего размера (100 м²), но отнюдь не скромные. Этот город при пирамиде был прежде всего административным и экономическим центром Файюма, но не столицей всей страны — в течение всей эпохи Среднего царства ею, вероятно, оставался Лишт. Возможно, именно этот город был «Лабиринтом», который увидел Геродот (Obsomer, 1992b); потрясенный, он заявил, что это здание по размерам превосходит даже пирамиды (II, 148, 3); согласно подсчетам, здесь проживало от 3 до 5 тыс. человек (Stadelmann, LÄ V, 12, s. v.). Два блока с фраг-

---

[100] У. К. Симпсон (Simpson, 1974a, 28) насчитывает 5 стел эпохи Сенусерта II в отличие от 28, воздвигнутых за 35 лет правления Аменемхета II, 35 — за 45 лет правления Сенусерта I, 19 — за 19 лет правления Сенусерта III и 35 — за 46 лет правления Аменемхета III. Эти цифры, очевидно, имеют реальную статистическую значимость.

[101] Нет доказательств того, что царевич имел права на трон только в том случае, если он был сыном царя уже при рождении: этот обычай еще недавно существовал в Африке. См.: Burton, Speke, 1968, 196.

[102] Perdu, 1977; Delia, 1–12; идентифицировать знатных женщин, которые могли носить этот титул в качестве личного имени, и установить их число затруднительно.

[103] О царицах, которые были «жрицами-пророчицами» Себека, см. ниже, с. 129, примеч. 179. О цилиндрических печатях как источниках по культу Себека см.: Yoyotte 1975a.

[104] Каир CG 382; ее же, возможно, представляет и вторая статуя, CG 381, но имя исчезло вместе с подножием статуи.

ментом титулатуры, найденные в Ихнасийе, возможно, также происходят из «Кахуна» (Manuel II, 612; см., однако, Mokhtar, 1983, 78 сл.). К этому царствованию сегодня относят и незаконченный храм в Каср эс-Сага, возвышающийся к северу от Файюмской впадины (Arnold, 1979, 20 сл.). Символично также, что в районе Мемфиса была найдена относящаяся к этой эпохе статуя бога Нила (Manuel II, 610, n. 4).

Если не считать колонизации Файюма, царствование Сенусерта II было небогато на события[105]. Отсутствие информации, возможно, является свидетельством затишья перед бурей, поскольку правление Сенусерта III было отмечено многочисленными войнами. Одна стела от 1-го года Сенусерта II, найденная в Вади Гасус, посвящена посещению этого места казначеем Хнумхотепом (Simpson, LÄ VI, 1097), однако в момент ее обнаружения она не находилась на своем первоначальном месте, и поэтому нельзя с точностью сказать, в связи с чем состоялся визит. Текст на стеле сообщает об установке памятников царя в «Земле бога»: отсюда заключают, что речь идет об экспедиции в Пунт. Действительно, Пунт иногда помещают в «Земле бога», однако это географическое наименование слишком расплывчато (Osing, LÄ II, 815–816), чтобы делать такой вывод: бог, изображенный перед царем, — это Сопду, бог Восточной Дельты (Yoyotte, 1989a, 29–42).

Одна надпись от 3-го года Сенусерта II сообщает об инспектировании крепостных сооружений Уауата. Следы деятельности царя обнаружены в Нубии, Анибе (уровень Нила от 6-го года правления, PM VII, 81) и Кубане (PM VII, 82). Имя Сенусерта II появляется в карьерах Тошки на северо-западе от Абу Симбела (PM VII, 242); кроме того, есть свидетельства о трех экспедициях в Вади Хаммамат на 2-м году его правления, на Синай и в Вади эль-Худи; две последние экспедиции не поддаются точной датировке (Seyfried, 1981, 2). Что касается каравана *ꜥ3mw/ааму*, изображенного в гробнице Хнумхотепа II в Бени Хасане[106], то мы не можем еще с уверенностью определить ни «национальность», ни социальное положение представленных персонажей, ни смысл их присутствия. Мы видим беспорядочно идущих восемь мужчин и четырех женщин, сопровождаемых тремя детьми; люди ведут двух диких животных и двух ослов с поклажей. Одежда и весь внешний вид людей выдают в них чужеземцев. В действительности с караваном шли 37 человек, о чем говорится в надписи сверху и в документе, датированном 6-м годом правления Хахеперра, который писец из царской администрации Неферхотеп протягивает Хнумхотепу. Писец, судя по этому документу, был сыном номарха; за ним следуют начальник охотников Хети и правитель чужеземных стран (*ḥḳ3 ḫ3swt/хека хасут*) Ибша. Эти чужеземцы представлены как свободные люди, вооруженные, в сопровождении своих жен и со своей поклажей; они ведут двух животных — очевидно, чтобы подарить их. Их приход связан с доставкой черных галенитовых румян — как мне кажется, этот факт трудно отделить от факта прибытия каравана, хотя грамматические доводы, выдвинутые в последнее время тремя исследователями, следует принимать во внимание. Эти *ааму*

[105] Сенусерт II прославил с помощью статуй своих великих предков — Джосера (Berlin 7702, ср.: Wildung, 1969, 59; Abb. IV, 2) и Небхепетра (Ментухотепа III); последняя статуя была реставрирована Сенусертом III и Ханеферра Себехотепом IV (Каир JE 38579; PM II, 171; Helck, № 44; Delia, 233–235).

[106] Newberry, 1893, I, 69; pl. 30, 31, 38; Goedicke, 1984b; Kessler, 1987; Vernus, 1989a.

не обязательно являются азиатами; речь идет скорее о типе кочевников, чем об этнической группе. Термин *ааму* иногда обозначает даже «ливийцев» (Nibbi, 1986a, 81; fig. 82). Впрочем, вполне вероятно, что азиаты обычно не жили так низко по течению в долине Нила — единственного пути, по которому они должны были идти до Бени Хасана, поскольку маршрутов, соединяющих эти места с Севером через пустыню, не существовало. Поскольку ослы несут кузнечные мехи (Albright, 1961, 42; Nibbi, 1987a, 32–33, 37) и, как уже говорилось, галенит[107], то гостями номарха были, возможно, странствующие ремесленники, чей приход являлся событием, заслуживающим изображения. Как бы там ни было, на основе этой сцены нельзя делать далеко идущих выводов, касающихся отношений Египта с другими странами, особенно с Азией, Синаем или даже с Гебель Зейт.

[107] Открытие галенитовых рудников в Гебель Зейт, на значительном расстоянии от Бени Хасана, не имеет непосредственного отношения к этой проблеме.

Глава V
СЕНУСЕРТ III.
Ок. 1872–1854 годов до н. э.

ЦАРСТВОВАНИЕ

После долгого, но миролюбивого (?) правления Аменемхета II и кратковременного царствования Сенусерта II правление Сенусерта III[108] снова знаменует период укрепления династии. Воспоминания о Сенусерте III сохранялись в Египте вплоть до греческой эпохи: о нем много рассказывали Геродоту. Его статуи и скульптурные изображения дошли до нас в большом количестве, причем их необычность также привлекает к нему внимание. Его тронное имя было Хакаура.

Сын Сенусерта II[109] и царицы Хнемет-неферхеджет, он, возможно, был женат на женщине с таким же именем, что и у его матери. О других его женах у нас нет точных сведений (относительно царицы Мерсегер см.: Van Siclen, 1992), в том числе и о тех, чьи погребальные памятники были обнаружены в окрестностях его пирамиды в Дахшуре (см. выше, с. 96).

[108] Simpson, LÄ V, 903–906; Delia, 1980. — Далее упоминается только как Delia.

[109] Delia, 1: филиация отмечена в надписи Ханеферра Себехотепа IV с обновленным посвящением на статуе Ментухотепа II, которое было сделано в предшествующий период Сенусертом III и «его отцом» Сенусертом II (Каир JE 38579).

О продолжительности царствования Сенусерта III можно судить по списку датированных источников, достаточно равномерно заполняющего годы его правления. Нет ни одного памятника, датированного после 19-го года — вероятно, он стал если не последним, то одним из последних лет его царствования (Simpson, LÄ V, 1972, 50–54; Krauss, 1974)[110].

Датированных источников, относящихся к первым четырем годам царствования, не сохранилось. Наиболее ранний — стела 5-го года, найденная в районе Кантира (Избет эс-Сагира), единственный датированный памятник, происходящий из Дельты[111]. Следующий датированный источник, обнаруженный на юге Асуана[112], — это надпись от 6-го года его правления, оставленная двумя начальниками дома серебра и золота Каи и его сына Схотепибра-анха, миссия которых в этом районе неясна. Начиная с 8-го года датированные тексты происходят в основном из Нубии.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Поразительной особенностью этого царствования является несоответствие между военными и мирными предприятиями. Перестают встречаться свидетельства о работах в рудниках, которые велись на протяжении очень краткого правления его предшественника. Известна одна экспедиция в Вади эль-Худи на 13-м году (Delia, 108–109), одна — в Вади Хаммамат на 14-м году[113]; надпись без точной даты с именем Сенусерта III найдена в алебастровых карьерах Хатнуба (Delia, 110). Присутствие на Синае было весьма скромным и ограничивалось Серабит эль-Хадим (Id., 111–115). В оазисах Западной пустыни никаких надписей не сохранилось[114].

К немногим свидетельствам из первоисточников можно присовокупить памятники зодчества и скульптуры, оставленные этим царем[115]. Постройки редки, зато статуи очень многочисленны и рассеяны от Семны до Дельты. Сюда можно добавить другие движимые предметы — жертвенники, стелы, алтари, — которые могли остаться от более ранних сооружений или быть перевезены из других мест и поэтому не служат доказательством того, что в месте их обнаружения велось какое-либо строительство.

---

[110] Ранее, основываясь на данных *П. Турин*, Сенусерту II приписывали 19 лет правления, Сенусерту III — более 30. Возражения против долгого царствования: Delia, 284–291; Luft, 1992b, 228–229; до этого — Simpson, 1972, 50–54; Edgerton, 1942. Во всяком случае, Сенусерт III не справлял праздник *сед* (Delia, 137). Надпись от 30-го года, изданная Ф. Арнольдом (Arnold F., 1972), не имеет решающего значения.

[111] Sh. Adam, 1959, 216, pl. IX; Delia, 155–160.

[112] Фл. Питри (Petrie, 1888, pl. 9, № 262) прочитал имя Сенусерта III; Ж. Де Морган (Morgan et al., 1984, I, № 169) — имя Аменемхета II.

[113] Надпись HG № 63 и 69; см.: Seyfried, 1981 и Delia, 109–110.

[114] На статуе неизвестного происхождения (Baltimore WAG 22.115) царь назван «любимым Игаи, владыкой оазисов»; это единственное свидетельство о данной местности в правление Сенусерта III. О боге Игаи см.: Fischer, 1957, 230–235 и Limme, 1973, 44–45.

[115] Gestermann, 1987, 122 (опись), 129 (карта), обсуждение: Delia, 127–163.

Сенусерт III возвел пирамиду и пристройки к ней в Дахшуре (Manuel II, 187–190; Delia, 147–148), в месте расположения заупокойных ансамблей царей Снофру и Аменемхета II. На юге Абидоса он приказал построить обширный кенотаф[116], работы над которым, возможно, велись и при его сыне Аменемхете III. Наконец, в Медамуде находится единственный храм, который, насколько мы знаем, был полностью возведен при Сенусерте III (Manuel II, 628–633; Delia, 135–138). Более того, похоже, в этом месте ранее ничего не строилось[117]. Из медамудского храма происходят около 20 статуй и многочисленные фрагменты, что составляет более четверти памятников, в изобилии создававшихся при этом царе. Медамуд был известен как центр культа Монту, бога Фиванского нома и бога войны, однако этот культ здесь ввел, вероятно, именно Сенусерт III (Gomaà, LÄ III, 1252–1253). В других местах он уже существовал, особенно в Арманте (Гермонте), где от времен Сенусерта III сохранилось очень немного (Manuel II, 634, n. 5; Delia, 130). У царя, несомненно, имелись личные мотивы (семейные или религиозные?) для возвышения Медамуда. Во всяком случае, Монту был богом, которого он почитал больше всего. Царь проявлял интерес и к своему великому предку Небхепетра, культ которого он упрочил в Дейр эль-Бахри (Id., 133–135) и Карнаке (Id., 132–133)[118], — возможно, отчасти из почтения к Монту, ведь этот царь звался Ментухотепом, что означает «Монту доволен». В других местах имя Сенусерта III сохранилось, как правило, на блоках, статуях, других предметах, но нет доказательств того, что они относятся ко времени этого царствования. Иногда даже имена божеств, которыми царь был «любим», заставляют предполагать, что памятники возводились в иных местах, а не в тех, где их обнаружили. Так, в Ихнасийе (Гераклеополь) и ее окрестностях (Ком эль-Акариб) обнаружено лишь несколько блоков этого времени, да и те могли быть привезены из других мест (Manuel II, 612–613; Delia, 131, 142–144), но интерес царя к богу Ихнасийи Херишефу выясняется из надписей на жертвеннике, найденном в Телль эль-Мокдаме (Леонтополе) (Британский музей 1145, Manuel II, 604–605; Delia, 1980, 149) и надписи из Вади Хаммамат (HM № 47), сообщающей об экспедиции 14-го года с целью доставки камня *bḫn*/*бехен* (граувакка) для памятника Херишефу. Связан ли этот интерес к Херишефу с тем фактом, что он был династическим богом, с характерным титулом «царь двух земель» (Altenmüller, LÄ II, 1016)? Гераклеополь был также древней столицей IX/X династии. Помимо этого, в Иераконполе, другой бывшей столице, обнаружены две статуи царя, надписи на которых сообщают соответственно, что он любим Хатор, владычицей Инерти (Гебелейна) и Хором из Нехена (Иераконполя) (Delia, 128–130).

Свидетельства почтительного отношения к богам порога были обусловлены, вероятно, большой активностью царя на Юге. Богу Амону не уделяется внимания. Самые большие статуи царя были обнаружены в Карнаке (CG 42011, 42012, Louxor J 34), но они не имеют никаких божественных атрибутов, которые присутствуют

[116] Manuel II, 212–217; Kemp, LÄ I, 37 E; Delia, 139–142. — В это царствование возрос интерес к культу Осириса, ср.: Leahy, 1989, 59 и n. 80.

[117] Раньше на этом месте существовало таинственное сооружение (две скромные комнаты с курганом на каждой из них), которое сочли примитивным Осирейоном. См.: Robichon, Varille, 1940; см. также: Manuel II, 578–579.

[118] Надо полагать, что каирская статуя JE 38579 изображает Небхепетра Ментухотепа II, а не Сенусерта III, как считает Р. Дилия.

на значительно более скромном памятнике (статуя CG 42013; Delia 131–132). Напротив, для царя Ментухотепа II Сенусерт III не только реставрировал осирическую статую, возведенную в Карнаке в его честь Сенусертом II (PM II 171, Каир JE 38579), но и установил семь собственных статуй в молитвенной позе в храме своего прославленного предшественника, а также воздвиг большую стелу, посвященную одновременно Амону и «своему отцу» Ментухотепу (PM II, 384–385 и 391, стела Каир JE 38655) с целью упрочить культ царя, который, вероятно, был для него образцом.

В остальной части Египта очевидных следов царского строительства не сохранилось, если не считать ворот времен Аменемхета I в Кантире, которые он реставрировал (Delia, 151). Царь, по всей видимости, не проявлял интереса ни к Лишту, ни к Файюму, ни к оазисам вообще и очень мало интересовался Дельтой (Delia, 144–163).

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Азия

Единственное упоминание о действиях в северо-восточном направлении, предпринятых в период этого царствования, содержится на стеле Хусебека (Manchester 3306; Delia, 85–88; 115; Baines, 1987). Царь намеревался разбить *ментиу* Сечет. Этот термин обычно переводят как «бедуины Азии», но в действительности неизвестно, кто такие *ментиу*, против которых Сенусерт III будто бы сражался, и где проходили границы области Сечет. Доказано, что иероглиф с чтением «Сечет», который принимали за «плечевые тесемки» (Gardiner S22), в действительности обозначает «вьюк» — важнейший предмет для торговцев, перевозящих свое имущество на ослах (Nibbi, 1978b). Таким образом, возможно, *Сечет* — это «область торговцев». Единственный топоним на стеле Хусебека — «область (*sp3t/cnat*) *Секемем* (или *Секемкем*), куда вошла египетская армия в начале похода. Обычно ее отождествляют с Сихемом, хорошо известным городом в Палестине, около Самарии. В таком случае можно было бы говорить о том, что египетская армия довольно глубоко проникла в Азию. К сожалению, подобное отождествление, что бы ни говорилось по этому поводу[119], все еще требует доказательств[120]. На той же стеле указано: «Секемем пал в то же время, что и презренная Речену»; итак, нижняя граница Речену совпадает с восточной границей Дельты и именно жители Речену в основном трудились на Синае вместе с египтянами[121], что также указывает на близость их места проживания к Синаю. Таким образом, было бы неосторожно на основе столь неопределенных указаний делать заключение об «экспедиции в Азию».

---

[119] Drioton, Vandier, 1958, 255. — Дж. Бэйнс (Baines, 1987) подчеркивает отсутствие доказательств. К. Ярош (Jaroš, 1976, 99–105), собрав важнейшие упоминания о Сихеме в египетских текстах, указывает на их редкость и крайнюю неопределенность отождествлений, хотя сам ни в чем не сомневается.

[120] Я разделяю скептицизм А. Х. Гардинера (AEO I, 143*). Относительно возможности отождествить *Секемем* с *Сихемом* (библейский Сехем) см.: Horn, 1965.

[121] См. упоминания об этих людях в синайских надписях (Gardiner et al. 1955, II, № 85, 87, 92, 112, 114, 115, 120, 136). Среди «азиатов», о которых упоминают надписи на Синае, назван «брат правителя Речену», см.: Giveon, 1978a, 132; Kemp // Trigger et al., 1983, 141–142; Beit-Arieh, 1987.

Аргументы в пользу вероятности подобной экспедиции пытались найти в *Текстах колдовства*, написанных на сосудах и статуэтках, чтобы отражать врагов с помощью магии[122]. Перечни народов и правителей, содержащиеся в этих текстах, казалось бы, демонстрировали хорошее знакомство египтян с княжествами Сирии-Палестины (Hayes, 1971, I, 2, 508). В действительности же они прежде всего свидетельствуют о нашем незнании топографии данных регионов — настолько глубоком, что мы в состоянии локализовать не более трети названных местностей; но даже в этих случаях уверенности мало, тем более что по иероглифическим транскрипциям трудно установить исконные согласные звуки предполагаемых топонимов[123]. Выше мы говорили о *Секемеме*, который появляется в этих текстах (Posener, 1940, 68, E 6). Среди «проклятых» народов названы «племена *Кебени*». Слово *Кебени,* которое детерминировано здесь знаком «горы с тремя вершинами» (N 25), а не «города» (O 49), традиционно отождествляется с Библом[124]. Хотя в различных местах Ближнего Востока и были обнаружены фрагменты египетских статуй, мы все же не можем утверждать, что «отношения царей XII династии с Библом и Сирией были самыми доброжелательными» (Drioton, Vandier, 1958, 256).

Таким образом, при Сенусерте III могли происходить столкновения с соседними племенами, но в настоящее время нет оснований считать, что египтяне проникали в Азию как таковую. Действия их могли иметь место лишь на подступах к Восточной Дельте и Синаю. По-видимому, это и происходило в течение всего периода Среднего царства[125].

Нубия

Царь совершал военные походы преимущественно в Нубию. О его многочисленных нубийских кампаниях — вероятно, он лично командовал войсками — и том значении, которую он придавал границе, проходящей на крайней южной оконечности второго порога, еще помнили во время посещения Египта Геродотом спустя 1400 лет[126].

На 8-м году правления Сенусерта III была сделана первая надпись, связанная с походами в Нубию, которые прекратились только в конце царствования, — последняя надпись по этому поводу относится к 19-му году, последнему известному году

---

[122] Posener, LÄ I, 1975, 67–69. — Термин «Тексты проклятий», согласно Ж. Познеру (Posener, 1987, I, n. 2), неудачен.

[123] Это касается прежде всего Иерусалима, E 45 и Ашкелона, E 2; см.: Posener, 1940, 65, 86. Yeivin, 1950, passim; М. Гёрг (Gôrg, 1976, 94–96) вполне убедительно предложил читать топоним в E 37 и E 62 как «Мегиддо». Обо всех предложенных отождествлениях см.: Helck, 1971, 5, карта 3; Aharoni, 1979, 145, карта 8.

[124] Отождествление с Библом подвергается сомнению. Конечно, Библ был знаком египтянам, однако, хотя *kbnj/kpnj/кебени/кепени* хорошо соответствует такому топониму, как Гебал, это название могли носить несколько мест (Posener, 1940, 94; Nibbi, 1985a, особенно с. 25–44; а также см.: DNG V, 197–198). Во всяком случае, Тексты колдовства свидетельствуют об угрозе или враждебности, но не о войне.

[125] Геродот достаточно подробно говорит об экспедиции Сенусерта III в Азию, в ходе которой тот будто бы достиг Фракии. Об этой ошибке Геродота см.: Obsomer, 1989, особенно 83 и 139.

[126] Более того, Сенусерт был настолько знаменит, что Геродот поверил даже, что он был единственным египетским царем, властвовавшим над «Эфиопией» (II, 110, 1; Obsomer, 1989, 159).

правления царя. Итак, на 8-м году казначей Сенанх отчитался об очистке протока на Асуанском пороге (PM V, 250; Delia, 25). Проток, называвшийся «Вечно прекрасны пути Хакаура», имел внушительные размеры: 150 локтей в длину, 50 — в ширину и 15 — в глубину, то есть приблизительно 78 × 26 × 8 м. То была титаническая работа, практические аспекты которой нам известны плохо. Впрочем, речь шла о расширении уже существовавшего канала, о котором, возможно, повествует другая, недатированная надпись из Сехеля (PM V, 250; Delia, 26)[127]. На 8-м году царь уточнил, что он выступил в путь, дабы «ниспровергнуть (?) побежденный Куш». Приказ об очистке протока, вероятно, был дан после прохода египетского флота, поднимавшегося к Нубии. Все надписи содержат славословия в адрес божеств Элефантины: Анукет, владычицы Нубии, «для которой» был сделан проток, или Сатет, владычицы Элефантины (поверх надписи 8-го года). Может быть, именно в эту эпоху царь велел возвести часовню богини Анукет на острове Сехель[128]. Есть и другое сообщение — к сожалению, с лакунами, — которое может быть истолковано как свидетельство о работах в крепости Элефантина во время похода против Куша. Эта информация содержится на частной стеле от 8-го года правления царя (Британский музей 852)[129]. На 8-м году в Семне царем была возведена еще одна стела, отмечавшая южную границу Нубии (Berlin 14753, ср.: Obsomer, 1989, 59–62; текст стелы: с. 61, fig. 3). Ни один *нехси* не мог пересекать эту границу, спускаясь по реке, по берегу или в лодке на север, как и любое стадо, принадлежащее *нехсиу*, если только *нехси* не являлся торговать в Икен (Миргиссу) или не прибывал с официальной миссией. Ни одна лодка *нехси* не могла спускаться в низовье Хеха, то есть, вероятно, Семны. То, что мы называем границей, было, очевидно, преградой для *нехсиу*, но не для Сенусерта, который продвинулся намного дальше.

Еще один поход был совершен на 10-м году (Vercoutter, 1957b, 154–155; Obsomer, 1989, 60). При возвращении возникли трудности в Ишмике, где уровень Нила был очень низким — всего четыре локтя. Две надписи, сообщающие эту подробность, находятся напротив порога Дал. Можно думать, что этот порог было трудно пересечь: подобные надписи указывают на уровень воды в Ниле в том месте, где они сделаны. Таким образом, Ишмик находился скорее у этого порога, а не на месте современной деревни Ашмейк — немного ниже, у 3-го порога. Как бы то ни было, во время похода египтяне, по меньшей мере, перешли Дал. Возможно, лагерь времен Среднего царства, обнаруженный на острове Саи, в 20 км к югу, был разбит войсками Сенусерта III (Vercoutter, 1986, 11–12), если только он не появился на 18-м году правления Сенусерта I.

---

[127] Этот первый проток мог быть одним из тех, что приказал прорыть Уни при царе Меренра (Urk. I, 108, 13); см.: Säve-Söderbergh, 1941, 24. В Миргиссе труднопроходимые места реки преодолевались с помощью салазок для кораблей из брусьев и ила, установленных на твердой почве (Vercoutter, 1970, I, 177–179; Vercoutter, 1966a, 131–164).

[128] Habachi, 1953; Delia, 28; Valbelle, 1981, 5. — Две статуи царя также свидетельствуют о его поклонении богам порога (Delia, 127–128). Стела Lund KM 32.165, на которой некий царь Сенусерт, носящий корону Амона, стоит перед Хнумом, а позади него стоит Монту, может быть связана с нубийскими войнами Сенусерта III. См.: Peterson, 1968–1969.

[129] Или от 9-го года — колебания вызваны сложностями эпиграфики, но тогда это было бы единственное упоминание о походе против Куша, совершенном на 9-м году. Как бы то ни было, на 10-м году такой поход состоялся; см.: Delia, 29; Obsomer, 1989, 60.

Стелы в Семне и Уронарти были установлены на 16-м году по случаю кампании, подобной кампании 10-го года. Тексты на обеих стелах[130] идентичны, за исключением первых строк, посвященных местам установки стел. Чувствуется, что царь недоволен. Он дает нравственные наставления, но не нубийцам, которые не имели доступа сюда и не могли их прочесть, а солдатам гарнизонов и своим собственным наследникам: защищать эту границу — их моральный долг, если они не желают прослыть трусами. Это торжественное рассуждение, напыщенное разглагольствование, выдает некоторую обеспокоенность царя из-за постоянного давления *нехсиу* на границу; ему пришлось не только вести военные действия, но и угрожать. Чтобы покончить с этим, он принял энергичные меры, построив несколько крепостей вдобавок к тем, которые уже существовали вдоль 2-го порога[131]. Возможно, он приказал возвести крепости в Фарасе, Шалфаке, Аскуте, Семне, Кумме, такие же как в Уронарти, поскольку стела от 16-го года, найденная в этом месте, сообщает именно об основании крепостей; Бухен был расширен, а площадь Кора увеличилась вдвое. Все крепости были названы грозными именами[132]. Возможно, усиленное наблюдение за передвижениями нубийцев, о чем известно главным образом благодаря *депешам из Семны*, началось в это время, если не раньше.

Уже говорилось о том, что в своих походах Сенусерт оставил далеко позади Семну и Кумму и, вероятно, дошел по меньшей мере до Саи. Спустя три года, совершая на 19-м году правления[133] свой последний поход, он в очередной раз оказался у южной оконечности порога Дал. Дошел ли он до Кермы, не уничтожив при этом царство Куш? Чтобы навсегда отбить у нубийцев желание угрожать южной границе, он прибег к «тактике запугивания», которую описал на стеле от 16-го года правления: «Я захватил их жен, я увел их подданных; придя к их колодцам, я забил их скот; я уничтожил их посевы и предал их огню» (пер.: Obsomer, 1989, 67). Крайне необычно то, что наряду с жесткими мерами устрашения и военными операциями царь использовал психологические доводы. Когда читаешь надписи на стелах-близнецах из Уронарти и Семны, создается впечатление, будто мы слышим торжественную речь царя, произнесенную «перед строем солдат» на манер Бонапарта. Он обращается к чувству воинской чести: «Затихнуть после нападения — значит придавать смелости сердцу врага, тогда как быть дерзким — это признак храбрости, а отступление является трусостью. Настоящий трус — тот, кто был отброшен со своей границы». Он выражает презрение к врагу: «Тот, кто нападает на (нубийца), заставит его обратиться в бегство; но если кто отступит, тот сделает его воинственным. Это не те люди, что достойны уважения; это ничтожества с разбитым сердцем». Наконец, Сенусерт давит всем своим монаршим авторитетом в своем последнем призыве к наследникам трона, убеждая их оставаться

---

[130] Семна: Berlin E 1157; Уронарти: Хартум 451; Delia, 42–77. — Труд Клода Обсомера Les campagnes se Sésostris dans Hérodote, Bruxelles, 1989 содержит исследование этих двух стел; см. особенно 65–67 и указатель, 207, см. также: Eyre, 1990.

[131] Уже существовали крепости в Кубане, Иккуре и Миргиссе (PM VII, 82; 142; Vercoutter, 1970, I, 21–22; 1975, II, 332–333), а также в Анибе, Бухене (H. Smith, 1966) и Южной Семне (L. и J. Žabkar, 1982); см. также: Kemp, в кн.: Trigger et al., 1983, 130–132.

[132] См.: H. Smith, 1966; Obsomer, 1989, 107–108 и карта p. 58 (fig. 2); Gestermann, 1987, 122; 129. — Эффективность этих крепостей определяется, в частности, незначительным размером гарнизона: его хватало, чтобы удерживать крепость. См.: Vila, 1970, а также S. T. Smith, 1991b.

[133] Надпись у причала Уронарти (Хартум 2683), Obsomer, 1989, 61, fig. 4; Delia, 1980, 77–79.

верными долгу: «Итак, тот мой сын, который будет хранить эту границу, установленную моим Величеством, это и есть мой сын, рожденный моим Величеством; по образу Сына-защитника-своего-Отца (то есть Хора по отношению к Осирису) создан тот, кто будет поддерживать границу, проведенную тем, кто его породил. Тот же, кто ее утратит и не будет биться за нее, вовсе не мой сын, он рожден вовсе не мной» (пер. К. Обсомера). Подобное использование личных, эмоциональных связей для того, чтобы обеспечить приверженность делу со стороны своих подчиненных или наследников, возможно, является уникальным примером в литературе; этот текст звучит еще более страстно, чем письмо, в котором Сенусерт I просит Синухе вернуться в страну (Sin. B 179–199). Призыв царя получил тот отклик, на который он и рассчитывал. Об этом мы судим лишь по ряду свидетельств, однако они очень важны: в *Гимнах* царю, обнаруженных в Иллахуне, Сенусерт один раз назван «нашим Хором»[134]. Это выражение больше не употребляется нигде и выглядит поразительно. Так или иначе, в Нубии царь был богом — покровителем местности во времена Среднего царства — вплоть до Нового царства. Его культ засвидетельствован в Бухене[135] (как и культ Сенусерта I), а также в Семне и Кумме[136], в Уронарти (Simpson, LÄ V, 905; Van Siclen, 1982a) и в Гебель Агге, около Тошки (Simpson, 1963a, 36–37; 41).

ДУХ ЦАРСТВОВАНИЯ

Этот авторитет не препятствовал известной близости между царем-богом и его подданными: кое-какие условности исчезли. То же самое происходит и со скульптурными изображениями царя: пропадают условности формы (например, выдающиеся брови), крайне реалистично отражаются особенности анатомии лица, передаются возрастные изменения. Все это создает не «символическое отражение бремени правления», а реальный портрет монарха в зрелом возрасте, изнуренного своей собственной активностью. Энергичные воители, несмотря на негативные стороны их правления — порой совершенно очевидные, часто вызывают больше восторга, чем миролюбивые государи: достаточно вспомнить о Цезаре, Карле Великом или Наполеоне. Если Сенусерт III остался в памяти людей легендарным фараоном, это не значит, что Египет при нем достиг «золотой» середины. Литература этого периода свидетельствует о существовании двух оппозиционных течений. С одной стороны, есть *Поучение верноподданного* и *Поучение человека своему сыну* (возможно, оба они — плоды пропаганды Сенусерта I: Posener, LÄ III, 982–986), где прославляются совершенство и всемогущество царя, в то время как хороший гражданин должен прежде всего служить этому царю и уважать

[134] Перевод: Lichtheim, 1975, 198; см. также: Derchain, 1987, 22.

[135] H. Smith, 1976, 66, 91–92. Других следов деятельности Сенусерта III в Бухене нет.

[136] Четырнадцать надписей со славословиями царю и обнаруженные здесь Ф. Хинце и В. Райнеке (Hintze, Reinecke, 1989, 14–16; index, 201) посвящены именно обожествленному Сенусерту III. Три статуи царя, найденные в храме Дедуна в Семне (PM VII, 147; 150), вероятно, были установлены здесь во времена Нового царства (Delia, 91–92). Л. Хабаши предложил отождествить царя с Дедуном (Habachi, 1986a, 47). Он представлен вместе с Хатор из Ибшека на одном фрагменте из Фараса (Karkowski, 1975, 119; см. также: Dewachter, 1971, 89, 90, n. 2, 3).

установленный порядок. С другой стороны, появляются сочинения пессимистической окраски, как бы непосредственно в ответ на вышеназванные писания: они отражают ситуацию, сложившуюся к концу правления этой блестящей династии. В. Хельк со всей очевидностью продемонстрировал оборотную сторону медали, рассказав о политической оппозиции[137], которая возникала время от времени. Мы не можем видеть в этих текстах лишь литературные сочинения особого жанра, как это делает М. Лихтхайм (Lichtheim, 1975, 149–150), характеризуя *Сетования* (*Увещевания*) *Ипувера*. Очевидно, что поведение людей везде и всегда порождает привилегии и несправедливость, а следовательно, озлобленность.

Жалобы Хахеперрасенеба, вероятно, датируются концом XII династии[138]. Поскольку имя автора содержит имя Сенусерта II (Хахеперра), он, вероятно, родился в царствование последнего. Если так, ему было около 25 лет к концу правления Сенусерта III и 70 — к концу царствования Аменемхета III. Текст выражает недовольство шаблонами — вероятно, теми, что постоянно использовались в пропагандистских верноподданнических сочинениях. Говоря о политической ситуации, автор рисует страну, приведенную к молчанию, где повторяют одно и то же. Все это дошло до того, что Хахеперрасенеб размышляет в одиночестве, обращаясь в случае необходимости только к своему сердцу: «Вся страна в великой скорби», — пишет он. То же отчаяние звучит в *Разговоре человека со своей душой* и в *Сетованиях Ипувера*, которые относятся скорее к концу Среднего царства, нежели к его началу[139]. Литературные свидетельства подкрепляются административной документацией. *P. Brooklyn* 35.1446 (Hayes, 1955, Simpson, 1973b, 69) частично приподнимает завесу: этот документ, содержащий сведения по периоду от Аменемхета III до Себекхотепа III, сообщает, в частности, о большой тюрьме, преступных деяниях, а также об «азиатских рабах».

АДМИНИСТРАЦИЯ

Централизация управления выразилась в постепенном устранении номархов. Их исчезновение необязательно было следствием политического расчета Сенусерта III — провинциальные центры один за другим утрачивали свое значение на всем протяжении существования XII династии (Delia, 167, n. 2). Единственный номарх, которого относят к эпохе Сенусерта III — благодаря имени монарха в его гробнице, — это Джехутихотеп из эль-Берши; относительно остальных мы можем лишь строить догадки. Так, Саренпут II из Асуана назван также Небукауранахтом — это имя включает имя Аменемхета II; вероятно, он родился при этом царе и мог выть жив при Сенусерте III и даже при его

[137] Helck, 1986a, особенно с. 39–41; Х. Гёдике (Goedicke, 1985a, 312–313), который считает церемонию *сематауи* празднованием не ритуального политического объединения, а национального примирения после смуты, удивляется упоминанию об этой церемонии в *Гимне* Сенусерту III.

[138] Kadish, 1973; Ockinga, 1983. — Французский перевод сделан Ж.-Л. Шаппазом (Chappaz, 1974); см. также: Cruz-Uribe, 1987; В. Хельк (Helck, 1987a, 11) датирует составление этого текста царствованием XIII династии, то есть после великой эпохи XII династии.

[139] Van Seters, 1964; см. также: Vernus, 1990, 1047. — Эти три текста переведены в кн.: Lichtheim, 1975, 145–169, и Lalouette, 1984, 211–226 (*Сетования Ипувера* и *Разговор человека со своей душой*).

преемнике. Уахка II из Кау эль-Кебира, номарх, а также «царский казначей Нижнего Египта», был еще жив при Аменемхете III — хотя ни одного царского имени в надписях его гробницы не обнаружено[140]. Возможно, в существовании института номархов не было более смысла, так как их заменили эффективно действовавшие государственные чиновники (Helck, 1958a, 18–19, 208–214). С этого времени формируются территориальные объединения и многие номы входят в состав более обширных административных единиц (как, например, округ Неферуси; Kessler, 1987, 163, n. 44). В. Хельк (Helck, 1986a, 38–41) считает, что чиновники были тяжким грузом для населения и превращали его в индифферентную массу, совершенно не способную к личной инициативе. По своему могуществу эта устойчивая корпорация будто бы превзошла даже царей, что вызвало нестабильность, которой характеризовалось правление XIII династии.

Однако подробности устройства административного механизма известны плохо. Мы знаем о двух визирях, которые могли занимать эту должность при Сенусерте III; однако в их надписях нет царских имен, и предположение о том, что они жили именно при Сенусерте, основано лишь на близости их гробниц к царской пирамиде. Речь идет о Себекемхете (мастаба 17 в Дахшуре) и Хнумхотепе (мастаба 2 там же) (Simpson, 1957; Franke, 1984a, 18). Есть предположение, что Хнумхотеп происходил из семьи номархов Бени Хасана и был переведен из провинциальной администрации в центральную соответственно изменению ситуации.

Административные реформы, приписываемые Сенусерту III, являются вымыслом. Он основан на убеждении, что именно этот царь разделил территорию Египта на три округа: северный, южный и крайний южный — однако такое разделение зафиксировано только в папирусах времен XIII династии (P. Brooklyn 35.1446; P. Boulaq 18), — и что именно он систематически боролся с властью номархов. Опираясь на два этих положения, исследователи сделали вывод, что Сенусерт III ввел новое административное деление всей страны. Эта теория сегодня считается необоснованной.

Исследования, посвященные титулам чиновников, позволят однажды дать хронологические привязки для различных этапов административных реформ[141]. Эти титулы чрезвычайно многочисленны и подчинялись строгой иерархии. Они известны благодаря нескольким названным выше папирусам и многочисленным частным стелам времен Среднего царства, точной датировки которых в большинстве случаев пока не существует. Множество частных памятников, особенно из Абидоса, свидетельствуют о формировании среднего класса.

Большой архив специфической документации найден в Иллахуне. Поблизости от заупокойного храма Сенусерта II были обнаружены административные документы, касающиеся деятельности этого храма при Сенусерте III и Аменемхете II, — в частности, переписка управляющего Хоремсафа[142].

---

[140] Датировка обосновывается тем, что он упомянут вместе со своим отцом на стеле Stockholm MM 32004 (некогда 15), датирующейся по картушу Аменемхета III. См.: Steckeweh, 1936, 7–8; Delia, 164–167; Peterson, 1965–1956, 3–7, fig. 1; она представлена также в статье: Radwan, 1990, 232.

[141] Martin G., 1971 (указатель 175–187); Ward, 1982, и рец. этой книги: Франке, GM 83, 103–104; Ward, 1986; Quirke, 1986b. О мнимой роли Сенусерта III см. также: Franke, 1991.

[142] См.: Kaplony-Heckel, LÄ III, 292–293. Относительно количества папирусов, хранящихся в Берлине (P. Illahun), большая часть которых еще не издана, см. статьи У. Люфта, особенно 1982 и 1983 гг.; а также Luft, 1992a, первый выпуск официальной публикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во времена Геродота именно Сенусерт III почитался египетскими жрецами как самый великий из царей Египта. Эта слава была отголоском длительной традиции, которая, вероятно, восходит к деятельности царя в Нубии. Последняя осуществлялась в рамках долгосрочной политики, о чем свидетельствуют переустройство канала на 1-м пороге, производившееся с начала царствования, а также создание новых крепостей на 2-м пороге. Несколько веков спустя Тутмос III, оказавшись в Нубии, не переставал хвалить обожествленного предка за его достижения здесь.

Ясно, что Сенусерт III желал остаться в истории; несмотря на относительно небольшую продолжительность его царствования по сравнению с правлениями Аменемхета I, Сенусерта I, Аменемхета II и Аменемхета III, именно от него сохранилось наибольшее количество статуй времен Среднего царства — около сотни. Об этих статуях говорилось много раз. Черты его лица крайне характерны, и, как правило, Сенусерта III можно узнать даже тогда, когда от статуи сохранилась только одна голова. Впрочем, изображения его лица, так похожие друг на друга, весьма различны — порой худые, даже изможденные, порой толстые или одутловатые. Изображения царя в молодости и в зрелом возрасте заметно отличаются друг от друга, особенно те, которые происходят из Медамуда. Так, на притолоке из Лувра имеется два изображения царя, спина к спине, при этом слева царь показан молодым, а справа — старым; противопоставление обозначено очень четко, посредством рельефной передачи пластики лица пожилого царя. То же самое можно сказать о статуях из Лувра — E 12960 (молодой) и E 12961 (пожилой). Выражение лица всегда серьезное, иногда — суровое или откровенно враждебное. Это скорее не пастырь народа, изнуренный властью, а действительно пожилой человек и притом беспощадный правитель.

Глава VI
АМЕНЕМХЕТ III.
Ок. 1853–1809 годов до н. э.

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ: НУБИЯ И СИНАЙ

Мы уже писали, что истинной движущей силой истории является человеческая воля. Контраст между царствованием Сенусерта III и Аменемхета III[143] может служить своего рода иллюстрацией к этой мысли. Благодаря политике, проводимой его отцом, новый царь получил в свое распоряжение спокойную страну с четкой внутренней организацией; южная граница теперь проходила в Семне, и с этой стороны Египту еще долгое время ничто не угрожало. Таким образом, политическая воля Аменемхета III могла быть употреблена на выполнение совершенно иной программы: основное внимание уделялось постоянной эксплуатации рудников на Синае и наблюдению за уровнем Нила в Семне и Кумме. Очевидно, что речь идет именно о долгосрочной программе, так как надписи там появляются с самого начала царствования[144], а затем их число резко умножается.

[143] Von Beckerath, LÄ I, 190–191; Leprohon, 1980; Matzker, 1986: перечень из 266 источников, относящихся к трем последним царям этой династии (ниже указываются в скобках), но без анализа данных. Также см.: Vernus, CdE 67, 76 (стела от 44-го года).

[144] Первые надписи: в Семне (1-го года) и на Синае (2-го года); Matzker (4) и (5–8).

В Семне и Кумме обнаружено 18 датированных отметок уровня Нила, неравномерно распределенных между 1-м и 43-м годами, а также около десятка других, не связанных с ними надписей (Hintze, Reineke, 1989, I, 93–162). На Синае найдены надписи, оставленные участниками двадцати одной экспедиции (Seyfried, 1981, 158–186), которые отправлялись туда со 2-го по 45-й годы правления Аменемхета III — главным образом, в Серабит эль-Хадим, где засвидетельствовано 18 экспедиций. Некоторые экспедиции отправлялись одновременно в Серабит эль-Хадим и другие места на Синае (в Вади Магара на 2-м, 6-м и 30-м годах[145], в Вади Насб — в 20-м: Sinai № 46; Matzker (40)). Три экспедиции — от 41-го, 42-го и 43-го годов — засвидетельствованы только в Вади Магара (Sinai № 27, 28, 29; Matzker (71), (73–74), (75). Всего на Синае обнаружено более 60 надписей, датированных этим царствованием, и 50 из них — в Серабит эль-Хадим[146].

В этих двух сериях датированных источников представлен не каждый год данного царствования. И все же вполне возможно, что экспедиции на Синай, как и наблюдения на 2-м пороге, проводились ежегодно; некоторые надписи могли не сохраниться, некоторые еще не обнаружены.

Примечательна последовательность экспедиций на Синай: они засвидетельствованы в периоды с 4-го по 6-й, с 17-го по 20-й, с 40-го по 45-й годы правления Аменемхета III ежегодно. Впрочем, царь не ограничился Синаем: нам известно о трех экспедициях в Вади эль-Худи и о трех — в Вади Хаммамат. Правда, некоторые из них проводились в те годы, когда не засвидетельствовано никаких других экспедиций; так, на 11-м и 28-м годах — в Вади эль-Худи, на 3-м и 19-м — в Вади Хаммамат, но на 2-м году — и в Вади Хаммамат, и на Синай, а на 20-м — даже в три места (Seyfried, 1981, 2–3). Мы также знаем о других, более дальних экспедициях — к карьерам Тошки к северу от Абу Симбела (на 4-м и 6-м годах; Matzker, 31 (13) и (16)). Именно при Аменемхете III начинается добыча галенита в Гебель Зейт (Castel, Soukiassian, 1988, 45; и 1989, хронология: там же, 138).

В Семне и Кумме отметки уровня Нила фиксировались каждый год с 5-го по 9-й год, в 13–14-м, с 22-го по 24-й, в 31–32-м, 36–37-м, 40–41-м годах, и вполне вероятно, что наблюдения за течением Нила действительно велись ежегодно. Сенусерт III не мог принять решение о ежегодном наблюдении, так как до последних дней царствования вся его деятельность была направлена на установление границ в Семне и Кумме. Напротив, Аменемхет III принял решение об этом уже на 1-м году правления, что, возможно, говорит о «научном» подходе к разливам Нила, и не обязательно было вызвано некими аномалиями в поведении реки.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНИЯ. ИМЕННАЯ ТИТУЛАТУРА. СЕМЬЯ

Прежде чем анализировать эти два начинания, рассчитанные на долгий срок, следует сопоставить их с остальными сведениями об Аменемхете III, которые имеются

[145] Sinai № 23–25 (2-го года); № 500 (вероятно, 6-го года, Matzker, 61); № 26 (30-го года), Matzker (5–8), (228), (59).

[146] Именно в это время, когда наряду с египтянами на работу были наняты *ааму* и «люди Речену», появляются образцы «протосинайской» письменности; Gardiner, 1962, 45–48.

у нас. Если учесть продолжительность его царствования, их относительно немного. Царствовал он долго — так же долго, как Сенусерт I, а возможно, и дольше. К надписи от 45-го года в Серабит эль-Хадим (PM VII, 345; Sinai № 54; Matzker (78)) следует добавить 46-й год, указанный в папирусе из Кахуна без имени царя, но его отнесение к царствованию Аменемхета III не вызывает сомнений (Griffith, 1898, P. Kahun VI, 19 R°; pl. XIV, p. 40; Matzker (212)). Списки Манефона неприменимы к этому царствованию, как и к правлению почти всех остальных представителей династии, Туринский же папирус (5, 25), возможно, сообщает о сроке правления этого царя, хотя от числа сохранились только десятки, но не единицы, то есть 40 + x лет; это может означать, что, если царствование и длилось больше 46 лет, то этот срок был превышен всего на три года максимум. На 30-м году царь отпраздновал праздник *сед* (Hornung, Staehelin, 1974, 29 и 86).

Титулатура царя оставалась неизменной в течение всего царствования. Его тронное имя — Нимаатра[147], Золотое имя— Уаханх. Это имя Хора в начале XI династии носил Интеф II: несомненно, это не случайность, а отсылка к прошлому, но в чем именно заключалась для нового царя важность этого прошлого и по каким причинам он взял себе это имя, нам неизвестно. Изменения в титулатуре касаются только написания первого картуша, где имя Маат выписано порой идеограммой богини, порой иероглиф за иероглифом, без сокращений — с серпом, рукой и хлебом, порой одновременно двумя способами; но по поводу этих вариаций никаких хронологических критериев не выделено[148].

Как и в отношении всех царей XII династии, был поставлен вопрос о возможном соправлении Аменемхета III с его предшественником и с его наследником. Аргументы в пользу соправления Сенусерта III и Аменемхета III столь надуманны, что мне остается лишь присоединиться к мнению Р. Дилии (Delia, 1980, 239–253), который подчеркивает отсутствие надежных источников (противоположное мнение: Murnane, 1977, 9–13, 228–229; Matzker, 91–92). То же касается и соправления Аменемхета III с его преемниками — Аменемхетом IV и Нефрусебек (Murnane, 13–23; Matzker, 93–96)[149]; тем не менее между этими правителями явно существовала тесная связь[150].

У Аменемхета III было, по-видимому, две супруги, одну из которых звали Аат (Matzker, 1986, 24), или, точнее, Хнемет-нефер-хеджет-Аат[151], и одна или две дочери,

---

[147] Прочтение имени остается спорным, см.: LÄ VII, 46, Sp. 190.

[148] См. статистические данные: Matzker, 16–17. Существует также крайне необычный вариант имени Небти: вместо стандартного *jṯ-jʿwt-tꜣwj*/*Ич-иаут-тауи* («Тот, кто завладел наследием двух земель») — *jṯ-jʿwt-ḥr*/*Ич-иаут-Хор* («Тот, кто завладел наследием Хора»). Этот вариант встречается на стеле 11-го года в Кубане (PM VII, 83) и на стеле 44-го года в Эль-Кабе (PM V, 190), но почему он указан на стелах, настолько удаленных друг от друга во времени и пространстве, нам неизвестно.

[149] Franke, 1988, 119–120. — Автор является сторонником гипотезы о соправлении фараонов XII династии, но тем не менее отрицает возможность соправления между Аменемхетом III и Аменемхетом IV.

[150] См.: Matzker, 43–44; док. 93–101. — По мнению Л. Хабаши (1978b), опубликовавшего сфинкса Сенусерта III, образовывавшего пару со вторым, ныне исчезнувшим, эта связь была отражена на круглом рельефе: сфинксы Аменемхета III в Танисе изначально могли быть соединены с двойным сфинксом, наделенным именем и чертами Сенусерта III. Так же обстоит дело и с каирской диадой (CG 392), которая представляет собой две фигуры царя в образе подносителя даров, но, на мой взгляд, их лица слишком похожи, чтобы речь могла идти о двух разных царях.

[151] Во избежание путаницы между тезками к именам цариц добавлялись прилагательные, описывающие рост или возраст (*ʿꜣt*/*Аат* означает *«старшая, великая». — Науч. ред.*); см.: Perdu, 1977, 68–85, а также выше, с. 102.

носившие имя Нефруптах[152]. Другая женщина, связанная с этой семьей, изображена в возведенной при Аменемхете IV части храма в Мединет Мади; возможно, она была матерью царя и звали ее Хотепти, или Хнемет-нефер-хеджет Хотепти (Matzker, 1986, 24). Не она ли была той безымянной царицей, что похоронена в Дахшуре (Arnold, 1987, 93–94)? К списку членов семьи следует добавить и преемника Аменемхета III — будущего Аменемхета IV, а также будущую царицу Нефрусебек. Ю. фон Бекерат полагает (возможно, из-за долготы предыдущих царствований — см. ниже, с. 129)), что Аменемхет IV скорее был внуком, а не сыном Аменемхета III (LÄ I, 190).

ДАХШУР. ФАЙЮМ. РАЗЛИВЫ НИЛА

Составляя перечень следов деятельности Аменемхета III в самом Египте, можно заметить, что, как и в случае с экспедициями на Синай или наблюдениями за Нилом в Семне и Кумме, они сконцентрированы на небольшом пространстве, на этот раз — в Файюме и окрестностях. Следует проводить различия между остатками сооружений, с одной стороны, и статуями и другими перемещаемыми предметами — с другой: последние могли «принадлежать» ранее существовавшему храму. В начале царствования (согласно граффито от 2-го года) в Дахшуре начались работы по возведению заупокойного храмового комплекса, то есть пирамиды, где помимо царской усыпальницы были предусмотрены помещения для погребения двух цариц — Аат и второй, безымянной. Пирамида, окруженная стеной, с запада примыкала к заупокойному храму, связанному пандусом с нижним храмом. К 15-му году работы были прерваны из-за подвижек грунта под пирамидой, вызвавших трещины и оседание памятника (Arnold, 1987, 93–98). Царь сразу же начал возводить в Файюме, в некрополе Хавара[153], новый, значительно более крупный, комплекс. Храм, возвышавшийся к югу от пирамиды, вероятнее всего, и был Лабиринтом, который видел Страбон[154]. Там же, в Файюме, в городе Шедет (Крокодилополе) Аменемхет III построил один или несколько храмов Себека: здесь были найдены 16 колонн в форме папирусов с капителью в виде закрытого бутона, изначально достигавшие в высоту 7,20 м — все, что осталось от большого гипостильного зала, — а также блоки и фрагменты внутренней стены, по которым невозможно определить, являются они остатками одного или нескольких зданий (Habachi, 1937; также Manfredi, 1965, 93–95). К северу от Шедет, около современной деревни Бийахму, Аменемхет III повелел установить на огромных постаментах две

[152] Matzker, 25–26; Farag, Iskander, 1971; Habachi, OrAnt 13, 1974, 336–337 и pl. 24 (= Habachi, 1987, 199–201); Margioglio, Rinaldi, 1973.

[153] Послужили ли эти повреждения единственной причиной, по которой памятник забросили? Или царь настолько пристально интересовался Файюмом, что воспользовался поводом изменить расположение своей гробницы?

[154] Расположение местности не совпадает с описанием Геродота, который, вероятно, видел город Кахун (Obsomer, 1992b). Отнесение постройки египетского Лабиринта к царствованию Аменемхета III основывается в первую очередь на том факте, что эпитоматоры Манефона приписывают Лабиринт «Ламаресу», а Страбон — «Исмандесу»; эти имена могут быть поздними формами тронного имени Аменемхета III — Нимаатра (Vergote, 1962).

кварцитовые сидящие статуи-колосса двенадцатиметровой высоты: они представляли царя, смотрящего в сторону озера, которое в те времена покрывало гораздо бо́льшую часть поверхности Файюма, чем сегодня[155]. На южной границе оазиса, там, где ныне находится деревня Мединет Мади, стоит единственный храм Среднего царства, оставшийся на своем исконном месте. Строительство храма было начато при Аменемхете III, а закончено при Аменемхете IV; он посвящен Себеку и богине урожая Рененутет. Эта связь бога, представителя и покровителя диких животных, обитающих в зарослях папируса, и богини сельского хозяйства символизирует общее состояние Файюма, «окультуренного» Аменемхетом III. В греко-римскую эпоху, когда Файюм стал одним из сельскохозяйственных центров, этот царь почитался в нем как божество (Riad, 1958; Habachi, 1969a, 47; Bresciani, 1986). Одним словом, наподобие Сенусерта III в Семне, Аменемхет III получил культ там, где он прославился[156].

Было бы заманчиво связать интерес Аменемхета III к Файюму с наблюдением за уровнем Нила в Семне и Кумме, то есть за режимом реки, определяющим состояние экономики всего Египта. Однако здесь есть одна загадка: уровень разлива в Кумме, указанный, как правило, в верхней строке надписей, при Аменемхете III, варьировал, будучи от 8 до 13 м выше среднего для этих мест уровня разлива Нила — того, который можно было наблюдать до постройки Большой Асуанской плотины (1964 год) (Hintze, Reineke, 98). Подобные разливы засвидетельствованы с 1-го года правления Аменемхета III до 4-го года правления Сехемра-Хутауи Себекхотепа II, 14-го царя XIII династии, иными словами, они продолжались три четверти века[157] и не были внезапными. Но так как все отметки указывают на аномальный уровень, это наводит на мысль, что сделаны они были именно по этой причине: никаких отметок о «нормальном» уровне нет. Как это повышение уровня воды могло отразиться на поведении Нила в самом Египте, к северу от 1-го порога? Сегодня нам кажется, что подъем уровня реки на 8–13 м выше нормального должен был стать для Египта катастрофой. Делались различные попытки объяснить этот экстраординарный подъем воды: возможно, после XII династии естественная каменная преграда Семны начала разрушаться и к эпохе Нового царства понизилась до «нормального» уровня или же уровень воды повысился в результате возведения искусственной плотины (Vercoutter, 1966a, 125–164; 1976b). Оба эти объяснения крайне уязвимы. Разрушение природной преграды — слишком медленный процесс. Надписи, сообщающие об уровне воды, находятся в центре и слегка севернее каменной преграды (Hintze, Reineke, 1989, I, 93; надписи на карте: 29–32, 27, 9–11, 1–11); в таком случае искусственная плотина должна была доходить до северного склона, но это представляется маловероятным. К тому же плотин должно было быть

[155] Геродот (II, 149) видел эти статуи, но приписывает им чересчур большие размеры. Статуи существовали еще в XIII веке н. э. Есть предположение, что эти памятники носили символический характер: царь, «открыв» пахотные земли, стоял на них, как божество-демиург на древнем холме, первым появившемся из Океана (Habachi, 1940).

[156] Содержание надписи от 43-го года правления некоего царя Аменемхета, который может быть только Аменемхетом III, в карьерах в Туре следует сопоставить с последними постройками царя; Matzker, 64, док. 247.

[157] Мы не знаем, когда именно произошло наводнение на 4-м году правления Себекхотепа VIII, затопившее храм в Карнаке (см. с. 153–154) и воспринятое царем не как катастрофа, а как благословение богов. Следует отметить, что наивысший уровень подъема воды был отмечен в Кумме на 30-м году Аменемхета III, то есть в год праздника *сед*. Усмотрели ли в этом египтяне знак расположения богов?

несколько, так как в Аскуте — крепости, стоящей на острове в 35 км к югу от Семны — обнаружена отметка о высоте Нила, на 7 м превышающей обычную: она датирована царствованием Себекхотепа II (Badawi, 1964, 52). В то же время известно, что на 19-м году правления Сенусерта III, во время спада воды, порог Дал был практически непреодолим, то есть низкая вода была обычным для этого сезона явлением, — что, очевидно, не мешало Нилу подниматься до чрезвычайно высоких отметок в следующем сезоне. Поразительнее всего то, что подобные разливы, видимо, случались ежегодно на протяжении примерно 75 лет и, как отмечает Ж. Веркуттер, амплитуда колебаний уровня из года в год была той же, что и всегда, даже с учетом известных нам уровней половодья, которые происходили в последние столетия. По всей видимости, экстраординарные разливы Нила действительно имели место[158].

Могло ли это изобилие воды положительно отразиться на благополучии страны? Говорят, что обработка земель Файюма стала возможна благодаря уменьшению площади озера и высвобождению пахотных земель, а также постройке плотин и, следовательно, установлению контроля над уровнем воды в том рукаве Нила, который сейчас называется Бахр-Юсуф (Schenkel, 1978, 65–67). Итак, из аномального уровня разливов люди не извлекали выгоды. Аграрный переворот стал следствием не особо благоприятных разливов, а искусственного орошения (Schenkel, 1978, 67–72). Между тем новые замеры в Файюме свидетельствуют о резком подъеме уровня воды в озере во времена Среднего царства: он достигал отметки в 23 м выше уровня моря (сегодня — 44 м *ниже* уровня моря). Отложение осадка происходило быстро; возможно, оно было вызвано открытием канала в Иллахуне, по которому приходили воды Нила во время половодий, особенно тех, о которых нам известно из надписей в Семне (Ginter et al., 1980, 154–158).

ОСТАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ЕГИПТА

За пределами Дахшура и Файюма следы строительной деятельности Аменемхета III (Gestermann, 1987, 123 и 130, карта; Matzker, 1986, 162–172) относительно редки и незначительны. Можно упомянуть о реставрации памятника Интефа III на Элефантине в храме Хекаиба, осуществленной на 34-м году (Leprohon, 1983b). В этом же храме могут быть обнаружены и другие свидетельства времени Аменемхета III. Здесь были

[158] Л. Жабкар (Žabkar, 1982, 15, 16) утверждает, что обнаружил в Южной Семне следы дождей и сильнейших наводнений, которые сделали эту крепость непригодной для использования, вследствие чего и были сделаны отметки о высоте половодья; следы небывалой активности Нила обнаружены и в Дельте, где осадочные слои — примерно 1850–1750-х годов — характеризуются обилием тропической пыльцы и уменьшенным содержанием соли, см.: *Sneh A., Weissbord T., Ehrlich A., Horowitz A., Moskowitz S., Rosenfeld A.* Holocene evolution of the North eastern corner of the Nile Delta, Quarternary Research 26 (1986), p. 194–206 (этими сведениями я обязан геологу Тьерри де Пюттеру). Основанное на источниках исследование Барбары Белл (Bell, 1975), если оставить в стороне некоторые рискованные выводы исторического характера, остается главным научным трудом по данной теме, несмотря на возражения Ж. Веркуттера. О колебаниях уровня наводнений см. также: Verner, 1972; о колебаниях уровня воды в Файюмском озере см.: Fropier, 1981, 32–36; De Putter, 1993.

найдены памятники, возведенные Хакаурасенебом, который, вполне вероятно, был современником этого царя (Habachi, 1985a, 40, 55–57, 122–125, Junge). Фрагмент статуи царя обнаружен в Арманте (Mond, Myers, 1940, 51, 64, 190, pl. XIX, 4–6), в Карнаке, как в тайнике, так и в других местах, — несколько статуй (PM II, 8, 119, 136, 281, 286), а также пьедестал для ладьи (Id., 73), на котором есть и имена Аменемхета IV. В Коптосе имя Аменемхета III высечено на статуе грифа (Petrie, 1896, 11 и pl. XI; Fay, 1988, 76, n. 74); в Абидосе найден рельеф невысокого художественного достоинства, на котором фигура царя необычно мала для царского памятника (хранится в Филадельфии; O'Connor, 1969, 33; O'Connor, 1978–1979a). Имя Аменемхета III отмечено также возле кенотафа Сенусерта III к югу от Абидоса (MacIver, Mace, 1902, 57–60); на блоке того же Сенусерта в Гераклеополе Великом (Petrie, 1905, 7, № 12); на обнаруженном рядом с пирамидой Аменемхета I в Лиште фрагменте надписи, в которой упоминается праздник *сед*, и, возможно, созданной специально во славу предка (Gautier, Jéquier, 1902, 105–106); наконец, на притолоке в Мемфисе (Petrie et al., 1913, 32). Из памятников Дельты надо отметить голову царской статуи, найденную в Ком эль-Хисн (PM IV, 51–52). Довольно крупный храм с изображениями праздника *сед* находился в Бубастисе[159]; именно в этом храме стояли статуи-колоссы, головы которых ныне получили всемирную известность (одна хранится в Каире, другая — в Лондоне). Ко всему этому следует добавить памятники, найденные в Танисе, изначальное местонахождение которых неизвестно — замечательные сфинксы с пышными гривами, а также фигуры царя как носителя жертвенных даров (см. ниже, с. 126). Некоторые из этих памятников царя связаны с праздником *сед* 30-го года (Бостон, стела 13.3844; Hornung, Staehelin, 1974, 29). Аменемхет III — единственный, помимо Сенусерта I, правитель эпохи Среднего царства, чей праздник *сед*, по всей видимости, действительно отмечался, а не остался лишь неосуществленным желанием (ibid., 86). Несмотря на большую продолжительность царствования, вторично этот праздник не справлялся.

СИНАЙ

Помимо регулярных наблюдений за уровнем Нила в Семне и Кумме царь осуществлял систематическую деятельность еще в одном направлении, посылая экспедиции на Синай. По-видимому, они отправлялись туда ежегодно, как и в область 2-го порога. Именно при Аменемхете III началось расширение храмового комплекса в Серабит эль-Хадим, продолженное Аменемхетом IV. Благодаря многочисленным надписям того времени нам известны имена участников этих экспедиций. Что так сильно привлекало царя в этих местах? Здесь искали главным образом минерал под названием *mfk3t/мефкат*. Слово это принято переводить как «бирюза», хотя *Большой Берлинский словарь египетского языка* не дает однозначного толкования — авторы статьи колеблются между «бирюзой» и «малахитом». Смешение некоторых полудрагоценных

[159] Farid, 1964, 86, 90, 94, 98; там были обнаружены три частные статуи, одна из которых содержит надпись от имени Хакаурасенеба (92); возможно, этот же персонаж засвидетельствован на Элефантине.

камней — дело обычное, тем более что и малахит, и бирюза в силу своих геологических свойств всегда встречаются вблизи соединений меди; впрочем, малахит и сам является одним из основных таких соединений. Несоответствие между обильными следами добычи меди на Синае и отсутствием надписей, сообщающих об этой добыче (Fuchs, LÄ VI, 789–795, особенно 793, n. 32; Giveon, LÄ V, 949 и n. 10), между количеством и основательностью экспедиций и редкостью использования бирюзы по сравнению с медью дает основания считать, что «бирюза» — слишком узкий перевод слова *mfkꜣt/мефкат*. Богиня Хатор, «владычица *mfkꜣt/мефкат*», почиталась в Тимне, где, однако, нет бирюзы (Fuchs, LÄ VI, 794, n. 60). На 6-м году правления Аменемхет III отправил некоего Хорурра с группой рабочих на Синай в крайне неблагоприятный сезон (Sinai № 90 = Sethe, 1928, 86; текст, перевод и комментарии: Goedicke, 1962). Это предполагает спешную отправку экспедиции, немыслимую, если бы речь шла только о бирюзе. Количество материала, добытого рудокопами — в тех случаях, когда оно нам известно, — слишком велико для одних полудрагоценных камней. Э. Иверсен доказал, что египтян интересовала прежде всего медная руда и что именно она называлась *mfkꜣt/мефкат* (Iversen, 1984). Особый интерес египтян к этой руде еще предстоит объяснить, но в этой связи стоит вспомнить о найденных несколько лет назад в Файюме предметах из бронзы, в том числе статуе царя (Wildung, 1984, 167, fig. 145; 209, fig. 184). При этом царе наблюдался небывалый расцвет сельского хозяйства; между тем бронза была единственным материалом, из которого изготавливались оружие и все виды орудий[160].

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Нубия

Если оставить в стороне Синай, можно ли говорить о «внешней политике» Аменемхета III? Видимо, ее почти не было.

В Нубии обнаружены следы экспедиций в каменоломни Вади эль-Худи и Дехмита (на 11-м году правления), целью которых была скорее медь, чем аметист (Säve-Söderbergh, 1941, 71), а также в пустыню между Тошкой и Абу Симбелом (4-й и 6-й годы; Engelbach, 1933, 72–73). На 9-м году упомянута карательная экспедиция Самонту к северу от Семны (Hintze, Reineke, 1989, № 499)[161]. «Депеши из Семны» (Spanel, LÄ V, 844–847; Smither, 1945; Posener, 1958, 40–41) и папирус, найденный в Рамессеуме (то есть в Фивах), содержат между тем отчеты, касающиеся укреплений Нубии в первые годы царствования Аменемхета III. Надпись в Семне (№ 524) подтверждает связь «депеш» с царствованием Аменемхета III: комендант города Амени — лицо, упомянутое в «депешах» в то же самое время, что и Самонту в надписи № 499. Мы видим, что полицейский надзор был жестким и беспощадным. Разрешалась только торговля,

[160] О египетских месторождениях меди в целом см.: El Gayar, Jones, 1989; Vercoutter, 1977.

[161] Стела этого же лица, с той же датой и похожего содержания: Британский музей 1290, Семна, PM VII, 151; HT IV, pl. 16.

но не переселение[162]; более того, эта торговля, ранее разрешенная и ниже по течению, в Икене (Миргисса), теперь была ограничена Семной. Итак, установленная Сенусертом III граница в Семне сохранялась по желанию царя; судя по наблюдениям за уровнем Нила, египетское присутствие здесь было постоянным. Ни одной новой крепости после Сенусерта III здесь построено не было. Обнаруженная в Керме стела от 33-го (или 35-го) года остается для нас загадкой (Бостон 13.3967 + 20.1222; PM VII, 176; также Scharff, 1926, 94–97): в надписи на ней сообщается об укреплении крепостных стен, названных «стенами Аменемхета правогласного». Исследователи пришли к выводу, что стела не предназначалась для Кермы, но непонятно, откуда и зачем она была сюда перенесена. «Аменемхет правогласный», строитель этих стен, — не Аменемхет III, а, возможно, Аменемхет I, но нельзя исключать и Аменемхета II[163]. Р. Дж. Лепрохон (Leprohon, 1983a, n. 15) высказал мнение, что речь идет о ремонте укреплений, возведенных на правом берегу Нила между Элефантиной и островом Коноссо; Х. Гёдике (Goedicke, 1982) предположил, что имеется в виду стена в Вади Тумилат. Однако надпись сообщает о том, что казначей Интеф был послан, дабы «укрепить его (царя) границу», и что этот Интеф находился на Элефантине; на 33-м году правления Аменемхета III южная граница проходила далеко от Асуана, поэтому упомянута скорее Элефантина южная, то есть Бухен. Указанное в надписи количество кирпичей — 35 300 — свидетельствует о масштабных ремонтных работах. Если стела была установлена где-то в районе 2-го порога, жителям Кермы не надо было идти далеко, чтобы утащить ее.

Азия

С Азией все еще более туманно. Здесь найдено несколько памятников этого периода[164], но все они — перемещаемые предметы, как многочисленные скарабеи или даже сфинксы: два сфинкса эпохи Аменемхета III обнаружены в Угарите (PM VII, 393; Schaeffer, 1962, 223, fig. 25), а один, перевезенный неизвестно откуда, находится в музее Халеба[165]. Невозможно определить, когда и почему эти предметы были привезены в места их находки, хотя на этот счет высказано множество соображений. Это касается, например, прекрасной вазы из обсидиана и золота с именем Аменемхета III, найденной в Библе в царской гробнице Абишему, а также двух жемчужин с именем того

[162] Среди крепостей упомянута *ꜣbw*/Абу — Элефантина. Идет ли речь о египетской Элефантине? Это название также носил город в Нубии, называемый, как правило, «Элефантина южная». Блоки из Фараса, на которых обнаружен топоним, происходят скорее из Бухена, чем из Семны (Hintze, Reineke, 1989, № 391) или Фараса (G. Godron, 1974); см.: Krakowski, 1972 и 1981, 25–27.

[163] Крепость в Миргиссе была заложена Аменемхетом II; но выражение «стены Аменемхета», вероятно, означает что-то иное. На найденной в Семне стеле полководца Ментуэмхета упоминается возведение «великих ворот» на границе Египта (J.-M. Janssen, 1952, 442–445); стела датируется правлением Сенусерта III или Аменемхета III (Vercoutter, 1966a, 150). Р. Лепрохон (Leprohon, 1983a) приводит обширную библиографию, посвященную проблеме ввоза предметов со времен Среднего царства до эпохи правления гиксосов. См. также: Habachi, 1985a, 84, № 56: стела, напоминающая стелу из Кермы.

[164] Перечень предметов, обнаруженных в Азии: Matzker, 45–46, № 117–126; 59, № 214–215; фотографии: Chehab, 1969, 22.

[165] PM VII 395; Г. Скандоне Маттиэ (Scandone Matthiae, 1989) считает, что сфинкс не может происходить из Нейраба.

же фараона[166]. Ларец из обсидиана и золота с именем Аменемхета IV находился в гробнице другого царя Библа — Ипшемуиба (PM VII 386; Montet, 1928, pl. 88). Предположение о том, что это были официальные дары фараона князьям Библа, по сей день полностью лишено оснований. Выше мы уже говорили о том, какое значение следует приписать «Текстам колдовства»: большинство топонимов неизвестны, а в тех редких случаях, когда можно установить соответствие, встает вопрос, о каком именно царе идет речь. Таким образом, будет рискованно делать выводы об отношениях Египта с данными регионами исходя из отсутствия некоторых имен. То же самое можно сказать о пекторали, найденной в Дахшуре, на которой царь изображен убивающим бедуинов (*ментиу, сечетиу*) (de Morgan, 1895, 64 (1), pl. 20, 21; Lange, Hirmer, 1975 pl. 14, 3): невозможно ни определить важность этого события, ни установить, где оно произошло.

ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

Источников, содержащих данные об администрации эпохи Среднего царства, сохранилось совсем немного. То, что нам известно, относится главным образом к XIII династии. Применение же к истории XII династии более поздних сведений чревато заблуждениями. Единственное свидетельство о визире этого времени наличествует в Папирусе Кахун I, 2 от 29-го года Аменемхета III: глава города и визирь Хети присутствует при составлении счета в канцелярии визирата[167]. Остальные источники носят настолько локальный характер, что любое обобщение может создать лишь ложное впечатление.

Многочисленные титулы, которые носили чиновники всех уровней и частные лица, рано или поздно позволят составить некую картину общества и государственной иерархии, но на данный момент они еще недостаточно исследованы для написания подобного обобщающего труда (см. выше, с. 115). При Аменемхете III отмечен также один наместник Верхнего Египта; этот титул не упоминался со времен первых царей XII династии (Simpson, 1965a, 63–68; 1966, 174).

АВТОРИТЕТ МОНАРХА

Как это часто бывает в исследованиях по истории Египта, значение царя и его царствования определяют, за неимением других критериев, по тем памятникам, которые он оставил. Кем был бы Хеопс без его пирамиды? Кем был бы Аменемхет III без дивных статуй, которые он оставил — в чуть меньшем количестве, чем его отец Сенусерт III?

---

[166] PM VII 386; Montet, 1928, 155–157, pl. 88–89; Dunand, 1937, 1939, Atlas, Texte, № 2905, 3107; 185 и 208–209; pl. 127 и 37.

[167] Визирь Амени, вероятно, занимал эту должность в конце правления XII династии; De Meulenaere, 1981a, 77–79.

Они менее суровы и мрачны, но так же строги, так же разнообразны и оригинальны — гривастые сфинксы, носители жертвенных даров, царь-жрец в Файюме[168]. Кроме того, при взгляде на его лицо, как и в случае с Сенусертом III, создается ощущение, что даже малейшие душевные волнения были ухвачены и отражены в филигранной пластике (Lange, Hirmer, 1975, pl. 114–119). Самый яркий, но не единственный пример — голова из граувакки в Копенгагене[169]. Еще сильнее, чем в случае с изображениями Сенусерта III, мы чувствуем, будто застали царя в минуту глубоких размышлений и душевной работы; в следующий раз мы увидим подобное только в произведениях искусства Амарнской эпохи.

Итак, три наиболее выдающихся царствования XII династии — Сенусерт I, Сенусерт III и Аменемхет III — отмечены также выдающимися по количеству и качеству статуями; этот любопытный «параллелизм» еще предстоит объяснить. Дело, несомненно, не в продолжительности царствования: Аменемхет II царствовал намного дольше Сенусерта III, но не оставил статуй. Объяснить это случайностями раскопок также нельзя: изготовление статуй, как и выбор выражения лиц и символики, зависит от политической воли царей.

[168] О датировании этих произведений правлением Аменемхета III см.: Engelbach, 1928, 13–28 и Postscript; изображения: Evers, 1929, pl. 101–104, 111–116, 119–125, 127–133 и во всех трудах по истории искусства Древнего Египта, особенно в Wildung, 1984, 174, 180–187, 202. О сфинксах: Evers, pl. 125 (Каир CG 1243), Wildung, 174. Лабиб Хабаши (Habachi, 1978a) приписывает их Сенусерту III — как я полагаю, ошибочно.

[169] Глиптотека Ny Carlsberg AEIN 924, см.: Koefoed-Petersen, 1950, № 123, который относит ее, как это еще нередко делается, к эпохе Позднего царства.

Глава VII
АМЕНЕМХЕТ IV (ок. 1809–1800 годов до н. э.) И ЦАРИЦА НЕФРУСЕБЕК (или Себекнефру, ок. 1800–1797 годов до н. э.)

История династии под конец внезапно окутывается мраком. Нам неизвестно, как выглядели[170] оба последних правителя — Аменемхет IV и Нефрусебек[171]; не обнаружено и их пирамид[172]. Вероятно, они продолжили дела, начатые их предшественниками[173]. Три отметки о разливе Нила сделаны на 5-м, 6-м и 7-м годах правления Аменемхета IV (Hintze, Reineke, 1989, № 502–504); еще одна — в Кумме, на 3-м году правления Нефрусебек (Id., № 382 A). При Аменемхете IV экспедиции на Синай отправлялись с прежней регулярностью: засвидетельствованы четыре экспедиции — 4-го, 6-го, 8-го и 9-го

[170] Ни у одной статуи Нефрусебек не сохранилось головы; лицо сфинкса Аменемхета IV (Британский музей 58892), видимо, было изменено; от других сфинксов этого царя сохранились лишь фрагменты. См. также: Bakry, 1971b, 99–100; Moussa, 1991.

[171] Matzker, passim и оглавление, 7–10; Handbuch 66. О постройках см.: Gestermann, 1987, 123–124, карты 131–132. Об именах царицы см.: Vallogia, 1964; Aufrère, 1989; von Beckerath, LÄ V, 1050, n. 1.

[172] Пирамиды в Мазгуне построены, скорее, царями XIII династии, см. Matzker, 173–174; Gomaà, LÄ IV, 418, № 58.

[173] Следы деятельности частных лиц этого времени обнаружены на Элефантине, см.: Habachi, 1985a, 57, 102, 125–126.

годов[174], а на 2-м году была совершена экспедиция в Вади эль-Худи (Seyfried, 1981, 3). Этот же царь закончил или расширил несколько построек своего отца, например маленький храм в Мединет Мади (о постройках этого царя см.: Gestermann, 1987, 123, 131). Предметы с его именем, обнаруженные в гробнице Ипшемуиба в Библе (PM VII, 386; Matzker, 1986, 48), золотая пектораль, также найденная в Библе (PM VII, 395), и даже маленький диоритовый сфинкс из Бейрута (PM VII, 384) не позволяют сделать надежных исторических выводов, как и найденный в Гезере фрагмент статуэтки царевны Нефрусебек, «дочери царя от его плоти»; впрочем, мы даже не знаем, кто это — дочь Аменемхета III и будущая царица Нефрусебек или же дочь Сенусерта III (Weinstein, 1974).

Оба эти правителя, несомненно, были законными, о чем свидетельствует первый картуш Аменемхета IV Маахерура: «Тот, кто оправдан Ра». Имя царицы Нефрусебек фигурирует в официальных царских списках — в Карнаке, Саккара (в обоих случаях — без полной уверенности) и Туринском папирусе. Она оставила о себе больше памятников, чем Аменемхет IV, но ни одного — в Верхнем Египте. Из пяти ее статуй, одна из которых — сфинкс, четыре найдены в Телль эд-Даба, где, возможно, располагалась летняя царская резиденция[175]. На этих статуях царица неизменно называется «возлюбленной Себека в Шедет и Хора, живущего в Шедет (Крокодилополь)». Неизвестно, найдены ли эти статуи на своем первоначальном месте, где, вероятно, существовал также культ Себека из Файюма. Другие памятники, связанные с этой царицей, найдены в Файюме — в Хаваре, где Нефрусебек, кажется, особенным образом связывает себя с Аменемхетом III, который, вероятнее всего, был ее отцом[176]. Наконец, архитравы из розового гранита с ее именем найдены в Ихнасийе (Ком эль-Акариб), но мы опять же не знаем, предназначались они для этих мест или нет[177]. Быть может, за этими скудными данными скрываются некие сложные, запутанные обстоятельства. Аменемхет IV царствовал 10 лет; Туринский папирус сообщает о девяти годах, трех месяцах и двадцати семи днях, а в папирусах из Иллахуна два раза указывается цифра «10». Нефрусебек царствовала, возможно, три года, десять месяцев и двадцать четыре дня (согласно Туринскому папирусу). Предположение о соправлении Аменемхета III и Аменемхета IV ни на чем не основано и должно быть отвергнуто (Franke, 1988, 119–120). Но можно задаться вопросом о том, не правили ли одновременно Аменемхет IV и Нефрусебек. Степень их родства не установлена. Принято считать, без достаточных доказательств, что они — дети Аменемхета III, родные или сводные брат и сестра (см. выше, с. 119). Тесная связь между Аменемхетом III и Нефрусебек напоминает положение Хатшеп-

---

[174] По мнению Б. Кемпа (B. Kemp), «брат правителя Речену» участвовал в работах именно при этом царе, см. выше, с. 108, примеч. 121.

[175] Habachi, 1952–1954, 458–470; происхождение хранящегося в Лувре торса царицы (E 27135) неизвестно; об этом бюсте см.: Desroches Noblecourt, 1974b, 52–54; Delange, 1987.

[176] На блоке, найденном У. Фл. Питри в заупокойном храме в Хаваре, содержится такая надпись: «его (s) памятник… для его (s) отца, да будет он жить вечно» (1889a, pl. XXVII, 12), но имя царя не указано (s — егип. местоимение-суффикс 3-го лица ж. р., то есть «её». — *Науч. ред.*). По мнению Л. Хабаши (Habachi, 1985a, 466, 463), гранитные фрагменты с именем Нефрусебек были найдены на очень небольшой территории около южного фасада пирамиды, которая могла быть самой сокровенной частью заупокойного храма.

[177] Перечень предметов с именем Нефрусебек (Себекнефру) приводится в кн.: Matzker, 50–51.

сут относительно Тутмоса I. Нефрусебек была настоящим фараоном[178] и обладала полной царской титулатурой. Как позднее Хатшепсут, она стала женским воплощением Хора[179].

ДОПОЛНЕНИЕ. ВОЗРАСТ ЦАРЕЙ XII ДИНАСТИИ

Мумии фараонов Среднего царства до наших дней не сохранились. Можно лишь попытаться вычислить примерный возраст царей, основываясь на известной нам — по крайней мере, для XII династии — продолжительности их царствования. Поскольку в большинстве случаев речь идет о гипотезах, не подкрепленных фактами, мы не надеемся прийти к окончательным выводам, но, быть может, дадим повод для размышлений.

Предположив, что каждому из царей было около 20 лет, когда рождался его наследник, мы сразу же окажемся в ловушке из сомнений. Если Аменемхет I взошел на трон в 30 лет, с учетом его карьеры при Ментухотепе IV, то Сенусерту I было на тот момент 10 лет; следовательно, через 30 лет, когда скончался его отец, ему было 40, и он царствовал до 85 лет. Его наследнику Аменемхету II было 20 к моменту восшествия на престол его отца и 65 — к моменту кончины отца; таким образом, процарствовав 38 лет, он скончался в возрасте 103 лет. Сенусерту II было 45, когда на трон взошел его отец, и 83 — когда тот умер; он процарствовал 8 лет и скончался в возрасте 91 года. Его преемник Сенусерт III, будучи 63-летним к моменту восшествия на престол его отца, взошел на трон в 71 год и скончался в возрасте 90 лет. Аменемхету III был 51 год, когда на трон взошел его отец, 70 — когда начал царствовать он сам, и 115 в момент его кончины. Аменемхет IV, став наследником в 50 лет, взошел на трон в возрасте 95 лет и умер в 104 года.

Даже оставив в стороне вопрос о долголетии членов этой династии, согласимся, что подобная «серия рекордов» малоправдоподобна. Некоторые исследователи считают это доводом в пользу соправления, но в таком случае мало что меняется: если вычесть десять лет соправления Аменемхета I и Сенусерта I, получится, что Аменемхет II дожил до 93 лет. Итак, если не брать во внимание возможность соправления, мы приходим к следующим выводам:

— Средний возраст царей к моменту рождения наследников составлял значительно больше 20 лет. Очевидно, нет никаких оснований утверждать, что каждому из царей было именно 20 лет, когда у него рождался наследник, — тем более что последний

[178] Именно так она изображена на статуях; см.: Staehelin, 1989. На фрагменте статуи в Лувре царица носит головной убор *немес*, женское платье и царскую набедренную повязку поверх него (см. выше, с. 128, примеч. 175).

[179] Оливье Пердю (Perdu, 1977, 76–78, 82–84) отмечает, что на всех цилиндрах и бусинах, предназначенных для колье и носящих посвящение Себеку из Сумену, кроме имен царей, встречаются имена только четырех цариц — Нефрусебек, Яхмос-Нефертари, Хатшепсут и Тийи, обладавших особой монархической властью. К ним следует добавить пятую — Хнемет-нефер-хеджет-старшую, жену Сенусерта II и мать Сенусерта III, первую из пяти цариц, носивших титул «жрица — пророчица Себека».

не обязательно был первым ребенком или первым сыном. Но нельзя исключать и того, что перед нами династия царей-долгожителей, — возможно, этим объясняется морщинистость лиц, а также их усталое и суровое выражение — точнее, лиц тех царей, кто царствовал особенно долго. Можно также предположить, с немалой долей вероятности, что череда продолжительных царствований в какой-то момент к воцарению пожилого преемника; это, в свою очередь, может объяснить недолговечность царствований Сенусерта II и Аменемхета IV. После шестидесяти четырех лет правления королевы Виктории ее сын Эдуард, взойдя на британский трон в возрасте 60 лет, процарствовал всего девять лет.

— Три царя, пришедших к власти в весьма пожилом возрасте — Аменемхет II, Сенусерт II, Аменемхет IV, — ничем особенным себя не проявили. Возможно, им не хватало юношеской энергии? Один лишь Сенусерт III отличался недюжинной активностью как фараон.. Впрочем, согласно моему «сценарию», он занял трон не в таком преклонном возрасте, как трое вышеперечисленных царей: 19 лет его правления пришлись на возраст 40–60 лет — период зрелости, когда человек еще сохраняет силы. Конечно, нам неизвестны причины смерти этих царей, но, насколько мы знаем, в династической истории Египта того времени не было «выпавших поколений», наличием которых объясняется разница в возрасте французских королей — Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI — при их воцарении[180].

Все эти размышления трудно подкрепить фактами, но тем не менее они имеют определенную связь с действительностью.

[180] Клод Вандерслейен имеет в виду, что ни один из царей XII династии не мог быть ни внуком, ни правнуком предшественника (как известно, король Франции Людовик XVI приходился внуком Людовику XV, а тот — правнуком Людовику XIV). — *Науч. ред.*

Часть третья

II ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
(ок. 1797–1543 годов до н. э.)

Глава I
ИСТОЧНИКИ

Термин «Второй Переходный период», которым традиционно обозначают промежуток времени, отделяющий Среднее царство от Нового, возможно, когда-нибудь исчезнет со страниц книг, но пока что его использование представляется удобным. К этому периоду относится значительное число царей, известных нам по Туринскому папирусу. Эпитоматоры Манефона отказались от перечисления имен, но цифры, которые они приводят, подтверждают многочисленность царей, свидетельствуя в то же время о краткости правления каждого из них. Согласно эпитоматорам, в течение этого периода насчитывалось пять династий. Как полагают нынешние египтологи, некоторые из них не сменяли друг друга, а правили одновременно: таким образом, власть в Египте порой была разделена между династиями, если и не соперничающими, то существовавшими одновременно. Так называемый II Переходный период выделили, задолго до Манефона, сами египтяне, поскольку в царских списках Абидоса и Саккара династии с XIII по XVII отсутствуют. Между тем манефоновская традиция не слишком надежна: сведения, передаваемые эпитоматорами, сумбурны и противоречат друг другу (Helck, 1956). Современные исследователи могут почерпнуть из них лишь отдельные полезные данные. Для сохранения «пяти династий» Манефона потребовалось установить новые критерии.

В общих чертах это выглядит следующим образом: XIII династию, наследницу Среднего царства, сменяет XVII; XV династия, гиксосская, правит параллельно с XVII; цари XIV, вероятно, делили власть с последними царями XIII династии и правили в Дельте; XVI правила Египтом одновременно с XVII.

В эту династическую схему включены имена, засвидетельствованные Туринским папирусом, а также отмеченные в «Зале Предков» Тутмоса III, некогда находившемся в Карнаке. Памятники, обнаруженные археологами, подтверждают существование некоторых из этих царей, а иногда даже позволяют определить, насколько значительным было царствование. Встречаются и имена, которых нет ни в «Зале Предков», ни в Туринском папирусе: возможно, в дальнейшем они будут отождествлены с уже известными именами или выяснится, что речь идет о новых царях. В целом ситуация с разделением Египта на разных этапах II Переходного периода была, по-видимому, более замысловатой, чем предполагал Манефон. Очевидно, что упорядоченного списка царей недостаточно для написания истории, но с него следует начать, чтобы расположить во времени и пространстве дошедшие до нас свидетельства о деятельности царей и частных лиц. Что касается хронологии, то несколько столетий, указанных Манефоном, сокращаются до менее чем двух веков.

В этот период, бесспорно, туманный для нас, происходят серьезные изменения — осуществляется переход от Среднего царства к Новому. Можно ли с точностью определить, когда заканчивается одна эпоха и начинается другая? Можно ли понять, о чем идет речь — о постепенном развитии или о внезапных переменах? XIII династия была продолжением XII: имена большинства царей подчиняются прежней традиции, теофорные имена связаны с богами, особо почитавшимися во времена Среднего царства, Монту и Себеком. Искусство, этот барометр цивилизации, не приходит в упадок. Некоторые цари, от которых до нас дошли только имена, оставили изваяния высочайшего художественного уровня. Самые яркие примеры этого — статуя Аменемхета V и два сидящих колосса Мермеша: мы видим на их лицах суровое выражение, характерное для царей XII династии. От XVII династии осталось мало памятников, как царских, так и частных. Немногочисленность памятников — один из главных знаков времени, лишь Себекемсаф I — единственный царь из тех, что традиционно причисляется к этой династии, оставил после себя некоторое количество статуй. Но он еще близок к Среднему царству и, по сути, представляет XIII династию. Собственный стиль Новое царство обретет только при XVIII династии. В политическом смысле XVII династия является «зародышем» Нового царства, но когда оно проявит себя — внезапно — при Яхмосе, его облик будет уже совершенно иным.

Глава II
XIII ДИНАСТИЯ. Ок. 1797–1634 годов до н. э.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

XIII династия выделяется числом царей и краткостью царствований. Основной источник сведений о ней — Туринский папирус. Несмотря на плохую сохранность, он позволяет определить число царей, которое в целом совпадает с данными Манефона — шестьдесят; к тому же Туринский папирус сохранил для нас многие имена. Первоочередная задача историка — сопоставить имена из этого списка с теми, которые встречаются на обнаруженных археологами памятниках. Поскольку этот перечень более или менее приведен в порядок, остается узнать или разгадать, что происходило в Египте в течение данного периода — возможно, длившегося больше тех полутора веков, о которых принято говорить.

Согласно Манефону, XIII династия происходила из Диосполя (Фивы). Возможно, это так, но у нас нет других источников, подтверждающих этот факт. Столицей при этих царях оставался Лишт, и для периода до конца правления Себекхотепа IV следы царской деятельности фиксируются к северу от Фив в большем количестве, чем в самих Фивах. Ономастическая традиция не слишком схожа с фиванской: прежде всего она продолжает традицию Среднего царства (Аменемхет, Ментухотеп, Интеф), с предпочтением имен, составленных на основе имени Себек, который с самого начала — и в первую очередь — был божеством Файюма.

Поразительно, насколько короткими были сроки правления царей. Очевидно, имела место смена режима, но мы не знаем, как совершился переход от XII к XIII династии. Зачастую шаткость трона царей противопоставляют устойчивому положению некоторых семей, особенно рода визирей Иимеру и Анху, но чрезмерно акцентировать этот контраст не следует. Достоверно известно лишь то, что отдельные семьи играли важную роль в управлении государством, причем одни на протяжении нескольких поколений удерживали власть, а другие — позиции в администрации или армии, порой заключая брачные союзы. Очевидно, что при XIII династии, как и при других династиях II Переходного периода, власть не передавалась от отца к сыну, а переходила от одной семье к другой, но неизвестно, каким образом эти семьи внезапно приобретали божественное право на царский трон.

Нам остается только следовать за путеводной нитью Туринского папируса. Немало проблем, которые предстоит решить, связано с тем, что в папирусе обычно называется только одно имя царя — чаще всего коронационное, или тронное, которое дается в первом картуше и которое иногда называют «первым именем»; но на памятниках не всегда указывается именно оно. Более того, в шести случаях в Туринском папирусе есть только имя, данное при рождении, обычно называемое просто «именем», — то, которое стоит во втором картуше титулатуры. Итак, даже с нормально оформленными надписями на памятниках остаются сомнения относительно соответствия имен на них именам в Туринском папирусе.

К тому же Туринский папирус — документ частный, составленный (надо признать, со всей тщательностью) в Рамессидскую эпоху на обратной стороне старого официального документа. Мы не знаем, почему писец — скорее автор, чем переписчик — не придерживался строгой системы и не указывал для каждого из царей имя одной категории (например, тронное, которое за редким исключением было особым у каждого царя). Со II Переходным периодом все еще сложнее. Беспорядочное чередование имен продолжается, но теперь мы нередко встречаем сразу два имени разом: иногда оба стоят в одном картуше, иногда в картуше дано тронное имя, а вне картуша — второе. Порой содержание картуша бывает непросто объяснить: в нем соединены два или три имени, — видимо, это имена, данные при рождении, личные имена либо эпитеты. Эти картуши озадачивают исследователей. Есть и еще одна проблема — плачевное состояние Туринского папируса, из-за чего местоположение некоторых фрагментов до сих пор вызывает сомнения. Наконец, нельзя исключать возможность ошибок. Поэтому составление списка царей II Переходного периода вызывает множество трудностей. Но за неимением ясных и достоверных источников Туринский папирус остается основным документом, данных которого следует придерживаться, насколько возможно.

Цари

Первым представителем XIII династии стал Хутауира (Tur. 6, 5; K VII, 4)[1]. Благодаря найденной в Миргиссе стеле (Vercoutter, 1975b) больше нет сомнений в том, что второй

[1] В ссылках на Туринский папирус (Tur.) указываются номера колонки и строки; ссылки на «Зал Предков» в Карнаке (K) даны в соответствии с нумерацией Sethe, Urk. IV, 608–610, то есть указываются ряд и порядковый номер.

картуш этого царя — Угаф (I); нам известна его полная титулатура (von Beckerath, LÄ VI, 838; Handbuch XIII, 1). В Нубии от этого царствования остались стела из Миргиссы и найденная в Семне безголовая статуя, представляющая царя в одеяниях для праздника *сед*, названного «возлюбленным бога Дедуна, главенствующего в Нубии» (Davies, № 2; Helck, № 1). Остракон Позднего периода, носящий, однако, имя Хутауира, найден на Элефантине[2]; в Карнаке обнаружены фрагмент стелы (Каир JE 37510, PM II, 165; Helck, № 3) и статуэтка без головы (Каир JE 33740, PM II, 110; Davies, № 1). В Медамуде при Аменемхете VII была реставрирована притолока с его именем[3], а один из его памятников был узурпирован[4] Себекхотепом III (Montet, 1951). Все эти памятники обнаружены в южных областях страны. Э. Лихи доказал, что стела из розового гранита, узурпированная Неферхотепом I, датируется правлением Угафа (Leahy, 1989, 41–60). Стела хорошо сохранилась и содержит текст декрета, запрещающего частные захоронения на священной земле бога Упуаута; Э. Лихи полагает, что речь идет о долине, ведущей от храма Осириса в Умм эль-Кааб, где гробница царя Джера уже считалась усыпальницей Осириса. Священной земле угрожало хаотичное расширение некрополя. Воспроизведение, то есть узурпация, декрета Неферхотепом I говорит о том, что проблема оставалась насущной. Дата стелы — 4-й год — исправлена не была, а следовательно, Угаф царствовал более трех лет. В Туринском папирусе продолжительность его правления указана на краю обособленного фрагмента; возможно, одна черта в дате исчезла[5], и тогда следует читать «три года, три месяца и двадцать четыре дня», то есть три года и часть четвертого[6].

Согласно Туринскому папирусу, Хутауира Угафу наследовал некий Сехемкара А[…] (2) (Tur. 6, 6). По единственному знаку, сохранившемуся перед лакуной в Туринском папирусе, имя царя вполне можно восстановить как Сехемкара Аменемхет. От этого царя осталось немало памятников. При этом на цилиндрической печати, где указаны четыре элемента титулатуры царя, носящего это имя наряду с именами Хора Мехибтауи и Небти Ич-сехемеф, во втором картуше, рядом с именем Аменемхет, стоит слово *snb.f*/*Сенебеф* (Newberry, 1905, pl. 7, 3; Petrie, 1917, pl. 18, 13, 9). Действительно, длина пробела в тексте Туринского папируса достаточна для того, чтобы вместить это слово, а в конце шестой строки мы видим «хвост» от знака «рогатой гадюки», соответствующего *ф* в слове *Сенебеф*. Таким образом, к правлению Сехемкара Аменемхету-Сенебефу можно отнести все памятники, на которых, как и на цилиндрической печати, указано имя Хора Мехибтауи. В следующей строке Туринского папируса (6, 7)

---

[2] Legrain, 1907, 251–252. — На этом остраконе два последних титула и имена царя расположены симметрично, слева и справа от знака *ꜥnḫ*/*анх*; под этой строкой помещен вертикальный картуш одного из Сенусертов, но нет никаких указаний на то, как он связан с Угафом.

[3] Bisson de la Roque, 1928, 83–86, 115–116, 129–131, pl. III; Helck, № 2.

[4] «Узурпация памятника» — распространенная практика в Древнем Египте; она заключалась в том, что имена прежнего владельца памятника уничтожались, а на их место вставлялись новые имена. — *Науч. ред.*

[5] Gardiner, 1959, pl. VI, 5, полагает, что здесь стоит цифра II, оставив вопрос о цифре III без ответа.

[6] Мать некоего Анху, занимавшего должность в конце правления XII династии, видимо, стала «сестрой царя» — иными словами, ее брат, не будучи сыном царя, взошел на трон. Д. Франке (Franke, 1989), изучая досье этого исторического персонажа, предположил, что речь идет о царе Угафе. Поскольку Анху, возможно, был другом юности Аменемхета III (хотя из-за лакун подтверждений этому нет), к моменту восшествия Угафа ему должно было быть около 50 лет, а его матери — около 70. Из этого Франке делает вывод о том, что Угаф стал царем в уже зрелом возрасте.

есть картуш с именем Аменемхета, но без добавления *Сенебеф*. С этим персонажем связывают источники, где стоят имена другого Сехемкара Аменемхета, — замечательную статую, найденную на Элефантине, и частную стелу, на которой есть картуш Сехемкара и имя Хора Санхтауи, не совпадающее с именем Хора царя Аменемхета-Сенебефа. Это же имя Хора отмечено в граффито из Вади Шатт эр-Ригал. Ю. фон Бекерат (1964; Handbuch XIII 2; XIII 4; LÄ I, 193, 192) полагает, что речь идет о двух разных Сехемкара. К. Рюхолт разделяет имя на части и читает «Сенебеф, сын Аменемхета»; этот Аменемхет, по его мнению, был одним из последних царей XII династии, носивших это имя[7]. Между тем оттиск картуша Аменемхета-Сенебефа на цилиндрической печати делает подобную интерпретацию совершенно немыслимой: имя *Сенебеф* выглядит здесь скромным добавлением к написанному крупными знаками имени Аменемхет. В обеих интерпретациях смущает то, что оба царя, взошедших на трон один за другим — по крайней мере, согласно Туринскому папирусу, — носят одно и то же тронное имя, в высшей степени официальное, и почти тождественные имена, данные при рождении. Конечно, в Туринском папирусе встречаются и другие случаи повторения тронного имени, но обычно они разделены большими отрезками времени[8]. Вероятнее всего, речь все же идет об одном и том же царе, который за время своего правления изменил имя Хора (так поступали и другие цари, например Ментухотеп II и Камос) и добавил к своему имени эпитет «Сенебеф» — «он здоров». С подобным объяснением не согласуется лишь одна деталь: в Туринском папирусе для указания имени каждого царя и продолжительности его правления отведена отдельная строка. Несомненно, писец столкнулся здесь с каким-то затруднением. Данные о числе лет правления Аменемхета-Сенебефа утрачены или никогда не существовали. В конце строки в папирусе (6, 6) читаем: «*wsf/усеф*, шесть лет»; «*wsf/усеф*», как правило, означает «незанятый, отсутствующий, без событий», а потому этот фрагмент принято считать указанием то ли на пробел в тексте, то ли на пустующий трон. Следующая строка папируса (6, 7) содержит совсем короткий картуш Аменемхета, но в начале его писец начертил знак Солнца Ра — так, словно туда предполагалось вписать тронное имя царя. Имена царей, данные при рождении, в Туринском папирусе встречаются редко[9], и знак пропуска в предыдущей строке, возможно, говорит о плохом состоянии папируса. Вполне вероятно, что мы имеем дело с ошибкой в документе, чем бы она ни объяснялась: писец мог, например, дважды записать сведения об одном и том же царе. Итак, разумнее всего считать, что Сехемкара Аменемхет-Сенебеф и Сехемкара Аменемхет — один и тот же царь, носивший два разных

---

[7] Ким Рюхолт (Ryholt, 1995), исследуя картуши, содержащие сложные царские имена, возвращается к давно выдвинутой гипотезе о том, что некоторые имена являются именами с отчествами; например, КаиКаи Аменемхет, см. Аменемхет VII Аменемхет — это Аменемхет сын Каи. Однако автоматическое принятие этого толкования приведет к серьезным изменениям в интерпретации списков Туринского папируса. Основное возражение заключается в следующем: отец царя, указанный таким образом, сам необязательно был царем, и его включение в последовательность царей слишком удлинит список. Таким образом, перечень царей начала XIII династии, представленный К. Рюхолтом (Ryholt, 1995, 113), ошибочен.

[8] Например, Санхибра, Суаджкара и Ауибра XIII династии, чьи тронные имена отмечены при XIV династии — у 19-го, 7-го и 13-го царя соответственно, а одно из них — Суаджкара — еще и в конце XIII династии.

[9] Всего 6 примеров на весь текст папируса. Redford, 1986a, 6.

имени Хора. Это предположение никак не повлияет на историю периода в целом, поскольку обе записи в Туринском папирусе следуют одна за другой и, следовательно, относятся к одному временному отрезку[10]. Стало быть, речь идет об Аменемхете V, по какому-то случаю названном Сенебефом. Памятники с именем Сехемкара Аменемхета V обнаружены в разных областях: Атрибисе (Британский музей 1346; HT IV, 22: Хор Санхтауи, царь Сехемкара), Тоде (Bisson de la Roque, 1937, 125sq.: Хор Мехибтауи), Шатт эр-Ригале (Petrie, 1888, pl. 15, № 466: Хор Санхтауи), Элефантине[11], Аскуте (S. T. Smith, 1991, 118) и Семне[12]. К этому следует добавить Папирус из Кахуна от 3-го года (Griffith, 1898, pl. IX) и статуэтку визиря Хенмеса, привезенную, возможно, из Гебелейна (царь Сехемкара; Newberry, 1901, 222–223; Helck, № 5). Самый поразительный из памятников Аменемхета V — это, безусловно, элефантинская статуя, голова которой с XVII века хранится в Вене. Изваяние выполнено на высочайшем художественном уровне — но о царе, которого она изображает, мы почти ничего не знаем.

Далее в Туринском папирусе стоит имя Схотепибра (3) (один год правления) (Tur. 6, 8) и через четыре строки — такое же тронное имя (три года правления) (Tur. 6, 12). В одном из этих случаев явно имеет место ошибка: речь идет о Хотепибра — царе, о котором сохранилось немало свидетельств; другим его именем было Хорнеджхеритеф (von Beckerath, LÄ III, 11). Царь Схотепибра тоже существовал (von Beckerath, LÄ V, 827): подтверждения этому — цилиндрическая печать Карнарвона[13] и стела, найденная в Гебель Зейт у Красного моря (Castel, Goyon, Mey, 1980, 304, № 3, pl. 80a). На последней указано его имя Хора — «Тот, кто расширил две земли». Атрибуция текстов не представляет трудностей, проблема состоит лишь в выяснении того, какую именно ошибку допустил писец: наследовал ли Схотепибра трон у Хотепибра или наоборот? По мнению Ю. фон Бекерата, Схотепибра царствовал первым. Имя этого царя вырезано на печати Карнарвона, где он назван «возлюбленным Хатор [владычицы Библа?]». Иероглифическую надпись сопровождает клинописная, где упоминается имя Йакин-Илум: этот Йакин мог быть отцом «правителя Кепена (Библа) Йантина» и, вероятно, современника Неферхотепа I (см. выше, с. 147).

Между Схотепибра и Хотепибра Хорнеджхеритефом в Туринском папирусе упоминаются Иуфни (4), о котором мы ничего не знаем, и Санхибра (5) (Tur. 6, 10), присутствующий также в «Зале Предков» (V, 6), а на жертвеннике в Карнаке дана его полная титулатура с картушами Санхибра и Амени-Интеф-Аменемхета, которые традиционно читаются как «Аменемхет (VI), сын Интефа, сына Амени» (von Beckerath, LÄ I, 192–193).

---

[10] Между этими двумя царями не было никакого другого, вопреки мнению von Beckerath, 1965, XIII, 3; см. ниже, с. 142, примеч. 23.

[11] Wien 37 (голова), Элефантина (туловище), Habachi, 1985a, № 104, pl. 198–200; Davies, № 3; Rogge, 1990, 6, 5–10; об объединении головы с туловищем см.: Fay, 1988.

[12] Отмечены 3-й и 4-й годы правления; Hintze, Reineke, 1989, 205; в Семне отметка была сделана (?) военачальником Джефа[…], не известным из других источников. Хинце и Райнеке в своем капитальном издании надписей отвергают чтение «8-й год Сехемкара» (см. их указатель, с. 205), предложенное в Parker, 1976, 188–189.

[13] Цилиндрическая печать, купленная в Египте, ныне хранится в коллекции MMA New York 26.7.21: Hayes, 1953a, I, 342, fig. 226; Pinches, Newberry, 1921; Albright, 1945, 11 и n. 15; Helck, № 28. Фрагменты из известняка, купленные в Файюме, на которых отмечено имя Схотепибенра, принадлежали царю Петубасту II (VII век н. э.); Habachi, 1968b, 72–74; Kitchen, LÄ IV, 998.

Цилиндрическая печать с его тронным именем сообщает о том, что этот царь поклонялся Себеку из города Сумену (Yoyotte, 1957a, 88, 4b). Непосредственно перед Хотепибра в Туринском папирусе стоит Сменкара (6) (Tur. 6, 11); не исключено, что это тот самый Сменкара Небнену, чья маленькая фаянсовая стела найдена в районе галенитовых рудников в Гебель Зейт (Castel, Soukiassian, 1985, 290, стела № 557).

Что касается Хотепибра (Tur. 6, 12, написано: *Схотепибра*, см. выше), то имя этого царя нам также известно благодаря двум памятникам с его картушами. Это блок (Каир 25/4/22/3; Manuel II, 613; Habachi, 1952–1954, 461, pl. 10–11; Helck, № 9), найденный в эль-Атаула (к северу от Асьюта) (LÄ I, 517) в храме Немти, и сидящая статуя, обнаруженная в Хатаане и посвященная «Птаху, который к югу от своей стены», — видимо, она происходит из Мемфиса (Habachi, 1952–1954, 460–461; Davies, № 4; Helck, № 8)[14]. Перед именем царя (Хорнеджхеритеф) в картуше указывается его происхождение: *sꜣ ꜥꜣmw/са ааму* — «сын бедуина» или *sꜣ ḳmꜣw/са кемау* — «сын веяльщика»[15]. Нам известна пирамида царя Амени Ааму (или Кемау)[16]. Мы не совершим насилия над источниками, предположив, что Хорнеджхеритеф был его сыном; в таком случае Амени Ааму должен быть одним из его непосредственных предшественников, то есть Санхибра Аменемхетом VI, чей второй картуш содержит три имени — Амени-Интеф-Аменемхет. Вместо того чтобы видеть здесь указание на три поколения — «Аменемхет, сын Интефа, сына Амени», можно интерпретировать это сочетание как «Амени-Аменемхет, сын Интефа»[17]. В Эбле найдено нечто вроде жезла военачальника, где, видимо, указано имя этого царя (Bietak, LÄ VI, 348–351; Scandone Matthiae, 1979–1980). В Телль эд-Даба М. Битак открыл большой дворец, который просуществовал лишь несколько лет и даже не был завершен; он датируется началом XIII династии. Различные детали, такие как типично сирийская по стилю цилиндрическая печать, отсутствие закладов в фундамент, останки жертвенных животных в круговом рве, чужды египетским обычаям и наводят на мысль об азиатском — ханаанейском — влиянии. Этот дворец мог быть «летней резиденцией Хотепибра, «сына Ааму», чья статуя найдена в 100 м от здания (Bietak, 1984, 325–332).

За Хотепибра и двумя царями, известными только по Туринскому папирусу — Суаджкара (8) (Tur. 6, 13) и Неджемибра (9) (6, 14), — появляется Себекхотеп I (10) (Tur. 6, 15).

Благодаря различиям в именной титулатуре можно выделить среди правителей II Переходного периода девять Себекхотепов. Семеро из них перечислены в Туринском

---

[14] Скарабей этого царя найден в Иерихоне, см.: Habachi, 1985a, 461, pl. XI b.

[15] По мнению Ж. Познера, читать следует, скорее, «сын веяльщика» (Syria 34, 1957, 156, n. 3). Он пишет: «Во всех случаях, где дан конечный *w/вав*, необходимо читать *ḳmꜣw/кемау*, так как *ꜥꜣm/аам* не имеет окончания». Однако прочтение «сын веяльщика» выглядит несколько странно (von Beckerath, LÄ III, 11 дает для слова *ḳmꜣw/кемау* перевод «Landarbeiter» — «сельскохозяйственный рабочий; батрак»). В той же статье Ж. Познер подчеркивает его необычность и признает, что существительное со знаком «бумеранг» (T 14), как правило, читается *ꜥꜣm/аам*; но сегодня общепринятой считается транскрипция *ḳmꜣw/кемау*. С другой стороны, В. Макс Мюллер (W. Max Müller, 1893, 122), исследуя слово *ꜥꜣmw/аам*, соглашается с тем, что сам корень слова не оканчивается на *w/вав*, но знак *w* может появляться в слове и в единственном числе для точной передачи вокализации. См. также: Bietak, 1984c, 74, n. 54.

[16] Maragioglio, Rinaldi, 1968; Edwards, 1967, 279; Habachi, CdE 43, 1968, 80–81, № 2.

[17] Возможно, этот Интеф — Иуфни, непосредственный предшественник Аменемхета VI на троне, или же царем был его отец.

папирусе, который, к счастью, для шести Себекхотепов, следующих за первым, указывает или два последних имени в одном картуше, или хотя бы тронное имя. Вопрос о Себекхотепе VI остается открытым, так как связь имени Себекхотеп с тронным именем Мерхотепра, указанном в Туринском папирусе, не установлена. Себекхотеп IX известен нам только по двум скарабеям, на которых присутствует его именной картуш — Маара, а Себекхотеп VIII — по стеле в Карнаке и своему тронному имени, Сехемра-Сусертауи, в «Зале Предков» (V, 14).

Правлением Себекхотепа I (Spalinger, LÄ V, 1036–1037) датируются памятники, на которых указано тронное имя царя Хаанхра; это имя есть и в «Зале Предков» (VI, 8). Так как в Зале не соблюден хронологический порядок и указаны не все имена, этот перечень не позволяет определить очередность восхождения царей на трон. Таким образом, место этого Себекхотепа внутри династии нельзя определить с точностью. Мы придерживаемся очередности, предложенной Ю. фон Бекератом. Полная титулатура Себекхотепа I запечатлена на гранитном жертвеннике Leiden C 13. Большинство памятников, связанных с этим царем, найдено в маленьком кенотафе, который он построил в Абидосе между храмами Сети I и Рамсеса II (Bresciani, 1979). Это уже упоминавшийся жертвенник Leiden C 13, серия рельефов и стела — все из Лувра[18]. На постаменте статуэтки из собрания Амхерст (Британский музей 69497) было посвящение Амону-Ра, «владыке тронов двух земель», стертое, но не до конца, при Эхнатоне; вероятно, она происходит из Карнака[19]. Блок из Дейр эль-Бахри также приписывают этому царю на том основании, что, как и в Туринском папирусе, перед единственным прочитанном на блоке именем «Себекхотеп» в картуш помещен знак Солнца[20]. Годы правления в тексте Туринского папируса утеряны, а читаемые знаки указывают дни (von Beckerath, 1964, 233, XIII 12 (1) называет двенадцать лет). В этом же документе на месте лакуны после знака «сын» стояло, вероятно, имя отца, который, следовательно, сам не являлся царем.

Преемник Себекхотепа I Ренсенеб (11) царствовал всего четыре месяца (Tur. 6, 16). Далее следует Ауибра (Tur. 6, 17). Это царь по имени Хор (von Beckerath, LÄ II, 1274), чей погребальный инвентарь был обнаружен в колодце, вырытом напротив пирамиды Аменемхета III в Дахшуре, и которому принадлежит знаменитая статуя Ка; в наосе этой статуи запечатлена полная титулатура царя[21]. Вторично использованный блок с именем Хора этого царя был найден в Танисе; на этом же блоке присутствует имя Хора его второго преемника — Сехемра-Хутауи (Montet, 1960, 71–72, pl. 28; Id., 1942, 138). Цифра «семь» в Туринском папирусе стоит слишком далеко от имени, чтобы указывать на годы правления, число которых утрачено. Его ящик для каноп, найденный в Дахшуре вместе с остальными погребальными принадлежностями, был запечатан царем

[18] Лувр B 3, B 5, C 9; von Beckerath, 1964, 234 (4); стела C 10, ibid. (5); Helck, № 10 (где первый картуш неверно прочитан как «Ханеферра»).

[19] Reeves, 1986; Davies, № 5. — Статуя AF 8969 в Лувре (Davies, № 6) может быть также статуей Себекхотепа IV или V, так как последний знак первого картуша не сохранился; можно читать его как Ха(анх)ра, Ха(нефер)ра или Ха(хотеп)ра.

[20] Naville, 1910, II, 11 и 21, pl. X (H). Von Beckerath, 1964, 234 (7), считает эту атрибуцию весьма сомнительной.

[21] Каир CG 259 и 1159, Manuel III, index 586; Davies, № 7; сохранились фрагменты другой статуи, найденной там же, Каир CG 1163; Davies, № 8. Подробное описание см.: J. de Morgan, 1895, I, 87–106; Habachi, CdE 43, 1968, 81, № 3.

Нимаатра. Сегодня мы знаем точно, что речь не может идти об Аменемхете III, значит, имя Нимаатра могло принадлежать только Хенджеру, третьему преемнику царя Хора (de Morgan, 1895, 104).

Хору наследовал Седжефакара (13), царствовавший семь лет (Tur. 6, 18); надписи из Медамуда дают его полную титулатуру (Bisson de la Roque, 1928, № 437; Weill, 1929, 156–163). Это был Аменемхет (VII) (von Beckerath, LÄ I, 193): его имени предшествует помещенное в картуш имя Каи, а следовательно, речь идет о Каи Аменемхете или Аменемхете (сыне) Каи (см. выше, с. 138, примеч. 7). Его тронное имя указано в гробнице царицы Хевит в Саккара (LdR II, 93, № 13, II) и на нескольких мелких предметах, а имя Хора — на цилиндрической печати (von Beckerath, 1964, 236, XIII, 15, 4–6).

Следующий царь — Сехемра-Хутауи Себекхотеп (II) (14) (Tur. 6, 19) (Spalinger, LÄ V, 1037–1079); в Туринском папирусе все три имени даны в одном картуше. Надписи в Медамуде (PM V, 145–146) и в Дейр эль-Бахри (архитрав; Naville, 1907, 11–12, 21, pl. XB) содержат имена Сехемра-Хутауи Аменемхета-Себекхотепа; источники из Медамуда также дают его имена Хора — Менех[…] и Хора Золота — Анхнечеру. Благодаря двум памятникам мы знаем, что существовал царь Сехемра-Хутауи, первыми именами которого были Хабау, Ухемджед и Анхренпут[22]. Расхождения в титулатурах вынуждают предположить, что несколько царей носили одинаковые тронные имена, хотя Туринский папирус, как и список в «Зале Предков», указывают только одного Сехемра-Хутауи (Tur. 6, 19)[23]. Следует помнить также, что царь мог менять свои имена. Двойное имя Аменемхет-Себекхотеп, картуш с которым отмечен на разных памятниках: в Медамуде, на архитраве из Дейр эль-Бахри, на фрагменте из известняка неизвестного происхождения (Newberry, 1903, 135, fig. 1) и на цилиндрической печати с посвящением Себеку из Гебелейна (von Beckerath, 1964, 237 (6); Newberry, 1905, pl. 53, 3), можно понимать и как «Себекхотеп (сын) Аменемхета», что в таком случае указывает на родство с Аменемхетом VII. Стелу из Абидоса, хранящуюся в Британском музее, воздвиг Сехемра-Хутауи, называемый Панчени (Британский музей 630; HT IV, 26; Helck, № 4), то есть «человек из Тиниса»; подобная замена обычного имени царя именем описательным порой имеет место[24], а следовательно, нет оснований считать, что это был какой-то другой Сехемра-Хутауи. Итак, мы располагаем двадцатью свидетельствами о Сехемра-Хутауи; среди царей данной династии он занимает третье место по количеству сохранившихся от него памятников[25]. Те, которые поддаются локализации, происходят из Бубастиса, Таниса, Абидоса (с именем Панчени), Медамуда (церемониальные ворота, подобные тем, которые поставил здесь же Сенусерт III), Дейр

[22] Архитрав из Бубастиса (Британский музей 284 (1100), HT V, 18); цилиндрическая печать (Petrie, 1917, XVIII, 15, 1); а также повторно использованные блоки в Танисе (Montet, 1960, 71–72, pl. 28, с именем Хора Хабау).

[23] Предположение о двух различных царях по имени Сехемра-Хутауи, выдвинутое фон Бекератом, опровергнуто Ж. Веркуттером (Vercoutter, 1975b, 223–224 и n. 23, 24).

[24] Царь XVII династии Уаджхеперра Камос иногда именуется Уаджхеперра Па-хека-кен или Па-хека-реси, то есть «доблестный правитель» или «правитель юга». См.: von Beckerath, 1964, 298, № 18 и другие примеры там же, 297, № 9, 10. Камос за время своего правления два раза менял имя Хора, и это при том, что самая поздняя известная дата его правления — 3-й год,

[25] Себекхотеп III — 17 свидетельств, Неферхотеп I — 22, Себекхотеп IV — 29, по подсчетам фон Бекерата.

эль-Бахри, Семны, Куммы[26] и Кермы[27]. Имя царя названо в папирусе Кахун (Griffith, 1898, Text, 26) и в папирусе Булак 18. В царствование Себекхотепа II важную роль в жизни царя и обычных людей играла семья. Среди лиц, живших за счет государства, в папирусе Булак 18 упоминаются помимо всевозможных чиновников всех уровней царица Эйе и девять сестер царя.

На многих скарабеях встречается имя супруги царя и матери царя Небухотепти; на одном из них уточняется, что она — мать царя Себекхотепа, вероятнее всего Себекхотепа II (Hari, 1980; Spalinger, LÄ V, 1037–1038 и n. 1–4). В Дахшуре, рядом с гробницей царя Хора, обнаружена гробница царевны Небухотепти-младшей, что, возможно, свидетельствует о родственной связи Себекхотепа II с его предшественником. Царица Небухотепти (вполне вероятно, дочь царя Хора) была, видимо, женой царя Аменемхета VII (предполагаемого отца Себекхотепа II); статуэтка этой царицы найдена в Семне (Vercoutter, 1975b, 232–233).

Три отметки уровня Нила в Семне и Кумме, сделанные при Себекхотепе II, отделены от серии отметок конца XII династии и отметок Сехемкара Аменемхета V; они относятся ко 2-му, 3-му и 4-му годам правления этого царя. Не исключено, что он царствовал дольше. Можно допустить, что не только 3-й, но и 6-й год, указанные в папирусе Булак 18, были годами правления Себекхотепа II[28]. Единственная сохранившаяся статуя этого царя, найденная в Керме, к сожалению, не имеет головы. Однако есть предположение, что три головы-колосса из известняка, найденные в Медамуде, где при Себекхотепе II велись серьезные работы, принадлежат именно этому царю[29]. Если это так, можно судить, насколько грандиозными были изваяния этой выдающейся личности.

---

[26] Hintze, Reineke, 1989, № 508, 509, 382A — 2-й, 3-й (Helck, № 6) и 4-й годы соответственно: просто Сехемра-Хутауи. Хранитель сокровищ и военачальник Ренсенеб, комендант крепости в Семне, при котором была сделана отметка от 3-го года (№ 509), не упоминается в других источниках. Хинце и Райнеке полагают, что отметки сделаны при Аменемхете-Себекхотепе, но ошибочно считают его первым царем династии.

[27] Фрагмент статуэтки Бостон 14.726 был, по всей видимости, привезен туда впоследствии; см.: PM VII, 178; Davies, № 9.

[28] См.: von Beckerath, 1964, 237 (9), 238 (10). — В папирусе Булак 18 (см.: Simpson, 1973b, 69–70) писец Неферхотеп составляет ежедневные отчеты о расходах и доходах царского двора на протяжении как минимум двадцати трех дней, в течение которых двор оставался в Фивах по случаю праздника Монту. Датировка папируса Булак 18 остается серьезной проблемой. Конечно, здесь указаны имя Себекхотепа и дата «3-й год»; визирем царя был Анху, названный в этом папирусе наряду со многими другими чиновниками. Другая часть папируса датирована 5-м годом: считается, что это дата правления Хенджера, так как Анху при этом царе еще служил визирем и о 5-м годе правления Хенджера есть свидетельства. Перед именем Себекхотеп А. Гардинер и Я. Черни предлагают читать «Ameny […] Sebekhotep», что наводит на мысль об Аменемхете Себекхотепе (II). Ж. Познер полагает, что подобное прочтение невозможно, но то, что говорится в папирусе о царской семье, не соответствует тому, что мы знаем о семье Себекхотепа III. В папирусе Бруклин 35.1446 (см. ниже, с. 145), на оборотной стороне указаны 1-й и 2-й годы правления Себекхотепа III, а на лицевой стороне, содержание которой должно предшествовать оборотной, упомянут визирь Анху и указана дата «6-й год». Поскольку речь должна идти о царе — предшественнике Себекхотепа III и поскольку Анху был визирем при Хенджере, то это может быть царь Себекхотеп, который правил незадолго до Себекхотепа III и Хенджера, то есть Себекхотеп II. О семье царя см. также: B. Schmitz, 1976, 206–208. — О папирусах Булак 18 и Бруклин 35.1446 см.: Quirke, 1990.

[29] Лувр E 12924; Каир JE 54857; Каир JE 58926; PM V, 149, 144, 148; Davies, 18 и n. 67.

После Себекхотепа II царствовал Усеркара Хенджер (15) (Tur., 6, 20): возможно, его имя было неегипетским[30], во второй половине своего правления он сменил имя Усеркара на Нимаатра (см. ниже, с. 144, примеч. 32). Наиболее значительный из его памятников — пирамида в Южной Саккара (Fakhry, 1969, 228–230; Stadelmann, 1985, 246–247, 249–252), возле которой найден бюст, вероятно, этого царя без надписей[31]. Пирамида построена из необожженного кирпича и облицована белым мелкозернистым известняком. Над ней возвышается пирамидион из диорита («черного гранита»). Высота пирамиды, вероятно, ранее составляла 37,35 м. Обработка и укладка камня, особенно огромных монолитов пирамиды, выполнены с большим мастерством — знак того, что ремесло не претерпело упадка. Именно Хенджеру сегодня приписывают знаменитое надгробие Осириса в виде фигуры на ложе (гизант), найденное в Абидосе в древнем некрополе в Умм эль-Кааб, где, как верили египтяне, и находилась настоящая усыпальница Осириса (Leahy, 1977; Id., 1989, 55, 59). Работы по реставрации (буквально «чистке») в храме Сенусерта I в Абидосе были проведены при Хенджере главой местной коллегии жрецов Аменисенебом под руководством визиря Анху[32], чье семейство играло важную роль как при этом, так и при следующем царе. Согласно граффити на блоках пирамиды, царь Хенджер правил больше четырех лет, так как засвидетельствован его 5-й год (Helck, № 11; von Beckerath, 1964, 328 (2); Arnold F., 1990, 188, index). Если именно к этому царствованию относятся 5-й и 6-й годы в папирусе Булак 18, то оно соответственно продлевается на такое же время, но эти данные могут относиться и к правлению Себекхотепа II.

Хенджеру наследовал Сменхкара Мермеша (16) (Tur. 6, 12) (von Beckerath, LÄ III, 148), о котором нам ничего неизвестно; лишь в Танисе найдены две его статуи-колосса. Судя по имени божества, к которому взывают надписи на этих статуях, предназначались они для Мемфиса[33]. Художественный уровень статуй впечатляет; вряд ли они были узурпированы, а очень похожим друг на друга лицам свойственна индивидуализированная суровость. «Мермеша» на египетском означает «военачальник», и неясно, что это такое — титул, прозвище или настоящее имя. В Туринском папирусе в картуш внесено лишь первое имя, а не «Мермеша».

После этого трон занимал Схотепкара Интеф (IV) (Tur. 6, 22), чье имя, возможно, упомянуто в «Зале Предков» (III, 7)[34]; кроме того, найдена нижняя часть его сидящей

---

[30] Von Beckerath, LÄ I, 922; его имя, возможно, означает «вепрь».

[31] Каир JE 53668, Manuel III, index p. 595; Davies, № 10; фрагменты двух других неподписанных статуэток также могут принадлежать этому царю, Davies, № 11, 12.

[32] Лувр, стелы C 12, 11; Helck, № 12, 13; Franke, 1984a, № 125. На своде стелы C 12 картуш первого имени заменен новым, прочтение которого представляет некоторые трудности: имя читается или Ни-маат-нет-ра, или Ни-маат-н-ха-ра; см.: von Beckerath, 1964, 49–51, где предлагается чтение *Nj-Mꜣʿ(t)-nt-(?)-Rʿ/Ни-маат-нет*(?)*-ра* (von Beckerath, 1964, 69). У. К. Симпсон (Simpson, 1974a, 21, ANOC 58) передает его просто как «Нимаатра», что подтверждается печатью, которой был запечатан ящик для каноп царя Хора (см. выше, с. 141–142). Нет оснований считать, что существовал другой Хенджер: речь идет о смене имени, что было частым явлением. Таким образом, эти стелы из Абидоса не относятся к началу его царствования.

[33] Каир JE 37466, 37467; Evers, 1929, pl. 145–148; Manuel III, index, p. 564; Davies, № 14, 15; Helck, № 18.

[34] Царь назван здесь просто Интефом; он следует за царицей Нефрусебек; но это может быть и другой Интеф, чье имя засвидетельствовано только здесь, в «Зале Предков».

статуи, на которой написаны два его имени. За ним в царском списке следует […]ибра Сетх (18) (Tur. 6, 23).

Слудующим царем стал Сехемра-Суаджтауи Себекхотеп III (19) (Tur. 6, 24) (Spalinger, LÄ V, 1039–1041), правивший три года и два месяца. Сохранилось довольно много источников, датируемых его правлением. Его полная титулатура запечатлена на строительных обломках в Медамуде. Следы деятельности этого монарха встречаются по всему Египту — от Сехеля и Лишта до Нубии. Это первое царствование периода XIII династии, для которого источники сообщают сведения и о самом царе, и о его окружении. Будучи божественным фараоном, он, однако, не держится величественно-отчужденно, а приближает к трону многочисленных родственников (Macadam, 1951; B. Schmitz, 1976, 208–211). Его отец — «отец бога» Ментухотеп (Brunner, 1961, 98–99; Blumenthal, 1987, 26–27), мать — «мать царя» Иухетиб; родословная царя засвидетельствована не только на стелах, но и на многочисленных скарабеях, выпущенных для прославления имен его родителей (G. Martin, 1979b, 215–226, № 33). Все важные источники содержат перечень членов семьи — ложную родословную, хронологию которой довольно уверенно установили М. Ф. Лэминг-Макадам (1951, 27) и Э. Спэлинджер (LÄ V, 1041–1042). Следует прежде всего обратить внимание на постоянное, обязательное присутствие на стелах членов семьи. Одну супругу царя звали Сенебхенаэс (стела в Арманте; см. ниже, с. 145); вторая, Нени, могла быть матерью двух царевичей, умерших в раннем возрасте (Лувр, стела C 8; см. ниже, с. 146), если только «Нени» — не уменьшительное от Сенебхенаэс.

С этой эпохой связано еще одно важное открытие: в папирусе Бруклин 35.1446[35], который содержит «мозаику» текстов, мы находим также длинный перечень лиц, мужчин и женщин, которые уклонились от возложенных на них повинностей. Эта рабочая сила состояла из египтян и *ааму*, хотя традиционно ее набирали из «азиатов». Неизвестно, было ли подобное состояние общества обычным или оно является симптомом наступления трудных времен.

Свидетельства деятельности этого царя и вообще памятники, относящиеся к его правлению, сосредоточены главным образом на юге страны — например, в Миргиссе (оттиск печати; Wheeler, 1961, 167) и в Сехеле, где царь поставил возле порога жертвенник в честь богов (Macadam, 1946, 60; Wild, 1951; Habachi, 1951). На Элефантине имя царя сохранилось на дверном косяке (Habachi, 1985a, 114–115, № 105); здесь же найден постамент статуи (Стокгольм NME 75, Petersen, 1070–1971, 8, 10; Davies, № 18). В Эдфу его имя отмечено на дверном косяке с посвящением богу Хору Бехдетскому (Gabra, Farid, 1981, 182 и fig. 2). В Эль-Кабе у царя, возможно, были родственники, так как он упомянут здесь в гробнице времен XVII династии (Tylor, 1896, pl. 8, 7; Helck, № 24). Здесь он вел строительство, так как в храме найдены вторично использованные блоки с прекрасными рельефами (Capart, 1938, 623; von Beckerath, 1964, 241 (6); Derchain, 1970), на одном из которых даже упоминается праздник *сед* (Fouilles de Elkab II, 1940, pl. 30 c, 31, 32). В Арманте стела с изображениями царя и некоторых членов его семьи отмечает начало пути, ведущего из западной пустыни (Macadam, 1951, 23–26). Его памятники найдены также в Тоде (Bisson de la Roque, 1937, 125–127) и в Фивах, где помимо папируса Бруклин 35.1446 обнаружены маленький обелиск и сфинкс — оба

[35] Hayes, 1955; рец.: B. Menu, CdE 48, 1973, 84–87; Simpson, 1973b, 69; Quirke, 1990.

карнакские (Weill, 1929, 170, n. 15; Каир JE 52810 = Davies, № 17). Упомянем, кроме того, о цилиндре, на котором царь назван возлюбленным Себеком из Сумену, и об аметистовой бусине с обращением к Хатор из Гебелейна (von Beckerath, 1964, 243 (17), 242 (15)). К северу от Фив есть несколько архитектурных фрагментов в Медамуде, «позаимствованных» у Сенусерта III и Угафа[36], стела в Коптосе (Лувр C 8; von Beckerath, 1964, 241 (8); Helck, № 25) и надпись в заупокойном храме Сенусерта I в Лиште[37].

Имена отца и матери Себекхотепа III известны благодаря текстам, в которых царь их прославляет. Мы знаем также, что три следующих царя — Неферхотеп I, Сахатор и Себекхотеп IV — были братьями, детьми «отца бога» Хаанхефа и «матери царя» Кеми[38]. Нет оснований считать, что они состояли в родстве со своим предшественником Себекхотепом. Число источников, связанных с первым и третьим сыновьями Хаанхефа, значительно превосходит число материалов, касающихся любого другого царя II Переходного периода. Затем объем сведений резко сокращается.

Трудно сказать, сыграл ли отец какую-то роль в восхождении Неферхотепа I на престол. Примечательно, что в Туринском папирусе (6, 25) первый сын представлен как «царь Хасехемра Неферхотеп, сын Хаанхефа, 11 лет» (von Beckerath, LÄ IV, 374). Речь здесь может идти только о Неферхотепе (I) (20), ведь именно он «прорубил» дорогу к царскому трону. Первые три имени Хасехемра Неферхотепа можно перевести как «преобразователь двух земель, выявляющий справедливость, твердый волей»: в них заложена целая программа царствования, но следует помнить, что перевод формулировок остается спорным. Этот царь представлен и в «Зале Предков» (V, 3).

И на этот раз семья царя играет настолько значительную роль, что кажется, будто царь — лишь видимая вершина этого айсберга (Habachi, 1981b). Стремление прославить имена отца и матери, даже по отдельности[39], напоминает отношение к своим родителям Себекхотепа III. Тем не менее написать «историю царствования» невозможно: довольно многочисленные источники связаны главным образом с регионом первого порога и Абидосом[40]. Надписи, обнаруженные на юге, сообщают, как сказано выше, только о семье царя. Эти надписи созданы неким Небанхом (по его собственной воле или по приказу?) — очевидно, членом семьи: он «подписал» три надписи в Сехеле

---

[36] Montet, 1951; Bisson de la Roque, 1928, 84, fig. 77; 86–89, fig. 80–84; 124; PM V, 146–147.

[37] BMMA, apr. 1933, sect. II, 21; febr. 1915, sect. II, 22. — Статуя из Британского музея, BM 871, ошибочно приписанная этому царю, была «возвращена» Себекемсафу I, см.: W. V. Davies, № 45.

[38] Franke, 1984a, № 10. — Скарабеи свидетельствуют о том, что у Неферхотепа I и Себекхотепа IV был общий отец, см.: Settgast, 1962; G. Martin, 1979b, 215–226, № 34, 35; Id., 1971, о Неферхотепе I: G. Martin, 1979b, № 919–937, 1907; о Себекхотепе IV: G. Martin, 1979b, № 938–975. — Скарабей «отца бога» Хаанхефа был найден в скальной гробнице в Балате (оазис Дахла), см.: Leclant, «Fouilles et travaux», 1988, Or 57, 368 (раскопки С. Офрера). — О роли этого «отца бога» см.: Brunner, 1961, 98. Э. Блюменталь (Blumenthal, 1987, 27–28) приводит подробный перечень свидетельств об отце трех царей и анализирует значение титула, не делая четких выводов (Blumenthal, 1987, 30–35).

[39] См. легенды скарабеев: «Прекрасный бог Хасехемра, рожденный отцом бога Хаанхефом» или «сын Ра Неферхотеп, рожденный матерью царя Кеми». Формула с именем отца царя встречается на памятнике, хранящемся в Берлине (Берлин 10839; von Beckerath, 1964, 244, № 11), с именем матери — в граффито в Шатт эр-Ригал (Petrie, 1888, pl. XV, № 479). В граффито царь назван «сыном Ра», как будто мать царя Кеми зачала его от самого бога; эти цари, которых часто считают самозванцами и узурпаторами, сохраняли веру в божественное происхождение своей власти.

[40] Коноссо, дорога Асуан — Шеллаль, Сехель, Элефантина и 5 документов из Абидоса.

и две стелы (Habachi, 1985a, № 44, 46), а впоследствии сделал блестящую карьеру. Констатировать можно только то, что одна из этих надписей и две другие, «неподписанные», представляют имя царя Неферхотепа I как прямую параллель к именам Сенусерта III, высеченным неподалеку (знак то ли преемственности власти, то ли амбициозности нового царя). На острове Коноссо две сцены с изображением Ментухотепа II в виде итифаллического бога в сопровождении Монту и Нейт (в первой сцене) и богов порога Хнума и Сатет (во второй) были использованы в качестве образца Неферхотепом, который изобразил себя в первый раз в виде итифаллического бога в окружении Монту и Сатет, а во второй раз — в сопровождении только Хнума (Habachi, 1985a, 77–78; ASAE 50, 1950, 502 и 503). Статуя царя, найденная в святилище Хекаиба на Элефантине (Habachi, 1985a, 115, № 106), и граффито в Шатт эр-Ригал (см. выше) говорят о стратегии присутствия и самоутверждения, но больше не дают никаких подробностей[41]. Что касается надписей в Абидосе, то одна из них сообщает о повелении царя найти в архивах Атума (в Гелиополе?) точные указания относительно того, какой должна быть статуя Осириса в Абидосе; царь как будто «заставил» бога помочь ему в поисках[42]. В целом это «праздничное вступление» на 2-м году правления Неферхотепа I было призвано продемонстрировать не только набожность царя, но и его значимость, а также признание богом его могущества. Ту же идею преследовала реставрация стелы с декретом царя Угафа (см. выше, с. 137), с помощью которого тот надеялся защитить священные земли Абидоса от незаконных захоронений.

За пределами этих областей следы деятельности Неферхотепа сохранились в Бухене (von Beckerath, 1964, 245 (18); H. Smith, 1976, index, p. 228) и в Карнаке, где найдены наос со скульптурной «псевдогруппой» царя[43] и блок, на котором поочередно высечены имена Неферхотепа и его брата Себекхотепа IV[44]. Цилиндрические печати (von Beckerath, 1964, 245 (22)) свидетельствуют о почитании Себека из Сумену (к югу от Фив), а также Себека из Шедет (Файюма), где, возможно, первоначально находилась единственная хорошо сохранившаяся статуя царя (Болонья № 1799; von Beckerath, 1964, 243 (4); Davies, № 20). В поисках следов деятельности этого царя на севере страны[45] необходимо подняться до Библа: здесь обнаружен рельеф (PM VII, 389; Helck, № 30) с высеченной на нем жертвенной формулой богу Ра-Хорахти от имени «правителя (*ḥꜣtj-ꜥ/хатиа*) Кепена (Библа) Йантина, возрожденного, сына правителя Йакина, правогласного». В соседней колонке текста видны остатки царского имени «Неферхотеп», но ничто не указывает на то, что речь идет о Неферхотепе I, а не Неферхотепе II или III. Рельеф вызвал большой интерес у исследователей, и действительно, только

[41] Об окружении царя в этом регионе см.: Habachi, 1980b.

[42] Каир JE 6307; Mariette, 1880, II, 28–30; Helck № 32; Anthes, 1974; Leahy, 1989, 59, n. 79.

[43] Каир CG 42022, PM II, 166; ср.: Helck № 33; Davies № 19; Vemus, 1974, 112–114. — «Псевдогруппа» — две или несколько однотипных скульптур одного и того же лица, стоящих на одном постаменте или в одной нише. — *Науч. ред.*

[44] Mariette, 1875, pl. 8, n, o; PM II, 180, 293; von Beckerath, 1964, 244 (9), сообщает, что это был фрагмент ложной двери; согласно же PM II, 109, это был, напротив, постамент статуи, то же говорит и В. Хельк (Helck n° 35).

[45] У. К. Хейс относит к этому правлению «царского сына» Уахнеферхотепа, чей ушебти наряду с ушебти чиновника по имени Бенер был найден в Лиште; основанием для хронологического сближения служит имя царевича; У. К. Хейс также выдвигает предположение, что и сам царь был похоронен где-то поблизости, см.: Hayes, 1953a, I, 349–350, et 1973a, 50.

благодаря ему нам известно что-то об отношениях между Египтом и Библом во II Переходный период. Египетский титул правителя (*хатиа*), который носят оба азиата, возможно, свидетельствует о господстве Египта над Библом.

Между Неферхотепом (I) и Ханеферра Себекхотепом (IV) Туринский папирус ставит царя Сахатора (21) (Tur. 6, 26), царствовавшего менее года[46]. Он был тоже сыном «отца бога» Хаанхефа и «матери царя» Кеми, как указано на статуе «царевича» Сахатора, найденной в святилище Хекаиба на Элефантине (Habachi, 1985a, № 107). Этот царь был младшим братом Неферхотепа и старшим — Себекхотепа, о чем сообщают надписи, раскрывающие состав семьи царя Неферхотепа: за отцом и матерью следуют младшие братья Неферхотепа — Сахатор и Себекхотеп. Возможно, Сахатор не был царем в реальности. Не обнаружено ни одного источника того времени, на котором он носил бы царскую титулатуру, а на стеле Себекхотепа IV в Вади Хаммамат за картушем Неферхотепа I следует торжественный перечень царских имен Себекхотепа, тогда как Сахатор просто упомянут среди членов семьи вслед за родителями и двумя царевичами по имени Себекхотеп, один из которых, видимо, стал впоследствии Себекхотепом V. Так как эпитет «правогласный» часто обозначал усопших, то на стеле Себекхотепа IV в Вади Хаммамат, датированной 9-м годом, скорее всего, упоминаются уже почившие Неферхотеп, его родители и принц Сахатор. На статуе с Элефантины Себекхотеп изображен уже взрослым, но если Сахатор и отец в это время еще были живы, то мать, видимо, уже скончалась, что подтверждает и надпись на дороге из Асуана в Шеллаль в Филах, где Кеми также упоминается как «усопшая». Однако в этой же самой надписи Небанх — вероятнее всего, создатель этих текстов — тоже значится как «правогласный»[47]. На острове Сехель (Habachi, 1981a, 78, fig. 4; 79, n. 8) список членов семьи начинается с «покойного» «отца бога» Хаанхефа, затем следуют «мать царя» Кеми, супруга царя Сенебсен, «покойный» принц Сахатор, принц Себекхотеп, принц и принцесса, носящие имена своих бабушки и деда — Хаанхеф и Кеми, «знакомый царя (*rḫ nswt/рех несут*)» Небанх, рожденный госпожой Хепиу и сыном одного из Себекхотепов, и наконец, казначей Сенеби, «покойный». Эту надпись обычно приписывают Неферхотепу, чья стела обнаружена по соседству (Id., 80, n. 14), но не исключено, что она датируется царствованием Себекхотепа IV, и тогда остается единственная странность — отсутствие эпитета «правогласная» при имени Кеми, матери царя. «Отец бога» к тому времени уже скончался, как и Сахатор, после имени которого стоит имя Себекхотепа (вероятно, будущего Себекхотепа V). Что касается царицы Сенебсен, то она могла быть супругой Себекхотепа IV. В этой надписи упоминается и Небанх (о нем см. ниже, с. 160), который был еще жив, несмотря на присутствие эпитета «правогласный» в надписи на дороге в Филах. Ситуация выглядела бы вполне ясной, если бы не сомнения по поводу точного значения и употребления эпитета «правогласный». Вполне вероятно, что на бусине и цилиндрической печати

[46] Отметка о сроке правления этого царя в *Туринском каноне* не сохранилась; но, кажется, после слова «год» стояло что-то вроде тире, но ни в коем случае не единица; после лакуны, где должны были приводиться месяцы, стоит цифра «три», скорее всего, она исчисляет дни, а не месяцы, как полагал А. Х. Гардинер (Gardiner, 1961, 440).

[47] В. Хельк (Helck n° 27) публикует надпись по копии К. Лепсиуса, поставив *tꜣwj/mayu* вместо *mꜣʿ-ḫrw/маа-херу* — «правогласный»; однако форма имени Небанх-тауи для этого лица в других местах не отмечена.

царя «Менуаджра, сына отца бога Хаанхефа» сохранилось тронное имя Сахатора[48]. Предположение о том, что Сахатор был свергнут с трона и даже убит, не имеет под собой оснований, как и гипотеза, согласно которой некоторые из этих царей в течение определенного времени царствовали совместно.

Себекхотеп IV (Spalinger, LÄ V, 1041–1048) (22) был самым влиятельным из царей этой династии и одним из последних царей, которые известны нам не только по имени. Ханеферра Себекхотеп (Tur. 6, 27; имя: K V, 2) родился в Фивах, где и провел свое детство[49], — как, возможно, и два его брата, царствовавших до него. Сохранилось десять его статуй, из них три — почти целиком. Это единственный из царей XIII династии, который отправил экспедицию в Вади эль-Худи (на 6-м году правления) (Sadek, 1980, I, 102, WH 22–25); на 9-м году он также снарядил экспедицию в Вади Хаммамат (Simpson, 1969b). Если не считать этих событий, хотя и весьма примечательных, о его царствовании мы знаем не больше, чем о правлении Неферхотепа I. Найденная на острове Арго около 3-го порога сидящая статуя — самый южный памятник, оставшийся от царя, — судя по посвящению, первоначально находилась в Абидосе (Khartoum 5228; PM VII, 180; von Beckerath, 1964, 247 (6); Davies, № 27). Неизвестно, как она попала из Абидоса в Судан; возможно, она предназначалась для одной из нубийских областей, еще остававшихся под контролем Египта, к северу или даже к югу от 2-го порога, оттуда была увезена нубийцами на Арго. На фрагменте стелы Себекхотепа IV (Британский музей 1060; HT IV, pl. 23) упоминается Уауат (Нижняя Нубия) и даже повествуется о военных действиях в этом регионе; следующая известная нам кампания состоится уже при Камосе. И хотя несколько современников Себекхотепа IV оставили памятники на Элефантине (Habachi, 1985a, № 40, 52, 67, 68), а царь, как и многие его предшественники, поклонялся Себеку (судя по цилиндрической печати, Себеку из Ком Омбо), более или менее существенные памятники его правления встречаются, начиная с Эдфу. Здесь как раз обнаружены две частные стелы Хораа, датированные 8-м годом (Franke, 1984a, no 422; Helck, no 49), но, к сожалению, конкретных сведений они не содержат. Наибольшее число свидетельств об этом царе найдено в Фивах: он реставрировал[50] или установил статуи своих великих предков (в Дейр эль-Бахри — Ментухотепу II; Naville, 1907, 57–58). Там же, в Фивах, найдены: статуя — вероятнее всего, самого Себекхотепа IV[51]; частная статуя с упоминанием о нем (Mariette, 1875, pl. 8 p; Helck, № 39); блок с его именем и именем его брата Неферхотепа (см. выше, с. 147); большая стела (Каир JE 51911: см. выше). В тексте стелы речь идет о визите царя в родной город, в связи с чем была проведена реставрация храма Амона в Карнаке: поставлены новые деревянные ворота, облицованные листами из драгоценных металлов. Такие же ворота были поставлены в часовне Себекхотепа (II?), а в ее гипостильном зале заменен пол. Текст содержит также распоряжения относительно числа жертвоприношений.

---

[48] G. Martin, 1971, № 976 и add. P. 141; Dewachter, 1976b, 1984b. — Известна и печать из Библа, но неясно, принадлежала ли она Сахатору и вообще можно ли ее датировать временем XIII династии: Goedicke, 1963b; Albright, 1964, 44–46.

[49] Стела Каир JE 51911, 4–6; Helck, № 37; Helck, 1969e; Vernus, 1989a, 178–181.

[50] Статую Ментухотепа II (Каир JE 38579), посвященную Сенусертам II и III, PM II, 171; Legrain, 1906b, 33–34, и статую Сенусерта III: Id., 1904, 26.

[51] Mariette, 1875, pl. 8k; Helck, № 36; PM II, 109; первое имя сохранилось не полностью, возможно, речь идет о Себекхотепе I, см.: Davies, № 6.

К северу от Фив обнаружены: ваза с посвящением Хатор — в Дендере (Weigall, 1908, 107; Helck, № 46); блок и, возможно, стела — в Абидосе (Petrie, 1902, I, 42, pl. LIX, 1; CG 20146; von Beckerath, 1964, 248 (17)); фрагменты двух сфинксов — в Атфихе (Davies, № 29, 30); две статуи — в Танисе, хотя первоначально они находились, скорее всего, в Мемфисе (von Beckerath, 1964, 247 (3) (4); Davies, № 22, 23; Helck, № 45) и Асфуне (von Beckerath, 1964, 247 (5); Davies, № 24; Helck, № 41). В Телль Хиззин, около Баальбека, найдена нижняя часть статуи царя с посвящением Ра-Хорахти[52]. Эта находка вызывает много вопросов и не позволяет сделать надежных выводов: мы не знаем, кто, когда и зачем привез сюда этот фрагмент статуи.

В целом общая картина царствования выглядит не столь впечатляюще, как хотелось бы. Тем не менее повторимся: царь верил, что правит по воле богов, точно так же как и известные нам лучше цари XII династии (Radwan, 1990).

Согласно Туринскому папирусу (7, 1), Хахотепра Себекхотеп V (23) (Spalinger, LÄ V, 1048) царствовал 4 года, 8 месяцев и 27 дней. Несомненно, это тот самый царевич Себекхотеп, который изображен на стеле в Вади Хаммамат, и, возможно, сын Себекхотепа IV. Он засвидетельствован также в «Зале Предков» и на нескольких скарабеях. Царь Уахибра Ибиа (его имя читают также как Йаиби или Иа-иб), правивший 10 лет, 8 месяцев и 18 дней (7, 2) оставил после себя помимо фиванской стелы (Британский музей 1348; von Beckerath, 1964, 251 (2); Bourriau, 1988a, № 45) лишь несколько незначительных предметов. Его современник и, более того, тезка, начальник тюрьмы (?) Ибиа еще до того, как стать визирем, поместил статую в святилище Хекаиба на Элефантине[53]. Мернеферра Эйе (von Beckerath, LÄ I, 1210–1211) (25) царствовал 13 лет (или 23 года), 8 месяцев и 8 дней (Tur. 7, 3)[54]. Какой бы ни была продолжительность этого правления, следов его почти не осталось: блок в Карнаке (Каир JE 41468; Legrain, 1908b, 273–276), несколько мелких предметов (ваза, скарабеи, цилиндр)[55] и пирамидион, свидетельствующий, что у царя была пирамида. Пирамидион найден в Факусе, куда он был привезен, скорее всего, из Кантира, то есть из Восточной Дельты[56]. Мерхотепра (26) (Tur. 7, 4) правил два года, два месяца и девять дней; его первое имя указано в «Зале Предков» (VII, 3); имя Себекхотеп (VI) (Spalinger, LÄ V, 1048–1049) присутствует на статуях, найденных в Карнаке[57]; стела в Абидосе содержит только первое имя царя

---

[52] Montet, 1954, 76; Chehab, 1969, pl. IV, 2; 1983, pl. XV, 2; Helck, № 47; Davies, № 28.

[53] Habachi, 1985a, 68, № 41; № 42 и 43 — памятники сына будущего визиря; Habachi, 1984.

[54] Транскрипция Туринского папируса, предложенная А. Х. Гардинером, содержит два знака «10» один над другим, но от верхнего сохранилась только нижняя часть. Ю. фон Бекерат выразил сомнение, что царь, о котором мы практически ничего не знаем, мог править так долго, и предлагает читать не «23», а «13». С другой стороны, хотя период правления XII династии и был поистине блестящим, мы почти ничего не знаем и о событиях тридцати восьми лет царствования Аменемхета II.

[55] Von Beckerath, 1964, 252 (4–7); см. также: Godron, 1965, 198–200: шар из известняка с именем царя Мернеферра, «возлюбленного» Себеком из Шедет (Файюм).

[56] Habachi, 1952–1954, 476–479; автор полагает, что пирамида этого царя была в Дельте — около Кантира обнаружены разные памятники XIII династии и пирамидион без надписей. Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1964, 73) считает, что пирамидион был привезен сюда из Мемфиса, так как столицей при XIII династии оставался Лишт, но эти аргументы не являются решающими, поскольку наши знания об этом периоде слишком неполны.

[57] CG 42027, JE 39258; Davies, № 31, 32; PM II, 137; третья статуя (CG 42028) — Себекхотепа *Mr*-[*ḥtp*]-*rᶜ*/Мер[хотеп]ра, хотя его имя может быть прочитано и как Себекхотеп (VII) *Mr*-[*kꜣw*]-*rᶜ*/Мер[кау]ра; Davies, № 33; PM II, 137.

и посвящение богу Упуауту (CG 20044; Helck, № 53); на «юридической стеле» в Карнаке указана дата — первый год, 4-й месяц *перет*, 19-й день (см. ниже, с. 184). На хранящемся в Лувре скарабее Мерхотепра стоит имя Ини — возможно, это другое имя того же царя (von Beckerath, 1964, 253 (7)). Как и многие другие, этот царь почитал Себека, а именно Себека из Шедет, то есть из Файюма (цилиндрическая печать; von Beckerath, 1964, 253 (8)).

Санхенра Суаджту (27) (Tur. 7, 5) правил три года и два месяца (число дней утрачено)[58]. Ему наследовал Мерсехемра Инед (28) (7, 6), царствовавший три года и один месяц (дни утрачены) (K VI, 2). На двух статуях из тайника в Карнаке имеются два картуша Мерсехемра Неферхотепа (Каир CG 42023, 42024; Davies, № 34б, 35): в современных списках это один и тот же персонаж — Неферхотеп II (von Beckerath, LÄ IV, 374). «Инед» означает «несчастный, жалкий». Возможно, это уничижительное прозвище запомнилось потомкам лучше настоящего имени. Тем не менее статуи этого царя превосходны по исполнению. Суаджкара Хори (29) правил один год, неизвестное число месяцев и восемь дней (Tur. 7, 7). После него царствовал Мерка(у)ра Себекхотеп (VII) (30)[59] — два года, неизвестное число месяцев и четыре дня (Tur. 7, 8; K VI, 3); память о нем сохранили две статуи, найденные в Карнаке (Лувр A 121, Каир JE 43599; Davies, № 37, 36).

Здесь наша путеводная нить прерывается из-за лакуны в четыре строки (Tur. 7, 9–12). В этих четырех строках или, что менее вероятно, в одной из следующих лакун (7, 18–19 или 7, 24–27) должны были занять свое места имена наиболее значительных царей, список которых приведен чуть ниже. В первую очередь «напрашивается» Себекемсаф I, почти наверняка — в сопровождении Рахотепа, его непосредственного предшественника[60].

Перечень возобновляется (7, 13) именем [Деду?]мос (von Beckerath, LÄ I, 1003) (35), если, конечно, такое восстановление верно. Это имя известно и из других источников, но в двух видах — знак *w/вав* пишется между *dd/дед* и *ms/мес*[61] или после *ms/мес*[62] — и с двумя различными, хотя и близкими, первыми именами: Джедхотепра (см. примеч. 328) и Джеднеферра (Каир CG 20533 и фрагмент из Дейр эль-Бахри, см. примеч. 327). Если речь идет об одном царе (часто выделяют, хотя и с оговорками, Дедумоса I и Дедумоса II), то форма Дедумос должна быть более ранней, чем Дедумесу, так как она встре-

---

[58] Ю. фон Бекерат полагает, что он также присуствует в «Зале Предков» (V, 7), где имя Суадженра, названное в VIII, 3, может быть указано ошибочно вместо «Санхенра». Дауценберг (Dautzenberg, 1992a) считает, что Суаджту — «вульгарное» имя Санхенра Ментухотепи (см. ниже, с. 183), и, исходя из этого, объединяет двух царей.

[59] Spalinger, LÄ V, 1049; о его сыне Беби см. также две стелы: Болонья 1927 и Каир CG 20578, Szafrański, 1990, 249.

[60] Дауценберг (Dautzenberg, 1992a) по остаткам текста в Туринском папирусе предположил чтение имени здесь как «Суджара Ментухотеп» (VI), Handbuch 73 (о).

[61] Так имя написано в Туринском Папирусе, а также на следующих памятниках: Каир CG 20533 (стела из Гебелейна; в этом тексте, содержащем два имени царя, упоминается о двух коронах, которые сочетаются на голове царя в единую корону *псхент* на радость богам); Каир JE 46998 (Engelbach, 1921, 189–190, el-Sayed, 1979; текст составлен от имени царевича Хорсехера из Эдфу, который называет себя сыном этого царя, но не сообщает об отце ничего, кроме имени); граффито в Эль-Кабе (Sayce, 1899, 114); два известняковых фрагмента из храма Ментухотепа в Дейр эль-Бахри (Naville, 1910, II, pl. X D; von Beckerath, 1964, 257 (5)).

[62] Каир JE 38917, стела царевича Хонсуэмуасета из Эдфу содержит полную титулатуру царя и два его картуша; Helck, № 57; el-Sayed, 1979, 167–186.

чается на стеле из Гебелейна, сообщающей о коронации царя. Ко времени правления этого царя (на наш взгляд, ошибочно, см. ниже, с. 169) относят появление гиксосов.

О дальнейших событиях нам почти ничего не известно. Туринский папирус дает еще несколько имен, но пробелы в его тексте мы уже не можем восполнить сведениями из других источников того времени. Сначала идет […]маатра Иби (36), чье первое имя заключено в картуш, а второе — нет (7, 14); так же обстоит дело и со следующим царем, […]убенра Хором (II) (37) (7, 15). Затем следуют С[…]кара (38) (7, 16) и […] енра (39) (7, 17)[63]. В 18-й строке сохранился только знак Солнца в начале картуша; в 19-й — имена отсутствуют; в 20-й — в конце картуша под знаком «абстракта» виден неопределенный знак, который можно, по мнению Ю. фон Бекерата, понять как *n,* хотя вовсе не обязательно он там есть. В 21-й строке — начало картуша со знаком Солнца и знак *r* в нижнем регистре; наконец, в 22-й — полный картуш Мерхеперра (44); в 23-й — вероятно, Меркара (45), дальнейший текст седьмой колонки утрачен. В начале 8-й колонки появляется имя царя *Нехси*, о котором мы неплохо осведомлены и который считается вторым царем XIV династии. Поэтому можно предположить, что список царей XIII династии заканчивается в нижней части 7-й колонки[64].

К этому унылому списку следует, видимо, прибавить двадцать царей, о которых имеются свидетельства на памятниках, но не сохранились упоминания в Туринском папирусе, или же их имена еще не идентифицированы. Если бы реконструкция текста Туринского папируса, предложенная Я. Малеком (Malek, 1982) подтвердилась по крайней мере для пяти лакун, мы получили бы число царей, указанное Манефоном, то есть 60. Ю. фон Бекерат дает перечень этих царей и высказывает некоторые предположения относительно хронологии: его список 1984 года длиннее, чем список 1964 года[65], но не потому, что стало известно много новых имен, а вследствие того, что этот исследователь из осторожности отказался от некоторых прежних идентификаций. Некоторые цари известны нам только из текста Берлинской стелы, содержащей «Генеалогическую таблицу великих жрецов Мемфиса» с царствования Ментухотепа II до XXII династии[66]: Абаи (Иби) может быть отождествлен с Ибиа (**a**), а Аакен может быть гиксосом Аакененра Апопи (Handbuch № 13 и d) (**b**) Другие известны только по отдельным предметам: Ху-икер — по архитраву из Абидоса (Id., № 13 u) (**c**); Неркара — по фрагменту надписи, которую К. Лепсиус изучил в Каире и текст которой воспроизвел в своих «Denkmäler» (Id., № 13 k; Helck, № 19) (**d**); Себекаи — по магическому ножу из слоновой кости (Id., № 13 t) (**e**); Маара Себекхотеп (IX) — по скарабею (Id., № 13 q) (**f**). Мелкие эпиграфические фрагменты, найденные в Дейр эль-Бахри, в храме Ментухотепа, содержат имена царей Схаэнра (Id., № 44) (**g**), Ментуусера или Усермонту (Id., № 131; также Edwards, 1965, 25, 5) (**h**) и Суджара Ментухотепа (VI) (Handbuch № 13 o; LÄ IV, 70) (**i**); несколько скарабеев и блок из Гебелейна — Джеданхра Ментуэмсафа (Handbuch № 13 h) (**j**). Суахенра присутствует в «Зале Предков»

---

[63] Ю. фон Бекерат (1964, 258, XIII 41) предлагает читать здесь «Суахенра», но следы текста перед *n* в папирусе как будто противоречат такому прочтению.

[64] Последнее, не сохранившееся имя может быть именем отца *Нехси*; см. с. 172.

[65] В списке его справочника 1984 года приведено 21 имя (пронумерованы строчными буквами), а в списке его книги 1964 года — 14 (пронумерованы прописными буквами).

[66] LÄ IV, 1105 (статья Priesterstammbaum); Redford, 1986a, 63–64; всего приведено 60 поколений жрецов.

(VII, 2). Фрагмент наоса, найденный в храме Ментухотепа в Дейр эль-Бахри, подтверждает сочетание первого имени Суахенра с именем Сенебмиу (Naville, 1910, II, pl. X c) (**k**). Скарабей, фрагмент стелы из Гебелейна (von Beckerath, 1964, 258 (5) (3)) и обнаруженный в Гурне, в гробнице одной из его вельмож, жезл (Berlev, 1974a) — вот все, что осталось от этого царя. Отметка уровня Нила в Семне (№ 510) датирована 1-м годом правления Джефа(?)кара (**l**), не известного нам, — если только это не Седжефакара Аменемхет VII, как полагают Хинтце и Райнеке, опубликовавшие надпись. Стела от первого года правления Схекаэнра Санхиптаха (**m**) недавно была продана на аукционе[67].

От других царей той эпохи остались более значительные и величественные памятники, но все это не помогает установить последовательность восхождения царей на трон, а анализ источников не дает конкретных результатов. Только по стилю, именам собственным, иногда контексту можно датировать памятники периодом XIII династии. Так, существует пирамида Амени Ааму (**n**), который может быть Аменемхетом VI (5). Снеферибра Сенусерт IV (Simpson, LÄ V, 906–907) (**o**), полная титулатура которого нам известна, представлен в «Зале Предков» (VI, 6). В Карнаке, перед северным фасадом 7-го пилона, была найдена статуя этого царя — из розового гранита, высотой 2,75 м; у статуи отсутствуют верхушка короны-*псхент*, ноги и постамент (Каир CG 42026; Davies, № 38; Helck, № 55), но ее художественные достоинства отметил даже обычно сдержанный издатель Ж. Легрен. В Карнакском тайнике сохранился фрагмент стелы, датированной 1-м годом, 1-м днем 2-го месяца *шему*, благодаря которому нам известны имена Хора и Небти этого царя[68]; в тексте стелы говорится о создании памятников в честь Амона-Ра и торжественном явлении царя[69]. Меранхра Ментухотеп V (von Beckerath, LÄ IV, 70) (**p**) известен нам по двум статуэткам. У одной отсутствуют постамент и ноги (Британский музей 65429; Davies, № 40; Bourriau, 1988a, № 53), черты лица индивидуализированы, но само выполнение не отличается тщательностью. Другая, сидящая, обнаружена в тайнике в Карнаке (Каир CG 42021; Davies, № 39): у нее нет ни ног, ни головы, но Ж. Легрен проявил к ней особый интерес. О других царях мы знаем только благодаря стелам: стела Сехемра-Неферхау Упуаутемсафа (**q**) в Абидосе была, по-видимому, посвящена богу Упуауту[70]; другая, также из Абидоса (Каир CG 20517; von Beckerath, 1964, 262 (1); Helck, № 64), была поставлена царем Менхаура Снааибом (**r**) с именем Хора Суаджтауи в благочестивых целях, по случаю шествия Мин-Хора, в котором царь принимал участие. Стела 4-го года Сехемра-Сусертауи Себекхотепа (VIII) (Spalinger, LÄ V, 1049) (**s**), чье первое имя фигурирует в «Зале Предков» (V, 14), представляет особый интерес, так как рассказывает о наводнении в храме в Карнаке и о том, как царь и его окружение были вынуждены шлепать по воде (Habachi,

---

[67] Sotheby London, аукцион, состоявшийся 12.12.1988 года, № 78: стела *sḏ3wtj-bjtj/седжаути-бити* (казначея царя Нижнего Египта) Кесу-уаджа.

[68] Von Beckerath, 1964, 255 (3); Helck, № 56: Хор Ухем-анх и Санхтауи-небти. Имя Хора этого царя встречается также на блоке из Тода; см.: von Beckerath, 1964, 255 (4).

[69] В статье Gabra, Farid, 1981, 182 ему приписывают фрагмент притолоки, найденный в Эдфу. Он может быть тем Сенусертом, имя которого было отмечено в Медамуде (von Beckerath, 1964, 290 (3); Simpson, LÄ V, 907, см. статью: Sesostris V); Dautzenberg, 1992b.

[70] Британский музей 969; Helck, № 65; имя этого царя прочитано Ж. Ф. Шампольоном и К. Р. Лепсиусом на граффито в Бени Хасан (гробница № 2), LD, Text II, p. 76 и n. 2; PM IV, 143 (18–19); см. также: Bourriau, 1988, № 58.

1974c; Baines, 1974 и 1976), что явилось поводом для воодушевления, — ведь таким образом Хапи, бог половодья, проявил к властелину благосклонность.

Некоторые из царей, перечисленных выше, возможно, были представителями XVII, а не XIII династии, но утверждать что-либо определенное о них нельзя. Почти не вызывает сомнений, что к XVII династии относится Сехемра-Санхтауи Неферхотеп III. Детальный анализ двух стел, проделанный П. Вернюсом — стелы этого царя и стелы Ментухотепи, царя XVII династии; обе находятся в карнакском храме, — выявил столь глубокое сходство между двумя текстами, что установившие их цари должны были жить примерно в один период. Следовательно, Неферхотеп III был представителем XVII династии. И напротив, цари Джехути, Рахотеп и Себекемсаф I, которых принято относить к XVII династии, принадлежали к XIII (Vandersleyen, 1993c).

Царь Сехемра-Сментауи Джехути (**t**), упомянутый в «Зале Предков» (K I, 8), известен по архитектурному фрагменту, найденному в Балласе[71], и по двум недавно обнаруженным блокам, повторно использованным при мощении пола в храме в Эдфу; на этих блоках сохранились элементы титулатуры и изображение царя (авторы труда von Falck et al., 1985, относят этого царя к XIII династии). На барельефе царь изображен в красной короне, символизирующей господство над севером Египта, что для того времени звучит не менее странно, чем титул «царь Верхнего и Нижнего Египта». Ящик для каноп с его именем был найден в Дра Абу-н-Нага среди погребальных принадлежностей «старшей царской жены» Ментухотеп; он был «подарен царем» этой царице — вероятнее всего, его супруге[72]. Она была дочерью визиря и главы города Сенебхенаэфа (PM I, 605; Vandersleyen, 1993c), который, в свою очередь, по-видимому, был сыном визиря Ибиа, современника и тезки 24-го царя XIII династии. Таким образом, царствования Ибиа и Джехути разделены двумя поколениями (Habachi, 1984).

Памятники с упоминаниями царя Сехемра-Уаххау Рахотепа (**u**) обнаружены только в области, расположенной между Фивами и Абидосом. Его имя также присутствует в «Зале Предков» (VII, 1). На найденной в Коптосе стеле сохранилась почти полная титулатура царя[73]; текст стелы посвящен реставрационным работам в храме Мина, ворота которого вместе со створками были в плохом состоянии. Рахотеп называет себя благочестивым царем, «который создал памятники для богов». Это подтверждает и стела из Абидоса, поставленная царским камергером Санхптахом[74], дабы увековечить память о великом выходе бога «по случаю укрепления крепостной стены при реставрации храма Осириса». Благодаря стелам из Коптоса и Абидоса (ныне одна хранится в Лондоне, вторая — в Москве)[75] и вотивному луку (Москва I.1.a.1804, Berlev, 1975–1976;

---

[71] Petrie, Quibell, 1896, 8 и pl. 43, 4. — Об этом царе см.: von Beckerath, LÄ I, 1107–1108; Winlock, 1924, 269–272.

[72] PM I, 604; Winlock, 1924, 270 отмечает, что если бы она была матерью, а не супругой царя, это было бы указано в титуле.

[73] Лондон UC 14327; Petrie, 1896, 12–13, pl. XII, 3; Stewart, 1979, II, pl. 15, I; Blumenthal, 1977. — На стеле говорится об объединении или отвоевании двух земель, см.: Goedicke, 1985a, 314.

[74] Верхняя часть стелы хранится в Лондоне (Британский музей 833; H. R. Hall, HT IV, 1913, pl. 24); нижняя часть была недавно обнаружена в Музее Вье-Шато в Лавале (Ziegler, 1985, 185–186). Полностью памятник опубликован в статье Clère, 1982; автор объединил лондонский фрагмент с эстампажем и старыми копиями фрагмента, недавно обнаруженного во Франции.

[75] Лондон UC 14326 (Petrie, 1896, pl. XII, 3), Москва I.1.b.32; полная публикация: Hodjash, Berlev, 1982, № 41, 87, 90–93; сопоставление фрагментов и сделанные на его основании научные выводы: Берлев, 1965.

Schmitz, 1977) мы знаем, что супругу царя звали Себекемсаф-Хаанхес и что она родила ему сына Амени. Последний женился на дочери Себекемсафа I, преемнике Рахотепа[76].

Сехемра-Уаджхау Себекемсаф (**v**) выделяется на фоне других царей XVII династии благодаря числу, размерам и художественному уровню сохранившихся от него статуй: одно это является основанием для того, чтобы не относить его к данной династии (Vandersleyen, 1992c, 631–632). Детальный анализ самой большой статуи этого царя (Британский музей 871), проделанный У. В. Дэвисом (W. V. Davies), позволяет сблизить ее с изваяниями, относящимися к периоду середины XIII династии (Неферхотеп I, Себекхотеп I, Неферхотеп II и Себекхотеп VII). Во всяком случае, Себекемсаф правил позже Себекхотепа III (von Beckerath, 1964, 176–177) и, таким образом, должен быть отнесен ко второй половине XIII династии. Сехемра-Уаджхау фигурирует в «Зале Предков» (VII, 7).

На двух маленьких обелисках, найденных в тайнике в Карнаке (von Beckerath, 1964, 284–285 (3) (4); первый также см.: Helck, № 94), сохранилась полная титулатура Себекемсафа I. Его старшую жену звали Небемхет[77], и у него была по меньшей мере одна дочь, Себекемхеб, вышедшая за сына Рахотепа, царевича Амени. Себекемсаф проявлял немалую активность — во всяком случае, в сфере искусства; на 7-м году правления он отправил экспедицию в Вади Хаммамат[78]. Четыре статуи, принадлежность которых ему бесспорна, найдены в Фивах[79], Абидосе (Каир CG 386; Davies, № 47; Helck, № 90) и Элефантине[80]; две, менее надежно атрибутированные, — в Карнаке[81]. Мы не знаем, много ли строил этот царь, но в Медамуде он вписал свое имя в картуши предшественников (von Beckerath, 1964, 285 (5); Helck, № 92); фрагмент его первого картуша обнаружен в храме Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри (Naville, 1910, pl. X G). Но, как мы видим, многие источники не содержат данных относительно общего положения страны[82].

---

[76] Упоминание Рахотепа в истории Хонсуэмхеба Рамессидской эпохи (E. Brunner-Traut, Chonsuemheb und der Geist, LÄ I, 964) научно-исторического значения не имеет (Vandersleyen, 1993c).

[77] Статуэтка этой царицы найдена в Каве (Судан). Это самый древний из обнаруженных здесь памятников, поддающийся датировке; см.: Берлев, 1977.

[78] HM № 111; две другие надписи, отмеченные Лепсиусом (Lepsius, D II, 151 k и VI, 23, 9; Helck, № 89), были вновь найдены и переизданы Анни Гасс (Gasse, 1987). Экспедиция состояла из 130 человек, не считая сопровождавших ее знатных особ, при этом никто из технического персонала не упомянут. Единственная статуя (Каир CG 42029), где фигурирует только тронное имя Себекемсафа, изваяна из граувакки — камня, добываемого в Вади Хаммамат; из этого же камня, вероятно, были изготовлены и два уже упомянутых маленьких обелиска.

[79] Лондон, Британский музей 871, UC 14209. Книга W. V. Davies, 1981a, 28, целиком посвящена замечательной статуе из Британского музея (№ 45 в ее списке). Статуэтка, хранящаяся в University College (Davies, № 46), была куплена в Фивах.

[80] Музей Асуана: двойная статуя, изображающая царя и богиню Сатет (Davies, № 49); Habachi, 1985a, № 108; Л. Хабаши отмечает, что эта статуя, датированная периодом XVII династии, может оказаться единственным свидетельством какой-либо деятельности в святилище Хекаиба после XIII династии.

[81] Статуя, некогда стоявшая перед северным фасадом 7-го пилона, ныне утеряна; Davies, № 49; Helck, № 96; Каир CG 42029; Davies, № 50; Helck, № 91.

[82] Обнаружены и другие памятники, но они содержат только имя Себекемсаф, а следовательно, могут принадлежать Себекемсафу II, царю XVII династии: von Beckerath, 1964, 286 (16) (скарабей) и (17) (ушебти сына Себекемсафа, Helck, № 102); два фрагмента стел (Helck, № 95, Graz; von Beckerath, 1964, 291 (10); Helck, № 101, MMA NY). Себекемсаф оставил свое имя также в Вади Шатт эр-Ригал (von Beckerath, 1964, 292 (11); Petrie, 1888, pl. XIV, № 385). На двух статуях, о которых говорится в прим. 407, указано только имя Себекемсаф. Надпись Себекемсафа обнаружена в Тоде, Desroches Noblecourt, 1984, 18.

Ю. фон Бекерат полагает, что сходство имен Себекемсафа I и Рахотепа — Сехемра-Уаджхау и Сехемра-Уаххау — может быть еще одним доводом в пользу предположения о том, что они правили непосредственно друг за другом. Со вторым из них он также сопоставляет Сехемра-Неферхау (первое имя царя Упуаутемсафа[83]). Такое сходство имен примечательно, но оно не является надежным доводом. Вероятно, Рахотеп и Себекемсаф I занимали трон один за другим во второй половине XIII династии.

Найти свидетельства деятельности других царей и подтвердить их существование ученым еще предстоит. Отмеченное в частной ономастике имя Хентихетиэмсаф-сенеб (Каир CG 408; Russman, Finn, 1989, 71, № 32) позволяет предположить, что существовал некий царь Хентихетиэмсаф[84] (**w**?). Очевидно, что некоторые из этих царей могли не принадлежать к XIII династии, но за отсутствием информации о них в Туринском папирусе и других хронологических данных невозможно выделить критерии для их фиксации.

Большинство гробниц царей XIII династии не обнаружено. Исключение составляют погребение Хора, пирамиды Хенджера и Амени Ааму (или Кемау). Последняя находится к югу-востоку от двускатной пирамиды в Дахшуре, к югу от пирамиды Аменемхета III[85] — между ней и пирамидами Мазгуны. Кроме этого, есть несколько безымянных и недостроенных пирамид, как, например, пирамиды Мазгуны, которые ранее — в отсутствие эпиграфических свидетельств — приписывали Аменемхету IV и Нефрусебек; сегодня их датируют, скорее, началом XIII династии[86].

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕЙ XIII ДИНАСТИИ

Одного лишь перечисления царей недостаточно для того, чтобы написать историю их правления. Географический разброс обнаруженных свидетельств, каким бы причудливым он ни был, позволяет тем не менее выдвинуть некоторые предположения о том, как далеко простиралась власть царя. Но наиболее серьезный изъян в наших знаниях — скудость данных о продолжительности правлений. Средняя продолжительность царствования (если 125 лет, теоретически отводимых XIII династии, разделить на 60) — чуть более двух лет (Ed. Meyer, цит. в кн.: Hayes, 1953b, 38). Цифра «125» получена с учетом того, что даты конца XII династии и начала XVIII точно зафиксированы, а династия гиксосов, согласно тексту Туринского папируса, правила 108 лет, из них 12 — уже одновременно с XVIII династией. Однако абсолютная хронология

[83] Von Beckerath, 1964, 178–179. — Элемент Уаджхау присутствует также в именной титулатуре Себекхотепа IV, Дедумоса и Неферхотепа III.

[84] К неподписанным статуям или фрагментам статуй, которые могут принадлежать тому или иному из многочисленных царей XIII династии, следует добавить две статуи из дерева, покрытые штуком. Они были найдены в Лиште и до настоящего времени приписывались Сенусерту I: S. Johnson, 1980, 11–20.

[85] Об этих пирамидах см.: Stadelmann, 1985, 246–254; Edwards, 1967, 275–283; и особенно: Dodson, 1987c, 40–45.

[86] Предположение Э. Додсона (Dodson, 1987b) о существовании двух пирамид XIII династии в Абусире отвергнуто Л. Барешем (Bareš, 1988).

еще остается предметом дискуссий[87], и предполагаемые соправления или, наоборот, их отсутствие могут изменить наши представления о сроках правления XII династии. Временной промежуток между концом XII и началом XVIII династии, то есть период правления XIII–XVII династий, составляет: 205 лет по мнению Дриотона и Вандье (Drioton, Vandier) (1758–1580), 211 лет — по мнению Гардинера (Gardiner) (1786–1575), 217 — по Краусу (Krauss) (1756–1539), 219 — по У. К. Хейсу (Hayes) (CAH, 1786–1567), 233 — по Бэйнсу и Малеку (Baines, Malek) (Atlas, 1783–1550). Более того, синхронизация XV и XVIII династий, то есть период их одновременного правления, также остается предметом спора. Кажется вероятным, что последний год из 108 лет правления XV династии не совпадает с моментом восшествия на престол Яхмоса и какое-то время они царствовали параллельно. Что касается продолжительности правления XIII династии, то Дриотон и Вандье называют 105 лет, У. К. Хейс (CAH) — 153, фон Бекерат — 133, Бэйнс и Малек — 143 года.

О продолжительности правления отдельных царей известно немного, а такие случаи, как четырехмесячное правление Ренсенеба, не должны становиться материалом для обобщений. Опираясь на данные Туринского папируса и других источников, мы получаем, с учетом лет, дней и месяцев, как минимум 105 лет правления 29 царей, хотя для некоторых из них известно только число месяцев и дней (но не лет) царствования. В среднем мы получаем чуть более трех с половиной лет правления для каждого царя. Итак, 105 лет, предложенных Дриотоном и Вандье, уже достигнуты. Из 133 лет фон Бекерата остается 28 лет царствования 30 царей, еще не занявших свое место в хронологических таблицах. Даже 153 года У. К. Хейса добавляют всего 48 лет, то есть в среднем полтора года на каждого царя. Если же, напротив, приписать каждому из этих 30 царей средний, очень недолгий, срок правления (три с половиной года), мы получим 210 лет царствования XIII династии. Таким образом, династия сохраняла власть значительно дольше, чем считают современные ученые[88], или же эта власть делилась между несколькими семействами, правившими одновременно, — но последняя гипотеза пока что не подтверждается источниками (Kemp, в Trigger et al., 1983, 152–154).

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Территориальное деление

Памятники царей XIII династии за редким исключением связаны с религиозным культом и почитанием того или иного божества, частные же документы содержат сведения об общественном устройстве. По-видимому, именно при XIII династии произошло разделение страны на три административных округа (*уарет*): Северный, Южный и «Голова юга». Основные памятники, на которые мы опираемся, — это Папирус Бруклин 35.1446, датируемый правлением Себекхотепа III и одного из его предшественников (возможно, Хенджера), Папирус Булак 18 и папирусы из Кахуна (Quirke,

[87] См.: Long, 1974 и возражения Parker, 1976.

[88] У. К. Хейс получил 153 года, вычтя 300 лет из 453, указанных в манефоновской традиции. Возможно, отнимать следует 200, а не 300 лет, и тогда мы получим 253 года.

1990). Неизвестно, когда именно произошло это разделение. Термин «Голова юга» отмечен на стеле от 25-го года Аменемхета III[89], но это географическое понятие необязательно было связано с административным делением страны. Столицей при XIII династии оставался Ичтауи, то есть Лишт (Hayes, 1947); именно там находилась администрация каждого из двух главных округов — Северного и Южного, во главе которых стояли «докладчики» или «вестники» (*wḥmw/ухему*). В Северный округ входили Дельта и Мемфисский ном; Южный простирался от Файюма до Нубии; округ «Голова юга» включал в себя фиванские и остальные южные земли — это был своего рода филиал центральных органов управления, необходимость в котором возникла из-за большой удаленности территорий от столицы. Фивы были просто «южным градом», в котором служили местные чиновники. Двор же не имел постоянной резиденции (Hayes, 1953b).

Визири и администрация

Главным действующим лицом в государстве, посредником между администрацией и фараоном, оставался визирь (Théodoridès, 1962). Нам известны некоторые визири, причем во многих случаях эта должность переходила от отца к сыну, и визири занимали ее значительно дольше, чем цари занимали трон. Продолжительное пребывание визирей в должности принято противопоставлять кратким правлениям царей, однако ни один источник не говорит о визирях как соперниках фараонов. Нет никаких признаков того, что мимолетность царствований была связана с политическими волнениями, смещениями с трона или убийствами, как это произошло в Римской империи с Гальбой, Отоном и Вителлием. Обстоятельства, приводившие к смене фараонов, могли быть самыми разными. Так, в истории Франции смерть сорокалетнего Генриха II в результате несчастного случая и внезапная кончина трех его сыновей и преемников были вызваны различными причинами: Франциск II умер в 16 лет, процарствовав всего год, Карл IX — в 24 года, после 14 лет правления, а Генрих III — в 38 лет, после 15 лет царствования, причем только последний был убит.

Хенмос был визирем при Аменемхете V, который выразил ему свое расположение, подарив статуэтку (Helck, № 5); граффито этого визиря найдено в Асуане (de Morgan et al., 1894, I, 26).

Самым известным визирем благодаря количеству и значимости документов является Анху, занимавший эту должность при Себекхотепе II и Хенджере[90]. Анху был сыном визиря, чье имя нам неизвестно, и отцом двух визирей — Рессенеба и Иимеру (Franke, 1984a, № 398 и 24), о которых мы знаем очень мало. Другой Иимеру, сын представителя судейского корпуса, также носившего имя Иимеру, засвидетельствован при Себекхотепе IV. Очевидно, во избежание путаницы этого визиря именуют Иимеру-Неферкара (Franke, 1984a, № 25, 26; Habachi, 1981a) — возможно, в честь одного из царей. Это имя фигурирует на памятниках на Элефантине, Карнаке, Абидосе и даже

[89] Берлин 1198: PM V, 97; Erman, 1900c, 42–43; ÄIB I, p. 176–177. — О прочтении термина как *tp-rsj/men-реси* вместо *tp-šmʿ/men-шема* см.: Gardiner, 1957, 6–9.

[90] Franke, 1984a, № 173. — Перечень документов и библиография: Spalinger, LÄ V, 1037, n. 5; 1980c, 102–103 и n. 33 (на с. 103, строка 2 Анху надо исправить на Иимеру).

в Вади Хаммамат. О визире Анху сохранилось больше всего сведений. Так как он занимал свою должность при царе XIII династии, который известен нам лучше всего, нет оснований видеть в таком изобилии источников признак превосходства визиря над царем. Возможно, оно отражает на редкость насыщенное, но неспокойное царствование — судя по смутным намекам в эпитетах визиря, их которых яствует, что он «обуздал знать (?) (*pˁt/nam*) и усмирил бунтовщиков» (Habachi, 1981a, 38). Анху был родственником царицы Эйе, супруги Себекхотепа II: дочь визиря вышла замуж за брата царицы (Berlev, 1974b, 26–31) — еще одно свидетельство того, насколько важными для власть предержащих были семейные связи.

Последним визирем XIII династии был Ибиа, который занимал эту должность при царе, носившем то же имя[91]. Ибиа был выходцем из очень влиятельной семьи, к которой принадлежали многие царицы, в том числе знаменитая Небухаэс.

Ввиду важности фигуры визиря некоторые его должностные обязанности были зафиксированы в письменном виде, а в начале Нового царства — упорядочены и собраны в общее руководство под названием «Обязанности визиря» (см. ниже, с. 221).

Кроме визиря, управлением страной занималось множество чиновников. Исследователи работают над составлением списка титулов и их анализом[92]. В результате этой работы мы получим более подробные сведения о государственной системе Египта, которые дополнят единственный на сегодня общий обзор, составленный В. Хельком (Helck, 1958a).

Знатные семейства

XIII династии не свойствен единообразный порядок наследования, когда трон постоянно переходит от отца к сыну. Чтобы объяснить такое число царей (для некоторых из них можно выстроить короткие генеалогические стеммы), было выдвинуто немало гипотез: частые узурпации, избрания царя на ограниченный срок, свержение царя из-за слабого разлива Нила. Значительность роли визирей породила представление о том, что реальной властью в стране обладали высокопоставленные чиновники, действовавшие от имени «бумажных царей». При этом часто забывают, что божественность монарха оставалась непреложной догмой. Видимо, члены царских семей не осмеливались кичиться связями, которые соединяли простых смертных с божественным владыкой. Цари могли упоминать членов своих семей, но не наоборот. Отсюда и впечатление, будто эти семьи «поставляли» визирей и цариц и никогда — царей. Это не означает, что цари были безлики, а семьи могущественны: фараоны стояли слишком высоко, чтобы упоминаться в частных семейных списках.

Самым влиятельным из известных нам был род царицы Небухаэс (или Хаснебу). Генеалогическое древо этого семейства выглядит настолько разветвленным и сложным,

[91] Л. Хабаши (Habachi, 1984) собрал все данные о визирях II Переходного периода. Данные, собранные Franke, 1984a, № 62 (Ибиау) и № 660–661 (Сенебхенаэф), сын или сыновья визиря, также ставшие визирями), говорят о том, что и личности визирей, и хронология их деятельности еще требуют изучения. Визирь Ухау, названный в школьном упражнении эпохи Среднего царства, возможно, был реальным и служил при одной из династий того времени: Simpson, 1960.

[92] Исследования У. А. Уорда (W. A. Ward), Дж. Мартина (G. Martin), Д. Франке (D. Franke), С. Кверка (S. Quirke).

что приводит в замешательство. Непрерывная преемственность поколений прослеживается примерно с середины XIII династии, заканчиваясь лишь при XVII. Выходцы из этого могущественного и славного рода занимали не только высокие административные посты, но порой и престол; самым значительным его преставителем была царица Небухаэс. На хранящейся в Лувре (C 13) стеле содержатся имена большинства членов рода. Благодаря этой стеле удалось, с разумной осторожностью, связать друг с другом целый ряд уже известных генеалогических источников[93]: а) надписи, датированные царствованием Неферхотепа I, Сахатора и Себекхотепа IV, где в качестве высокопоставленного вельможи фигурирует знакомый нам Небанх (Franke, 1984a, № 294), брат Дедусебека/Беби, отца царицы Небухаэс; б) документы, касающиеся брата Небухаэс Себекемса(у)фа, чья знаменитая статуя находится в Вене[94]; в) «Юридическую стелу» из Карнака, датируемую правлением Небирирау I (Lacau, 1949); г) гробницу № 9 в Эль-Кабе, где упоминается правнук Небухаэс, и гробницу № 10, принадлежавшую Себекнахту, внуку визиря Эйе[95], — это уже пятое поколение после Небухаэс. К этим основным источникам следует добавить несколько менее значительных стел и статуй, список которых приводит Э. Спэлинджер.

Итак, генеалогия семейства, к которому принадлежала Небухаэс, начинается с середины XIII династии, с царствования Неферхотепа I, и продолжается до середины XVII династии. Число отпрысков этой семьи было огромно, а имена часто повторялись; у одного только Небанха, видимо, было пять жен; есть и другие примеры полигамии. Поэтому сложно вычислить, сколько представителей семейства насчитывалось в каждом поколении. Среди тех, чьи титулы нам известны, — несколько визирей (Эйе, Иимеру, Себекнахт), несколько правителей Эль-Каба, а также царицы и царевны. Помимо Небухаэс мы встречаем здесь царицу Сенебсен, среди потомков которой — Ренсенеб (Эль-Каб, гробница № 9); царевну Хонсухуэфси Ренсенеб, дочь Небухаэс; царевну Неферхотеп из рода Сенебсен; царевну Редитнес, мать визиря Эйе.

Такое обилие знатных особ позволяет оценить могущество рода. Поскольку цари, с которыми были связаны эти царицы и царевны, не названы по имени, история семьи при XIII и XVII династиях, изложенная в хронологическом порядке, будет опираться лишь на хрупкие предположения. Мы знаем, что Сенебсен была женой царя, правившего в середине XIII династии, — скорее Себекхотепа IV, чем Неферхотепа I (см. выше, с. 148); у Себекемсафа II, десятого царя XVII династии, была супруга по имени Небухаэс. Но временной промежуток между этими двумя царицами столь велик, что появилась гипотеза о существовании второй царицы Сенебсен, жившей позднее (по мнению Э. Спэлинджера, супруги Себекхотепа VI), и другой царицы Небухаэс

[93] Spalinger, 1980c; первое фундаментальное исследование: Берлев, 1961.

[94] Вена 505/5801, Jaroš-Deckert, 1987, 39–48; Rogge, 1989, 187–189. — Датировка этой статуи вызвала полемику между В. Шенкелем, Б. Следзиановским (Schenkel, Sledzianowski, 1972), Х. Затцингером (Satzinger, 1973), и Г. Виттманом (Vittmann, 1973). Дискуссия была связана с анализом генеалогических данных: так как супругу царя Себекемсафа II звали Небухаэс, было выдвинуто предположение, что существовала только одна царица с таким именем и что она относилась к XVII династии. Статуя в Вене могла бы опрокинуть господствовавшие представления о низком уровне искусстве того времени и даже об отсутствии искусства как такового, однако Х. Затцингер и Г. Виттман так не считают.

[95] Spalinger, 1980c, 103–109. — О гробнице № 9 см. также: Ward, 1986, 49–53; Franke, JEA 76, 1990, 230.

(по мнению Э. Спэлинджера, супруги Себекхотепа V или Уахибра Ибиа, причем скорее второго, так как об этом царе мы почти ничего не знаем). Как полагает Э. Спэлинджер, в этих документах не назван ни один царь, поскольку все они были слишком незначительны (Spalinger, 1980c, 114–115), а слава Небухаэс, с учетом влияния ее большой семьи, не нуждалась в ее подкреплении славой царя. Но если на стеле C 13 в Лувре надменная Небухаэс стоит одна напротив Хатор и Осириса, это объясняется не тем, что она — представительница семейства, имена отпрысков которого без всякого почтения втиснуты в 44 колонки текста под ее изображением. Дело в том, что она — «княгиня, великая фавором, госпожа всех женщин, старшая царская жена, *хнемет-нефер-хеджет* Небухаэс, да будет она живой, процветающей и здоровой». Именно став старшей супругой царя, она достигла наивысшей славы — и при этом имя владыки не называется! Несомненно, цари были слишком близки к богам, чтобы быть упомянутыми в этой гигантской частной — не царской — анкете. Примечательно, что цари того времени носят те же имена, что и обычные члены их семейств, как, например, Ибиа и Эйе, но чиновники, даже очень могущественные, считали «некорректным» подчеркивать свое родство с фараоном.

Вернемся к вопросу о родственных связях между царицами Сенебсен и Небухаэс, которых довольно трудно отделить друг от друга. Связь между Сенебсен и принцессой Неферхотеп, женой Рессенеба из Эль-Каба, не выражена определенно — просто Неферхотеп принадлежала к роду Сенебсен, которая могла быть супругой Себекхотепа V. Что касается Небухаэс, то она — племянница Небанха, вельможи при царях Неферхотепе I и Себекхотепе IV: таким образом, это царица XIII династии, которая не могла быть женой Себекемсафа II. Следовательно, должна была существовать и вторая Небухаэс, мумию которой, как и мумию ее супруга, обнаружили грабители в эпоху XX династии (см. ниже, с. 185).

Данные источники позволяют также говорить о преемственности XIII и XVII династий. Разрыв между последними, вызванный внезапным вторжением гиксосов, по сути, может быть всего лишь следствием вынужденого переезда с севера на юг: Эль-Каб, расположенный к югу от Гебелейна, становится своего рода временной столицей, куда (как, впрочем, и в Эдфу) стекаются представители влиятельных семей, поскольку захваченные гиксосами Фивы стали недоступны.

Так или иначе, временной разрыв между всеми этими лицами не поддается измерению и не позволяет сделать каких-либо надежных выводов для написания истории эпохи. Тем не менее, по общему впечатлению, XIII и XVII династии были тесно связаны между собой. Временной промежуток между окончанием одной и началом второй был кратким, почти незаметным — если только никто не «вклинился» между поколениями одного семейства. Между царицей Небухаэс и 1-м годом правления Небирирау насчитывается всего три поколения, но за это время успели смениться сорок царей, место которых в истории еще предстоит установить.

Помимо этого рода были и другие, не столь блестящие, но образовавшие настоящие местные династии, из поколения в поколение державшие в своих руках разные ключевые должности — военные, религиозные и административные[96].

---

[96] Szafrański, 1982; семья визиря Анху (см. выше, с. 157–158), визиря Ибиа (см. выше, с. 158), царя Себекхотепа III (см. выше, с. 145).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Нубия

Нубия, при XI династии ставшая частью Египта, оставалась в его подчинении на протяжении большей части правления XIII династии. После Сенусерта III Египет больше не отправлял туда военных экспедиций. Но при Камосе, в конце XVII династии, вдруг оказалось, что Нубию вновь надо завоевывать. Возможно, она оказалась в руках кушитов — но не из-за их решительных действий, а из-за слабости египтян, которые ушли из этих мест. Из текстов на стелах Камоса мы узнаем, что Кушитское царство простиралось тогда до первого порога, но Элефантина оставалась египетской. Историю ухода египтян из Нубии и расширения кушитских владений еще предстоит написать, опираясь на данные археологических раскопок, которые ныне ведутся особенно активно из-за строительства Высотной Асуанской плотины. Предварительные общие работы уже изданы[97]. Следы деятельности египетских царей в Нубии относятся к первой половине XIII династии, и они незначительны. Угаф оставил стелу в Миргиссе и статую в Семне. Наиболее надежные данные — датированные царствованиями Аменемхета V, Аменемхета VII и Себекхотепа II отметки об уровне Нила, так как они высечены на скалах. Оттиск печати Себекхотепа II найден в Миргиссе, плакетка (закладная?) Неферхотепа I — в Бухене. Большой интерес вызывает обнаруженная на острове Арго статуя Себекхотепа IV[98]. Других письменных источников, свидетельствующих о присутствии египетских царей южнее 1-го порога, нет[99].

Судя по обнаруженным в результате археологических раскопок захоронениям, мы знаем, что египтяне, оставленные для охраны крепостей, в конце концов переселились туда с женами и детьми (H. Smith, 1976, 66–69). Возрастание в Верхней Нубии значения культа Себека из Сумену, начиная с царствования Сенусерта I, говорит о том, что целые группы египтян были набраны в войско именно в этом регионе (Vercoutter, 1957, 62–69). Изучение местных культур Нубии — Кермы и Группы С — позволяет судить о внутреннем развитии и перемещениях этих племен, которые — несмотря на попытки Сенусерта III преградить им путь — жили бок о бок с египтянами; в свою очередь, последние бросали службу вечно отсутствовавшему фараону и переходили к князю Куша (H. Smith, 1976, 69–85). Следы разрушений в египетских поселениях Верхней Нубии с трудом поддаются интерпретации. Крепость Кор была захвачена и разграблена в конце XII или начале XIII династии (H. Smith, 1966). Однако тот факт, что крепости были сожжены к исходу Среднего царства, то есть в конце правления XIII династии, не означает, что они были взяты штурмом именно в это время: следы грабежей и пожара (H. Smith, 1976, 69–85) могли быть оставлены не внешним врагом, а покидающи-

[97] Wenig, LÄ IV; говоря о кол. 530 (верх), касающейся II Переходного периода, автор сетует на пробелы в наших знаниях. О'Коннор (O'Connor, 1978) исследует только нубийскую культуру, вне связи с Египтом. В той же коллективной монографии Ж. Леклан (Leclant, 1978) излагает все, что нам известно о египетском присутствии в Нубии, но II Переходному периоду в ней посвящено лишь две страницы (66–67).

[98] Б. Триггер (Trigger, в кн: Säve-Söderbergh, 1989, 4) пишет, что статуя «возможно, доставлена извне».

[99] В Уронарти найден оттиск печати с хоровым именем царя XVII династии Небирирау II: Vercoutter, 1975b, 230.

ми эти места гарнизонами (Trigger, в кн.: Säve-Söderbergh, 1989, 4). Многие из этих крепостей были позднее заняты племенами культуры Керма. Таким образом, речь, по-видимому, идет не о внезапном кушитском нашествии, а о постепенном переселении, которому ничто более не препятствовало[100]. Но когда именно египетское влияние перестало распространяться на эти области, нам неизвестно[101].

Азия

Сведения о контактах с Азией при XIII династии очень скудны (Giveon, 1978b). Из шести царей этой династии, имена которых встречаются в Азии, двое — Себекхотеп V и Ибиа — засвидетельствованы только на скарабеях; Хорнеджхеритеф — на скарабеях и жезле военачальника, найденном в Эбле; в Библе обнаружены тексты с упоминанием Схотепибра и Неферхотепа I; постамент статуэтки Себекхотепа IV найден в Баальбеке. Сказанное о XII династии касается и XIII: политическое и историческое значение этих редких находок от нас ускользает. Только очевидная связь, существовавшая между Хотепибра и Йакин-Илумом из Библа (см. выше, с. 139), а также Неферхотепом I и Йантином из Библа, сыном Йакина (см. выше, с. 147), можно считать важными источниками того времени. Что касается других предметов, то мы не знаем, как они туда попали. Не менее рискованно делать серьезные выводы о политических и военных отношениях с Азией, опираясь на перечень «азиатских» рабов и слуг в папирусе Бруклин 35.116: слуги эти были *ааму*, то есть бедуинами, которые могли кочевать в непосредственной близости от египетских границ и даже на территории Дельты — тем более что определить время их прихода или пригона в Египет невозможно. Итак одновременно с проникновением в страну гиксосов Египет почти полностью исчезает с азиатской политической сцены. Интересно проследить за изменениями в интерпретациях находки, сделанной в Библе Пьером Монтэ, — кувшина, заполненного скарабеями и другими мелкими предметами и получившего название «Кувшин Монтэ». Сперва исследователи полагали, что содержимое кувшина датируется XI династией, сегодня его с некоторыми колебаниями относят к концу XIII династии[102]. Скрупулезные исследования Ольги Туфнелл и У. А. Уорда, скорее всего, позволят в дальнейшем уточнить эту датировку.

Итак, бесчисленные скарабеи, найденные как в самом Египте, так и за его пределами, требуют дальнейшего изучения, а интерпретация этих находок с исторической точки зрения пока ненадежна[103].

---

[100] Несмотря на значительные археологические работы, проводимые в Нубии и Судане в связи со строительством Высотной Асуанской плотины, и обширную библиографию, посвященную отдельным вопросам, обобщающего исследования о Древнем Судане до сих пор не появилось. Последние исследования — коллективное издание «Africa in Antiquity» и сборник под редакцией Т. Сэве-Сёдерберга (Säve-Söderbergh, 1989). Исторические данные о Бухене см.: H. Smith, 1976, 61–85; о Миргиссе: Vercoutter, 1970, I, 18–24.

[101] По мнению Б. Триггера (Trigger, в кн: Säve-Söderbergh, 1989), нет ни текстов, ни археологических данных, позволяющих установить причину ухода египтян.

[102] O'Connor, 1985, 40; Weinstein, 1981a, 222.

[103] Вайнштайн (Weinstein, 1975), доказывает, что «египетская империя» на протяжении эпохи Среднего царства не имела владений в Азии (9); он подчеркивает бесполезность с исторической точки зрения «*Текстов колдовства*» (или *проклятий*), так как почти все египетские предметы, обнаруженные в Палестине, датируются II Переходным периодом.

Глава III
ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ XIII ДИНАСТИИ

Как выглядела повседневная жизнь египтян на протяжении этого длительного периода, источники о котором столь скудны? Его принято называть «темными веками», «упадком», «закатом» Среднего царства. Царей с их краткосрочными царствованиями считают узурпаторами или самозванцами и в любом случае — повелителями, почти лишенными реальной власти. Даже в глазах людей XX века царь, который не воюет, не присоединяет территорий, считается ничтожным историческим персонажем. Между тем «счастливые народы не имеют истории». Были ли египтяне более несчастливы при XIII династии и даже на всем протяжении II Переходного периода, чем, например, при XII династии? Было ли недовольство царями более сильным? Есть все основания полагать, что в *Сетованиях Ипувера* описывается скорее ситуация, характерная для конца XIII династии, чем для I Переходного периода (см. выше, с. 113). Но авторы «Размышления Хахеперрасенеба» и «Разговора разочарованного со своей душой» проникнуты значительно большей неприязнью по отношению к могущественным царям XII династии.

При XIII династии в Египте не было анархии. Эта точка зрения оптимистична и поэтому требует пояснений. Нельзя не заметить, насколько важную роль играла в то время армия. Начиная с Себекхотепа IV, разные должности все более

выглядят по-военному: теперь они связаны с обеспечением безопасности, а не с административными функциями, как было в конце Среднего царства (Quirke, 1986b, 109, n. 19). Уже доказано, что некоторые титулы, названия которых ранее переводились как «граждане», на самом деле обозначали военных (Berlev, 1971). Можно констатировать также, что дисциплинарная система играла серьезную роль в общественно-экономической жизни страны того времени (Menu, 1981, 76). Но основы государственного устройства остались незыблемыми: цари все еще считали себя избранниками и прямыми потомками богов и при этом сообщали имена своих отцов и матерей, в которых не было ничего божественного. Приход гиксосов, возможно, на время вывел Египет из этого исторического застоя, но когда причиненные ими несчастья были забыты, египетский фатализм вновь взял верх. Когда Камос пожелал отвоевать свою страну у чужеземцев, понемногу «откусывавших» его земли на севере и на юге, ему понадобилось все его красноречие, чтобы побороть равнодушие членов совета. Часть Египта, вероятно, была оккупирована, но в остальной стране царили мир и благоденствие (Habachi, 1972a, 48). Это спокойствие, граничащее с безропотностью, это отсутствие амбиций и планов не могли не привести к упадку. В скульптуре и рельефе явственно наблюдается утрата интереса к художественной строне дела. В каирском «Catalogue générale» восторги Легрена заканчиваются на Себекхотепе IV. Следующие цари все еще изображаются попирающими ногами *Девять Луков*, но, как замечает Легрен по поводу статуи Себекхотепа VI (CG 42028), стиль ее является грубым, а исполнение — неумелым. При наличии столь четких критериев следует предположить, что если неидентифицированные царские статуи превосходны по исполнению, то их следует датировать ранним периодом правления династии. Правда, качество статуй Неферхотепа II еще достаточно высоко: как видно, некоторые цари были довольно взыскательны.

Определенную безликость царей объясняли усилением власти номархов, постепенно лишавшихся ее при XII династии (Cruz-Uribe, 1987), но это чистый домысел. Сохранившиеся памятники свидетельствуют о незыблемости монархии вплоть до XVIII династии: царь оставался царем, могущественным и почитаемым (Ali Radwan, 1990; Quirke, 1991). Стремительную смену царей на троне даже предлагали считать следствием климатических условий, столь неблагоприятных, что Нил перестал исполнять свою живительную роль, и цари, «ответственные за этот непорядок», быстро сменяли один другого (гипотеза B. Bell, 1971, 22).

В соответствии со старым афоризмом — «взаймы дают только богатым» — исследователи зачастую датируют многие памятники, особенно высокого качества, правлением XII династии, считая эпоху XIII династии временем упадка и бездеятельности. Но сегодня мы знаем, что самые удивительные египетские изделия из золота и серебра создавались не только при XII династии, а знаменитая гробница Сенебтисти в Лиште (Simpson, LÄ V, 848–849) — обычно датируемая царствованием Аменемхета I, так как она находится рядом с пирамидой этого царя, — скорее всего, была сооружена при XIII династии, приблизительно в 1750 году. Примерно к тому же времени относятся и знаменитые сокровища из Дахшура[104]. Эта новая датировка подтверждается и тем фактом, что сокровища времен XIII династии, найденные за пределами

[104] Williams, 1975–1976, несмотря на предостережения Liliquist, 1979.

Египта — в Библе, Эбле и даже на востоке Дельты, — в наибольшей степени похожи на эти египетские ювелирные изделия, которые ранее относили к эпохе XII династии (Scandone Matthiae, 1982).

Что касается скульптуры, то объединение головы царя, хранящейся в Вене, и торса, найденного на Элефантине, позволило датировать эпохой XIII династии статую, ошеломляющую своими художественными достоинствами и оригинальностью (см. выше, с. 139, Аменемхет V). Этим же временем, согласно Б. Ботмеру, датируется и знаменитый Хертихотеп из Берлина. Была пересмотрена и датировка двух отделанных под искусственный мрамор неподписанных деревянных статуэток, которые ранее относили к правлению Сенусерта I (S. Johnson, 1980). При XIII династии продолжается эксплуатация галенитовых рудников в Гебель Зейт, причем неподалеку от того места, где галенит добывали еще при Аменемхете III, открылось новое место разработки этого минерала (Castel, Soukiassian, 1988). XIII династия оставила яркий след и в Карнаке: из 61 сохранившихся в «Зале Предков» царских имен более четверти принадлежат ее представителям. Во «дворе» эпохи Среднего царства в Карнаке О. Мариетт нашел статуи и другие памятники царей этой династии; более того, большинство найденных там статуй частных лиц датируется этим же периодом (PM II, 109–110).

Глава IV
ОТ XIII ДИНАСТИИ К XVII

ПОЯВЛЕНИЕ ГИКСОСОВ

Сведения о гиксосах (Bietak, LÄ III, 93–104, библиография: с. 103) почерпнуты главным образом из трех источников. Наиболее определенную информацию содержит рассказ Манефона в изложении Иосифа Флавия. Второй источник — материалы археологических раскопок в Телль эд-Даба и Палестине. Третий — найденные в Египте, Палестине и Нубии скарабеи в «гиксосском стиле» или с написанными на них гиксосскими именами. Термин «Гиксосы» (Vycichl, 1982) является традиционным, но вопрос заключается в том, следует ли считать их народом. Слово образовано от египетского словосочетания *ḥḳ3 ḫ3swt* — «правитель чужеземных стран», которое встречается в египетских документах разных эпох. Оно могло применяться для обозначения разнообразных неегипетских племен — и не только тех, которые вторгались в страну на протяжении II Переходного периода. Уже в эпоху Древнего царства так называли нубийцев, а начиная с эпохи Среднего царства — азиатов и даже ливийцев (Hayes, 1973a, 55). Гиксосы, о которых говорит Манефон, — это группа кочевников, а не страна; трудно и даже невозможно определить границы их «империи», которую ранее, опираясь на отдельные находки в этих регионах, считали простиравшейся до Крита и Вавилона. Но предметы, напрямую связанные с культурой гиксосов (главным образом

характерные по стилю скарабеи и скарабеи с именами гиксосских царей и чиновников), севернее Палестины не обнаружены: самая северная точка, где они найдены, — Мегиддо и окрестности (Giveon, 1974, 225), а это очень далеко от земель Амурру, откуда, как нередко считается, пришли гиксосы. Поддающиеся анализу имена гиксосов — семитские, а гипотетическая связь их с хурритами представляется невозможной, так как хурриты появились значительно позже[105]. Найденная в Телль эль-Йахудийя глиняная посуда, связанная, как полагали ранее, с приходом гиксосов, и в самом деле свидетельствует о неких событиях, вызвавших перемещение племен и культур, но о каких именно — пока трудно сказать (Bietak, LÄ VI, 335–348). Посуда эта изготавливалась в Египте как до прихода, так и после ухода гиксосов и при любой политической и военной ситуации оставалась ходким товаром (Kaplan et al., 1982, особ. 141). Исследователи также надеялись найти в Палестине какие-нибудь приметы, предвещавшие нашествие гиксосов, — но тщетно[106].

Итак, наш основной источник — текст Манефона. Что бы о нем ни говорили, изложенная в нем картина вполне правдоподобна. Вот его рассказ «Тутимайос[107]. В его царствование, неизвестно за что, — как сообщает Манефон, бог разгневался на нас: неожиданно явились с востока люди неизвестного происхождения. Дерзко пошли они против нашей страны и легко покорили ее без битвы. Одолев тех, кто ею правил, они беспощадно сожгли города и разрушили храмы. Со всеми жителями они обращались крайне жестоко: одних убивали, других с женами и детьми обращали в рабство. Наконец, одного из своих они объявили царем; звали его Салитис. Он прибыл в Мемфис, наложил подати на Верхнюю и Нижнюю страны и поместил гарнизоны в самых удобных местах. Более всего он укрепил восточную границу, ибо боялся нападения могущественных тогда ассирийцев. Найдя в (Сетроитском)[108] номе, к востоку от Бубастисского русла (Нила), удобно расположенный город, который, согласно древнему преданию, назывался Аварис, он отстроил его и укрепил стенами…»

Рассказ этот кажется достоверным[109], и не стоит пытаться уточнить происхождение захватчиков, так как Манефон говорит, что они были «неопределенного (ἄσημος) племени», а египтяне называли их *ааму, сечетиу, ментиу сечет, люди Речену* — все эти названия издавна встречались в иероглифических источниках (Hayes, 1973a, n. 4; Kempinski, 1983, 61–64). Словосочетание, использованное Манефоном, возможно, указывает на то, что названия племен, которые мы пишем с прописной буквы, в большинстве своем являются обобщающими и обозначают образ жизни: речь идет о кочев-

---

[105] См.: de Vaux, 1967; Helck, LÄ III, 86–87; Bietak, LÄ III, 100. — Гипотеза, согласно которой гиксосы — это преемники аккадцев, выдвинута в работе: Heinsohn, 1991.

[106] Redford, 1970, 7, подчеркивает, что мы ничего не знаем о гиксосах вне источников на египетском языке или написанных иероглификой, если не считать несколько имен собственных семитского происхождения. О египетском присутствии в Сиро-Палестине см.: Weinstein, 1981b.

[107] В тексте Иосифа Флавия («против Апиона», I, 14, § 75): «τοῦ Τίμαιος ὄνομα»; Гутшмид предложил чтение Тутимайос и ἄνεμος вместо ὄνομα как комментарий к последующему повествованию; см.: Manetho, 78 и далее.

[108] В тексте Флавия — «Саисский», и это, несомненно, ошибка; как сообщают эпитоматоры Манефона, Аварис находился в Сетроитском номе.

[109] Redford, 1970, 2–17; Р. Краус (Krauss, 1978, 204–226), детально проанализировав длинный рассказ Флавия, назвал этот текст псевдоманефоновским. Надпись Хатшепсут в Спеос Артемидос подтверждает сказанное Манефоном о внезапности нашествия: Gardiner, 1946a, 48.

никах, в данном случае азиатах, поклонявшихся азиатским богам (Hayes, 1973a, 56; Stadelmann, 1967, 14–20; Helck, 1966c) и обитавших на границах с Египтом. И хотя их правители носили титул царя и высекали свои имена на статуях великих фараонов прошлого, они остались «правителями чужих стран» — *ḥḳ3 ḫ3swt*, а оставление Мемфиса ради Авариса, возможно, было вызвано их стремлением находиться в среде, более близкой к их корням. Результаты раскопок в Телль эд-Даба свидетельствуют о давнем присутствии азиатских племен в этих местах. Туринский папирус (10, 1) дает имена этих царей, но без титула царя Верхнего и Нижнего Египта. Эпитоматоры Манефона называют родиной XV династии Финикию — страну, которая, согласно Страбону (XVI, 2, 12), начиналась от Пелусия.

Больше всего неясностей вызывает датировка вторжения гиксосов. Речь явно идет о точно определенном времени, так как Манефон называет имя царя, Тутимайоса, в царствование которого и произошли эти события. Но кем был этот царь? Нередко предлагаемое отождествление Дедумоса с Тутимайосом выглядит очень сомнительным, в первую очередь потому, что это имя — результат современного, «улучшенного» прочтения рукописи Иосифа Флавия (Manetho, 78). Конечно, царь по имени Дедумос существовал, но его принадлежность к XIII династии не доказана. А идея о том, что имя «Дедумес» превратилось в «Тутимайос» вследствие фонетической эволюции, основана лишь на совпадении некоторых звуков обоих имен; Ю. фон Бекерат резко отвергает это предположение (LÄ I, 1003; LÄ VI, 816). Вполне вероятно, что царем, которому пришлось столкнуться с нашествием гиксосов, стал последний правитель XIII династии. Однако Дедумес, чье имя пытались поместить в реконструированном тексте Туринского папируса, мог быть только 37-м царем династии, после которого правили еще двадцать фараонов. Таким образом, отождествление Дедумоса и Тутимайоса опирается на гипотезу, согласно которой проникновение гиксосов в страну происходило постепенно, а не явилось следствием внезапного и полного завоевания страны организованной армией. XV династия сменила в Мемфисе XIII, а XVII, вероятно, явилась продолжением XIII, последние правители которой были вынуждены под натиском захватчиков отступить к югу.

Что касается самой даты нашествия, то она до сих пор неизвестна. В исследованиях указываются различные даты появления гиксосов в Египте, например 1730 год (Gardiner, Vandier) и 1720 (Hayes), но все они — результат умозрительных построений, которые опираются на текст обнаруженной в Танисе Стелы 400-го года[110], воздвигнутой при Рамсесе II. Несмотря на многочисленные исследования, смысл этого памятника остается неясным. На своде стелы изображен Рамсес II, подносящий вино богу, который назван «Сетх Рамсеса, любимого Амоном» и облачен в характерную азиатскую одежду. За царем стоит некий персонаж: голова его утрачена, а к трехслойному одеянию добавлен хвост животного (как у царей). Он поклоняется «Твоему Ка, Сетх, сын Нут…». Персонаж этот — крайне высокопоставленный, судя по титулам — носит имя Сети с эпитетом «правогласный», как обычно именовали усопших. Далее, в седьмой строке, мы читаем текст с датой: «400-й год, четвертый месяц лета, четвертый день царя

[110] О проблемах, которые поставила перед учеными эта стела, см.: Mariette, 1865. Краткое изложение и подробная библиография: каталог Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, 33; Habachi, 1975a; Goedicke, 1981; Stadelmann, LÄ VI, 1039–1043; Bietak, 1990 (превосходная фотография стелы).

Верхнего и Нижнего Египта Сетха, великого доблестью, сына Ра, его возлюбленного, Нубти, возлюбленного Ра-Хорахти, да живет он вечно». Событие, датированное таким образом, — приход в Аварис (хотя в тексте стелы это не уточняется) упомянутого на своде стелы Сети, сына Парамессу: оба носят здесь высокие титулы, в том числе визиря, оба являются «усопшими»; мать Сети, Тиа, тоже «усопшая», была певицей бога Ра. Сохранившаяся часть текста содержит гимн богу Сетху от имени этого Сети. Принято считать — правда, с некоторыми колебаниями, — что Парамессу и Сети — это Рамсес I и Сети I, представленные здесь в тех должностях, которые они, вероятно, занимали до того, как взошли на трон; в таком случае приход визиря Сети должен был состояться при Хоремхебе. Прибавив четыреста лет к указанной дате, мы получим 1730 или 1720 год (см. также: Stadelmann, LÄ, и ниже, с. 439, примеч. 9).

Данная интерпретация оставляет нерешенными вопросы, связанные с хронологией. Что это за событие, от которого начинается отсчет 400-летнего царствования бога Сетха? Обычно считается, что речь идет о введении в Аварисе культа бога Сетха, а следовательно, это событие связано с гиксосами. Первое обнаруженное археологами упоминание Сетха в Аварисе датируется царствованием *Нехси*, второго царя XIV династии, но, согласно Манефону, основателем династии гиксосов (XV) был Салитис, который и сделал Аварис столицей; к тому времени город, причем «с самого его основания» (Manetho, 124, § 237), уже был центром культа Сетха. Х. Гёдике отметил, что Сетх, о котором идет речь в тексте стелы, — это Сетх Омбоса, то есть традиционный египетский бог. Рамсес II поставил эту стелу где-то ближе к середине своего царствования, самое раннее — в 34-м году, так как в титулатуре содержится упоминание о его праздниках *сед*. Гёдике также указал на то, что именно Рамсес II является главной фигурой на стеле и что у него не было оснований акцентировать внимание на простонародном происхождении двух своих предков, впоследствии ставших царями, и лишать их имена картушей. Чтобы определить, какое событие датировано 400 годом, и найти точку отсчета для этого летоисчисления (то есть первый из этих четырехсот лет), следует искать дату в пределах царствования не Хоремхеба, а самого Рамсеса II — точнее, второй половины его царствования. Если речь идет о Рамсесе II, то начало отсчета — примерно 1640-й год, то есть правление XV династии началось чуть менее чем за столетие до воцарения XVIII династии. Но «4-й день 4-го месяца последнего сезона 400-го года» — нестандартное обозначение даты: оно выглядит скорее символическим, чем историческим, и, как мне представляется, считать его надежным хронологическим ориентиром опрометчиво. Остаются другие вопросы, связанные со стелой, но одно это показывает, что ее привязка к гиксосам или к какой-то определенной дате их истории — не более чем гипотеза.

Раскопки в Палестине и обнаруженные скарабеи позволяют изучить период наивысшего могущества гиксосов и события, которые последовали за ним. Все источники этого периода — иероглифические, а с учетом зоны распространения найденных скарабеев можно утверждать, что влияние гиксосов в Азии ограничивалось югом Палестины, точнее — югом Кармеля и Ездрелонской долины, а также внутренними землями (Weinstein, 1981b, 8–10).

Продолжающиеся раскопки М. Битака в Телль эд-Даба в Восточной Дельте (LA VI, 321–323; Kempinski, 1983, 148–151) предоставили нам сведения, дополняющие рассказ Манефона. Городище Телль эд-Даба неподалеку от Кантира — это и есть древний

Аварис, который гиксосы сделали своей столицей. Стратиграфия слоев дает вполне четкую картину различных культур, сменявших одна другую; рассказ Манефона и египетские тексты подтверждаются археологическими данными (Bietak, 1979a, 1984a, библиография, 471, примеч. 1; 1984b). В самых ранних слоях (H и G), датируемых, вероятнее всего, периодом XIII династии, обнаружены следы обитания в этих местах народа, обычаи которого были неизвестны египтянам, — возможно, это были сиро-палестинцы (средняя бронза, A 3). На уровне слоев F и E найдены следы значительных изменений. Здесь представлен другой народ, также относящийся к азиатской культуре; в священной зоне находятся два больших храма, планировка которых напоминает ханаанейскую. В слое E/2 найдены два лошадиных зуба. Слой D/2, похоже, является последним сиро-палестинским слоем культуры среднего бронзового века; население к этому времени уже было сильно «египтизировано». Затем жители внезапно оставили поселение, а гробницы оказались разграблены. Слой D/1 датируется приблизительно началом XVIII династии, и с этого времени место пустовало вплоть до правления Хоремхеба (Bietak, 1979a, 236–268). М. Битак полагает, что приход гиксосов совпадает по времени с началом слоя F, а слой D/2 относится ко времени захвата Авариса войсками фараона Яхмоса.

Недавно в Аварисе (Избет Хелми), в слое, который датируется временем, предшествующем приходу Яхмоса, были открыты росписи в минойском стиле. Это вновь ставит вопрос о составе группы гиксосов, которая имела прямые контакты с Критом и даже, возможно, насчитывала в своем составе критян. Другие следы присутствия критян обнаружены к северу от Ханаана, а возможно, и в Алалахе (Bietak, 1992).

XIV, XV И XVI ДИНАСТИИ

Термин «гиксос» встречается только в длинной выдержке из Манефона у Иосифа Флавия. В эпитомах Манефона они названы «пастухами» (ποιμενες). Манефоновская традиция здесь становится особенно запутанной. Юлий Африкан называет «пастухами» представителей XV, XVI и XVII династий.

Согласно текстам эпитоматоров Манефона, «XIV династия состояла из 76 царей из Ксоиса, которые царствовали сто восемьдесят четыре года». Ю. фон Бекерат (1964, 81–86) полагает, что между XIII и XV династиями нет места для XIV: это могла быть только параллельная династия, правившая в Дельте, так как местом ее происхождения Манефон называет Ксоис. Если считать, что во времена могущества XIII династии одновременно с ней править в Дельте никто не мог, то XIV династия не могла возникнуть одновременно с XIII. Однако исходя из того, что множество царей XIV династии правило в течение столь недолгого периода, выходит, что царствование каждого из них было еще более кратким, чем при XIII династии. Так как данные Туринского папируса почти полностью совпадают со сведениями Манефона, вполне возможно, что цари, названные в папирусе после XIII династии, представляют XIV. Колонки 8–10 Туринского списка сохранили около 60 имен или их фрагментов; общее число царей должно было превышать 70. После XIV династии в папирусе были перечислены цари XV —

гиксосы, но от них сохранились только продолжительность царствований, имя последнего царя (Хамуди) и общее число лет правления этих [*хекау*] *хасут*. Далее указывается несколько царей XVI династии (?). В колонке 11 перечислялись имена 15 царей XVII династии. Невозможно установить содержание остальной части этой колонки и всей 12 колонки, но в любом случае речь там идет не о XVIII династии.

Что касается XIV династии, то до недавнего времени нам были известны лишь несколько памятников одного царя, которого фон Бекерат вполне обоснованно считает родоначальником династии, — *Нехси* (Tur., 8, 1)[111]. Обнаруженные новые источники подтверждают его могущество. Мы знаем его первое имя — Аазехра. Все документы, относящиеся к правлению этого царя, происходят из западной части Дельты: Таниса, Телль эль-Мокдама, Бубастиса, Телль эд-Даба (Авариса) и Телль эль-Хебуа, в 60 км к западу от Телль эд-Даба (Bietak, 1984c, 59–75; Abd el-Maqsoud, 1983; Yoyotte, 1989b). В настоящее время известна стела еще одного царя этой династии, Мерджефара (Tur., 8, 5), посвященная богу Сопду-Хору-Сепеду (Yoyotte, 1989a). Ее изначальное местонахождение неизвестно, но центром культа бога Сопду был Сафт эль-Хенна, к западу от пелусийского рукава Нила, на высоте Вади Тумилат. Возможно, божество Сопду-Хору-Сепеду — «Владыка Востока» — первоначально было не египетским, а азиатским. Итак, памятники царей *Нехси* и Мерджефара сосредоточены в Восточной Дельте. Это все, что нам известно о XIV династии: о других 70 царях мы ничего не знаем. Но этого достаточно, чтобы поставить под сомнение «ксоисское» происхождение династии, о котором сообщают эпитоматоры Манефона.

Город Ксоис (Vernus, LÄ VI, 1302–1305), столица 6-го нома Нижнего Египта, находившийся в центре северной части Дельты, как исторический центр совершенно неприметен, и нет никаких оснований считать, что здесь находилась резиденция царей XIV династии. Как отметил П. Вернюс, фонетическое и графическое сходство названия города «*ḫ3sww*/*Xacyy*» с «*ḫ3st*/*xacem*» («чужая страна») вызвало путаницу и неверные толкования как у египтян, так и у египтологов. Д. Редфорд предположил, что в манефоновской традиции «ксоисской» может называться династия, которая, как и XV, была «гиксосской» (Redford, 1970, 21).

По мнению М. Битака (1984c), центром царства Аазехра *Нехси* был Телль эд-Даба/Аварис. Царь этот поклонялся Сетху из Авариса (самое ранее упоминание об этом городе и о Сетхе из Авариса встречается в надписи на статуе царя, найденной в Телль эль-Мокдам) и Сетху из Ра-аху (находившегося, вероятно, на восточном берегу Дельты)[112]. Время его правления, видимо, совпадает со слоями G и F раскопок в Телль эд-Даба, то есть с азиатской культурой Среднего бронзового века. Таким образом, *Нехси* должен был царствовать в этом регионе до прихода гиксосов. Его имя, *Нехси*, которое прежде всего наводит на мысль о нубийском происхождении, в ту эпоху было широко распространено среди египтян. Возможно, его уже переняли и азиаты (Nibbi, 1982a). Слои G и F в Телль эд-Даба, по мнению производившего раскопки исследователя, датируются примерно

[111] *Нехси* не был первым царем династии, так как на найденном в Танисе обелиске и на различных скарабеях он назван «сыном царя» (von Beckerath, 1964, 263 (3), (5)); XIV династия, по-видимому, начинается в последней строке 7-й колонки Туринского папируса, где и должно было стоять имя отца *Нехси*.

[112] Обелиск из Таниса, Bietak, 1984c, 59; о топониме Сетрое, образованном, возможно, от *stḫ-r3-3ḥw*/*Сетх из Ра-аху*: Id., 65–66 n. 35; Bietak, 1990.

1710–1660 годами до н. э. (Bietak, 1984a, 476). *Нехси* был сыном царя (Bietak, 1984c, 60; B. Schmitz, 1976, 214), а следовательно, не первым царем династии. Как мы уже видели, Мерджефара, 6-й царь династии, также был связан с Восточной Дельтой.

Но что делать с другими царями, которых, если верить Манефону, насчитывалось 74? Из-за этого немыслимого числа фараонов в манефоновской традиции царит полный хаос: Юлий Африкан говорит о 32 царях-пастухах XVI династии и 43 — XVII, к которой он причисляет еще 43 фиванских царей. Приемлемое объяснение предлагает Д. Редфорд (Redford, 1970, 17–19; Hayes, 1973a, 58): уклад жизни этих пришедших с запада народов и форма правления были феодальными или патриархальными, то есть у каждого царя имелось множество вассалов (подобная система существовала на Ближнем Востоке). От Манефона мы узнаем, что главные цари были «братьями», что подразумевает равенство между ними. Итак, многие из колонок Туринского папируса могли быть заполнены именами многочисленных вассалов, а утраченные в папирусе имена, возможно, сохранились на скарабеях (см. ниже, с. 178–179)[113].

Однако в Туринском папирусе одни лишь цари XV династии не названы *nswt-bjtj*/*несут-битu*, а единственное сохранившееся в нем имя, Хамуди, не обведено картушем. По мнению Редфорда, это может означать, что египетские летописцы считали царей XIV и XVI династии настоящими египетскими царями, и, как полагаю я, это достаточное доказательство того, что они не принадлежали к царям-пастухам. Последние между тем были вполне «египтизированы»: они использовали иероглифическое письмо, систему титулатур и картуши, но на их памятниках никогда не встречается титул *nswt-bjtj*/*несут-битu*[114], хотя они регулярно ставили эпитеты «прекрасный бог» перед первым картушем и «сын Солнца» — перед вторым. Удивляет и то, что на своих собственных памятниках они никогда не использовали титул *ḥḳ3 ḫ3swt*/*хека хасут*, если не считать цилиндрической печати царя Хиана, где его имя к тому же дано без картуша (von Beckerath, 1964, 272 (7–9); также см. ниже: с. 175, примеч. 124).

ВЕЛИКИЕ ГИКСОСЫ (XV ДИНАСТИЯ). Ок. 1634–1526 годов до н. э.

Основателя XV династии — по-видимому, избранного царем после вторжения в Египет — звали Салитис (**1**); эпитоматоры Манефона исказили его имя, каждый на свой лад. Этот царь перенес столицу из Мемфиса, где началось его царствование, в Аварис[115]. Очевидно, именно он назван Шареком в «Генеалогической таблице

[113] О XVI династии см.: von Beckerath, 1964, 137–138, 276–280; Handbuch, 1984, 79–80; Settgast, 1962, 50–53. О правлениях XIV–XVII династий в целом: von Beckerath, 1984f, 55–57.

[114] Впрочем, иногда он попадается в частных документах. См. палетку *jṯw*/Ичу, von Beckerath, 1964, 273 (5), и P. Rhind, там же (2).

[115] Он царствовал 19 лет. Общая продолжительность царствования шести (согласно манефоновской традиции) гиксосских царей составляет: по Иосифу Флавию — 259 лет и 10 месяцев, по Африкану — 284 года. Евсевий называет только четырех царей, причем относит их к XVII династии, правившей 103 года, что совпадает с указанным в Туринском папирусе общим сроком правления XV династии —

мемфисских жрецов» (Borchardt, 1935, 99, pl. 2) и Шеши — на многочисленных скарабеях[116], образцы которых найдены даже в Керме и на острове Саи[117]. Выдвигалось также предположение, что встречающееся на скарабеях имя Мааибра было первым именем Шеши, так как стиль, частотность и зона распространения этих скарабеев в точности соответствуют скарабеям Шеши[118].

О Бноне (или Беоне) из манефоновского списка (**2**) мы ничего не знаем. Но благодаря обширной серии скарабеев нам известен Мерусерра Йакобхер (Giveon, 1981; Ward, 1976, 358–359; Kempinski, 1983, 74–75. Находки эти столь значительны, что названный персонаж мог быть только одним из великих гиксосов, а стиль скарабеев настолько близок стилю скарабеев Шеши, что Меруссера должен быть не кем иным, как преемником Шеши на троне — тем более что о четырех следующих гиксосских царях мы осведомлены лучше. Возможно, именно он скрывается под именем Бнона, но происхождение этого странного имени нам неизвестно[119].

Апахнан (или Пахнан) из списка Манефона может соответствовать Сусеренра Хиану (**3**) исторических памятников. Свидетельства об этом царе обнаружены в самых далеких от Египта областях: в Кноссе найдена алебастровая крышка с его именем[120], в Богазкёе — фрагмент вазы из обсидиана (Stock, 1963, 73–80; Beran, 1963, 246 и fig.; Helck, № 74), в Багдаде — маленький лев[121]. Это ни в коем случае не означает, что власть царя распространялась так далеко[122]. В Аварисе найден фрагмент стелы с картушами царя и именем его старшего сына Иенсеса (Bietak, 1981). В самом Египте гранитный блок с его именами обнаружен в Гебелейне (Daressy, 1894, 42; Helck, № 71), очень далеко от Авариса, что, видимо, соответствует реальной протяженности гиксосских владений в то время. Ближе к столице, в Бубастисе[123], найдена узурпированная им статуя эпохи Среднего царства. Это правитель известен, кроме того, по многочисленным скарабеям и цилиндрическим печатям с картушами Сусеренра или Хиана, —

сто с небольшим лет. Возможно, это лишь случайное совпадение. Но единственное, на чем сходятся все источники, это продолжительность правления первого гиксоса, Салитиса, которая, по-видимому, указана верно.

[116] Stock, 1942, 25–26, 45, 64–67; Säve-Söderbergh, 1951, 62. — Шеши может быть уменьшительным именем царя. Такие случаи нередки — например, Амени от «Аменемхет», или Пепи и Сети, полные имена которых нам неизвестны.

[117] Säve-Söderbergh, 1956; Gratien, 1985, 98. — В Миргиссе: Vercoutter, 1970, I, 22; 1976, III, 277.

[118] Von Beckerath, 1964, 134–135; Kempinski, 1983, 66–69. — Ничто не мешает отождествить Шарека со Схаэнра, как делает Ю. фон Бекерат (1964, 134). Кроме того, он не считает, что Шарек — это Шеши.

[119] Семитское имя Йакобхер может быть транскрипцией имени Йакоб-эль (см.: von Beckerath, Ibid.), хотя Р. Гивеон (Giveon, 1981) отрицает эту версию, так как Йа'коб-эль, возможно, является топонимом. Один скарабей Йакобхера найден и в Керме. Использование этим царем варианта знака *wsr/усер* — голова Сетха, поставленная на две ноги, — характерного для надписей Хиана, сближает по времени этого царя с Мерусерра Йакобхером (см. ниже, с. 176).

[120] PM VII, 405, von Beckerath, 1964, 271 (5), Helck, № 72; Palmer, 1981 (выступает против учета этой находки при составлении критской хронологии); прорисовка надписи: Palmer, 1981, 109.

[121] Лондон, Британский музей 987 (340); von Beckerath, 1964, XV, 4 (4); PM VII, 396; Helck, № 74; Davies, 1981, 12, n. 1.

[122] Ward, 1963, 13–14; о невозможности использовния этих предметов для составления хронологии событий, происходивших в местах, где они были найдены, см.: Pomerance, 1973, 224.

[123] Каир CG 389; von Beckerath, 1964, p. 273 (2); Helck, № 70; царь здесь назван «любимым своим *ка*».

перед этим именем без картуша указан также титул *ḥḳ3 ḫ3swt/хека хасут*[124]. Некоторые (немногие) из этих предметов найдены в Палестине — в Гезере и чуть южнее, в Телль эс-Сафи (Weinstein, 1981b, 9, fig. 2, 3; Kempinski, 1983, 65–66, 75–76).

Преемником Хиана стал его старший сын Иенсес, имя которого очень похоже на имя Ианнас из списков Манефона (**4**); о нем мы больше ничего не знаем[125].

Следующий царь, Апопи (**5**)[126], — самый известный из гиксосских правителей и первый, царствование которого мы можем соотнести с фактами собственно египетской истории. Именно против него сражались цари Камос и Секененра Таа, судя по рассказу «О ссоре Апопи и Секененра», от которого, к сожалению, сохранилось только начало. Сегодня мы можем уверенно сказать, что Таа погиб в сражении с гиксосами. Известны три разных имени-картуша Апопи; само имя Апопи существует в двух написаниях. И все же нет оснований считать, что речь идет о трех разных царях. Согласно манефоновской традиции, был только один Апопи, правивший более сорока лет.

Опираясь на косвенные признаки, можно распределить во времени употребление трех этих титулатур. Папирус Ринда датирован «33-м годом, 4-м месяцем *ахет* царя Ааусерра, которому дана жизнь» (Helck, № 81). Дата «33-й год» может относиться только к царствованию, длившемуся, согласно Туринскому папирусу, сорок с небольшим лет[127]. Писец папируса Ринда назвал этого правителя «царем», употребив титул [*nswt*]-*bjtj/несут-бити,* который никогда не использовался гиксосами[128]. Царское имя Ааусерра известно наиболее широко[129], и на обнаруженных в Палестине скарабеях сохранилось только оно[130]. Этому имени соответствует имя Апопи, которое представлено как в краткой форме — *Jpp/Инен*, так и в пространной — *Jppj/Инену*. Краткая форма

---

[124] См. различные варианты в кн.: von Beckerath, 1964, 272 (7–13); к перечню следует добавить лезвие секиры из Британского музея, BM 66206, James, 1961b, 40; Helck, № 73. О Хиане и его скарабеях см.: Ward, 1976, 355–358.

[125] Такой порядок наследования указывается у Африкана; Флавий меняет местами Ианнаса и Апопи.

[126] Имя, по всей видимости, неегипетское, см.: Ward, 1976, 361. Об этом царе см. также: Kempinski, 1983, 59–64, 76–77.

[127] Следует ли принимать цифру «41», так как эпитоматоры Манефона (91) называют 61 год, а ошибки, связанные с числом 20, встречаются часто? См.: Helck, 1956, 62–64.

[128] Он встречается только в частных документах: в папирусе Ринда, на палетке чиновника Ичу (Берлин 7798; Helck, № 85). Титулом *несут* (без *бити*) названы Апопи в «Ссоре Апопи и Секененра» и Шарек в «Генеалогической таблице мемфисских жрецов»; следует упомянуть и «сестру царя» Тани на жертвенном стенде с именем Апопи (Berlin 22487, Helck, № 82; каменный фрагмент дверного косяка, найденный в Кантире, — Simpson, 1959b, 233–239; Helck, № 83). Титул *несут-бити* встречается и на вазе, найденной в Альмуньекаре в Испании (Padró, Molina, 1986), принадлежавшей, вероятно, «сестре царя Чаруджет». Необычное словосочетание «прекрасный царь» (*nswt nfr* / *несут нефер*) отмечено на скарабее Ааусерра (Hayes, 1959, II, 6, fig. 2).

[129] О титулах Ааусерра, см.: von Beckerath, 1964, 273. К этому следует добавить вазу из Альмуньекара (см. примеч. выше), на которой сохранился самый длинный текст того времени: «Прекрасный бог, владыка двух земель, мощь которого одерживает полные победы, — нет страны, свободной от рабского служения ему, царь Верхнего и Нижнего Египта Ааусерра сын Ра Апопи, которому дана жизнь, и царская сестра Чаруджет, которой дана жизнь». Вторая надпись на той же вазе: «Бог прекрасный Ааусерра, сын Ра Апопи. Царская сестра Чаруджет». В двух первых картушах форма знака *wsr*/*усер* — голова животного (бога Сетха) на двух ногах (см. ниже, с. 176). Эта же форма встречается на блоке из Гебелейна и на фрагменте вазы (von Beckerath, 1964, 273 (7); LdR II, p. 140, IV); она также употреблялась при Йакобхере и Хиане.

[130] Weinstein, 1981b, 9; четыре — в Телль эль-Аджжуле. Имя Апопи (*Jppj*) засвидетельствовано только на одном из скарабеев (из Лахиша).

имени, вместе с первым именем Небхепешра, употреблена и на бронзовом кинжале микенской работы, где стоит также семитское имя Нахман; кинжал этот был найден в гробнице Абду (еще одно семитское имя) в Саккара (von Beckerath, 1964, 275 (1); Helck, № 75). Краткая форма имени отмечена также на фрагменте кремниевой вазы[131]. Пространная форма имени[132] сочетается с первым именем Аакененра (von Beckerath, 1964, 274–275; Helck, № 76–81). Нельзя не отметить сходство этого имени с именем врага царя, Секененра Таа, погибшего в битве с ним, тогда как Апопи остался жив и впоследствии сражался с Камосом. Имя Хора этого царя, Схотептауи, сохранилось на двух фрагментах монументальной надписи в Бубастисе (von Beckerath, 1964, 274 (10); Helck, № 84) и на жертвеннике, посвященном Сетху из Авариса (Каир CG 23073; von Beckerath, 1964, 275 (4); Helck, № 76); это имя Хора один раз употреблено с именем Апопи (*jppj*) и один раз — с именем Аакененра. Именно картуши Аакененра Апопи высечены на двух статуях-колоссах царя Мермеша (von Beckerath, 1964, 274 (2), (1) = Helck, № 77), на безголовом сфинксе Сенусерта III[133] и на кинжале[134].

Последний хронологический указатель — форма знака *wsr*/*ycep*. Обычно этот знак имеет вид головы животного с двумя поднятыми ушами и толстой шеей и на двух длинных ногах — . Вполне вероятно, что он представляет голову Сетха[135]. Именно такая форма знака используется везде, где упоминается царское имя Хиана — Сусеренра (von Beckerath, 1964, XV 4). В имени Апопи — Ааусерра — знак, напротив, встречается лишь в исключительных случаях: он есть на блоке из Гебелейна[136], на фрагменте диоритовой вазы (Каир; von Beckerath, 1964, 273 (7)) и на секире из Британского музея с посвящением богу Себеку из Сумену. Эти особенности орфографии имени Хиана позволяют расположить во времени памятники Апопи с данным критерием. Однако эти памятники обнаружены в Верхнем Египте, а Манефон (согласно Флавию) уточняет, что гиксос Салитис обложил податями Верхний и Нижний Египет. Создается впечатление, что Салитис правил всей страной, а его преемники постепенно уступали территории. При Хиане и Апопи владения гиксосов простирались до Гебелейна[137]; при Камосе Апопи уже был вынужден отступить до Неферуси, находящемся примерно на высоте Бени Хасана (Kessler, LÄ IV, 383–385. Сражение, в котором погиб фараон Секененра, должно было состояться между Гебелейном и Неферуси. Гибель царя не означает, что египтяне проиграли сражение: тот факт, что тело царя осталось у египтян, говорит об обратном. Что, если после гибели Секененра Апопи взял себе имя, похожее на имя своего врага? Если так, то «Аакененра» — более позднее

---

[131] Британский музей 4498 B; von Beckerath, 1964, 275 (2); имя Небхепешра отмечено и на скарабее (Petrie, 1917, pl. XXII внизу).

[132] В «Ссоре Апопи и Секененра» имя Апопи оканчивается на *j*.

[133] Британский музей 1849; Davies, 1981, 12, n. 1; Goedicke, 1977a, 10–12, первое имя не сохранилось, но форма второго позволяет его восстановить.

[134] Dawson, 1925, по поводу текста, цитированного Ю. фон Бекератом (von Beckerath, 1964, 275 (6)).

[135] James, 1961b, установил, что такая же голова Сетха изображена на лезвии секиры из Британского музея. Соответствие этого иероглифа традиционному знаку *wsr*/*ycep* подтверждается упоминаниями царского имени в других источниках. См. ниже, с. 174, примеч. 119.

[136] Каир JE 29238; Daressy, 1892, 26 (XXV); von Beckerath, 1964, 273 (3); Helck, № 79.

[137] О присутствии гиксосов на юге Египта см.: Giveon, 1983a, особенно с. 160–161, — по поводу систра, якобы подаренного царем Апопи храму в Дендере. Блоки с именами Хиана и Апопи, найденные в Гебелейне, не были, по всей видимости, привезены из других мест; см.: Helck, 1971, 107, n. 3.

имя, чем «Ааусерра», и появляется оно на 33-м году его правления[138]. В последние годы царствования он, возможно, взял имя, похожее на имя врага, и пожелал увековечить свою славу и свое могущество, возводя новые постройки и присваивая памятники прошлого. Так как первое имя Небхепешра сопровождает краткую форму имени Апопи (*jpp*), то хронологически, вероятно, следует расположить это редкое сочетание имен между двумя другими или же перед ними. В подобной смене имен нет ничего необычного, если учесть продолжительность царствования Апопи. В Туринском папирусе указание на сорокалетнее царствование может, как уже было сказано, относиться только к этому царю, и только к нему можно отнести дату «33-й год», упомянутую в папирусе Ринда.

Апопи никогда не говорит о себе как о «гиксосе»: он назван так на 2-й стеле Камоса. Еще одна отличительная особенность: Апопи повелел высечь изображение бога Сетха перед своей титулатурой на колоссах Мермеша (von Beckerath, 1964, 274 (1) (2)) и на четырех гривастых сфинксах Аменемхета III (von Beckerath, 1964, 275 (3); изображение сохранилось только на одном из них). Титулатура заканчивается на *mrj/мери*, то есть Апопи называет себя «любимым богом Сетхом», но самому богу почтительно отводит первое место в титулатуре — случай совершенно исключительный. Несмотря на это, к концу царствования у Апопи появляется и имя Хора — Схотептауи, — что связано, возможно, не с особым почитанием этого бога, а с тем фактом, что данное имя являлось важным элементом титулатуры фараона. В рассказе «Ссора Апопи и Секененра» (Brunner, LÄ I, 353–354) говорится: «Царь Апопи ж. н. з. сделал Сутеха [то есть Сетха] своим господином, и он не служил ни одному из богов, которые были в стране Сутеха. Он возвел (ему) прекрасный и вечный храм рядом с дворцом царя Апопи ж. н. з.».

Как развивались отношения между гиксосами и египтянами, сказать трудно. Мумия царя Секененра Таа была найдена с проломленным черепом, и это служит подтверждением рассказу Манефона: «Затем цари Фиваиды и остальной Египет восстали против пастухов, и разразилась между ними война, долгая и страшная». «Ссора между Апопи и Секененра» вполне правдоподобно описывает ситуацию, сложившуюся к началу войны. Апопи представлен здесь как царь (*nswt*/*несут*) со всеми полагающимися фараону титулами и эпитетами (его имя непременно сопровождается пожеланием «жизни, здоровья, силы»). Секененра, напротив, является всего лишь «главой (*wr*/*ур*) Южного города», то есть предпоследний царь XVII династии был местным князем в должности губернатора (*ḥḳ3*/*хека*). Итак, события описываются с гиксосской точки зрения. Апопи посылает письмо «провокационного» характера: шумные гиппопотамы в Фивах якобы мешают спать гиксосу, находящемуся в Аварисе, — смысл этого странного сообщения остается загадкой (см. ниже, с. 190). Но прием, оказанный в Фивах посланнику гиксосского правителя, и поведение самого посланника, кажется, соответствовали всем нормам приличия.

Двойственный характер отношений между гиксосами и египтянами подтверждается и тем, что на многих памятниках имена трех разных принцесс указаны вместе с картушами Апопи. На найденном в Аварисе (Телль эд-Даба) дверном косяке после картуша царя, имя которого не сохранилось, отмечено имя «сестры царя» Тани

[138] Камос именует Апопи «Ааусерра» на своей второй стеле (с. 20); см. ниже, с. 192.

в картуше. На подставке для жертвенника ее имя, на этот раз без картуша, следует за картушем Апопи (*jppj*). Обе надписи заканчиваются, очевидно, азиатским именем чиновника — соответственно Апопи и Апер-[…] (Simpson, 1959b, тексты воспроизведены в Helck, № 83 и 82). Имя «сестры царя» Чаруджет, без картуша, отмечено в конце надписи с именем Апопи на вазе из Альмуньекара; имена царя здесь — Ааусерра Апопи (*jppj*) (см. выше, с. 174, примеч. 120, 121). Наконец, имя «дочери царя» Херти в картуше следует за картушами «прекрасного бога Ааусерра, сына Ра Апопи (*jpp*)» на фрагменте вазы, обнаруженной в Дра Абу-н-Нага в гробнице, приписываемой Аменхотепу I[139]. Эти четыре текста несколько озадачивают: были ли царевны гиксосскими или фиванскими и если фиванскими, то как они оказались связанными с Апопи — по доброй воле или насильно? Это дочь и сестры царя (*nswt*/*несут*), но данный титул, если не считать частных документов, отсутствует в официальной титулатуре Апопи: следовательно, царевны должны быть фиванскими. Однако на найденной в Испании вазе гиксос, как и в частных документах, называется «царем Верхнего и Нижнего Египта». Возможно, надпись на вазе сделана от имени царевны (Чаруджет могла быть сестрой Апопи). Что касается царевны Тани, то У. К. Симпсон отметил сходство в написании ее имени и имени царя XVII династии Таа, современника Апопи. Фрагмент же вазы с картушем «дочери царя» Херти и картушами (нетронутыми!) Апопи был обнаружен в фиванской — вероятно, царской — гробнице. Ни одна из принцесс не названа «супругой царя». Было б ли такое возможным, будь они были женами Апопи (например, в результате дипломатических браков)? Не исключено, что фараонам, власть которых ослабла, пришлось отдать победителю египетских принцесс — хотя, как сказано в текстах конца XVIII династии, это претило им в высшей степени (Zaccagnini, 1985, 593–594). Анализ имен собственных не помогает ответить на вопрос о происхождении принцесс, так как они могли сменить имена. Однако если царевны происходили из Фив, их присутствие при гиксосском дворе является скорее еще одним доказательством зависимого положения фараонов, чем знаком добрых «семейных» отношений (Schulman, 1979, 181–182, 187).

Последним из гиксосов и единственным, чье имя сохранилось в Туринском папирусе (10, 20) (и только там), был Хамуди (6)[140]. Именно с ним сражался Яхмос, который в конце концов отвоевал египетские земли у захватчиков.

Помимо вышеперечисленных шести гиксосов — единственных, заслуживающих этого именования — нам известно большое количество имен, засвидетельствованных только на скарабеях и цилиндрических печатях, которые надежно датируются по стилистическим критериям. Как правило, это тронные имена; принадлежат они, возможно, царям, о которых мы не знаем ничего, кроме второго имени. Более того, чтобы лучше представить себе трудности, связанные с хронологической привязкой этих источников, напомним, что из пятидесяти царских имен XIV династии, названных в Туринском папирусе (большинство из них — тронные имена, оканчивающееся на «Ра»), только два подтверждены другими источниками. Еще двадцать имен утрачены, и, кроме того, неопределенное число правителей относится, согласно Манефону, к XVI ди-

[139] Carter, 1916, 147–154; Hayes, 1959, II, 6–7. — Судя по фотографии, опубликованной У. К. Хейсом, под картушами есть следы уничтоженного текста.

[140] Этого имени, кажется, нет на цилиндрической печати в Лондоне (UG; von Beckerath, 1964, 276, XV, 6 (2); Ward, 1976, 362–363); об этом имени см. также: Maeir, 1989.

настии. Ю. фон Бекерат относит к ней имена, известные только по скарабеям, — за исключением Секета, единственного, чье имя можно прочитать в тексте Туринского папируса (10, 25). Возможно, все эти имена еще обретут свое место в исторической хронологии Древнего Египта[141].

Благодаря скарабеям нам известны имена не только царей, но и высокопоставленных особ того времени. Самый знаменитый из них (по числу скарабеев) — казначей царя Нижнего Египта Хар, служивший при Шеши или Хиане; его скарабеи найдены в Газе и Керме[142]. Свидетельств о визирях при гиксосах не обнаружено; по видимому, должность казначея в то время являлась самой высокой.

Сведений об истории азиатских владений гиксосов у нас пока нет. К сожалению, археологам трудно определить, какие именно из культурных слоев соответствуют данному историческому периоду[143]. Остается лишь ждать.

[141] Ward, 1976, 353–369: отождествляет Хаусерра и Аама; см. также: Giveon, 1985, index, 197–198. Обширная библиография, посвященная скарабеям, продолжает пополняться по мере продвижения археологических работ, см.: Ward, 1965; Giveon, 1974, 1976, 1980b, 1988.

[142] Об этом и других чиновниках того же ранга см.: Hayes, 1973a, 60; Ward, 1975–1976, 4; см. также: Goedicke, 1977a: о тексте, в котором автор исследования увидел запись о Харе.

[143] См, например: M. Dothan, 1975; опыт синтеза данных: Kempinski, 1983.

Глава V
XVII ДИНАСТИЯ. Ок. 1634–1543 годов до н. э.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Мы знаем, что после начала войны между гиксосами и фиванскими царями с гиксосом Апопи сражались сначала Секененра, а затем Камос. В Туринском папирусе эти имена не сохранились. Сведения же от эпитоматоров Манефона запутаны как никогда, и мы не можем полагаться на них даже в том, что касается порядкового номера XVII династии, так как у Африкана и Евсевия под этим номером стоят совершенно разные династии. Ни один из них не указывает ни имен, ни числа царей — последние лишь называются согласно своему происхождению: «Пастухи» и «Фиванцы».

Памятники Нового царства, главным образом те, что относятся к эпохе Рамессидов, сохранили списки царственных особ (Redford, 1986a, 40–56). Однако содержание списков варьирует: как правило, они содержат имена царей и цариц XVIII династии, но в некоторых из них помимо далеких предшественников Яхмоса — таких, как Снофру, Небхепетра Ментухотеп или Сенусерт I — встречаются и его непосредственные предшественники. Это списки из гробниц Хабехента (TT 2, PM I,

7 (10)) и Анхурхау (TT 359, PM I, 422 (4)), а также на жертвеннике Кен(-хорхепешефа) (Marseille 204, PM I, 743). В них указан такой порядок наследования: Секененра, Камос, Яхмос. Кроме того, назван еще один царь, которого звали то ли Снахтенра (на жертвеннике Кена), то ли Схентенра (в гробнице Хабехента).

Когда в конце правления XX династии царские гробницы оказались под угрозой разграбления, специальная комиссия проверила состояние некоторых из них. В отчете комиссии, сохранившемся в папирусе Эбботт, перечисляются гробницы Джосеркара Аменхотепа (I), Интефа-Аа (то есть Уаханха Интефа II), Небухеперра Интефа, Сехемра-Упмаата Интефа-Аа, Сехемра-Шедтауи Себекемсафа, Секененра Таа, названного дважды (Vandersleyen, 1983a), Уаджхеперра Камоса, Яхмоса Сапаира и Небхепетра Ментухотепа. Если оставить в стороне гробницы Аменхотепа I, местонахождение которых остается предметом дискуссий, двух царей Среднего царства и не царствовавшего царевича Яхмоса Сапаира, мы получаем пять царских имен, два из которых — Секененра Таа и Камос. Итак, нам предстоит разобраться с тремя остальными царями. Обнаружены саркофаги двух из них — Сехемра-Упмаат Интефа и Небухеперра Интефа (третий царь — Сехемра-Шедтауи Себекемсаф). В XIX веке в Дра Абу-н-Нага была найдена и гробница Небухеперра; раскопки свидетельствуют о том, что здесь находился царский некрополь XVII династии — скромные гробницы, над которыми некогда возвышались небольшие кирпичные пирамиды. Вполне возможно, что гробницы (от Интефа II до Ментухотепа II), исследованные комиссией, располагались недалеко друг от друга в Дра Абу-н-Нага, где одна из них и была обнаружена[144]. Одно из названных в отчете имен встречается и в Туринском папирусе (11, 9) в форме Сехемра-Шедуасет, что может являться вариантом имени Сехемра-Шедтауи. То, что в этой части папируса речь идет о царях XVII династии, подтверждается упоминанием двух царей с именем Небириаура, которое заставляет вспомнить о Небирирау с карнакской «Юридической стелы». Судя по тексту стелы, этот Небирирау может быть только царем, правившим между XIII и XVIII династиями. Но лакуны в тексте Туринского папируса ставят перед нами серьезные вопросы: сколько царей относилось к XVII династии и в каком порядке наследовали трон те, от которых остались памятники, но чьи имена не сохранились в Туринском папирусе? Иногда в тексте папируса продолжительность царствования не только обозначена цифрами, но и сопровождается формулой: «он правил» столько-то лет. Эту формулу мы видим, например, в конце 10-й колонки 30-й строки. Ю. фон Бекерат полагает, что таким образом в тексте обозначается начало династии (другие толкования: Malek, 1982; Redford, 1986a, 7–10); так как через пятнадцать строк указано общее число лет правления пяти царей, исследователь предположил, что «пять» — это ошибка и царей должно быть «пятнадцать». У. К. Хейс сопоставил цифру «5» с числом царей (пять) XVI династии, указанным Евсевием (Hayes, 1973a, 65, 70–71). Оба толкования еще требуют подтверждения, но гипотеза, согласно которой династия насчитывала 15 царей, не противоречит данным источников.

Некоторые сведения о порядке правления царей содержит Туринский папирус. Согласно гипотезе Ю. фон Бекерата, первый царь XVII династии указан в 30-й строке 10-й колонки, но его имя не сохранилось. В 11-й колонке, в трех первых строках, один за другим следуют цари, картуш первого имени которых начинается с «Сехемра»;

[144] Об этом некрополе см.: PM I, 2, 600–605; Winlock, 1924, 217–277; Dewachter, 1985b, 43–66.

первый царь правил три года, второй — шестнадцать, третий — один год. В картуше третьего еще можно прочитать «*S*», то есть начало имени, которое, присоединяясь к «Сехемра», образовывало тронное имя царя. Затем следуют Санхенра (11, 4), царствовавший один год; Небириаура (11, 6) — девятнадцать лет; второй Небириаура (11, 6); Сменра (11, 7); Сусеренра (11, 8); Сехемра-Шедуасет (11, 9). Далее идет лакуна, на месте которой было пять имен, два из которых (11, 10 и 12) содержали имя бога Ра. Имена в 13-й и 14-й строках не сохранились.

Если составлять список царей, опираясь на другие источники, то следует отметить, что всего известно одиннадцать царских имен, начинающихся с «Сехемра». Из них двое, Себекхотеп II и Себекхотеп III, совершенно точно относятся к XIII династии, а двое других, Рахотеп и Себекемсаф I, — с большой долей вероятности. Итак, остается семь кандидатов на роль трех искомых царей XVII династии.

Здесь мы сталкиваемся с еще одной досадной помехой: время правления царей, засвидетельствованных многочисленными памятниками (например, Небухеперра Интефа), остается предметом дискуссий. Серьезные расхождения во мнениях подчеркивают отсутствие каких-либо надежных критериев. Герберт Уинлок, первым изучавший этот вопрос, предположил, что гробницы, состояние которых проверяла комиссия, предположительно строились одна за другой — с севера на юг (как, например, заупокойные храмы XVIII династии). Но в этой теории все сомнительно; к тому же в отчете комиссии названы только те гробницы, которые следовало проверить, и ничего не сказано о тех, что проверке не подлежали. Нет смысла объяснять, почему Уинлок считает Небухеперра Интефа четвертым царем (из 10), Гардинер — пятым (из 11), У. К. Хейс — двенадцатым (из 16), а фон Бекерат — первым (из 15).

При чтении глубокого исследования Ю. фон Бекерата, посвященного хронологии царей XVII династии (von Beckerath, 1964, 165–169) — в нем автор опирается на изыскания Г. Уинлока и Х. Штока, — создается впечатление, что, за исключением семи царей, чьи имена или фрагменты имен сохранились в Туринском папирусе, последовательность правления других, а порой даже их принадлежность к XVII, а не к любой другой династии II Переходного периода, остается под вопросом. Мы знаем наверняка лишь то, что Секененра и Камос были последними царями династии; не исключено, что их имена занимали 13-ю и 14-ю строки 11-й колонки, но доказать это уже невозможно[145].

ЦАРИ

Итак, имена царей, очередность правления которых нам известна, следуют друг за другом в 11-й колонке, с 3-й по 9-ю строки. Имя в 3-й строке — Сехемра, вторая часть его тронного имени начиналась на *S*. В данном случае подходят несколько Сехемра: Санхтауи Неферхотеп III, Суаджтауи Себекхотеп III, Сусертауи Себекхотеп VIII

[145] Хельк в книге «Историко-биографические тексты II Переходного периода» (Helck, 1975) строит свою хронологию, прямо исходя из сохранившихся в Туринском списке данных о XVII династии. Он перечисляет и публикует памятники семи царей: Рахотепа, Себекемсафа I, Ментухотеп(и), Небирирау I, Себекемсафа II, Небухеперра Интефа и Камоса.

и Сментауи Джехути. Из них к XIII династии с полной очевидностью принадлежал Себекхотеп III. Что касается трех других, определенно утверждать о них что-либо нельзя. О Себекхотепе VIII мы знаем лишь то, что он установил стелу в Карнаке, но когда именно — неизвестно. Что касается Джехути, то он был связан с одной из могущественных семей времен правления XIII династии. Неферхотеп III оставил стелу в Карнаке, очень похожую на ту, что оставил там же царь Ментухотепи. Тронным именем последнего было, вероятно, Санхенра, указанное в следующей строке Туринского папируса (11, 4).

Паскаль Вернюс обратил внимание на сходство стелы Ментухотепа со стелой Сехемра-Санхтауи Неферхотепа (III) Ихернеферта (4): вполне вероятно, что они разделены небольшим временным промежутком. Но мы не знаем, на каком именно отрезке II Переходного периода правил Неферхотеп III, обычно относимый к XIII династии: возможно, его следует отождествить с Сехемра, упомянутым в строке 11, 2 Туринского папируса. Этот Неферхотеп (III) (von Beckerath, LÄ IV, 375) известен по трем надписям: на блоке из Эль-Каба (Capart, 1938, 625 и n. 1), на фрагменте стелы из Гебелейна (Helck, № 60) и на стеле из Карнака (Каир JE 59635; Helck, № 62; Vernus, 1982). На своде этой стелы царь изображен в короне *псхент* и Монту представляет его богу Амону; по обеим сторонам от этой группы спиной к ней изображена богиня Фив с оружием в руках. Текст стелы содержит восхваление в адрес царя. Мы узнаем, что Фивы избежали страшной гибели: несмотря на отсутствие снабжения, царь вышел из этой битвы победителем. Городу угрожали чужеземцы и мятежники, но что это были за племена и идет ли речь о гиксосах, установить невозможно. На своде стелы царь носит имя Неферхотеп, а в начале обращения он назван Ихернефертом[146]. При сравнении текстов на этой стеле и на стеле Ментухотепа оказывается, что в них употребляется один и тот же эпитет города Фивы — «победоносный».

За Неферхотепом III следовал Санхенра (Tur. 11, 4)[147], получивший при рождении имя Ментухотепи (**5**) (Vernus, 1989b; von Beckerath, LÄ IV, 70) и правивший, согласно Туринскому папирусу, чуть более года. Два больших одинаковых сфинкса из Эдфу, одинаково безобразных и, видимо, изваянных в одно и то же время, носят имена царей: один — Санхенра, второй — Ментухотепи (Каир JE 48875; Davies, № 52 и 48874, Davies, № 51; Helck, № 97). Таким образом, между этими именами существовала связь. Фрагмент стелы этого царя был обнаружен на третьем пилоне в Карнаке (опубликован П. Вернюсом). Это явно не победная стела, но в тексте говорится о событиях военного характера, и звучит он торжественно. Памятник отражает тяжелую ситуацию, в которой оказались фараоны в период гиксосского нашествия. Царь называет себя «любимым своей армией, чья власть сильна; решения которого живы» и продолжает: «Я царь в Фивах, это мой город, господин всей страны, город, более победоносный, …

[146] На этой стеле впервые появляется слово для обозначения короны *ḫprš/хепреш*, но детерминатив к нему — не «синяя корона», а головной убор *ḫ3t/хат*: W. V. Davies, 1982.

[147] А. Х. Гардинер (Gardiner, 1959) давал чтение «Суадженра», Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1964, 287, doc. (2)) — «Санхенра»; последний полагал, что это же имя указано в «Зале Предков», считая записанную там форму «Снеференра» (K VIII, 2) ошибкой. Дауценберг (Dautzenberg, 1992b), напротив, предлагает чтение «Снеферибра» для имени в Туринском папирусе (11, 4) и для имени в «Зале Предков»: по его мнению, речь идет о Сенусерте IV (Handbuch, 72, XIIIg). Что касается Ментухотепи, то его этот исследователь относит к XIII династии.

чем любой другой»; далее речь идет также о подчинении всех соседей и о «крепостях, из которых (его) армия появлялась внезапно, как огонь … при порыве ветра» (там же). Возведение стелы было поручено казначею царя Нижнего Египта, царскому сыну (?) Ментуусеру. Как отмечает Вернюс, царь, владения которого были ограничены Фивами, таким образом давал сводку имевшихся у него средств обороны.

За Ментухотепи следуют два Небирирау (Tur. 11, 5 и 6). Хотя первый из них (6), Суадженра Небирирау I, царствовал девятнадцать лет[148] и изображен в «Зале Предков» (VIII, 3), а второй правил всего несколько месяцев (von Beckerath, LÄ IV, 364–365), о первом мы знаем ненамного больше, чем о втором. Все имеющиеся у нас данные о нем, в том числе полная титулатура царя[149], содержатся в тексте «Юридической стелы» из Карнака (Каир JE 52453, Lacau, 1949; Helck, № 98; перевод: Théodoridès, 1962). Стела датирована 1-м годом, последним днем 4-го месяца *ахет*. О самом царе она ничего не сообщает, но содержит любопытные сведения об общественной жизни того времени. Текст содержит два судебных акта, касающихся тяжбы между двумя членами одной семьи. Один из них, губернатор Кебси, продает свою наследную должность губернатора Эль-Каба царскому сыну, казначею царя Нижнего Египта Себекнахту. Эту должность Кебси получил от дяди, визиря Эйе, который занял ее на первом году царствования Мерхотепра Себекхотепа VI Ини (XIII династия)[150].

Небирирау II (7) упоминается только в Туринском папирусе[151]. Картуш его наследника Сменра (11, 7) (8), правившего не менее года, отмечен на секире (UC 30079; Davies, 1981b, 177–178). Сусеренра (11, 8) (9) царствовал двенадцать лет[152]: очевидно, именно его стела с именами Сусеренра Бебианх была обнаружена в Гебель Зейт[153].

Далее в Туринском папирусе идет имя Сехемра-Шедуасета (11, 9), правившего шестнадцать лет. «Шедуасет» означает «спаситель Фив». Именно этот царь фигурирует

---

[148] А. Х. Гардинер сначала предлагал читать «29 лет»; см. выше, с. 150, примеч. 54.

[149] Его имя встречается также на бронзовом кинжале, на нескольких скарабеях и на постаменте с именами древних правителей одного загадочного памятника Позднего царства — статуэтке бога Гарпократа, см.: von Beckerath, 1964, 288–289 (4) (5) (6).

[150] См. выше, с. 150. Естественно, встает вопрос: какой временной промежуток разделяет правления этих двух царей? У. К. Хейс (Hayes, 1973a, 70), полагает, что между Небирирау I и Мерхотепра прошло не более трех поколений, однако Мерхотепра — 26-й из более чем 50 царей XIII династии, а Небирирау — возможно, 6-й царь XVII династии. Слово «отец», может быть, следует понимать просто как «предок».

[151] Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1964, 289 и LÄ IV 364) относит к его правлению «ложе Осириса», найденное возле «гробницы бога» в Абидосе, надписи на котором сильно повреждены (см.: Daressy, 1900b, 138–140); сегодня этот памятник датируют правлением Хенджера (Handbuch 69, № 17). Найденная в Миргиссе ваза носит картуш Неферкара (Vercoutter, 1976a, III, 285–286); Ж. Веркутер предположил, что это картуш Небирирау II, но не исключил, что это может быть и картуш Пепи II.

[152] В Туринском папирусе за указанием числа лет следует слово *wsf/усеф*, обозначающее, вероятнее всего, «пропуск, пробел», из-за которого у нас нет сведений о числе месяцев и дней царствования; см.: Redford, 1986a, 14.

[153] Castel, Soukiassian, 1985, 291–292; это может быть и Бебианх, которого Ю. фон Бекерат относит к XVI династии (Handbuch 79, 16d). Указанное в «Зале Предков» имя Усеренра (У. К. Хейс и Ю. фон Бекерат считают, что это Сусеренра с пропущенным по ошибке начальным «с») не обязательно принадлежало именно этому царю. В 16-й и 17-й строках 11-й колонки Туринского папируса названы два царя, чьи имена начинаются на *wsr-/усер-*, но мы не знаем, к какой династии они принадлежали.

в «Зале Предков» и на других памятниках под именем Шедтауи, «спаситель двух земель»[154]; при рождении ему было дано имя Себекемсаф (II) (10). Своей широкой известностью по сравнению с другими царями XVII династии он обязан тем, что именно его гробницу назначенная при Рамессидах следственная комиссия нашла разграбленной (P. Abbott, 3, 1–5). Подробные признания виновных, образующие целое повествование, дают бесценные сведения о царском погребении. Мы узнаем, что супруга царя, царица Небухаэс, была похоронена в той же гробнице; грабители подожгли мумии владык, содрав с них все ценные вещи, и забрали предметы из погребальной утвари[155]. Из этих предметов сохранились сердечный скарабей (Британский музей 211) и ящик для каноп (Лейденский музей)[156]. Больше всего в рассказе грабителей поражает то, что, несмотря на трудные времена, гробница была очень богатой. Другие источники сведений об этом царе[157] не сообщают ничего конкретного — можно отметить лишь то, что царя побывал в Абидосе, где обнаружен фрагмент его надписи (Petrie, 1903, II, 32, № 5). Для данной династии это последнее имя, сохранившееся в Туринском папирусе.

Остается определить место трех Интефов внутри династии. Сохранились саркофаги[158] каждого из них, но только на одном помимо имени Интеф указано и первое имя — Сехемра-Херухормаат (Лувр E 3020; PM I, 603). Однако этот саркофаг является частным памятником плохого качества, а картуши на нем нарисованы чернилами. Картуш первого имени начертан поверх нижней части большого ожерелья; имя Интеф вставлено в вертикальный текст погребальной формулы. К счастью, существуют графические варианты имени Интеф, по которым можно определить, кому из двух других Интефов принадлежали два оставшихся саркофага. В имени Небухеперра Интефа за знаком с чтением *in* следует *i*. Подобное написание засвидетельствовано на многих памятниках царя[159], и поэтому именно ему приписывают хранящийся в Лондоне саркофаг, на котором отмечено имя в такой орфографии (Британский музей 6652, PM I, 602; von Beckerath, 1964, 282 (14)). Последнему Интефу, названному в папирусе Эбботт Сехемра-Упмаат, соответственно принадлежит другой саркофаг, хранящийся в Лувре (Лувр E 3019). Имя этого Интефа написано без *i*, но с добавлением в конце *ꜥ3/aa*, то есть «большой» или «старший»; этот эпитет отмечен на его саркофаге, в папирусе Эбботт (II, 16), на пирамидионе (Британский музей 478, PM I, 603) и на ящике для каноп (Лувр N 491, PM I, 603). Больше о царе Интефе-Аа свидетельств не сохранилось. Короткий текст на его саркофаге сообщает о том, что саркофаг был «подарен ему его

[154] У. К. Хейс (Hayes, 1973a, 69 и n. 13) полагает, что речь идет о двух разных царях. Топоним Фивы (*w3st/yacem*) служил для обозначения всего Египта — в частности, на стеле Тутмоса I из Томбоса (Urk. IV, 83, 3).

[155] P. Leopold II II, 5–6; P. Ambras II, 7; тексты см.: von Beckerath, 1964, 291 (6) (7) (8).

[156] Vandersleyen, 1993c, 190.

[157] Коническая стела (Британский музей 1163, HT IV, 18–21, Helck, № 99; по У. К. Хейсу, «маленький обелиск») писца храма Себекхотепа, сына писца храма Себекхотепа, и его жены, «украшения царя» Иухетиб; фрагмент наоса MMA 25329, Winlock, 1924, 242; Helck, № 100. Несколько памятников, содержащих только имя Себекемсаф, могут принадлежать любому из царей, носивших это имя: две статуи из Карнака (см. выше, с. 155 и примеч. 82); фрагмент стелы (Нью Йорк, MMA); граффито из Вади Шатт эр-Ригал.

[158] О том, как были найдены эти саркофаги, см.: Winlock, 1924; Dewachter, 1985b.

[159] В папирусе Эбботт (Рамессидская эпоха) *i* в имени Интеф отсутствует.

братом царем Интефом, возлюбленным Осирисом навеки»; после *in* в имени Интефа-брата следует *i*. К сожалению, подобное написание может указывать как на Небухеперра, так и на Сехемра-Херухормаата. Считается, что именно последний из них занимался похоронами брата, названного «старшим»; единственный же аргумент в пользу Небухеперра состоит в том, что оба саркофага, Упамаата и Херухормаата, были обнаружены в начале XIX века в одной гробнице (или в одном тайнике). Их первые имена действительно созданы по одной модели — начинаются с Сехемра и оканчиваются на Маат, но этот ономастический довод не доказывает наличия прямой связи между этими царями.

Даже если мы отнесем к одному времени Сехемра-Упмаата и Сехемра-Херухормаата Интефа, будет невозможно определить, предшествовали ли они царям, известным по Туринскому папирусу, или правили после них. В Туринском папирусе два царя (11, 1, 2) носят имя, начинающееся с Сехемра, но это не означает, что здесь стояли имена именно этих двух Интефов. Чтобы определить, какие из этих Интефов были братьями и куда следует поместить их имена — до или после имен царей, сохранившихся в Туринском папирусе, никаких надежных критериев нет — мы можем выделить только косвенные признаки. Небухеперра Интеф повелел изготовить для себя великолепный саркофаг, превосходящий по мастерству выполнения саркофаг Сехемра-Упмаата Интефа. Качество выполнения и стиль двух саркофагов очень похожи: это наводит на мысль о том, что именно Небухеперра Интеф был тем младшим братом, по распоряжению которого был создан саркофаг для старшего Упмаата, а не Херухормаат — обладатель скверно выполненного, даже непозолоченного, саркофага. Кроме того, два этих саркофага можно сопоставить с саркофагами Секененра и царицы Яххотеп I, поздних представителей династии. Итак, именно Себекемсафа II следует считать тем царем, после которого правили эти два Интефа, ибо при них в египетском искусстве вновь наблюдается подъем. Действительно, «перемещение» Себекемсафа I в список царей XIII династии лишает XVII династию единственных относимых к ее времени скульптур высокого качества. Отныне сфера искусства в период правления этой династии представляет собой настоящую пустыню, что неудивительно для страдавшей от чужеземного господства страны, побежденные цари которой не имели ни желания, ни средств для сооружения построек и создания скульптур. Первые заслуживающие внимания произведения появляются к концу правления династии, — это четыре позолоченных саркофага. Что касается Сехемра Херухормаата, обладателя столь грубого саркофага, то он, видимо, был одним из трех первых царей династии. С учетом великолепного качества саркофага царицы Яххотеп I, а также косвенных признаков можно допустить, что она была супругой Сехемра-Упмаата Интефа (**11**). Этот царь известен нам лишь по надписи на его пирамидионе: мать Сехемра-Упмаата Интефа была «великой царской женой», носившей титул *хнемет-нефер-хеджет*, но имя ее не сохранилось. Не она ли была супругой Себекемсафа II — уже известной нам Небухаэс? Тогда два последних Интефа, возможно, являлись прямыми потомками этого царя.

Косвенные свидетельства позволяют отнести царствование Небухеперра Интефа (12) к самому концу правления XVII династии. Мы уже отмечали качество его саркофага, сравнимого с качеством саркофагов Секененра и царицы Яххотеп I. Его первое имя, Небухеперра, похоже на имя Камоса — Уаджхеперра. Добавим, что именно

на стеле Яхнефера, датированной его царствованием[160], впервые появляется особая форма знака луны — полумесяц с загнутыми вверх рогами и шаром посередине; эта форма станет обязательной для использования в надписях и перестанет употребляться лишь при Яхмосе[161]. Наиболее точная хронологическая привязка содержится в декрете из Коптоса, изданном на 3-м году правления Небухеперра[162]. Обращаясь к властям города Коптоса, царь сообщает о том, что отстраняет от должности некоего вельможу — Тети, сына Минхотепа, — лишает его всего имущества, благ и денежных средств в храме бога Мина и проклинает его память во веки веков[163]. Какое именно преступление совершил Тети, не поясняется, но донесли на него служители храма Мина: видимо, Тети предоставлял храм для собраний противников фараона (строка 5). Несмотря на крайне сдержанный тон текста, ясно, что речь идет о государственном деле высочайшей важности: декрет заканчивается грозным предупреждением всякому, кто помыслит заключить какую-либо сделку с опальным чиновником, будь то царевичи, которым будет заказана дорога к трону, или же представители знати, которые будут лишены имущества и отстранены от должностей (в храме Мина), — они сами, их родственники и подчиненные. Декрет недвусмысленно выражает политическую волю Интефа. Однако все указывает на то, что приговор вынесен заочно. Вполне вероятно, что речь идет о том самом Тети — на этот раз названном «сыном Пепи», — который стал первым препятствием для Камоса в его борьбе с Неферуси. Пепи может быть уменьшительной формой от имени Минхотеп, как Беби — от Дедусебек[164]. Когда Камос сталкивается с Тети, тот уже является известной личностью, так как царь называет его «небезызвестным сыном Пепи»[165] и твердо намерен не дать ему ускользнуть. От 3-го года правления Небухеперра до 3-го года Камоса могло пройти не так много времени: между ними правили еще два царя, об одном из которых, Снахтенра, ничего неизвестно, а второй, Секененра Таа, погиб, будучи совсем молодым.

Если наши рассуждения верны, Интеф не только изгнал Тети за пределы Коптоса, но преследовал его даже в районе города Куса, который служил южной границей гиксосских владений, когда Камос перешел в наступление против захватчиков[166]. Обращает на себя внимание тот факт, что первые цари XVII династии оставили о себе память только в Фиванском регионе или же к югу от Гебелейна, в Эль-Кабе и Эдфу; самая северная точка их активности — Фивы. В Туринском папирусе Себекемсаф II назван

---

[160] Филадельфия UM E 16021; Petrie, 1903, II, 35, pl. 32, 3; von Beckerath, 1964, 282 (10); Helck, № 109.

[161] О формах знака луны см.: Vandersleyen, 1971, 205–228. Этот знак встречается также в гробнице Хоремхауфа в Иераконополе; Хоремхауф встретился с царем Египта в Лиште, то есть еще до прихода гиксосов (см.: Hayes, 1947, 9–11); остается узнать, сколько времени прошло между визитом Хоремхауфа в Лишт и началом работ по отделке его гробницы.

[162] Petrie, 1896, pl. VIII; von Beckerath, 1964, 281 (9); Helck, № 106; Martin-Pardey, 1990, 185–197.

[163] Его должность была передана Минемхету (Franke, 1984a, № 251), который, возможно, отмечен также в Гебель Зейт (Castel, Soukiassian, 1985, 290–291).

[164] Franke, 1984a, № 765. — Об уменьшительных именах см.: Ranke, 1952, II, 1952, 126–128; но случай Пепи не рассмотрен.

[165] Табличка Карнарвона 13; Helck, № 119; Gardiner, 1916, 95–110. — Об эмфатическом значении указательного местоимения *pꜣ/nꜣ* (т. е. «тот самый». — *Науч. ред.*) см.: Vandersleyen, 1970b.

[166] Рядом с мумией царя в гробу Небухеперра Интефа найдены два лука и шесть стрел, их захоронили вместе с ним по обычаю военного времени; см.: Winlock, 1924, 230; Папирус Присса был, по-видимому, найден в другом саркофаге: Dewachter, 1988.

«Шедуасет» («спаситель Фив»), но во всех других документах он именуется «Шедтауи» («спаситель двух земель»), то есть он, по-видимому, вернул Фивы египетским правителям. Подтверждением этому может служить и то обстоятельство, что он был первым царем XVII династии, оставившим след в Абидосе, пусть и очень слабый; таким образом, Себекемсаф II первым отвоевал часть северных территорий. Небухеперра Интеф распоряжался как единовластный правитель в Коптосе, где по его приказу возводились здания и создавались скульптуры (von Beckerath, 1964, 281 (4) (5)), причем в новом, ярком стиле. Он также возобновил работы в Абидосе, где началось строительство храма; однако сведения об этом храме сообщает сын царя, высокопоставленный военный Нахт, в рассказе о подвигах, которые он совершил, возглавляя армию[167]. В Абидосе была обнаружена и уже упомянутая стела начальника казны и придворного Яхнефера. В Эдфу, который, похоже, был чем-то вроде последнего оплота фараонов к югу от Гебелейна, найдены драгоценности «великой царской жены» и *хнемет-нефер-хеджет* Себекемсаф, супруги царя Небухеперра, гробница которой в Эдфу была разграблена в конце XIX столетия (von Beckerath, 1964, 283 (19–21); док. 19 = Helck, № 107). Там же, в Эдфу, обнаружена стела писца алтаря Хорнахта, на которой царь изображен между Хором и Исидой[168].

Имена и титулы царя, за исключением имени Золотого Хора, втречаются на многих памятниках — например, на двух маленьких обелисках, стоявших возле его гробницы[169], и на найденной возле храма Птаха в Карнаке царской стеле, где указано другое имя Хора (von Beckerath, 1964, 281 (8); Helck, № 105). Гробница царя находится в Дра Абу-н-Нага, и О. Мариэтт еще в 1860 году, уже после ее разграбления в начале того же века, проводил там раскопки. Во время расследования, проведенного при Рамессидах, гробница еще оставалась нетронутой[170]. Небухеперра фигурирует и в списках «Зала Предков» (K IV, 5).

Хотя мы ничего не знаем о Снахтенра (13) (Vandersleyen, LÄ V, 847–848), о котором сохранились только посмертные и подчас недостоверные упоминания, для последующих поколений именно он стал основателем династии, от которой произошел и основатель Нового царства. Снахтенра фигурирует в «Зале Предков»[171] (IV, 3); его имя от-

---

[167] Petrie, 1902, I, pl. 55; von Beckerath, 1964, 282 (11); Helck, № 108. — Возможно, этот принц Нахт в будущем стал фараоном Снахтенра? О царских постройках в Абидосе см. также: von Beckerath, 1964, 281 (6) (7).

[168] Von Beckerath, 1964, 282 (12); Helck, № 112. Знаки, из которых состоит имя Небухеперра, относятся к категории «знаков счастливой судьбы», изученных Х. Штоком (Stock, 1942), и поэтому скарабеи, предположительно носящие его имя, нередко вызывают сомнения. У. Уорд (Ward, в кн.: Tufnell, 1984, 178) учитывает лишь тех, которые могли действительно принадлежать этому царю. Два из них найдены в Миргиссе; см.: Vercoutter, 1966, 221–222; 1970, I, 235, pl. 26, 2 и 3; 1976a, III, 281. Этим царствованием датируют также гробницу некоего Неферхотепа, писца Великого Гарема: PM I, 604.

[169] Von Beckerath, 1964, 280–281 (3); Helck, № 104; см. также: von Beckerath, 1964, 281 (4); Dewachter, 1985b, 44–49 и pl. 2.

[170] Von Beckerath, 1964, 282 (16); P. Abbott II, 1, 12. О некоторых других источниках см.: von Beckerath, 1964, 282 (13): найденный в Карнаке, но ныне утраченный фрагмент статуэтки (17) (Davies, № 44); амулет: Von Beckerath, 1964, 283 (18); деревянная рама из Карнака (о ней см. также: Habachi, 1958, 172). В гробнице была найдена серебряная диадема без надписей, ныне хранящаяся в Лейдене: Raven, 1989.

[171] В «Зале Предков» в имени отсутствует первое «н».

мечено и на жертвеннике Кена, а также в гробнице Хабехента в форме Схентиэнра. Возможно, он, как все или почти все цари XVII династии, был похоронен в Дра Абу-н-Нага, но никаких свидетельств об этом не сохранилось, а в отчете рамессидской комиссии его имя не упоминается[172]. О его возможном браке с царицей Тети-шери мы обладаем лишь крайне скудными сведениями. Известно, что она была матерью царя Секененра и царицы Яххотеп II, так как Камос называет Тети-шери «мать моей матери и мать (моего) отца, великая царская жена», но не указывает имени отца. Мы знаем также, что родители Тети-шери не принадлежали к царскому роду. Наиболее приемлемой на данный момент представляется гипотеза, согласно которой Тети-шери была женой Снахтенра, но это лишь предположение (ср.: Vandersleyen, LÄ VI, 458, строка 3, вместо Яххотеп II следует читать Яххотеп I).

О Секененра Таа[173] (14) нам известно уже больше: это первый из царей, чье тело сохранилось, — самое древнее из тех, которые стражи царского некрополя спрятали в тайнике в Дейр эль-Бахри. Царь этот впоследствии будет окружен особым почитанием; он фигурирует в «Зале Предков», а его имя отмечено в пяти царских списках Рамессидской эпохи[174]. Текстов, повествующих о его славных деяниях, нет, но самым наглядным свидетельством является его мумия[175], точнее, то, что от ее осталось — скелет со следами насильственной смерти: четыре зияющие пробоины в черепе, разбитое лицо, скрюченное окоченевшее тело, которому мумификаторы не смогли придать безмятежную позу. Вероятно, благодаря своим деяниям царь был награжден эпитетом «храбрый» (*ḳn/кен*), который отмечен на саркофаге Таа и почти три века спустя будет воспроизведен в гробнице Хабехента. Таа погиб совсем молодым: среди волнистых каштановых волос нет ни одного седого, все зубы целы. Г. Эллиот Смит, а также Дж. Харрис и Э. Уэнте (Harris, Wente, 1980, 122) дают царю 30 лет, Э. Строухал — около 40. У Секененра был крепкий череп, выдающаяся челюсть, довольно широкий нос — тип, характерный для жителей Верхнего Египта, без примеси нубийских или суданских черт. В ходе сражения царь попал в ловушку и оказался в окружении трех или четырех врагов. Удар секиры с ровным лезвием, характерного азиатского оружия, рассек лицо царя под левым глазом, причем удар пришелся снизу, по косой, из такой позиции, словно царь стоял выше своих врагов; М. Битак и Э. Строухал полагают, что он был на колеснице. Этот первый удар оказался роковым; второй, нанесенный подобным же оружием уже горизонтально, рассек царю лоб над левым глазом. В момент нанесения третьего удара царь уже был сражен — удар топора с широким лезвием пришелся по верхушке черепа. Ни шлема, ни парика, которые могли бы его защитить, у царя не было. Дубиной или обухом секиры царю сломали нос. Последний удар был нанесен по основанию черепа. Схватка длилась недолго: на теле царя нет следов

---

[172] Vandersleyen, 1983a. Писец дважды упоминает о Секененра Таа. Возможно, в первом случае это должен быть Снахтенра, но нет оснований считать, что он был первым Таа.

[173] Vandersleyen, LÄ V, 864–866. — Таа может быть формой имени Джехути в сокращенном написании; см.: Parlebas, 1975.

[174] Гробницы Хабехента, Анхурхау, Имисба и Ирджанена (соответственно TT 2, 359, 65 и 306) и жертвенник Кена (см.: Redford, 1986a, 48, 50, 51, 45 и 43).

[175] Каир CG 61051, G. E. Smith, 1912, 1–6; Bietak, Strouhal, 1974: описание мумии приводится по этому исследованию. Согласно статье Bockenheimer et al., 1978, царь мог скончаться не сразу после удара; также см.: Harris, Wente, 1980, 202, 210–212.

других ран. Судя по состоянию мумии, прошло довольно много времени, прежде чем тело начали бальзамировать. Итак, это страшное свидетельство красноречивее и информативнее любого текста. Но где именно погиб царь? Власть Небухеперра Интефа простиралась по меньшей мере до Абидоса. Когда Камос перешел в наступление, гиксосская граница проходила через Кус, примерно в 200 км к северу от Абидоса. Следует ли считать, что именно Секененра Таа отвоевал у гиксосов эти территории? Не там ли он погиб?

Если не считать мумии, об этом царствовании сохранилось совсем немного источников. Фрагмент архитрава в Балласе — единственное свидетельство строительных работ. Несколько предметов с именем Секененра обнаружено в частных захоронениях; некоторые, видимо, входили в состав погребальной утвари; во время проведения расследования при Рамессидах гробница царя была найдена нетронутой. Саркофаг его представляет собой истинный шедевр[176]. Несмотря на столько славных деяний, титулатура царя не сохранилась ни на одном памятнике, а его имя Хора — «Сияющий в Фивах» — известно только благодаря фрагменту алебастровой вазы (von Beckerath, 1964, 295 (16); Winlock, 1924, 258–259).

Последующие поколения сохранили память о Секененра. Его отношения с гиксосами отразились в повести «Ссора Апопи и Секененра» (см. выше, с. 177). Начало повествования отражает напряженность в отношениях между двумя правителями; к сожалению, текст обрывается срезу же после изложения загадочного послания гиксоса, живущего в Аварисе и жалующегося на шум от гиппопотамов в Фивах. Предлагались различные объяснения этого странного пассажа (Brunner, LÄ I, 353–354; Störk, 1981, 67), но большинство из них малоправдоподобны. Наиболее логичным представляется объяснение Х. Гёдике (1986a, 19–28), который полагает, что знаки, переводимые как «гиппопотам», на самом деле передают семитское слово «воин»: Апопи жалуется на присутствие к востоку от Фив «наемников», которые вызывают у гиксоса тревогу. Впрочем, эта остроумная гипотеза не имеет филологических подтверждений.

О Секененра помнили как об одном из великих предшественников XVIII династии; он — главный представитель знаменитого царского рода, который затем почитался при Рамессидах. Вокруг него и его супруги Яххотеп II пытались объединиться многочисленные царевичи и царевны, выходцы из этого рода, многие из которых стали достаточно знамениты, чтобы занять свое место в истории семейства[177]. Потомство Секененра, по всей видимости, было многочисленным. Единственный, чье происхождение ясно отражено в источниках, — это царевич Яхмос, известный нам благодаря статуе из Лувра, надписи на которой содержат посвящения рано умершему царевичу от царя Секененра Таа, царицы Яххотеп и двух его сестер, также носивших имя Яхмос. Вероятно, этот царевич был тем самым Яхмосом Сапаиром, который был похоронен среди царей в Дра Абу-н-Нага и стал объектом культа, по своему значению уступающего

[176] Каир CG 61001, Daressy, 1909, 1–2; PM I, 658; Уинлок (Winlock, 1924, 251 и n. 5) подчеркивает, что саркофаг по конструкции и внешнему виду настолько похож на саркофаг Яххотепа I, что, скорее всего, был сделан в той же мастерской. Следует добавить, что по художественному уровню оба они не уступают саркофагам Упмаата Интефа и Небухеперра Интефа.

[177] Существует обширная библиография, посвященная этой «семье». Основным остается исследование Daressy, 1922. Генеалогическое древо много раз пересматривалось; см. также: Vandersleyen, 1977; 1983b; Blankenberg-van Delden, 1982a.

только культам Аменхотепа I и Яхмос-Нефертари[178]. Если к царевичу и двум его сестрам добавить будущего царя Яхмоса и еще как минимум трех других сестер, имена которых начинаются на «Яхмос» и которые, несомненно, были дочерьми Яххотеп, но на статуе не названы поименно, следует признать, что Секененра царствовал еще много лет после смерти царевича.

Унаследовавший его трон Камос (15) остается для нас загадкой (Vandersleyen, LÄ III, 306–308). Несомненно, он был связан с «семьей» Секененра, но ничто не проясняет характер этой связи. Египтяне считали его великим царем. Рамессидская комиссия нашла его гробницу нетронутой, и хотя фигуры царя нет в «Зале Предков» — по крайней мере, в его современном состоянии, — последующие поколения о нем не забыли, так как его имя присутствует в гробнице Хабехента и на жертвеннике Кена. Погребальный жрец отправлял совместный культ Камоса и Секененра. Так как еще до своего 3-го года царствования Камос, вероятно, провел военную кампанию в Нубии, а на 3-м году уже точно начал войну с гиксосами, то, вероятно, к моменту восшествия на престол он был уже немолод. Мог ли он быть сыном Секененра? Если да, то не от царицы Яххотеп II, поскольку Яхмос, старший сын царя, скончался в детском возрасте, еще при жизни отца. Возможно, Камос был младшим братом Секененра и унаследовал трон, так как законный наследник Яхмос был слишком юн, а страна находилась в состоянии войны[179].

В отличие от Секененра Таа, Камос оставил длинное повествование о своих военных деяниях, дошедшее до нас в трех вариантах. От первой стелы, очень большой (2 м в ширину и 3–4 в высоту; Lacau, 1939), сохранились только фрагменты; копия первой части ее текста на «Табличке Карнарвона» содержит рассказ, датированный 3-м годом[180], в котором описывается начало военных действий. Вторая стела, обнаруженная в 1954 году в Карнаке, меньше первой, но сохранилась почти в целости; здесь рассказ начинается с середины фразы и посвящен сражениям, происходившим несколько севернее, чем те, что описаны на первой стеле. Он заканчивается триумфальным возвращением царя; конец текста сохранился полностью[181]. По всей видимости, два этих текста являются фрагментами одного рассказа и большая стела могла некогда содержать его целиком. У малой стелы должна была быть пара с первой частью текста, начало

---

[178] Vandersleyen, 1983b. Другие источники, связанные с культом этого царевича: стела из Британского музея, BM 69673 (Boiurriau, 1987, 193, № 190); многочисленные стелы *ꜣḫ jḳr/ax икер* (Demarée, 1983 и рец. с комментариями А. Шулмена в BiOr 43, 1986, 302–351); культ засвидетельствован в Мемфисе (Id., 85 и n. 41). Э. Додсон (Dodson, 1990, 91) и Н. Ривз (Reeves, 1990b, 253) возвращаются к старой гипотезе, согласно которой Сапаир был сыном Яхмоса или Аменхотепа I, но она лишена оснований.

[179] Vandersleyen, 1977, 237–238. См. также: Blankenberg-van Delden, 1982b, 7–8. — Эта исследовательница полагает, что Камос был сыном Секененра Таа и его второй жены Сатджехути, и отвергает предположение о том, что Камос был братом Секененра. Между тем в пользу последней гипотезы могут говорить драматические обстоятельства, сложившиеся в связи с насильственной смертью Секененра.

[180] Место для даты не было предусмотрено, и ее высекли уже впоследствии поверх знака жизни, которым открывался текст первой стелы.

[181] «Табличка Карнарвона», см.: Gardiner, 1916, 95–110. — Об этих трех документах см.: Habachi, 1972a; рец.: Barta, BiOr 32, 1975, 287–288; H. S. и A. Smith, 1976, 48–76. — Документы приведены также в собрании текстов В. Хелька (Helck, № 119) с иными вариантами прочтения и предложениями по восстановлению текста.

которого сохранилось на «Табличке Карнарвона». Если первая стела действительно содержала этот рассказ целиком, то сейчас на ней не хватает лишь нескольких строк, чтобы связать две части повествования. Итак, существовало, по-видимому, две редакции текста, причем вторую разделили на две части и поместили на двух небольших стелах.

Текст первой стелы, дополненный «Табличкой Карнарвона», начинается с полной титулатуры Камоса. Затем мы оказываемся на собрании царского Совета, где царь сетует на то, что вынужден делить Египет с «кочевниками» (*ʿ3mw/ааму*) и *нехсиу*; но больше всего царя беспокоит враг с севера, который удерживает земли Египта вплоть до Гермополя. Члены Совета не проявляют никакого беспокойства и даже напоминают, что граница с гиксосами пролегает в Кусе, то есть в 40 км к югу от Гермополя; они считают, что все в порядке и не стоит предпринимать никаких действий, пока гиксосы не нападают. Является ли этот контраст между тревожным настроением царя и спокойствием Совета всего лишь художественным вымыслом? За три года до этого убили Секененра; следовательно, память об этом событии была уже не столь мучительна. Камос решает начать войну и сам рассказывает о ней. На первом этапе военных действий армия спускается по Нилу, чтобы освободить Неферуси от Тети, сына Пепи (см. выше, с. 187)[182], сделавшего город «логовом» *ааму*. Неферуси, расположенный примерно на высоте Бени Хасана, находился в 20 км от Гермополя (Kessler, 1981, 120–125). Камос одержал победу, разграбил город и снес его стены, а затем взял Хардаи, в 40 км севернее, и некий город Першак (Posener, 1981, 139), Вскоре после этого сохранившаяся часть текста «Таблички Карнарвона» обрывается. Рассказ на второй стеле начинается с брани Камоса в адрес вождя Речену, то есть гиксоса Ааусерра Апопи, находящегося в Аварисе. Царь говорит, что женщины Авариса станут бесплодными от ужаса, услышав воинственный крик египетских воинов. Камос подробно описывает местность и свои тактические маневры; гиксосские женщины с тревогой наблюдают за приготовлениями армии противника; Камос даже перечисляет добычу, полученную при захвате флота Апопи. Но дальше становится ясно, что эта живописная картина не имеет ничего общего с реальностью: речь идет всего лишь об угрозе. В тексте употреблено будущее время, которое в египетской грамматике выражено недостаточно определенно, и поэтому вначале непонятно, что говорится о планируемых действиях. Далее царь переходит от угроз к изложению вполне реальных событий. Он рассказывает о перехвате письма, которое гиксос отправил князю Куша в Нубию, прося о помощи и напоминая, что он, кушит, уже был атакован Камосом, а также обещая князю после победы поровну разделить египетские земли (Stadelmann, 1965). Гонец следовал тайной дорогой, через пустыню и оазисы, возле одного из которых и был схвачен[183]. Прочитав письмо — которое приводится полностью и из которого мы узнаем, что до этой кам-

[182] Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1964, 137–138) читает «Тети, сын (А)попи».

[183] Giddy, 1987, 43–44, отождествляет оазис (*wḥ3t/yxam)*, названный в 19-й строке, с северным оазисом Бахарийя; но десятью строками далее он назван Джесджес, тогда как слово *wḥ3t/yxam* может обозначать любой оазис, оазис вообще. Возможно, использование двух различных терминов связано с тем, что речь идет о разных местностях; как правило, словом *wḥ3t/yxam* обозначают Большой оазис (Харга). Последнее вполне вписывается в данный контекст, так как Большой оазис находится на широте контролировавшихся Камосом территорий (см.: Redford, 1977b, III, 2 и n. 35, где автор также склоняется к этой версии).

пании Камос провел другую, против царства Куш, — царь отправляет гонца обратно к Апопи, дабы подорвать моральный дух гиксосов. Гонец должен был рассказать Апопи о том, что Камос учинил в Кинопольском, 15-м номе Верхнего Египта. Все отсылки географического характера указывают на то, что царь пока находится очень далеко от Авариса. Гонца отсылают к Апопи из Атфиха; возможно, этот город считался нейтральной территорией, к северу от которой воины Камоса не могли появиться, не рискуя быть схваченными. Атфих находился на высоте Файюма, примерно в 180 км к югу от Авариса. Сам царь не зашел дальше Сака (эль-Кейса), столицы 17-го нома, расположенной еще на 100 км южнее Атфиха; отсюда он отправляет войско, чтобы опустошить оазис Бахарийя, лежащий на той же широте, но чуть западнее, и отсюда он возвращается в Фивы. Триумфальное возвращение сопровождается благодарственным молебном богу Амону: совпадение в высшей степени символичное — разлив Нила происходит именно тогда, когда царь входит в Фивы. Царскому секретарю и казначею, вельможе Неши, приказано записать на стелу подвиги царя, и стела эта должна быть навечно поставлена в Карнаке.

Местность, где Камос совершал свои военные подвиги, о которых гонец Апопи должен был поведать своему господину, — это не область Неферуси в 15-м номе, где произошло первое столкновение, описанное на первой стеле, а 17-й ном Верхнего Египта (Собачий, или Кинопольский). Возможно, Камос провел две кампании против гиксосов, но в рассказе обрисована лишь ситуация, сложившаяся в результате последних событий. Впрочем, Камос подчеркивает, что теперь находится на территориях, ранее принадлежавших Апопи (2-я стела, 28–29), гиксос же уверен, что все еще является владыкой Египта вплоть до Гермополя и Пер-Хатор (2-я стела, 16–17), как это, вероятно, было до начала военных действий[184].

Невозможно определить, сколько лет царствовал Камос после этих событий. Гелиополь будет взят уже при Яхмосе. Ладья, на которой Яхмос, сын Абана, будет служить во время осады Авариса, называется «Сияющая в Мемфисе». Не исключено, что название дали в честь отвоевания Мемфиса, но мы не знаем, произошло ли это при Камосе или при Яхмосе, в кампаниях которого Яхмос, сын Абана, не участвовал. Конец правления Камоса явно оказался менее блестящим, чем поход против Апопи, так как найденный в Дра Абу-н-Нага очень скромный саркофаг царя (тип «*риши*») даже не позолочен (Каир 14/12/27/12; CG 28501; PM I, 600). При этом в нем находились различные предметы роскоши с именем царя: веер из черного дерева и золота, вотивная золотая барка на подставке с колесами, различные секиры[185]; к левой руке царя был привязан кинжал — без надписей (Naster, 1975–1976). Второй кинжал, с длинной надписью, также мог быть частью погребальной утвари[186]. Количество оружия поражает. Есть и еще одна особенность, судя по которой, превратностей в жизни этого царя было

[184] Пер-Хатор в данном случае может соответствовать городу Кус, который являлся центром культа богини Хатор. Тогда указанная здесь южная граница гиксосских владений совпадает с той, которая, согласно тексту первой стелы, была названа членами Совета Камоса (Табличка Карнарвона 5).

[185] Об этих предметах см.: PM I, 600–602; von Beckerath, 1964, 298 (14–18, 20). Предмет, указанный Ю. фон Бекератом под номером 19, на самом деле принадлежит Яхмосу; см.: Davies, 1974.

[186] Так как это захоронение было вскрыто жителями Гурны одновременно с гробницей Яххотеп I, вполне возможно, что различные предметы, которые, как считается, находились в саркофаге царицы, на самом деле помещались в саркофаге царя.

больше, чем представляется сначала, — это число эпитетов и три различных имени Хора. На обеих стелах царь назван «Камос победитель» (*nḫt*/*нахт*); он отважный (*ḳn*/*кен*), он господин «центра фиванского нома»; иногда он — «прославленный великий правитель» или «прославленный правитель Юга». Титулатура 3-го года правления Уаджхеперра Камоса включает эпитеты: «сияющий на своем троне», «приумножающий твердыни»[187], «умиротворивший две земли». На блоке, найденном в Карнаке, имя Хора — Покоритель двух земель, а на веере из погребальной утвари — Кормилец двух земель; это же имя станет названием резиденции к северу от Фив. Таким образом, смена имен Хора представляется логичной.

Как мы видели, в письме Апопи к князю Куша упоминается южная кампания царя, предшествовавшая северной. Камос — первый царь, чье имя вновь встречается в Нубии: он отвоевал Бухен у князя Куша, а его имя появляется в граффити в Тошке и Арминне, написанных от имени «царского сына Тети» — первого из известных современной науке «царских сыновей Куша». Значит, сразу же после отвоевания земель царь взял в свои руки управление ими (PM VII, 95; Simpson, 1963a, 34 и n. 14, fig. 27). Согласно тексту «Таблички Карнарвона», члены царского Совета радовались тому, что Элефантина находилась в руках египтян, — следовательно, нубийская кампания царя еще не состоялась. По-видимому, ее провели после первого похода на север, против Неферуси, но до второго, во время которого был пойман гонец Апопи. Возможно, о ней рассказывалось в несохранившейся части теста. Если вспомнить, что датировка 3-м годом на первой стеле была добавлена уже после похода и относится, вероятно, ко второй кампании, то получается, что упомянутый совет мог состояться сразу после восшествия Камоса на престол, о чем свидетельствуют и эпитеты царя в начале текста. Итак, первая северная кампания могла состояться на 1-м году, нубийская — на 2-м, вторая северная — в 3-м. Две обнаруженные в Бухене стелы подтверждают факт проведения нубийской кампании, упомянутой Апопи в послании царю Куша. Одна из стел, содержащая обращение к Хору Бухенскому, поставлена Яхмосом, который сражался за «отважного князя»; это сочетание мгновенно наводит на мысль о Камосе, а то, что осталось от картуша, может соответствовать только имени этого царя (Helck, № 121; Vandersleyen, 1971, 62–63). Картуши второй, сильно поврежденной стелы стерты, но первое имя начинается так же, как имя Камоса, — Уадж[…]. Военачальник должен был возвести стену, при этом указана дата — 3-й год (H. Smith, 1976, doc. 488, 8–9): несомненно, речь идет о закреплении военных успехов предыдущего года, в то время как Камос ведет другую кампанию, на севере страны[188].

В египетской историографии эпоха Нового царства начинается не с правления Камоса, поскольку он не сумел освободить от гиксосов весь Египет. Но имя этого царя — первое в списке тех, кто поклонялся Луне: «Камос» означает «(лунный) бык родился» В картуше, выгравированном на одном из его кинжалов, мы читаем: «возлюбленный Ра, сын Ях (месяца), рожденный Джехути (то есть богом Луны Тотом)». Имя его преемника Яхмоса — «месяц (Ях) рожден»; затем на трон будут всходить Тутмосы — «(Бог Луны) Тот рожден». При Камосе и затем при Яхмосе знак луны имел особую форму,

[187] Более вероятное прочтение, чем «памятники»; см. написание, предложенное Habachi, 1972a, 58.

[188] Стела Эмхеба из Эдфу (Каир JE 49566: Helck, № 120; Grimm, 1989, с библиографическим указателем предшествующих исследований) не обязательно датируется царствованием Камоса; см.: Vandersleyen, 1994f.

возникшую при Небухеперра Интефе, — полумесяца с загнутыми вверх рогами и шаром в центре. Такое изображение луны нехарактерно для Египта, но является обычным, например, в сиро-палестинской глиптике.

ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ XVII ДИНАСТИИ

Лакуны в списке царей

Если XVII династия действительно включала пятнадцать царей, то в начале списка отсутствуют еще два имени. Картуш первого имени одного или двух царей начинался с «Сехемра», и какое бы место ни занимал Сехемра-Херухормаат Интеф, он в любом случае оказывается одним из трех первых царей династии. Будут ли эти имена однажды прочитаны в источниках, которые еще предстоит исследовать или найти? Или речь идет об уже известных нам царях, которых мы ошибочно относим к XIII династии, — Сехемра-Неферхау Упуаутемсафе и Сехемра-Сусертауи Себекхотепе VIII? То, что у нас есть имена, которые мы можем вписать в двенадцать следующих ячеек, не должно вводить в заблуждение относительно степени нашей осведомленности. Тронное имя Небирирау II и личное имя Сменра нам неизвестны[189]. В целом история XVII династии до правления двух последних царей остается для нас покрытой мраком.

Царицы

Нам известны имена немногих из жен царей второй половины XVII династии: царицы Небухаэс, супруги Себекемсафа II; царицы Себекемсаф, супруги Небухеперра Интефа; царицы Яххотеп (II)[190], супруги Секененра Таа. Сохранились также имена великих царских жен, супруги которых в текстах не названы: Яххотеп I и Яхмос. Нам известно и о многочисленных царевнах — дочерях Секененра и Яххотеп II или Секененра и других его жен. Предположение, что имена всех дочерей Секененра начинались с «Яхмос», кажется все более вероятным; большинство из этих царевен на памятниках названы «дочерьми царя, сестрами царя», то есть они могли почитаться и в царствование их брата Яхмоса, и позднее. Речь идет о Яхмос-Сатамон, мать которой нам неизвестна[191]; Яхмос Тумериси; Яхмос Небетта и Яхмос Хенутемпет — дочери Яххотеп (II); Яхмос Хенуттамеху[192], дочь Тент-

---

[189] Был еще царь Джосерхеперра, отмеченный на скарабеях, стиль которых, по мнению У. Уорда (Ward, Tufnell, 1984, 176–178), позволяет датировать их началом правления XV династии.

[190] О царицах по имени Яххотеп см.: Vandersleyen, 1980b; Robins, 1982a (полагает, что их могло быть три); Troy, 1979, 91. Об Яххотеп II, матери Яхмоса, см. также: Gitton, 1984, 9–23.

[191] Blankenberg-van Delden, 1986, несмотря на мнение Tefnin, 1983; Tefnin (104) приводит тексты с этой статуи (PM II, 176, N): помимо титулов «дочь царя» и «сестра царя», Яхмос-Сатамон носила титул «госпожа двух земель» (*хенут тауи /ḥnwt tꜣwj*), что, впрочем, не означает, что она была женой царя. См. ниже, с. 215 и примеч. 11.

[192] Судя по форме знака луны, рельеф UC 14218 (Steward, 1976, I, pl. 2.1) датируется, самое раннее, царствованием Яхмоса. См.: Stasser, 1992.

хапи[193]; еще одной Яхмос, другие имена которой не указаны, дочери Секененра и царицы Сатджехути (PM I, 756; Vandersleyen, 1971, 214–215). К этому перечню царевен, мужья которых нам неизвестны, следует добавить еще двух: Яхмос-Нефертари — дочь Яххотеп и великую супругу царя Яхмоса, а также Яхмос Меритамон, о родителях которой мы ничего не знаем, но, судя по характерному имени царевны, она, должно быть, также принадлежала к потомкам Секененра. Яхмос Меритамон носила почти те же титулы, что и ее предполагаемая сестра Яхмос-Нефертари — «дочь царя, сестра царя, великая царская супруга, госпожа двух земель», но не «мать царя»; возможно, она была женой Камоса[194].

Как было сказано выше, Яххотеп I была царицей XVII династии, так как ее великолепный саркофаг по стилю сопоставим с саркофагами не только Секененра, но и Сехемра-Упмаата Интефа и Небухеперра Интефа (Blankenberg-van Delden, 1982a, 35–37); кроме того, ее титулы отличаются от титулов цариц, живших позднее (Troy, 1979, 91). Однако находка в ее саркофаге драгоценных украшений с именами Камоса и Яхмоса не дает нам права утверждать о ее связях с этими царями: можно лишь сказать, что царица была похоронена уже после Камоса, но еще при Яхмосе, так как форма начертанного на этих предметах знака луны в имени Яхмоса к концу его царствования вышла из употребления. Вполне возможно, что эта царица, чья гробница была открыта в Дра Абу-н-Нага, была женой одного из предшествующих царей. Бланкенберг-ван Дельден, выдвинувшая это любопытное предположение, по непонятным мне причинам отвергает наиболее подходящую кандидатуру на роль мужа Яххотеп I — Сехемра-Упмаата Интефа, предпочитая ему Снахтенра, так как царица Тети-шери, которую обычно считают его супругой (мать и его наследника, и жены наследника) происходила не из царского рода; по крайней мере, на стеле ее внука Яхмоса она названа лишь «великой царской супругой». В пользу гипотезы, согласно которой Яххотеп I была супругой Сехемра-Упмаата Интефа, говорит тот факт, что трон после него унаследовал его брат Небухеперра Интеф, — это значит, что у Упмаата, по-видимому, не было сыновей. Действительно, Яххотеп не носила титула «мать царя»; отметим, что, как и Тети-шери, она не была также ни «дочерью», ни «сестрой царя». Так как мумия Яххотеп (I) пропала сразу же после ее обнаружения, возраст царицы нам неизвестен, но, на фоне недолгих царствований того времени, вряд ли царица могла прожить долго и застать царствование Яхмоса. Между Упмаатом Интефом и Яхмосом расположились еще четыре царя, правление которых, возможно, длилось в общей сложности не более тридцати лет.

Хронология XVII династии

Немногие сохранившиеся в Туринском папирусе данные о сроках царствований позволяют говорить как минимум о тридцати четырех годах правления шести царей. Кроме того, известен 3-й год царствования Камоса. Шесть или семь лет следует от-

[193] О. Д. Берлев (Берлев, 1982) полагает, что имена царевны и ее матери позднее могли быть изменены на Хеннутамеху и Инхапи.

[194] Об этой Меритамон, чья мумия, возможно, была обнаружена в тайнике в Дейр эль-Бахри, см.: Vandersleyen, 1977, 239–240. В работах Blankenberg-van Delden, 1982a, 31–34 и Blankenberg-van Delden, 1983 она называется женой Камоса, в пользу чего приводятся веские доводы.

вести под царствование Секененра, учитывая число его детей. Согласно Туринскому папирусу, XV династия правила на протяжении ста восьми лет. Если она пришла к власти почти одновременно с XVII, то потеряла эту власть не с воцарением Яхмоса, а с изгнанием из Египта последнего гиксоса, Хамуди. Предположим, что конец правления этой династии совпадает со взятием Авариса, которое могло произойти в середине царствования Яхмоса, на 11-м году правления Хамуди. Тогда остается примерно сорок девять лет, которые следует разделить между семью царями XVII династии, продолжительность царствования которых неизвестна[195]. В среднем на каждого царя приходится семь лет. Временной отрезок от кончины Себекемсафа II до кончины Камоса составляет не более тридцати пяти лет (это меньше, чем правил Апопи), в течение которых правили пять последних царей. Предпоследний гиксосский царь, Апопи, правил сорок лет или даже больше: иными словами, срок его царствования пересекся с последними тридцатью пятью годами правления XVII династии и с началом XVIII. Найденные в Гебелейне памятники с именами Хиана и Апопи датируются тем периодом, когда под властью фиванских правителей осталось несколько островков сопротивления, при том что весь Верхний Египет был потерян.

Лучшим доказательством того, что при XVII династии трон не переходил от отца к сыну, является краткосрочность правления этой династии. Допустив, что каждому из царей было приблизительно 20 лет к моменту рождения наследника, мы получим приблизительно три поколения. Два Интефа были братьями; очевидно, что и другие братья сменяли друг друга на троне; и вообще, к власти могли приходить представители разных семей или случайные люди. Это говорит в пользу многократно выдвигавшегося предположения о том, что Камос не мог быть сыном Секененра Таа.

Как сказано выше, севернее Карнака никаких свидетельств деятельности царей этой династии вплоть до правления Небухеперра Интефа не наблюдается, если не считать найденного в Абидосе фрагмента с именем Себекемсафа II. Первое имя этого Себекемсафа, «Спаситель Фив», возможно, отражает реальные события. После правления Себекемсафа отвоевание земель к северу от Фив продолжалось на протяжении всего царствования Апопи. Отметим также, что, согласно отчету рамессидской комиссии, в Дра Абу-н-Нага находились только гробницы царей от Себекемсафа до Камоса. Возможно, остальные цари были похоронены где-то в другом месте (например, в Эдфу).

[195] Отняв 44 года (34, к которым прибавлены 10 лет Секененра и Камоса) от 108 лет правления гиксосов, мы получаем 64 года, от которых еще следует отнять 15 лет царствования Яхмоса; остается 49 лет.

Глава VI
ИТОГИ II ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В начале периода на протяжении долгого времени правила XIII династия — она была представлена множеством царей, в том числе отдельными яркими личностями и несколькими представителями могущественных родов. При них территория Египта оставалась в границах, установленных во времена Среднего царства, попыток выйти за них не предпринималось. Будет опасным заблуждением считать, что к концу правления этой династии страна постепенно приходила в упадок, поскольку до сих пор неизвестна хронология правления многих из этих царей. Находившийся в дремлющем состоянии Египет был захвачен группой кочевников, пришедших с северо-востока, — племенами Речену, которых Манефон называет «гиксосами». На фоне этой катастрофы эпоха XIII династии кажется поистине блестящей. В течение всей первой половины правления XVII династии ничего не происходило, фараоны известны только по именам. Где они проживали? Несомненно, Фивы оставались в руках египтян, но, возможно, были осажденным городом, так как к югу от него гиксосы поклонялись богу Себеку из Сумену, а Хиан и Апопи вели строительство в Гебелейне. Вполне вероятно, что правители XVII династии вынуждены были отступить к югу от Гебелейна, а Эль-Каб и Эдфу,

где засвидетельствовано их присутствие, стали своего рода городами-убежищами[196]. Эти города сохраняли свое значение вплоть до прихода к власти XVIII династии и даже когда Фивы вновь стали резиденцией царей и местом их погребения. Со времени царствования гиксоса Апопи — быть может, из-за того, что он окончательно «египтизировался», а царская власть при нем ослабла — скрывавшиеся глубоко в Верхнем Египте египетские правители начали действовать и постепенно отвоевали страну.

АЗИЯ И НУБИЯ В КОНЦЕ II ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Говорить об Азии для этого времени, по сути, не имеет смысла: с вторжением гиксосов сама Азия оказывается в Египте. Более того, мы уже видели, что и в эпоху Среднего царства контакты с Азией были очень незначительными: они ограничивались, как правило, экспедициями на Синай, прекратившимися к концу правления XII династии. Возможно, пути сообщения были перерезаны племенами, которые вскоре вместе с гиксосами захватили Египет. Гебель Зейт, где добывали галенит, был самым отдаленным от долины пунктом, куда добирались египтяне при XIII и XVII династиях, причем проникали они туда не через Дельту, а с юга. Примечательно тем не менее, что именно в конце II Переходного периода и в самом начале правления XVIII династии работа в этих рудниках велась, по всей видимости, активнее, чем когда-либо (Castel, Soukiassian, 1989, I, 9).

Нубия, ставшая египетской начиная с царствования Ментухотепа II, оставалась для Египта по-прежнему важна, и Камос вновь отвоевал эти земли, а затем продолжил изгнание *ааму*, которые все еще занимали бóльшую часть собственно египетских территорий.

Напомним, что после отступления египтян племена, представляющие цивилизацию Кермы, появились в районе 2-го порога, главным образом в Миргиссе (Vercoutter, 1970, I, 22); они пришли из царства Куш, которое, судя по тексту на стеле Камоса, простиралось вплоть до Элефантины. На территории Нижней Нубии уже обитали племена так называемой группы С, изначально, то есть в эпоху Древнего царства, представлявшие ту же цивилизацию, что и племена Кермы. Возможно, различия между этими двумя культурами появились вследствие преграды, установленной царями XII династии на 2-м пороге, и культура областей к югу от порога осталась типично кермской, а к северу, то есть в Нижней Нубии, культура была типичной для группы С. После

[196] О значении Эль-Каба в эпоху Нового царства свидетельствует его некрополь. Множество гробниц, представляющих большой интерес для науки, по художественному уровню отделки могут соперничать с фиванским некрополем. Титул «царский сын (города) Нехбет», возможно, также свидетельствует о роли города (см.: Nagy, 1983). Эдфу остался царским городом. Согласно стеле Иуфа (Каир CG 34009; Urk. IV, 29–31), мать Яхмоса, Яххотеп II, повелела следить за состоянием гробницы Себекемсаф, царицы XVII династии. Ответственный за это Иуф был награжден за свои труды; он также ведал культом статуй цариц — сначала Яххотеп, а позднее и Яхмос, жены Тутмоса I. О роли Эдфу см.: Gabra, 1977, 217–218.

исчезновения к концу XIII династии этой военной преграды нубийская цивилизация, судя по археологическим данным, стала однородной[197].

О царстве Куш нам известно и из письменных источников. Это вторая стела Камоса, где Апопи в письме к кушитскому царю ясно говорит о том, что кушитский церевич только что унаследовал трон своего отца, и несколько найденных в Бухене стел, принадлежавших одному египетскому семейству, главные представители которого Себекемхеб, Ка и Сепедхер служили царю Куша[198]. Больше всего в текстах из Бухена поражают совершенно египетский характер культуры царства Куш, насколько мы о ней знаем, и тот факт, что при служении кушитскому царю никак не нарушается связь с «родиной-матерью»: имена на основе имени бога луны Яха появляются и в Бухене, и в Египте одновременно (наиболее распространенное имя — Яхмос); есть и особая форма знака луны — полумесяц с загнутыми вверх рогами, впервые засвидетельствованный в Египте при Небухеперра Интефе. Два брата, Ка и Сепедхор (Smith H. и A., 1976, 68) строят храм Хора Бухенского и поклоняются обожествленному Сенусерту III. Во главе Бухена в то время стоит «комендант»: этот титул впоследствии будут носить все, кто занимал данную должность при XVIII династии. Даже имя царя Куша — Неджех[199] — является типично египетским, однако он сам (или какой-то другой представитель этой династии) был погребен в кургане в Керме[200]. После утраты Египтом власти над Нубией было бы логичным ожидать ухода оттуда египетских чиновников и военных, но воины некоторых гарнизонов, издавна размещенные там вместе с семьями, уже пустили корни в этих местах и не захотели их покидать. Царство Куш в то время простиралось вплоть до 1-го порога. Адаптировавшись к новым условиям, эти египтяне перешли на службу новым господам, оставаясь при этом египтянами. Судя по стеле одного из жителей Эдфу, связь их с родиной не прерывалась (Gardiner, 1916, 100).

Отношения с Нубией, несомненно, были такими же мирными, как и описанные Советом Камоса отношения с гиксосами. Стоит вспомнить, как этот царь начинает свое обращение к Совету: он желает выйти из унизительного политического паралича и напасть, пока не напали на него самого.

Именно затронутую египетским влиянием Нубию намерен был отвоевывать Камос. Использовал ли он уже тогда, в нубийской кампании, отряды маджаев, сыгравшие значительную роль в освобождении севера Египта, или воспользовался своим присутствием в Нубии, чтобы эти отряды набрать? Маджаи были известны со времен Среднего царства как кочевники, обитавшие за пределами долины Нила, — вероятнее всего, на равнинах между Нилом и Красным морем. Его представители отличались весьма характерной внешностью, будучи высокими и крепко сложенными, и не завязывали контактов с нубийцами, жившими в долине. Маджаи проникали в Египет небольшими группами для торговли. Их присутствие засвидетельствовано гробницами

---

[197] Имеется обширная библиография, см.: Bonnet, 1987; Säve-Söderbergh (éd.), 1989, 1–24; Nordström, 1966.

[198] Smith H., 1976, 73–81 — публикация документов и комментарии к ним. См. также: Vandersleyen, 1971, 56–61.

[199] На скарабее, найденном в Арминне, рядом с Тошкой (Нубия) (Junker, 1925, pl. VII, 117, 4-я справа), запечатлено имя царя (?) Яхмоса Интефа; судя по форме знака луны, скарабей датируется именно этим историческим периодом.

[200] Есть предположение, что Курган K III — это гробница нубийского правителя, упомянутого на стеле Камоса; W. Adams, 1977b, особенно 50–51.

круглой плоской формы; У. М. Фл. Питри, первым обнаруживший эти захоронения, назвал их «Pan-graves», то есть «гробницами-сковородками». Хотя их культура очень быстро смешалась с египетской и стала неотличима от нее, благодаря письменным источникам мы знаем, что, начиная с XVIII династии и до конца египетской истории, маджаи служили в качестве солдат и полицейских. Они стали предками народа беджа, название которого происходит как раз от древнего этнонима «маджаи»[201].

ГИКСОССКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЕГИПЕТСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

В следующую эпоху — Нового царства — станет очевидно, насколько глубокие изменения претерпела египетская цивилизация как в материальном, так и в духовном плане.

За время правления гиксосов стерлась граница между Египтом и Азией и образовалось некое подобие государства, включавшего Палестину и долину Нила. Поэтому принято считать, что именно в этот период азиатская культура оказала серьезное влияние на египетскую. Действительно, в эпоху Нового царства страна наконец «открывается» азиатскому миру; но изменения эти обнаруживаются не сразу, а постепенно и даже, можно сказать, с некоторым опозданием — уже когда гиксосы оказываются вне игры. Несомненно, наиболее значительные «приобретения» — лошадь и запряженная колесница: они в Египте появляются к концу II Переходного периода[202]. Колесницы использовались уже при Яхмосе: иероглиф, изображающий колесницу, недвусмысленно подтверждает это[203]. То же самое при Тутмосе I произойдет с иероглифом, изображающим лошадь и детерминирующим слово *ssmt/сесемт*: за ним закрепится именно это значение[204]. На стелах Камоса встречаются два слова, которые обычно переводят

---

[201] Quirke, 1990, 21–22; Colombot, 1991a; Grzymski, 1982: о сходстве названий; Herzog, 1985: об идентичности их культур; о «Pan-graves»: Bietak, LÄ IV, 999–1004; Sadr, 1987; Redford et al., 1991, 99–103. — Их считали иноземцами, а не египтянами даже в греко-римскую эпоху: Vandersleyen, 1988c, 193–196. — В одной из таких «гробниц-сковородок» была найдена секира (трофей или подарок) с именем царя Небмаатра — вероятнее всего, представителя XVI династии; Handbuch, 79, F.; von Beckerath, 1964, 61–62, 202, 280.

[202] Helck, 1978a: управление колесницей неизбежно требует использования перчаток, следовательно, изображение перчаток на одной стеле XIII династии является доказательством существования колесниц в Египте уже в то время. Но эта гипотеза нуждается в подтверждениях.

[203] Urk. IV, 3, 6, 9, 17. См. предварительное сообщение de Vaux, 1967, 489, 493–494, где полностью отвергается предположение о том, что египтяне использовали военные колесницы еще до Тутмоса I: последний, вероятно, узнал о них благодаря контактам с Митанни. Колесница, упомянутая при Яхмосе, — всего лишь «колесница для путешествий» или «прогулочная колесница». Однако иероглиф, изображающий колесницу в надписи Яхмоса сына Абана, по виду ничем не отличается от иероглифа, которым обозначалась боевая колесница в других источниках; скорее всего, речь идет об использовании одного и того же средства передвижения в различных целях. А. Шулмэн (Schulman, 1980, 114–120, 128–134, 144) оспаривает предположение о том, что колесницы использовались в сражениях или во время атак.

[204] Urk. IV, 10, 1: слово *ssmt/сесемт*, хотя и детерминируется одним знаком лошади, означает упряжку с двумя животными. По-видимому, первое изображение лошади содержится в надписях

как «лошадь» (*ḥtr/хетер*, Tabl. Carnarvon, с. 16) и «колесничные войска» (*tꜣ-nt-ḥtrj/ma-нет-хетери*, 2-я стела, с. 13), но такие переводы этих слов, общепринятые для них согласно поздним текстам, в данном случае условны, так как детерминативы к ним отсутствуют[205]. Если же правильность их подтвердится, следует обратить внимание на то, что кони и колесницы принадлежали гиксосам, тогда как Камос вел сухопутные и водные операции традиционными методами (Берлев, 1967, 20). Ко времени вторжения в Египет у гиксосов, видимо, еще не было ни колесниц, ни лошадей[206]. Впрочем, если даже допустить ограниченное использование колесниц на поле боя — скорее для перевозок, чем для битвы, — это не объяснит победу гиксосов[207]. В то же время введение в бой конницы и колесниц египтянами, возможно, сыграло решающую роль в египетской экспансии в Азии. До сих пор они завоевывали только южные территории, то есть области, которые можно было достичь, спускаясь по Нилу: река была для египтян в то время единственным средством передвижения на большие расстояния (Берлев, 1967, 20). Благодаря гиксосам появились и такие нововведения, как композитный лук и серповидный меч (Bietak, LÄ III, 100; H. W. Müller, 1990). Что до остальных продуктов их влияния, то время появления их невозможно датировать с точностью. Египтяне познакомились и с предметами искусства и быта. Это, например, лютня — музыкальный инструмент кавказского происхождения, связанный с военной музыкой и Решефом (Bosse-Griffiths, 1980); это и разновидность плиссированной ткани, вошедшая в моду при Тутмосе III и распространившаяся в Египте после азиатских кампаний этого царя (MacKay, 1924; Hall, 1986; Barber, 1982), хотя еще на стеле, датированной царствованием Камоса, некая женщина облачена в одежды из подобного материала (Лувр E 201, стела Арле; von Beckerath, 1964, 297, Dok. 10). Однако культ азиатских богов, особенно Решефа, Астарты и Кадеша, засвидетельствован лишь в начале правления XVIII династии[208]. Все эти нововведения свидетельствуют о глубоком влиянии азиатской культуры вследствие расширяющихся контактов с этими регионами, но они не обязательно связаны с гиксосами и их вторжением.

высокопоставленного чиновника Сапаира, жившего при Яхмосе (изображение лошади: Malek, 1989, 72): в названии одной из его должностей появляется слово *tꜣ-nt-ḥtr/ma-нет-хетер* с иероглифом, изображающим лошадь. Памятник датирован главным образом по форме знака луны в имени Яхмос, матери этого чиновника, — форме, которая вышла из употребления начиная с 22-го года правления Яхмоса. Ничто в тексте документа не противоречит этой датировке и не подтверждает ее, но поскольку текст этот известен нам только в виде современных копий, следует с осторожностью отнестись и к главному критерию — форме знака луны (Malek, 1989, 69); см. ниже, с. 221, примеч. 30.

[205] Это самое раннее засвидетельствованное «*tꜣ-nt-ḥtrj/ma-нет-хетери*». Шулмэн (Schulman, 1964a, 14) полагает, что это слово еще не означало «колесничные войска»; отметим, что на стеле детерминатив при этом слове был, возможно, умышленно стерт (Schulman, 1980, 11–113). О появлении лошадей в Египте см.: Brentjes, 1972; Braunstein-Silvestre, 1984; Rommelaere, 1991, 22–28.

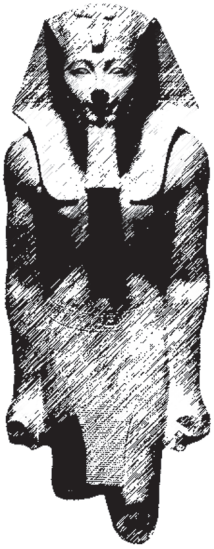
[206] Захоронения лошадей обнаружены в Телль эль-Аджжуле, который Питри считал столицей гиксосов в Палестине. См.: Petrie et al., 1952, 32–34.

[207] Schulman, 1980: лошадей запрягали в колесницы, но на них также ездили верхом. О существовании настоящего конного подразделения в эпоху Нового царства см.: Schulman, 1957.

[208] В частности, о культе Решефа: W. J. Fulco, 1976, и рец. Giveon, 1980a; Schulman, 1982a; Богословская, Богословский, 1978.

Часть четвертая

НОВОЕ ЦАРСТВО: XVIII ДИНАСТИЯ ДО АМЕНХОТЕПА III (ок. 1543–1387 годов)



Глава I
ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НОВОГО ЦАРСТВА

Граница между Вторым Переходным периодом и эпохой Нового царства проводится совершенно четко. Египтяне, невзирая на родственные связи царей, вели историю XVIII династии с царствования Яхмоса, тогда как его отец Секененра Таа и другой представитель того же рода, Камос, представляли еще XVII династию.

Число источников при XVIII династии резко возрастает. Сохранилось также довольно много произведений искусства, причем высокого художественного уровня. Начиная с царствования Яхмоса I, цари стараются подробно рассказывать о своих деяниях. Впрочем, уже две стелы Камоса могли стать своего рода предвестниками новых времен. Но этот царь потерпел неудачу при попытке освобождения страны, и становление Нового царства произошло уже при Яхмосе.

С этого времени число памятников возрастает настолько, что давать их исчерпывающее описание уже невозможно, тогда как для освещения событий предыдущей эпохи приходилось учитывать все, вплоть до самого ничтожного скарабея. Библиография расширяется из-за увеличения числа источников, но одним проблемам посвящено намного больше исследований, чем другим,

и, несмотря на множество научных работ, некоторые вопросы остаются открытыми. Перечислим лишь некоторые из них: дата восшествия на престол Хатшепсут; местонахождение Пунта; дата сражения при Мегиддо; возможность соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV; происхождение Тутанхамона; дата восшествия на престол Рамсеса II и Тутмоса III — проблемы, которые часто рассматривают параллельно; сложные отношения Сети II, Аменмесеса, Сиптаха и Таусерт; идентификация народов, с которыми были вынуждены сражаться Мернептах и Рамсес III; родословное древо потомков того же Рамсеса III; переходный период между царствованием Рамсеса XI и его преемников из XXI династии.

Некоторые царствования — например, Хатшепсут, Тутмоса IV и Рамсеса II — стали темами недавно вышедших монографий, не говоря уже о многочисленных исследованиях, посвященных загадочной личности Эхнатона. Впрочем, Амарнская эпоха породила гораздо больше исследований и толкований, чем любой другой период египетской истории. Второе место по числу научных работ занимают исследования, посвященные документам из поселка Дейр эль-Медина. Особый характер этих исочников делает их своего рода государством в государстве: они изучаются в первую очередь социологами и юристами, а не историками.

Немало исследований посвящено азиатским территориям, по которым передвигались египтяне. Продолжаются попытки локализации топонимов, указанных в списках, но эта работа идет медленно и осуществляется не систематично. Специалисты по Библии также интересуются Египтом и используют все возможные сведения о нем для толкования библейских текстов. Есть множество статей, в которых египетские источники привлекаются для объяснения данных Библии, но в большинстве своем они не проливают света на историю самого Египта.

ХРОНОЛОГИЯ НОВОГО ЦАРСТВА

Главная опорная точка хронологии Нового царства — сотическая дата от 9-го года царствования Аменхотепа I, указанная в календаре на обратной стороне медицинского папируса Эберса (Urk. IV, 44). Для понимания термина «сотическая дата» необходимо знать, что каждый солнечный год происходит астрономическое событие, которое было очень важным для египтян: появление прямо перед восходом солнца звезды Сириус (греки называли ее Сотис, исказив египетское название *spdt/cenḏem*) после 70 дней, в течение которых она не видна, его называют гелиакическим восходом Сириуса-Сотиса. Именно в этот момент у египтян начинался новый природный год; появление Сотиса совпадало (что, на их взгляд, было знаковым событием) с началом разлива Нила в конце июля по нашему календарю. Это был первый день первого месяца сезона *axem*. Но египетский гражданский календарь не учитывал ту четверть суток, из-за которой солнечный год длился дольше 365 дней. Таким образом, он укорачивался и за четыре года набегало отставание на один день от солнечного, но примерно раз в 1460 лет он совпадал с календарем природным. Согласно одному

из древних авторов Цензорину, такое совпадение имело место в 139 году н. э., Теоретически предыдущее совпадение произошло за 1460 лет до того, в 1322 году, а предыдущее — в 2782 году, но определить, в какой именно исторический или доисторический момент начался отсчет этого цикла, мы не можем. Зная дату гелиакического восхода Сириуса по гражданскому календарю, мы можем вычислить, на сколько дней гражданский календарь отставал от солнечного. Это число, помноженное на четыре, показывает, сколько лет отделяет то или иное событие от года, в который два календаря совпали. Так, на 9-м году правления Аменхотепа I восход Сириуса пришелся на 9-й день 3-го месяца *шему*, то есть за 56 дней до первого дня первого месяца *ахет*. Поскольку 56 дней разрыва между календарями должны были «накопиться» за 224 года, речь идет приблизительно о 1546 годе. К сожалению, эти вычисления — представленные здесь с утрированной простотой — не имеют ничего общего с действительностью. Разница между солнечным годом и 365-дневным на самом деле составляет чуть меньше четверти суток, не говоря уже о незначительных, но существенных для длительных промежутков времени изменениях в Солнечной системе (Ingham, 1969). Далее, мы не знаем, откуда именно велось наблюдение за восходом Сириуса: при наблюдении из Мемфиса, Фив или Элефантины[1] появление звезды могло быть отмечено с разницей в несколько дней. В этом случае мы получаем вчетверо больше лет. Точность наблюдений зависела от смещения линии горизонта, туманов и других условий. В египетских источниках сотические даты упоминаются очень редко. Первая из них — 16-й день 4-го месяца *перет* на 7-м году правления Сенусерта III (то есть 1872 год до н. э. согласно Parker, 1976 и Barta, 1981a). Следующая относится к царствованию Аменхотепа I, причем это упоминание следует отнести не к 1546 г., а к одному из годов в период с 1528 по 1517-й г. Очередная дата приходится на 28-й день 3-го месяца *шему* при Тутмосе III, но год его правления нам неизвестен. Далее сотическая дата упоминается уже при Птолемеях. Существует множество неясностей относительно этих дат, их трудно соотнести как между собой, так и с известными нам сроками правления фараонов, а также с событиями, происходившими в других государствах Ближнего Востока, Все это стало предметом исследований и полемики по вопросам абсолютной хронологии истории Египта. Подобные изыскания требуют широчайшей эрудиции, особенно в области астрономии и математики, и поэтому остаются уделом лишь немногих исследователей[2]. Итак, абсолютная хронология Нового царства все еще находится в процессе реконструкции. Однако сопоставляя приблизительные данные, основанные на сотических датах, с другими астрономическими сведениями, такими как фазы луны — если они привязаны в текстах к точным календарным датам, — мы можем уменьшить

---

[1] Большинство исследователей считают, что наблюдение велось из Фив. Об элефантинском варианте см.: Krauss, 1981c; 1985; Barta, 1979–1980. Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1984d) полагает, что для наблюдений не было отведено конкретного места.

[2] Несмотря на ограниченное число специалистов, библиография по этой теме обширна. Основные труды: Parker, 1950; Hornung, 1964, 1979; Krauss, 1978, 166–203. О сотическом цикле см.: Luft, LÄ V, 1117–1124, о сотической дате из папируса Эберс — von Beckerath, 1987. Р. Лонг (Long, 1974) отвергает возможность установления абсолютной хронологии на основе сотических дат. Р. Паркер (Parker, 1976), в свою очередь, настаивает на надежности этой системы.

погрешность до продолжительности жизни одного поколения. Ключевыми датами на сегодня являются восшествие на престол Тутмоса III (1504, 1490 или 1479 год) и воцарение Рамсеса II (1304, 1290 или 1279 год). Но эти хронологические ориентиры слишком удалены друг от друга, и сроки правления фараонов XVIII династии до сих пор не выяснены[3]. Начальной датой Нового царства называют 1570 (Wente, Van Siclen), 1552 (Hornung) и 1539 годы (Krauss). Но и эти цифры — результат сомнительных расчетов[4].

[3] Ср. крайне смелые предложения Э. Уэнте и Ч. К. ван Сиклена (Wente, Van Siclen, 1975); выстроенная ими хронология была опровергнута Р. Краусом (Krauss, 1978, 169–172), и я ее не принимаю. Хронологические данные, полученные на основе радиоуглеродного анализа, содержат слишком большие погрешности, чтобы быть полезными для историка: Long, 1976; Shaw, 1985. Параллельная хронология Ближнего Востока вызвала оживленную полемику между Дж. Меллаартом, Дж. Вайнштейном и Б. Кемпом (Antiquity 53, 1979, 6–18; 54, 1980, 21–28; 225–227). Относительно других изысканий, например П. О'Мара (P. F. O'Mara, 1984), следует подождать мнения специалистов.

[4] Ср. справедливые замечания В. Хелька (Helck, 1991, 1–5). Тем не менее есть точные даты, вычисленные Р. Уэллсом (Wells) для царствования Эхнатона (см. ниже, с. 385, примеч. 191), но еще не изученные с точки зрения абсолютной хронологии.

Глава II
ЯХМОС. Ок. 1543–1518 годов до н. э.

В начале Нового царства[5] мы сталкиваемся с таинственным молчанием источников. Что происходит после 3-го года правления Камоса? Сколько времени понадобилось для восстановления единства Египта? «Примечательно, что столь важное в истории Египта событие — изгнание гиксосов — обойдено полным молчанием в надписях царя Яхмоса I, которые повествуют совсем о другом: о буре, разрушившей кладбище в Фивах, о хлопотах царя по увековечиванию памяти его бабушки, царицы Тети-шери, о приношениях храму Амона в Карнаке, о мудром правлении его матери царицы Яххотеп, и так далее — о чем угодно, но только не о главной победе фараона. Если бы не высеченная при Тутмосе I биографическая надпись одного из царских соратников по оружию, командира гребцов Яхмоса, сына Абана, мы могли бы и не узнать о том, что именно Яхмос I освободил страну от ярма чужеземцев». Это очень точное описание ситуации принадлежит С. Ходжаш и О. Берлеву (Hodjache, Berlev, 1977a, 22).

[5] Vandersleyen, 1971, и LÄ I, 99–101; эти данные еще не бесполезны, однако в данном труде представлена несколько иная картина событий.

БИОГРАФИЯ ЯХМОСА, СЫНА АБАНА

Длинный текст, высеченный на двух стенах гробницы Яхмоса сына Абана в Эль-Кабе (Urk. IV, 1–11; Vandersleyen, 1971, 13–14; Goedicke, 1974a; Lorton, 1974a), последовательно описывает события, начиная с царствования Секененра и заканчивая царствованием Тутмоса I, при котором Яхмос, по-видимому, скончался. Но сохранением этого бесценного источника мы обязаны «сыну его дочери, который осуществил работы в этой гробнице, дабы жило имя отца его матери, писцу контуров Амона Пахери», жившему, очевидно, при Тутмосе III.

Яхмос родился в царствование Секененра. Его отец по имени Баба был солдатом этого фараона; мать носила имя Абана. Имя Камоса в биографии не упомянуто, так как Яхмос в то время был еще очень юн. Яхмос участвовал в северной кампании царя Яхмоса против гиксосов, главными событиями которой стали взятие Авариса и осада Шарухена в Палестине, продлившаяся три года. Он был также участником экспедиции в Нубию к югу от второго порога, и подавления двух мятежей — поднятых Аатом (вероятно, нубийцем) и Тетианом, египетским соперником царя.

Надпись Яхмоса занимает 40 колонок. Если исключить введение, упоминания об отце и слова о приближающейся старости, мы получим занимающий 35 колонок текст, посвященный активному периоду его биографии. Из них 19 посвящены царствованию Яхмоса, чуть более 5 — царствованию Аменхотепа I, чуть более 10 — царствованию Тутмоса I. Войне против гиксосов отведено 11 из 19 колонок, посвященных царствованию Яхмоса; нубийской кампании и подавлению мятежей Аата и Тетиана — чуть более 7. Из 11 колонок, в которых описывается война с гиксосами, 7 занимает реляция об осаде Авариса, тогда как трехлетней осаде Шарухена уделено лишь 2 колонки. Эта диспропорция указывает на то, что размеры описания событий не соответствуют их реальной продолжительности: царствованию Аменхотепа I отведена всего четверть текста, хотя правил он почти так же долго, как Яхмос. Таким образом, подробность и длительность изложения прямо зависят от значения, которое Яхмос, сын Абана, придавал тем или иным событиям. Во введении подчеркивается, что герой семь раз был награжден «золотыми» наградами (Feucht, LÄ II, 731–733), причем пять из них были получены при Яхмосе: три — за осаду Авариса, одна — за осаду Шарухена и одна — за участие в нубийском походе. Еще две награды он получил во время нубийской кампании Аменхотепа I и азиатской кампании Тутмоса I. Несомненно, именно на царствование Яхмоса пришелся период наибольшей активности Яхмоса, сына Абана. При Тутмосе I, когда он получил свою последнюю награду, ему, вероятно, было далеко за пятьдесят. Незадолго до того, во время нубийской кампании, он удостоился — за провод флота через четвертый порог — титула, которым и именует себя: «командир гребцов» Иногда этот титул переводят высокопарным словом «адмирал», хотя наш герой не поднялся выше простого командира отряда.

ХРОНОЛОГИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

Биография Яхмоса сына Абана, пусть и скупая на сведения, является для нас единственным источником по царствованию Небпехтира Яхмоса. Причина этому — не дефицит текстов за данный период. Дело в том, что тексты эти, как отмечают С. Ходжаш и О. Берлев, сообщают о чем угодно, кроме изгнания гиксосов, и не содержат никаких указаний, позволяющих сделать временные привязки. Текст Яхмоса, сына Абана, тоже не содержит сведений, дающих возможность выстроить общую хронологию описываемых событий. Мы можем лишь заключить, что кампания против Авариса была предпринята не в самом начале царствования Яхмоса: последний должен был достичь зрелого возраста, чтобы принять в ней участие.

Датированные памятники

В нашем распоряжении всего три датированных царских памятника времен правления Яхмоса[6]: блок от 17-го года (Mohammad, 1966, 148–149, pl. IVa); стела от 18-го года (Vandersleyen, 1977); надписи от 22-го года в карьерах Маасары (PM IV, 74; Urk. IV, 24–25). Список царей XVIII династии, переданный эпитоматорами Манефона (107–119), выглядит крайне запутанным, но при сопоставлении с документами того времени дает кое-какие надежные и ценные сведения. Так, первому царю, которого Африкан и Евсевий называют Амос или Амосис[7], эпитоматоры отводят двадцать пять лет или даже на четыре месяца больше, что выглядит вполне достоверно исходя из данных надписей в карьерах Маасары. Ни один из трех источников не сообщает о важных исторических событиях, но благодаря им нам известно, когда именно перестает использоваться знак луны с загнутыми вверх рогами: он встречается в документах от 17-го и 18-го годов правления Яхмоса, но в тексте от 22-го года мы видим уже традиционный знак луны — с рогами, загнутыми вниз. Этот знак встречается достаточно регулярно, чтобы служить критерием для определения хронологии других памятников (Vandersleyen, 1971, 204–228).

Дата взятия Авариса

Единственный предмет того времени, надпись на котором недвусмысленно сообщает о взятии Авариса, — это наконечник копья, купленный В. Голенищевым в Луксоре: «Добрый бог Небпехтира, сын Солнца, Яхмос, которому дана жизнь; (предмет),

---

[6] Иератическое граффито (не царское) от 2-го года из гробницы Себекнахта в Эль-Кабе пока не опубликовано: Vandersleyen, 1971, 209, doc. 6.

[7] Согласно Иосифу Флавию («Против Апиона», I, 14), который ссылается на Манефона, царем, оттеснившим гиксосов к Аварису, был Мисфрагмутосис (принято считать, что это Тутмос III); его сын Туммосис осадил город, который в итоге сдался после заключения дипломатического соглашения (Manetho, 86–89). В следующей главе (I, 15) Флавий приписывает изгнание гиксосов царю Тетмосису, срок правления которого совпадает с данными о длительности царствования Яхмоса (двадцать пять лет и четыре месяца); почти такие же цифры он указывает для царствования Мефрамутосиса (вариант вышеупомянутого имени) — двадцать пять лет и десять месяцев (Manetho, 100–101).

который он привез из своих побед в презренном Аварисе» (Hodjache, Berlev, 1977a, 24, fig. 1). В имени царя присутствует знак луны — *jʿḥ*/*ях* уже в традиционной орфографии, с загнутыми вниз рогами, что при Яхмосе встречается лишь единожды — в надписи 22-го года, тогда как в 18-м году используется еще знак особой формы. Даже если надпись на наконечнике копья сделали не сразу же после взятия Авариса, а некоторое время спустя, надо полагать, что эту победу Яхмос одержал далеко не в начале своего царствования.

Другое ценное хронологическое свидетельство, касающееся, по всей видимости, изгнания гиксосов, содержится в заметках, занимающих три колонки на оборотной стороне Математического папируса Ринда (Peet, 1923, 128 и pl. Y, № 87; транскрипция отрывка: Goedicke, 1986b, 37). Кол. 1: «11-й год, 2-й месяц *шему*, вошли в Гелиополь». Кол. 2: «первый месяц *ахет*, 23-й день; …(?) с юга атаковали Чару. 2 […] говорят, что вошли в Чару». Кол. 3: «11-й год, первый месяц *ахет*, 3-й [день], рождение Сетха; об этом провозгласил Величество этого бога. Рождение Исиды; небо плакало». Так как лицевая сторона папируса датирована 33-м годом правления Апопи, заметки на оборотной стороне могли быть добавлены только после этой даты. Ю. фон Бекерат (1964, 209–211) предположил, что речь может идти о военных операциях Яхмоса. Учитывая, что стиль заметок явно не согласуется с описанием деяний царя, ведущего наступательную войну, надо полагать, что 11-й год — это год царствования Хамуди, последнего из гиксосских царей (Helck, 1976a). Итак, остается установить хронологические соответствия между деяниями Яхмоса и данными заметками. Писец, свидетель этих важных событий, не только указал их последовательность, но и отметил небесные знаки, которые, похоже, связывал с ними. Рождение Сетха и Исиды происходит не в первом месяце *ахет*, а в добавочные дни, так называемые эпагомены, то есть до начала этого месяца и после окончания предыдущего сезона *шему*. Таким образом, дни предзнаменований пришлись на время военной кампании. Между захватом Гелиополя и занятием Чару прошло три месяца. Речи об Аварисе еще не идет. Если события, о которых сообщает писец, действительно происходили с августа по ноябрь, значит, военная кампания еще только начиналась и Аварис мог быть взят позднее, но в ее же пределах. Если надпись на наконечнике копья, привезенного Яхмосом из Авариса в качестве трофея, была выгравирована не ранее 18-го года, царствования Яхмоса и Хамуди не полностью совпадают во времени: когда Яхмос занял трон, Апопи еще царствовал, а Хамуди унаследовал трон Апопи примерно на 7-м году царствования Яхмоса.

Итак, изгнание гиксосов, по всей видимости, произошло в последней трети царствования Яхмоса[8].

Форма знака луны как хронологический критерий

Изменение формы знака луны позволяет выстроить хронологию недатированных документов того времени; оно произошло между 18-м и 22-м годами правления Яхмоса.

Известны следующие памятники, на которых этот иероглиф представлен в особой форме: стела с изображением царя в сопровождении его бабушки Тети-шери (Лондон

[8] Следует учесть, что Математический папирус Ринда от 33-го года Апопи является, по всей видимости, копией начала правления XVIII династии.

UC 14402; Helck, № 123); притолока из Бухена (Philadelphia UM E 10987; H. Smith, 1976, 76–78; 207–210; pl. 80); граффито вице-короля Нубии Джехути (Simpson, 1963a, 34, fig. 27); «Стела бури» (Vandersleyen, 1967; 1968; Helck, 1975a, № 124; Helck, 1987c); погребение царицы Яххотеп I (PM I, 600); стела от 18-го года, на которой Яхмос совершает богослужение в сопровождении «супруги бога» Сатамон (Vandersleyen, 1977); большая стела из Карнака, повествующая о дарах, преподнесенных Яхмосом храму Амона, и содержащая славословия матери царя (Каир CG 34001, Urk. IV, 14–24; Vandersleyen, 1971, 134–191); наконец, «Стела дарения», поставленная царем в честь его супруги Яхмос-Нефертари, в связи с ее деятельностью как «супруги бога»[9]. Иероглиф луны уже новой, измененной формы употребляется на стеле из Абидоса, где рассказывается о желании царя возвести памятник его бабушке Тети-шери (Каир CG 34002, Urk. IV, 26–29), и в надписях из Маасары, датированных 22-м годом.

Число памятников, сохранивших полную титулатуру царя Яхмоса, невелико (Handbuch, 83 и 224). Его имя Хора — «Великий воплощениями» — фигурирует на большой стеле из Карнака; на стеле из Абидоса уже высеченное старое имя Хора было заменено другим — «Бык в Фивах»[10]. За неимением других свидетельств невозможно определить, сменилось ли имя Хора одновременно с изменением формы иероглифа луны и связано ли это с главным событием царствования Яхмоса — окончательным изгнанием гиксосов: возможно, было решено отказаться от формы знака, заимствованной в Азии, и вернуться к традиционному египетскому иероглифу.

Эта внутренняя хронология, хотя и несколько расплывчатая, позволяет тем не менее составить связное представление о царствовании Яхмоса.

ВОЗРАСТ ЦАРЯ И ЕГО ДИНАСТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Причиной, по которой военные кампании царя начались так поздно, является, очевидно, его юный возраст при восхождении на престол. Сегодня к царским мумиям как к историческим источникам принято относиться недоверчиво, но это оправдано лишь в тех случаях, когда идентификация мумии вызывает сомнения или трудно определить, в каком именно возрасте скончался этот человек (Robins, 1981). Что касается Яхмоса, то оснований для сомнений нет. Он царствовал двадцать пять лет, и его хорошо сохранившаяся мумия принадлежит молодому человеку, в густой шевелюре

[9] Фрагменты этого памятника (Луксорский музей) были найдены не одновременно и публиковались постепенно. В одной из первых публикаций (Drioton, 1953) он был назван «Памятником о дороговизне»; здесь он будет называться «Стелой дарения». Несмотря на лакуны в крайне важных фрагментах и полемику по поводу истинного положения царицы как второго жреца — пророка Амона (статус, который она имела по крайней мере некоторое время), текст, несомненно, касается некоей «дарственной», преподнесенной Яхмосом царице, чтобы подтвердить ее статус «супруги бога». По этому вопросу см. прежде всего перевод и прекрасный исторический комментарий в кн.: Gitton, 1976a и Gitton, 1979a в ответ на возражения Menu, 1977. Текст стелы: Helck, 1975a, № 122; сцена: Vandersleyen, 1971, pl. I. Табличка с именами царя в старом написании (с одной стороны — тронное имя, с другой — первое) найдена в Гуробе (Thomas, 1981, 71, № 550 и II, pl. 25).

[10] Именно это имя Хора читается на тыльных опорных столбах двух статуй: из коллекции Келекяна, Нью-Йорк (Romano, 1976, pl. 29) и Хартум 3828 (Lindblad, 1984, pl. 7, d).

которого нет ни одного седого волоса и все зубы которого целы (Smith G. E., 1912, 16). Как это нередко случается при исследовании царских мумий, медики были несколько озадачены, сопоставив юный возраст покойного царя с продолжительностью его царствования; они — впрочем, как и историки — не предполагали, что царь мог занять трон еще ребенком. Элиот Смит, зная, что, согласно источникам, Яхмос правил не менее двадцати пяти лет (стелы из Маасары), и полагая, что уже на первом году единоличного царствования царь должен быть взрослым человеком, оказался в затруднительном положении — судя по мумии, Яхмосу в момент кончины было не более 40 лет (Vandersleyen, 1971, 199). К сожалению, ученый не указал нижнюю возрастную границу. По мнению Э. Смита, царь взошел на престол в возрасте 15 лет, но не исключено, что ему было всего 5. Он не являлся старшим сыном Секененра, скончавшегося в возрасте 30–40 лет. На хранящейся в Париже статуе старшего сына Секененра, царевича Яхмоса, будущий царь Яхмос не упомянут, зато есть имена двух его сестер (Vandersleyen, 1983b, 317–318). Возможно, к тому моменту Яхмос еще не родился. Выходит, что он был одним из младших детей, если не последним ребенком Секененра и Яххотеп.

По имеющимся на сегодня данным, Камос правил около трех лет. Итак, Яхмосу было не более четырех-пяти лет к моменту смерти его предшественника, которого нет оснований считать его братом; на мой взгляд, это скорее был его дядя, призванный «на помощь», так как наследник скончавшегося Секененра находился в младенческом возрасте (это же мнение отражено в работе Robins, 1982a, 75). Итак, мирный характер двух первых третей царствования может объясняться юным возрастом Яхмоса. На протяжении пятнадцати лет он мирился с существованием царства гиксосов на севере страны, занимавшего весь Нижний Египет и включавшего такие крупные центры, как Мемфис и Гелиополь.

Есть и другие данные, подтверждающие юный возраст царя. В начале правления Яхмос находился под покровительством своей бабушки; затем очень важную роль играла его мать: именно она изображена рядом с царем на притолоке в Бухене, и именно она могла управлять страной, пока ее сын был еще подростком. Возможно, именно поэтому Яхмос расточал в адрес своей матери так много похвал. Не исключено даже, что она управляла страной во время военных походов сына. К сожалению, текст большой стелы из Карнака, содержащий эти восхваления (Каир CG 34001; Urk. IV, 14–24; Vandersleyen, 1971, 134–139; 190–191), не вполне ясен. По-видимому, царь к тому времени уже совершил свои военные подвиги. Жанр текста на стеле — песнь, сказание о победе; заканчивается он восхвалением царицы Яххотеп и перечислением богатых даров, преподнесенных царем Амону-Ра. Много раз подчеркивается, что власть царя распространяется на весь Египет, а упоминания о чужеземцах (*ḫ3stjw/хастиу*), землях Хентхеннефер на юге и равнинах Фенеху на севере — то есть об азиатских территориях, которые начинаются за крайним восточным рукавом Нила — встречаются только в описаниях военных действий за пределами страны. При этом повествование содержит выражения, которые можно истолковать и как намерения, и как свидетельства о реальных столкновениях.

На 22-м году царствования Яхмоса камни, добытые в карьерах Маасары, перевозили с помощью пригнанных с равнин Фенеху быков. Вероятно, для этого не надо было ждать падения Шарухена, но если кампания в Хентхеннефер закончилась к моменту создания карнакской стелы, то и Шарухен уже был взят, а мятежи, если именно с ними связано упоминание об «умиротворяющем» вмешательстве Яххотеп, подавлены. Итак, к 22-му году правления, и даже ранее — к моменту установки предыдущей стелы, во-

енные действия уже закончились. В тексте стелы нет даже намека на царскую супругу Яхмос-Нефертари, которая является главным персонажем на стеле 22-го года. На стеле из Ганновера от 18-м года Яхмос-Нефертари также не упоминается, а сопровождает царя принцесса Сатамон, носящая титул «супруга бога». Эта принцесса названа также «дочерью царя», но здесь могли привести не ее полную титулатуру, а лишь основные ее титулы, в том числе главный — «супруга бога». Нам известны одна Сатамон и одна Яхмос-Нефертари, «дочь и сестра царя», носившие этот титул; возможно, речь идет об одной и той же женщине[11]. На «Стеле дарения» (Vandersleyen, 1971, pl. I) Яхмос впервые фигурирует как супруг и отец; стела датируется 18–22-м годами его правления. Его «старший сын» по имени Яхмос изображен здесь совсем маленьким ребенком. Сомнительно, чтобы военные события, описанные Яхмосом, сыном Абана, имели место между 18-м и 22-м годами, если, конечно, его отчет полон и не умалчивает о событиях, в которых он не принимал участия.

Благодаря форме иероглифа луны, которая является надежным критерием для датировки царских памятников, мы можем установить очередность событий: установка карнакской стелы, прославляющей победу и царицу Яххотеп, мать царя; появление Яхмос-Нефертари, матери наследника, который, возможно, был возведен на трон еще при жизни отца, — это объяснило бы несколько неожиданный титул «мать царя» на стелах от 22-го года[12]; перечень трофеев, в котором упомянут и наконечник копья, причем иероглиф луны здесь уже имеет новую форму; возобновление на 22-м году государственного строительства.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

События, предшествовавшие освободительной войне

Итак, бóльшая часть царствования была посвящена мирным деяниям, в том числе реорганизации страны после отвоевания Камосом Верхнего Египта и Нубии (см. выше,

[11] О Сатамон см.: Vandersleyen, 1977, 231–243. — На статуе этой царевны перед восьмым пилоном в Карнаке (PM II, 176 N) запечатлена ее титулатура: слева — «дочь царя, сестра царя, владычица двух земель, супруга бога, Яхмос-Сатамон, …»; справа — «супруга бога, Сатамон, возлюбленная Амоном — владыкой двух земель, да живет она вечно» (Blankenberg-van Delden, 1986). Если обе надписи относятся к одной и той же царевне, речь идет о дочери Секененра Таа, то есть о сестре Яхмоса, судя по структуре ее имени, первый элемент которого — Яхмос — может иногда опускаться. Гипотеза, что принцесса, изображенная на стеле из Ганновера, может быть дочерью Яхмоса, плохо согласуется с предполагаемым возрастом царя. Создается впечатление (но всего лишь впечатление), что царь на этой стеле еще не женат, а жрица изображена рядом с ним за исполнением своих религиозных обязанностей. Подобную картину мы видим на стеле Каир CG 34013: Тутмос III совершает богослужение, его сопровождает «супруга бога» — возможно, Нефрура (Vandersleyen, 1971, 219–223). Это позволяет предположить, что на 18-м году правления Яхмос-Нефертари еще не была царицей, а наследник трона еще не родился. Если гипотеза подтвердится, придется признать, что Аменхотеп I взошел на престол в еще более раннем возрасте.

[12] Соправителем отца, возможно, стал царевич Яхмос (доказано Г. Виттманом: Vittmann, 1974). На «Стеле дарения», скорее всего, изображен именно он, а не будущий Аменхотеп I.

с. 213). Так, при поддержке своей бабушки Тети-шери царь приказал восстановить часть храма Монту в Фивах или Арманте[13]. На воротах в Бухене, захваченном Камосом, Яхмос изображен со своей матерью Яххотеп II; целью нубийской кампании Яхмоса, последовавшей за взятием Шарухена, были земли за вторым порогом. Рельефы на этих великолепных церемониальных воротах — как надписи, так и изображения — выполнены каким-то неумелым «любителем». На притолоке слева царь в короне *ḥprš/хепреш* и его мать Яххотеп со шкурой грифа, натянутой на трехчастный парик, четырежды поклоняются Хору из Бухена; в центре царь в платке *nms/немес* поклоняется богу Мину; справа царь в красной короне поклоняется Хору, изображенному над *серехом*, имя в котором стерто; короткая надпись в нижней части дверных косяков сообщает, что работы произведены по приказу коменданта Бухена Тури; сам Тури изображен вместе с женой в левом проеме ворот, и эта сцена сопровождается формулой дарения. Отец Тури, Яхмос Сатаит, был «царским сыном» — правителем Нубии[14], он занимал эту должность после Тети, носившего тот же титул при Камосе, и Джехути, первого вице-короля Нубии при Яхмосе. Может быть, изменения в титулатуре появились после того, как Яхмос отодвинул границы своих владений южнее Бухена? Или они связаны с мятежами Аата и Тетиана?

До той поры, как иероглиф луны опять приобрел традиционную форму, состоялись также похороны царицы Яххотеп I и, кроме того, были выполнены восстановительные работы после урагана, настолько сильного, что ему посвятили отдельную стелу (см. ниже, с. 228). Ураган разрушил один из некрополей, по всей видимости царский некрополь XVII династии в Дра Абу-н-Нага. Царь в это время находился к северу от Фив, в городе Седжефатауи; возможно, город этот основал Камос, так как Седжефатауи — одно из его имен Хора. Вероятно, именно оттуда Яхмос и его советники вернулись на ладье в Фивы, чтобы отдать распоряжения о восстановительных работах после урагана, который царь считал проявлением божественного могущества Амона.

Именно Амону царь поклоняется на стеле от 18-го года и на «Стеле дарения», длинный текст которой рассказывает о политическом и культовом статусе царской супруги Яхмос-Нефертари. Слева от надписи Яхмос, в первый и единственный раз, изображен в сопровождении царицы и «старшего сына царя от плоти его, Яхмоса, да будет он жить». Речь, несомненно, идет о наследном принце, и поэтому его имя вписано в картуш. Сцена носит семейный характер: одной рукой царь подносит белый хлеб Амону-Ра, за указательный палец сжатой в кулак второй руки его держит принц Яхмос — маленький ребенок с локоном детства и без одежды, хотя ни рост царевича, ни тот факт, что он уже умеет ходить, не позволяют определить его точный возраст. По пропорциям тела (слишком маленькая голова) он выглядит скорее подростком, но если сравнивать его рост с ростом отца, ему можно дать года четыре. Возможно, наследнику было не более шести

[13] UC 14402, Stewart, 1976, 1. — На притолоке из Арманта (Британский музей 1708) царь, стоящий на коленях (слева — в синей короне, справа — в красной), изображен подносящим дары богу Монту в двух ракурсах; к сожалению, верхняя часть картушей отсутствует и датировать памятник по форме знака луны невозможно. Связи между притолокой и текстом на стеле из Университетского колледжа в Лондоне (UC 14402), возможно, нет.

[14] Habachi, 1959, 47–56; LÄ III, 630, 1–3. — «Сыновья царя», управляющие этим регионом, не были членами царской семьи, см.: James, 1973, CAH II, 1, 13; Robins, 1987, 15. — Об этих не царских «сыновьях царя» см.: B. Schmitz, LÄ III, 628; Dewachter, 1984a.

месяцев, но египетские художники, изображавшие царевича, вынуждены были решить эту проблему именно таким образом[15]. Слева от царевича — Яхмос-Нефертари, которая следует за мужем, касаясь рукой его плеча. Царица носит здесь очень высокие титулы — «дочь царя, сестра царя, супруга бога, старшая царская жена», а также «та, кто говорит обо всем, что она сделала; начальница Верхнего и Нижнего Египта». Не ввязываясь в полемику относительно точного смысла этой стелы, зададимся вопросом: не связана ли она с тем моментом в истории правления Яхмоса, когда Яхмос-Нефертари, мать наследника, начала играть видную роль в управлении страной? Ранее эта роль принадлежала Яххотеп, которая, видимо, уступила позиции старшей царской жене[16]. Именно тогда начинается возвышение Яхмос-Нефертари; впоследствии царица станет объектом культа, который достиг своего расцвета в Рамессидскую эпоху (Gitton, 1981).

На территории Египта, кроме восстановительных работ в храме Монту и устранения последствий бури, до начала освободительной войны не происходило, насколько нам известно, никаких значительных событий[17]. Количество и качество драгоценных изделий, обнаруженных рядом с мумией Яххотеп I и носящих имена Камоса и Яхмоса, свидетельствуют о том, что, несмотря на гиксосское господство, уровень мастерства ремесленников не снизился, а дорогие материалы оставались доступными — по крайней мере, для царей[18].

Война за независимость

До выпуска дарственной в пользу Яхмос-Нефертари велись войны, описанные Яхмосом, сыном Абана.

Освободительная война началась, по-видимому, со взятия Мемфиса. Так как в Гелиополь царь Яхмос вошел в конце 11-го года правления Хамуди, то есть примерно на 18-м году своего правления, то Мемфис, расположенный в относительной близости от Гелиополя, вероятно, был взят незадолго до этого. Согласно папирусу Ринда, приблизительно через три месяца после взятия Гелиополя был атакован, а спустя несколько дней захвачен город Чару. Если Чару — это Силэ, который находился в Телль Абу Сефе или в эль-Кантаре, то есть довольно далеко к востоку от Авариса, то Яхмос, возможно, совершил обходной маневр и атаковал город с востока. Но кроме внешнего фонетического сходства, никаких доводов в пользу отождествления Чару с Силэ нет. Скорее всего, Чару находился к юго-западу от Авариса и Яхмос, взяв Гелиополь и продвигаясь вдоль пелусийского рукава Нила в сторону Авариса, вышел к Чару (Vandersleyen, 1993d).

Через несколько дней Чару пал, и Яхмос двинулся на Аварис. Именно об этой операции рассказывает Яхмос, сын Абана. В начале своей карьеры, проходя службу

---

[15] О минимальном возрасте наследника см. замечания в работе Menu, 1977, 99, n. 2.

[16] Отход царицы на второй план был замечен М. Життоном; на 10-м году правления Аменхотепа I Яххотеп была еще жива (стела: Каир CG 34003).

[17] На найденном в Дендере фрагменте рельефа царь Яхмос изображен рядом с богиней Хатор. Знак луны в имени царя имеет старую форму; см.: Cauville, Gasse, 1988, 30–32. — Фрагмент двери или наоса Яхмоса найден в Северном Карнаке: Jacquet, 1972, 155.

[18] PM I, 600–602; Leclant et al., 1979, fig. 217, 219, 220, 270, 272; Aldred, 1971, fig. 49–58. — О декоре кинжалов см.: Desroches Noblecourt, 1984b. — Кинжал с именем царя (Небпехтира) без украшений найден в Абидосе (Needler, 1962 и 1967).

на судне «Северное», он был выбран за свою храбрость для участия в рейде, который невозможно было совершить на судах. Яхмос, сын Абана, рассказывает, что войско проделало этот путь пешком, а царь — на колеснице; уточнение явно связано с тем, что новое транспортное средство предоставляло и новые стратегические возможности (Берлев, 1967). Целью было установление осады города, или, скорее, порта Авариса; именно тогда Яхмосу впервые представился случай отличиться в сухопутном сражении на глазах у царя. После битвы воин Яхмос получил повышение и перешел на корабль под названием «Тот, кто появляется в Мемфисе». Возможно, такое название судну дали в честь недавних событий. Аварис располагался на восточном берегу пелусийского рукава и был портовым городом. В тексте не сообщается, пришел ли туда флот уже после наземного сражения или нет. Вероятнее всего, оба события произошли одновременно; учитывая важность водных путей сообщения в Дельте, сухопутная операция должна была стать частью маневра и явиться неожиданностью для гиксосов в Аварисе. Следующее сражение проходило уже в водах близ Авариса — *Па-джед-ку*, хотя неясно, идет ли речь о рукаве Нила, об озере, вокруг которого был построен город, или о канале; город, как и сегодня, мог лежать между двух водных путей[19]. Через некоторое время Аварис был разграблен. Воин Яхмос не сообщает, как именно был взят город, но уточняет, что ему самому в качестве добычи достались один мужчина и три женщины. К сожалению, автор рассказывает только о том, что касается его лично. Манефон (86–89; см. выше, с. 211, примеч. 7; к этому мнению присоединяется Goedicke, 1986b, 39–40) говорит о том, что город не был взят силой, а сдался после дипломатических переговоров, но это никак не согласуется с рассказом Яхмоса о разграблении города.

Как бы то ни было, главный оплот гиксосов крепость Шарухен защищалась с большим упорством — ее осада длилась три года[20]. В результате этой победы и разграбления города наш герой Яхмос добыл двух женщин, которых сделал рабынями, и одну руку, которую предъявил как доказательство умерщвления врага, и получил за это четвертую золотую награду.

К свидетельству Яхмоса сына Абана можно добавить и рассказ Яхмоса Пеннехбета, другого жителя Эль-Каба, чья гробница также содержит биографическое повествование, хотя и более сухое. Этот Яхмос был моложе первого и дожил до царствования Тутмоса III и Хатшепсут. Его военная карьера началась при Яхмосе, во время кампании в Джа-

---

[19] Bietak, LÄ VI, 321; план: LÄ V, 137–138; Leclant, Clerc, 1990, Fouilles, 347. — Трудно удержаться от сопоставления этого топонима с названием того места, где Камос намеревался пришвартовать корабли, — *pr-ḏd-ḳn/Пер-джедкен* (2-я стела, строка 3): Habachi, 1972, 33, 34, n. a. — Если этот участок реки назывался *ḏd-kw/Джед-ку*, то артиклем *pꜣ/па* он выделялся как топоним — именно в таком значении выступают все употребленные в этом тексте артикли: Vandersleyen, 1970.

[20] Х. Гёдике (Goedicke, 1974, 40–41; см. также: Hoffmeier, 1991, 120) предположил, что речь идет не об одной кампании, а о трех, на протяжении трех лет подряд. Однако, с одной стороны, грамматический анализ не добавляет этой интерпретации надежности, с другой — судя по продолжительности осады, жители города сдались, изможенные голодом. При Тутмосе III точно так же был взят город Мегиддо, но осада длилась целых семь месяцев (см. ниже, с. 278–279). Шарухен — первый азиатский город, о котором точно известно, что он был взят фараоном; о его локализации на юге Палестины см. примеч. 22 ниже. Нет никаких свидетельств об официальных контактах (дипломатических или военных) между Египтом и Азией в предшествующие эпохи. Речь не идет о Синае, издавна знакомом египтянам и отделенном от собственно азиатских территорий. В «Текстах колдовства» содержатся сведения по географии, но нет упоминаний ни о военных, ни о дипломатических отношениях.

хи[21]. Последнее название появилось в начале Нового царства и в дальнейшем закрепилось для обозначения территории, простирающейся к востоку и северу от самого восточного рукава Нила. Шарухен находился в Джахи, а значит, Яхмос Пеннехбет после взятия Авариса участвовал в азиатской кампании. Длительность осады Шарухена говорит о том, насколько важно было захватить эту крепость. Действительно, Шарухен был азиатской столицей гиксосов[22], и, чтобы покончить с ними, следовало завладеть им. Нет никаких данных о том, что царь продолжил военные действия севернее этого города[23]. Разнообразие названий для обозначения местностей и врагов, встреченных Яхмосом к востоку от Дельты, сбивает с толку. Гиксосы именуются *ааму*, а их вождь управляет страной Речену; взяв Шарухен, Яхмос победил *ментиу* из Сечет[24]; чтобы вернуться к Шарухену, он вышел из Дельты, после чего оказался одновременно и в Джахи, и в землях фенеху, упомянутых на большой стеле в Карнаке (Urk. IV, 18, 6) и в надписях в Маасаре. Вероятнее всего, дело не в том, что древние летописцы были непоследовательны в употреблении терминов, а в том, что между ними были тонкие и пока ускользающие от нас различия.

Экспедиция в Нубию

После взятия Шарухена царь поднялся по Нилу к Хентхеннефер — области к югу от второго порога (Vandersleyen, 1971, 64–68). Целью было уничтожение *иунтиу сетиу*, дословно — «нубийских лучников». Яхмос привез из этого похода двух пленников и три руки, за что получил свою пятую награду. Царь спустился обратно по Нилу, полностью выполнив задачу: он завершил освобождение Египта, «он вернул власть над людьми Юга и людьми Севера».

На юге исходной точкой нубийской экспедиции Яхмоса стал 2-й порог, так как Бухен египтяне возвратили еще при Камосе. На о. Саи были обнаружены блок с именем царицы Яхмос-Нефертари и статуя Яхмоса[25]. Вполне возможно, что одной из целей экспедиции в Хентхеннефер было отвоевание Саи, который принадлежал египтянам во времена Среднего царства, начиная с царствования Сенусерта I, а при Яхмосе стал опорным пунктом фараонов для развития военных действий (Vercoutter, 1973, 27). Эта экспедиция нанесла серьезный удар по царству Куш; по крайней мере, уничтожение *иунтиу сетиу* — жителей долины в Хентхеннефер — должно было привести именно

---

[21] О биографии Яхмоса Пеннехбета см.: Urk. IV, 32–39; о кампании в Азию и значении топонима «Джахи»: Vandersleyen, 1971, 89–102.

[22] Местоположение Шарухена еще не определено; его отождествление с Телль эль-Фарой (Юг) недавно было оспорено в пользу Телль эль-Аджжула (Kempinski, 1974, 1983, 131–148; Weinstein, 1975–1976; Na'aman, 1980); И. Хоффмайер (Hoffmeier, 1991, 117–121) снова склоняется в пользу Телль эль-Фары (см. ниже, с. 296, примеч. 4).

[23] Предположение о том, что Яхмос дошел до Евфрата (Vandersleyen, 1971, 121–125), не имеет под собой оснований. Оно было выдвинуто в связи с попытками толкования словосочетания «вода, текущая вспять» (*mw-ḳd*/*му-кед*) на стеле из Томбоса; об этом словосочетании см. ниже, с. 245–246.

[24] Оседлое племя *mntjw sṯt*/*ментиу сечет* (или *ментиу* и *сечетиу*) засвидетельствовано в надписях на Синае уже в эпоху Древнего царства; см.: Yeivin, 1965. Слово *сечет* не обязательно означает топоним: Nibbi, 1978b, особенно с. 61–62.

[25] Vercoutter, 1956, 77–78, № 19, 24; Vandersleyen, 1971, 71 и n. 3; Berg, 1987, 5–6. — Судя по форме знака луны, статуя датируется концом царствования Яхмоса.

к этому. В любом случае это способствовало угасанию цивилизации Кермы; обескровленная, она дожила до царствования Тутмоса I (Lacovara, 1987, 57–58).

Начиная с Камоса, во главе Нубии стоял особый наместник, «сын царя», управлявший южными областями, — Тети. При Яхмосе эту должность занимали Джехути (Simpson, 1963a, 34 и fig. 27), надпись которого с картушем Яхмоса высечена под надписью Камоса и Тети, и Яхмос Сатаит, отец бухенского коменданта Яхмоса Тури, который принял управление Нубией при Аменхотепе I и Тутмосе I (Habachi, 1959). «Сын царя» — это титул, а не указание на родственные связи между наместником Нубии и фараоном. Обычно используемый эквивалент этого титула — «вице-король» — вполне корректен, так как «сын царя» был действительным представителем фараона в этом обширном и важном для Египта регионе[26].

Мятежи

Едва вернувшись из Нубии, Яхмос был вынужден защищать свои территории от вторжения некоего Аата с Юга (скорее титул, чем имя собственное), который, судя по косвенным свидетельствам, был нубийцем (Vandersleyen, 1971, 75–78)[27]. Так как мятежника схватили сами боги Верхнего Египта, театр военных действий должен был находиться именно в этом регионе. В операции использовался флот. Яхмос оттеснил бунтовщика в Тентааму (?); этот топоним не встречается в других источниках, но речь явно идет о какой-то местности на берегу Нила. Правда, поход не оказался масштабным — не было ни сражения, ни массового истребления бунтовщиков. При этом Яхмос впервые получил не просто награду, а пахотные земли в самом Эль-Кабе. Возможно, у Аата или его приверженцев были владения на территории Египта и царь щедро раздавал конфискованные у бунтовщиков земли (Vandersleyen, 1971, 78–81, 82–87).

Рассказ Яхмоса сына Абана о мятеже Тетиана (Helck, 1986) дышит ненавистью, которая отражает отношение царя к бунтовщикам, представлявшим серьезную угрозу (Id., 81–87). Имя Тетиан схоже с именем Тети, против которого Небухеперра Интеф издал декрет в Коптосе и с которым, возможно, столкнулся Камос перед захватом Неферуси (см. выше, с. 192). Не исключено, что речь идет о представителях соперничавшего с фараоном семейства, которое впоследствии перешло на сторону победителя. Это предположение подтвердится, если окажется, что один из немногих персонажей, построивших при Яхмосе гробницы в Фивах — правитель Фив Тетики (см. ниже, с. 224), — действительно был выходцем из этого рода. Тети был первым наместником в Нубии при Камосе (см. выше, с. 194), а бабушку царя звали Тети-шери. Так или иначе, короткий рассказ Яхмоса об этих событиях звучит весьма красноречиво: «Тогда пришел этот презренный враг, которого звали Тетиан. Он собрал вокруг себя недовольных. Его Величество убил его, а его банда была уничтожена. Тогда мне пожаловали трех человек и пять арур земли в моем городе». Следом Яхмос уже говорит

[26] Belova, 1977. — Преемственность ранних вице-королей до Тури еще недостаточно ясна; см.: Habachi, 1959.

[27] О сопоставлении имени Аата и титула «царь» у племен на реке Нигер см. также: Wainwright, JEA 35, 1949, 172.

о своей службе у Аменхотепа I, ни словом не обмолвившись ни об окончании правления предыдущего царя, ни о начале царствования нового.

События внутри страны в мирное время

Царствование Яхмоса делится на два периода, причем первый, довоенный, период значительно длиннее второго. Видимо, только в конце второго периода правления царь смог провести политические и административные преобразования в стране. Его мать Яххотеп усмиряла противников царя и поддерживала сплоченность населения, пока ее сын воевал. Необходимо было стабилизировать ситуацию в стране. Предположительно именно тогда был составлен замечательный текст, в котором описываются «Обязанности визиря»[28].

После полного освобождения северных территорий были возобновлены работы к югу от Фив и открыты карьеры в Маасаре, находящиеся почти напротив Мемфиса, на другом берегу Нила. В надписях из Маасары[29] царь назван возлюбленным Атумом, владыкой Гелиополя, и Птахом «к югу от его стены». Этот же текст сообщает, что карьеры были вновь открыты и там стали добывать высококачественный известняк для «храмов миллионов лет» — в частности, в Мемфисе[30] и Луксоре. Из надписи в Абидосе, где царь обсуждает с супругой свое намерение возвести памятники в честь бабушки Тети-шери (см. выше, с. 198–199), скончавшейся во время его правления, мы узнаем, что Яхмос планировал вести строительство и в этом регионе. Итак, речь идет о последних годах его царствования — именно тогда был возведен не только кенотаф Тети-шери в эль-Амре, к югу от Абидоса, но и храм Яхмоса, примыкающий к отвесным скалам в том же регионе; сегодня от этого храма почти ничего не осталось (Manuel II, 654–656; Gundlach, 1977, 219 и n. 12). Упоминания о богатых подношениях храму Амона (согласно большой стеле в Карнаке) могут свидетельствовать как о признательности царя этому богу, так и о притоке драгоценных материалов и начале новой эпохи процветания после того, как страна освободилась от чужеземного господства,

---

[28] Van den Boorn, 1988, 375; вопреки мнению этого автора можно говорить, скорее, о переработке текста, унаследованного от прежних эпох (рецензия: Kruchten, BiOr 48, 1991, 821–831) (см. выше, с. 159).

[29] Надписи Яхмос-Нефертари в карьерах Босры близ Асуана (PM IV, 247) могут датироваться и правлением следующего фараона, см.: Gitton, 1981, 13. — Трудно определить, можно ли фаянсовые предметы с именем царицы, найденные в Серабит эль-Хадим, рассматривать как свидетельства деятельности в этих местах при Яхмосе либо его преемнике или же они связаны уже с культом царицы, см.: Gardiner et al., 1955, II, 149; Petrie, 1906, fig. 144 (2), 148 (3, 4), 151 (17).

[30] Самый ранний памятник эпохи Нового царства, найденный в Мемфисе, — это основание стелы, известной только по копиям XIX века, с изображениями и титулами некоего Сапаира и членов его семьи. Единственный надежный критерий для датировки стелы — знак луны в имени матери Сапаира Яхмос; судя по его форме, текст высечен до 22-го года правления Яхмоса (Malek, 1989, 69). Сапаир носит множество высоких титулов: князь, губернатор, царский писец, «отрок Капа», камергер, заведующий царскими стойлами и начальник сокровищницы. Кроме того, он «украшает колесничие войска (*t-nt-ḥtrj*) серебром, золотом, ляпис-лазурью, бирюзой и драгоценными камнями»; слово «колесничие войска» заканчивается знаком «лошадь». Если датировка стелы верна, Сапаир мог быть одним из первых лиц в администрации Мемфиса после изгнания гиксосов (см. выше, с. 202, примеч. 204).

а торговые пути были вновь открыты[31]. До недавнего времени в Карнаке находили только надписи времен правления Яхмоса; обнаружение притолоки с прекрасными рельефными изображениями и царским именем Хора «Бык в Фивах» свидетельствует о строительной деятельности Яхмоса в храме Амона (Le Saout et al., 1987, 306–307).

Сразу после освобождения Дельты и позднее происходило перераспределение земель; возможно, наделами вознаграждались те, кто преданно служил фараону. Так, например, Яхмос сын Абана получил участок возле Эль-Каба. Возможно, именно тогда Неши получил от Яхмоса земли возле Мемфиса, которые станут предметом известного судебного разбирательства при Рамсесе II[32]. Что касается упомянутых на оборотной стороне папируса с «Книгой мертвых» из Абусира (Erman, 1900c, 150; Winlock, 1921b, 14–16; James, 1973, 15–16) «владений» Тети-шери и Саткамос, то эти земли могли находиться в распоряжении этих знатных дам на основании вещного права (узуфрукта[33]) либо были отобраны у гиксосов и их сторонников. Возможно также, что это были новые земли, ставшие пахотными благодаря развитию сельского хозяйства, как позднее случилось с владениями Аполлония в Файюме или землями, которые римские императоры выделяли членам своих семей[34].

Международные отношения

Под международными отношениями понимаются, естественно, контакты невоенного характера, и говорить здесь о Нубии, которая была лишь целью военной экспансии, мы не будем. Однако необходимо рассмотреть вопросы, связанные с северными территориями, так как нередко высказываются предположения о существовании постоянных контактов между Египтом и Севером. Между тем ни одно из них не подтверждается при внимательном исследовании.

Некоторые детали орнамента на кинжале (Leclant et al., 1979, fig. 270) и секире Яхмоса (PM I, 601), особенно бегущие животные и гриф, действительно выглядят экзотично. Чаще всего полагали, что это свидетельство контактов с Критом. Главным аргументом в пользу этой гипотезы служила интерпретация термина *ḥꜣw-nbwt/хау-небут* — считалось, что речь идет о жителях островов Эгейского моря (Faulkner, 1962, 128: *статья nbwt*; и 161: *статья ḥꜣw-nbw*). В качестве подтверждения приводили и изображение царицы Яххотеп I, которую тогда считали матерью Яхмоса: ее лицо чрезвычайно выразительно и напоминает знаменитую «Парижанку» из Кносса. Полагали

---

[31] О мелких предметах, датированных этим царствованием, см.: Hayes, 1959, II, 43–46; Jaeger, 1982b; Romano, 1983; ваза CG 18483 с царским именем золотого Хора: von Bissing, перепечатано в Legrain, 1908a, 54–57; E. Mustaki, ASAE 45, 1947, 121–122.

[32] Процесс Меса: Gardiner, 1905, 25. О Неши: Posener, 1964. Обзор проблемы в целом: Gaballa, 1977, 22–32. Об имени Неши: Fischer, 1991.

[33] *Узуфрукт* — вещное право пользования чужим имуществом присвоения доходов от него, но с условием сохранения его целостности, ценности и хозяйственного назначения. — *Примеч. перев.*

[34] Claire Préaux, 1978, *Le monde hellènistique* I, Paris, 379–381 («Nouvelle Clio», L'histoire et ses problèmes, 6). О владениях императорской семьи, см., например, P. Ryl II, 148 (Johnson J. H., Martin V., Hunt A. S. *Catalogue of the Greek papyri in John Rylands Library Manchester II*, 1915, № 48).

также, что Яххотеп и сама могла быть критской принцессой и, более того, что критские воины могли участвовать в освобождении Египта. Но теперь мы знаем, что *хау-небут* — это непокоренный народ, населявший «дикие» территории там, где Дельта граничит с морем, а скорее всего, лишь их западную часть[35]. Однако это не приближает нас к пониманию титула, данного матери Яхмоса Яххотеп II — «Владычица берегов *хау-небут*» (Urk. IV, 21, 4). На фрагменте вазы с именем Яхмоса, найденном в гробнице Яхмос-Нефертари или Аменхотепа I в Дра Абу-н-Нага, сохранилось несколько знаков надписи, сообщающей о развлечениях (охоте?) в Кедеме (Carter, 1916, 152, n. 2 и pl. 21, 4). Этот термин очень редко встречается в египетских текстах. Семитское слово «Кедем», означающее «восток», появляется в «Истории Синухе» в связи с *kpnj/ Кепени* — топонимом, который обычно отождествляется с Библом. Опираясь на эту фрагментарную надпись, некоторые исследователи полагают, что Яхмос дошел до территорий, прилегающих к Библу (Redford, 1979a, 271–275). Однако против этой гипотезы есть много аргументов; главный из них заключается в том, что названия Кедем[36] и Кепени могли обозначать множество различных мест. Нет даже косвенных свидетельств того, что Яхмос продвинулся дальше Шарухена.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ, КОНЧИНА И ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА ЯХМОСА

«Старшей царской женой» Яхмоса была его сестра Яхмос-Нефертари, «дочь царя, сестра царя, старшая жена царя, супруга бога» (Gitton, LÄ I, 102–109, 1981; 1984, 28–42; Robins, 1986; Graefe, 1981). Причины, по которым Яхмос женился на своей сестре (что бы там ни говорили, случай редкий), нам совершенно неизвестны. Однако мы знаем, что подобные браки между родственниками не объясняются передачей права на трон по женской линии — эта гипотеза не имеет под собой оснований (Yoyotte, 1981b; Gitton, 1984, 31, n. 9; Robins, 1983a). Более того, царица получила титулы, которые говорят о том, что она принимала участие в управлении страной в царствование ее супруга Яхмоса. Начиная с 22-го года она носила титул «мать царя»; культ, объектом которого царица являлась вместе со своим сыном еще в Рамессидскую эпоху, мог быть связан именно с этим обстоятельством. Пока мы можем лишь перечислить факты, свидетельствующие об авторитете личности царицы среди египтян, но не знаем, что послужило причиной такого к ней отношения[37]. Яхмос-Нефертари дожила до царствования Тутмоса I.

---

[35] Все материалы представлены Ж.Веркуттером в двух статьях: BIFAO 46; BIFAO 48. Значение термина было оспорено — см., например: Basch, 1976; Vandersleyen, LÄ II, 1053–1054. — Интерпретация А. Нибби (1989c), возможно, содержит чрезмерные ограничения, но очень точна.

[36] По мнению Х. Гёдике (1986b, 45–47), Кедем — это Негев. Один Кедем был и в Западной Дельте, см.: Brunner, 1964, 44–45; Vernus, LÄ VI, 1302–1303.

[37] Об этом культе см.: Gitton, 1981, и Gay Robins, 1983b, 70–73. — Напомним, что Нефертари — одна из пяти цариц, чьи имена с посвящением Себеку из Сумену вырезаны на цилиндрах и жемчужинах ожерелья. Другие четыре царицы — Хнемет-нефер-хеджет старшая, Нефрусебек, Хатшепсут и Тийя.

Существует гипотеза, согласно которой у Яхмоса были и другие жены, и даже другая старшая царская супруга Саткамос: царь будто бы был женат на ней до Нефертари, но она скончалась еще в молодости. Однако это лишь предположение, надежных данных у нас нет (Vandersleyen, 1977, 242; см., впрочем: Hayes, 1959, II, 44). С семьей царя связаны и другие загадки. Известно, что у него было два сына и, видимо, одна дочь. Первый сын — принц Яхмос, изображенный на «Стеле дарения» и скончавшийся еще при жизни отца. Второй сын — унаследовавший трон Аменхотеп I. Дочь Яхмоса Меритамон, сестра Аменхотепа I, стала женой последнего.

Мумия Яхмоса была обнаружена в царском тайнике в Дейр эль-Бахри в собственном саркофаге, но как и в случае с Камосом, это очень скромный саркофаг без уреев (Daressy, 1909, 3, № 61002, вопреки Eaton-Krauss, 1990, 302, n. 5). Гробница царя не найдена. Нам также неизвестна причина его смерти.

Культ Яхмоса существовал долго (Vandersleyen, LÄ I, 100; Clère, 1967), но не приобрел такого размаха, как культ его жены. Яхмос остался в памяти последующих поколений как основатель династии и выдающаяся личность[38]. Между тем начальный период правления династии оказался довольно скромным: освободительная война, кажется, истощила все силы страны. В фиванском некрополе сохранилось мало свидетельств того времени. Главное из них — гробница Тетики, правителя города Фив (TT 15) и, возможно, родственника царя, так как в гробнице изображена Яхмос-Нефертари, поклоняющаяся корове Хатор. Судя по форме иероглифа луны, усыпальница датируется царствованием Яхмоса[39]. Тогда же была сооружена и гробница Панахта, начальника житниц Амона (A 20). Другие известные нам деятели того времени надолго пережили царя. Это, например, Аменемхет, изобретатель клепсидры, чья гробница, ныне полностью разрушенная, датируется царствованием Тутмоса I (TT C 2, PM I, 457), и два воина из Эль-Каба, карьера которых при Яхмосе только начиналась. Примечательно, что потомки этих воинов — внук Яхмоса, сына Абана, живший при Тутмосе III, и сын внучатого племенника Яхмоса Пеннехбета, живший, вероятно, при Аменхотепе III — прославляли своих предков, словно желали воскресить память о былом величии Эль-Каба во II Переходный период и в начале правления XVIII династии[40].

Изображения царя в жанре круглой скульптуры немногочисленны, но показательны. Это грубо высеченная голова из коллекции Келекяна (Нью-Йорк) с необычно большими глазами; очень плохо сохранившаяся голова из музея в Хартуме № 3828; совершенно классическая по стилю статуэтка ушебти из Британского музея, — возможно, изготовленная сразу же после кончины царя и фактически датируемая правлением следующего фараона. Атрибуция перечисленных статуй подтверждена надписями

О многочисленных изображениях царицы Яхмос-Нефертари с черной кожей в Рамессидскую эпоху см.: Manniche, 1979.

[38] В Саккарском списке (Kitchen, RI III, 481) имена Ментухотепа II и Яхмоса расположены рядом, открывая перечни соответственно имен царей Среднего и Нового царств, которые расходятся от них в противоположных направлениях.

[39] О найденной в Карнаке статуе Тетики и его матери см.: Sauneron, Vérité, 1969; фрагмент статуи: Лондон, Британский музей 50749.

[40] Свидетельством значимости Эль-Каба на заре Нового царства может также служить титул «первый царский сын (города) Нехбет». Это культовый титул, который носил и Яхмос Пеннехбет, а до него — некоторые члены его семьи; см.: Nagy, 1983. После правления Аменхотепа II этот титул исчезает: De Meulenaere, 1988, 212.

(Lindblad, 1984, pl. 1, 2; Romano, 1976, pl. 28–29; Vandersleyen, 1971, pl. 4). По немногочисленным царским барельефам мы можем проследить постепенное возрождение искусства, которое достигает совершенства в «Стеле дарения» и стеле из Абидоса — художественных произведениях высочайшего уровня.

БИБЛЕЙСКИЙ ИСХОД

Иосиф Флавий, ссылаясь на Манефона, датирует исход евреев из Египта царствованием Яхмоса[41]; из всех эпитоматоров Манефона только Евсевий относит Исход к концу правления XVIII династии. Для этих древних авторов было очевидным, что израильтяне входили в число народов, приведенных гиксосами, и этой версии придерживались исследователи еще в начале XX века[42]. Между тем сегодня является общепринятой гипотеза, выдвинутая еще во времена К. Лепсиуса[43], согласно которой исход из Египта произошел в Рамессидскую эпоху[44]. В первую очередь она основана на упоминании в Библии города под названием Раамсес: именно там, как и в Пифоме, египтяне угнетали израильтян (Ex. 1, 11), именно оттуда народ Израилев начал свой путь из Египта через Сокхоф (Ex. 12, 37; Num. 33, 3)[45]. Очевидно, что употребление топонима «Раамсес» является анахронизмом: он использовался уже для обозначения области, в которой Иосиф поселил своего отца и своих братьев (Gen., 47, 11). Анахронизмом является и упоминание о «дороге земли Филистимской» в повествовании об Исходе (Ex. 13, 17). Таким образом, использование этого топонима не мешает датировать Исход из Египта периодом, предшествующим царствованию Рамсеса II. Отметим также, что локализация библейского Раамсеса сама по себе является результатом поздней «подгонки» под политическую географию, а в большинстве переводов Ветхого Завета на арамейский язык (таргумах) Раамсес и Пифом заменены на Пелусий и Танис[46].

Несоответствие сведений об Исходе в библейской и постбиблейской традиции породило множество противоречащих друг другу гипотез относительно местоположения Гошена/Гесема, где Иосиф разместил своих братьев[47], а также пути, по которому

---

[41] Manetho, 86–89; 100–147 passim. — Не везде царь, изгнавший «пастухов», — Яхмос, иногда это Тетмосис и даже Мисфрагмутосис (из-за смешения с Тутмосом III), но речь всегда идет о первом царе династии.

[42] Hall H. R. The Ancient History of the Near East from the Earliest Times to the Battle of Salamis. Londres, 1913; Orr J. The Problem of the Old Testament. Londres, 1906, пер. на фр.: Thouvenot E. Le Problème de l'Ancien Testament. Genève, 1908.

[43] История вопроса, см.: Bimson, 1978, 13–17.

[44] Обо всех предложенных датировках см.: Patane, 1988. — Общий обзор исторических данных, которые можно почерпнуть в Библии о патриархах, коленах Израилевых в Египте и Исходе, содержится в работе: O. Eissfeld, 1975a, 307–330. — Автор уверен, что Исход произошел в XIII веке, однако нет никаких археологических доказательств переселения евреев в Палестину в этом столетии; H. J. Franken, ibid., 331–337.

[45] Например, Peake's Commentary of the Bible, 1937, 244–245 (хронология).

[46] Gitton, 1979b; Bietak, LÄ V, 132. — Об идентификации и локализации Пифома и Сокхофа см. замечательную статью: Bleiberg, 1983.

[47] Cazelles, 1977, полагает, что это юг Иудеи; Krachmalkov, 1981: регион Арманта.

израильтяне покидали Египет. Может, они выбрали северную дорогу через болотистые местности — и тогда библейский «*ям суф*» будет «тростниковым морем» или же прошли по южной дороге и перешли Красное море[48]? Есть традиционная точка зрения, приверженцы которой противятся всяким новым интерпретациям (Kitchen, 1966, 57–60). Есть и те, кто сомневается в реальном характере изложенных событий и полагает, что этот рассказ составлен на основе топонимии позднего времени, то есть датируется, самое раннее, эпохой XXVI династии или персидским периодом (Redford, 1987a; Diebner, 1984). Этой теме посвящено и множество комментариев и толкований на грани научной фантастики.

Между тем по тексту Библии разбросаны цифровые данные, говорящие в пользу более ранней даты Исхода. Суммировав сроки продолжительности исторических периодов, указанные в Пятикнижии, Книге Иисуса Навина и Книге Судей (Bimson, 1978, 80), мы получим 534 года до царствования Соломона. К этому следует добавить три периода, продолжительность которых нам неизвестна, правления самого Иисуса Навина и его непосредственных преемников Самуила и Саула, то есть приблизительно 60 лет[49]. Таким образом, Исход произошел за 594 года до царствования Соломона, в середине XVI века до н. э. Еще одно свидетельство: согласно первой «Книге царей» (I, 6), Исход датируется 480 годом до основания Храма (4-й год Соломона), то есть приблизительно 1400 годом до н. э., но здесь, по древней иудейской традиции, не учитываются годы чужеземного гнета и правления узурпаторов (то есть 114 лет господства Хусарсафема, Еглона, Иавина, мадианитян, аммонитян, филистимлян и Авимелеха). Итак, результаты подсчетов уводят нас во времена, отстоящие далеко от правления Рамсеса II, — в XVI век до н. э.[50]

Конечно, достоверность этих хронологических выкладок не доказана, но они были отброшены только потому, что противоречат более поздней датировке Исхода, которая при этом не основывается ни на одном историческом источнике. Были высказаны и предположения, согласно которым Исход произошел до эпохи Рамессидов, но позже XVI века. Аргументы в их пользу очень спорны. Ш. Йейвин полагал, что израильтяне могли покинуть Египет только в царствование слабого царя, и, изучив период от Тутмоса III до Рамсеса II, счел, что речь идет о царствовании Эхнатона (Yeivin, 1971, 236). Дж. Бимсон, не объясняя подробно, почему он выбрал 1470 год — который в предложенной им хронологии падает на царствование Аменхотепа II, — действительно опирается на некоторые сведения из Библии: пристальное внимание он уделеляет цифре «480» — числу лет, отделяющих Исход от основания Храма. Проанализировав данные

---

[48] Иногда этот переход трактуют не как реальное событие, а как аллегорию перехода от жизни к смерти, см.: Wright, 1979, GM 33, 55–68.

[49] Nöldeke Th. Untersuchungen zur Kritik des Alten Testament, 1869, 173–198. — Этими и многими другими сведениями, приведенными на этих страницах, я обязан Кристиану Каннюийе (Christian Cannuyer), которого сердечно благодарю.

[50] Аргументы, которые могут быть выведены из списка царей Эдома (Gen. 36, 31–39), представляются мне ненадежными. Получается, что в период между временем Давида и временем Моисея было всего 8 царей, то есть 8 поколений, а это никак не больше 240 лет, и лишь в том случае, если первый из списка, Бела, сын Веора, является Валаамом, современником Моисея. Но никаких доказательств в пользу этого нет, а отождествление основано лишь на том факте, что оба были сыновьями Веора. Никакой связи между Валаамом и Эдомом в тексте не проводится; в нем также не сказано, что Валаам был царем и современником Белы.

археологических раскопок в Палестине, Бимсон делает вывод, что культурный слой времени прихода израильтян соответствует периоду Средней Бронзы II C, а не Поздней Бронзы A, то есть период Средней Бронзы II C следует датировать XV веком. Но не следует ли скорее отнести Исход к XVI веку?

Несколько странным представляется тот факт, что ни один из упомянутых авторов не учитывает сведения, имеющиеся у Манефона: Йейвин не упоминает его вообще, а Бимсон походя отбрасывает эти данные на том основании, что Манефон смешал изгнание гиксосов и Исход, Шарухен и Иерусалим (Bimson, 1978, 131).

Как уже было отмечено, все предложения относительно Исхода основаны на умозрительных построениях и не учитывают редкие цифровые данные, сохранившиеся в Библии и в текстах Манефона. Между тем единственное точное указание на время Исхода — царствование Яхмоса — дает только Манефон.

Доводом против более ранней даты Исхода считают тот факт, что в Библии почти нет сведений о периоде между 1600 годом и царствованием Давида. Могла ли традиция пренебречь столь длительным отрезком времени? Есть и другой аргумент: если израильтяне уже в XVI веке до н. э. обосновались в Палестине, почему в Библии нет даже намека на походы Тутмоса III или Рамсеса II, которые между тем закончились если не колонизацией, то закабалением Сиро-Палестинского региона? Существует множество возможных ответов, но ни один из них не выглядит убедительнее самого возражения. Столкновения между кочевым народом Израиля и народами, с которыми он соприкасался или которые он подавлял, являлись событиями местного масштаба. Иными словами, речь шла о постоянных войнах между племенами в данном регионе, о которых есть упоминания в «Амарнских письмах». Фараоны в них не вмешивались, так как, по сути дела, эти войны их не касались. Упоминания фараонов в Библии сводятся к нескольким случаям, причем не называется ни одного имени. Первые фараоны, имеющие отношение к истории Израиля и известные нам по именам, — это Шешонк, Априй и Нехо II.

Когда знакомишься с обстоятельствами Исхода, включая десять казней египетских, невольно думаешь: возможно, с началом Исхода совпал некий тектонический или климатический катаклизм, который и послужил для него поводом и как-то потряс людей? Предположение о том, что эти события могли быть вызваны извержением вулкана Санторин (о. Тира или Фера), не относится к области научной фантастики. Точная дата извержения не установлена; различные подвижки земной коры могли и предшествовать главному взрыву, и последовать за ним[51]. Физические методы датировки (радиоуглеродный анализ, дендрохронология, исследование воздействия извержений на состав полярных льдов)[52] еще не дали точных результатов, но применяющие

[51] Существует также гипотеза, согласно которой произошли два извержения с промежутком в 50 лет: Marinatos, *apud* Scranton, 1976, 196.

[52] См., например: McCoy F. W. The upper Thera (Minoan) ash in deep-sea sediments: distribution and comparison with other ash layers. Thera and the Aegean World, II, Londres, 1980, 57–78; Lamarche V. C., Hirschboek K. K. Frost rings in trees as records of major volcanic eruptions, Nature, 1984, 307, 121–126; Hammer C. U., Clausen H. B., Dansgaard W. Greenland ice sheet evidence of post-glacial volcanism and its climatic impact, Nature, 1980, 288, 230–235; Stothers R. B., Rampino M. R. Volcanic Eruptions in the Mediterranean Before A. D. 630. From Written and Archaeological Sources, Journal of Geophysical Research, 1983, 88, n. B8, 6357–6371; Simkin T. et al. Volcanoes of the World, Stroudsburg, Smithsonian Institution, Pa, 1981, 11. — Благодарю за предоставленные сведения геолога Тьерри де Пюттера (Thierry de Putter). Х. Гёдике (Goedicke, 1986, 169–171) ссылается и на другие исследования.

их ученые относят событие к периоду между 1700 и 1400 годами[53]. С. Маринатос, проводя археологические раскопки на Тире, первым обратил внимание на исторические последствия извержения. Хотя единого мнения все еще нет, некоторые вулканологи полагают, что извержение на Тире было сильнее знаменитого извержения вулкана Кракатау в 1883 году. Эпицентр извержения находился в 900 км по прямой линии от Восточной Дельты, однако его должны были видеть в Египте, и оно стало причиной различных потрясений, как те, о которых упоминает автор заметок на папирусе Ринда, — рев Сетха в один день и дождь на другой день[54] или столп облачный, который вел евреев днем, и столп огненный, который вел их ночью (Исх. 13, 20–22). Ученые уже давно связали Исход с извержением Санторина и его последствиями. Галанопулос[55] сравнил историю о том, как расступились морские воды и сделалось море сушей (Исх. 14, 15–30), с цунами, то есть с внезапным сильным приливом, а затем отступлением моря, которые сопровождают вулканические явления[56]. Можно также задаться вопросом: не была ли буря, память о которой увековечил Яхмос, связана с этими событиями? Бури — обычное явление для Египта, эта же должна была оказаться значительно сильнее и разрушительнее обычных, ведь она удостоилась целого отчета[57].

Датировка XVI веком, предлагаемая вулканологами, находит соответствие и в текстах Манефона. Исследователи отчаянно пытаются найти хронологические указания относительно Исхода, но удивительно, что они систематически игнорируют данные, приведенные Манефоном. Х. Гёдике предположил, что извержение Санторина произошло в царствование Хатшепсут, и связал этот катаклизм с исходом евреев из Египта. Последовал шквал возражений со стороны специалистов по Библии, считающих эту дату слишком ранней[58]. Между тем, учитывая совпадения

---

[53] Последнее время к этому вопросу интерес вырос; хронологическая «вилка» уменьшилась до 1628–1500 годов. Помимо исследований, уже перечисленных в предыдущей ссылке, см.: Vanschoonwinkel, 1990b, где приводится библиография, посвященная этой проблеме, за 1970–1990 годы. Эта проблема также являлась центральной темой 3-го Конгресса на Санторине, состоявшегося в 1989 году; тома II и III, посвященные один — геологии, второй — хронологии, содержат статьи по данной теме (см.: Thera, 1990). Благодарю Томаса Вансхонвинкеля за предоставленные сведения.

[54] См. выше, с. 212. Многочисленные куски пемзы, обнаруженные при раскопках в Телль эд-Даба, М. Битак (Bietak, 1992, 28) связал с извержением Санторина; следы, возможно, того же извержения обнаружены на севере Дельты. Эти куски пемзы М. Битак нашел в «слое, датируемом предположительно временем после Яхмоса, но до Тутмоса III».

[55] Galanopoulos, 1964; Galanopoulos, 1967.

[56] Георгий Синкелл приводит слова одного из эпитоматоров Манефона, Юлия Африкана, о шестом царе XVIII династии: «В его царствование случилось Девкалионово бедствие», то есть потоп. Из этого следует вывод о продолжительности правления первых шести царей: «Итак, согласно Африкану, до царствования Яхмоса, названного также Мисфрагмутосисом, прошло в общей сложности 69 лет. О продолжительности царствования Яхмоса он ничего не говорит» (Manetho, 112–113). Очевидно, Синкелл работал с поврежденным текстом, в котором перепутаны первый и шестой цари династии. Может быть, это краткое сообщение, которое передает только один эпитоматор Манефона, отражает тот факт, что в царствование Яхмоса случился страшный шторм (цунами), оставшийся в памяти поколений как Девкалионов потоп?

[57] См. также: Davis E. N. Thera, 1990, III, 232–235.

[58] Я не видел первую публикацию Х. Гёдике, но на нее есть серия озывов: Krahmalkov C. R., Oren E. D., Shanks H. Biblical Archaeology Rewiew, 1982, 7. — Далее следуют статьи в кн.: Goedicke, 1984d, где Гёдике настаивает на том, что извержение случилось при Аменхотепе I. В работе Goedicke, 1988b,

между сообщениями Манефона, данными вулканологов об извержении Санторина и природными явлениями, описанными как в повествовании об Исходе, так и в египетских текстах, датировка Исхода царствованием Яхмоса заслуживает пристального внимания.

Самая поздняя из предлагаемых датировок — царствование Рамсеса II или чуть позже — вызывает многочисленные трудности, отмеченные даже приверженцами этой гипотезы. Как объяснить присутствие израильтян в Палестине во время военной кампании Мернептаха, если исход из Египта только начался[59]? Это же касается и появления имени *jhw3*/*ихва* (возможно, Яхве) как топонима в списке Аменхотепа III в Солебе (Hermann, 1966) и существования в Палестине до начала правления XIX династии колена Асира/Ашера (Kitchen, 1966, 69–75)[60].

Итак, каковы бы ни были возражения современных толкователей, не следует a priori отвергать и гипотезу, согласно которой исход евреев из Египта был связан с изгнанием гиксосов[61].

он подробно излагает версию, согласно которой извержение имело место при Хатшепсут; ни в одной из этих статей нет никаких упоминаний об Исходе. О гипотезах относительно пути следования евреев во время Исхода см.: Gitton, 1979b, 1111–1112; Bietak, LÄ V, 631–632. — О «Тростниковом море» см.: Bietak, LÄ V, 629–634.

[59] Сгладить это несоответствие пытались различными способами — например, отрицая, что Мернептах вел кампанию в Азии, или считая Израиль одним из колен, которое еще не переселилось в Палестину, см.: Sourouzian, 1989, 209–215.

[60] Отождествление израильтян с *шасу* (Görg, 1979), присутствовавшими в Палестине еще до XIX династии, опровергнуто в работе Yurco, 1986, 210.

[61] В современной науке преобладает мнение о том, что и приход, и исход евреев имели место в эпоху Рамессидов (Schulman, CdE 65, 1990, 72; Eissfeld, см. выше, с. 232, примеч. 4).

Глава III
АМЕНХОТЕП I.
Ок. 1517–1497 годов до н. э.

ХАРАКТЕР ЦАРСТВОВАНИЯ. ХРОНОЛОГИЯ. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

При изучении источников царствования Джосеркара Аменхотепа[62] поражает контраст между многочисленностью художественных памятников и скудостью сведений о военной и государственной деятельности царя. Конечно, лишь немногие предметы искусства были обнаружены на своем изначальном месте, но количество найденных блоков впечатляет. Многочисленны и статуи царя. По сравнению с редкими и своеобразными памятниками времен Яхмоса, предметы искусства, созданные при Аменхотепе I, вновь обретают традиционную форму. Сходство между рельефами Аменхотепа I и Сенусерта I объясняется, возможно, не только подражанием творениям предков, но и возвращением к традиционной египетской графичности. Немногочисленность прочих источников можно объяснить разными причинами. Деятельность Яхмоса оказалась в высшей степени эффективной: со стороны Азии Египту более ничто не угрожало, и лишь на 8-м

[62] Монография, посвященная этому царю: J. Schmitz, 1978. — См. также рец. в JEA 70, 1984, 160–162.

году сообщается об экспедиции в Нубию. Следует также помнить, что Аменхотеп I взошел на престол еще ребенком. И в этом случае также нелегко определить точный возраст царя при всей его важности. Мы можем только попытаться вычислить его, опираясь на более или менее надежные данные. Старшим сыном Яхмоса был не Аменхотеп, а принц Яхмос, который изображен еще совсем младенцем рядом со своими родителями на «Стеле дарения». Этот памятник предположительно датируется 18–22-м годами правления Яхмоса[63]. Аменхотеп I был младшим братом Яхмоса; следовательно, к моменту восшествия на престол ему было меньше десяти лет. Это может служить объяснением как бездействия царя в первые годы царствования, так и роли, которую играла Яхмос-Нефертари, чей образ, навеки соединенный с именем ее сына, остался в памяти последующих поколений.

Согласно Манефону (100–101), которого Иосиф Флавий, по его утверждению, цитирует дословно, Аменхотеп I правил двадцать лет и семь месяцев. Евсевий говорит о «двадцати одном годе» (114–117)[64]. Эти данные подтверждаются и неким Аменемхетом, утверждавшим, что он изобрел водяные часы; карьера его продолжалась в течение 10 лет царствования Яхмоса и 21 года царствования Аменхотепа I (Helck, № 125). Граффито некоего посетителя Саккара датировано 20-м годом[65]. Аменхотеп I занял трон на следующий день после кончины Яхмоса — вероятнее всего, в 3-м месяце *шему* (Schmitz, 1978, 22–23). Скончался он, видимо, в 20-й день 3-го месяца *перет*, так как нам точно известна дата восшествия на престол Тутмоса I, которое должно было состояться на следующий день после кончины Аменхотепа I[66] (Urk. IV, 81, 2–4).

Нам мало известно о семье царя. Он был сыном Яхмоса и царицы Яхмос-Нефертари и младшим братом царевича Яхмоса — единственного из детей царя Яхмоса, изображенного на памятнике еще при жизни отца. Супругой Аменхотепа I была Меритамон, чья гробница обнаружена в Дейр эль-Бахри[67]. Меритамон была «дочерью

---

[63] Об этом рельефе см. выше, с. 215–217.

[64] Евсевий, видимо, округлил двадцать лет и семь месяцев, указанные Иосифом Флавием, так же как и продолжиительность царствования Яхмоса (двадцать пять лет и четыре месяца). Юлий Африкан (Manetho, 111), как правило, приводящий надежные данные, говорит о двадцати четырех годах вместо двадцати одного, что, возможно, является просто опиской (из-за путаницы между греческими А и Δ). Следует, однако, помнить, что список Манефона находился в очень плохой сохранности. Между первым и вторым царями династии все эпитоматоры помещают Хеброна, который мог быть сыном Яхмоса и правил тринадцать лет. Считается, что речь идет об одном из преемников Аменхотепа, например о Тутмосе II, чье тронное имя было Аахеперенра; Хеброн — его искаженный вариант. В любом случае Хеброн не мог править между Яхмосом и Аменхотепом I, и Уодделл (Waddell) считает факт его внесения в список необъяснимым («unexplained»: Manetho, 101, n. 1). Наличие путаницы в манефоновском списке подтверждается и тем, что Флавий называет Тетмосиса вместо Амосиса, а вместо правильной греческой передачи имени Аменхотеп — Аменофтис (переданной только Африканом) — пишет «Аменофис» (Manetho, 111). О греческой передаче имени Аменхотеп см.: Quaegebeur, 1986. О путанице в списках манефоновской традиции см.: Helck, 1956.

[65] Firth, Quibell, 1935, 79 A. Перечень датированных памятников см. в: Schmitz, 1978, 8–12.

[66] Новый царь восходил на престол на следующий день после кончины своего предшественника; см.: Barta, 1980.

[67] PM I, 629–630. В работе Logan, Williams, 1977–1978 доказано, что эта гробница была возведена до царствования Хатшепсут, но после 22-го года Яхмоса. Черты лица этой царицы, какими мы его видим на этом великолепном саркофаге, очень похожи на черты Аменхотепа I; вызвано ли это стилистическими особенностями изображения или свидетельствует об их родстве? Об этой гробнице см. также: E. Thomas, 1980; Romer, 1976.

царя, сестрой царя, старшей царской женой» — следовательно, дочерью Яхмоса и сестрой Аменхотепа. Но ни в одном источнике не сказано напрямую, что она была еще и его женой. Вероятно, именно Меритамон изображена на найденной в Каср Ибриме (Нубия) стеле от 8-го года правления Аменхотепа I[68]. Здесь она сопровождает царицу-мать Яхмос-Нефертари, но ее картуш стерт — возможно, из-за имени бога Амона, входящего в состав имени Меритамон. По окончании Амарнской эпохи картуш восстановили, но вписали в него имя Яхмос-Нефертари — о ней писцам Рамессидской эпохи было известно гораздо больше, чем о Меритамон[69].

О детях Аменхотепа I мы ничего не знаем; его преемник Тутмос I не был его сыном.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

Военные кампании

Никаких свидетельств о военной или дипломатической деятельности царя в Азии не сохранилось[70]. Что касается нубийской кампании, то она хорошо отражена в источниках, а различные надписи, обнаруженные в этом регионе, позволяют датировать эту экспедицию приблизительно 8-м годом правления Аменхотепа I; речь, вероятно, идет о событиях, описанных двумя воинами из Эль-Каба. Яхмос, сын Абана, рассказывает (Urk. IV, 6–8), что привел царский корабль в Куш, то есть в регион за 2-м порогом с центром в Керме, который населяли *иунтиу сетиу*; их вождь был сражен, находясь посреди своих воинов, а его разбитая армия приведена к покорности. Яхмос добыл в бою две вражеские руки. Затем солдаты Аменхотепа I нашли и сам народ — людей и стада; Яхмос взял одного пленника. Народ этот обитал не на берегах Нила, а рядом с источником, который назван «источником верхней страны» или «верхним источником». За два дня Яхмос привел корабль царя к Кемет (этот топоним здесь может обозначать лишь полосу черной наносной (аллювиальной) земли в той же долине). Яхмос получил еще одного пленника и двух женщина-рабынь, а также титул «боец

[68] Plumley, 1964, 4, pl. I, 3 (стела хранится в Британском музее); J. Schmitz, 1978, 9.

[69] Имя Яхмос-Нефертари все еще читается. Царица, очевидно, носила только титул «мать царя»; жена царя носила титулы «дочь царя, сестра царя, супруга бога, жена царя», слово «старшая» отсутствует — возможно, из-за нехватки места. От изначального имени не осталось ничего, кроме штриха, который может быть левым краем полумесяца; но так как супругу Аменхотепа звали, по всей видимости, Меритамон (без начального «Яхмос»), этот штрих несколько сбивает с толку.

[70] В надписи Аменемхета-«часовщика» (Helck, № 125, 1) Митанни явно упоминается как недружественное государство (хотя текст сильно поврежден). В этом отрывке речь идет о царствовании не Яхмоса или Аменхотепа I, а скорее всего, Тутмоса I. Дверные косяки, изученные Р. Редфордом (Redford, 1979a), на которых запечатлены топонимы Кедем, Тунип и Джаиуни, датируются на основании лишь одного и крайне ненадежного критерия — стиля; предлагаемая Редфордом (Redford, 1979a, 273, 277) датировка приблизительно 10-м годом правления Аменхотепа I представляется надуманной. С другой стороны, при полном отсутствии даже косвенных свидетельств азиатской кампании Аменхотепа I существует множество источников об азиатской кампании Тутмоса I (Id., 275–276). Стилистическое сходство может объясняться хронологической близостью этих двух правлений; датировка этих блоков царствованием Тутмоса I кажется более вероятной. См. также: Bradbury, 1985, 19.

правителя». Яхмос Пеннехбет также участвовал в экспедиции в Куш — вероятно, в той же самой — и добыл в ней одного пленника (Urk. IV, 36, 1–4)[71].

Итак, согласно надписи Яхмоса сына Абана, царь лично участвовал в походе. К тому моменту Нубией уже управлял вице-король («царский сын») Тури. На 8-м году правления Аменхотепа I он оставил лаконичную надпись на южной оконечности острова Уронарти[72], где царь повелел возвести храм (Schmitz, 1978, 8; PM VII, 143). Другая надпись Тури, такая же короткая, обнаружена в Семне (Hintze, Reineke, 1989, № 368); она датирована 9-м годом правления Аменхотепа I. Царская стела от 8-го года правления в Каср Ибриме (см. выше, с. 240–241) также имеет отношение к Нубии, поскольку царь и две следующие за ним женщины приносят дары Хору из Миама, то есть из Анибы, расположенной почти напротив Каср Ибрима. На этой стеле, сильно поврежденной, царь назван «возлюбленным» богом войны Монту, Атумом и, возможно, Гебом; речь также идет о золоте и о неких изделиях, которые в несметном количестве принесли *иунтиу* и *ментиу*. Присутствие Аменхотепа I на о. Саи, за 2-м порогом, засвидетельствовано блоками с надписями (Vercoutter, 1956, 75–79; 1973; J. Schmitz, 1978, 127–128, 248–250); создается впечатление, что остров уже при Яхмосе находился в руках египтян. Археологических свидетельств, которые указывали бы, насколько далеко продвинулась армия Аменхотепа I, не обнаружено. Согласно рассказу Яхмоса, сына Абана, целью было «увеличить территорию Египта» за счет Куша. Если Саи уже находился в руках царя, представляется вероятным, что он продвинулся по Нилу так далеко, насколько это было возможно — то есть до 4-го порога, — и завладел богатыми землями Донголы между 2-м и 4-м порогами. Единственный географический ориентир в тексте Яхмоса сына Абана — это находящийся на каком-то расстоянии от Нила «верхний колодец», к которому, спасаясь, бежали *иунтиу* и *сетиу* со своими стадами. Луиза Брэдбери (Louise Bradbury) вполне резонно предположила, что «верхний колодец» — это не просто источник воды, а конкретное место, достаточно заметное, чтобы служить единственным географическим ориентиром кампании в тексте. Она полагает, что речь может идти о колодце Калас, расположенном на большой высоте, на дороге, пересекающей современную пустыню Баюда, приблизительно в 90 км от Нила, напротив Гебель Баркала (Bradbury, 1985, 15–16) В этом случае становится понятным, почему Яхмос, сын Абана, так гордился тем, что всего за два дня привел царя от колодца в долину.

Достигнув 4-го порога, Аменхотеп I смог установить прямой контакт с караванами, которые, следуя с юго-запада через пустыню Баюда, связывали Донголу с регионом Шенди, Бербер и Мероэ, там, где сливаются два рукава Нила, то есть с центрами тропической торговли в глубине Африки. Именно в районе современного города Донгола заканчиваются некоторые пути, ведущие из Дарфура и Кордофана на юго-западе Судана. Не были ли направлены все усилия фараонов как раз на уничтожение Кермы как преграды между торговцами с юга и Египтом? Оставалась еще угроза

[71] Этот Яхмос сообщает о двух экспедициях: одна была снаряжена против Куша, другая — в область к северу от Иаму-Кехек. Место это не локализовано; есть предположения, что речь идет о некоей области в Ливии или в Нубии (см.: DNG I, 70; V, 208; Kitchen, 1990, 15 и n. 3; Zibelius, 1972, 25 и 165). Обе версии заслуживают внимания; см. ниже, с. 495–499.

[72] Hintze, Reineke, 1989, № 512 и 368: в надписях нет никаких упоминаний ни о военной, ни о какой-либо другой деятельности.

со стороны региона 4-го порога, которую временно устранил Тутмос I, — но затем то же самое пришлось сделать Тутмосу II. Тутмос III зашел дальше 4-го порога, но ни он, ни другие фараоны после него уже не смогли отодвинуть границу Египта еще дальше на юг.

Итак, экспедиция Аменхотепа I в Нубию наверняка могла являться значительным для страны событием. Стела более позднего (Рамессидского?) периода связывает деятельность Аменхотепа I с областью Кари (Urk. IV, 50, 7–12), то есть с территориями, лежащими ниже 4-го порога, что представляется достоверным.

Государство в мирное время

Итак, фараон укрепил южную границу Египта; за северные границы он был спокоен благодаря освободительной войне, в ходе которой Яхмос дошел до самого сердца гиксосских владений. На западе имелась египетская администрация: нам известен губернатор оазиса[73]. Оставшиеся 12 лет царствования Аменхотеп I посвятил мирной деятельности и, в частности, вновь открыл заброшенные дороги. Египтяне опять стали отправляться на Синай, где в последний раз их присутствие было засвидетельствовано в конце XII династии. Аменхотеп I начинает строительство в Серабит эль-Хадим; здесь найдены также обращения в честь него и его матери (PM VII, 361; Gardiner et al., 1955, II, 37, 149). Алебастровый карьер в Босре был вновь открыт от имени Яхмос-Нефертари, но не исключено, что он заработал еще к концу царствования Яхмоса[74]. При Аменхотепе I началась добыча песчаника в Силсиле[75]. Многочисленные свидетельства строительной деятельности Аменхотепа помимо Синая и острова Саи обнаружены и в Египте, но только на территориях от Элефантины до Абидоса.

К храму Осириса в Абидосе Аменхотеп I пристроил часовню, посвященную его отцу Яхмосу[76]. Найденные блоки свидетельствуют о возведении построек в Эль-Кабе в честь богини Нехбет[77], а также в Ком Омбо[78] и на Элефантине (Lepsius, DText IV, 123). Но наиболее интенсивную деятельность царь вел в фиванском регионе. Именно тогда начинается стремительный рост столицы, заброшенной при XVII династии; основные работы велись в Карнаке, а главным божеством, в честь которого здесь возводились памятники, был Амон[79]. Ничего из построенного Аменхотепом на своем месте не сохранилось, но сотни блоков из прекрасного известняка, обнаруженные, в частности, в третьем пилоне — настоящей сокровищнице древних памятников, собранных там

---

[73] Стела Лувр C 47, Urk. IV, 50–51. Со времени экспедиции, отправленной Камосом, чтобы перехватить гонца Апопи, других сведений об оазисах нет.

[74] PM IV, 247; Gitton, 1981, 13. — При открытии известняковых карьеров в Маасаре на 22-м году правления Яхмоса царице было отведено более важное место, чем ее мужу.

[75] Lepsius, D III, 200 b, и Petrie, 1888, 476 = Urk. IV, 52: надписи начальника работ Пениати в Шатт эр-Ригал, датирующиеся периодом от Аменхотепа I до Хатшепсут (также № 357).

[76] PM V, 39–42; Manuel II, 654–656; Petrie, 1902, I, фронтиспис и pl. 62–64; 1903, III, pl. 21, 1; Kemp, 1968, 142–143.

[77] Fouilles de Elkab, 1940, I, pl. 19; II, pl. 25, 42–44; 1964, III, 100 (Werbrouck).

[78] PM VI, 201; Maspero, 1883, 78; фрагмент, хранящийся в Лувре (PM, VI, 201), происходит не из Ком Омбо, а из храма царя рядом с Дра Абу-н-Нага (см. ниже, с. 235).

[79] О памятниках Аменхотепа I в Карнаке см.: Graindorge, Martinez, 1989; Albouy et al., 1989, 59–60; Barguet, 1962, index, p. 354.

при Аменхотепе III (PM II, 61–74; Björkman, 1971), — дают представление о значительных размерах этого здания, первого из пристроенных к старому храму эпохи Среднего царства. Вероятно, Аменхотеп I возвел вокруг первоначального центра храмового комплекса каменную стену, к которой изнутри примыкали многочисленные часовни и кладовые[80]; блоки этой стены украшены рельефами с изображениями царя (PM II, 74; Björkman, 1971, 58–60). Он также построил «Алебастровую часовню», датируемую концом его царствования, так как отделка одной из внешних стен часовни была закончена уже преемником Аменхотепа Тутмосом I; по-видимому, к моменту воцарения последнего стена еще оставалась пустой (PM II, 63–64; Björkman, 1971, 58). Расширение храмового комплекса не коснулось его западной стороны, там, где находится шестой пилон; возможно Аменхотеп I лишь намеревался возвести его, но сделал это один из его преемников.

Представляется заманчивым объяснить этот расцвет искусств отсутствием военных предприятий. Царствование Аменхотепа I было не слишком долгим: он взошел на престол совсем юным, а скончался, едва достигнув зрелости. Изображения царя говорят сами за себя, но принятая в данном исследовании хронология их создания основана исключительно на физическом облике модели. Юношеские, даже детские, черты статуэтки из коллекции Кофлер-Трунигер[81] контрастируют с хмурыми немолодыми лицами колоссов в Дейр эль-Бахри (Romano, 1976, pl. 26–27; Szafrański, 1985; Bothmer, 1988) и сфинкса в Карнаке[82]. Десятки рельефных изображений на блоках в Карнаке отражают ту же эволюцию: детские улыбающиеся лица (Myśliwiec, 1976, fig. 7, 8, 13), затем более суровые (Myśliwiec, 1976, fig. 5, 10, 12) и, наконец, откровенно жесткие — на северном фасаде «Алебастровой часовни», датируемой концом царствования. В ней мы везде видим энергичные лица царя с четкими тонко очерченными контурами (Schwaller, 1982, II, pl. 326–329, 331).

Мумия царя была обнаружена в тайнике в Дейр эль-Бахри (PM I, 659, 5), но гробница его до сих пор не найдена[83]. Аменхотеп I также повелел построить часовню из необработанного кирпича там, где Хатшепсут впоследствии возведет свой храм (PM II, 343). Неподалеку от некрополя в Дра Абу-н-Нага он поставил юбилейные ворота, к которым позднее пристроили храм с галереей: он стал центром культа Яхмос-Нефертари и получил название Мен-сет (PM II, 422–423; Derchain, 1969; Van Siclen, 1980). Эти строительные работы на левом берегу позволяют предположить, что Аменхотеп был первым царем, отделившим свой заупокойный храм от гробницы; но это лишь гипотеза, так как ни храм, ни гробница не обнаружены.

---

[80] Golvin, Goyon, 1987, 14, цветной план; вероятно, это блоки часовен, которые Тутмос III разобрал, поставив на их месте часовни из песчаника.

[81] H. W. Müller, 1964, № A 105; Geschenk des Nils, 1978, 173, с сомнительным комментарием; Tefnin, 1973a.

[82] Каир CG 42033; PM II, 237; Bothmer, 1978 pl. IX. — Знаменитая статуя из Турина (Turin 1372) датируется эпохой Рамессидов; см.: Vandersleyen, 1980a.

[83] Reeves, 1990b, 3–9, настаивает на том, что именно гробница Аменхотепа I была открыта Г. Картером в 1913–1914 годах (1916; PM I, 599–600) на возвышенностях Дра Абу-н-Нага и эту гробницу царь «делил» со своей матерью Яхмос-Нефертари. Томас (Thomas, 1966, 171–175) полагает, что это гробница одной лишь Нефертари. Царский тайник в Дейр эль-Бахри (PM I, 658; TT 320), который Шмитц (J. Schmitz, 1978, 205–232) считает гробницей царя, скорее всего, является гробницей Пинеджема; см.: Dewachter, 1975 и Niwinsky, 1984a.

Жители Дейр эль-Медина, художники и ремесленники, к концу Рамессидской эпохи занимавшиеся в основном строительством и отделкой царских гробниц в Долине царей, особенно почитали обожествленных Аменхотепа I и Яхмос-Нефертари. Некоторые исследователи сочли, что Аменхотеп и его мать были основателями этого специфического поселения, но данная гипотеза не подтверждена ни письменными, ни археологическими источниками: самые ранние находки на территории Дейр эль-Медина датируются царствованием Тутмоса I, а самые древние свидетельства работ в Долине царей — вероятнее всего, царствованием Хатшепсут. Итак, причины процветания культа нам до сих пор неизвестны. Количество документов, касающихся культа Аменхотепа I и Яхмос-Нефертари, так велико, что этим вопросом должны заниматься не историки, а религиоведы[84].

Об обществе того времени нам известно немного. Упоминаний великих жрецов Амона нет; губернатором Нубии был Яхмос Тури (Habachi, 1961, 201–214); хранитель царских сокровищ Иаму оставил свидетельства своей деятельности на Синае, а благодаря двум погребальным конусам мы знаем, что его гробница находилась в Фивах (Murnane, 1976; Sinai № 172); правителем Эль-Каба был Ренени (Marciniak, 1986, 495–498). Прекрасная стела (Каир JE 59636, Lacau, 1961) сохранила память о некоей семье, жившей при Аменхотепе I, но горячо почитавшей Яхмоса: из десяти ее членов шестеро носили имя Яхмос. Старший из этих шестерых звался «Яхмос, сын царя, сын (госпожи) Тети», а его брат Сенеб был секретарем Небпехтира, то есть самого царя Яхмоса. Вероятно, эту госпожу Тети мы видим во втором ряду изображений на стеле. Она обращена лицом к своему сыну, «сыну царя» Яхмосу; одну из дочерей этой женщины, то есть сестру Яхмоса, звали Нефертари. Все эти люди могли относиться к поколению Яхмоса (или даже к более раннему). Впрочем, стела была поставлена «сыном дочери» Тети, жрецом-уабом по имени Сенеб. При всей своей загадочности текст этой стелы ставит перед учеными вопрос о побочных ветвях царского рода. Почти нет сомнений в том, что этот «сын царя» Яхмос был потомком одного из царей — но какова степень их родства?

[84] Множество документов — главным образом из Дейр эль-Медина — касаются царя и его матери, к которым иногда добавляются имена других членов царской семьи. М. Життон (Gitton, 1981, 43–97) собрал и изучил около трехсот свидетельств об одной только Яхмос-Нефертари, но и этот перечень документов даже отдаленно не претендует на полноту. Подобного же исследования источников о культе царя Аменхотепа I не существует. В работе Quinn, 1991, приводится список памятников, на которых царь в синей короне (*хепреш*).

Глава IV
ТУТМОС I (ок. 1496–1483 годов до н. э.) И ТУТМОС II (ок. 1483–1480 годов до н. э.)

НАСЛЕДОВАНИЕ ТРОНА

Едва взойдя на трон, Тутмос I стал осуществлять военные кампании. Возможно, он хотел вывести страну из спячки, которой было отмечено предыдущее царствование, или в нем возникла жажда завоеваний.

Если не считать случая с Секененра, стоящего особняком, мы почти не знаем, что являлось причиной смерти фараонов и как происходила передача власти. С Аменхотепом I все совсем сложно. Он скончался еще молодым— возможно, сразу по достижении тридцатилетия (Derry, 1934, 47–48) — и не оставил наследников. Его супруга Меритамон никогда не носила титул «матери царя». Тутмос I был сыном женщины по имени Сенисенеб, после восшествия ее сына на престол получившей лишь один титул — «мать царя»; нет никаких свидетельств, позволяющих сделать предположение об отце нового царя. Это же относится и к Яхмос, супруге и сестре Тутмоса I, которая нигде не названа «дочерью царя» (Robins, 1983a, 68). Уже в начале царствования Тутмоса I она именуется старшей царской женой. Царица Яхмос изображена рядом с царем на найденной в Вади Хальфа (недалеко от Бухена) стеле с текстом сообщения, отправленного правителю Нубии Тури, дабы известить его о воцарении

Тутмоса I. Более того, здесь Яхмос даже занимает более высокое по рангу место, чем Яхмос-Нефертари — то есть, вероятно, царица-мать, вдова Яхмоса, хотя ее титулы не сохранились (Urk. IV, 80, 3–4). Присутствие старой царицы, чей авторитет оставался высоким на протяжении всего Нового царства, свидетельствует о том, что она не утратила влияния и после кончины своих детей. Следовательно, Яхмос могла быть причастна и к выбору новой царственной пары[85]. Торжественное объявление о восшествии на престол нового царя (об этом сохранились три свидетельства, в Вади Хальфа, Кубане и Асуане — все в Нубии (Urk. IV, 79–81)) было не столько проявлением тщеславия вице-короля Тури, сколько, возможно, требованием «сверху», чтобы не допустить разногласий относительно престолонаследия. По словам царя, сообщение было отправлено специально с целью известить получателя, что во дворце все в порядке — а значит, в этом могли и усомниться. В конце текста стоит точная дата воцарения. Ни один другой фараон не отправлял писем подобного рода. Менее чем через два года царь отправится в свой первый большой военный поход — именно в Нубию.

Мы ничего не знаем о родственных связях Тутмоса I с его предшественниками, но не следует a priori исключать возможность такого родства. Именем Тутмос членов царствующего рода ранее не называли, но имена, в основу которых входило имя бога Луны, встречались — а Тот как раз был богом Луны, так же как и Ях, чье имя присутствует в имени Яхмос, и даже как Ка («бык») (часть имени Камос). Не исключено даже, что «Тот» входит в состав имени Таа у Секененра, так как «Таа» может являться особым написанием имени Тота. Что касается царицы Яхмос, то ее очень характерный профиль на скульптуре времен Хатшепсут в Дейр эль-Бахри явно напоминает профиль Аменхотепа I, но это не значит, что она была его сестрой (PM II, 348 (17); Myśliwiec, 1976, fig. 88, 18, 19).

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНИЯ ТУТМОСА I

В официальном декрете, отправленном вице-королю Тури (Urk. IV, 81, 4), сказано, что Аахеперкара Тутмос I занял трон в 21-й день 3-го месяца *перет*. Единственная известная нам дата, относящаяся к царствованию его сына Тутмоса II, — 8-й день 2-го месяца *ахет* 1-го года (Urk. IV, 137, 9). О нем говорится как о дне восшествия на престол, но текст повествует также о последующем походе в Нубию и триумфальном возвращении войска. Таким образом, дата на стеле может быть связана с военными событиями, а не с воцарением Тутмоса II; мнения ученых по этому поводу расходятся (L. Gabolde, 1987c, 63; Helck, OL*Z* 79, 1984, 25). Если Тутмос I, как о том сообщает Манефон (см. ниже, с. 242), действительно правил 12 лет и 9 месяцев, то он скончался, а его преемник занял трон в 4-м месяце *ахет*; в таком случае дата, указанная на стеле Тутмоса II, не может быть датой восшествия на престол. Наконец, Тутмос III взошел

[85] В надписи, сообщающей о кончине Яхмос-Нефертари и датируемой, вероятнее всего, царствованием Тутмоса I, некий Нефер, видимо, выражает соболезнование и поддержку царю в его горе. См.: Edwards, 1965, 25.

на престол в 4-ый день первого месяца *шему*, а следовательно, его отец Тутмос II скончался в 3-й день того же месяца.

Памятники, датированные царствованием Тутмоса I, относятся к первым девяти годам его правления[86]. Источник, датированный правлением Тутмоса II, всего один — это стела от 1-го года его правления[87].

Как уже было сказано выше, нам неизвестны родственные связи между Тутмосом I и семьей Яхмоса или даже Секененра; Тутмос I и его жена Яхмос были детьми женщины по имени Сенисенеб, а отец их нигде не упоминается[88]. Яхмос родила Тутмосу двух детей — старшую Хатшепсут и младшую Нефрубити, которая скончалась в раннем возрасте. От другой жены, Мутнеферт[89], у Тутмоса I было три сына — Аменмесес, Уаджмос (Dodson, 1990, 92, № 5 и 6) и будущий царь Тутмос II, а также, возможно, дочь по имени Мутнеферт. В 4-м году старший сын Аменмесес, чье имя указывалось в картуше, уже носил титул «главный военачальник своего отца» (Urk. IV, 91; C. Zivie, 1976, pl. 4), но это не позволяет судить о возрасте царевича: даже сегодня в царских семьях дети и подростки порой носят высокие титулы.

В Египте не работало правило, согласно которому на престол мог взойти только наследник, рожденный, когда его отец уже был царем, — иначе дети, рожденные до воцарения их отца, не имели бы права на трон (подобное правило действовало, например, в некоторых африканских королевствах еще в XIX веке). Исходя из этого предубеждения, некоторые исследователи пытались определить последовательность рождения детей Тутмоса I, предположив, что дети Мутнеферт были рождены до его коронации, а дети Яхмос — после, из-за чего они и получили право на трон. Но это бесмыслица (см. также: Kitchen, 1982b, 119). Яхмос стала женой Тутмоса еще до его восшествия на престол. Как сообщается в рассказе о божественном происхождении Хатшепсут, когда бог Амон принял облик царя, чтобы Яхмос зачала от него свою дочь, Тутмос I был уже взрослым, но еще не стал царем; в тексте говорится, что он был *jnpw*/*инпу* — термин, которым обозначали царя до восхождения на престол, без указания на его возраст (Vandersleyen, 1992b). Очевидно, сын Мутнеферт Аменмесес на 4-м году правления Тутмоса I являлся официальным наследником трона, так как его имя обведено картушем — но, по-видимому,

---

[86] Памятник, содержащий дату «9-й год», выглядит довольно странно и не поддается проверке, так как известен только по публикации О. Мариетта (Mariette, 1875, pl. 32*f;* PM II, 106).

[87] Ж. Даресси при раскопках часовни Уаджмоса нашел фрагмент статуи, датированной 18-м годом правления царя, в картуше которого археолог прочел имя Аахеперен[ра], то есть Тутмоса II (Daressy, 1900a, 99). Фрагмент должен находиться в Каирском музее, но я его там не нашел, а дата кажется настолько необычной, что ее зачастую даже не принимают в расчет. В работе Luc Gabolde, 1987c, 65, высказано предположение, что в картуше стояло имя Аменхотепа II — Аахепру[ра], просто его неправильно прочитали; см. также: von Beckerath, 1990, 66.

[88] Мы даже не знаем, был ли у них общий отец. На двух памятниках (стелы Берлин 15699 и 3/71; Wildung, 1974) царица Яхмос названа «сестрой царя». На первой стеле этот титул читается под титулом «мать царя», — по всей видимости, добавленным Хатшепсут, когда она официально стала царем. Вторая стела датируется тем временем, когда Хатшепсут уже была фараоном; титул «сестра» стоит здесь не на своем обычном месте, а после титула «старшая жена царя». Яхмос не может быть сестрой Аменхотепа I, иначе она носила бы и титул «дочь царя»; следовательно, царь, сестрой которого она названа, может быть только Тутмосом I.

[89] Она носит титул «жена царя» на двух памятниках, созданных в царствование ее сына: на ее статуе (Каир CG 572; PM II, 444) и на стеле (Каир CG 34031; PM II, 443). Однако на стеле имя царицы добавлено позднее.

он скончался еще при жизни отца. Хатшепсут настойчиво уверяет, что Тутмос I хотел возвести ее на престол и привлекал к участию в царских делах: «Я поставлю ее на мое место», — сказал он (Urk. IV, 257, 7). Было бы слишком просто объявить вымышленным рассказ о юности Хатшепсут, текст которого она повелела высечь на стене своего храма в Дейр эль-Бахри (PM II, 347 (16–17); Urk. IV, 241–252; Ratié, 1979, 108–112). Он не содержит никаких фактов, кроме сообщения о поездках царевны и ее отца в Нижний Египет[90]. Не так уж и фантастично выглядит версия, что из всех своих отпрысков Тутмос I выбрал именно Хатшепсут: только она была достаточно крепкой и достаточно взрослой, чтобы фараон, не находя поддержки с других сторон, мог на нее опереться. Последующие события продемонстрировали, насколько сильной и одаренной личностью была Хатшепсут. Учитывая, что девочки намного быстрее мальчиков достигают зрелости, утверждения царицы о ее физическом расцвете и ее красоте, возможно, справедливы: «ее Величество преобразилась, заметно выросла и … стала прекрасной и цветущей девушкой».

В знаменитом тексте в «Красной часовне» (Lacau, Chevrier, 1977, 133) Хатшепсут уточняет, когда именно Амон провозгласил ее власть над Двумя Землями: «2-й год, 29-й день *перет*… когда в широком дворе Южного гарема (Луксора) Две земли были провозглашены моими. Его Величество (Амон) дал пророчество в присутствии этого благого бога. И мой отец [бог] появился в своем прекрасном окне, Амон — царь богов; он принял Мое Величество [в свиту?] благочестивого царя и приумножил пророчества обо мне перед лицом всей страны». Текст этот скрупулезно изучен[91], и указанный день считают датой «узурпации» Хатшепсут трона. Речь идет не о пустых обещаниях или долгосрочном предсказании. К. Каннюийе подчеркивает, что глагольное сказуемое *sr*/*сер* означает не «предсказывать» еще далекое будущее, но «провозглашать» некое событие, которое уже свершилось или непременно должно свершиться. Но когда же произошло само «провозглашение»; другими словами, кто такой — этот присутствовавший при провозглашении «благой бог», «благочестивый царь»? Следует помнить, что когда был высечен этот текст, Хатшепсут уже правила как истинный фараон. Жан Юайотт, рассмотрев три возможные кандидатуры — Тутмоса I, Тутмоса II и Тутмоса III, — показал, что речь, скорее всего, идет о Тутмосе I. В другом отрывке текста из «Красной часовни» сказано, что Хатшепсут, еще не будучи царицей, занимала очень высокое положение (Lacau, Chevrier, 1977, 147; Vandersleyen, 1992b); что отец брал ее с собой в поездки по Нижнему Египту; что при всеобщем ликовании Египет объявил ее царем еще до того, как она им стала; что именно тогда Тутмос I решил официально даровать ей этот титул, ибо Vox populi vox Dei[92]. Таким образом, рассказ о юности Хатшепсут и два текста из «Красной часовни» рисуют связную картину развития событий. Очевидно, 29-го дня 2-го месяца *перет* 2-го года правления Тутмоса I Хатшеп-

[90] Возможно, речь идет о нескольких поездках, во время которых принцессу должна были принять божества всех областей Египта: Хатор в Фивах, Уаджит в Буто, Амон в Карнаке, Атум в Гелиополе, Монту в Фивах и Хнум, владыка 1-го порога (Urk. IV, 246, 12–247, 4). Утверждение о присутствии царя на севере страны соответствует действительности, так как столицей вновь стал Мемфис и там найден дворец Тутмоса I (C. Zivie, LÄ IV, 27–28; C. Meyer, LÄ VI, 536 и n. 28).

[91] Schott, 1955; Yoyotte, 1968b; Tefnin, 1973b; Murnane, 1977, 33–34; Dorman, 1988, 22–29; Cannuyer, 1990, 109–114.

[92] Глас народа — глас Божий (лат.). — *Примеч. перев.*

сут была провозглашена царем. Если к тому моменту Хатшепсут, по ее собственным словам, уже была «прекрасной и цветущей девушкой» — предположим, пятнадцатилетней, — то родилась она, самое позднее, в середине царствования Аменхотепа I; Тутмос I должен был быть сверстником Аменхотепа или даже старше его. Взять в жены Мутнеферт Тутмос I мог и до своего восшествия на престол; на 4-м году его правления наследный принц Аменмесес, возможно, был уже достаточно взрослым, чтобы стать «главнокомандующим», но провозглашение прав Хатшепсут на престол сделало ее соперницей этого царевича.

Случай царевича Уаджмоса стоит особняком. Семья одного из Яхмосов из Эль-Каба была напрямую связана с царским родом, так как сын и внук Яхмоса сына Абана — Итерури и Пахери — являлись воспитателями[93] царевича Уаджмоса, а после его смерти и кончины его старшего брата Аменмесеса дети и внуки Пахери совершили заупокойный обряд в память этих двух царевичей (Urk. IV, 109–110), изображенных в детском возрасте в гробнице Пахери. Ни одному из братьев Уаджмоса не уделялось столько внимания, сколько ему: кроме Пахери и его отца у царевича был еще один воспитатель, некий Сенимос (Urk. IV, 1066, 10; Spalinger, 1984), а также, возможно, имелся и четвертый — визирь и градоправитель Имхотеп, носивший титул «отец-кормилец» (Urk. IV, 108; Brunner, 1961, 92, 4). Уаджмос был удостоен отдельной часовни на левом берегу Фив (PM II, 444–446), где его культ, соединенный с культом его отца, просуществовал до конца Рамессидской эпохи. В этой часовне найдена статуя, которую Тутмос II посвятил своей матери Мутнеферт, на основании чего сделан вывод о том, что Мутнеферт была также матерью Уаджмоса. Но нигде не сказано, что эту часовню возвел Тутмос II; вероятнее всего, ее строительство, а также возведение храма в честь отца контролировал Тутмос III. Именно он поместил в часовню статую царицы Мутнеферт. На 21-м году царствования Тутмоса III наставник Сенимос установил стелу в часовне своего воспитанника; в тексте стелы, изготовленной в ту пору, когда Хатшепсут была еще принцессой-регентшей, о ней нет никаких упоминаний. В Дейр эль-Бахри Хатшепсут затем чествовала своего отца Тутмоса I, его мать Сенисенеб и свою сестру Нефрубити, но в первую очередь свою мать Яхмос, тогда как Тутмос II, а затем Тутмос III почитали Тутмоса I, Мутнеферт и ее рано скончавшегося сына Уаджмоса. Создается впечатление, что между этими двумя ветвями рода не было никаких контактов: Хатшепсут ни разу не упоминает ни Мутнеферт, ни ее детей, проводя линию от себя к своему отцу Тутмосу I так, словно Тутмоса II никогда не существовало. Впоследствии Тутмос III «реабилитирует» Тутмоса II. Царевич Уаджмос столь же загадочен, как и Яхмос Сапаир времен царствования Секененра. Какие надежды возлагали на этого маленького мальчика, если его кончину восприняли так остро? Что это было — расстройство из-за крушения политических планов или просто душевная боль?

К моменту кончины Тутмоса I в живых оставался только один из его сыновей, Тутмос II; мы не знаем, были ли он старше или младше Уаджмоса. Чтобы не вдаваться в ненужные спекуляции, определим продолжительность царствований Тутмоса I

[93] Египетское слово *mnꜥ/мена* — мужской род от существительного «кормилица»; оба слова детерминированы иероглифом «женская грудь». В английском для кормильцев употребляются разные выражения: «wet nurse» — «кормилица, которая кормит грудью» и «dry nurse» — «кормилец». Однако роль этих лиц, скорее всего, не имела ничего общего с «кормлением», поэтому в переводе использовано слово «precepteur» («воспитатель»), то есть учитель и опекун царевича.

и Тутмоса II. Самая поздняя дата царствования первого из них — 9-й год, второго — 1-й. Эпитоматоры Манефона называют и имена, и сроки правления, но их списки, к сожалению, содержат очень противоречивые сведения. Была сделана попытка перераспределить данные этих перечней, отталкиваясь от надежных хронологических ориентиров, и полученный результат в целом выглядит правдоподобным (Helck, 1956, 40). Итак, Тутмос I царствовал двенадцать лет и девять месяцев (Иосиф Флавий); этот срок округляли до тринадцати (Африкан) и двенадцати лет (Евсевий). Что касается Тутмоса II, манефоновского Хеброна, то все источники говорят о тринадцати годах его царствования. Если изобилие свидетельств о деятельности Тутмоса I делает указанный срок его правления вполне правдоподобным, то тринадцать лет Тутмоса II плохо согласуются с тем, что нам известно о его царствовании. Так как все эпитоматоры Манефона дают одну и ту же цифру, возможно, при копировании рукописи произошла ошибка (что было не редкостью) — например, был добавлен знак десятка, и вместо 3 получилось 13 лет: разница оказывается очень существенной. Эта гипотеза пока еще ждет подтверждения. Люк Габольд предложил вычислить сроки царствования, сопоставив количество скарабеев с именами Тутмоса I, Тутмоса II и Хатшепсут. Если взять за основу двадцать лет царствования Хатшепсут и предположить, что выпуск скарабеев был в то время регулярным, соотношение между количеством выпущенных скарабеев дает приблизительно одиннадцать лет царствования для Тутмоса I и три года — для Тутмоса II. Анализ биографий отдельных лиц, живших при нескольких царях, в том числе при Тутмосе I и Тутмосе II, делает эти выводы правдоподобными[94]. Краткость правления подтверждается и специалистами по абсолютной хронологии: Э. Хорнунг, например, отводит Тутмосу II не более трех лет и нескольких месяцев правления (Hornung, 1964, 108).

Есть еще одно, крайне надежное, свидетельство: упоминание о празднике *сед* царицы Хатшепсут на колонне в Дейр эль-Бахри, а также в нижней части северного фасада обелиска, который и сегодня стоит в Карнаке. Очевидно, праздник послужил поводом для его возведения[95]. Он был завершен в 30-й день 4-го месяца *шему*, на 16-м году совместного царствования Тутмоса III и Хатшепсут, и установлен, вероятно, в том же году[96]. Если Хатшепсут действительно отмечала праздник *сед*[97], то он состоялся на 16-м году царствования Тутмоса III. Так как праздник *сед* отмечается на 30-й год правления и 16-й год не может служить поводом для него, возникло предположение, что Хатшепсут объединила свое правление с правлением отца, то есть 16-й год царствования Тутмоса III соответствовал 30-му году Тутмоса I. Итак, царица отмечала праздник *сед* своего покойного отца (Hornung, Staehelin, 1974, 54); тогда общая продолжительность царствования Тутмоса I и Тутмоса II составит четырнадцать лет.

---

[94] L. Gabolde, 1987c, 67–68, 70–72. Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1990, 66–67) подчеркивает ненадежность «метода скарабеев»: для получения бесспорных результатов мы должны быть уверены в регулярности выпусков скарабеев, а вычисления Л. Габольда — так сказать, моделирование на основе теоретических предпосылок. Впрочем, вышло так, что результаты этих вычислений совпали с данными, полученными с помощью других методов, что вызывает несомненный интерес.

[95] Hornung, Staehelin, 1974, 31; von Beckerath, 1991, 30–31; Urk. IV 359, I. См. также: Hornung, 1991b.

[96] Есть версия, что 30-й день 4-го месяца *шему* — это дата праздника *сед*: Hornung, Staehelin, 1974, 57.

[97] Сомнения в историчности этого события: Hornung, Staehelin, 1974, 52–53.

Вычтя из них двенадцать лет и девять месяцев правления Тутмоса I, мы получим год с небольшим для Тутмоса II — слишком короткий срок. Но если Хатшепсут была провозглашена царем в 29-й день 2-го месяца *перет*, в конце 2-го года правления своего отца, то отмечала она, скорее всего, собственный праздник *сед*, с отсчетом 30 лет от 2-го года правления Тутмоса I. Возможно даже, что торжество проводилось во 2-м месяце *перет*, когда, спустя шесть месяцев после окончания работ в карьере, разлив Нила позволил доставить обелиски из Асуана в Карнак. В таком случае срок царствования Тутмоса II увеличивается приблизительно на два года и мы получаем три года и несколько месяцев, что в точности соответствует выводам Л. Габольда и Э. Хорнунга.

Хатшепсут, по ее собственным словам, была провозглашена царем еще на 2-м году правления своего отца, но после его кончины на престол взошел Тутмос II, а Хатшепсут стала всего лишь старшей царской женой. У четы родилась одна дочь, Нефрура[98]; от другой жены, Исиды, у Тутмоса II был сын — будущий Тутмос III.

Когда скончался отец царевны Нефрура, та была еще ребенком[99] или даже грудным младенцем — как, вероятно, и Тутмос, рожденный царицей Исидой. Однако о нем достоверных сведений нет. Оба они — единственные известные нам дети Тутмоса II. Возможно, это объясняется молодостью царя и краткостью его правления. Однако не следует считать, что он был слишком юн: видимо, он, как и Хатшепсут, родился до восшествия Тутмоса I на престол[100].

Итак, примем, с некоторыми оговорками, следующую продолжительность царствований: около тринадцати лет — для Тутмоса I и около трех лет — для Тутмоса II[101].

---

[98] Очевидно, она была единственной их дочерью, хотя иногда ее называют «старшей дочерью».

[99] Это следует из биографии Яхмоса Пеннехбета (Urk. IV, 34, 16–17), заботившегося о Нефрура, когда та была еще ребенком *jmj-mnḏwj*/*ими-менеджуи* — дословно «в двух грудях»: следовательно, ее носили на руках. Однако текст не позволяет определить, при ком это имело место — при Тутмосе II или Тутмосе III; скорее всего, при первом из них, так как Хатшепсут здесь помимо своего царского имени (картуш «Мааткара») носит титул царской жены. На неопубликованном памятнике Тутмоса II в Карнаке, который реконструирует Люк Габольд, мы видим Нефрура, идущую со своими родителями навстречу Амону. Она едва доходит отцу до пояса, то есть ей около трех лет. Но в другой сцене (некачественная фотография главного блока: Chevrier, ASAE 53, 1955, pl. 22, после стр. 42), где Хатшепсут еще указана как «царская жена», следующая за ней Нефрура уже одного роста с матерью — вероятно, это художественная условность. Статуи Сененмута и Нефрура, датируемые царствованием Тутмоса III, представляют ее в совсем раннем возрасте, что лучше согласуется с нашими понятиями о хронологии событий. Однако стоит задаться вопросом: соответствуют ли эти статуи, на которых Нефрура вместе с Сененмутом, реальности на момент создания статуй или же они призваны напомнить о роли, которую некогда играл Сененмут?

[100] Люк Габольд (L. Gabolde, 1987c, 62) полагает, что Тутмос II не мог родиться до восшествия на престол отца и занял трон в возрасте двенадцати или тринадцати лет.

[101] Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1991) не считает аргументы Л. Габольда в пользу столь небольшой продолжительности царствования достаточно весомыми и полагает, что хотя тринадцатилетний срок слишком велик, он более вероятен, чем трехлетний. Поэтому Ю. фон Бекерат отводит этому царю как минимум семь лет, опираясь главным образом на данные, известные о возрасте Тутмоса III к моменту восшествия на престол. Однако ошибка в манефоновской традиции на целое десятилетие объясняется добавлением цифры «10» в оригинале — примеров подобных описок немало (см.: Helck, 1956, 71, 81–82, где приводятся ошибки в 10, 20 и 40 лет). Итак, три года вместо тринадцати — вполне вероятно, но какой-либо определенности нет. В. Барта (Barta, 1979–1980, 33) полагает, что 25 лет — это общая продолжительность царствования Тутмоса I и Тутмоса II! Однако то, что на данный момент известно об этих лицах и об исторических событиях, склоняет нас к версии

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ТУТМОСА I

Нубия

После прихода к власти Тутмос I начал военную кампанию против царства Куш, некоторые подробности которой нам известны благодаря биографиям Яхмоса, сына Абана, и Яхмоса Пеннехбета, большой триумфальной надписи из Томбоса (Urk. IV, 8, 4–9, 6; 36, 5–8; 82, 3–86; 15; PM VII, 174–175) и еще нескольким надписям, связанным с этим событием (Vandersleyen, 1970a; Hintze, Reineke, 1989, № 561). Стела из Томбоса датирована 15-м днем 2-го месяца *ахет*, то есть ее воздвигли приблизительно через год и семь месяцев после восшествия царя на престол.

Причиной, или поводом, к войне послужили мятежи и беспорядки, вспыхнувшие не в долине, но в прилегающих к ней горных регионах. Яхмос, сын Абана, доставил царя в Хентхеннефер, область за 2-м порогом, что согласуется с кратким сообщением Яхмоса Пеннехбета, последовавшего за царем в страну Куш. Писец был отправлен в Тангур, к югу от стремнин 2-го порога, «чтобы считать корабли», то есть выяснить, не случилось ли потерь при переходе через порог (Vandersleyen, 1970a, 260–262). Далее в надписи Яхмоса сына Абана имеется досадная лакуна, после чего мы узнаем, что царь пронзил стрелой вражеского вождя, неприятельские воины были перебиты, а население захвачено в плен. Затем царь вернулся обратно, спустившись обратно по Нилу, причем на флагманском корабле был повешен — вниз головой — труп побежденного врага. Флот прибыл в Карнак.

Военная экспедиция в Нубию носила значительно более серьезный характер, чем можно подумать, читая краткие заметки обоих Яхмосов. Между датой надписи в Томбосе (15-й день 2-го месяца *ахет* 2-го года) и датами надписей из Асуана, прославляющими триумфальное возвращение армии (22-й день первого месяца *шему* 3-го года) прошло семь месяцев. Ко дню, указанному на большой стеле, царь должен был дойти до Хагар эль-Мерове, расположенного напротив Кениссы и Кургуса, к югу от 4-го порога. Надпись, которую фараон повелел высечь в этом месте[102], напоминает тексты стел Сенусерта III, и это позволяет утверждать, что здесь была проведена новая граница Египта; выше по Нилу не обнаружено надписей, оставленных фараонами, а Тутмос III повелел здесь же, под надписью своего деда, высечь аналогичный текст. В этой точке египетские владения заканчивались, что, очевидно, не помешало фараону продвинуться дальше[103]. Из текста стелы в Томбосе можно почерпнуть некоторые сведения о воен-

---

о трех годах. Если гипотеза о тринадцати годах когда-либо подтвердится, возникнет масса загадок — например, «исторический вакуум» между Тутмосом I и Тутмосом III. Но истина иногда кажется неправдоподобной.

[102] Плохо сохранившуюся дата, кажется, надо читать так: «2-й год, первый месяц *ахет*» — это на две недели раньше даты, указанной в надписи в Томбосе (Arkell, 1950, 36–38; Vercoutter, 1956, 70, № 7). Граффито «Старшая жена царя Яхмос, да живет она!» находится недалеко от большой надписи (Vercoutter, 1956, 68, № 2), но это не означает, что царица сопровождала царя в этом далеком и опасном походе.

[103] Кургус находится на правом берегу Нила, а Кенисса — на левом берегу. Возможно, это название является искаженной формой топонима Кенсет, обозначавшего у египтян крайнюю южную область. См. также: DNG V, 205–206; Žabkar, LÄ III, 391.

ных операциях. Первые четыре строки из восемнадцати содержат только дату, титулатуру и общие формулы, но в строках с пятой по девятую (которые Дж. Г. Брэстед отказался переводить, так как это — «несколько фраз, содержащих лишь пафосные эпитеты царя»: Breasted, AR II, 29) есть слова и выражения, которые давали современникам совершенно конкретные сведения, даже если ключ к их пониманию сегодня утерян. Названия побежденных народов кажутся описательными: носители кос (?); с надрезами на коже[104]; те, кто одевается в шкуры[105]; *нехсиу* с сожженными лицами[106]; с вьющимися волосами[107]. «Павшие в сражении нубийские лучники валяются повсюду на своих равнинах; их внутренностями (царь) заполнил их долины, кровь, их как ливневые дожди; стервятники слетаются на поле битвы; множество (хищных) птиц отрывают куски (мяса) и уносят в другие места; крокодил взобрался на беглеца, что прятался от доблестного Хора» (I, 7–9). Недвусмысленно сказано о том, что царь зашел дальше кого-либо до него: «Он проник в долины, о которых не знали предки и которых никогда не видели коронованные двумя венцами».

Основную трудность при изучении географии этих операций вызывает локализация местностей, упомянутых в тексте. Египетский глагол *хеди (ḫdj)* применительно к навигации означал «спускаться по реке», то есть «плыть на север», а глагол *хенти (ḫntj)* — «подниматься по реке», то есть «плыть на юг». В тексте есть указание на место, где «река всем потоком течет на юг»; к слову «вода» (*mw/му*) добавлено определение *кед/ḳd* — «обратная, поворачивающаяся». Это словосочетание было переведено как «вода, меняющая направление», и Дж. Г. Брэстед предположил, что речь идет о Евфрате, который течет в обратном Нилу направлении, то есть с севера на юг. Поскольку исследователь решил, что Тутмос I дошел до Евфрата, то эта река, по его мнению, и стала северным рубежом завоеваний Тутмоса, другая же граница царства проходила, согласно стеле, в «самой крайней точке этого региона». Между тем, если Тутмос I действительно проник в азиатские земли так далеко, что достиг Евфрата, это случилось уже после того, как была высечена надпись на Томбосской стеле, а тогда он еще не мог утверждать, что его царство простирается до этих пределов. Но «*му кед*» упоминается и в других текстах. В Большом папирусе Харриса (I, 77, 9–10) речь идет об экспедиции в Пунт при Рамсесе III; корабли были отправлены по «великому морю (*jm/им*) обратной воды (*му кед*). Комментируя этот отрывок, Дж. Г. Брэстед (AR IV, § 407, n. c) объясняет, что, поскольку «*му кед*» — это Евфрат, «большое море» может быть только Индийским океаном, частью которого является Персидский залив. По мнению Брэстеда,

---

[104] Слово *gnw/гену* прочитано по копии надписи, сделанной, вероятно, Норманом де Гарис Дэвисом в Томбосе под руководством Дж. Г. Брэстеда. Ее любезно предоставил мне Восточный институт Чикагского университета (J. A. Larson). Термин был истолкован как форма глагола *gn/ген* — «высекать, резать» (ALex II, 403).

[105] Это толкование *ḫnwtyw/хенутиу* дано уже в труде Meyer E., 1887, II, 1, 81, n. 4; оно приводится и в словаре: Faulkner, 1962, 202.

[106] Фраза *nḥsjw wšr ḫnt/нехсиу ушер хент* этимологически связана со словом «эфиопы». См.: Vandersleyen, 1981, 193–195.

[107] W. Hoelscher, 1937, 34, n. 10, перевел словосочетание *nbdw ḳd/небду кед* как «те, у кого плохой характер», или «зловредные», и этот перевод приняли единодушно — см., например, AEO I, 134*. Однако он ни на чем не основан, и правильнее будет переводить это выражение в прямом смысле — «те, у кого вьющиеся, заплетенные или кудрявый волосы» (см. уже: W. M. Muller, 1910, II, 168; также DNG III, 86).

корабли шли в Пунт по Красному морю, а египтяне считали это море частью Индийского океана. К проблеме не возвращались до 70-х годов XX века, когда Инге Хофман (Inge Hofmann), интерпретируя это словосочетание как обозначение Красного моря безотносительно к Евфрату, задалась вопросом: почему египтянам могло казаться, что это море течет в противоположном Нилу направлении? Статья И. Хофман вызвала оживленную полемику, в ходе которой были высказаны все возможные точки зрения; главным ее достижением стала фиксация новых свидетельств[108]. Дискуссия изначально пошла по ложному пути из-за принятия в качестве аксиом двух утверждений: в Пунт плыли по Красному морю; египтяне дошли до Евфрата. Новые свидетельства вынудили отказаться от второй из них. В письмах эпохи Рамессидов «кочевники (*š3sw*/*шасу*) из страны *Му-кед*» угрожали безопасности золотых рудников в Акайте, в Нубии, на краю Вади Аллаки. Следовательно, название *Му-кед* стало названием одного из далеких южных регионов (Helck, 1980, 124; Helck, 1975e, 99). На остраконе Рамессидского времени краткий перечень нубийских поселений заканчивается наименованием *Му-кед*[109]. В этом списке можно распознать несколько топонимов: *Куш, Миу, Ирем, Ибхат, Му-кед*[110].

Если отвергнуть утверждения о Красном море и Евфрате, а затем заново перечитать текст стелы из Томбоса, станет понятно, что царь описывает только что завоеванную область: «Воистину он достиг границ этой области, растоптав две ее границы». Далее царь говорит о «его южной границе и о его северной границе», имея в виду не границы царя (?) или Египта, а границу «этой области», завоеванной им. Луиза Брэдбери указала, что речь может идти о 4-м пороге (Bradbury, 1985, 6–9), а значит, *му-кед* — это отрезок Нила, который за Кениссой и Кургусом резко поворачивает на юго-запад, после чего вновь начинает течь к северу и достигает богатых земель Донголы. Это единственное место, где река на отрезке длиной в 300 км по прямой течет в непривычном направлении, и это единственный участок, на котором «река всем потоком течет на юг». Яхмос уже отвоевал остров Саи, а возможно, даже приблизился к Керме; Аменхотеп I расширил египетские владения до 4-го порога. Чтобы достичь Кургуса, Тутмос I должен был подняться к 4-му порогу и завоевать земли, добраться до которых было чрезвычайно сложно; поэтому он так прославляет свои победы. Именно там находится «плохая вода», по которой Яхмос, сын Абана, сумел провести корабли, удостоившись за это своего главного титула — «командира гребцов»[111]. Достигнув цели, царь спускается обратно по Нилу, возмож-

---

[108] В этой полемике, развернувшейся на страницах журнала «Göttinger Miszellen», принимали участие многие ученые (I. Hofmann (GM 4), G. Thausing (GM 8), L. Störk (GM 9), H. Goedicke (GM 10), G. Posener (GM 11), A. Nibbi (GM 15, 16), M. Görg (GM 32), D. Redford (JSSEA 10)).

[109] Опубликован в: Zibelius, 1972, 197; прочтение *mw-ḳd*/*му-кед*: Posener, GM 11, 39.

[110] *Му-кед* фигурирует в топонимическом списке из Восточной Амары (KRI II, 216, № 28) среди названий областей, ряд которых, в том числе идентифицированные как Каркемиш (№ 20) и Ашшур (№ 25), являются азиатскими; но это не означает, что *му-кед* следует отождествить с Евфратом. Как считает Р. Гивеон (Giveon, 1964, 252), «судя по написанию, речь явно идет о Македе (Maqed) в Галааде». Присутствие в одном списке азиатских и африканских топонимов вполне допустимо: Пунт иногда упоминается среди азиатских топонимов (Simons, 1937, IX, g 4; XIII, 44; XXIV, 32; Fuscaldo, 1990, 37, № 12).

[111] Луиза Брэдбери справедливо отмечает, что 2-й порог ко времени похода Тутмоса I мог быть препятствием, уже хорошо знакомым египтянам, и поэтому Яхмос, сын Абана, не назвал его в своей

но, останавливается в Напате (Bradbury, 1985, 12), а затем приказывает высечь текст Томбосской стелы. Границы завоеванной территории определяются географической широтой, а не отрезками Нила: южная граница проходит там, где Нил, к югу от Донголы, вновь начинает течь в северном направлении; северная — там, где Нил, возле современного Абу Хамеда, делает поворот и течет на юго-запад. Решение завоевать эту местность было разумным; ныне именно здесь автомагистраль и железная дорога, идущие из Вади Хальфа, подходят к Нилу — водному пути, по которому можно добраться до Хартума.

Красочные описания побежденных народов не вызваны желанием сделать текст выразительнее и внести в него разнообразие: речь идет о племенах, поделивших между собой регион. Тутмос II ясно говорит, что регион был разделен на множество областей[112]. Тутмос I «вывесил» в Томбосе сводку о победах, одержанных в сотнях километрах отсюда, но делать это имело смысл там, где проезжие или прохожие могли прочесть текст, а не там, где были одержаны победы — в труднодоступной и малопосещаемой местности. Томбос, расположенный на судоходном участке Нила, возле Донголы, чуть севернее Кермы и к югу от 3-го порога, вероятно, был оживленным местом[113]. Мы знаем, что путь в Пунт не обязательно проходил по Красному морю, поэтому вероятно, что «большой участок воды *Му-кед*», по которому следовали корабли Рамсеса III, — это судоходный отрезок реки между двумя порогами, протяженностью примерно 300 км по прямой[114].

Таковы были результаты военной операции Тутмоса I на юге, нанесшей последний удар по цивилизации Кермы, которая отныне исчезла навсегда[115].

Азия

Яхмос, сын Абана (Urk. IV, 9, 8–10, 3), рассказывает, что после экспедиции в Нубию царь «предпринял кампанию против Речену, дабы утолить свои желания в чужеземных странах. Его Величество достиг Нахарины; Его Величество — да будет он жив-невредим-здоров! — нашел там этого презренного врага собирающим свои отряды». Автор не сообщает нам, что это за «презренный враг» и к какому народу он принадлежал. Царь разбил вражеское войско и захватил пленников. Яхмос сын Абана, желая отличиться перед царем, даже захватил одну запряженную колесницу, — это стало последним

биографии. Этот порог уже преодолевали при царях XII династии, а затем при Яхмосе и Аменхотепе I, но Яхмос, сын Абана, принимавший участие в этих двух походах, о нем не упоминает.

[112] Urk. IV, 139, 6; см. об этом: Bradbury, 1985, 10–11. — Вероятнее всего, областей, о которых сообщает Тутмос II, было не пять, а три. Каждую захватил один из трех предводителей мятежа. Л. Габольд отмечает, что пять вертикальных черт обозначают не цифру 5, но звуковой строй слова *d*(*n*)*jwt* «часть» (см.: Wb V, 466, 10).

[113] Берг (Berg, 1987) полагает, что установленная Тутмосом I граница проходила по Саи, а не по Хагар эль-Мерове, но его аргументы мне представляются совершенно неубедительными.

[114] Третий порог не представляет собой непреодолимой преграды: Vandersleyen, 1970a, 256–257, 260.

[115] Lacovara, 1987, 58; Bonnet, 1987, 91. — Статуя вице-короля Яхмоса Тури (Британский музей 1279) происходит, вероятно, из Кермы (G. Goyon, 1974, 240); он занимал эту должность при Аменхотепе I и Тутмосе I. О египетской политике в Нубии в эпоху Нового царства см. также: S. T. Smith, 1991.

подвигом «командира гребцов» из Эль-Каба. Яхмос Пеннехбет (Urk. IV, 36, 9–11) в сражениях в стране Нахарина добыл 21 руку — необычайно много для этого воина, — а также одну упряжку и одну колесницу. Дополнительный географический ориентир дает Тутмос III, который в своих Анналах сообщает, что установил стелу рядом со стелой «своего деда» Тутмоса I возле реки в Нахарине (Urk. IV, 697, 5). Долгое время считалось, что речь идет об Евфрате. Гипотеза эта основывалась главным образом на отождествлении Нахарины с библейским Нахараимом, а его, в свою очередь, с Месопотамией, так как этимология топонима Нахараим связана с местностью, лежащей между двух рек. Но эти две реки не обязательно являются Тигром и Евфратом[116]. Столица арамейских племен, о которых сказано, что они «из Нахарины», находилась в Дамаске, а обитали они на землях вдоль Иордана. «Две реки», между которыми проживало одно из этих племен, могут быть Иорданом и Литани, на краю долины Бекаа, или Литани и Оронтом. Нахарина из египетских текстов прилегает к землям Речену, которые граничат с Восточной Дельтой или даже являются ее частью. Что касается «большой реки Нахарины», которую перешел Тутмос III (см. например: Urk. IV, 613, 9), то это, по-видимому, современный Нахр эль-Кебир, то есть «Великая река», названная греками Элевтером (см. ниже, с. 281). Локализация Тунипа подтверждает эту интерпретацию: по единодушному мнению исследователей, Тунип находился в Нахарине, на реке Оронт, а не в Месопотамии или даже к западу от Оронта и к югу от Нахр эль-Кебира (Helck, LÄ VI, 805–806). Итак, вероятно, на берегу этой «большой реки» — короткой, но являющейся важным водным объектом в Сирии, — Тутмос I установил свою стелу. Фрагменты надписи — скорее всего, времен Тутмоса I — содержат упоминание о городе Тунип возле Кедема, местоположение которого еще не определено, и о Джаиуни (неидентифицированный топоним)[117]. В биографии «Аменемхета-часовщика» мы находим самое раннее упоминание государства Митанни, территория которого практически совпадает с территорией Нахарины, и сведения эти согласуются с тем, что мы знаем о деятельности Тутмоса I; следовательно, расположенный в Нахарине Тунип должен был попадать под гегемонию Митанни (см. выше, с. 232, примеч. 70). Идея высечь памятную надпись в виде стелы прямо в склоне крутой скалы над рекой нашла своих последователей: чуть южнее, на самом высоком откосе над рекой Нахр эль-Кельб, целых три стелы высек Рамсес II, другие наскальные надписи вдоль реки оставляли ассирийцы, вавилоняне, греки, римляне, арабы и даже солдаты Наполеона III[118].

---

[116] Большинство упоминаний в Библии о Евфрате — вставки, сделанные древними толкователями текста; подобная одержимость идеей о Евфрате встречается и у современных толкователей, которые постоянно интерпретируют слово «река» как Евфрат, тогда как речь может идти о реках, протекающих близ «обетованной земли», например о Литани или Иордане (см.: Vandersleyen, 1994d).

[117] Redford, 1979a, 272–273; Ф. Ле Сау (Le Saout, 1987) идентифицирует его как Тир, полагая, что надпись датируется, скорее, эпохой Среднего царства; эта идентификация не кажется мне достаточно обоснованной.

[118] Возможно также, что царь охотился на слона в Нии (Urk. IV, 103–105), как позднее Тутмос III; см. ниже, с. 284. Другим уникальным свидетельством о деятельности Тутмоса I за пределами долины Нила может быть граффито в Восточной пустыне, в 70 км к востоку от Эдфу, см.: Žaba, 1974, 238–239, A 28.

ТУТМОС I – СТРОИТЕЛЬ. ЦАРСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

Слава Тутмоса I держится не только на его военных достижениях — а ведь армия царя дошла до пределов, которые преодолеет, да и то ненамного, лишь его внук Тутмос III. Об активности царя свидетельствуют также надписи и архитектурные сооружения. Он оставил о себя память как в Фивах, так и на севере страны. Хотя Тутмос I провел кампанию в Азии, больше всего его привлекала все же Нубия. Если спуститься вниз по Нилу от надписи в Хагар эль-Мерове, то можно обнаружить следующие следы его деятельности: возможно, первые поселения в Напате (Bradbury, 1985, 12 и n. 78); надписи в Томбосе; блоки с надписями на острове Саи (Vercoutter, 1956, 78, n. 71; 1973, 28); следы деятельности в Семне (Dunham, Janssen, 1960, 8, n. 4), Бухене (H. Smith, 1976, 210, n. 1), Анибе (Steindorff, 1937, II, 20), Кубане (PM VII, 84, надпись 1-го года) и Каср Ибриме (Caminos, LÄ V, 44). В самом Египте царь строил на Элефантине (Kaiser, 1970, 112); вероятно, в Эдфу (Gabra, Adel Farid, 1981, 182–183); в Арманте (Mond, Myers, 1940, 3); Тухе (Нубет; PM V, 44; Urk. IV, 94–103); в Абидосе (PM V, 44; Urk. IV, 94–103) и эль-Хибе[119]. У него были также поместье и дворец в Мемфисе[120], его имя можно увидеть на вазах и вотивных предметах на Синае (Серабит эль-Хадим, PM VII, 361).

Но именно Фивы, главным образом Карнак[121], царь, следуя примеру предшественников, сделал предметом своего первоочередного внимания. Это первый фараон Нового царства, некоторые памятники которого до сих пор не покинули своих мест. Он повелел возвести большую каменную ограду вокруг первоначального центра храмового комплекса, созданного во времена Среднего царства и расширенного Аменхотепом I. В результате площадь храма значительно увеличилась: с западной стороны он заканчивается пятым пилоном (из десяти, по традиционной нумерации пилонов в Карнаке); перед пятым пилоном был затем построен четвертый, который также относят к царствованию Тутмоса I[122]. К востоку от храмового фасада царь воздвиг два обелиска; он также завершил строительство «Алебастровой часовни» Аменхотепа I (PM II, 63). В Северном Карнаке Тутмос I построил «сокровищницу»[123].

На левом берегу, по всей видимости, находились заупокойный храм и гробница фараона, о которой рассказывает Инени; она до сих пор не найдена. К царствованию

---

[119] LÄ II, 1181, n. 16; Maspero, Le musée égyptien I, 1899–1900, 26–27, pl. 29 A.

[120] C. Zivie, 1976, 179–182; о наосе сына Тутмоса I — C. Zivie, 1976, 52–54. — Часовня, приписываемая этому царю (PM III, 41), на самом деле точно не датируется: Zivie, 1976, 261, n. 3.

[121] Barguet, 1962, 88–89; Golvin, Goyon, 1987, 14 (план); см. также: Alboui et al., 1989, 60–61. По крайней мере частью работ по возведению этих памятников заведовал Инени, в биографии которого содержатся ценные сведения о строительстве: Urk. IV, 55–58. Об Инени см.: Dziobek, 1987, 69–70; Dziobek, 1992, 135–141.

[122] В надписи на постаменте северного обелиска Хатшепсут сообщается, что она «поставила их между двумя большими пилонами царя» Тутмоса I: Urk. IV, 365, 4. К. Валле-Лебрён (Wallet-Lebrun, 1982) предположила, что четвертый пилон был возведен уже после Хатшепсут, но последние археологические раскопки выявили связь между выходящим на поверхность основанием пилона и предшествующими Хатшепсут архитектурными элементами. Это может опровергнуть версию К. Валле-Лебрён (L. Gabolde, 1985).

[123] Jacquet, 1983. — Ворота в Северном Карнаке, приписываемые Тутмосу I (PM II, 16), на самом деле возведены Хатшепсут и Тутмосом III: Van Siclen, 1984.

Тутмоса I относятся первые датируемые следы деятельности в Дейр эль-Медина, основателем которой он, возможно, является, хотя божествами — покровителями этого поселения стали Аменхотеп I и Яхмос-Нефертари (LÄ I, 1029; Bonnet, Valbelle, 1975, 431–435).

Изображений царя сохранилось мало; замечательная статуя Тутмоса I (Турин, 1374; Scamuzzi, 1966, pl. 22; M. Müller, 1979) была создана при одном из его преемников — возможно, при Хатшепсут. Больше всего в немногих сохранившихся портретах царя[124] удивляет мягкое, благодушное выражение его лица[125], сильно контрастирующего с хмурым и даже суровым лицом Аменхотепа I.

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ТУТМОСА I

История Тутмоса I не заканчивается с его кончиной. Постоянные перемещения с места на места его мумии — от места первого погребения до царского тайника в Дейр эль-Бахри, где ее, видимо, спрятали вместе со многими другими мумиями[126] — были связаны в первую очередь с политическими обстоятельствами. Мумия могла послужить символическим орудием для поддержки претензий на верховную власть сначала Хатшепсут, а затем Тутмоса III. Первая гробница в Долине царей — это гробница Хатшепсут (№ 20), в которой найдены два саркофага из желтого кварцита: один с именем Хатшепсут как фараона, другой — с именем Тутмоса I (PM I, 546–547; Reeves, 1990b, 13–17). Впрочем, второй саркофаг изначально также принадлежал Хатшепсут, но был переделан для ее отца[127]. В гробнице № 38 найден еще один, на этот раз оригинальный, саркофаг с картушами Тутмоса I, но почти не вызывает сомнений, что и гробница, и саркофаг были созданы по повелению Тутмоса III.

По поводу гробницы № 20 мнения ученых расходятся: кем она была сооружена — Тутмосом I или Хатшепсут? Гробница, несомненно, была перестроена так, чтобы в ней можно было похоронить сразу двоих покойников. Г. Картер, производивший ее раскопки, считал, что она предназначалась для Хатшепсут. Возможно, после расширения некрополя царица перенесла мумию отца из гробницы № 38, где та покоилась изначально. Но так как гробница № 38, вероятнее всего, была возведена в царствование Тутмоса III, исследователи предположили, что Тутмосу I принадлежала именно гробница № 20, построенная Инени, а Хатшепсут повелела устроить там помещения и для себя (Romer, 1974; Altenmüller, 1983, 33–38; Reeves, 1990b, 13–18). Однако перед гробницей № 20 был найден заклад в фундамент (набор предметов, которые обычно закапывали в землю

[124] Помимо статуи Турин 1374 есть еще голова осирического колосса Каир CG 42051, а также голова Турин 1387, приписываемая этому царю. См.: M. Müller, 1979; Scamuzzi, 1966, pl. 23; Lindblad, 1984, 49–58.

[125] Это счастливое выражение лица — насколько оно соответствует исторической правде? По словам Инени, «царь прожил свои годы в счастье» (Urk. IV, 58, 13).

[126] Н. Ривз (Reeves, 1990b, 227) полагает, что мумия, приписываемая Г. Масперо Тутмосу I, скорее всего, атрибутирована ошибочно. Тем не менее мумия этого царя действительно может находиться среди анонимных мумий из этого тайника.

[127] Reeves, 1990b, 27, 9; Der Manuelian, Loeben, 1993. — Существует и третий саркофаг Хатшепсут — саркофаг царицы (PM I, 591).

перед началом работ) с именем Хатшепсут как фараона[128]. Кроме того, географически гробница связана с храмом Хатшепсут, находящимся по другую сторону скалистого массива, в Дейр эль-Бахри. Наконец, ни один из найденных саркофагов с именем Тутмоса I не был сооружен по его собственному повелению. Возможно, первых царей XVIII династии хоронили в простых гробах, поскольку никаких саркофагов от них не обнаружено[129]. Если так, то Хатшепсут была первым фараоном, соорудившим гробницу в будущей Долине царей и возобновившим прерванную в течение II Переходного периода традицию хоронить мумии царей в саркофагах[130]. А Тутмос I стал благодаря своей дочери первым царем XVIII династии, удостоившимся этой чести, даже если саркофаг для него переделали из саркофага Хатшепсут. Гробница же, которую вырубил в скале Инени, до сих пор не обнаружена, и не исключено, что ее следует искать за пределами Долины царей[131]. Позднее Тутмос III (уже будучи единовластным правителем?) повелел вырубить для Тутмоса I гробницу в Долине царей (№ 38) и перенести туда его мумию[132].

Очевидно, мумия Тутмоса I, как и мумии других фараонов, из-за постоянной угрозы со стороны вандалов не раз переносилась в различные тайники, прежде чем обрести покой в Дейр эль-Бахри. Два его гроба, слишком большие для того, чтобы поместиться в саркофаг из гробницы № 20, но не в саркофаг из гробницы № 38, были узурпированы царем Пинеджемом I, тело которого обнаружили в тайнике. На пеленах же мумии, лежащей в этих двух гробах, не было никаких надписей, и до настоящего времени не найдено никаких доказательств тому, что это может быть мумия самого Тутмоса I (Reeves, 1990b, 244, 245).

Несмотря на все эти злоключения мумии царя Тутмоса I, его посмертный культ существовал долго[133].

ЦАРСТВОВАНИЕ ТУТМОСА II И ХАТШЕПСУТ

После кончины Тутмоса I трон занял его сын от второй жены — Аахеперенра Тутмос II[134]. Он женился (или уже был женат?) на своей сводной сестре Хатшепсут, дочери старшей царской жены Яхмос (стела Берлин 15699, Winlock, 1929, 60, n. 4).

---

[128] Ср.: Reeves, 1990b, 24: наблюдается противоречие с текстом на с. 17, где автор пытается приуменьшить значение заклада в фундамент.

[129] Brovarski, LÄ V, 474. — Саркофаг Тутмоса II, о котором говорит Э. Броварски, — очевидно, тот, что до сих пор находится в гробнице № 42. Однако это саркофаг царицы, предназначенный для Меритра-Хатшепсут, жены Тутмоса III, не законченный и не использовавшийся по назначению; см.: Reeves, 1990b, 24–25.

[130] Приведенная здесь интерпретация фактов принадлежит Люку Габольду.

[131] L. Gabolde, 1987c, 80. — По-видимому, к погребальному инвентарю из первой гробницы Тутмоса I относится ваза (Scott, 1986, 189, № 119), согласно надписи, исходя из которой царь скончался, когда его супруга Яхмос была еще жива.

[132] По мнению Л. Габольда, тот, кто возглавлял церемонию погребения предшественника, по праву становился наследником трона. Но можно ли было идти наперекор воле предшественника, то есть его желанию быть похороненным в определенном месте, чтобы получить право на трон?

[133] Bogoslovsky, 1973, с перечнем жрецов Тутмоса I; см. также: Leblanc, 1982.

[134] Chr. Meyer, LÄ VI, 539–540; L. Gabolde, 1987b; L. Gabolde, 1987c и L. Gabolde, 1989 (фрагменты неопубликованной диссертации); von Beckerath, 1990.

К моменту восшествия на престол он был еще очень юным — «соколом в гнезде» (Urk. IV, 58, 15)). Это подтверждается как изображениями, где мы видим его еще с коротким и вздернутым носом, так и тем фактом, что на 1-м году своего царствования он не принимал участия в военной экспедиции в Нубию (Urk. IV, 61–62). Хатшепсут, несомненно, была старше его. Вышла ли она замуж за своего сводного брата, по установившейся традиции, уже после смерти отца? В любом случае Хатшепсут сохранила за собой право на многочисленные величественные эпитеты — например, «госпожа всей страны, владычица двух земель», — фигурирующие даже на памятниках ее мужа. Такова отличительная особенность Нового царства: жены-царицы изображаются рядом со своими царственными мужьями даже в официальных сценах. Вероятно, жреческий титул «супруга бога», который носили некоторые царицы, давал им право участвовать в церемониях (Gitton, 1984, 39–41). Мы уже видели, как на «Стеле дарения» Яхмос-Нефертари, «супруга бога», вместе с сыном Яхмосом идет следом за царем навстречу богу Амону. Показательно, что из всех эпитетов Хатшепсут именно «супруга бога» встречается чаще всего[135]. В Карнаке, на самом значительном памятнике того времени, который Люк Габольд назвал «памятником с большими барельефами», царь, как правило, изображен один и лишь изредка — вместе с Хатшепсут. Один раз между царем и царицей появляется Нефрура. Несколько раз царица изображена одна, совершающей богослужения; ее титулы и эпитеты на этом памятнике особенно многочисленны и высокопарны[136].

От другого памятника сохранился только фрагмент колонны с рельефами на четырех сторонах. Самый примечательный из них посвящен коронации царя. С противоположной стороны колонны мы видим Хатшепсут, принимающую жизнь и власть, словно она является правящим фараоном. Люк Габольд предположил в связи с этим, что здание было возведено уже после смерти Тутмоса II, в начале царствования Тутмоса III[137]. Мне это не представляется очевидным: создается впечатление, что и на памятниках времен Тутмоса II Хатшепсут отводилась немаловажная роль.

Действительно, лишь немногие памятники, датируемые царствованием Тутмоса I, не содержат изображений Хатшепсут[138]. Предполагать, что смерть Тутмоса II была внезапной просто потому, что он скончался молодым, — безосновательно. Нам неиз-

---

[135] По подсчетам Л. Габольда, в 52 документах, созданных до принятия Хатшепсут царского сана, этот титул встречается 42 раза, а титул «старшая царская жена» или «царская жена» — только 25 раз.

[136] В предварительной публикации этого памятника, которую Л. Габольд помещает в своей диссертации, он отмечает, что картуши Тутмоса III на нем немногочисленны и, более того, встречаются картуши, где имя Хатшепсут добавлено к имени Тутмоса III. Памятник этот, задуманный Тутмосом II и при нем же почти полностью отделанный, был закончен Тутмосом III. Некоторые части декора могли быть созданы от его имени, но в двух случаях замена имени предшественника могла появиться в процессе исправления изъянов и реставрации этой части здания его создателем.

[137] На другой стороне этой колонны Нефрура изображена уже взрослой, тогда как на «памятнике с большими барельефами» — совсем ребенком. Возможно, колонна была создана позднее, чем «памятник с барельефами», но это не означает, что Нефрура действительно была взрослой в первые годы царствования Тутмоса III.

[138] Большой двор перед храмом в Карнаке, надписи на поясном карнизе которого, идущем вдоль стены, касаются только Тутмоса II, так же как и на воротах, ведущих в этот двор (насколько можно судить, учитывая их плохую сохранность). Материалы об этих памятниках, с учетом всех фрагментов, опубликованы в работе: Gabolde, 1993; см. также: Albouy et al., 1989, 61–64.

вестно ни о состоянии здоровья юного фараона, ни о болезнях, которые могли его поразить. Жена его, возможно, приобрела заметный авторитет ввиду того, что ей пришлось брать на себя различные обязанности еще при жизни отца, а потом и в годы царствования мужа. Если верить тому, что она сама рассказала о себе позже (см. выше, с. 240), Хатшепсут считала, что обладает правом на трон — правом, которым наделил ее отец еще на 2-м году своего царствования. При Тутмосе II она занимала высокое положение, но еще не намеревалась вести себя как фараон: либо тому не благоприятствовали обстоятельства, либо Тутмос II обладал более сильным характером, чем принято считать. Поскольку на всех памятниках изображена и названа по имени только Нефрура, а о будущем царе Тутмосе III не упоминается, вполне допустимо, что царица уже тогда начала политическую игру с целью обеспечить передачу трона ее собственным потомкам. Думала ли она, что ее дочь сможет сменить ее на престоле? Или будущий Тутмос III, если к тому времени он уже родился[139], не имел еще статуса наследника? Позднее Тутмос III также расскажет о своем детстве и о том, при каких обстоятельствах он, еще ребенком, во время храмовой процессии был избран богом Амоном. Тутмос играл роль Иунмутефа, «столпа своей матери», и был еще маленьким мальчиком, так как это была роль «Хора-ребенка в Хеммисе». Хеммис — сокровенное место в Дельте, где Исида родила сына: таким образом, речь идет о грудном младенце. Бог нашел его, остановился перед ним, поставил его перед царем, и младенец был введен в святилище бога[140].

Этот рассказ Тутмоса III, помещенный на воротах седьмого пилона в Карнаке, не обязательно является вымышленным; очевидно, он был своего рода ответом на историю Хатшепсут. В тексте из «Красной часовни» указана точная дата восхождения Хатшепсут на трон в царствование Тутмоса I, когда бог «в соответствии с законом» одобрил намерение ее отца. Итак, роль, которую играла Хатшепсут до 22-го года правления Тутмоса III, во многом принадлежала ей уже при Тутмосе II. Возможно, Хатшепсут, как и ее отец, надеялась, что однажды будет царствовать самостоятельно. Но пророчество Амона вмешалось в «естественный» ход вещей, выведя из тени сына Тутмоса II и Исиды, которая никогда не была женой царя, но в результате политических событий стала очередной «матерью царя»[141]. Тутмос II взошел на трон, и Хатшепсут

---

[139] Когда Амон выказал ему свое расположение, Тутмос III был еще «птенцом в гнезде» (Urk. IV, 157, 3). Неясно, почему Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1990, 71) полагает, что Тутмос III родился до Нефрура.

[140] Urk. IV, 157–159. — Слово *bj3t*/*биат* в тексте Urk. IV, 159, 2 означает не восхищение Тутмоса II божественным вмешательством (как переводят, например, К. Зете и С. Ратье), а оракул бога. См.: Graefe, 1971, 137–139.

[141] Это единственный титул Исиды; см.: PM I, 660 (пелены мумии Тутмоса III); PM II, 144 (статуя CG 42072), PM II, 428 (стела CG 34015); PM I, 553 (гробница 34); колонна A, B, I и II, где Тутмос III обожествляет свою мать, так как кормящая его богиня-дерево названа «его матерью Исидой». Хотя все свидетельства датируются царствованием Тутмоса III, он нигде не называет свою мать «царской женой», вероятно не считая нужным или возможным использовать титул, который она не носила. На стеле CG 34015 (PM II, 428) имя Исиды с титулом «старшая царская жена» — поздняя вставка в картуш. Стела датируется царствованием Тутмоса III, но в эпоху Амарны текст и изображения были во многих местах повреждены, а затем восстановлены в эпоху Рамессидов. Имя матери царя высекли там, где должно было быть имя одной из жен — той, в чьем имени было имя какого-то бога. Имя царицы Сат-ях также подходит, поскольку оно короткое: Weigall, 1906, 131–135; № 13, 23.

пришлось ждать другого удобного случая или искать другой официальный повод объявить себя фараоном.

В этом «соревновании» пророчеств и вмешательств в ход истории одного и того же божества, но в пользу разных кандидатов на трон и в разное время не следует непременно видеть состязание в том, чья ложь окажется более правдоподобной или более наглой. Сложное семейное положение Тутмоса I, бесспорно, вызвало проблемы, связанные с наследованием трона.

ВОЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ТУТМОСА II

Единственный источник, напрямую сообщающий о военной экспедиции царя, — стела от 1-го года правления Тутмоса II, высеченная на скале возле дороги, ведущей из Асуана в Филы. В тесте говорится о подавлении мятежа в Нубии (Urk. IV, 137–141; Lorton, 1990). Фараон отправил свою армию, но сам в походе не участвовал. Мы не знаем, кто командовал войсками — возможно, вице-король Нубии Сени, занимавший эту должность еще при Тутмосе I (el-Sabbahy, 1992). Насколько глубоко зашло войско внутрь Нубии, не уточняется. Текст начинается с описания областей, находящихся под египетским владычеством, и, судя по описанию, армия продвинулась не слишком далеко: *хау-небут*, то есть племена, населявшие северо-восточную часть Дельты, опасались египтян, но никогда не были и не будут подчинены; Девять Луков, эти извечные враги Египта, «находились под сандалиями» фараона; *ментиу* и *иунтиу сетиу*, жившие по берегам Синая и в суданской долине Нила, приносят фараону дары; южная граница проходит по «Рогу земли» (скалистый пик, тянущийся от Гебель Баркала?)[142], северная граница простирается до «болот Азии (Сечет), покоренных Его Величеством»; вестники царя не встречают никаких препятствий, проходя по равнинам Фенеху, то есть по областям, прилегающим к Восточной Дельте (Urk. IV, 138, 2–10). Целью экспедиции было не расширение египетских владений, а подавление мятежа, поднятого вождем Северного Куша; последний заключил союз с двумя детьми князя Куша, избежавшими гибели в резне, устроенной Тутмосом I. Эти трое поделили территории, лежащие к югу от 2-го порога, осмелившись даже взять крепостное заграждение, построенное Тутмосом I, — его местоположение нам, к сожалению, не известно. К северу от этой крепости мятежники перебили (Defossez, 1987) жителей долины (*кмт/кемет*) и угнали их стада. Фараон снарядил карательную экспедицию: все мужское население было вырезано, и лишь сын князя Куша вместе со своими подданными (следовательно, в живых остался не он один) был схвачен и при всеобщем ликовании брошен (возможно, в прямом смысле слова) под ноги царю.

В царствование Тутмоса II Яхмос Пеннехбет участвовал в военном походе против области, населенной *шасу*, и привел оттуда столько пленников, что даже не захотел их пересчитать (Urk. IV, 36, 12–14). На первый взгляд может показаться, что при Тутмосе II

[142] Буквально — «место, где земля разделяется» (Bradbury, 1985, 17–18).

состоялся военный поход в Азию, так как считается, что *шасу* жили именно там; однако первоначально «шасу» было общим названием для некоторых племен, не связанных с определенной территорией. Этим термином порой даже обозначают южные народы (см. выше, с. 246). Факты биографии Яхмоса Пеннехбета, даже при отсутствии указаний географического характера, вполне согласуются с тем, что нам известно о карательной операции — по крайней мере, из надписи на царской стеле. Нет оснований считать, что Тутмос II предпринял поход в Азию. Упоминание о царской охоте на слона в Ние в плохо сохранившейся надписи из Дейр эль-Бахри связано, вероятнее всего, с деяниями Тутмоса I[143]. Если говорить об изображениях азиатов на фрагментах рельефов, найденных в храме Тутмоса II возле Мединет Абу, то следует помнить, что это небольшое здание было сооружено не ранее царствования Тутмоса III[144], а впоследствии подвергалось перестройке.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУТМОСА II ВНУТРИ СТРАНЫ. ЕГО КОНЧИНА

Взойдя на престол, Тутмос II развернул строительные работы в разных областях страны — главным образом в Карнаке; многие карнакские памятники времен его правления уже упоминались[145]. Возле «двора праздников», перед обелисками Тутмоса I, были поставлены два огромных обелиска, но их затем снесли при постройке третьего пилона (L. Gabolde, 1987b). Новые памятники появились в Напате (Bradbury, 1985, 12), Семне и Кумме (Dunham, Janssen, 1960, 8, n. 4 и 118–119), на Элефантине (Junge, 1987, 24). Возможно, у царя имелись более обширные планы, но краткость его правления не позволила реализовать их, и начатые постройки были закончены его супругой или Тутмосом III[146]. Сегодня на многих памятниках мы видим имя Тутмоса II, но в большинстве случаев оно высечено поверх имени Хатшепсут.

Мы ничего не знаем о заупокойном храме Тутмоса II. Тутмос III построил в честь него часовню возле Мединет Абу (L. Gabolde, 1989, 139). В Долине царей не обнаружены ни гробница с именем Тутмоса II[147], ни какие-либо предметы из его погребальной

---

[143] Urk. IV, 103–105, см. выше, с. 248, примеч. 117. По мнению Л. Габольда, в этом храме нет никаких упоминаний Тутмоса II его времени.

[144] L. Gabolde, 1989. — У колес колесниц на этих рельефах по восемь спиц; существует еще только два подобных изображения, сделанных при Тутмосе IV и Аменхотепе III. См.: Rommelaere, 1991, 90, n. 8.

[145] См. выше, с. 252–253. — О так называемом дворе праздников см. также: Letellier, 1991, 45.

[146] Например, обелиски (см.: Gabolde, 1987b, 149) и храм в Дейр эль-Бахри (см. ниже, с. 285).

[147] Анонимную гробницу № 42 нередко приписывают этому царю (Hornung, 1975b, 130–131). Однако, судя по закладам в фундамент и другим данным, она предназначалась для жены Тутмоса III Меритра-Хатшепсут, но так и не была достроена; позднее ее присвоил Сеннефер, правитель Фив при Аменхотепе II (Reeves, 1990b, 24–25). Н. Ривз (Reeves, 1990b, 3–6, 18–19) предположил, что Тутмосу II принадлежала гробница TT 358 (PM I, 421), использованная впоследствии как тайник для погребального инвентаря и мумии Меритамон, жены Аменхотепа I (Romer, 1976, 194).

утвари. Одна из мумий, найденных в царском тайнике в Дейр эль-Бахри, была атрибутирована как мумия Тутмоса II по иератической надписи на пеленах, несмотря на ошибку в имени; она лежала в чужом гробу, на котором стояло его имя, также в ошибочном написании (PM I, 660, 14). Все изучавшие тело исследователи полагают, что этот человек скончался в возрасте примерно тридцати лет, но идет ли речь о Тутмосе II, неясно[148].

Процарствовав три года (?) и несколько месяцев, Тутмос II скончался, и трон занял его сын Тутмос III; эти события описал Инени (Urk. IV, 59, 13–17). Царь умер в молодом возрасте, что будет характерно для всех фараонов Нового царства, кроме Тутмоса III и Рамсеса II. В то время как царевичи и цари умирали, их жены и матери порой жили долго и брали на себя управление страной[149]. Другая отличительная особенность эпохи Нового царства, начиная с царствования Секененра, — это умножение сведений о «второстепенных» членах царской семьи.

[148] Harris, Wente, 1980, 202. — Бюкай (Bucaille, 1987, 97) дает ему 35 (±5) лет. Положение рук мумии соответствует обычаю Рамессидской эпохи (согласно Люку Габольду).

[149] Ввиду быстрой смены царей на престоле роль женщины при XVIII династии становится все более значительной (хотя, возможно, причиной стала эволюция общества). Так, например, Тийя и Нефертити не носили царскую титулатуру, как Хатшепсут, но имели статус, равный царскому. Авторитет Яхмос-Нефертари был велик, но все еще не выходил за традиционные рамки. Этот рост влияния женщин проявлялся в различных сферах жизни, см.: Gitton, 1976b; Sauneron, 1968b, 76–77.

Глава V
ТУТМОС III (ок. 1479–1424 годов до н. э.) И ХАТШЕПСУТ (ок. 1479–1457 годов до н. э.)

ВОСХОЖДЕНИЕ ТУТМОСА III НА ТРОН. ХАТШЕПСУТ-РЕГЕНТША

Менхеперра Тутмос III унаследовал трон своего отца на четвертый день первого месяца *шему*[150]. Вероятно, он уже умел ходить и даже уверенно, ведь он участвовал в церемонии, на которой его в присутствии Тутмоса II выбрал сам бог Амон (Urk. IV, 157–159; 180, 10–12).

[150] Urk. IV, 180, 15. — Как дата восхода Сириуса на 9-м году Аменхотепа I служит надежным инструментом для выстраивания абсолютной хронологии Нового царства, так и новолуние, зафиксированное в 21-й день первого месяца *шему* 23-го года правления Тутмоса III (дата сражения при Мегиддо), является астрономическим ориентиром, который может облегчить установление точной даты восхождения этого царя на престол. Три предполагаемые даты — 1504, 1490 и 1479 годы. Каждая из версий отстаивалась учеными как наиболее вероятная или единственно возможная. 1504 год: Hayes, 1970, 187; Murnane, 1970–1971 (1504 или 1479); Casperson, 1986 (1504 или 1490). 1490 год: Parker, 1957a; von Beckerath, 1967, OLZ 62, 5–13; Hornung, 1967b; Read, 1970; Parker, 1981. 1479 год: Hornung, 1979; Barta, 1979–1980; von Beckerath, 1981. Э. Уэнте и Р. Краус (Wente, 1975a; Krauss, 1978, 166–203) обсуждают все три версии. Предположение о существовании второй лунной даты при Тутмосе III отвергнуто (Helck, 1983c, несмотря на мнение Casperson, 1986).

Титулатуру из пяти имен составили, когда новый царь был еще ребенком; есть документы, датированные ранними годами его правления.

Однако царь-ребенок не руководил страной. Государственными делами занялась или продолжила заниматься Хатшепсут. Вельможа Инени, который уже при Тутмосе II был почтенным старцем, дожил до восшествия на престол наследника фараона и ясно описал сложившуюся ситуацию: «Его сын занял его место как царь двух земель и правил на троне того, кто его породил, тогда как его сестра (то есть сестра Тутмоса III), супруга бога Хатшепсут, занималась делами страны и управляла обеими землями. Ее авторитет приняли, долина была подчинена» (Urk. IV, 59, 16–60, 4). За этими словами, свидетельствующими о признании страной власти царицы, следует целая серия величественных эпитетов, раскрывающих ее качества; восхваления заканчиваются перечислением благодеяний, которыми царица щедро осыпала Инени (Urk. IV, 60, 5–61, 1). Следует отметить, что в этом тексте единственный титул царицы звучит как «супруга бога». Возможно, именно тогда Хатшепсут посвятила своему покойному брату и мужу найденные на Элефантине две статуи из розового гранита, где царь облачен в церемониальное одеяние для праздника *сед*. Царю тем самым возвещали вечное существование, ведь при жизни он не успел отметить свои праздники *сед*[151]. На посвященной ему Тутмосом III статуе из серого базальта, найденной в Эдфу[152], он носит те же торжественные одеяния. Вполне вероятно, что этот акт сыновнего почитания относится к тому же времени, что и статуи с Элефантины[153], причем решение принимала Хатшепсут. Однако статуи не датированы, поэтому это не более чем гипотеза. Именно царица должна была руководить похоронами Тутмоса II, но мы не знаем, где покоилось тело царя до его перенесения в царский тайник в Дейр эль-Бахри[154].

Если Тутмос III действительно взошел на трон малолетним, то совершенно естественно, что царица взяла на себя всю ответственность в управлении страной.

ХАТШЕПСУТ-ФАРАОН

Как уже было сказано, Хатшепсут еще при жизни своего отца была уверена в том, что власть принадлежит ей по праву. В царствование Тутмоса II она не смогла получить официального подтверждения своих прав, и ей пришлось удовольствоваться статусом царской жены. Наследник, Тутмос III, был сыном ее брата и мужа, то есть приходился

---

[151] Элефантина 1086, Dreyer, 1984; картуш и титулы царицы не сохранились, но читается посвящение «своему (ее) брату». Это единственная статуя царя Тутмоса II, у которой уцелела голова и на которой сохранилось имя; от второй статуи, хранящейся в том же музее, уцелел только торс без надписей, но он полностью идентичен торсу первой статуи.

[152] Weigall, 1907b, 44; таким образом, лишний раз подчеркивается связь этой династии с Эдфу.

[153] Статуя, которую Э. Вейгал видел в Асфуне, содержала имена как Тутмоса II, так и Тутмоса III, но других сведений о ней он не приводит (Weigall, 1908, 107–108).

[154] Теория Л. Габольда (Gabolde, 1987c, 80) выглядит слишком сложной, а один из ее пунктов является чистым домыслом: мумия Тутмоса II сначала хранилась в некоей гробнице, «обычной яме», затем в гробнице Тутмоса I, до сих пор также не обнаруженной, и, наконец, «освободилась», обретя покой в гробнице Хатшепсут.

ей одновременно племянником и пасынком. В начале его правления положение царицы оставалось прежним, но в какой-то момент она получила символы царской власти и царскую титулатуру. В ее новом картуше появилось тронное имя Мааткара и три первых имени в форме женского рода: «сильная (душами) *k3w/kay*, юная годами, божественная явлениями» (Urk. IV, 261, 14–17). Отныне она официально обладала статусом фараона и сохраняла его вплоть до своего исчезновения с исторической сцены на 22-м году правления.

История этого соправления, уникального как по своей продолжительности, так и по своему характеру, определяет три периода царствования Тутмоса III: первый, когда царь-ребенок находился под опекой царицы-регентши; второй, когда царица стала фараоном и оба владыки царствовали одновременно (настоящее соправление); третий, когда после смерти Хатшепсут Тутмос III стал царствовать один.

Когда именно царица стала фараоном или получила царскую титулатуру и символы царской власти, мы не знаем; нам также неизвестно, каким образом это произошло. Впервые царица в статусе фараона упоминается на 7-м году правления Тутмоса III. Под искусственной террасой перед гробницей Сененмута (TT 71), одного из доверенных лиц Хатшепсут, была спрятана гробница его родителей, где находились вазы; те из них, которые были датированы, содержали только одну дату — 7-й год. Отдельные работы в гробнице Сененмута датированы 2-м днем 4-го месяца *перет* 7-го года[155]. Спустя некоторое время гробница его родителей стала недоступна. На амфоре из этой гробницы указана дата «7-й год, 8-й день 2-го месяца *перет*», на двух амфорах есть печать — «прекрасная богиня Мааткара». Иными словами, к этому моменту Хатшепсут уже получила титул фараона. Еще одна амфора, судя по печати «супруга бога Хатшепсут», была изготовлена раньше, а дата «7-й год» дописана чернилами при последнем использовании сосуда. Итак, к 7-му году Хатшепсут получила второй картуш с тронным именем Мааткара, то есть стала фараоном. Но это не означает, что смена статуса произошла именно на 7-м году правления Тутмоса III, а не раньше.

Искать свидетельства смены статуса следует в источниках, датированных предыдущими годами. Однако эти материалы немногочисленны и не содержат определенных сведений. При этом существуют памятники, созданные после 7-го года и датированные только царствованием Тутмоса III или, наоборот, содержащие имена одной только Хатшепсут. Таким образом, существование документов, созданных до 7-го года и датированных только царствованием Тутмоса III, не доказывает, что Хатшепсут еще не получила статус фараона[156].

Это позволяет нам отбросить стелу от 5-го года из Серабит эль-Хадим, на которой изображен только Тутмос III (Dorman, 1988, 32). Не служит доказательством и тот факт, что на 5-м году Тутмос III возглавлял церемонию возведения в сан визиря Аменусера (Ibidem, 33–34), так как на протяжении всего соправления Тутмос III нередко действовал совершенно независимо от царицы. Что касается юного возраста царя,

[155] Дата указана на остраконе, найденном на переднем дворе гробницы (Dorman, 1988, 34, n. 84).

[156] Документы, касающиеся соправления, были собраны и изучены У. Дж. Мёрнейном (Murnane, 1977, 35–43). П. Ф. Дорман (Dorman, 1988, 18–35) собрал и проанализировал датированные документы, позволяющие установить дату прихода Хатшепсут к власти; он также приводит недатированные источники (35–43), которые не представляются мне пригодными для этой цели.

то это нигде и никогда не являлось препятствием для исполнения царем своих непосредственных обязанностей.

На стеле, датированной царствованием Тутмоса III, Сененмут преподносит дары Амону (Helck, 1960b) из доходов с земель, полученных от Тутмоса III еще до того, как он стал царем (Vandersleyen, 1992b). В левой части стелы упоминаются также «царь Верхнего и Нижнего Египта Мааткара» и Джосер-Джосеру, то есть храм Хатшепсут в Дейр эль-Бахри. Стела датирована 3-м годом, 4-м днем первого месяца *шему* (3-й год более вероятен, чем 4-й: Brovarski, 1976a, 67, n. 12). Эта дата вызвала подозрение, так как в тексте упоминаются храм и погребальные приготовления Сененмута, хотя и то, и другое, как предполагалось, появилось не ранее 7-го года. Цифра в датировке может быть неверной, поскольку первые тринадцать строк текста были сильно повреждены в эпоху Амарны и восстановлены при Рамессидах, тогда как нижняя часть стелы, находившаяся под землей, избежала утрат и сохранилась в своем первоначальном виде; дата расположена в поврежденной части. Итак, можно было бы отбросить и этот памятник, предположив, что рамессидские писцы ошиблись при восстановлении текста, но теперь мы знаем, что возведение храма в Дейр эль-Бахри началось, видимо, еще при Тутмосе II, а на двух погребальных конусах из гробницы Сененмута (TT 71) указаны титулы Хатшепсут, которые она носила до получения царских инсигний. Таким образом, стела дарения Сененмута вновь обретает статус надежного свидетельства; Хатшепсут могла стать фараоном уже на 3-м году правленияТутмоса III.

На 2-м году царствования, в 7-й день 2-го месяца *шему,* Тутмос III возобновил службу по жертвоприношениям, учрежденную в Семне еще Сенусертом I. Надпись на другой (но явно получившей отделку в тот же период) стене храма касается некоей царицы, которой может быть только Хатшепсут, хотя ее имена и некоторые титулы старательно стерты; судя по сохранившимся титулам, она еще не носила титула фараона[157]. Что касается блока 287 из «Красной часовни», то, как уже сказано выше, указанная на нем дата «2-й год» относится к царствованию не Тутмоса III, а, вероятнее всего, Тутмоса I.

Итак, Хатшепсут объявила себя фараоном после 2-го, но до 7-го года правления Тутмоса III — возможно, на 3-м году[158]. Как проходила ее коронация? Большинство историков полагают, что она «узурпировала власть» в результате «государственного переворота», то есть свержения одной группировки другой. Но это очевидное заблуждение. Хатшепсут не надо было «захватывать власть», она и так обладала ею — возможно, еще до воцарения Тутмоса III[159]. Тот факт, что она продолжила летоисчисление по годам царствования Тутмоса III и не начала собственный отсчет, говорит сам за себя: 1-й год правления относился равным образом к ее царствованию и к царствованию ее племянника (Murnane, 1977, 34; автор цитирует Д. Редфорда). Проблема заключается не только в том, чтобы определить день и час ее воцарения; следует также понять,

---

[157] Dorman, 1988, 19–22. — Дата в Urk. IV, 193, 13 была исправлена (7-й день вместо 8-го): см.: Caminos (в книге Dorman, 1988); текст царицы: Urk. IV, 198, 12–16. Имя вице-короля было стерто (см. ниже, с. 289, примеч. 262).

[158] Существует вариант первого имени Тутмоса III — Менхеперкара вместо Менхеперра. Это имя засвидетельствовано только в период соправления с Хатшепсут, с 5-го по 20-й год (см.: Brovarski, 1976a, 70, n. 37). См. также порталы в Южном (Fazzini, 1984–1985, 304) и в Северном Карнаке (PM II, 16; Van Siclen, 1984; Caminos, 1968, 50, 57; L. Bell, 1985a, 257, n. 20). Еще один вариант имени: Vercoutter, 1990.

[159] Murnane, 1977, 33: «Следовательно, с самого начала Хатшепсут была нетитулованной царицей Египта».

зачем и каким образом она демонстрировала атрибуты власти, которой действительно обладала. «Переход к статусу фараона был медленным, постепенным и нерешительным». Это замечание Люка Габольда резюмирует наблюдения Р. Тефнена (Tefnin, 1979, 162–170) за изменениями облика царицы в скульптуре в Дейр эль-Бахри: совершенно женские, если судить по фигуре, одеждам и украшениям, статуи постепенно приобретают фактуру мужчины-фараона. Несмотря на существующие возражения (Dorman, 1988, 40–41), думаю, что Р. Тефнен прав. Невозможно представить, какой простор для действий мог открываться перед женщиной в эпоху Хатшепсут, если она была царицей, дочерью недавно скончавшегося энергичного царя и обладательницей всех качеств, необходимых для государственного деятеля. Достаточно вспомнить, как медленно и с каким трудом шел процесс предоставления женщинам права голоса в XX столетии — после долгой борьбы суфражисток.

Первые памятники фараона Хатшепсут — это, по-видимому, сидящие статуи: царица представлена еще с женской фигурой и в платье. На статуе, которая выглядит самой робкой по стилю, а значит, наиболее ранней, Хатшепсут в так называемом *xam/ḫ3t* — то есть парике, зачехленном в мешковидную косынку; поверх платья — широкое ожерелье и кулон; на запястьях и лодыжках — широкие рифленые браслеты. Однако на тыльном опорном столбе статуи высечена полная титулатура Хатшепсут как фараона. Это единственная известная нам статуя с полной титулатурой; найденная в Дейр эль-Бахри, она могла быть установлена до возобновления работ в храме, так как название храма, Джосер-Джосеру, на изваянии не фигурирует (Tefnin, 1979, 3). Эта статуя была первой в процессе постепенного — шаг за шагом — уподобления облика царицы мужскому. Так, например, на другой статуе Хатшепсут носит платье, но *xam/ḫ3t* уже заменен *немесом*, а кулон исчез. Вскоре платье сменяется набедренной повязкой[160]. Следует однако отметить, что «царь Хатшепсут» (именно «царь», так как в египетском языке нет слова женского рода для обозначения фараона-женщины) полностью уподоблена мужчине только в пластике — ее изображают в набедренной повязке и с голым торсом, причем мужским, несмотря на выпуклости, еще заметные на двух статуях[161]. В текстах предельно официального характера и в монументальных надписях о Хатшепсут почти всегда говорится в женском роде, кроме тех случаев, когда слово «царь» требует зависимых слов в мужском роде[162].

Вызывает удивление и даже восхищение корректность поведения царицы в первые годы, когда она уступила племяннику «первое место»[163]. Большинство датированных текстов, даже того периода, когда Хатшепсут была фараоном и управляла страной, приводят только имя Тутмоса III. И ни один текст не датирован правлением одной Хатшепсут. Даже возвращение экспедиции из Пунта на одном из рельефов в Дейр

---

[160] Нефрусебек, царица-фараон XII династии, не решилась зайти так далеко: она носила *немес*, но набедренная повязка была надета поверх платья. О Хатшепсут и Себеке см. с. 129, примеч. 179.

[161] Действительно, наиболее «женские» из ее «мужских» статуй — это сидящие статуи из твердого известняка (MM 29.3.2) и розового гранита (MM 27.3.163), см.: Tefnin, 1979, 14–18, 22–23.

[162] Женская природа Хатшепсут всегда принималась во внимание при составлении надписей. В надписи от 16-го года на Синае (Вади Магара) Хатшепсут названа «возлюбленной богом», а Тутмос III — «возлюбленным богиней». Это же мы видим и на синайской стеле от 20-го года.

[163] Вопреки мнению У. К. Хейса (Hayes, 1973b, 317): «It was not long however, before this shrewd, ambitious and unscrupulous woman showed herself in her true colors» («Длилось это тем не менее недолго: эта практичная, амбициозная и беспринципная женщина вскоре показала свое истинное лицо»).

эль-Бахри датировано просто 9-м годом, без указания имени царя[164]. В четырех источниках приведены годы и имя царицы, но они носят оба имени — Хатшепсут и Тутмоса III. Это тексты от 12-го, 16-го и 20-го годов — граффито в Нубии[165], две надписи на Синае[166] и граффито посетителя в часовне Джосера в Саккара (Firth, Quibell, 1935, 80, F, год 20-й). У. Мёрнейн собрал также недатированные документы, в которых указаны имена и Хатшепсут, и Тутмоса III. Конечно, имена Хатшепсут почти всегда идут первыми, но важно то, что имена Тутмоса не опущены. Более того, они нигде не сокращены; Тутмос обладает теми же титулами и символами власти, что и Хатшепсут[167]. Примечательно также, что, даже занимая второе место, он иногда носит белую корону[168].

Неизвестно, поступала ли царица так из благородства или же по необходимости. Учитывая ее зрелость и опыт, было естественным с ее стороны взять в свои руки управление страной. Быть может, ей показалось абсурдным, что та, кто царствует de facto, должна занимать второстепенное положение царицы, тогда как титулованный фараон — не внушающий почтения подросток. Речь шла о государственных интересах. Если ситуация была именно такова — и даже если жажда власти побудила царицу воспользоваться малолетством законного наследника, — постепенное возвышение Хатшепсут должно было начаться очень рано.

Манефон упоминает Хатшепсут, но списки Нового царства и эпохи Амарны обходят ее имя молчанием (Redford, 1986a, 19, 22, 35, 44). Список Манефона и на этот раз выглядит запутанным, но после сведений о Тутмосе II следует поместить следующее сообщение: «Затем его сестра Амессис, в течение двадцати одного года и девяти месяцев» (Manetho, 101; Африкан округляет продолжительность царствования до двадцати двух лет; Id., 111). Последний документ с именем Хатшепсут датирован 20-м годом[169]. Следовательно, продолжительность ее правления, указанная Манефоном, вполне правдоподобна. Более того, он отсчитывает ее годы, начиная с 1-го, что полностью соответствует реальному положению дел. Итак, на 22-м году правления, в 1-м или 2-м месяце *перет*, то есть через двадцать один год и девять месяцев после восхождения Тутмоса III на трон, Хатшепсут сходит со сцены.

О том, каков был конец ее царствования, существует множество романтических гипотез. Нет никаких упоминаний о кончине царицы на 22-м году и никаких свидетельств того, что она была свергнута или убита. Не исключено, что она уступила бразды правления повзрослевшему Тутмосу III и провела остаток дней в покое. Если

---

[164] Murnane, 1977, 37, заблуждался, считая, что этот 9-й год «is presumably hers» («предположительно ее собственный»).

[165] Hintze, Reineke, 1989, № 562 (12-й год; Тангур). — Надпись на скале в Абусире у 2-го порога сделана простым писцом и датирована 16-м годом правления одного лишь Тутмоса III (Id., № 64).

[166] Sinai № 44, pl. 14 = Urk. IV, 393–394 (16-й год); № 181, pl. 57 = Urk. IV, 1377 (20-й год). Надпись в Томбосе (Säve-Söderbergh, 1949, 207–209), оставленная вице-королем, имя которого старательно стерто, датируется, согласно убедительным доводам Б. Брайан (Bryan, 1991, 6–8), 20-м годом правления Тутмоса III. Сомнительно, что этим высокопоставленным чиновником был Инебни, так как он не носил титула вице-короля (Dziobek, 1993).

[167] См.: Redford, LÄ VI, 541 и Ratié, 1979, 136–138. — В рельефных сценах ворот в Дейр эль-Бахри имя Хатшепсут встречается значительно чаще (Murnane, 1977, 56 и n. 99, 100).

[168] Стела в Ватикане, Urk. IV, 311–312; Botti, Romanelli, 1951, № 128, а не 130, как указал К. Зете. Текст стелы касается только царицы; об этом документе см.: Bongrani-Fanfoni, 1981.

[169] Граффито писца Нахта, посетившего храм Джосера в Саккара, датировано 2-м днем 3-го месяца *перет* 20-го года Хатшепсут и Тутмоса III; Firth, Quibell, 1935, 80, F.

же на 22-м году она скончалась, то вовсе не обязательно окружать это событие атмосферой, характерной для меровингского двора (я имею в виду гибель Брунгильды). В действительности нам ничего неизвестно[170].

Но не следует впадать и в обратную крайность. Несомненно, в какой-то момент было решено стереть память о Хатшепсут, и, судя по отсутствию ее имени в царских списках, в этом начинании преуспели. Однако это посмертное преследование было не столь ожесточенным, как принято думать, и то, что нередко считают проявлением злой воли — например, замуровывание обелисков Хатшепсут до определенной высоты, — имеет более простое объяснение (Dorman, 1988, 46–65; Wallet-Lebrun, 1984, 333). Серьезную полемику вызвал и вопрос о том, когда началось преследование ее имени: немедленно после смерти Хатшепсут (см.: Chr. Meyer, 1989), в результате взрыва недовольства, копившегося долгие годы, или спустя много лет, в конце царствования Тутмоса III (предположительно после 42-го года[171]), по непонятным до сих пор причинам. В пользу второй гипотезы говорит прежде всего тот факт, что части «Красной часовни» уже после ее разборки были разбиты ударами молотка[172].

Поскольку с начала самостоятельного правления Тутмоса III прошло двадцать лет, вряд ли его ненависть стала главной причиной преследования памяти Хатшепсут. Однако если вдовствующая царица была еще жива, никто не осмелился бы коснуться ее изображений. Продолжала ли она управлять страной до 42-го года в качестве тайного советника или «серого кардинала»? Поскольку ей к тому времени было около семидесяти лет, это вполне допустимо.

Последнее лицо, имеющее прямое отношение к династическим проблемам этого периода, — дочь Хатшепсут Нефрура (Chr. Meyer, LÄ IV, 382–383). Нефрура — скорее всего, единственный ребенок Тутмоса II и Хатшепсут — была еще очень маленькой, когда на трон взошел ее сводный брат Тутмос III (см. выше, с. 243). После того как ее мать стала фараоном, Нефрура унаследовала титул «супруга бога», титул, о значении которого мы уже говорили[173]. Она носила и другие высокие титулы: Сененмут называет ее «владычицей двух земель» (Urk. IV, 406, 9). В храме, возведенном Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, Нефрура появляется только в святилище: она изображена здесь за Хатшепсут и Тутмосом III и носит титул «Госпожа двух земель, владычица Верхнего и Нижнего Египта» (Urk. IV, 391, 13; PM II, 366 (133)). Принцесса знакома нам главным образом по статуям, на которых ее, совсем маленькую, держит на руках или на коленях

---

[170] Если Хатшепсут отмечала тридцатилетие своего правления на 16-м году и если отец возвел ее на трон предположительно в возрасте 15 лет, то на 22-м году правления ей было больше пятидесяти лет.

[171] 42-й год, по-видимому, стал знаменательным: это и окончание азиатских кампаний, реставрация статуи (PM II, 1760), а возможно, и начало преследования памяти царицы (см.: Ratié, 1979, 302, n. 28).

[172] Dorman, 1988; Van Siclen, 1989. — Преследование носило систематический характер: имя царицы было стерто или заменено именами ее предшественников, как и ее изображения. По мнению Л. Габольда, имена и изображения Тутмоса II в Дейр эль-Бахри нанесены поверх имен и изображений Хатшепсут.

[173] О Нефрура — супруге бога, см.: Gitton, 1984, 66–72. Нет доказательств того, что Нефрура и Хатшепсут носили этот титул одновременно. Единственный документ, который наводит на такую мысль, — конус Сенмена (Davies, Macadam, 1957, № 120), где представлены «должности», занимаемые им в различное время: Сенмен — «отрок Капа, опекун божественной плоти супруги бога Нефрура; воспитатель дочери супруги бога Хатшепсут, управляющий дочери царя». Точно так же Яхмос Пеннехбет называет Мааткара одновременно супругой бога и царицей (Urk. IV, 34, 15), а в надписи в «Красной часовне» уточняется, что для принятия царских инсигний Хатшепсут прежде всего сняла с себя облачение, полагающееся супруге бога (Lacau, Chevrier, 1977, 116–119).

Сененмут[174]; до этого она была доверена другим воспитателям[175]. На этих статуях Нефрура носит *урей* на лбу. Очевидно, Хатшепсут возлагала большие надежды на принцессу и прочила ей такую же судьбу, как и себе. На стеле с Синая, датированной 11-м годом (несомненно, правления Тутмоса III, а не царевны[176]), Нефрура представлена как «супруга бога», с высокими перьями в прическе и уреем; она преподносит дары богине Хатор — честь, которой удоставивались только царские особы. За принцессой стоит Сененмут. Эта стела — последнее свидетельство о принцессе. Нефрура упомянута также на погребальных конусах и представлена в групповой статуе, вырубленной в скале над гробницей ее наставника Сененмута (TT 71)[177], строительство которой началось не позднее 3-го года и продолжалось в 11-м (Dorman, 1988, 96). Однако во второй гробнице Сененмута, работы в которой велись на 16-м году, никаких упоминаний о принцессе нет: из этого сделали вывод, что между 11-м и 16-м годами Нефрура скончалась, но доказать это невозможно. Возможно, Сененмута лишили всех должностей, имевших отношение к царевне. Действительно, его титулы, связанные с царевной, встречаются лишь на немногих памятниках (на пяти статуях и погребальном конусе, Davies, 84); Нефрура представлена в девяти из 25 сохранившихся статуй Сененмута. К тому же даты и сроки работ во второй гробнице известны нам не настолько определенно, как иногда полагают, и говорить о «первой и второй гробницах Сененмута» некорректно (Dorman, 1988, 97).

Свидетельства о Сененмуте по окончании «эпохи» его «второй» гробницы исчезают. Из этого был сделан вывод, что после кончины Нефрура ее воспитатель лишился своего главного козыря, позволявшего ему пользоваться доверием Хатшепсут; он впал в немилость и, возможно, скончался. Но мы не знаем, когда умерли Нефрура и Сененмут; судя по некоторым косвенным свидетельствам, это произошло с окончанием царствования Хатшепсут. На стеле, предположительно датируемой 24-м годом правления Тутмоса III (Каир CG 34013), царя сопровождает «супруга бога» без титула царицы. В картуше указано имя первой жены Тутмоса III, царицы Сат-ях, но оно написано поверх другого, стертого имени, единственный читаемый знак которого — Солнце. Мы не знаем, кто унаследовал после Нефрура титул «супруга бога». Царица Сат-ях никогда его не носила, а другой «супругой бога», известной по документам царствования Тутмоса III, была его дочь Меритамон (Gitton, 1984, 78–79), но ее имя не могло стоять в картуше на этой стеле. Таким образом, речь может идти о Нефрура. Вероятно, сам Тутмос III, а не реставратор Рамессидской эпохи заменил имя Нефрура именем своей первой жены[178]. Если это так, значит, Нефрура действительно никогда не была женой Тутмоса III[179].

---

[174] О Сененмуте, отце бога и воспитателе Нефрура, см.: Brunner, 1961, 91, 1.

[175] Это были Яхмос Пеннехбет (см. выше, с. 243, примеч. 99) и Сенмен, который не был братом Сененмута (Roehrig, Dorman, 1987).

[176] Sinai № 179, pl. 58. — Нет никакой связи между датой и сценой; К. Зете полагал, что следует скорее читать «8-й год». Этот вариант, принятый и другими исследователями (Helck, OLZ 79, 1984, 25; Chr. Meyer), оспорен П. Ф. Дорманом (Dorman, 1988, 176, n. 74).

[177] Похожая групповая скульптура возвышается над гробницей ее воспитателя Сенмена (TT 252).

[178] Vandersleyen, 1971, 219–223. — Вопреки тому, что пишет П. Ф. Дорман (Dorman, 1988, 78), я, тщательно изучив памятник, увидел в картуше лишь один из нескольких знаков *нефер/nfr*, обнаруженных там Легрэном.

[179] Вопреки мнению П. Ф. Дормана: Dorman, 1988, 79. На стеле в Каире (CG 34015), на которую он ссылается, Исиде, матери Тутмоса III, присвоены титулы, которых она никогда не носила (напри-

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ХАТШЕПСУТ И ЭКСПЕДИЦИЯ В ПУНТ

По-видимому, Хатшепсут не предпринимала военных экспедиций в Азию. Единственные упоминания об Азии содержатся в напутствиях богов, адресованных Хатшепсут во время возведения царицы на трон ее отцом. Из всех азиатских народов упомянуты только Речену (Urk. IV, 248, 6–7), но с ними египтяне встречались только по пути к Синаю, где египетское присутствие в период совместного правления Тутмоса III и Хатшепсут надежно засвидетельствовано. За упоминанием о Речену следует фраза, объясняющая отсутствие военных столкновений: князья Речену еще пребывали «в страхе со времен [ее] отца»[180].

Как и многие фараоны до нее, Хатшепсут проявляла особый интерес к странам Юга, о чем свидетельствует прежде всего экспедиция в Пунт, которую Хатшепсут считала одним из главных событий своего царствования. На этот раз призывам богов к завоеваниям соответствуют конкретные исторические события, отраженные в надписях. В надписи казначея Тэйе на острове Сехель сообщается, что Тэйе следовал за царицей Мааткара; он видел, как та победила *цунтиу*; вожди *цунтиу* были взяты в плен; он видел, как она разорила страну *нехси*[181]. Надпись от 12-го года правления Хатшепсут и Тутмоса III в Тангуре, к югу от 2-го порога[182], сообщает об экспедиции, целью которой в очередной раз стал «жалкий Куш». Еще одна надпись, датированная 18-м годом правления Тутмоса III, обнаружена в Шалфаке (Hintze, Reineke, 1989, 90, № 365); она сделана Аменхотепом, писцом вице-короля Аменемнеху, чье имя впоследствии стерли. По моему мнению, надпись свидетельствует лишь о том, что писец побывал здесь; из отсутствия в надписи имени Хатшепсут не стоит делать никаких выводов. Итак, в царствование Хатшепсут мир порой нарушался, но это не удивительно, учитывая, что она правила двадцать лет. Конечно, царица не была идейной «пацифисткой» в современном смысле.

мер, «старшая царская жена»). Ее имя вписано здесь вместо другого, содержавшего знак Солнца. Конечно, этот знак присутствует в имени Нефрура, но не только в нем; это слишком ненадежный довод в пользу наличия у царевны титула, который нигде больше не засвидетельствован. О «старшем сыне царя» Аменемхете (Dorman, 1988, 79), упомянутом в большой и плохо сохранившейся надписи (Urk. IV, 1262, 1), нам известно слишком мало, чтобы считать Нефрура его матерью, а следовательно, женой Тутмоса III. 23-й год, указанный в начале надписи, не является датой ее создания.

[180] Ratié, 1979, 221–223; Redford, 1967, 60–62. — Изображение женщины-сфинкса, поклоняющейся картушу Хатшепсут, на сундуке, выполненном в сирийском стиле, не является надежным доказательством господства египтян в этой области (вопреки мнению Ratié, 1979, 130). Упоминания о *хау-небут* касаются Дельты, а не Азии (вопреки Ibidem, 222, 5). О Газе сказано, что «владыка ее взял» на 22-м году (Urk. IV, 648, 10–11), но это скорее результат военных кампаний Яхмоса, чем недавнего похода Тутмоса III. Предположение о том, что первые протосинайские надписи датируются царствованием Хатшепсут, было выдвинуто после обнаружения на Синае сфинкса № 345 (PM VII, 360). Поскольку датировка сфинкса основана на стилистических критериях, дата эта безосновательна. Судя по фотографии, сфинкс не имеет ничего общего с произведениями искусства времен Хатшепсут: JEA 3, фронтиспис.

[181] Habachi, 1957b, 99–100. — Все местоимения стоят в мужском роде; картуши с царским именем разбиты молотком.

[182] Hintze, Reineke, 1989, 172, № 562. — Местоимение при глаголе дано в форме единственного числа мужского рода. См. также: Reineke, 1977.

Однако она не отводила военным кампаниям важное место в своей политике и, по-видимому, не желала превозносить свои достижения в этой сфере.

Египтяне, вероятно, не впервые возвращались с войском в завоеванную Тутмосом I область, лежавшую за 4-м порогом. Именно этой дорогой должна была следовать экспедиция в Пунт[183], закончившаяся на 9-м году[184]. Сам путь следования нам, конечно, не известен. Даже жители Пунта не знали, пришли египтяне по воде или по суше. На детальных рельефных изображениях, которыми Хатшепсут повелела украсить стены второго портика в своем храме в Дейр эль-Бахри[185], пять кораблей доходят до берегов Пунта, а на обратном пути причаливают в Карнаке, причем никаких перегрузок не наблюдается. Таким образом, экспедиция передвигалась только по Нилу[186]. Некогда предполагалось, что экспедиции непременно переправлялись через Красное море, при том, что судоходный канал Нил — Красное море был прорыт только при Дарии (Butzer, LÄ III, 312). Считалось, что большие корабли разбирались на части, караваны ослов перевозили их через Вади Хаммамат, после чего корабли собирались; вместе с ними переправляли и несметное количество трофеев. Но знаменитые ладанные деревья, перевозимые с корнями, не пережили бы подобного обращения (Dixon, 1969). Действительно, какую бы опасность ни представляли собой нильские пороги, ни один из них не был непроходимым, даже для больших кораблей (Vandersleyen, 1970a). Возглавлял экспедицию, сопровождаемую крупным военным отрядом, царский посланник *Нехси*[187]. Царь Пунта Пареху и его тучная супруга Ати[188] приняли членов экспедиции не на побережье, а внутри страны, в плодородном и лесистом регионе[189]. Главной целью похода — или, по крайней мере, тем его результатом, которым гордилась Хатшепсут — явилась транспортировка ладанных деревьев, посаженных по обе сторо-

---

[183] О Пунте см. замечательную статью К. Китчена (Kitchen, LÄ IV, 1198–1201), за исключением столбца 1200, где он еще отстаивает гипотезу, согласно которой в Пунт добирались по Красному морю.

[184] Urk. IV, 349, 10; тексты, касающиеся народов Юга и экспедиции в Пунт, собраны в Urk. IV, 315–355.

[185] Описание: Werbrouck, 1949, 65–81; общий вид: Smith W. S., 1962, 61.

[186] Проблеме локализации Пунта посвящено множество исследований, но подавляющее большинство из них содержат ложные утверждения из-за уверенности авторов в том, что Пунт находился на берегу моря, поскольку туда плыли по *уадж-ур*. Теперь установлено, что этот термин никогда не обозначал «море». Основным трудом о Пунте остается книга Херцога, опубликованная в 1968 году. См. также: Vandersleyen, 1988b.

[187] Гробница этого чиновника, ставшего позднее «канцлером», вероятно, находилась в Саккара. — См.: A. P. Zivie, 1984 и 1988, 109–110.

[188] Царица Пунта не страдала стеатопигией, поскольку слоем жира было покрыто все ее тело; дочь ее пошла в мать. — См.: Brunner-Traut, 1974, 71. — Этой особенности физиологии посвящено немало исследований, самым подробным из которых остается труд Э. Бруннер-Траут. См. также: Scholz, 1984; медицинский комментарий — Helwin, 1974. Поскольку тучность может быть признаком богатства, достоинства и даже красоты, а достичь ее можно с помощью особого питания, никакого медицинского объяснения не требуется. Подобная практика была распространена на крайнем юге Уганды еще в XIX веке. См.: Burton, Speke, 1988, 196–197; 209–210. — Фишер (Fischer, 1987, 24–25) указывает, что встреча состоялась «во внутренних землях, на значительном расстоянии от Сомали, предполагаемого местонахождения Пунта». Это замечание представляется мне дополнительным аргументом против локализации Пунта в Сомали.

[189] Dixon, 1969; Saleh, 1972, 156; Orientalia 42, 1973, 370–382. — Салех предположил, что ладанные деревья привозились в Египет не из Пунта, а из Южной Аравии, и это тщательно скрывалось от покупателей. Настоящий ладан, по словам торговцев каирского «сука» (базара), доставляют из Судана, и он представляет собой блоки неправильной формы — такие же, как на древних изображениях (свидетельство Н. Шерпьон).

ны храма Амона (скорее в Карнаке, чем в Дейр эль-Бахри?). Кроме того, было доставлено множество предметов, типичных для стран Юга (Kitchen, LÄ IV, 1199, B): золотые слитки в форме колец, смола ладанного дерева, слоновьи бивни, неокоренные бревна эбенового дерева и деревьев других редких пород, драгоценные камни, кожи, сурьма, жираф, бабуины, гепарды, быки, луки и многое другое, в том числе рабы.

Чтобы достичь Пунта, экспедиция должна была пересечь много областей[190], которые нубийский бог Дедун (Миньковская, 1975) преподнес царице (Urk. IV, 316) под очень общими названиями — «страны Юга» и «лучники Нубии» (*иунтиу сетиу*). Сохранилось и несколько более конкретных названий — Миу (возможно, в районе 5-го порога) и Бербер (возможно, это первое упоминание о существующем поныне городе Бербер, который находится чуть южнее этого же порога)[191]. На рельефах в Дейр эль-Бахри мы видим пунтийцев с их характерной внешностью — прямым носом, тонкой остроконечной бородой — и не менее характерными одеяниями; рядом изображены их соседи, главным образом жители Ирема и *немиу*, еще более яркие представители негроидной расы (Darnell, 1986, n. 21). Бог Амон, призывая Хатшепсут снарядить экспедицию и описывая в общих чертах историю прошлых экспедиций, сообщает о личном знакомстве с этой областью так, будто он сам родом оттуда (Vandersleyen, 1981). Локализация Пунта остается научной загадкой, но искать его следует на юге, далеко за Кургусом, официальной границей Египта в Нубии.

Возвращение экспедиции (в 9-м году[192]) было триумфальным. Никогда еще в Египте не видели такого количества африканских товаров[193]. Сдержанность наших переводов, возможно, несколько скрывает тот исступленный восторг, который охватил Хатшепсут при виде этих сокровищ: она принялась лично разбирать их, покрыв ими все свое тело и приобретя аромат, свойственный божеству; то был аромат Пунта. Быть может, из-за перебирания золотых изделий все тело Хатшепсут оказалось позолоченным и она сверкала наподобие звезд (Urk. IV, 339, 13–340, 1)?

ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА ПРИ ХАТШЕПСУТ

Наряду с экспедицией в Пунт важнейшим деянием Хатшепсут стало сооружение храма в Дейр эль-Бахри[194]. Этот храмовый комплекс настолько великолепен и своеобразен,

---

[190] Путь будущей экспедиции исследовали специальные разведчики (*сментиу*). Ж. Юайотт (Yoyotte, 1975, 47) полагает, что множественное число в *smntjw/ сментиу* — ошибка и был только один «разведчик», достигший Пунта, по-видимому, до отправки большой экспедиции. Мне кажется, что это не обязательно выглядело так. После Хатшепсут термин «разведчики» (*сментиу*) не употребляется. См. также: Seyfried, GM 20, 1976, 45–47.

[191] Тем не менее существует несколько мест с таким названием. См.: Zibelius, 1972, 107; DNG II, 24.

[192] Urk. IV, 349, 10. — Несмотря на неоднозначность текста, следующего за датой, и на тот факт, что надпись была высечена еще позднее, речь идет скорее о дате возвращения экспедиции, а не ее отправки (см.: Dorman, 1988, 172, n. 50). Хельк (Helck, 1981c, 39) полагает, что это дата начала экспедиции.

[193] Поставки ладана и золота уже при единоличном правлении Тутмоса III были несравнимо скромнее. См.: Urk. IV, 695, 5–7; 702, 4–6; 720, 6–7.

[194] PM II, 340–377; Arnold, LÄ 1017–1025; Werbrouck, 1949; Tefnin, 1975 и 1985; The temple of Queen Hatshepsut (коллективный труд), 1979; Wysocki, 1986. — Реставрация храма Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, предпринятая польскими археологами, позволила не только обнаружить Джосер-Ахет,

что затмевает собой все остальные памятники, возведенные по инициативе Хатшепсут. Судить о ходе строительства затруднительно, так как почти везде имена Хатшепсут заменены на чужие. Кроме того, хронология царствования пока еще установлена в недостаточной степени, что касается и работ в Дейр эль-Бахри.

Одного этого храма было бы достаточно, чтобы прославить Хатшепсут. Он занимает уникальное место в истории древнеегипетского искусства, даже если царица вдохновлялась более ранними постройками — главным образом соседним, тоже очень своеобразным храмом Ментухотепа II. Хатшепсут посвятила свой храм, примыкающий к скале, Амону, но он служил также для отправления культа ее отца Тутмоса I и самой Хатшепсут. Храмовый комплекс развернут в ширину[195]. К нему ведет длинная аллея, вдоль которой некогда стояли сфинксы; сегодня мы видим три длинных портика, которые издалека кажутся возведенными один на другом. Первый и второй этажи служат основаниями для широких террас; на террасе второго этажа находится храм как таковой. Портики посередине разделены пандусом, две части которого издалека представляются одной непрерывной дорогой, ведущей вверх, к святилищу. И лишь оказавшись вблизи от памятника, замечаешь, что колонны и внутренние стены портиков украшены рельефами. Степень преобладания архитектурной основы над над элементами художественного оформления — критерий для оценки классического стиля ансамбля. В Дейр эль-Бахри архитектура полностью доминирует; рельефы — крайне тонкие и плоские. Стиль изображений — будь то фигуры высокопоставленных персон, носильщиков даров или простых воинов в стремительном марше — отличается несколько чопорным изяществом, напоминающим лучшие произведения искусства времен Древнего царства. Но самое поразительное — это тематика изображений. На стенах портиков Хатшепсут повелела высечь не только ритуальные сцены, традиционно повторяющиеся на памятниках всех фараонов, но и исторические: во всех подробностях изображены экспедиция в Пунт и транспортировка двух гигантских обелисков. Новшеством является и сцена, представляющая божественное происхождение царицы[196]. Перед нами — целый рассказ, изложенный ясным языком и в то же время весьма сдержанно: встреча бога Амона, обернувшегося Тутмосом I, с Яхмос, матерью Хатшепсут; беременность Яхмос; рождение царицы и ее прием богами. Не забыт и юный царь Тутмос III: его многочисленные изображения выполнены в той же утонченной, но иератичной манере. Это единственные портреты царя, сохранившееся на этом памятнике, поскольку фигуры Хатшепсут и ее надписи были старательно уничтожены в период царствования Тутмоса III, последовавший за ее исчезновением или отступлением в тень; кроме того, в эпоху Эхнатона здесь будут стерты изображения богов. Все статуи Хатшепсут из Дейр эль-Бахри были разбиты и сброшены в большой овраг. Как ни странно, но для исследователей это оказалось удачей: собрав эти, подчас совсем мелкие, фрагменты и склеив их, американский археолог Г. Уинлок сумел воссоздать несколько десятков

храм Тутмоса III, но и существенно расширить наши знания о храме Хатшепсут. Исследования продолжаются, и вскоре мы увидим статьи польских археологов на эту тему (Lipińska, Dąbrowski, Wysocki, Pawlicki, Niwiński, Karkowski, главным образом в журналах ET и JEA).

[195] Еще Яхмос построил на юге Абидоса храм, целиком примыкающий к скале. Ширина его составляла около 70 м, то есть почти равнялась ширине храма Хатшепсут, но от постройки остались только следы на земле.

[196] О значении этих новшеств см.: L. Bell, 1985a, 290–291.

статуй царицы. Нам неизвестно о статуях, которые могли стоять в других местах. Мы не знаем также, датируются ли некоторые сохранившиеся статуи Тутмоса III периодом его соправления с Хатшепсут (это вполне возможно, так как Тутмос не единожды представлен на памятниках Хатшепсут) и когда они созданы — до того, как царица объявила себя фараоном, или же после ее кончины, когда Тутмос III стал царствовать единолично.

Предположение о том, что строительство храма в Дейр эль-Бахри началось на 7-м году правления, а на 16-м он был торжественно открыт, основано на столь ненадежных доводах, что историю его создания можно представить иначе. Памятник был задуман и начат при Тутмосе II, а Хатшепсут продолжила строительство и значительно расширила первоначальную планировку (Wysocky, 1986); таким образом, нет ничего странного в том, что Сененмут упоминает об этом храме на памятнике от 3-го года. В то же время работы могли продолжаться и после смерти царицы, когда были уничтожены ее изображения и тексты.

На левом берегу Фив стоял другой храм Хатшепсут, хорошо известный по текстам, хотя его местонахождение долгое время оставалось предметом научных дискуссий, — Ха-Ахет, посвященный Амону. Он должен был находиться совсем рядом с храмом в Дейр эль-Бахри, и даже выдвигалось мнение о том, что Ха-Ахет — это название его центрального святилища[197]. Кристина Мейер (Meyer, 1982, 65) доказала, что речь идет о храме, возведенном Хатшепсут, но перестроенном Тутмосом III и переименованном им в Джосер-Ахет: памятник, расположенный южнее храма Хатшепсут, был обнаружен в 1960-х годах. Это заключение вызвало множество новых предположений. Один из архитекторов храма, Джехути, называет его «великим троном Амона» (Urk. IV, 422, 17), что следует понимать как «наиболее высокое место» (Kuhlmann, 1977, 28–32). Возведение этого здания между храмами Ментухотепа II и Джосер-Джосеру Хатшепсут, на тесной возвышенности с неудобными подходами, расценили как вызывающий поступок Тутмоса III, желавшего любой ценой добиться первенства в противостоянии с царицей. Но как выяснилось затем, это место выбрала сама Хатшепсут, чтобы еще больше возвеличить Амона. Острака, свидетельствующие о том, что работы в храме Джосер-Ахет[198] велись в 43–49-м годах правления Тутмоса III (Hayes, 1960, 43–52; Lipinska, 1977, 62; Marciniak, 1979; Van Siclen, 1982–1983), относятся, очевидно, к тому периоду, когда царь повелел переустроить Ха-Ахет Хатшепсут в Джосер-Ахет, а не начать возведение храма как нового сооружения. Рельефы с изображениями Тутмоса III созданы, по-видимому, в первые годы царствования Хатшепсут[199], но отсутствие здесь изображений ее самой неудивительно, так как царь и здесь не преминул уничтожить все воспоминания о тетке. Таким образом, «преследование» памяти царицы началось здесь не ранее 43–49-го годов правления Тутмоса III. С другой стороны, в этом храме

[197] Brovarski, 1976a, 73. — Памятник, исследованный Баракатом (Barakat, 1981), также восходит ко временам Хатшепсут, но был перестроен при Аменхотепе III; несмотря на название его статьи, речь в ней идет не о Ха-Ахет.

[198] Возможно, этот храм также назывался Джосер-Мену. См.: Lipinska, 1988.

[199] Рельефы и статуи, найденные в этом храме, представляют Тутмоса III с прямым и коротким носом. Иными словами, они созданы до того, как царь повзрослел и его облик изменился — нос стал длинным и с горбинкой: таким мы видим Тутмоса III в других местах храма Хатшепсут (Vandersleyen, 1993a).

найдена статуя Сененмута, надпись на которой гласит, что она была посвящена храму Ха-Ахет. Итак, превращение Ха-Ахет в Джосер-Ахет не сопровождалось яростным уничтожением всех прежних изображений, и даже память о Сененмуте не стали стирать в храме после перестройки (B. Lesko, 1967, 115–117).

На том же западном берегу сохранились и другие следы деятельности царицы: две ее собственные усыпальницы, гробницы многочисленных придворных и маленький храм в Мединет Абу, архитектура и рельефы которого отличаются классическим, гармоничным стилем.

В Карнаке (Albouy et al., 1989, 64–66), где находился дворец Хатшепсут — а это в самом центре храма Амона (Gitton, 1974), — она приказала возвести серию покоев, окружающих часовню ладьи, возле западного фасада храма, сооруженного в эпоху Среднего царства. Возможно, в центре этих комнат располагалась часовня из красного кварцита — «Красная часовня», — сотни блоков которой впоследствии были найдены захороненными в разных частях Карнака (Lacau, Chevrier, 1977). Хатшепсут установила также две пары обелисков, одна из которых находилась в восточной части храма. Эти два обелиска — по-видимому, гигантских размеров — ныне утрачены. Вторая пара была установлена между четвертым и пятым пилонами. Ее 29-метровый северный обелиск (на 10 м выше соседнего обелиска Тутмоса I[200]) продолжает возвышаться над храмом. Там же, в Карнаке, царица построила храм Амона-Камутефа, ориентированный в сторону аллеи, соединявшей большой храм Амона с храмом богини Мут — последний в то время, вероятно, должен был быть центром очень скромного культа[201]. По велению царицы вдоль дороги из Карнака в Луксор были возведены шесть временных часовен, на одинаковом расстоянии друг от друга; изящные гранитные колонны этих часовен Рамсес II поставит потом с обратной стороны большого пилона в Луксоре (Habachi, 1965c). Хатшепсут обозначила место, где начинались ритуальные процессии к Южному Карнаку и Луксору, установив там церемониальные ворота — восьмой пилон. До этого священная дорога была размечена лишь кирпичными строениями, Хатшепсут же возвела первый из четырех пилонов, которые затем появятся вдоль пути следования процессии.

По распоряжению царицы велись работы в Арманте (Mond, Meyers, 1940, I, 3, 16–17), Эль-Кабе (LdR II, 240), Иераконполе (B. Adams, 1974, № 90/9 и 12), Ком Омбо (PM VI, 200), на Элефантине (Habachi, 1957b, 88; Kaiser et al., 1980, 254, 263), на острове Саи в Нубии (сидящая статуя царицы: Vercoutter, 1986, 14), в Каср Ибриме (Caminos, 1968, 50–58; Plumley, 1979, 128), но прежде всего — в Бухене[202]. Бухенский храм Хора представляет собой периптер, что необычно для египетского искусства: целла окружена со всех сторон колоннадой из многоугольных колонн, названных Ж.-Ф. Шампольоном «протодорическими». В самом Египте царица повелела вырубить на краю глубо-

[200] Habachi, 1960, полагает, что планировалось поставить и третью пару обелисков, но один из них из-за повреждений остался незаконченным и был брошен в Асуане, на месте обработки, а второй был переделан Тутмосом III и установлен Тутмосом IV в Карнаке (ныне — Латеранский обелиск в Риме).

[201] Портал Хатшепсут и Тутмоса III обнаружен. Другой портал этих правителей находился в Северном Карнаке (см. выше, с. 260, примеч. 158).

[202] Южный храм, Caminos, 1974, Karkowski, 1978. — От храма, ныне находящегося в Хартуме, сохранилась только нижняя часть; верхняя часть стен была найдена дальше к северу, в Фарасе. См.: Karkowski, 1972; Karkowski, 1981, 30–59.

кой долины Бени Хасан первый в истории египетской архитектуры целиком скальный храм «Спеос Артемидос», посвященный богине-львице Пахет[203]. Длинная надпись на фасаде храма (Gardiner, 1946a) — это своего рода политический манифест Хатшепсут, хотя речь идет только о 14-м, 15-м и 16-м номах Египта. Царица говорит от первого лица и подробно сообщает обо всех мерах, предпринятых ею, чтобы отстроить храмы и восстановить культы божеств в Кусе, эль-Ашмунейне и Хебену. «Я сделала это по своей собственной инициативе; я не засыпала в нерадивости; я восстановила то, что пребывало в руинах; я подняла то, что лежало в обломках с тех пор, как *ааму* были в Аварисе, внутри Дельты, и бродячие банды этих проходимцев в ее сердце разрушали постройки. Они управляли без Ра, и никто не действовал по божьему соизволению вплоть до царствования моего Величества. Возведенная на трон бога Ра, я была провозглашена на долгие годы “той-что-рождена-на-царствие”, будучи единственным Хором (женщиной), и *урей* извергает огонь на моих врагов. Я устранила все, к чему боги питают отвращение, а земля стерла отпечатки их ног» (col. 35–40).

Это упоминание о кочевниках (*ааму*), приведенных гиксосами, и о грабежах, которые они совершали по всей стране, согласуется с текстом Манефона, а число мест, где, несмотря на разрушительную работу времени и людей, удалось прочитать или угадать имя Хатшепсут, тоже вполне объяснимо: прикрываясь памятью об энергичной деятельности своих предшественников, Хатшепсут смогла наконец начать реставрационные работы, которые ждали своего часа сто лет или больше.

БЛИСТАТЕЛЬНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ХАТШЕПСУТ

Если бы Тутмос III не прославил себя кипучей военной деятельностью, период его царствования после кончины Хатшепсут казался бы совершенно бесцветным. Нововведения Хатшепсут так многочисленны, что возникает вопрос: были ли они результатом естественного развития общества или же возникли по инициативе этой исключительной личности? Я склоняюсь ко второму ответу.

Насколько мы можем судить, многие инновации того времени появились спонтанно. Гробница Хатшепсут была первой вырубленной в Долине царей; более того, она уникальна по своему типу. Каменные царские саркофаги, исчезнувшие после эпохи Среднего царства, вновь появляются только при Хатшепсут[204]. Сохранился и кварцитовый саркофаг Хатшепсут, изготовленный тогда, когда она еще не была фараоном,

[203] Goedicke, LÄ V, 1138–1139; см.: Bickel, Chappaz, 1988. — До эпохи Нового царства был только один скальный храм — грот-святилище в Серабит эль-Хадим на Синае (XII династия): Wildung, LÄ II, 162.

[204] Хатшепсут вдохновлялась памятниками Среднего царства, что вполне логично: то была великая эпоха в истории Египта, и, кроме того, царица строила там, где имелось множество памятников этого периода. Возможно, до определенного момента она заимствовала идеи, реализованные в соседнем храме Ментухотепа II, чьей памяти она не раз воздавала должное (см.: Peterson, 1967; Dodson, 1989). Некоторые «заимствования», такие как овальный амулет, характерный для царей XII династии, который мы видим на двух статуях Хатшепсут (Tefnin, 1979, 4, 79), или гривастый сфинкс (Ibidem, 128–133), вновь получат распространение уже при XXV династии. Проведение праздника белого

то есть в царствование ее супруга; на крышке тем не менее уже был намечен картуш. По всей видимости, именно второй саркофаг, предназначенный ей как фараону, она переделала для своего отца Тутмоса I, придав ему форму гигантского картуша, — ее затем скопируют Тутмос III, Аменхотеп II и Тутмос IV[205]. Храм в Дейр эль-Бахри, как отмечалось выше, уникален по планировке, архитектурным решениям и отделке. Рельефы двух портиков посвящены таким темам, как транспортировка обелисков, экспедиция в Пунт и божественное происхождение царицы; они иллюстрируют автобиографическую надпись Хатшепсут. Осирические колоссы царицы в том же храмовом комплексе держат помимо знака *анх*, традиционного со времен Сенусерта I, знак *уас* и символы царской власти — крюкообразный жезл и бич[206]. В царствование Хатшепсут появляются статуи-стелофоры (Stewart, 1964), «скарабеи с архитектурной легендой», то есть посвященные памятникам (Hari, 1974); впервые в страну ввозятся эгейские (Merrillees, Winter, 1972) и микенские гончарные изделия (M. Bell, 1982); только при Хатшепсут используется особое написание имени Осириса (Leahy, 1979); стоит вспомнить также гигантские обелиски в Карнаке, «Красную часовню» и т. д.

Было ли все это порождением гения Хатшепсут? Можно заметить, что ее окружало множество важных особ. Но разве тщательный выбор художников и мастеров не является одним из основных качеств, характеризующих мудрого правителя? Преданность и энтузиазм этих мастеров вряд ли объясняются исключительно корыстолюбием и угодливостью. Многие из них начали свою карьеру еще при Тутмосе I и Тутмосе II, а некоторые, будучи уже немолодыми возрасте, продолжили ее и при Тутмосе III. Они присутствовали при становлении династии Тутмосидов; после кончины двух первых царей они перешли на службу к единственной взрослой представительнице рода, оставшейся в живых, и были ей верны[207].

Из множества придворных выделяются несколько человек, пользовавшихся особенным влиянием и известных нам лучше других. Прежде всего это, конечно, Сененмут[208]. Его жизнь делится на несколько этапов, но до сих пор не удалось определить их четкие границы, несмотря на немалое число источников, содержащих сведения о Сененмуте, и посвященных ему научных трудов. В исследованиях говорится главным образом о его деятельности в качестве воспитателя царевны Нефрура, дочери Тутмоса II и Хатшепсут. Возможно, это связано с необычным характером его скульптурных изображений, где он держит царевну на руках или на коленях. В действительности же

гиппопотама, традиционного для Древнего царства и не отмечавшегося в эпоху Среднего царства, было возобновлено в Дейр эль-Бахри (Pawlicki, 1990).

[205] Brovarski, LÄ V, 474–475; саркофаг Тутмоса II не сохранился.

[206] Leblanc, 1980, 73, A 7 и A 10. — Единственным исключением будто бы являлся гранитный колосс, узурпированный Рамсесом II и иногда приписываемый Аменхотепу III, см.: The Luxor Museum № 120 (Luxor J 178), но на самом деле изначально он, по-видимому, принадлежал Хатшепсут (см.: Leblanc, 1982, 302 и pl. 55). Царица сама отправляла культовые обряды перед собственными статуями (Leblanc, 1980).

[207] Подробный список современников Хатшепсут приводится в книге: Ratié, 1979, 243–289; см. также: Seipel, LÄ II, 1047. — Некоторые из тех, чьи биографии могут быть полезными при реконструкции хронологии правления Тутмоса II, изучены с этой точки зрения Л. Габольдом (L. Gabolde, 1987c, 70–72).

[208] Недавно был составлен и опубликован обширный перечень работ, посвященных Сененмуту: Chr. Meyer, 1982 и Dorman, 1988 и 1991. См. также: Simpson, LÄ V, 849–851. Возможно, Сененмут был родом из Арманта: Schulman, 1987–1988, 68–69.

Сененмут играл заметную роль уже при Тутмосе II, а обязанности воспитателя, которые он к тому же делил с другими, должны были прекратиться, когда царевна стала взрослой. Таким образом, это был лишь один из эпизодов его долгой карьеры. Сененмут занимался и военным делами — при Тутмосе I, а возможно, и ранее (Urk. IV, 399; Dorman, 1988, 169 и n. 27). Вероятно, сначала он был «управляющим дочери царя» Хатшепсут — еще до правления Тутмоса II, если именно о ней идет речь в титулатуре Сененмута, размещенной над входом в его кенотаф в Силсиле (Caminos, James, 1963, 53–56, № 16)[209]. Первые свидетельства о нем датируются царствованием Тутмоса II. При этом царе Сененмут, как он сам рассказывает на стеле дарения[210], получил в дар земли от имени царевича, будущего Тутмоса III. Он также утверждает, что состоял на службе у Хатшепсут после кончины ее предшественника, то есть Тутмоса II (Urk. IV, 405, 7–9). Не этим ли временем следует датировать надпись, которую Сененмут повелел высечь в Сехеле (Habachi, 1957b, 92–99; прорисовка, 94)? В ней старательно перечислены титулы царицы-супруги фараона; последний был впоследствии стерт и заменен на титул «царь Верхнего и Нижнего Египта». Царица изображена в платье и с длинными перьями в прическе; она названа возлюбленной богини Сатет и бога Хнума. Напротив нее мы видим Сененмута, одного роста с царицей, в коротком парике и длинной набедренной повязке. Сененмут тогда был «казначеем и великим управляющим», а также «самым любимым придворным» (Habachi, 1957b). Под этой частью надписи высечены четыре горизонтальные строки: здесь Сененмут уже является «казначеем и великим управляющим дочери царя Нефрура»; он занимается добычей камня для «двух обелисков (на праздник) миллионов лет» (вероятно, тех, которые царица установит на западе Карнака и транспортировка которых изображена в храме в Дейр эль-Бахри[211]). Возводя эти памятники, царица действовала в качестве фараона, но она могла считать себя им уже после того, как Тутмос I провозгласил ее наследницей. Невозможно сказать, когда Сененмут исполнял эти обязанности — при Тутмосе II или уже при Тутмосе III; свидетельствовом могут служить разве что слова самого Сененмута о том, что он перешел на службу Хатшепсут лишь после кончины ее предшественника. Формулировки, подчеркивающие его близость к царице, говорят о многом, но еще более показательно то, что Сененмут изображается на одном уровне с ней. Это наводит на мысль о тесной связи, может быть даже личного характера, что объяснило бы беспримерные привилегии, дарованные этому придворному. Но эти сугубо личные обстоятельства, видимо, останутся для нас такой же загадкой, как, например, вопрос о том, была ли любовная связь между Гойей и герцогиней Альба (а ведь это сравнительно недавняя история!)[212].

---

[209] Внутри памятника Хатшепсут представлена в мужском наряде, а следовательно, изображение создано в царствование Тутмоса III. Вопреки мнению П. Ф. Дормана (Dorman, 1988 113–115) невозможно представить, чтобы над входом в кенотаф Сененмута Хатшепсут, завладев царской властью, именовалась не «первой дочерью царя», а как-то иначе, — поэтому остается только допустить, что внутреннюю часть памятника переделали, когда Хатшепсут стала фараоном.

[210] Об этой стеле см.: Helck, 1960b. — Тутмос был еще *jnpw/инпу*.

[211] Л. Хабаши сделал из этого вывод, что строительство храма в Дейр эль-Бахри началось раньше, чем принято считать.

[212] Ромер (Romer, 1982, 158–159) счел, что рисунки непристойного содержания возле храма в Дейр эль-Бахри — это намек на интимную связь между Сененмутом и царицей. Эд. Уэнте (Wente, 1984) подчеркивает, что это маловероятно ввиду отсутствия подписей к рисункам и точных дат.

Должно быть, именно тогда Сененмут начинает строить для себя гробницу в Шейх Абд-эль-Гурне (TT 71): титулы на двух погребальных конусах в точности совпадают с титулами в Сехельской надписи, а значит, относятся к периоду до 7-го года (Davies, Macadam, 1957, № 84, 88). Вероятно, царица высоко ценила Сененмута, коль он удостоился стольких памятников, в числе которых 25 известных нам статуй[213], Сененмут получил царский — и по форме, и по материалу — саркофаг и разрешение разместить свои изображения в храме в Дейр эль-Бахри. Эти рельефы расположены не на самом видном месте и должны были скрываться дверными створками, но их насчитывается около 70 (Winlock, 1942, 105, 138–140, 151–152; Hayes, 1957, 80–84). Вторая гробница находится глубоко под теменосом того же храма (TT 353)[214]. Очевидно, Сененмут был связан с основными событиями царствования Хатшепсут. Так, например, он занимал почетное место на торжественной церемонии по случаю возвращения экспедиции из Пунта (Urk. IV, 355, 2). Считается также, что он сыграл немалую роль в проектировании храма в Дейр эль-Бахри; его нередко называют «архитектором» храма. Действительно, Сененмут неоднократно исполнял должность «начальника работ» (или «начальника всех работ»), в том числе «начальника работ Амона в Джосер-Джосеру», то есть в храме в Дейр эль-Бахри (Dorman, 1988, 208); он участвовал и в сооружении других памятников в Фивах (Urk. IV, 409). Но были и другие начальники работ, которые могли принимать участие в возведении этого храма, — например, Пениати (Urk. IV, 52) или Бениа, он же Пахекамен, который работал в Карнаке (Säve-Söderbergh, 1960a), а также, что еще более вероятно, Джехути, упоминающий храм в Дейр эль-Бахри среди множества других многочисленных построек, которые он возводил в царствование Хатшепсут (Urk. IV, 422, 6–11).

Имя Амона упоминается в титулах Сененмута чаще других. «Управляющим храма Амона» он назван в 30 документах, «начальником житниц Амона» — в 23 документах, относящихся к различным этапам его карьеры. Свидетельства о том, что Сененмут скончался до 16-го года правления Тутмоса III, очень ненадежны. Скорее всего, Сененмут был жив и после 22-го года и застал время самостоятельного царствования Тутмоса III и не обязательно оказался при нем в опале. Он мог дожить до преклонных лет. Как писал А. Шулмен, «старики в конце концов умирают», так что, возможно, это и есть наиболее правдоподобная причина окончания карьеры Сененмута[215].

Назовем некоторых других лиц из окружения Хатшепсут. Хапусенеб (Helck, LÄ II, 955–956; Pernigotti, 1981; Delvaux, 1988) был верховным жрецом Амона, возможно, визирем и градоправителем[216], а также заведовал строительством гробницы Хатшепсут в Долине царей и различных зданий в Карнаке. Джехути, высокопоставленный вельможа со множеством обязанностей, принимал участие в строительстве храма в Дейр эль-Бахри, руководил установкой двух гигантских обелисков в Карнаке[217],

[213] Dorman, 1988, 188–197. — Появляются новые типы статуй: Ibidem, 174.

[214] Dorman, 1988, 80–84. — Хельк (Helck, 1977b) считает, что это не только гробница, но и часть храма, предназначенная для проведения праздника *сед*. См. также: Dorman, 1991.

[215] О полемике по поводу опалы Сененмута и даты его кончины см.: Dorman, 1988, 141–181; Campos, 1990; Lesko, 1967; Schulman, 1969–1970.

[216] Хельк полагает, что это было почетное звание, а не реальная должность.

[217] Согласно тексту, высота их составляла 108 локтей, то есть более 50 м. Следовательно, это не те обелиски, что стояли между четвертым и пятым пилонами и высота которых была не более 29 м.

возведением гранитной часовни и прочих сооружений. Сенем-ях, как и *Нехси*, возглавлявший экспедицию в Пунт, был начальником сокровищницы; Пуимра — вторым жрецом — пророком Амона и хранителем сокровищ, чья карьера благополучно продолжилась при Тутмосе III[218].

ТУТМОС III – ЕДИНОВЛАСТНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Когда Хатшепсут исчезла с исторической сцены, Тутмос III просто продолжил царствовать, но уже единолично. Вероятная дата смены власти — 10-й день, 2-й месяц *перет*, 22-й год. Эта дата отмечена, без явно выраженной связи с предшествующим или последующим текстом, на «Стеле из Арманта» с кратким рассказом о царствовании Тутмоса III. Плохая сохранность стелы (уцелело только начало текста) затрудняет ее толкование. Первые издатели текста полагали, что вышеуказанная дата соответствует началу самостоятельного царствования Тутмоса III[219]. Если верить Манефону, царствование Хатшепсут закончилось в 1-м или во 2-м месяце *перет* (см. выше, с. 262), а «первая военная кампания» Тутмоса началась в том же году, двумя месяцами позднее. Итак, дата, указанная на «Стеле из Арманта», может соответствовать началу единоличного правления Тутмоса III. В этом случае удивляет крайняя сдержанность в подаче информации. Мы не знаем, в каком году была высечена стела. Там, где текст становится неразборчивым, еще можно прочитать дату «29-й год» — эти события происходили уже после смерти Хатшепсут. Возможно, сдержанность Тутмоса объясняется тем, что царица отстранилась от дел, но была еще жива и фараон побаивался ее? Или Тутмос III не страдал от ее опеки и не считал нужным излить свою ненависть или выразить облегчение в связи с началом самостоятельного правления[220]? Впрочем, будет некорректно говорить о «начале» правления в прямом смысле слова, так как на протяжении предыдущих двадцати двух лет Тутмос III являлся полноправным властителем и участвовал во всех правительственных мероприятиях, включая торжественный прием экспедиции, возвратившейся из Пунта.

Последний и самый длительный этап царствования Тутмоса III — с 22-го по 54-й год, то есть тридцать три года — делится на два периода: годы с 22-го по 42-й были временем военных экспедиций, а остальные 12 лет царствования, по-видимому, носили более мирный характер.

По мнению Л. Хабаши (Habachi, 1957b, 99), это были парные обелиски, установленные к востоку от храма в Карнаке.

[218] Большая часть текстов, касающихся современников Хатшепсут, собрана в сборнике: Sethe, Urk. IV, 393–548. До сих пор не существует обобщающего труда, посвященного обществу и двору времени правления Хатшепсут, так же как и большинства фараонов Нового царства, хотя частные тексты этой эпохи весьма многочисленны, см.: Ratié, 1979, 243–289.

[219] См.: M. Drawer в Mond, Myers, 1940, 182–183. — В работе Alt, 1954, 35 эта гипотеза отвергается без всяких убедительных доводов.

[220] Среди многочисленных романистов, писавших о Хатшепсут, мне известен только один, отразивший глубокую скорбь Тутмоса III по поводу ее смерти. Я имею в виду Мадлен Готье-Лоран и ее роман «Моя судьба — быть царицей» (Paris, Flammarion, 1953).

ВОЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ ТУТМОСА III В АЗИЮ

Итак, на 22-м году царствования Тутмоса III его характер меняется. Ограниченные по масштабу военные операции совершались и до этого времени, но Тутмос III ведет счет своим, личным экспедициям начиная именно с этого года. Уже первая из них стала необычайной по размаху[221].

За тридцать три года он предпринял как минимум 14 походов в Азию; последний засвидетельствован на 39-м году правления. Об этих кампаниях нам известно главным образом из официальных документов. Важнейший из них — Анналы, высеченные на стенах вокруг святилища ладьи в Карнаке. Сведения из Анналов подтверждают и дополняют стелы из Гебель Баркала и Арманта и «Поэтическая стела», названная так из-за ритмической структуры одного из разделов текста. Существуют и частные свидетельства об этих событиях. Все эти памятники, как частные, так и царские, созданы уже после 42-го года, то есть по окончании «военного» периода царствования Тутмоса, и содержат что-то вроде аналитического разбора его походов. Анналы — это корпус текстов, высеченных на стенах и расположенных без соблюдения хронологического порядка[222]. Стела из Гебель Баркала датирована 47-м годом; на стеле из Арманта сохранилась только конечная дата; «Поэтическая стела» содержит общее описание военных деяний царя. Однако эти обзоры были составлены на основании отчетов, написанных во время кампаний. Так, эпизоды битвы при Мегиддо были по дням расписаны на кожаном свитке, сохранившемся в карнакском храме Амона (Urk. IV, 661, 14; 662, 6). Военный писец Чануни, продолживший свою карьеру при Тутмосе IV, сообщает о том, как стал свидетелем подвигов Тутмоса III (надпись в гробнице Чануни): «Я видел победы царя, которые он одержал во всех чужеземных странах, когда он привел вождей Джахи пленными в Египет, видел, как он захватил все их города, как он срубил их деревья; ни одна страна не устояла перед ним. Именно я описал его славные победы, которые он одержал во всех чужеземных странах, так, как они происходили» (Urk. IV, 1004, 4–10). Следует ли из реляций Чануни сделать вывод, что он был единственным официальным «военным корреспондентом»?

«Походы» Тутмоса по значимости крайне неравноценны; не все они заслуживают такой характеристики. Только первый и восьмой состояли из множества эпизодов и описаны более или менее подробно. Информация же о прочих «походах» ограничена упоминаниями завоеванных, разрушенных и разграбленных городов, но большая часть описаний посвящена перечислению «доходов» от этих операций, полученных в результате как грабежей, так и регулярных поставок товаров из регионов, подчиненных Египтом или находящихся с ним в мирных отношениях. Анналы были высечены в самом сердце храма в знак признательности Амону как за славные победы, так и за бо-

[221] Тутмос III нумерует свои походы начиная с 22-го года и, таким образом, не учитывает те, которые состоялись до его единоличного правления (см. также: Spalinger, 1977, 52). В том же 22-м году Тутмос повелел реставрировать статую Аменхотепа I в восьмом пилоне; больше никаких сведений о событиях этого года нет. Ничто не говорит также о том, что это происходило после смерти Хатшепсут (PM II, 176 N).

[222] Об этом сказано в конце текста: Urk. IV, 734, 13–16. См. также: Spalinger, 1977; Noth, 1943 и Grapow, 1943. Последний труд остается важнейшим исследованием, посвященным Анналам.

гатства, которые эти победы принесли. В некоторых случаях отчет о кампании почти не содержит сведений о военных столкновениях и посвящен главным образом перечислению прибыли[223]. Хотя все названные в Анналах военные операции касаются Азии, упоминаются также поставки из стран Юга, таких как Куш, Уауат и Пунт.

Использование этих текстов как исторических источников ставит в первую очередь проблему идентификации и локализации городов, регионов и народов, которые в большинстве исследований по египтологии имеют под собой очень зыбкую основу. В результате пересмотра этих данных площадь так называемой египетской империи заметно сократилась. Тутмос III повелел составить длинные списки географических названий. Так, например, 359 наименований указаны в Карнаке одним списком, частично воспроизведенном в других местах храма; очень многие топонимы сохранились. Но большинство из них не идентифицированы и пока даже не нашли своего места на карте[224].

Что касается сохранности текста Анналов, то отчеты за годы 26–28-й и 36-й утрачены полностью; в остальной части памятника есть также многочисленные лакуны, препятствующие пониманию содержания. Предложенные К. Зете варианты восстановления текста являются умозрительными, так как основаны на его собственной интерпретации фактов во всей их совокупности и не всегда достоверны.

Важность первой кампании подтверждается не только размерами раздела, отведенного в Анналах под ее описание — половину всей надписи, — но и тем, что более двадцати лет спустя в надписи на стеле из Гебель Баркала Тутмос III вспоминал о первом походе как о славнейшем своем деянии. Этому тексту предшествуют лишь воспоминания о переходе через «великую реку Нахарины» и об охоте на слонов в Ние, то есть о событиях восьмой кампании. Все остальное не удостоилось особого внимания.

Итак, уже на 22-м году правления, спустя примерно два месяца после вероятной смерти Хатшепсут, египетская армия отправилась в Азию. Войска вышли из Мемфиса (Urk. IV, 1246, 14); 25-го дня 4-го месяца *перет* они подошли к Чару, восточному пограничному посту, расположенному между Гелиополем и Аварисом (см. выше, с. 217). В Речену вспыхнул мятеж, который спровоцировал вмешательство царя. Египетский гарнизон, стоявший в городе Шарухен, оказался в опасности[225]: восстание охватило территории от Юрсы, находившейся рядом с Газой[226], до областей, лежащих далеко к северу. Через десять дней после выхода из Чару, на 4-й день первого месяца *шему*[227],

---

[223] На 24-м (Urk. IV, 671–672), 31-м (Urk. IV, 690–696) и 41-м годах (Urk. IV, 726–728).

[224] Географии этих кампаний посвящено немало исследований. См.: Noth, 1938; Christophe, 1950; Helck, 1971; Aharoni, 1979 (The Canaanite Period); Ahituv, 1984, passim.

[225] Есть и другая интерпретация этого текста: египетские гарнизоны, находившиеся в мятежных областях, покинули северные территории и укрылись в Шарухене, все еще контролируемом египтянами (см.: Hoffmeier, 1991, 120).

[226] Юрса — это, по-видимому, не Телль эль-Фул в 28 км к югу от Яффы (Priese, Urk. Üb., 189, n. 4), а Гемма/ Джемма, примерно в 15 км к югу от Газы и в 10 км от Телль эль-Аджжула (Hoffmeier, 1991, 120).

[227] С учетом того, что расстояние составляло 300 км, скорость перехода была впечатляющей. Странно, что к этому моменту нет никаких упоминаний о Шарухене, если локализовать этот город не в Телль Фаре (на юге), а в Телль эль-Аджжуле, расположенном в непосредственной близости к современной Газе. Придя в Газу, царь оказался в мятежной области; однако он больше не говорит о Юрсе или Шарухене и не намерен рассредотачивать силы, собираясь атаковать армию, собранную местными вождями в Ездрелонской долине.

в годовщину восхождения Тутмоса III на трон и в первый день 23-го года его правления, армия достигла Газы. На следующий день она покинула Газу, чтобы начать военные действия, раздавить «этого презренного врага»[228] (враг этот — явно князь Речену, области, являвшейся первой целью экспедиции; Urk. IV, 1246, 14) и увеличить территорию Египта. Однако мы не знаем, где в то время проходила северная граница страны фараонов; речь в любом случае не идет о крайней точке, достигнутой войсками Тутмоса I, так как Тутмос III дошел о нее лишь в ходе восьмой кампании. На 16-й день того же месяца, то есть спустя 11 дней, армия пришла в Йехем, где царь собрал военный совет. Армия должна была пересечь местность к югу от горного хребта Кармель. Царь обрисовал ситуацию. Сражаться предстояло с князем Кадеша, находившимся в тот момент в Мегиддо. Вокруг него объединились все страны, которые некогда были верны Египту, вплоть до Нахарины[229]. Князь заявил о своем намерении сразиться с Тутмосом III. Царь посоветовался со своими военачальниками. Ему сообщили, что прямой путь в Мегиддо — дорога Аруна — пролегает по очень узкой теснине и при движении по ней войско неминуемо растянется, так как воинам и лошадям придется идти друг за другом, а это рискованно; но существует две другие, менее опасные дороги. Северная дорога проходит через Зифту (Aharoni, 1959; Giveon, 1981), южная ведет в Таанах. Царь поклялся Ра и Амоном, что выберет трудную дорогу — враг не должен подумать, что он чего-то боится, — и, чтобы ободрить воинов, лично пойдет во главе армии. Царь рассуждал верно: переход через горы завершился благополучно[230] — враг не ожидал, что египтяне пойдут на такой риск. На 19-й день армия отправилась по Арунской дороге, и Амон открыл путь для Его Величества. Возможно, речь идет о вполне реальном событии (Urk. Üb., 192, n. 14): проход оказался свободен, так как враг развернул свои войска на равнине между Таанахом и рекой Кина (ныне Кишон). Египетская армия постепенно заполняла долину, но царь должен был дождаться прихода всех частей. В середине 20-го дня (Urk. IV, 655, 14) к югу от Мегиддо был разбит лагерь (Rainey, 1981, 61*–62*), и оставшаяся часть дня была посвящена подготовке к сражению. Царь (и армия?) отдыхали, пока часовые несли караул. Когда утром 21-го дня царь проснулся, ему доложили о готовности армии[231]. Итак, сражение началось в праздник новолуния[232].

---

[228] Об эпитете *ḫsj/хеси,* что значит «побежденный» или «презренный», см.: Lorton, 1973; Bryan, 1980, 426–427.

[229] После лакуны читаются топонимы Хару и Кеду: Urk. IV, 649, 10.

[230] Стоит задаться вопросом, как совершили этот путь колесницы, запряженные двумя лошадьми. В наши времена к северу от перевала на этой дороге едва могут разойтись два человека, см.: Nelson, 1913, 11–12.

[231] Urk. IV, 656, 15–16. — Х. Гёдике (Goedicke, 1984c) отвергает традиционную версию перевода «берег был нетронутым» и интерпретирует этот отрывок как обращение к царю: «Разрушитель чужеземья».

[232] Точная дата сражения при Мегиддо стала предметом дискуссии. В тексте Анналов указывается «21-й день первого месяца *шему*» (Urk. IV, 657, 2), но, по мнению некоторых ученых, развитие событий не согласуется с указанной датой, поэтому было предложено исправить 21-й день на 20-й. В пользу 20-го дня высказались: Faulkner, 1942; Parker, 1957a; Parker, 1970; Spalinger, 1974; Spalinger, 1979b; Parker, 1981; Casperson, 1986; Spalinger, 1987. Против исправления даты возражают: Helck, 1972; Wente, 1975a; Lello, 1978; von Beckerath, 1981. Как подчеркивает В. Хельк (Helck, 1983c), немыслимо, чтобы писец случайно ошибся, высекая, возможно, самую значительную дату в истории царствования. См. также: Der Manuelian, 1987, 1–19 (современное состояние проблемы).

О самом ходе битвы говорится мало. При виде египтян вражеское войско кинулось врассыпную, и беглецов втаскивали на стены города Мегиддо, ворота которого жители предусмотрительно закрыли; пришлось втащить даже князей Кадеша и Мегиддо. К несчастью, египетские воины, собирая трофеи, упустили возможность закрепить свой успех, и город пал только после семимесячной осады[233]. В результате взятия Мегиддо египтянам досталось большое количество серебра, золота, ляпис-лазури, бирюзы (?), зерна, вина и скота — не только из самого Мегиддо, но и из областей, расположенных к северу от него. Царь заменил правителей многих городов верными ему людьми. В перечне трофеев учтено, по-видимому, все, что было получено в ходе вышеизложенных событий, то есть сражения, взятия города и последующих поставок из северных областей. Сражение было не особенно ожесточенным — у египтян оказалось всего 340 пленников и 83 руки, что соответствует 83 убитым врагам. Однако при этом было захвачено более 2000 лошадей, а также обитые листовым золотом колесницы, принадлежавшие двум главным вражеским вождям, и 924 боевые колесницы. Эти богатые трофеи могли быть брошены врагами во время панического бегства, но на стеле из Гебель Баркала Тутмос III говорит, что египтяне захватили все это после взятия Мегиддо (Urk. IV, 1235, 3–8). Во вражескую коалицию входили 330 князей[234], и каждый из них, вероятно, привел с собой довольно скромный по числу воинов отряд.

Северные области, принадлежавшие князю Кадеша и вынужденные расплачиваться с фараоном после падения Мегиддо, — это Иеноам, Нухашше и Хелкур (*hrnkr*)[235]. Первая находилась к юго-востоку от Генисаретского озера, последняя не локализована, а Нухашше, засвидетельствованную во многих источниках, как правило, помещают далеко на севере, между Халебом и Миширфой, то есть к западу от Оронта (AEO I, 169*–170*; Helck, LÄ IV, 533–534). В действительности же целью экспедиции была только земля Речену, и именно завоеванием Речену гордился Тутмос III, вспоминая эту кампанию (Urk. IV, 1234). Царю больше никогда не пришлось посылать войска в эту область, откуда регулярно осуществлялись поставки товаров, так как она стала

---

[233] Urk. IV, 1234, 18. — Город был взят в плотное кольцо, что позволило добиться полной блокады города (Urk. IV, 660, 14–16), напоминающей блокаду Алезии армией Цезаря.

[234] Urk. IV, 1234, 11. — В. Хельк полагает, что здесь стоят цифры 100 и 10 во множественном числе, то есть «сотни и десятки».

[235] Иностранные названия, главным образом топонимы, были записаны силлабическим письмом, позволявшим хотя бы приблизительно отразить гласные звуки (см. о нем: Schenkel, LÄ VI, 114–122; Helck, 1971, 505–575). Общепринятой системы транслитерации этих названий еще не существует. В некоторых случаях (например, для Иеноама) принято употреблять гласные, полученные путем сопоставления термина с терминами из Библии, имеющими аналогичную фонетическую структуру. Иногда топоним известен и по клинописным текстам, как, например, Нухашше, египетский вариант которого — (побуквенный) *jnjwgs3/иниугса* или (консонантный) *Ngs*/*негес*, или, по системе Хелька, — nùgsa (Helck, 1971, 133) или Nugasa (LÄ IV, 533), а по системе Э. Дриотона и Ж. Вандье (Drioton, Vandier, 1938, 401) — Nougès. Точно так же *Хелкур* — это Hérenkarou по Дриотону и Вандье (ibid.) и Halkoru по Хельку (LÄ IV, 533, см. статью: Nuhasse, примеч. 1). Когда название тождественно топониму, известному по другим источникам, транскрипцию зачастую заменяют этим топонимом, но число надежных идентификаций ничтожно, и в результате подобной практики исследователи упускают из виду, что это всего лишь предположения. Так, Дроуэр (Drower 1973, 481) отвергает отождествление Нухашше с Нугесом, поскольку в египетских и клинописных документах этих топонимы локализуются по-разному. Там, где возможно, мы будем приводить чтения топонимов по системе, принятой в LÄ; в сомнительных случаях будет дана и транскрипция египетских названий.

неотъемлемой частью египетской «империи». Земли Речену прилегали к Дельте, а на севере — к Нахарине; естественной границей, по-видимому, служила река Литани (см. выше, с. 248). Тутмос III рассматривал три области, покоренные одновременно с Мегиддо, как окончательно завоеванные территории и принес их в дар Амону (Urk. IV, 744, 3–8), уточнив, что они входят в состав Речену. Таким образом, следует допустить, что Нухашше также лежит на значительно более низких широтах, чем принято считать[236]. Да и упоминание о князе Кадеша как вожде коалиции выглядит труднообъяснимым в том случае, если речь идет о Кадеше-на-Оронте. Сначала было решено, что дело в значении, которое придавал этому городу Рамсес II, но и локализация Кадеша времен Рамсеса в Телль Неби Менд на Оронте остается спорной.

Вопрос о местоположении Кадеша заслуживает пристального внимания, хотя авторы последних посвященных ему статей не проявляют к нему никакого интереса (Kuschke, LÄ V, 27–37). В тексте Библии нет Кадеша-на-Оронте, но фигурируют два других: Кадеш-Барнеа[237], в 40 км к югу от Мертвого моря, и Кадеш Галилейский или Неффалимов (колена Нафтали), важный пункт в Верхней Галилее, к северо-востоку от озера Хула, недалеко от Хацора. Он расположен в 40 км по прямой к северо-западу от Мегиддо.

Раскопки Телль Неби Менда на Оронте, где, как полагали, находился Кадеш Рамсеса II, дали богатый материал, но не было найдено ни одного эпиграфического памятника, содержащего древнее название этого поселения. Более того, имеющиеся о нем данные не соответствуют описанию Кадеша, сделанному Сети I в Карнаке (PM II, 56 (169), I, 1). Пытаясь разрешить это противоречие, некоторые исследователи утверждают, что «египетские художники позволяли себе немалую вольность» в изображении тех или иных мест (AEO I, 141*). Наконец, наиболее серьезный аргумент в пользу отождествления Кадеша с Телль Неби Менд звучит так: «Целью царя (Тутмоса III) была Нахарина, расположенная еще дальше; чтобы достичь ее, следовало захватить и территорию, прилегающую к Кадешу-на-Оронте» (AEO I, 138*). Но, как сказано выше, Нахарина располагалась не так далеко, а ее южной границей, возможно, была река Литани. В этом случае локализация Кадеша-на-Оронте на месте современного Телль Неби Менд выглядит очень странно. В списке народов, побежденных Тутмосом III в ходе кампании против Мегиддо, Кадеш упомянут непосредственно перед Мегиддо. Это было бы объяснимо, если бы речь шла о Неффалимовом Кадеше, поскольку, согласно заголовку списка, все названные в нем народы жили в Верхней Речену (Urk. IV, 780, 4, 16 и 781, 5, № 1), то есть к югу от Нахарины. Впрочем, в списке перечислены княжества, чьи представители были пленены в Мегиддо — а это не означает, что египетская армия прошла через все эти земли (Weinstein, 1981b, 11–12).

Проблемным является и еще один топоним: после Хару, соседнего с Египтом региона, упомянуты воины из Кеди. Гардинер полагает, что речь идет о землях к северу от Сирии — возможно, между Каркемишем и морем. Некоторые даже предполагали, что Кеди — это Киццуватна, то есть Киликия на южном побережье Малой Азии (AEO I, 123*–136*). Однако, согласно тексту из Угарита, чтобы прийти из этого города в Египет, надо было пройти через земли Кеди (угаритскую Q*ṭ*) и Нухашше (Dietrich, Loretz,

[236] Согласно «Амарнским письмам» (EA 165–167), Нухашше находится всего в двух днях пути от Тунипа, города, который лежал (предположительно) к югу от Нахр эль-Кебира; но направление пути не уточняется.

[237] Кадес-Варни в русском Синодальном переводе Библии. — *Науч. ред.*

1980). В то же время Кеди находился в Нахарине (AEO I, 136*; KRI II, 170–172), а значит, эта страна, вероятно, располагалась на широте современного Ливана.

Первая экспедиция Тутмоса III стала важной вехой в истории его правления — у царя появился повод возвести новые памятники в самом Египте. Еще на 23-м году правления он решил построить в Карнаке большой храм Ахмену (Urk. IV, 1252, 11–19), примыкающий с восточной стороны к храму Амона; работы начались на 24-м году (Urk. IV, 836, 2). В одном из залов нового храма изображены птицы, животные и растения, которых царь впервые увидел во время похода в Речену; устройство этого так называемого зала ботанического сада датируется 25-м годом его правления (PM II, 121 (407); Urk. IV, 777; Beaux, 1990).

Сведения о 2-й, 3-й и 4-й кампаниях до нас не дошли. Пятый поход был предпринят на 29-м году; войско отправилось из Джахи. Примечательно, что отныне местом его сбора и отправления стали не Мемфис и Чару, а Джахи или Речену. Эти топонимы не совсем равнозначные: Джахи — это чисто географическое название без политического подтекста, тогда как Речену, как правило, разделяли на две части: Речену Верхняя и Речену Нижняя. Это было государство, против которого снарядили первую кампанию, вождь которого был врагом Египта. Обе Речену фигурировали в списках враждебных народов еще при Рамсесе III (Simons, 1937, index p. 210), Джахи же — никогда. Складывается ощущение, что топонимы Джахи и Речену обозначали, по крайней мере частично, одни и те же земли, прилегавшие к нильской Дельте. Царь попадал в одни и те же области, отправлялся ли он из Джахи или же из Речену. Названия эти не синонимичны, но пока что, за неимением более подробных сведений, мы можем лишь сказать, что пункт сбора и отправления войска находился за пределами Египта.

Целью пятой кампании была победа над мятежными народами, Царь захватил Уарчет (таково египетское написание; в клинописных источниках (Амарнских письмах) город фигурирует под названием Уллаза). Принято считать, что речь идет о древнем городе Орфосия, расположенном неподалеку от Средиземноморского побережья, в 15 км к югу от Нахр-эль-Кебира и в 50 км к северу от Библа. Подобный «рейд» кажется невероятным, даже если он был подготовлен в ходе трех предыдущих экспедиций, сведения о которых утрачены. Никогда не следует забывать, что локализация, предлагаемая для топонимов, которые известны нам по египетским текстам, остается спорной и требует подтверждения. Примером тому служит и Уллаза, местонахождение которой долгое время являлось темой дискуссий (Alt, 1946–1951, 105–120). М. Нот, опираясь на топонимические списки Сети I, полагал, что Уллаза находилась чуть южнее Тира[238]. Однако в «Амарнских письмах» об Уллазе, как правило, говорится в связи с Сумуром, первое упоминание о котором встречается в Анналах Тутмоса III и относится к 30-му году его правления (Urk. IV, 689, 13). Царь пришел к Сумуру, двигаясь из Кадеша (согласно общепринятому мнению, из Кадеша-на-Оронте); это позволило предположить, что армия фараона следовала по долине от Нахр-эль-Кебира (Элевтера), и породило различные гипотезы, согласно которым Сумур располагался к северу от устья этой реки, на месте современной Симиры[239]. Тогда локализация Кадеша оказалась бы верной.

[238] Noth, 1937, 229–239; Simons, 1937, index 197; KRI I, 29, 32–34.

[239] Helck, 1971, 137; Giveon, LÄ VI, 842–843. — Сумур (в иероглифическом написании *Джамур*) необязательно является Симирой; все зависит в первую очередь от локализации Сумура, которого нет в топонимических списках, см.: Noth, 1937, 237. Симира недавно была отождествлена с Телль Казел,

Предлагая поместить Уллазу возле Тира, М. Нот считал, что Сумур находился там же. Если Тутмос III завладел Кадешем Галилейским, расположенным чуть ниже Тира, возле озера Хула, географическая ситуация соответствует топонимическим спискам времен Сети I, в которых Уллаза (*Иунереч*) помещена между Акрой и Тиром. Наконец, дойдя до берегов Нахр-эль-Кебира, чтобы взять Уллазу, Тутмос III, вероятно, проник в Нахарину, о чем и сообщил. Если Уллаза и Сумур находились к югу от Литани, фараон мог захватить их, не заходя в Нахарину. Возможный аргумент против этой версии состоит в том, что Уллаза была взята гарнизоном из Тунипа; но Тунип находился к югу от Нахр-эль-Кебира, и оттуда ближе до окрестностей Тира, чем от Кадеша-на-Оронте до Мегиддо. Все это сказано не ради того, чтобы обескуражить читателя, а с целью подчеркнуть масштаб расхождений между версиями: расстояние между двумя предполагаемыми местонахождениями Уллазы, то есть между Тиром и устьем Нахр-эль-Кебира, составляет 160 км по прямой.

Египтяне захватили добычу в Уллазе, а также получили кое-что от отрядов правителя Тунипа. На обратном пути (в Египет?) были захвачены два груженых судна. В этом месте повествования вдруг говорится о разрушении Ирчету (вероятно, соответствует Ардате из «Амарнских писем»[240]), так, словно о нем забыли упомянуть выше, — одновременно с рассказом о разграблении Уллазы. Далее идет восторженное описание богатств Джахи. По сравнению с относительно скромными трофеями, полученными от грабежей, поставки (*jnw/ину*) товаров, последовавшие в результате этой кампании, оказались значительными.

В свой шестой поход Тутмос III отправился из Речену. Он разрушил Кадеш, срубил его деревья и сжал его урожай. Пройдя мимо неизвестного нам города (?) Роиту, он достиг сначала Джамура, потом Ирчету (их, как правило, отождествляют с Симирой и Ардатой) и обошелся с ними так же, как с Кадешем (Urk. IV, 689). Каким бы ни оказался итог дискуссий о локализации этих городов, судя по «Амарнским письмам», между ними не было серьезных препятствий вроде рек Нахр-эль-Кебир или Литани; следовательно, оба города должны были стоять на одном и том же берегу одной из этих рек. Далее перечисляются поставки от имени князей Речену, так, будто три упомянутых выше города ранее ничего не поставляли или даже принадлежали Речену. Уточняется также, что сыновья и братья князей Речену были приведены в Египет в качестве пленников и их собирались воспитать как египтян. Когда один из этих князей скончался, царь отправил его сына ему на смену (Urk. IV, 690, 2–5).

Последним днем 31-го года правления датирован перечень «доходов» от разграбления города, идентифицируемого как Уллаза (Urk. IV, 690, 17)[241]. Далее следует опись

лежащим к северу от Нахр эль-Кебира (Klengel, 1984), но эта гипотеза не подтверждена ни одним обнаруженным здесь текстом. Другие версии локализации Симиры (еще севернее) см. в: AEO I, 181*, n. 1.

[240] Современная деревня Арда, в 6 км к юго-востоку от Триполи, может быть древней Ардатой (Salamé-Sarkis, 1972). Раскопки на ее территории показали, что местность эта была населена издавна, но письменных источников, подтверждающих эти данные, не обнаружено. Ее отождествление с древней Ардатой основывается на сходстве названий и убежденности в том, что Уллаза и Симира также лежали недалеко от Триполи. Но все это не более чем предположения.

[241] Египетское написание Уллазы здесь — *Иунерчу*, как и в топонимических списках, однако уточняется, что этот город находится на реке Несерна; любопытно, что это уточнение не сделано при первом упоминании Уллазы (Urk. IV, 685, 8). Возможно, *Уарчет* и *Иунерчу/Иунереч* — разные города.

регулярных поставок из Речену, а затем впервые упоминается «снабжение портов». Выражение странное, при том что названия портов не указаны. Ни в одном источнике нет даже намека на то, что в экспедициях Тутмоса III хотя бы в какой-то мере использовались морские пути. Выше уже отмечалось, что мореплавание было глубоко чуждо египтянам (см. с. 54). Уверенность в том, что в текстах Тутмоса III говорится о морских портах (которые позволяли доставить египетское войско как можно ближе к землям неприятеля), была столь сильна, что А. Альт в своем очень любопытном исследовании даже попытался реконструировать эту цепь опорных пунктов и их названия, изучив все порты, которые могли отвечать военным нуждам Тутмоса III. К сожалению, исследователю не удалось подкрепить свои умозаключения надежными данными. Порты сиро-палестинского побережья немногочисленны. Те из них, об истории и практическом значении которых рассуждает А. Альт, засвидетельствованы в разных египетских источниках, включая Анналы; необычно то, что нигде не упомянуты названия этих портов, хотя речь идет об их снабжении. Возможно, это объясняется тем, что они являлись всего лишь техническими военными базами; впрочем, в тексте уточняется, что речь идет обо «всех портах Его Величества» (Urk. IV, 707, 10), а не о завоеванных городах. Быть может, имеются в виду склады, размещенные вдоль водных артерий или по берегам судоходных бассейнов внутри страны — например, по берегам Генисаретского озера.

Восьмая кампания наряду с первой стала одним из главных событий царствования Тутмоса III. Она стоит на первом месте в тексте стелы из Гебель Баркала, ее в наибольшей степени восхваляют участники событий.

Армия отправилась из Речену (Urk. IV, 696, 16). Целью было завоевание Нахарины или по крайней мере вторжение в эти земли, дабы посеять страх. Сначала Тутмос перешел через «болота Азии» (*pḥww nw sṯt/nexyy ну сечет*), местонахождение которых еще следует уточнить. Затем фараон приказал построить лодки, которые погрузил на колесницы; на этих лодках войско должно было переправиться через «большую реку (*jtrw*/*umpy*), отделяющую эти земли от Нахарины». Из текста стелы из Гебель Баркала, следующего за упоминанием о реке, мы узнаем, что царь пересек второй водный поток — большую реку (*pḫr wr/nexep yp*), которая в других документах этой кампании названа «большой рекой Нахарины». Египтологи единогласно считают, что речь идет не о двух водных препятствиях, а об одном — Евфрате и что именно для форсирования этой реки царь приказал построить лодки и везти их на колесницах от Библа. В действительности же «большая река, которая отделяет эту землю (а именно Речену) от Нахарины» (Urk. IV, 1232, 5–6) — это, очевидно, Литани, нижний отрезок течения которой и сегодня называется «Разделителем» (эль-касимийа). Лодки же были построены не в Библе (если Кепени здесь означает «Библ»), но, согласно тексту, близ места отправления культа «владычицы Библа», которое могло находиться далеко от города. Итак, река преодолена, и начинается сражение с войсками князя Митанни — первое столкновение Египта с этим государством[242]. Для преследования князя войску пришлось бы перейти «большую реку Нахарины» (см., например, Urk. IV, 613, 9). Вероятно, это

[242] Слово «Митанни» в памятниках времен правления Тутмоса III встречается реже, чем «Нахарина». Оно употреблено на стеле из Гебель Баркала (Urk. IV, 1230, 5; 1232, 9), «Поэтической стеле» (Urk. IV, 616, 8), на фрагменте обелиска (Urk. IV, 589, 9), в гробнице Менхеперрасенеба (Urk. IV, 931, 1).

Нахр-эль-Кебир — «большая река», — которая сегодня служит северной границей Ливана, отделяя его от Сирии (Vandersleyen, 1994a). Но вражеский предводитель убежал в удаленные земли — столь велик был его страх. Мы узнаем, что Тутмос I уже доходил до этой реки, а Тутмос III повелел установить стелу рядом со стелой своего предшественника. Так как Тутмос I, по-видимому, не переходил эту реку, а в текстах упоминаются то западный (Urk. IV, 697, 4), то восточный берега реки (Urk. IV, 1232, 12), вспыхнула научная полемика по поводу количества стел Тутмоса III и их точного местонахождения (Helck, 1981b). Мы не знаем наверняка, о какой именно реке идет речь (но явно не о Евфрате), и поэтому ничего не можем сказать о ее восточном и западном берегах. Это же касается и самой стелы: была ли она вырублена в карьере и затем установлена или же речь идет о наскальной стеле[243], наподобие тех, что позднее будут высечены на южном склоне долины реки Нахр эль-Кельб, протекающей в 90 км к югу от Нахр-эль-Кебира?

Затем Тутмос III спустился по реке, грабя города и уничтожая поселения князя Нахарины, чье войско он преследовал. Добыча оказалась не слишком обильной, но переправа армии через реку произвела сильнейшее впечатление и способствовала славе похода. Сам царь рассказывает об этом не только в Анналах, но и на «Поэтической стеле» (Urk. IV, 613, 9). На стеле из Арманта, перечисляя свои охотничьи подвиги (Urk. IV, 1245, 18; 1246, 2), в том числе охоту на слонов на обратном пути из Нахарины, он вспоминает и о переправе через реку, об опустошении и сожжении деревень по обоим берегам, об установке стелы на восточном конце долины. Даже на обелиске из Стамбула (Urk. IV, 587, 13–14) царь говорит о том, что перешел реку во главе своего войска, и считает это великим достижением (точно так же спустя столетия Александр Великий будет отзываться о преодолении реки Граник, а Наполеон Бонапарт — о переходе через Аркольский мост).

Стольники Ментуиуи, Минмос и Иамунеджех — вельможи, лично приближенные к царю, — были свидетелями этих событий (Urk. IV, 1467, 10; 1441, 17; 1370, 11). Участвовал в них и солдат Аменемхеб по прозвищу Маху (Urk. IV, 890–895). В начале похода войско — или подразделение, в котором он состоял — пересекло Негев, где Аменемхеб взял в плен трех *ааму*. Подойдя к Нахарине, Аменемхеб взял еще нескольких пленников. За ними последовали и другие — это произошло к западу от Хальбы (как правило, считается, что речь идет о крупном городе Алеппо (Халебе) в Сирии, но это может быть и Хальба на севере Ливана). Взял Аменемхеб пленных и на территории Каркемиша. Этот город является камнем преткновения. Изучение источников вынуждает исследователей все больше и больше уменьшать расстояния, пройденные египетской армией, но упоминание о Каркемише в рассказе Аменемхеба и в топонимических списках Тутмоса III (Urk. IV, 792, № 270) приводит нас к Евфрату, так как локализация Каркемиша на этой реке представляется надежной. Итак, данный отрывок из биографии Аменемхеба может служить аргументом в пользу трактовки «вод Нахарины» как Евфрата. Если взять, например, Кадеш-на-Оронте и Каркемиш, то они разделены немалым расстоянием. Но возможно, речь идет о *территории* под контролем Каркемиша, которая могла простираться к западу вплоть до Оронта и даже дальше (Astour, 1981, 23),

[243] Глагол *šdj*/*шеди*, как правило, означает «удалять, изымать, убирать», но он засвидетельствован и в значении «рыть», см.: Alex III, 297.

и тогда Аменемхеб взял пленных именно там. После перехода «вод Нахарины» армия вошла в область Сенджар — вероятно, та располагалась на Оронте, в 30 км к югу от Хамата. Согласно рассказу Аменемхеба, далее произошли следующие события: разграбление города Кадеша (Кадеша-на-Оронте?); военные действия на территории Тахси; охота на слонов в Ние, во время которой Аменемхеб спас жизнь царю, отрубив хобот грозного животного (Urk. IV, 894, 1); эпизод одного сражения, когда князь Кадеша погнал кобылу в ряды египтян, чтобы жеребцы вышли из повиновения, но Аменемхеб убил эту кобылу; и наконец, новая операция против Кадеша.

Данная последовательность событий озадачивает, так как она выглядит беспорядочно и в географическом, и во временном плане. Поскольку автобиография Аменемхеба заканчивается сообщением о религиозных праздниках в Луксоре и о смерти фараона в последний день 3-го месяца *перет* 54-го года, описанные события, возможно, относятся к разным экспедициям.

На обратном пути из 8-го похода рядом с озером в Ние была устроена охота на слонов, и царь убил 120 животных[244]. В то время, повелев высечь на берегу «большой реки Нахарины» стелу, царь направлялся на юг. Если «река Нахарины» — это Нахр-эль-Кебир, Ния должна была лежать к югу от него. Общепринятая на сегодня локализация Нии как области возле Апамеи на Оронте — не более чем предположение, — по словам А. Х. Гардинера (AEO I, 168*), «очень хорошая гипотеза», в сущности, совершенно бездоказательная (Helck, 1971, 297–298). В этом году дань из Речену оказалась значительной. Упомянуты и другие поставки — из мест, которые принято идентифицировать как Ливан, Вавилон, Ашшур и великое Хатти, хотя на самом деле это были более близкие к Египту территории, главным образом регионы Палестина (Vandersleyen, 1994b).

Итак, на 33-м году правления Тутмос III установил самые северные границы своего царства, но эту кампанию он предпринял лишь с целью устрашения и грабежа, а не аннексии территории, как это было, например, с Мегиддо: чтобы вернуть себе свободу, местные князья вынуждены были принести клятву верности фараону. Теперь в Анналах рассказывается уже не о завоеваниях, а скорее о набегах. На 34-м году правления были разграблены три города в Нухашше; на 35-м — город Ирина, о котором известно лишь то, что он подчинялся князю Нахарины. Сведения об 11-й и 12-й кампаниях (36-го и 37-го годов) не сохранились; 13-я кампания (38-го года) вновь велась только против Нухашше.

На 39-м году состоялась 14-я кампания — карательная операция против *шасу*. Это последняя кампания в тексте Анналов с датой и порядковым номером (Urk. IV, 721, 9–10; Grapow, 1943, 14). В последней фразе Анналов уточняется, что они рассказывают о победах, одержанных с 23-го по 42-й годы. Число побед не указано, но они явно не были ежегодными. Там, где К. Зете в своих «Документах по истории XVIII династии» поместил 15–17-ю экспедиции, нет ни дат, ни номеров; в текстах приводится перечень поставок — возможно, не за один год, а за два. Итогом последней кампании, действительно носившей характер военной операции (вероятно, от 42-го года), стало разрушение города Иркаты (Аркату) и его окрестностей. Двигаясь на Иркату, армия проследовала

[244] О слоновьих бивнях, найденных в результате раскопок городов на Ближнем Востоке, см.: Bökönyi, 1986, 187–189; Ш. Бёкёньи все еще считает, что Ния находилась на Евфрате. На стеле из Арманта упомянута и другая охота, во время которой царь убивает львов и диких быков, но не уточняются ни место, ни время этого события (Urk. IV, 1245, 14–15).

«той самой (*p3/na*) дорогой вдоль побережья» — но мы о ней ничего не знаем. Идет ли речь о береге реки, озера или моря[245]? Это единственное уточнение географического характера, но все зависит от местоположения Иркаты, до сих пор не установленного. Во время этого похода Тутмос III разрушил Тунип, лежавший к югу от Нахр-эль-Кебира, а на обратном пути — Кадеш и три других города к югу от Тунипа. Таким образом, области, по которым прошла египетская армия, находились в сфере влияния Нахарины. Но локализация Кадеша в Телль Неби Менд на Оронте еще требует подтверждения. Может быть, это был Кадеш Неффалимов? Создается впечатление, что Тутмос III совершал походы главным образом в Палестину и лишь изредка — в Ливан[246].

В числе участников азиатских кампаний назовем вице-короля Нубии Нехи, который, прежде чем занять эту важную должность, сопровождал царя в его первой кампании. Еще одним возможным свидетелем является Джехути, известный нам по «Сказанию о взятии Яффы»[247], причем, согласно другим источникам, он был реальным историческим персонажем, а именно — «начальником чужеземных областей Севера»[248]. Гражданский чиновник Иамунеджех сообщает о своем посещении солнечного храма Усеркафа в Абусире, в то время как царь был в Джахи, у фенеху и в Хару; к сожалению, дата надписи не сохранилась (Helck, 1969b, 115).

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУТМОСА III В НУБИИ

Царь сообщает о «первой победной кампании» в стране Куш (Urk. IV, 1247, 19; 1248, 16–20)[249]. Сохранился список народов Юга, аналогичный списку народов Азии. По словам стольника Минмоса, он видел, как царь «разгромил страну *нехсиу*» (Urk. IV, 1441, 18). В предисловии к длинным спискам географических названий царь рас-

---

[245] Существование в Палестине Via Maris («морского пути», термин, ставший широко употребительным) опровергается убедительными доказательствами; см.: Meshel, 1973.

[246] Гонцы — возницы колесниц (*марианну*) из 11 городов прибыли к египетскому двору; эти города располагались на территории от Ашкелона до Хацора, то есть южнее Литани. Список, сохранившийся на оборотной стороне Ленинградского папируса (П. Эрмитаж 1116 А, стк. 68–78), датируется предположительно второй половиной правления Тутмоса III (Epstein, 1963). Название «Угарит» не встречается ни в документах Тутмоса III (Astour, 1981, 12), ни в других египетских источниках до царствования Аменхотепа III. Алалах упомянут на 38-м году правления Тутмоса III (Urk. IV, 719, 17), когда оттуда прислали несколько рабов и разные материалы, но сами египтяне до него не доходили. В надписи на знаменитой статуе Идрими из Алалаха, созданной, возможно, при Тутмосе III, нет даже намека на египтян (Albright, 1950, 14–20).

[247] Яффа, ныне поглощенная Тель-Авивом, находится чуть севернее Газы. Это эпическое повествование, созданное в эпоху Рамессидов, рассказывает о взятии города военачальником Тутмоса III Джехути, который славился своей хитростью (наподобие Али-Бабы) (см.: Lefebvre, 1949, 125–130; Goedicke, 1968; Helck, LÄ III 269–270). Вполне вероятно, что во время одной из кампаний царь захватил этот город, так как последний упоминается в топонимическом списке (Urk. IV, 783, 13), но мы не знаем, о какой именно кампании идет речь и насколько сюжет рассказа соответствует исторической правде.

[248] Yoyotte, 1981a; Lilyquist, 1988, оспаривают подлинность знаменитой золотой чаши, хранящейся в Лувре. Надпись на этой чаше — единственный источник, в котором Джехути назван военачальником (Urk. IV, 999, 12); Reeves, 1993.

[249] Иногда эти надписи относят ко временам правления Рамсеса II, Хельк отвергает эту версию (Helck, Urk. Üb., 1248, p. 15, n. 1; см. также ниже, с. 288, примеч. 259).

сказывает, что он учинил «великую резню» среди народов Юга и лучников Хентхеннефер и взял пленников, дабы отправить их в мастерские своего отца Амона. На 50-м году правления он приказал расчистить проток 1-го порога и прошел по нему, «после того как разгромил своих врагов» (Urk. IV, 814). Неужели первая кампания в Нубию была предпринята Тутмосом III так поздно — на 50-м году правления? Вполне возможно. По-видимому, эти народы действительно были подчинены Египту, как и сказано в надписях (Urk. IV, 795–796)[250].

УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЯМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕГИПТА

Азия

После 42-го года правления Тутмоса III в Азии не велось военных действий. Завоеванная территория сделалась своего рода феодальной колонией. Царь не стал доверять управление ею одному лицу и не учреждал должность наподобие «царского сына», управлявшего всей Нубией — Уауатом и Кушем. Таким образом, различие между севером и югом империи было существенным. Южные территории являлись продолжением самого Египта, Нила и его берегов, имели четкие границы и жили в том же ритме, что и Центральный Египет. Северные же земли, напротив, не образовывали единства ни в географическом, ни в политическом смысле, не имели определенных границ и не могли управляться как единое целое. Плененные в Мегиддо 330 правителей представляли только княжества Речену и подчинялись Египту на основе клятвы верности, данной лично фараону (Urk. IV, 1235, 16–19; Ahituv, 1978a; Théodoridès, 1975, 105, 107). В каждую область египтяне назначили отдельного наместника[251], и его задача была тем сложнее, чем больше дипломатического мастерства приходилось ему проявлять при контактах с местными князьями.

Благодаря завоевательным походам в Азию Египет получил новые плодородные земли[252], регулярные поставки дани от правителей Речену, а также приток товаров из более удаленных регионов, доставляемых по торговым путям, и все это — не считая трофеев, добытых во время военных действий. Впрочем, азиатские кампании были предприняты по причинам скорее стратегического, чем экономического характера[253].

---

[250] О поздней датировке кампании см.: Murnane, 1985, 135–137 и n. 35.

[251] Административное деление контролируемых Египтом азиатских территорий еще плохо изучено. По-видимому, существовали как минимум три основных центра — Газа, Сумур и Кумиди (Weinstein, 1981b, 12; в Na'aman, 1981, 177, 183, называются и другие города и оспаривается деление, предложенное выше).

[252] Урожаи из Ездрелонской долины частично отходили в пользу фараона, см.: Na'aman, 1988, 182–183. — О египтянах в этой долине см. также: Balensi, 1988, 306.

[253] Ahituv, 1978b; Na'aman, 1981. — Об отношениях между Египтом и другими странами и о значении терминов *bꜣk/бак* (поставки государству из областей, присоединенных к Египту главным образом из Уауата и Куша) и *jnw/ину* (поставки царю Египта от князей, чьи земли были завоеваны военным путем, как Речену, или независимых от Египта территорий, как, например, Алалаха)

Помимо регионов, по которым проходило царское войско, Египет поддерживал контакты и с более удаленными странами — посредством дипломатических даров[254] и импорта товаров. В Египет шли поставки из Алалаха (Urk. IV, 719, 17), великой страны Хета, которую традиционно отождествляют со страной хеттов (Urk. IV, 701, 11–14; 727, 13–14), и других регионов, таких как Иси (Urk. IV, 707, 16; 708, 7; 719, 13–15; 724, 10–13), который не соответствует Кипру, а находился где-то на азиатском континенте[255] или Тинаи (Urk. IV, 733, 4–7), откуда привозили главным образом вазы, изготовленные в стране Кефтиу (Кефтиу — это не Крит, а область, расположенная в Сирии или граничащая с ней)[256].

При Тутмосе III Египет поддерживал также контакты с Эгейским миром, о чем свидетельствуют находки минойских и микенских ваз[257], а также наличие примерно в десяти выдающихся по красоте фиванских гробницах изображений людей с характерно критскими чертами, даже если к ним не применимо название «Кефтиу». Большинство этих изображений датируется царствованием Тутмоса III[258].

Нубия

Сведения о странах Юга, относящиеся к царствованию Тутмоса III, касаются главным образом административной рутины (сообщения вице-королей и его помощников о своей деятельности) или строительных работ. В Хагар эль-Мерове царь повелел реставрировать надпись своего деда, отмечавшую южную границу египетских владений. Сам Тутмос III продвигался дальше, но лишь временно: так, например, в области Миу он ловил носорога, впоследствии изображенного в храме в Арманте (Urk. IV, 1246, 3, 1248)[259].

см. замечательное исследование: Bleiberg, 1981. — Полемика по этому поводу: Müller-Wollermann, 1983; Müller-Wollermann, 1984; Booch, 1984a; Booch, 1984b; а также см.: Aldred, 1970a.

[254] Эти дары преподносились, по-видимому, по особым случаям — в связи с важными датами в жизни фараона; см.: Aldred, 1970a.

[255] Nibbi, 1985b, 126–129; 214–219; Vandersleyen, 1994b.

[256] Vandersleyen, 1985, 46–50; о Тинаи: Ibidem, 49–50. Картуш Тутмоса будто бы обнаружили в 25 км к северу от Эйлата, в Тимне, которая при Рамессидах была важным горнопромышленным регионом, Kitchen, 1976b. Это прочтение картуша было оспорено А. Шулменом, который полагает, что речь идет об одном из Рамсесов — вероятнее всего, о Рамсесе II, см.: Leclant, 1979, Fouilles et travaux, Orientalia 48, 402–403.

[257] Gill, 1969; Tufnell, 1973; Vandersleyen, 1994b.

[258] Подробное исследование этих гробниц содержится в работе Wachsmann, 1987, 27–40. — О проблеме существования прямых контактов между Эгейским миром и Египтом см.: Altman, 1988.

[259] Störk, 1977, 241–296; Vercoutter et al., 1976, fig. 28. — По оценке профессора Кл. Герена (Cl. Guérin, Центр стратиграфической палеонтологии и палеоэкологии (UA 11 CNRS, Lyon I) и Центр исследований Земли, Университет Кл. Бернара, Lyon I), речь могла идти об азиатском носороге (предоставленными сведениями я обязан Ж. К. Гуайону). Датировка рельефа основывается главным образом на упоминании носорога в тексте стелы, найденной рядом с тем же храмом, в котором обнаружено изображение. Поскольку Рамсес II также вел работы в этом храме, можно допустить и датировку Рамессидской эпохой, однако Рамсес II нигде не говорит, что охотился на носорога. Г. Дж. Фишер (Fischer, 1987, 25) считает стиль рельефа рамессидским, но не приводит никаких аргументов, а представленная им прорисовка не содержит стилистических критериев. С мнением Г. Дж. Фишера согласна Н. Бо (Beaux, 1990, 309). Если надпись на пилоне в Арманте датируется временем Тутмоса III, то слово «фараон» (Urk. IV, 1248, 16), которое встречается в ней, является первым свидетельством употребления этого титула (см.: Osing, LÄ IV, 1021).

По-видимому, при Тутмосе III Нубия была полностью интегрирована в экономическую систему Египта. Так, в Анналах упоминаются регулярные поставки из стран Юга, хотя в это время не было ни сражений, ни даже дальних экспедиций; начиная с 31-го года, перечисляются поставки из Куша и Уауат (31-й, 33–35-й, 37–39-й, 41-й и 42-й годы), к которым иногда добавляются скромные поступления из более удаленных мест — области генебтиу (Южная Аравия?) на 32-м году (Urk. IV, 695, 6; Saleh, 1972b) и Пунта (33-й и 38-й годы) (Urk. IV, 702, 4–6; 720, 6–7; Zyhlarz, 1958, 11). Золота при Тутмосе III добывали очень много, причем в Уауате — значительно больше, чем в Куше (Vercoutter, 1959).

История Нубии при Тутмосе III, таким образом, связана с деятельностью не столько самого фараона, сколько тех, кого мы сегодня называем вице-королями; начиная с царствования Камоса, они носили престижный титул «царский сын», подчеркивавший исключительность их положения[260]. Вице-короли, занимавшие эту должность при Хатшепсут, видели, как их имена разбивают молотком. Это Аменемнеху, засвидетельствованный на 18-м году[261], и двое других, чьи имена не сохранились: один отмечен на 2-м, другой — на 20-м году правления Тутмоса III[262]. На 23-м, а затем на 25-м году появляется вице-король Нехи, чья карьера могла продолжиться и в последующие годы, но после 25-го года нет ни одного датированного документа, касающегося деятельности вице-короля при Тутмосе III[263]. Нехи оставил множество надписей и памятников на всей территории, находившейся под его контролем, — от Саи на юге до Элефантины (Habachi, LÄ III, 632), причем большинство из них — от имени фараона. Многочисленность этих свидетельств совпадает по времени с интенсивной строительной деятельностью, развернутой Тутмосом III в данном регионе[264].

До возвращения в Нубию египтян в эпоху Нового царства она отнюдь не пребывала в состоянии анархии. При XVIII династии несколько княжеских семей, пользовавшихся уважением египтян, правили, как и прежде, все более подпадая под влияние египетской культуры. Наиболее известный род управлял областью Дебейры и Серры, называемой в титулах «Теххет» или «Техенут» и лежавшей в 40 км к югу от Бухена. Скорее всего, он получил власть из рук египтян в конце правления XVII династии[265].

Восточные и западные пустыни

Не исключено, что благодаря богатствам, полученным в результате войн на Севере и регулярных поставок с Юга, Тутмос III потерял интерес к Вади Хаммамат. Так или иначе, присутствие царей XVIII династии в этих местах почти не засвидетельствовано

[260] Habachi, LÄ III, 630–640. — Об этой должности см. также: Belova, 1978.

[261] В Шальфаке — Hintze, Reineke, 1989, № 365; № 366, также в Шальфаке, и два граффити в Тангуре (№ 558 и 564), касающиеся того же вице-короля, не датированы.

[262] См. выше, с. 260 и 262, примеч. 166; вице-король, чье имя было стерто (Urk. IV, 194, 2), — не Инебни, никогда не носивший этого титула (вопреки Habachi, LÄ III, 631). Это подтверждено и работой el-Sabbahy, 1992.

[263] Возражения против упоминания Нехи в надписи от 52-го года правления Тутмоса III приводятся в работах Caminos, 1968, 43; Dewachter, 1976c; Weinstein, 1978. Несколько имен вице-королей первой половины XVIII династии указаны (не в хронологическом порядке) в статье Habachi, LÄ III, № 6, 7 и 9.

[264] Отметим плотность населения форта Миргиссы при Тутмосе III (Vercoutter, 1975a, II, 476).

[265] См.: Thabit, 1957; Säve-Söderbergh, 1960b; Id., 1963; Edel, 1963; Hodjache, Berlev, 1977b; Säve-Söderbergh, 1991, с оговорками Э. Спэлинджера (Spalinger, 1984, 639, n. 28) относительно генеалогии князей.

(PM VII, 333), хотя добывавшийся там знаменитый камень *bḫn/бехен* (граувакка) часто использовался египетскими ваятелями при Тутмосе III. Деятельность египтян на Синае, засвидетельствованная в период совместного царствования Тутмоса III и Хатшепсут, продолжилась и после смерти последней[266]. Что касается галенитовых рудников Гебель Зейт, то здесь при Тутмосе III не происходило ничего существенного (Castel, Soukiassian, 1988, 45).

Оазисы на западе подчинялись администрации Тиниса, которой жители оазиса Харга платили налог. Мы не знаем, когда именно оазисы достигли процветания — при Тутмосе III или в другое время, — но в его царствование отношения между этими регионами и долиной были очень оживленными. Жители оазисов, преподносящие свои товары, изображались как чужеземцы. Все семь гробниц, где присутствуют эти изображения, целиком или частично сооружены при Тутмосе III[267].

ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Жизнь царя

Несмотря на преследование памяти Хатшепсут, она сумела добиться того, чтобы ее образ сохранился для потомков. Тутмос III обладал значительно менее открытым характером. То, что нам о нем известно, похоже, во многом было порождено желанием сравняться с царицей. Он, так же как и она, оставил нам рассказ о своей юности, представив себя избранником Амона, но не указав дату этого избрания (Urk. IV, 155–162; см. выше, с. 253). Возможно, из-за соперничества с Хатшепсут он более чем кто-либо другой настаивал на божественности своего происхождения: «Сын Амона от плоти его, рожденный для него Мут-ен-Ишеру, единый плотью с тем, кто его породил» (Urk. IV, 585, 6–7). Анализ многочисленных вариантов титулатуры Тутмоса III позволил бы лучше понять образ его мыслей. Действительно, он первым из фараонов стал изменять и умножать варианты своих имен, как позднее это делали Рамессиды[268].

Продолжительное царствование позволило справить праздники *сед*. Третий праздник *сед* упоминается на обелиске из Гелиополя, который ныне хранится в Лондоне (Urk. IV, 590, 15). В надписи от 33-го года правления Тутмоса III говорится о начале периода множества праздников *сед* (Urk. IV, 597, 12–16). Следует полагать, что отмечалось как минимум три праздника, на 30-м, 33-м и 36-м годах, ознаменованных установкой обелисков. Однако мы до сих пор не знаем, соответствуют ли высеченные на обелисках тексты реальным торжествам[269].

---

[266] PM VII, 351–361; passim. О Серабит эль-Хадим см.: Wimmer, 1990, 1067.

[267] Это гробницы № 39 (Пуимра), № 81 (Инени), № 86 (Менхеперрасенеб), № 100 (Рехмира), № 127 (Сенем-ях), № 131 (Аменусер), № 155 (Интеф), см.: Giddy, 1989, 68–77, 115; Vallogia, 1981; Redford, 1977b, 5–6.

[268] Согласно справочнику имен фараонов (Handbuch, 84–85), для Тутмоса III засвидетельствовано 10 имен Хора, 5 имен Небти, 7 имен Золотого Хора, 12 тронных и 13 личных имен в разных вариантах.

[269] См.: Hornung, Staehelin, 1974, 53. — О косвенных источниках, касающихся праздников *сед* Тутмоса III, см.: Ibid., 31–32, 86. — С. Олдред (Aldred, 1967, 2) полагал, что при Тутмосе III справили

Проявлением индивидуальности Тутмоса III можно считать, например, его интерес к тому, что не было связано исключительно с военными нуждами или статусом фараона: так, он собрал коллекцию азиатских растений и животных[270]. Увиденный в Африке носорог вызвал у царя такой интерес, что он оставил его подробное описание (Urk. IV, 1248). Тутмос III проявлял также склонность к каллиграфии и древним текстам, следствием чего стал декрет о народном здоровье: царь нашел древнюю книгу о здравоохранении и пожелал, чтобы ее знания применялись на благо всех страждущих, особенно самых обездоленных (Vernus, 1979). Значение, придаваемое им документальным свидетельствам и истории, отразилось в создании Анналов и длинных списков азиатских и африканских топонимов (более 600 наименований). Уважение к прошлому проявилось в реставрации ворот Тутмоса I и главным образом в сооружении «Зала предков», где Тутмос III отдал дань памяти 71 своему предшественнику (Redford, LÄ VI, 544); там он воспроизвел сцену, заимствованную у Сенусерта I (Habachi, 1985b).

Образ царя. Царь-строитель

Если исторические реляции сохранили воинственный и героический образ Тутмоса III, то его статуи, напротив, отражают мягкий и даже женственный облик. Возможно, причина в том, что некоторые статуи представляют его в детском возрасте; наверное, поэтому по сохранившимся от статуй головам порой трудно определить, кто из Тутмосидов здесь изображен — царь или царица (см., например, голову из Британского музея 986, Manuel III, pl. 99, 3). Эти статуи кажутся еще более бесполыми, чем те, что созданы Хатшепсут в последние годы ее царствования. Лицо Тутмоса III не выглядит ни угрюмым, ни улыбчивым. На статуях из граувакки, каждая деталь которых тщательно прочерчена благодаря фактуре камня — хрупкой, словно подчеркивающей отсутствие мужественности, — анатомические особенности и мускулатура царя едва намечены[271]. Быть может, однажды выяснится, какое влияние оказала опека Хатшепсут на развитие личности Тутмоса III. Не вводят ли нас в заблуждение военные тексты царя, его Анналы, не считаем ли мы его более воинственным, чем он был на самом деле? Или же он тратил столько сил на военную деятельность, чтобы иметь повод оставить свой след в искусстве?

Все постройки с первого по 22-й годы царствования Тутмоса III, кажется, были созданы по инициативе Хатшепсут. Строительство других храмов, известных сегодня как памятники Тутмоса III, очевидно, также началось при царице и было продолжено после 22-го года его правления[272].

как минимум четыре праздника *сед*; Л. Хабаши (Habachi, 1969b, 176, n. 1) говорит о пяти праздниках, У. Мёрнейн (Murnane, 1981b, 373) — о шести.

[270] Эта коллекция была изображена в так называемом зале ботанического сада храма Ахмену. В труде N. Beaux, 1990, содержится исчерпывающее описание зала и дается идентификация практически всех изображенных там животных и растений.

[271] Лучшие и самые знаменитые статуи: Каир CG 42053 и 42054 (PM II, 137). Последняя сегодня находится в Луксоре, The Luxor Museum № 61.

[272] Впрочем, Тутмос III подводит (на 42-м году правления?) итоги своей деятельности в Карнакском храме, начиная с момента восшествия на престол (Urk. IV, 155–176).

Первый памятник, возведенный в период самостоятельного правления Тутмоса III, — это храм Ахмену, пристроенный с восточной стороны к большому храму Амона в Карнаке. Решение о его возведении было принято на 23-м году, по возвращении из первого похода; работы начались на 24-м году[273]. После первого похода в Карнаке был построен и маленький храм Птаха (Urk. IV, 765–767). Уже тогда царь повелел возвести кварцитовую часовню Амона, которую сегодня называют «Красной часовней Хатшепсут», залы Анналов, у которых он перечисляет названия каждых ворот (Urk. IV, 167), часовни из песчаника к югу и северу от часовни ладьи и другие памятники, не столь впечатляющие в их современном состоянии[274].

Датированных источников о строительных работах на территории самого Египта известно совсем немного. Вполне вероятно, что в условиях, когда военные походы совершались почти ежегодно, архитектура и скульптура находились вне сферы основных интересов царя.

В Нубии первый известный нам после 22-го года правления вице-король Тутмоса III Нехи начал активную деятельность, вернувшись из первой азиатской кампании. Работы стали производиться уже на 23-м году в Бухене (Urk. IV, 806–810)[275] и на 25-м году на острове Саи[276]. По приказанию Тутмоса III многочисленные памятники сооружались на Саи (Vercoutter, 1973, 18–21; Vercoutter, 1990), а на 47-м году, по окончании военного периода царствования, — в Гебель Баркале (Urk. IV, 1227), если найденная здесь стела свидетельствует и о другом строительстве; на 51-м — в Эллессии (Urk. IV, 810–813). Работы велись также в часовне обожествленного Сенусерта III в Уронарти, законченной при Аменхотепе II, и в храме Амады, основанном при Тутмосе III, но достроенном уже при Аменхотепе II и Тутмосе IV[277]. В Нубии помимо уже названных мест строительство осуществлялось в Гебель Доша (PM VII, 167), в Пнубсе на острове Арго (Jacquet-Gordon et al., 1969, 107–110), в Семне и Кумме[278], в Каср Ибриме (Plumley, 1979, 128), в Кубане[279].

В самом Египте при Тутмосе III сооружались постройки на Элефантине (Junge, 1987, 27–29), в Ком Омбо (PM VI, 199–201), Эдфу (Gabra, Farid, 1981, 183), Эль-Кабе

---

[273] Urk. IV, 1252 и 883–838; Barguet, 296–297; von Beckerath, 1981; PM II, 110–127. — Предположение о том, что этот памятник был закончен на 30-м году, основывается только на упоминаниях праздника *сед* в храмовых надписях, но они не имеют никакой ценности в плане хронологии (Hornung, Staehelin, 1974, 70–71). Речь, впрочем, не идет о месте, специально предназначенном для этих торжеств (см.: Haeny, 1970, 9–17).

[274] О размахе работ, проведенных в Карнаке при Тутмосе III, см. указатель в труде: Barguet, 1962, 357.

[275] В Бухене обнаружен фрагмент стелы от 35-го года правления Тутмоса III, но он настолько мал, что о содержании надписи сказать ничего нельзя (Британский музей 1021, HT V, 1914, pl. 36, см.: Redford, LÄ VI, 543 и n. 52). О Тутмосе III в Бухене см. также: PM VII, 131–138; Caminos, 1974, index; H. Smith, 1976, index. — Отсюда же происходит статуя Тутмоса III, хранящаяся во Флоренции: Habachi, 1969b, 175–178.

[276] Vercoutter, 1973, 11, 13, 19; 1986 Vercoutter, *apud* Gratien, I, 13. — Другие многочисленные свидетельства о деятельности этого чиновника не датированы. См.: Habachi, LÄ III, 631–632; Dunham, Janssen, 1960, 118.

[277] Van Siclen, 1982a, и PM VII, 65–73. — Вопрос о том, велись ли работы одновременно двумя этими царями, связан с проблемой их соправления.

[278] PM VII, 145–149, 152–154; Dunham, Janssen, 1960, 8–9; 116–122.

[279] PM VII, 41; Donadoni, 1962. — Блоки из Кубана были найдены в Дакке; возможно, именно они опубликованы в Farid, 1979.

(Derchain, 1970, 25; Vanlathem, 1987; Van Siclen, 1987b), Тоде (Desroches Noblecourt, 1984a), Арманте (Mond, Myers, 1940, passim). О строительстве в Медамуде сохранилось свидетельство начальника работ Тутмоса III Минмоса, который называет также Асьют, Афтих и многие города Дельты, где почти не осталось следов деятельности этого царя (Urk. IV, 1441–1444; Redford, LÄ VI, 547, n. 65)[280]. Остатки памятников времен Тутмоса III обнаружены в области Ахмима (Kuhlmann, 1983, 22) и в Великом Гермополе (Spencer, 1989, 60); в Гелиополе найдены его обелиски[281]. В Эсне и Дендере еще в греко-римскую эпоху помнили о том, что Тутмос III принимал участие в жизни храмов (Sauneron, 1952, 37; Daumas, 1973, 13, 17–20). Лучше других сохранились памятники Тутмоса III в Фивах, главным образом в Карнаке: шестой и восьмой пилоны, пять обелисков, геральдические колонны и прилегающие к ним залы, беседка на берегу священного озера, храм Ахмену[282], различные памятные надписи (Nims, 1969). На левом берегу еще в первые годы правления царь начал строительство своего «заупокойного» храма Хенекет-анх, которое затянулось на долгие годы (Redford, LÄ VI, 543 и n. 71–73).

Несмотря на множество памятников, нельзя сказать, что Тутмос III оставил такой же след в искусстве, как Хатшепсут. Храм Ахмену хорошо сохранился, но его рельефы традиционны как в стилистическом, так и в тематическом плане и, как правило, носят ритуальный характер. Следует признать, что судьба не была благосклонна к памятникам этого царя: так, от его «заупокойного» храма сохранились лишь остатки кирпичной кладки среди множества обломков.

Окружение царя

Тутмос III был окружен целой плеядой личностей, игравших определенную роль в жизни страны. Степень их влияния мы зачастую оцениваем по великолепию оставленных ими памятников. Так, визирь Рехмира, унаследовавший должность у своего дяди визиря Аменусера после 28-го года и заставший начало правления Аменхотепа II, соорудил себе гробницу, исключительную как по своим размерам (особенно по высоте осевого зала), так и по богатству оформления. Помимо изображений, графическая и живописная манера которых выглядит строгой, почти суровой, в гробнице сохранился текст, посвященный обязанностям визиря[283]. Создается впечатление, что при первых фараонах Нового царства эта должность принадлежала членам одной семьи (Van den Boorn, 1988, 368–370). Визирь оставался ключевой фигурой государственной администрации. В рассматриваемую эпоху царь впервые разделил функции визиря между двумя носителями этой должности (Martin-Pardey, LÄ VI, 1228).

---

[280] Сомнительный вывод о существовании памятников Тутмоса III в Библе и Газе был сделан на основании надписи Минмоса (см.: Vandersleyen, 1994a).

[281] Ныне хранятся в Лондоне и Нью-Йорке — Urk. IV, 589–594; Habachi, 1977, 164–182. На 47-м году вокруг храма в Гелиополе была возведена крепостная стена: Urk. IV, 832; Radwan, 1981.

[282] Albouy et al., 1989, 66–69. — О западном обелиске седьмого пилона, ныне хранящемся в Стамбуле, см.: Traunecker, 1982b.

[283] Van den Boorn, 1988. — «Обязанности визиря» известны также в двух вариантах времен XVIII династии — в гробницах визирей Усера (=Аменусера, TT 131) и Аменемопе (TT 29) и в редакции времен XIX династии — в гробнице визиря Пасера (TT 106).

Свидетельства сохранились не только о визирях, но и о многочисленных чиновниках (Helck, 1958a, passim). Больше всего поражает отсутствие специализации среди представителей этой своего рода интеллигенции, окружавшей царя. Три стольника царя, участвовавших в восьмой кампании (33-го года), занимали и многие другие должности. Минмос был начальником строительных работ, начальником стад Амона, начальником жрецов Монту в Фивах, губернатором и вельможей. Ментуиуи являлся хранителем сокровищ. Иамунеджех был первым докладчиком и кроме того, начальником царских работ — на этом поприще он установил немало обелисков; дни свои он закончил в должности начальника стражи (Beinlich-Seeber, Shedid, 1987, 108–111; Polz, 1991). Менхеперресенеб отвечал за установку обелисков и был главным жрецом Амона (Polz, 1991, 284–285).

Аменемхеб продолжал делать военную карьеру. Как и многие другие доверенные лица царя, он был допущен в его личные покои и носил титул «отрок Капа» (Seipel, LÄ II, 991–992; Feucht, 1985). Аменемхеб достиг очень высоких чинов и получил право носить четыре высоких титула — «вельможа, губернатор, канцлер, единственный друг». Однако истинным предметом его гордости был титул «боевого соратника» Тутмоса III, а затем и юного царевича Аменхотепа II, на кормилице которого Аменемхеб женился. Военная деятельность Аменемхеба, не столь рутинная, как у остальных, вдохновила его, как некогда Яхмоса сына Абана, на сочинение длинной автобиографии (Urk. IV, 889–925; J. Harris, 1976).

СЕМЬЯ ТУТМОСА III. НАСЛЕДОВАНИЕ ТРОНА

У Тутмоса III была только одна сводная сестра, Нефрура, но супругой царя она не стала. Жены царя изображены в его гробнице (PM I, 553, колонна A *b* II): это Сат-ях и Меритра-Хатшепсут, «старшие жены царя», а также Небету, о которой мы ничего больше не знаем[284]. На 24-м году правления Тутмос III еще не был женат. Имя первой старшей жены Сат-ях было вставлено вместо имени «супруги бога», которая изображена на стеле, найденной в храме Птаха в Карнаке (Каир CG 34013); стела эта была изготовлена по возвращении царя из первой кампании 23-го года. Сат-ях никогда не носила титул «супруга бога», а значит, изначально на стеле была изображена не она (Vandersleyen, 1971, 219–223). Сат-ях была дочерью царской кормилицы Ипу (Mariette, 1869, I, pl. 53b) и скончалась раньше своего мужа[285]. Нет никаких свидетельств, доказывающих, что именно она была матерью «старшего сына царя Аменемхета», известного только из большой надписи в храме Ахмену. Надпись эта сильно повреждена, и внутреннюю хронологию изложенных в ней событий восстановить невозможно (Urk. IV, 1262; von Beckerath, 1981, 41, n. 4).

[284] Однако нам известен дворцовый управляющий этой царицы Небамон: Urk. IV, 147, 12; 150, 16.

[285] В царской гробнице она единственная из трех жен, кто носит эпитет «правогласная»; по-видимому, она скончалась прежде остальных цариц. Об этой царице см.: Gitton, 1984, 73–74.

Матерью наследника, будущего Аменхотепа II, стала вторая жена царя. Он взошел на престол в 18-летнем возрасте, а следовательно, Тутмос III женился на его матери до 36-го года своего царствования. Второе имя Меритра — Хатшепсут, но это не означает, что она была родственницей дочери Тутмоса I (Gitton, 1984, 75–84). У Меритра была дочь по имени Меритамон (Robins, 1982b). Помимо Аменемхета нам известны еще два сына Тутмоса III — Тутмос и Менхеперра (Der Manuelian, 1987, 173). Были у Тутмоса и другие жены — вероятно, азиатского происхождения, — они стали известными благодаря принадлежавшим им золотым и серебряным украшениям (Winlock, 1948; Schulman, 1979, 182–183; Redford, LÄ VI, 544 и n. 101).

Процарствовав 53 года и одиннадцать месяцев, фараон скончался. Сын похоронил его в Долине царей, где была погребена и Хатшепсут. Тутмос III построил несколько гипогеев (включая собственный), перезахоронив в одном из них своего деда Тутмоса I, покоившегося ранее в гробнице Хатшепсут; еще один предназначался для его супруги Меритра-Хатшепсут (Долина царей, № 42). Несмотря на столь продолжительное царствование, его гробница, вырубленная высоко в скале, осталась незаконченной. Ее отделка, по-видимому, была завершена уже после того, как туда поместили мумию фараона (Долина царей, № 34; Romer, 1975).

Глава VI
АМЕНХОТЕП II.
Ок. 1424–1398 годов до н. э.

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ АМЕНХОТЕПА II И ХРОНОЛОГИЯ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Как сообщает сам Аахепрура Аменхотеп II[286] в надписи на Стеле Сфинкса (Urk. IV, 1279, 10), он занял трон восемнадцати лет от роду. Случилось ли это после кончины его отца или же царевич Аменхотеп был возведен в царское достоинство самим Тутмосом III и правил вместе с отцом в последние годы его жизни? Большинство исследователей склоняется к версии соправления[287].

Одним из самых основательных доводов в ее пользу считается наличие двух различных дат

[286] Об этом царствовании см.: Hornung, LÄ I, 203–206; Der Manuelian, 1987 (в этой главе далее указывается «Der Manuelian» и номер страницы). Van Siclen, Studies in the Reign of Amenhotep II, dissertation, Univ. of Chicago (готовится к печати).

[287] Hornung, LÄ I, 203; Murnane, 1977, 44–57; Der Manuelian, 19–40. Исключительное мнение: Aldred, 1967, 3–4, о том, что все цари XVIII династии, кроме, может быть, Тутмоса IV и Тутанхамона, в течение какого-то времени делили власть с юным наследником. Против версии о соправлении Аменхотепа II см.: Krauss, 1978, 173–175.

восшествия царя на престол, отмеченных в двух источниках. Согласно жизнеописанию Аменемхеба, сопровождавшего в походах Тутмоса III и его преемника, Тутмос III скончался в последний день 3-го месяца *перет* (Urk. IV, 895, 16; Der Manuelian, 20, n. 3). Из этого можно сделать вывод, что Аменхотеп II занял трон в первые дни 4-го месяца того же сезона. На найденной в Семне стеле вице-короля Нубии Усерсатета повествование начинается с 23-го года правления Аменхотепа II, первого дня 4-го месяца *ахет*. После этой даты, но без явной связи с ней, если не считать общего контеста, стоит сообщение: «День (годовщина) празднования восшествия на престол» (Urk. IV, 1343, 10; Der Manuelian, 21, n. 5). Это расхождение объяснялось тем, что соправление длилось не менее четырех месяцев, к которым можно добавить год или два (Hornung, LÄ I, 203 и n. 5). Между тем С. Олдред допускает, что к этим месяцам можно добавить и 3 года. Так как никому не дано предвидеть собственную кончину, сам факт того, что расхождение в точности равно длине сезона, вызывает подозрение и заставляет думать, что в одной из двух дат сезон указан ошибочно. И все же нет никаких оснований считать, что неточность содержится в частной надписи Аменемхеба, а не на официальной стеле Усерсатета[288]. Так или иначе, поскольку совпадение дня и месяцев в обеих датах может быть случайным, стоит рассмотреть возможность соправления, в пользу которой говорят косвенные доказательства. П. Дер Мануэлян полагает, что к данной проблеме имеют отношение 48 памятников, но на самом деле лишь два из них имеют ценность. Ни один из источников не содержит ни двойной даты, ни даже указаний на совместное правление[289]. Многочисленные изображения обоих царей вместе, скарабеи и надписи, на которых картуши царей объединены, ничего не доказывают (Jaeger, 1982, 42–44), а демонстрируют разве что глубокое уважение Аменхотепа II к памяти отца[290].

Торжественный стиль сообщения Аменемхеба о переходе престола к Аменхотепу II не позволяет говорить ни о каком соправлении: «Итак, царь отслужил свое время, много прекрасных лет, полных отваги, силы, триумфа, от первого до 54-го года последнего дня 3-го месяца *перет*, как его Величество, царь Верхнего и Нижнего Египта, Менхеперра (Тутмос III), правогласный. И удалился он к небесам, воссоединившись со светилом, и тело бога (то есть царя) слилось с телом того, кто его создал. После того как утром осветилась земля, светило начало подниматься, так что небо стало ослепительно ярким, а царь Верхнего и Нижнего Египта Аахеперкара, сын Солнца Аменхотеп, бог, который правит Фивами, да живет он вечно, утвердился на троне своего отца, (соколом) сел

[288] Стела Усерсатета (Urk. IV, 1343–1344; прорисовка: Der Manuelian, 157) содержит копию частного письма Аменхотепа II к его другу детства, ставшему вице-королем Нубии. Можно задаться вопросом, стоит ли связывать дату с упоминанием праздника, которое тотчас за ней следует, и с чем именно соотносится эта дата: с днем написания письма царем или с днем нанесения надписи на стелу?

[289] Самый трудный для интепретации в этом плане памятник — храм в нубийской Амаде (издание CEDAE, 5, 1967), где изобразительные ряды везде, за исключением колонн Тутмоса IV, словно умышленно разделены между Тутмосом III и Аменхотепом II (ср.: Murnane, 1977, 54–57). Нередко на двух уровнях одной стены присутствуют изображения двух царей — Аменхотепа II наверху и Тутмоса III внизу. Между тем, если проекты храма и его отделки были утверждены одновременно, симметрия изображений и их распределение должны были быть выражены еще четче. Не исключено, что Аменхотеп II просто завершил отцовский проект. В любом случае памятник выглядит неоднозначным.

[290] Сторонники версии о соправлении указывали на тот факт, что Аменхотеп II провел в Азии две различные кампании, но обе были названы «первыми». См. об этом ниже, с. 300.

на царскую твердыню (*srḫ*/*серех*) и завладел властью». Рассказ о воцарении украшен метафорой: сын Солнца — новое Солнце — восходит на небе ясным утром в день, следующий за днем кончины прежнего царя! Историчен ли этот столь поэтичный текст? С другой строны, разве он не великолепен своей ясностью? Есть лишь один аргумент против даты, указанной в надписи Аменемхеба, — надпись Усерсатета.

Датировка Аменемхеба между тем подтверждается другими данными. Второй поход Аменхотепа II в Азию начался на 25-й день 3-го месяца *ахет*. После взятия нескольких городов упоминается годовщина восшествия Аменхотепа II на престол, но конкретная дата не указана. Следует выяснить, какая из дат лучше соотносится с хронологией похода. Если годовщина приходится на первый день 4-го месяца *ахет*, как следует из надписи Усерсатета, то она соответствует седьмому дню похода. Даже если принять за дату начала похода (25-й день) не сам выход из Египта, а взятие первого города, то перемещение войск и вышеупомянутые завоевания[291], как мне кажется, невозможно вместить в этот семидневный промежуток. В то же время «первый день 4-го месяца *перет*» — дата, полученная путем прибавления четырех месяцев, в течение которых состоялась кампания — выглядит достовернее (см. ниже, с. 304). Поэтому, как мне представляется, доводы в пользу даты, указанной Аменемхебом, выглядят солиднее.

Если соправления не было, Аменхотеп II должен был родиться на 35–36-м году правления Тутмоса III, чей возраст на тот момент, вероятно, составлял около 40 лет. Меритра-Хатшепсут, мать Аменхотепа II, была второй главной женой царя, заняв место скончавшейся Сат-ях. Что происходило в царской семье между 24-м и 35–36-м годами правления Тутмоса III, мы не знаем. В это время у него могли родиться и другие сыновья, каждый из которых был старшим, а затем умирал, ведь в те времена детская смертность была очень высока. Ко времени восшествия на престол Аменхотеп II был старшим из выживших сыновей Тутмоса III.

На Стеле Сфинкса Аменхотеп с удовольствием повествует о некоторых событиях своей юности и особенно о нежной любви, которой окружил его отец. Это вполне объяснимо: Тутмос III обрел наконец наследника в том возрасте, когда мог уже быть дедом, и наблюдал за взрослением и воспитанием своего отпрыска. Наследнику еще не исполнилось двенадцати лет, когда Тутмос III прекратил военные походы. На стеле (Urk. IV, 1276–1282; Chr. Zivie, 1976, 64–89; Chr. Zivie, 1980) вплоть до 11-й строки идет длинная, напоминающая молитву, преамбула, где в традиционных ритуальных выражениях прославляется монархия. После этого уже простыми словами рисуется Аменхотеп II, каким он был в 18 лет, при восшествии на престол. Он был прекрасно подготовлен к исполнению царских обязанностей — воин, всадник, лучник, бегун, гребец и рулевой, хорошо разбиравшийся в технической стороне дела: так, он лично проверил 300 луков, чтобы убедиться в их прочности. Лук он натягивал с необычайной силой, обладать которой мог только царь[292]. Дальше Аменхотеп II говорит о тех временах,

[291] Между тем эту хронологию принимает П. Дер Мануэлян (Der Manuelian, 73).

[292] Об атлетических упражнениях царя написано очень много. Подробное исследование содержится в книге Manuelian, 191–213. Декер (Decker, 1977) считал, что они были частью церемонии коронации — предположение, опровергнутое в статье Chr. Zivie, 1980. Описанные в этих текстах деяния неосуществимы (царь будто бы пронзал стрелами медную мишень, причем так, что они торчали наружу или даже падали с другой стороны), что доказано в работе Decker и Klauck, 1974. Э. Эдель (Edel, 1979) напоминает о том, что похожее деяние уже приписывалось Тутмосу III, а затем будет

когда он был еще не царем, а наследником-*jnpw*/*инпу* (Urk. IV, 1281, 8). Его тогдашней страстью, затмевающей все прочие, были лошади. Страсть эта захватила его, когда он еще был слишком мал для участия в войнах. Об увлечении наследника сообщили Тутмосу III, и он счел это знаком того, что Аменхотеп станет прекрасным царем. Отец велел предоставить мальчику коня (или упряжку), чтобы ухаживать за животными и дрессировать их, а впоследствии, возможно, передал в его ведение всю конюшню. Юный царевич обучал своих коней на плато Гиза, возле пирамид Хеопса и Хефрена. Став царем, он воздвиг там храм в память о полных радости часах.

Привязанность отца к сыну была взаимной, о чем свидетельствуют и данный рассказ, и тот факт, что на свитке Книги мертвых, найденном в гробнице рядом с мумией Тутмоса III, сохранилось посвящение Аменхотепа II (Breasted, AR II, § 807). Кстати, стела не содержит никаких намеков на соправление.

Очевидно, восшествие на престол нового царя состоялось в Мемфисе, где он родился (согласно скарабею: Urk. IV, 1366 A) и жил[293]. Когда он впервые вернулся в Фивы, его принял правитель города, визирь Рехмира. Последний отправился, опережая царя, в Ху, столицу 7-м нома Верхнего Египта, примерно в 120 км к северу от Фив[294].

Царствование Аменхотепа II продолжалось 25 лет и 10 месяцев. Таковы точные сведения из манефоновского списка, переданные Иосифом Флавием (Manetho, 100–101). Об имени Мисфрагмутосис, которое ничем не напоминает ни одно из имен Аменхотепа II, но стоит вместо него, писал В. Хельк (Helck, 1956, 40). Продолжительность правления подтверждается и датой «год 26-й» на глиняном кувшине из заупокойного храма царя[295].

ВОЙНЫ АМЕНХОТЕПА II

Несмотря на то что Аменхотеп II питал склонность к военным занятиям, а последние 12 лет предыдущего царствования были в целом мирными, он не спешил отправиться в поход. Первая военная кампания в Азию была предпринята лишь на 3-м году его правления.

приписано Тутанхамону. В гробнице правителя Тиниса Мина есть сцена, в которой он обучает стрельбе из лука юного Аменхотепа: Der Manuelian, 200–202.

[293] Предположение о том, что любимым местом Аменхотепа II до восшествия на престол был Перунефер, военно-морской арсенал к югу от Мемфиса — что якобы соответствовало воинственному характеру царевича, — основывается на отождествлении (в данный момент вызывающем сильные возражения) царя и царевича Аменхотепа, который заведовал этим арсеналом (см. ниже, с. 313–314). Впрочем, Кенамон, ведавший делами в Перунефере, сообщает, что царь все-таки присутствовал там — на празднике с танцами и музыкой (Urk. IV, 1395–1396). Блок, на котором царь изображен преклоняющимся перед «Амоном, обитающим в Перунефере», найден в Бубастисе (Urk. IV, 1356, 3).

[294] Urk. IV, 1159, 10–1160, 14; PM I, 213 (17). К ведению правителя Фив относился и Ху, что засвидетельствовано также письмом Сеннефера: Caminos, 1963.

[295] Urk. IV, 1365, 18–20; Hornung, LÄ I, 203. Надпись на кувшине содержит только имя виноградаря и число лет; имени царя нет. Иногда царствование Аменхотепа II предлагали продлить до 35-го года, ссылаясь на упоминание праздников *сед* (Wente, Van Siclen, 1976, 218–221; предполагалось, что они должны были непременно отмечаться в первый раз на 30-м году и каждые три года после этого, то есть их упоминание равносильно указанию даты. Однако подобные автоматические расчеты не имеют под собой оснований, см.: Krauss, 1978, 169–172; Murnane, 1981b.

Военные походы Аменхотепа II, намного менее масштабные, чем у Тутмоса III, ставят перед нами каверзные вопросы. Первый из них заключается в том, сколько было походов в Азию — два или три. Принято считать, что их было три (Hornung, LÄ I, 204; Der Manuelian, 1987, 47–83): «первая кампания» на 3-м году правления, вторая (называемая также «первой») — на 7-м, и «вторая кампания» — на 9-м. Существование двух «первых кампаний», предпринятых в разное время, пытались объяснить ссылкой на факт соправления: в этом случае кампания 3-го года имела место еще при Тутмосе III, а после его кончины Аменхотеп II возобновил и завершил начатые при нем военные действия[296]. Наиболее простым и логичным ответом стал бы вывод о том, что «первая кампания» была только одна.

Между тем имеются факты, противоречащие этому. Первое противоречие связано с географией: кампания 3-го года, описанная на стеле из Амады, разворачивалась в азиатской области *tḫsj*/Тахси, известной уже при Тутмосе III, но этого названия нет на стелах Аменхотепа II, найденных в Мемфисе и Карнаке и рассказывающих о другой «первой кампании». Это противоречие не слишком существенное, ведь стела из Амады (Urk. IV, 1287–1299) была посвящена не военным деяниям, а работам в нубийском храме. Текст ее содержит краткое упоминание о походе в Тахси: сообщается лишь о пленении царем семи военачальников Тахси, которых он убил собственной рукой, после чего приказал повесить трупы шестерых из них в Фивах, а седьмого — в Напате (Urk. IV, 1301, 3, см. также ниже, с. 311). Стелы из Мемфиса и Карнака ставились с единственной целью — рассказать о военных походах. Но Тахси на них не упоминается, а между тем, хотя о географии этих войн нам известно еще очень мало, египетское войско, судя по описаниям на стелах, должно было пересечь эту область.

Второе затруднение связано с датой похода. Стела из Амады относится к 3-му году правления, а ее копия, найденная на Элефантине, была изготовлена на 4-м году. Стела из Карнака дат не содержит, а на мемфисской повествование ведется от 7-го года (Urk. IV, 1301, 3). Как соотносятся даты на этих стелах? На стеле из Амады датировка 3-м годом стоит отдельно, перед подробным перечислением титулов царя, за которыми следует торжественное восхваление правителя. Затем рассказывается о том, по поводу чего была поставлена стела, то есть о работах в храме Амады, — и упоминается военная экспедиция, причем уточняется, что стела была воздвигнута по возвращении из похода. По мнению У. Мёрнейна, 3-й год на стеле из Амады может быть годом, когда Аменхотеп II повелел начать работы, саму же стелу могли возвести значительно позднее, после 7-го года; так что были не две «первые кампании», а лишь одна — 7-го года (Murnane, 1977, 44–48). Надо признать, что дата на стеле из Мемфиса — 7-й год — напрямую связана с отправкой в поход. Уязвимость рассуждений У. Мёрнейна заключается в том, что дата на мемфисской стеле расположена в той ее части, которая была серьезно повреждена в Амарнский период; та дата, что мы видим сегодня, — результат реставрации при Рамессидах. Так или иначе, представляется более правдоподобным, что была только одна «первая кампания», целью которой стала Азия, и состоялась она скорее на 3-м, чем на 7-м году. Иначе как объяснить дату на элефантинской копии стелы? Более того, в надписи от 4-го года правления Аменхотепа II сказано (Urk. IV, 1448), что стольник Минмос воздвиг для царя стелу в Нахарине. Это могло произойти

[296] Это наиболее распространенное мнение; см.: Yeivin, 1967 и Rainey, 1973.

только в течение «первой кампании», до 4-го года, и нет никаких оснований полагать, что речь идет о военных предприятиях Тутмоса III. Все это говорит в пользу датировки первого похода Аменхотепа II 3-м годом его правления.

Две азиатские кампании, «первая» от 3-го года и «вторая» от 9-го, разительно отличаются друг от друга[297]. Топонимы в описании кампании 9-го года, вероятно, следует локализовать в Центральной Палестине — между Афеком, в 15 км к северу от Яффы, и Анахарафом, на полпути от Назарета до южной окраины Генисаретского озера. Топонимы первой кампании в большинстве своем шире неизвестны, а пункты, с которыми их предлагают отождествить, часто находятся на таком расстоянии друг от друга, что вряд ли могли располагаться в одном районе. При сравнении составленных современными учеными карт[298] поражает несоразмерность маршрутов: во время первой кампании совершались колоссальные переходы между значительно удаленными друг от друга пунктами, вторая же проводилась на крайне ограниченной территории.

Разногласия между учеными начинаются уже с вопроса о том, откуда войско отправилось в первый поход, чтобы «расширять владения (царя) и вознаградить тех, кто ему предан» (Urk. IV, 1301, 16). Первым достигнутым — и тотчас же взятым — городом стал Шемшу-Итум (иероглифическое написание топонима Шамаш-Эдом); скудость добычи заставляет предполагать, что город был очень невелик. «Локализация его выглядит самой спорной, если говорить о городах, затронутых данной кампанией» (Der Manuelian, 59).

Географический ориентир дает стела из Карнака. Текст на ней схож с надписью на значительно лучше сохранившейся стеле из Мемфиса, хотя и не тождествен ей (сравнительный анализ этих текстов: Helck, 1977c). Мы узнаем, что 26-го дня первого месяца *шему* царь вброд перешел Оронт (Urk. IV, 1310, 18 и Urk. IV, 1302, 7; Vikentiev, 1949); начальная же дата на стеле из Мемфиса — 25-й день того же месяца. Если именно тогда был и взят Шамаш-Эдом, то он находился не дальше, чем в одном дне пути от Оронта и недалеко от Катны, так как, согласно Карнакской стеле, сразу после переправы через реку царь встретил всадников или колесницы из Катны (Urk. IV, 1311, 4–5). Шамаш-Эдом помещали также в Галилее, чуть западнее Генисаретского озера (Aharoni, 1960, 177–181). Это предположение имеет под собой основания только в том случае, если сведения на обеих стелах недостоверны. Действительно, обе они были повреждены в Амарнский период и восстановлены при Рамессидах. Запись названия реки на стеле из Карнака, которое мы читаем как Оронт — первое его упоминание в фараоновских источниках, — не совпадает с написанием слова «Оронт» в рассказе о битве при Кадеше, составленном при Рамессидах. Там стоит *jrnt/ирент*, здесь же — *jrst/ирест*[299] в одном случае и *jrbtw/иребту* — в другом; последнее можно также считать корректурой времен Рамессидов (Urk. IV, 1311, 1). На Мемфисской стеле стоит вариант *jrntw/ иренту*, но и здесь видны следы рамессидской реконструкции. Название Оронт в принципе не встречается в источниках времен Аменхотепа II. Упоминание города Катны на Карнакской стеле — единственное в этот период, которое могло бы подтвердить отождествление реки с Оронтом — не доказывает ничего, поскольку

[297] Обстоятельное исследование стел из Мемфиса и Карнака: Edel, 1953.

[298] Helck, 1971, 162; Aharoni, 1979, Map 10; Der Manuelian, fig. 19 (p. 68–69), 21 (p. 78–79).

[299] Вопреки Urk. IV, 1310, 18. Верное прочтение: Der Manuelian, 60, n. 71.

воины идут из Катны, а не находятся в Катне. Сам этот город пока еще не локализован достаточно надежно, а кроме того, нельзя исключать возможность омонимии. На обеих стелах всадники названы *sṯtjw*/*сечетиу*, то есть кочевники, которых обычно встречали далеко на юге.

В этот момент — после форсирования реки и короткой схватки, — царь повернул к югу, в сторону Египта, и пришел в Нию, население которого уже поджидало его за крепостными стенами. Там царь узнал о заговоре с целью изгнать египетский гарнизон из города под названием *jk3ṯj*/Икачи (многие авторы предполагают, что, несмотря на отсутствие «р», речь идет об Угарите[300]). Если считать, что Ния находилась рядом с Апамеей и болотами плато Габ (например, Astour, 1975, 819), расстояние между Нией и Угаритом, очевидно, будет невелико[301]. Но, как уже подчеркивалось, Ния находилась не вблизи Апамеи на Оронте, а значительно ниже по течению. К тому же прежний царь, Тутмос III, никогда не размещал в Угарите гарнизона; город этот ни разу не упоминается в его царствование, и царь к нему не приближался. Фактически мы не знаем, где располагался город Икачи, как и пять других названных выше городов.

Царь — продолжая двигаться на юг? — подошел к Кадешу, жители которого принесли клятву верности и присутствовали при демонстрации невероятных способностей царя, упражнявшегося в стрельбе из лука[302]. В каком месте это происходило? На Оронте — о котором, как мы видели, в тексте стелы не говорится — или недалеко от Кадеша в Галилее, расположенном у озера Хула?

После рассказа о Кадеше упоминается охота в лесу близ Ребиу (Vikentiev, 1949) и набег на Хашабу. Эти два города отождествляют с Лебо (ныне Лабве) и Телль-Хашбой, расположенными в долине Бекаа (Kuschke, 1958, 94–111; Ahituv, 1984, 131 и 115–116) в 25 км к северо-западу и в 16 км к юго-западу от Баальбека соответственно. Но возможно также, что речь идет о Лебо в 10 км к северо-западу от озера Хула и о Хасбайе в 25 км к северу от того же озера (North, 1970–1971, 100). В этом случае расстояние между двумя городами составляет более 100 км: вместо того чтобы находиться на широте Бейрута, они оказываются на широте Тира! В свое время А. Х. Гардинер предположил, что Хашабу располагался «на побережье между Кармелем и Яффой» (Gardiner, 1961, 202, n. 3) и что этот топоним присутствует в списке Тутмоса III между Анахарафом, городом в Галилее, и Негевом (Simons, 1937, № 52–57). Добавим, что Шамаш-Эдом стоит в этом списке перед Анахарафом.

Мы обращаем внимание на эти серьезнейшие разногласия и колебания, чтобы напомнить, насколько общепринятые идентификации сомнительнее, чем кажется на первый взгляд. Теперь вернемся к Тахси, единственному топониму, упомянутому на стеле из Амады, но отсутствующему в рассказах о «первой кампании» на стелах из Мемфиса и Карнака. Как правило, Тахси связывают с Кадешем; А. Гардинер пишет, что город, должно быть, находился «на измеримом расстоянии от Кадеша (60–80 км) и скорее

---

[300] Так считали Гардинер, Хельк, Гивеон, Ахарони, Дер Мануэлян. Астур решительно отвергал это отождествление: Astour, 1981, 13–14.

[301] Примерно 80 км по прямой через горы. Астур (Astour, 1975) доказывает невозможность проведения военного рейда Оронт — Угарит — Оронт.

[302] Сильно поврежденная царская стела, найденная в Коптосе, содержит явные намеки на одну (?) азиатскую кампанию, во время которой царь устроил подобную демонстрацию. Идет ли речь о той самой кампании (Urk. IV, 1317–1318; особенно стр. 11)?

к югу, чем к северу» (AEO I, 151*). Последнее замечание очень любопытно: оно родилось из версии Гардинера о том, что упомянание Тахси воином Аменемхебом при Тутмосе III относится к году «перехода через Евфрат», а Кадеш, о котором идет речь, — это Кадеш на Оронте. Я продемонстрировал, что никакого перехода Евфрата не было и можно почти определенно утверждать, что Кадеш, связываемый с Тахси, — это Кадеш в Галилее, находящийся значительно южнее. Территория, описываемая в рассказе о «первой кампании» на стеле из Амады, вполне может совпадать с той, которая описана на двух других стелах. Тахси располагался где-то в окрестностях Генисаретского озера. Напомним, что в хеттских архивах название Тахси ни разу не встречается.

Сразу после упоминания Хашабу говорится, что царь направляется в Египет через хорошо известную равнину Шарон — прибрежную область к югу от Кармеля. Именно на этой южной равнине царь встретил гонца от князя Нахарины с привязанным к шее «глиняным письмом»; гонца взяли в плен, но ни о содержимом письма, ни о его адресате не сообщается. Царь на колеснице покинул город (?) Сибини в сопровождении пленного «марианну» (видимо, плененного гонца), который также был на колеснице[303], и направился к Мемфису. Нет ничего удивительного в том, что гонец из Нахарины находился на равнине Шарон: Нахарина располагалась не между Тигром и Евфратом, как все еще нередко указывается, а, вероятнее всего, между Оронтом и Литани, менее чем в 100 км от равнины.

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе первой кампании царь не достиг ни Угарита, ни средней долины Оронта; военные действия ограничились широтой озера Хула и города Тира. В целом эта кампания была менее значительной, чем вторая.

Второй поход в Азию начался на 9-м году, в 25-й день 3-го месяца *axem*. В этот сезон походы обычно не начинали: не исключено, что возникла необходимость немедленного вторжения (Alt, 1954, 43–44 и n. 39). Царь отправился в Речену, точнее к городу Афек в Галилее, который, возможно, он захватил, хотя об этом и не сообщается. Затем царь напал на *jḥm*/Йехем (никаких подробностей об этом не приводится), разграбил деревни *mpsn*/Мапасин и *ḫtṯn*/Хатичен к западу от *s3k3*/Соко. Царь въехал туда на колеснице и взял много пленников — именитых жителей с женами и детьми, — а также внушительную добычу[304]. В те дни царь, отдыхая, увидел сон, в котором Амон говорил с ним, — это предвещало великие достижения. Наутро царь отправился в путь и взял много пленников в *jtwrn*/Итурине и *mktrnt*/Мектиринете. Далее следует довольно темная история о двух рвах, заполненных огнем (?), — возле них царь, бодрствуя,

[303] В египетском тексте на стелах (Urk. IV, 1304, 10, 1305, 1, 2, 10, 17, 1306, 3, 1311, 4, 1312, 3) при упоминании «колесницы» употребляется предлог «на», и стоит он не перед словом, а перед идеограммой коня, словно речь идет о верховой езде. Между тем, даже если у египтян имелась настоящая кавалерия (A. P. Zivie, 1985), например в Азии (Rommelaere, 129), верховые лошади были редкостью по сравнению с конскими упряжками, а езду верхом в ту эпоху освоили еще недостаточно, чтобы использовать все ее преимущества (Rommelaere, 1991, 124–127). Наконец, царь никогда не изображался верхом на коне. Иероглиф «конь» должен читаться *ḥtrj*, как явствует из полных иероглифических написаний (Urk. IV, 1303, 2, 1306, 9, 1723, 14); так обозначали колесницу, одну или вместе с лошадьми. Доказательство того, что изображение одного коня может означать «колесницу», можно найти на рельефе, где Аменхотеп II изображен стреляющим из лука (Музей в Луксоре J 129 = № 88), стоя на колеснице. Надпись гласит, что он подобен «Монту, когда тот появляется на колеснице (*ḥr ḥtrj*)» (Urk. IV, 1321, 20). Кони без колесниц на карнакской стеле называются *ssmt* (Urk. IV, 1311, 15, 1315, 17).

[304] Трофеи, захваченные в ходе этой кампании, в своей совокупности выглядят неправдоподобно. См.: J. Janssen, 1963.

провел ночь. Сделано это было то ли для того, чтобы окружить пленников и не дать им сбежать, то ли с целью сжечь их заживо[305], — мнения на этот счет расходятся. На следующий день — в годовщину своего восшествия на престол — царь разграбил *jnjwḫrt*/Анахарту[306] и достиг окрестностей Мегиддо (Aharoni, 1960, 181–183; Rainey, 1981, 62*), где к нему привели местного князя, плененного со всей семьей. Аменхотеп II тотчас же сделал князя своим вассалом и поставил его во главе города, а затем возвратился в Мемфис.

Хронология кампании имеет ценность для определения даты воцарения Аменхотепа II (см. выше, с. 298). По П. Дер Мануэляну, это произошло в первый день 4-го месяца *ахет*, а дата начала кампании — 25-й день 4-го месяца *ахет* — соответствует приходу войска в Афек, а не его выходу из Египта. Он добавляет один день на взятие города, считая при этом, что Анахарта была захвачена в первый день 4-го месяца *ахет*. Учитывая расстояние и время, годовщина восшествия на престол приходится на один из дней сезона, расположенный между этими событиями. Это предположение представляется мне надуманным по нескольким причинам[307]. Во-первых, мы должны a priori принять, что 25-й день 3-го месяца *ахет* соответствует взятию Афека, а не выходу войска из Египта. Далее, следует учитывать пройденное расстояние (между Афеком и Анахарафом — примерно 100 км по прямой) и численность воинов, совершавших переход. Необходимо также понять, начинается ли «второй день» после взятия Мектиринета утром, после окончания царской стражи, или нет. Если бы даже все это было известно и работало на версию П. Дер Мануэляна, следовало задать вопрос, почему в кампании, оказавшейся для армии невероятно изнурительной, царь одержал удивительно быстрые победы. Если же его восшествие на престол состоялось в первый день 4-го месяца *перет*, тогда мы получаем дополнительные четыре месяца. Это не слишком много, если помнить, что пешее войско, которому нужны провиант и места для расквартирования, проходит без сражений не более 30 км в день. Следует принимать во внимание и вторую дату, указанную на стеле из Карнака и, возможно, также относящуюся ко второй кампании. На обратном пути 27-го дня неизвестно какого месяца *шему* (Urk. IV, 1315, 10–12) царь покинул находящийся недалеко от Мемфиса Перунефер, чтобы отвезти добычу в Мемфис. Если годовщина воцарения состоялась в сезон *перет*, между окончанием набегов и приходом в Мемфис прошло не менее двух месяцев — срок, достаточный для того, чтобы привести войско и переправить огромную добычу из Ездрелонской долины. Если же годовщина приходилась на сезон *ахет*, получается, что возвращение из приблизительно недельного похода длилось шесть месяцев — диспропорция слишком велика.

Согласно надписи на мемфисской стеле, по окончании кампании 9-го года главы трех государств, узнав об успехах Аменхотепа II, преподнесли ему дары[308], дабы полу-

---

[305] Мнение Викентьева (Vikentiev, 1949). Перевод всего этого отрывка сомнителен.

[306] Это Анахараф, который, согласно Библии, был расположен в Галилее, на севере Ездрелонской долины, между Назаретом и южным краем Генисаретского озера (Aharoni, 1967). Вопреки П. Дер Мануэляну (Der Manuelian, 73) это город № 52, в списке Тутмоса III следующий после Шамаш-Эдома.

[307] Согласно Aharoni, 1960, 181, такая стремительность может объясняться отсутствием сопротивления царю.

[308] С целью объяснить, почему дары присылались независимыми государствами, здесь читают слово *bꜣk/бак*, а не *jnw/ину*, что исключает прочтение, предложенное в работе Müller-Wollermann,

чить от него «мир и дыхание жизни». В этой формулировке некоторые видят указание на заключение мирного договора[309]: тремя государствами были Нахарина, Хатти и Сангар (Urk. IV, 1309, 13). Два из них, Нахарина и Сангар, упомянуты также в письме Аменхотепа II вице-королю Усерсатету (Urk. IV, 1343–1344). Именно эти упоминания о Сангаре породили предположение о наличии в ту эпоху отношений между Египтом и Вавилоном (Brinkman, 1972, 274). Сангар, безусловно, не может быть отождествлен с Вавилоном: он находился намного западнее, вероятно в районе Оронта (см. выше, с. 285). Хатти — это хетты, которые, однако, обитали не только в Малой Азии, но также в Сирии и Палестине. Нахарина же, как точно известно, занимала территорию между Литани и Оронтом, а также, возможно, и другие регионы. Государства, заверившие Аменхотепа II в своей лояльности, должны были располагаться ближе к землям, по которым войско прошло во время второй азиатской кампании. Так как названия «Нахарина» и «Митанни» были почти взаимозаменяемы, возможно, именно митаннийское посольство имеется в виду в тексте карнакской стелы: «К нему идут князья Митанни, их дань (*jnw/ину*) на их спинах. Они просят мира у Его Величества, чтобы получить от него сладкое дыхание жизни. Это деяние, о котором не слышали со времен людей и богов: чужеземные страны, которые не знали о Египте, пришли умолять прекрасного бога»[310]. «Не знали» здесь означает «не имели прямых контактов». Название Митанни не впервые появляется в египетском тексте, но теперь наконец с этим государством были установлены дипломатические отношения.

Существуют и другие свидетельства военной деятельности Аменхотепа II, хотя они носят слишком общий характер. Это, например, найденные в Карнаке большие рельефы из красного гранита, на которых царь приводит к Амону пленников; известно лишь, что это были жители Речену[311].

В письме, написанном царем на 23-м году правления его давнему другу вице-королю Нубии Усерсатету, тому были оказаны такие знаки расположения, что он счел нужным воспроизвести текст письма на стеле[312]. Сам он стоит в арке перед царем, который восседает на возвышении; рядом с ним — лев. Усерсатет преподносит царю вино в огромном кувшине, а также золотые ожерелья, которые являлись главной статьей в поставках дани из Куша. Послание царь написал «своей собственной рукой», но тон письма очень сдержанный. В торжественной части царь употребляет несколько эпитетов, говорящих о его могуществе, и обращается к Усерсатету, называя его «удальцом, который захватывает добычу во всем чужеземье и сражается на колеснице за его Величество Аменхотепа, князя Гелиополя». После небольшой лакуны следуют названия различных местностей: Нахарина, Па-Хати, Сангар, Кабен, Алалах, Ирпех, Тахси и, наконец, земель нубийцев. Лакуны затрудняют толкование текста. Там, где заканчивается

1983. Но, возможно, это объясняется восстановлением данного фрагмента надписи в эпоху Рамессидов?

[309] Считая этот «договор» следствием похода 9-го года, его датируют уже следующим, 10-м годом: Bryan, 1991, 340; Van Siclen, 1986a, 1 и n. 5.

[310] Urk. IV, 1326. Нахарина, вне определенного контекста, упоминается в надписи в алебастровой часовне: Van Siclen, 1986a, 30–33, pl. 26.

[311] Ср.: PM II, 79k (Каир JE 36360); Zayed, 1985. Прорисовка: Der Manuelian, 81, по Zayed, 1985, pl. 2, p. 17.

[312] Urk. IV, 1343–1344; перевод: Helck, Urk. Üb.; Der Manuelian, 157–158.

лакуна в седьмой строке, видна часть знака, который сочли обозначением женщины (знак Gardiner B 1). Текст переводится следующим образом: «женщина из Сангара, слуга из Кабена, девочка из Алалаха, старуха из Ирпеха». Царь говорит то ли о разношерстном гареме, чтобы подшутить над Усерсатетом (см., например, Gaál, 1976), то ли о рабынях из того же гарема, приведенных вице-королем из походов, в которых он участвовал на стороне царя (Helck, 1955). Однако эта насмешка не соответствует общему тону письма, и фрагмент знака в седьмой строке, вероятнее всего, изображает мужчину — царя в головном платке-*хат* (знак Gardiner, A 41 или 42), или бога, или даже чужеземца (знак Gardiner, A 49). За фразой, которую можно прочитать как «старость Ирпеха», следует негативный отзыв царя о жителях Тахси — «ни на что не годных». Затем он обращается к Усерсатету как к вице-королю, призывая его не делать никакого снисхождения для жителей страны *нехси*, остерегаться этих людей и их колдунов, и дает несколько советов по управлению ими в соответствии с данной рекомендацией. Царь явно не склонен шутить, и поэтому уподобление азиатских государств женщине, слуге, девочке и старости вполне может отражать презрительное отношение царя к ним[313]. Этот пассаж, кроме того, содержит несколько топонимов, позволяющих судить о египетской ойкумене времен Аменхотепа II. О Нахарине и Сангаре уже говорилось выше; Па-Хати может быть необычным вариантом названия страны Хета, то есть хеттов, — третьим государством, которое заявило о желании заключить мир после кампании 9-го года правления Аменхотепа II. Кабену может соответствовать Библу на южном берегу реки Нахр-эль-Кебир; Алалах находился на излучине Оронта, на широте его устья. Ирпех не имеет аналогов в египетских текстах. Если отождествить его с Аррапхой близ Мосула, получится, что он располагается вне перечисленных в письме областей; никаких других подтверждений этой версии нет[314]. Так или иначе, Алалах, Сангар, Хатти и Библ не были завоеваны царем и могли поддерживать с Египтом только торговые или дипломатические отношения.

Временем царствования Аменхотепа II принято датировать еще более необычные документы — письма на клинописных табличках, повествующие об отношениях между верховной египетской властью в Палестине и местными князьями. Два из них найдены в Таанахе, одно — в Гезере[315]. Послания содержат распоряжение князю Таанаха относительно снабжения войска, порицания князьям Таанаха и Гезера за то, что они не явились к представителю египетских властей и не принесли ему клятву верности, — хотя, как считают некоторые, этим представителем был сам фараон[316]. Эти документы вполне согласуются с политической обстановкой того времени, но датировку нельзя считать окончательной, а содержание мало что добавляет к тому, что мы знаем о египетской оккупации Палестины.

---

[313] Именно так толкуют этот отрывок на стеле А. Х. Гардинер и Д. Редфорд (Gardiner, 1961, 199; Redford, 1984, 32).

[314] В. Хельк (Helck, 1971) отвергает исправления, посредством которых этот топоним пытались восстановить в разных списках: Helck, 1971, 147, список Тутмоса III, № 318; Helck, 1971, 235, список Рамсеса III, № 34; Helck, 1971, 289, где он просто повторяет данные Готье (Gauthier, DNG I, 95).

[315] Der Manuelian, 83–90. Далее П. Дер Мануэлян приводит фрагмент иероглифической надписи, найденной в Галилее (Der Manuelian, 90–92).

[316] Malamat, 1961 (считает, что письмо из Гезера относится во временам Тутмоса IV); Weinstein, 1981b, 12–13.

В то время Нубия полностью контролировалась администрацией[317] во главе с вице-королем Усерсатетом (Habachi, LÄ III, 632, n. 10; Simpson, LÄ VI, 901–903; Dewachter, 1974), и от нее не исходило никакой военной угрозы. Мы не знаем, кто был предшественником Усерсатета в этой должности. Нет никаких сведений об управлении Нубией в период между последним упоминанием вице-короля Нехи на 25-м году правления Тутмоса III и единственным датированным источником об Усерсатете от 23-го года правления Аменхотепа II. Все, что мы знаем об их деятельности, относится к сфере торговли — точнее, к вывозу богатств с юга. Усерсатет явился в Фивы, дабы поднести эти сокровища царю; церемония, о которой он представил торжественный отчет, проходила в небольшом пещерном храме, вырубленном в Каср Ибриме, крутой скале, нависающей над Нилом (Caminos, 1968, 67, pl. 28, 32). В сильно поврежденной надписи трудно прочесть слова «войско» и «экспедиция», но ясно, что отправка каравана из 2549 носильщиков требовала военного эскорта, который обеспечивал безопасность и оказывал содействие в транспортировке груза. В составе дани не упоминаются рабы, если только сами носильщики по прибытии в Фивы не становились рабами; последнее маловероятно, так как у приговоренных к этой участи обычно связаны руки. Для одного только груза эбенового дерева выделили тысячу носильщиков. Нет оснований полагать, что колесницы — их несли 50 человек — являлись военной добычей. Жители Юга никогда не использовали их в военных целях, и речь, видимо, идет о колесницах, изготовленных из нубийской древесины (Caminos, 1968, 68, n. 3).

Труп князя Тахси был повешен в Напате, а следовательно, этот город (здесь он упоминается впервые) (Wenig, LÄ IV, 343) был ключевым для данного региона; нет причин считать, что граница, установленная в Кургусе Тутмосом I и Тутмосом III, была нарушена.

НЕВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Международные отношения

Несмотря на продолжительное двадцатишестилетнее царствование Аменхотепа II, его военная деятельность по масштабу намного уступала тому, что наблюдалось при Яхмосе, Тутмосе I и Тутмосе III. Определенная пауза в военных предприятиях продолжалась вплоть до царствования Хоремхеба. Отношения с другими странами, если не считать военных кампаний, не поддерживались. Ввоз эгейских (микенских) ваз, вероятно, прекратился (Merrillees, 1972, 293–294). Никаких сведений о деятельности в оазисах до нас не дошло.

Что касается Нубии, то, как уже подчеркивалось, огромная экспедиция, об итогах которой докладывал царю вице-король Нубии Усерсатет, не имела военного характера и, похоже, была исключением. В цитадели Каср Ибрима, за пределами храма, вырубленного в скале вице-королем, был найден дверной косяк с именем царя (Plumley,

[317] J. Müller, 1982. — Вице-короля поддерживали некие «доверенные люди», которые могли быть местными князьями. См.: Dewachter, 1976a, Morkot, 1991, 299.

1979, 128). Аменхотеп II был последним, кто уделял внимание этой местности, а значит, военное присутствие в Нубии больше не требовалось. Следы деятельности Рамессидов в Каср Ибриме незначительны (Plumley, 1979, 128–129).

В одной безымянной гробнице — судя по стилю, тоже относящейся к царствованию Аменхотепа II (TT 143, ср.: Wegner, 1933, 117; Der Manuelian, 96) — изображена экспедиция в Пунт. Мы видим странные плоты, предназначенные скорее для спокойных вод озера или реки, чем для моря, в котором их долго хотели видеть некоторые исследователи[318].

Царь-строитель

То, что мы знаем о невоенной деятельности царя, сводится в основном к строительству. Имя Аменхотепа II встречается на многих памятниках Египта и Нубии, но нельзя утверждать, что он проявлял бурную активность в этой сфере[319]. Если не принимать в расчет ненадежные свидетельства — многочисленные блоки, использовавшиеся повторно, обычные стелы и косвенные данные о памятниках, от которых не осталось и следа, — окажется, что мест, где царь вел строительство, меньше, чем кажется на первый взгляд. По большей части он заканчивал начатое при отце, или попросту наносил на стены построек свои имена[320]. Примеры тому есть в Кумме, Уронарти, Амаде (Van Siclen, 1987a), Силсиле, Эль-Кабе, Тоде, Арманте, а также в Дейр эль-Бахри[321] и Карнаке.

Сам Аменхотеп II занимался строительством (Der Manuelian, 254–266) в Пнубсе, на острове Арго, возле 3-го порога (Jacquet-Gordon et al., 1969, 110), и ниже по течению Нила, на острове Саи[322], в Бухене и Каср Ибриме. Кроме того, в Египте обнаружены маленькое скальное святилище на острове Сехель, храм на Элефантине[323] и часовня в западной части этого острова, в Гебель Тингаре, посреди пустыни (Jaritz, 1981). На обширной территории от Северных Фив и до Гизы находки крайне скудны: фрагменты в Медамуде, заклад в фундамент в Дендере, обелиск и несколько блоков в Гелиополе. В Карнаке строительная программа была, видимо, более обширной — сад Амона, житница бога, дворец, храмы и часовни. Ныне о них напоминают лишь блоки, вновь использовавшиеся для строительства, особенно при Аменхотепе III, и гробничные сцены (Van Siclen, 1982b, 3). Плохая сохранность памятников отчасти объясняет

---

[318] См.: Säve-Söderbergh, 1946, 23–25, где высказываются сомнения относительно возможного плавания по морю.

[319] Список зданий, сооруженных им или приписываемых ему: Der Manuelian, Append. II, 253–268; для Фиванского региона более подробный перечень дает Ван Сиклен (Van Siclen, 1986a, append. 2, 44–45, 53–54). Ван Сиклен серьезно поспособствовал восстановлению — по крайней мере, на бумаге — многочисленных памятников, разобранных Аменхотепом II.

[320] Эта проблема касается всех памятников, которые, по мнению Ван Сиклена, были созданы в период предполагаемого соправления: Van Siclen, 1982a, 48–51.

[321] Сохранилась статуя коровы Хатор, защищающей Аменхотепа II, под сводом часовни Тутмоса III (PM II, 380). На самих рельефах часовни Аменхотеп II не упомянут (вопреки PM, 380, Shrine, 1), ср. Naville, 1907, 64, pl. XXVIII.

[322] На острове Саи от Аменхотепа II осталось наибольшее количество фрагментов без надписей после Аменхотепа I и Тутмоса III (Vercoutter, 1973, 21–23; 1974a, 32).

[323] Возможно, этот памятник времен Тутмоса III был завершен Аменхотепом II, как в Амаде (Van Siclen, 1982a, 50 L). К библиографии Дер Мануэляна следует добавить Junge, 1987, 26–39.

тот факт, что в наших глазах строительная деятельность царя не кажется масштабной. Только *хебседная* часовня между девятым и десятым пилонами осталась почти нетронутой[324]. Часовня из красного гранита и часовня из алебастра известны лишь по нескольким фрагментам (Der Manuelian, 258; Van Siclen, 1986a). На другом берегу Фив сохранилась царская гробница (№ 35 в Долине царей), но от заупокойного храма ничего не осталось (Der Manuelian, 264). В большинстве случаев мы имеем дело с постройками средней величины.

В остальном помимо переделки уже существующих строений, скажем замены рельефов восьмого пилона, созданных вместе с самим пилоном при Хатшепсут, или даже обыкновенной «узурпации» вроде вписывания имени царя поверх картуша Хатшепсут на воротах в Северном Карнаке (Der Manuelian, 259, внизу; Van Siclen, 1986a, 45 и n. 12) можно отметить лишь незначительные пристройки к существующим зданиям. Примером может служить часовня ладьи бога Амона в Карнаке, к которой пристроили временную алтарную часовню для религиозных процессий (Van Siclen, 1986b, 354–355). Возможно, работы по перестройке зала Тутмоса I между четвертым и пятым пилонами, вокруг обелисков Хатшепсут, а также по отделке улицы, ведущей от палат Тутмоса I к Ахмену, всего лишь завершали начатое при Тутмосе III.

Скудные сведения источников о строительных работах в Коптосе, Гермополе и Небеше в Дельте не подвергаются сомнению, хотя от этих построек ничего не сохранилось[325]. Храм Хармахиса в Гизе создан при Аменхотепе II. В Вади Хаммамат никаких следов строительной деятельности этого царя не обнаружено, а на Синае были найдены только колонна и несколько ритуальных предметов (PM VII, 351, 361).

Искусство при Аменхотепе II

Царствование Аменхотепа II стало переломным периодом для всех областей искусства, за исключением архитектуры. Классическое искусство начала XVIII династии отступает перед новыми, более насущными тенденциями, которые выражаются в смене форм и тематики. Пример подавал сам царь, и тот же дух преобразований начал проявляться в частном искусстве.

Скульптурные изображения царя поражают своим изобилием на фоне скудости памятников архитектуры. Конечно, сюда можно добавить статуи в зданиях, построенных другими царями: так, в Карнаке по сей день стоят пять статуй Аменхотепа II (Van Siclen, 1987c). Стоит отметить правильные, нежные и тонкие черты лица Аменхотепа II на его изображениях; порой царь выглядит почти юношей[326]. Еще одна особенность: царь, утверждавший о своей исключительной физической крепости, требовал, чтобы его изображали с широкими плечами, но развитое, цветущее, без жировых

[324] Это здание перемещено и полностью перестроено царем Сети I (Azim, 1980), но возведено было еще при Аменхотепе II.

[325] Перечень построек, высеченный на статуе стольника Минмоса, датируется царствованием Тутмоса III. К правлению Аменхотепа II относится лишь одна надпись того же Минмоса в Туре, от 4-го года правления этого царя: тогда для постройки заупокойного храма фараона были возобновлены работы в карьерах: Urk. IV, 1448. Тем не менее «отец бога в Гелиополе» руководил работами для Аменхотепа II в Небеше и Телль Абу-Сефе (древний город Месен), ср.: de Génival, 1965.

[326] Об иконографии этого царя см.: Müller H. W., 1952–1953; Sourouzian, 1991a.

отложений тело выглядит поразительно мягким, а блестящая полировка делает его еще более чувственным.

Это смягчение черт коснулось не только царской скульптуры, но и частной пластики. Начинают преобладать парные изображения. Мягкость черт и улыбки на лице встречаются все чаще, возрастает роль женщины[327]. Первая статуя, проникнутая супружеской нежностью, появляется в царствование Микерина. Изваяние, хранящееся в Бостоне, представляет царицу Хамерернебти, которая обнимает за талию своего царственного супруга и держит его за руки. Сам царь выглядит отстраненным; кажется, что это жена льнет к нему. Подобные сцены, исполненные нежности — порой «однонаправленной», — встречаются на многих семейных портретах времен Древнего царства. В эпоху Среднего царства эта тематика почти полностью исчезает, а в Новом царстве обретает новое звучание: любовь является обоюдной, супруги обнимают друг друга или, реже, держатся за руки. Проявления нежности (можно вспомнить иероглиф, изображающий переплетение рук двух персонажей[328]) свойственны не только супругам: Тутмос IV таким же образом демонстрирует свою привязанность к матери (статуя Каир CG 42080, Leclant et al., 1979, fig. 142). Примечательно, что на изображениях той эпохи мужчины и женщины, как правило, одинаковы по росту: между полами царит полное равенство.

Аменхотеп II не остался в стороне от резкой смены моды после стольких лет относительного постоянства: он носил так называемый нубийский парик, до того не известный (Fischer, 1961, 75; Helck, 1961, 43, 103; Myśliwiec, 1976, 144, pl. 146).

На царствование Аменхотепа II приходится расцвет живописи, выразившийся в богатстве красок, разноообразии форм и тематики (Cherpion, 1987, 31–34). Гробница Сеннефера, правителя Фив при Аменхотепе II, — ярчайший пример изменений, происходивших в обществе, а следовательно, и в искусстве. В его гробнице, точнее в подземном склепе (TT 96 B), знаменитом своим потолком с изображением виноградных кистей, мы также видим неразлучную пару, но жена зовется не Сеннаи, как в надземной части гробницы (TT 96 A) или на известном изваянии этой же супружеской пары, а Мерит. Вполне возможно, что у Сеннефера не появилось новой жены и «Мерит» означает что-то вроде «любимая»: тем самым подчеркиваются нежные отношения, связывающие супругов. Многочисленные живописные сцены внутри склепа не носят траурного характера — они постоянно изображают диалог, причем под внешней сдержанностью персонажей скрывается страстная чувственность[329]. При Аменхотепе II наблюдаются перемены в моде, а также возникает повышенный интерес к человеческому телу, что нашло отражение и в этой гробнице. Платье удлиняется, парик увеличивается и доходит до плеч (так называемый окутывающий парик). При Тутмосе III на смену хрупким, изящным женщинам (как в гробнице Рехмира) приходят другие, с физически более развитым телосложением. В царствование Тутмоса IV мы уже видим вызывающие бедра и ляжки — такие, как у богинь, беседующих с царем в его гробнице. Этот

[327] Ср. групповую статую Лувр E.27161, датируемую царствованием Аменхотепа II: Desroches Noblecourt, 1979b.

[328] Например, на статуе Сеннефера и Сеннаи, Каир CG 42126; Брюссель, 1985, № 6; Terrace, Fischer, 1970, № 24.

[329] Ср.: Desroches Noblecourt, «Reconstitution», 1985, предисловие; Nelson, Hassanein, «Reconstitution», 1985, 59–61.

интерес к естественности и отбрасывание условностей проявляются даже в отдельных деталях: например, негнущийся, будто металлический, цветок лотоса, которым украшали женские диадемы, сменяется бутоном, томно свисающим на лоб; очевидно, это указывает на переход от искусственных украшений к свежим цветам — по крайней мере, на изображениях. Это начало эволюции стиля, которая в полной мере проявится при Аменхотепе III и прервется в эпоху, которую принято называть Амарнской (Cherpion, 1987).

ЛИЧНОСТЬ ЦАРЯ

О личной жизни царя нам известно мало. Он считался атлетом, не имеющим себе равных, — судя по его собственной надписи на Стеле Сфинкса и по некоторым другим источникам, например найденному в Карнаке рельефу, на котором царь показывает свое умение стрелять из лука. Рельеф этот согласуется и с рассказом самого царя на стеле, и с демонстрацией, которую он устроил для жителей Кадеша (Urk. IV, 1304, 3–4, см. выше, с. 302). Между тем, судя по мумии, царь был среднего роста[330]. Он скончался приблизительно в 44 года. На статуях, изображающих царя в полный рост, он выглядит сутулым (Каир CG 42074). Впрочем, подвиги Аменхотепа II относятся ко временам его юности, когда ему было 18 лет или 21, как в Кадеше.

Культ физической культуры и пристрастие к демонстрации силы соседствовали у него с показной жестокостью. Царь с нескрываемой гордостью рассказывал о том, как, возвращаясь из похода 3-го года, он лично убил ударами палицы семерых князей в области Тахси и велел повесить их трупы вниз головой на носу своего флагманского корабля на время триумфального плавания по Нилу, после чего шестеро из них были привязаны на большой высоте, напротив фиванских стен, рядом с отрубленными руками мертвых врагов. Седьмой труп царь повелел переправить в Нубию и повесить в Напате на самом верху городской стены, «чтобы увековечить победу Его Величества на всех равнинах и во всех горах Нубии» (Urk. IV, 1297–1298, 4). В Карнаке найдены гранитные рельефы, в верхней части которых царь собственноручно умерщвляет пленников Речену, а в нижней, стоя на своей колеснице, ведет других пленников. Последние сидят верхом на лошади или идут привязанные к колеснице, а порой даже пристегнуты к дышлу, почти под лошадиным хвостом. Описание этих садистских практик мы находим и на стеле Аменхотепа II (Каир CG 34026; рельефы Аменхотепа II: Zayed, 1985). Презрительный тон царя, когда он рассказывает своему другу Усерсатету о встреченных им племенах, довершает этот портрет. Между тем, по сравнению с другими фараонами XVIII династии, Аменхотеп II обладал самыми тонкими, самыми правильными и мягкими чертами лица, что видно по его многочисленным статуям. Этот контраст поразителен.

Судьба была благосклонна к мумии Аменхотепа II: только она одна из всех (помимо мумии Тутанхамона) осталась на месте, в саркофаге и гробнице. Усыпальницы были вскрыты и разграблены, мумии лишились украшений, но остались нетронутыми.

[330] Robins, Scute, 1983, 459. Рост мумии царя составляет 1,673 м; следовательно, его рост при жизни равнялся 1,70 м.

По сравнению с гробницей Тутмоса III эта построена по иному плану, пересмотренному и выверенному (PM I, 552; Reeves, 1990b, 21, 193). В ней обнаружили несколько мумий царей — двух преемников Аменхотепа II и нескольких Рамессидов (Reeves, 1990b, 192–199, 204–205, 210–211, 215, 245).

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

Несколько доверенных лиц царя[331] содействовали ему в управлении страной. Чаще всего их связывали с царем отношения личного характера. Усерсатет, вице-король Нубии, был сыном некоей женщины из царского окружения, которая носила титул «украшение царя»[332]. Усерсатет получил воспитание в учреждении под названием *k3p*/*кап*[333] и, будучи другом детства царя, стал затем его соратником по оружию.

Кенамон сделал схожую карьеру. Он не носил титула «отрок Капа», но его мать была кормилицей Аменхотепа II. Около 150 титулов и эпитетов на различных памятниках этого чиновника озадачивают — настолько многочисленны и разнообразны были его должности — в основном почетные. Он был командующим войсками, начальником всех северных чужеземных стран, начальником казны, заведующим стадами Амона и так далее. На деле же его главная обязанность заключалась в управлении Перунефером — царским владением, военной базой и речным портом возле Мемфиса (Wild, 1957; Helck, LÄ III, 386; Aldred, 1970a, 112). Привилегии распространялись и на семью Кенамона: один его брат был третьим жрецом — пророком Амона, второй — правителем Тиниса (Helck, LÄ III, 386).

У верховного жреца Амона при Тутмосе III и Аменхотепе II Менхеперрасенеба бабушка по материнской линии была царской кормилицей, а мать — молочной сестрой царя[334].

Правитель южного города (так называли Фивы) Сеннефер и его брат Аменемопе, вельможа и градоначальник, были сыновьями Яхмоса Хумаи, управляющего супруги бога и мужа царской кормилицы. Они построили для себя гробницы с отделкой (TT 96 и TT 29) в левобережных Фивах, среди усыпальниц других вельмож. Особенно знаменита гробница Сеннефера, так называемая Виноградная гробница (см. выше, с. 310). Оба брата соорудили для себя гробницы и в другом некрополе; впоследствии он стал известен как Долина царей (KV № 42, 48; Reeves, 1990b, 24–25, 140), но в то время там покоились только четыре фараона. Отец братьев, как и Аменемопе, женился на даме из царского окружения (обладательнице титула «украшение царя»), а жена Сеннефера была царской кормилицей.

---

[331] Просопография всех должностных лиц времен этого царствования приведена в книге Der Manuelian, 99–170.

[332] Значение этого титула не ясно — см.: Brack, 1984. Возможно, это придворная дама или женщина, отношения которой с царем носили интимный характер.

[333] Месторасположение *Капа* в царском дворце не установлено. Об этом учреждении см.: Bryan, 1991, 261–263; Feucht, 1985.

[334] Lefebvre, 1929a, 234. — В работе Sauneron, 1968b, 76–77, приводятся и другие данные о влиянии придворных дам.

Многие из этих высокопоставленных лиц продержались в должности при нескольких монархах. Так, Минмос, стольник и управляющий Тутмоса III, продолжил свою карьеру при Аменхотепе II, став воспитателем царских детей — распространенный способ завершения карьеры стареющего чиновника (De Meulenaere, 1981b). Карьера Чануни, редактора Анналов Тутмоса III, окончившего свои дни при Тутмосе IV, достигла расцвета при Аменхотепе II, а жена этого писца носила титул «украшение царя» (Brack, 1977, 82, 87–89).

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

В молодые годы царя не слишком интересовали вопросы отношений между полами. На Стеле Сфинкса говорится буквально: «он презирал телесную жажду» (Urk. IV, 1282, 3; C. Zivie, 1976, 85 *hhh*). Мы можем лишь гадать, изменилось ли это отношение с течением лет. Как ни странно, нам ничего неизвестно о «старшей царской жене». Мать его наследника, Тутмоса IV, не единожды упоминается на многочисленных памятниках, где она изображена с сыном, но ни одна из этих надписей не создана при жизни Аменхотепа II. Эта дама, Тиаа, имевшая отношения с царем, никогда не была связана с ним официальным браком и стала важной особой лишь благодаря восшествию на престол Тутмоса IV[335]. Такое возвышение матери нового царя не является чем-то уникальным[336]. Отсутствие же у Аменхотепа II главной жены — беспрецедентный случай[337]. Царица присутствовала при возвращении его из похода 3-го года, но ее имя было стерто и заменено другим на слое штукатурки, которая затем обвалилась; остались только титулы «супруга бога, супруга царя, […] царя». Лакуну предлагали заполнить словами «дочь царя», но более правдоподобным чтением было бы «мать царя»: об официальной супруге Аменхотепа II мы ничего не знаем, а мать иногда упоминается, причем она не была царской дочерью. Возможно, там стояло имя Меритра-(Хатшепсут), впоследствии уничтоженное и замененное Тутмосом IV на Тиаа, — так, будто он хотел a posteriori обеспечить матери положение, которого она не имела при Аменхотепе II[338].

На этом загадки, однако, не заканчиваются. У этого царя без царицы было много потомков, но имена их матерей, за исключением матери преемника, нам неизвестны. Помимо Тутмоса IV, который, похоже, был старшим сыном и наследником, мы знаем царевичей Убенсену, Неджема, Аменемопе, а также тех, чьи имена некогда стояли на двух стелах из Гизы, — если только речь не идет о ком-нибудь, названном выше. Была также по меньшей мере одна дочь, Иарет, выданная замуж за своего брата Тутмоса.

---

[335] Исчерпывающий и очень подробный анализ источников, касающихся царицы Тиаа: Bryan, 1991, 93–108.

[336] Так поступили четыре Тутмоса и Аменхотеп III. В гробнице TT 72 Аменхотеп II изображен с матерью, которая, сидя за ним, обнимает его двумя руками. На мой взгляд, этот жест говорит о материнской заботе, а не о власти над сыном, как предполагается в работе Aling, 1976, 216.

[337] В. Хельк (Helck, 1982a) доказал, что царевна Меритамон никогда не была царской женой; однако «дочь царя» Тиаа, которую он отождествляет с матерью Тутмоса IV, на самом деле была его дочерью. См.: Bryan, 1991, 120–122.

[338] Другой случай подстановки имени Тиаа вместо Меритра: Karnak-Nord IV, 54.

Царевич Аменхотеп занимал ответственную должность в арсенале Перунефера. Сообщающий об этом папирус Британского музея (P. BM 10056; Glanville, 1931, 1933) первоначально был датирован, по некоторым критериям, временем Тутмоса III; считалось, что речь идет о будущем Аменхотепе II, которому отец поручил управление арсеналом. Затем документ стали датировать царствованием самого Аменхотепа II, а следовательно, речь в нем может идти о его брате или даже сыне, старшем брате Тутмоса IV. Сейчас эта проблема находится в законсервированном состоянии (Der Manuelian, 19, 174–175; Bryan, 1991, 49–50).

ИТОГИ ЦАРСТВОВАНИЯ

Незначительные внешнеполитические успехи, скудость сохранившихся памятников, почти полное молчание источников после 9-го года правления Аменхотепа II, снижение активности в отношениях с Эгеидой — из-за всего этого напрашивается вывод о бесцветном царствовании и о спаде в политической деятельности. Между тем многие косвенные признаки свидетельствуют о переменах в египетской культуре, хотя и не позволяют определить их причину. Появляются всевозможные нововведения, новые течения в моде, как мужской, так и женской, реалистический стиль в скульптуре и живописи. Появляются кальцитовый сундук для канопы, украшенный по четырем углам изображениями богинь (Dodson, 1990), и синие вазы из кобальта — этот материал станет характерным для искусства времен XVIII династии (Guidotti, 1981). В этот же период учреждаются культы некоторых азиатских богов — Решефа, Хорона и Астарты. Инициаторами их были не гиксосы, не представители азиатских племен, не пленники и не мигранты, которые могли бы принести с собой новые верования, а сам Аменхотеп II (Simpson, 1960; Helck, 1966c, 4–6 (особенно); Giveon, 1980a).

Глава VII
ТУТМОС IV. Ок. 1397–1387 годов до н. э.

ВОСХОЖДЕНИЕ ТУТМОСА IV НА ПРЕСТОЛ И ХРОНОЛОГИЯ ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ

Мы не знаем, что стало причиной смерти Аменхотепа II и была ли она внезапной, но, так или иначе, царь прожил всего 44 года. Его преемник Менхепрура Тутмос[339] занял трон еще довольно юным и царствовал всего 10 лет. Судя по мумии, в момент кончины ему было не более 30 лет, а значит, он родился примерно на 6-м году царствования Аменхотепа II. В течение долгого времени преобладало мнение о том, что Тутмос IV не являлся законным наследником и оказался на троне лишь после того, как устранил своих соперников[340]. Данных, которые бы подтверждали его узурпацию, сохранилось немного, да и те выглядят спорно: отрывок надписи на стеле от 1-го года правления, воздвигнутой в Гизе перед Сфинксом, и две стелы, также найденные в Гизе, на каждой из которых изображен некий сын Аменхотепа II. Фигуры и имена царевичей на обеих стелах умышленно стерты[341] — как считается, самим Тутмосом IV.

[339] Исчерпывающая монография, посвященная этому царствованию: Betsy Bryan, 1991 (первое издание — 1980), далее — Bryan.

[340] Bryan, 38–64, 72–73.

[341] Стелы A и B или стелы царевича A и царевича B. Подробное описание: C. Zivie, 1976, 93–104; исследованы в книге: Bryan, 57–64.

На главном памятнике Тутмоса IV — стеле, которая и сегодня располагается между лапами Сфинкса в Гизе (Urk. IV, 1539–1544; C. Zivie, 1976, 125–145, Bryan, 144–150) — царь рассказывает о случае из своей жизни в период, предшествующий восхождению на престол[342]: «Он развлекался на пустынном плато Белой Стены (Мемфис) и на ее южных и северных границах, стреляя из лука по мишени из металла, охотясь на львов и дичь и носясь на своей колеснице — волосы его были быстрее ветра, — с одним из своих товарищей, так что никто не узнавал его… Однажды в полуденный час царский сын Тутмос пошел на прогулку. Он сел в тени этого великого бога (Сфинкса); сон и грезы завладели им, когда солнце достигло зенита. Бог увидел Величество этого благородного бога и изрек своими собственными устами так, как отец говорит сыну: “Посмотри на меня; брось на меня взгляд, о сын мой Тутмос; это я, твой отец Хармахис-Хепри-Ра-Атум. Я отдам тебе свое царство на земле во главе живых; ты будешь носить белую корону и красную корону на троне Геба, наследник; страна, в длину и в ширину, будет принадлежать тебе, как и все, что освещает око властелина Вселенной… Песок пустыни, на котором я нахожусь, приближается ко мне. Поэтому я спешу доверить тебе сделать то, что скрыто в моем сердце, ибо знаю, что ты мой сын, мой защитник. Подойди ко мне; смотри, я с тобой; я твой вождь”» (перевод на французский Кр. Зиви). В общем, бог попросил освободить его от песка; дальнейший текст сохранился слишком плохо, и можно лишь догадываться, какое же решение принял Тутмос IV, однако, по данным археологии, царь действительно защитил Сфинкса от занесения песком. Обещание ему трона, вложенное в уста Сфинкса, еще не доказывает, что воцарение Тутмоса IV было незаконным и что Сфинкс таким образом утвердил его. Эта стела — первый памятник, датированный царствованием Тутмоса IV, но датировка эта фиктивна, так как в тексте присутствует ссылка на события, имевшие место после 1-го года (Bryan, 149). С помощью этого подлога царь желал показать, что исполнил данный Хармахису обет. Стела возводилась главным образом для того, чтобы напомнить о распоряжении божества, отданном царю, и доложить об освобождении Сфинкса от песка; это был своего рода дар богу Хармахису-Хепри-Ра-Атуму, богу-Солнцу, от которого вела начало божественная, солнечная власть фараонов (Cannuyer, 1985). Указаний на захват трона в тексте нет, но их и не должно быть на памятнике, возведенном после восхождения на престол нового царя.

Что касается царевичей, чьи фигуры и имена высечены на двух стелах, то можно допустить, что это братья будущего царя, имевшие больше, чем он, прав на наследование трона — например, в силу старшинства — и отстраненные от власти. Действительно, у Тутмоса было несколько родных или сводных братьев, о матерях которых мы ничего не знаем. Возможно, кто-то из них был старше Тутмоса. Есть мнение, что эти царевичи — те самые Убенсену и Неджем, которые упоминаются на статуе Минмоса в качестве его воспитанников. Предметы из погребальной утвари Убенсену обнаружены в гробнице Аменхотепа II, а значит, тот был именно его сыном, хотя это и не уточнялось в текстах. Упоминание двух царевичей на памятнике Минмоса свидетельствует, что они являлись братьями. Трудно сказать, были ли они старше Тутмоса: у нас есть лишь предположения о том, в каком возрасте Минмосу доверили детей, и о дате его смерти при Аменхотепе II, ибо карьера Минмоса протекала главным образом при

[342] Царь еще был *jnpw*/*инпу* (Urk. IV, 1541, 1).

Тутмосе III. Сами имена царевичей — Убенсену и Неджем — выбиваются из ономастической традиции этой династии, и можно думать, что трон не предназначался им изначально. Кроме того, мы не знаем, стояли ли на стелах из Гизы именно их имена. Кто бы ни был владельцем стел, неизвестно, когда, почему и кем они были повреждены[343]. Не исключено, что это сделал Тутмос IV, — но можно выдвинуть и множество других гипотез.

Зато статуя Тутмоса, созданная до его восшествия на престол, убедительно демонстрирует, что царевич занимал видное положение еще при жизни отца. Этот памятник изготовлен из высококачественного известняка[344]. Царевич не просто упомянут, как два его брата, на статуе Минмоса — это уже его собственная статуя: он стоит на коленях, подавая хаторический символ и посвящая памятник богине Мут, в карнакском храме которой и было найдено изваяние. Царевич здесь — «истинный сын владыки двух земель», и представлен он взрослым. Надпись на пьедестале гласит: «царский воспитатель Хекарешу» и «истинный сын царя, любимый им, Тутмос». На рельефе в фиванской гробнице другого царского воспитателя, Хекаэрнехеха (TT 64, см. ниже, с. 320), который, очевидно, был сыном Хекарешу, этот последний держит на коленях своего воспитанника-царевича, — ко времени создания рельефа уже ставшего царем, так как эта гробница датируется царствованием Тутмоса IV. Царевич там назван «старшим сыном царя» — этот титул он не носит на прочих памятниках, но считать это неправдой оснований нет. К тому же для этого периода не наблюдается никаких следов династических распрей. Чтобы опровергнуть различные домыслы относительно Тутмоса IV, добавим, что нет оснований предполагать, будто этот царь в течение какого-то времени мог разделять трон с отцом или со своим сыном и преемником Аменхотепом III[345].

Как уже говорилось, царствование Тутмоса IV было недолгим. Об этом сообщает и Манефон (100, 108, 112–116). Тутмос IV правил девять лет и восемь месяцев. Надписей, датированных его царствованием, всего семь: от первого года — Стела Сфинкса и стела, недавно обнаруженная в Луксоре; от 4-го — надпись в Серабит эль-Хадим на Синае; от 6-го — надпись в гробнице Небамона (TT 90), начальника полиции западной части Фив; от 7-го — надписи в Коноссо и в Серабит эль-Хадим; от 8-го и 9-го — надписи в Коноссо[346]. Есть и другие указания на то, что жизнь царя была недолгой, а правление — коротким. Мумия Тутмоса IV идентифицирована, и даже с учетом всех погрешностей в определении возраста ясно, что царь

---

[343] На другом памятнике из Гизы, стеле Иути (Каир JE 72268, ср.: C. Zivie, 1976, 166–168), также видны следы повреждений: изображение царя полностью стерто, а имя Тутмоса IV, видимо, было высечено уже после этой переделки. Б. Брайан довольно подробно рассуждает об этой стеле в своей диссертации (The Reign of Tuthmosis IV, Ann Arbor, 1980, 407–408), но в изданной на ту же тему книге (1991) она уже исключает ее из списка источников, касающихся данного царствования, упоминая лишь титул царского стольника Иути (Bryan, 1991, 258 и 262). Таким образом, она не смогла привести убедительных объяснений повреждениям и переработкам, которым подверглась стела, — ко всему прочему, еще и незаконченная.

[344] Каир CG 923; PM II, 260; Bryan, 43–46. — Рост статуи составлял не менее 50 см.

[345] Предположения о соправлении были отвергнуты Б. Брайан (Bryan, 348–350).

[346] Версия о 20-летнем правлении Тутмоса IV опровергнута Б. Брайан (Bryan, 6–9). Об этих семи надписях см.: Bryan, 5–6, и, кроме того: Hegazy, Bryan, 1986; Urk. IV, 1564; PM I, 184 (4) I; Urk. IV, 1564 B; Giveon, 1978, 170–174.

скончался молодым — ему было около 30 лет[347]. Немногочисленность и небольшие размеры его построек вполне соответствуют этим данным о продолжительности его жизни[348].

СЕМЬЯ ЦАРЯ

Мать царя, царица Тиаа

Взойдя на престол, царь вывел из тени свою мать Тиаа и стал всячески возвеличивать ее имя (Bryan, 93–108; Gitton, 1984, 84–92; Zivie-Coche, 1985; Letellier, 1991, 37, fig. 1). Прежде всего он повелел воздвигнуть ее статуи. Самая известная и лучше всего сохранившаяся найдена в Карнаке, причем не в тайнике, а в южной части двора Тутмоса III, — ее бережно захоронили к востоку от шестого пилона. Мать и сын изображены сидящими на одном троне и нежно обнимающими друг друга, что символизирует их взаимную любовь (Каир CG 42080; PM II 96; Bryan, 99–100; Leclant et al., 1979, 156, fig. 142). Тиаа происходила не из царского рода. Ни в одном источнике она не носит титула «дочь царя»[349], иначе Тутмос IV — а именно при нем сделаны все надписи, содержащие ее имя, — непременно указал бы его. Тиаа носила титулы «мать царя», «жена царя» и даже «старшая жена царя», которые могли быть высечены лишь a posteriori: дескать, если она произвела на свет правящего на тот момент царя, то, следовательно, состояла в супружеских отношениях с его предшественником. Тиаа была, кроме того, последней царицей XVIII династии, которая носила высочайший жреческий титул «супруга бога», но единственное свидетельство об этом также относится ко времени правления ее сына — оно представляет собой нечто вроде величественной молитвы на статуе, найденной в Гизе, в храме Аменхотепа II[350]. Некоторые из приведенных на статуе титулов и эпитетов долгое время не употреблялись и были возрождены для нее специально. Именно в этом храме мы находим самый яркий пример возвеличивания Тиаа, словно Тутмос IV хотел ввести ее в состав царского дома, чего не сделал его отец; Гиза была наиболее подходящим для этого местом. Среди множества титулов на статуе встречаются «мать царя» и другие, но ни разу — «старшая жена царя», хотя он указывается в большинстве других источников.

---

[347] Б. Брайан (Bryan, 9–13), исследовав эту проблему, предпочла не делать нинаких заключений. По первым оценкам, царю в момент кончины было 25–28 лет (Smith G. E., 1912, 44–45), затем — 30–40 лет (Harris, Wente, 1980, 202). В письме к С. Олдреду (Aldred, 1988, 143) антрополог Фрэнк Лик указывает, что мумии скорее 25, чем 35 лет. Г. Э. Смит подмечает его удивительное сходство с Аменхотепом II, но, как пишет он, последний «был значительно старше». Согласно историческим данным, Аменхотеп II прожил не более 45 лет, это вполне убедительно, ведь Тутмос IV в момент его смерти был совсем молодым.

[348] Возражения против теории, согласно которой упоминания «повторного праздника *сед*» могут означать, что царствование продлилось как минимум 33 года, см. в работах: Bryan, 13–25; Krauss, 1978, 170–171.

[349] Известна «царская дочь» Тиаа, дочь Тутмоса IV, носившая то же имя, что и ее бабушка. См.: Bryan, 105–106, 102–122; Robins, 1982c; Dodson, Janssen, 1989.

[350] C. Zivie, 1976, 160–164; Bryan, 94–96. — М. Життон (Gitton, 1984, 88–90) дает верную прорисовку иероглифического текста, сделанную Б. Грдзеловым (B. Grdseloff), и уточненный перевод; именно эту прорисовку использовала К. Зиви-Кош (Zivie-Coche, 1985).

Памятники царице найдены не только в Карнаке, Луксоре[351] и Гизе, но и в Файюме — области, не вызывавшей особого интереса со времен XII династии[352]. Упоминания о Файюме вновь появляются при Аменхотепе II: нам известен «правитель» Файюма — как и его преемник при Тутмосе IV, он носил многозначительное имя Себекхотеп. Сын второго Себекхотепа Пасер также был «правителем» Файюма, уже при Тутмосе IV и Аменхотепе III (Bryan, 103–105). В столице Файюма Крокодилополе (Шедет) найден фрагмент статуи почти в натуральную величину, представлявшей царицу Тиаа и, вероятно, ее сына. Здесь царица названа «любимой Себеком из Шедет». В фиванской гробнице Себекхотепа (II) и его супруги (TT 63) есть сцена, которая важна в связи с происхождением этой семейной пары и их карьерой в Файюме: жена Себекхотепа держит на коленях маленькую принцессу Тиаа, дочь Тутмоса IV и внучку царицы Тиаа. Это наводит на мысль, что у царицы Тиаа было особое отношение к Файюму — возможно, она была оттуда родом. На южной окраине города находились дворец и гарем, основанные Тутмосом III и являвшиеся царской резиденцией еще при Аменхотепе III, — речь идет о Гуробе. Не исключено, что Тиаа какое-то время жила там. По крайней мере, это объяснило бы предпочтение, которое царица отдавала северу нильской долины.

Царские жены

Если о женах Аменхотепа II сохранилось мало достоверных сведений, то о Тутмосе IV известно, что у него было сразу две старшие жены[353] — Нефертари и Иарет (или Уаджет). Возможно, они исполняли эту обязанность в разное время. Первой определенно была Нефертари, присутствующая не только на многочисленных стелах из Гизы, но и на стеле из Луксора, где изображена и мать царя Тиаа. Об Иарет говорится, в частности, в двух надписях (в Коноссо и на Синае), датируемых 7-м годом правления Тутмоса IV, где она названа «дочерью царя», — Нефертари таковой не являлась. Вероятно, Иарет была сводной сестрой Тутмоса IV.

Ни одна из этих жен не принесла царю наследника; его родила Мутемуйя, которая, однако, не упоминается ни в одном источнике времен Тутмоса IV. Как и царицу Тиаа, ее сделал известной и возвеличил сын, взошедший на престол под именем Аменхотепа III. В частности, на рельефах из храма в Луксоре Мутемуйя изображена рядом с Амоном, от которого она зачала сына; именно сын объявит ее «старшей царской женой». Ее главный титул, «мать царя», присутствует во всех источниках. Она не была ни дочерью, ни сестрой царя (Aling, 1976, 29), ни «женой бога» (Gitton, 1984, 92–93). Между тем Аменхотеп III еще при жизни своего отца являлся признанным наследником, о чем сообщается в гробнице его воспитателя Хекаэрнехеха.

Перечень жен Тутмоса IV этим не ограничивается. Более того, этот фараон первым стал практиковать дипломатические браки. Он с немалым упорством добивался —

[351] Памятники с именем Тиаа, найденные на левом берегу Фив, имеют отношение скорее к матери царя Сиптаха, чем к матери Тутмоса IV: Bryan, 106–107.

[352] Arnold, LÄ II, 87–93. — О Файюме в эпоху Нового царства ничего не говорится.

[353] Aling, 1976, 19–42; Bryan, 108–120.

и добился — руки дочери Артадамы I, царя Митанни[354]. Колебания последнего, возможно, также были вызваны дипломатическими условностями[355].

Дети царя

Нам известно множество детей Тутмоса IV (Aling, 1976, 46–49; Bryan, 50–57, 66–71), старший из которых — будущий Аменхотеп III. Хекаэрнехех, «воспитатель» маленького Аменхотепа и многих его братьев, очевидно, был сыном Хекарешу, воспитателя Тутмоса IV. На стене его гробницы (TT 64) с нарушением хронологической преемственности изображены оба воспитателя (PM I, 128 (7); Der Manuelian, 1987, 178, fig. 38). Слева, на возвышении, мы видим Тутмоса IV на коленях у Хекарешу. Художник выбрал компромиссное решение: речь, несомненно, идет о том времени, когда Хекарешу пестовал своего воспитанника, но царевич выглядит подростком. Поскольку во время сооружения усыпальницы Тутмос IV уже царствовал, он изображен с посохом в одной руке и символом жизни *анх* — в другой; ноги его покоятся на скамеечке с изображением девяти лежащих пленников — «Девяти Луков», извечных врагов Египта, которых каждый царь попирал ногами[356]. Справа от этой сцены, где соединены настоящее (правящий царь) и прошлое (маленький царевич на коленях у воспитателя), изображен сын Хекарешу, также воспитатель царских отпрысков, который вместе с семью своими воспитанниками преподносит отцу «букет Амона». Один из царевичей стоит напротив Хекарешу и Тутмоса IV на том же возвышении, что и они; это Аменхотеп, который и стал впоследствии царем[357]. Из имен шести царевичей, стоящих за Хекарешу, сохранилось лишь одно — Аменемхет. Подобные сцены с хронологическими нарушениями являются типично египетскими[358].

---

[354] В письме № 29 из эль-Амарны Тушратта напоминает Аменхотепу IV об этом событии, произошедшем в царствование его деда. О женитьбах фараонов на иноземных царевнах см.: Röllig, 1974, 19 и Schulman, 1979, особенно 183.

[355] Высказывалось мнение, что Мутемуйя — имя, которое дали в Египте митаннийской царевне; в этом случае Аменхотеп III является сыном азиатки. См.: Aling, 1976, 22–39, где приводятся пространное рассуждение о происхождении Мутемуйи и анализ уже устаревшего исследования A. Pridik. Mut-em-Wija, die Mutter Amenophis III // Acta et commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis): Humaniora B. Vol. 5, Nr. 2. Dorpat, 1924, 3–8. По мнению А. Придика, Мутемуйя была чистокровной египтянкой; Ч. Элинг настаивает на ее азиатском происхождении. В действительности у нас нет надежных указаний на ее этническую принадлежность. Аменхотеп III, скорее, имеет негроидные черты (судя по статуям и рельефам). С. Олдред предположил, что Мутемуйя была сестрой Иуйи, отца Тийи, но отверг это предположение в последнем издании своей книги: Akhenaten, 1988.

[356] На царе короткий парик, два ожерелья *šbjw*/*шебиу*, два браслета на каждом предплечьи и нагрудное украшение в форме скарабея «с крыльями бабочки», поднятого над картушем «Менхепрура Сетепенра».

[357] На нем было стершееся по прошествии времени нагрудное украшение с двумя картушами Тутмоса IV (Urk. IV, 1573, 5). У другого царевича была пектораль, на которой различим только первый картуш этого царя (ibid., 10). Хранящаяся в Брюсселе (E 6856) статуя представляет царевича Аменхотепа на коленях у своего наставника Себехотепа, который сидит, скрестив ноги, в позе писца (Bryan, 70–71). Эта скульптура подтверждает, что еще при жизни отца Аменхотеп был наследником трона. Неизвестно, были ли у него конкуренты или старшие братья. Кроме того, статуя свидетельствует о том, что у царевича могли быть разные воспитатели в зависимости от того, где он жил в данный момент; Себехотеп происходил из Файюма.

[358] По П. Дер Мануэляну (Der Manuelian, 1987, 178–179), эти семь царевичей были братьями Тутмоса IV, но я считаю его точку зрения необоснованной. Согласно Б. Брайан (Bryan, 53–55),

Помимо изображенных здесь мальчиков у Тутмоса IV было множество других детей. Учитывая, что гробница Хекаэрнехеха создана в последние годы царствования Тутмоса (продолжавшегося десять неполных лет), можно задаться вопросом, сколько же было лет тогда наследнику и когда он родился — до или после восшествия отца на трон. Молодость самого Тутмоса не позволяет датировать это событие слишком ранним временем. Кроме того, судя по граффити на скале в Коноссо, на юге Асуана, Аменхотеп был еще ребенком. Будущий царь упоминается там два раза. На 8-м году он сопровождал отца в район 1-го порога; с ними был и один из младших царевичей Аахепрура (Bongioanni, 1987), носивший коронационное имя своего деда Аменхотепа II. На юный возраст царевичей указывает тот факт, что они находились под опекой первого царского докладчика Ра и отца бога Хекарешу, воспитателя Тутмоса IV. Присутствовал там и Хекарнаэхех, «отрок Капа», ставший впоследствии воспитателем царевичей, но пока он еще сам находился под опекой упомянутого Ра[359].

Другая фиванская гробница принадлежала воспитателю царских детей, имя которого не сохранилось (TT 226). Это погребение относится ко времени правления Аменхотепа III. Мы видим, что воспитатель держит на коленях четырех царевичей (Davies, 1933a, 5, pl. 30 E; Der Manuelian, 1987, 179, fig. 39), двое из них носили имена Аа-хепр…ра. Предполагалось, что у этих детей разные отцы: Аменхотеп II, Тутмос IV и Аменхотеп III. Полемика продолжается, надежных доводов нет (в книге Bryan, 55–57, также не делается определенного заключения). По нашему мнению, гробница датируется началом правления Аменхотепа III и не случайно только в ней он изображен вместе с матерью, которая по-матерински его придерживает[360]. Четыре царевича — это, вероятно, младшие братья царя, только что занявшего трон. Первый из них, Аахепр…ра, мог быть уже достаточно взрослым, чтобы сопровождать Аменхотепа и удостоиться упоминания в надписи на скале в Коноссо; эти братья не притязали на трон, и сцена поэтому выглядит малопримечательной[361]. Не исключено, впрочем, что Хекаэрнехех продолжал исполнять свои функции и после восшествия Аменхотепа III и именно он изображен в гробнице, не являясь при этом центральным персонажем.

В эти времена сведения о царской семье и о царевичах — как тех, кто еще не взошел на престол, так и тех, кто не стал впоследствии царем — становятся крайне изобильными, особенно по сравнению с предшествующим временем. Это характерно и для последующих эпох.

правильнее считать их сыновьями Тутмоса IV; Аменемхет нам известен, помимо прочего, по канопам, обнаруженным в гробнице этого царя (Bryan, 55).

[359] Б. Брайан (Bryan, 50–52) на основании этого заключает, что царевичам было не менее 10 лет, иначе они не выдержали бы путешествие вместе со двором; исследовательница дает им от 8 до 15 лет. Однако женщины, сами являющиеся матерями, обычно считают детей более слабыми, чем они есть на самом деле; не следует также забывать, что подъем по Нилу на ладье не слишком утомителен для путешественников. Если будущему Аменхотепу III на 8-м году правления его отца было 15 лет, а сам Тутмос IV скончался на 10-м году, будучи не более 30 лет от роду, получается, что в момент рождения царевича Тутмосу IV было не больше 12 лет. Это не исключено, но все же выглядит очень необычно.

[360] Ч. Элинг (Aling, 1976, 216) видит в этом жесте (на мой взгляд, напрасно) проявление скорее властности, чем заботы. Публикация рельефа: The Luxor Museum, 1979, № 101.

[361] Н. Дэвис (N. Davies 1933a, 37) считает, что это гробница Мерира, воспитателя царевича Сиатума, известного нам по рельефам из собрания в Вене. Гробница Мерира обнаружена в Саккара; стиль рельефов позволяет датировать ее второй половиной царствования Аменхотепа III (Bryan // Kozloff, Bryan, 1992, № 58, 59).

Мы уже назвали царевичей, чья генеалогия достоверно установлена[362]. Известны и царевны: Тиаа и Аменемопе умерли в царствование Аменхотепа III, Танетамон же, видимо, скончалась еще при жизни отца и была похоронена в его гробнице (Bryan, 120–123).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Азия

Отношения между Египтом и соседями по большей части не были мирными. Сведения о военных походах в Азию при Тутмосе IV малочисленны и неоднозначны. «Первая победная экспедиция» упоминается в сильно поврежденной надписи из Карнака (Urk. IV, 1554, 18; Bryan, 174). «Второй» экспедиции не засвидетельствовано, и от слова, обозначающего цель кампании, к сожалению, сохранился только последний слог […]*nз/на*, за которым следует эпитет «ничтожный» или «побежденный» (*ḫsj/хеси*). Доказано, что слово нельзя восстановить как «[Нахари]на» и что эпитет «побежденный» применяется к стране, проигравшей войну (Bryan, 337–339; отсутствующие знаки в 3-й строке на с. 338 *«алеф», «n»* и *«j»*). Это единственный азиатский топоним, объявленный в документах времен Тутмоса IV «побежденным». Существует только два, причем очень коротких, списка азиатских топонимов, составленных при этом царе: один — на парадной колеснице, найденной в гробнице царя (PM I, 560; Urk. IV, 1560), другой — на пьедестале статуи из Луксора (Bryan, 187). Первый сохранился целиком и содержит шесть наименований. Изображение на колеснице — царь, повергающий стрелами обращенных в бегство врагов — позволяет считать, что список имеет отношение к военным действиям; из шести топонимов — Нахарин, Сангар, Тунип, Шасу, Кадеш и Тахси — ни один не оканчивается на слог -*на*. От второго списка осталось только четыре знака «крепостных стен» с названиями. Первые два названия легко реконструируются по конечным слогам [На]харин[363] и [Тах]си, третье утрачено, а от четвертого также сохранился лишь слог «[…]на»[364].

Долгое время считалось, что Нахарина находилась на востоке от Евфрата, что Сангар — это Вавилон, а Тунип располагался к востоку от Оронта, между Кадешем и Алеппо. *Шасу* помещали в Северной Сирии, Кадеш — на Оронте, а Тахси — к югу от Кадеша. Очевидно, что в таком случае многие из этих регионов были недосягаемы для Тутмоса IV. Выше говорилось, что южной границей Нахарины, вероятно, была Литани, что Сангар не соответствует Вавилону и, возможно, является государством на Среднем Оронте, что Тунип располагался на юге Нахр-эль-Кебира, между Оронтом и Средиземным морем, что *шасу* можно было встретить на пространстве

[362] «Отрок Капа» и «носитель опахала справа от царя» Махерепра, который был чернокожим, жил при Тутмосе IV (но не ранее), Вероятно, он был сыном этого царя от чернокожей жены и похоронен в Долине царей (№ 36); Reeves, 1990b, 140–147.

[363] Написание Нахари*на* не засвидетельствовано до начала XVIII династии.

[364] Б. Брайан предлагает чтение Сангар для третьего наименования и Катна или Сидон — для четвертого.

от южного побережья Мертвого моря до дельты Нила. Все это значительно ближе к Египту, и столкновения между жителями этих областей и египтянами царем выглядят вполне праводопобно. Однако списки могли составляться с целью нанести превентивный удар, как в *Текстах колдовства* времен Среднего царства. Иными словами, указанные государства и народы находились на границе сферы египетского влияния.

Земли, завоеванные Тутмосом III, были утрачены в царствование Аменхотепа II, который в ходе первой кампании продвинулся не так далеко на север, как принято считать. Дополнительные сведения можно почерпнуть в письмах из эль-Амарны. Царь Нухашше напоминает Эхнатону, что его дед Менхепрура (EA 51; Bryan, 340–341) возвел на трон царя Нухашше, области, из которой Аменхотеп II привел пленников и над которой некогда одержал победу Тутмос III. Но мы не знаем, где находилась Нухашше. Судя по первым ее упоминаниям при Тутмосе III, она располагалась в Речену; в тех же текстах называется Иеноам, который находился на юго-западном побережье Генисаретского озера. Тахси находилась к югу от Нухашше, а Кадеш — к северу; речь вновь идет о галилейском Кадеше к северо-востоку от озера Гуле. Предположение о том, что Катна входила в состав Египетской империи и не упомянута на Мемфисской стеле Аменхотепа II, поскольку сохраняла верность Египту, может завести нас слишком далеко (Bryan, 343). В еще одном письме, посланном жителями Тунипа, напоминается, что этим городом когда-то управлял Тутмос IV[365].

В письме из эль-Амарны говорится также о визите Тутмоса IV в Сидон, или скорее в Зи-ду-на, город, который отождествляют с Сидоном. Не являлась ли Зидуна тем топонимом, от которого на статуе Тутмоса IV осталось только […]na, и не вел ли царь войну против ее жителей?[366] Слова о доставке леса в этом же письме заставляют вспомнить о лесах Ливана, но речь может идти и не о них. Более конкретным выглядит упоминание пленников *хару*, которых захватили в городе Гезер и заставили служить в заупокойном храме Тутмоса IV (Urk. IV, 156, 10–11; Bresciani, 1980, 8–10 и pl. VII).

Остальные топонимы на памятниках Тутмоса IV (Bryan, 345–346) относятся к областям, еще более близким к Египту, и почти ничего не проясняют. Страна *ḏꜣhj*/Джахи (C. Zivie, 1976, 158–159; Bryan, 345), как бы далеко ни простиралась она на север, начиналась от крайнего восточного рукава Нила; народ *sṯtjw*/*сечетиу* — кочевники, которые встречались на западе Дельты; народ *ḥꜣw-nbwt*/*хау-небут* упоминается в одном контексте с перечнем некоторых географических областей и в любом случае обитал где-то на севере Дельты. На фрагменте вазы, обнаруженной в царской гробнице, говорится о народе *kftjw*/*кефтиу*, которые, вероятно, жили не на Крите, а на Ближнем Востоке; ваза же не позволяет судить об их местоположении.

Таким образом, Тутмос IV, по всей видимости, воевал в Азии и посещал страны, которые упомянуты на обивке колесницы, но не продвигался далеко — во всяком случае, не дальше Галилеи. Этого могло быть вполне достаточно для столкновения с Митанни — государством, по границам практически совпадающим с Нахари-

[365] EA 59; ср.: Moran, 1987, 232, n. 2, Vergote, 1961, 12.

[366] К югу, неподалеку от Гезера, находился город, называемый Сидун (DNG VI, 113). Может быть, существовало несколько городов под названием Зи-ду-на?

ной[367]. Женившись на дочери Артадамы I, фараон положил конец войнам с Митанни, что не помешало ему продолжать военные действия в Палестине; ситуация там еще долго оставалась нестабильной, о чем подробно говорится в Амарнских письмах.

Нубия

При Тутмосе IV в Нубии не происходило ничего существенного (Bryan, 332–336). Военный поход на 8-м году его правления, упомянутый в Коносской надписи (Urk. IV. 1545–1548), был скромным по масштабу и представлял собой скорее операцию по наведению порядка, чем настоящую войну. Войско действовало против мятежников Нижней Нубии (Уауата), которые, видимо, проникли в пустыню на западе 1-го нома Верхнего Египта (Та-Сети) и могли угрожать путям к золотым приискам. В поисках мятежников царь покинул долину Эдфу через Вади Мия. Коносская надпись сообщает, что вернулся он через Вади эль-Худи.

От надписи на другой стороне скалы в Коноссо сохранились только изображение над текстом и три первые строки, содержащие титулы царя и дату — 7-й год, 3-й месяц *перет*, 8-й день (Urk. IV, 1555–1556). Царь представлен убивающим пленников; церемонию возглавляют божества Дедун, «стоящий во главе Та-Сети», который предает в руки царю племена *иунтиу*, и Ха, «владыка Запада», который дарит царю все нагорье. Иногда полагают, что обе надписи сообщают об одной и той же экспедиции царя к нубийским границам и что дата была прочитана неверно. Проверить эти даты невозможно, так как скала в Коноссо, около Фил, ныне почти полностью ушла под воду, но в надписи от 7-го года церемонию возглавляет, выдавая царю жителей долины (к *иунтиу,* вероятно, добавлены *сетиу*), именно нубийский бог Дедун (Otto, LÄ I, 1004). Присутствие восточного бога наводит на мысль о том, что операция совершалась в Нижней Нубии, на левом берегу Нила, тогда как надпись от 8-го года относится к событиям на его правом берегу. Кстати, не исключено, что дату прочли ошибочно, — следует читать 9, а не 8 из-за характерного расположения знаков.

Как бы то ни было, в обеих надписях речь идет об операциях в пограничных районах. В то же время на царской колеснице содержится краткий список африканских топонимов, параллельный азиатскому. Царь-сфинкс топчет нубийцев — «*иунтиу* во всех местах их обитания» (Urk. IV, 1560, 10); упомянутые области — это «побежденный» [Ку]ш, *k3rj*/Кари, *mjw*/Миу, *jrm*/Ирем, *gwrss*/Гурес и *tjwrjk*/Тиурик. Местоположение первых двух нам известно, остальных — неясно. Стела из заупокойного храма в Гурне сообщает нам, что кушиты были приведены царем благодаря «его победам» (Urk. IV, 1556, 15).

Помимо этих военных событий царствование Тутмоса IV оставило след в Нубии только в виде построек и донесений вице-королей Куша. Именно в этот период «царский сын, управляющий странами Юга» получает титул «царский сын Куша» (см. ниже, с. 327, примеч. 370).

---

[367] Военная операция разворачивалась в Нахарине, так как Небамон приводит к царю пленников из этой области (вероятно, на 6-м году правления Тутмоса IV, когда этот чиновник получил серьезное повышение).

Синай и оазисы

На Синае (Bryan, 205) правитель Чару Неби отметил открытие рудника в Серабит эль-Хадим на 4-м году (PM VII, 345; см. ниже, с. 327). Подобное событие имело место и на 7-м году. В надписи упоминаются Тутмос IV и царская дочь Иарет, жена царя, а также Аменемхет, командующий войсками Чеку, располагавшегося в Вади Тумилат (PM VII, 345; Bryan, 111; Beit-Arieh et al., 1978, 170–174). При Тутмосе IV велись также работы в храме Хатор. Никакой информации об оазисах за этот период до нас не дошло.

ИСКУССТВО ПРИ ТУТМОСЕ IV

Архитектура

Тутмос IV оставил много статуй и стел, однако следы его строительной деятельности немногочисленны (Bryan, 141–241, дает полный список). Дверной косяк и фрагмент притолоки из Гизы (PM III, 40, 46; Bryan, 153) — это очень мало по сравнению с изобилием надписей. Сохранились также два фрагмента колонн, архитрав и один заклад в фундамент храма в Мемфисе (Bryan, 157–158). В Абидосе обнаружена царская часовня (Bryan, 164–165). В Карнаке (Albouy et al., 1989, 69–71) царь велел окружить перистилем внутренний двор Тутмоса II перед четвертым пилоном (Letellier, 1979, 1991), у которого Тутмос IV переделал вход, добавив портик (Yoyotte, 1953); он построил также алебастровую часовню (Bryan, 171–174 и n. 161). От всего этого остались лишь многочисленные блоки. В западной части храма Амона царь поставил огромный обелиск в память о своем деде Тутмосе III; сейчас этот обелиск стоит перед Латеранской базиликой в Риме (PM II, 213; Bryan, 176–179). В Северном Карнаке от этого времени остались двое ворот из песчаника и притолока (Bryan, 183–184). В левобережных Фивах царь построил для себя заупокойный храм, дошедший до наших дней полуразрушенным, а также гробницу, оставшуюся почти нетронутой (Долина царей 43) (Bryan, 188–194). Малосущественные остатки сооружений найдены в Эдфу (Gabra и Farid, 1981, 182), эль-Ашмунейне (Гермополе) (Spencer, 1989, 25, 47, 64), Медамуде, Арманте, Тоде, Эль-Кабе, Элефантине (см. Bryan). Единственный полностью сохранившийся и, судя по надписи, считавшийся самым значительным памятник этого царствования находится в зале с четырехугольными столбами в Амаде, пристроенном между целлой храма и фасадной дверью, — обе они относятся к царствованиям Тутмоса III и Аменхотепа II. Возможно, при Тутмосе IV были только поставлены колонны внутри пространства, уже разграниченного стенами, как и в карнакском дворе Тутмоса II[368]. Остатки построек также обнаружены в Нубии (Bryan, 203–204) — в Бухене и в Табо на острове Арго. Заклад в фундамент храма в Гебель-Баркале — первое надежное свидетельство о строительной деятельности фараонов в этой местности.

[368] Van Siclen, 1987a, считает, что здание с колоннами, вероятно, было достроено только при Тутмосе IV.

Несомненно, существовали и другие памятники. Так, в тексте письма из эль-Амарны упоминается некий «дом Менхепрура» (Bryan, 161–162), но никаких следов его не обнаружено.

Скульптура и живопись

От этого недолговечного царствования осталось мало произведений искусства, но эволюция форм предвещает стили, характерные для эпохи Аменхотепа III, и это даже позволило относить к данному периоду гробницы, расписанные при следующем царе (Bryan, 302–303).

Лица царя на статуях гораздо менее гармоничны, чем у его предшественников: закрытые миндалевидные глаза, очень длинный прямой нос, верхние зубы сильно выдаются над нижними[369] и выступающая верхняя губа создает впечатление ложной улыбки. Для этого периода выделяют два стиля (Bryan, 1987): первый — со слабо выраженными характерными чертами, и второй — с явным подчеркиванием специфических подробностей, например раскосых глаз. Та же двойственность проявляется в рельефных изображениях: на колоннах из песчаника в Карнаке мы видим лицо первого типа (Myśliwiec, 1976, fig. 117, 124–128; Bryan, 1987, fig. 29; 1991, fig. 16); на стене того же памятника глаза скошены (Lauffray, 1979, 64, fig. 16); в алебастровой часовне искажено все — глаза, нос и шеи удлиняются и утончаются. Это симптом того, что художники и, вероятно, сам царь желали свободы форм, которая приведет к пересмотру художественных стилей при Аменхотепе III и Аменхотепе IV (Myśliwiec, 1976, fig. 118; Bryan, fig. 14 и 21).

Эти стилистические вариации необязательно были результатом постепенной эволюции. Можно допустить, что памятники одного времени выполнялись в разной манере; ясность может внести лишь знание точной хронологий их создания. Отметим, что на датированной 1-м годом Стеле Сфинкса у царя заметно удлинены глаза, а верхняя челюсть выдается вперед (Bryan, fig. 6, изображение слева; Lepsius, D III, 293 (34)). Это внимание к индивидуальным особенностям — основная черта искусства времен XVIII династии. Возможно, расцвет настенной живописи с непревзойденными по тонкости изображениями объясняется именно этим, а не тем обстоятельством, что шероховатую поверхность скалы проще было покрыть ровным слоем штукатурки и расписать фресками, а не высекать на ней рельефы (Cherpion, 1987, 34–37). Конечно, живопись, даже без оптических иллюзий, ценимых европейцами с античных времен, радует глаз красками, изяществом рисунка и мягкостью кисти, воспроизводя реальность подробнее и точнее, чем барельеф. Побеждает вещественное, плотское, подчеркнутое эстетическими играми и маньеристскими излишествами. Изображения женщин утрачивают всякую сдержанность: в моду входят окутывающие парики, узкие обтягивающие фигуру одежды вытесняются свободными платьями, закрывающими одно плечо, узость талии подчеркивается широтой таза.

---

[369] Это согласуется с данными о мумии царя, см.: Smith G. E., 1912, Mummies, pl. 29 и 30. Ср.: Bryan, 1987, fig. 3, 10, 16; сфинкс из Дарема, ср.: J. Harris, 1983. Голова из Британского музея, BM 956, так называемая богиня (Bryan, 1991, pl. 17, fig. 47), имеет характерные черты Тутмоса IV и может быть головой царя в парике божества. См. о ней также: Reeves, 1989, где опровергается датировка, — на мой взгляд, необоснованно.

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

Чиновников, состоявших на службе у Тутмоса IV, было так много, что потребовалось составить их просопографию (Aling, 1976; Bryan, 242–331). Лишь немногие из них сыграли важную роль в истории страны. Проявили себя в основном те, кто состоял в особых отношениях с царской семьей или с самим царем. Таковы, например, Себекхотеп, хранитель сокровищницы и губернатор Файюма (Bryan, 245–246, 266), чья жена занималась воспитанием дочери Тутмоса IV царевны Тиаа; царские воспитатели Хекарешу и Хекаэрнехех (Bryan, 259–261, 266); первый царский докладчик Ра, который, судя по Коносской надписи, сопровождал детей Тутмоса IV на юг страны и в силу своих обязанностей, возможно, вел дела с Митанни и устраивал брак царя с царевной из этой страны (Bryan, 263). Назовем также Аменхотепа (Watson, 1991), первого правителя стран Юга, который носил титулы «царский сын Куша»[370] и «носитель опахала справа от царя» (Bryan, 250–254, 271; об этом титуле см. Pomorska, 1987, особенно с. 39); Неби, вестника царя и правителя Чару, занимавшегося внешними сношениями, а кроме того, «отрока Капа», находившегося — по крайней мере, в течение какого-то времени — на службе у царицы (Björkmann, 1974; Bryan, 258–259, 261–265, 288); Чануни, войскового писца, который начал свою карьеру при Тутмосе III, составляя отчеты о царских походах[371]. Его жена, носившая титул «превосходное украшение царя» и, следовательно, входившая в ближайшее окружение фараона, была погребена с особенной роскошью и в царском убранстве (Brack, 1977, T, 87–89; 1984). Хоремхеб (TT 78) — еще один войсковой писец, носивший и много других титулов, — также служил трем царям, Аменхотепу II, Тутмосу IV и Аменхотепу III, о которых он сообщает, что каждый из них был сыном предыдущего. Кроме того, Хоремхеб был воспитателем дочери царя царевны Аменемопе (Brack, 1980, 83; Bryan, 292).

Среди деятелей этой эпохи мы видим не только частных лиц. Важной исторической фигурой был и «истинный сын царя» Яхмос, ставший главным жрецом Ра в Гелиополе. Два его памятника — стела Берлин 14200 и статуя Каир CG 589 — относятся, судя по стилю, к царствованию Тутмоса IV. Его имя — Яхмос — старинное. Возможно, он был братом, дядей или двоюродным дедом царя (Bryan, 67–69).

ИТОГИ ЦАРСТВОВАНИЯ

Царствование Тутмоса IV выделяется тем, что почти не содержит значимых событий. «Внешние сношения» сводятся к военным операциям на севере, точные

[370] Появление этого титула в целом совпадает по времени с исчезновением титула «первый царский сын (города) Нехбет», и управление регионом могло перейти к «царским сыновьям Куша». Отныне они держали под контролем территорию от Иераконполя до Напаты (De Meulenaere, 1988, 212).

[371] Б. Брайан (Bryan, 279–280, 282–283, 285–286) называет его «Чанни». Некий Ченуна, живший в это время, был главным управляющим: Bryan, 256–257, 270.

даты и цели которых неизвестны. Засвидетельствованные для того времени географические названия, если их наполнение приемлемо, не дают представления о характере и даже о наличии военных кампаний и дипломатических связей. Брак царя с митаннийской царевной — событие, упоминаемое в документах следующего царствования, — предполагал мирные отношения и согласуется со скудостью данных о военных действиях. О Юге сведений еще меньше, а операции на границе Египта и Нубии нельзя назвать войной.

В то же время сохранились исключительно полные сведения о членах царской семьи, а также имена некоторых вельмож. Произведения искусства немногочисленны, но они свидетельствуют о глубоких и стремительных изменениях.

В источниках этого времени часто усматривают предвестия «Амарнского феномена». Действительно, Тутмос IV особенно горячо почитал солнечных богов (Bryan, 149–150, 350), но его неприязнь к Амону ничем не подтверждается, а предположение о том, будто он уже поклонялся Атону, основано на крайне спорном источнике (скарабей Британского музея 65800, Bryan, 354–356).

Часть пятая

XVIII ДИНАСТИЯ ОТ АМЕНХОТЕПА III ДО ХОРЕМХЕБА (ок. 1387–1292 годов до н. э.)

Глава I
АМЕНХОТЕП III. Ок. 1387–1348 годов до н. э.

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ И НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ

Аменхотеп II и Тутмос IV стали царями еще в молодом возрасте, но Аменхотеп III[1] в начале своего правления был и вовсе ребенком, как некогда Тутмос III и, по всей видимости, Яхмос и Аменхотеп I.

Родился царевич Аменхотеп в Фивах[2]. Как сообщают многие источники времен Тутмоса IV, еще при жизни царя Аменхотепа готовили к трону. В момент восшествия на престол мальчику было не более 10 лет, на что указывают многие обстоятельства, главное же — его отец скончался слишком молодым, чтобы иметь взрослых наследников. И в текстах, и на изображениях царевич представлен ребенком: в гробнице Хекаэрнехеха, на статуе воспитателя Себекхотепа, в надписи от 7-го года правления Тутмоса IV

[1] Hornung, LÄ I, 206–210; Aling, 1976, 5–14, 212–231; Aldred, 1988, 146–166; Kozloff, Bryan, Berman, Delange, Egipt's Dazzling Sun, Cleveland, 1992 (выставка): подробные исследования всех аспектов этого царствования.

[2] Согласно скарабею Petrie, 1917, pl. 32, n. 16, — если это историческое, а не мифологическое свидетельство. В Саккара обнаружена гробница Мерира, «управляющего царя, когда тот еще не был царем» (*jnpw/инпу*): A. P. Zivie, 1983, 51.

на скале в Коноссо, когда мальчик еще находился под опекой Ра и Хекарешу. Помимо этого, существует много портретов царя с совсем детским лицом. Установлено, что большинство статуй было создано не ранее первого праздника *сед* на 30-м году его правления, когда царь был уже взрослым (Vandersleyen, 1988a, вслед за R. Johnson). Возникают два вопроса: действительно ли некоторые из этих детских изображений, не соответствующие по стилю последнему периоду царствования, созданы в самом его начале? Что, если царь повелел изображать себя ребенком, захотев вновь стать таким, каким он был в момент воцарения?

Царь Небмаатра Аменхотеп правил 38 лет и, возможно, еще несколько месяцев[3]. Его мумия обнаружена вместе с мумиями многих других царственных особ в гробнице его деда Аменхотепа II[4]. Изучив мумию, Элиот Смит (Elliot Smith) не выделил никаких критериев для определения точного возраста царя. Ему было от 40 до 50 лет[5], больше ничего сказать нельзя. Если вычесть годы царствования, мы получим возраст между 2 и 12 годами. Судя по самым «детским» статуям, а также исходя из данных о возрасте и малых сроках правления его отца, в момент воцарения ему было приблизительно восемь лет.

Если царь взошел на трон, будучи совсем ребенком, кто держал бразды правления и принимал решения? Ч. Элинг считает, что следует говорить скорее о нескольких регентах, а не об одном, и в первую очередь — о матери царя, Мутемуйя, которая появляется на исторической сцене только с восшествием на престол сына. На памятниках этого периода она занимает важное место, но хронология создания этих памятников еще слишком плохо изучена и не позволяет определить, что стало причиной ее возвышения, любовь или политика: сама ли царица присвоила себе главенствующую роль или сын хотел видеть ее рядом с собой? Разумеется, она присутствует на всех барельефах со сценами зачатия Амоном Аменхотепа III (PM II, 326–328). Более показательно то, что огромные статуи царицы-матери, а также жены царя Тийи стоят у тронов еще больших по размеру колоссов Мемнона (Eaton-Krauss, Fay, 1981). Независимо от степени влияния матери на сына роль ее была связана с рождением наследника, а не с ее положением до этого события. Мнение о том, что именно она была официальной регентшей при маленьком сыне (Hornung, LÄ), основывается лишь на приведенных выше фактах.

Со смертью царя административный аппарат не рушился автоматически, и нет свидетельств того, что смена Тутмоса IV Аменхотепом III вызвала какие-либо трудности. Лица, занимавшие те или иные должности, могли сохранить свое положение. Верховный жрец Амона Птахмос — вероятно, находившийся в этой должности в по-

---

[3] Аменхотеп III взошел на трон в первый день 2-го или в 3-й день 3-го месяца сезона *шему* (Van Siclen, 1973, 294; Helck, 1956, 67; датировка Ван Сиклена оспаривается в работе von Beckerath, 1991, 32–33). Наиболее поздние документы, датирующиеся 38-м годом его правления, относятся к трем последним месяцам этого года (Hayes, 1951, 87–88; Van Siclen, 1973, 294, n. 31). 39-й год не засвидетельствован, но самый поздний документ (Hayes, 1951, fig. 11, 142) не мог быть создан ранее чем за два дня до начала 39-го года, если воцарение состоялось на 3-й день 3-го месяца *шему* (Hornung, 1964, 77 и n. 48).

[4] Hornung, LÄ I, 210, n. 40 считает идентификацию мумии спорной. Лицо сохранилось слишком плохо, но общие черты сопоставимы с многочисленными портретами царя. Reeves, 1990b, 225–227, полагает, что надписи, по которым идентифицируют мумий, в частности мумию Аменхотепа III, в целом заслуживают доверия.

[5] Smith G. E., 1912, 50; Кроргмэн и Бер (в кн.: Harris, Wente, 1980, 202) дают ему 35 и даже 30 лет, что явно абсурдно. Их метод требует обоснований. См.: Aling, 1976, 10–11; Robins, 1981, 63 и n. 7.

следние годы правления Тутмоса IV — стал также визирем и правителем южного города, то есть Фив (Aling, 1976, 57, 62–66; также Bryan, 1991, 244, 268). Выполнение одним лицом в одно и то же время двух функций — верховного жреца и визиря — кажется исключительным случаем[6]. Более того, Птахмос стал первым визирем, носившим титул «носителя опахала справа от царя» (Pomorska, 1987, 39. 113–114). Его имя, включавшее имя мемфисского бога Птаха, может указывать на северное происхождение. Выглядит это так, будто Аменхотеп III, при котором административной столицей был Мемфис, отправил на Юг верного человека, чтобы он занимал там две главные должности. Одной из своих дочерей Птахмос дал имя Мутемуйя: не было ли это данью уважения матери царя, знаком верности и почитания? (Aling, 1976, 62–66; 218–220).

В начале царствования — возможно, сразу после восшествия на престол — юного царя женили на Тийе: событие не менее важное, чем выход царицы на политическую сцену. Царица, такая же юная, как царь, не могла самостоятельно принять это решение; выбор сделал тот, кто обладал правом голоса в государственных делах. Отец Тийи, Иуйя, должно быть, являлся важным вельможей, поскольку решение о браке царя с этой маленькой девочкой было принято именно ее семьей или тем, кто рассчитывал на этот брак (об Иуйе см.: Aling, 1976, 159–162; Helck, LÄ III, 274–275). В какой-то мере справедливо говорить о том, что своими должностями Иуйя обязан замужеству дочери, но интересно знать, насколько влиятельным лицом он был изначально, если смог устроить подобный брак.

Ч. Элинг называет и других членов «совета короны», но доказать ничего невозможно. Трудно также установить, когда отпала необходимость в группе регентов. Впрочем, стоит задаться вопросом, как правили другие фараоны. Какие отношения существовали между царем и теми, кого он привлекал для управления страной? Это проблема с бесконечным множеством аспектов.

ИСТОЧНИКИ

Датированные документы

Материалы этого периода редко содержат дату. К тому же следует четко разграничивать источники царские и частные и вести счет по датировкам, а не поштучно в тех случаях, когда серия аналогичных предметов (например, памятных скарабеев) содержит одну и ту же дату. Мы располагаем одиннадцатью датированными царскими памятниками, девять из которых относятся к периоду между 1-м и 11-м годами правления и еще два — к 35-му году. Из первых девяти два посвящены строительству. Надпись от 1-го года правления в эль-Берше, неподалеку от карьеров по добыче высококачественного известняка, начавшейся там при Аменхотепе III (Gasse, 1983), сообщает о работах по расширению храма Тота в Гермополе, на другом берегу Нила. Надпись от 2-го года

[6] Единственный вельможа в истории XVIII династии, совмещавший высшие должности, — верховный жрец Амона Хапусенеб времен царствования Хатшепсут. Впрочем, титул «визирь», лишь однажды встречающийся на его памятниках, мог быть только почетным званием.

в Туре посвящена новому открытию известняковых карьеров в связи со строительством «храма миллионов лет» царя (Urk. IV, 1680–1681; Kozloff, Bryan, 1992, n. 3, 116–117) в Фивах или, что более вероятно, в Мемфисе. Другие источники — четыре серии памятных скарабеев, сохранившихся в большом количестве: они сообщают о женитьбе царя на митаннийской царевне (на 10-м году), об охоте на диких быков (на 2-м году) и львов (с первого по 10-й годы), об устройстве озера для Тийи (11-й год). Пятая серия скарабеев не датирована (см. ниже, с. 337). Наконец, три стелы от 5-го года касаются военной кампании в Нубию, единственной при Аменхотепе III. Нет ни одного датированного царского документа для периода от 11-го до 35-го года его правления. К последнему относятся две стелы в Силсиле: одна сообщает о добыче камня для заупокойного храма царя (Urk. IV, 1921, 8), другая — возможно, о постройке святилища в честь Ра-Атума (Urk. IV, 1678, 15).

Некоторый материал, содержащий данные по хронологии, вновь появляется с 30-го года и относится исключительно к трем праздникам *сед*. Эти даты встречаются или в гробницах высокопоставленных особ, которых удостоили чести присутствовать на торжествах, или во дворце в Малкате, где проходили отдельные праздничные церемонии. От празднеств остались многочисленные надписи и печати на сосудах или глиняных крышках (в сосудах были напитки, главным образом вино, и снедь). Хотя предметы обнаружены в царском дворце, их нельзя назвать царскими, то есть исходящими напрямую от царя.

В течение 23 лет, между 11-м и 35-м годами, царь хранит молчание. Мы не знали бы вообще ничего, если бы не статуя Небнефера, начальника землемеров Амона, который на 20-м году правления Аменхотепа III официально унаследовал эту должность у своего отца. При всей незначительности события на этой церемонии поручителями выступали некоторые высокопоставленные вельможи, поэтому этот важнейший ориентир позволяет реконструировать хронологию администрации середины царствования Аменхотепа III (Urk. IV, 1884–1886).

Нам ничего неизвестно о царе в течение трех четвертей его правления — во всяком случае, у нас нет дат. Частные памятники этого периода также безмолвствуют: кроме статуи Небнефера, все временные индикаторы на них связаны с проведением праздников *сед*[7].

Недатированные источники

Количество недатированных источников, напротив, колоссально. Их можно разделить на две группы: памятники искусства и Амарнские письма (Moran, 1987, 21–28). К последним относятся 382 глиняные клинописные таблички, большинство которых были обнаружено к 1887 году в развалинах эль-Амарны. Это преимущественно письма — на вавилонском языке (б*о*льшая часть), два на хеттском, одно на ассирийском и одно на языке Митанни (хурритском)[8]. Речь идет о сообщениях в адрес

[7] Два граффити от этого царствования, найденные в Саккара, датированы 10-м и 36-м годами, Firth, Quibell, 1935, 81, H-I.

[8] К. Вандерслейен подразделял аккадский язык, на котором было написано большинство писем архива, на «вавилонский» и «ассирийский», хотя уместнее говорить о соответствующих диалектах

Аменхотепа III, его сына Аменхотепа IV / Эхнатона и египетских вельмож от вавилонских, хеттских, ассирийских и митаннийских царей, но главным образом от сиро-палестинских князьков. Сохранилось также несколько копий писем, посланных фараонами. *Письма* были тщательно изучены, особенно в плане хронологии. Все, что написано о роли Египта в Азии в данную эпоху, основано преимущественно на этих письмах.

Памятники искусства представляют собой почти неохватный материал. Это царские сооружения (на этот раз — храмы, а не пристройки к ним) и статуи — в основном царские, более 200 из которых сохранились. Среди них есть и колоссы, ставшие предметом зависти и восхищения «соперника» Аменхотепа III — Рамсеса II.

Частные произведения искусства, также многочисленные, меркнут на фоне огромного количества царских памятников. Они подразделяются на различные группы, что особенно ярко видно на примере гробниц. Расписные гробницы, как правило, скромны; насколько можно судить, они создавались в течение всего этого периода. Скальные гробницы, зачастую колоссальных размеров, относятся исключительно к периоду проведения праздников *сед*. Этот художественный материал не содержит сведений о сражениях и мало что говорит об истории армии и администрации. Однако он позволяет наблюдать процесс глубоких и стремительных изменений в египетской философской мысли, в ви́дении человека и искусства, которые дадут законченные формы уже в Амарнскую эпоху.

При Аменхотепе III реализм, с самого начала лежавший в основе египетского искусства, сменяется свободным стилем. Эта свобода существовала всегда: египетские художники не создавали рабских копий натуры и не увлекались гиперреализмом, хотя и стремились придать яркую жизненность своим произведениям. В царствование Аменхотепа III художник (или сам царь?) осознает свою власть как творца и переосмысляет царский образ: теперь он гипертрофирует его характерные черты и заново компонует их, пренебрегая реалистичностью. Отрыв от реальной физиологии считается особенностью искусства Амарнского периода, но имеет место уже при Аменхотепе III. К сожалению, датировать начало этого переворота мы пока не можем. Точно известно лишь то, что самые невероятные изображения царя относятся к периоду проведения праздников *сед*; главная особенность — огромные, совершенно нереальные глаза. Первые попытки новаторства заметны уже при Тутмосе IV в частных произведениях искусства, скульптурных и живописных. Однако барельефы в частных гробницах, относящихся к концу правления Аменхотепа III — к периоду проведения праздников *сед*, — причудливых излишеств не содержат. Эти изящные изображения, в которых соблюдены все пропорции тела, и к показу человеческой природы применяются зрелые и уравновешенные подходы; они контрастируют со сценами царских памятников, полных излишеств. Весь этот материал когда-нибудь должен послужить для написания истории человеческих прихотей.

Пока же история царствования, если судить по источникам, выглядит отрывочной.

(действительно, на чисто ассирийском диалекте написано лишь одно письмо архива — EA 16). Язык донесений из Палестины и Сирии испытывал настолько сильное влияние западносемитских диалектов, что в настоящее время его определяют как особый «аккадский язык Амарнских писем». — *Науч. ред.*

ПЕРВЫЕ ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ

Как объяснить обилие событий в первые годы царствования Аменхотепа III и последующие двадцать лет «пустоты»? Очевидно, первые одиннадцать лет царь находился под опекой. Первый выпуск памятных скарабеев[9] в начале царствования — новшество, которое почти не получило развития, — вероятно, совпал с восшествием Аменхотепа III на престол. Действительно, скарабеи не были приурочены к бракосочетанию царя и Тийи — они содержат перечень всех титулов царя[10]. В свое время так же поступил Тутмос I, отправив вице-королю Тури точный перечень своих титулов. С. Олдред (Aldred, 1988, 145) пришел к выводу, что данный выпуск скарабеев состоялся на первом году правления Аменхотепа III. Царь носит следующие имена: «Хор — сильный бык, который восходит согласно правде-справедливости (*ḫˁ-m-mꜣˁt*/*ха-эм-маат*), Две владычицы: тот, кто укрепляет законы и дает мир обеим землям, Золотой Хор: великий отвагой, побивающий азиатов (*sṯtjw*/*сечетиу*); царь Верхнего и Нижнего Египта, Небмаатра, сын Ра Аменхотеп, правитель Фив, которому дана жизнь». Затем следуют имена старшей царской жены (Тийи) и ее родителей: «Это супруга могущественного царя, его южная граница — в Кари (регион Напаты), его северная граница — в Нахарине». Если это был первый выпуск скарабеев и если юный царь женился на Тийе[11] сразу после восшествия на престол, то упоминание о ее родителях Иуйе и Туйу[12] говорит об их высоком положении. Не исключено, что имена Иуйи и Туйу были запечатлены на скарабеях по их собственной инициативе.

Вторым годом датируются скарабеи «охоты на диких быков», содержащие необычайно длинный текст (Urk. IV, 1739–1740; известны 4 экземпляра) — рассказ о «чуде, случившемся для его Величества». Царя известили о том, что неподалеку от Вади Натрун обнаружено стадо из 170 диких быков (Ritner, 1986), и в тот же вечер была отправлена крупная экспедиция из Мемфиса. Царь выехал на колеснице (скорее так, чем «на коне»; см. выше, с. 303, примеч. 303) в сопровождении войска; чтобы окружить стадо, соорудили стену и ров. В первый день царь загнал 56 быков, затем ждал четыре дня, пока не отдохнут лошади (?). Во второй раз поймали 40 быков, а всего — 96 животных, схваченных, вероятно, живьем[13]. Для такой охоты требовалось множество специально обученных людей: одному человеку, даже взрослому и занимающему трон, такое не под силу. Если Аменхотепу III тогда было около 12 лет, то ему, скорее всего, отвели роль зрителя.

Очевидно, в той же роли он выступал и во время охоты на львов. Многочисленные скарабеи, свидетельствующие о ней (Urk. IV, 1740; известны 138 экземпляров, 18 из ко-

---

[9] Все эти скарабеи опубликованы в книге: C. Blankenberg-van Delden, 1969; дополнения: eadem, 1977; eadem, 1977; Simpson, 1974b. — Последний обзор известных экземпляров: Trad, Mahmud, 1984–1985. См. также очерк Berman в кн.: Kozloff, Bryan, 1992, 67–72.

[10] Так называемые свадебные скарабеи: Urk. IV, 1741. Известно 55 экземпляров, след еще девяти потерян (Trad, Mahmud, 1984–1985).

[11] Вероятно, эта женитьба состоялась рано, что следует из упоминания Тийи, старшей царской жены, на скарабеях «охоты на диких быков» от 2-го года правления Аменхотепа III.

[12] Написание имен условно, так как их орфография в разных источниках варьирует. На своих саркофагах Иуйя назван «Йаа», а Туйу на скарабеях — «Туйя».

[13] О пополнении одомашненных стад дикими животными как возможной цели экспедиции: Brentjes, 1971.

торых не локализованы), сообщают, что с 1-го по 10-й год царь лично застрелил из лука 102 льва. Правда, на 10-м году правления царь уже не был ребенком.

На 10-м году его правления была выпущена и другая серия скарабеев, с информацией более личного характера (Urk. IV, 1738: известны 6 экземпляров). Текст начинается так же, как и на скарабеях в честь восшествия на престол, и включает имена родителей Тийи, а затем говорится: «чудесные дары, доставленные Его Величеству: дочь князя Нахарины Шуттарны Гилухепа, а также лучшие 317 женщин из ее гарема». Даже если царь уже не был подростком, такой массовый завоз чужеземных женщин в свите их царевны, вероятно, объяснялся не только сладострастием царя. Как предполагает С. Олдред (1988, 152), Гилухепу сопровождали искусные швеи, вышивальщицы, портнихи, музыкантши и другие мастерицы, знавшие толк в изысканных искусствах. Мир на Ближнем Востоке был достигнут еще при Тутмосе IV благодаря его браку с сестрой Шуттарны II, царя Нахарины, могущественного северного соседа Египта.

Последний тип памятных скарабеев был выпущен на 11-м году правления Аменхотепа III в связи с проведением мероприятий по ирригации земель площадью 60 га, предназначавшихся для Тийи (Urk. IV, 1737; в 15-й строке перед датой издатель пропустил «3-й месяц»; см.: Newberry, 1905, pl. 33, 2)[14]. Эта обширная территория заполнялась водой с первого дня 3-го месяца *ахет* по 16-й. На последний день приходился праздник «открытия водоемов», когда осушали водохранилища и освобождали для земледельцев пропитавшуюся водой землю (Yoyotte, 1959). Эта область, Джаруха, находилась к северу от Ахмима, где родители Тийи занимали жреческие должности, и, возможно, была их родиной[15]: город Тахта могли назвать в честь Тийи (Yoyotte, 1959, 30 (n. 2), 33). В день открытия водоемов царь проплыл по водохранилищу в царской ладье, носившей название «блистающее светило (*атон*)», как и дворец в Малкате. Царь проверил, насколько высок уровень воды в водохранилище, возможно совершая тем самым некий сельскохозяйственный ритуал, а значит, это была не просто увеселительная водная прогулка.

Итак, эти пять серий скарабеев оказываются источниками не частного характера, как представляется на первый взгляд: они прославляют восшествие царя на престол, его брак с царевной из Нахарины (дипломатической акт высочайшего уровня, возможно сопровождавшийся каким-то договором) и земледельческий ритуал. Кроме того, быки и львы занимают важное место в фараоновом бестиарии — это подлинно монархические животные. Напомним, что «бык» регулярно появляется перед царским именем Хора, а «лев» — частый эпитет этого правителя в начале торжественных надписей. Не менее примечательно то, что нигде не опущены имя и титул Тийи, имена ее родителей запечатлены на двух сериях, а скарабей с текстом об «озере» непосредственно связан с той областью, где они проживали.

После 11-го года выпуск памятных скарабеев прекращается. Среди причин называют взросление царя, упразднение «регентского совета» и даже смерть царицы

[14] Сохранилось 11 экземпляров. См. также: Brier, Pafundi, 1991.

[15] Иуйя был жрецом бога Мина и начальником скота бога Мина (Urk. IV, 1895, 8, 14), Туйу — «начальницей гарема Амона». В работе Tefnin, 1971 доказано, что знаменитая статуя Туи (Лувр E 10655), «начальницы гарема Мина», датируется царствованием Аменхотепа III и что эта женщина может быть родственницей Туйу. С. Олдред полагал также, что статуя может представлять Туйу, а Туи в таком случае — лишь вариант ее имени.

Мутемуйи (Aling, 1976, 13, 217, 231, n. 35). Ученые также склонны считать, что энергичная деятельность царя-ребенка в первые 11 лет направлялась чьей-то твердой рукой, а после обретения самостоятельности он предался праздности (Aling, 1976, 218); апогеем этого периода стало его обожествление на 30-м году правления. Это не исключено, но недоказуемо. Помимо того что сообщают нам большие скарабеи, известно, что в это время были предприняты строительные работы, а на 5-м году состоялась главная военная кампания царя, направленная против Нубии.

НУБИЯ

Военные действия

Когда Аменхотеп III взошел на трон, южная граница египетских владений проходила в Кари, то есть в районе Напаты и 4-го порога (Wenig, LÄ IV, 342 и n. 1), и царь не намеревался выходить за эти пределы, еще на 35-м году его правления обозначавшиеся как «Рог земли» (см. выше, с. 254). Он довольствовался тем, что «посеял страх в Хентхеннефер» — области, простиравшейся как минимум от 2-го до 4-го порога Нила (Urk. IV, 1920, 12; Vandersleyen, 1971, 64–68). Мы знаем о двух нубийских кампаниях Аменхотепа III: одна относится к 5-му году, вторая, вероятно, состоялась в последние годы его царствования.

О кампании 5-го года сообщают многие источники, в том числе большая наскальная стела между Асуаном и Филами (Gundlach, 1987, 184–185). Поход должен был завершиться на 2-й день 3-го месяца *ахет* 5-го года правления (Urk. IV, 1665, 15)[16]. Хотя царь принимал в нем участие, реальное командование осуществлял какой-то опытный полководец — вероятнее всего, вице-король Куша[17]. Эта первая военная кампания удостоилась громких славословий (Urk. IV, 1662, 9–10; 1666, 6; 1793, 12). Началось все с мятежа, поднятого «врагом из жалкого Куша» (Urk. IV, 1666, 4), Та-Сети (общее обозначение Нубии) (Urk. IV, 1959, 17), или *нехси* (Urk. IV, 1685, 2–3). Князем, решившимся на восстание, был некий Ихени, «хваставшийся посреди своего войска: он не знал, что за лев стоял перед ним; а это был Небмаатра, ужасный лев, коготь которого схватил презренную страну Куш, разорвав всех ее вождей в их долинах, так что они образовали груды трупов в лужах обственной крови» (Urk. IV, 1666, 13–18). Царь оценил сравнение себя со львом (о царе и льве см.: U. Rössler, LÄ III, 1086) и затем использовал его всегда, когда речь шла об отношениях с Нубией. Согласно надписям на скарабеях, царь убил 102 львов и, возможно, охота велась и в Нубии. На одном из знаменитых львов, которых царь повелел изваять для своего храма в Солебе (PM VII, 212, n. 2; Urk. IV, 1745, 14), начертано «лев правителей», а на пьедестале колоссальной статуи — «лев царей» (Лувр A 18; Urk. IV, 1742, 3). Во время похода было захвачено 30 000 пленников, но царь «соизволил отпустить их, дабы не уничтожать потомство презренного Куша»

[16] К датировке кампании согласно этим данным см.: Murnane, 1985, 123–124.

[17] По мнению Скотта Морсчаузера (Morschauser, 1988, 161), выражение «могучий меч фараона» означает, что войско не находилось под непосредственным управлением монарха на месте проведения операции; то же самое — в Urk. IV, 1659, 19; 1660, 5.

(Urk. IV, 1666, 10–12). Судя по надписи с Саи, карательная экспедиция был завершена на 24-й день 2-го месяца *ахет* (Urk. IV, 1959, 17); с ней перекликается надпись в Асуане, датированная 2-м днем 3-го месяца *ахет* (Urk. IV, 1665, 15). Не исключено, что царь и авангард его войска за восемь дней добрались от Саи до 1-го порога. Хеби, правитель Мемфиса, встречал их около Асуана (Urk. IV, 1793).

Обычно кампанию 5-го года отождествляют с той, что описана царским сыном Куша Меримосом на стеле, возведенной им в Семне от имени царя (Urk. IV, 1659–1661). По своему духу и некоторым выражениям эта надпись в целом совпадает с той, что высечена на скале между Асуаном и Филами. Так, о царе говорится: «Ужасный лев, (славный) владыка, перебивший их (то есть врагов) по приказу Амона, своего достопочтенного отца». На голове у льва — знак Солнца (Urk. IV, 1660, 9). Но подробности, описанные Меримосом, не раскрываются на царской стеле близ Асуана. Впрочем, рассказ Меримоса более сдержан и методичен. Поскольку верхняя часть его стелы утрачена, мы не знаем, что послужило поводом к военным действиям (вероятно, мятеж) и как развивались события вначале. Слово «Куш» появляется только в титуле вице-короля; указано, что поход направлен против «наглой» страны Ибехет. Для подавления восстания выбрали время жатвы, что вынудило мятежников заключить перемирие и разойтись[18]. Вице-король сразу набрал войско из разных гарнизонов — возможно, расположенных от крепости Баки (Кубан) до Тари (?). Как сообщается в тексте, это расстояние составляло 52 *jtrw*/*umpy*, то есть около 500 км — примерно такое же, как между Кубаном и Солебом. «Жалкая страна Ибехет»[19] потеряла при подавлении восстания тысячу человек, из которых 740 были взяты в плен, а остальные убиты.

Противоречия между текстом Меримоса и документами кампании 5-го года, а также стилистическое сходство текста на этой стеле и на другой, очень близкой по содержанию и датированной 12-м годом правления Эхнатона, наводят на мысль о том, что поход Меримоса состоялся значительно позже царского. Таким образом, нет доказательств того, что на 5-м году Меримос уже был вице-королем, и первой кампанией вполне мог руководить кто-то другой (Helck, 1980; Dehler, 1984).

Составленные при Аменхотепе III списки нубийских топонимов помимо Куша и некоторых известных, но еще не локализованных названий (как, например, Ирем и Миу) содержат большое число имен, обозначений племен и местностей, следов которых сейчас уже не отыскать (Urk. IV, 1661, 17; 1742, 1744, 5).

В это царствование имели место также контакты с Пунтом. Так, высокопоставленный вельможа и правитель города Юга (Фив) Аменмесес повелел изобразить в своей гробнице товары из Пунта и рядом — тамошних вождей (TT 89; PM I, 182 (14)). Другой Аменмесес докладывал, что он принял флотилию из Пунта, это случилось до 36-го года правления Аменхотепа III (см. ниже, с. 345, примеч. 41). Очевидно, речь идет о двух Аменмесесах, так как на 36-м году второй был простым писцом.

---

[18] Глаголы «жать» и «красть» в египетском записывались одинаково. Возможно, мятежниками были кочевники, спустившиеся на равнину. чтобы поживиться урожаем: I. Müller, 1977, 325.

[19] Местоположение Ибехет до сих пор неизвестно: DNG I, 64. Это наименование отмечено на остраконе эпохи Рамессидов среди топонимов, относящихся к территориям южнее 2-го порога. В работе O'Connor, 1987, 101 (карта) указывается, что Ибехет находилась во внутренних землях Вади Аллаки.

Вице-короли Куша

Нубия была не только местом проведения военных операций, но и областью, которой управляли вице-короли. Возможно, к моменту воцарения Аменхотеп сам был «царским сыном Куша» (Bryan, 1991, 317–320). Мы видели, что поход Меримоса, преемника Аменхотепа в должности вице-короля, состоялся в последние годы этого царствования, и его не следует отождествлять с кампанией 5-го года. Косвенным признаком (но всего лишь признаком) того, что вступление Меримоса в должность также состоялось после 5-го года, служит расчет продолжительности его карьеры вице-короля, если она продолжалась без перерывов. Когда на 30-м году своего правления царь прибыл на торжества в Солеб по случаю праздника *сед*, Меримос носил титул «начальника двух тронов Хентхеннефер», и это может говорить о том, что он еще играл заметную роль[20]. Таким образом, Меримос был вице-королем не менее 25 лет. Сходство текстов на стеле в Семне и на памятнике от 12-го года правления Эхнатона побуждает отнести их примерно к одному времени. Даже если допустить одиннадцатилетнее соправление Эхнатона с его отцом, получается — считая от 5-го года правления Аменхотепа III, — что Меримос пребывал в должности более 30 лет, а без этого допущения — более 45 лет. Поскольку ни один источник не заставляет начинать отсчет от 5-го года, Меримос мог занять эту должность и позднее. Как и многие высшие чиновники Аменхотепа III, он мог впасть в немилость, так как его памятники были разрушены. В память о своей карьере в Нубии (Habachi, LÄ III, 632–633) Меримос оставил помимо стелы в Семне наскальную надпись в Томбосе, близ 3-го порога[21]. В этой надписи он произносит перед картушами Аменхотепа III славословия, подобающие божеству; они повторяются в Асуане и Вади Аббад[22]. Часовня в Силсиле, где фигурирует имя вице-короля (ср. выше, примеч. 20), и его надписи в Вади Аббад и Вади Баррамия свидетельствуют о том, что он управлял территориями вплоть до Эль-Каба[23]. Эта ситуация сохранялась и при вице-короле Сетау, в царствование Рамсеса II. Во время путешествия в Восточную пустыню (к северу от Элефантины) Меримоса, вероятно, сопровождали князь Миама (Анибы) Хеканефер, правитель Элефантины Усер и писец Маху (Žaba, 1974, 227–228, A 5–6; 232, A 17; 233, A 19; о Хеканефере см.: Simpson, 1963a, 27). Будучи начальником золотых приисков, Меримос часто наведывался в пустыню. Надпись в Вади Аллаки, в которой он еще упоминается, сделана писцом Маху «для своего господина», которого писец называет «оправданным»: это наводит на мысль, что вице-король к тому времени уже скончался (Пиотровский, 1983, 72, № 74).

---

[20] Vandersleyen, 1968, особенно 252–253; этот титул фигурирует на притолоке в часовне № 26 в Силсиле (Caminos, James, 1963, 86–88, pl. 67). Имя Меримоса утрачено, но высеченные здесь картуши Аменхотепа III и титулы Меримоса делают атрибуцию почти бесспорной. Это самая поздняя из часовен Силсилы. Нет оснований считать, что утраченное имя — это Джехутимос (преемник Меримоса), так как он появляется только при Эхнатоне.

[21] Urk. IV, 1933 (722). Надпись из Эллессии, упомянутая Л. Хабаши (Habachi LÄ), датируется эпохой Тутанхамона: Urk. IV, 1935 (725). Фрагмент статуи вице-короля, обнаруженный в Гебель Баркале (PM II, 222), может происходить из Солеба, как и другие памятники эпохи Аменхотепа III.

[22] Urk. IV, 1933 (721); Habachi, 1957c, 23–25; PM VII, 325 (30). См. также надписи в Вади Баррамия: Žaba, 1974, A 5, 227–228; A 17–19, 232–234.

[23] У Меримоса была гробница в Фивах (TT 383; PM I, 436, 662), и, возможно, он имел какие-то связи с регионом Асьюта: Dewachter, 1981, § 9, 3–4.

Царское строительство

Нубия, по-видимому, имела для Аменхотепа III особое значение, так как в Солебе он возвел храм, сравнимый по важности с храмом в Луксоре и связанный с торжествами по случаю первого праздника *сед* на 30-м году его правления[24]. Местность эта особенно пустынна, и неясно, что двигало царем, когда он решил здесь строить храм и отмечать с исключительным размахом праздник возрождения монархии, во время которого он обожествил сам себя: царь поклонялся царю. С закрученными вокруг ушей бараньими рогами царь напоминает Рамсеса II, который также представлял себя Амоном в этом образе[25]. Храм изобилует монументальной скульптурой: здесь есть и два лежащих льва[26], и огромные соколы — символы Хора из Нехена (Simpson, 1971; Dunham, 1971), и бараны (Kessler, 1992)[27], покровительствующие царю. В гипостильном зале на стволах пальмовидных колонн по кругу высечены изображения зубчатых крепостных стен с названиями иноземных народов — азиатских на севере и африканских на юге. В первом перистиле — сцены праздника *сед*. В 1,5 км к северо-востоку от храма обнаружен парк для охоты: там ловили загнанного зверя в сети (Leclant, 1981) и там же содержались божественные бараны (Kessler, 1992, 351 и n. 24). Храм то ли перестраивался, то ли достраивался уже при Аменхотепе IV.

В 15 км к северу, в Седеинге, был возведен храм в честь царицы Тийи с хаторическими колоннами[28]. Эти два сооружения, в Солебе и Седеинге, расположены по оси север — юг, точно так же как и храмы, построенные позднее Рамсесом II в Абу Симбеле (Leclant, LÄ V, 780).

Аменхотеп III оставил свой след и в других частях Нубии, но, кроме полускального храма в эс-Себуа[29] и фундамента беседки в Кубане, на местах от построек ничего не сохранилось. Редкие разрозненные фрагменты найдены на островах Арго (Jacquet-Gordon et al., 1969, 110), на Саи (PM VII, 165; Vercoutter, 1956, 81, n. 28; 1973, 23; 1986, 13) и в Анибе (PM VII, 81)[30].

---

[24] Отчеты о раскопках Миссии Michela Schiff Giorgini 1957–1977 скоро будут опубликованы. История этих раскопок и частных гробниц: Солеб I и II (1965 и 1971), ср.: Leclant, LÄ V, 1076–1080. План в: Schiff Giorgini, 1959, 155.

[25] По мнению Аньес Кабролъ, высказанному в личной беседе, сфинксы-бараны перед первым пилоном в Карнаке относятся ко времени Аменхотепа III, а Рамсес II лишь узурпировал их. По Д. Кесслеру (Kessler, 1992, 352), бараньи рога символизируют превращение царя в солнечного бога по случаю праздника *сед*.

[26] Эти львы — воплощение монархической идеи. Один из них был закончен в царствование Аменхотепа III, второй, найденный в карьере, — уже при Тутанхамоне: он обработан менее тщательно (Edwards, 1939) и был перенесен в Солеб уже при Эйе (PM VII, 212; Urk. IV, 1745–1746). Марк Габольд (M. Gabolde, 1992, 150–151) полагает, что картуш царя, повелевшего перенести льва, может принадлежать Аменхотепу IV, и в этом случае Тутанхамон реставрировал скульптуру уже в Солебе. Возражения против этих предположений: Kozloff, Bryan, 1992, 219–220 (Bryan).

[27] Все эти статуи обнаружены в Напате, куда их перевез кушитский царь: Wenig, LÄ II, 435–436; см. также: PM VII, 222.

[28] PM VII, 166. — Другое нынешнее название этой местности — Адейе — сохраняет древнюю основу топонима *ḥwt-tjj*/Хат-Тийя, то есть «Владение Тийи».

[29] PM VII, 63–64; Habachi, 1960. — Сначала храм был посвящен одной из инкарнаций бога Хора, затем в нем поклонялись «Амону, хозяину дорог, богу, живущему Маат» (имя Хора царя Аменхотепа III), Амону-барану или Хапи, то есть божеству половодья.

[30] Развалины, обнаруженные в Каве, возможно, происходят из других мест: PM VII, 181, 191.

АЗИЯ И ДРУГИЕ СЕВЕРНЫЕ РЕГИОНЫ

Мир «Амарнских писем»

Прибытие к Аменхотепу III на 10-м году его правления Гилухебы, дочери Шуттарны II, свидетельствует о мирных отношениях между Египтом и его ближайшим северным соседом — Митанни, которой, как мы знаем, соответствовала египетская Нахарина. Неспокойная обстановка внутри страны и на северных границах ослабила военную мощь этого государства. Упадок его могущества начался задолго до Аменхотепа III, и Артадама, отец Шуттарны, выдал свою дочь за Тутмоса IV. Шуттарна скончался вскоре после 10-го года правления Аменхотепа III, после чего началась кровавая борьба за трон. Наследник Арташшумара был убит. Вместо того чтобы занять трон, убийца (о нем мы ничего не знаем) возвел на него Тушратту, младшего брата Арташшумары и брата Гилухепы, супруги Аменхотепа III. Все это мы узнаем из переписки, касающейся второго брака Аменхотепа III с митаннийской царевной в последние годы его царствования. Вторая царевна, Тадухепа, была дочерью Тушратты и племянницей Гилухепы (Gundlach, LÄ VI, 144–145; Helck, LÄ I, 453; VI, 811–812). Этот последний брак не упоминается ни в одном иероглифическом источнике, о нем говорится только в *Амарнских письмах,* датированных последними годами правления Аменхотепа III. В то время Тушратта уже повзрослел и его самым опасным врагом стал недавно занявший трон хеттский царь Суппилулиума I (Helck, LÄ VI, 110; переписка Тушратты и Аменхотепа III: EA 17–24).

Египет почти не обращал внимания на угрозу со стороны хеттов, так как Митанни служило буфером между этими двумя царствами. Первое нападение хеттского царя на Митанни закончилось провалом, и Тушратта предложил часть трофеев своему зятю и шурину Аменхотепу III (Bittel, 1970, 121; EA 17, если под «врагами» подразумеваются именно хетты). Прямые контакты между Хеттским государством и Египтом — вскоре переросшие в военные столкновения — возникнут только при Эхнатоне[31]. При Аменхотепе III на египетском памятнике — одной из колонн храма в Солебе — впервые появляется название города Угарита (Astour, 1981, 15; Simons, 1937, 132 a 5). Дипломатическая переписка подтверждает наличие этих контактов, которые, судя по содержанию некоторых писем, имели место уже при Тутмосе IV (EA 46 и 47; Astour, 1981, 16–17, 27).

Вне списков топонимов в Солебе и на некоторых статуях в заупокойном храме царя в царских текстах из географических названий традиционно упоминаются лишь Нахарина и оба Речену (Urk. IV, 1658, 16, 19; 1693, 18; 1696, 11; 1958, 18), то есть территория, которая простирается от крайнего восточного рукава Нила до Литани. Прочие названия, встречающиеся довольно редко, относятся к собственно египетским землям — например, к прибрежной полосе Дельты[32], населенной *хау-небут*, или к «равнинам Фенеху»,

---

[31] Письмо Суппилулиумы I Эхнатону, EA 41. Сложный для понимания договор о Курустаме, заключенный по поводу переселения в Египет народов этого нелокализованного города в Малой Азии, оставался в силе и при Суппилулиуме. Характер этого переселения и его временные рамки неизвестны: Helck, LÄ II, 1177 и n. 4–5; Zibelius, LÄ V; Bryan, 1991, 360, n. 32. К. Китчен (Kitchen, 1962, 22) полагает, что эти события происходили при Аменхотепе III.

[32] Urk. IV, 1664, 8; 1693, 7; 1756, 14 и, вероятно, 1690, 8.

граничившим с Восточной Дельтой (Urk. IV, 1708, 2, 12), Что касается *ḫntj-š*/Хенти-ше и *rmnnw*/Ременену, в данный момент нет оснований считать, что речь идет о Ливане[33]. Найденные в эль-Амарне письма, за исключением нескольких царских посланий из суверенных государств[34], касаются отношений с упомянутыми регионами. В этих посланиях князья обращаются к царю Египта как равные к равному и зачастую именуют его «мой брат», тогда как вассалы смиреннейше выражают покорность: «вот, я падаю ниц под ноги царя, моего владыки, моего бога, моего Солнца, Солнца небесного, семь и еще семь раз, на живот и на спину» (EA 378); и далее: «…из грязи под ногами твоими, пес в доме царя, моего повелителя» (EA 61).

Итак, у нас впервые появляются сведения о контактах с отдаленными странами, причем контактах мирных: переписка между Аменхотепом III и Кадашман-Энлилем, царем Вавилона, названного здесь Кардуниаш, — первое достоверное свидетельство о существовании отношений между Вавилонией и Египтом (EA 1–6). Фараон говорит свысока, отказываясь выдать египетскую царевну за вавилонского правителя, хотя его собственная супруга была дочерью вавилонского царя. Такие неравноправные отношения свидетельствуют о влиятельности фараона на международной арене в ту эпоху (EA 4; Zaccagnini, 1985, 593–595).

Сообщения вассалов фараона пестрят локальными известиями, подчас носящими чисто административный характер, и касаются главным образом палестинских городов: Сихема, Иерусалима, Гезера, Мегиддо и других[35]. Но встречаются и сведения о гораздо более серьезных событиях: создании «государства» Амурру (Giveon, LÄ I, 251–252; Murnane, 1958, 5–8), беспорядках, устроенных хапиру, росте хеттского влияния. Судя по манере обращения к царю и египетским чиновникам, вождь Амурру Абдиаширта был вассалом Египта. Значительная часть донесений о нем происходит из Библа, которому прямо угрожало расширение нового государства. Правитель Библа Рибадди постоянно шлет царю Египта письма, которые тот оставляет без внимания, пока они вконец не донимают его. Вполне возможно, что Рибадди больше интриговал, чем подвергался угрозе, и был больше соперником Абдиаширты, чем искренним сторонником египтян (Liverani, 1971). В конце концов Абдиаширта, видимо, был схвачен и доставлен в Египет, где и умер[36]. Так или иначе, Азиру, сын Абдиаширты, унаследовал трон и сумел завладеть Библом.

Исследователи много занимались проблемой хапиру (Murnane, 1985, 3, n. 4, библиография; Na'aman, 1982) из-за библейских параллелей в Библии и явного сходства этого термина со словом «евреи». Он встречается за пределами «библейской географической зоны» и относится к намного более раннему времени, чем исход из Египта, если мы поместим это событие в XIII век. Но исход из Египта можно датировать

---

[33] Urk. IV, 1730, 9; 1732, 5; 1760, 14; 1711, 7. — Основной аргумент в пользу данной идентификации — поставки дерева *ʿš/aш* из этих стран.

[34] Это государства Арцава, Митанни и Вавилон, засвидетельствованные при Аменхотепе III, причем два последних — еще и при Аменхотепе IV, а также Ассирия и Хатти, отмеченные только при Аменхотепе IV. Письма из Алашии еще не удалось датировать (Moran, 1987, 48–49, § 6, 3).

[35] Ср. топонимические карты, составленные по данным Амарнских писем: Aharoni, 1979, карта 11; Moran, 1987, 569–571. Многие локализации здесь очень сомнительны.

[36] Altman, 1977. — Астур (Astour, 1981, 19) предположил, что Абдиаширта был убит в Амурру своими же подданными под нажимом египтян и Тушратты при возвращении на родину после второго набега хеттов Суппилулиумы; я не понимаю, на чем основывается это предположение.

и более ранним периодом, а образ жизни хапиру как кочевников-завоевателей и место их жизнедеятельности настолько напоминают реалии израильского завоевания, что многие ученые сочли возможным отождествить их с израильскими племенами, пришедшими в Землю обетованную (Albright, 1961; Helck, 1968).

Пьедесталы статуй в Ком эль-Хейтане

Другими свидетельствами расширения географических представлений египтян, являются перечни иноземных народов, высеченные на пьедесталах статуй в заупокойном храме царя в Ком эль-Хейтане (Гурне). Подобные списки составлялись с начала XVIII династии, а возможно, и Среднего царства, если считать *Тексты колдовства* их прообразом. Но суть их была различной: в *Текстах колдовства*, по-видимому, перечисляются опасные или угрожающие Египту племена, а в списках Тутмоса III — те, которые воевали с египтянами и были побеждены. При Аменхотепе III приводятся главным образом названия народов, находившихся вне пределов досягаемости египетского войска, с которыми могли поддерживаться только дипломатические и торговые отношения, или же регионов, о существовании которых египтяне узнали недавно: таковы, например, эгейские и греческие топонимы на пьедесталах статуй.

Названия, высеченные на четырех из пяти обнаруженных пьедесталах, относятся к хорошо знакомым, близким к Египту областям. На пьедестале A приводятся самые удаленные местности — Арцава, Каркемиш, Халеб, Нухашше; на пьедестале B — топонимы области Тахси, например, Иеноам и Дамаск; на пьедестале C читаются лишь Ирката и Аммийя, а на пьедестале D высечены названия неизвестных племен, среди которых, правда, есть арамеи (самое раннее упоминание о них). Что касается пьедестала E, то справа на нем указаны Кефтиу и Тинаиу, слева — названия, идентифицируемые как Амнис, Фест, Кидония, Микены, Мессения[37], Навплия (?), Кифера, Илион (Троя), Кносс, Амнис (sic) и Ликтос (Base E, Edel, 1966, 33–60). Поскольку Кефтиу чаще всего отождествляется с Критом, появилась гипотеза — не имеющая других оснований, — что два правых топонима обозначают регионы, а слева перечисляются названия расположенных в них разных мест, причем они считаются критскими. Поскольку некоторые из них относятся к материковой Греции (как, например, Микены), а не к Криту, то было решено, что Тинаиу — это уже наименование еще одного региона, и к нему следует отнести другую группу топонимов. Отсюда возникла идея о том, что топоним Тинаиу может скрывать в себе название народа данайцев и обозначать континентальную Грецию (Helck, 1979, 30). Но это порочный круг. В действительности Кефтиу и Тинаиу соответствуют регионам континентальной Азии и не имеют ничего общего ни с Критом, ни с Грецией (Vandersleyen, 1985, 46–50; Vandersleyen, 1994b). Это не препятствует прочтению греческих и критских наименований в левой части пьедестала, но с учетом неясного начертания символов и множества неизвестных нам азиатских топонимов стоит по крайней мере задаться вопросом: разве не исключена иная их интерпретация, помимо одной, предложенной до сих пор? Название

[37] Так, в работе Э. Эделя (историческая область на юго-западе Пелопоннеса, одним из центров которой был г. Мессена), в тексте К. Вандерслейена ошибка — «Мессана» (то есть нынешняя Мессина на Сицилии). — *Науч. ред.*

Кефтиу неизменно связывается с Критом, что запутывает исследователей и заставляет считать абсурдной саму идею поисков в Азиатском регионе. В. Хельк[38] уже отказался от идентификации Феста и первого Амниса, а чтения названий Илион и Навплия он находит неправдоподобными. Еще более существенными мне представляются его возражения по поводу прочтения предположительно известных топонимов на других пьедесталах: он считает A-šu-r (Ашур) не Ассирией, а скорее, «неясным обозначением», и возражает против того, чтобы усматривать Вавилон в Babil, так как этот топоним окружен ханаанейскими топонимами. Хельк склонен помещать Babil на юге Палестины[39].

Несмотря на выдвинутые здесь призывы к научному благоразумию при толковании топонимов, следует признать, что контакты между Египтом и Средиземноморьем существовали, о чем свидетельствуют египетские предметы, найденные на Крите и Греции, и микенские, обнаруженные в Египте. Двадцать предметов с именами Аменхотепа III и Тийи были найдены в различных местностях Эгейского мира — как раз в тех, что были идентифицированы Э. Эделем. Из этого сделали вывод о прямых контактах (например, дипломатических) между Египтом и Эгейской цивилизацией[40]. Но установленные Аменхотепом III связи существовали недолго, оборвавшись при Аменхотепе IV (Merrillees, 1972, 293).

Восток и Запад

Сведения о западных соседях Египта немногочисленны. Впервые *мешвеш* упоминаются на этикетках из Малкаты, где среди съестных припасов, предназначенных для второго праздника *сед*, был и говяжий жир в глиняных кувшинах от *мешвеш* (Kitchen, 1990, 16 и n. 2). Пили в Малкате и вино из оазисов (Giddy, 1987, 77–79), а по случаю установки столба *джед* были вызваны танцовщицы из оазисов (Giddy, 80–81).

Области на восточной границе не слишком привлекали внимание царя. В Вади Хаммамат — никаких следов[41]. При Аменхотепе III возобновили работу галенитовые рудники в Гебель Зейт, закрытые впоследствии при Рамсесе II (Castel et al., 1984–1985, 100). На Синае найдены незначительные архитектурные фрагменты с именем Аменхотепа III — хаторические колонны и детали ворот, пристроенные к храму Хатор в Серабит эль-Хадим. Но больше всего там обнаружено следов деятельности Себекхотепа Па*нехси*, посланника царя, царского писца и казначея, который изготавливал один за другим памятники со своим именем: вазы, статуи, стелы, одна из которых

[38] Helck, 1969g, критика Э. Эделя (Edel, 1966, 73–76). См. также: Goedicke, 1969.

[39] Helck, 1969g, 81–82. — На скарабее Аменхотепа III с эпитетом «тот, кто разграбил Сангар» имеется в виду не Вавилон, вопреки AEO I, 211*.

[40] B. Cline, 1987, за точку отсчета берутся списки, опубликованные Э. Эделем.

[41] Надписи HM № 251 и 252 (PM VII, 328) относятся ко времени Аменхотепа IV (Weigall, 1913, 35, pl. VII, 13, 15). Картуш, которому поклоняется некий Аменмесес, а также один из трех картушей, сгруппированных под лучами Атона во второй надписи, содержат эпитет «бог, правящий Гелиополем», характерный для эпохи Аменхотепа IV; оба картуша принадлежат, вероятно, этому царю. Аменмесес, возможно, был тем самым царским писцом, чье имя отмечено и на ярлыках в Малкате на 37-м году правления: Aling, 1976, 202. У. К. Хейс (Hayes, 1951, 100, n. 208) отождествляет его с владельцем TT 89; впрочем, имя Аменмесес было очень распространенным.

датирована 36-м годом правления Аменхотепа III[42]. Па*нехси* поручили доставку бирюзы (*мефкат*) для приближающегося праздника *сед*, и, вероятно, именно он воздвиг царскую стелу в праздничный год (PM VII, 350, 362; Urk. IV, 1890). Найденная на Синае знаменитая голова царицы Тийи, судя по стилю, также может быть отнесена к последним годам царствования Аменхотепа III (Каир JE 38257; PM VII 361; Bruxelles 1985, n. 31).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. ПРАЗДНИКИ *СЕД*. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЦАРЯ

После 11-го года правления Аменхотепа III источники хранят почти полное молчание. Лишь с приближением 30-го года, когда собирались отмечать первый праздник *сед*, дворец в Малкате в левобережных Фивах начал оживать. Ярлыки на кувшинах свидетельствуют об оживленной деятельности, не прерывавшейся с 28-го по 38-й год правления Аменхотепа III (Hayes, 1951, 87–88, 56, fig. 16). Все это должно было касаться царя, но его имя не появляется ни разу; в то же время на протяжении указанных 11 лет в этих местах разворачивалась деятельность множества служащих[43].

Бездействие царя после 11 года нельзя объяснить случайностями раскопок и непостоянством источников. Есть предположение, что царь, живя в Мемфисе, не проявлял никакого интереса к Верхнему Египту до тех пор, пока на 28-м или 29-м году правления не собрался там поселиться (Redford, 1984, 59). Серьезным аргументом может являться состояние здоровья царя: в момент смерти он страдал ожирением. Даже если не учитывать особенностей мумии, под кожей которой оказалась набивка для нейтрализации резкого усыхания, вызванного натроном (Smith G. E., 1912, 49–50), многие статуи представляют царя очень тучным и с большим животом[44]. На изящных барельефах храма в Луксоре царь кажется очень невысоким, почти коротышкой, с толстыми конечностями: это самый низкорослый из всех фараонов, чьи мумии сохранились (1,60 м: Robins, Shute, 1983, 459). Одно изваяние еще совсем юного царя (Boston, 1970.636; Vandersleyen, 1975–1976) представляет его непомерно тучным — особенно жирны, если смотреть спереди, торс и колени; впрочем, вполне возможно, что эту статую изваяли к 30-му году правления Аменхотепа III. Стал ли царь таким тучным в зрелые годы или он был пухлым еще ребенком (Vandersleyen, 1988a и 1990b)? Амарнский рельеф представляет сцену, где доминирует шарообразное светило, сноп лучей которого, заканчивающихся ладонями, тянется к царю и Тийе; здесь облику царя вдо-

[42] В действительности стела поставлена словоохотливым писцом Аменмесесом Хумаи (?), рассказывающим между прочим о своей деятельности на Синае, а также о прибытии из Пунта флотилии с душистой смолой (Urk. IV, 1891–1893).

[43] Если принять версию о долгом соправлении, первые клинописные документы эль-Амарны следует отнести к этому времени.

[44] Нью-Йорк, MMA 30.8.74 (M. Müller, 1988, IV–139 и fig. 6); Каир JE 33900 и 33901 (PM II, 452; Müller, 1988, IV–17–18). Некоторые видят здесь символический смысл: царь, мол, был воплощением бога плодородия. См.: Bryan, в кн.: Kozloff, Bryan, 1992, 204–205.

бавок к почти неприличной полноте придан характерный для амарнского стиля томный вид[45]. Судя по мумии, царь страдал еще и от зубных абсцессов.

Все это, как и факты об апатии царя, наводит на мысль о том, что к концу жизни он был болен, хотя некоторые источники слишком поспешно были истолкованы в этом духе. Так, в амарнском письме от 36-го года (EA 23; Černy, 1964) Тушратта, правитель Митанни и брат жены царя, сообщает ему о прибытии идола богини Шавушки, то есть Иштар, из Ниневии. Ничто в письме не указывает на целительную силу статуи, о которой часто пишут, или на заболевание царя; изображение могли доставить в Египет и по случаю бракосочетания царевны Тадухепы и Аменхотепа III. Для своего заупокойного храма царь повелел изваять около 700 статуй Сохмет[46] — «величественная гранитная молитва» суровой богине, которой подчинялись болезни и жрецами которой нередко были врачи (Yoyotte, 1980; von Kanel, 1984; Sternberg, LÄ V, 325). У царя, заказавшего такое множество изваяний, был какой-то психоз; может, обеспечивая постоянную заботу двух богинь, он хотел защитить себя от всех недугов? А может, он надеялся только на всегдашнее покровительство Ра? Еще одним возможным объяснением внезапного переезда двора из Мемфиса в Фивы и молчания источников может быть эпидемия чумы в Египте, засвидетельствованная в этот период (Goedicke, LÄ V, 918).

Все источники последних лет царствования Аменхотепа III посвящены трем праздникам *сед* (Hornung, Staehelin, 1974, 33–36; также Habachi, 1971b, 68–72), которые знаменовали годовщину восшествия его на трон. Первое из торжеств, материал о котором имеется в изобилии, проходило с 30-го по 31-й год его правления (von Beckerath, 1991, 31–33). Местом его проведения был выбран дворец в Малкате, в левобережных Фивах, к югу от Мединет Абу (O'Connor, LÄ III, 1173–1177; Kemp, O'Konnor, 1974); вполне возможно, что дворец, как и его искусственная гавань Биркет Абу, были построены специально для праздника[47]. Это заметно и по сооружениям, явно предназначенным для церемонии, — таково, к примеру, сооружение с подъемом в современном Ком эс-Самак[48]. Поскольку предполагалось, что единственным служителем культа будет царь, именно он изображен на рельефах во всех храмах, хотя это и не означает, что он присутствовал на каждой церемонии. Безусловно, торжества проходили не только в Малкате. Праздник отмечался в разных частях страны, выбор которых остается загадкой: в Солебе возле 3-го порога, а также в Бубастисе, в Дельте. Занимавшие различные должности высокопоставленные особы могли представлять там царя: в Солебе это были вице-король Меримос, визири Аменхотеп и Рамос[49], а также

[45] Британский музей 57399; Aldred, 1973, 10. Чрезмерная полнота стала характерной чертой и изображений частных лиц в эту эпоху: Bryan, 1990, pl. 18, fig. 2, 4, 6.

[46] Бóльшая часть этих статуй была перевезена затем в Карнак, в храм Мут.

[47] До 30-го года этикетки на кувшинах, отправленных сюда, слишком малочисленны, чтобы свидетельствовать о постоянном местпребывании царя во дворце (всего 13 этикеток с 8-го по 29-й год по сравнению с 229 за один 30-й год: Hayes, 1951, 56, fig. 16).

[48] Лестница этого сооружения насчитывала 30 ступеней (что соответствовало 30 годам царствования), на каждой из которых был нарисован пленник (результаты раскопок японских археологов: Watanabe, Seki, 1986). После смерти царя постройка была скрыта во избежание использования не по назначению. Согласно археологическим данным, в своем первоначальном виде это сооружение могло использоваться в течение 15–20 лет еще до 30-го года (ibid., 24). Более загадочен «ипподром для скачек на колесницах», обнаруженный к юго-западу от дворца: Kemp, 1977.

[49] Или Рамосе; традиционное прочтение имени — Рамос, Рамес.

Аменхотеп, сын Хапу. Визирь Аменхотеп и Херуэф выполняли эту обязанность в городе Бубастисе, которому, как и Силсиле, судя по обнаруженным там надписям, отдавалось предпочтение при проведении праздника *сед* и при Аменхотепе III, и при Рамсесе II. Эти города подходили для таких торжеств (Habachi, 1971b).

Этот первый праздник *сед* имел грандиозные масштабы, не иначе; за редким исключением только он фигурирует на памятниках и на рельефах. Он упоминается на 229 этикетках на сосудах в Малкате. Праздник на 34-м году известен по упоминаниям на более 400 этикеток из Малкаты, но остальные источники о нем умалчивают. Третий праздник *сед*, приуроченный к 37-й годовщине царствования, скромно представлен сотней аттестаций на этикетках от 36-го и 37-го годов. О нем помимо упоминания в гробнице Херуэфа[50] есть сообщение писца Аменмесеса на Синае (Urk. IV, 1981; Hornung, Staehelin, 1974, 34, n. 33). Третий праздник *сед* стал последним событием в истории этого царствования.

В ходе праздника, знаменовавшего возрождение сил царя, Аменхотеп III был обожествлен. Фараон всегда был богом, «прекрасным богом», сыном Ра и других божеств[51]. Процедура обожествления, упорно и демонстративно проводимая в жизнь Аменхотепом III, а затем и Рамсесом II, кажется излишней, но дело в том, что до того речь шла лишь о божественности на словах, некоей абстракции. Можно сказать, что Аменхотеп III при жизни пожелал стать богом во плоти и быть изображенным в качестве такового. Церемонию перевоплощения царя в живого *Ка* было решено провести в луксорском храме. На празднике *сед* царь выступал в роли Ра, а царица — в роли Хатор (Wente, 1969). Дворец, в котором состоялись торжества, возможно, именовался «Аменхотеп — сверкающее светило» (Redford, 1976, 51). «Светило», *jtn*/*атон* — одно из обозначений Солнца. Культ Солнца стремительно развивался, и текстуальные выражения этого поклонения по духу очень близки амарнским гимнам, где слово *атон* означает «утреннее светило», в котором проявляется бог Эхнатон (Stewart, 1960; также см. ниже с. 352, примеч. 64). Воспроизведение вновь и вновь ритуальных церемоний, посвященных слиянию Аменхотепа и Амона-Ра, привело к серьезному умножению имен царя: он выступал как бог в своих многочисленных *kꜣw*/*кау,* то есть в бесконечных воплощениях (L. Bell, 1985a, 285–288). Статуя совсем юного Аменхотепа III представляет царя в парике и *псхенте*, которые значительно позже станут отличительными чертами бога-ребенка Неферхотепа. Это действительно изваяние бога-ребенка, «возлюбленного Исидой, живущей в Бехдете (Эдфу)» (Vandersleyen, 1975–1976); к тому же он носит ожерелье *šbjw*/*шебиу* — знак того, что обожествление состоялось[52]. То же значение, вероятно, имеют все изображения царя с подобными украшениями. Культ царя был учрежден при его жизни (в Солебе царь являлся служителем своего собственного культа), а как «обыч-

[50] Рельефы из гробницы Херуэфа посвящены только первому празднику. Три надписи с упоминанием третьего праздника *сед*, от 37-го года, добавлены позднее там, где оставалось место; столбцы надписи у́же, а знаки меньше, как и столбцы с иероглифами, обрамляющие царскую беседку: здесь видны следы переделок. Изображения людей и три надписи почти полностью сбиты молотком: Epigraphic Survey, 1980, pl. 48–49, 51.

[51] «Божественность» фараона оспаривается в работе J.-C. Goyon, 1991, 5.

[52] Подробные рассуждения об обожествлении царя: W. R. Johnson, 1990, 36–42; W. R. Johnson, 1993. Недавно в Луксоре была обнаружена статуя из матового кварцита — это «статуя статуи»; судя по стилю, она относится к последнему периоду царствования Аменхотепа III. На передней части пьедестала виден эпитет — «истинно прекрасный бог»: el-Saghir, 1992, 23x.

ному» божеству, под именем Осириса, ему поклонялись даже в далеком Угарите (Radwan, 1973; Gaál, 1974). Инвентаризация памятников, относящихся к обожествлению Аменхотепа III, еще далека от завершения (см. также: K. Martin, 1990; Habachi, 1969a, 48–49).

Царь был похоронен в гробнице, вырубленной в Долине царей, но не рядом с предками, а в стороне, в западной части долины[53].

В эль-Амарне обнаружены многочисленные предметы с именем царя. Там же в скульптурных мастерских найдены головы, отражающие облик царя либо еще со следами художественной идеализации, либо как гипсовую маску с постаревшим и страдающим лицом, передававшим истинные черты этого властителя[54]. Окончил ли он свои дни в эль-Амарне? Так считают сторонники версии соправления; по мнению других, мы имеем дело с посмертными изображениями или масками неизвестного нам человека.

ИСКУССТВО ПРИ АМЕНХОТЕПЕ III

Из всех фараонов XVIII династии Аменхотеп III по продолжительности царствования занимает второе место — после Тутмоса III. В это время формы и дух египетского искусства стремительно меняются, что приведет к настоящему перелому в период, называемый Амарнским. Искусство более, чем когда-либо, оказывается связанным с историей. Сначала изобретательность художников проявляется в свободном обращении с реальностью, как, например, на царских рельефах Тутмоса IV. Смена монарха прошла в этой сфере почти незаметно, и в первые годы нового царствования наблюдались те же тенденции, что и ранее. Однако всплеск творческой энергии породил различные направления, так что старое и новое существовали параллельно, это вводит в заблуждение тех, кто пытается расположить во времени этапы культурного развития[55].

Круглая скульптура, барельеф, живопись

В искусстве второй половины периода XVIII династии больше всего поражает доселе невиданная манера восприятия и изображения человеческого существа. До сих пор индивидуальные черты были размыты, физический облик — стандартен и суховат, лица выглядели застывшими — то ли от бесстрастности, то ли от благодушия. Теперь же формы тела, особенно женского, теряют эту сдержанность. Художники и скульпторы свободно перерабатывают их, подчеркивая привлекательность человека даже вопреки биологическому правдоподобию (Cherpion, 1987, 35). Более вольное изображение тела сопровождается модой на все более роскошные одеяния: количество

[53] Гробница № 22; PM I, 547–550; Romer, 1991, 312–131; Reeves, 1990b, 38–40, 245; Kondo, 1990. Четыре заклада в фундамент здания сохранили имя Тутмоса IV — признак того, что гробницу начали вырубать в скале по инициативе этого царя.

[54] Ср.: Schäfer, 1931, pl. 8, 9; Ägyptisches Museum Berlin, 1967, № 762, 763; Lange, Hirmer, 1964, № 156–157, 191; возможно, также: De Wit, 1950, № 56–57.

[55] См. сборник статей: The Art of Amenhotep III, 1990; Maya Müller, 1988, и особенно — Kozloff, Bryan, 1992.

ткани увеличивается одновременно с усложнением складок и деталей, причем это касается как мужской, так и женской одежды. Лицо меняется в двух направлениях. С одной стороны, его, как и тело, подправляют: глаза становятся огромными, профиль, напротив, утончается — особенно на типовых изображениях второстепенных персонажей в гробницах, — нос округляется и укорачивается, что вместе с пухлыми губами и маленьким подбородком делает лицо юным и приятным[56]. С другой стороны, огромные глаза изображаются слегка прикрытыми, что придает лицу значительность. Так возникает новое измерение, психологизм, особенно в круглой скульптуре, призванной главным образом увековечить человеческую индивидуальность.

На скульптурах и рельефах царь выглядит порой мальчиком, каким он был на момент восшествия на престол, порой взрослым, с безмятежными чертами и пустым взглядом или, наоборот, с загадочной улыбкой. Подчас он представлен в перегруженном стилистическими излишествами образе совсем маленького ребенка и тут же изображается как тучный мужчина. Такое многообразие озадачивает, и пока непонятно, какие выводы исторического характера можно из этого сделать[57].

Статуи писца Аменхотепа, сына Хапу «младшего», — прекрасный образец частной скульптуры в апогее ее развития[58]. Приоритет отдается передаче движения мысли, тело перестает быть простой опорой для головы и также служит для передачи индивидуальности. Аменхотеп был начальником царских работ и отвечал за изготовление, перевозку и установку царских колоссов. Его изобразили задумчивым, расслабленным, слегка утомленным. Такое схватывание общего образа добавляет реалистичности, но этот эффект сглаживается подчеркиванием черт, характерных скорее для эпохи, чем для личности: изгиб бровей Аменхотепа-писца и Аменхотепа-царя почти одинаковы. Желание отобразить движение мысли открыло дорогу своего рода экспрессионизму, свободе, в которой ощущалась необходимость. Это уже почти амарнское искусство, если не оно само[59].

Стиль скальных гробниц, появившихся в Фивах к 30-му году правления Аменхотепа III, уникален и кажется далеким от поворотных событий в искусстве. Здесь не наблюдается никаких физиологических несоответствий. Перед нами — общество, представителям которого свойственны духовная изысканность и физическое изящество. Таковы гробницы Хаэмхета (TT 57), Неферсехеру (TT 107), Аменемхета Сурера (TT 48), Херуэфа (TT 192) и Рамоса (TT 55), но не стоит упускать из вида, что две последние — и наиболее совершенные из всех — были закончены уже при Аменхотепе IV.

Много частных памятников найдено и за пределами Фив, в Мемфисе, хотя они сохранились хуже — часто в виде фрагментов и стел. Это говорит о том, что при XVIII династии Мемфис был важным административным центром (Bryan, 1990, особенно с. 69–78).

---

[56] Под это описание подходят, например, изображения из гробниц Менны (TT 69) и Нахта (TT 52), ср.: Cherpion, 1987, 39–41, fig. 17, 10. — Некоторые изображения царицы Тийи имеют те же особенности (например, статуэтка Лувр E 25493, Vandier, 1965, рельеф Брюссель E 2157, PM I, 87). Парная статуя с очень характерными чертами хранится в Бруклине (Brooklyn 40.523), Manuel III, pl. 143, 3; Sauneron, 1968b, 62–78; James, 1974, № 237).

[57] Различные точки зрения на развитие царской скульптуры: M. Müller, 1988; Bothmer, 1990; Strauss-Seeber, 1990; Vandersleyen, 1988a, 1990b; Bryan в кн.: Bryan, Kozloff, 1992, 125–214.

[58] Каир JE 44861 и 44862, PM II, 188 (584); см. также: Terrace, Fischer, 1970, № 25 (44861). Второй ныне находится в Луксоре: The Luxor Museum, 1979, № 117.

[59] О частной скульптуре этого времени см. также: Desroches Noblecourt, 1976.

Благодаря тем, кто имел право оставить зримое свидетельство своего существования, можно видеть, какого совершенства достигла культура того времени. Представленные в скульптуре и на барельефах вельможные особы выбирали такие позы и выражение лица, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление. Нам до сих пор неизвестно, всегда ли это внешнее благородство соответствовало действительности. Не скрываются ли за мягкостью и рассудительностью, которые мы читаем на лицах, страшные пороки, ведь, согласно пословице, лицемерие — это знак почтения, которое порок оказывает добродетели? Главное, что эти люди приняли одухотворенный и уравновешенный вид, от которого исходят высшие добродетели: этой культуре явно было свойственно высокое представление о человеке. И хотя лишь немногие имели возможность и право запечатлеть свою персону в камне или дереве, художники и ремесленники уже обладали достаточным чутьем, чтобы ощутить глубину образа, и достаточным мастерством, чтобы верно ее передать. Заказчики заметно различались по статусу и богатству, но шкала человеческих ценностей была одинакова для всех.

Архитектура

Можно предположить, что строительные работы начались сразу после воцарения Аменхотепа III, — о чем свидетельствуют надписи от 1-го и 2-го годов его правления[60], — и продолжались на протяжении всей его жизни. Однако для установления внутренней хронологии архитектурных проектов и возведения статуй данных все еще недостаточно. Следующая надпись, касающаяся добычи камня, обнаружена в Силсиле и относится уже к 35-му году (Urk. IV, 1678–1679). Молчание источников со 2-го по 35-й год не обошло и строительство[61]. Возможно, царь, живя в Мемфисе, пренебрегал Фивами и Верхним Египтом вплоть до переезда двора в Малкату, незадолго до 30-го года. Большинство памятников Верхнего Египта и Нубии связаны с праздниками *сед*, то есть с последним десятилетием царствования.

Царь строил огромные здания. Храм в Луксоре и третий пилон в Карнаке, а также храм в Солебе (Нубия) сохранились до наших дней (см. выше, с. 341). Но хронология строительства этих сооружений известна лишь в общих чертах[62].

Сегодня к храму в Луксоре[63] ведет аллея сфинксов времен Нектанеба I. Она соединяет Карнак с Луксором и заканчивается пилоном, возведенным при Рамсесе II.

---

[60] Первая надпись, датированная первым же годом этого царствования, касается добычи камня для строительства храма Тота — вероятнее всего, в Гермополе: Urk. IV, 1677–1678 (эль-Берша). Две надписи от 2-го года в Туре сообщают о возобновлении работ в известняковых карьерах для царского «храма миллионов лет», возможно строившегося в Мемфисе: Urk. IV, 1680–1681.

[61] На большой стеле в Каире CG 34025 (Urk. IV, 1646–1657; текст переводился В. Хельком и М. Лихтхайм: Lichtheim, 1976, 43–48), представляющей своего рода отчет об архитектуре этой эпохи, упоминаются только сооружение заупокойного храма, храма в Луксоре и *mꜣrw/мару* (временного алтаря), третьего пилона в Карнаке и храма в Солебе. Согласно У. К. Хейсу (Hayes, 1951, 241), *мару* может быть строением в Малкате; Л. Маннике (Manniche, 1982) считает, что это храм Мут.

[62] У. Р. Джонсон (W. R. Johnson, 1990; W. R. Johnson, 1993) предложил хронологию, которой мы в основном будем следовать.

[63] PM II, 301–339; Barguet, LÄ III, 1103–1107; Brunner, 1977. Зал Аменхотепа III, в котором находится часовня для ладьи: Abdel-Raziq, 1977. Ансамбль храма был всесторонне исследован

За пилоном расположен почти квадратный двор, также времен Рамсеса II, который обрамляет фасад по периметру здания, возведенного Аменхотепом III. Хорошо заметно, что работы при Аменхотепе III проходили в три этапа. На первом этапе была создана передняя часть храма — на площадке над ущельем, с нависающим выступом, под которым высечена длинная посвятительная надпись. На втором этапе был построен так называемый солнечный двор. На третьем — высокая колоннада и солнечные ворота с ее северной стороны, которые нельзя назвать пилоном — настолько они отличаются от традиционных построек такого типа. Мы не знаем, когда начались работы[64], но очевидно, что рельефы были созданы после возведения стен[65]. Большая колоннада и окружающие ее стены получили отделку при Тутанхамоне, а оформление фасада, начатое при Аменхотепе III, было закончено уже при Эйе (Johnson, 1990). Мы не знаем, почему при Аменхотепе прервались работы по отделке, но не его кончина стала тому причиной[66]. Одинокая фигура царя на фасаде своей сложностью выделяется среди остальных изображений в храме, но даже она выглядит сдержанной и упрощенной по сравнению с фигурами на напыщенных и перегруженных деталями рельефов третьего пилона в Карнаке. Еще более необычны рельефы другого здания в Карнаке — склада, от которого сохранились только блоки: как справедливо отметил У. Р. Джонсон, они выполнены в откровенно барочном стиле (Johnson, 1990, 34–40; Vandersleyen, 1988a, 13–15; Eaton-Krauss, 1988, 9–10). Изображение на фасаде в Луксоре, судя по его стилю, не могло быть создано одновременно с росписями в царской гробнице или серией статуй, которые представляют царя с «золотыми украшениями». Еще более сложная проблема — стилистический разнобой в древней части луксорского храма, причиной которого, по-видимому, стали поздние переделки[67]. Так или иначе, у рельефов в этом храме очень тонкие контуры, изображения выглядят почти плоскими и лишь легкая

Восточным институтом в Чикаго; за время подготовки издания были опубликованы многие новые статьи. Основная статья, в которой делается попытка интерпретации храма, посвященного культу царского Ка, то есть царю в его обожествленном виде, принадлежит Л. Беллу: L. Bell, 1985a. В ней, однако, не затрагивается вопрос о времени возведения памятника. В книге Louqsor, Temple du Ka royal, 1986 содержатся сводная информация и свежие уточнения относительно храмового комплекса, сделанные различными авторами, в том числе самим Ленни Беллом, а также У. Дж. Мёрнейном, У. Р. Джонсоном. Служба Эпиграфической разведки (Epigraphic Survey) и Восточный институт Чикаго готовят издание The Processional Colonnade at Luxor Temple. Уже давно были отмечены особенности храма, указывающие на его связь с солярным культом: Brunner, 1970.

[64] Проектировали храм близнецы Сути и Хор, но мы не знаем, руководили ли они работами на всех этапах строительства. Эти двое строили также храмы в Карнаке и в других местах Фив (Urk. IV, 1947–1949, passim; ср. также: van de Walle, 1971). Их знаменитый гимн Солнцу (Urk. IV, 1943–1949; перевод на франц. яз. Varille, 1942) по духу, образам и лексике удивительно близок к «Гимну Солнцу» Эхнатона (см. работу Г. Фехта: Fecht, 1967).

[65] Праздник *сед* упомянут в «зале рождения» (первый этап строительства), но лишь как символ вечности монархии, тому же сюжету посвящены и сцены божественного зачатия царя на противоположной стене, см.: PM II (152, 155).

[66] Приостановкой работ, возможно, объясняется и то, что множество статуй остались незавершенными. Это подчеркивает С. Олдред (Aldred, 1988, 273), выдвигая мнение, что большие частные гробницы тоже не были закончены из-за «переезда в Амарну».

[67] У. Дж. Мёрнейн (Murnane, 1981b, 373) объясняет «небрежность» некоторых переделок поспешностью, с которой велись работы между двумя праздниками *сед*. Это объяснение кажется мне неосновательным.

выпуклость обозначает объем. Во дворе Рамсеса II статуи расположены между колоннами. Большинство их представляют Аменхотепа III, но поставлены они были Рамсесом II, так же как и изваяния, стоящие сегодня перед восточной опорой пилона; где они располагались изначально, нам неизвестно (Yurco, 1979).

В самом Карнаке царь строил как на севере, в храме Монту, так и на юге, в храме Мут, но от последнего мало что сохранилось (Karnak-Nord IV, 55–56; 157–160; Barguet, LÄ III, 348). Основные работы велись в центральной части Карнака (Albouy et al., 1989, 71–73), где царь повелел возвести комплекс для процессий, аналогичный луксорскому. С восточной стороны святилища Амона был сооружен новый фасад в виде гигантского пилона (современный третий пилон); об одном из главных сооружений упомянул сам царь на стеле из заупокойного храма (Каир GG 34025; Urk. IV, 1654). Щедро потраченное на эти нужды золото было «привезено царем из Кари во время его первого военного похода с целью уничтожения жалкого Куша», то есть в кампанию 5-го года. С восточной стороны пилона было поставлено восемь шестов с вымпелами. На северном, лучше всего сохранившемся, выступе высечено крупное изображение священной ладьи Амона Усерхат, на которой Аменхотеп III представлен дважды: перед судном бога — подносящим цветы, а на корме — с веслом в руках. В обоих частях сцены за фараоном было изображение другого царя, меньшего размера, впоследствии стертое и замененное в одном случае изображением жертвенника, в другом — символом *анх*, держащим царское опахало. Этим царем мог быть Тутанхамон[68]. Рельеф высечен в углублении; по его толщине и объемности можно было бы предположить, что он относится к эпохе Рамессидов, если бы не одеяние царя, характерное для времен Аменхотепа III.

Внутри пилона были обнаружены блоки от различных памятников, построенных ранее, а также блоки самого Аменхотепа III (PM II, 61–74; Barguet, 1962, 83–86). Используя их для нового сооружения, царь, вероятно, снес строения, занимавшие территорию, на которой он хотел возвести пилон. Он мог использовать также блоки памятников, разобранных его предшественниками. Эта практика повторного использования говорит не о враждебности или пренебрежении царя к предкам, а, напротив, об уважении и почтении к ним[69]. На южной оконечности оси север — юг Аменхотеп III также начал возводить пилон, строительство которого было закончено уже в Амарнский период. В современном виде десятый пилон — это пилон Хоремхеба (Chappaz, 1987a, также Redford, 1983b), но с южной стороны еще можно увидеть два громадных постамента: один из них, с исполинской ногой статуи, явно относится ко времени Аменхотепа III, а второй был изготовлен для Хоремхеба.

---

[68] Основная информация об этом пилоне: PM II, 60–61 (182–183); Barguet, 1962, 78–73. О стертом изображении царя см.: Murnane, 1979. По мнению автора, в картуше сохранились следы имени Тутанхамона — это предположение согласуется с замечаниями Лофре (Lauffray, 1980, 11–12). Углубление, в котором различимо изображение царя, заметно ниже основного уровня рельефа. Изображение выполнено в стиле, появившемся уже после Аменхотепа III: бедра, не скрытые набедренной повязкой, встречаются на рельефах Тутанхамона (Schwaller de Lubicz, 1982, II, pl. 408). Стилистические различия опровергают гипотезу В. Хелька (Helck, 1981b, 209–212) о том, что это изображение царевны Сатамон, добавленное еще при Аменхотепе III: это явно персонаж мужского пола. План, проекция и надписи западной поверхности пилона: Bakry, 1968.

[69] Прекрасное исследование о духе и характере повторного использования памятников и перечень его следов в Карнаке: Björkman, 1971; о третьем пилоне: 104–110.

Огромный заупокойный храм царя (Haeny, 1981) на левом берегу Фив[70] бесследно исчез. Остались лишь колоссы Мемнона, но и их лица не сохранились. Конечно, некоторые из преемников могли воспользоваться этой богатой кладовой строительных материалов, но, если представить себе количество и размер статуй — 38 колоссов плюс многочисленные изваяния Сохмет (Ricke, 1965) и многочисленные колонны, остается лишь недоумевать по поводу полного исчезновения храма — даже с учетом того, что участок под ним подвержен наводнениям, не благоприятствующим сохранности построек. Зачем, однако, было выбрано столь неудачное место? Должно быть, этим вопросом задавались уже тогда. Предшественники Аменхотепа возводили свои «храмы миллионов лет» на границе пустынных областей, так же поступили впоследствии Рамсес II и Рамсес III. Выбор участка, подверженного наводнениям, не случаен и символичен: поднявшаяся вода должна была заливать храм[71]. В любом случае осталось немало фрагментов здания, так что не стоит во всем винить наводнения. Создается ощущение, что храм разбирали постепенно, а не разграбили за раз[72].

Примечательно, что «храм миллионов лет» в Мемфисе также возведен на территории, не защищенной от наводнений, о чем открыто сообщает зодчий, Аменхотеп сын Хеби (Urk. IV, 1793, 17–18; 1795, 5–6; Morkot, 1990, 325–326, и n. 19). От этого храма также ничего не осталось. От часовни внутри храма Птаха сохранилось несколько блоков (PM III, 840).

Царь строил также в Бубастисе (Habachi, 1957a, 95–107), Гелиополе (Barky, 1967; Moursi, Balboush, 1975), Абидосе (A. Thomas, 1979, 23–25), Сумену (Barky, 1971a), Эль-Кабе (Manuel II, 841–842; Derchain, 1970, 25), на Элефантине (Manuel II, 811; Junge, 1987, 37). Два последних здания, совсем небольшие по размеру, долгое время сохранялись почти нетронутыми. Одно недавно стало жертвой вандалов, другое — беседка на Элефантине — было полностью разрушено в начале XIX века; ее возвели, видимо, по случаю праздника *сед*. В целом при Аменхотепе III возводили больше статуй, чем зданий, как, например, в Сумену и Мемфисе (PM III, 305); статуи эти впоследствии могли включаться в более поздние постройки.

---

[70] О происхождении камня, из которого изготовлены колоссы, ведутся споры (Гебель Ахмар возле Гелиополя или Асуан?). Согласно изысканиям геологов (Klemm et al., 1984), камень везли с юга. Р. Штадельман (Stadelmann, 1984) по данным надписей считает, что это камень с севера. В работе Bowman et al., 1984, высказывается мнение, что, по крайней мере, для северного колосса — единственного заслуживающего названия «колосса Мемнона» — камни были привезены из Гебель Ахмара, в соответствии с надписями, но для реставрации использовались блоки из Асуана. См. также: De Putter, 1991, 47, n. 3.

[71] Судя по стеле CG 34025 (Urk. IV, 1649, 6–7), храмовое озеро (возможно) во время высокого паводка заполняла вода; там водились рыбы, птицы, было много цветов. О важности связи между монархией, праздником *сед*, плодородием и наводнением см.: Helck, 1966d.

В работе Chr. Desroches Noblecourt, 1990, 10, указано, что ось «грота — каскада» в Долине цариц совпадает с осью храма Аменхотепа III, проходя между двумя колоссами. Этот грот символизировал вульву священной коровы — неизбежный путь вечного перерождения — и тем самым был связан с идеей воскрешения, которому посвящен главный храм. Последний, возможно, был специально ориентирован на грот.

[72] Отдельные куски обнаружены в соседнем храме Мернептаха, статуи — в храме Рамсеса III. Многочисленные блоки, сфинксы, крупный скарабей из розового гранита и большинство статуй Сохмет были переправлены по реке в Карнак уже при Пинеджеме I (Laroche-Traunecker, 1982; см. также: Van Siclen, 1986d).

В этот список храмов следует внести также полурелигиозный, полусветский архитектурный ансамбль в левобережных Фивах, известный как Дворец в Малкате. Возможно, он возводился поэтапно, специально для праздников *сед* (см.: выше, с. 347), если только царь не намеревался построить здесь новую столицу (Desroches Noblecourt, 1991, 479), как впоследствии Эхнатон в эль-Амарне.

Что касается частных строений в Мемфисе и в целом по стране, то они многочисленнее царских, но их руины менее зрелищны, чем те, что мы видим в Фивах (Bryan, 1990).

Частная архитектура представлена исключительно гробницами, из них выделяется заупокойный храм Аменхотепа сына Хапу, который является, по сути, царским сооружением. Эти гробницы представляют интерес скорее для истории живописи и рельефа, чем архитектуры, за исключением, пожалуй, крупных гробниц для отдельных представителей знати, принимавших участие в царских праздниках *сед*; эти усыпальницы вырублены в скале и украшены рельефами. Самая крупная из них — гробница Аменхотепа, визиря Юга[73], в которой сохранились лишь отдельные даты: 30-й, 31-й и 35-й годы Аменхотепа III (Gordon, 1983, 77). Ее гипостильный зал — около 35 м в ширину и 12 в глубину — самый обширный из частных гипостильных залов Египта; потолок его опирается на 36 колонн в форме стебля папируса, каждая из которых образована несколькими малыми колоннами. Во дворе находился портик с колоннами, украшенными каннелюрами, как и в храме Аменхотепа, сына Хапу (*Manuel* II, 689–690), в гробницах Херуэфа, управляющего царицы Тийи (TT 192), и Неферсехеру, управляющего дворца в Малкате (TT 107), а также в первом зале гробницы управляющего Аменемхета Сурера (TT 48). Самая значительная после гробницы Аменхотепа — гробница Рамоса, визиря Севера: ее потолок поддерживают 34 одноствольные колонны в форме стебля папируса с капителями в форме закрытого бутона. В некоторых гробницах нет портика и гипостильного зала. Самый необычный план — у гробницы Аменемхета Сурера: помимо поперечного гипостиля здесь есть зал, разделенный на три нефа двумя рядами из десяти колонн в форме стебля папируса с капителями в форме закрытого бутона. Третий зал расширяется, образуя четырехугольник. Его поддерживали четыре ряда колонн, по шесть в каждом, в форме опор для шатра — большая редкость для египетской архитектуры (Haeny, 1970, 9; Jéquier, 1924, 193–196). Строительство четвертого зала с четырьмя колоннами было лишь начато[74].

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

Сохранились сведения о многих вельможах, игравших важную роль в управлении страной (Aling, 1976). В конечном счете они были гораздо известнее царя, но по отношению к нему всегда проявляли верноподданические чувства. Большинство из них

[73] Gordon, 1989, 1983; Eigner, 1983. — Возражение В. Хелька (Helck, 1992) опирается только на фрагментарные надписи и представляется слишком слабым, чтобы опровергнуть доказательства Гордона. О памятниках визиря Аменхотепа в Силсиле см.: Caminos, 1987.

[74] Описание: Davies, в Säve-Söderbergh, 1957, 33–34; план: pl. 62. — Гробница Хаэмхета, управляющего двумя зернохранилищами (TT 57), по качеству сравнима с остальными, но скромнее.

упоминается в источниках последнего десятилетия царствования, когда отмечались праздники *сед*. В связи с этими событиями имена знатных особ фигурируют в надписях и на этикетках ваз, обнаруженных в Малкате (в Hayes, 1951, 100, говорится о 170 засвидетельствованных там лицах), а также, разумеется, в их великолепных гробницах.

Самым влиятельным вельможей был Аменхотеп, сын Хапу[75], хотя его титулы не отражают подлинного величия его личности. Как докладывает в надписях на своих статуях сам сановник, он отличался рассудительностью, зрелостью и умением перевозить громадные скульптуры — именно он водрузил на место колосс Мемнона и парную к нему южную статую, которые высятся перед пилоном заупокойного храма Аменхотепа III, а также еще одну, такую же огромную — более 20 м в высоту, — которая стоит перед десятым пилоном в Карнаке. О высоком положении, которого достиг сын Хапу, говорит и то, что он получил право построить свой заупокойный храм среди царских храмов, неподалеку от Мединет Абу; по размерам он впятеро превышал храм Тутмоса II[76]. Аменхотеп, сын Хапу, не только имел большое влияние на царя, но и проявлял заботу о народе — на двух статуях у входа в храм, в северной части десятого пилона, он назван посредником между людьми и богами: «О, люди Карнака, вы, желавшие видеть Амона, идите ко мне. Я передам ваши просьбы, ибо я — посредник при этом боге. Небмаатра (то есть Аменхотеп III) назначил меня, чтобы я докладывал о делах Двух земель» (Varille, 1968, 25). Аменхотеп играл эту роль до конца эпохи фараонов, поскольку он был обожествлен и стал объектом поклонения как бог-целитель, что роднило его с Имхотепом (Wildung, 1977, 201–276). На статуе Аменхотепа, сына Хапу, где он изображен уже в почтенном возрасте, сказано, что ему 80 лет: следовательно, он родился при Тутмосе III. Родной город Аменхотепа — Атрибис в Дельте; родители его были скромного происхождения. Мы ничего не знаем о его карьере до правления Аменхотепа III, более того, единственные даты, отмеченные на его памятниках, относятся уже к периоду праздников *сед*[77]. В сцене из его погребального храма он изображен склоняющимся перед царем в последний день первого праздника *сед*, то есть на 2-й день 3-го месяца *шему* 30-го года правления. Мы видим на нем двойное ожерелье *шебиу*, двойные браслеты на предплечьях, браслет-бочонок и ожерелье с хаторическим символом (Varille, 1968, 90–93; Urk. IV, 1837, 9–15). Титулы, указанные

[75] Helck, LÄ I, 219–221; Varille, 1968, 125–142; Habachi, 1974b; Sourouzian, 1991b. — У. Мёрнейн (Murnane, 1991) подробно излагает его биографию. В книге Wildung, 1977, 286–297, дается описание всех источников об Аменхотепе, сыне Хапу, как современных ему, так и тех, что касаются его последующего обожествления; см. также: Kruchten, 1992.

[76] Храм Аменхотепа, сына Хапу, находится рядом с храмом Тутмоса II, позади храма Аменхотепа III, чуть к западу от него, уже на сухой пустынной земле. Гробница Аменхотепа, сына Хапу, расположена неподалеку, в Гурнет Мурраи: Bidoli, 1970. Повсюду разбросаны многочисленные фрагменты двух саркофагов; последние были выполнены из диорита («черного гранита») и выглядели как царские из-за высочайшего мастерства исполнения, см.: Varille, 1968, 113–120; Wildung, 1977, 287–288; Peterson, 1978; Kruchten, 1992.

[77] Фрагментарная надпись из заупокойного храма Аменхотепа, сына Хапу, начинается с даты «20-й год»; второй столбец содержит титулы; четвертый начинается картушем, который может принадлежать Аахепр[ур]а (Аменхотепу II) или Аахепер[ен]ра (Тутмосу II). Если эта дата относится к царствованию Аменхотепа II, то, получается, Аменхотеп, сын Хапу, начал карьеру именно при нем? А. Варий полагает, что это, скорее, дата закладки заупокойного храма: Varille, 1968, 96–97.

в других источниках, подтверждают, что он присутствовал на первом празднике *сед*[78]. На 31-м году своего правления Аменхотеп III издал указ о начале работ по строительству заупокойного храма Аменхотепа, сына Хапу[79]. На 34-м году, во время второго праздника *сед*, Аменхотеп, сын Хапу, был еще жив (Hayes, 1951, 100). Уже на 30-м году он занимал должность управляющего «дочери царя, жены царя Сатамон», дочери Аменхотепа III (ibid.). Он также изображен в гробнице Рамоса среди его сослуживцев. Рядом с ним — маленькая хрупкая женщина, безымянная тайна в его жизни, так как Аменхотеп был холост. На Аменхотепе — необычный длинный парик с пробором посередине, открывающим лоб. В похожем, но не таком причудливом парике мы видим Аменхотепа и в гробнице Анхурхау, где тот изображен в конце второго ряда вельмож, торжественно восседающих на тронах. Сам Аменхотеп, сын Хапу, сидит на возвышении скрестив ноги, в непринужденной позе, с вдохновенным видом художника и с дощечкой для письма в руке (PM I, 422 (4); Varille, 1968, 107). Его первый и главный титул — «царский писец», второй — «писец новобранцев» и третий — «начальник всех царских работ». Были и другие титулы, но они относятся к трем предшествующим этапам его карьеры, которые он перечисляет в длинной биографической надписи[80]. Свой первый титул он получил от Аменхотепа III, будучи уже на шестом десятке. История умалчивает и о временных промежутках между повышениями по службе, и о том, в какой момент царь вывел Аменхотепа из тени. Коль скоро все, что мы знаем о нем, кажется, было связано с праздниками *сед*, то, может быть, вся карьера Аменхотепа, сына Хапу, началась слишком поздно, а в середине царствования ничего в его жизни и не было?

Та же история происходит и с большинством других сановников; все египтяне словно дремали много лет, а затем, на 30-м году правления Аменхотепа III, вдруг проснулись и устремились на торжества по случаю праздников *сед*. В это же время самые влиятельные деятели сооружают для себя огромные гробницы, необычные по планировке и отделке, о которых уже не раз упоминалось. По размерам усыпальниц можно судить о степени важности их владельцев (см. ниже, с. 356). Эти восхитительные гробницы для вельмож, участвовавших в организации праздников *сед*, остались незаконченными, причем некоторые были лишь едва начаты, а кое-какие — сознательно разрушены. Высказывалось мнение о том, что эти лица впали в немилость к Аменхотепу III в конце его царствования, но достройка некоторых гробниц продолжалась и при Аменхотепе IV. Не была ли вызвана остановка работ переездом двора, если, предположим, Аменхотеп III направился в Ахетатон? Может быть, это умышленное разрушение зданий было сродни Амарнской политике истребления памяти? В гробнице Херуэфа есть огромный центральный двор (солнечный двор?); такой же, возможно, был предусмотрен в гробнице Неферсехеру[81]. Во многих были портики и необычайно просторные внутренние залы с колоннами, и все это

[78] Varille, 1968, 19 = Статуя Каир JE 44862, 1.2 = Urk. IV, 1834; 1839, 9, речь идет здесь, возможно, о нескольких праздниках *сед*.

[79] Стела из Британского музея, BM 138, которая, возможно, является поздней копией (времен XXI династии) оригинального памятника: Varille, 1968, 67–85.

[80] Каир CG 583, Varille, 1968, 32–49; Urk. IV, 1813–1826; особенно 12-я, 13-я и 15-я строки надписи.

[81] На одном из склонов плато перед этой гробницей; впоследствии Пасер, визирь Рамсеса II, вырубит в этом месте свою гробницу (TT 106).

подверглось сознательному и систематическому уничтожению. Главный управляющий Мемфиса Аменхотеп, прозванный Хеви, также принимал участие в первых праздниках *сед*, но его деятельность, очевидно протекала главным образом в Мемфисе (el-Sayed, 1982; Harris, 1976, 23; Aling, 1976, 197–202; Dewachter, 1984c; Morkot, 1990). Этот Аменхотеп был сводным братом визиря Рамоса, братом Птахмоса, верховного жреца Птаха в Мемфисе, и сыном Джехутимоса, визиря Севера при Тутмосе IV и Аменхотепе III[82]. Известны и многие другие вельможи той эпохи; их имена не указаны в документах из Малкаты, но оставшиеся от них памятники свидетельствуют о великолепии и самобытности искусства этого времени[83]. Согласно единственному источнику, датированному серединой царствования Аменхотепа III, — надписи на статуе начальника землемеров Амона Небнефера, главным жрецом Амона на 20-м году был Мериптах, вторым жрецом-пророком — Аанен, брат Тийи, третьим — Аменемхет, четвертым — Самут (Aling, 1976, 277, n. 23).

СЕМЬЯ ЦАРЯ[84]

Царица Тийя (B. Schmitz, LÄ VI, 305–308 A) была старшей женой царя в течение всего царствования Аменхотепа III и пережила своего супруга. Считается, что она оказывала огромное влияние на царя и играла заметную роль в управлении страной. В первые годы царствования Аменхотепа III ее имя фигурировало на всех памятных скарабеях; в середине его правления она разделяет молчание царя; в сценах гробницы Херуэфа (который, правда, был управляющим царицы), изображающих праздник *сед*, она занимает высокое положение. В других частных гробницах ее изображения и даже имя почти не встречаются[85]. Мы видим ее в храме в Солебе (Leclant, LÄ V, 1077) и в заупокойном храме в Гурне, где она стоит справа от царя, возле трона колосса Мемнона и южного колосса; в обоих случаях она увековечена вместе с другой царицей[86]. Царица изображена и на большой стеле, воздвигнутой за колоссами[87]. Напротив, на правом берегу Фив изображений Тийи нет[88]. Точной хронологии строительства ее заупокойного храма пока не существует, но обнаруженные там рельефы, судя по стилю, отно-

[82] Aling, 1976, 132–135; три других великих жреца Птаха при Аменхотепе III перечислены в диссертации Элинга (Aling, 135–137). К ним следует, вероятно, прибавить Мериптаха, похороненного в Саккара, но время его жизни неизвестно (см.: Gamer-Wallert, 1983).

[83] Просографический обзор: Helck, 1958a и Helck, 1960–1969; Aling, 1976. См. также: Charles, 1960; Богословский, 1974; Brack, 1980, 83; Bresciani, 1981; Schlögl, 1983b; Gessler-Löhr, 1990.

[84] Dehler, 1982, Die Familie Amenophis' III (неизданная диссертация), Hamburg.

[85] Гробницы TT 47 (Усерхат, заведующий царским гаремом); TT 48 (Аменемхет Сурер, главный управляющий) и TT 120 (Аанен, брат царицы).

[86] Вторая царица — в обоих случаях мать царя Мутемуйя.

[87] Ср.: Schäfer, 1931, pl. 2; Priese et al. Staatliche Museen zu Berlin. Ägyptisches Museum und Papyrussammlung, Mainz, 1991, № 57; текст: Urk. IV, 1671. — Царица не фигурирует в остальных храмах, где царь изображен совершающим богослужение; возможно, это связано с тем, что она не носила титула супруги бога (Bryan, 1991, 131–132).

[88] Уникальный случай — ее изображение на блоке из заполнения десятого пилона (Eaton-Krauss, 1988, 10 и n. 69).

сятся к концу царствования Аменхотепа III. То же самое можно сказать и о колоссальной известняковой статуе сидящих царя и царицы — причем они представлены одного роста и с одинаковыми инсигниями (Каир, Manuel III, pl. 108, 2). Большинство остальных памятников Тийи относятся к Амарнскому периоду и обнаружены в самой эль-Амарне, как, например, кварцитовая голова и нижняя часть лица из желтой яшмы (Нью-Йорк)[89] на Синае (голова из стеатита, Каир JE 38257; Брюссель 1985, № 31) и в Гуробе, где найдены предметы роскоши и деревянные скульптуры[90]. В гробнице Хевиа, управляющего царицы в эль-Амарне, Тийе также отведено заметное место (Urk. IV, 2006–2007; Davies, 1905, III).

О влиянии, которое царица могла иметь на царя в качестве его доверенного лица и советника по государственным делам, свидетельствуют обнаруженные в Амарне многочисленные письма Тушратты, царя Митанни. Они написаны сразу после кончины Аменхотепа III. Тушратта желает продемонстрировать свое дружественное отношение к его наследнику в посланиях, одно из которых адресовано царице, а три других — Аменхотепу IV, то есть Эхнатону[91]. Он призывает царицу в свидетели этой дружбы: «Ты — та, которая знает, что я сам, Тушратта, всегда был другом твоему супругу и что твой супруг всегда был другом мне… Ты — та, которая лучше всех знает о том, что мы говорили друг другу. Никто больше не знает этого» (EA 26, перевод Морана). И далее — Аменхотепу IV: «Тийя, главная и любимая жена твоего отца, знает все, что твой отец писал мне»; «ты должен спросить Тийю, свою мать, об этом: пусть она скажет, что твой отец всегда был мне другом» (EA 29, 28, перевод Морана).

Эти тексты не означают, что в начале царствования Эхнатона Тийя была регентшей, но на цилиндрах и жемчужинах, связанных с культом бога Себека в Сумену, где обычно фигурируют только имена царей, появляются также и имена цариц — так, словно они правили сами: Хнемет-нефер-хеджет, матери Сенусерта III, Нефрусебек, Яхмос-Нефертари, Хатшепсут и Тийи (см. выше, с. 129, примеч. 79). Престиж Тийи был настолько высок, что она не только изображалась в виде сфинкса (Hayes, 1959, 243, fig. 147) и даже шагающего сфинкса, в головном уборе, ставшем знаменитом благодаря Нефертити (PM VII, 166), но и была обожествлена как воплощение богинь Хатор, Маат и Таурт[92]. На некоторых ее изображениях мы видим круглое миловидное лицо, но в произведениях искусства Амарнского периода, последних лет ее жизни, царица выглядит уже иначе — выражение ее сурового, волевого лица проникнуто брезгливостью и неприязнью.

---

[89] MMA 11.150.26 и 26.7.1396; Aldred, 1973, № 101 и 21; Kozloff, Bryan, 1992, № 16.

[90] Вероятно, голова из тиса является портретом царицы: Берлин 21834; Ägyptisches Museum Berlin, 1967, 676; Aldred, 1973, № 19; Kozloff, Bryan, 1992, n. 26. — О видах причесок см.: Eaton-Krauss, 1977, 29–32; Wildung, 1992. — Малые предметы с надписями Амарнского периода: Urk. IV, 1756, 16; 1769–1774, passim.

[91] EA 26, письмо к Тийе; EA 27–29, письма к Напхурурейя = Неферхепрура, тронное имя царя Аменхотепа IV / Эхнатона.

[92] Об обожествлении Тийи см.: Robins, 1986, 11; Donadoni-Roveri, 1985, 16–19. — Ношение царского головного платка *ḫ3t*/*хат* также может свидетельствовать об ее обожествлении: Eaton-Krauss, 1977, 29–32. В сцене в гробнице Херуэфа (Epigraphic Survey, 1980, pls. 48–49, 52 A) царь сидит на кубическом троне, за ним — сокол с распахнутыми крыльями (то ли он служил низкой спинкой, то ли был просто символом); за царем сидит царица в кресле с царской эмблемой *сема-тауи* (пленницы, привязанные к знаку *zm3*/*сема*); голова царицы украшает переднюю часть кресла, а на подлокотниках она в образе сфинкса топчет двух пленниц — африканку и азиатку. Это элементы сугубо царской иконографии (ср.: Kuhlmann, 1977, 84–85, 86–88 и особенно 89, верх).

Тийя была матерью наследника, Аменхотепа IV[93]. Она родила также нескольких дочерей: Сатамон, Хенуттаунебу, Небетах и Исиду. Царевну Бакетатон недавно предложили считать дочерью Эхнатона, а не Аменхотепа III (M. Gabolde, 1992b). Она была совсем маленькой девочкой, когда Тийя на 12-м году правления Эхнатона (если не раньше) жила в эль-Амарне (Davies, 1905, III, pl. 13, 18; Urk. IV, 2006). Мы не знаем, где скончалась царица. Возможно, смерть настигла ее в Гуробе, где она могла проживать[94], но почти несомненно, что некоторое время они с Бакетатон жили в эль-Амарне: обе изображены в гробнице Хевиа, управляющего царицы-матери[95]. Предполагалось, что Тийя будет погребена в гробнице Аменхотепа III в Долине царей (WV 22), но после ее кончины царствовавший тогда Эхнатон повелел похоронить ее в ее собственной гробнице в эль-Амарне. Большой позолоченный наос, который он приказал возвести для матери, содержит имя Атона, культ которого был введен после 8-го (Sandman, 1938, 164–166), а то и после 11-го года правления Эхнатона (см. ниже, с. 397). Наос обнаружен в гробнице 55 Долины царей, которая могла служить временным пристанищем для мумии царицы, пока тела похороненных в эль-Амарне царских особ не перевезли в Фивы. Тогда Тийя, возможно, воссоединилась с супругом, но не в западном секторе Долины царей, а в гробнице Аменхотепа II, если обнаруженная там «пожилая дама» — именно она[96].

---

[93] Считается, что у нее был и старший сын, Тутмос, скончавшийся в раннем возрасте (B. Schmitz, LÄ VI, 306 и n. 12; Dodson, 1990, 87–89; Maystre, 1992, 132–134). Это утверждение основано на свидетельстве О. Мариетта, обнаружившего в Серапеуме сцену, где Аменхотеп III, в сопровождении *своего* сына Тутмоса, присутствует на захоронении первого Аписа (Mariette, Renseignements sur Apis // Bull. Archéologique de l'Athenaeum français, 1985 = Oeuvres diverses I, Bibliothèque égyptologique, 18, 1904, 148–149). Однако сопровождающий фараона «сын царя» не обязательно является его сыном; возможно, речь идет об отце верховного жреца Птахмоса, исполнявшем эти обязанности при Аменхотепе III (Gardiner, 1906b, 56). Тем не менее опубликованная Э. Додсоном (Dodson, 1990, pl. V, 2) статуэтка «сына царя, жреца-*сема* Джехутимоса», где он изображен в образе мельника, в круглом парике, с «локоном детства» и в шкуре пантеры, выполнена в стиле, характерном для второй половины царствования Аменхотепа III.

Этому же царевичу приписывают и надпись на знаменитом гробе для кошки, найденном в Мемфисе (ср.: Essen 1979, n. 28). В ней приведена довольно длинная титулатура: «старший сын царя, любимый им, верховный жрец Птаха, начальник жрецов Верхнего и Нижнего Египта, жрец-*сем* Джехутимос». Эта находка упоминалась в связи с открытием О. Мариетта, но в стиле этого саркофага я не усматриваю ничего, что подтверждало бы его датировку правлением Аменхотепа III: по манере исполнения он может относиться и к эпохе Рамессидов. Сына Рамсеса II звали Тутмосом (см.: LdR III, 98, n. 23; Gomaà, 1973, n. 22: в списках из Рамессеума B и C, таблица после с. 8).

Кнутовище «сына царя, командира полка Джехутимоса», обнаруженное в гробнице Тутанхамона (Carter, 333), приписывается тому же «старшему брату», но здесь у тезок не совпадают титулы (Desroches Noblecourt, 1963, 88, 122, 135).

Версию о существовании старшего брата Аменхотепа IV оспаривает также Дж. Э. Харрис: J. Harris, 1992, 57, n. 28.

[94] Это предположение сделано после находки деревянных предметов искусства, к которым прибавляют также статуэтки царской четы из Хильдесхайма, 53a–b (Hildesheim 1985, II, № 134) и знаменитую тисовую голову из Берлина. Лабиб Хабаши (Habachi, 1965d, 81–82) резко высказался против этой гипотезы. Об этих находках см.: Borchardt, 1911.

[95] Публикация притолоки, где также изображен Аменхотеп III: Davies, 1905, III, pl. 4, 6, 8, 10, 18. За время ее пребывания в Амарне (?) скульптор царицы Тийи изваял статую царевны Бекетатон (Davies, 1905, III, pl. 18). Отметим, что гробница Хевиа — единственная в этом некрополе, которая была полностью достроена.

[96] О судьбе мумии Тийи см.: Reeves, 1990b, 39–40, 43–44, 49, 197; 246 (выводы). Н. Ривз не считает, что гробницу Аменхотепа III открывали для помещения туда тела Тийи, даже если предпо-

Тийя на протяжении всего царствования Аменхотепа III была старшей царицей, любимой царской женой, как писал Тушратта, и единственной супругой царя, которая заслуживала титула царицы[97], хотя у царя были и другие жены, иноземные[98]: на 10-м году он женился на Гилухепе, дочери Шуттарны и сестре Тушратты II, в конце царствования — на другой митаннийке, Тадухепе, дочери Тушратты[99], которая после смерти Аменхотепа III стала женой Эхнатона[100]. В первой половине царствования Аменхотеп III был женат также на дочери вавилонского царя Куригальзу, а затем потребовал в жены другую вавилонскую царевну, племянницу первой (EA 1 и 3), и царевну Арцавы (EA 31). Что касается довольно многочисленных «покупок и поставок» женщин из Палестины, упомянутых в других письмах (EA 301), то речь идет не о браке ради установления родственных уз между правителями государств, а о пополнении придворного персонала. Этих 40 прислужниц заказали у правителя Гезера, в письме к которому царь указывает цену и уточняет: «Пришли очень красивых женщин, без изъянов» (EA 369).

Сложнее истолковать тот факт, что царевны Сатамон, Исида, Хенуттаунебу и Небетах стали «женами царя» — своего отца в последние годы его царствования, а Сатамон еще при жизни матери порой носила титул «старшей жены царя» (van de Walle, 1968). Эта проблема породила множество интерпретаций. Вопрос о природе этих брачных союзов особенно интересен: носили ли они ритуальный или почетный характер или все-таки отражали какие-то чувства[101]? Сатамон, по всей видимости, играла очень важную роль[102], но выяснить ее статус не удается. Иногда она в качестве жены царя фигурирует вместе с царем и Тийей. Во многих случаях она упоминается как старшая жена отца-царя, причем уточняется, что ее матерью была старшая жена царя Тийя (Urk. IV, 1773 (624–625), 1774). Должно быть, именно Сатамон фигурирует вместе с матерью на некоторых важных памятниках Аменхотепа III — например, на колоссах Мемнона, между ногами царя; впоследствии ее изображение было уничтожено (Helck, 1983a; Meyer, LÄ V, 486 и n. 11–13). Ее главным управляющим был не кто иной, как Аменхотеп, сын Хапу. Предположение о том, будто она была политической соперницей Аменхотепа (IV), который устранил ее, взойдя на престол,

---

лагалось, что она будет похоронена именно там. По его мнению, мумия Тийи обнаружена среди других тел, спрятанных в гробнице Аменхотепа II, где, очевидно, находилась и мумия Аменхотепа III. Это анонимная мумия, названная ее первым исследователем «пожилой дамой» (Каир CG 61070); основанием для идентификации послужили в том числе сравнение волос мумии с прядью волос Тийи из гробницы Тутанхамона и сходство с ее родителями — Иуйей и Туйу. См. различные статьи Дж. Э. Харриса и другие, в особенности: Harris et al., 1978. — Эту идентификацию горячо оспаривает Р. Гермер (Germer, 1984).

[97] Гэй Робинс посвятила царице Тийе отдельное исследование: Robins, 1986.

[98] О дипломатических браках см.: Schulman, 1979, в частности с. 183–184.

[99] Gundlach, LÄ VI, 144–145. — Тушратта передает добрые пожелания Гилухепе в письме EA 17. После женитьбы Аменхотепа III на Тадухепе Тушратта больше не упоминал Гилухепу и говорил только о новой жене (EA 23), называя себя тестем царя (EA 19–24).

[100] В письме EA 26, адресованном Тийе, Тадухепа названа «невесткой» Тийи; в письме EA 27 и 28 Тушратта говорит Аменхотепу IV о Тадухепе, называя ее «моя дочь, твоя супруга».

[101] Van de Walle, 1968; Helck, 1969c. — Хр. Майер (Meyer, 1984) допускает брак царя только с Сатамон, считая, что он носил ритуальный характер: LÄ V, 485–487. См. также: Helck, LÄ VII, 15–16.

[102] Она известна из 16 источников. Список приводится в статье: Meyer, LÄ V, 486, n. 1 (и Список исправлений); см. также: Desroches Noblecourt, 1956, 198, 200.

не имеет под собой оснований. Царевна 51 раз упоминается в надписях из Малкаты, тогда как наследник Аменхотеп — всего однажды. Возможно, это объясняется тем, что она играла видную роль в праздничных церемониях; это подтверждают изображения Сатамон и ее сестер Исиды и Хенуттаунебу в сценах торжеств по поводу праздников *сед* в Солебе.

ЗАМЕЧАНИЯ О ЦАРСТВОВАНИИ АМЕНХОТЕПА III

В истории Египта каждое царствование имеет свои особенности; в той или иной степени оно стоит в оппозиции и предшествующему, и последующему. Очевидно, это объясняется самой сутью системы власти фараонов, при которой всемогущий царь непременно навязывает новый стиль и в обществе, и в культуре.

Среди особенностей, придающих правлению Аменхотепа оригинальность, некоторые представляют собой не результат эволюции, а настоящий разрыв с традицией, причем преобразования достигают гигантских масштабов.

В свое время Джехутихотеп из эль-Берши повелел изваять сидящего колосса почти семиметровой высоты (13 локтей; Urk. VII, 47, 10). При Аменхотепе III были поставлены абсолютные рекорды: сидящие колоссы Мемнона из кремниевого песчаника (или кварцита) достигают в высоту 20 м[103]. Высота стоящей статуи перед десятым пилоном, от которой сохранились нога на постаменте и многочисленные фрагменты на земле, должна была превышать 20 м. Возможно, именно об этой статуе говорит Аменхотеп, сын Хапу[104], которому поручили ее транспортировку и установку. Многочисленные изваяния в «храме миллионов лет» в Гурне не столь громадны, но по размеру они все равно больше обычных статуй, тем более серийных[105].

Количество памятников также превосходит все мыслимые пределы: сотни статуй Сохмет; статуи из диорита («черного гранита»), изображающие каждая свое божество. Такая выставка статуй могла быть следствием неумеренной набожности царя[106]. Высказывалось мнение о том, что культ животных достиг своего расцвета при Аменхотепе III, но как такое совместить с философией Эхнатона, наполненной абстрактными идеями, ведь тогда соправление отца и сына стало бы «немыслимым»? Правда, именно в это время состоялось первое захоронение быка Аписа в Саккара (PM II, 780), были созданы сотни изображений Сохмет в виде львицы, а бог Тот Аменхотепу III пред-

[103] Ныне их высота составляет 15,6 м. По всей видимости, каждая статуя была увенчана двойной короной: Bianchi, LÄ IV, 23.

[104] В Urk. IV, 1823, 2 указана высота 40 локтей, то есть около 22 м.

[105] Гранитная голова: The Luxor Museum, 1979, № 126, J 133. В работе Kozloff, Bryan, 1992, 154, n. 5, приводится цифра 2,15 м; статуя с такой головой должна была достигать 8 м. Другие фрагменты подобных статуй — головы из коричневого карцита: Лондон, Британский музей 6 и 7, M. Müller, 1988, IV, 27; многие из этих статуй-колоссов были узурпированы Рамсесом II.

[106] См., например: Manuel III, pl. 123: Марсель 206; Турин 86 и 694; Лувр E 25389; MMA 19.2.15; Чикаго OI 10607; и Manuel, pl. 224.2: MMA 19.2.5. — Царь отдавал предпочтение диориту («черному граниту»), из которого выполнены статуи Сохмет и многие статуи царя.

ставлялся в образе бабуина[107]. Однако египетские боги нередко имели образ животных (Traunecker, 1992, 56–57; Kessler, 1992), и создание их многочисленных кумиров при Аменхотепе III могло быть всего лишь следствием набожности, причем в высшей степени традиционной[108].

Это опора на традицию проявлялась и во время праздников *сед*, которые отмечались с большим размахом, причем, готовясь к ним, царь обращался к древним источникам[109]. Другая навязчивая идея царя — обожествление самого себя — также связана с традицией: испокон веков фараон был богом. Ничего нового. Необычны постоянные заявления об этом и подробное объяснение того, как царь становится богом. Быть может, царь спрашивал себя, как он должен стать богом, и пытался ощутить процесс этого превращения? В храмах в Луксоре и Солебе фазы этой метаморфозы описываются с большой тщательностью, что вызывает аналогии с религиозными текстами греко-римских храмов. Еще одна особенность царствования Аменхотепа III — утверждение в искусстве свободы форм, отказ от точного копирования реальности.

Все это подготовило почву, из которой выросла духовность Эхнатона.

ВОПРОС О СОПРАВЛЕНИИ АМЕНХОТЕПА III И АМЕНХОТЕПА IV[110]

Предположение о том, что фараон при жизни разделял трон с наследником, регулярно высказывается относительно тех или иных царей Египта. Для XII династии оно долгое время принималось безоговорочно, но не так давно эта теория была оспорена Р. Дилией; вслед за ним я также отверг всякую возможность соправления в эту эпоху. Совместное царствование Хатшепсут и Тутмоса III — первое надежно засвидетельствованное соправление.

Еще в 1899 году У. М. Фл. Питри высказал предположение о соправлении Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Время от времени эта идея выдвигалась вновь в связи с появлением новых фактов. Крайне важную роль здесь сыграли раскопки Дж. Д. С. Пендлбери и Г. У. Файрмана. Различные памятники, обнаруженные ими, были сочтены

---

[107] Четыре огромных бабуина из Гермополя: Baily et al., 1982, 6–8. — Предполагается, что антропоморфный бог-сокол (Брюссель) — это Ра-Хорахти и что он относится к этому же царствованию: Van Rinsveld, 1992.

[108] О благочестии царя свидетельствуют, в частности, статуи носителей священных штандартов: Satzinger, 1979.

[109] См. гробницу Херуэфа: Epigraphic Survey, 1980, 43, pl. 28, 34–40; Wente, 1969; Urk. IV, 1867, 15. На оборотной стороне одной додинастической палетки был высечен рельеф с фигурами Аменхотепа III и Тийи; сцены на древней лицевой стороне и новой оборотной объединены общей темой: торжеств по поводу юбилея царствования: Bothmer, 1969–1970.

[110] Вопросу об этом соправлении посвящено много исследований. См. прежде всего: Schlögl, 1983a, 11–13; Aling, 1976, 224–229; Murnane, 1977, 123–169; 231–233, — здесь дается наиболее подробный обзор всего материала, что У. Мёрнейн смог найти по этому вопросу. Поскольку У. Мёрнейн не принимает идею соправления, укажем также обзор и самого пылкого ее защитника: Aldred, 1988, 169–182. Ж. Вандье, не принимая ничью сторону, описывает историю вопроса до 1967 года.

свидетельствами пребывания Аменхотепа III в эль-Амарне. Так как Аменхотеп IV, став Эхнатоном, основал этот город на 5-м году своего правления и мог жить там постоянно только начиная с 6-го года, можно предположить, что его отец был жив по меньшей мере в течение шести первых лет царствования сына. На найденном в эль-Амарне рельефе с изображением Аменхотепа III и Тийи, сидящих под сияющим Солнцем Атона (см. выше, с. 347 и примеч. 45), имена этого бога имеют форму, появившуюся не ранее 8-го года правления Эхнатона. Наконец, в гробницах Хевиа и Мерира II в эль-Амарне указана точная дата необычной церемонии, в ходе которой царь принимал дань из всех стран, с которыми Египет имел связи. Дата эта — 8-й день 2-го месяца *перет* 12-го года правления. С. Олдред предположил, что столь пышное празднество состоялось в переломный момент, когда Эхнатон стал единственным правителем — сразу после смерти Аменхотепа III. Этот срок соправления — 11 лет — является самым продолжительным из всех, когда-либо предложенных.

Косвенных признаков совместного правления двух царей немало, но ни один из них не выглядит явным или бесспорным и поэтому не может убедить противников версии о соправлении. Для каждого из них можно найти иное толкование, а также опровержение. Так, найденный в Атрибисе блок, на котором, возможно, картуши обоих царей чередовались (Fairman, 1960a; Habachi, 1974b, 23–24), долгое время служил решающим аргументом для сторонников соправления (Wenig, LÄ I, 211 и n. 19) и весомым — для всех остальных[111]. Фрагментарный характер надписи и отсутствие контекста делают этот аргумент шатким[112].

Беспристрастно оценив каждый источник, У. Мёрнейн пришел к выводу, что ни один из них не является убедительным доказательством соправления. Действительно, доказать что-либо затруднительно: всегда можно найти объяснения, сводящие на нет любой довод. Примечательно, однако, что при изучении эпохи Аменхотепа III соправление часто выглядит вполне правдоподобным, и всякий раз приходится прилагать усилия, чтобы в него не поверить. Многие аргументы в пользу соправления, как справедливо отмечает У. Мёрнейн, умозрительны, но и их опровержения носят подчас такой же характер. Конечно, в поисках аргументации и новых «улик» С. Олдред зачастую проявляет рискованную изобретательность, но это единственный способ серьезного исследования материалов, и если ученому мало что удалось доказать, то он по крайней мере привлек внимание ко многим существенным деталям. Благоразумнее, видимо, принять сторону его оппонентов, но и их доводы непоследовательны: кажется неправдоподобным, чтобы два двора сосуществовали на протяжении 11 лет и управляли страной, но почему-то никто не считает странной похожую ситуацию в эпоху Аменемхета I и Сенусерта I, десятилетнее соправление которых принимается как факт (von Beckerath, 1984c).

---

[111] У. Мёрнейн (Murnane, 1977, 169) все же его отвергает (ibidem, 231).

[112] Кажется допустимым, что центральный картуш вопреки мнению П. Вернюса (Vernus, 1978, 31–32, № 32) принадлежал Аменхотепу IV, так как эпитет «бог, правитель Фив» никогда не встречается в тех картушах Аменхотепа III, идентификация которых бесспорна. На стеле Аменхотепа III возле Асуана (Urk. IV, 1665, 10) картуш в главной сцене был разбит и затем очень неумело восстановлен (Lepsius, D III, 81g). Другие картуши надписи не содержат слова «бог»: Murnane, 1977, 161, n. 244. О папирусе из Кахуна (Gardiner, 1906a) см. ниже, с. 366, примеч. 116. Вне картуша этот эпитет применительно к Аменхотепу III встречается один раз (Urk. IV, 1662, 2).

Очевидно и то, что уже упомянутая маленькая стела с изображением Аменхотепа III и Тийи, сидящих под лучами Атона, амарнская по стилю и очень реалистичная, — невероятное по выразительности произведение искусства. «Эскиз вполне мог быть сделан с живой модели, но это не доказывает, что царь был жив ко времени окончания работы над стелой», — пишет У. Мёрнейн (Murnane, 1975, 128, 129). Это так, но о каком памятнике нельзя сказать то же самое? Сама по себе стела не дает повода к каким-либо подозрениям.

Один из самых весомых аргументов С. Олдреда заключался в том, что сцена с праздником *сед* от 30-го года в гробнице Херуэфа была создана одновременно с рельефом на входе, где Аменхотеп IV чествует Аменхотепа III и Тийю. Однако его отвергли, так как сцена праздника на самом деле датируется 37-м годом и посвящена, полностью или частично, третьему празднику *сед* (Murnane, 1977, 148–150), а следовательно, обе сцены могли быть созданы непосредственно одна после другой. С. Олдред между тем не так уж не прав, ибо надпись, содержавшая сдержанное упоминание о праздновании на 37-м году, была добавлена уже после завершения общих работ по отделке гробницы Херуэфа, причем высечена она иероглифами другого размера[113].

Сцены из гробницы Рамоса (TT 55), кажется, создавались исключительно при Аменхотепе IV. Однако в единственном зале с рельефами они представлены в трех различных стилях. Восточная стена (та, в которой проделана входная дверь) покрыта невероятно изысканными рельефами, характерными для всех больших гробниц конца царствования Аменхотепа III; западная стена разделена надвое дверью, ведущей в глубину гробницы. По обе стороны от двери изображен Аменхотеп IV: слева — в том же стиле, в котором выполнены настенные рельефы, справа — в амарнском (см. две фотографии, PKG, pl. 204–205). Слева визирь Рамос преподносит царю символ Амона, упоминая при этом имя Атона в риторическом контексте (Urk. IV, 1780, 16–17). Амон и другие боги часто упоминаются в надписях гробницы, но не в тех сценах, что были созданы в новом стиле. Как бы то ни было, и слева, и справа рельефы не закончены, а сцены на южной стене, начатые как рельефы, были завершены как фрески в доамарнском стиле[114]. Последние сведения о Рамосе относятся ко времени Аменхотепа III (Urk. IV, 1791, № 637 и 638; 1792, № 640); после 30-го года от него не дошло ни одного памятника, кроме гробницы, которая, если отбросить версию о соправлении, была возведена как минимум десятью годами позднее. Аменхотеп III упоминается там как здравствующий царь — в молитве за него на западной стене. Исключить соправление можно, только если

[113] Замечание по поводу орфографии надписи от 37-го года независимо от С. Олдреда сделал М. Валентин (Martin Valentin, 1991) в статье, целиком посвященной соправлению двух царей. Это сводит на нет аргументацию У. Мёрнейна (Murnane, 1970). Б. Брайан (Kozloff, Bryan, 1992, 205–206, n. 6) в качестве контраргумента приводит надпись из гробницы Херуэфа, где сказано, что столб *джед* был поставлен «на заре третьего праздника сед». В действительности там употреблено множественное число, а не порядковое числительное — «третий»; Эд. Уэнте, впрочем, переводит это выражение просто как «юбилей» (см.: Epigraphic Survey, 1980, p. 60, pl. 56). Отметим также удивительное сходство (по крайней мере, стилистическое) между двумя сценами хаторических танцев — в гробнице Херуэфа, где представлена церемония праздника *сед* от 30-го года, и на талататах из Карнака (Traunecker, 1986, 23–27. Сходство это отмечал уже Э. Уэнте: Wente, 1980, 212). «Можно подумать, — пишет Клод Тронекер, — что сцена воспроизводит реальную церемонию, а не условную иллюстрацию к ней». Может быть, это одна и та же церемония?

[114] Ч. Ф. Нимз (Nims, 1973) считает, что работы могли вестись с использованием трех стилей одновременно.

предположить, что стены создавались в разное время, но версия эта выглядит слишком искусственной (Aldred, 1959b, 116–120; Vandersleyen, 1988a, 23–24).

Гробница Неферсехеру (TT 107), принимавшего участие в празднике *сед* 30-го года, разительно отличается от гробниц Херуэфа и Рамоса по стилю, которому в высшей степени свойственны перегруженность, напыщенность и усложненность; некоторые фигуры исполнены в раннеамарнском стиле (издание готовится *в серии «Эпиграфическая разведка» — Epigraphic Survey*).

Рэй Джонсон отметил, что для памятников Аменхотепа III в Луксоре и Карнаке характерна стремительная эволюция стиля, вплоть до нереалистичного барокко, сильно отличающегося от строгой классической сдержанности первых памятников Аменхотепа IV в Карнаке (W. R. Johnson, 1990; Vandersleyen, 1988a). Следовательно, эти первые памятники были задуманы до того, как искусство эпохи Аменхотепа III достигло своего апогея.

На рельефе в Асуане, созданном главными ваятелями Аменхотепа III и Эхнатона Меном и Баком, оба царя представлены как живые современники. Надпись сделана после 8-го года Эхнатона, но ничто не позволяет думать, будто Аменхотеп III запечатлен здесь посмертно.

Фразеология и лексика стелы от 12-го года Эхнатона и одного из памятников Аменхотепа III совпадают. К сожалению, памятник не датирован (см. выше, с. 339). Возможно, их создавал один писец, но неужели стиль его оставался неизменным в течение целых 12 лет (Helck, 1980)? Если Аменхотеп, сын Хапу, скончался приблизительно на 34-м году правления Аменхотепа III, то возможно ли, что, как указано на одной из его статуй, он успел высказать пожелание «узреть живого Атона» (Urk. IV, 1830, 19 = Каир CG 942)? А сам Аменхотеп III — не назвал ли он свой дворец в Малкате «Небмаатра (то есть Аменхотеп III) — блистающий Атон» (W. R. Johnson, 1990, 37–39, 44)?

При раскопках гробницы Аперия/Аперэля[115] в Саккара, проведенных Аленом Зиви, были также обнаружены памятники, датировка которых противоречива: какие из них относятся ко времени Аменхотепа III, а какие — Аменхотепа IV, определить невозможно.

Не следует забывать и об одном папирусе из Кахуна — документе, касающемся пастуха по имени Небмехи; сообщения в нем датируются сначала 27-м годом Аменхотепа III, затем 2-м и 3-м годами Аменхотепа IV (P. Berlin 9784: Gardiner, 1906a, 28–31). Пастух этот на 27-м году обращался к властям по финансовым вопросам, «снова пришел», как говорится в тексте, на 2-м году и затем упоминается на 3-м. Если допустить возможность соправления, сведения хорошо выстраиваются во времени: первый год Аменхотепа IV совпадает с 28-м годом Аменхотепа III, и пастух пришел через два года. Если же нет, то посвященный одной и той же теме текст на папирусе был продолжен через 13 лет. Вряд ли спустя 13 лет могли написать, что пастух «снова пришел» к тем же самым лицам. Оспаривать это свидетельство — значит противоречить здравому смыслу[116].

---

[115] Этот визирь Севера стал, вероятно, преемником Рамоса при Эхнатоне. См.: A. P. Zivie, 1990, 162–172; 1989, 504.

[116] Так поступает У. Мёрнейн (Murnane, 1977, 156–157; 223–224). Это единственный документ, где эпитет «бог, правитель Фив» по ошибке включен в картуш Аменхотепа III — его перепутали с кар-

Дипломатическая переписка из Амарны начинается чуть раньше 30-го года царствования Аменхотепа III и продолжается до конца правления Эхнатона. Было бы удивительным совпадением, если бы переписка между фараоном и князьями Севера началась сразу после 30-го года, так как пик волнений в ханаанейских и сирийских городах приходится на другое время. Очевидно, письма схожего содержания приходили в Египет и до 30-го года правления Аменхотепа, и при его предшественниках, и в последующие годы, что подтверждает обнаруженная в Богазкёе переписка с двором Рамсеса II, египетская часть которой так и не была найдена. Найденные в Амарне письма, вероятно, были отправлены в новую столицу, когда царская канцелярия уже обосновалась там, и отосланы в другое место — вероятно, обратно в Мемфис, — как только было решено покинуть Ахетатон. Это кажется логичным, но тогда приходится признать, что царская администрация функционировала в эль-Амарне уже в последние годы правления Аменхотепа III. При этом документы конца царствования Аменхотепа III не перевозились в Ахетатон, а были оставлены в старой столице. Период, к которому относятся эти архивы, точно совпадает со сроками существования Ахетатона в качестве столицы.

Итак, огромное количество фактов свидетельствует о соправлении двух царей. Я лишь слегка коснулся этой проблемы, перечислив некоторые важные доводы. Они постоянно множатся, и хотя ни один из них не является решающим доказательством, закрывать вопрос еще рано[117]. Ни сторонники, ни противники версии соправления пока не смогли найти неопровержимых аргументов, которые могли бы убедить их оппонентов[118].

тушем Аменхотепа IV, присутствующем на том же папирусе. На похожую путаницу уже обращал внимание К. Лёбен (Loeben, 1991, 90, n. 30).

[117] К. Лёбен (Loeben, 1991, 89) отвергает, и вполне справедливо, один из ошибочных аргументов в пользу соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Тем не менее он не является доводом ни против этого соправления, ни в пользу соправления Эхнатона и Сменхкара.

[118] Полную библиографию по проблеме соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV составить невозможно. Новые свидетельства, едва появившись, сразу же оспариваются и даже сводятся на нет, но при этом каждый автор считает, что решил проблему. Помимо библиографии, приведенной на с. 363, примеч. 110, см. также: Helck, 1962, 174–198; Redford, 1967, глава V; Wente, JNES 28, 1969, 274–279. В пользу соправления: Aldred, 1969b, 1970a; Bentley, 1980, с опорой на возраст Тийи по данным анализа мумии — материал очень спорный. Хронологические расчеты Р. Крауса (Krauss, 1978) не учитывают возможности соправления, которую он категорически отвергает (Krauss, 1978, 175).

Глава II
АМЕНХОТЕП IV. АМАРНСКИЙ ПЕРИОД. ЭХНАТОН. Ок. 1359–1342 или 1348–1331 годов до н. э.

О преемнике Аменхотепа III[119] до его восшествия на престол ничего не известно[120]. Зато история его царствования полна событий и неожиданных поворотов. Мы можем тщательно проследить эти стремительные перемены: изменение титулатуры и эпитетов, перенос столицы, едва заметные преобразования в теологии бога Солнца, который с первых дней царствования становится главным, а вскоре и единственным божеством. Потрясения, которые испытало египетское общество, затронули и искусство. В этот период возводятся необычные по планировке храмы, а издавна присущая египетскому искусству реалистичность, от которой уже стали отступать при Тутмосе IV и Аменхотепе III, теперь открыто отвергается — как в рельефе, так и в круглой скульптуре. Несмотря на обилие текстовых и изобразительных материалов, царствование Аменхотепа IV Эхнатона больше, чем любое другое, соткано из загадок. Проблему соправления мы уже затрагивали. Есть и другие вопросы, связанные, в частности, с семьей царя и его же-

[119] Царствование Эхнатона — это период в египетской истории, о котором написано столь много, что даже была издана специальная библиография о нем, насчитывающая 2013 наименований: G. Martin, 1991a. См. также: Schlögl, 1983; Schlögl, 1989; Wenig, LÄ I, 210–219; своего рода краткое изложение дал К. Тронекер (Traunecker, 1984).

[120] О предполагаемом старшем брате Аменхотепа IV, ср. выше с. 360, примеч. 93.

нами, особенно старшей женой Нефертити и таинственной Кийей, с детьми и отсюда — очень туманной историей с наследованием, религиозными идеями царя, причинами и сущностью переворота в искусстве. Такое множество загадок возникло вследствие того, что этот царь-экстраверт выражал себя глубже, чем любой другой, и мы имеем возможность оценить его как личность — по крайней мере узнать его таким, каким он сам хотел себя представить. Помимо несметного количества памятников, подогревающих магнетический интерес к фигуре фараона, от времени его правления дошли и источники, посвященные всегда актуальным вопросам, прежде всего — взаимоотношениям с Азией и Нубией.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Проблемы изучения Амарнской эпохи

Относительно короткое царствование Аменхотепа IV (17 лет) дает довольно много хронологических ориентиров. Обзоры этих ориентиров с указанием их характеристик делали У. М. Фл. Питри, Г. У. Файрман (The City II, 1933, 103–109; The City III, 1951, 152–160) и Марианна Дорресс (Doresse, 1955). Впоследствии Юрий Перепелкин исследовал все эти данные с исключительной тщательностью[121]. В результате поступления новых материалов и проведенных Д. Б. Редфордом раскопок западного Карнака результаты, достигнутые Ю. Перепелкиным, устарели, особенно в том, что касается фиванского периода, и даже некоторые датировки, предложенные Д. Б. Редфордом в сводном труде 1984 года, теперь поставлены под сомнение после его же собственных открытий.

Судя по клинописному написанию имен собственных в Амарнских письмах и данным о развитии египетского языка до перехода в коптский, имя *Атон* должно было произноситься как *Йати* (Fecht, 1960, 84–90) или даже как *Йот* (Перепелкин, 1967, 6–7); Эхнатон — как Ахнайати или Эх-не-йот; Нефертити — как Нафтета или Нефр-эт и т. д. Как бы ни были интересны эти открытия, в них остается элемент случайности, и «вавилонское» произношение египетских имен вполне может отличаться от собственно египетского. Чтобы не вводить читателя в заблуждение, мы везде приводим имена в традиционном, так называемом школьном чтении иероглифики.

Амарнская эпоха весьма сложна для изучения в силу разнообразия и характера материала. Только от фиванского периода царствования Аменхотепа IV сохранились десятки тысяч памятников — больше, чем от любой другой эпохи в истории Египта. Кроме того, остались тысячи блоков, которые называются «талататами» и не всегда доступны историкам, Собрать эти блоки в единое целое — задача очень непростая, но даже такие разрозненные фрагменты зачастую содержат важные сведения. Помимо нескольких пространных текстов на пограничных стелах хронологию этого периода помогают выстроить небольшие изменения имен, званий, правописания. Для них

[121] Перепелкин, 1967, 1979, 1984. См. рец.: Bogoslovskij, GM 61, 1983, 53–63. Краткий список из 89 критериев приведен в ревизии Ирмтраут Мунро: Munro, GM 94, 1986, 81–87.

постоянно предлагаются новые интепретации, а мнения ученых по поводу одних и тех же данных зачастую диаметрально противоположны. Возьмем, к примеру, соправление: одним оно представляется правдоподобным, а другим — абсурдным.

Периодизация царствования Эхнатона

Аменхотеп IV взошел на престол в первые дни первого месяца сезона *перет*[122] и сразу начал строительство в Фивах; он уже был женат на Нефертити. Царь оказывал предпочтение богу Ра-Хорахти, которому дал — вероятно, сразу после воцарения — имя-определение, так называемое дидактическое имя бога: «Ра-Хорахти, который ликует на небе в своем имени свет (*шу*), который в светиле (*атоне*)»[123]. Это «дидактическое имя» было вскоре разделено на две части, вписанные в картуши, словно имя царя. Сам бог как таковой не изображался — его символизировало Солнце, расходящиеся лучи которого оканчиваются ладонями. Храмы с оригинальной планировкой строились один за другим вплоть до 5-го года правления.

На 5-м году правления царь построил в Среднем Египте новую столицу, а на 6-м переехал туда. К этому времени у него уже родились три дочери. Отныне царя стали звать не Аменхотеп, а Эхнатон, столицей же стал город Ахетатон (современная эль-Амарна), расположенный на правом берегу Нила, к югу от Гермополя. Новый город располагался на обоих берегах и делился на районы, отмечавшиеся 14 пограничными стелами; три из них датируются 5-м годом правления, 11 — 6-м, некоторые были завершены на 8-м году. Еще три царевны родились после переноса столицы — во всяком случае, они упоминаются только в амарнских источниках. Большой праздник приема дани состоялся на 12-м году; сцены, посвященные этой церемонии, представляют царя, Нефертити и их шестерых дочерей. Это последнее датированное событие в истории царствования Эхнатона. Дальше сведения становятся туманными и запутанными. Три царевны умирают. Имя Нефертити почти бесследно исчезает, зато появляются новые лица (во всяком случае, новые имена), которые начинают играть важную роль — это «вельможная дама» Кийя и старшая дочь царя Меритатон. Незадолго до кончины Эхнатона, последние свидетельства о котором (на этикетках сосудов) относятся к 17-му году[124], рядом с царем появляется некая женщина, облаченная, так же как и он, в царские одежды и коронованная, но ее имя нигде не сохранилось. Другой персонаж известен нам по картушам и изображениям. У него было двойное имя — Анххепрура Неферн-нефруатон; иногда оно иногда присоединяется к имени Эхнатона, иногда упоминается отдельно. Некоторые его варианты употребляются в женском роде, и это наводит на мысль, что речь идет о царице. В редких случаях картуш Анххепрура соединяется с другим, содержащим уже имя Сменхкара Джосерхепру; последнее может принадлежать тому же лицу, если речь не идет еще об одном неизвестном. Эта путаница за-

[122] Murnane, 1976, с оговорками; Перепелкин, 1967, 153. — У. Мёрнейн рассчитывает дату исходя из того, что никакого соправления не было. См. также: Redford, 1966, 122.

[123] Толкование этого имени породило много домыслов. См. в особенности: Gunn, 1923; Fecht, 1960, 109–110; Bongioanni, 1983; Bongioanni, 1984.

[124] Все более поздние даты, предложенные для того или иного события, могут быть оспорены, ср.: Fairman, 1960b; Redford, 1966, 121–122.

канчивается неожиданным появлением Тутанхатона, будущего Тутанхамона, который женился на третьей дочери Эхнатона по имени Анхесенпаатон. При этом ни один текст не сообщает, кем были родители Тутанхамона. Мы даже не знаем, кем была та царица Египта, которая, став вдовой то ли Эхнатона, то ли Тутанхамона, написала хеттскому царю Суппилулиуме письмо с просьбой дать ей в мужья хеттского царевича.

ПРЕБЫВАНИЕ В ФИВАХ. ИСТОКИ АМАРНСКОЙ РЕФОРМЫ

Возраст Аменхотепа IV в момент восшествия на престол

Нам ничего не известно о жизни Аменхотепа IV до того момента, как он оказался на троне[125]. Точная дата его воцарения неизвестна, но, по всей видимости, это случилось в начале первого месяца сезона *перет* (ср. выше, с. 370, примеч. 122). Несомненно, он был сыном Аменхотепа III и Тийи[126]. Поскольку его мумия не обнаружена, то определить его возраст в момент восшествия на престол мы можем лишь приблизительно.

Его отец, Аменхотеп III, женился сразу после того, как занял трон, но был слишком юн, чтобы сразу же обзавестись потомством. Дети у него могли родиться лишь после 9-го года правления. К моменту кончины Аменхотепа III на 39-м году царствования его сыну могло быть около 30 лет. В таком случае вполне возможно, что шесть дочерей Аменхотепа IV родились до того, как он покинул Фивы, и даже до его воцарения. Если принять версию о длительном соправлении двух Аменхотепов, этот возраст уменьшится; но так или иначе, на момент коронации Аменхотепу IV было как минимум 20 лет и он уже был женат на Нефертити.

Возраст дочерей Аменхотепа IV мог бы прояснить ситуацию. Для его оценки у нас есть два критерия: последовательность появления царевен в течение царствования, а также их возраст согласно изображениям. Три первые царевны — Меритатон, Мекетатон и Анхесенпаатон — упоминаются в фиванских документах. Три другие — Нефернефруатон, Нефернефрура и Сетепенра — появляются уже после переезда семьи в эль-Амарну. Это все, что известно нам наверняка.

Встает главный вопрос: появляется ли очередная царевна в сценах на храмовых рельефах сразу после рождения или же тогда, когда она могла реально участвовать в церемониях? Царевна Меритатон изображена позади матери на колоннах Хутбенбена и на стенах Гемпаатона в Карнаке — храмов, построенных в начале царствования Аменхотепа IV. Если Меритатон родилась незадолго до восшествия отца на трон, ей должно было быть два или три года и она выглядит крошечной рядом с царицей огромного роста, но ее пропорции и формы тела, а также одеяния характерны для женщины, а не девочки.

---

[125] В Малкате царевич Аменхотеп упомянут один раз: Hayes, 1951, 35 и n. 5; 159 и fig. 27, KK после с. 168.

[126] Тушратта прямо говорит об этом в письмах к царице-матери и царю Аменхотепу IV (EA 17–29).

В эль-Амарне мы видим уже шесть царевен, но хронологию их появления на свет выстроить почти невозможно[127]. Даже в то время, когда все эти царевны, насколько известно, уже родились, они далеко не всегда изображаются вместе: в гробнице Маху[128] вместе с родителями представлена одна Меритатон, хотя у нее уже было как минимум две сестры, родившиеся до переезда из Фив. Таким образом, увеличение числа царских дочерей на изображениях не зависит от порядка их появления на свет. На барельефах в эль-Амарне их возраст не соответствует реальному: они выглядят как маленькие девочки, причем пропорции их тел порой как у детей, а порой — как у взрослых, пусть и маленького роста по сравнению с родителями. Зачастую царевны следуют одна за другой в порядке старшинства, но и тогда пропорции тела старшей царевны нехарактерны для взрослой женщины, хотя именно как взрослая она была изображена на фиванских памятниках. Еще более яркий пример: в гробнице сановника Мерира II, в сцене от 12-го года правления Аменхотепа IV (Davies, 1905, II, pl. 38), рост всех шести царевен одинаков, хотя, с учетом их разницы в возрасте, так быть не должно. Допустим, причина в том, что на 12-м году правления все они уже были взрослыми — но тогда почему они выглядят как маленькие девочки? Кроме того, величина изображения определяется местом в иерархии знати и взрослые представители царской свиты иногда меньше царевен-девочек, как, например, в гробнице Хевиа (Davies, 1905, III, pl. 9). Итак, определить возраст царевен по изображениям мы не можем[129].

Случай царевны Бакетатон — особый. Она всегда сопровождает царицу Тийю, в том числе на 12-м году правления Аменхотепа IV (Davies, 1905, III, pl. 18; дата: pl. 13), и поэтому считалось, что Бакетатон — последний ребенок Тийи и Аменхотепа III. Недавно М. Габольд (M. Gabolde, 1992b) предположил, что она скорее является дочерью Эхнатона и неизвестной женщины. Бакетатон везде изображена в стороне от дочерей царя и выглядит младше их, даже в платье взрослой женщины и с очерченной грудью (Davies, 1905, III, pl. 9).

При определении возраста дочерей Аменхотепа IV следует учитывать и то, что у многих из них, если не у всех, к концу отцовского царствования уже были дети[130]. Не исключено, что у Эхнатона были интимные отношения с дочерьми и он мог быть отцом царевен следующего поколения, названных именами их матерей с добавлением *tꜣ-šrjt/та-шерит* — «маленькая» или «младшая»: Меритатон та-шерит, Анхесенпаатон та-шерит. Судя по сцене плача в царской гробнице в эль-Амарне, Мекетатон умерла после 12-го года правления Эхнатона во время родов. Она была второй дочерью царской четы. Аналогичная сцена в той же гробнице изображает другую царевну, умершую при родах. Это была Нефернефрура или Сетепенра, то есть одна из младших царевен, и скончалась она раньше Мекетатон (Vandersleyen, 1993b). Предполагали, что в обоих

[127] В книге Р. Крауса (Krauss, 1978, 111–114) дается прекрасный обзор проблемы в целом.

[128] Davies, 1906, IV, pl. 15, 16, 22, 23. — Об изображениях царевен в гробницах см. таблицу в кн.: R. Smith, Redford, 1976, 88. Данные о возрасте царевен, вычисленные У. Мёрнейном на основании упоминаний о них в текстах и изображений на пограничных стелах, могут быть приняты только в том случае, если одновременное возведение стел и работы в Карнаке продолжались дольше, чем считают обычно. См. выше, с. 382, примеч. 174.

[129] Выстроить хронологию, опираясь на возраст царевен, пытались уже не раз. См.: Redford, в кн.: R. Smith, Redford, 1976, 83–94 (библиография: n. 61).

[130] Так: Aldred, 1988, 234; очень убедительно: Hanke, 1978, 199–200; с этим соглашается Р. Краус (Krauss, 1978, 5–6, 114–117).

случаях отцом новорожденных, как и детей Меритатон и Анхесенпаатон, мог быть царь. Но кровосмесительная связь с несколькими дочерьми казалась исследователям немыслимой[131]. Итак, все дочери Эхнатона, а не только старшие, стали матерями во второй половине царствования отца. Значит, они родились в самом начале его правления или даже до того, как он взошел на престол.

К моменту воцарения Эхнатон достиг не только физической, но и духовной зрелости: идеи, благодаря которым его правление заняло выдающееся место в истории, отражены уже в первых памятниках. Главная особенность этой эпохи — новое ви́дение искусства — также проявляется очень рано.

Первые годы жизни Аменхотепа IV в Фивах

Фиванский период продлился всего пять лет. В начале 6-го года царствования Аменхотепа IV была основана новая столица — Ахетатон. Хронология первых пяти лет правления фараона основана на реконструкции этапов возведения царских сооружений в Карнаке. Сначала был сооружен памятник с отделкой в традиционном, классическом стиле, затем по новым технологиям была возведена серия зданий в необычном стиле, который получит название «амарнского».

Ни один из ранних памятников не датирован. Первый временной ориентир — 2-й месяц *шему* 3-го года — указан на куске ткани из гробницы Тутанхамона[132], на котором «дидактическое имя» Ра-Хорахти обведено двойным картушем. Если Эхнатон взошел на трон в первом месяце *перет*, то к указанному времени он правил уже два года и пять месяцев. Двух лет вполне достаточно для осуществления переворота в технологиях, религии и искусстве. Очевидно, к моменту восшествия на престол у Аменхотепа IV уже сложился тот образ мыслей, который сразу же нашел выражение в теологии Ра-Хорахти и чуть позже — в искусстве; язык искусства, разумеется, будет меняться на протяжении всего царствования и Эхнатона, и его преемников, но никогда не утрачивал своих главных черт. Можно принять следующую рабочую гипотезу: все, что не соответствовало новой технологии строительства из небольших стандартных блоков, новому ви́дению человеческой фигуры, новому стилю и новым художественным сюжетам, было создано в первый год, если не в первые месяцы царствования Аменхотепа IV.

Начальные работы, проведенные по его приказу сразу после восшествия на престол, касались, возможно, укрепления уже возведенных стен. Так, в Карнаке у ворот третьего пилона, на пустом промежутке рельефа, он повелел изобразить, причем в традиционном стиле, фараона, уничтожающего своих врагов[133], но рельеф не был закончен (Vergnieux, 1992, 190). В Солебе, в Нубии, царь, видимо, лишь заменил картуши отца

---

[131] См. в особенности: Helck, 1969c; Bryan, 1991, 139, n. 115. — Между тем подобная ситуация вполне правдоподобна, как обоснованно замечает Г. Робинс (Robins, 1981, 79, n. 8). См. также: Redford, в кн.: R. Smith, Redford, 1976, 84, n. 71, 72; и ниже, с. 400.

[132] T 1230 (C 291a = JE 62703); Д. Редфорд (Redford, 1976, 55) предлагает для куска ткани T 1230 дату «4-й год, 2-й месяц *шему* (или *перет*)», но Х. Байнлих и М. Салех (Beinlich, Saleh, 1989) прочли ее иначе: «3-й год 2-го месяца *[ше]му*». Кусок ткани T 1229 (C 281a = JE 62705) также содержит датировку 3-м годом правления, но дидактическое имя здесь не включено в картуши; как бы то ни было, этот текст оформлен иначе.

[133] Saad, 1970, фотография хорошего качества: Haeny, 1970, pl. 1.

своими (Leclant, *LÄ* V, 1076). На левом берегу Фив первые свидетельства новаторства в искусстве мы находим только в гробницах Рамоса, Херуэфа и Пареннефера.

Вероятно, к первому же году правления относятся и первые официальные надписи этого царствования — на стелах в Зернихе и Силсиле[134]. В них запечатлена полная титулатура царя начального этапа его царствования: Хор, «у которого два высоких пера», — эпитет, типичный для культа Амона; «великий царствием в Карнаке», «тот, кто возносит короны в южном Гелиополе» (второе название Фив); «Неферхепурура, единственный для Ра (*wʿ-n-rʿ*/Уанра), Аменхотеп». В Зернихе царь поклоняется богине Нехбет. В Силсиле он преподносит дары Амону, царю богов, но в титулатуре после титулов «царя Верхнего и Нижнего Египта» царь зовется «Первым жрецом-пророком бога Хорахти, поднятым на небеса в его имени света (*шу*), которое в сфере (*атоне*)». Это уже почти дидактическое имя, которое чуть позже появится в своей окончательной форме; на стеле в Зернихе оно тоже отмечено, но вне контекста (Urk. IV, 1964, 14). Из текста стелы в Силсиле (Urk. IV, 1962) мы узнаем, что царь впервые приказывает (лакуна не позволяет выяснить — кому именно) мобилизовать всех работников от Элефантины до Сема-Бехдет на крайнем севере Дельты; военачальники проведут массовый набор рабочей силы «на добычу песчаника для постройки (храма) великого Бенбена[135] Ра-Хорахти в его имени “свет”, который в сфере, в Карнаке (*Ипет-сут*)». Возможно, это первое официальное постановление царя (Davies, 1923, 151, n. 1). Поскольку в этом тексте царь объявляет о намерении возвести храм Ра-Хорахти в Карнаке, напрашивается мысль: не идет ли речь о сооружении, блоки которого затем использовались для десятого пилона и которое действительно является первым известным нам памятником Аменхотепа IV в Карнаке?[136] Добытые в Силсиле блоки были, вероятно, еще крупными, как раньше. Есть и другое предположение: первые рельефы эпохи Аменхотепа IV были высечены на стенах уже существующих зданий, а песчаник в Силсиле уже добывался в виде небольших блоков — талататов. В точности сказать ничего нельзя. Рельефы, высеченные на крупных блоках в Карнаке, выглядят вполне традиционно. Но было бы заблуждением утверждать, что они выполнены в стиле Аменхотепа III — такие графичные рельефы с нежными контурами крайне редко встречаются на памятниках времен правления этого царя, а к его концу перестали появляться вообще. Один из таких блоков известен уже давно, так как он был привезен К. Р. Лепсиусом в Берлин (Берлин 2072; PM II, 190; Schäfer, 1931, pl. 4; Aldred, 1973, 50–51, fig. 30). В стиле этого рельефа так мало «амарнского», что он долгое время считался памятником эпохи Аменхотепа III, который присвоил и исправил его сын, сохранив при этом отцовское лицо, но переделав его образ и имя бога в соответствии с новыми идеями. Ра-Хорахти еще представлен в образе человека с головой сокола, но уже назван своим дидактическим именем; картуш царя

[134] Urk. IV, 1962, 1963–1964. — О стелах из Зерниха, ныне вырубленных из скалы и находящихся в инспекторате Луксора, см.: Saad, 1974.

[135] Бенбен — солнечный символ: Otto, LÄ I, 694–695. См. ниже, с. 376, примеч. 145.

[136] Этот сопоставительный анализ был проведен Робером Вернье в его неопубликованной диссертации (Robert Vergnieux, 1992). По другой версии (Chappaz, 1983) — это был храм Ра-Хорахти, местонахождение которого неизвестно; Д. Редфорд (Redford, 1984, 71) считает, что это были солнечные врата Аменхотепа III, оставленные без отделки в связи со смертью царя и реставрированные Аменхотепом IV; они могли находиться там, где сегодня возвышается десятый пилон. Однако, по мнению М. Итон-Краус и У. Мёрнейна (Eaton-Krauss, Murnane, 1991, 35), первые 8 рядов кладки десятого пилона существовали еще до кончины Аменхотепа III.

по-прежнему вьется тонким шнуром, а объемные иероглифы высечены с большой тщательностью. Сегодня нам известно около 140 блоков из этого памятника (Chappaz, 1983), и он действительно был покрыт рельефами при Аменхотепе IV; к тому же лицо царя напоминает его образ в гробнице Рамоса (Davies, 1923, 145; Schäfer, 1931, pl. 3)[137].

Когда началось строительство храма Ра-Хорахти, дидактическое имя бога еще не заключали в кольцо, но, поскольку идеи царя претерпевали изменения, ко времени окончания работ имя бога уже приобрело двойной картуш (см. ниже, с. 378 и примеч. 153), а образ человека с головой сокола сменился лучезарным Солнцем. Изображение царя становится непривычным; судя по хранящемуся в Лувре блоку из этого храма[138], рождение амарнского стиля уже близко.

Еще один памятник начала царствования Аменхотепа IV — уникальный памятный скарабей царя, два экземпляра которого сохранились. По форме и размеру они напоминают те, что были выпущены Аменхотепом III 20 или 30 годами ранее. В первой строке мы читаем: «Великий живой Атон, который на празднике *сед*», на второй строке — дидактическое имя в двойном картуше. Следующие шесть строк содержат первую полную титулатуру царя, где перед каждым картушем уже стоит эпитет «живущий истиной (Маат)», а первое имя Хора представлено как Хор-Ра. В последней строке встречается имя Нефертити, но без дополнений в картуше, так как свободного места оставалось слишком мало (Ben-Tor, 1983; Ben-Tor, 1989, 25, 59, 1). Смешение разных критериев озадачивает; непонятно, можно ли датировать эти находки фиванским периодом царствования.

Зарождение амарнского искусства в Фивах

Вскоре после восшествия на престол царь начал возводить в западном Карнаке храм Гемпаатон, разительно отличавшийся от храма Ра-Хорахти (Redford, 1984, 102–109). Технология его строительства стала новаторской: использовались стандартные блоки, размером приблизительно 52 × 26 × 24 см, ныне их называют «талататами». Такие блоки мог переносить один человек[139].

Именно по тысячам талататов, обнаруженным здесь и даже в Луксоре, Медамуде (Redford, 1984, 71), Тоде (Desroches Noblecourt et al., 1984–1985) и некоторых других местах, а также благодаря раскопкам к востоку от городской стены Карнака, реконструируются сооружения, выполненные в новом стиле Аменхотепа IV[140]. Известно как

---

[137] Имени Нефертити в этом первом храме нет, оно встречается только на блоке из Лувра (см. следующее примечание), куда могло быть добавлено позже.

[138] На блоке в Лувре (см. ниже, с. 379, примеч. 161) и на блоке из Карнака (XE 4; опубликован Ж. Л. Шаппазом) лучи оканчиваются ладонями. Ж. Л. Шаппаз не исключает, что на блоке XE 4 эти руки могли быть добавлены уже после того, как рельеф был закончен (обо всем этом см.: Chappaz, 1983, 37–46).

[139] Термин придуман строительными рабочими в Карнаке и является производным от арабского слова «talâta» — «три». Предположительно, речь идет о длине блока — три (*пяди*); ср. также: LÄ VI, 186–187. Удельный вес песчаника из Нубии составляет 1,62 г/см^3, а значит, блок должен весить чуть более 50 кг. В основном блоки были стандартными, но иногда их размеры варьировались в зависимости от конкретной постройки (Vergnieux, 1992, II, pl. 13).

[140] Всего было обнаружено около 50 000 талататов, 12 тысяч из которых уже прошли процесс «обработки», но опубликованы пока далеко не все. См. работы: Doresse, Redford, J. Cohary, Vergnieux.

минимум восемь храмов, построенных по новой технологии и в соответствии с новыми идеями (R. Smith, Redford, 1976, 58–63 (Tawfik); Redford, 1977a, 9; Redford, 1984, 63). Видимо, сначала были возведены Гемпаатон и Хутбенбен, затем Руджмену и, наконец, Тенимену. Другие здания, такие как Хайэмахет и «Северный алтарь-*мару* сферы», пока плохо изучены, и время их постройки неизвестно[141]. Памятники эти были возведены очень быстро, и ни один из них не имеет точной датировки[142]. Раскопки позволили определить местонахождение Гемпаатона — огромного четырехугольного здания (приблизительно 130 × 200 м), находящегося к востоку от Карнака в его современных границах[143]; Хутбенбен[144] относится к тому же храмовому комплексу и дополняет его[145].

Резкое увеличение эффективности и скорости работы, которое стало возможным благодаря изобретению талататов, сопутствовало разработке совершенно новой изобразительной концепции. Направление, которое принято называть «амарнским стилем», зародилось в Фивах за несколько лет до основания новой столицы, города Ахетатона, ныне известного под названием эль-Амарна. Инициатором изменений в искусстве, как и всех прочих нововведений этого царствования, был сам фараон. Главный скульптор Бак откровенно заявлял, что «сам царь наставлял его» (граффито из Асуана, Habachi, 1965b, 85–91; Aldred, 1988, 93–94; также Kaiser, 1963). Отныне рельефы становятся врезанными: поверхность блока вокруг изображений не удаляется, и они выглядят погруженными в тело камня (Vandersleyen, LÄ V, 225, n. 24). Контуры самого рельефа при этом остаются очень четкими; фигурам, вопреки египетской традиции, придается объемность. Еще одно нарушение традиции: персонажи теперь почти всегда изображаются в действии, их тела напряжены и энергичны[146]. С другой стороны, от идеалов красоты, стремление к которым придавало такое непревзойденное изящество рельефам

---

[141] Ср.: Doresse, 1955, Redford, 1984, 71. — О датировке Хайэмахета см.: Doresse, 1984–1985, 94. Согласно Р.Вернье (Vergnieux, 1992, 204), Тенимену, незавершенный храм, был последним сооружением, где еще продолжались работы в момент переезда двора из Фив. О Руджмену см.: Chappaz, 1985.

[142] Праздник *сед,* повсюду представленный сценами на стенах Гемпаатона, по мнению сторонников версии о длительном соправлении, соответствует великому празднику *сед,* что состоялся на 30-м году правления Аменхотепа III или на втором году правления Аменхотепа IV. Именно под влиянием этой гипотезы Д. Редфорд датирует Гемпаатон 2-м годом правления Аменхотепа IV, два следующих храма — 3-м и Хутбенбен — 4-м годом. См. ниже, с. 380.

[143] План см.: Redford et al., 1991, 76; он не совпадает с планом, предложенным в работе Vergnieux, 1992, II, pl. 67. — О названии храма см.: Badawy, 1975.

[144] Обзор собранных сведений содержится в книге Д. Редфорда (Redford, 1984, особенно главы 5–7 и 15). О талататах см.: Saad, 1967; Sauneron, Saad, 1969; Anus, 1970; Saad, Maniche, 1971; Lauffray, 1983; Le Saout, Traunecker, 1982. — О продолжающихся раскопках в восточном Карнаке: Redford, 1975, 1977a, 1981, 1983a; см. также: Albouy et al., 1989, 73–78. — Первое обобщение сведений о талататах: M. Doresse, 1955. — Последний сводный труд с частичной реконструкцией стен: R. Smith, Redford, 1976, эта тема развита в работе M. Doresse, 1981; см. также: J. Cohary, 1992. Обзор о талататах 9-го пилона: Lauffray, 1979, 166–193, с качественными цветными фотографии, которые воспроизведены также в работе: Traunecker, 1984. В настоящее время ведется обстоятельное изучение талататов: Vergnieux, 1992.

[145] Р. Вернье (Vergnieux, 1992, 191–198) полагает, что Аменхотеп IV построил храм Ра-Хорахти, использовав в качестве бенбена единственный большой обелиск Тутмоса III, поставленный Тутмосом IV в восточном Карнаке. В эль-Амарне розовому граниту предпочитали кварцит: Karlshausen, De Putter, 1992.

[146] Особенно неожиданно выглядят в Карнаке изображения царя, моющего руки и надевающего ожерелье: Traunecker, 1984, 60. — Подобные «моментальные снимки» обнаружены в эль-Амарне (например, сцена с царевной, которая ест утку, Каир JE 48035; Saleh, Sourouzian, 1986, № 169).

гробниц конца царствования Аменхотепа III, теперь решительно отказались. Человек изображается более схематично, а некоторые детали преувеличиваются до полного неправдоподобия: живот раздут и подчеркнут длинной, низко подвязанной набедренной повязкой, талия же, напротив, выглядит очень тонкой, а лица — худыми. Это самый далекий от реализма стиль искусства, когда-либо возникавший в Египте[147]. Новое ви́дение распространяется на изображения как членов царской семьи, так и простых носильщиков. Именно для первого храма, Гемпаатона, были изваяны невообразимые, потрясающие воображение колоссальные статуи царя. Даже сегодня многие зрители приходят в замешательство при виде этих фантастических творений[148]: кажется, что это статуи безобразного урода, причем царь сам захотел показать себя в столь ужасном облике.. На самом же деле речь, конечно, идет о художественной идее, об «одухотворенном предмете», как говорил Бернини, то есть о творении, которое ошеломляет именно своими странностями. «Медийный» прием, будто бы заключавшийся в противопоставлении уродству Аменхотепа IV божественной красоты Нефертити, какой мы знаем ее благодаря знаменитому бюсту в Берлине, — чистейший вымысел. В самых смелых проявлениях нового стиля фигуры царя и царицы выглядят одинаково гротескно, и по фрагментам рельефов подчас невозможно определить, кто из них изображен (Aldred, 1973, n. 23–21; Werner, 1979). «Бесполый» колосс — статуя, лишенная одежд и половых признаков, — представляет Нефертити[149], такую же «уродливую», как и ее супруг. В Карнаке, в тайнике, среди немногочисленных амарнских фрагментов есть один, представляющий верхнюю часть лица Нефертити, которая опознается по двойному урею на лбу[150]. Эти необычные по стилю статуи и все прочие произведения искусства, возникшие под его влиянием, хотя и менее вызывающие, производят такое впечатление на зрителей, что для многих амарнский период стал наиболее притягательным в истории египетского искусства. Между тем этот стиль вообще трудно назвать египетским.

Еще до появления талататов и амарнского стиля появился новый образ бога, который стал символом царствования Эхнатона: над всеми сценами теперь будет светить солнце, причем такое объемное, что может быть воспринято только как шар, сфера[151]. Это

---

[147] Некоторые конкретные детали, считающиеся реалистическими, являются условностями, возникшими вместе с новым искусством, — например, две складки на шее и отверстие (иногда два) в мочке уха. Две складки на шее — особенность женской анатомии («колье Венеры»); для амарнского стиля вообще характерна определенная женственность в трактовке мужских образов.

[148] PM II, 253–254; см. в первую очередь: Desroches Noblecourt, 1974a. Помимо статуй из песчаника в храме есть и произведения из кварцита: Redford et al., 1991, 87–88. — Гигантомания коснулась и рельефов — некоторые изображения царя и царицы достигали 13 м в высоту (Redford, 1984a, 82).

[149] Каир JE 55938; PM II, 253; Harris, 1977a; Vandersleyen, 1984, 8–13. — Существуют и другие теории для объяснения бесполости царя: то ли таким образом хотели отразить двойственную — мужскую и женскую — природу творца (Westendorf, 1963), то ли противопоставляли оскопленного Осириса — раскрывая тем самым тайну этого бога — другим солнечным колоссам (Desroches Noblecourt, 1974, 15–44). Внешность царя объясняли и патологическими аномалиями, см. ниже, с. 412, примеч. 277.

[150] Каир CG 42089. Среди предметов, обнаруженных в тайнике и сочтенных «амарнскими» (Legrain, 1907), только A, D и F являются таковыми.

[151] См. в особенности: Assmann, LÄ I, 528 и n. 34; Vandersleyen, 1984, 5–8; Kákosy, 1984. — «Венецианский Аноним», говоря о Вратах Эвергета в Карнаке — возведенных в другой период расцвета искусства высокого рельефа, — описывает солнце на притолоке как сферу (согласно Traunecker, Golvin, 1984, 44).

ипостась Ра-Хорахти, которого отныне больше не изображают (Redford, 1970, 44, n. 3; Tawfik, 1976, 4). От солнца, украшенного уреем, тянутся лучи, каждый из которых оканчивается ладонью. Некоторые из них держат какой-либо символ, чаще всего иероглиф жизни (*анх*), протягивая его только царю или царице, и никому другому[152]. Дидактическое имя бога стало заключаться в двойной картуш еще до того, как его образ окончательно трансформировался[153]. В храмах и царских гробницах полностью исчезают привычные сцены — царь и божество теперь уже не стоят на одном уровне лицом друг к другу[154], они принадлежат разным мирам[155]. Эксперименты с обожествлением Аменхотепа III закончились, и мы видим другую картину: теперь бог, что живет на небе, становится царем и получает царские атрибуты — картуши, уреи, титулы, а то и праздники *сед*[156]. Эхнатон же — земной царь-человек, его отношения с богом — это отношения сына и отца, которому он обязан всем, прежде всего жизнью[157].

Стиль изображений претерпевал изменения и в дальнейшем, но все основные черты «реформы» заметны едва ли не с первых дней царствования Эхнатона[158]. Речь идет не о постепенной эволюции под влиянием случайностей, а о последовательно воплощаемой доктрине, цельной концепции, порожденной исключительной личностью.

---

[152] В эль-Амарне Солнце также подносит знак жизни Аменхотепу III и царице Тийе (Davies, 1905, III, pl. 4, 8, 18, о стеле из Британского музея см. выше, с. 364).

[153] Точное время появления этого новшества неизвестно. На граффито из Асуана бог еще изображен как человек с головой сокола, но имя его уже обведено двойным картушем. Слева от него, на знаменитом граффито Мена и Бака, Солнце испускает лучи, а персонажи изображены в амарнском стиле — см. с. 376, а также Brunner, 1971. Контуры шнура, образующего картуш, стали шире: он превратился в объемный валик, при том что картуши бога были значительно больше царских. Это утолщение контуров, регулярно встречающееся в Амарне, появляется уже на блоке в Лувре и в Руджмену (Vergnieux, 1992, III, pl. 17), последнем из фиванских памятников эпохи Аменхотепа IV.

[154] Эти сцены исчезают с появлением образа лучезарного Солнца. Некоторые талататы представляют собой исключение: здесь встречаются очень мелкие изображения Ра-Хорахти в виде человека с головой сокола, лицом к лицу с царем (ср.: R. Smith, Redford, 1976, pl. 86, 8 и 9; Redford, 1984, 65, 4.6), тогда как поза «лицом к лицу» отсутствует даже на крупном блоке в Лувре (см. примеч. ниже), судя по стилю, более раннем. Р. Вернье (Vergnieux, 1992, 230–231) считает, что эта сцена на талатате копирует рельеф храма Ра-Хорахти, построенного из крупных блоков. Таким образом, архитектурная панорама нового здания могла воспроизводить сцены храма, созданного на дореформенном этапе.

[155] См.: Kruchten, 1989, 203–204, где говорится о значении выражения *bsi ʿ/беси а* — «протягивать руку», «переводить из одного мира в другой». Именно такой смысл заложен в изображениях Солнца, тянущего лучи-руки с неба к земле.

[156] Проблема праздников *сед* для Атона уже поставлена. С. Олдред, вслед за Б. Ганном (Gunn, 1923, 170–172), горячо отстаивал эту гипотезу, но затем отказался от нее, найдя подтверждение тому, что на 2-м году праздник отмечался Аменхотепом IV (Aldred, 1988, 266). См. прежде всего: J. Cohary, 1992, 29–33.

[157] Появился также титул «первый жрец-пророк царя Неферхепрура Уанра», но существовал он недолго, см.: R. Smith, Redford, 1976, 65 (автор — J. Cohary). Правда, был еще и титул Туту в эль-Амарне (см. ниже, с. 398 и примеч. 234).

[158] Блок Лувр 13482 ter (PM II 191; Schäfer, 1931, pl. 5; Aldred, 1988, fig. 28), как и блок в Берлине, относился, вероятно, к десятому пилону. Он содержит ряд элементов для такой атрибуции: Солнце с лучами, заканчивающимися ладонями, и имя бога, которое, очевидно, было обведено большими картушами — следы их еще видны. Сначала на нем стояло имя Аменхотеп, но позже оно было заменено на Эхнатон. Фигура царя выполнена в стиле, переходном от традиционного к амарнскому, с уходом от реальности в передаче таких физических особенностей, как полнота и тучность. Кроме того, руки Солнца подносят к носу царя знаки миллионов праздников *сед*, а к его к чреслам — знаки *уас* (счастья) и *анх* (жизни). Этот рельеф в переходном стиле свидетельствует о стремительном развитии новых принципов искусства (о блоке см.: Chappaz, 1983, 38–40).

Царствование в Фивах

Благодаря талататам мы знаем, что фиванский период был важным этапом в истории этого царствования[159]. Все новые принципы и философии, и искусства нашли свое выражение уже в первые годы правления Аменхотепа IV. Некоторые памятники, такие как Хутбенбен[160], целиком посвящены Нефертити, и мы знаем, что она уже тогда занимала важное положение. Видимо, в Амарне было по-другому, хотя число талататов из этого города крайне невелико и еще много важной информации до нас не дошло. Уже в Фивах имя Нефертити появляется в картуше с дополнением «Нефернефернуатон» — «Прекраснейшее светило»; знаки имени «Атон» обращены к царице, а не наоборот — свидетельство особого к ней расположения[161]. Конечно, на совместных изображениях царь всегда крупнее царицы, и намного, однако на аллее сфинксов, на участке от десятого пилона до храма Мут, они более или менее одинаковы по размеру. Правда, этот памятник не дошел до нас в первоначальном виде: ранее у сфинксов попеременно были головы то царя, то царицы (Traunecker, 1986, 20–22; Eaton-Krauss, Murnane, 1991).

Статус царицы как фараона подтверждают и другие детали (Traunecker, 1986, 19–20; Harris, 1973, 9–11). Как и царя, ее изображали повергающей «врага», с поднятой палицей. Ее головные уборы весьма оригинальны: мужской и к тому же военный «нубийский» парик (Aldred, 1957a; Eaton-Krauss, 1981a, 252–258; Rammant-Peeters, 1985, 36), а также знаменитая высокая тиара с плоским верхом. Последнюю придумали еще для Тийи, но затем ее стала носить только Нефертити[162]. Роль женщины-фараона, в образе которой Нефертити появляется на памятниках эль-Амарны (Samson, 1977), она играла с первых дней проведения «реформы», то есть еще в Фивах. Более того, трогательные сцены супружеской жизни, так популярные в амарнских гробницах, появляются уже в Фивах. Они обладают и более глубоким значением, ведь символ воспроизводства, образ человека-творца, демиурга, непременно соединяет в себе мужское и женское начала. Плотским утехам царя и царицы посвящена сцена, где они, приняв образы Ра и Хатор, готовятся взойти на супружеское ложе. Аменхотеп III и Тийя уже изображались в виде этих божеств в мифологической сцене из гробницы Херуэфа, но там они торжественно восседали в беседке на троне[163].

---

[159] Исследование Н. де Гарис Дэвиса (Davies, 1923), несмотря некоторые устаревшие положения, все равно остается превосходным.

[160] Redford, 1984, 78–79. — Название Геметпаатон (в женском роде) могло обозначать какое-то здание (не Гемпаатон), посвященное Нефертити (J. Cohary, 1979).

[161] См.: Tawfik, 1975, 3, 161–162. — «Единственное исключение», упомянутое в: E. Brunner-Traut, LÄ IV, 521, n. 6, — на рельефе, опубликованном в книге: Davies, III, pl. 27, — объясняется особенностями компоновки надписи. Подобное написание, когда имя бога повернуто к имени царя, встречалось уже при Аменхотепе III и стало обычным при Рамессидах: Good, 1992. См. тем не менее: J. Harris, 1992, 60.

[162] См. выше, с. 359. — Об этом головном уборе см.: Ertmann, 1976; Rammant-Peeters, 1985, 34–35.

[163] Wildung, 1985, 20–25; Traunecker, 1986, 27–41. — В. Хельк (Helck, 1976b, 119) напоминает (как и К. Тронекер), что в имени Нефертити — «Прекрасная пришла», — элемент «прекрасная» означает богиню Хатор, и что царица могла получить это имя в связи с ролью, выполняемой ею во время обряда. Однако царица, как и Эхнатон, не была обожествлена, вопреки тому, что утверждается в работах Tawfik, 1975, 3, 162–165, и Eaton-Krauss, 1979. Постоянно подчеркивается именно человеческая, а не божественная природа царской четы. В тексте, добавленном к надписям на стелах A и B в эль-Амарне на 8-м году правления, привычного титула «прекрасный бог» уже нет (Urk. IV, 1989). О царице см. также: Redford, в кн.: R. Smith, Redford, 1976, 80–82.

С самого начала царствования Аменхотеп IV готовился к празднику *сед*, церемонию проведения которого богато иллюстрируют сцены в Гемпаатоне[164]. Дата его неизвестна, если она вообще была — возможно, праздник стал ежедневным, то есть бог даровал царю его каждое утро (Doresse, 1984–1985, 102). В таком случае сцены праздника не отражали определенного события.

В соответствии с версией о соправлении было предложено считать, что образцом для праздника *сед* Аменхотепа IV послужил пышный праздник Аменхотепа III на 30-м году его правления[165], которому соответствует 2-й год Аменхотепа IV. При такой параллельной хронологии каждому важному событию царствования Аменхотепа IV находилось бы соответствие в период правления Аменхотепа III. Переезд Аменхотепа IV в эль-Амарну на 6-м году соответствует 34-му году правления Аменхотепа-отца, то есть второму празднику *сед*, свидетельств о котором мало, но который явно отмечался; именно в этот момент Аменхотеп IV становится Эхнатоном. Изменение имени бога Ра-Хорахти между 8-м и 12-м годами, вероятно, приходится на 9-й год[166], соответствующий третьему празднику *сед* Аменхотепа III на 37-м году его правления. Если царь скончался в начале 39-го года своего царствования, то есть 11-го года царствования Эхнатона, то церемония 12-го года в эль-Амарне может быть связана с началом независимого правления Эхнатона. Такой вариант развития событий — его отстаивает прежде всего С. Олдред и допускают другие исследователи[167] — вполне правдоподобен. Но, как известно, не все правдоподобное — истинно, а бесспорных доводов в пользу версии соправления или против нее до сих пор нет.

В левобережных Фивах в этот период не происходило ничего или почти ничего; там обнаружено лишь одно строение времен Аменхотепа IV[168]. В эти годы получали отделку или достраивались три частные гробницы (определение фаз этих работ зависит от того, примем мы или нет версию соправления). В гробнице Херуэфа (TT 192) мы видим рельефы 30-го года правления Аменхотепа III с кратким дополнением от 37-го года (см. выше, с. 348 и примеч. 50) и классические по стилю рельефы Аменхотепа IV. Гробница Рамоса (TT 55), почти целиком выполненная в классическом стиле, завершалась в амарнском, но ни те ни другие рельефы не были закончены, и заключительной частью отделки стала роспись почти в традиционном стиле[169]. Гробница Пареннефера (TT 188) — случай еще более сложный. Она целиком создана в царствование Аменхотепа IV, но и сам он, и его окружение изображены в стиле, характерном для эпохи Аменхотепа III[170], хотя пояса их набедренных повязок уже несут отпечаток амарнского

---

[164] R. Smith, Redford, 1976, 64–68 (J. Cohary); Redford, 1984, 110–130; Aldred, 1988, 266; Redford et al., 1992, 88–89; J. Cohary, 1992.

[165] Redford, 1984, 138, не принимая версию соправления, полагает, однако, что Аменхотеп IV был впечатлен отцовскими праздниками *сед* и захотел устроить такие же. Согласно М. Малэзу (Malaise, 1981), символы *анх* и *уас* в руках Атона никогда не были символами праздника *сед*.

[166] Важность этого года, что бы ни было причиной этому, подтверждается многочисленными надписями на кувшинах с этой датой: Hornung, 1964, 81–83.

[167] Именно так, с осторожностью, к этой версии относится Рэй Джонсон, и я с ним согласен.

[168] Облицовочный слой царского здания на юге Мединет Абу, внутри которого находился маленький двор, окружавший постаменты для солнечных обелисков: Doresse, 1955, 128–129.

[169] У фигур на расписях видны характерные признаки «амарнского» стиля: пояс набедренной повязки сзади проходит выше углубления на пояснице (сравнить в кн.: Lange, Himmer, 1964, pl. 29, Рамос, и pl. 28, Небамон и Ипуки), животы раздуты.

[170] Форма черепа, брови, ожирение, позы: Davies, 1923, pl. 25, 28.

влияния; группа вельмож стоит перед окном[171], в котором появляется царь Аменхотеп IV. На другой стене — беседка, на карнизе которой мы видим солнечную сферу с расходящимися лучами и дидактическое имя Ра-Хорахти в двойном картуше, но царь еще носит имя Аменхотеп, которое не было исправлено (Davies, 1923, pl. 23); у входа в гробницу помещен гимн Солнцу, типично амарнский по стилю. Наконец, на настенных изображениях царь занимает очень важное место, что станет отличительной особенностью гробниц эль-Амарны (Davies, 1923, 136–138).

Есть большое искушение распределить эти гробницы во времени согласно их стилю: сначала гробница Херуэфа[172] и «неамарнская часть» гробницы Рамоса, затем гробница Пареннефера и, наконец, все сцены в гробнице Рамоса, выполненные в амарнском стиле. Однако новый стиль развивался столь стремительно, что работы в одном и том же некрополе могли вестись одновременно в различных стилях. Даже три стадии работ, зафиксированные в гробнице Рамоса, могли сменять друг друга в течение одного года или даже одного месяца.

Фиванский период правления Аменхотепа IV продолжался до 5-го года его царствования; в некрополе почти не сохранилось памятников этого времени, было начато строительство только гробницы Пареннефера. В эль-Амарне за равный промежуток времени — с 5-го по какой-то год между 8-м и 12-м, когда работы во многих гробницах были прерваны, — в скалах вырубили немало усыпальниц. Возможно, сооружение гробниц в Фивах было остановлено и затем возобновлено по окончании Амарнского периода, но эти поздние гробницы не сохранились. На 5-м году правления царь решил, что гробницы знати должны находиться в будущей столице, как и усыпальницы самого царя, царицы Нефертити и царевны Меритатон (Urk. IV, 1975, 5; Davies, 1908, V, 30).

Царь покидает Фивы

В то время как в Карнаке кипела работа и в течение короткого времени храмы возникали один за другим, царь решил покинуть Фивы и найти для строительства храма Солнца такое место, где ничто не напоминало бы о прошлом. Об этом нам известно со слов самого фараона. Если он взошел на престол в первые месяцы сезона *перет*, то основание Ахетатона в 4-м месяце сезона *перет* приходится на начало 5-го года его царствования. К этому времени план новой столицы был уже полностью разработан. Место для нового города было найдено по божьему вдохновению, до указанной на стелах даты, но непонятно, как все случилось: то ли царь (например, на 4-м году) только приступил к поискам, то ли внезапно вспомнил о местности, когда-то его впечатлившей.

Хронология, восстанавливаемая по талататам, — в соответствии с которой некоторые события, например рождение третьей царевны, имели место до отъезда из Фив, то есть до 6-го года правления Аменхотепа IV, — не совпадает с той, что выстраива-

[171] Мне неизвестны публикации изображений самого этого окна, очевидно, оно было сильно повреждено. Невозможно сказать, располагался ли над ним лучезарный шар: Н. де Г. Дэвис этого не уточняет.

[172] Ю. Я. Перепелкин (1967, 18), сравнив титулы царя в папирусах из Гуроба (Sandman, 1938, 132, строка 20 и n. b) и в надписях у входа и на притолоке гробницы Херуэфа (Urk. IV, 1872), сделал вывод, что они датируются самое раннее 3-м или началом 4-го года правления Аменхотепа IV. Это уточнение позволяет заключить, что писцы уже хорошо понимали принципы употребления новых формул.

ется по памятникам эль-Амарны, главным образом стелам. Стоит задаться вопросом, прекратили ли скульпторы свою деятельность в Карнаке как только двор обосновался в эль-Амарне, или же продолжали трудиться в Фивах еще какое-то время (например, до 8-го года), причем занимаясь только повсеместным исправлением имени Аменхотеп на Эхнатон?[173] Это позволило бы согласовать даты рождения царевен, полученные в результате изучения, с одной стороны, амарнских пограничных стел, а с другой — памятников в Фивах[174]. Впрочем, некоторые карнакские рельефы были переделаны, а другие остались незавершенными (R. Smith et al., 1976, 70; Vergnieux, 1992, II, pl. 26).

Краткая форма имени Нефертити появляется в Амарне лишь однажды — на одной из первых стел (стела К), но царь здесь уже именуется Эхнатоном (Davies, 1908, V, 25). В Фивах же, напротив, нередко встречается краткая форма имени, перед которым следуют или простые титулы — «жена царя», «старшая жена царя», — или серия эпитетов по образцу титулатуры цариц прошлого: «высокочтимая княгиня, владычица Южного и Северного Египта, великая супруга царя, его любимая, госпожа двух земель, Нефертити, да живет она». Двойное имя Нефертити Нефернефруатон стало заключаться во второй картуш рядом со старым, но не раньше, чем царь принял имя Эхнатон; на более поздних рельефах сразу высекалось новое имя царицы. Следовательно, в Фивах продолжали[175] строить и вырубать в скалах гробницы уже после того, как Ахетатон был официально объявлен новой столицей.

АМАРНА С 5-ГО ПО 12-Й ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АМЕНХОТЕПА IV

Ландшафт Ахетатона[176]

Сам бог Солнца направлял Аменхотепа IV на поиски места, никем не обжитого, не тронутого ни богами, ни царями, где культ небесного светила мог бы стать един-

[173] Д. Редфорд (Redford, 1984, 141, 175–176) относит начало преследования имен и изображений Амона и древних богов ко времени переезда из Фив. Другие — особенно те, кто полагает, что Эхнатон дождался кончины отца и уже затем принялся «святотатствовать», — относят это событие к 12-му году. Некоторые исследователи помещают его в конец царствования (Goedicke, 1984d). Имя Амона еще было в ходу на 6-м году правления Аменхотепа IV (Hornung, 1964, 81 и n. 5 = The City III, pl. 90, № 140).

[174] Меритатон — единственная дочь Аменхотепа IV, упоминаемая в тексте стелы X от 5-го года; Меритатон и Мекетатон изображены справа на стеле J от 6-го года; на 8-м году, на стелах A и R, присутствуют только эти царевны; стела К была предназначена для замены старой поврежденной стелы М; на своде стелы К изначально была изображена только Меритатон — вероятно, по аналогии с изображением на стеле М; затем на своде появилась также Мекетатон, а статую Анхесенпаатон добавили к другим статуям, из чего следует, что эта царевна родилась не ранее 8-го года. Таковы расчеты У. Мёрнейна (Murnane, 1984, 43–46).

[175] Об изменениях в имени царицы и хронологии см.: Vergnieux, 1992, 219–224, вопреки мнению Д. Редфорда (в кн.: R. Smith, Redford, 1976, 80 и n. 31).

[176] На месте Ахетатона сейчас находится несколько сел, ни одно из которых не называется Телль эль-Амарна; это название придумали европейские путешественники в XIX веке. Никакого телля (то есть высокого холма из мусора и обломков) здесь нет, и будет корректнее оставить только вторую часть названия — Амарна или эль-Амарна. О местности см.: Kemp, LÄ VI, 309–319.

ственным[177]. Его выбору можно найти дополнительные объяснения, которые приходят на ум сегодня, но о которых сам царь ни разу не говорит. Местность эта прекрасно защищена: на востоке она окружена отвесными скалами, словно полукруглой оградой, а с юга и севера, там, где горы подступают к реке, прикрыта тесниной. Разрыв в поясе скал напоминает знак *ахет* — иероглиф горы, из-за которой поднимается солнце (Aldred, 1976). Эта идее заслуживает интереса еще и потому, что первый алтарь и первое возвышение, на котором царь начал проводить религиозные обряды, располагались точно по оси этого разрыва[178]. 15-й ном, в котором расположен Ахетатон, — один из тех плодородных и богатых регионов, которые часто обретали независимость от Севера и Юга (см. выше, с. 87 и примеч. 61).

Высказывалось мнение, что переезд в Амарну не был «бегством от Амона». Возможно. В любом случае, он был вызван желанием царя «чувствовать себя дома», там, где не придется больше жить в мире чуждых ему идей. Зачем царю понадобилось давать торжественную клятву, что он никогда не выйдет за границы периметра, определенного пограничными стелами в Ахетатоне? Может быть, потому, что земля, на которую нельзя было заступать, находилась во власти других богов?

Непонятно настойчивое желание царя основать Ахетатон именно здесь, «ни южнее, ни севернее, ни западнее, ни восточнее» этого места. Он не станет продвигаться к югу от южной стелы и к северу от северной. Он не будет строить город на западном берегу — расширяться Ахетатон будет только в восточном направлении (Davies, 1908, V, 30): полезное уточнение, так как город протянулся вплоть до скал на востоке, и его границы чуть позже обозначат три стелы.

Царь также настаивает на том, что ни царица, ни представители знати, никто в мире не сможет отвратить его от этого места, где он и хочет быть похоронен. Где бы он ни окончил свой путь, пусть его привезут сюда; здесь же должны быть похоронены Нефертити, Меритатон, бык Мневис[179] (священное животное Солнца в Гелиополе), жрецы и чиновники.

Перевод столицы в эль-Амарну

Покинув Фивы, царь повелел возвести в Ахетатоне те же самые здания, которые он только что построил в Карнаке — Гемпаатон, Хутбенбен и многие другие. В Ахетатоне явно копировалось то, что уже было создано в Южном городе.

Решение оставить Фивы совпало с коренным переворотом в мировоззрении царя — именно тогда он принял другое имя и радикальным образом поменял титулатуру (Handbuch, 86). Он сменил свое личное имя Аменхотеп, «Амон доволен», на Эхнатон, «Свет Атона» (?)[180]. Имя Хора «у которого два высоких пера» с аллюзией на образ

---

[177] Пограничная стела K; Davies, 1908, V, 29, строки XIX–XXI, 1–2 = Urk. IV, 1968, 3–19.

[178] Wells, 1987, 315–320; Murnane, 1987, 246. См. ниже, с. 385, примеч. 191. Б. Кемп (Kemp, 1991) включает Ком эль-Нана в число первых построек Ахетатона.

[179] Прочтение Ф. Лл. Гриффита не вполне убедительно: Davies, 1908, V, 21, n. 2.

[180] Смысл этого имени остается неясным. Э. Иверсен (Iversen, 1988, 79), соглашаясь с Х. Шэфером, понимает его как «*3h/Ax* Атона». Ф. Фридмен (Friedman, 1986) переводит его как «свет Атона», напоминая, что царь *и есть* Солнце (им стал Аменхотеп III), а свет является *действующим*. Шт. Вениг (Wenig, LÄ I, 213) переводит имя как «угодный (wohlgefällig) Атону».

Амона исчезло; отныне царь — «любимый Атоном». Имя Небти звучит теперь как «великий царствием в Ахетатоне», а не «в Карнаке», как раньше. В имени Хора Золота прославляются уже не короны южного Гелиополя, то есть Фив, а имя Атона. Тронным именем остается Неферхепрура Уанра. Выражения, которые ранее предшествовали картушу и подтверждали царское господство над чужеземными странами или власть над «Девятью Луками»[181], теперь заменены на эпитет «живущий истиной (Маат)»[182], который повторяется и после титула «сын Ра». Эта новая титулатура появляется на первых стелах[183], высеченных на склоне горного пояса эль-Амарны; текст их содержит официальное объявление об основании новой столицы в 13-й день 4-го месяца *перет* 5-го года царствования[184]. Между этой датой и царской титулатурой вставлена титулатура Ра-Хорахти, как будто памятники датируются годами правления и царя, и бога: «Да живет[185] прекрасный бог, умиротворяющийся правдой, владыка неба, владыка земли, великое живое светило, который освещает две берега; да живет отец, бог и царь[186], да живет Ра-Хорахти, который ликует на горизонте (или на небе), в своей роли света, который в светиле; тот, кому дарована жизнь[187] навеки и навсегда, великое живое светило на празднике-*сед*, живущее в доме Атона в Ахетатоне»[188].

Во время первого официального визита на место сооружения новой столицы царь подробно описал свой проект на двух стелах — северной X и южной M; последнюю, вероятно, из-за плохого состояния впоследствии заменили на стелу K. На следующий год царь вернулся, высадившись, по всей видимости, в том же месте. И на этот раз

---

[181] Urk. IV, 1964, 4 (с исправлением В.Хелька: Helck, Urk. Üb.); Urk. IV, 1693, 18.

[182] Этот эпитет отмечен на скарабее еще Фиванского периода. О культе Маат в Амарне: Anthes, 1952.

[183] Стелы Л, M и X. Эти стелы названы пограничными, так как они стоят по периметру города, определяя его рубежи. На сегодня известны 14 стел. Мы не знаем, было ли их столько изначально, или какие-то стелы пока не обнаружены. Стелы обозначены буквами (A, B, F, J, K, M, N, P, Q, R, S, U, V, X). Публикации: Davies, 1908, V, 19–34; Urk. IV, 1965–1990. Недавнее исследование: Murnane, Van Siclen, 1993, карта, с. 9; ср.: Murnane, 1984; Murnane, 1987. Схема расположения стел приведена уже в книге: Petrie, 1894, pl. 34; воспроизведена в книге: Davies, 1908, pl. 34. У. М. Фл. Питри дает краткое описание памятников (с. 5–6). Пятнадцатая стела (X) была обнаружена уже после публикации У. М. Фл. Питри, но стелу L, совсем маленькую и непохожую на другие (Davies, 1908, 19, n. 2), исключили из списка пограничных стел, так что их по-прежнему насчитывается 14. По расчетам У. М. Фл. Питри (Petrie, 1894, 6), самая большая из них, стела U, достигает ок. 8 м в высоту и 4,42 м — в ширину.

Самое позднее упоминание царского имени Аменхотеп, перед сменой именной титулатуры, датировано 19-м днем 3-го месяца *перет* 5-го года правления: это папирус Гуроб I, 1; издание: Griffith, 1898, pl. 38, новый перевод и исследование: Wente, 1980. В этом письме из Гуроба Ипи, градоправитель Мемфиса, заверяет царя Аменхотепа IV, что культы Птаха и всех богов и богинь на территории Мемфиса процветают.

[184] К чтению даты: Murnane, 1987, 241 и fig. 1.

[185] Знак *Анх* может быть символом жизни, переводить который не следует: Lichtheim, 1976, II, 51, n. 1.

[186] Скорее так, чем «мой отец». О двойном детерминативе — знаком «бог» и знаком «царь» — написано очень много, см.: Gunn, 1923, особенно с. 175–176; Fecht, 1960, 91–111; Westendorf, 1965.

[187] В Bennett, 1965, 209, и вслед за ним — в Lichtheim, 1976, 51, n. 1, дается перевод «дарующий жизнь», так как богам свойственно именно распоряжаться жизнью и одаривать ею. Однако мне представляется рискованным менять привычный перевод столь распространенного выражения, ведь оно осталось без изменений. Лучше всего будет сохранить смысл, подходящий для обоих царей, не забывая при этом, что бог Эхнатона не походил на других богов.

[188] Urk. IV, 1965, 9–11; 1981, 10–12: пограничные стелы 5-го и 6-го годов. В работе Malaise, 1981, 49–50, переведено иначе: «в котором праздник *сед*».

границы города были отмечены четырьмя стелами, а царь дал торжественную клятву, что границы эти — окончательны. Эту клятву он повторит в 8-м году — в ней упомянуты шесть стел[189]. То, что строил царь, не было городом в прямом смысле слова: при начертании названия новой столицы иероглифа «город» старательно избегали. Это была гигантская священная территория, границы которой отмечались стелами, тогда как в других местах они обозначались закладами в фундамент построек[190]. Ахетатон — это «святилище светила». Значение «святилище» заключено в слове *ахет*, и сам царь именно так определял сущность новой столицы, посвященной Солнцу: «Отныне, внутри пространства, заключенного между этими четырьмя стелами, от восточной горы до горы западной, простирается святилище самого Солнца; оно принадлежит отцу моему Ра-Хорахти, который ликует на горизонте в качестве солнечного света, который есть сфера» (Cannuyer, 1985, 8–9).

Ахетатон

Планы строительства в новой столице были грандиозными. Можно предположить, что работы начались на 5-м году правления, когда был возведен первый алтарь — возвышение под названием «Ахетатон», к которому и направился царь во время своего первого визита[191]; затем это имя получила и вся ограниченная стелами территория. Спустя год для царя уже возвели павильон: быть может, царь останавливался там, когда еще не было построено ни одного пригодного для проживания дворца, но было ли это окончательным переездом?[192]

Возможно, город строился быстро, но проследить хронологию этого процесса невозможно, так как здания разрушены до оснований. Нет ни текстов, ни архитектурных элементов, ни изображений, по которым можно проследить эволюцию города или установить критерии датировки его памятников. Только стелы и изображения в гробницах содержат скудные хронологические данные.

На 6-м году правления Эхнатона еще использовались титулы царя и бога, введенные на 5-м году. Текст, добавленный на некоторые стелы на 8-м году, не содержит

---

[189] Дата второй клятвы на разных стелах варьируется — последний день 4-го месяца *ахет* (стела A и B) или 8-й день первого месяца *перет* (стелы N, S, U). Текст высечен на 5 стелах, но в нем говорится о шести, а значит, по меньшей мере одну стелу еще предстоит найти.

[190] В статье Letellier, LÄ II, 906–912, нет ни одного упоминания о закладах в фундамент амарнских памятников. Ахетатон — единственный египетский город, границы которого обозначены стелами.

[191] Murnane, 1987, 243–246. — Р. А.Уэлсс (Wells, 1987) утверждает, что Хутбенбен в эль-Амарне был ориентирован точно по оси разрыва в поясе скал на востоке, образованного устьем царского вади (хотя вывод, сделанный в Wells, 1987, 318, мне кажется странным). Р. А. Уэллс подсчитал, когда именно по нашему календарю солнце могло взойти точно из этой выемки: 13-й день 4-го месяца *перет* 5-го года = 20 февраля 1351 года до н. э. Отсюда следует, что царь взошел на престол 10–17 ноября 1355 года (в первые 8 дней первого месяца *перет*), а торжественная церемония состоялась на 12-м году (8-й день 2-го месяца *перет*) — 17 декабря 1344 года до н. э. Эта хронология отличается от предложенной Р. Краусом (Krauss, 1978, 202). Об интерпретации надписей от 8-го года правления Эхнатона см.: Krauss, 1978, 248–249.

[192] Судя по надписям на кувшинах для вина, окончательный переезд произошел уже после 7-го года правления (Hornung, 1964, 81–82). По Э. Хорнунгу (Hornung, 1964, 81, n. 17), даты до 7-го года относятся к временным визитам царя.

длинного перечня титулов, который мог бы позволить проследить их эволюцию: единственное существенное изменение — написание слова «истина» (*маат*) просто в виде пера, без иероглифа богини. Зато в двух гробницах, датированных 12-м годом, мы находим новую форму имени бога, и это существенное изменение: царь избавляется от всех элементов мифологической иконографии. В божественном имени под Солнцем понимается только бог Ра, а его сфера — *атон* — не более чем проявление этого бога.

Сокол Хор, «сокол горизонта» (Хорахти), исчезает из картуша бога Солнца; Ра теперь — «владыка горизонта» (*ḥḳ3 3ḫtj/хека ахти*). Во втором картуше «свет» обозначен не словом (или именем бога?) *Шу*, а именем Ра. Далее следует новое выражение: «Отец, вернувшийся в виде светила (*атона*)». Этот перевод, предложенный Б. Ганном, крайне сомнителен, и смысл его остается загадочным.

Тогда же из имени Хора исчезает начальный элемент — сокол, и вместе с ним — бык. Имя «двух богинь» (*nbtj/небти*) заменяется на имя «владыки страны» (*nb t3/неб та*), а имя Золотого Хора (*ḥr nbw/хор небу*) — на имя «прекрасного правителя» (*ḥḳ3 nfr/хека нефер*) (Перепелкин, 1967, § 68, 285–290; I. Munro, 1986, 83 вверху). Эти изменения едва ощутимы в плане звучания. Кроме того, из набора знаков некоторых слов исчезают животные и человеческие образы, письменность стала сугубо фонетической. Уже на 8-м году правления Эхнатона сидящая богиня исчезает из слова «истина». Отныне избегают и иероглифа «гриф» в написании слова «мать» (*mwt/мут*), и головы животного на длинной шее в написании слова «сильный» (*wsr/усер*); не используется даже знак *mn/мен* (шахматная доска), входящий в состав имени Амона. Избегают и слова *nṯr/нечер*, не только в форме множественного числа, но и в композитах *ḥtp-nṯr/хотеп-нечер* («жертва богу»), которое превращается в *ḥtp-jtn/хотеп-итен* («жертва (Атону)»); *ḥm-nṯr/хем-нечер* — «служитель бога», то есть «жрец», заменяется на *b3k/бак* «слуга». Эти знаки систематически уничтожались и в старых текстах[193].

Серьезные изменения коснулись не только иероглифики и языка. В двух гробницах — Мерира II и Хевиа, которые датируются 12-м годом правления Эхнатона, — мы видим и необычную сцену, где эта дата сопровождается пояснением «дань от народов» (Davies, 1905, II, 38–43; III, 9–12). Н. де Гарис Дэвис считает, что речь должна идти о каком-то историческом событии, так как указана точная дата. Сюжет в обеих гробницах одинаков, но запечатлены два разных момента церемонии. В гробнице Хевиа (III, pl. 13) царь и царица «появляются в большом золотом паланкине, дабы принять дары стран Хару и Куша, народов Запада и Востока; все чужеземцы приходят одновременно, и живущие посреди *w3ḏ-wr/уадж-ур* несут дары царю, восседающему на своем великом троне в Ахетатоне, и вот он получает дань от всех чужеземных стран». Именно на этом троне царь изображен в гробнице вельможи Мерира. Как на троне, так и в паланкине царь сидит всегда вместе с царицей — контуры ее фигуры чуть виднеются из-за изображения самого царя, как будто удваивая его; у Хевиа царь в красной короне держит у груди бич, крюк и палицу, а царица обнимает царя правой

[193] Об очень сложной хронологии удаления этих знаков см.: Богословский, 1983, 61–62; Munro I., 1986, 86–87. — Среди прочих изменений — головной убор Нефертити (парик с плоским верхом). Сразу после переезда в Амарну Эхнатон отказался от белой короны, заменив ее на синюю (*ḫprš/хепреш*): Harris, 1977b.

рукой (III, 10); у Мерира (II, pl. 38) на голове царя синяя корона, символов царской власти у него нет, но левой рукой он сжимает левую руку царицы, которая и здесь обнимает супруга правой рукой. Перед ними — представители всех народов, каждый в своем национальном одеянии, с товарами и традиционными ремесленными изделиями своей страны. Все это изображено с такой живостью, какой еще не знало египетское искусство.

Почему это произошло именно на 12-м году правления, на 8-й день 2-го месяца *перет*? Устраивались ли такие приемы ежегодно или это событие было уникальным? Последнее кажется более вероятным. С. Олдред считал, что это была пышная церемония — великий «дурбар», как он любил говорить, — в честь воцарения Эхнатона после недавней кончины его отца (Aldred, 1957c). Эту версию не принимают те, кто отвергает возможность соправления отца и сына — по крайней мере длительного. В любом случае, это самое яркое событие царствования — и последнее, известное нам.

Основные перемены имели место между 8-м и 12-м годами правления Эхнатона. Это все, что доподлинно известно. Памятники, содержащие тексты и картуши, могли быть созданы как до, так и после переворота — я говорю о гробницах и редких фрагментах, избежавших уничтожения, главным образом талататах, обнаруженных в Гермополе.

Сегодня внутри горного цирка эль-Амарны находится мрачная долина, но некогда там высился город, не уступавший Фивам, а может, и превосходивший их[194]. Мы можем лишь перечислить основные здания, известные благодаря археологическим исследованиям, а также тексты и изображения в гробницах[195]. Город растянулся на восемь километров вдоль главной артерии — «царской дороги», параллельной Нилу. Центральная его часть, известная под названием «Округ Атона» (скорее так, чем «Остров Атона»), была обширным владением этого бога, включавшим в себя «Дом радости», Гемпаатон и Хутбенбен. К югу от главного храма находился «Дом царя», малый дворец, соединенный с дворцом, расположенным к западу от царской дороги, перекинутым через нее мостом[196]. Это было сооружение огромного размера, с многочисленными залами, разрисованными полами (Weatherhead, 1992), дворами, садами и большим виноградником с южной стороны. Последний, возможно, играл троякую роль: он создавал прохладу и тень, снабжал дворец виноградом, а вино и виноградная лоза символизировали непрерывное течение жизни[197]. С юга к «Дому царя» прилегал «малый храм Атона» — Хут Атон, возведенный вокруг первого алтаря, который был построен для церемонии по случаю основания города на 5-м году правления[198]. Среди административных зданий находилась и «канцелярия корреспонденции фараона», в которой были обнаружены *Амарнские письма*. К югу от «округа

---

[194] Расстояние от стелы X до стелы J составляет 13 км, максимальная ширина долины — около 5 км; полностью застроенная центральная часть, от северной до южной границы города, тянется на 3 км.

[195] Подробное описание города, снабженное картой: Kemp, LÄ VI, 311–316; Redford, 1984, 142–149; Aldred, 1988, 52–68. — О памятниках, изображенных в гробнице Мерира I см.: Gardano, 1968.

[196] Возможно, именно на фасаде этого дворца, а не в крытом переходе моста, открывалось «окно явления», в котором показывалась царская семья, см.: Kemp, 1976.

[197] Ранее его называли «Зал коронации Сменхкара». Современное состояние вопроса: Traunecker, 1984–85.

[198] См. выше, с. 383, 385 и примеч. 191. Kemp, 1992, 15 (алтарь слева на фотографии).

Атона» располагались жилые кварталы. Именно там, в доме скульптора Джехутимоса, были найдены знаменитые шедевры, в частности голова Нефертити (Берлин 21.300; Krauss, 1987; о скульпторе: Krauss, 1983b). О жизни города можно судить по сценам в гробницах. В основном они связаны с выездами царя и его семьи на колесницах и с распределением баснословных наград из «окна явления», но зато изобилуют детальными изображениями людей, присутствующих на церемониях или принимающих в них участие, мест и зданий, в которых эти церемонии проходят, а также эпизодов повседневной жизни Ахетатона.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФИВ И АМАРНЫ

Памятники времен Аменхотепа IV обнаружены также за пределами двух крупных центров, в различных местах Египта. Известен храм Атона в Мемфисе (Löhr, 1975). Еще один, построенный в Гелиополе, назывался «Возносящий Ра в Гелиополе Ра»[199]; именно здесь найдена большая стела из кварцита (символическая копия *бенбена*?), на которой царь, царица и принцесса Мекетатон изображены молящимися на коленях перед лучезарным Солнцем. Отсюда же могут происходить и использованные при сооружении каирской мечети эль-Хаким известняковые блоки, большинство из которых по размерам соответствуют талататам (Habachi, 1971a; Bakry, 1972; Löhr, 1974; другие находки этого времени: Habachi, 1977).

Из памтяников севера примечателен только знаменитый блок из Атрибиса (см. выше, с. 364). Блоки, найденные в Верхнем Египте, — это остатки уничтоженных храмов Атона, рассеянные вокруг основных центров, в частности Амарны, а также многочисленные блоки и скульптурные фрагменты из Гермополя (Roeder, 1969; Hanke, 1978; Spencer, 1989, 46–47; фрагмент из Антиноополя: Manuel II, 832). Другая серия блоков, найденных в Манкабаде, Асьюте, Матмаре и Ахмиме (Kuhlmann, 1983, 21–22), происходит скорее из Амарны, чем из храмов других мест (Manuel II, 832–833). Та же картина наблюдается в окрестностях Фив: находки, сделанные в Арманте, Тоде и Медамуде, происходят из Карнака (Farid, 1983: описание талататов, обнаруженных в разных местах). Однако талататы, найденные в Абидосе, похоже, действительно остались от местного сооружения (Silverman, 1989, 273–275).

Культ Атона, таким образом, был сосредоточен в одном месте. Между тем фрагмент статуи Эхнатона в натуральную величину — судя по стилю, созданной в последние годы его правления, — найден на Элефантине (Junge, 1991). Может быть, царь рассылал свои изображения по традиционным центрам? Вероятно, безрезультатность работы археологов объясняется тем, что после кончины Эхнатона следы его деятельности планомерно уничтожались.

[199] Слово «Ра» пишется с помощью одного иероглифа Солнца, который во втором случае сопровождается символом жизни *анх*, подвешенным к урею (так, будто речь идет об Атоне). Таким образом, имя бога можно читать и как Ра, и как Атон; очевидно, знаку Солнца умышленно придали двусмысленность.

ПОЛИТИКА КАК ТАКОВАЯ

Египет

Следует учитывать, что многочисленные памятники, найденные в Фивах, Амарне и других местах, почти не относятся к сфере политики, то есть не содержат сведений по экономическим, административным и социальным проблемам. Они имеют отношение к религии, философии, искусству, а также к очень личной истории одного человека и тех, кто принимал участие в его начинаниях.

Как обстояли дела в Египте? Об этом мы узнаем главным образом из памятников преемников Эхнатона (основное исследование: Leprohon, 1985). Реставрационная стела Тутанхамона, коронационный текст Хоремхеба и декрет от 1-го года (возможно, составленный Тутанхамоном[200] и узурпированный Хоремхебом) содержат простое перечисление мер, принятых для исправления положения, что говорит нам о проблемах предшествующей эпохи. Конечно, недостатки, потребовавшие реформ, образовались не только из-за деятельности Эхнатона, но именно они выступили на первый план после его смерти. Финансовые меры, принимавшиеся царем после начала реформы, были необходимы для ее осуществления, но это не означает, что государственное управление при Аменхотепе IV (Traunecker, 1984, 69) имело позитивные последствия для всего Египта. Сосредоточенность царя на его «философском проекте» привела к пренебрежению всем прочим.

Даже если царь не скрылся ото всех в Ахетатоне, именно там он чувствовал себя комфортно, и свидетельств его пребывания за пределами эль-Амарны почти нет[201]. Он отдавал предпочтение «новым людям» без опыта перед потомственными чиновниками[202], что могло иметь негативные последствия. Фараон полагался на своих доверенных лиц как во внутренних, так и в иностранных делах, о которых получал лишь косвенную информацию. Как бы то ни было, эта точка зрения, часто звучащая применительно к Аменхотепу IV, требует уточнений. Так, например, самый влиятельный вельможа времен Аменхотепа III, Аменхотеп сын Хапу, происходил из незнатной семьи[203], скульптор же Эхнатона Бак был сыном Мена, главного скульптора Аменхотепа III. Граффито из Асуана, где оба они представлены в «амарнских одеждах» и каждый из них изображен напротив того царя, которому они служили при жизни, показывает, что принадлежность к профессиональной династии не препятствовала предельной творческой свободе (Habachi, 1965b, 85–91; граффито создано между 8-м и 12-м годами правления Эхнатона).

---

[200] Ж.-М. Крактен (Kruchten, 1981a, 212–213) отрицает возможность узурпации. См. тем не менее: Gabolde M., 1987, 39 (o).

[201] Амарнское письмо EA 27 — вероятно, от 12-го года — содержит краткое скорописное примечание, уточняющее, что царь был «в южном городе, в крепости Хаэмахет», когда ему доставили перевод этого письма (Moran, 1987, 176, n. 7). Идет ли речь о Фивах или о районе в Ахетатоне? По мнению Лабиба Хабаши, стела из Гелиополя свидетельствует о том, что царь посетил этот город.

[202] См., например, признание вельможи Маи: «Я был простолюдином и по отцу, и по матери, но меня сделал государь» (Davies, 1908, V, 4, pl. 4).

[203] Ср. выше, с. 356; другие примеры: Helck, 1975a, 109.

Строительство многочисленных сооружений в Фивах и последующий стремительный рост целого города с храмами, дворцами, большими домами и жилами кварталами, не говоря уже о скальных гробницах, требовало мобилизации всего экономического потенциала страны, часть которого была задействована для работ в Мемфисе и Гелиополе, не говоря уже о Нубии. Доходы храмов традиционных культов, вероятно, поступали в пользу святилищ Атона (Traunecker, 1984, 62–69). Если прибавить к этому колоссальные усилия по устранению имени и изображений Амона и некоторых других богов, предпринятые в конце царствования Эхнатона, мы поймем, что нарисованная Тутанхамоном картина состояния храмов (неамарнских) объективна: «Храмы богов и богинь от Элефантины до болот Дельты пришли в запустение; их святилища превратились в развалины, покрытые грудой щебня, заросшего сорняками; их обители были уничтожены; сквозь их закрытые места протоптаны дороги; страну охватило моровое поветрие, и боги отвернулись от этой страны». Из этого можно заключить, что храмы были заброшены, если не закрыты, а жреческий персонал распущен. Известно также, что армия полностью утратила боеспособность (Urk. IV, 2027).

Тексты Хоремхеба рисуют такую же картину: следовательно, при Тутанхамоне выправить положение не успели. Из декрета Хоремхеба мы также знаем, что судьи и сборщики налогов погрязли в мздоимстве. Хоремхеб подчеркивает, что объехал страну, дабы досконально ее изучить. Эхнатон, видимо, по стране не передвигался[204] и вообще пренебрегал государственным управлением.

Нубия

В Нубии Эхнатон проводил ту же политику, что и его предшественники. Представителем царя был вице-король Джехутимос, преемник Меримоса (Habachi, LÄ III, 633, 13). На 12-м году правления состоялась карательная операция под руководством Джехутимоса, очень похожая на кампанию Меримоса, — очевидно, в Вади Аллаки, против племен Акайты, которые воровали с полей зерно. Войско царя-философа чинило расправу как и любое другое: некоторых пленников посадили на кол[205], остальных увели в плен и, возможно, использовали для церемонии триумфа 12-го года (Schulman, 1982a).

Царь расширил и укрепил город Сесеби на левом берегу Нила, в 50 км по прямой от Солеба, к юго-востоку от него. В городе было четыре храма, три из которых примыкали друг к другу и, очевидно, были посвящены Амону, Мут и Хонсу; в крипте центрального храма среди других богов фигурировал и Аменхотеп III. Четвертый храм, посвященный Солнцу, стоял особняком (PM VII, 172–173; Manuel II, 969–970; Zibelius, LÄ V, 888–890; Peterson, 1968). На пилоне в самом Солебе мы не единожды видим Аменхотепа IV перед фигурой обожествленного Аменхотепа III, но невозможно сказать, присвоил ли Аменхотеп-сын картуши отца или эти изображения и картуши были здесь изначально (PM VII, 171).

---

[204] В работе Kruchten, 1981, 96–98, утверждается, что в строке 29 декрета речь идет не о регулярных поездках царя с инспекцией (как полагает Р. Лепрохон), а о путешествиях, которые Менхеперра (Тутмос III) совершал по случаю праздника Опет. См., однако, строки 148–150, где Хоремхеб утверждает, что самолично совершал инспекционные поездки.

[205] Публикация надписи: H. Smith, 1976, 124–129. Дополнения: Helck, 1980; Schulman, 1982c.

Название города в Каве — Гемпаатон — наводит на мысль о том, что он был основан Эхнатоном. Однако самое раннее обнаруженное здесь здание — храм Амона, построенный при Тутанхамоне[206].

Во всяком случае, Аменхотеп IV редко посещал Нубию, да и то лишь в начале царствования, и не заходил дальше второго порога. От вице-короля осталось более позднее свидетельство — стела от 12-го года правления[207].

Эгеида, западные и восточные территории

О связях с Эгеидой и ее соседями свидетельствуют микенские вазы, в изобилии обнаруженные в эль-Амарне (Hankey, 1981).

О жизни в оазисах, плодородных и молчаливых, можно судить лишь благодаря этикеткам, сообщающим о поставке вин. Эти этикетки обнаружены только в царских дворцах, что говорит о высоком качестве производившейся там продукции (Giddy, 1987, 77–79, 128).

В Вади Хаммамат, мало посещавшуюся при XVIII династии, главный жрец Амона Маи[208] отправил экспедицию на 4-м году правления Аменхотепа IV. Это последнее упоминание верховного жреца Амона при Аменхотепе IV; нет оснований считать, что экспедицию отправили с целью удалить жреца из Карнака.

Без примечательных событий велась деятельность в Гебель Зейт (Castel et al., 1984–1985, 100) и на Синае[209].

Азия

Сведений о связях с Азией у нас гораздо больше, но ситуация там была на редкость сложной. Об отношениях Египта с этим регионом свидетельствуют изображения иноземцев в характерных одеяниях, обнаруженные на стенах некоторых гробниц, археологические находки, а главным образом — Амарнские письма и хеттские архивы[210].

Египетская «империя» в Азии. Амарнские письма дают представление, пусть и очень приблизительное, о структуре и функционировании так называемого египетского «царства» в Азии.

---

[206] PM VII, 180–184; Manuel II, 970; Wenig, LÄ III, 378. — Наличие памятников, созданных от имени Аменхотепа III, заставило также предположить, что именно этот царь мог основать город: Leclant, Yoyotte, 1952, 6, n. 1.

[207] Статуэтка вице-короля, обнаруженная в Гебель Баркале (PM VII, 221), не обязательно была там и изготовлена. Его стела найдена в Бухене (PM VII, 150), а фрагмент стелы Аменхотепа IV — в Амаде (PM VII, 73).

[208] HG, 22, № 90–91. — Неизвестно, касаются ли надписи HM № 251 и 252 этой же экспедиции. На стеле HM № 94 изображен плоский диск, украшенный по краям двумя *урея*ми, от которого исходят очень неумело процарапанные лучи Атона, тянущиеся к двум картушам, по которым нельзя определить, принадлежат ли они богу или царю. Основные изображения и надписи на этой стеле нанесены поверх старых уже при фараоне Сети I (PM VII, 333; см. выше, с. 345, примеч. 41).

[209] PM VII, 356; Giveon, 1972. — Согласно Вайнштейну (Weinstein, 1981b, 16), в период между царствованиями Аменхотепа IV и Хоремхеба деятельность здесь почти замерла.

[210] Речь идет о «Деяниях Суппилулиумы», опубликованных Х. Г. Гютербоком (Güterbock, 1956, 84–85, 92–98, 107–108), и о «Молитвах» Мурсили II, сына Суппилулиумы, предотвратить эпидемию чумы (Lebrun, 1980, 211–212). Исследования: Güterbock, 1960; Kitchen, 1962; Schulman, 1978a.

На севере зона влияния Египта не простиралась дальше широты реки Нахр эль-Кебир. Угарит находился далеко за ее пределами[211]. К тому же влияние это приходилось делить с Амурру, крупным государством (см. выше, с. 343, а также Altman, 1978, и Kestemont, 1978) к югу от Нахр эль-Кебира. Во главе его стоял царь Азиру, который, видимо, вел с Египтом двойную игру (Helck, LÄ I, 587–588; Liverani, 1971 и Liverani, 1983).

Принято считать, что в ту эпоху в Азии имелись три египетских административных центра — Газа, Кумиду (Камид) и Сумур, где заправлял египетский наместник (*рабицу*, как его называют в клинописных источниках)[212]. Газа, расположенная совсем рядом с Египтом, давно уже находилась под его влиянием. Местоположение двух других городов, более удаленных от Египта, неизвестно[213]. Впоследствии Азиру взял и разрушил Сумур, после чего был вынужден отстроить город заново. Нет оснований считать какой-либо из этих двух городов главным центром. Интерес для Египта представлял прежде всего Ханаан — Палестина (Na'aman, 1981). Различные должностные лица перемещались по этой «империи», чтобы поддерживать хорошие отношения и оказывать помощь верным городам, правители которых, вассальные или полунезависимые, «сохраняли города для царя». Один из таких «странствующих» чиновников, Туту, был, возможно, тождественным тому самому Туту, доверенному лицу царя и его камергеру, чья гробница найдена в эль-Амарне[214]; Азиру высоко ценил его.

Система управления «Египетской империей» состояла в своего рода покровительстве, которое царь лично оказывал множеству местных царьков. Административная структура ее была довольно слабой (Several, 1972; Weinstein, 1981b, 15–17). Если требования и поручения фараона выполнялись, а его основные интересы соблюдались, он не обращал внимания на местные распри между этими городами. Так, царь Тира Абимилки сообщал царю о событиях, происходивших в контролируемой им области (Wainwright, 1963; Na'aman, 1979, 675), что не мешало ему ссориться с Сидоном. Тем не менее неверно считать, будто Эхнатон проявлял безразличие к тому, что творилось так далеко от Амарны: длинное письмо, в котором царь сухим тоном отчитывает Азиру, впечатляет твердостью и уверенностью (EA 162). Именно при Эхнатоне впервые были установлены прямые отношения с Ассирией: царь Ашшурубаллит отправил гонца с целью выяснить, что представляют собой Египет и его правитель — так, словно речь шла о завязывании контактов. Между тем его предок Ашшурнадинаххе уже некогда писал царю Египта (EA 15 и 16; Artzi, 1978). Именно из-за этих переговоров сетует царь Вавилона Бурнабуриаш II, в вассальной зависимости от которого находилась Ассирия (EA 9; Garelli, 1969, 203 и 332).

Войны Суппилулиумы I. Мирные отношения с соседями нарушились на севере. Царь хеттов Суппилулиума I (Helck, LÄ VI, 110–112) в течение 20 лет вернул анато-

---

[211] Один из его царей, Никмадду II, был женат на египетской царевне; см.: Desroches Noblecourt, 1957. Неясно, когда это имело место — до или после захвата города хеттами (Astour, 1981, 20). Письмо EA 49 свидетельствует о наличии дружеских отношений между этим царем и Египтом.

[212] Helck, 1979, 258–260; Hachmann, 1982d; Moran, 1987, 34–36. — Против такого деления: Aharoni, 1979, 163–165.

[213] Кумиду (Камид) ныне идентифицирован как Камид эль-Лоз на основании сходства названий, а также благодаря находке документов, свидетельствующих о том, что в эпоху XVIII династии город был административным центром; его название в них, впрочем, не упоминается (ср.: Hachmann, 1982 и Hachmann, 1986); о Сумуре, ср. выше, с. 281–282.

[214] Гробница № 8; Davies, 1908, VI, 14. — Среди прочего, он совершал служебные поездки за границу: Urk. IV, 2027, 8. См.: EA 158.

лийские земли (Kitchen, 1962, 3, KUB XIX, 9), а затем предъявил претензии на хуррит-ское государство Митанни, управляемое Тушраттой, дочь которого была женой Эхнатона. После первой — и безуспешной — попытки, сделанной во времена Аменхотепа III, Суппилулиума наконец уничтожил Митанни и установил отношения с Амурру. Отныне хеттская империя вошла в прямой контакт с Египтом. События эти произошли после восшествия на престол Аменхотепа IV и, более того, после его переезда в эль-Амарну: именно там были обнаружены письма Тушратты. Земли, прилегавшие к Кадешу, и сам этот город, ранее зависевшие от Митанни и поддерживавшие мирные отношения с Египтом, перешли в хеттскую сферу влияния. Правитель Кадеша Айтагама, сначала отправленный хеттами в изгнание, был затем возвращен и объявлен царем Кадеша. Айтагама вел двойную политику: сам он заявлял о верности Египту, но в других Амарнских письмах его обвиняют в подыгрывании хеттам (EA 189; письма, касающиеся Айтагамы: EA 53, 151, 174–176, 363), что понятно с учетом географического и политического положения его города. Египтяне предприняли наступление на Кадеш[215] в тот момент, когда Суппилулиума был занят подавлением очагов митаннийского (хуррит-ского) сопротивления: во время египетской атаки на Кадеш он осаждал Каркемиш. Тогда Суппилулиума отправил армию во главе с двумя военачальниками, Лупакки и Тархунта-залмой, приказав им перейти египетскую «границу» через долину реки Амки (вероятно, высокогорную долину Иордана или Литани)[216].

Некоторые места в Амарнских письмах, вероятно, касаются военных операций, о которых повествует Суппилулиума. В то же время в письме, посланном Азиру, пребывавшему тогда в Египте, один из членов его семьи сообщил о взятии хеттскими войсками под командованием Лупакки городов в долине Амки[217]. Было отправлено несколько писем одинакового содержания, каждое от имени правителя какого-либо из этих городов Амки. Эти правители просили помощи у царя Египта, ибо «Айтагама, человек из Кинзы (Кадеша), помог войску Хатти и сжег города царя» (EA 174–176, 363). Акиззи из Катны пишет Эхнатону, что царь Хатти направил против него, Акиззи, Айтагаму, который предал огню область Дамаска (Упу) (EA 53; см. также 55). Абимилки из Тира предупреждает царя о том, что Айтагама и Азиру, объединившись, ведут войну против Пирьявасы, правителя Кумиду (EA 151). Айтагама же в письме фараону заверяет его в своей верности и обвиняет Пирьявасу в том, что тот клеветник и сам действует заодно с хапиру (EA 189; см. также EA 140 и 197). Военные действия в районе Дамаска и Нухашше отражены и в простых рапортах, в которых правители городов объявляют о готовности вступить в войну: «Настоящим извещаю, что я, вместе со своим войском и своими колесницами, нахожусь в распоряжении войск царя, моего владыки, куда бы они ни отправились». Лаконичность этих сообщений не позволяет

[215] В тексте Кадеш назван Кинзой; об этом соответствии и других вариантах названия см.: Knudtzon, 1915, 1118–1120. — Некоторые полагают, что речь идет о Кадеше на Оронте, а не Кадеше в Галилее (ibid.).

[216] Й. Ахарони (Aharoni, 1953) считает, что этот регион находится в долине Бекаа, между Баальбеком и Джуб Джаннин, но он ссылается на упомянутые в Амарнских письмах города, местоположение которых не определено. Семитское слово *ameq* означает «долина», так что выбор широк.

[217] EA 170. Алан Шулмен (Schulman, 1978a, 43–44) отвергает мнение, что упомянутый в этом письме второй хеттский военачальник — тот человек, о котором говорит Суппилулиума, а считает, что это был некий Цитана и что речь идет о другой кампании. Возражение слабое, так как хеттских военачальников было только два и, согласно письму EA 170, Цитана находился в Нухашше, то есть не в долине Амки, хотя и поблизости от нее.

судить наверняка, о какой именно войне идет речь, но города, откуда они отправлены, указывают на регион Дамаска и долины Бекаа (EA 201–206; также Helck W. Artamanja, LÄ I, 453). Один угаритский военачальник, уже пять месяцев находившийся в Амурру, к югу от Нахр эль-Кебира, оповестил своего царя о египетских приготовлениях и о своих потребностях в военной силе[218]. Видимо, это была боевая тревога в преддверии египетского нападения на Кадеш, вызвавшего ответную реакцию Суппилулиумы. О том, что эта атака оказалась безуспешной, мы знаем из слов Тутанхамона, который с разочарованием говорит о предшествующей эпохе: «Когда армию отправили в Джахи для расширения территории страны Кемет (частичное обозначение Египта), ничего стоящего она не добилась» (Urk. IV, 2027, 14–15)[219].

Кажется, что сведения из хеттских источников и Амарнских писем совпадают, однако первые сообщают о дальнейшем развитии событий и некоторые данные, нарушающую ясную картину. В момент вторжения войск Суппилулиумы в долину Амки умирает царь Египта, и его вдова — то ли от отчаяния, то ли практикуя рискованную дипломатию, — в письме просит хеттского царя прислать одного из своих сыновей, чтобы он стал ее мужем и наследником египетского престола. Покойный царь именуется не Напхурурейя (клинописная транскрипция первого имени Эхнатона Неферхепрура), а Нибхурурейя (транскрипция Небхепрура, первого имени Тутанхамона). Это может означать, что Суппилулиума вторгся в долину Амки при Тутанхамоне, царица же — Анхесенамон, вдова Тутанхамона. Проблему эту решить сложно но она посвящена скорее династическим связям и хронологии, чем военной истории. Мы вернемся к ней, когда коснемся запутанной ситуации в конце царствования Эхнатона и правления Тутанхамона.

СЕМЬЯ ЦАРЯ

Нефертити

Главная женская фигура в истории этого царствования — «старшая царская жена» Нефертити (Brunner-Traut, LÄ IV, 519–521; Redford, в R. Smith, Redford, 1976, 79–82). Ее никогда не называют ни дочерью, ни сестрой царя; она стала женой Аменхотепа IV до его восшествия на престол; о ее родителях ничего неизвестно; у нее была сестра, Мутнеджемет, которая вышла замуж за Хоремхеба и стала, в свою очередь, царицей. Кормилицей и воспитательницей Нефертити была Тийя, жена «отца бога» Эйе. Не ис-

[218] Шлёмо Изреель (Izre'el, 1988, особенно 173–175) доказывает, что это знаменитое письмо датируется царствованием не Рамсеса II, как полагает, например, А. Казель (Cazelles, 1970–1971), а Эхнатона (предположение, уже высказанное Ж. Нугайролем: Nougayrol, Ugaritica V, 1968, 76–77). См.: Izre'el, Singer, 1990.

[219] Мы не знаем в точности, как далеко на север простиралась Джахи, область, примыкающая к восточной Дельте. Военные операции при Эхнатоне носили, вопреки словам Тутанхамона, скорее оборонительный, чем завоевательный характер. Отметим полное отсутствие предметов, относящихся к царствованию Эхнатона, в Ханаане: см.: Weinstein, 1981b, 17, и Goldwasser, 1990, где опубликована печать Анххепрура мери Уанра (об этом имени см. ниже, с. 402–403). Считалось, что на рельефах, открытых в Луксоре и Медамуде, а также на талататах, есть изображения хеттов; Дж. К. Дарнелл (Darnell, 1991) решительно отвергает это предположение.

ключено, что они и были родителями Нефертити, хранившими в тайне ее происхождение[220], но мы ничего не знаем об этом, и мне кажется опрометчивым делать далеко идущие выводы из этого простого предположения.

Имя Нефертити было дано царице в ходе ритуала, состоявшегося в начале царствования (см. выше, с. 379, примеч. 163), а это значит, что изначально она носила другое имя. Она появилась на исторической сцене сразу же после восшествия на престол Эхнатона[221] и родила царю шесть хорошо известных нам дочерей. В фиванский период, тогда же, когда царь взял себе новое имя, в картуш царицы добавился эпитет Нефернефруатон (см. выше, с. 382). Конечно, Эхнатон, будучи не более моногамным, чем остальные фараоны, имел и других жен, но лишь одна была великой царской женой. Никогда еще супруга царя не пользовалась в такой степени влиянием, престижем и ритуальной независимостью (см. ниже, с. 379). Кроме того, в изображениях царской четы никогда еще настолько открыто не отражалось столько нежной любви. Каким бы ни было их символическое значение[222], мы неизменно видим мужа и жену, демонстрирующих свою страсть — например, на колеснице или, заключив друг друга в обьятия — в паланкине, а также на троне во время торжественной церемонии 12-го года правления. Такого рода сцены встречаются и на частных памятниках: на маленьких прямоугольных стелах царь и царица, сидя лицом друг к другу, «играют» с тремя своими дочерьми. На стеле из Каира (Каир JE 44865, Saleh, Sourouzian, 1986, № 167) троны царственной черты украшены царскими эмблемами Объединенного Египта (*Сематауи*), а на берлинской стеле (Берлин 14145, Aldred, 1973, 102) на царском троне сидит одна царица.

После церемонии 12-го года и последовавшей за ней смерти нескольких царевен датированных изображений царицы нет, а ее имя появляется только при указании филиации ее детей. Некогда на основании этого факта заключили, что царица впала в немилость или перестала разделять идеи царя и отдалилась от него, переехав в северную часть города, а то и умерла. В действительности же она могла пережить царя (Krauss, 1989). Немногие дошедшие до нас предметы из ее погребальной утвари свидетельствуют, что похоронить царицу предполагалось в эль-Амарне. Ее единственный ушебти восстановлен из двух фрагментов. На нем сохранилась титулатура Нефертити как старшей царской жены; более того, царица, возможно, держала, скрестив на груди, монархические инсигнии (Loeben, 1986).

Тадухепа и Кийя

После кончины отца Эхнатон взял в жены его митаннийскую супругу Тадухепу, которая совсем недавно прибыла ко двору. Об этом браке мы знаем только из писем отца Тадухепы, Тушратты (см. выше, с. 361).

---

[220] Aldred, 1957b, 32–39; 1988, 260–261. — Например, Аанен, брат Тийи и шурин Аменхотепа III, в надписях на своей статуе ничего не говорит о своих семейных связях с царем. Мы знаем о них только лишь потому, что на саркофаге его матери, Туйу, он назван «ее сыном».

[221] Сведений о царице до превращения Ра-Хорахти в лучезарного бога нет (ср. выше, с. 374 и 378–379).

[222] Среди этих сцен, выразительных и торжественных одновременно, отметим картину из гробницы Maxy (Davies, 1906, IV, pl. 22): Меритатон палкой понукает лошадей, запряженных в колесницу, на которой царь и царица демонстрируют свою любовь друг к другу.

Одна из жен Эхнатона, известная нам под именем Кийи[223], носила такие титулы: «горячо любимая супруга царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего истиной, владыки двух земель Неферхепрура Уанра, прекрасного сына живого Атона, живущего вечно и всегда, Кийя»[224]. Она появляется на исторической сцене перед последней сменой божественного имени, которая произошла между 8-м и 12-м годами, и известна нам — по крайней мере под именем Кийи — только по амарнским источникам. Между тем сначала она носила обычный титул «знатная дама» (*t3 špst/ma шепсет*) (Wb IV, 450, 1–6), и только использование артикля *t3/ma* выделяет Кийю из общей массы придворных и гаремных женщин (Vandersleyen, 1970b). По крайней мере один раз после титула прямо указано имя Кийя — на 11-м году правления Эхнатона, на этикетке глиняного кувшина для вина (Petrie, 1894, pl. 25, n. 95; Перепелкин, 1978, 116). На другой этикетке, от 6-го года[225], написан только титул. Если на 6-м году на этикетке в эль-Амарне упоминается именно эта дама, можно допустить, что она присутствовала уже в Фивах, так как у управляющего ее владений, Бенгаи, жреца-уаба Амона, была там гробница, о чем свидетельствуют его погребальные конусы (Davies, Macadam, 1957, n. 527–528). На одном из конусов (527) Бенгаи назван «управляющим владений знатной женщины из Нахарины» — вероятно, женщина происходила из Митанни. Это говорит в пользу предположения о том, что речь идет о Тадухепе[226]: она не вошла бы в гарем Аменхотепа IV, чтобы затеряться среди прочих его обитательниц, а сразу заняла бы особое положение. По мнению сторонников версии соправления, Тадухепа оставалась во дворце Аменхотепа III до его кончины. Титул «знатная женщина» ей, вероятно, присвоили уже при Аменхотепе III[227].

---

[223] Helck, LÄ III, 422–424 и p. XI (исправление); Harris, 1974b; Hanke, 1978, 188–196; Перепелкин, 1978, особенно 108–130 (в 1979 году Перепелкин не изменил своих взглядов, изложенных в предыдущем труде, и по-прежнему считал, что Кийя и коронованная царица — одно лицо); Helck, 1984c; Krauss, 1986a.

[224] Hanke, 1978, 190. — В. Хельк (Helck, 1984c, 159) оспаривает перевод Р. Ханке, читая «жена *и* великая возлюбленная царя», ибо Кийя, во всяком случае, не была «царской женой» (*ḥmt nsw/хемет несу*). См. также: Eaton-Krauss, 1981a, 255 и n. 2.

[225] The City of Akhenaten, II, pl. 58, n. 16. — Этот источник, в котором говорится о Кийе, не содержит дату «16-й год»; лакуна перед цифрой 6 точно соответствует пространству, необходимому для написания слова «год», как мы это видим на многих датированных источниках. Ю. Перепелкин полагал, что женский персонаж в синей короне на двух берлинских стелах — это Кийя. По его мнению, вся эта история относится к концу царствования, а следовательно, 16-й год более вероятен, и тогда перед нами — последний достоверный источник вплоть до коронации Кийи; поэтому он предложил исправить 6 на 16 (Перепелкин, 1978, 129). В. Хельк, сначала согласившись с этим выводом, затем отверг его: Helck, 1984c, 160 (n. 10), 161. Действительно, Кийя никогда не была коронована, это доказали Р. Ханке и Р. Краус; тем не менее см. выше, с. 401.

[226] Перепелкин, 1978, 117–120, Manniche, 1975. Оба уделяют пристальное внимание титулу «*ma шепсет*» (*t3 špst*), указывая на случай его употребления и в «Сказке о двух братьях», где действует азиатская царица, дурно влияющая на царя. Этот персонаж, вероятно, отражает недобрую память о Кийе.

На неповрежденных крышках каноп, принадлежавших Кийе, изображено очень заурядное лицо; см.: Krauss, 1986a, а также PM I, 566. — Качественные фотографии голов: Перепелкин, 1978, 109; L'Egypte et le Proche-Orient (MMA), 1987, Librairie Gründ, № 45. — Об имени Кийя и его предположительно азиатском происхождении см.: Schneider, 1992, 207–209.

[227] Р. Ханке полагал, что Кийя и Нефертити — одно лицо, так много общего в их истории. Однако полное отсутствие указаний на то, что она приняла царскую власть (имя Кийя нигде не обведено картушем), противоречит этой гипотезе; см.: Helck, 1976b, 117–118. — Согласно Ю. Перепелкину, Кийя была соперницей царицы Нефертити: Перепелкин, 1978, 108–130; Перепелкин, 1979, 111–134.

Наряду с этикеткой от 11-го года самые ранние памятники с именем Кийи — это две вазы, из Нью-Йорка и Лондона соответственно. Имя бога Солнца на них употреблено в старой форме, от которой царь отказался между 8-м и 12-м годами. Это же имя фигурирует на четырех вазах-канопах Кийи, обнаруженных в гробнице № 55 Долины царей, тогда как саркофаг из гробницы мог быть изготовлен позднее, поскольку слово «*маат*» на нем имеет фонетическое написание. Если Кийя — это Тадухепа и если она оставалась женой Аменхотепа III вплоть до его кончины, то перемена имени бога, видимо, состоялась на 11-м году правления Аменхотепа IV, который приверженцы версии о длительном соправлении считают годом смерти Аменхотепа III; предположение же о том, что смена имени произошла на 9-м году, ничем не подкреплено. Первые предметы с указаниями на то, что Кийя стала супругой Эхнатона, вероятно, были изготовлены тогда же: это ее погребальная утварь. Большинство памятников, связанных с Кийей, главным образом блоки из Гермополя, датируются периодом после смены имени. До смерти Аменхотепа III — и, следовательно, прежде чем стать «возлюбленной» Эхнатона, — она именовалась «знатной женщиной», точнее, знатной женщиной из Нахарины.

Царь же повелел возвести для нее здания, характер которых трудно определить: часовню (*pr/nep*) в Доме радости (Redford, 1984, 147) и другую, под названием «Сень Ра», обе — внутри большого Дома Атона[228]. Для Кийи было отведено пространство «Алтарь-мару Атона» на юге города — обширный участок с водоемом и разнообразными павильонами, который, вероятно, предназначался для прославления сил природы — Солнца, и Нила с его разливами — еще одной вечной силе, задающей ритм жизни в Египте (Desroches Noblecourt, 1991). Кийе предоставили резиденцию на севере города[229]. Царь повелел изготовить для нее великолепный саркофаг и четыре канопы — все они обнаружены в гробнице 55 Долины царей (Krauss, 1986a; о канопах см. выше, с. 396, примеч. 226). Еще до конца правления Эхнатона все это у Кийи отняли; надписи на канопах были полностью стерты, в Мару Атона и часовне Дома радости уничтожили ее имя, титулы и даже изображения: вместо Кийи везде появилась Меритатон (а в часовне «Сень Ра» — Анхесенпаатон). Саркофаг же вскоре переделали для нового владельца[230]. Именно блоки из Дома радости, демонтированные и перевезенные в Гермополь по окончании Амарнского периода, являются, несмотря на серьезные переделки, основным источником сведений об этой женщине. Кийя носила круглый парик с рядами завитков или нубийский парик «с острыми концами» (Eaton-Krauss, 1981a, 252–258). Она никогда не не изображалась в короне, с уреями или картушами. Она родила от Эхнатона дочь, имя которой неизвестно — так старательно его затерли. Именно с ней Кийя изображена сразу за царем — на том же месте, что и Нефертити, когда та сопровождала царя. Иными словами, Кийя занимала такое же высокое положение, как и Нефертити[231]. Судьба ее надписей, рельефов и погребальной утвари может объясняться только полной опалой. Возможно, Кийя спокойно умерла и даже почиталась после смерти, но в таком случае она подверглась настоящему damnatio memoriae

[228] Stadelmann, LÄ V, 1103–1104. — Блоки этого и предыдущего здания обнаружены в Гермополе: Hanke, 1978, 86–70.

[229] Перепелкин, 1978, 112–116; Reeves, 1988. — Блоки из Гермополя относятся к разным строениям; еще не все они идентифицированы: Hanke, 1978, 198.

[230] Ни в Фивах, ни в эль-Амарне нет других примеров переделки изображений: Hanke, 1978, 175.

[231] Кийя стоит рядом с царем; их профили сближены так, что и женское лицо видно целиком (Hanke, 1978, 14–17, pl. 6, 7), вместе с Нефертити царя так не изображали.

(проклятие памяти. — *Примеч. перев.*), и лишь некоторые предметы с ее именем избежали полного уничтожения. Не стала ли эта митаннийская царевна жертвой дипломатических интриг, когда Суппилулиума завоевал царство Митанни?

Дети царя

У Эхнатона рождались только дочери: Меритатон, Мекетатон, Анхесенпаатон, Нефернефруатон, Нефернефрура и Сетепенра. Нередко его считают и отцом Тутанхамона (что не исключено), а также таинственного Сменхкара (что значительно менее вероятно).

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

О чиновниках времен Аменхотепа IV мы знаем намного меньше, чем о членах царской семьи (Redford, 1984, 149–153). Дело не в том, что исследователи заворожены личностью царя; сам фараон в свое время значительно снизил влияние отдельных сановников. Уже на талататах из Карнака многочисленные титулы изображенных персонажей не содержат личных имен. В Фивах известен вельможа Херуэф, который, как позднее Хевиа в эль-Амарне, принадлежал к окружению Тийи; карьера визиря Рамоса не продолжилась в Амарне; только Пареннефер, стольник, появляется и в новой столице. Основную информацию о дворе предоставляют художественные сцены в амарнских гробницах; интересны также усадьбы визиря Нахта, гробница которого не найдена[232], и Пауаха, верховного жреца в Гелиополе, владевшего также особняком в Ахетатоне (Moursi, 1972, § 30).

Изображения покойных владельцев есть лишь у входа, вне его они появляются только в сценах торжественных церемоний, во время которых царь в окружении семьи награждал их золотыми ожерельями. На стенах гробниц в основном представлены царь и его родственники[233]. Назовем высокопоставленных вельмож: Пенту, личный врач Эхнатона (гробница № 5); близкий друг царя Па*нехси*, занимавший несколько религиозных и гражданских должностей (№ 6); Пареннефер, царский стольник (№ 7); Ани, царский секретарь (№ 23); управляющий Ипи (№ 10); царский военачальник Рамос (№ 11); градоправитель Ахетатона Неферхепрухерсхепер (№ 13); верховный жрец Атона Мерира I (№ 4); управляющий Эхнатона Яхмос (№ 3); заведующий палатами старшей царской жены Нефертити Мерира II (№ 2); начальник полиции Маху (№ 9); Туту, доверенное лицо и уполномоченный по делам в Азии, а также «первый слуга Неферхепрура Уанра»[234] (№ 8); царский конюший и отец бога Эйе (№ 25), который будет царствовать после Тутанхамона. Все они были «людьми царя», и деятельность их всех, за исключением Туту, сосредоточивалась в Ахетатоне.

---

[232] Это может быть едва начатая гробница № 12: Davies, 1908, V, 12–13.

[233] Д. Редфорд, оценивающий Амарнский период с крайней неприязнью, полагает, что царь с помощью золота покупал энтузиазм и верность своих придворных (Redford, 1984, 165–166).

[234] Непонятно, был ли он жрецом царского культа или просто служащим. О вероятном азиатском происхождении Туту см.: Schneider, 1992, 243–244.

Работы над большинством этих гробниц начались до 12-го года правления Эхнатона и не были закончены. Среди тех, в которых имя Атона имеет новую форму по крайней мере с 12-го года, достроена была только гробница Хевиа, управляющего царицы-матери Тийи. Не находился ли он под ее покровительством, в то время как остальные зависели от переменчивого настроения подозрительного властителя? Следует ли считать, что все эти люди попали в опалу? Или, может быть, они один за другим не выдерживали и отказывались жить в Амарнском гетто? Но можно ли было ускользнуть из-под царского контроля? Если они и попали в опалу, то по крайней мере остались в живых: Эйе впоследствии продолжил карьеру, а Мерира II (возможно, после кончины Эхнатона) смог украсить свою гробницу изображениями новой царской четы.

С Ахетатоном случилась исключительная история: столица вскоре оказалась брошенной. Помимо гробниц, храмов и царских дворцов о частной жизни и социальной стратификации рассказывают и жилые кварталы[235]. Выявить структуру этого столь необычного общества, существовавшего, кажется, совершенно изолированно, пытаются по стилям одежды: перед нами — причудливый мир с очень строгой системой субординации (Aldred, 1957a; Cherpion, 1977). Отметим, что частная скульптура Амарнского периода до нас почти не дошла[236].

Мы знаем лишь немногих лиц за пределами непосредственного окружения Эхнатона. Это, например, Ипи, начальник храма Птаха в Мемфисе, который на 5-м году правления писал царю без всяких намеков на знакомство с его новыми идеями (см. выше, с. 384, примеч. 183); это визирь Аперэль/Апериа, «отрок Капа», вельможа азиатского происхождения, гробница которого найдена в Саккара (Zivie A. P., 1988–9; 1990).

Несмотря на репутацию «философа на троне», которую ныне приписывают фараону, представители войска и служб охраны порядка занимают заметное место на изображениях начиная уже с фиванского периода. Во время всех выходов царя окружает усиленная охрана, под полицейским контролем находятся и апартаменты царя. Насколько эти изображения отражали реальность, неясно (Schulman, 1964b; Redford, 1984, 72, 152; Andreu, 1987, 8–18).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И АМАРНСКАЯ СМУТА: ОТ ЭХНАТОНА К ТУТАНХАМОНУ

Царская семья после 12-го года правления Эхнатона

После 12-го года событий становится меньше, хотя этот период длился дольше предшествующего, который начался после переезда в эль-Амарну. Последние датированные события этого времени отражены в сценах гробниц Хевиа и Мерира II. После

[235] Borchardt, Ricke, 1980; подробная рецензия на эту книгу: Janssen J. J., 1983; Tietze, 1985 и 1986; Crocker, 1985.

[236] Неподписанная статуэтка: Каир JE 52976/53249 (0,184 м), *Bruxelles,* 1975, № 215; небольшая группа без надписей, не из эль-Амарны: MMA 11.150.21 (0,203 м), Hayes, 1959, II, fig. 194; Aldred, 1973, № 110. Исключение — «автопортрет» ваятеля Бака и его жены: Kaiser, 1963; R. Krauss, Jahrbuch der Berliner Museen 28, 1986, 5–6. — Частные ушебти: Martin G., 1986b.

этого — вплоть до появления первых памятников времен правления Тутанхамона — происходили серьезные перемены в области идей; поменялись и действующие лица этой истории.

Еще при основании Ахетатона царь решил, что он с семейством будет похоронен здесь. Так в долине, озаряемой восходящим солнцем, был разбит царский некрополь (см. выше, с. 385, примеч. 191). Помимо царского гипогея (подземной скальной усыпальницы) были вырублены и другие гробницы; одна из них похожа на царскую (№ 27), но для кого она предназначалась, письменных данных не сохранилось (El-Khouly, Martin, 1987). Вопреки традиции устройства подобных помещений, царь повелел вырубить две группы дополнительных залов, уходящих наклонными шахтными стволами вправо от наклонного хода, ведущего в его гробницу. Первая группа насчитывала пять помещений без всякого художественного оформления; шестое едва начали вырубать. Судя по размерам, эти помещения представляют собой вторую царскую гробницу, соединенную с первой и, возможно, предназначенную для Нефертити (G. Martin, 1989b, II, 48–50). Вторая группа залов располагается ниже. В нее входят всего три помещения, два из которых получили художественную отделку; они предназначались для умершей при родах царевны Мекетатон и двух других царских дочерей, преждевременно скончавшихся (Martin G., 1989b, 27–28; Gabolde M., 1993, 33–34; Vandersleyen, 1993b). В последнем зале гробницы изображена сцена плача — вероятно, по Тийе, которая могла быть здесь похоронена (Martin, 1989b, pl. 25–26).

По мнению Р. Ханке, царь, имея шесть дочерей от Нефертити, тщетно надеялся родить сына. Кийя родила ему дочь. Царь относился к ней так же хорошо, как к первым шести, поскольку велел изобразить ее на памятниках ее матери. Однако, потеряв надежду получить наследника от Кийи, царь, видимо, расстался с ней и сочетался браком со своими дочерьми — Меритатон, Анхесенпаатон и двумя другими, умершими во время родов, одной из которых была Мекетатон[237]; но у него рождались только дочери (Hanke, 1978, 199–200). Конечно, фараон не страдал мужским бессилием. Сегодня мы знаем, что пол ребенка зависит от отца и рождение одних лишь дочерей необязательно говорит о патологии, но для зачатия сына недостаточно сменить женщину.

Коронованная царица

Эхнатон сделал супругу полуфараоном, но мы совершенно не знаем, по какой причине. Действительно, в этот период царствования некая женщина владела царскими инсигниями вместе с Эхнатоном. Возможно, это она представлена то в синей короне-*хепреш* (две стелы в Берлине)[238], то в белой (статуэтка с изображением стоящей на гепарде царицы из гробницы Тутанхамона)? Впрочем, возможно, таких жен у царя

[237] Последнее упоминание о владениях Мекетатон относится к 13-му году правления Эхнатона (The City III, № 37), но неизвестно, была она жива или уже скончалась.

[238] 1) Берлин 17813, Schäfer, 1931, pl. 30; Ägyptisches Museum Berlin, 1991, n. 71; 2) Берлин 20716, Schäfer, 1931, pl. 31; Hildesheim 1985, II, n. 144. Было доказано (Перепелкин, 1978, 85–96, Harris, 1973a), что персонаж в короне-*хепреш* — женщина. Такой критерий, как изгиб затылка — выпуклый у мужчин и впалый у женщин — является хотя не решающим, но, тем не менее, существенным доводом (в работе Tawfik, 1975, 160, выделен ряд исключений). Вопреки разным мнениям (Harris, 1974a; Samson, 1982b), о ношении царицей Нефертити синей короны достоверных свидетельств нет.

было две[239]. Ситуация в высшей степени необычная: на стеле Берлин 17813 царица носит синюю корону, которую могли носить лишь цари, но имеет статус царицы, а не царя, поскольку картуш только один (Harris, 1973a). На этих памятниках нет ни одного имени. Ю. Перепелкин обнаружил и другие свидетельства о второй женщине-фараоне (Перепелкин, 1978, 85–107).

На роль женщины-царя в науке предлагались кандидатуры Кийи, Нефертити и Меритатон. То, что ни одна из них никогда не изображалась в царской короне, не является решающим аргументом: на изображениях коронованных цариц не сохранилось имен, и женщиной-фараоном могла быть любая из них.

Ю. Перепелкин (1978, 108–130) склонялся к версии, что это была Кийя, которую он считал фавориткой царя в последние годы его жизни. Постигшее ее еще до того damnatio memoriae не опровергает эту версию, ведь мы до сих пор не знаем, в какой именно период царствования появилась эта коронованная царица. Известно только, что это случилось между 12-м и 17-м годами правления Эхнатона. Отказаться от версией с Кийей можно было на основании того, что ее лицо на вазах-канопах совсем не похоже на лицо «царицы на гепарде». Последняя, в свою очередь, имеет визуальное сходство с бюстом Берлин 20496[240].

Другая кандидатура — Меритатон[241]. В течение последней трети царствования, судя по трем письмам из Амарны, она играла важную политическую роль. Царь Тира, Абимилки, называет Тир «городом Майяти (= Меритатон), а ее — «своей госпожой» (EA 155)[242]. В двух письмах вавилонского царя Бурнабуриаша есть намеки на царевну, о которой он «наслышан»: с письмом он посылает дары — только для царя и его дочери. Из второго письма мы узнаем, что жена отца царя (то есть Тийя?) в то время уже скончалась. В этом же послании Бурнабуриаш говорит об отправке вавилонской царевны и о подарках «хозяйке дома» Эхнатона, то есть, вероятно, Меритатон (EA 10 и 11).

Наконец, остается Нефертити, в чью пользу высказывается Джон Харрис. Возможно, именно она — та самая женщина-фараон, которая после кончины Эхнатона написала хеттскому царю Суппилулиуме и под именем Анх(ет)хепрура царствовала до восшествия на престол Тутанхамона.

На 14-м году правления Эхнатона в эль-Амарне, вероятно, произошло важное событие, о чем свидетельствует значительное число кувшинов с указанием этой даты (Hornung, 1964, 82). Не было ли это связано с возведением царицы в «ранг» царя? Кроме того, 14-й — это последний год, когда владение матери царя, Тийи, еще встречается в источниках. Если о владениях Нефертити после 11-го года ничего не известно, то владения «жены царя» упоминаются на 14-м, 15-м и 17-м годах, и не исключено, что женой этой была Нефертити. Владения же Меритатон засвидетельствованы только однажды, на 15-м году (свидетельства с датами собраны В. Хельком: Helck, 1984, 161).

---

[239] Каир JE 60714/ Carter 289b. — См.: Vandersleyen, 1984–1985, особенно 315–317, а также Vandersleyen, 1992a.

[240] В каталоге Ägyptisches Museum Berlin, 1991, № 72 портрет приписан Тутанхамону. См. также лица четырех богинь на сундуке для каноп Тутанхамона (Edwards, 1978, 160) и выше, с. 400, примеч. 238.

[241] Р. Краус (Krauss, 1978) посвящает большую часть своего исследования доказательствам того, что отец Меритатон действительно возвел ее в царское достоинство.

[242] Примечательно, что в этом письме Абимилки просит Эхнатона позаботиться о «рабе Майяти»; возможно, так Абимилки называет самого себя.

Сменхкара, Анххепрура и Нефернефруатон

В гробнице вельможи Мерира II, на одной из стен первого зала, был чернилами набросан эскиз сцены награждения Мерира. В этой сцене под лучезарным солнцем Атона участвует царская чета. К. Р. Лепсиус и другие египтологи прошлого века видели там три картуша: царя Верхнего и Нижнего Египта Анххепрура, сына Ра Сменхкара Джосерхепру и старшей жены царя Меритатон[243]. Данный текст, содержащий одновременно три этих картуша, уникален. Два картуша Анххепрура и Сменхкара Джосерхепру объединены также на матрице, обнаруженной в эль-Амарне (The City III, pl. C, № 24; Samson, 1973, 245, I), и вероятно, на маленькой вазе из гробницы Тутанхамона[244]. Помимо этого, найдено немало перстней и резных камней с именами то Сменхкара Джосерхепру[245], то Анххепрура. Последнее приводится либо без всяких добавлений, либо с последующими эпитетами «возлюбленный Неферхепрура» или «возлюбленный Уанра» (Petrie, 1894, pl. 15, 92–102; Samson, 1973, A–F, J–K), то есть Эхнатона. В некоторых случаях с именами Эхнатона одним картушем объединено имя Нефернефруатон: «Нефернефруатон, возлюбленный Эхнатоном» или «Нефернефруатон, возлюбленный Уанра»[246].

Имя Нефернефруатон было эпитетом, чем-то вроде «первого имени», и, как правило, предшествовало имени Нефертити с первых лет царствования Аменхотепа IV. Но когда имя Нефертити из источников исчезло, имя Нефернефруатон осталось. Однако теперь его ставят перед Анххепрура, образуя вместе с этим «первым именем» новое царское имя, в котором связь с Эхнатоном четко выражает каждый элемент титулатуры — «возлюбленный Неферхепрура», «возлюбленный Уанра» или даже «возлюбленный Эхнатоном»[247]. Наряду с этой группой источников есть и другие, уже не связанные с Эхнатоном: на найденных в гробнице Тутанхамона блестках речь идет либо об «Анххепрура, возлюбленном Атоном, Нефернефруатоне правителе (*ḥkꜣ*)»[248], либо, если первое имя разделено на два картуша, об Анххепрура и «возлюбленном Атоном (*mrj jtn*)»[249]. Предполагалось, что эпитеты, содержащие имя Эхнатон, исчезли, когда ушел

---

[243] Davies, 1905, II, pl. 41; когда Н. де Г. Дэвис опубликовал эту сцену, в сохранности оставался только картуш Меритатон. К. Р. Лепсиус, как и Н. де Г. Дэвис, прочел знак *mnḫ/менех* как *ꜥꜣ/аа*.

[244] C 405. — К. Р. Лепсиус реконструировал картуши Эхнатона, Анххепрура и Сменхкара Джосерхепру на основании скудных следов надписи, которая была тщательно стерта.

[245] Ср.: Petrie, 1894, p. 28–29, pl. 15, № 103–105, по одному каждого вида; Samson, 1973, 245, G и H. Есть также надпись на глиняном кувшине: «1-й год, вино из владений царя Сменхкара…».

[246] Harris, 1974a, 13–17; к этим текстам следует добавить граффито от 3-го года из гробницы Паири (TT 139; PM I, 253; Urk. IV, 2024, № 771), зачастую называемое «граффито Пере» или Пауаха, о котором пойдет речь ниже. См. подробный список различных комбинаций имен в книге Krauss, 1978, 84–90, где все свидетельства, к сожалению, приписаны Сменхкара.

[247] Д. Редфорд (Redford, 1984, 188) полагает, что имена Эхнатона в картушах занимали здесь место имен богов. Дж. Харрис (Harris, 1992, 59) также считает, что Эхнатон здесь выступает как солнечное божество. Однако больше это похоже на выражение человеческой преданности.

[248] Harris, 1974a, 17, fig. 3; 16, n. 20. — На этой блестке слово «Атон» написано необычным образом, с инвертированным знаком тростника (*j*). Сходное написание встречается на золотом скарабее с именем Нефернефруатон Нефертити; см.: Weinstein, 1989, 26–29 и fig. 30. — Дж. Харрис (Harris, 1992, 60) полагает, что инверсия *j* в данном случае связана с тем, что знак подгоняли под изгиб картуша.

[249] C 46 gg; Harris, 1974a; Samson, 1982a. — Дж. Харрис заново исследовал комплекс источников об Анххепрура, обнаруженных в гробнице Тутанхамона: Harris, 1992.

из жизни сам царь; это соответствует началу самостоятельного правления Анххепрура после кончины Эхнатона. Логично предположить, что эти эпитеты употреблялись единовременно в период соправления (Harris, 1974a, 16 и n. 22)[250].

Итак, мы имеем три варианта титулатуры: 1) Анххепрура и Нефернефруатон представлены вместе и в сопровождении эпитетов, связанных с Эхнатоном; 2) те же два имени, но эпитеты Эхнатона заменены на «возлюбленный Атоном» и «владыка»; 3) наконец, имя Анххепрура, объединенное не с именем Нефернефруатон, а с именем Сменхкара Джосерхепру без всяких эпитетов.

По версии Джона Харриса, лицо, носившее одно из имен Нефертити — Нефернефруатон, — это сама Нефертити. Эта гипотеза вызвала серьезные сомнения, прежде всего из-за мужских титулов, а также из-за того, что в этом случае царевна Меритатон, представленная как супруга Анххепрура, оказывается женой своей собственной матери.

На первое возражение ответ дают сами источники. Действительно, существует много женских вариантов картушей первого имени: то Анх*ет*хепрура, то возлюбленн*ая* Уанра и Неферхепрура, а иногда они стоят вместе, причем оба — в женском роде[251] (только в тех случаях, когда явно выражена связь с Эхнатоном). Лицо, именуемое Анх(ет)хепрура, возлюбленный (-ая) Атоном или Нефернефрура, — это женщина, которая иногда представлялась как мужчина, как царица-царь.

Среди представителей этой династии Манефон упоминает (102, § 96) также царицу Акенхерес, имя которой может быть производным от Анххепрура. Согласно Манефону, она была дочерью своего предшественника. По мнению Рольфа Крауса и Марка Габольда, Анххепрура — это Меритатон и она же — коронованная царица. Действительно, при жизни отца она имела статус полуфараона. Между тем она не могла носить имя Анххепрура, ибо еще при жизни самого Эхнатона имя «старшей царской жены» Меритатон отмечено на сундуках, обнаруженных в гробнице Тутанхамона, рядом с картушами Эхнатона и Анххепрура Нефернефруатон с эпитетами. Чьей именно женой была Меритатон, не уточняется, но если Анххепрура Нефернефруатон — это Нефертити, получившая царский статус, то Меритатон могла занять место официальной царской жены, вакантное после возвышения ее матери (Harris, 1974a, 19; Samson, 1977, вопреки Dodson, 1981; Robins, 1981). Это позволило бы дать ответ и на второе возражение: титул «старшая царская жена» Меритатон выражает ее супружеские отношения с собственным отцом[252].

---

[250] Имя Анххепрура всегда лишено эпитетов в тех случаях, когда оно связано с именем Сменхкара Джосерхепру.

[251] Samson, 1976, 36–37; Krauss, 1978, 30–36; 1990, 210–212. — Возражения грамматического порядка, выдвинутые К. Китченом (Kitchen, JEA 71, 1985, Suppl. 1, 44), оспорил Э. Иверсен (Iversen, 1988, 79–80).

[252] Один памятник мог бы оказаться решающим, если бы дошел до нас в целости. В самом деле, с правой стороны на стеле Лондон UC 410 + Каир JE 64959 (M. Gabolde, 1990; Alen, 1988; Krauss, 1989) было два картуша Эхнатона и картуш Нефертити. За ними следует колонка текста, в котором читаются титулы и имя царевны Меритатон с ее филиацией. Картуш царицы и текст, посвященный Меритатон, были стерты и заменены на надпись: «Анххепрура, возлюбленный Уанра, Нефернефруатон, возлюбленный Эхнатоном», а сверху добавили титулы и имя царевны Анхесенпаатон, без указания родственных связей. Возможны несколько объяснений причин изменений: либо они связаны с возведением Нефертити в царское достоинство, либо Меритатон взяла имена Анххепрура Нефернефруатон — ведь ее имя убрали из надписи, когда изменяли текст. Впрочем, невозможность

После кончины Эхнатона Анххепрура Нефернефруатон царствовал(а) единолично более двух лет. Об этом свидетельствует надпись, датированная 3-м годом, — граффито Пауаха в гробнице Паири (TT 139): «3 год, 3 месяц сезона *ахет,* 10-й день, царь Верхнего и Нижнего Египта Анххепрура, возлюбленный [Неферхепрура], сын Ра, Нефернефруатон, возлюбленный [Уанра], жрец-*уаб*, писец божественных жертв Амона в храме Анххепрура в Фивах, Пауах»[253].

Эпитеты, сопровождающие эти имена, как будто противоречат сказанному выше, но все они — лишь результат реконструкции, оспоренной С. Тауфиком (Tawfik, 1975, 166–167). Действительно, лакуны слишком малы, чтобы можно было согласиться с предложенными восстановлениями в них имен. Во второй лакуне только В. Хельк увидел начальные знаки имени Уан… С. Тауфик полагает, что в этом месте могло стоять разве что имя бога Атона[254]. Это замечание справедливо. Упоминаний Эхнатона нет, а значит, 3-й год не относится к его царствованию. С. Тауфик датирует надпись 3-м годом после смерти Эхнатона. Это подтверждается этикеткой на сосуде, где 17-й год правления с течением времени был заменен на 1-й (№ 279, The City III, 158, 159). Итак, за последним годом правления Эхнатона могли сразу же отсчитывать 1-й год царствования его преемника.

Анххепрура, видимо, продолжил(а) царствовать один (или одна). На 3-м году правления, как сообщает граффито Пауаха, этот фараон основал (и успел закончить?) заупокойный храм на левом берегу Фив[255], и именно после него (нее) унаследует трон Тутанхамон. Долгий перерыв перед коронацией Тутанхамона мог быть связан с драматическими попытками возвести на трон хеттского царевича.

Каково место персонажа по имени Сменхкара в этой вполне стройной схеме наследования престола[256]? В титулатуре Сменхкара Джосерхепру в том виде, в каком

последней идентификации уже доказана, ибо царевна стала носить титул «старшая царская жена» одновременно с появлением персонажа по имени Анххепрура Нефернефруатон. Так как левая часть стелы отсутствует, невозможно сказать, фигурировала ли там Меритатон. Ни один из вариантов объяснения не является очевидным.

[253] Urk. IV, 2024, 14–17. — На самом деле это лишь начальная дата, за которой следует довольно длинный гимн Атону, не приведенный в Urk. IV, ср.: PM I, 353 (5).

[254] Среди предложенных чтений второго картуша, прорисовку которого приводит С. Тауфик, отметим чтение А. Готье — «*мериатон*», причем в такой же орфографии, как и в строках, рассмотренных А. Х. Гардинером.

[255] О проблеме в целом см. также: Dodson, 1993. Фредерике Кампп (Гейдельберг) недавно обнаружила в фиванском некрополе гробницу верховного жреца Амона Пареннефера (он же Уненнефер), который стал первым жрецом Амона уже после Эхнатона. Одну из сцен в его гробнице озаряют лучи восходящего солнца — образцы такого оформления сцен мы видели в царской гробнице в эль-Амарне и на створке большого наоса Тийи (в гробнице 55 Долины царей). Гробница, возможно, относится к переходному периоду, о котором шла речь выше. Фредерике Кампп, которой я благодарен за ценнейшие сведения, в настоящий момент готовит публикацию этой гробницы.

[256] Несмотря на то что имя Сменхкара встречается редко, оно слишком часто упоминается в египтологических трудах — всякий раз, когда источник содержит имена Анххепрура или Нефернефруатон. Недавний пример — каталог Beinlich, Saleh, 1989, 229: имя Сменхкара дается в указателе, хотя оно вообще не встречается в публикуемых авторами текстах из гробницы Тутанхамона. Ю. фон Бекерат (von Beckerath, 1984, 87, 231) в своем «Справочнике имен египетских царей» объединил все картуши под именем Сменхкара. Эту методологическую ошибку уже осудили (см. в особенности: Harris, 1974a; Samson, 1983). Сменхкара пользуется у египтологов таким «успехом», что многочисленные неподписанные скульптуры загодя, без доказательств, считают его изображениями. Наиболее показательный пример: Roeder, 1958. У. Мёрнейн (Murnane, 1977,

мы видим ее в гробнице Мерира II, нет (или уже нет) никаких упоминаний Эхнатона и даже самого бога Атона. Сцена с новой царской четой, вероятно, была создана сразу после окончания царствования Эхнатона — стиль ее совершенно амарнский. Ее власть была, видимо, недолгой — это следует не только из того, что это единственное ее изображение, причем в частной гробнице Мерира II (заведующего палатами старшей царской жены Нефертити), но и потому, что сцена была едва намечена и не доведена до конца. Титулатура Сменхкара выглядит странно по двум причинам. Имя Сменхкара по структуре — царское; для имени, данного при рождении, его форма необычна. Кроме того, если не брать особый случай Аменхотепа, сменившего имя на Эхнатон, мы не знаем иных примеров изменения царем имени, данного при рождении, в течение царствования. После Анххепрура больше ожидаем картуш Нефернефруатон, но не Сменхкара. Марк Габольд (Gabolde, 1993, 34) поэтому решил, что под именем Анххепрура скрываются два персонажа. Царь в сцене из гробницы Мерира II — это хеттский царевич, отправленный Суппилулиумой в Египет по просьбе вдовы египетского царя. Не будучи египтянином по рождению, он получил египетское имя, которое заменило его личное, иноземное имя. Предполагалась (или даже состоялась) его женитьба на Меритатон, которую изобразили слегка поспешно. Все это вполне убедительно объяснило бы кратковременное и неожиданное появление Сменхкара, которое в любом случае произошло после кончины Эхнатона[257]. Имя Анххепрура новый царь и Меритатон поделили между собой, причем последняя, по мнению М. Габольда, носила его и раньше. Но мы видели, что Меритатон нельзя отождествить с Анхепрура Нефернефруатон. Это еще одна тайна, возможно, связанная с какими-то семейными интригами. После смерти Сменхкара, то есть не позже 3-го года[258] своего правления, Анххепрура Нефернефруатон, кто бы это ни был, продолжил царствовать один.

Следует учесть и некоторые другие материалы. В гробнице Тутанхамона обнаружилось довольно много предметов, которые — по крайней мере изначально — содержали имя Анххепрура[259]. Они принадлежат различным деятелям Амарнского периода, но при этом в гробнице отсутствует имя Нефертити[260]. Впрочем, имя

169–173) опубликовал список, где уже не содержится следов подобных домыслов. По его утверждению, в этом списке нет памятников, о которых можно с уверенностью сказать, что они принадлежат именно Сменхкара; немалая часть этих памятников была затем отнесена к другим, более известным лицам.

[257] К. Китчен (Kitchen, JEA 71, 1985, Suppl., 44), как и К. Лёбен (Loeben, 1991, 90), полагает, что Сменхкара — это прежнее имя Анххепрура. Однако это не согласуется с вышеизложенными доводами.

[258] Известна надпись на глиняном кувшине: «Год 1. Вино из владений Сменхкара (правогласного?)» (The City, III, pl. 86, n. 35). Однако следует помнить, что указываются годы правящего царя, а не царя — владельца виноградников. Так, мы читаем: «Год 17. Вино из владений Небмаатра (Аменхотепа III)», но Аменхотеп III скончался уже довольно давно, а здесь речь идет о 17-м годе правления Эхнатона (The City III, pl. 85, n. 17). Первый год на этикетке № 35 может относиться к царствованию Тутанхамона, что подтверждают и следы эпитета «правогласный» после имени Сменхкара.

[259] Подробный перечень этих предметов: Harris J., 1992. Ни на одном из них не отмечено имя Сменхкара (о возможном исключении см. выше, с. 400, примеч. 238), хотя именно по этому имени их приходится искать в большинстве справочников по находкам из гробницы Тутанхамона.

[260] Кроме палетки Меритатон, С 262, где картуш Нефертити появляется в указании на филиацию царевны.

Меритатон тоже почти не встречается: с титулом «дочь царя» оно отмечено на палетке «художника» (C 262) и на кастаньетах (C 620, 13). В двух других случаях, о которых уже говорилось, — речь идет о ларце (C 1k) и полукруглом сундуке (C 79/574) — она именуется «старшей царской женой», но с этим титулом она упоминается вслед за картушами Эхнатона и Анххепрура Нефернефруатона. Среди предметов, изначально не принадлежавших Тутанхамону, следует назвать маленькие саркофаги для внутренностей и, вероятно, крышки от каноп, в которых те хранились; однако надписей на них нет, и мы можем только констатировать, что лица на этих крышках не имеют ничего общего с обликом Тутанхамона. Лица на крышках и на маленьких саркофагах похожи на маску второго царского саркофага, который сильно отличается от двух других и на котором не замечено следов переделки картушей (их сравнительный анализ: Harris, 1992; Vandersleyen, 1992a; Vandersleyen, 1984–1985). Если Анххепрура, которому принадлежала данная группа артефактов, — это Нефертити, перед нами встает иконографическая проблема. По каким критериям можно сопоставить портреты Нефертити с изображениями на предметах из гробницы? Различия в возрасте, прическах, стиле порой вводят в заблуждение, и не стоит a priori отвергать никакую гипотезу, но противоречие в любом случае очень велико. Можно ли предположить, что в гробнице были предметы, принадлежавшие двум разным Анххепрура? Один — Анххепрура Нефернефруатон, связанный с Эхнатоном при его жизни, судя по эпитетам, которые следуют за его именами, второй — эфемерный фараон Сменхкара, в титулатуре которого при Анххепрура нет никаких эпитетов? Принимая факт наличия и отсутствия эпитетов как критерий, отметим, что внутри саркофагов для внутренностей картуши, изначально содержавшие имя Анххепрура, слишком короткие, чтобы там могли поместиться длинные эпитеты, как у «другого» Анххепрура. Маленькие саркофаги, вероятно, были сделаны для Сменхкара — это объясняет, почему даже такие «личные» предметы, как крышки для каноп и второй саркофаг Тутанхамона, были беззастенчиво узурпированы другим человеком. Лица на этих предметах очень похожи друг на друга и больше ни на кого. Может, это и есть лицо Анххепрура Сменхкара Джосерхепру? В таком случае Анххепрура, как и Кийя, не получил приготовленной для него погребальной утвари.

Итак, несмотря на многие неясности, можно сказать следующее: после кончины Эхнатона, до и после мимолетного эпизода со Сменхкара, страной управляла царица, у которой был двойной царский картуш[261].

Письмо к царю хеттов

Когда хетты вторглись в долину Амки, скончался царь Египта и его вдова обратилась к Суппилулиуме с просьбой прислать преемника — случай исключительный и известный только по хеттским документам, где об этом говорится вполне определенно (см. выше, с. 392–394). О каком именно скончавшемся царе идет речь, неясно, и эта проблема заслуживает пристального изучения.

[261] Нам неизвестны три первых имени титулатуры Анххепрура Нефернефруатон и Анххепрура Сменхкара. Неизвестно также, были ли у них эти первые имена.

Судя по «Деяниям Суппилулиумы», царица попросила хеттского царя послать в Египет одного из его сыновей, чтобы тот стал ее мужем и новым фараоном. «Подобного не случалось со мной за всю мою жизнь!» — воскликнул Суппилулиума в присутствии созванных им сановников и отправил в Египет камергера с целью убедиться, что в просьбе царицы нет подвоха. Затем, после непродолжительной осады, он захватил Каркемиш и вернулся зимовать в свою столицу Хаттусу. Камергер вернулся к весне вместе с египетским сановником и возмущенным письмом царицы: «Почему ты сказал так: “Они обманывают меня”? Если бы у меня был сын, неужели я отправила бы послание чужому народу, к моему стыду и стыду моей страны? Ты не поверил мне и даже сказал мне это. Тот, кто был моим мужем, скончался. Сына у меня нет! Но никогда я не возьму кого-нибудь из своих подданных и не сделаю его своим мужем! Я не отправляла послание никакому другому народу; я отправила послание только тебе! Говорят, у тебя много сыновей, так дай мне одного из них! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем!» (Güterbock, 1956, 96–97). На одной из табличек сохранилась и запись беседы между египетским сановником и хеттским царем: «Нибхурурейя, который был нашим царем, скончался. Сыновей у него не было. Супруга нашего властелина осталась одна. Мы просим у нашего владыки сына, чтобы он стал царем в Египте, а для женщины, нашей госпожи, мы просим мужа!» (Güterbock, 1956, 97–98). В «Молитве», где сын Суппилулиумы Мурсили II пытается узнать, кто рассердил богов, наславших на страну чуму, говорится, что Суппилулиума действительно отдал одного из своих сыновей, которого египтяне увезли и убили[262]. Хеттский царь разгневался и направился в (подчиненную Египту область), намереваясь напасть на Египет, и разгромил египетское войско (Lebrun, 1980, 211–212). По мнению Мурсили II, это и вызвало чуму, так как Суппилулиума нарушил действовавшее много лет мирное соглашение между двумя странами — договор о Курустаме.

В хеттских документах все сказано ясно, но непонятно, кто такой покойный царь Нибхурурейя. Возможно, это Небхепрура (Тутанхамон), так как клинописная транскрипция первого имени Эхнатона Неферхепрура — Напхурурейя. Многие считают отождествление Нибхурурейя с Небхепрура Тутанхамоном делом решенным (Vergote, 1961; Edel, 1948, 15). Между тем все не так очевидно.

В архивах Амарны есть только одно письмо хеттского царя Суппилулиумы (EA 41; см. также: Freu, 1974). Оно адресовано фараону, только что взошедшему на престол. Хеттский царь упрекает египетского в том, что последний не проявляет по отношению к нему того же дружелюбия и великодушия, как его отец. В тоне письма нет никаких намеков на напряженные или враждебные отношения[263]. Однако непонятно, кто был адресатом: писец сократил его имя до Хурейя, что означает *хепрура*, но этот элемент

[262] Имя царевича неизвестно. Обычно его именуют Цаннанца, следуя тексту на фрагменте сильно поврежденной таблички, где речь идет об убийстве человека по имени Цаннанца. Суппилулиума сожалеет об убийстве, но нигде не сказано, что это его сын; Египет замешан в убийстве, но никакой связи между этой трагедией и отправкой царевича к царице Египта не прослеживается; Суппилулиума упрекает египтян в том, что они нарушают границу его страны, хотя он не сделал им ничего дурного (Güterbock, 1956, 107–108). Возможно, речь идет о нападении на Кадеш, которое предшествовало письму царицы.

[263] Письма EA 42–44 тоже хеттские, но они слишком фрагментарны, чтобы быть полезными.

встречается и в имени Эхнатона, и в именах всех его преемников вплоть до Хоремхеба. Это может быть Напхурурейя или Нибхурурейя, то есть Эхнатон или Тутанхамон. Имя Нибхурурейя встречается и в амарнском письме EA 9 вавилонского царя Бурнабуриаша II, которое, к сожалению, не содержит никакой полезной информации. Главное возражение связано с датировкой письма 9-м годом правления Тутанхамона: поскольку корпус Амарнских писем однороден, отнести письмо EA 9 к царствованию Тутанхамона — значит выйти за пределы хронологических рамок переписки. С исторической точки зрения более приемлемым будет датировать это письмо, как и EA 41, правлением Эхнатона.

Мы уже показали, что отождествление Нибхурурейя с Небхепрура не может быть безусловным. Вавилонскому или хеттскому писцу было непросто транскрибировать имя египетского царя: в фонетическом плане различия между «Напхурурейя» и «Нибхурурейя» почти нет, а поскольку хеттские цари зачастую принимали имя предшественника, в отличие от египетских (у последних первые имена почти всегда были особенными), смешение двух похожих имен выглядит вполне объяснимым. Наконец, недавние исследования показали, что в клинописном написании не отдается предпочтения одному имени перед другим (G. Meyer, 1991). Итак, несмотря на фонетические различия, под Нибхурурейя может подразумеваться как Тутанхамон, так и Эхнатон.

Мы видели (с. 440–441), что в пользу Эхнатона говорит почти прямое соответствие между сведениями о войнах Суппилулиумы, которые содержатся в хеттских источниках, и данными Амарнских писем. Кроме того, период, последовавший за кончиной Эхнатона, остается для нас слишком темным, поэтому трудно вразумительно объяснить поступок царицы, оказавшейся без наследника.

К тому же промежуток между смертью Тутанхамона и восшествием на престол Эйе был недостаточно продолжительным для такого развития событий. Было по меньшей мере два египетских посольства — из эль-Амарны в Каркемиш и обратно и из эль-Амарны в Хаттусу, и между этими путешествиями прошла зима. Вероятно, сразу после возвращения второго посольства, если не позже, был убит хеттский царевич. Известно, что мумию фараона переносили в гробницу через 70 дней после смерти. Переговоры с Суппилулиумой заняли больше времени, так как Тутанхамон был похоронен в середине марта — конце апреля, ведь в его гробнице были обнаружены остатки цветов и плодов, а также двух перелетных гусей, чья сезонная миграция приходится как раз на это время. Стало быть, царь скончался в середине января — середине февраля и между смертью царя и отправкой письма царицы прошло более шести месяцев. Именно вторжение хеттов в Амки, а не кончина царя, стало причиной отправки письма. Маловероятно, что перед лицом подобной угрозы египтяне стали бы медлить целых шесть месяцев. Кроме того, нет оснований полагать, что погребение Тутанхамона состоялось ранее установленных 70 дней. За эти 70 дней не могли произойти все указанные события — от вторжения в долину Амки до приезда хеттского царевича. Изображение Эйе в качестве фараона на стене погребальной камеры Тутанхамона, видимо, появилось до того, как туда поместили культовую утварь. Возможно, Эйе захватил власть сразу же после смерти Тутанхамона; Анхесенамон, вдова покойного царя, не обладала достаточными авторитетом и независимостью по сравнению с этим «серым кардиналом», чтобы сделать такой смелый

ход[264]. Напротив, неразбериха, которая, видимо, царила в конце правления Эхнатона и сразу после его кончины, вполне могла сподвигнуть царицу на такие действия, независимо от того, что сказано в хеттских документах.

Эта царица упомянута в хеттских архивах под именем Дахамунзу, уже давно интерпретированным (Federn, 1960) как *та-хемет-несут* (*t3 ḥmt nswt*) — египетский титул, обозначающий «жену царя»; артикль (*t3/та*) подчеркивает, что речь идет о реальной царице. Кто скрывается под этим титулом, неясно. Были предложены три кандидатуры, те же, что и для царицы-фараона: Меритатон, Кийя и Нефертити. Кийя вряд ли была еще жива в то время, когда ее имя удаляли из всех памятников; более того, она никогда не носила титула «царской жены»[265]. Если в конце царствования Нефертити еще была в живых и носила, например, имя Анххепрура Нефернефруатон, то в ее пользу говорит тот факт, что на пограничных стелах она носит титул *та-хемет-несут* —«царская жена»; так, без имени, Нефертити называют всегда при упоминании о ней[266]. Это означает, что, обладая картушами царя (если она — та самая царица-фараон), Нефертити сначала все же стала вдовой царя. Меритатон — «старшая жена царя» (которым, очевидно, был отец) — также могла считаться его вдовой. Но в дипломатической переписке ее называют «дочерью царя» и «властительницей» (буквально — «госпожой»). Однако если изображенный в гробнице Мерира II царь Сменхкара действительно был тем самым хеттским царевичем, то женой его, несомненно, была Меритатон.

Хеттский царь велел проверить, действительно ли написавшая ему царица не имеет наследника, и убедился в этом. Ни у одной из вышеперечисленных цариц не было сыновей. Следовательно, Тутанхамон принадлежал к боковой ветви царской семьи, не попавшей в поле зрения хеттских сборщиков информации.

Мумия из гробницы № 55 в Долине царей

Вполне возможно, что Эхнатона похоронили в его гробнице в эль-Амарне, возле которой было разбросано много разбитых ушебти (Reeves, 1990b, 43 и n. 57; Martin G., 1974, II 37–38)[267]. При Тутанхамоне, в момент исхода из эль-Амарны, останки членов царской семьи перевезли в Фивы. Так, Тийя, сначала похороненная в некрополе своего сына, некоторое время покоилась в гробнице № 55 Долины царей[268] вместе с другим лицом, чьего имени мы не знаем. Гробница была опломбирована печатью Тутанхамона. Впоследствии служители некрополя вскрыли гробницу и перенесли в другое место

---

[264] Представленную здесь хронологию предложил Джон Харрис (личное сообщение, за которое я выражаю ему благодарность).

[265] Впрочем, В. Хельк (Helck, 1984c, 164; см. также его доклад на Конгрессе в Турине — Helck, 1991) полагает, что Кийя была «истинной женой царя» в последние годы царствования и автором письма к хеттам.

[266] Urk. IV, 1972, 17; 1974, 4; 1983, 14–19; контекст не позволяет допустить, что речь идет о двух разных царицах.

[267] Есть предположение, что до переезда в эль-Амарну царь начал строительство гробницы в Фивах; возможно, это гробница № 25 в западной части Долины царей: Reeves, 1990b, 40–42.

[268] Список трудов, посвященных гробнице № 55, непрерывно растет. Основные труды: Engelbach, 1931; Aldred, 1961; Helck, 1982b, и особенно Reeves, 1982a, 1990c; Bell M., 1990; Dodson, 1993.

тело и погребальную утварь Тийи, за исключением панелей большого наоса, слишком больших, чтобы их можно было извлечь из гробницы, проход в которую загромождали обломки. Именно тогда, прежде чем окончательно закрыть гипогей, из гробницы, вероятно, вынесли бóльшую часть предметов с именами и изображениями второго усопшего, личность которого, таким образом, осталась нам неизвестной; саркофаг, в котором он покоился, принадлежал Кийе, но надписи на этом саркофаге были переделаны для царя. Идентификация мумии остается проблемой. Первооткрыватели полагали, что это Эхнатон, но, судя по всему (хотя определение его возраста всегда было предметом споров), в момент смерти мужчине было 20–25 лет[269], что исключает кандидатуру Эхнатона. Назывался также Сменхкара, которого нередко все еще считают старшим братом Тутанхамона[270], хотя в этом случае разница в возрасте братьев составляет больше десяти лет. Поскольку возраст человека по мумии еще не научились точно определять, версия об Эхнатоне пока не отвергнута окончательно; более того, люди, закрывавшие гробницу, будто бы верили, что оставляют там царя-«еретика». Однако реконструированное лицо мумии (Harrison, 1966), удивительно напоминает то, которое мы видим на втором саркофаге Тутанхамона, крышках каноп и саркофагах для внутренностей. Может, это Анххепрура Сменхкара, которого лишили главных предметов его погребальной утвари и отобрали даже имя, убив тем самым второй раз?

АМАРНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Философия Эхнатона[271]

Чрезвычайное своеобразие этого периода всецело определяется личностью царя — бесспорно, гениальной. Его мировоззрение в главных своих чертах уже сформировалось к моменту воцарения. Возможно, оно возникло на основе размышлений о египетской цивилизации и ее развитии. Из множества богов он оставил только Солнце, которое движет миром и является физическим проявлением (светилом, *атоном*) высшей, не называемой по имени силы. Все, что не есть жизнь, устраняется — ведь оно появилось из Преисподней (van Dijk, 1986, 7). Все, что не есть день, — есть зло[272]: ночь полна всевозможных опасностей. Это монотеизм, если угодно, но особого рода: непостижимый ни для кого, кроме царя, царицы и, быть может, членов царской семьи. Эхнатон является скорее человеком, чем богом[273]; на этом,

[269] Эд. Уэнте и Дж. Харрис (Wente, Harris, 1992, 6) дают ему от 30 до 35 лет, но, как известно, метод определения возраста мумий пока еще слишком неточен. См.: Reeves, 1990b, 44, 49.

[270] Доводы в пользу версии о переделке саркофага для «брата Эхнатона» см.: Allen, 1988, 125.

[271] Тема эта бесконечна, см. прежде всего: Fecht, 1960, 91–118; Assmann, LÄ I, 526–540; 541–549; V, 1990; Assmann, 1991, 232–253; Hornung, 1992b. Д. Рефорд (Redford, 1984) в своем труде об Эхнатоне дает резко негативную оценку этому царю, признавая за ним только поэтический дар и некоторый художественный вкус (232–235).

[272] Hornung, 1989. — В Карнаке объектом поклонения был и заход солнца; см.: Habachi, 1965b, 71.

[273] См.: Helck, 1969f, 323–324. — Колоссальные изваяния в восточном Карнаке своими позами напоминают осирические статуи, но образ, который они воплощают, — не мумия, не воскресающий

возможно, и зиждется амарнское искусство с его антиидеализацией человека, подчеркиванием конкретных и порой даже вульгарных черт и анатомических особенностей. Все более широкое использование в текстах разговорного языка вместо литературного, сохраняемого искусственно, — еще один признак отхода от условностей, идущего параллельно отказу от всякой мифологии.

Великий гимн Солнцу, авторство которого нет оснований приписывать кому бы то ни было, кроме самого царя, подробно описывает повсеместное благотворное воздействие светила. В нем нет никакой мистики — напротив, гимн проникнут абсолютным рационализмом. Только поэтический лиризм, выражающий безграничную благодарность Эхнатона за милости Солнца, наводит на мысль о том, что царь был подвержен иррациональной экзальтации[274]. Вопреки прочтению, присутствующему в некоторых переводах, эти молитвенные гимны посвящены не Солнцу, царю и царице, а Солнцу — от царя и царицы.

Отношение Эхнатона к его богу — это отношение сына к отцу. Есть даже предположение, что бог, к которому обращается царь, — не кто иной, как отец последнего, Аменхотеп III, обожествленный во время праздников *сед*, и что причиной последнего изменения имени бога стала смерть отца, отныне объединенного с Солнцем. Отсюда и последний вариант божественного имени: «Живой Ра, владыка небес, который ликует на небе в своем воплощении Ра, отца, вернувшегося как Солнце» (Johnson W. R., 1990, 42–46). Уничтожение ликов и имен древних богов, особенно Амона, было скорее следствием холодного и планомерного насаждения нового ви́дения действительности, чем проявлением исступленной злобы. Обычно считается, что эти «гонения» продиктованы страстной враждебностью, и поэтому для них предлагаются различные временны́е привязки: отказ от проживания в Фивах и от имени Аменхотеп[275]; кончина Аменхотепа III (если она произошла на 11-м году правления Эхнатона); более поздний период, когда семейные несчастья, смерть родных, эпидемия чумы[276] настроили царя против старых богов, все еще вызывавших трепет. Как бы то ни было, подобное «святотатство» свидетельствует об абсолютной власти царя и о твердости его позиции.

Амарнское искусство

Гениальность Эхнатона проявилась наиболее зримым образом в его новом представлении об искусстве, особенно в неожиданном подходе к трактовке образа человека (см. ниже, с. 375–381, 386–388). Я не считаю, что необычная внешность царя на

Осирис, а сам царь в одеянии живого человека, с немесом и в набедренной повязке; см. выше, с. 377 и примеч. 148.

[274] Среди многочисленных переводов этого гимна упомянем следующие: Gilbert, 1943, 34–38; Lichtheim, 1976, II, 96–100; Lalouette, 1987, 126–129.

[275] Считалось, что проявления враждебности со стороны жрецов Амона обнаружены на пограничных стелах, но «слухи, которые ходили начиная с 4-го года» могли быть связаны с вопросами погребения, а не с враждебностью жрецов (Urk. IV, 1975, 7–13, согласно переводу В. Хелька).

[276] В то время свирепствовала чума, особенно в Азии (EA 35, 10–15; Moran, 1987, 202, n. 3); мы знаем, что египетские пленники занесли болезнь в Хеттское царство при Мурсили II (Spalinger, LÄ IV, 225). Многочисленные сведения об этом содержатся в работе Goedicke, 1984d, 94; LÄ V, 918–919, хотя некоторые выводы исторического характера в ней выглядят натянутыми.

многочисленных изображениях говорит о его физических недостатках[277]. Речь идет об освобождении форм, о существенном — но не абсолютном — отходе от реализма[278]. Примечательна и эволюция тематики — все чаще изображается повседневная, приземленная, семейная жизнь. На больших картинах, украшающих гробницы и храмы, царит атмосфера праздника, центром которого является царская семья, но при этом нам показывают и «изнанку». Сцены утрачивают религиозный характер и озарены сияющим солнцем. Даже в темных гробницах создаются врезанные рельефы, чтобы все купалось в солнечных лучах.

Застывшие формы, которых требовали непререкаемые традиции, отметаются ради отражения мимолетных мгновений. Люди изображаются анфас, в движении, во время обмена поцелуями или еды. Приобретают популярность изображения царевен, которым умиляются царственные родители. Даже официальные сцены создают интимную, чувственную атмосферу благодаря тому, что важное место в них занимают женщины, и даже мужчинам свойственна некоторая женственность см. выше, с. 377, примеч. 147). Эта чувственность передается с большой пылкостью — идет ли речь о любви, семейном счастье или горе; возможно, любовная поэзия, появившаяся в начале эпохи Рамессидов, была порождением амарнского духа.

Итак, в искусстве налицо все составляющие романтического стиля: человек выходит на первый план, всякая метафизика устранена. Даже на саркофаге царя мы видим по четырем углам фигуру его спутницы, Нефертити, словно пришедшей из светской жизни. Будущие цари позаимствуют этот элемент оформления саркофага, благоразумно заменив образ царицы на изображения богинь[279].

Последствия реформы Эхнатона

Идеология Эхнатона угасла вместе с ним, не породив жажды мщения и не вызвав репрессий, хотя этого можно было ожидать после актов враждебности в отношении памятников традиционного культа (Legrain, 1906c, 230; Hanke, 1978, 76–84). Храмы, сооруженные Эхнатоном, и даже постройки Ахетатона, отныне ненужные, стали разбираться уже при Тутанхамоне (Eaton-Krauss, 1988, 1, n. 3) и особенно при Хоремхебе (вопреки выводам Hari, 1964; Hari, 1984a; Eaton-Krauss, 1988, 5); их блоки были использованы вторично как строительные материалы. Враждебность к «еретику», вероятно, возникла при Рамессидах — когда возросло могущество жрецов Амона. Необыч-

[277] С. Олдред посвящает целую главу «патологическим чертам» царя (Aldred, 1988, 231–236; уже в 1962, Aldred, Sandison). Есть и другие объяснения странной внешности Эхнатона. Так как у остальных членов семьи наблюдаются те же деформации черепа, было решено, что патологии передались им от царя. «Медицинские» объяснения внешности царя, особенно мнимого отсутствия половых признаков, крайне популярны и подчас граничат с бредом; как мне кажется, они имеют мало отношения к личности Эхнатона и к науке в целом.

[278] Лучшая аналогия — прекрасные портреты Модильяни: люди остаются узнаваемыми, но изображены в свободной манере.

[279] Качество, количество и своеобразие произведений амарнского искусства породили обширную библиографию; этот таинственный всплеск творческой активности по-прежнему очаровывает исследователей. См., например: Desroches Noblecourt, 1960; Hornung, 1971c; Aldred, 1973; Müller M., 1988.

ная доктрина Эхнатона, похоже, оказала мало влияния на основную массу населения. Как уже говорилось, центров культа Атона было немного. Это была личная религия царя, он один вел беседу с богом. Но даже отношения между царем и богом носили односторонний характер: это не был, как прежде, диалог равного с равным. Царь выражал свое почтение к богу, последний же беспрерывно внимал, и от него не требовалось ответа (Barguet, 1968; Assmann, 1980). Обычного человека подобная религия привлечь не могла, так как не содержала разгадки тайны смерти и не давала надежды на загробную жизнь. Не существовало бога, к которому можно обратиться в нужде: «Если взывали к богу, дабы получить что-нибудь у него, он не отвечал; если же молились какой-нибудь богине, то и она ничего не отвечала»[280].

Разрыв с египетскими традициями в царствование Эхнатона проще проследить по произведениям искусства, выполненным в амарнском стиле, чем по текстам. Как бы то ни было, эта эпоха делит историю Нового царства надвое. Она освободила новые формы мышления и искусства, ясный рационализм, который мы не ожидали встретить до греков. После смерти Эхнатона традиция вновь восторжествовала, но Египет уже никогда не оправится от потрясения.

[280] Urk. IV, 2027, 15–18. — Очевидно, из частного обихода древние боги никуда не исчезли, даже в эль-Амарне.

Глава III
ПОСЛЕ ЭХНАТОНА: ТУТАНХАМОН И ЭЙЕ

ТУТАНХАМОН. Ок. 1339–1329 или 1328–1318 годов до н. э.

Происхождение Тутанхамона

С восшествием на престол Тутанхамона[281] заканчивается амарнская смута; наследование трона вплоть до конца эпохи Рамессидов прослеживается с достаточной ясностью. Однако сама личность Тутанхамона остается таинственной. Надпись на блоке из Гермополя (Roeder, 1969, pl. 106: 831-VIIIc; Eaton-Krauss, LÄ VI, 814, n. 3) «сын царя, от его плоти, Тут-анху-атон» крайне важна, но является уникальным свидетельством его царского происхождения. К тому же этот единственный блок из великого храма Атона в эль-Амарне входит в состав ансамбля, который неоднократно перестраивался[282]. Эта надпись, как и все последующие источники, ничего не говорит ни об отце, ни о матери Тутанхатона. Как мы уже видели, нет оснований предполагать, что у него

[281] Обширная библиография по Тутанхамону касается главным образом сокровищ его гробницы. См.: Eaton-Krauss, LÄ VI, 812–816; Reeves, 1990a. — Указатель иллюстраций в каталогах различных выставок, посвященных Тутанхамону: Beinlich, 1984. Новый обзор: Eaton-Krauss M. Tutanchamun: Eine Bestandaufnahme (в печати).

[282] Hanke, 1978. Впрочем, Р. Ханке не рассматривает блок 835–VIIIC. Другие сомнения в надежности этого свидетельства: Wente, Harris, 1992, 14.

был старший брат[283]. Есть косвенные признаки, свидетельствующие о принадлежности Тутанхатона к династии Тутмосидов. Так, например, продолжая незавершенные при Аменхотепе III работы над статуей льва в Солебе и большой колоннадой в Луксоре, он не раз называет этого фараона своим отцом (L. Bell, 1986; возражения против этой гипотезы: Krauss, 1978, 79, n. 3). Принимая данную версию, мы принимаем и возможность продолжительного соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Если же отвергать идею соправления, получается, что сыну Аменхотепа III, унаследовавшему у Эхнатона трон, в момент воцарения было как минимум 16 или 17 лет, и для еще одного царствования после кончины Эхнатона остается очень мало времени (или совсем не остается). Но, судя по мумии, в момент смерти Тутанхатону было не более 20 лет, при том что царствовал он не менее девяти[284]. Как уже говорилось, определение возраста по мумии не является бесспорным: во всяком случае, высота двух царских кресел, найденных в его гробнице, указывает на то, что мальчику было не более 10 лет (см. ниже, с. 417 и примеч. 292). Некоторые противники версии соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV полагают, что Тутанхатон называет своим отцом Аменхотепа III, не желая упоминать проклятую Амарнскую эпоху (например, Gabolde M., 1993, 33), но здесь есть противоречие: в гробнице Тутанхамона предметы амарнского искусства, даже памятники Эхнатона, сохранились в неприкосновенности. Там обнаружили также прядь конской гривы в маленьком саркофаге с именем царицы Тийи. Отсюда последовал вывод, что конь принадлежал царице и прядь с его гривы — трогательный и очень личный подарок от нее (такие поступки свойственны и нынешним нравам). Стало быть, Тийя была ближайшей родственницей Тутанхамона — матерью или бабушкой[285].

В надписи на «астрономическом приборе» Тутанхамон называет Тутмоса IV прадедом. Если перевод верен, это будет бесспорным документальным доказательством того, что Тутанхамон не являлся сыном Аменхотепа III (Reeves, 1982b; возражения против такого перевода: Wente, Harris, 1992, 14–15). Если отец Тутанхамона — Аменхотеп IV, то кем бы ни была его мать, Тийя может быть его бабушкой. Нефертити исключается, так как она, насколько мы знаем, рожала только дочерей (вопреки мнению М. Габольда — M. Gabolde, 1993, 33–34; ср.: Vandersleyen, 1993b). Есть мнение, что это могла быть другая жена или фаворитка царя, в первую очередь Кийя (Martin G., 1989b, 37–41; Robins, 1992). Ни одна из версий до сих пор не может считаться надежной (см. рассуждения Ray, 1975).

История царствования Тутанхатона

Загадочному царевичу при рождении было дано имя Тутанх(у)атон. В начале царствования он еще носил его, судя по обнаруженным в его гробнице предметам,

---

[283] Этим братом мог быть Сменхкара, и тогда именно его мумия была найдена в гробнице № 55 Долины царей: Harrison, 1966; Harrison, Abdalla, 1972. — То обстоятельство, что группа крови двух мумий совпадает, не доказывает их принадлежность к одной семье. Группа крови Тутанхамона также совпадает с группой крови мумии из гробницы № 55, родителей Тийи, и др. См. в первую очередь: Connolly et al., 1980. — Об идентификации мумии из гробницы № 55 см. выше, с. 409–410.

[284] Leek, 1977: автор полагает, что царь скончался в возрасте 16–17 лет.

[285] Пряди волос находились в маленьких саркофагах, последний из которых носил имя Тийи (C 320a-e). Тийя была бабушкой жены Тутанхамона, Анхесенпаатон/Анхесенамон. Ю. Перепелкин (1979, 153) полагает, что женой Тутанхамона могла быть Анхесенпаатон-младшая — дочь предыдущей.

на которых имя сохранилось или в этой форме, или с явственными следами исправления «Атон» на «Амон» (Beinlich, Saleh, 1989, указатель). Очевидно, трон он унаследовал от Анххепрура Нефернефруатон. Тутанхатон взошел на престол лишь спустя несколько лет после кончины Эхнатона. Возможно, после неудачной истории с хеттским царевичем царица-фараон, при поддержке эхнатоновских вельмож (отца бога Эйе и военачальников Хоремхеба и Нахтмина) решила посадить на трон представителя боковой ветви династии. Возможно, Эйе играл в этом деле главную роль: детство Тутанхатона прошло в Ахмиме, родине Эйе и Нефертити[286], и на протяжении всего царствования будут создаваться картины с Эйе, который скромно следует за царем (см. ниже, с. 424).

В северной части эль-Амарны обнаружены многочисленные артефакты этого переходного периода. На них чаще встречается имя Нефертити, а не Эхнатона, нередко объединенное с именами Тутанхатона и Анхесенпаатон, но никогда — с именем того, кого Дж. Пендлбери называет «Сменхкара», Между тем на многих оправах для перстней присутствуют имена Тутанхамона и «Сменхкара», причем по отдельности. Последнее имя, вероятно, — плод интерпретации имени Анххепрура со стороны Дж. Пендлбери (Pendlebury, 1931, 243). На некоторых перстнях встречается имя Тутанх*амон*[287]. Это смешение имен позволяет выстроить следующую хронологию заселения северной области эль-Амарны: Нефертити, Анххепрура, Тутанхатон, Тутанхамон.

Принято считать, что царь заменил в своем имени «Атон» на «Амон» сразу, как только покинул Амарну и обосновался в Мемфисе или в Фивах[288]. Но нам неизвестно даже то, где находилась резиденция царя в момент его прихода к власти. Печати и перстни с именем царя, найденные в эль-Амарне, не являются непременными свидетельствами его проживания там, как и глиняные кувшины для вина, датированные 1-м годом правления. Заметим, что в этих датировках нет имени царя, но поскольку они не могут относиться к 1-му году царствования Эхнатона в Амарне, речь идет, конечно, о ком-то из его преемников. Должность «виноградаря» на кувшинах обозначается поразному: надо различать «год первый», когда употребляется титул *ḥrj-bʿḥ/хери-бах*, вошедший в употребление на 13-м году правления Эхнатона (The City III, pl. 86, № 58), и «год первый», когда использовался старый титул *ḥrj-kꜣmw/хери-каму* (The City III, pl. 86, №№ 55–57). Этот последний, судя по найденным в гробнице Тутанхамона кувшинам, был вновь введен в употребление в период его правления. В первом же случае речь, видимо, идет о первом годе Анххепрура, преемника Эхнатона. В Амарне нет этикеток, которые относились бы к последующим годам царствования Тутанхамона, поэтому исследователи, считающие, что первый год он провел в эль-Амарне, заключают, что царь покинул ее до сбора винограда на 2-м году правления[289]. Но в Амарне нет ни одного датированного памятника, носящего имя нового царя, и ни одной его

---

[286] В Ахмиме обнаружена гробница воспитателя царевича. См.: Ockinga, 1991.

[287] Ibid. Leclant, Clerc, 1988, Fouilles 341: сообщение о недавно найденном перстне с именем «Небхепрура, избранный Амоном».

[288] См.: Van Dijk, Eaton-Krauss, 1986, 35–36. — Именно в Фивах вице-король Куша Хеви отчитывался царю о своих действиях (Urk. IV, 2071, 15–17).

[289] Титул *ḥrj-bʿḥ/хери-бах* засвидетельствован в надписи от 2-го года, которая, таким образом, была создана в правление Анххепрура (The City II, pl. 58, № 11; см.: Helck, 1963, IV, 728. Выше (с. 405, примеч. 258) мы показали, что этикетка № 35 относится скорее к царствованию Тутанхатона, чем Анххепрура. Возможно, так же обстоит дело и с этикеткой № 36 на вине из владений Анххепрура, датируемой первым годом. Загадочно выглядит также этикетка № 111: «год 1, первый месяц, вино

постройки. О его правлении здесь свидетельствуют лишь мелкие движимые предметы. Не исключено, что он никогда не жил здесь.

Где бы ни пребывал царь в момент восшествия на престол, изменение как его имени, так и имени царицы могло произойти именно в это время — возможно, в преддверии коронации, состоявшейся в Фивах (Desroches Noblecourt, 1963, 10 (план), 173–213). Кое-какие памятники начала царствования могли быть изготовлены еще тогда, когда он правил под именем Тутанхатона. Многочисленные предметы с этим именем после кончины царя оказались в его гробнице, в том числе луки, посохи, палетки, царский бич-флагеллум, пластинки золота от какой-то мебели, а главное — два парадных кресла, золотой трон и кресло со скрещенными ножками[290]. Эти два кресла рассчитаны на взрослого человека и, вполне вероятно, принадлежали Эхнатону, но их не стали переделывать под рост нового царя — лишь поставили на них его имя[291]. Судя по другим креслам, царь в то время был ребенком: небольшой трон, выкрашенный в белый цвет, и скамеечка слишком малы для взрослого человека[292]. Имена на большом троне были изменены на имена Тутанхатона и Анхесенпаатон, его супруги с первых дней царствования. Это единственный предмет в его гробнице, на котором еще указано атоново имя царицы. Затем последовали новые изменения («Амон» вместо «Атон»), но работы велись уже не так тщательно, и ни лучезарное Солнце, ни его картуши убраны не были, как и царские фигуры на передней части трона. Судя по росту и по чертам лица, последние не являются изображениями Тутанхамона и его жены — это потребовало бы слишком сложных переделок. Все свелось к изменению божественных имен на передней части спинки и на подлокотнике, тогда как на задней части спинки и на внешней стороне правого подлокотника осталось имя Атона. На троне со скрещенными ножками[293] нет лучезарного Солнца, но в верхней части спинки есть два картуша с дидактическим именем Солнца в его поздней форме, а чуть ниже, с обеих сторон, — два картуша Тутанхатона. Эта же форма имени употребляется в вертикальных надписях на спинке трона. Имя Тутанхамон появляется только в двух горизонтальных текстах (Beinlich, Saleh, 1989, 172–174). Следовательно, принятие амонова имени и эпитета «владыка южного Гелиополя» (то есть Фив), который отныне закрепится во втором картуше, произошло сразу же после восшествия на престол — возможно, в связи с коронацией.

Первый датированный документ, в котором фигурирует царское имя, — это декрет, известный под названием «Реставрационная стела». Титулатура царя здесь содержит

из владений Схотеп-Атон», причем имя обведено картушем. На этикетках № 112–114 из тех же владений картушем выделено только имя бога Атона.

[290] Beinlich, Saleh, 1988, указатель; возможно, имя Тутанхатон присутствует также на ушебти C 608b/ JE 60795.

[291] М. Итон-Краус (Eaton-Krauss, 1984a; Eaton-Krauss, 1991, 97–102) полагает, что оба взрослых трона изначально предназначались для Тутанхамона.

[292] О размере кресел см.: Vandersleyen, 1992a, 77–78. — Максимальная высота скамеечки (C 466; JE 62038; Desroches Noblecourt, 1963, pl. IV a) составляет 45 см; сиденье должно было находиться на высоте примерно 36 см, как у детского трона, то есть оно подходило ребенку в возрасте 12 лет и даже младше, если для каждого кресла были предусмотрены скамеечки для ног. Это опровергает предположение о том, что Тутанхамон взошел на престол в возрасте 13–17 лет; см.: Wente, Harris, 1992, 11.

[293] Он получил название «Церковный трон» из-за сходства со старинной епископской кафедрой. Поэтому его называют также «Троном жреца (или священника)» (Priesterthron) или «Парадным престолом» (Prunkstuhl).

пять имен; более ранняя титулатура нам неизвестна (Eaton-Krauss, 1987). Картуши были узурпированы Хоремхебом и дата стерта, но пространство, где она должна была находиться, настолько невелико, что в нем могло поместиться только обозначение первого года. Однако под именем Хоремхеба угадывается имя его предшественника уже в форме Тутанх*амон*, что кажется невероятным, ибо на стеле с пафосом описываются все работы, предпринятые царем для «восстановления в правах» традиционных богов. Дж. Харрис (Harris, 1973c) полагает, что стела датируется 4-м годом правления. Впрочем, реставрация богов, о чем свидетельствует граффито от 3-го года правления Анххепрура Нефернефруатон, началась до Тутанхамона. К тому же стела представляет собой декларацию о намерениях, и юный царь мог взять имя Тутанхамон уже в первый год царствования. Возвращение к культу Амона, если его отправление вообще прерывалось (Redford, 1984, 209–210), тем не менее не уничтожило культ Атона: некоторые памятники свидетельствуют об их сосуществовании. Пенбуи, писец сокровищницы храма *Атона*, использует жертвенную формулу, адресованную *Амону* — царю богов (Urk. IV, 2083, № 802). Есть также стела, на которой Тутанх*атон* подносит дары Амону и Мут (Berlin 14197; Erman, 1900b, 113). «Отец бога» Амона Неферхотеп на 13-м году правления Хоремхеба вводит в текст прославления Амона совершенно амарнскую формулу: «Он — Ра, чье тело — Атон» (Urk. IV, 2178, 1).

Царствование Тутанхамона длилось около 10 лет[294]. Основной задачей этого царя-подростка было возмещение ущерба, причиненного в Амарнский период. Поэтому многие статуи Амона и других богов, созданных в его царствование, дабы заполнить храмы (например, Urk. IV, 2054, 2; 2165, 20), зачастую отражают облик этого царя. Эпитет «умиротворяющий богов» в его титулатуре (в именах Небти и Золотого Хора) соответствует данной роли. Были возобновлены работы, прерванные при Аменхотепе III, а также начаты новые стройки.

На «Реставрационной стеле», описав плачевное состояние храмов в конце предыдущей эпохи, царь подробно излагает все то, что он намерен совершить — прежде всего для своего отца Амона, затем для Птаха и всех остальных богов: возвести статуи из электрума, увеличить число рукояток их парадных носилок, восстановить святилища, приумножить жертвоприношения и возродить жреческие службы, снабдить мастерские храмов рабами обоих полов, заполнить сокровищницы драгоценностями, построить новые ладьи для плавания по Нилу. «Тогда сердца богов и богинь, которые живут в этой стране, возрадовались; хозяева святилищ возликовали» — после тяжких времен наступило облегчение (Urk. IV, 2028–2030). До наших дней не дошло зданий из золота и дерева — только постройки из камня и статуи, но многие надписи на них были стерты Хоремхебом, который присвоил или демонтировал почти все памятники Тутанхамона. Хотя бóльшая часть этих узурпаций ныне выявлена и имя подлинного создателя памятников установлено, ученые надеются обнаружить и другие следы

[294] Один кувшин из гробницы Тутанхамона датирован 10-м годом, многие — 9-м; см.: Černý, 1964. Следовательно, царь правил полных 9 лет. В Саккара найдено граффито от «14-го года, 2-го месяца *перет*, 2-го дня (правления) Небхепрура» (Firth, Quibell, 1935, 81, J) но издатели ошибочно отнесли его ко времени Эхнатона (то есть Неферхепрура), если только они не ошиблись в воспроизведении собственно иероглифического текста картуша. Эта дата, отмеченная Ю. Перепелкиным, никогда не учитывалась в исследованиях, посвященных хронологии царствования Тутанхамона. Другое, недатированное, граффито времен Тутанхамона: Firth, Quibell, 1935, 81, K.

царствования Тутанхамона. Однако лишь его статуи сохранились во множестве, прочие сооружения и изделия очень редки.

В Карнаке (Eaton-Krauss, 1988, детальный обзор; см. также: Schaden, 1984, 49) сфинксы, представлявшие Эхнатона и Нефертити, были аккуратно обезглавлены и снабжены головами барана (образ Амона-хранителя), а под подбородком у них помещены изображения Тутанхамона. Эти сфинксы — тогда или в другое время? — были установлены вдоль дороги, пролегавшей между храмом Мут и десятым пилоном, который царь, возможно, взялся достраивать (Eaton-Krauss, Murnane, 1991). На третьем пилоне он, по всей видимости, поместил свое изображение позади фигуры Аменхотепа III, но один из преемников (Хоремхеб?) его стер (см. выше, с. 353 и примеч. 68). В Луксоре Тутанхамон украсил рельефами большую колоннаду Аменхотепа III в знак сыновней почтительности по отношению к этому царю (Johnson W. R., 1986). В нубийской Каве он велел возвести храм, название которого — Гемпаатон — звучит совершенно по-амарнски, хотя он посвящен Амону (см. выше, с. 391 и примеч. 206). Еще один храм Тутанхамон возвел в Фарасе, где его при жизни почитали как бога (Manuel II, 962–963; PM VII, 124; Karkowski, 1981, 66–74; Bell L., 1985b). В Гуробе, где царское присутствие фиксируется со времен Тутмоса III, блоки Тутанхамона, быть может, являются свидетельствами последних работ, проводившихся в этом дворце (Manuel II, 827). В Гизе сохранились скромная часовня, на двери которой содержится посвящение богу Хорону от царской четы, и стела — очевидно, посвященная этой чете неким сановником; им мог быть Эйе, но это лишь одна из гипотез (Zivie C., 1976, 176–177; Dijk van, Eaton-Krauss, 1986). К перечисленному добавим исключительные по качеству частные гробницы в Саккара (Berlandini, 1982; Schneider, 1990), особенно гробницы Хоремхеба (Martin G., 1976–1977, 1989a, 1991b, 35–38; van Dijk, 1986) и Майя (Graefe, 1975; Martin, 1991b, 147–188). Их монументальные статуи свидетельствуют о возрождении частной скульптуры, исчезнувшей в Амарнский период (Schneider, 1974; о деревянных статуях: Berlandini, 1986).

Не исключено, что Тутанхамон совсем мало отличился в восстановительных работах: дело в том, что большинство их продолжил Эйе, и кажется, что именно он был их инициатором и руководителем. Его забота о царе-ребенке не оправдала ожиданий из-за ранней смерти фараона, и Эйе волей-неволей пришлось завершить начатое. Два независимых друг от друга здания, известные как «Дом Небхепрура, возлюбленного Амоном, который заново основал (?) Фивы» и «Дом Небхепрура в Фивах», носят имена Тутанхамона и Эйе. Не вполне ясно, как обстояло дело. Может, постройки были начаты при Тутанхамоне, а закончены при Эйе? Или они возводились по инициативе последнего из уважения к скончавшемуся царю, которого Эйе называл «своим сыном» (Gabolde L., 1989, 140–144: придерживается второй версии)? События, о которых идет речь в надписи на стене второго храма, в том числе важнейшее из них — сражение против азиатов, относятся к царствованию Тутанхамона, деяния которого Эйе увековечил значительно позднее (см. ниже, с. 420–421).

В левобережных Фивах заупокойный храм Тутанхамона не обнаружен. В Мединет-Абу есть разрушенный храм, где были найдены кварцитовые колоссы Тутанхамона; его основателем был Эйе, судя по закладам в фундамент. В отношении их также стоит задаться вопросом — не был ли Эйе вынужден реализовывать то, что к моменту кончины Тутанхамона существовало лишь в проекте? Впрочем, сразу после возведения

колоссов Эйе начертал на них собственное имя (Gabolde L., 1989, 139–140). Можно вспомнить и о льве в Солебе, не завершенном при Аменхотепе III. Работа над ним была возобновлена при Тутанхамоне, который успел высечь посвятительную надпись, но именно Эйе перенес льва из карьера в храм, для которого скульптура предназначалась (тем не менее см. выше, с. 341, примеч. 26). На левом берегу Фив найдена только одна гробница времени Тутанхамона — вице-короля Куша Аменхотепа, прозванного Хеви. Это крайне примечательный памятник. Вице-королю здесь отводится более заметное место, чем фараону; кроме того, в гробнице обнаружены предметы, свидетельствующие об интенсивных взаимоотношениях между странами Юга и Египтом[295].

Чтобы разобраться в очередности работ, новых начинаниях и узурпациях чужих памятников, нам необходимо больше знать о жизни Тутанхамона-ребенка в Фивах и Мемфисе и об отношениях между взрослыми из его окружения. Он проявлял сыновнее почтение по отношению к Аменхотепу III. Тутанхамон действительно продолжил многие начинания этого царя, но не было ли это неизбежным следствием приостановки их при Эхнатоне? Восстанавливая традицию, Тутанхамон непременно становился последователем Аменхотепа III.

Нет сомнений, что в Азии велись серьезные военные действия. Этого следовало ожидать после операций Суппилулиумы, мстившего за убийство сына. Гробница Хоремхеба в Саккара, построенная целиком при Тутанхамоне, содержит сведения о важной кампании в Азии; в одном из текстов к тому же говорится о дне, когда будут убиты *сечетиу*, азиатские кочевники (Martin G., 1989a, 58). Памятник в Карнаке, построенный с использованием талататов Аменхотепа IV, включал сцены битвы с азиатами[296]. Изображения в гробнице Хоремхеба очень реалистичны, но они не позволяют определить, с каким именно народом или государством состоялось сражение. Согласно общепринятой схеме дальнейшего развития событий, описанных в «Деяниях Суппилулиумы», оно стало результатом карательного похода, предпринятого хеттским царем ради мщения за сына; царь сообщает о разгроме египетского войска. Но те, кто относит историю с письмом царицы к периоду после смерти Тутанхамона, видят в этом эпизоде провокационный поход против Кадеша, вызвавший вторжение Суппилулиумы в долину Амки. Возможно, речь не идет ни о том, ни о другом. Из Азии ведут не военнопленных, а целые семьи — стариков, женщин и детей. В текстах гробницы, за исключением блока из коллекции графа Зизинии (Martin, 1989a, 80), хетты вообще не упоминаются; их нет и в толпе азиатов, изображенных на рельефе[297]. Вообще в известных сценах кушиты столь же многочисленны, как азиаты и «ливийцы». На внутренней поверхности стены, соединяющей девятый и десятый пилоны, мы видим хетта в конце вереницы пленников, приведенных к фиванской триаде Тутанхамоном, чье имя Хоремхеб заменил на свое. Толпа этих пленников обозначена как *Хау-Небут* — так называли неоднородное по составу население северной Дельты. Пленники на нижнем уровне — правители Речену, то есть ближайшей к Египту азиатской области (PM II, 183 (552); Urk. IV, 2126, 17–2127, 9). В обоих случаях они названы «побежден-

[295] TT 40, PM I, 75–78. — О наличии в царской гробнице типично африканских предметов см.: Пиотровский, 1969.

[296] См. выше, с. 473. Заявленная публикация У. Р. Джонсона.

[297] Martin, 1989a, 89, pls. 100, 105. — В работе Darnell, 1991, 113–118, доказывается отсутствие на этом рельефе хеттов, вопреки мнению Дж. Т. Мартина.

ными» (*ḫsj*/*xecu*). Это определение не относится к делегации из Пунта, подносящей свою продукцию (PM II, 183 (551); Urk. IV, 2127, 16–2128, 2).

Сцены в гробнице Хоремхеба, посвященные Нубии, могут показаться более жестокими, более свирепыми (Martin, 1989a, pl. 89–93), чем «азиатские». В Нубии правил влиятельный вице-король Аменхотеп Хеви[298], который навязывал свою волю местным князьям — например, Хеканеферу (Simpson, 1963a, и Harris, 1976, 24–25), князю Миама, бывшей нубийской Анибы, гробница которого в Тошке сравнима с гробницей самого вице-короля. Имя «Хеканефер» — по-египетски «добрый правитель» — могло быть египетским эпитетом, заменившим настоящее имя. Этот князь был воспитан в Египте, так как носил титул «отрок Капа»; он отправился вслед за вице-королем, когда тот поехал в Фивы, чтобы отчитаться перед царем о своем управлении. Вице-короля сопровождала и африканская царица в пышном наряде, взявшая с собой представителей знати, а также рабов и носильщиков для переноски африканских даров. Художник, расписывавший гробницу Хеви, передал все это с предельным этнографическим и психологическим правдоподобием[299]. Почти не вызывает сомнений, что здесь, как и в гробнице Хоремхеба, изображены реальные события, но когда и где они происходили, сказать трудно.

В целом тексты времен Тутанхамона содержат лишь географические названия знакомых нам областей за пределами Египта: Хентхеннефер, Куш и Пунт на юге, не до конца усмиренная Дельта и прилегающие к ней страны — Рехит, *Хау-Небут*, Фенеху и Речену — на севере[300].

Помимо военных предприятий имела место и государственная реформа. Этот аспект истории царствования освещают уже упомянутая «Реставрационная стела» и «Декрет Хоремхеба». Декрет согласуется с программой реформ «Реставрационной стелы», в которых Хоремхеб мог принять участие еще до восшествия на престол. Но может быть и так, что этот памятник составлен Тутанхамоном, а Хоремхеб лишь его узурпировал. «Реставрационная стела» касается только возмещения ущерба, нанесенного богам[301]; единственное указание на общественные преобразования — приказ о наборе жрецов, которыми отныне будут «дети чиновников данного города, сын известного человека, имя которого известно» (Urk. IV, 2029, 9–10). «Декрет Хоремхеба» (Kruchten, 1981) посвящен более конкретным вопросам и содержит детальную программу реформ, призванных улучшить положение населения и усовершенствовать администрацию. В частности, запрещаются незаконные реквизиции лодок и слуг у частных лиц; предусмотрено наказание судей за взяточничество; перечислены меры по организации дворцовой охраны; высшим должностным лицам предписано соблюдать нормы поведения. Конечно, здесь нет ничего, что было бы прямой реакцией против Амарнской эпохи; злоупотребления властью, о которых сообщается в декрете, имеют место при любом правлении.

---

[298] Habachi, LÄ III, 633, № 14. Хаи, сопровождавший вице-короля, вероятно, был тем самым кушитским князем, что изображен в Каве. См.: Morkot, 1991, 299.

[299] TT 40, PM I, 75–78; особенно (6). Хорошие иллюстрации: Vercoutter et al., 1976, fig. 23–27.

[300] Помимо приведенных выше источников см. также предметы C 88, 90, 582b из царской гробницы и Urk. IV, 2069, 20; 2070, 5.

[301] См. выше, с. 418. Так же обстоит дело и с другими стелами Тутанхамона: Urk. IV, 2033–2036. Эти стелы посвящены преимущественно религиозным делам, что оправдывает термин «контрреформа», который иногда используют для характеристики этого направления деятельности Тутанхамона.

Обнаружение почти нетронутой гробницы Тутанхамона[302] — исключительное событие в истории археологических раскопок в Египте. Сокровища гробницы[303] — источник уникальных сведений по искусству, религии и погребальным ритуалам, хотя об истории правления самого Тутанхамона они сообщают мало. В то же время это открытие породило много новых проблем. Наиболее распространено мнение о том, что гробница не предназначалась для Тутанхамона и что она не является царской: Эйе подготовил ее для себя, Тутанхамон же собирался соорудить свою гробницу возле гробницы Аменхотепа III в западной части Долины царей. После его преждевременной кончины выбрали ту гробницу, работы в которой были близки к завершению, а Эйе взял себе гробницу на западе Долины царей[304]. Такая интерпретация возможна, но слишком сложна и в конечном счете маловероятна. Основной интерес с исторической точки зрения представляет количество предметов, принадлежащих предыдущим царям, особенно тех, которые относятся к Амарнскому периоду.

Не были подвергнуты проклятию ни имя Атона, которое встречается нередко, ни имя самого Эхнатона. В гробницу Тутанхамона попало немало предметов с именем Эхнатона, а некоторые вещи из нее принадлежали двум его дочерям — царевнам Меритатон (C 262 и 620 (13)) и Мекетатон (MMA 26.7.1295), но нет ни одного артефакта с именем Нефертити (тем не менее см. выше, с. 456). Есть несколько предметов с именами Тутмоса III, а также Аменхотепа III и Тийи, но эти вещи были использованы скорее как погребальная утварь, чем как объекты, связанные с семейной памятью[305]. Две важные особы положили в гробницы предметы лично от себя: казначей Майя и военачальник Нахтмин[306]. Нет артефактов с именем Хоремхеба (Harris, 1992, 55–56), а также ничего, что могло бы пролить свет на проблему установления родителей царя; широко представлена только супруга Тутанхамона — очевидно, это отчасти связано с ролью, которую она играла в погребальном ритуале (Eaton-Krauss, Graefe, 1985; см. также рецензию на эту книгу в CdE 66, 1991, 181–184; Vandersleyen, 1990a). Наиболее многочисленны предметы из погребальной утвари Анххепрура, в том числе те, что были переделаны впоследствии для Тутанхамона, ради чего имена на них были изменены. Таким образом, одного усопшего лишили погребальной утвари в пользу другого: на саркофагах для внутренностей и золотых лентах, опутывающих мумию, еще различимы имена Анххепрура. Многие другие предметы и сооружения также использовались вторично, даже если первоначальное имя на них прочитывается не всегда — это пекторали, канопы, некоторые часовни вокруг саркофага, а также, возможно, второй

---

[302] Р. Краус (Krauss, 1986b) полагает, что гробница осталась нетронутой, хотя еще Г. Картер пытался доказать обратное. Дж. Харрис (Harris, 1992, 55) придерживается версии Г. Картера. В работе Drenkhahn, 1983, беспорядок в гробнице объясняется переносом предметов погребального инвентаря из гробницы Эйе.

[303] Все находки из гробницы систематически публикуются в серии «Tutʿankhamun's Tomb Series» (отв. редактор: John R. Harris). См.: PM I, 569–586; Beinlich, Saleh, 1989, XIII–XIV.

[304] О различных гипотезах: Vandersleyen, 1982; Tawfik, 1984. Оба автора считают, что гробница была сооружена для Тутанхамона, но многие в этом сомневаются, см.: Drenkhahn, 1983; Robins, 1984b, 28.

[305] Harris, 1992, 56, 62. О палетке Мекетатон, хранящейся в Нью-Йорке: ibid., 57. Крышка C 54 hh, на которой изображен маленький мальчик и которая содержит имя Нефернефрура без титула и детерминатива, вероятно, не принадлежала царевне, носившей то же имя (ibid., 56).

[306] Имена визиря Пенту и писца Джехутимоса также встречаются на предметах из их гробницы; см.: Harris, 1992, 55.

саркофаг и саркофаг основной[307]. Это позволяет считать, что царя всегда снабжали многочисленной утварью и, несмотря на малый размер гробницы, она должна была содержать все необходимое.

Своей простотой гробница Тутанхамона — сама гробница, а не ее содержимое — выделяется на фоне огромных и величественных гробниц его подчиненных: военачальника Хоремхеба[308], начальника казны и всех работ Майя в Саккара (Van Dijk, 1990), вице-короля Куша Хеви в Фивах. Все эти сооружения прославляют их владельцев, но при этом всегда подчеркиваются их верноподданические чувства по отношению к фараону. Известны и другие вельможи: визири Ментуусер и Пенту (Habachi, 1979b), правитель Тиниса Себа (Bourriau, 1988b).

В царствование Тутанхамона начинается период, который принято называть постамарнским. Искусство этой эпохи сохраняет многие оригинальные черты времен Эхнатона. Чрезвычайная привлекательность этой эпохи вызвана стремлением к отражению подлинных деталей, к реалистичности, почти натуралистичности, но без непомерных искажений, характерных для амарнского стиля; лица персонажей обретают выражение уверенности и погруженности в себя. С началом эпохи Рамессидов амарнское влияние постепенно угасает[309]. Последними его признаками были морщины на шее и дырка на мочке уха, которые еще заметны на масках и саркофагах фараона Псусеннеса и его преемников в Танисе.

ЭЙЕ. Ок. 1329–1325 или 1318–1314 годов до н. э.

Преемник Тутанхамона[310] к моменту воцарения обладал богатой биографией и, очевидно, был немолод — но, по иронии судьбы, на погребальной церемонии он играл роль «сына» покойного фараона, не прожившего и двадцати лет[311]. Главный титул Эйе — «отец бога», или «божественный отец», — был настолько важен для него, что, став царем, он непременно включал его во второй картуш. Древнейший памятник, содержащий данные об этом человеке, — это гробница, которую он велел вырубить в эль-Амарне (№ 25) (Davies, 1908, VI, 16–24); вероятно, она затмила бы своим великолепием прочие усыпальницы некрополя, однако осталась незавершенной. Форма имен Атона указывает на то, что отделка гробницы велась до второго изменения имени бога между 8-м и 12-м годами царствования (Gabolde M., 1992a, 17). Уже тогда Эйе обладал всеми своими главными титулами: «носитель опахала справа от царя, конюший Его

[307] Harris, 1992. — Как доказала М. Итон-Краус (Eaton-Krauss, 1992) саркофаг был переделан. Он оказался слишком маленьким для трех гробов, поэтому пришлось уменьшить ножки первого из них, чтобы положить гранитную крышку; см.: Engelbach, 1940, 142. Об этих узурпациях см. также: Vandersleyen, 1992a.

[308] О гробнице Хоремхеба см. ниже, с. 433, и выше, с. 419.

[309] От решетки пропорций в 20 квадратов, характерной исключительно для Амарнского периода, отказались. При Сети I вернулись к решетке в 18 квадратов: Robins, 1984b.

[310] Von Beckerath, LÄ I, 1211–1212; Schaden, 1978; Gabolde M., 1992a.

[311] Церемония представлена в гробнице Тутанхамона, PM I, 570 (8) 1. В справочнике Портер-Мосс (PM) сцены 2 и 3 ошибочно приписаны Эйе, хотя там изображен Тутанхамон.

Величества, истинный писец царя, отец бога». Его супруга Тийя была «фавориткой прекрасного бога и кормилицей старшей царской жены Нефернефруатон Нефертити», а Нефертити сама имела детей к моменту воцарения Эхнатона; следовательно, Эйе и Тийя были взрослыми уже в середине царствования Аменхотепа III. Тийя к тому же носила титул «украшение царя», и царем этим мог быть только Аменхотеп III.

К моменту кончины Тутанхамона этой семейной паре было 60–70 лет[312]. Если принимать версию об одиннадцатилетнем соправлении Аменхотепа III и Аменхотепа IV, получается, что Тийя родилась при Тутмосе IV, а значит, она вполне могла быть современницей другой Тийи, жены Аменхотепа III, — их имена почти совпадают[313].

Один из редких памятников царя Эйе за пределами Фив находится в эс-Саламуни, к северу от Ахмима (Kuhlmann, 1979, 1982, 1983, 22, 82; Gabolde M., 1992a, 45–52). Это пещерный храм, надписи в котором, в отличие от большинства других памятников времен Эйе, не подверглись в древности никакому осквернению. Из одной длинной, но почти стершейся надписи мы узнаем, что Эйе повелел начать работы в «городе его отца Мина», то есть в Ахмиме, и доверил руководство ими архитектору Нахтмину. Этот последний являлся «начальником двойного зернохранилища всех богов региона Хенти-Мин, главным жрецом Мина и Исиды в Ипу (то есть Ахмиме)», а также архитектором «храма миллионов лет» царя в левобережных Фивах (Hari, 1975; об источниках в целом см.: Gabolde M., 1992a, 208–218). Высокое положение, занимаемое выходцем из Ахмима, и важность, придававшаяся этой области, наводят на мысль о том, что между этим городом и Эйе существовала особая связь. Последнее подтверждается двумя надписями. Первая сделана на пьедестале сфинкса дромоса в Карнаке, между десятым пилоном и храмом Мут, где Эйе, поверх чьего имени Хоремхеб начертал свое, назван «сыном Мина, рожденным Исидой»[314]. Вторая надпись обнаружена в гробнице Неферхотепа в Фивах (TT 49). Сам он был служителем культа Амона, но в хвалебных речах и обетах, с которыми знатные особы обращаются к царю Эйе по случаю оказания Неферхотепу царских милостей, они просят Амона возвести Эйе «навечно (на?) трон его отца, и пусть он восседает там так же долго, сколько пребывает бог Мин в Ахмиме»[315]. Все эти совпадения в разных источниках заставляют предположить, что Эйе был родом из этого города (ср.: Kuhlmann, 1979, 187: против этой гипотезы). Тийя, супруга Аменхотепа III, по всей видимости, родилась там же, в Ахмиме, а ее имя очень похоже на имя жены Эйе, кормилицы и воспитательницы Нефертити. Поэтому можно допустить, что все они принадлежали к одной большой семье, но доказать это невозможно[316].

---

[312] Если допустить, что Тийе, когда она была кормилицей Нефертити, было 15–20 лет и что Нефертити в том же возрасте стала царицей, то к этому моменту Тийе должно было быть 30 или 40 лет. Сюда следует прибавить как минимум 17 лет царствования Эхнатона и 10 лет — Тутанхамона.

[313] Имя царицы Тийи всегда заканчивается двойной косой чертой (знак Gardiner Z 4), а Тийи — супруги Эйе — никогда.

[314] Ж. Ф. Шампольон (Champollion, ND II, 175), который еще видел эти слова, приписывал их царю, велевшему изваять сфинксов, но о личности царя он ничего не сообщает. Доказательство того, что автором самых ранних надписей был Эйе, приведено в работе Eaton-Krauss, Murnane, 32–33.

[315] PM I, 92 (7); Davies, 1933b, pl. 9; перевод: Gabolde M., 1992a, 196. Ящик Берлин 17555, который был изготовлен перед коронацией Эйе, приобретен в Ахмиме, но происходит, по словам продавца, из Туна эль-Гебель (Musée Berlin 1967, 56, № 583; Urk. IV, 2002; Schaden, 1978, 88–93).

[316] Иуйя и Туйу были, возможно, родственниками не только Тийи, супруги Аменхотепа III, и Аанена, но и Эйе (Aldred, 1957b, 30–41). Титул «отец бога» был в свое время истолкован как «тесть царя» и, таким образом, Эйе оказался отцом Нефертити (Borchardt, 1905).

При Эхнатоне Эйе и его жена, несомненно, занимали высокое положение: оба получили от царя почетные золотые ожерелья. Они были приверженцами идей Эхнатона: именно в их гробнице сохранилась наиболее полная версия гимна Атону. Судя по надписи, Эйе декламировал гимн, но нет никаких оснований считать его автором этого знаменитого текста. Тот факт, что гробница осталась незавершенной — впрочем, как и все гробницы в эль-Амарне, — и что работы прекратились до событий 8–12 лет правления Эхнатона, очевидно, связан с неясными до сих пор обстоятельствами второй половины царствования Эхнатона, а не с опалой Эйе.

При Тутанхамоне мы видим Эйе рядом с царем, причем он всегда с опахалом, словно ангел-хранитель фараона-ребенка, царствованию которого угрожает множество опасностей. После кончины юного царя Эйе начал сооружать свою гробницу и возводить храм в память о подопечном, где их имена располагаются тоже рядом. Здесь начинаются бесконечные домыслы относительно реальной роли Эйе и его намерений. Был ли для него Тутанхамон и в самом деле любимым питомцем, чьих ближайших родственников-царей он знал и к которому на старости лет был настолько привязан, что унаследовал его трон, стал опекуном молодой вдовы и продолжил его дело? Или, напротив, этот старый честолюбец сделал ребенка инструментом, чтобы добиться власти, которую после смерти Тутанхамона он захватил? Опьяненный жаждой власти, этот человек темного происхождения вводит в картуш со своим именем титул «отец бога», а тронное имя составляет, копируя элементы имен Эхнатона и Тутанхамона[317], причем во второй картуш даже добавляет титул «бог — правитель Фив» (Urk. IV, 2106–2109), который до него носили Аменхотеп II и Эхнатон. Те, кто видят в Анхесенамон ту самую царицу, что просила супруга у хеттского царя (см. выше, с. 406–409), полагают также, что именно Эйе был инициатором убийства будущего соперника. Но обладала ли Анхесенамон достаточной независимостью — например, в отношениях с тем же Эйе — и силой характера, чтобы решиться на столь необычный поступок? Предположение, будто Эйе был женат (помимо Тийи?) на юной Анхесенамон, подкрепляется лишь кольцом из голубого фаянса, на котором картуш юной царицы соединен с картушем Хеперхепрура (Эйе)[318], и идеей о том, что брак с принцессой крови дает право на трон — ныне решительно отвергнутой. В целом образ Эйе выглядит скорее положительным: после воцарения он решил почтить память Тутанхамона[319].

Эйе продолжил работы по украшению фасада луксорского храма, прерванные после кончины Аменхотепа III; Тутанхамон успел довести до конца только отделку большой колоннады и стены (Johnson W. R., 1990, 29–30). На левом берегу, точно к северу от храма в Мединет-Абу, Эйе велел возвести свой заупокойный храм: девять обнаруженных закладов в фундамент доказывают, что именно он был инициатором

[317] Тронное имя Эйе — Хеперхепрура; Эхнатона и Тутанхамона — Неферхепрура и Небхепрура соответственно. Хоремхеб использовал ту же модель с элементами *–хепру-ра*, взяв имя Джосерхепрура, напоминающее эпитет Сменхкара — Джосерхепру.

[318] Berlin 1920; Urk. IV, 2108, № 817; Jaeger, 1984c, 127–128 (7). Других свидетельств о царице Анхесенамон после смерти Тутанхамона, кроме этого кольца, не сохранилось.

[319] Существуют многочисленные доказательства того, что Эйе продолжил начинания Тутанхамона и чтил память юного царя: Eaton-Krauss, Murnane, 1991, 33–34. Скорее всего, определяющей чертой его характера была доброжелательность, а не амбициозность. Нет никаких свидетельств узурпации Эйе памятников Тутанхамона, см.: Eaton-Krauss, Murnane, 1991, 32–33.

этого строительства[320]. Этот храм, изначально средний по размеру, впоследствии расширил Хоремхеб и присвоил его себе. В нем обнаружены две стоящие статуи-колосса[321] и две сидящие такой же величины[322]. На двух первых угадываюся черты лица Тутанхамона. Имя Хоремхеба, которое ныне можно видеть на поясной пряжке этих колоссов, высечено поверх имени Эйе, но это не доказывает, что статуи были созданы для последнего. В момент внезапной кончины Тутанхамона статуи находились в работе или даже были закончены, но надписи на них еще не были нанесены — и это сделает Эйе[323]. Помимо четырех вышеназванных статуй этим царствованием датировали множество голов, которые по стилю относятся к концу XVIII династии. Наиболее правдоподобной представляется атрибуция головы пожилого человека, чей парик немного подтесали, чтобы выточить выдающийся вперед *урей*[324].

Точными сведениями о мирных контактах или конфликтах Египта с Азией и Нубией мы не располагаем. Две стены, сложенные из талататов, взятых из храма Эхнатона, украшены рельефными сценами, изображающими войну против азиатов. Возможно, эти стены — все, что осталось от памятника, сооруженного Эйе в честь Тутанхамона. Неясно, были ли такие сцены данью традиции, или же они воспроизводят реальные события. Центральной фигурой на обоих рельефах является Тутанхамон, и события должны были происходить в его царствование, хотя Эйе и мог принимать в них участие[325].

Вице-королем Нубии при Эйе был Пасер[326], сын вице-короля Хеви, занимавшего эту должность при Тутанхамоне; женой Пасера была Таэмуаджси, настоятельница затворниц Амона. Ваза с ее именем найдена в гробнице Хевиа и Туйи (Каир CG 51083; PM I, 564), что свидетельствует о наличии определенных отношений, если не о семейных связях с ними. Кроме двух Нахтминов, о которых говорилось выше, и Пасера еще два современника Эйе известны по их статуям: Ибеб, верховный жрец Мендесского барана (Лувр E 25429; Vandier, 1968b; Gabolde M., 1992, 233–235, doc. 183), и тезка царя, которого С. Сонерон во избежание путаницы назвал Ийе (Sauneron, 1968b, 66–78). Последний явно был связан с царской семьей, являясь вторым жрецом-пророком Амона и первым жрецом-пророком Мут, а также управляющим (царицы) Тийи во владении Амона. Его родителями были Нахтмин и Мутемнебу, сестра старшей царской жены, носившая титул «украшение царя». Так как на левом плече ее статуи высечен картуш Эйе, старшей царской женой должна была быть его супруга Тийя. Последним известным носителем титула второго жреца-пророка Амона до Амарнской

---

[320] PM II, 459. Руководителем работ был Нахтмин; см. выше, с. 424.

[321] Каир JE 59869, Musée de Caire 1986, № 173; Чикаго 14088; PM II, 458 (c) и (d).

[322] Одна статуя находится в Каире (инвентарный номер неизвестен), другая — в Берлине (Берлин 1479); один фрагмент хранится в Бостоне (Бостон MFA 50.3789). Об этих статуях см.: PM II, 458 (a) и (b).

[323] Так же считал и Р. Энгельбах (Engelbach, 1940, 141). См. статуи Аменхотепа III в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, надписи на которых были высечены уже при Мернептахе и содержат титулатуру этого фараона: Aldred, 1955–1956.

[324] Каир JE 37930, Gilbert, 1941; M. Muller, 1988, IV, 102–104, pl. 31a. — Сложная иконография Эйе на данный момент плохо изучена; см.: Ertman, 1981. Эталонный портрет фараона — рельеф из его гробницы, хорошо передающий его характерные черты: Davies, 1908, VI, pl. 38; Vandersleyen, 1975, 24.

[325] Классификации блоков с полным описанием памятника посвящен труд Р. Джонсона; см.: Eaton-Krauss, 1988, 6–7.

[326] Habachi, LÄ III, 633, № 15; PM VII, 122; Dewachter, 1979, 317–320.

эпохи был Аанен, брат царицы Тийи; вполне вероятно, что эту должность получали члены одного семейства. Личное имя часто переходило от деда к внуку, поэтому можно предположить, что Ийе был внуком Эйе, причем имя его отца Нахтмина, который не обладал никакими титулами, выдает в нем уроженца Ахмима, хотя статуя Ийе происходит из Сумену. Сам фараон Эйе не оставил сведений ни о своих предках, ни о своих потомках[327].

Царствование Эйе было коротким, Самая ранняя дата его правления — 4-й год, первый день 4-го месяца *ахет*[328]; манефоновские списки хранят память обо одном из последних царей XVIII династии, который правил 4 года и один месяц (*согласно Иосифу Флавию*) и которого считают, явно ошибочно, Хоремхебом. Таким образом, Эйе, скорее всего, правил около пяти лет (Manetho, 108–109, 14).

Судя по тому, как вел себя Хоремхеб, заняв трон после Эйе, можно заключить, что эти четыре года не были безоблачными. Храм в Карнаке, возведенный Эйе в память о юном царе, содержал титулатуры обоих. Но титулатура Тутанхамона везде сохранилась, тогда как почти все имена Эйе уничтожили, подготовив место для новых надписей (Schaden, 1984, 46–48; Eaton-Krauss, 1988, 4–5, 10–11). Это могли сделать только по приказу Хоремхеба, так как блоки были затем спрятаны во втором пилоне, строительство которого начал именно он. Итак, Хоремхеб — по крайней мере в начале своего царствования — чтил память Тутанхамона, при котором он достиг высокого положения, став ближайшим помощником царя, настоящим регентом. Все шло к тому, что Хоремхеб должен был унаследовать трон, но этого не случилось. Во время короткого правления Эйе Хоремхеба, видимо, отстранили от дел. Его место занял другой военачальник, Нахтмин (Helck, LÄ IV, 371–372), тезка начальника царских работ, который, возможно, также являлся уроженцем Ахмима[329]. Прекрасная статуя военачальника с супругой (Каир CG 779 A и B, Saleh, Sourouzian, 1986, № 195–196) была изуродована и разбита. Это жестокое преследование памяти Нахтмина было, вероятно, одним из проявлений damnatio memoriae, которому при Хоремхебе подвергся его предшественник на троне вместе со своим военачальником.

Учитывая возраст Эйе, смерть его не обязательно была следствием кровавого переворота. Он приказал вырубить для себя гробницу в западной части Долины царей (№ 23) (PM I, 550–551; Romer, 1991, 81–83; Reeves, 1990b, 70–72). Оформление ее, как и гробницы Тутанхамона, выглядит очень неожиданным. Еще более ранний пример — скальная гробница Эхнатона, сильно поврежденная, где сцены также сильно отличались от тех, что мы видим в гробницах его предшественников. В художественном оформлении гробницы Эйе прослеживается связь с амарнским стилем, своеобразным и натуралистичным (Piankoff, 1958). При Хоремхебе форма и содержание постепенно становятся традиционными.

---

[327] Пример ничем не подкрепленных рассуждений на эту тему: Bongrani-Fanfoni, 1980.

[328] Стела Нахтмина: Берлин 2074; Urk. IV, 2110, 13; M. Gabolde, 1992a, doc. 172. Есть и другие датированные источники времен правления Эйе: от первого года — надпись в храме Птаха в Карнаке, PM II, 200 (18); Urk. IV, 2132; как считает М. Габольд (M. Gabolde, 1992a, 104, doc. 25), узурпированная Хоремхебом; от 2-го года с датой реставрации статуи павиана времен Аменхотепа III в эль-Ашмунейне (Bailey et al., 1982, 7, pl. 26a); от 3-го года — царская стела в Гизе с датировкой: 3-й месяц *шему*, 2-й день (Каир CG 34187, Urk. IV, 2109, 8).

[329] Помимо имени косвенным доказательством может служить то, что его мать Иуи поклонялась Мину и была певицей богини Исиды (Urk. IV, 1910, 6). См.: Dewachter, 1979, 317.

В отличие от гробницы его предшественника, усыпальница Эйе была разграблена, а имя и изображения царя — методично уничтожены. Удивительно, что гробница Эйе так сильно разрушена, тогда как гробница Тутанхамона осталась нетронутой. Это заставляет вспомнить об архитравах мемориального храма в Карнаке, где имена Тутанхамона сохранены, а имена Эйе стерты. Несомненно, и в этом случае именно Хоремхеб явился инициатором разрушений. По одной из версий, мумию Эйе сначала не тронули: лишь значительно позднее, когда в конце XX династии предпринимались меры по обеспечению сохранности царских мумий, она была извлечена из гробницы и перенесена в главную часть Долины царей. Фрагменты погребальной утвари царя Эйе обнаружены в гробнице № 58 Долины царей, и не исключено, что его мумия была спрятана в гробнице Хоремхеба. Так как среди царских мумий, найденных в тайниках, не найдено тел Хоремхеба и его предшественника, они могли находиться в гробнице Хоремхеба: там обнаружено множество тел, которые невозможно идентифицировать по причине отсутствия необходимых критериев (Reeves, 1990b, 78, 246; Romer, 1991, 295–296; M. Gabolde, 1992, 122, n. 258). Впрочем, возможно, тело Эйе вообще не поместили в его гробницу, ибо нет случаев, чтобы царские гробницы вскрывали ради уничтожения памяти об усопшем государе. Изуродовать изображения и стереть имена царя и его жены могли только до того, как гробницу стали использовать по назначению. Что, если мумию Эйе вернули на его родину, в Ахмим, где ученым еще предстоит найти настоящую гробницу этого царя? (Gabolde M., 1992a, 299, 301, и n. 590).

Глава IV
КОНЕЦ XVIII ДИНАСТИИ: ХОРЕМХЕБ. ? – ок. 1292 года до н. э.

ХОРЕМХЕБ ДО ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ

После смерти Эхнатона, не оставившего наследника, на трон взошла царица — ситуация, характерная для последнего периода существования династии. Попытка дать новую жизнь царскому роду путем возведения на трон Тутанхамона провалилась: он также не оставил мужского потомства. Соединение имен Эйе и Анхесенамон — возможно, последнее свидетельство усилий, предпринятых ради утверждения прав династической линии Эхнатона. После смерти Эйе власть захватил Хоремхеб[330]. Рамессиды поддерживали культ Хоремхеба — знак того, что он считался основателем новой династии (Philips, 1977; Martin G., 1989a, 72–73; отмечено еще Дж. Г. Брестедом: Breasted, AR III). Действительно, переход от одной династии к другой произошел именно при Хоремхебе, а не позднее.

Хоремхеб начал военную карьеру, вероятно, при Эхнатоне, хотя об этом нет никаких сведе-

[330] Hari, 1964; Hornung, 1971a; Beckerath von, LÄ II, 962–964; Redford, 1984, 219–231; Martin G., 1989a, 161–165. — О чтении имени см.: Kruchten, 1979.

ний[331]. До восшествия на престол он был женат на Мутнеджемет, которая являлась его второй женой. Предполагали, что Мутнеджемет — сестра Нефертити, изображенная во многих гробницах эль-Амарны, но это спорно[332]. Так или иначе, она скончалась раньше супруга и была похоронена в Саккара (мнения: Martin, 1989a, 276; Strouhal, 1982). Никаких сведений о своих предках Хоремхеб не оставил. При Тутанхамоне он становится высокопоставленным вельможей, но на деле власть принадлежала Эйе, которого поддерживал его земляк, военачальник Нахтмин.

Это объясняет, почему после кончины Эйе Хоремхеб старательно уничтожал следы царствования своего предшественника и с особым ожесточением истреблял память о Нахтмине, оттеснившем его от власти на несколько лет (Gabolde M., 1987, 35–61; Helck, 1981d, 214).

ЦАРЬ ХОРЕМХЕБ

Коронация Хоремхеба состоялась во время праздника Опет во дворце, расположенном неподалеку от луксорского храма (Bell L., 1985a, 273).

Военная карьера Хоремхеба закончилась, когда он, наконец, взошел на престол. Ему оставалось только свести счеты с прошлым. Хоремхеб не вел никаких военных действий[333], а следовательно, столкновения с хеттским царем Суппилулиумой имели место еще до кончины Тутанхамона[334].

Став царем, Хоремхеб не только перестроил собственную гробницу в Саккара соответственно своему новому положению, украсив большинство своих изображений уреем[335], но и вырубил еще одну — в Долине царей (PM I, 567–569, № 57; Hornung, 1971a). Гробница Хоремхеба представляет собой образец нового стиля в оформлении гробниц Долины царей. Его эволюция прервалась после переноса столицы в эль-Амарну. Гробницы Тутанхамона и Эйе из-за своих скромных размеров и необычного художественного оформления выбиваются из общего ряда. Гробница же Хорем-

---

[331] Против предположения Р. Ари о том, что Хоремхеб ранее носил имя Паатонемхеб, см.: Beckerath von, LÄ II, 963 и n. 3; Martin, 1989a, 161.

[332] В пользу этой гипотезы: Hari, 1964, 171 (он посвящает этой царице значительную часть своего исследования); Id., 1976. Против этой гипотезы или с сомнениями в ней: Helck, 1973a, 251–253; von Beckerath, LÄ II, 963.

[333] Иногда ему приписывают организацию беспорядков в хеттских владениях при Мурсили II. См.: Del Monte, 1985, о договоре взаимопомощи между Мурсили и Туппи-Тешупом, царем Амурру.

[334] На одном жертвеннике для возлияний первый победоносный поход царя из Библа в Каркемиш четко датируется 16-м годом. Текст содержит обращение к Птаху, Астарте, дочери Птаха Анат, Решефу и богине Кадеш как покровителям начальника конницы владыки двух земель Сеннефера (Redford, 1973a; Redford, 1973d; Redford, 1983b, 363–364, n. 3). Подлинность памятника была оспорена: Yoyotte, 1981a, 44. Сомнения Ж. Юайотта разделили и другие ученые: Wente, Van Siclen, Spalinger, von Beckerath, Hornung (Yoyotte, 1981a, n. 24). Текст на жертвеннике приведен также в работе: Helck, 1975a, № 153. Выражение «страна (*tꜣ/ma*) побежденного (*ḫsj/xecu*) князя Каркемиша» выглядит подозрительно. Следовало бы ожидать слово *ḫꜣst/xacem*, а не *tꜣ/ma*; эпитет *ḫsj/xecu* используется только для обозначения стран, действительно побежденных Египтом (Bryan, 1990, 338).

[335] По мнению Дж. Т. Мартина (Martin, 1989a, 73), это могло быть сделано при Рамессидах.

хеба достигает более 100 метров в длину. Ее отделка, до конца не завершенная, была невиданной по размаху. Это первая гробница, украшенная и живописными, и рельефными сценами, что станет главной приметой всех царских гробницах Рамессидов. По яркости красок и утонченности рельефа искусство в гробнице Хоремхеба достигнет совершенства, какого мы не увидим впоследствии нигде, даже в гробнице Сети I. По оценке Э.Хорнунга, «Хоремхеб оживил техническое совершенство рельефов времен Аменхотепа III насыщенной чувственностью искусства Амарны» (Hornung, 1971a, 27). Значительно изменилась и тематика художественных сцен в гробницах[336].

В своей гробнице в Саккара Хоремхеб заменил своими именами старые картуши Тутанхамона[337]; впрочем, он планомерно узурпировал все памятники юного царя. Возможно, его кампания по переписыванию истории была вполне справедливой. Достойно прослужив юному царю, наследие которого присвоил Эйе, Хоремхеб напоминает, что именно он, Хоремхеб[338], и никто иной, на деле правил страной, состоя при священной особе фараона. Об этом он открыто говорит в коронационной надписи (Hari, 1964, 210–211). Однако, восстанавливая справедливость, он зашел слишком далеко, заменив имя Тутанхамона на его статуях своим собственным. В результате он почти полностью уничтожил память о правлении Тутанхамона и его преемника Эйе[339].

Главной загадкой царствования Хоремхеба является его длительность[340]. Долгое время самой ранней из известных считалась дата иератического граффито, оставленного в гробнице Тутмоса IV во время инспекционного смотра памятника начальником работ Майя на 8-м году правления Хоремхеба (Urk. IV, 2170–2171). Надпись от 13-го года была обнаружена в его гробнице в Саккара (Martin, 1979a, 15), и эта дата подтверждается граффито из гробницы № 161 фиванского некрополя, датированным 12-м годом, 2-м месяцем *шему*, 16-м днем (Quirke, 1986a, 85, № 5). Долгое время в литературе встречались еще две даты, относящиеся к правлению Хоремхеба, — 27-й и 59-й годы, но обе остаются под вопросом.

Первая содержится в краткой иератической пометке на фрагменте статуи из заупокойного храма царя: «27-й год, первый месяц *шему*, 9-й день: день, когда вошел царь Хоремхеб (жив — невредим — здоров), возлюбленный Амоном…» (Hölscher, 1939, 107 (Anthes), fig. 90, pl. 51c). Считалось, что это дата установки статуи в храме, то есть данная надпись административного характера была сделана на еще целой статуе. Между тем такая «отметка о доставке» на целой статуе выглядит нелепо, и странно, что целиком, каким-то чудом, сохранился именно содержащий ее фрагмент.

---

[336] «Книга Амдуат», единственный до того времени мифологический текст царских гробниц, при Хоремхебе был заменен на «Книгу врат»: Hornung, 1971a, 30.

[337] Вероятно, вместо имени Анхесенамон Хоремхеб вписал имя своей супруги Мутнеджемет, но картуш, который должен был сопровождать изображение царицы, не сохранился: Martin, 1989a, pl. 108.

[338] О значении личности Хоремхеба в глазах последующих поколений: Maystre, 1977, 307.

[339] Количество фрагментов статуй Тутанхамона поразительно велико, целые же статуи были узурпированы Хоремхебом. Возможно, в этом деле Хоремхеб проявил больше пыла, чем полагает Р. Ари, который считает его в целом терпимым и миролюбивым.

[340] Прекрасное изложение проблемы, подробное и с разумными выводами (Beckerath von, 1978), было сделано до обнаружения новейших источников.

Скорее всего, этот обломок послужил остраконом, материалом для письма. Если текст граффито не имеет отношения к статуе, что наиболее вероятно, речь может идти о входе царя в гробницу, то есть о дате погребения (Hornung, 1971a, 70). Таким образом, в источниках образуется 14-летний вакуум между последним годом царствования и предыдущей известной нам датой. Те, кто считают такую лакуну невозможной, соотносят дату граффито с посмертным культом (Helck, 1983b, 47–48). Однако отсутствие памятников не является достаточным доводом: мы уже сталкивались с молчанием источников при Аменхотепе III. Итак, не исключено, что Хоремхеб царствовал 27 лет.

Дата «59-й год» встречается в надписи Меса о тяжбе, которую он вел при Рамсесе II (Gardiner, 1905, 97, n. 2; о гробнице в целом см. Gaballa, 1977). Она указана в документе, процитированном в ходе этой тяжбы: «В год 59-й его Величества царя Верхнего и Нижнего Египта Хоремхеба». Обычно такую солидную цифру объясняют следующим образом: при Рамсесе II амарнские цари считались еретиками, их имена в царских списках опускались, а годы их правления приписывались к царствованию Хоремхеба. Вычтя из этих 59 лет годы правления Эхнатона, Анххепрура, Тутанхамона и Эйе, то есть около 35 лет, мы получим приблизительно 24 года царствования Хоремхеба (Hornung, 1971a, 19). Конечно, это свидетельство уникально и не имеет параллелей, но нет никаких видимых оснований его отвергать. Однако некоторые ученые придерживаются версии о непродолжительном царствовании Хоремхеба[341]. В пользу нее свидетельствуют реальные источники, хотя выглядят они загадочно.

Как всегда, опасно доказывать что-то исходя из факта молчания источников. Став царем, Хоремхеб прекратил активную деятельность. Отныне он безмятежно царствовал в стране, которую «божественная власть» просто забросила. Царь управляет страной безмолвно. Его желание продолжить реформы отражено в его имени Хора: «Тот, чьи планы успешны» (Hornung, 1971b, 49, 50). Не оказались ли мы жертвами расхожего представления о том, что у счастливых народов нет истории? Узурпируя и разрушая, Хоремхеб бесцеремонно записывал на свой счет все то, что совершили два его предшественника, на чье царствование пришлись его лучшие годы; он лишь возвращал принадлежавшее ему. Вполне возможно — в этом твердо убежден Р. Ари, — что Хоремхеб не испытывал неприязни к Эхнатону. Разборка и повторное использование талататов не обязательно свидетельствуют о ненависти к памяти Эхнатона[342]. Хоремхеб не был фанатичным поборником культа Амона — в правах были восстановлены все боги. Хоремхеб ненавидел одного только Эйе, а узурпация памятников Тутанхамона могла быть вызвана лишь желанием вернуть Хоремхебу то, что ему подобало, так сказать, кесарю кесарево, и не говорит о неприязни к этому фараону.

Помимо сооружения скального храма (спеоса) в Силсиле, а также работ в Ашмунейне (Spencer, Bailey, 1986, 17; Spencer, 1989, 48) и в Телль эд-Дабе (Аварисе) (Bietak,

---

[341] Helck, 1983b, 48; Harris, 1968. — Основной аргумент сторонников версии о недолгосрочности царствования звучит так: карьера некоторых лиц окажется необычно длинной, если считать, что Хоремхеб царствовал 27 лет. См.: Hornung, 1967b, 12–13.

[342] Д. Редфорд (Redford, 1981, 257) в подробностях восстановил хронику постепенного разрушения Гемпаатона. Колоссальные статуи были опрокинуты лицом вниз, но никаких следов целенаправленного уничтожения на их лицах, оставшихся почти нетронутыми, нет.

1985a, 271) заслугой Хоремхеба стало возобновление строительства карнакского храма, а именно начальные меры по возведению второго и девятого пилонов и продолжение строительства десятого[343]. Возможно, именно он задумал большой гипостильный зал. Созданные в этот период рельефы фриза второго пилона и особенно рельефы ворот десятого пилона, высеченные из розового гранита и еще несущие следы амарнской чувственности, отличаются редкостным совершенством (Schwaller, 1982, pl. 416–419).

Гробница, которую Хоремхеб повелел соорудить в Саккара, исключительна по размерам и внутреннему великолепию (см. выше, с. 421). Перечень титулов и прославление Хоремхебом самого себя наводят на мысль о том, что он считал себя регентом государства (*jrj-pˁt/upu-nam*)[344], представителем царя (*jdnw*/*идену*), когда тот подростком находился под опекой Эйе. На церемонии погребения верховного жреца Птаха в Мемфисе — Птахемхета, прозванного Ти, — Хоремхеб возглавляет процессию, следуя впереди двух визирей, за которыми шествует группа вельмож[345]. Возможно, при Тутанхамоне Хоремхеб действительно обладал реальной властью или по крайней мере считал, что обладает ею, восшествие же на престол Эйе застало его врасплох. Изображение в гробнице Тутанхамона Эйе, справляющего культ своего предшественника, который стал Осирисом, не имеет аналогов в царских гробницах. Возможно, эта сцена является отражением переворота, вследствие которого Хоремхеб на время лишился власти. Никаких упоминаний о нем в гробнице Тутанхамона нет[346].

Образцы круглой скульптуры, воплощающие образ Хоремхеба, крайне немногочисленны. Наиболее известна статуя, представляющая его как писца, — она относится еще к тому времени, когда он состоял на службе у Тутанхамона, и выполнена в том же духе, что и множество других статуй чиновников, появившихся на исторической сцене в ту эпоху (Нью-Йорк, Музей Метрополитен 23.10.1; PM III, 865). На известняковых крышках каноп, обнаруженных в царской гробнице, его лицо имеет более характерные черты и исполнено светлой благожелательности (PM I, 569). Это же лицо мы видим на крышке саркофага, в котором была найдена мумия Рамсеса II[347]. Скорее всего, саркофаг изготовили для Хоремхеба, но не нанесли позолоту[348]; возможно, его оставили как гробницу царя (Aldred, 1968; ср.: Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, LXXII). Статуя Хоремхеба и царицы Мутнеджемет хранится в Турине[349], а групповая

---

[343] Eaton-Krauss, 1988; Albouy et al., 1989, 78–79; Van Dijk, 1990, 25–26. — Археологи все чаще обнаруживают следы строительной деятельности Хоремхеба; см. статью: Azim, Traunecker, Le Saout в сборнике Karnak VII, 1982.

[344] Титул, обозначавший «кронпринца»: Helck, 1981d, 214.

[345] Знаменитая «сцена плача» в Берлинском музее. См.: Maystre, 1977; Radwan, 1974. — О самом верховном жреце см.: Maystre, 1975; 1991, § 54; Malek, 1976.

[346] Маловероятно, что печать Q (Beinlich, Saleh, 1989, 226; C 304) принадлежала Хоремхебу; см.: Harris, 1992, 56.

[347] Слишком явно выраженные амарнские черты — например, контуры рта — делают маловероятной предложенную С. Олдредом атрибуцию саркофага фараону Рамсесу I.

[348] Кр. Дерош-Нобльку́р (Chr. Desroches Noblecourt, в сб. Balout et al., 1985, 387) сообщает, что при реставрации обнаружены незначительные следы позолоты, однако не упоминает об этом в других своих трудах.

[349] Турин 1379; Scamuzzi, 1966, pl. 32. — В книге Р. Ари (Hari, 1964, 221–225) подчеркивается, что боковая поверхность кресла с той стороны, где сидит царь, подвергалась переделке.

статуя царя с богом Хором — в Вене[350]. В этот период, когда старая династия царей прервалась и трон стали занимать новые люди, становится популярна частная скульптура. Зачастую это изваяния крупных размеров из твердого и благородного камня; в них утверждаются изящество и глубокая зрелость человеческой природы — изысканность произведений искусства из гробницы Рамоса сочетается в них с амарнской выразительностью. Это образы погруженных в себя людей, склонных к размышлениям (Muller H. W., 1967; Schneider, 1974; Simpson, 1979). Похоже, полностью исчезнув при амарнском абсолютизме, частное искусство в эту эпоху возрождается в атмосфере большей свободы. Фараон из народа Хоремхеб, являвшийся скорее первым среди равных, выбрал в преемники человека, некогда равного ему. Впоследствии эта новая династия вновь обретет божественную сущность, но это произойдет лишь при Рамсесе II.

[350] Вена ÄS 8301; CAA 1, 154–159. Кроме того, известны групповые статуи из Абидоса и Карнака: Eaton-Krauss, 1984b; Dewachter, 1980.

Часть шестая

ЭПОХА РАМЕССИДОВ. XIX ДИНАСТИЯ (ок. 1292–1186 гг.)

Блестящий обзор источников по рамессидской эпохе в целом и проблем, связанных с их изучением, можно найти в статье К. А. Китчена (Kitchen, 1972b). С тех пор Китчен опубликовал все доступные рамессидские тексты, охватывающие период от Рамсеса I до Рамсеса XI (KRI 1975–1990). Создание этого исчерпывающего труда, отличающегося предельной точностью, — настоящий подвиг. Для тех, кто не читает иероглифические тексты, этот сборник содержит незаменимый перечень — указатель источников; кроме того, каждый документ, если он издается не впервые, снабжен библиографией, равноценной той, что приводится в справочнике Портер — Мосс. С 1993 года Китчен публикует переводы этих текстов. Не существует ни равноценной классификации, ни — зачастую — даже публикации этих источников в изобразительном контексте. Кроме того, Китчен не стал учитывать памятники без надписей, головы статуй, археологические находки, рассказы древних путешественников, поскольку они не подходили для публикации в рамках корпуса.

Глава I
НАЧАЛО XIX ДИНАСТИИ: РАМСЕС I. Ок. 1292–1291 годов до н. э.

Хоремхеб не имел детей — во всяком случае, наследников мужского пола — и поэтому передал трон человеку, у которого уже были и сыновья, и внуки, что гарантировало преемственность власти. Неизвестно, каким авторитетом и могуществом обладал бывший военачальник, а ныне фараон Хоремхеб, чтобы сделать наследником Рамсеса I. Во всяком случае, отныне носители царской власти будут совсем не такими, как их предшественники. При Рамессидах царской династии был свойствен дух семейственности[1]. Отныне мы знаем о родителях, бабушках и дедушках царей, их женах и детях, которые до такой степени оккупируют государственный аппарат, что значительная часть истории Египта при Рамессидах выглядит бесконечным семейным конфликтом с интригами, скрытой борьбой и даже убийством. Тем не менее, даже слегка накренившись, государственный корабль Египта уцелеет. Общественные беспорядки становятся нормальным явлением, внешние угрозы отражаются с трудом. Скульптура, живопись, строительство по-прежнему процветают, но дух искусства меняется. Оно медленно развивается, совершенствуя лишь старые традиции.

[1] Сети I утверждал, что своим воспитанием он обязан отцу (см. ниже, с. 439). Рамсес II также был воспитан своим отцом (большая надпись в Абидосе, стк. 47: KRI II, 327, 12).

Рамсес I (Zivie, LÄ V, 100–108; KRI I, 1–5, VII, 1–6, 403–404) появился на исторической сцене как вельможа при дворе своего предшественника. Две статуи писца в одеждах визиря, с картушем Хоремхеба на плече, скорее всего, принадлежат будущему царю[2], который носит имя Парамессу. Рамессу — такова буквальная транскрипция имени, традиционно в разных книгах передаваемая как Рамсес; что касается артикля *pꜣ/na-*, то его использование, даже в имени собственном, было необязательным[3]. Порядок перечисления титулов, указанных на одной из статуй, — если считать, что он соответствует этапам карьерного роста Парамессу, — свидетельствует о его многолетней службе: офицер пехоты, затем кавалерии, комендант крепости, затем устьев реки (?), командир подразделения, военачальник владыки двух земель, начальник жрецов всех богов, наместник (*jdnw/идену*) его величества в Верхнем и Нижнем Египте, «судья—уста» Иераконполя, жрец Маат, регент (*jrj-pˁt/upunam*), градоправитель и визирь, начальник великих домов (Urk. IV, 2175, 8–15). Перечень говорит сам за себя. Наиболее значительные титулы — «наместник царя» и «регент», причем на постаменте статуи последний представлен в расширенном варианте — «регент во всей этой стране». Итак, Хоремхеб сделал Рамсеса наследником престола (см. выше, с. 433). К тому же отцом Рамсеса был офицер по имени Сети (Urk. IV, 2176, 10), которое характерно для династии Рамессидов; таким образом, есть все основания видеть в Парамессу будущего Рамсеса I[4]. Судя по перечисленным титулам, в момент воцарения он был уже немолод, чем, вероятно, и объясняется недолговечность его царствования — согласно Манефону, он правил один год и четыре месяца (Manetho, 102, по Иосифу Флавию; 108 № 15, по Феофилу Антиохийскому).

Царствованием Рамсеса датированы всего четыре надписи: три — на стелах дарения от первого года правления[5], четвертая — на посвятительной стеле из храма Амона-Мина, найденной в Бухене, от 2-го года правления, 2-го месяца *перет*, 20-го дня[6]. Имя Рамсеса I встречается на различных памятниках в Карнаке, Абидосе, Мемфисе, Гелиополе. Очевидно, что возведение построек, начатых при Хоремхебе и даже при его предшественниках, продолжалось. Этим объясняется наличие в Карнаке сцен с именем Рамсеса I на уже построенном втором пилоне, не считая тех, где его имя стоит поверх имени Хоремхеба (PM II, 38–43; Seele, 1940, 7–22). Сын и внук Рамсеса I, Сети I и Рамсес II, будут точно так же поступать с его собственными картушами, и это в очередной раз доказывает, что замена имени не обязательно является политическим актом или актом мщения.

Некоторые памятники и тексты, посвященные Рамсесу I, по всей видимости, появились благодаря сыновнему благочестию Сети I (Manuel II, 719–722; KRI I, 105–116). Именно он построил в честь своего отца мемориальное святилище в Абидосе (PM VI, 31–33; Winlock, 1921a; Clère, 1957) и причислил его к божествам[7], почитавшимся

---

[2] PM II, 188; Каир JE 44863, 44864: о первой см.: Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, 14–19.

[3] См. варианты имени Рахотеп/Парахотеп: De Meulenaere, 1966, 223–224.

[4] На сохранившемся фрагменте стелы (Чикаго, OI 11456) есть сцена чествования офицера владыки двух земель по имени Сути, брата которого звали Хаэмуас, а сына, скорее всего, — [Ра]мос. Есть мнение (Cruz–Uribe, 1978), что этот памятник принадлежал отцу визиря Парамессу. Последний — чье имя восстанавливается как Рамос — обладал на тот момент только титулом «начальник конницы», которого нет на других принадлежащих ему памятниках, и поэтому атрибуция остается спорной, но совпадение имен позволяет связать памятник с семьей Рамессидов.

[5] KRI I, 2–3; Karnak, PM II, 18; KRI I, 3–4; Страсбур 1378; Вена ÄS, 8953 (Hein, 1991, 21).

[6] Лувр C 57; KRI I, 2–3; Hein, 1991, 41; другие свидетельства из Нубии: Hein, 1991, 140, 79–80.

[7] KV 16; Reeves, 1990b, 246–247; Piankoff, 1957. — Первую гробницу соорудили в Гуробе, когда Рамсес I еще не был царем. В ней найден саркофаг из розового гранита с именем визиря Парамес-

в собственном заупокойном храме Сети I в Гурне, часть которого, впрочем, была как раз отведена под культ его отца (PM II, 407–418). Несомненно, именно он возвел скромную, но блестяще расписанную гробницу, в которой и поместили мумию Рамсеса I. Мать Сети I, Сатра, на памятниках сына носит титулы «супруга царя» и «мать царя»[8] — следовательно, она была женой Рамсеса I[9]. Она также носила титул «супруга бога», впервые после царицы Тиаа (Gitton, 1984, 93).

На стеле о посвящении Рамсесу I часовни в Абидосе (KRI I, 110–114; Clère, 1957; Schott, 1964) Сети I рисует трогательную картину фамильной солидарности. Он неоднократно говорит о том, чем обязан отцу — «его уроки — как оплот для моего сердца» (стк. 4), и подробно описывает заботу о памяти отца после его кончины. Сети I собирает вокруг усопшего всю его семью: рядом с ним и те, кто ушел ранее — его мать и «любимый брат», и ныне здравствующие родственники — сам Сети, его мать, которая обнимает своего супруга словно богиня Исида — Осириса, братья и сестры Рамсеса I (стк. 16), имена которых не приведены.

Можно подумать, что при Рамсесе I не происходило никаких событий. Однако из автобиографии Сети I на Абидосской стеле мы узнаем, что Сети I не только правил страной и творил правосудие от имени своего отца, но и совершил поход на земли фенеху, то есть на северо-восток Дельты (более подобных сведений у нас нет).

В тексте синайской стелы отчетливо выражено сознание того, что для страны началась новая эпоха (PM VII, 363; KRI I, 1, 3: эпитет «тот, кто преобразовал две земли»). Оно проявляется и в простоте картуша — имя «Рамсес» в нем лишено эпитетов, и в том, что его первое имя, Менпехтира, создано по образцу имени Яхмоса — Небпехтира (Kitchen, 1979a, 383). Сам Сети I взял имя Небти *wḥm mswt/ухем месут*, то есть «Повторение творения». Это сочетание уже использовалось Аменемхетом I в именах Хора и Небти; так же будут обозначать и новую эру при Рамсесе XI[10].

су; внутренний саркофаг из серого гранита (гранодиорита) обнаружен в Мединет Абу (PM I, 777; см.: Polz, 1986). Владелец саркофагов, став царем, отказался от них, и они были использованы сыном Рамсеса II (Gaballa, Kitchen, 1968, 259). По своему стилю они однозначно относятся к постамарнской эпохе, то есть к периоду от Тутанхамона до Хоремхеба.

[8] KRI I, 5; Stadelmann, LÄ V, 493; Polz, 1986, 163. — Она была похоронена в Долине цариц: QV № 38, PM I, 751.

[9] Нередко среди предков Рамсеса II упоминают визиря Сети, сына Парамессу, изображенного на Стеле 400-го года. Но мать этого Сети — Тиа, а не Сатра, и, кроме того, против отождествления этих двух лиц с Рамсесом I и Сети I имеются и другие доводы (см. выше, с. 170). Однако сомнения остаются, главным образом из-за того, что на стеле эти лица носят высокие титулы (см.: Polz, 1986, 158). К тому же у Сети I была дочь по имени Тиа, которую могли назвать в честь бабушки. Отдельные исследователи предполагали также — правда, без большой уверенности,— что эти двое могли быть дедом и отцом Рамсеса I (Stadelmann, LÄ VI, 1041–1042). Текст Стелы 400-го года и популярность имени Сетха в семье Рамессидов, а также тот факт, что они питали особую склонность к восточной Дельте и городу Пи-Рамсес, породили версию о том, что Рамсес I был родом из этих мест.

[10] Теон Александрийский упоминает об эре Менофреса, которая началась в 1322–1317 годы (см.: Luft, LÄ V, 1119). Имя Менофрес отождествили с тронным именем Рамсеса I — Менпехтира, однако, согласно принятой ныне хронологии, Рамсес I правил позднее. Если Рамсес II взошел на трон в 1290 или 1279 году, то Рамсес I соответственно — в 1306-м или 1291-м. Впрочем, по мнению Р. Штадельмана (Stadelmann, LÄ V, 912), нельзя исключать, что Сети I взошел на престол в 1318 году; в этом случае Рамсес I стал царем примерно в 1320 году Р. Краус (Krauss, 1978, 264–273) отрицает всякую связь между названной эрой и именем египетского царя.

Глава II
СЕТИ I.
Ок. 1290–1279 годов до н. э.

ПРИХОД К ВЛАСТИ

Царствование Рамсеса I было слишком недолговечным, чтобы стать значимым в истории. Будущий царь Сети I[11] принимал активное участие в делах отца, но не обязательно в качестве соправителя[12]. Он занял трон на 24-й день 3-го месяца сезона *шему* (Murnane, 1976b; Helck, 1990, 205–208) после смерти своего отца (Абидосская стела, строки 7–8). Учитывая преклонный возраст Рамсеса I в момент кончины, Сети I должен был занять престол уже зрелым мужчиной. Самая поздняя дата, относящаяся к царствованию Сети I, сохранилась на стеле из Гебель Баркала, прославляющей его благочестивые

[11] Относительно написания имени этого царя согласия нет: его именуют Сети, Сетхи или же Сетос (в списках Манефона). Так как в иероглифических текстах имя всегда записано идеограммой бога, чье имя все ученые читают как Сетх, а за ней всегда следуют два знака «цветущего тростника» (знак Gardiner M 17), транслитерируемых как *y/jj/uu* (Lefèbvre, Grammaire, § 20, § 33; Gardiner, Grammar, § 19–20), Сети представляется наиболее корректной передачей иероглифического написания имени.

[12] Л. А. Кристоф (Christophe, 1951a, 352–357, 371–372) исключает соправления в эпоху Рамессидов; поскольку власть царя как солнца неделима, он различает регентство и соправление. Факт наличия двух царских имен на одном памятнике (Zivie A. P., 1972; KRI I, 200) не является свидетельством соправления.

деяния в пользу местных храмов, — 11-й год правления, а если точнее — 21-й день 4-го месяца *шему*, то есть начало 11-го года (KRI I, 75–78). Поскольку его сын взошел на престол на 27-й день 3-го месяца *шему*, через три дня после годовщины коронации Сети I, получается, что Сети I царствовал едва начал свой 12-й год правления. Предположение о том, что его царствование могло длиться почти 15 лет, не подтвердилось[13]. Если Рамсес II прожил 87 лет или даже больше, а царствование его длилось 66 лет и несколько месяцев, то к моменту восшествия на престол ему было 20–30 лет и, значит, он родился до воцарения не только своего отца, но и деда. Следовательно, Сети I женился и обзавелся семейством задолго до того, как стать царем. Таким образом, при рождении Рамсеса II члены его семьи еще не подозревали, что им будет суждено стать царскими родственниками.

Супруга Сети I, Туи[14], также не принадлежала к царскому роду; ее отец, судя по титулу «генерал-лейтенант[15] колесниц», сделал военную карьеру (Gaballa, Kitchen, 1968, 259–263; Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, № III). У Туи было по меньшей мере двое детей — дочь[16] и будущий Рамсес II[17], который и прославил мать; действительно, все упоминания о ней относятся ко времени царствования сына[18].

После кончины Рамсеса I Сети I, уже от своего имени, продолжил начатое им от имени отца. Ясное подтверждение этому — стела из Бухена, которая датируется 1-м годом правления, 30-м днем 4-го месяца *шему*, а значит, она была поставлена через месяц с небольшим после его восшествия на престол. Текст стелы почти идентичен тому, который, примерно полугодом ранее, был высечен на другой стеле в Бухене по приказу Рамсеса I[19].

---

[13] Эти подсчеты М. Бирбрайера (Bierbrier, 1972) основываются на биографии верховного жреца Амона Бакенхонсу, которому к концу царствования Рамсеса II было 85 лет и который мог занимать свою должность 15 лет при Сети I. К. А. Китчен (Kitchen, JNES 39, 1980, 170) полностью согласен с этими подсчетами; напротив, У. Мёрнейн (Murnane, 1977, 86–87) и В. Хельк (Helck, 1981d, 213, n. 9) указали на слабость доводов М. Бирбрайера; по их мнению, царствование длилось 11 полных лет и несколько дней.

[14] Habachi, 1969c; Radwan, 1978; Desroches Noblecourt, 1982, 232–243; Sourouzian, LÄ VI, 796–797.

[15] Собственно, титул звучит просто как *jdnw*/*идену* — «(военачальник)-заместитель», что в общем соответствует французскому переводу «lieutenant-général», а еще точнее — русскому «лейтенант» (например, *jdnw n mšʿ*/*идену эн меша* «армейский лейтенант»), ибо в действительности военный в этом чине никого не замещал. Гражданский чин из сферы территориального управления эпохи Нового царства *идену* («заместитель») можно перевести как «наместник» (напр., Куша, Верхнего Египта и т. д. — *Науч. ред.*).

[16] Гробница сестры Рамсеса II Тиа, мужа которой, «начальника казны», также звали Тиа, обнаружена в Саккара. См.: Malek, 1974; Martin G., 1983, 1984, 1986a, 1991b, 101–115; Raven, 1990. Хенутмира была не сестрой, а дочерью Рамсеса: Sourouzian, 1983.

[17] Царевич [Небен]хасетнебет, о котором говорит К. А. Китчен (KRI I, 282c), никогда не существовал, вопреки Р. Штадельману (Stadelmann, LÄ V, 912 и n. 10), в чьей статье библиография противоречит тексту.

[18] Eaton-Krauss, LÄ V 108, n. 4. Впрочем, голова статуи царицы датирована царствованием Сети I; см.: Sourouzian, LÄ VI, 796 и n. 5.

[19] См.: KRI I, 37–38 (Британский музей 1189); о стеле Рамсеса I см. выше, с. 438, а также: Christophe, 1951a, 355. Не соответствует ли временной промежуток между восшествием на престол Сети I и датой возведения стелы продолжительности поездки из Мемфиса, где текст был задуман, в Бухен, где он был высечен, если решение о замене стелы Рамсеса I в Бухене было принято сразу после коронации Сети I?

ВОЙНЫ

О первых кампаниях Сети I мы знаем главным образом благодаря барельефам на внешней стороне северной стены большого гипостильного зала в Карнаке[20].

Эта огромная стена разделена надвое высокой дверью, ведущей во внутренний зал. Рельефы на восточной половине стены продолжаются на обратной стороне. Так же было сделано и на западной половине, но эти сцены, скрытые за более поздними сооружениями, сегодня увидеть нельзя. Эпизоды барельефов на обеих половинах разворачиваются начиная от центрального входа. После дверного косяка, украшенного небольшими сценами приношения даров, по обеим сторонам симметрично расположены сцены триумфа: царь Сети перед богами побивает врагов, боги же тянут к царю череду крепостных стен с зубцами, увенчанных поверженными телами. Внутри каждого знака крепостной стены указано название определенной местности; то есть перед нами — список географических названий[21]. На обеих сценах царь изображен в красной короне, поскольку события происходят на севере и к тому же барельефы занимают северную сторону стены. Далее на трех уровнях (третий, за исключением одной сцены, утрачен) фиванские боги принимают царя, который доставляет им пленников и добычу. Наконец, следуют сцены битвы, занимающие менее важное место, чем сцены подношений. Западную часть стены, снизу доверху, занимают сцены сражения с хеттами, двух битв с чехену («ливийцами»), штурма Кадеша и столкновения с войсками Амурру. В восточной части сохранились четыре батальные сцены. Справа налево и снизу вверх идут следующие эпизоды: экспедиция от 1-го года против *шасу*; далее, за углом, — взятие города под названием Па-Ханаан; выше — взятие города Иеноама; далее, за углом, — вырубка леса возле Кедера в стране Хенем под руководством князей страны Ременен. Эта величественная картина сопровождается текстом с названиями отдельных народов и списками географических названий.

Две стелы с историческими текстами, обнаруженные в Бет-Шане, в тридцати км к югу от Генисаретского озера, содержат полную информацию о военных кампаниях царя[22]. Названия Иеноам, *Сечетиу* и Речену присутствуют и на стелах, и в сценах в Карнаке; другие топонимы — собственно Бет-Шан, Хамат, Пехель — встречаются в списках, но не в сценах. На второй стеле перечислены названия тех мест, где военные действия велись не более двух дней, и, за исключением топонима «Иеноам» (частично реконструируемого; стк. 18), они не совпадают с данными топонимических списков. В то же время здесь говорится о хапиру с горы Ярмут и из Джахи (Helck, 1968, 477–480). События, описываемые на стелах из Бет-Шана, происходят в конкретной области к югу от Генисаретского озера, которая тянется вдоль Иордана и расположена в основном

[20] PM II, 53–57. Схема расположения сцен и перевод: Breasted, AR III, § 80–156. Схема расположения сцен и тексты: KRI I, 6–32.

[21] Simons, 1937, XIII, PM (170) (запад), XIV, PM (168) (восток). Другие топонимические списки времен этого царствования сохранились на двух сфинксах в храме в Гурне (Simons XV и KRI I, 34–35), а также в храме в Абидосе (XVI) и в храме в Вади Аббад (XVII). См. также: Noth, 1937, 210–229.

[22] Стела от первого года правления: KRI I, 11–12 (№ 2); недатированная стела: Kruchten, 1983, 54–62; KRI I, 15–16 (№ 4); Grdseloff, 1949; Alt, 1954, 62–75. Датировка храма в Бет-Шане царствованием Сети I безосновательна.

к западу от него. Тексты стел сообщают об операциях, крайне ограниченных во времени и пространстве (Grdseloff, 1949, 8, карта).

Стела с сохранившейся датировкой относится к концу 1-го года царствования Сети I, поэтому на ней могут описываться, по крайней мере частично, те же события, которым посвящены сцены в Карнаке, где на нижнем уровне трижды встречается дата «первый год». Первый пояс рельефов представляет кампанию против *шасу* «от Чару до Па-Ханаана». Чару находится в Дельте; Па-Ханаан здесь — это город. Нет оснований для отождествления его с Газой, как это делается обычно[23]. Эта первая кампания разворачивалась одновременно в Дельте и в областях, примыкающих к ней с востока. Если *шасу* — это племена вроде нынешних бедуинов, стоит вспомнить, что во времена Египетского похода французов, около 1800 года, угроза нападения бедуинов возникала сразу за воротами Каира, поэтому караваны паломников в Мекку и купцов охранялись военными[24]. К тому же *шасу* кочевали на обширной территории, простиравшейся вплоть до восточной части Негева (Grdseloff, 1946, 74–83). Вдоль дороги, по которой следовал Сети I, имелись укрепления и колодцы (KRI I, 7–8), но нельзя сказать, что речь здесь идет о «Пути Хора», который тянулся вдоль побережья до Газы. Увязка маршрута «Пути Хора» с последовательностью городов и колодцев в перечне на рельефе в Карнаке выглядит очень слабой, но, к сожалению, ее принято считать установленной (Oren, 1987). Другое событие этой кампании — взятие Иеноама, расположенного значительно дальше к северо-востоку, близ Генисаретского озера; возможно, оно стало результатом похода, упомянутого на одной из стел в Бет-Шане.

Из топонимических списков Сети I попытались извлечь те названия, которые должны были соответствовать передвижениям царя во время военных походов. Списки эти разделены, как на восточной, так и на западной стене, на три группы. Один список тянет Амон, второй — то Иунмутеф, то персонификация города Фив. Эти списки представляют собой череду зубчатых крепостных стен, увенчанных телами врагов, которые обращены лицами к царю. На третьем списке, находящемся под ногами царя, пленники повернуты лицом к другим пленникам, то есть смотрят в том же направлении, что и царь. Список Амона содержит большинство названий Девяти Луков, этих извечных «врагов» Египта, к которым добавлены Куш и несколько африканских топонимов. В списке, возглавляемом второстепенными богами, приведены прочие названия из числа Девяти Луков — Хета, Нахарина, обе страны Речену и другие, а также *шасу*, Кадеш и даже Пунт. В списке под ногами царя представлены топонимы, присутствующие также на стене в Карнаке либо на стелах из Бет-Шана: Пехель, Хамат, Бет-Шан, Иеноам, Кедер. Другие местности, перечисленные в нем, расположены недалеко от предыдущих, так что они могли, в свою очередь, находиться на пути следования войск Сети I: это Хацор (к северу от Генисаретского озера) и Рафия (к югу от Газы). Пять топонимов объединены в группу: Акра, Камид (или Кумиду), Уллаза, Тир и Узу. Города Акра, Тир и Узу расположены на побережье, между горой Кармель и рекой Литани; два других либо находятся в стороне от этих трех, либо их точное месторасположение не определено. Как правило, Камид помещают в современном Камид эль-Лоз,

[23] О Па-Ханаане см. критические замечания А. Нибби (Nibbi, 1989a, 29–65). Впрочем, на с. 35 она перепутала в названии города птицу *rḫjt/pexum* с алефом; см.: Epigraphic Survey, 1986, pl. 3, 14.

[24] Абд ар-Рахман ал-Джабарти (Abd-al-Raman al-Jabarti, Journal d'un notable du Caire, 1979, 30–31, 35, 44–45 и т. д.) рассказывает о постоянных бесчинствах бедуинов.

на полпути от Дамаска к Бейруту, а Уллазу — строго к югу от Нахр-эль-Кебира. Это вынуждает тех, кто пытается восстановить путь следования царя, считать, что войско совершило беспримерный по размаху бросок на север. Чтобы избежать этой «аномалии», было предложено поместить Уллазу возле Тира; в этом случае Камид следовало бы передвинуть к югу. Поход на север представлялся вполне возможным, так как предполагалось, что рубка леса для царя (сцена в Карнаке) проходила в Ливане: Ременен — область, где росли эти деревья, — традиционно отождествляют с Ливаном. Между тем для такой идентификации нет надежных оснований (Nibbi, 1985a, 17–25); вырубка происходит неподалеку от города Кедер, в стране Хенем, которую иногда отождествляют с долиной Хинном к югу от Иерусалима (DNG, IV, 5–6). Кроме того, все военные кампании, изображенные на большой стене в Карнаке, проходили в области Речену (KRI I, 14, 3), и местность, где вырубали лес, тоже являлась лишь ее частью. Пленников и добычу царь доставляет Амону именно из этой страны, которая названа «побежденной», а значит, именно она была главным врагом. Напомним, что Речену простирается от египетской Дельты до Литани, но не выше. Другие упомянутые топонимы, особенно в сцене триумфа, подтверждают, что речь идет об ограниченной территории. Иунтиу, *Ментиу*, Фенеху — народы, соседствующие с Египтом; *уадж-ур* здесь обозначает Дельту. Самая дальняя местность из перечисленных — «болота Нахарины» — окончательно не установлена, но скорее всего, она располагалась недалеко от Литани (KRI I, 25, 15; 26, 2). Сражения, изображенные на восточной части стены, могли быть частями одной военной операции, датированной 1-м годом (маршрут, предложенный Й Ахарони: Aharoni, 1979, 180, карта 12).

Труднее интерпретировать изображения западной части стены. Упоминание чехену, проживавших на западе, нарушает географическое единство представленных здесь сцен. В сцене битвы с хеттами не уточняется, где именно она происходила, а сцена с экспедицией, отправленной для опустошения областей Кадеша и Амурру, заставляет задуматься, о каком именно городе идет речь. Его облик настолько отличается от облика Кадеша на Оронте, возле которого сражался Рамсес II, что некоторые видят в нем Кадеш Галилейский, который, впрочем, находился на пути следования войск Сети I (Breasted, AR III, 71, n. a; Aharoni, 1979, 79, и карта на с. 180). Амурру в Амарнский период было царством Абдиаширты и Азиру и располагалось недалеко от Библа. Однако в Библии понятие «Амурру» имеет более широкий смысл, а значит, амореи, или амориты, могли быть рассеяны по обширной территории, как, впрочем, и хетты. Цари Иерусалима, Хеврона, Ярмута, Лахиша и Эглона были амореями (Иисус Навин 10, 5); хетты и амореи встречались в горах Иудеи (Числа 13, 29). Эта локализация лучше соотвествует территориям, пройденным Сети I, и подтверждается текстами из Карнака: добычу царь, видимо, доставил из страны Хета, но над пленниками-хеттами, которых он демонстрирует Амону и которые во всех отношениях выглядят как хетты, царь начертал: «Вожди побежденного Речену, которых его Величество привел, победив страну Хета». Следовательно, царь не пошел дальше Речену? В таком случае лишь размеры стены в Карнаке заставляют нас предполагать, что царь совершал грандиозные военные походы[25].

[25] Эта интерпретация военных кампаний царя противоречит распространенной точке зрения: см., например: Gaballa, 1976, 100–106, Spalinger, 1979c. Традиционная интерпретация искажает ви́дение

Присутствие среди хеттов и Амурру чехену, традиционно отождествляемых с «ливийцами» и населяющих область к западу от Египта, является неожиданным (Murnane, 1990, 99–100), и всякая связь географического характера между событиями считается невозможной. Тем не менее рельеф великолепен, а изображения царя, поражающего вождя чехену (в двух разных сценах), относятся к числу самых оригинальных произведений искусства этого периода, и Рамсес II не упустит случая скопировать их[26]. Географические пояснения отсутствуют, но надпись над сценой, в которой царь подводит к богам две вереницы изображенных в очень характерной манере пленников-чехену, говорит о том, что он вернулся из Речену, а пояснение, помещенное между двумя рядами пленников, гласит: «князья стран чехену». Издатели посчитали, что ссылка на Речену — ошибка или безосновательная подмена Ливии наименованием Речену (Epigraphic Survey, 1986, 101, n. f.; Murnane, 1990, 99). Между тем это не единственный случай смешения «азиатов» и чехену. Один из примеров такого смешения относится к царствованию Рамсеса II (см. ниже, с. 477); другой — *Стела Израиля*, воздвигнутая при Мернептахе и, как предполагается, прославляющая победу этого царя над «ливийцами». На этой стеле в одном месте перечисляются Ханаан, Ашкелон, Гезер, Иеноам и Израиль, из-за чего комментаторы оказываются в серьезном затруднении (Sourouzian, 1989, 169–170). При слове «Ливия» мы сразу же представляем себе земли далеко к западу от Египта, но по крайней мере часть тех, кого мы называем «ливийцами», скорее всего, проживала на западной границе нильской долины. Итак, следует употреблять скорее этноним «чехену», чем «ливийцы». Эти кочевые племена могли время от времени доходить до восточной части Дельты, а Речену граничила с Дельтой. Правильнее всего не отвергать никаких объяснений и признать, что эти сцены, детализированные и сопровождаемые монументальными текстами, не обязательно содержат «ошибочную» информацию.

Однако все высказанные соображения не позволяют определенно датировать сцены северной стены и даже вычислить, через сколько лет после похода на 1-м году правления Сети I могли произойти эти события, если они вообще относились к другому году[27].

событий. Как в публикации Epigraphic Survey, так и в исследовании У. Мёрнейна в связи с экспедициями Сети I упоминаются также северная Месопотамия и Вавилон (Epigraphic Survey, 1986, 54, № 24, 27).

Обнаружены два фрагмента стел Сети I: один — в Телль эш-Шихабе, приблизительно в 35 км к юго-востоку от Генисаретского озера, второй — в Телль Неби Менд, в 40 км от Хомса, вверх по течению Оронта. Вторая находка была расценена как доказательство того, что этот «телль» и есть Кадеш. Но от обеих стел сохранились только своды, на которых мы видим царя, поклоняющегося богам: Амону и Мут — на первой стеле и Амону, Сетху, Монту и Хатор — на стеле из Телль Неби Менд, где не найдено никаких египетских предметов, кроме этого фрагмента стелы. Тексты и изображения на этих фрагментах не связывают их ни с местами, где они были обнаружены, ни с какими-либо событиями. Таким образом, они не доказывают, что Сети I прошел здесь, и утверждение о том, что «завоевание Кадеша царем Сети I было увековечено установкой в этом городе победной стелы», является некорректным с научной точки зрения (Murnane, 1990, 53).

[26] PM II, 56 (169), 1; например, PKG, pl. 309a. На такой же сцене в Абу Симбеле резче проработано порывистое движение царя: PM VII, 103 (40), например Müller H. W., 1970, pl. 150.

[27] Единого мнения — ни относительно распределения сцен, ни о продолжительности кампаний — нет: см.: Breasted, AR III, § 80–82; KRI I, 6; Murnane, 1990, 39–65; Broadhurst, 1989, а также библиографию, приведенную двумя последними авторами. К. А. Китчен (Kitchen, 1977, 214–215; Kitchen, 1982a, 20–25) полагает, что сцены северной стены соответствуют пяти или шести годам сражений, то есть кампаний было по меньшей мере три; Г. А. Габалла (Gaballa, 1976, 104–105) насчитывает

Сети I совершил по крайней мере один поход в Нубию[28]. Обнаружены две стелы, одна — в западной Амаре, другая — на острове Саи, тексты которых идентичны и посвящены кампании 8-го года против жителей Ирема[29]. Войско, вышедшее из Фив, включало пехотные и колесничные части. Достигнув нубийского города, название которого начинается с *sg/Сег*, оно направилось в пустыню. «Мятежники» были уничтожены или взяты в плен, а египетская армия завладела шестью колодцами, которые не поддаются локализации по названиям. Судя по тексту этих стел, царь сам принимал участие в походе, а согласно граффити в Асуане (KRI I, 302–303) и наскальной стеле Сети I в Каср Ибриме (KRI I, 98–99; Caminos, 1968, 83–90), рядом с ним находился и вице-король Аменемопе (Hintze, 1962). Трудно сказать, какое именно расстояние прошли египтяне. Ирем — это область, населенная чернокожими и граничащая с Пунтом. Неизвестно, разворачивалась ли кампания на подступах к пятому порогу (O'Connor, 1987) или к западу либо юго-западу от Донголы, как полагают К. А. Китчен (Kitchen, 1977, 217–218) и Ж. Веркуттер (Vercoutter, 1980).

МИРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мирные мероприятия царя были разнообразнее и масштабнее по размаху в сравнении с военными. О работах, производившихся в разных местах, напоминают главным образом отдельные блоки и стелы, однако есть несколько величественных, хорошо сохранившихся памятников, которые свидетельствуют о широте замыслов Сети I и о внушительности затраченных средств: большой храм в Абидосе, царская гробница в Долине царей (№ 17) и большой гипостильный зал в Карнаке.

Храм в Абидосе (Manuel II, 722–730; KRI I, 129–199) посвящен семи богам. Изначально в его фасаде было проделано семь входов; откравающиеся ими семь параллельным коридоров вели через через два гипостильных зала к семи святилищам. Хотя храм стоял на священной земле Абидоса, главным богом, занимавшим центральное святилище, был не Осирис, а Амон. Справа от святилища Амона находятся святилища абидосской триады — Осириса, Исиды и Хора. Слева — еще два, посвященные Ра-Хорахти и Птаху, главным, наряду с Амоном, египетским божествам. Последнее святилище с левой стороны было посвящено заупокойному культу Сети I, который, таким образом, оказывался совсем рядом с великими богами; но в посвятительной надписи сообщается, что оно посвящено древним богам, то есть царям — предшественникам Сети. Два выхода, расположенных чуть южнее его святилища, ведут в галерею, где находится

шесть отдельных кампаний. Впрочем, часть этих походов могла быть продолжением военных действий, которые Сети I вел в царствование своего отца. Другие ученые полагают, что Рамсес, как наследник престола, мог принимать участие в этих походах и даже брать с собой своих сыновей.

[28] Стела из Сайалы, в 20 км к северу от Вади эс-Себуа, возможно, посвящена другому походу. Из всего текста сохранилась только дата — 3-й год, 2-й месяц *перет*, но на своде царь совершает приношения Монту, богу войны (KRI VII, 8; стелу эта сначала ошибочно приписали Сети II).

[29] KRI I, 102–104, откорректированная публикация (KRI VII, 8–10), дает два параллельных текста; исследование надписи: Vercoutter, 1972. — У. Мёрнейн (Murnane, 1990, 100, n. 12) подтвердил ее датировку 8-м годом правления Сети I.

знаменитый список царей: 76 картушей принимают дары от Сети I и царевича Рамсеса (David, 1981, 108–111). Этот список начинается с первого царя первой династии, «Менеса», и заканчивается правящим царем, но составлен он на основе строгого отбора — полный список царей содержал бы вдвое больше имен. Первые цари XIX династии отличались тем, что уделяли большое внимание почитанию предков. Действуя по примеру отца, Рамсес II повелел высечь такой же список в собственном храме, построенном там же, в Абидосе, к северу от отцовского. Этому примеру последовали и частные лица: жрец-чтец Чурои в Саккара и анонимный автор самого полного списка — Туринского папируса (Redford, 1986a, 1–25). Еще более многочисленны списки, перечисляющие имена ближайших предков Сети I — царей XVIII династии и их прародителей из династии XVII: знаменитые списки на жертвеннике Кенхорхепешефа и в гробнице Хабехента (Redford, 1986, 43–44; 48, № 12). Эта традиция продолжится и в период XX династии, но сосредоточится вокруг почитания Аменхотепа I, его матери, а также усопших предков в частном семейном культе (Demarée, 1983).

От центра галереи царей в храме Сети начинается коридор, ведущий к тыльной стороне здания. Там находится кенотаф, некогда спрятанный под холмом, окруженным деревьями; наклонная шахта и общий план придают ему вид царской гробницы (Manuel II, 730–738). Памятник этот необычен во многих отношениях: в центре главного зала стоит прямоугольная платформа из красного кремниевого песчаника, полностью отделенная от остального здания каналом с водой, прорытым вручную и доходящим до уровня грунтовых вод; стены зала и огромные монолитные столбы из красного гранита некогда поддерживали потолок с гранитными архитравами. Пока памятником не занялся Мернептах, в нем не было никаких элементов художественного оформления. Имя Сети I встречается на потолке одной из боковых комнат и на диоритовой крепежной вставке в виде ласточкина хвоста, поддерживающей две части разбитого архитрава. Предназначение этого здания остается загадкой: возможно, кенотаф соорудили не для Сети I, а для самого Осириса. Нередко высказывалось мнение о том, что этот памятник относится к Древнему царству, причем в пользу такой датировки есть немало косвенных свидетельств (Omm Sety, Zeini, 1981, 10–11). Большой известняковый храм Сети I ориентирован на этот священный кенотаф (Sayed, 1962). Как бы то ни было, своему собственному храму царь придавал очень большое значение, так как выделил для его снабжения специальную статью расходов, особенно от поставок с золотых приисков Восточной пустыни. Об этом говорят надписи от 9-го года его правления в маленьком храме в Канаисе, в Вади Мия (Schott, 1961; Harari, 1987) и даже расположенная далеко от этих мест огромная стела от 4-го года, установленная в Наури, к северо-востоку от третьего порога (Kitchen, LÄ IV, 361–362). В Абидосе обнаружено и большинство статуй Сети I, которые выполнены на высочайшем уровне (Solia, 1992).

Эта громадная постройка, воздвигнутая в честь великих богов Египта и фараонов прошлого, целиком сложена из чистого известняка; сцены выполнены в технике настоящего рельефа, с очень мягкими контурами и легкими формами. Некоторые считают их шедеврами, другие же — проявлением академической претенциозности. Еще более выразительные образцы этого утонченного стиля мы видим в великолепной гробнице Сети I (KV № 17; PM I, 535–545; Hornung, 1991a, 1992; Hornung, Staehelin, 1991), а также в сценах поклонения богам в северной половине карнакского гипостильного зала. Их мягкий стиль контрастирует с темпераментностью военных рельефов

на внешней стороне северной стены (PM II, 53–57), где изображения страдающих, мечущихся в панике, раненых и поверженных врагов, а также ряды пленников, вызывающих жалость, предвосхищают великие художественные сцены времен Рамсеса II. До того на стенах храмов военные сцены отсутствовали, и эта сцена — первая и единственная, созданная в царствование Сети I, — показывает войны как благочестивые деяния, посвященные фиванской триаде.

Там же, в Карнаке, между третьим пилоном Аменхотепа III и вторым пилоном Хоремхеба, царь повелел построить большой гипостильный зал. Возможно, еще Рамсес I решил переделать в зал это обширное пространство между двумя гигантскими пилонами (Seele, 1940, 19–22; Haeny, 1970, 51 и n. 158), но ему не хватило времени осуществить задуманное. Сети I успел украсить рельефами возведенные ранее стены, а также колонны и архитравы северной части зала, центральный неф и отдельные архитектурные элементы южной части[30]. Кроме того, он перестроил беседку Аменхотепа II в Карнаке, сделав из нее храм, посвященный культу этого фараона (PM II, 185–186; Manuel II, 805–808; Van Siclen, 1987a, 66, n. 34). Почтение к предшественникам царь проявляет и в маленьком храме в Канаисе — своего рода путевой станции на дороге, ведущей от берегов Нила к золотым приискам Восточной пустыни. Храм посвящен тем же богам, что и храм в Абидосе, куда шло золото с этих приисков; помолившись им, Сети I взывает к своим предкам — «всем царям Верхнего и Нижнего Египта», ища одобрения своим деяниям (Schott, 1961, 148; Lichtheim, 1976, 54). В левобережных Фивах в Гурне Сети возвел свой заупокойный храм[31], часть которого посвятил отцу.

Государственные мероприятия в области искусства были направлены главным образом на ликвидацию последствий «амарнских бесчинств»; реставрируя многочисленные памятники, устанавливая стелы и строя храмы, царь «фиксировал» свою роль (примеры: KRI I, 227–230). Порой он даже узурпировал чужие памятники: так, из Спеос Артемидос почти исчезло имя Хатшепсут, возможно, ставшей жертвой враждебности царя (Bickel, Chappaz, 1988). Демонстрация благочестия проявлялась в новой, ставшей затем характерной для Рамессидов манере поклонения богам — царь склонялся перед ними в почтительной позе[32], а подчас и простирался ниц (Badawy, 1972, 5, 10–12).

Царь Сети I преклонялся перед всеми богами. Было ли это благочестие реакцией на «амарнские бесчинства»?

За пределами Фив, где он был «возлюбленным Амоном», наиболее часто встречающийся эпитет Сети I — «возлюбленный Птахом». Хотя Сети I жил главным образом в Мемфисе и был, как и все Рамессиды, привязан к Дельте, вне Верхнего Египта памятников времен его царствования сохранилось относительно мало. Из числа его построек в Мемфисе (Clère, 1985b) сохранилось любопытное святилище, в котором царь изображен юношей, сидящим на коленях у двух богинь (Berlandini, 1984). Не прене-

---

[30] Haeny, 1970. — О перестройке памятников, предпринятой Рамсесом II, см. также: Christophe, 1960; Murnane, 1975b, 188 и Addenda (1976). — У. Мёрнейн придерживается версии о соправлении Сети I с Рамсесом II.

[31] PM II, 407–421; Manuel II, 695–700. — Р. Штадельман готовит полное издание; см. отчеты о раскопках в журнале: MDAIK 28 (1972), 31 (1977), 38 (1982).

[32] См., например, фигуры Аменхотепа III в Эль-Кабе и Сети I в Канаисе (Schott, 1961, pl. 2, 10, 11), а также стелы, опубликованные в статье: Stadelmann, Osing, 1988.

брегал он и Гелиополем — один из найденных там обелисков стоит сегодня в Риме на Пьяцца дель Пополо (PM VII, 409, № 2; KRI I, 118–120); были и другие (Habachi, 1973, 122, 124), два из которых — не из гранита, а из граувакки[33].

На всем протяжении царствования, с 1-го по 11-й год, разнообразные мероприятия по возведению стел и посвятительных памятников, строительству, реставрации, возобновлению работ в каменоломнях, добыче камня — велись от Гебель Баркала до Дельты: в Акше (Rosenvasser, 1962; Vercoutter, 1963, 140), Бухене, Кубане, Филах (Farag et al., 1979, 281), Элефантине (Junge, 1987, 48–50), Асуане, Вади Хаммамат (PM VII, 333), Ашмунейне (Spencer, 1989, 68), на Синае (PM VII, 348, две частные стелы от 7-го и 8-го годов правления; 350, 363) и в других местах (Manuel II, 841; Habachi, 1973)[34]. Это первый фараон, присутствие которого засвидетельствовано на медных рудниках в Тимне, в 25 км к северу от Акабского залива (Wimmer, 1990, 1069 и n. 9).

Владея унаследованной от предшественников резиденцией в Мемфисе[35], царь решил также возвести дворец в Аварисе; одновременно он занимался отделкой тамошнего храма Сетха, своего бога-покровителя (Habachi, 1974d; Müller H. W., 1981). Аварис никогда не пустовал, храм Сетха был действующим, но благодаря Сети I здесь началась новая жизнь. Возводя там дворец, царь готовил Аварис к роли столицы, которую город приобрел при Рамсесе II — возможно, в первые дни его царствования (KRI II, 325, 11; Murnane, 1977, 82, n. 197); после этого Аварис стал именоваться Пи-Рамсес, или «Город Рамсеса» (Bietak, LÄ V, 128–146)[36]. Есть предположения о том, что выбор царя был определен стратегически важной близостью этого места к Азии или же происхождением семьи царя из этих мест. Удивительно, что столица находилась на границе Египта с внешним миром, между Джахи и Та-Мери, «у истоков чужбины, у края Египта» (P. Anastasi II, 1, 2; III, 7, 4).

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ И ОБЩЕСТВО ТОГО ВРЕМЕНИ

Другая характерная особенность эпохи Рамессидов, пришедшей на смену Амарнской, — увеличение числа вельмож, стремящихся увековечить себя в многочисленных памятниках. Кроме того, общество становится как никогда космополитичным (Kitchen, 1979b, 16–17).

Самым большим любителем роскоши был визирь Пасер, который при Сети I унаследовал эту должность у визиря Небамона и продолжал исполнять ее при Рамсесе II (Kitchen, 1979b, 13–16); о пристрастиях визиря говорят качество некоторых его статуй и размеры гробницы. По количеству памятников можно судить о влиятельном поло-

[33] Badawy, 1975, 15. — А. Бадави публикует модель храма, вероятно, воспроизводящую святилище в Гелиополе.

[34] Р. Штадельман (Stadelmann, LÄ V, 912) перечисляет места в Египте; К. А. Китчен (KRI I, p. VI–XII) дает сводку памятников с надписями, тексты которых публикует (добавить Kessler, 1983); И. Хайн (Hein, 1991, 80–87; 140–141) перечисляет все следы строительной деятельности Сети I в Нубии.

[35] Согласно расчетам, он жил здесь на 2-м и 3-м годах правления (KRI I, 243–281, № 112).

[36] Возможно, смена имени города имела место сразу по восшествии на престол Рамсеса II, см.: Inscription dédicatoire d'Abydos, KRI II, 325, 11; Murnane, 1977, 82, n. 197.

жении и другого вельможи — Хор-Мина, начальника царского гарема в Мемфисе (KRI I, 309–319; KRI III, 205, 11–12). Нубией управляли вице-короли Иуни и Аменемопе; последний занимал эту должность и в начале царствования Рамсеса II[37]. В далеком оазисе Бахарийя местный правитель, Аменхотеп, повелел построить себе гробницу в месте своей службы (Gosline, 1987). В остальном оазисы никак не проявляли себя в этот период.

Нам мало известно о простых людях Египта, помимо специфической группы — рабочих и художников, занимавшихся вырубанием и отделкой царских гробниц; они жили вместе с семьями в левобережных Фивах, в поселке, который сегодня называется Дейр эль-Медина («Городской монастырь» — от монастыря, построенного здесь на руинах в коптскую эпоху). Этот поселок, окруженный валами и охраняемый специальным отрядом полиции, был основан в начале XVIII династии, но расцвет его пришелся на эпоху Рамессидов — очевидно, из-за колоссального роста царских гробниц в размерах и разнообразия подходов к их художественному оформлению в послеамарнскую эпоху. В этом месте найдено огромное множество документов, в том числе тысячи известняковых остракa, на которых школьники упражнялись в письме, благодаря чему до нас дошли бесчисленные фрагменты литературных текстов. Художники использовали этот материал для выполнения эскизов изображений, которые потом переносили на памятники, но чаще всего — для спонтанных, иногда очень вольных зарисовок. Администрация этого поселения за столетия его существования также оставила громадное количество памятников, остракa и папирусов: счета, списки рабочих, ведомости о доставке всевозможных продуктов, завещания, судебные протоколы и др. Эта документация представляет исключительную ценность для изучения жизни этого закрытого и узкопрофессионального сообщества, а также организации труда в царских гробницах. Для изучения же истории Египта в целом она служит скорее вспомогательным материалом. Сведения о многочисленных семьях, родословную которых мы можем проследить на протяжении нескольких поколений, были использованы для уточнения последовательности и продолжительности царствования Рамессидов. Наконец, эти источники немало порадовали социологов, экономистов и историков права, но при этом они требуют крайне специальных знаний, напоминающих в некоторых отношениях греческую папирологию[38]. Этой проблеме посвящена обширная библиография[39]. Сле-

[37] Habachi, LÄ III, 633–634, № 16, 17. — Второй вице-король по имени Иуни, свидетельства о котором обнаружены в Абу Симбеле (PM VII, 117, 10), возможно, занимал эту должность в конце царствования Рамсеса II.

[38] Cl. Préaux, 1978. Le monde hellénistique 1 («Nouvelle Clio»), 103–104.

[39] Valbelle, LÄ I, 1028–1034; библиография вопроса: Zonhoven, 1982. О жизни поселка в целом: Černý, 1973; Della Monica M., 1980; Valbelle, 1985; Ventura, 1986; Bierbrier, 1986; Gutgesell, 1989. О ведении хозяйства: Janssen, 1975a; McDowell, 1992. О судебной системе: McDowell, 1990. О социальной иерархии: Bogoslowski, 1977 и Bogoslovsky, 1981; о самих ремесленниках: Bogoslovsky, 1980; Steinmann, 1980–1984. Кроме того, есть очень важная рецензия (Meeks, JESHO 30, 1987, 328–333) на русскоязычный труд Е. С. Богословского «Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина», 1983.

Простая статистика, то есть подсчет соотношения документации из Дейр эль-Медина и всего корпуса рамессидских текстов, опубликованных К. А. Китченом, говорит о важности этих архивов: из 4657 страниц семи томов KRI примерно 1100 страниц занимают тексты из Дейр эль-Медина, при этом 280 страниц, то есть четвертая часть, — это документы царствования Рамсеса III, 240 — Рамсеса II,

дует иметь в виду, что жизнь обитателей этого государства в государстве не обязательно была характерна для Египта в целом.

Менталитет общества стал меняться с началом Нового царства, а в Рамессидском Египте атмосфера становится очень специфичной начиная с правления Сети I. Мы больше не встречаем выдающихся деятелей, подобных Сененмуту или Аменхотепу, сыну Хапу. Подданные были слишком подавлены личностью царя, чтобы иметь возможность проявить хоть какую-то инициативу (Kruchten, 1983, 44–46; Leprohon, 1985, 102–103); они стремились замкнуться в себе. Гробницы больше не напоминают о карьере их обладателя и выполняют функции только культовых сооружений; отныне они служат для включения усопшего не в социальную среду, а в мир богов, то есть приближают его к богу (Assmann, 1987, 40). Развивается личное благочестие (Otto, 1968; Assmann, 1978). В частном искусстве появляется тенденция к пафосу и искажениям, которые стали допустимы, благодаря высвобождению форм, еще при Тутмосе IV; однако теперь в обществе, которое обуздали, те, кто мог позволить себе гробницу или стелу, стали уделять чрезмерное внимание своему внешнему виду, переходя в стремлении к роскоши грань разумного (Beck-Hartmann, 1992). Развитие любовной поэзии, возможно, было вызвано теми же причинами.

Личность Сети I определенно знаменует начало новой эпохи. Сложившаяся ситуация несколько смягчилась в царствование Рамсеса II, выделяющееся и своей продолжительностью, и своими памятниками. Но импульсы, которые придал Сети I, а возможно, еще и Хоремхеб, чтобы избавиться от амарнских потрясений, изменили все сферы жизни египетского общества[40].

ЦАРЕВИЧ РАМСЕС ПРИ СЕТИ I

После смерти Сети I фараоном стал его сын Рамсес. Этой простой констатации факта, по идее, должно быть достаточно, но двусмысленность некоторых египетских источников и недавно сложившаяся тенденция искать между двумя царствованиями переходный этап, когда правящий фараон и его преемник вместе управляли страной, вынуждает остановиться на вопросе о соправлении Сети I с его сыном. Идея, предложенная К. Зееле в 1940 году, была подробно рассмотрена У. Мёрнейном (Murnane, 1977, 57–87), который считает соправление бесспорным фактом (ibid., 63). В «Большой посвятительной надписи» в Абидосе Рамсес II вспоминает о кульминационном моменте своей юности, когда Сети I потребовал его коронации. Текст этот не является единственным указанием на возможность соправления, но для данной проблемы он является стержневым, так как именно он придает убедительности гипотезе о соправлении (Seele, 1940, § 43–44). Однако источники меняют смысл в зависимости от того, верит исследователь в соправление или не верит, и все зависит от перевода этого отрывка

145 — Рамсеса IV и всего 67 — Сети I. После Рамсеса V документов становится все меньше, а при Рамсесе IX мастера покидают эти места, переселившись в окрестности Мединет Абу (Eyre, 1987, 25).

[40] Сети I, которого его сын прославлял, как бога, никогда — ни при своей жизни, ни после кончины — не был объектом культа: Habachi, 1969a, 49–50.

абидосской надписи[41]. Мы узнаем, что Рамсес, «будучи старшим сыном, воспитанный как наследник трона Геба, составил отчет о [состоянии?] двух земель, будучи во главе вельмож (*mnfjt/менфит*; в гражданском смысле: Vandersleyen, 1971, 175–191) и “колесниц”». Затем текст возвращается к более ранним событиям: «Когда мой отец появился перед толпой со мной, еще ребенком, на руках, он сказал обо мне: “Сделайте его царем, пусть я при жизни увижу его совершенство”». Далее следует лакуна, заполнить которую предлагали высказываниями, подтверждающими идею соправления: царь будто бы приказал придворным короновать юного царевича. Однако все слова Сети о Рамсесе касаются его будущего. Он нигде не говорит, что Рамсес *является* царем одновременно со своим отцом. У. Мёрнейн анализирует и другие указания на факт соправления, которые представляются ему убедительными, и пытается найти в них доказательства этой теории. Поскольку на стеле от 9-го года правления Сети I в Асуане упомянут наследный принц (KRI I, 74, 10; Habachi, 1973, 123), Рамсес мог быть привлечен своим отцом к совместному правлению лишь в течение двух последних лет жизни Сети I. Но, как мы видели, в тексте из Абидоса ничего не говорится о соправлении, другие же свидетельства вполне согласуются с версией о двух последовательных царствованиях. Конечно, судя по тексту, Рамсес мог участвовать в делах отца, как некогда тот участвовал в делах Рамсеса I, но сам фараон Сети I по-прежнему правил единолично. Сегодня теория соправления отвергнута большинством исследователей[42], но нередко слова «регент» и «принц-регент» все еще заменяют словом «соправитель»[43], что не совсем корректно: юный Рамсес официально не руководил страной при жизни отца, который лишь позволял сыну участвовать в некоторых своих мероприятиях.

На разных памятниках эпохи Сети I царевич Рамсес представлен как юноша с «прядью детства»: в Абидосе, в Галерее царей, на частных стелах (Чикаго OI 10507, Брюссель E 5300; Murnane, 1977, 60b). Точные датировки этих памятников отсутствуют, а рост царевича на рельефах не является надежным показателем. Царевич всегда уступает в росте Сети I: на западной стене Галереи царей он примерно на треть ниже отца, а чуть дальше на той же стене доходит ему до плеча — как и на знаменитой сцене, где он помогает отцу ловить быка. Смущает тот факт, что рельеф мог быть создан уже после смерти Сети I, так как при Рамсесе II продолжали высекать сцены по проектам и даже по эскизам, созданным при его отце. Единственный датированный документ, в котором упомянут, но не назван по имени наследный царевич, — стела от 9-го года правления Сети I в Асуане. Неизвестно, изображался ли царевич рядом с отцом до этой даты.

---

[41] KRI II, 327, 11–328, 6; перевод: Breasted, AR III, § 267; Murnane, 1977, 58.

[42] Helck, 1981d, 212–214. — Надпись *Синай* № 250 считалась несомненным свидетельством соправления (Murnane, 1977, 62). Оба царя изображены напротив друг друга на своде стелы; досадный разлом уничтожил важную нижнюю часть колонки текста, предшествующей той, что начинается с картуша Сети I, за которым следует «его царственный сын Усермаатра» — имя, полученное Рамсесом II уже при коронации. Поскольку издатели надписи придерживались версии о соправлении, они прочли «Сети *и* его царственный сын». Так как в сцене на своде один царь чествует другого, памятник, вероятно, был создан уже при Рамсесе II, причем стольником Ашахебуседом, который просто решил подчеркнуть, что Рамсес II был сыном Сети I.

[43] LÄ V, 108; Kitchen, 1982a, 27; Э. Спэлинджер (Spalinger, 1979d, 271) меняет термин, но сохраняет смысл — «соправитель».

Тем не менее он трижды фигурирует в батальных сценах на северной стене гипостильного зала в Карнаке. Его изображение высечено на месте фигуры загадочного персонажа — военачальника и носителя опахала Мехи (Murnane, 1990, 107–114). Этот Мехи появляется на стене шесть раз; его изображение и титулы были добавлены уже после создания рельефа, и везде он стоит непосредственно за Сети, так, словно является вторым лицом в государстве. В дальнейшем его присутствие было сочтено неуместным, его изображения и титулы были или стерты, или заменены, главным образом на изображение царевича Рамсеса. Иногда высказывалось предположение о том, что Мехи мог быть законным преемником Сети I, но его оттеснил Рамсес. Неизвестно, начали ли уничтожать изображения Мехи еще при Сети или же Рамсес приказал переделать рельефы уже после кончины последнего — то ли из ревности, то ли из верности семейному духу, не допускавшему выдвижения чужака на ведущие роли. При Рамсесе II престижные места в военных сценах станут занимать только его сыновья. Борьба с изображениями Мехи знаменует конец эпохи «высокопоставленных чиновников»: отныне все рычаги власти сосредоточиваются в руках царя и ближайших членов его семьи (Murnane, 1990, 113–114).

Глава III
ЦАРСТВОВАНИЕ РАМСЕСА II. Ок. 1279–1212 годов до н. э.

ХРОНОЛОГИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

Абсолютная хронология

Определить точную дату восшествия Рамсеса II[44] на трон пока еще не представляется возможным. Предлагаются три варианта: 1304, 1290 и 1279 гг. до н. э. Каждый имеет своих сторонников. Определение дат строится на таблице абсолютной хронологии эпохи, восстанавливаемой лишь приблизительно на основе расчетов периодов Сотиса и суммарной продолжительности царствований. Она может быть уточненной благодаря астрономическим определениям лунных фаз, указанных в некоторых источниках[45]. В настоящее время ученые склоняются к самой поздней дате — 1279 году (Hornung, 1979; Krauss, 1984, 41), но Э. Эдель и Р. Паркер считают более

[44] Царствованию Рамсеса II посвящена обширная библиография, см.: Eaton-Krauss, LÄ V, 108–114; тексты этого периода: Kitchen, Ramesside Inscriptions (KRI) II (царские документы), III (частные документы), VII, 45–216, 407–411 (дополнения); К.А.Китчен продолжает работу над переводом текстов. См. также каталоги выставок: Desroches Noblecourt, Nelson, 1976 и Desroches Noblecourt, 1985, а также Kitchen, 1982a, — очень информативные издания, но они лишены научного аппарата.

[45] Состояние изучения вопроса на 1960 год: Rowton; на 1981 год, с основной библиографией: Parker.

правдоподобным 1290-й (Edel, 1957; Parker, 1981). Ю. фон Бекерат и В. Барта полагают, что 1304 год следует полностью отвергнуть (von Beckerath, 1957, 7; Barta, 1979–1980, 26; Kitchen, JEA 61, 1975, 266), но М. Б. Роутон склонялся именно к этой дате (Rowton, 1966), не исключал ее и Р. Штадельман в 1984 году (LÄ V, 912).

Определение даты восшествия на трон Тутмоса III вызывает трудности того же порядка, что и датировка коронации Рамсеса II, причем эти проблемы связаны между собой. Противоречивые данные о продолжительности царствований Тутмоса II, Хоремхеба и Сети I, а также вопрос о возможном соправлении Аменхотепа III и Аменхотепа IV делают крайне ненадежными любые вычисления сроков периода между правлениями Тутмоса III и Рамсеса II.

Напомним между тем об астрономических расчетах Р. Уэллса (Wells; см. выше, с. 385, примеч. 191), установившего, что Аменхотеп IV взошел на трон в ноябре 1355 года; отнимаем 73[46], получаем (без учета месяцев) 1282 год — дату, близкую к 1279 году. С другой стороны, прибавив к цифре «1355» продолжительность царствований фараонов до Аменхотепа IV, опять же без учета месяцев — то есть 126 лет[47], — мы приходим к выводу, что Тутмос III взошел на престол в 1481 году, а с учетом 11-летнего соправления Аменхотепов III и IV — в 1470-м, что близко уже к 1479 году. Это может служить подтверждением того, что опорными датами являются 1479 и 1279 годы, но в подобных вычислениях содержится слишком много спорных моментов, поэтому все даты все равно остаются предположительными[48].

Относительная хронология: датированные документы

Рамсес II взошел на трон на 27-й день 3-го месяца сезона *шему* (Helck, 1990, 205–207). Ему было как минимум 20 лет, а возможно, и больше. Несмотря на огромное количество памятников и документов с его именем, история этого царствования продолжительностью более 66 лет не очень насыщена событиями. Есть источники, в которых даты следуют погодно (KRI VIII, 70–73), но не все эти датировки в равной степени важны. Если исключить этикетки на винных кувшинах или горшках меда, а также частные документы, прежде всего из Дейр эль-Медина, датированных источников остается совсем немного.

В первую очередь царь принялся завершать строительство зданий, начатое его отцом. Первым годом датирована «Большая посвятительная надпись», высеченная в храме Сети I в Абидосе по приказу Рамсеса II; она относится скорее к началу, чем к концу событий, которым она посвящена. Тем же годом датированы несколько стел в Гизе и на Синае и надпись в Силсиле. Вторым годом датированы две стелы — в Асуане и на Синае. Судя по обнаруженному в Рамессеуме остракону, на 2-м году пра ления Рамсеса II строители торжественно приступили к вырубанию в скале царской

[46] Цифра «73» получена сложением 17 лет Аменхотепа IV, 3 лет Анххепрура, 10 лет Тутанхамона, 4 лет Эйе, 27 лет Хоремхеба, 1 года и 4 месяцев Рамсеса I и 11 лет Сети I.

[47] То есть 54 года Тутмоса III, 25 лет Аменхотепа II, 9 лет Тутмоса IV и 38 лет Аменхотепа III.

[48] Было сочтено, что обе даты не соответствуют историческим данным: von Beckerath, 1967, 6.

гробницы, использовав в ходе церемонии серебряный резец (Wente, 1980, 209); тогда же началось строительство самого храма. Третьим годом датировано освящение пилона в Луксоре. Стела от 8-го года в Маншийет эс-Садр сообщает о добыче камня для изготовления статуй. На воротах храма Мут сохранилась дата «37-й год».

Военные действия засвидетельствованы на 4-м, 5-м, 8-м и 10-м годах правления Рамсеса II и только на севере[49]. После заключения договора с хеттами на 21-м году на протяжении 45 лет не происходило ничего существенного, если не считать брака царя с хеттской царевной на 37-м году его царствования. Есть еще несколько датированных источников религиозного характера: так, например, есть сообщения о захоронении священных животных на 16-м, 26-м, 30-м и 55-м годах. Наконец, помогают в расчетах и данные о праздниках *сед*, регулярно справлявшихся с 30-го года и до кончины фараона.

Для установления хронологии документов используются уточняющие критерии. Следующие относятся к двум первым годам царствования: создание выпуклых рельефов, переход к врезанным рельефам и добавление эпитета Сетепенра в первый картуш. Еще один критерий — написание имени Рамсес: до 20-го года имя оканчивается на *ss/сес,* а начиная с 21-го — на *sw/су* (то есть превращается в Рамессу)[50].

Что касается продолжительности царствования, указанной Манефоном — 66 лет и 2 месяца (Manetho, 102, 108), — то она подтверждается и Рамсесом IV, который сравнивает деяния, совершенные им за три года, с достижениями Рамсеса II за 67 лет[51], и отрывком из бухгалтерской ведомости, которая заканчивается датой от 67-го года, первого месяца *ахет*, 18-го дня, после которой уже указан 1-й год, 19-й день 2-го месяца *ахет* — эта дата может относиться только к правлению его преемника Мернептаха (Gardiner, 1948, 30, 10; 8; 14).

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ РАМСЕСА II

Основываясь на тексте стелы из Кубана, исследователи часто утвеждают, что в 10-летнем возрасте Рамсес II был командующим войсками (*mšʿ/меша*)[52]. Однако выражение, трактуемое обычно как «глава, командир» (*rꜣ-ḥrj/ра-хори*), здесь означает того, чья «речь влиятельна», и не связано с определенным чином, а fortiori[53] — с военным. Термин же *mšʿ/меша*, очевидно, следует переводить не как «войско», а как

[49] Факт ведения Рамсесом II военных действий на 18-м году своего правления остается недоказанным. Стела в Бет-Шане, датированная 18-м годом, не содержит никаких исторических данных; трофей, который царь преподносит Амону-Ра, не обязательно был добыт в недавних походах; текст заканчивается традиционным списком Девяти Луков: KRI II, 150–151.

[50] Kitchen, 1977, 220 и n. 27. — Э. Спэлинджер (Spalinger, 1980a, 96–97) приводит список источников, из которых следует, что критерий этот применим не только к Фивам и Югу, как считает К. А. Китчен, но, пусть и с меньшей уверенностью, к Египту в целом.

[51] KRI VI, 19, 15 (продолжительность — 67 лет); 42, 14 (66 лет); Helck, 1963, 40–42. См. ниже, с. 543.

[52] См., например: Kitchen, 1982a, 24; Stadelmann, 1981, 458.

[53] «А тем более, и подавно» (лат.). — *Примеч. перев.*

«народ, толпа»[54]. Впрочем, эти десять лет могли быть отсчитаны от того момента, когда семья обрела статус царской — с восшествием на престол Рамсеса I, если не Сети I. Выход семьи на авансцену событий мог дать юному царевичу возможность проявить себя как личность и показать свои таланты.

После смерти отца — где-то на севере страны — Рамсес стал фараоном. События 1-го года можно пересказать. Рамсес II сопровождает мумию отца в Фивы; принимает участие в празднике Опет; назначает нового верховного жреца Амона, Небуненефа. Он осуществляет целый ряд строительных мероприятий: расширение площади храма в Луксоре, основание Рамессеума, завершение храма Сети I в Гурне и гипостильного зала в Карнаке, основание храма в Бейт эль-Вали в Нубии и святилища в Силсиле, рядом с отцовским. Царь вновь спускается по Нилу, останавливается в Абидосе, где возобновляет начатое отцом строительство, решив достроить храм Сети I и основать свой собственный[55]. Этот 1-й год кажется перенасыщенным событиями, но речь идет о нескольких инициативах, реализация которых могла затянуться на многие годы.

Итак, Рамсес II начал свое правление с реализации архитектурных, а не военных проектов — порядок, типичный для начала царствования (Hornung, 1971b, 52, 56–57).

Первое время (Murnane, 1975a, 165–183) в тронном картуше фигурировало только первое царское имя Усермаатра, иногда с эпитетами «образ Ра», «наследник Ра» и т. п. Но в какой-то момент появляется эпитет «избранный Ра» (*stp.n-rᶜ/Сетепенра*), который закрепляется в тронном картуше царя навсегда. Впервые картуш в этой окончательной форме зафиксирован с датировкой концом 2-го года правления, 26-м днем 3-го месяца *шему*[56]; в любом случае, в 1-м году ее еще не было. Кроме того, выпуклый рельеф уступил место врезанному еще до принятия окончательного имени. Памятники, к возведению которых Рамсес II приступил в первые годы царствования, можно разделить на три вида по следующим критериям: первое имя и выпуклый рельеф; первое имя и врезанный рельеф; наконец, врезанный рельеф и имя Усермаатра Сетепенра. Первые два этапа продлились меньше двух лет, третий — почти 65 оставшихся лет царствования. Но это деление на фазы касается только техники исполнения рельефов. Начало и сроки возведения стен определить пока невозможно. Рамсес II задумал строительство своего заупокойного храма, Рамессеума, еще до конца 2-го года правления, так как захороненные в начале работ заклады в фундамент содержат только имя Усермаатра; однако рельефы храма целиком относятся к третьему виду, то есть стены были подготовлены для художественной отделки в конце 2-го года правления или позже, что вполне правдоподобно. Рельефы двух первых видов встречаются в зданиях, стены которых были возведены еще до восшествия на престол Рамсеса II: в заупокойном храме Сети I в Гурне и в большом гипостильном зале в Карнаке. Вероятно, только два памятника были построены по инициативе Рамсеса II и частично украшены рельефами еще до конца 2-го года его правления: храм царя в Абидосе и маленький храм в Бейт эль-Вали, в Нубии.

---

[54] KRI II, 356, 6; Breasted, AR III, § 288. Christophe, 1951a, 339; Vandersleyen, 1971, 177–183; 186–189.

[55] Stadelmann, 1981, 459. — Эти события реконструируются главным образом на основании данных *Большой посвятительной надписи* из Абидоса.

[56] Стела из Асуана, KRI II 344, 10. Если Рамсес II действительно взошел на трон в 27-й день 3-го месяца *шему*, то надпись датируется последним днем 2-го года его правления.

СЕМЬЯ РАМСЕСА II

Семья Рамсеса II была немногочисленна; у него была одна сестра (а не брат, вопреки LÄ V, 108; см. выше, с. 441). Когда Сети I создавал для него гарем и отбирал женщин, речи о царицах не шло. В первых же документах царствования Рамсеса II упоминается его старшая жена Нефертари-Меретенмут[57], то есть «возлюбленная Мут», в то время как сам Рамсес именовался «возлюбленный Амоном». Царица изображена позади царя на обратной стороне пилона в Луксоре, рядом с надписью от 3-го года правления. Статуи и имена Нефертари-Меретенмут фигурировали на постаментах колоссов Рамсеса II до тех пор, пока царицы-царевны, Бент-Анат и Меритамон, не заняли ее место[58]. Ей посвящен также величественный храм в Абу Симбеле, к северу от храма Рамсеса II (Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968), а гробница, вырубленная и расписанная для нее в Долине цариц, является одним из шедевров той эпохи[59]. После заключения на 21-м году правления Рамсеса II мирного договора с хеттами Нефертари обменялась с хеттской царицей поздравительными письмами. Затем она, видимо, скончалась.

Второй старшей женой царя стала Исетнеферт (Sourouzian, 1989, 2–6). Она изображена позади Рамсеса II на рельефах в Силсиле и на наскальной стеле в Асуане, посвященной второму празднику *сед*, который состоялся в 33–34 годах правления. Здесь и почти на всех остальных памятниках царица была изображена по велению ее сына Хаэмуаса, тогда как Рамсес II обходил ее имя молчанием[60]. Несомненно, она являлась старшей царской женой в то же время, что и Нефертари[61], но не удостоилась чести быть изображенной рядом с царем на постаментах его колоссов.

За время этого долгого царствования другие царевны также носили титул царской жены — например, дочь хеттского царя Хаттусили III. Хеттское имя этой царевны, на которой Рамсес II женился на 34-м году царствования, неизвестно[62]; в картуше она названа Маатхорнефрура. Позднее царь взял в жены и другую хеттскую царевну, имя которой нам неизвестно. Четыре царские дочери также стали старшими царскими женами: Бент-Анат[63], Меритамон (KRI II, 924–925; Al-Masri, 1983; KRI VII, 106–107), Небеттауи (KRI II, 925–926; VII, 107, 8; Leblanc, 1983, 40–52) и Хенутмира[64].

---

[57] Helck, LÄ IV, 518–519; Thausing, Goedicke, 1971, 15–27; KRI II, 848–853. — О возможной связи между Нефертари и Эйе см.: Hari, 1979.

[58] Например, в Луксоре: PM II, 304 (7); 311–312 (59) (61) (67); 313 (70) (71); KRI II, 629–633; в Карнаке, PM II, 187 (582) (583); KRI II, 589–590. — Нефертари могла занять первенствующее положение в связи с тем, что родила царю первенца, наследника: Chr. Desroches Noblecourt, 1990–1991, 30.

[59] Гробница № 66; PM I, 762–765; Thausing, Goedicke, 1971; Dondelinger, 1973; Dondelinger, 1987. Ни изображений, ни имени Рамсеса II в этой гробнице нет (Hornung, 1975a, 144).

[60] Ее сын Мернептах, став царем, упомянул ее на одном из своих памятников (Копенгаген, MN 345; см.: Sourouzian, 1989, 4, № I, 15).

[61] Мне непонятно, на основании каких источников можно было предположить, что Исетнеферт по времени предшествовала Нефертари (например, Hornung, 1975a, 143).

[62] См. ниже, с. 470–471. До 34-го года правления царь, вероятно, женился на двух чужеземных царевнах, одна из которых была вавилонянкой, см.: Schulman, 1979, 187, n. 4 (конец), n. 42.

[63] Anthelme, 1991; KRI II, 923–924. — О погребении Бент-Анат в Саккара или Фивах см.: Martin, 1989a, 134 и n. 2; Chappaz, CdE 61, 1986, 252, n. 1.

[64] Она была дочерью, а не сестрой царя: Sourouzian, 1983.

У Нефертари и Исетнеферт были дети, но неизвестно, появилось ли потомство от брака царя с его дочерьми[65]. За время царствования Рамсеса II у него рождались дети и от других женщин, без всяких титулов; похоже, Рамсес одинаково заботился обо всех своих отпрысках, независимо от статуса их матерей[66]. Охваченный отцовской гордостью, он принялся хвалиться своей многодетностью. В частности, он приказал изобразить целые процессии царевичей и царевен, с указанием всех поименно в перечнях[67], которые увеличивались и дополнялись при появлении новорожденных: приведены имена около 50 мальчиков и 40 девочек (Gomaà, 1973, 2–11; KRI II, 858–927). По обеим сторонам колоссов, украшающих фасад маленького храма Нефертари в Абу Симбеле, изображены шесть детей (надо полагать, только от этой царицы), перечисленных по порядку рождения: Аменхорхепешеф, старший сын Рамсеса II и на тот момент наследный царевич, Рахорунемеф (третий сын), царевны Меритамон (четвертая дочь) и Хенуттауи (седьмая)[68], царевичи Мерира (одиннадцатый) и Мериатум (десятый). Неизвестно, родила ли царица других детей после возведения храма.

Исетнеферт была матерью четверых детей: старшей дочери Рамсеса II Бент-Анат, Рамсеса (второго сына), Хаэмуаса (четвертого), самого известного из царских сыновей, и Мернептаха (тринадцатого), унаследовавшего трон после того, как один за другим скончались его старшие братья.

На фасаде большого храма в Абу Симбеле между детьми обеих цариц наблюдается почти абсолютное равенство: между ног колосса у южной двери помещена статуя Аменхорхепешефа, старшего из всех детей, сына Нефертари, а между ног северного колосса — фигура Рамсеса, второго сына (от Исетнеферт). Что касается царевен, то возле первого колосса, начиная с юга, были поставлены статуи Бент-Анат, дочери Исетнеферт, и Небеттауи, о матери которой мы ничего не знаем, а также неизвестной нам царевны; возле четвертого колосса, на севере — Меритамон, дочери Нефертари, и царевны Нефертари, третьей дочери царя от неизвестной матери.

---

[65] О царских дочерях, ставших «женами» или «старшими женами» отца, см. выше, с. 361. Возможно, в пользу версии настоящей женитьбы на Небеттауи: Van Siclen, 1974. См. также: Anthelme, 1991, 28, о дочери Бент-Анат и Рамсеса. Нефертари и Исетнеферт одновременно носили титул «старшей царской жены», как Бент-Анат и Меритамон (KRI II 440, 5; 502, 3–4), а впоследствии — Бент-Анат и Хенутмира (KRI II, 504, 1–2). Мне не кажется обоснованным предположение о том, что царские дочери стали носить этот титул только после кончины двух главных жен (см.: Sourouzian, 1983). Царская стела Хаэмуаса в Силсиле — единственный памятник, на котором Рамсес II изображен с Исетнеферт, за которой следует ее дочь Бент-Анат. Обе женщины носят титул «старшей царской жены», и ничто не указывает на то, что Исетнеферт уже не было в живых.

[66] Матери двух царевен, Нефертари и Небеттауи, изображенных на фасаде большого храма в Абу Симбеле, нам неизвестны. Небеттауи получила титул «старшей царской жены», не будучи дочерью главной царицы. Все царские сыновья были «носителелями опахала справа от царя» — высший почетный титул, который жаловался только визирям, вице-королям Куша, стольникам и казначеям (Pomorska, 1987, 39–42).

[67] Фарук Гомаа (Gomaà, 1973, 9) считает, что эти перечни были созданы из желания царя отдать всех своих детей — как живых, так и усопших — под покровительство богов каждого храма. Рамсес II был единственным фараоном, у которого было так много детей и который чуть ли не с маниакальной страстью везде и всюду ими хвалился.

[68] Фарук Гомаа (Gomaà, 1973, 7) ошибочно называет здесь Небеттауи, пятую дочь; эту ошибку повторяет В. Хельк (Helck, LÄ IV, 518). Статуи царевны Хенуттауи можно видеть в Абу Симбеле (Leblanc, 1986, pl. 17).

Если подсчитать детей Нефертари и Исетнеферт к моменту рождения 16-го сына (последнего, чья мать известна), окажется, что у царя в то время было девять сыновей от неизвестных матерей и семь — от двух главных цариц. Внутри большого храма в Абу Симбеле изображены девять дочерей. Мы знаем только о трех дочерях от главных жен, последняя из них была седьмой из девяти; следовательно, шестерых к тому моменту родили другие жены. Кроме того, все дети после шестнадцатого сына и девятой дочери были рождены неизвестными нам гаремными женщинами. Таким образом, дети главных цариц оказываются в меньшинстве.

Сыновья царя на рельефах изображены как участники военных действий или в сценах захвата пленников. Таким образом, встает вопрос о возрасте царевичей и самого царя. На стенах первого зала в первом храме в Бейт эль-Вали, рельефы которого были выполнены по большей части в течение 1-го года царствования, мы видим старшего сына и наследного царевича Аменхорунемефа, который во всех последующих источниках будет именоваться Аменхорхепешефом и даже, чуть позднее, — Сетхорхепешефом (Gomaà, 1973, 9–10, 15); он изображен на колеснице или ведущим пленников. Трех других сыновей мы видим на северной стене в сходной роли, но сохранилось только имя четвертого — Хаэмуаса. На внутренней южной стене первого зала в храме в Абу Симбеле есть батальные сцены, где три старших сына сражаются на колесницах. На южной стене гипостиля в Карнаке, в сцене, которая может относиться к битве при Кадеше, двенадцать сыновей ведут пленников. Восемнадцать царевичей изображены в Рамессеуме в связи с кампанией 8-го года правления Рамсеса II.

Это стремительное увеличение числа царевичей не выглядит чем-то необычным: при полигамии почти одновременно могут рождаться несколько детей. Однако присутствие царевичей на колесницах в батальных сценах уже начиная с 1-го года царствования требует объяснения. Принято считать, что сцены эти условны. Стоит также задаться вопросом, который уже нередко ставился, например, в связи с дочерьми Эхнатона: начинали ли изображать царских детей сразу после их рождения, придавая младенцам вид взрослых, или же только после того, как они начинали ходить? Как минимум четыре сына Рамсеса II родились до восшествия их отца на престол (Gomaà, 1973, 11; вспомним, что Сети I создал гарем для своего сына, тогда еще наследного принца). Выдвигалось даже предположение о том, что на 1-м году царствования отца царевне Бент-Анат могло быть семь лет (Anthelme, 1991, 31). Предлагаемые объяснения противоречат друг другу. Если отнести ко времени Сети I события, изображенные в храме Бейт эль-Вали, датируемом первыми двумя годами, или те, что представлены на южной стене большого зала в Абу Симбеле и имели место до 5-го года, участие в битве сыновей Рамсеса II становится еще менее правдоподобным. Можно предположить, что сцены эти являются вымыслом, но это не делает вымыслом царевичей, которые, несомненно, существовали на самом деле.

В грандиозный обман сложно поверить, читая повествование и разглядывая сцену сражения при Кадеше на 5-м году правления: носитель опахала фараона подъезжает на колеснице, чтобы приказать царским детям не покидать западной окраины поля и держаться в стороне от битвы, тогда как поблизости от поля на колеснице несется другой «носитель опахала справа от царя» — Парахорунемеф, третий сын фараона (Gardiner, 1960, 36; Thomson, 1987). По К. А. Китчену (Kitchen, JEA 61, 1975, 271), это мог быть мальчик лет пятнадцати. Так как Парахорунемеф не был ни первым

сыном Рамсеса, ни первым ребенком царицы Исетнеферт, к моменту восшествия на престол Рамсесу II должно было быть около 30 лет, а это возможно только в том случае, если скончался он почти в столетнем возрасте — именно такое мнение высказал Г. Масперо, исследовав мумию царя. Если верить тексту, царя сопровождали и другие сыновья, которые были младше Парахорунемефа. К. А. Китчен считает, что имело место не соправление, а регентство — именно за это время Рамсес II совершил все то, чем был наполнен 1-й год его правления, до того как он стал царем. Однако в источниках времен царствования Сети I ничто не намекает на присутствие рядом с ним взрослого сына; напротив, будущий Рамсес II изображен рядом с отцом как подросток. Конечно, эти изображения встречаются нечасто, датируются неточно, а некоторые — например, в Абидосе — были закончены уже при самом Рамсесе II. Возможно, загадка порождена канонической условностью изображений: наследный царевич фигурирует как юноша, сопровождающий своего отца, в действительности же внуки Сети I были уже достаточно взрослыми к моменту смерти деда и могли следовать за отцом в сражениях.

Биографии некоторых сыновей Рамсеса II являются источниками исторических сведений. Старший сын, Аменхорхепешеф, долгое время был наследным принцем. На 21-м году правления Рамсеса II он еще упоминается под именем Сетхорхепешефа в клинописных архивах Богазкёя (Gomaà, 1973, 15). На 39-м году его уже не было в живых, так как титул наследника носил второй сын, Рамсес. К 60-му году наследником стал Мернептах, тринадцатый сын Рамсеса II: именно он впоследствии унаследует престол. Возможно, в течение какого-то времени наследником считался Хаэмуас, верховный жрец Птаха в Мемфисе, но к 55-му году правления Рамсеса II он, по всей видимости, скончался[69]. Остальные старшие братья Мернептаха, дети главных царских жен, очевидно, ушли из жизни до него, не дождавшись своей очереди.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Если судить о военных деяниях Рамсеса II по площади, которую занимают посвященные его походам изображения и надписи, может показаться, что это был самый воинственный царь за всю историю Египта. Но многие сцены, которые нельзя с точностью поместить во времени, а иногда и в пространстве, ставят в тупик — по крайней мере когда обращаешься к ним впервые. Некоторые войны, с точными датировками, вероятно, имели место в реальности, другие, повторимся, считаются фиктивными. Две наскальные стелы в долине Нахр эль-Кельб, текст которых полностью утрачен, свидетельствуют о присутствии там египтян на 2-м и 10-м годах правления Рамсеса II; 18-м годом датируется стела из Бет-Шана, которую К. А. Китчен называет «риторической», так как ее высокопарный текст не содержит никаких конкретных деталей. Точно датированы только два события — битва при Кадеше (5-й год) и осада Дапура (8-й год);

[69] Gomaà, 1973, 42; то, что Хаэмуас носил титул «старший сын царя» (*s3-nswt smsw/ca-несут семсу*), может служить доказательством его статуса наследника (Kitchen, 1982b, 121).

на 8-м году, кроме того, царь захватил и некоторые другие территории, названия которых просто перечислены. Войны эти проходили исключительно на севере.

Насколько масштабными были эти события — другое дело. Египетские скульпторы могли придавать эпический размах мелким столкновениям. Вполне вероятно, что в египетской «империи» вспыхивали локальные мятежи. Возможно, наша ошибка состоит в том, что мы называем «войной» только крупные операции, тогда как усмирение беспорядков в каком-нибудь поселении могло быть достаточным основанием для того, чтобы посвятить этому событию целую стену (Бейт эль-Вали, южная стена). Точно так же необычайно доскональная картина битвы при Кадеше — как в тексте, так и в изображениях — завораживает нас настолько, что мы считаем этот эпизод важным историческим фактом, хотя, между тем, он является скорее плодом воображения художника, чем продуктом исторического сознания (Tefnin, 1981). Качество текстов, расплывчатость их содержания, неправдоподобные факты говорят о том, что они стоят ближе к эпосу, чем к отчету о событиях; это подтверждается и анализом сил противоборствующих сторон (Sturm, 1939, 38–61). Таким образом, хотя все войны Рамсеса II, возможно, были реальными, оценить их масштаб мы не можем. В длинной автобиографической надписи на стеле в эс-Себуа, высеченной, вероятно, на 44-м году правления Рамсеса II, вице-король Сетау посвящает чуть больше двух строк (13–14) набегу, который он совершил от имени царя на страну Ирем, приведя оттуда пленников — вождя области Акайты, его семью и его людей. И только из текста стелы одного из его подчиненных мы узнаем, что Сетау поручили предпринять набег на чемеху с целью заполучить рабочую силу для строительства храма в Вади эс-Себуа (Kitchen, 1975–1976, 301).

До 5-го года правления

О военных кампаниях на юге мы можем судить только по рельефным сценам в нубийских храмах. В нескольких списках южных племен — например, на постаментах колоссов в Луксоре — постоянно присутствуют одни и те же топонимы. Очевидно, речь идет о тех нубийских народах, с которыми Египет входил в контакты, будь то военные столкновения или отношения иного характера. Самое раннее изображение похода Рамсеса II в Нубию представлено сценой на южной стене первого зала в Бейт эль-Вали. Судя по написанию царского имени, в котором еще нет эпитета Сетепенра, рельефы этой стены были созданы в первые два года царствования Рамсеса II. Аналогичную сцену мы видим на южной стене первого зала большого храма в Абу Симбеле. Походы против южных стран изображены на южных стенах многих храмов Нубии — в Дерре, Акше (Daneri Rodrigo, 1991) и Амаре, но без каких-либо пояснений хронологического или топографического характера. Некоторые исследователи связывали нападения на нубийские деревни с военными действиями на 8-м году правления Сети I в Иреме, но эта связь неочевидна и необязательна. Факт присутствия сыновей царя, Аменхорунемефа и Хаэмуаса, игравших важную роль во время кампании, заставляет отнести ее ко времени после воцарения Рамсеса II.

На северной стене большого зала в Бейт эль-Вали представлены три сцены, где врагами египтян являются чехену (условно — «ливийцы»), «бедуины» (судя

по внешнему виду, так как название не указано) и «азиаты» (опять же судя по внешности). Топонимы Хару и Куш появляются в некоторых надписях общего характера. Так как рельефы были выполнены до конца 2-го года правления Рамсеса II, встает вопрос, когда он успел провести эти кампании. Поскольку враги — явно те же самые, с которыми сражается Сети I в сцене на большой стене в Карнаке, вновь возникло предположение о том, что Рамсес II вспоминал о войнах, которые вел под руководством отца.

На южной стене первого зала в большом храме в Абу Симбеле мы видим те же сюжеты, что и в Бейт эль-Вали: осада укрепления в Азии, во время которой царя сопровождают три старших сына; битва против чехену («ливийцев») и, наконец, возвращение царя с нубийскими пленниками. Рамсес II открыто заимствует два сюжета, которые он, должно быть, видел в Карнаке на батальных сценах, созданных при его отце: единоборство с ливийским князем и нападение на Кадеш. Стиль изображений здесь иной, более драматичный, но общая композиция и все детали выдают источник вдохновения. Итак, Рамсес II воспроизвел сцены, но из этого вовсе не следует, что он слепо повторил и изображенные в них события[70].

Кадеш

Рамсес называет «второй экспедицией» кампанию, которая закончилась битвой от 5-го года при Кадеше (KRI II, 102, § 3). Вследствие этого предполагают, что стела от 4-го года первого дня 4-го месяца *ахет,* обнаруженная в устье реки Нахр эль-Кельб, к северу от Бейрута, посвящена первой кампании. Текст стелы утрачен, но речь, бесспорно, идет о военных действиях: мы видим, как царь подводит к богу Ра-Хорахти пленника, а бог подает царю оружие (KRI II, 1). Намерения царя открыто не обозначены, но поскольку Нахр эль-Кебир находился на территории Амурру, присутствие египтян в этом месте могло быть связано с переходом Бентешины, царя Амурру, в подчинение фараону[71]. Это послужило поводом к войне между Рамсесом II и хеттским царем Муваттали на 5-м году, о чем ясно говорится в договоре между Шаушкамувой,

[70] Стоит отметить, что первые сцены южной стены в Абу Симбеле, начиная с восточной, посвящены войнам в Азии, хотя походы на север не могли быть изображены на южной стене. Наиболее приемлемое объяснение этому заключается в том, что северная стена зала предназначалась для грандиозной картины сражения при Кадеше, и поэтому сцены битв с народами севера — тех, которые имели место до сражения при Кадеше, — пришлось перенести на южную стену. Общая концепция оформления зала была выработана, по всей видимости, после 5-го года правления Рамсеса II.

[71] Стела из Библа, датированная 4-м годом, 4-м месяцем *шему* и, следовательно, созданная восемью месяцами позднее стелы в Нахр эль-Кельбе, вероятно, также была поставлена в связи с изменениями в отношениях с Амурру. В сильно поврежденном тексте еще можно распознать слова «расширить границы Египта» (KRI II, 224, 11). Следует задаться вопросом: относятся ли памятники времен этого царствования в Библе еще к тому периоду, когда Амурру был «египетским», то есть до окончания сражения при Кадеше? Я имею в виду многочисленные дверные косяки, имя фараона на которых слишком плохо сохранилось, чтобы можно было определить (по форме написания имени «Рамсес»), датируются ли они временем до 20-го года его правления (KRI II, 400), как, например, фрагмент стелы из Тира и дверные косяки в Яффе (KRI II, 401) — предметы, обнаруженные за пределами Амурру. Движимые объекты — например, вазы, найденные в Угарите и Библе, — не помогают в точных хронологических расчетах (KRI II, 399–400).

сыном Бентешины, и Тудхалийей, сыном Муваттали[72]. Это решение в Амурру приняли, очевидно, с учетом того, что Хеттское царство, северной границе которого угрожали племена касков, было ослаблено: египетский сюзеренитет казался более надежным (Sturm, 1939, 3–5). Присутствие египетской армии в Нахр эль-Кельбе на 4-м году правления Рамсеса II, возможно, также стало следствием этого перехода. Как бы то ни было, ставкой в военной игре выступало государство Амурру.

Битва при Кадеше произвела на Рамсеса II такое впечатление, что он велел поместить тексты и изображения, рассказывающие о ней, на стенах многих храмов в Абидосе, Карнаке, Луксоре, Рамессеуме и Абу Симбеле. Наши сведения об этой битве основаны на трех различных текстах. Первый представляет собой довольно длинное описание всей истории похода — от выхода войска из Египта до его прибытия в Кадеш и последующего возвращения домой; из-за наличия лирических отступлений (например, обращения царя с мольбой к Амону) его принято называть «Поэмой о битве при Кадеше». Второй рассказ короче первого, он ограничивается описаниями сражения и деяний царя и поэтому получил название «Реляция», или «Рапорт». Дополняют картину разрозненные надписи — комментарии к рельефам. К этой сводке можно прибавить некоторые хеттские документы (Götze, 1929; Edel, 1950).

Битве при Кадеше посвящено много научных трудов, авторы которых, как правило, стремились описать возможную последовательность событий и определить путь, по которому двигалось войско. Причины же сражения, его значение и политические последствия затрагивались редко и более чем поверхностно[73]. Между Египтом и хеттским царством находилось множество вассальных государств, зависящих от одного или от другого противника. Египет был вынужден поддержать Бентешину — иначе, с точки зрения вассалов, он проявил бы слабость. Хетты, по тем же причинам, были обязаны отреагировать на это: ставкой в игре было равновесие сил на Ближнем Востоке. Кадеш был не целью кампании, а лишь местом, возле которого произошло столкновение, и выбрал его хеттский царь Муваттали.

Сведения, сообщаемые источниками, скудны и в большинстве случаев не могут быть использованы по отдельности. Египетская армия, собравшись в самом Египте, вышла в поход 9-го дня 2-го месяца *шему* на 5-м году правления Рамсеса II. Место отправления нам неизвестно: Мемфис ли это был или Пи-Рамсес? Инструктаж по ведению боя был дан и пехоте, и колесничным войскам перед выходом из Египта (KRI II, 11, § 27).

---

[72] KUB XXIII, 1, vs. I 28–34; Götze, 1929, 834; Sturm, 1939, 1. Имя богини Шаушки было некогда транскрибировано как Иштар, откуда появился вариант чтения имени царя как «Иштармува» у Й. Штурма и А. Гётце.

[73] Старая библиография приведена в CAH II, chap. 24, sect. 1. Остается актуальным исследование Дж. Г. Брестеда (Breasted, 1903). В Лексиконе египтологии (LÄ IV) Кадешу посвящены две статьи А. Кушке (A. Kuschke): одна — самому городу, другая — сражению. Лучшим остается исследование Й. Штурма (J. Sturm, Der Hettiterkrieg Ramses' II, 1939), к сожалению, плохо изданное уже после смерти автора в трудные для Европы времена. Труд этот, законченный в 1935 году, почти не устарел, и за прошедшие полвека к нему добавилось лишь незначительное число дополнений и уточнений. Тексты, изданные в 1929 году Ш. Кюэнцем (Kuentz, 1929), переизданы и дополнены К. А. Китченом (KRI II, 2–417). Многочисленные переводы и исследования: Faulkner, 1958; Gardiner, 1960; Kadry, 1981; Fecht, 1984 (с дополнениями в GM 80); Assmann, 1983–1984; von der Way, 1984; четыре исследования Х. Гёдике, Э. Спэлинджера и С. Морсчаузера под общим названием Perspectives on the Battle of Kadesh (1985); De Bruyn, 1989 (простой откат к предыдущим исследованиям) и Murnane, 1990. Работы Tefnin, 1981 и Ockinga, 1987 отличаются неисторичностью подхода.

Миновав крепость Чару, царь стал получать от всех «иноземных стран» знаки почтения и преданности. Войско шло по пустым дорогам[74], не испытывая ни малейших трудностей, словно двигалось по Египту. Вскоре оно вышло за пределы Дельты. По прошествии нескольких дней царь оказался на высоте города Рамсес-Мериамон, в Долине елей. Мы ничего не знаем об этих местах и поэтому не можем установить, какой путь выбрал Рамсес. Перевод «Долина кедров» вместо «Долины елей» заставляет нас думать о Ливане, так как считается, что слово *ꜥš/аш* следует переводить как «кедр». Однако речи о кедрах не идет, и долина эта могла находиться где угодно — в Палестине, Ливане или Сирии. Стелы в Нахр эль-Кельбе, свидетельствующие о том, что Рамсес уже проходил здесь на 4-м году своего правления, наводят большинство ученых на мысль о том, что маршрут похода пролегал вдоль побережья. Вместе с «кедрами Ливана» это породило многочисленные домыслы о способах перехода через ливанский хребет на широте Нахр эль-Кельба к долине Оронта[75]: и в самом деле, именно Оронт должен был быть целью пути. Некоторые считают, что египетское войско дошло до Нахр эль-Кельба, а затем следовало по долине, но тогда к Кадешу оно должно было подойти с запада, а не с юга, как утверждают тексты. Есть также предположение о том, что египтяне не проходили через устье Нахр эль-Кельба, а пересекли гряду Кармеля по одному из перевалов, ведущих к Ездрелонской долине и далее — к долине реки Литани и долине Бекаа; отсюда и перевод «ущелье», о котором сказано выше. Рамсес-Мериамон — или новый город, или переименованный старый; каждый ученый располагает его там, где считает нужным, в зависимости от выбранного маршрута.

Миновав город и долину, царь достиг «высоты к югу от Кадеша». С этого момента начинается повествование «Реляции» — короткого, более конкретного и точного текста[76], дополняющего пространную версию. «Реляция» открывается уточнением: царь находится в Джахи[77], он просыпается в своем шатре, в горной местности к югу от Кадеша. Неприятель уже близко: с утра царь облачается в доспехи для битвы. Он продвигается на север и достигает окрестностей города Шабтуны. Упоминание «высоты к югу от Кадеша» несколько удивляет, так как до города было еще далеко, даже если оставить в стороне вопрос о Шабтуне — местонахождение этого города неизвестно, но он явно располагался недалеко от места битвы[78], поскольку служил ориентиром для определения позиций различных армейских частей. Далее мы узнаем, что брод к югу от Шабтуны находится «в одном *jtrw/итру* от того места, где уже находился царь», чуть дальше Кадеша (KRI II, 22, § 60); *итру* — это примерно 12 км (Schlott-Schwab, 1981, 101–145).

---

[74] Первое значение *ꜣ-gꜣwt/ma-гаут* — «недостаток, лишение, нужда». Перевод «ущелье», который зачастую используется в этом отрывке, предполагает, что армия преодолела, например, ущелья Галилеи. Но доказательств этому нет.

[75] *Письмо генерала*, на котором основывается эта версия, на самом деле датируется Амарнской эпохой: см. выше, с. 394, примеч. 218. Этьен де Вома в своей замечательной статье (Etienne de Vaumas, 1970–1971) доказывает, что армия, которая была у Рамсеса II, легко могла пройти через Ливан по дороге от Триполи/Арде до Хермеля в долине Бекаа; но это не значит, что войско проделало именно этот путь.

[76] Sturm, 1939, 30. Текст «Реляции» по объему равен трем восьмым текста «Поэмы».

[77] Область Джахи с юга примыкала к восточной Дельте (город Пи-Рамсес маркировал ее южную границу). Как далеко она простиралась на север, еще предстоит выяснить.

[78] Шабтуна могла находиться на месте современного Телль Маайана: см.: Kuschke, 1979, 9 (карта воспроизведена в LÄ V, 33–34). Й. Штурм (Sturm, 1939) предлагает отождествить ее с современным Телль Мезраа.

Если спускаться по Оронту, то при входе в долину Бекаа лишь одна заметная возвышенность привлекает взгляд путешественника, прежде чем перед ним открывается равнина; она на 782 м выше уровня моря и примерно на 100 м выше Оронта. Только она могла быть названа «высотой к югу от Кадеша». Возвышенность находится близ так называемого Камуат эль-Хермеля, в 25 км по прямой от Телль Неби Менд, традиционно отождествляемого с Кадешем (Breasted, 1903, 97; Kuschke, 1979, 9, карта). Из-за большого расстояния, отделяющего ее от Кадеша, некоторые даже полагали, что в тексте сначала называется другой Кадеш — Кадеш Галилейский, а затем уже Кадеш на Оронте (Schulman, 1981, 16). Однако представляется маловероятным, чтобы автор текста упомянул два одноименных города без дополнительных уточнений, позволяющих понять, о каком из них идет речь. Так или иначе, важно подчеркнуть то, что единственный географический ориентир здесь — Оронт и это первое бесспорное историческое упоминание о нем (см. выше, с. 301). Вопреки некоторым утверждениям, до сих пор не доказано, что Телль Неби Менд соответствует тому Кадешу, возле которого произошло сражение. Если судить по рельефам, даже Кадеш, против которого действовал Сети I, не похож на Кадеш Рамсеса II. Ландшафт Телль Неби Менд не соответствует видам Кадеша Рамсеса II: во всех ракурсах город на рельефах всегда полностью окружен водой[79].

Когда царь находился около Шабтуны, к нему внезапно пришли два бедуина-*шасу* и заявили, что их племена, до сих пор подчинявшиеся хеттам, готовы перейти на сторону египтян; они сообщили, что хеттское войско находится в районе Алеппо, к северу от Тунипа. Как гласит египетский текст, бедуины на самом деле были шпионами хеттского царя, желавшего узнать, где находится египетская армия, обмануть Рамсеса и помешать ему подготовить войско к битве. Крупный город Алеппо расположен приблизительно в 200 км по прямой к северу от Кадеша, что соответствует по меньшей мере недельному переходу. Специально уточняется, что речь идет об Алеппо к северу от Тунипа: можно предположить, что это был небольшой город, ведь иначе не потребовалось бы указывать его местонахождение. Алеппо (Хальба) — топоним очень распространенный; речь может идти об Алеппо к югу от реки Нахр эль-Кебир — в таком случае Тунип располагался в той же области (см. выше, с. 248).

После эпизода с *шасу* царь продолжил путь на север и разбил лагерь к северо-западу от Кадеша. Таким образом, войско обошло Кадеш, который не был целью похода. В краткой версии о переходе через Оронт не упоминается. Из пространной версии мы узнаем, что царь перешел Оронт вброд, чтобы подойти к Кадешу. За ним следовало подразделение

---

[79] См.: Kuschke, LÄ V, 28, 32. — Так как отождествление Кадеша Рамсеса II с Телль Неби Менд никогда не ставилась под сомнение, имеет смысл напомнить о слабых местах этой гипотезы. Основания для подобной идентификации прекрасно изложены Дж. Г. Брестедом (Breasted, 1903, 91–95). Топоним Кадеш, или близкие к нему формы, связывался с Телль Неби Менд и близлежащей областью еще до того, как Ж. Ф. Шампольон расшифровал иероглифическую письменность, и до того, как стали известны памятники Рамсеса II; этот телль — самый примечательный и самый крупный в регионе. Было решено, что именно Телль Неби Менд соответствует Кадешу, возле которого сражался Рамсес II, хотя это до сих пор не подтверждено ни одним эпиграфическим памятником (см. выше, с. 444, примеч. 25). Оставалось выяснить, как события из истории города (главным образом относящиеся к кампании Рамсеса II), могут быть связаны с топографией этой области и его окрестностей (см. прекрасное исследование: Kuschke, 1979). Многочисленные нестыковки и противоречия свидетельствуют о том, что идентификацию нельзя считать окончательной (см. выше, с. 280; 443–444). Традиционная транскрипция «Кадеш» не соответствует различным формам написания названия этого города в клинописных документах (Knudtzon, 1915, II, 1118–1119; Sturm, 1939 и n. 12).

Амона; подразделение Ра перешло реку вброд близ Шабтуны, подразделение Птаха находилось к югу от города Иренем, а подразделение Сетха — еще дальше к югу.

В то время как солдаты подразделения Амона разбивали лагерь, привели двух хеттских шпионов, которые под палками признались, что, вопреки сказанному двумя *шасу*, хеттская армия стоит совсем близко, укрывшись за старым (?) Кадешем, и готова к бою[80]. Нескольким гонцам, а также визирю, было велено поторопить подразделение Птаха, которое все еще находилось к югу от Шабтуны (KRI II, 133). Далее события развивались стремительно. Муваттали, тщательно продумавший ловушку для египетской армии, привел свой план в действие. Хеттские колесницы, стоявшие южнее Кадеша, внезапно обрушились на египтян и рассеяли подразделение Ра, которое только что форсировало реку и не ожидало встретить неприятеля; затем эта же (?) группа хеттских колесниц переместилась к западу от Кадеша, угрожая самому Рамсесу. Подразделение Амона, занятое установкой лагеря, было совершенно не готово к бою, как и сам Рамсес, совещавшийся со своим штабом и вынужденный в спешке облачаться в доспехи. Тактика царя хеттов заключалась в том, чтобы уничтожить египетскую армию по частям, не позволив четырем подразделением соединиться, и тем самым избежать столкновения сразу со всей армией фараона.

Жизнь самого Рамсеса II оказалась под угрозой, но в тот момент, когда хетты проникли в лагерь, египетский отряд, который назывался по-семитски «наʿарен фараона из страны Амурру» и который, по-видимому, не относился ни к одному из четырех подразделений, внезапно и очень вовремя появился на поле сражения, образовав тем самым «второй фронт»[81]. Неожиданная атака хеттов в результате захлебнулась и утратила эффект внезапности. Сыграла роль и та решительность, с которой Рамсес организовал отпор. По-видимому, хеттам не удалось захватить лагерь целиком, так как дети Рамсеса находились там, не имея возможности его покинуть.

Действия царя — если оставить в стороне заверения в неотразимости его силы или его длинное обращение с молитвой к Амону, — видимо, ограничивались пределами лагеря. Он противостоял врагу непосредственно на поле битвы, возможно, будучи отрезанным от своего войска, но не в одиночестве, так как с ним была личная охрана. Скорее всего, были и другие очаги сопротивления — в непосредственной близости от царя и в месте расположения подразделения Амона. К тому моменту египетская армия

---

[80] Армия хеттов состояла из двадцати подразделений, набранных по всей империи, от Каркемиша на востоке до Ликии на западе. Возможно, войска набирали также в Киликии и Мисии, а также на юге — вплоть до Угарита, Кадеша и Кеди (Weippert, 1969, 36).

[81] Эта история известна только по изображениям и довольно пространным пояснительным надписям: KRI II, 131–133. О том, что представлял собой данный отряд, велось много споров; см. в первую очередь: Sturm, 1939, 131–142, и Schulman, 1981. Несмотря на пояснение «из Амурру», он мог быть египетским; перейдя через Оронт с восточной стороны, армия непременно вошла бы в земли Амурру, но поскольку сражение разворачивалось к западу от Оронта, необходимость в подобном уточнении отпадает. Однако стремительность, с которой отряд вступил в бой, заставляет думать, что он маневрировал между подразделениями Ра и Птаха (Sturm, 1939, 140). Предположение о том, что наʿарен — это особый отряд, созданный царем, когда армия переходила через Оронт к югу от Шабтуны (Schulman, 1981, 13), представляется сомнительным, если эта «передовая линия атаки, состоявшая из всех воинов его армии... и находившаяся на побережье в стране Амурру» (KRI II, 23–24, § 63–65), должна была защищать армию, переходившую реку вброд, то есть оставалась в Амурру, на левом берегу Оронта (Schulman, 1981, 13–15). Отряд этот не мог оставить свои позиции до тех пор, пока вся армия не перешла реку. О слове *na'ar* см. также: Macdonald, 1976; в связи с Египтом —152, n. 16.

оправилась от шока. На помощь хеттам пришли новые силы — главным образом союзники хеттского царя (KRI II, 48–51, § 143–153). Судя по египетским рельефам, хеттская армия в итоге была оттеснена к Оронту, где египтяне остановились. На другом берегу части хеттов, не участвовавшие в битве, вытаскивали из воды своих соратников, которые спасались бегством, переправляясь через реку.

Наутро египетская армия, теперь уже в полном сборе, предстала для участия в сражении. Хеттская армия (на другом берегу Оронта?) никак не реагировала. Битвы, по всей видимости, не произошло. Хеттский царь прислал Рамсесу письмо с предложением перемирия: «Не будь суров, победоносный царь, — писал он Рамсесу, — мир лучше битвы. Позволь нам дышать!» Вовсе не обязательно считать египетского летописца хвастливым лжецом. Победа египтян не была пирровой, но, как известно, выиграть сражение — еще не значит выиграть войну. Рамсес II не имел возможности развить свою победу в стратегическом плане, находясь вдалеке от своих баз, с армией, понесшей потери, при том что некоторые части хеттов вообще не участвовали в сражении. В интересах Рамсеса было вернуться в Египет — по крайней мере на время. Хеттский царь остановил продвижение армии фараона и мог считать себя победителем[82], но не испытывал ни малейшего желания еще раз меряться силами с противником. Муваттали предложил, чтобы войско фараона беспрепятственно удалилось. Рамсес посоветовался со своими полководцами, зачитав им письмо хеттского царя, и те в один голос ответили: «Нет ничего более прекрасного, чем мир, господин наш владыка! Нет ничего постыдного в примирении, если именно ты принимаешь это решение, ибо кто может тебе противостоять, когда ты будешь мстить?»

Рамсес II повелел изобразить битву при Кадеше с небывалым размахом и написать ее подробную историю. На нынешний день эти сцены и повествования сохранились в пяти храмах. К чему было с такой кичливостью хвалиться всего лишь одним эпизодом войны, которая тянулась долгие годы? Зачастую его трактуют как поражение: царь велел раздуть масштабы этой битвы, чтобы затушевать позор и выставить поражение как победу. Возможно, дело в том, что царь в этот день испугался. У нас нет причин сомневаться в описании событий, которое он оставил. Царь, отрезанный от войска, оказался на поле боя один или почти один и спасся только благодаря своей молниеносной реакции. Почему нет? В тот день он узнал, что слава может рождаться из опасности. Вполне вероятно, что его решительность и в самом деле позволила выправить положение. Картина этой битвы — уникальный эмоциональный образец официального искусства. Она далека от стилистики ритуальных сцен, в которых царь, собрав всех врагов в кулак словно пучок травы, спокойно разбивает им головы одним ударом палицы. Здесь мы наблюдаем за тем, как разворачиваются события, видим приготовления к бою, присутствуем при моментах, когда катастрофа кажется почти неминуемой, — натиске хеттских колесниц, захвате лагеря, охваченном губительным хаосом, — и наконец, следим за выправлением ситуации. Конечно, погибшими представлены только враги, но вся сцена разгрома, с ее пронзительными изображениями умирающих или мертвых воинов и коней, весьма драматична.

---

[82] См. предисловие к мирному договору между Хаттусили и Шаушкамувой (в устаревшем написании — Иштармувой): Götze, 1929, 835. На *Свадебной стеле* (см. ниже, с. 472) Рамсес II вновь вспоминает о своей победе, рассказывая о ней высокопарным слогом (KRI II, 243).

От битвы при Кадеше до заключения мирного договора

После ухода Рамсеса II хеттский царь сразу же воспользовался случаем, чтобы вернуть власть над Амурру: он сместил Бентешину и посадил на трон другого царя[83].

Войны, которые Рамсес II вел в Азии после 5-го года своего правления, были, очевидно, вызваны потерей влияния в Амурру и усилением хеттов. Список городов, которые «разграбил Его Величество» в Азии, высечен на стене в Рамессеуме (KRI II, 148–149). Многие названия, зачастую плохо сохранившиеся, нигде больше не встречаются. Тем не менее мы находим здесь Бет-Анат (библ. Беф-Анаф), Кану и Мером, которые, согласно Библии, располагались в Галилее (Aharoni, 1979, 81), и город Дапур, о котором сообщается, что он находится в стране Амурру. Приводится дата — 8-й год, которая не всегда стоит после названий завоеванных городов, но неизменно — в конце каждого регистра. Выходит, что все 18 городов, которые были перечислены в еще не поврежденном списке, были захвачены Рамсесом II на 8-м году его правления. На стене в Рамессеуме изображена и осада Дапура (PM II, 164 (33–35); Youssef et al., 1977, IV; KRI II, 172–174). Поскольку о битве с хеттами в регионе Тунипа упоминается на этой же стене, историки склонны объединять эти события, относя их к 8-му году правления Рамсеса II. Дапур впервые упоминается в египетских источниках при Рамсесе II, которые помещают его «в стране Хета» и «в стране Амурру» (Youssef et al., 1977, pl. 35). Это значит, что события 8-го года правления относятся к тому времени, когда страна Амурру была частью Хеттской империи[84]. Так как Тунип не был осажден и при этом в окрестностях «города хеттов», где находилась статуя Рамсеса, состоялась битва, этим городом, вероятно, был Дапур. В тех же текстах из Рамессеума уточняется, что Тунип находится в Нахарине (Youssef et al., 1977, pl. 34).

Если предположить, что Тунип находился к югу от Нахр эль-Кебира, что не противоречит его локализации ни в стране Амурру, ни в Нахарине (Helck, 1973b, 287), Дапур оказывается где-то между рекой Литани и морем. Царь повелел изобразить штурм города, чтобы с пафосом увековечить это выдающееся событие[85]. Быть может, оно заслужило этого по той причине, что из всех захваченных на 8-м году правления городов лишь Дапур находился вне традиционной зоны египетского влияния; чтобы достичь его, Рамсесу пришлось проникнуть в Амурру и вновь столкнуться с хеттами. Другие города, названные «мятежными», удостоились лишь упоминания[86].

---

[83] Возможно, армия Рамсеса сражалась и в ходе отступления через регион Дамаска (Аба или Упа): Edel, 1950, 212, по хеттским источникам — KUB XXI, 17, I, 14–12 и XXXI 27. Однако фрагментарность текста не позволяет понять, какой именно царь отступал к Упе — египетский или хеттский. В тексте сказано, что Муваттали, одержав победу над царями Египта и Амурру, завладел областью Упа (Дамаск) и оставил там своего брата Хаттусили (в качестве наместника?).

[84] О дате осады (до 4-го года или в 8-м году), об идентификации города и о Тунипе см.: Morschauser, 1985–1986.

[85] В этом штурме принимали участие восемь сыновей царя, шесть из которых названы по имени; старшим из них был Хаэмуас, четвертый сын, младшим же — десятый, Сетепенра.

[86] Рельефные сцены на внешней стене двора тайника, на которых упоминается Ашкелон (PM II, 132–133), датируются царствованием Мернептаха. См. ниже, с. 493.

На 10-м году правления, если дата прочитана верно, Рамсес II, видимо, снова вторгся в Амурру, так как он велел высечь новую стелу в долине реки Нахр эль-Кельб[87]. Недатированные военные операции, изображенные на стенах в Луксоре (KRI II, 179–183; Kitchen, 1964), Карнаке (KRI II, 152–159; Gaballa, 1969) и Абидосе (KRI II, 187–191), возможно, посвящены глухим волнениям в Азии. В сценах в Луксоре упомянут поход в страну Моав, который вызвал серьезные научные дискуссии: действительно ли Рамсес II вторгался в регион к востоку от Мертвого моря, и если да, с какими народами он мог воевать там в то время (Kitchen, 1976a, 313–314; Haider, 1987; Görg, 1989b). Царь действительно вел опустошительные кампании против *шасу* южнее и юго-восточнее Мертвого моря, в области Сеир, позднее известной под названием Эдом; этот факт отражен в источниках, главным образом в списках топонимов[88] (Grdseloff, 1946, 77–86; список KRI II, 217; Helck, 1968, 477–478). Именно в этом регионе находятся медные рудники Тимны, и имя Рамсеса II здесь засвидетельствовано вполне определенно[89].

ДИПЛОМАТИЯ В АЗИИ

Прекращение военных действий между Египтом и хеттами, возможно, было связано с кончиной Муваттали на 10-м году правления Рамсеса II. Хеттский трон унаследовал сын Муваттали, Урхи-Тешуп, взявший тронное имя Мурсили III. Спустя несколько лет он был смещен с престола своим дядей Хаттусили III (Helck, LÄ VI, 872–873), который вскоре заключил мир с Рамсесом — договор от 21-го года, текст которого сохранился на аккадском языке в хеттских архивах Богазкёя и на египетском — на стенах храмов в Карнаке и Рамессеуме[90].

Договор содержал статью о ненападении: оба государства обязывались не вести войн друг с другом и поддерживать друг друга против внутренних и внешних врагов; противники одного государства, пытающиеся укрыться в другом, должны были выдаваться, но не наказываться. Эти положения сохраняли силу и для преемников обоих царей. Договор не предполагал передела территорий: Амурру оставалась хеттской[91], Египет сохранял свои владения в Палестине.

Главной целью соглашения, заключенного под девизом «мир и братство», было исключение взаимной угрозы, поскольку Хаттусили III беспокоила ассирийская экспансия (Garelli, 1969, 187–189). Могли быть и другие причины: хеттские земли стра-

---

[87] KRI II 149; стела настолько повреждена, что никакой информации из нее уже не получить, и даже дата, которую последним видел К. Р. Лепсиус, выглядит из-за этого подозрительно. Колебания в датировке между 2-м и 10-м годами: PM VII, 385, *South Stela*.

[88] Топоним Моав, засвидетельствованный в Луксоре (KRI II, 185, 11 (14)), отмечен также в Акше и Амаре: Fuscaldo, 1990, 32 (17) и 39.

[89] Возможно, храм в Тимне был основан Сети I; см.: Giveon, LÄ VI, 594, n. 3.

[90] Weidner, 1923, № 8, 112–123; PM II, 49 (2); 152 (14); KRI II, 225–232. Два документа были заново переведены: Kestemont, 1981, 15–62, Edel, 1983; см. также: Sturm, 1939, 182–191; Théodoridès, 1975, 115–125; Spalinger, 1981; Harari, 1988, 1990; Rainey, Kochavi-Rainey, 1990.

[91] Хаттусили III вновь посадил на трон Амурру Бентешину, давнего союзника Рамсеса (Weidner, 1923, 124–135, особенно с. 127 и 131). Не было ли это примирительным жестом, связанным с хеттско-египетским договором?

дали от продолжительных засух, положить конец которым мог только бог Сетх, «союзник» Рамсеса[92]; а может, здоровье Рамсеса II больше не позволяло ему заниматься военными делами. Нам ничего об этом неизвестно. Анализ мумии Рамсеса показал, что царь страдал анкилозирующим спондилоартритом[93], из-за которого его голова была наклонена вперед, а движения — сильно заторможенными[94]. Эта болезнь поражает не только стариков, но порой и молодых (по Б. Вандерсмиссену). Как бы то ни было, отношения между египетским и хеттским двором сразу же стали очень оживленными. В Богазкёе найдено пятьдесят писем, написанных Рамсесом II, членами его семьи и визирем Пасером к Хаттусили III и его супруге Пудухепе. Переписка началась после восшествия Хаттусили на престол, но большинство писем посвящены мирному договору[95]. При хеттском дворе высоко ценились египетские врачи (Edel, 1976, 31–59; 125–128). Какими бы ни были трения, сохранявшиеся между двумя государствами, через 13 лет после подписания договора, на 34-м году своего правления Рамсес II женился на старшей дочери Хаттусили III, которая приняла имя Маатхорнефрура[96]. Женитьба эта стала ярким событием, которое пропагандировалось почти так же широко, как битва при Кадеше (KRI II, 233–257; Schulman, 1979, 186, n. 41). Речь шла не просто о приеме хеттской царевны в царский гарем: дочь Хаттусили III стала «великой царской женой» (KRI II, 234, 11). Отец дал за ней приданое, достойное ее положения: драгоценности, лошади, стада. Представители египетской знати были отправлены в Хаттусу, чтобы забрать невесту с соблюдением всех обычаев. Ее сопровождал хеттский отряд, к которому присоединились представители знати, а на границе — и отряд египтян. Солдаты обоих отрядов побратались. Рамсес II в длинной молитве к «своему отцу Сетху» просит, чтобы погода была мягкой, как летом, хотя стоит зима, а значит, было холодно и дождливо. Судя по сценам, которые представлены над текстом стелы, а также в Абу Симбеле (PM VII, 98 (8)), Хаттусили III проводил дочь вплоть до границ Египта, но, вероятно, дело обстояло иначе. Визит Хаттусили в Египет, тем не менее, был запланирован: в Богазкёе найдено письмо Рамсеса II с приглашением, но неизвестно, было ли оно принято и состоялось ли путешествие (Edel, 1960).

Ситуацию, сложившуюся в Азии благодаря заключению мира между Рамсесом II и Хаттусили III — следствием чего стала, в частности, женитьба фараона на хеттской царевне, — прекрасно выражает последняя фраза одной из стел, посвященных этому браку: «После этого, когда мужчина или женщина отправляются по делам в Джахи, они достигают земли хеттов, не имея страха в своем сердце... благодаря победам Его Величества» (KRI II, 257, 15–16) — но, в сущности, это лишь оценка происходящего глазами самого Рамсеса II. В длинном тексте от 35-го года его правления, содержащем «Благо-

---

[92] Это объяснение дается на *Свадебной стеле*, KRI II, 246; Borghouts, 1984.

[93] Другое название — «болезнь Бехтерева». — *Науч. ред.*; см.: Balout et al., 1985, 92–93.

[94] Desroches Noblecourt // Balout et al., 1985, 385. Этот недуг мог быть отражен и в иконографии царя — сутулым его представляют и статуя Турин 1380, и большинство других его статуй (на основе неизданного исследования Бернара Вандерсмиссена: Bernard Vandersmissen, Autopsie artistique de Ramsès II, Louvain-la-Neuve, 1992, 120–122).

[95] Об этой переписке в целом см. подробное исследование: Edel, 1976, а также Bittel, 1970, 15, 126 и Otten, 1979.

[96] К чтению этого имени см.: Kuentz, 1925, 235–236; Р. Штадельман (Stadelmann, 1981, 463) читает «Нефрумаатра».

словение Птаха» — одного из важнейших богов пантеона Рамсеса, — среди ярчайших событий царствования упоминается и женитьба на хеттской царевне (KRI II, 274–275)[97].

Вторую дочь Хаттусили III также выдали за фараона; дата этого брака неизвестна, но она предшествовала кончине хеттского царя на 42-м году правления Рамсеса II[98].

Относительный мир между Египтом и Азией продолжался почти столетие. Мы называем его относительным, поскольку в рельефных сценах и на стелах упоминаются карательные операции, а следовательно, в этих местах по-прежнему царила нестабильность. Торговля, которой ранее препятствовали египетско-хеттские конфликты, возобновилась. Для Угарита настало время бурного расцвета, причем особенно успешно складывались его отношения с Египтом (Astour, 1981, 24–26). Письмо правителя этого города, расположенного далеко к северу от зоны египетского влияния, было найдено в Телль Афеке (около Яффы); оно адресовано некоему Хеви (клинописное Хайя). Этот египетский вельможа — вероятно, тот Хеви, который во второй половине царствования Рамсеса II был вице-королем Нубии, а не визирь с таким же именем[99].

В эпоху Рамессидов изменился характер отношений между Египтом и Азией. Если раньше войска фараона проходили через Палестину, а затем возвращались на берега Нила, то теперь участники походов оседали в Азии и основывали колонии в местных населенных пунктах (Weinstein, 1981b, 18; Oren, 1984). Впрочем, случаи такой колонизации зафиксированы в основном при Рамсесе III. От времен Рамсеса II свидетельств застройки таких поселений сохранилось очень мало — лишь многочисленные скарабеи и несколько стел[100].

НУБИЯ

Архитектура

Нубия крайне привлекала Рамсеса II[101]. Его отец мало интересовался этим регионом, Рамсес же с первых дней царствования развернул в этой области крупномасштабное строительство. Он возвел здесь семь храмов в шести различных местах, причем лишь в одном из них, Вади эс-Себуа, ранее уже что-то было построено[102]. Храмы эти возводились прежде всего в благочестивых целях, но хотелось бы выяснить, почему они

---

[97] Известны четыре версии этого текста: три обнаружены в Нубии (в Абу Симбеле, Акше и Амаре), четвертая — в Карнаке. Рамсес III воспроизвел его в Мединет Абу: см.: KRI II, 258. Исследование: Rosenvasser, 1978. Наиболее полный вариант, из Абу Симбела, опубликован в CEDAE: Černý, Edel, 1960 (*Décret de Ptah*).

[98] KRI II 282–284; Edel, 1976, 29; Hornung, 1979, 247; 250–251. К. А. Китчен и Г. А. Габалла (Kitchen, Gaballa, 1969, II, 14–18) полагают, что этот брак был заключен на 40-м году правления Рамсеса II.

[99] Owen, 1981; Singer, 1983. — Это единственный документ из Угарита, найденный за пределами самого Угарита и эль-Амарны.

[100] Giveon, 1975: только в Яффе и на юге Газы. Предложенная Роу датировка храмов в Бет-Шане царствованием Рамсеса II была отвергнута в пользу Рамсеса III.

[101] Подробный перечень архитектурных объектов: Hein, 1991, 141–143. Обзор всех храмов: с. 107–128.

[102] Предположение о том, что святилище Хора в Мехе уже существовало в Абу Симбеле до Рамсеса II, остается недоказанным. См.: Christophe, 1965a, 194; 1965b, 130.

были построены именно в этих местах. Храм в Дерре — единственный, который находится на правом берегу Нила.

Первый по времени храм был возведен в Бейт эль-Вали: он был отделан в течение первых двух лет царствования Рамсеса II (Ricke et al., 1967). Этот храм находится чуть южнее гранитной гряды, называемой Баб эль-Калабша, в районе которой Нил сильно сужается.

Второй — это грандиозный храм в Абу Симбеле (PM VII, 95–111; частично опубликован CEDAE), также, по всей видимости, задуманный в начале царствования. Трудно сказать, сколько времени потребовалось для подготовки проекта. Чтобы выбрать место, «геологи» обследовали гору, определяя, можно ли вырубать здесь храм, уходящий на 60 м вглубь скалы, с трапециевидным фасадом, ширина которого у основания составляла 60 м, а высота — 30. Сколько времени понадобилось, чтобы вырубить этот фасад с четырьмя гигантскими статуями, одна из которых обрушилась из-за непрочности скальной породы, ускользнувшей от внимания «геологов»[103]? Очевидно, прорубать залы и святилища начали на первом этапе работ, сразу же после подготовки проекта фасада. Стены огромного первого зала, потолок которого держат восемь колоссов, были подготовлены для отделки после 5-го года правления Рамсеса II, года битвы при Кадеше, сцены которой на северной стене определили весь стиль художественного оформления зала. Лишь после завершения его отделки царь задумал изобразить среди богов и себя, а возможно, и назвать храм «домом Рамсеса, возлюбленного Амоном», ибо царь здесь являлся главным божеством.

Есть предположение, что обожествление царя было следствием проведения первого праздника *сед* на 30-м году. Отделка храма была закончена до 34-го года, так как «Свадебную стелу», посвященную браку царя и хеттской царевны и датированную 34-м годом, пришлось высечь на южном краю фасада — другого места уже не было (Habachi, 1969a, 7). Если же храм на самом деле был открыт к 24-му году правления[104], то царь объявил о своем обожествлении задолго до 30-го года: второй зал целиком, вестибюль и святилище получили художественное оформление как раз в связи с обожествлением фараона. Группу из четырех богов в глубине святилища — Птаха, Амона, Рамсеса и Ра-Хорахти — поместили там изначально, они не могли появиться в результате изменения плана. После обожествления Рамсеса II части храма с уже законченной отделкой претерпели изменения. Самой серьезной переделке подвергся горельеф Ра-Хорахти на фасаде над входом: с двух сторон от Ра высечены иероглифы *Усер* и *Маат,* формирующие тронное имя царя — Усермаатра, а сам он, с одной и с другой стороны от ниши, подносит богу изображение Маат. Эта сцена также образует царское имя: на голове богини мы видим солнце, а в руках вместо иероглифа *анх* — *усер*. Возможно, сцена была высечена до того, как Рамсес II стал воплощением бога Ра-Хорахти; этим вызваны и переделки деталей царской короны *хепреш*.

Малый храм в Абу Симбеле (полное издание: Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968), в 150 м к северу от большого храма, был посвящен Хатор и царице Нефертари и не содержит никаких сцен обожествления царя. Царь дважды изображен с рогом барана,

---

[103] Последние по времени разрушения, видимо, вызваны землетрясением; на памятнике видны и другие повреждения (Kitchen, 1982a, 135–136).

[104] Kitchen, 1982a, 135. — Судя по написанию имени Рамсес (см. выше, с. 456), храм был возведен к 21-му году его правления; Kitchen, 1979a, 385.

закрученным вокруг уха (ibid., 213–215), — символом божественной природы. Правда, в одном случае (С 14) рог мог быть добавлен позже — здесь царь исполняет функции жреца перед божеством, не являясь сам объектом поклонения. В святилище (М 6) он вместе с Нефертари уже пребывает в божественном загробном мире и выполняет культовые действия для самого себя, хотя еще и не принадлежит к миру богов. Это не означает, что храм Нефертари начал строиться раньше храма Рамсеса II, — просто работы в нем могли закончиться быстрее[105]. В любом случае, оба храма были задуманы одновременно, так как царская чета ритуально связана с четой Ра-Хорахти и Хатор[106].

Храмы вырублены в двух живописных скальных уступах — горе Меха (южный храм) и «священной горе Ибшек» (северный храм). Последняя носила посвящение Хатор еще до начала работ при Рамсесе II. К тому же оси обоих памятников, видимо, взаимоориентированы: восходящее солнце два раза в год освещает святилище большого храма, но никогда не проникает глубже входного коридора маленького. Однако эти оси пересекаются в центре Нила, а стены, в которых вырублены здания, когда-то отвесно уходили в реку (Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, 125, 2–3). Вполне вероятно, что столь значительные храмы, расположенные сразу за вторым порогом, были связаны с разливами Нила; плодородная сила реки поддерживалась, а то и вызывалась, богами, почитаемыми в этих храмах, и ритуалами, которые в них проводились. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что храмы были пещерными (ibid., 109–124; Desroches Noblecourt, 1992, 206–207).

Тот же замысел был заложен в планах строительства и других нубийских храмов Рамсеса II. Они были полускальными, то есть наполовину построенными, наполовину вырубленными в скале таким образом, что само святилище оказывается в ее глубине. Эти храмы относятся к позднему периоду правления Рамсеса II, но их датировки до сих пор очень ненадежны. В Герф Хусейне[107] находится «храм Рамсеса, возлюбленного Амоном во владении Птаха», в эс-Себуа (PM VII, 53–64; Gundlach, LÄ V, 768–769) — храм «во владении Амона», в Дерре (PM VII, 84–89; Säve-Söderbergh, LÄ I, 1069–1070; CEDAE, 1980) — храм «во владении Ра». Эти три бога вместе с Рамсесом образовывали группу, стоявшую в глубине большого храма в Абу Симбеле. Все эти работы в Нубии, видимо, велись согласно единой программе, разработанной в первые годы царствования, хотя на осуществление задуманного понадобилось более двадцати лет. Эти четыре храма посвящены культу Рамсеса II как бога.

На одном берегу с Абу Симбелом, выше по течению, на полпути между ним и Бухеном, находится храм в Акше, отделка которого, судя по форме имени Рамсес/Рамессу, была закончена до 20-го года правления фараона. Храм посвящен Рамсесу II как богу Нубии[108]. Дальше, возле третьего порога, в западной Амаре, стоит храм (PM VII, 157–164; Fairman, LÄ I, 171–172), также построенный при Рамсесе; после 20-го года

---

[105] Имя Рамсеса везде — кроме задней стены святилища, где оно могло быть добавлено позднее, — записано в старой форме (Kitchen, 1979a; Desroches Noblecourt, 1968, pl. 123–124).

[106] В своем храме царица, вероятно, воплощала звезду Сотис, а не Хатор; см.: Desroches Noblecourt, 1990–1991, 45, n. 22.

[107] PM VII, 32–37; Wildnung, LÄ II, 534–535; el-Tambouli, 1979. Четырехтомное издание, отражающее результаты эпиграфической экспедиции: CEDAE, 1974–1978.

[108] PM VII, 127. Исчерпывающая библиография франко-аргентинских археологиечских исследований в Акше под руководством Ж. Веркуттера и А. Розенвассера (Vercoutter, Rosenvasser), приведена в работе Fuscaldo, 1990, 17. О находках эпохи Рамсеса II: Vercoutter, 1962; Vercoutter, 1963;

здесь, как и на западных воротах города, появились списки топонимов. Никаких признаков обожествления царя в храме нет. При возведении всех этих святилищ важнейшую роль явно играл выбор их местоположения по отношению к Нилу. Возможно, причины этого были скорее религиозными, нежели стратегическими или экономическими, и были связаны с разливом реки. Возможно, уровень разлившегося Нила в тот период был пугающе низок, и поэтому требовалось усиленное содействие со стороны богов.

Других следов деятельности Рамсеса II в Нубии немного. Они обнаружены в Анибе, административном центре с храмом (KRI II, 746–747), в Фарасе, на скале Хатор (Karkowski, 1972, 87), в Бухене (KRI II, 775–776); в Пнубсе найдены разрозненные блоки (Maystre, 1967–1968; Jacquet–Gordon et al., 1969, 110–111). При Рамсесе II был также осуществлен косметический ремонт храма в Каве, а в Гебель Баркале сделаны небольшие пристройки к старому зданию[109].

Администрация

В Нубии долго сохранялась стабильность. Походы в эту область были скорее не военными, а полицейскими операциями, целью которых являлись поддержание порядка, подавление мятежей и более интенсивная эксплуатация ресурсов страны (см. выше, с. 462). В текстах в Акше и Амаре упоминается экспедиция в Пунт (Daneri Rodrigo, 1985, 69–70).

Управлял Нубией вице-король, который отвечал за поддержание порядка, контролировал строительство царских памятников и занимался административными делами. Особое внимание уделялось добыче золота, причем единственной задачей было соблюдение норм выработки, что, по-видимому, имело катастрофические последствия для страны. За время долгого царствования Рамсеса II в Нубии сменилось девять вице-королей. В их числе были Аменемопе, вступивший в должность еще при Сети I — он изображен в храме в Бейт эль-Вали, — затем Хеканахт, Хеви и Сетау. Последний оставил множество памятников[110] от Эль-Каба, где начинались тогда подвластные вице-королю земли, до Бухена: даже на острове Саи был найден фрагмент статуи с его именем. Один из его памятников обнаружен на севере Египта, в Мемфисе (Schulman, 1978b). В Эль-Кабе Сетау велел возвести маленький храм, посвященный возвращению далекой богини, и, вероятно, вырубить пещерный храм, напоминающий по планировке нубийские храмы Рамсеса II (Manuel II, 840; Derchain, 1971, 5–7, 69–73; о Сетау и Эль-Кабе см.: Drenkhahn, 1975). На территории самой Нубии вице-король оставил память о себе в Герф Хусейне, а также в Вади эс-Себуа (автобиографическая стела; см.: Helck, 1975d; Kitchen, 1975–1976; Wente, 1985), где он руководил возведением храма. Им построена также пещерная часовня в Каср Ибриме (Caminos, 1968, 44–49). Кроме того, он отвечал за снабжение всех храмов Нубии (стела в Вади эс-Себуа, строки 15–19;

Rosenvasser, 1964. Публикация трех надписей: Rosenvasser, 1972, 1978, 1980. Об основании Акши фараоном Сети I: Fuscaldo, 1992.

[109] Примечательно, что К. А. Китчен (KRI II, 778) помещает Каву и Напату (Гебель Баркал) «за пределы империи». О деятельности Рамсеса II в Нубии см. также: Hein, 1991, 88–96.

[110] Д. Деваштер насчитал не менее 77 памятников Сетау (Dewachter, 1985a, 26–32); В. Хельку (Helck, 1975d) были известны лишь около 40. См.: KRI III, 1–36. О карьере Сетау см.: Habachi, 1967; Helck, 1975d; Kitchen, 1975–1976.

Kitchen, 1975–1976, 300). Судя по тексту стел от 38-го года правления Рамсеса II в Абу Симбеле и от 44-го — в Вади эс-Себуа, Сетау управлял Нубией по меньшей мере с 38-го по 44-й годы.

В последней трети царствования Рамсеса вице-королями Нубии были один за другим Пасер II, Иуни II и Хори I. Титул этот носили также Мернеджем и Анхотеп, но определить их место в списке вице-королей затруднительно[111].

Несмотря на размах строительства столь значительных храмов, Нубия при Рамсесе II уже не являлась для Египта первостепенной по важности территорией, как в эпоху Среднего царства и даже при XVIII династии. Помимо длительной эксплуатации страны и опустошительных военных походов, которые побуждали людей переселяться, спасаясь от египетского оружия, неблагоприятное воздействие на жизнь в Нубии оказывал и меняющийся климат (Vercoutter, 1959, 136 и n. 62, ср. выше, с. 475). Стела в Кубане сообщает о все возрастающих трудностях при снабжении водой рабочих на золотых приисках[112]; объем добычи уже тогда начал идти на убыль и неуклонно снижался до конца Нового царства (Vercoutter, 1959, 136–137).

Верхняя Нубия — Хентхеннефер — была почти заброшена. Саи, один из немногих сохранившихся опорных пунктов, терял свое значение, постепенно уступая его Амаре, расположенной севернее (Fouquet, 1975, 137–138; Gout-Minault, 1979, 40–41).

ОСТАЛЬНОЙ МИР

Об отношениях с другими странами, помимо Азии и Нубии, сохранилось немного сведений. Торговцы привозили в Египет диковинные товары — например, микенские вазы, — но это не предполагает наличия прямых контактов Египта со страной-производителем и не дает нам никакой информации об отношениях с ней[113]. В Вади Хаммамат никаких текстов, относящихся к царствованию Рамсеса II, не сохранилось (см. ниже, с. 482, примеч. 130). Работы в галенитовых рудниках в Гебель Зейт постепенно сворачивались еще до Рамсеса II, а в его царствование следы пребывания египтян в этих местах исчезают совсем (Castel, Soukiassian, 1988, 45; 1989, I, 9). Две стелы Рамсеса II посреди пустыни напоминают о том, что дороги были ненадежными (Barta, 1965; KRI II, 307–308). Что касается областей на другом берегу Нила, то оазисы упоминаются лишь в связи с поставляемой из них продукцией, не более того (Giddy, 1987, 44–46, 48, 85, 89–90). Угроза со стороны западных племен становилась все ощутимее, предвещая вторжения, от которых будут вынуждены защищаться Мернептах и Рамсес III. Вдоль побережья к западу от Александрии обнаружены три укрепления, датированные правлением Рамсеса II (PM VII 368–369; Habachi, 1980a). Самое удаленной из них, в Завийет Умм

[111] Habachi, LÄ III, 634, 18–25. — Возможно, был и десятый вице-король Нубии; см.: Habachi, 1985c.

[112] В Кубане Вади Аллаки достигает Нила. Золотые прииски этого вади высоко ценились; Рамсес II повелел вырыть колодцы, которые были обнаружены археологами. Работа на приисках продолжалась на протяжении всего царствования Рамсеса II (Пиотровский, 1983, особенно с. 123–130).

[113] Исследования посвящены прежде всего вопросам уточнения эгейской хронологии с помощью датировки находок в Египте: Bell M., 1982, 154–161; 1985.

эр-Рахам, находится в 300 км по прямой от Александрии. В эль-Аламейне найдены остатки одной или нескольких стел из красного гранита. Несмотря на плачевное состояние текста, они подтверждают, что здесь располагались именно укрепления. Так, Рамсес II изображен поражающим врагов перед богом Шу; фрагмент текста сообщает, что царь «в период своего могущества разграбил “ливийскую” (*rbw/ребу/лебу*) землю» (KRI II, 474, 8–9, 475, 7). Это не единственное свидетельство столкновений с западными племенами — о них есть намеки в разных текстах (Kitchen, 1990, 17–18). На стене в Луксоре изображена война с «ливийцами», в том числе осада городов Сатуна и Мутир, местоположение которых нам неизвестно (PM II 333 (204); O’Connor, 1990, 45; KRI II, 175–176, § 20). Перечень наименований вражеских народов не сохранился, но, судя по изображениям, это явно были «ливийцы», с характерными косами у виска, плащами, связанными на плече, и чехлами для фаллосов. Однако другие персонажи этой сцены — несомненно, «сирийцы»; возможно, эти изображения подвергались переделке. Такое невозможное смешение народов из разных географических регионов встречается уже при Сети I (см. выше, с. 445), и его объясняют ошибкой древних художников. В действительности же это может быть связано с недостаточностью наших сведений о географии Древнего мира. В армии Рамсеса II служили «ливийцы». Другой народ, о котором будет не раз упоминаться при Мернептахе и Рамсесе III, вошел в контакт с египтянами еще в царствование Рамсеса II при неизвестных нам обстоятельствах: это шарданы, в характерных шлемах с короткими рогами и навершием в виде диска. Мы встречаем их уже в битве при Кадеше — здесь эти закоренелые враги влились в состав египетской армии[114]. Когда именно они были покорены египтянами, неизвестно, но на стеле, обнаруженной в Танисе, упоминаются шарданы, «мятежные сердцами», которые долгое время оставались неуловимыми и непокорными. Они населяли какую-то часть Дельты (*уадж-ур*) и ее острова, доплывая на своих военных ладьях до середины озера (*ра уат*). Вышеназванные географические обстоятельства послужили причиной того, что шарданы, как правило, причислялись к так называемым народам моря.

МИРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: РАМСЕС II КАК СОЗИДАТЕЛЬ

Военные предприятия Рамсеса II длились недолго. В то же время от него осталось больше строений, статуй, стел, чем от кого-либо еще из египетских правителей. Тот факт, что в Египте почти нет мест, где не встречалось бы его имя, широко известен. Такое изобилие памятников по сей день тормозит их изучение. Не существует обобщающих работ, позволяющих проследить хронологию возведения памятников, особенности их проектирования, возможные причины создания и выбора места[115].

[114] KRI II, § 26. О шарданах до Рамсеса II и в его время: Lehmann, 1979, 485 и n. 19.

[115] Списки памятников времен Рамсеса II содержатся только в Manuel II, 1955 и в своде надписей этого царя, опубликованном К. А. Китченом в 1975 году и дополненном в 1989 году (KRI II, III, VII). На сегодняшний день это наиболее полный перечень текстов Рамсеса II.

Но если из всех фрагментов архитектурных памятников, точно принадлежащих эпохе Рамсеса II, мы будем принимать в расчет лишь те, что были обнаружены на первоначальном месте, то придем к иному заключению о размахах его строительной деятельности. Наша оценка изменилась бы еще сильнее, если бы мы могли отделить памятники, целиком возведенные при Рамсесе II, от тех, которые он достроил, расширил или узурпировал, чью художественную отделку он завершил, а также тех, что приписаны царю, но появились по инициативе чрезмерно усердных или тщеславных вельмож.

Памятники, целиком сооруженные при Рамсесе II, — это храмы в Нубии: здесь он строил больше, чем кто-либо из царей. Что касается самого Египта, то известно точно, что Рамсес II основал и построил здесь два храма — Рамессеум и храм в Абидосе. Рамессеум, так называемый заупокойный храм царя, расположенный в левобережных Фивах, отличается оригинальностью, размерами, качеством рельефов и статуй, представляя собой великое творение той эпохи[116]. Известняковый храм в Абидосе не менее замечателен; он расположен чуть севернее храма Сети I, завершение работ над которым, возможно, шло одновременно со строительством храма Рамсеса II[117].

В Карнаке, где надписи и рельефы Рамсеса II занимают огромные пространства, возведенных им самим сооружений очень мало и они довольно скромны по размерам: это, например, храм к востоку от Ахмену[118]. Наиболее значительные работы велись во внутреннем храме в Луксоре. Рамсес II добавил к колоннаде Аменхотепа III с северной стороны двор, пилон и два обелиска; следы этих грандиозных работ, произведенных в короткие сроки, памятник хранит до сих пор[119]. На западе, в левобережных Фивах, помимо Рамессеума и гробницы в Долине царей (№ 7) заслугой Рамсеса II является завершение работ в храме Сети I в Гурне. Несколько памятников с его именем найдены в Дейр эль-Медина.

Помимо храмов в различных местах были обнаружены архитектурные фрагменты — блоки, архитравы, двери; учтя их, мы получим следующий список городов с объектами строительства за пределами Фив и Мемфиса: Филы (KRI II, 716; Wahbah, 1978); Элефантина (Junge, 1987, 51–54) — здесь была беседка, ныне исчезнувшая (Manuel II, 811–812); Эдфу — здесь рамессидский пилон, по всей видимости, был

---

[116] Manuel II, 700–713; Stadelmann, LÄ V, 91–98. — Так называемый храм Сети I, примыкающий к Рамессеуму с северной стороны, — это на самом деле маммиси, часовня, посвященная рождеству царя, причем самая ранняя из сохранившихся (Desroches Noblecourt, 1990–1991). Одна из самых необычных особенностей Рамессеума — его план: он представляет собой не прямоугольник, а параллелограмм со скошенными сторонами, хотя все стены параллельны друг другу и оси храма. Этот наклон тем более необычен, что большая кирпичная стена, огораживающая всю священную территорию (теменос), — прямоугольная, со стороной, параллельной первому пилону. См. план ансамбля: Lange, Hirmer, 1975, 149, fig. 63. — Такие же загадочные перекосы в планах зданий мы видим в Луксоре (PM II, plan 29), во дворе Рамсеса II (по отношению к колоннаде Аменхотепа III) и в западной Амаре (PM VII, 160; отмечено Люком Дельво).

[117] Другой храм в Абидосе возведен Рамсесом II. Это здание, ныне разрушенное, было пристроено к храму Осириса с западной стороны, см.: Silverman, 1989, особенно с. 275–277.

[118] Построен верховным жрецом Бакенхонсу в конце царствования Рамсеса II (Barguet, 1962, 300).

[119] Посвятительная надпись от 3-го года на пилоне (KRI II, 347, 2) гласит: «окончание работ — 3-й год, 4-й месяц *ахет*», то есть это случилось приблизительно через два года и четыре месяца после начала царствования Рамсеса II. О скорости работ см.: Azim, 1985.

сооружен при Рамсесе II, но неизвестно, насколько раньше самого здания (Christophe, 1958)[120]; Армант (Manuel II, 836; KRI II, 712); область Ахмима (Kuhlmann, 1983, 16, 21, 23); Матмар (KRI II, 507); эль-Ашмунейн (Гермополь)[121]; район будущего Антиноополя (Donadoni, LÄ I, 324; KRI II, 504–506); Ихнасийя эль-Медина (Гераклеополь) (Manuel II, 612, n. 10, 828; Lopez, 1974, 302–307); города в Дельте — Бубастис (Manuel II, 603–604, 823), Атрибис (Vernus, 1978, doc. 38–47), Телль эр-Ретаба (KRI II, 405), Суэц (ibid., 406); различные города к западу от Дельты, вдоль средиземноморского побережья, вплоть до эль-Аламейна (KRI II, 339–343, 428–431, 470–475); Синай. Найденные в Танисе 26 обелисков, колонны и другие архитектурные фрагменты происходят из Пи-Рамсеса — столицы, развитию которой царь уделял большое внимание, но от которой на месте сохранилось мало памятников (KRI II, 408–438; Uphill, 1984; Habachi, 1952, 479–489)[122].

В Мемфисе при Рамсесе II был сооружен по крайней мере один зал в храме Птаха (KRI II, 487–493), но мы не знаем, эта ли часть храма упомянута в текстах, или же речь идет о другом, пока еще не идентифицированном памятнике (C. Zivie, LÄ IV, 34 и n. 233). От этого периода здесь лучше всего сохранились два небольших здания, из которых одно посвящено Птаху (Jeffreys et al., 1984, 25; KRI II, 495, B), другое — богине Хатор (Mahmoud, 1978, 16; KRI II, 496, C). Кроме того, в процессе археологической разведки местности Мемфиса, проводимой с 1981 года английскими учеными, постоянно обнаруживаются фрагменты с именем Рамсеса II[123]. Царь питал особый пиетет в отношении бога Птаха, так что следовало ожидать, что в этих местах он разовьет активную деятельность. В Гизе (Ch. Zivie, 1976, 192–201) царь окружил почитанием прежде всего Хармахиса, которого олицетворял Большой Сфинкс. Рамсес II установил здесь культ бога-сокола Хорона; вполне вероятно, что статуя-«ребус» — царь-ребенок, хранимый богом, — происходит из этих мест (Stadelmann, 1987).

В Гелиополе Страбон некогда увидел «лес» обелисков, из которых ныне сохранился только один — обелиск Сенусерта I. Недавние находки в этой местности, где работа археологов очень затруднена, показали, что Рамсес II повелел возвести здесь храм (Moursi, Balbousch, 1975; Saleh, 1981).

Помимо фрагментов зданий по всей территории Египта обнаруживаются статуи, стелы, обелиски, причем нередко в тех местах, где нет других следов деятельности царя, и если все пятьдесят стел Рамсеса II действительно изготовлены по его приказу, то на статуях царь просто заменил картуши предшественников своими[124].

---

[120] Блоки этого времени недавно обнаружены в Эдфу. См.: Gabra, Farid, 1981, 184–185.

[121] Roeder, 1954, 319; Davies, Spencer, 1980, 3–6; Spencer, 1989, 26–28.

[122] Пи-Рамсес поглотил Аварис, древнюю столицу гиксосов, с которыми у Рамсеса II обнаруживается любопытное сходство в некоторых мелочах, как, например, использование для иероглифа *усер* бюста с головой Сетха на ногах — в картуше начала царствования в храме Сети I в Гурне (PM II 417 (103); Seele, 1940, 31, fig. 10) и даже в западной Амаре (KRI II 214, 15). Прежде эта форма знака использовалась только тремя царями гиксосов (см. выше, с. 175, примеч. 129). Кроме того, была выпущена серия крупных скарабеев (около 2 см в длину) с полностью отшлифованной спинкой (см.: Hornung, Staehelin, например pl. 15 — с именами гиксосов, и pl. 46 (428 и 432) — с именами Рамсеса II. — *Науч. ред.*

[123] Регулярные отчеты публикуются в JEA с 1983 года (H. S. Smith, Jeffreys, Malek и др.).

[124] Пример — часовня в Сумену (ныне — деревня Махамид Кибли: Bakry, 1971a).

РАМСЕС II – БОГ. ПРАЗДНИКИ *СЕД*

Помимо источников, касающихся царской семьи, военной, дипломатической и мирной деятельности Рамсеса II, есть и те, которые касаются личности самого царя. Это памятники, посвященные обожествлению Рамсеса и многочисленным праздникам *сед*, которые состоялись во второй половине царствования. Свидетельства об обожествлении царя — это главным образом статуи и рельефы, о праздниках *сед* известно только по текстам (Hornung, Staehelin, 1974, 38–39, 68 и n. 54; Habachi, 1917b; Gomaà, 1973, 27–33). Сохранились данные о 13 праздниках, но последний, намеченный на 66-й год, мог и не состояться, так как царь скончался на 67-м году своего правления.

Праздники *сед* до сих пор остаются для нас загадкой, несмотря на бесчисленные упоминания о них в египетских источниках. Все цари, которые не только надеялись, но и действительно провели праздник *сед*, интерпретировали его каждый по-своему. Церемонии Аменхотепа III, как и его далекого предшественника Ниуссера, а позднее Осоркона II, были известны по многочисленным рельефам. Некоторые статуи царей представляют их в праздничных одеяниях. Во времена XVIII династии Тутмос III провел церемонию дважды, тогда как продолжительность царствования — около 54 лет — позволяла ему отмечать *сед* каждые три года после 30-го, то есть восемь раз. Аменхотеп III скончался на следующий год после третьего праздника *сед*, и неизвестно, закрепились ли бы в дальнейшем изменения в концепции этого праздника. При Рамсесе II регулярность его проведения соблюдалась, но при этом он был единственным фараоном, при котором о церемониях торжественно объявлялось за год до начала торжества. Этим занимались высокопоставленные вельможи: о первых пяти праздниках объявляли сын царя, верховный жрец Птаха Хаэмуас, и визирь Хаи; о шестом — тот же Хаи; о девятом — управляющий Рамессеума Иупа; о десятом и одиннадцатом — визирь Неферренепет. Надписи, касающиеся самих праздников или объявлений о них, высекались в особых местах, иногда в явной связи с разливами Нила (Helck, 1966d; Kitchen, JEA 61, 1975, 271 и n. 6). Больше всего надписей об этом сохранилось в Асуане и Силсиле, они обнаружены также в Эль-Кабе и Арманте[125]. «Роли случая в открытиях» недостаточно, чтобы объяснить упоминания об этих событиях в священных местах Верхнего Египта, к югу от Фив. К северу от города не обнаружено никаких свидетельств о торжествах и никаких следов их проведения — возможно, это объясняется тем, что церемонии проходили в Мемфисе или Пи-Рамсесе.

Аменхотеп III был, по всей видимости, обожествлен во время своего первого праздника *сед*. Рамсес II не стал дожидаться 30-й годовщины своего правления, чтобы учредить свой культ в Нубии. Художественное оформление большого храма в Абу Симбеле в процессе своего создания было подчинено концепции обожествления царя (Habachi, 1969d, 1–10). Вместе с тремя другими, более поздними нубийскими храмами он был посвящен культу царя, чья божественная ладья изображена на некоторых рельефах. Храм в Акше был посвящен «живому образу Рамсеса II в стране Лука (Нубия)», «великому богу, повелителю страны Лука» (KRI II, 773–775; Vercoutter, 1962; Rosenvasser, 1972); судя по написанию имени Рамсеса, памятник этот был возведен до 21-го года его правления.

[125] Перечень объявлений о праздниках *сед* Рамсеса: Gomaà, 1973, 28–29.

В самом Египте культ царя выражался, среди прочего, в установке статуй, которые в большинстве своем имели гигантские размеры. Начиная с 9-го года правления Рамсеса II колосс царя назывался «Рамсес-Мериамон *бог*» (стела в Маншийет эс-Садр; KRI II, 361, 6). Рамсес II и в этом подражал Аменхотепу III: имена его статуй образованы с оглядкой на опыт предшественника. Так, колосс Мемнона и его южный сосед носили титул «Правитель правителей» (Habachi, 1969a, 48), как и статуя Рамсеса II (Habachi, 1966). Сидящая статуя царя с короной *немес,* водруженной на платок *псхент*, называлась «Ра правителей»; лучший ее образец — изваяние из серого гранита в луксорском храме, справа от входа в большую колоннаду. Статуя с таким же именем и сходного типа должна была стоять и в Пи-Рамсесе, если верить изображениям на вотивных стелах в Кантире[126]. Возможно, эти изображения «идола» имели прообраз в колоссе Рамессеума, ныне лежащем в разбитом состоянии. Объектами поклонения были и другие статуи в Пи-Рамсесе: одна, «Монту-в-обеих-землях», упоминается как объект культа на 57 стелах из Кантира (Habachi, 1966, 31; Schneider, 1971, 16–21). Культ этот отражался и в выпуске скарабеев; на некоторых из них упомянуты известные колоссы. В то же время отдельные выражения, засвидетельствованные только на мелких предметах, являются скорее благочестивыми формулами, чем названиями реальных статуй[127]. Источники, касающиеся обожествления царя, чрезвыйчано разнообразны, и их изучение еще не завершено[128].

ИСКУССТВО ЕГИПТА В ЭПОХУ РАМСЕСА II

Исследователи склонны относиться с пренебрежением к искусству эпохи Рамессидов или по крайней мере преуменьшать его достоинства. Так или иначе, говорить о рамессидском искусстве как об однородном явлении было бы рискованно. Очевидно, будет неправильным рассматривать как единое целое также искусство одной лишь эпохи Рамсеса II, царствование которого занимает около трети рамессидского периода, продолжавшегося два столетия. Несомненно, в течение такого длительного времени имела место определенная эволюция, каждый этап отличался своими особенностями. Эту работу еще предстоит проделать, но наши сегодняшние знания позволяют утверждать, что искусство эпохи Рамсеса II, разительно отличающееся от искусства XVIII династии, тем не менее сохранило яркость, живость и способность производить впечатление. Это царствование подарило нам многочисленные шедевры как монархического, так и частного искусства.

В архитектуре окончательно утверждается тип египетского храма с громадным пилоном и двором за ним (как в Луксоре). В Рамессеуме храм сразу строился по единому плану. За дворами следует гипостильный зал — первое строение в Карнаке

[126] Habachi, 1966, 18, 25, 29–30. — Эти многочисленные стелы ранее были известны как «стелы из Хорбейта» (Фарбета); см.: Eggebrecht, LÄ II, 1276.

[127] Р. Хавам (Khawam, 1971, особенно с. 145) приводит 16 имен колоссов; см. также: el-Alfi, 1972.

[128] См.: Wildung, 1973. — Об отдельных памятниках см.: Wildung, 1972; Radwan, 1976; Brunner, 1981; K. Martin, 1990.

с такой проекцией. В центре зала — высокий неф с колоннами в форме папирусов и с капителями в форме распустившегося соцветия, доходящими до самой вершины и доминирующими над боковыми нефами, колонны которых имеют капители с закрытыми бутонами — словно они еще не созрели. Разница в высоте позволила проделать под крышей окна, через которые в центральный неф[129] проникает свет. За большим залом, постепенно теряя высоту и освещенность, уходят вглубь храма малые помещения — святилища, ризницы и склады.

Самые необычные памятники расположены в Нубии — достаточно вспомнить большой храм в Абу Симбеле, планировка которого разработана с учетом формы горы. Пилон остался трапециевидным, но колоссы фасада увеличились в размерах, заняв всю его поверхность, а двор, гипостильный зал и святилище вырублены в скале.

Статуи царя также отмечены интересными творческими решениями. Вероятно, их было несметное множество, но сохранилось всего 500. Создавая образ государя, Рамсес II ориентировался на статуи Аменхотепа III и в какой-то мере соревновался с ним. Изваяния этих двух царей — от колоссальных до миниатюрных — отличались друг от друга и количеством, и разнообразием. Если говорить об отличиях, то Аменхотеп III чаще изображался в виде божества.

При Аменхотепе III предпочтение отдавалось диориту («черному граниту»). Рамсес II предпочитал розовый гранит — не менее четверти всех его статуй выполнены из этого материала. Стела от 8-го года правления Рамсеса II (из Маншийет эс-Садр, близ Гелиополя) содержит сообщение, что царь лично обследовал кварцитовые карьеры Ком эль-Ахмара (также в окрестностях Гелиополя) и гранитные карьеры Асуана в поисках гигантских блоков для колоссальных статуй[130]. Эти колоссы отражают новейшие тенденции того времени: наряду с традиционными статуями царя, представляющими его с обнаженным торсом, в набедренной повязке *шенджит* и в *немесе*, мы видим и фигуры, облаченные в широкое платье с узкой плиссировкой по моде того времени. Такие одеяния отличались пышностью ткани — в частном искусстве вельможи любили демонстрировать себя в роскошных платьях.

Другая отличительная черта этого периода — узурпация памятников. Случаи открытой узурпации были известны и раньше: замена картушей Хатшепсут картушами Тутмоса III или Тутанхамона и Эйе — именами Хоремхеба. Рамсес II также присваивал старые произведения искусства, но это не значит, что он был враждебно настроен по отношению к предшественникам. Не довольствуясь возведением собственных статуй, он узурпировал чужие изваяния, ставя на них свои имена. Зачастую переделке подвергали лица и даже тела, чтобы они соответствовали внешности нового фараона. Очевидно, это не было ни проявлением вандализма, ни кощунством — скорее фараон пытался «перевоплотиться» в своих знаменитых предков. Собрав все произведения с именами Рамсеса II или переделанные под его облик, мы могли бы организовать «воображаемый музей» царя, пользуясь выражением Андре Мальро. Рамсес II брал не все

[129] Такое расположение нефов, предвещающее планировку христианских церквей, иногда называют «планировкой базилики», ср.: Haeny, 1970.

[130] KRI II, 360–362; Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, 50–55 (перевод основных отрывков). Примечательно, что при Рамсесе II в Вади Хаммамат уже не добывалась грауваккa, некогда имевшая такую ценность (PM VII, 333; KRI II, 554, 3; о нем напоминают лишь два неказистых картуша). Свидетельства его деятельности на Синае также незначительны.

и не у всех подряд. Изваяния Сенусерта II нравились ему настолько, что царь не оставил ни одной подписанной статуи этого своего предшественника, сохранившей его облик в неизменности. Он ценил и сфинксов эпохи Среднего царства, и грандиозные творения времен Аменхотепа II (Британский музей 61 и Турин 1381) и Аменхотепа III[131]. Великолепная голова — несомненно, от статуи Рамсеса II — лежит на земле в Рамессеуме. При всем своем совершенстве, она появилась в результате очень умелой переделки старой статуи; тип камня и корона *псхент* на платке *немес* заставляют заподозрить, что ее изначальным владельцем и на этот раз был Аменхотеп III. Так же обстоит дело и с огромным бюстом, перевозкой которого из Рамессеума в Александрию и далее в Лондон Дж. Б. Бельцони гордился как настоящим подвигом. Бюст этот, с явными следами переделки *немеса*, мог быть узурпирован у царя, который, как и Рамсес II, любил изваяния колоссальных размеров. Самое ранняя узурпированная статуя, где все надписи принадлежат Рамсесу II, а черты лица царя столь умело подправлены, что «швы» едва заметны, — это триада Сенусерта I с двумя богинями из розового гранита. В облике богинь присутствуют рамессидские элементы, заимствованные из амарнского искусства — морщины на шее и дырки на мочке уха, а на троне между богинями ныне восседает Рамсес II (Каир CG 555; Vandersleyen, 1994e).

Барельефы Рамсеса II также выполнены в особой манере, которая не получила дальнейшего развития. Речь идет о тематике — изображались преимущественно битвы — и о технике врезанного рельефа (Vandersleyen, LÄ V, 224–229). Рамсес II оставил такое количество рельефов с батальными сценами, что его считают более воинственным царем, чем он был на самом деле. Такого рода изображения создавались при многих царях. Рамсес II не был исключением — следуя, в частности, выдающемуся примеру отца — и сделал главным сюжетом сражение при Кадеше. Но если при Сети I военные сцены распределялись по регистрам, то при Рамсесе II, в амарнском духе, помещали всю панораму битвы на огромной стене (Vandersleyen, 1979a). Отличительные особенности искусства эпохи Рамсеса II — гигантизм построек и статуй, активное участие царя в творческом процессе, драматическая напряженность батальных сцен, картины страданий и ужаса — все это свидетельствует о том, что египетское искусство той эпохи испытало всплеск романтизма и чувственности, возможно, унаследованных от амарнской эпохи.

Частное искусство этого времени во многом имеет те же характерные черты. Соответствующих стилистических критериев выделено очень много, и общий термин «рамессидский» употребляется в тех случаях, когда произведение не поддается точной датировке. Хотя производство таких памятников было поставлено на поток в эпоху правления Рамсеса II, исключительными особенностями они не обладают. По своим художественным качествам эти памятники не равноценны. Если оставить в стороне несколько шедевров — таких, как, например, статуя визиря Пасера (Каир CG 42156, Desroches Noblecourt, Nelson, 1976, XIX), — в рамессидских памятниках чувствуется некоторая косность, особенно если над ними проделана излишне тщательная работа. В круглой скульптуре и на слишком объемных горельефах вельможи имеют торжественный вид и носят роскошные одеяния, кичась своим выдающимся положением. Изображение выглядит неподвижным, застывшим, но, тем не менее, эта пышность не лишена своей

[131] Лувр A20, Британский музей 15, а также многие статуи из первого двора луксорского храма: Vandersleyen, 1979b; Yurco, 1979a; Strauss-Seeber, 1987; Kozloff, в кн.: Kozloff, Bryan, 1992, 172–175.

прелести (Beck-Hartmann, 1992). В расписных гробницах напыщенность еще более бросается в глаза из-за перенасыщенной яркости красок, характерной для этой барочной эпохи. Другая особенность настенных изображений, свойственная и царскому искусству, — техника плоского рельефа, в которой они выполнены: контуры лишь намечены на камне, это скорее рисунок, чем барельеф. Благодаря такой мягкой графичности сцены выглядят очень живыми, даже если порой они схематичны или отличаются небрежностью исполнения (Vandersleyen, 1979a, 29–30). Но все это соответствует духу времени — более индивидуальному, стихийному, который выразился и во множестве вольных набросков на острака, посвященных самым разнообразным, часто свободным от офизиоза темам.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

Нам известно множество исторических лиц, участвовавших в работе механизма государства на различных уровнях. Это связано как с большой продолжительностью царствования, так и с увеличением числа источников, усложнением административного аппарата. Речь идет о визирях, вице-королях Нубии, великих жрецах главных богов и множестве людей более низкого звания, вплоть до рисовальщиков из Дейр эль-Медина и их обслуги. Источники, повествующие о жизни общества, рассеяны по всей территории Египта. Почти треть материалов приходится на Нубию, главным образом — это многочисленные стелы, окружающие храмы в Абу Симбеле и в Бухене. В самом Египте основная масса источников дошла из Фив — прежде всего это множество документов из Дейр эль-Медина, а также тексты из 70 гробниц фиванского некрополя, датируемых царствованием Рамсеса II: это шестая часть всех частных гробниц некрополя. Много памятников сохранилось севернее, в Абидосе и Пи-Рамсесе. Столь же важные, но более скромные памятники сосредоточены в Мемфисе, включая Саккара и Гизу, а также в регионе Асуана — на Элефантине и острове Сехель.

Из множества деятелей той эпохи можно выделить нескольких: это прежде всего визирь Пасер, вице-король Нубии Сетау, верховный жрец Амона Бакенхонсу. Все чаще выходцы из семей чиновников занимали высокие должности, передавая их по наследству из поколения в поколение.

Так, Пасер[132] был сыном Небнечеру, верховного жреца Амона при Сети I; поступив на придворную службу, он еще тогда стал визирем Юга. Его титулы — верховный жрец Урет-Хекау, богини-покровительницы царской коронации, и «владелец тайн двух богинь» — могут означать, что при восхождении на трон Рамсеса II Пасер лично возлагал корону на нового фараона (Yoyotte, Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes, 5e section, 1966–1967, 87). При заключении мирного договора на 21-м году правления Рамсеса II Пасер от имени египетской знати поздравил царя и царицу хеттов[133]. Последней в его карьере стала должность верховного жреца Амона, унаследованная у Небуненефа, который, в свою очередь, получил ее сразу после воцарения Рамсеса II.

[132] Kitchen, 1979b, 13–16; Donohue, 1988, 106–107. — О статуе в Каире CG 630 см.: El-Sayed, 1988.

[133] Edel, 1978, 120–129. — На цилиндрической печати, не упомянутой В. А. Донохью, Пасер поклоняется азиатскому богу Решефу. Подстраивался под новые обстоятельства (Agam, 1974, 46)?

Другие известные визири не достигли таких карьерных высот. Имя Хаи засвидетельствовано в Силсиле начиная с 30-го года правления Рамсеса II (Helck, LÄ I, 901), имя Неферренепета — на 57-м и 60-м годах[134]. Нам известны также два визиря с именем Рахотеп или Парахотеп[135]. Один из них, родом из Абидоса, занимал эту должность между 16-м и 42-м годами правления Рамсеса II, был братом верховного жреца Осириса Уненнефера, а другой, из Седмента, стал визирем к 52-му году, то есть уже к концу царствования Рамсеса II. Один из них был правителем города Мемфиса, другой — «градоправителем и визирем Пи-Рамсеса», став первым визирем, чья резиденция располагалась в новой столице[136].

Небуненеф, первый верховный жрец Амона, также являлся высокопоставленным вельможей. Он получил свою должность на 1-м году царствования Рамсеса II и возвел храм в Фивах, среди храмов царей (PM II, 421; гробница TT 157). После него жрецом был Уненнефер, а затем влиятельный Бакенхонсу, занимавший должность в течение 27 лет и достигший очень преклонного возраста (Platnikow-Münster, LÄ I, 687–688; KRI III, 293–300). Бакенхонсу был сыном верховного жреца Амона, а его жена возглавляла гарем Амона. В самом конце царствования Рамсеса II должность Бакенхонсу унаследовал Ромарои — вероятно, его брат (L. Bell, 1981). Во всех крупных религиозных центрах главы жреческих корпораций играли заметную роль: великие жрецы Осириса в Абидосе, в том числе Уненнефер[137]; великие жрецы Онуриса в Тинисе, особенно Минмос (Bryan, 1986); верховные жрецы Птаха в Мемфисе (Maystre, 1992) и Ра — в Гелиополе (Moursi, 1972, § 33–37). Генеалогические изыскания позволяют вскрыть запутанные семейные связи разных служителей культа и других представителей знати, занимавших видное место в государственной иерархии. Небуненеф, прежде чем стать верховным жрецом Амона, был верховным жрецом Онуриса в Тинисе, а затем — богини Хатор в Дендере; должность в Тинисе он передал своему сыну Хори. Сын Хори, Минмос, также унаследовал у отца должность главного жреца Онуриса и женился на дочери верховного жреца Осириса Уненнефера, который затем стал верховным жрецом Амона. С семьей Уненнефера связал себя и визирь Рахотеп I, а Рахотеп II женился на дочери Минмоса[138].

Четвертый сын Рамсеса II, Хаэмуас, был самым выдающимся из всех великих жрецов Птаха. Можно представить себе, сколько различных целей преследовал фараон при назначении на эту должность царевича, который одно время являлся даже наследником престола. Из всех сыновей Рамсеса II только Хаэмуас известен нам по многочисленным памятникам благодаря своей активной деятельности во всех сферах[139]. Как и другие сыновья Рамсеса II, он начал с того, что сопровождал отца на полях сражений. Мы знаем об этом только благодаря изображениям, так как никаких военных

---

[134] Bierbrier, LÄ IV, 378; J.-Cl. Goyon, Traunecker, 1980, 129–132.

[135] Различать этих двух визирей впервые предложил Х. де Мёленаре (De Meulenaere, 1966), с тех пор его версии нашли много новых подтверждений. См.: Altenmüller, 1975; Chappaz, 1986; Bryan, 1986, 25–30; Bierbrier, 1988.

[136] Altenmüller, 1975, особенно с. 159–160. Предполагалось, что визири, упомянутые на Стеле 400-го года (см. выше, с. 169–170), на самом деле жили при Рамсесе II, см.: Goedicke, 1966, 37–38; Habachi, 1975a, 43.

[137] KRI III, 447–460; Gaballa, 1979, 43–47; Clère, 1985.

[138] См. об этом: Bryan, 1986, 20–30, особенно генеалогическое древо, а также: Lipinska, 1969; Settgast, 1972; Clère, 1985.

[139] Gomaà, 1973, 14–58; LÄ I, 897–898.

титулов он никогда не носил (Gomaà, 1973, doc. N. 62, 63, 67, 70, 84) — кроме титула царевича он обладал только жреческими или просто культовыми титулами (ibid., 26). Культурный и образованный, он вызывал восхищение у современников и остался в памяти потомков[140]. Свои главные обязанности он исполнял в должности верховного жреца Птаха в Мемфисе (буквально: жреца *сем* и «великого начальника мастерства»), полученной им незадолго до 30-го года царствования Рамсеса II (Gomaà, 1973, 39–42). Однако его деятельность не ограничивалась лишь Мемфисом: судя по надписям в Силсиле, Эль-Кабе, Асуане и Сехеле, именно он объявлял о пяти первых праздниках *сед* своего отца по всей стране.

Хаэмуас оставил более заметный след в архитектуре Мемфиса, чем любой другой жрец Птаха, — возможно, потому, что он был царским сыном, обладавшим значительными средствами и большим авторитетом. Именно его имя появляется рядом с отцовским на гранитных табличках, помещенных как заклад в фундамент храма Птаха, который Рамсес II возвел на месте прежних зданий. Именно его рельефные изображения размещены на разных статуях отца. Именно он повелел соорудить в Саккара маленькие подземные шахты, в которых после 30-го года правления Рамсеса II стали хоронить священных быков Аписов, и именно он руководил возведением храма Серапеума, где был учрежден культ Птаха, одним из воплощений которого был бык. Рядом с этим храмом Хаэмуас соорудил свою гробницу. Не считая надписей с объявлением о празднике *сед*, за пределами Мемфисского региона Хаэмуас не создавал ничего. Во многих храмах обнаружены его статуи, поставленные там как свидетельства личного благочестия: в Мединет Мади (Файюм), около Миньи, в Абидосе и в Фивах. Статуи, найденные в тайнике Карнака, содержат только благочестивые формулы, обращенные к Птаху. Самое же любопытное — то внимание, которое царевич уделял памятникам Древнего царства в мемфисском регионе. Он сам сообщает об этом в памятных надписях, которые повелел высечь на облицовке культовых построек Джосера, Шепсескафа, Усеркафа, Сахура, Ниусерра и Унаса. Неизвестно, осуществлял ли он там масштабные реставрационные работы или просто следил за тем, чтобы имя владельца каждого памятника не исчезло бесследно: это имя, как правило, определяли по надписям на руинах погребальных храмов. К этой привычке восстанавливать имена предшественников добавляется и обычай снабжать продуктами своих великих предков на том свете с помощью жертвенных фондов[141]. Стремление сохранить память о предках заставляет вспомнить о том, что именно в эту эпоху появляются пространные царские списки (см. выше, с. 446–447). Есть и еще более примечательный факт: Хаэмуас нашел в разрушенной мастабе статую Кауаба, старшего сына Хеопса, повелел восстановить ее и поставить в мемфисском храме, дабы она продолжила там вечную жизнь (Gomaà, 1973, 67–69). Такой исключительный склад ума заставляет считать Хаэмуаса одним из первых археологов[142]; да и сам Рамсес II проявлял интерес к прошлому и древним традициям.

---

[140] *История Сатни-Хаэмуаса*: Bresciani, LÄ I, 899–901; Gomaà, 1973. 69–74.

[141] Возможно, именно эти надписи видел Геродот на пирамидах в Гизе. На облицовке пирамид, ныне утраченной, могла быть «подпись» Хаэмуаса. См.: Gomaà, 1973, 62.

[142] Блоки памятников Древнего царства и облицовка пирамид были использованы при строительстве храмов Рамсеса II в Мемфисе. Может, это делалось без ведома Хаэмуаса или уже после его понтификата? Но не исключено, что он был менее щепетилен в таких вопросах, чем принято считать (Giddy et al., 1990, 7).

Среди прочих высокопоставленных сановников следует упомянуть «стольников». Ввиду их тесных контактов с царем это, видимо, были надежные люди, которым царь доверял важные поручения (Schmitz B., LÄ VI, 771–772). Кроме того, зачастую стольники назначались из числа иноземцев, азиатов (Berlandini-Grenier, 1974, 10 и примечания), чьи египетские имена содержали имя царя в основе; иногда сообщается и их первоначальное имя. Так, Рамсесэмперра родом из Зири-Башана[143] в Иордании сначала именовался Беназеном[144]. Иноземцем был, по всей видимости, и стольник Рамсес-Ашахебусед, которому Рамсес II поручил руководить строительством большого храма в Абу Симбеле, «вырубленного в склоне горы» (KRI III, 203–204; биография: Spalinger, 1980a). Иноземцем (судя по форме имени) не из числа стольников был, возможно, и военачальник Рамсеснахт, который впоследствии стал управляющим Рамессеума (Berlandini, 1979, 260–265). Имя военачальника Урхийя — хуриттское; он начал свою карьеру при Сети I, а затем также был назначен управляющим Рамессеума. Его сын Иупа, первоначально находившийся на военной службе, унаследовал должность своего отца в этом храме (Wenig, 1967a; Kitchen, 1979A, 16–17; Ruffle, Kitchen, 1979). Порой восхождение по карьерной лестнице было невероятно быстрым: так, Иупа на 5-м году царствования Рамсеса II, будучи еще юношей, стал старшим конюхом, затем контролировал поставку кирпичей, а на 54-м году именно на него возложили обязанность возвестить о девятом царском празднике *сед* — ранее такую честь оказывали только князьям.

В замкнутом полупривилегированном кругу ремесленников и рабочих поселка Дейр эль-Медина стремление передать свое дело детям было таким же сильным, как и в высших слоях общества. Как правило, наследование должности проходило успешно, о чем свидетельствуют длинные генеалогические списки[145].

Большинство частных гробниц рамессидской эпохи обнаружено в Фивах, но и в некрополе Саккара исследователи находят все новые памятники вельмож времен Рамсеса II[146]. Примечательно, что должностные лица, ведавшие делами в фиванском Рамессеуме, были похоронены в мемфисском некрополе (Van Dijk, 1986a). Лишь немногие из чиновников решили построить гробницы в провинции, за пределами столиц (Osing, 1992).

КОНЧИНА РАМСЕСА II

Рамсес II скончался в весьма преклонном возрасте; он прожил более 80 лет, а некоторые ученые с уверенностью говорят о 87 годах[147]. Между тем события, в которые он был вовлечен еще юным, его участие в военных операциях отца и участие сыновей

---

[143] Васан Библии в русском Синодальном переводе. — *Науч. ред.*

[144] De Wit, 1958–1960; Giveon, 1965, 200–202; Berlandini-Grenier, 1974; KRI IV, 104–106; он занимал эту должность еще при Мернептахе.

[145] Bierbrier, 1982, 1984; Letellier, 1975. — Об относительном богатстве жителей поселка Дейр эль-Медина того времени см.: J. J. Janssen, 1977.

[146] Ни одной гробницы эпохи Нового царства в других частях мемфисского некрополя, кроме Саккара, не обнаружено. См.: Malek, JEA 67, 1981, 156–157, см. также: Gaballa, 1977.

[147] Massare, 1979, 163: 87 лет; Balout et al., 1985, 83: 80 ± 5 лет; Bucaille, 1987, 97: 85–90; см. также: Harris и Wente, 340, n. 355.

самого Рамсеса в походах первых лет его царствования наводят на мысль о еще более почтенном возрасте. О военных деяниях Рамсеса II после 10-го года его правления нам ничего неизвестно. Мирный договор с хеттами устранил всякую угрозу с севера. Что делал Рамсес II дальше, на протяжении полувека — разве только заключил несколько браков, что вовсе не обязательно говорит о юношеской пылкости?

Отсутствие данных о событиях, требовавших участия царя, активная деятельность некоторых сыновей Рамсеса II, значительная самостоятельность высокопоставленных лиц (например, царского сына Куша Сетау) во второй половине его царствования заставляют предполагать, что фараон удалился от дел, сохранив свой божественный статус, но при этом стал совершенно немощным (см. выше, с. 471 и примеч. 94). Исключительное долголетие позволило ему пережить многих своих сыновей, которые один за другим становились наследными принцами. Престол унаследовал в итоге тринадцатый сын Рамсеса II, Мернептах.

Скончался царь, судя по всему, в Пи-Рамсесе, в первый месяц сезона *ахет*[148] и был похоронен в Долине царей (№ 7). Сооружение гробницы началось во 2-м году его правления. Работы продвинулись дальше, чем в других царских гробницах, но завершены не были: начали лишь отделку шахты — случай в истории уникальный. Создается ощущение, будто после 65 лет работ никому не хотелось, чтобы памятник был закончен. Быть может, дело в том, что после сооружения гробницы нет смысла жить дальше? Как и остальные гробницы, усыпальница Рамсеса II была разграблена, серьезных раскопок в ней не проводилось. Остатки погребальной утвари очень скудны. Мумия обнаружена в тайнике в Дейр эль-Бахри, в чужом саркофаге, принадлежавшем, вероятно, Хоремхебу. Учитывая важность фигуры Рамсеса II, его мумию первой изучили и описали по новым методикам (Balout et al., 1985). В результате было сделано одно из наиболее любопытных открытий: вероятно, у царя были рыжие волосы, что крайне необычно для египтянина, но зато это цвет бога Сетха. Это заставляет думать о связи между богом-покровителем династии и внешностью царя. Предположение выглядело бы еще более весомо, если бы сам Сетх был рыжим.

ИТОГИ ЦАРСТВОВАНИЯ

Бесспорно, это было великое царствование, даже если динамизм первых лет постепенно сошел на нет. Величие Рамсеса II выглядит еще более рельефным на фоне его заурядных преемников — по причине, вероятно, его долголетия.

«Долгое царствование сильной личности, как правило, оказывается счастливым для народа: оно приносит с собой рост экономики, мирное развитие, стабильность, упрочение благосостояния. Но если царствование продолжается чересчур долго, превышая продолжительность жизни одного и тем более — двух поколений, начинается период застоя, спокойной, безропотной дремоты, который заканчивается с очевидными при-

[148] В том случае, если Манефон верно указывает продолжительность царствования Рамсеса II — 66 лет и 2 месяца. Кончина царя в Пи-Рамсесе — не более чем предположение, но и тогда новость об этом достигла бы Фив не позже, чем через две-три недели: см. ниже, с. 491.

знаками упадка» (Stadelmann, 1981, 457). Р. Штадельман подкрепляет эти рассуждения примерами из новой истории — такими, как царствования Людовика XIV во Франции и Фридриха II в Пруссии.

Возможно, самая поразительная черта Рамсеса II — его стремление к самовозвеличиванию, выходящее за все мыслимые пределы. Нельзя сказать, что предыдущие фараоны — как и он, считавшие себя богами — проявляли скромность, но у Рамсеса II осознание себя богом и желание утвердиться в качестве такового граничило едва ли не с безумием. В первую очередь поражают число и размеры статуй[149], а также разнообразие титулов и формул, раскрывающих божественность царя. Рамсес II превзошел царей, служивших для него образцами, — Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Несмотря на контрреформы, проведенные после кончины Эхнатона, существенная часть его наследия пережила время. Это касается не только искусства, но и «теологии» — в том смысле, что прославление бога-Солнца никогда еще не достигало такого размаха (Desroches Noblecourt, 1979a, 16–17).

Это величие ощущалось и впоследствии. Так, Рамсес IV ссылался на 66-летнее царствование Рамсеса II, чтобы продемонстрировать результаты своей бурной деятельности, достигнутые им всего за три года. Рамсес III буквально был одержим славой знаменитого предка — до такой степени, что в точности копировал некоторые из его памятников. Восемь преемников Рамсеса III получили при рождении имя Рамсес, а сам он взял тронное имя Усермаатра, которое затем примет еще дюжина фараонов, включая кушитского завоевателя Пийе. Есть мнение, что имя собственное Усермаатра сделалось нарицательным и стало обозначать «фараона», подобно тому как имя Цезарь стало означать «император» в различных странах, в том числе — в России.

[149] Титул «царский сын Рамсеса» в эпоху XXII династии употреблялся наряду с титулом «царский сын Амона» (Habachi, 1969a, 35–44), так, словно оба эти бога были равны.

Глава IV
МЕРНЕПТАХ.
Ок. 1212–1202 годов до н. э.

Когда скончался его отец, Мернептаху[150] было около 60 лет, а может, и больше[151]. Считается, что он царствовал девять лет и несколько месяцев[152]. Строил он немного, зато чаще, чем его отец, Мернептах ставил свое имя на памятниках — главным образом статуях предшественников. Основными же событиями его царствования были вооруженные конфликты: кампания в Азии, затем, спустя недолгое время, вторжение чужеземных племен с запада и восстание в Нубии.

---

[150] Sourouzian, 1989 (перечень памятников; далее просто — Sourouzian); Krauss, LÄ IV, 71–76 (общий обзор); KRI IV, 1–193; VII, 217–235, 411–413 (тексты). Нередко имя царя передается как «Минептах».

[151] М. Бюкай (Bucaille, 1987, 97) на основании исследования мумии считает, что царю было 60–70 лет.

[152] Сроки царствования даны по Манефону (102, 108, 110; через Иосифа Флавия, который на этом прекращает приводить выдержки из Манефона). Назвав Рамсеса Миамуна, процарствовавшего 66 лет и 2 месяца, то есть, несомненно, Рамсеса II, он упоминает еще двух царей — «Аменофиса, 19 лет и 6 месяцев» и «Сетоса, также именуемого Рамсесом, 10 лет». Принято считать, что речь идет о Мернептахе и Сети II. Преемнику Рамсеса II Манефон отводит 19 лет правления, но этот срок сочли невозможным и сократили до 9 лет (Hornung, 1979, 248). Сведения, полученные из списков Манефона, в любом случае неточны. Самые поздние даты правления Мернептаха на данный момент отмечены в граффито от 10-го года, 2-го месяца *ахет*, 13-го дня (KRI IV 160, 6), и в Папирусе Салье I, 3, 4: 10-й год, 4-й месяц *ахет*, 7-й день (Caminos, 1954, 303). См. также: Sourouzian, 29, n. 142.

СЕМЬЯ МЕРНЕПТАХА И ЕГО ПРИХОД К ВЛАСТИ

Бóльшая часть жизни Мернептаха пришлась на царствование его отца (Christophe, 1951a, 335–351; Sourouzian, 1989, 1–30). Царевич, родившийся, скорее всего, в Гелиополе (P. Anast. III, 7, 3; см.: Caminos, 1954, 101), был четвертым ребенком царицы Исетнеферт и тринадцатым сыном Рамсеса II. До 40-го года царствования отца Мернептах ничем не выделялся из числа царских сыновей. Имея малозначащий титул «царского писца», он вдруг стал главнокомандующим. Его старшие братья — по крайней мере сыновья двух старших царских жен — при Рамсесе II один за другим становились наследниками трона. После смерти очередного брата Мернептах наконец получил титул наследника — приблизительно на 55-м году правления Рамсеса II, которому тогда было около 80 лет, если не больше. Очевидно, что старшие царевичи, пребывая в звании наследника, играли важную роль в управлении государством — если не преобладающую, так как Рамсес II был стар и, скорее всего, болен. Мы не знаем, в какой именно момент реальная власть выскользнула из рук царя, но когда Мернептах стал наследником, он, по всей видимости, получил полную власть не как соправитель, а как «главный регент» государства. Вполне возможно, что еще до своего воцарения, но уже завладев верховной властью, Мернептах выпустил памятного скарабея с указанием высоких титулов. Это заставляет думать, что скарабея не предполагалось показывать Рамсесу II — тот не потерпел бы ничего подобного (анализ титулов: Christophe, 1951a, 344–351).

Воцарение как таковое состоялось после кончины Рамсеса II; коронация, вероятно, прошла в Дельте, в его столице. По мнению К. А. Китчена (1984a, 550, n. 23), она имела место между 29-м днем 1-го и 13-м днем 2-го месяца *ахет*, и понадобилось 2–3 недели, чтобы известие о ней дошло из Пи-Рамсеса в Фивы. Однако дата граффито писца Кенхорхепешефа в фиванском нагорье может относиться только к моменту его создания, а это 2-й день 2-го месяца *ахет* (KRI IV, 180, 9–12), и только *к концу* первого года царствования. Более того, появление надписи Мернептаха в Силсиле, датированной 5-м днем 2-го месяца *ахет* 1-го года[153], непонятно, если отнести ее к началу царствования. Итак, Мернептах мог взойти на престол только между 5-м и 13-м днями 2-го месяца *ахет* (вопреки мнению У. Сурузян: Sourouzian, 25–26) или же Рамсес II скончался в Фивах. Именно на памятнике в Силсиле впервые появляется имя Исетнеферт — супруги Мернептаха, которую звали так же, как и его мать. Она изображена также на двух стелах визиря Па*нехси* в Силсиле (KRI IV, 73, 15; 89, 16), и на опоре статуи Аменхотепа III, узурпированной Мернептахом, в Луксоре (KRI IV, 64, 6). Исетнеферт всю жизнь носила только титул «жена (или старшая жена) царя». На опоре второй узурпированной Мернептахом статуи Аменхотепа III изображена Бент-Анат, которая носит здесь титулы «дочь царя, сестра царя, старшая жена царя». Использование этой титулатуры Бент-Анат — дочери Рамсеса II, сестры Мернептаха, старшей жены своего отца, — более чем оправданно, но на этом фоне резко выделяется отсутствие титулов у Исетнеферт, которая не была ни дочерью Рамсеса II,

[153] KRI I, 84, 15. Эта надпись находится в величественной часовне, построенной рядом с часовнями Сети I и Рамсеса II. См.: Sourouzian, 191–199.

ни сестрой Мернептаха[154]. Бент-Анат же была его старшей сестрой и к этому времени, вероятно, перешагнула 70-летний рубеж, являясь для своего «младшего брата» кем-то вроде царицы-матери. У Мернептаха был сын, Сети-Мернептах, который унаследовал его престол под именем Сети II. Второй сын, Хаэмуас, по всей видимости, участвовал в азиатских кампаниях (Yurco, 1986). Был ли третий сын, по имени Мернептах, доподлинно не известно. На многих памятниках есть надписи царевича Мернептаха и царя Мернептаха, но вполне возможно, что, став царем, он просто «обновил» те памятники, на которые нанес свое имя за долгие годы пребывания в статусе царевича (Sourouzian, 22–25).

ВОЙНЫ

Современные исследователи склонны разделять военную историю царствования Мернептаха на три этапа: «ливийская» война, азиатская война и подавление нубийского восстания. Однако Мернептах, по всей видимости, вел все эти войны в одно и то же время и они были связаны между собой. Памятники, рассказывающие о них, рассеяны на обширной территории от Дельты до Судана, в местах, где велись военные действия.

Источники

Сведения о военных действиях касаются преимущественно «ливийской» кампании; данные об азиатской и нубийской войнах представлены в большинстве источников как своего рода дополнения к ней. Приводим перечень источников с севера на юг: стела из Атрибиса (на самом деле она была найдена в Ком эль-Ахмаре, недалеко от Минуфа, в 20 км к западу от Атрибиса) (KRI IV, 19–22); две триумфальные колонны (наподобие будущих римских), одна — из Гелиополя (KRI IV, 23; 38–39; Zivie, 1975); надпись в храме Сетха в Омбосе/Нубет (Накада), ныне утраченная (Sourouzian, 140, № 79); большая надпись и изображение азиатской кампании в Карнаке[155]; стела из заупокойного храма царя, так называемая Стела Израиля (KRI IV, 12–19; перевод и библиография: Lichtheim, 1976, 73–78; фрагмент ее дубликата найден в Карнаке); наконец, в Нубии — надпись в Вади эс-Себуа, стела в Амаде, надписи в Акше (в 50 км к югу от Абу Симбела) и в западной Амаре, возле третьего порога (KRI IV, 33–37). Все тексты датированы 5-м годом правления Мернептаха, кроме одного — надписи от 6-го года, первого месяца *ахет* в западной Амаре. но это дата создания надписи, а не описываемого события — победы над «ливийцами»; все остальные тексты датированы сезоном *шему*, то есть летом 5-го года[156]. Общая особенность всех этих текстов — чрезвычайная многословность и скудная топонимия.

---

[154] Обе статуи опубликованы: Sourouzian, 161. У. Сурузян, полагая, что Исетнеферт была дочерью Рамсеса II, отвергает гипотезу Ю. Круз-Юрайба, принятую Ф. Юрко (Yurco, 1986, 206), согласно которой речь идет о дочери царевича Хаэмуаса, ставшей женой своего дяди (Sourouzian, 27–28, n. 128). А между тем у Хаэмуаса действительно была дочь по имени Исетнефет (Gomaà, 1973, 85, n. 56).

[155] Западная стена тайника в Карнаке. Из названий мятежных городов сохранилось только одно — Ашкелон. Царские имена Мернептаха впоследствии были заменены именами фараонов Аменмесеса и Сети II. См.: Yurco, 1986, в связи с чем следует пересмотреть выводы в работе: Redford, 1986b (вопреки мению: Sourouzian, 29, n. 140, 150, 211).

[156] Дальнейшие ссылки на четыре основных источника будут даваться следующим образом: *Атрибис*, *Карнак* (большая надпись), *Израиль*, *Амада*, с указанием строк и сноской на KRI.

Война на востоке

Ко времени открытия военных действий против «ливийцев» и нубийцев кампания в Азии уже завершилась, так как Мернептах ввел в свою титулатуру эпитет «покоритель Гезера» (Amada 2; KRI IV, 33, 9). Помимо стелы из Амады и некоторых других источниками сведений о военных действиях в Азии являются перечень побежденных стран и народов в конце Стелы Израиля, а также рельефы в Карнаке. Согласно убедительной интерпретации рельефов, предложенной Ф. Юрко, царь завладел Ашкелоном, Гезером и Иеноамом и победил народ Израиля; кроме пленников, изображенных как ханаанеи, царь привел и *шасу* — бедуинов, обитавших на территории от Дельты до Палестины. Дат, относящихся к кампании, не сохранилось, но соответствующие сцены занимают немалую часть внешней стены двора тайника в Карнаке, тогда как изображений «ливийской» войны нет — о ней лишь рассказывается на внутренней стене этого же двора. Вполне возможно, что резчики заканчивали работать над сценами войны в Азии, когда появился новый сюжет — «ливийско-нубийский», и для него просто не хватило места. Так или иначе, оба эти эпизода должны были следовать один за другим, так как на стеле из Амады и на Стеле Израиля они прославляются как одно событие[157]. На второй стеле рассказывается о победе над «ливийцами», и лишь в конце, в поэтической строфе, перечисляются все затронутые войной области, причем места и события перемешаны. Эта строфа венчает длинный раздел, прославляющий мир, обретенный Египтом благодаря его защитнику — фараону Мернептаху: «Все поверженные вожди кричат “Салям!” (Мир!)». Слово это — безусловно, семитское — вошло в лексикон «ливийцев», которые, вероятно здесь и подразумеваются; затем следуют Девять Луков, чехену, хетты, Ханаан, Ашкелон, Гезер, Иеноам, Израиль, Хару, все земли. Война затронула только юг Палестины (см. ниже, с. 501); Иеноам, самая северная точка, в которой велись боевые действия, находится на широте горы Кармель.

Война на западе

Несомненно, «ливийское нашествие» последовало сразу же за кампанией в Палестине. Впервые со времен гиксосов на египетскую территорию вторглось крупное и хорошо организованное войско, целью которого был захват Египта. Эти неоднородные по составу племена условно называют «ливийцами», что неверно по многим причинам. Тексты, сообщающие об этом нашествии, многочисленнее тех, что посвящены азиатской кампании, но они дают неодинаковый обзор событий. Каждый содержит общие для всех них сведения, но наряду с этим — уникальные подробности. Главным врагом везде названы лебу (*rbw*). В то же время источники серьезно отличаются друг от друга, хотя и обходятся без противоречий[158]. Большая надпись в Карнаке не касается военных

[157] Найденная в Лахише чаша содержит иератические надписи и дату — «4-й год» правления царя, чье имя не названо (4-й месяц *ахет*, 2-й и 4-й месяцы *шему*): KRI IV, 39; Yurco, 1986, 214, n. 60. Речь идет лишь об учете зерна; неясно, существует ли связь между этими надписями и присутствием египетской армии. Кроме того, чтение даты сомнительно.

[158] Наименования южных стран Маджаи и Ууат встречаются только на стеле из Амады и в параллельных ей текстах в Нубии. Куш кроме этой стелы лишь один раз появляется в тексте Большой надписи в Карнаке. Группа племен, названных «народами моря», упомянута только в Большой

событий в Азии. Возможно, говорить о них сочли излишним, так как им были посвящены рельефные сцены на внешней западной стене двора тайника в Карнаке. На стеле из Амады обзор событий в Азии содержится не в конце текста, как на Стеле Израиля: информация о них введена или в титулатуру царя, или в финальные восхваления. Помимо прочего, только на этой стеле упоминается «нубийский мятеж». Текст стелы из Амады представляет собой краткую и сильно измененную версию текста Большой надписи в Карнаке, которая посвящена только «ливийцам», то есть лебу и мешуэш.

В изданных к настоящему моменту «историях Египта» сообщается, что «ливийцы», придя со средиземноморского побережья, вторглись на западные территории Египта: «Они должны были вторгнуться из областей, расположенных далеко на западе, из Киренаики или даже еще более далеких… [Ливийцы] не продвинулись дальше “Великой реки”, то есть канопского рукава Нила; решающее сражение произошло возле неизвестного нам места Пи-ир[159], которое явно находилось на территории Дельты». Так писал А. Х. Гардинер в 1962 году, и с тех пор мнения на этот счет не изменились.

Перед нами в очередной раз встает проблема географического характера. Действительно, данные по топонимии в египетских текстах встречаются крайне редко. Более того, нам ничего неизвестно о западных соседях Египта — с севера на юг, от Средиземного моря до Судана, за исключением скудных сведений об оазисах. В научных исследованиях топография «ливийских» войн, как Рамсеса III, так и Мернептаха, реконструируется на основе предвзятых представлений: авторы стремятся привести ее в соответствие с топонимами современной Ливии, прямо накладывая их на названия местностей в египетской передаче, с виду соответствующие топонимам, локализованным по греческим источникам, несмотря на разделяющие их столетия. Они также демонстрируют уверенность в том, что найти достаточно пастбищ для скота (судя по перечислению добычи, захваченной в сражениях, у «ливийцев» его было много) можно было только на средиземноморском побережье. Эти представления подкрепляются ссылками на вторжения так называемых *народов моря*, название которых наводит на мысль о средиземноморских регионах, например Сицилии и Сардинии; эти народы могли высадиться на африканском побережье, к западу от Египта, чтобы присоединиться к «ливийцам», которые собирались напасть на земли Мернептаха. И наконец, такие научные изыскания страдают от общего стереотипа, следуя которому все народы, населявшие западные области, объединяют под общим названием «ливийцы»[160].

надписи и на стеле из Атрибиса. О шекелеш говорится также в надписи на колонне в Гелиополе, где они названы единственными союзниками лебу. Большинство азиатских племен перечислено на Стеле Израиля в ее финальной строфе; Гезер и Хару встречаются и на этой стеле, и на стеле из Амады, а Речену — только на последней. Имя вождя племен лебу названо только на Стеле Израиля и в Большой надписи в Карнаке, но о месте, где они потерпели поражение, нам известно только из Карнакской надписи и текста стелы из Атрибиса.

[159] Егип. *pr-jrr*/*Пер-ирер*. — *Науч. ред*. (см. ниже).

[160] Например, в статье Ю. Озинга (Osing J. Libyen, Libyer» в LÄ III, 1015–1033). Замена термина «ливиец» на «чемеху» еще более опасна. Смешение этих двух этнонимов привело к серьезной путанице в большой статье Д. О’Коннора (O’Connor, 1990): автор использует термин «чемеху», опираясь на источники, которые не содержат его или содержат другое племенное наименование, трактуемое Д. О’Коннором как «(этнический) компонент чемеху» («a Tjemhu component»). Подобное обобщение является неприемлемым.

Различные народы, упомянутые в текстах, локализуются в том или ином месте в соответствии с этими представлениями. Топографические данные, которых и без того немного, считаются ошибочными, если не вписываются в эту картину. Действительно, народы, участвовавшие в вооруженных конфликтах, в египетских текстах называются «лебу», и современное «ливиец», видимо, восходит к этому слову. Но по египетским источникам невозможно установить, обитали ли эти лебу там, где проживают современные ливийцы. К тому же в нашествии принимали участие и другие народы.

Против Мернептаха действовали лебу из страны чемеху[161]. Судя по тексту стелы из Атрибиса, 2 (KRI IV, 20, 9), именно на них обратился гнев царя, что он отразил и в своей титулатуре. Из текста Стелы Израиля, 4 мы узнаем, что царь «сокрушил» страну чемеху (KRI IV, 14, 3); в Большой надписи в Карнаке, 26 страна чемеху упоминается в речах Амона (KRI IV, 5, 7), а также в том отрывке, где говорится о бегстве «ливийцев» после поражения, то есть во вполне определенном контексте (*Карнак*, 44; KRI IV, 7, 9). Сетау, вице-король Нубии при Рамсесе II, совершил набег на чемеху, нуждаясь в рабочей силе для строительства храма в Вади эс-Себуа; эти сведения вполне конкретны, а храм находится к югу от 23-й параллели, приблизительно в 150 км от Асуана. Самые ранние упоминания о стране чемеху мы встречаем в текстах Древнего царства, созданных при VI династии: чемеху там названы соседями *нехсиу* (Urk. I, 101; AEO I, 115*), обитавшими в Нубии. Когда Хирхуф возвращается в одну из нубийских областей — страну Иам (Йам), расположенную на широте Судана[162], он не находит там вождя этого народа: тот отправился воевать в страну чемеху, куда сразу же возвращается Хирхуф (Urk. I, 125–126). Таким образом, страна чемеху находилась далеко на юге.

В более поздней Истории Синухе (R 11–18; Lefebvre, 1949, 6), относящейся к началу XII династии, рассказывается, как царевич Сенусерт, возвращаясь из страны чемеху, пересекает земли чехену, чтобы достичь Лишта, тогдашней столицы. Надписи Мернептаха подтверждают, что область чехену располагалась между страной чемеху и Египтом. Из рассказа Синухе невозможно определить, на какой именно широте находился Сенусерт в момент встречи с царскими гонцами. Однако нет оснований считать, что чемеху обитали на широте Дельты, как зачастую поступают комментаторы текста, убежденные (вопреки ясным сведениям времен VI династии) в том, что «ливийцы», пришедшие из страны чемеху в царствование Мернептаха и Рамсеса III, могли населять только побережье Средиземного моря[163]. Исходя из этих ложных и предвзятых представлений, область проживания чехену помещают на северо-западе Дельты (AEO I, 117*). Чехену обитали рядом с Египтом, если не в самом Египте, поскольку являлись одним из Девяти Луков, извечных врагов фараонов. В текстах Мернептаха проводится

---

[161] Dixon, 1964. Судя по египетским текстам и современным переводам, формы написания этого этнонима варьируются; у Мернептаха — *tjmḥ*(*w*) / *тимех*(*у*).

[162] Д. О'Коннор (O'Connor, 1986) полагает, что Иам находился к югу от слияния Нила и Атбары. П. Л. Шинни (Shinnie, 1991) предпочитает область Кермы, но не настаивает на своем мнении.

[163] *Синухе* R 29–30; Lefebvre, 1949, 7: «Я направился на юг: (однако) я не намеревался возвращаться к этому двору» (то есть в Лишт). Г. Лефевр добавил словечко «однако», так как полагал, что Синухе шел от Дельты и, двигаясь на юг, неминуемо подошел бы *к* столице. Но текст можно понять и иначе: двигаясь на юг, он удалялся от столицы. А. Х. Гардинер (AEO I, 116*) полагает, что согласно истории Синухе страна Чемеху находилась «в северо-западной части Дельты». Но это ничем не подтверждается, и данное предубеждение мешает Гардинеру увязать свою локализацию страны Чемеху с данными текстов VI династии: «Этот отрывок ставит меня в тупик», — признается он.

четкое различие между чемеху и чехену. Последнее наименование употребляется только на Стеле Израиля и в карнакской Большой надписи, где сообщается о победе царя над этим народом (KRI IV, 3, 16; 8, 3; 18, 1; 19, 3): мы узнаем, что вождь лебу «со своим войском вошел в страну чехену» (*Карнак,* 13; KRI IV, 3, 16). В надписи ничего не сказано ни о том, откуда он пришел, в каком направлении двигался и где находилась страна чехену, но прийти вождь лебу мог только с юга.

По мере своего продвижения лебу прошли два оазиса; один назван просто оазисом (*wḥꜣt/yxat*), второй — это Фарафра (*tꜣ-jḥw/ma-uxy*, Коровья земля) (*Карнак*, 20; KRI IV, 4, 11). Если лебу пришли с юга (из страны чемеху), то первый из оазисов, вероятно, — Харга, Великий Оазис. Миграция лебу не стала внезапным вторжением — лебу начали оседать в районе оазисов уже давно (*Карнак*, 20; KRI IV, 4, 11–12) и с тех пор постоянно угрожали Египту. Царь включает их в состав Девяти Луков и напоминает, что они нападали на укрепления и проходили через пашни, поля страны Кемет, достигая Нила (*Карнак*, 18–19; 22; KRI IV, 4, 8–10; 14–15); ради пропитания они оставались там надолго. Двигаясь вперед, отряды лебу изолировали оазисы Харга и Фарафра: это может означать, что они перерезали пути сообщения, пройдя между оазисами и долиной Нила, а может быть, даже захватили их.

Целью вождя «ливийцев» был Мемфис (*Израиль*, 19; KRI IV, 17, 8). Именно поэтому бог Птах встревожился до такой степени, что накануне решающего сражения явился во сне Мернептаху в виде статуи (*Карнак*, 28–30; KRI IV, 5, 10–13). Город был осажден. Гелиополь, наряду с Мемфисом, назван городом, пребывающим под особой защитой царя (*Карнак*, 6; KRI IV, 3, 4), а сам фараон — «открывающим города, которые были закрыты», то есть, скорее всего, подверглись осаде (*Израиль*, 15–16; KRI IV, 16, 12). Помимо Мемфиса и Гелиополя захватчики осадили также Пер-Берсет, то есть Билбейс, расположенный к северо-востоку от Гелиополя, на правом берегу пелусийского рукава Нила (см. ниже, с. 570–571). Все три города находились у южной оконечности Дельты; ни один северный город в текстах не упомянут, а сама Дельта фигурирует только в современных изысканиях. Место, где произошло решающее сражение — Периру или «поля Перирер» (в чтении А. Х. Гардинера — Пи-ир), — находилось возле западной границы. Царь начал действовать лишь после того, как вождь лебу дошел до этих западных областей (*Карнак*, 15; KRI IV, 4, 3–4). Можно предположить, что Периру находилось недалеко от южной оконечности Дельты, так как угроза нависла над Мемфисом и Гелиополем[164], а возможно, и над городами, расположенными южнее: согласно стеле из Амады, многочисленные пленники были казнены «*на юге* Мемфиса» (KRI IV, 34, 13).

Аналогичное вторжение произошло при Рамсесе III. В Большом папирусе Харриса (76, 11–77, 3; Breasted, AR IV, 201–202) описано сложившееся после победы Мернептаха положение дел, сохранявшееся до столкновения с противником Рамсеса III. Здесь содержатся дополнительные ориентиры, позволяющие проследить за продвижением войск захватчиков: «Лебу и мешуэш обосновались в Египте (Кемет); они разграбили города на западе страны, от Карабаны до Мемфиса; они достигли обоих берегов вели-

[164] Предположение о том, что Периру находилось в 3-м номе Нижнего Египта (Hölbl, 1983, исторический обзор после с. 136), могло основываться на гипотезе, согласно которой «ливийцы», проникнув в область Дельты с запада, были остановлены Мернептахом в первом же номе. Однако доказательств этому нет.

кой реки; это они, находясь в Египте, долгие годы грабили города (региона) Гутут[165]». Далее приводится список врагов, которых Рамсес III разбил «одним ударом»: мешуэш, лебу и пять неизвестных нам племен — очевидно, родственных первым двум. Место сражения не указано, но фиванский храм носил следующее наименование: «Усермаатра-Мериамон — тот, кто захватил в плен мешуэш возле воды Ра» (П. Харрис I, 10, 8; Breasted, AR IV, 125). «Вода Ра» — название рукава Нила, берущего начало у Гелиополя и протекающего через Бубастис и Билбейс. Этим областям при Мернептахе угрожало вторжение, и находились они не на северо-западе, а на юго-востоке Дельты. Вражеское войско, как сообщается в начале рассказа («они достигли обоих берегов великой реки»), могло продвигаться по правому берегу Нила. Есть и еще одно обстоятельство: даже если страна чемеху еще и при Рамсесе III была отдаленной для миграции отправной точкой, племена эти уже издавна обитали на землях между Мемфисом и Карабаной, прежде чем проникнуть к Нилу. В начале XX века (1901–1902 годы) В. С. Голенищев предположил, что Карабана — это Рабана, упомянутая в папирусе из его коллекции (Ономастикон Голенищева 5, 7; AEO II, 115*, 391). Русский ученый увидел в топониме «Карабана» составное слово: «высота (*ḳ3/ка*) Рабаны»; таким же образом в его топонимическом списке составлено слово *š/ше* — «озеро, сад, территория» + Рабана, то есть «территория Рабаны». В «Ономастиконе» эта местность упомянута вместе с известными топонимами: с одной стороны, это города Сепермеру близ Оксиринха и Ихнасийя (Гераклеополь), с другой — Миур (Гуроб) и Тепиху (Атфих). Таким образом, Рабана находилась к югу от Файюма. Регион, откуда лебу и мешуэш на протяжении долгого времени угрожали Египту, должен был находиться между Гераклеополем и Мемфисом. В том же списке упоминается расположенное рядом с Сепермеру «селение (населенное чужеземцами)[166] Иришепсет». Голенищев сопоставил этот топонима с названием того места, где произошло сражение между армией Мернептаха и захватчиками, и прочитал его не как Периру, а как Перирішепсет (*pr-jrj-špst*)[167]. Это отождествление, безапелляционно отвергнутое учеными того времени, между тем представляется верным и позволяет разобраться в маршрутах захватчиков.

Объединив сведения из Большого папируса Харриса, Ономастикона Голенищева и текстов времен Мернептаха, мы увидим, что лебу и мешуэш всегда следовали

---

[165] Местоположение Гутут не установлено (DNG VI, 210–211). Считать это название «вариантом» топонима Хасуут, то есть отождествлять Гутут с Ксоисом (AOE II, 182* и впоследствии — Helck, 1974, 162), необоснованно. Согласно маршруту, указанному в Большом папирусе Харриса (см. ниже), Гутут находился к востоку от Нила, недалеко от того места, где Нил разделяется, образуя Дельту; в таком случае эти племена пришли с юго-востока, а не с северо-запада. Гутут упомянут также на стеле из Туры (стела № 9); см.: DNG.

[166] После этого топонима стоит детерминатив для «(всего) чужеземного» — знак «бумеранга».

[167] Это сопоставление вызвало горячую дискуссию о правильном чтении топонима. Внимание привлек в первую очередь знак *šps*/*шенс* (Gardiner A 51), который присутствует на стеле из Атрибиса (KRI IV, 22, 4) и в карнакской Большой Надписи (KRI IV, 5, 14); впрочем, в той же надписи (KRI IV, 4, 4) стоит уже знак «сидящий человек с бичом в руке», но уже другого вида — в эпоху Нового царства они могли взаимозаменяться (Gardiner A 52). В Ономастиконе В. С. Голенищев прочел знак как *špst*/*шенсет*; в своей же публикации этого документа А. Х. Гардинер настаивает на том, что этот иератический знак является детерминативом к слову *jrj* (Gardiner A 48), а вовсе не знаком *šps*/*шенс* (AEO II, 106* [387], примечание; pl. 11A, 5, 7); строго говоря, это так, но за этим знаком следует *s*, обычное фонетическое дополнение к слову *šps*/*шенс*, а следовательно, знак A 48, хотя он и очень похож на знак A 52 в иератической записи, должен здесь читаться как слово *šps*/*шенс*.

в Египет одним и тем же путем: это вполне правдоподобно. Итак, последовательность событий при Мернептахе могла выглядеть так: начав двигаться из относительно южных областей — страны Чемеху, на широте Нубии и Судана, — эти племена постепенно заняли оазисы Харга и Фарфара, достигли долины Нила в Среднем Египте, перешли Нил и подошли с юга к Мемфису, Гелиополю и Билбейсу. К тому времени египетское войско уже собралось и встретило толпы захватчиков около Файюма, а после изнурительного шестичасового сражения спустилось в долину, чтобы освободить города, окруженные лебу. Все это предполагает, что Мернептах в это время не находился ни в Пи-Рамсесе, ни даже в Мемфисе, своей любимой столице, и его войско пришло с юга. Однако события могли развиваться и иначе: Мернептах освободил три осажденных города и, пройдя по долине Нила, подошел к Файюму с юга. Несмотря на поражение, лебу и мешуэш, по всей видимости, не вернулись в свои земли, а остановились неподалеку от места битвы и впоследствии совершали набеги на Египет между «высотой Рабаны и Мемфисом» вплоть до правления Рамсеса III.

В конце войны, имевшей место на 5-м году царствования Мернептаха, египтяне подсчитали убитых, пленников и добычу «между крепостью ‘Мернептах-победитель-чехену’, что в Перирішепсет»[168] и «Рогом земли (*wp-t3/ynma*)» — этот топоним использовался для обозначения южных границ Египта (DNG I, 194–195). Убеждение, будто «ливийцы» могли прийти только с северо-запада, в очередной раз осложнило работу исследователей. В действительности страна Чемеху находилась на самом юге, там, где египтяне всегда помещали территорию Упта, неподалеку от Гебель Баркала. Подсчет вражеских племен велся от южной границы до места битвы, которое, вероятно, находилось рядом с землями чехену, в соответствии с эпитетом царя — землями, которые захватчики должны были пройти, чтобы достичь Нила. Неизвестно, как и чем жила эта западная полоса долины Нила, от юга до севера, где нет ничего, кроме оазисов. Забывают также о передвижениях пастушеских племен, которые ежедневно проходили немалые расстояния с семьями и стадами. Очевидно, экологическое равновесие между тем, что мы называем пустыней, и этими кочевыми племенами было нарушено вследствие высыхания этой территории. Кочевники были вынуждены искать спасения в долине Нила, даже несмотря на противодействие египетского войска, расправы и казни. Рамсес III столкнулся с той же проблемой, что и Мернептах, и перечисляет те же места. Возможно, он не заимствовал слепо названия из текстов предшественника — просто история повторилась.

Военные действия на юге

О столкновениях Мернептаха с нубийскими племенами нам известно только из текста стелы из Амады, однако эти сведения выглядят противоречивыми. Титулы царя раскрывают географические масштабы войн. Царь, с одной стороны, — «тот, кто захватил Гезер» (в Палестине), и «тот, кто подавил лебу»; так же он — «лев для Хару» (северо-восточного региона), с другой стороны — он «могучий бык для Куша, поражающий (жителей) страны маджаев», то есть кочевников, обитавших, как считается, к востоку от ну-

[168] *Карнак*, 49; KRI IV, 8, 3–4; *Атрибис*, 8–9; KRI IV, 22, 3–4.

бийского Нила. Далее приводится следующий текст: «Его Величеству сообщили, что побежденные враги из Уауата прошли по Югу; это произошло на 5-м году, в 3-м месяце *шему*, в первый день, когда доблестная армия Его Величества сражалась с побежденным вождем лебу. Они не устояли — весь народ лебу! Женщины были уведены из их страны; они <…> сотнями тысяч; остальные были казнены[169] на юге Мемфиса; все их добро было захвачено и доставлено в Египет; все их вожди просили о мире, земли были опустошены сокрушительной силой его Величества; ужас охватывает их сердца лишь при упоминании его имени… Отважный лев, он извергает пламя из своей пасти на страну Уауат». Уауат находится между первым и вторым порогами Нила. Итак, маджаи оказались жертвами царского гнева. Карательные походы против этих племен оказались самыми жестокими из всех, что когда-либо описывались в египетских источниках. Как можно понять, несмотря на трудности перевода: одни были сожжены заживо (?) на глазах у остальных, у других отрубили руки, кому-то отрезали уши и выкололи глаза. После этой расправы Куш больше не восставал (KRI IV, 34–36; перевод дан по Youssef, 1964, 276). Затем царь вернулся на запад и дошел «до пределов земли в поисках врагов». Стела была «подписана» вице-королем Куша, но затем его имя было стерто[170]. Основываясь на тексте стелы, правильнее всего будет сделать такой вывод: «мятеж» на юге «империи» совпал по времени с продвижением лебу — то ли потому, что племена договорились между собой (Säve-Söderbergh, 1941, 173), то ли потому, что они одновременно двинулись к более плодородным землям. Эти народы, будь то маджаи или жители Уауата и Куша[171], обитали примерно на той же широте, что и лебу в стране Чемеху. События эти свидетельствуют о том, что Нубия не была окончательно подчинена и усмирена египтянами.

Народы Севера

В карнакской Большой надписи о северных народах говорится достаточно часто и подробно. Стела же из Атрибиса, текст которой рассказывает о тех же событиях, содержит лишь несколько упоминаний о них. Племена эти — акуаш, туреш, луку, шарданы и шекелеш[172]. Во всех (за немногими исключениями) исследованиях, посвященных этому периоду, их называют «народами моря», имея в виду Средиземное море или даже Эгейское. Уже давно было отмечено сходство между названиями этих народов и племен, появившихся на заре классической древности, таких как ахейцы, тирсены (этруски), ликийцы, сарды и сикулы. Шекелеш, шарданы и туреш вновь упоминаются при Рамсесе III[173].

---

[169] Они не были ни «распяты», ни «посажены на кол» в обычном понимании этого слова. Судя по иероглифу, обозначающему наказание, казненного клали горизонтально на кол, который пронзал (?) ему низ живота. Во времена XX династии такой казни подвергались грабители (Peet, 1930, 27).

[170] Это был либо Мессуи, либо Хаэмтери (см.: KRI IV, 37, 14, примеч.). В граффито, обнаруженном на дороге из Асуана в Филы, Мессуи стоит на колеснице перед царем. Возможно, он принимал участие в этой южной войне (Habachi, 1957c, 33). О политике Мернептаха в Нубии см. также: Hein, 1991, 97–98.

[171] На триумфальной сцене в Карнаке Мернептах уничтожает пленников (KRI IV, 23–24). Амон, обращаясь к царю, называет только *иунтиу сетиу*, то есть жителей долины Нила в Судане; это единственное упоминание о них в царствование Мернептаха.

[172] Шекелеш — единственные союзники лебу, упомянутые на колонне в Гелиополе (KRI IV, 38, 3).

[173] При Рамсесе III шарданы, кроме того, служили в египетском войске. В работе Vandersleyen, 1985, 41 среди племен, уже побежденных Мернептахом, ошибочно упомянуты дениены.

Проблемы идентификации и происхождения этих племен исследовались, как правило, в комплексе. «Народами моря» их назвали потому, что названия некоторых племен сопровождаются выражениями *pꜣ jm/pa uam* или *уадж-ур*, которые еще недавно переводили как «море». Упоминание об «островах», иногда называемых островами «в центре *уадж-ур*», где обитали отдельные племены, подкрепляло гипотезу о том, что речь идет о прибрежных народах, а точнее, об уроженцах островов Эгейского моря. Однако это пояснение относится только к четырем из девяти народов, упомянутых в надписях Мернептаха и Рамсеса III, поэтому обобщение неуместно. Кроме того, термин *уадж-ур* никогда не обозначал море, а «острова в центре *уадж-ур*» — это земли Дельты, разделенные рукавами Нила и каналами между ними, *pa uam* же — скорее «озеро» или «река», чем «море». Таким образом, термин «Народы моря» является некорректным и его не следует использовать. Правильнее будет называть их «народами Севера» — это выражение используется в египетских текстах, и перевод его не вызывает сомнений. Большинство исследований, посвященных войнам Мернептаха и Рамсеса III, изначально исходят из неверных посылок (Nibbi, 1975; Vandersleyen, 1985, 45–46). *Уадж-ур*, как правило, обозначает Дельту Нила, а иногда и сам Нил. Выражение «шарданы *уадж-ур*» свидетельствует о том, что этот народ обосновался в Дельте, не полностью подчиненной фараонами[174]. «Народы Севера» не обязательно должны были высадиться в Киренаике, чтобы присоединиться к «ливийцам» и достичь Дельты с запада, пройдя вдоль Средиземного моря; возможно, они пришли из Азии, как и те племена, с которыми сражался Рамсес III[175]. Заключить союз с лебу, пришедшими с юга, они могли лишь после соединения с ними, но это не обязательно произошло на западе Дельты. В любом случае, при Мернептахе они играли второстепенную роль.

Вводная часть Большой надписи Мернептаха в Карнаке напоминает, что под угрозой вторжения оказались Гелиополь и Мемфис и что шатры захватчиков были разбиты под городом Пер-Берсет. Предложенное Генрихом Бругшем отождествление Пер-Берсет с крупным городом Билбейсом, важнейшим пунктом на дороге, ведущей в Гелиополь с северо-востока, было единодушно отвергнуто, так как считалось, что этот город должен был находиться на западе, рядом с «ливийцами». Между тем это толкование было самым обоснованным (Breasted, AR III, 242a; DNG II, 74–75). Все сходятся во мнении, что Пер-Берсет упомянут в Большом папирусе Харриса (62a, 2) в связи с дарами «Храму Бастет, повелительницы Берсет, на Воде Ра». Достоверно установлено, что «Вода Ра» — название самого восточного рукава Нила, который как раз протекает в Билбейсе (AEO II, 157*–158*; 168*–169*; Nibbi, 1985a, 85–94). После упоминания Пер-Берсет в папирусе

[174] Этот заброшенный регион описан Мернептахом как заброшенная земля, которая была отведена под пастбища по вине Девяти Луков и не возделывалась «со времен предков» (*Карнак*, 8, KRI IV, 3, 6–8). Возможно, имеется в виду Дельта.

[175] Очевидно, все эти «Народы Севера» происходили из Азии. Дж. Уэйнрайт (Wainwright, 1961; Wainwright, 1965) убежден, что они были связаны с морем и что *хау-небут* если не были эгейцами, то населяли отдаленные местности Азии. Так же считают и авторы недавних исследований: Hölbl, 1983; Stadelmann, LÄ V (1984), 814–822. К сожалению, эти авторы не пожелали учесть фундаментальные труды Алессандры Нибби (Nibbi, 1975, 1981a). Еще одно исследование — небесполезное, особенно благодаря иллюстрациям, но содержащее рискованные выводы: Sandars, 1978. О возможной локализации *хау-небут* в Дельте, на прибрежной полосе, и о ее западном побережье см.: Nibbi, 1975, 51–58; Vandersleyen, 1988c, 196–198.

идет речь о канале Ити — одной из частей того же рукава, протекающего через Бубастис (AEO II, 174*). Конечно, в тексте этого фрагмента Большой надписи содержится много лакун, затемняющих смысл, и нельзя утверждать, что речь идет именно о лебу, которые угрожали Египту с востока Дельты, а не о Народах Севера или о ком-либо еще. Однако в названии одного из храмов Рамсес III назван «победителем мешуэш возле воды Ра» (P. Harris 10, 8). Стало быть, победа Рамсеса III над главными силами «ливийцев», с которыми он вел войну на 11-м году, была одержана в восточной части Дельты.

Есть еще одно указание, приводящее нас к восточной части Дельты: в Большой надписи упоминаются педжетишу (KRI IV, 5, 3; об этом племени: Caminos, 1977, 32–33), одно из племен в составе Девяти Луков, которое, с некоторыми оговорками, локализуют в восточной пустыне (Wildung, LÄ IV, 472). К сожалению, этому отрывку предшествует большая лакуна, затемняющая его смысл. Затем царь говорит о ячмене и о том, что он позволил жить стране хеттов (Хета). Из этой туманной фразы был сделан серьезный вывод: Мернептах спас хеттов, которым угрожал голод (Wainwright, 1960). Однако хетты упомянуты в конце абзаца, в котором поведение захватчиков описано с ненавистью и презрением; очевидно, что в этом контексте оказание помощи хеттам, принадлежавшим к числу врагов, выглядит странно. Страна Хета упоминается также на Стеле Израиля и стеле из Амады, неизменно в негативном контексте: «Он (царь) презирает *Сечетиу*, он делает так, чтобы равнины страны Хета шли пешком, как идут собаки» (Amada 12–13; KRI IV, 37, 5–10). На Стеле Израиля говорится лишь, что «страна Хета в мире». Это может означать не только «умиротворена», но и «усмирена», так как рядом указывается, что «страна Чехену побеждена», «Ханаан захвачен» и т. п. В этих трех отрывках текста, касающихся одной и той же войны, хетты фигурируют среди врагов Египта. Лишь игнорируя исторический контекст можно вообразить, что Египет отправил хеттам спасительный груз, в то время как сам фараон был отброшен от своих границ, а доступ к побережью Дельты оказался для него полностью перекрыт. Географические названия, упоминающиеся во всех трех отрывках, заставляют говорить о территориях, прилегающих к Египту. Земля хеттов, о которой идет речь — это не обязательно хеттское царство со столицей Хаттусой или даже Северная Сирия. Вполне вероятно, что речь идет о Палестине — Библия сообщает о присутствии там «хеттеян» и «аморреев» (см. выше, с. 445). Это отрывок может служить подтверждением версии о сговоре между врагами Египта в восточной Дельте и в примыкающих к ней областях Азии.

Результаты войн

Итак, на 4-м и 5-м годах правления Мернептаха различные племена одновременно пытались проникнуть в Египет со всех сторон. Небывалая жестокость фараона, возможно, была вызвана паническим ужасом, охватившим египтян перед этой волной нашествий. Согласно имеющимся у нас сведениям о войне лета 5-го года[176] главным

[176] Вторжение и битвы произошли в сезон *шему*, что в этот период соответствовало лету. Важен ли для историков небольшой разнобой в датах, которые содержатся в различных документах? Согласно текстам на двух триумфальных колоннах, царю доложили о вторжении во 2-м месяце *шему* (KRI IV, 23, 6; 38, 4); в 3-м месяце *шему* произошло решающее сражение при Перирешепсет, продолжавшееся шесть часов (KRI IV, 6, 3); на стеле из Атрибиса и Стеле Израиля в качестве даты

врагом Египта был народ лебу, упомянутый во всех текстах и единственный, вождь которого назван по имени: Мериаи, сын Деди (KRI IV, 2, 12; 3, 16; 7, 4; 16, 6; 17, 6). После серьезнейших потрясений, пережитых Египтом при Мернептахе, память осталась именно о лебу[177]. Мешуэши, которые при Рамсесе III будут играть главную роль, в это время находились на втором плане.

Очевидно, угроза иностранного вторжения крайне взволновала египтян. Какую роль сыграл в этих событиях лично Мернептах, определить невозможно. Учитывая его возраст и тот факт, что военные действия велись одновременно на нескольких удаленных друг от друга фронтах[178], он не мог всякий раз присутствовать на поле сражения. Судя по событиям в Нубии и Судане, регион этот был не таким мирным, как обычно полагают. Этим может объясняться и окончательный упадок золотодобычи в Куше при XIX и XX династиях. Значительное оживление производства при Тахарке, вероятно, было вызвано тем, что к власти в регионе вновь пришла могущественная «национальная» династия (Vercoutter, 1959, 135–137).

СОБЫТИЯ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

До и после военных потрясений 4-го и 5-го годов царствование Мернептаха было лишено ярких событий. Известно, что фараон совершал поклонение Нилу, сильные разливы которого в это царствование, судя по всему, происходили не раз[179]; в Гермополе был высечен гимн Тоту (KRI IV, 27–30; Roeder, 1954). Царская титулатура Мернептаха часто встречается на памятниках предшественников, что свидетельствует о его уважении к прошлому. Сохранилось несколько датированных отчетов о поездках по стране, религиозной жизни, ликвидации последствий войн, хозяйственных делах[180]. Мернептах чаще чем кто-либо другой узурпировал статуи своих предшественников. Он не подправлял черты лица, а лишь заменял их имена своими или добавлял свои надписи там, где настоящие владельцы статуй оставили пустые места. Примерами могут служить две сидящие статуи Аменхотепа III в Нью-Йорке и две стоящие статуи того же царя в Луксоре.

Мернептах повелел вырубить себе гробницу в Долине царей[181]. Его заупокойный храм был построен в основном из материалов, взятых из соседнего храма Амен-

---

сражения указан 3-й день этого месяца, на нубийских стелах — первый. Мы знаем также, что военные сборы Мернептаха заняли 14 дней (KRI IV, 5, 10).

[177] В часовне в эль-Бабейне есть рельефная сцена, где бог Птах дарует царю победу над лебу (KRI IV, 58, 3).

[178] В тексте стелы из Атрибиса, v, 3, говорится о «решительной руке фараона». Следовательно, сам он не принимал участия в походе (Morschauser, 1988, 161).

[179] Помимо памятников в Силсиле разлив прославляет статуя, найденная в Хери-аха (Асар-эн-неби, в окрестностях старого Каира), где находился мифический исток Нила (KRI IV, 32).

[180] Kitchen, 1984a, 549–550. В Тоде: Barbotin, 1991, 251–252. В Мединет Абу и Дейр эль-Медина: KRI IV, 26.

[181] KV № 8, PM I, 507–509; Sourouzian, 176–184; Reeves, 1990b, 95–97; Brock, 1992. — Его мумия была обнаружена в гробнице Аменхотепа II: Ibid., 196, 204, 210.

хотепа III (PM II, 447–449; Manuel II, 713–716; Sourouzian, 162–167). Он решил возвести дворец (PM III, 856; Schwartz et al., 1984) и храм (PM III, 854–855) в Мемфисе, а в Гелиополе он возвел колонну, на которой увековечил победу над лебу (Barky, 1973). При Мернептахе также были сооружены скальная часовня, посвященная Хатор, в эль-Бабейне, неподалеку от эс-Сиририйя, и ниша в Силсиле (Sourouzian, 111–115, 191–197). Все эти памятники целиком созданы в царствование Мернептаха.

Хотя нам мало известно о египетском присутствии в Палестине в ту эпоху[182], упоминание Израиля на царской стеле — единственное свидетельство такого рода на памятнике эпохи фараонов — вызвало лихорадочный интерес у исследователей[183]. Долгое время полагали, что именно Мернептах был фараоном Исхода. В действительности же Исход мог произойти при Яхмосе (см. выше, с. 232–237), а не при царях XIX династии (о Мернептахе и Исходе см.: Sourouzian, 209–215). Археологи, работающие в Палестине, стремятся найти в культурном слое древних городов то, что относилось бы к приходу колен Израилевых. Возможно, эти следы существуют, но они слишком неопределенны и не могут быть безоговорочно соотнесены с теми событиями[184]. Обнаруженное в Угарите бронзовое оружие с именем Мернептаха не является надежным свидетельством отношений между Египтом и этим городом: неизвестно, кто и почему мог доставить сюда это оружие (это верно в отношении любого движимого предмета)[185]. Так или иначе, спокойствие было восстановлено. Кочевники из Азии продолжали прибывать через Вади Тумилат, но этот миграционный процесс, судя по деловому письму от 8-го года правления Мернептаха, был мирным и находился под контролем (P. Anastasi VI, 51–61; Caminos, 1954, 293).

Деятели этого времени не отметились ничем особенным. Нам известны визирь Па*нехси*[186], вице-король Куша Мессуи[187] и его преемник Хаэмтери, занимавший эту должность в конце царствования (KRI IV, 97), верховный жрец Амона Ромарои, унаследовавший должность у Бакенхонсу (Gaballa, 1974, 24; Bierbrier, “Ramrai” LÄ V, 100; KRI IV, 129–133), стольник Рамсесэмперра, известный уже при Рамсесе II. Никто из них не совершил при Мернептахе ничего выдающегося, а о многочисленных царевичах и царевнах, отпрысках Рамсеса II, у нас вообще нет сведений (Dodson, 1990, 89, n. 14).

Об искусстве этого времени также можно сказать немного, что отражает характер царствования. Египетская традиция не ослабевает, но оригинальных произведений создается мало и они лишены творческой изобретательности.

---

[182] Краткая выписка из «журнала начальника пограничной заставы» (P. Anastasi III, v 6, 1–6, 8; 5, 1–5, 9) содержит такие топонимы, как Газа, Тир (?), Чару и Хару.

[183] Библиография работ, посвященных Стеле Израиля, весьма обширна. Помимо литературы, указанной в PM II, см.: Engel, 1979; Otto, 1980; Stein, 1982; Hornung, 1983; Stager, 1985.

[184] Х. Франкен (Franken, 1975) подчеркивает эту неопределенность. См. также: Dever, 1972, 159; Priebatsch, 1975, 21–22; Rendsburg, 1981.

[185] Schaeffer, 1957. — О предметах, обнаруженных в Палестине, см.: Weinstein, 1981b, 20–21; Sourouzian, 202–203.

[186] KRI IV, 83–93; Helck, 1992b, 267, n. 3. — Визирь Нижнего Египта Пенсохмет упомянут лишь однажды (Каир OCG 25504; Helck, 1992b, 268 и n. 7).

[187] KRI IV, 93–96; Habachi, LÄ III, 634, n. 26. — О нубийских памятниках этого периода см.: Hein, 1991, 143.

Глава V
XIX ДИНАСТИЯ ПОСЛЕ МЕРНЕПТАХА: СЕТИ II, АМЕНМЕСЕС, СИПТАХ И ТАУСЕРТ

СЕТИ II (ок. 1201–1196 годов до н. э.) И ФАРАОН-УЗУРПАТОР АМЕНМЕСЕС (ок. 1200–1197 годов до н. э.)

После кончины Мернептаха[188] начинается период династических распрей, которые будут продолжаться вплоть до конца Нового царства. Несомненно, Мернептах не ожидал, что станет царем. На трон он взошел в том возрасте, когда мог быть дедом, сын его также был зрелым человеком. В самом начале царствования Мернептах сделал наследником своего сына Сети-Мернептаха, будущего Сети II, и пожаловал ему высокие титулы, судя по которым Сети стал регентом своего пожилого отца (Kitchen, LÄ V, 917–918; Eaton-Krauss, 1981b). Царствование Сети II было коротким: он правил пять лет и несколько дней[189]. Через несколько месяцев после

[188] Мернептах скончался, видимо, в сезон *перет*, накануне восшествия на престол Сети II; см. ниже, с. 505, примеч. 191.

[189] Helck, 1959, 123; Altenmüller, 1983, 45. Г. Эллиот Смит (Elliot Smith, 1912, 73) полагал, что Сети II скончался «молодым или в среднем возрасте». Учитывая преклонный возраст Мернептаха, Сети II к моменту восшествия на престол должно было быть больше

восшествия на престол он начал строительство своей гробницы в Долине царей (KV № 15; PM I, 532–533). Как всегда, художники и ваятели принялись за работу сразу же после того, как начал вырубаться коридор, продвигаясь вслед за каменотесами. Рельефы левой стены первого коридора были завершены, а двух следующих коридоров — лишь немечены в эскизах красными чернилами, когда работы остановились[190]. На 2-м году правления Сети II у него появился соперник по имени Аменмесес — скорее претендент на власть, чем узурпатор. Отсчет своего правления он начал через несколько месяцев после коронации Сети II[191]. Кем он был и какие права он имел на престол? Точного ответа нет. Все его памятники были уничтожены сразу после окончания этой авантюры. Письменных свидетельств, подтверждающих принадлежность Аменмесеса к царскому роду, нет. Возможно, он был потомком одного из многочисленных детей Рамсеса II[192], но скорее — сыном самого Сети II, поднявшим против него мятеж. Об этой проблеме еще будет сказано ниже. Аменмесес не объявил себя царем сразу же после кончины Мернептаха: вероятно, ему понадобилось несколько месяцев для того, чтобы убедиться в своем праве на престол и возможности реализовать это право. Только после этого им было принято решение.

Большинство Рамессидов жили в Пи-Рамсесе — столице, находившейся в восточной Дельте. Именно там скончался Мернептах и взошел на трон Сети II. По некоторым косвенным свидетельствам, Аменмесес начал царствовать на Юге, в Нубии[193] — регионе, удаленность которого от царского двора обеспечивала ему некоторую автономию.

Обосновавшись в Фивах, Аменмесес распорядился прекратить работы в гробнице Сети II и стереть его картуши[194], начав сооружение собственной усыпальницы в Долине царей[195], неподалеку от гробницы Мернептаха. Рельефы первых четырех коридоров превосходны по качеству. Работы в гробнице Аменмесеса продвинулись дальше, чем в гробнице Сети II, но мы не знаем, насколько именно: сегодня она засыпана, и мы можем полагаться лишь на свидетельства первой половины XIX века. Эти работы были прерваны после возвращения к власти Сети II, но нельзя утверждать, что

---

40 лет, а Аменмесесу, если он был его сыном, — около 20. Эти рассуждения приводятся лишь с целью продемонстрировать, какие критерии установления возраста возможны в биологическом и историческом отношении.

[190] Dodson, 1985, 8; Reeves, 1990b, 103–104.

[191] Гипотеза, согласно которой Аменмесес правил одновременно с Сети II, была выдвинута Ю. фон Бекератом; к ней же, в ряде фундаментальных трудов, склоняется Р. Краус (Krauss, 1976 (1), с предшествующей библиографией на с. 162, n. 9; Krauss, 1977 (2); см. также: Osing, 1979; Gutgesell, Schmitz, 1981; Dodson, 1985, 8–9). Сети II взошел на трон в первой половине сезона *перет*. В. Хельк (Helck, 1959, 123; 1992b, 267, n. 1) называет дату — 29-й день первого месяца *перет*, но не указывает источник. К. А. Китчен (KRI VIII, 74) указывает другую дату — 25-й день 1-го или 2-го месяца *перет*. Аменмесес стал царем на 18-й день 3-го месяца *шему* (Helck, 1992b, 121), то есть спустя четыре или пять месяцев.

[192] Аменмесес повелел поставить две стелы в храме Сети I в Гурне. На одной из них (PM II, 409 (15); KRI IV, 196 B) он возносит молитвы Амону, царице Яхмос-Нефертари, Сети I и Рамсесу II, что может являться свидетельством семейного благочестия с его стороны. Обе стелы были узурпированы Сиптахом.

[193] Krauss, 1977 (2), 132–134; 1981b, 30–33; Hein, 1991, 99–101 — об обоих царях.

[194] Аменмесес узурпировал картуши Сети II не только в его гробнице (KRI IV, 203, n° 12, статуя Ливерпуль 13510 M). Статуя Каир CG 1198, возможно, принадлежит Сети II, чьи имена носят следы переделки, осуществленной при Аменмесесе. Позже они были восстановлены царем Сети II (Dodson, 1987a, 226).

[195] KV № 10; PM I, 517–518; Dodson, 1985, 7–9; Reeves, 1990b, 104–105.

последний стремился разрушить созданное соперником. В конце XIX династии гробница Аменмесеса была восстановлена для погребения двух цариц, Тахат и Бакетурел — матери и жены Рамсеса IX. В двух комнатах, которые идут за четвертым коридором, красочный слой нанесен на штукатурку плохого качества; таким образом, гробницу царя переоборудовали для двух цариц (Dodson, 1985, 9–10; об этих царицах см. ниже, с. 558).

Самая сложная проблема истории этого периода касается личности Аменмесеса и его родственных связи с Сети II. Затруднения исследователей отчасти связаны со скудостью источников и постоянными узурпациями памятников. У Сети II, который, как уже говорилось, был зрелым, если не пожилым человеком, до воцарения было несколько жен. Наиболее известная из них — Таусерт, которая пережила своего мужа и взошла на трон в последние годы существования династии. Почти достоверно установлено имя еще одной супруги царя — Тахат (не путать с ее тезкой, жившей во времена XX династии); у нее были дети от царя, и, возможно, именно она родила Сети II сына по имени Аменмесес[196], у Таусерт же не было детей мужского пола к тому моменту, когда она унаследовала трон. Были у Сети II и дочери — согласно документам о погребении их воспитательницы в конце 5-го года правления этого царя[197]. На тройном алтаре в Карнаке есть несколько изображений «старшего сына царя, Сети-Мернептаха», но поверх его имен и титулов канцлер Баи кое-где высек свои собственные (KRI IV, 257, 6–8; 15–16; 258, 10–11; 259, 11–12). Других упоминаний об этом царевиче, который скончался еще при жизни отца, не сохранилось.

Итак, воцарение Аменмесеса могло быть результатом сыновнего бунта. После смерти Аменмесеса Сети II царствовал еще год или два, то есть в конечном счете меньше, чем его соперник. Трон унаследовал Сиптах[198]; он скончался совсем юным и был игрушкой в руках интриганов. На рельефных изображениях за ним почти всегда следует канцлер Баи, который «возвел сына на трон отца». Эта любопытная формулировка означает, что наследника едва не лишили его прав после смерти Сети II. Но кто?

---

[196] Сомнения вызваны тем, что в эпоху Рамессидов цариц по имени Тахат было несколько (см.: Krauss, 1976 (2), 137–140; Gutgesell, Schmitz, 1981, 135–141; Krauss, 1983a; Dodson, 1987a, 224–225). Из пяти памятников, содержащих имя царицы Тахат, есть две царские статуи (№ 2 и 3 в списке Крауса), картуши на которых были разбиты и нанесены заново. Эти памятники посвящены трем или даже четырем царевнам по имени Тахат: матери Рамсеса IX (док. 1 и 4); некоей царевне, ставшей, видимо, женой Сети II и матерью Аменмесеса (док. 2; статуя, обнаруженная *in situ* в большом гипостильном зале в Карнаке, PM II, 51–52); еще одной царевне, «старшей царской жене, сочетавшаяся со своим Хором» (док. 3, Каир CG 1198), которая может быть отождествлена как с уже упомянутой царевной Тахат, так и с супругой некоего царя, правившего еще до Сети II; наконец, дочери Рамсеса II (док. 5), которая могла либо быть одной из уже названных царевен (док. 2 и 3), либо жить раньше их всех (точка зрения, отстаиваемая в работе: Gutgesell, Schmitz, 1981, 135–137). Аменмесесу приписывают шесть царских статуй; но даже если это и так, то все они были узурпированы Сети II (Yurco, 1979b).

[197] KRI IV, 271, 14–15. С. Олдред (Aldred, 1963) полагает, что гробница в Долине царей, где найдены золотые и серебряные изделия с именами Сети II и его супруги Таусерт, была местом погребения дочери фараона (Reeves, 1990b, 131–133). Х. Альтенмюллер (Altenmüller, 1992, 160 (5)) считает, что эти предметы являлись частью погребального инвентаря Таусерт и оказались там после того, как ее лишили гробницы № 14.

[198] Drenkhahn, 1980, 2. Так как отцом Сиптаха нередко считают Сети II, матерью этого царевича могла быть третья жена Сети (см. след. примечание). Мы не придерживаемся этой гипотезы.

Предполагали, что Сиптах мог быть сыном Аменмесеса и некоей Тиаа[199]. Враждебность Таусерт по отношению к сыну «узурпатора» Аменмесеса вполне понятна: он был прямым наследником своего деда Сети II, но при этом — потомком другой его жены. После кончины Сиптаха Таусерт взошла на трон, продолжив счет лет правления Сиптаха так, как если бы она унаследовала власть у Сети II.

За этой зыбкой реконструкцией событий, происходивших вокруг трона, угадываются жестокие семейные распри. О властных амбициях Таусерт можно судить по ее гробнице, которую она увеличила до размеров гробниц фараонов. В гробнице Сиптаха картуши юного царя были уничтожены, но затем восстановлены. Можно допустить, что Таусерт, став фараоном, стерла имя того, чье царствование ей было невыносимо. После кончины царицы Сиптах был «реабилитирован», а Таусерт — «разжалована». Возможно, лишь Рамсес III привел все «в порядок».

К моменту восшествия на престол Сети II визирем был Аменмесес, а вице-королем Нубии — Хаэмтери, занимавший эту должность еще при Мернептахе. Сначала власть Сети II распространялась на все территории, издавна принадлежавшие Египту, как о том свидетельствует текст в Абу Симбеле, датированный 1-м годом, 2-м месяцем *ахет*, 25-м днем. Иными словами, Аменмесес стал царствовать вместе с Сети II лишь около четырех месяцев спустя (KRI IV, 275, № 30). В Силсиле картуши царя содержат дату «4-й месяц *перет*, 2-й год», то есть Аменмесес взошел на трон через несколько месяцев после Сети II[200].

Других документов, датированных началом царствования Сети II, нет, и пока что нельзя определить, относятся ли некоторые другие памятники, например на Синае и в Тимне (KRI IV, 242–243), — не говоря уже о движимых предметах — к началу царствования Сети II или к периоду после узурпации Аменмесеса.

Последняя дата времен Сети II в административных документах из Дейр эль-Медина относится к концу второго года его правления (13-й день 2-го месяца *перет*; KRI VII, 249, 13–14), после чего хронология, видимо, ориентируется на годы правления Аменмесеса[201]. Наличие двух царей одновременно должно было вызвать хаос в высших слоях управления. Визирь Аменмесес сохранил свою должность (KRI IV, 204–206).

---

[199] В окрестностях гробницы Сиптаха (KV № 47) найдены памятники «старшей царской жены Тиаа», на основании чего был сделан вывод о том, что Тиаа — мать Сиптаха. Но доказательств этому нет (см.: KRI IV, 350, № 16; Reeves, 1990b, 107 и n. 52; Bryan, 1991, 106–107). На хранящемся в Лувре барельефе из Кантира изображен царевич Рамсес-Сиптах в сопровождении «его матери, царской супруги Сутеритери (возможно прочтение «Суталийя»)»; считалось, что эта царица с азиатским именем была женой Сети II. Однако не доказано, что этот царевич — будущий фараон Сиптах. Это имя носил также один из сыновей Рамсеса II, и возможно, речь идет именно о нем (Yoyotte, 1962, 468–469; Vandier, 1971b, 171–172; об имени см.: Drenkhahn, 1980, 11, n. 70).

[200] Сильно поврежденная стела из Амады может датироваться 2-м годом правления Сети II (KRI IV, 274, № 29), что довольно неожиданно, если выступление Аменмесеса, к тому моменту уже далеко продвинувшегося, началось в Нубии (Krauss, 1981b, 33, n. 18, ставит эту дату под сомнение). Несколько блоков с именем Сети II, найденные в Дебоде, возможно, происходят из местного храма этого царя, но мы не знаем, в какой именно период его правления храм был построен (Clère, 1977).

[201] KRI IV, 217, 11. В большинстве документов из Дейр-эль-Медина указаны только годы царствования, без уточнения имени царя. Примерная датировка этих документов установлена путем сверки содержания текстов.

Однако в связи с тяжбой между двумя жителями поселка Дейр эль-Медина, подробности которой нам известны из папируса Солт 124 (Černý, 1973a, 288–290; Valbelle, 1985, 179–184), некий Панеб, осужденный визирем Аменмесесом, отправил жалобу некоему лицу, фигурирующему в папирусе под именем Моса (P. Salt 124, Rº 2, 18; KRI IV, 412, 7) и обладавшему достаточной властью, чтобы сместить визиря. Этим Мосом мог быть только царь Аменмесес. Визиря Аменмесеса сместил Хаэмтери, который был до того вице-королем Куша и перешел на сторону Аменмесеса[202]. Памятники свергнутого визиря были разбиты. Панеб, которого по многочисленным документам мы знаем как человека бессовестного и подлого (Bierbrier, 1978; Valbelle, 1985), воспользовался ситуацией для сведения счетов с сослуживцем, которому завидовал: он убил старшего мастера Небнефера — по крайней мере так утверждал брат убитого, Неферхотеп, тщетно пытавшийся добиться справедливости. В папирусе Солт 124, созданном, согласно его датировке, после возвращения Сети II к власти, постоянно используется слово, которое означает «враг» (или «война»). Речь идет, скорее всего, не о Панебе, а о сподвижниках Аменмесеса, ставших одной из сторон в настоящей гражданской войне.

Некий Мери, о котором известно лишь по нубийским источникам, сын правителя Миама (Аниба), вероятно, занял должность вице-короля, когда Хаэмхетери стал визирем Аменмесеса. Помимо гробницы в Анибе Мери оставил граффито в Абу Симбеле и прекрасную стелу, на которой Аменмесес перед Амоном, преподносящим ему серповидный меч, убивает черного пленника (Habachi, 1978a, 63, fig. 4). На этой стеле изображен и сам Мери, носящий только один титул — «уполномоченный в Уауате» (Нубии). Он, несомненно, был осторожным чиновником, который постепенно делал карьеру, пользуясь дворцовыми переворотами: в многочисленных картушах Аменмесеса на стеле имена этого царя заменены именами Сети II, но имя Мери везде сохранено (KRI IV, 207). В еще одной надписи — в своей гробнице — Мери носит и другие титулы, среди которых особенно примечателен следующий: «военачальник владыки двух земель в Нубии». Так как нам неизвестно, кто был вице-королем Куша во второй половине царствования Сети II, вполне вероятно, что после исчезновения Аменмесеса с исторической сцены эти обязанности, не имея официального титула, исполнял Мери. Еще одним видным лицом, притом замешанным в мятеже, был верховный жрец Амона Ромарои. Заняв эту должность в конце царствования Рамсеса II, он продолжал исполнять ее и при Мернептахе, и после того, как Аменмесес объявил себя царем. Картуши Аменмесеса высечены на плече одной из статуй этого жреца и в надписи на ней (Каир CG 42186; KRI IV, 208–209), но имена в картушах были старательно затерты. В большой надписи Ромарои в Карнаке первое имя Аменмесеса, «Менмира», заменено именем Сети II, «Усерхепрура», но резчик забыл заменить эпитет Аменмесеса «Сетепенра» на «Мериамон» (KRI IV, 208, 2), что и выдает переделку. Имя самого священнослужителя уничтожено не было — то ли из почтения к его званию верховного жреца, то ли в силу его преклонного возраста, а может, и благодаря собственной осмотрительности этого лицемерного старика (если он сам повелел исправить картуши).

[202] Стела, датированная первым годом Аменмесеса, найдена в Бухене (KRI IV, 202, № 10); остатки его надписи — в западной Амаре (KRI IV, 203, № 11).

Царствование Аменмесеса продолжалось по меньшей мере до второй трети 4-го года, то есть до начала 5-го года правления Сети II. Вновь появившиеся документы Сети II датированы 5-м годом. Итак, гражданская война закончилась его победой. Где он был эти четыре года[203]? На какие территории распространил свою власть Аменмесес? Ответов на эти вопросы пока нет[204]. Так или иначе, за несколько лет правления Аменмесеса в Фивах появились памятники высочайшего уровня — его гробница и статуи, которые затем использовал Сети II. Голова одной из статуй, изображающей, скорее всего, самого Аменмесеса, — истинный шедевр[205].

Невозможно установить, как обходились в течение этих четырех лет с памятниками, сооружение которых начал Сети II после восшествия на престол. Если Аменмесес контролировал не всю территорию, некоторые работы вполне могли продолжаться — например, в эль-Ашмунейне, где по приказу Сети II была проведена превосходная отделка прохода в пилоне, сооружение которого начал Рамсес II и продолжил Мернептах (KRI IV, 247–250; Spencer, 1989, 40).

Главный памятник эпохи Сети II — тройной алтарь с двумя колоссальными статуями, возвигнутые перед вторым пилоном в Карнаке (PM II, 25–27; KRI IV, 252–260)[206]. Он также посвятил, а может быть и соорудил, пилон в храме Мут (PM II, 256; KRI IV, 266–267). Многие памятники своих предшественников он снабдил текстами со своим именем. О деятельности Сети II в конце царствования свидетельствуют надписи в Вади Хаммамат. В некоторых из них руководитель экспедиции Параэмхеб назван просто начальником работ, в других — начальником работ и визирем или же просто визирем. Можно предположить, что Параэмхеб организовал несколько экспедиций по мере своего продвижения по карьерной лестнице; одна из них состоялась, вероятно, на 5-м году правления Сети II[207]. Параэмхеб вступил в должность визиря, вероятно, после восстановления власти Сети II; его имя написано поверх имени Хаэмтери, гробницу которого он узурпировал (Habachi, 1978a, 64; KRI IV, 206). К исходу 6-го года правления Сети II место Параэмхеба занял другой визирь — Хори, бывший до того визирем Севера (KRI IV, 321, A 16; см.: Helck, 1957, 328–329, 460–461; De Meulenaere, 1973). Произошло ли это в ходе своего рода «чистки»? Мы знаем, что Параэмхеб был в хороших отношениях с такой одиозной личностью, как Панеб (Valbelle, 1985, 182). Связи Хори с мемфисскими кругами подтверждает его статуя, которая представляет его вместе с верховным жрецом Птаха Пахемнечером (Gaballa, 1974, 24).

---

[203] После двух лет отсутствия Сети II вернулся в Фивы, но это не означает, что борьба с Аменмесесом закончилась. Манефон дает неоднозначные сведения: перед Таусерт (именуемой Туорис) он называет Амменемнеса, процарствовавшего пять лет (Manetho, 148–149, согласно Африкану; Евсевий дает этому царю 26 лет). Эти пять лет правления — касаются ли они только Аменмесеса, или столько правил другой царь (Сети II или Сиптах), имя которого здесь пропущено?

[204] К. А. Китчен (Kitchen, 1987) сообщает о том, что в гробнице в Рикке (в 45 км к югу от Мемфиса) найдена ваза с двумя нетронутыми картушами Аменмесеса; но ценность этой находки как свидетельства о распространении влияния Аменмесеса спорна, так как речь идет о предмете, который могли легко перенести.

[205] Музей Метрополитен (MMA 34.2.2), см.: Manuel III, pl. 126, 4; Cardon, 1979. Долгое время считалось, что это голова Рамсеса II, затем — Сети II; о статуях Аменмоса см.: Yurco, 1979b.

[206] Эти статуи из песчаника высотой 4,65 м хранятся в Лувре (A 24) и Турине (1383); см.: Curto, 1964.

[207] KRI IV, 279–281; о титулах этого персонажа см.: Goyon G., 1957, 23–24.

СИПТАХ. Ок. 1195–1189 годов до н. э.

После кончины Сети II царем — на 2-й день первого месяца *перет* — стал Сиптах[208]. Коронация состоялась не в Фивах, так как новость достигла поселения Дейр эль-Медина лишь через двадцать дней или около того (Barta, 1980, 36); возможно, властители находились в Пи-Рамсесе, но это не доказано. Сиптах, чье полное имя было Мернептах-Сиптах, сначала именовался Рамсес-Сиптах. Царем он стал еще в совсем юном возрасте, к тому же у него была серьезно деформирована одна нога — вероятно, вследствие полиомиелита (Elliot Smith, 1912, 70–73; Dzierzykray-Rogalski, 1978; Robins, Shute, 1983, 456). Восшествие Сиптаха на трон не обошлось без осложнений: канцлер Баи дважды называет себя «тем, кто возвел сына на трон отца» (KRI IV, 364, 5; 371, 8–9). Но кто был отцом Сиптаха? Явно не Сети II. Если это был Аменмесес, тогда мы получаем приблизительно такую картину. Никого из потомков Сети II и Таусерт уже не было в живых, а у Сети и Тахат был законный, но мятежный сын Аменмесес. Сиптах, сын Аменмесеса и внук Сети II, по праву являлся наследником, но его положение было подорвано из-за действий его отца. Не заняла ли Таусерт для Сети II место матери мятежника? В таком случае она была враждебно настроена по отношению к Сиптаху и как мачеха, и как политический соперник: разные сюжеты из ее жизни свидетельствуют, что она стремилась к власти. Канцлер Баи, поборник законности, возвел Сиптаха на трон и поддерживал царя на протяжении его недолгого (пять лет и несколько месяцев) царствования. Судя по памятникам Баи, он стремился всегда быть на первом плане. Карьера его началась при Сети II (KRI IV, 286, № 2; Černý, 1966). Баи не был египтянином, его египетское имя — Рамсесхаэмнечеру (KRI IV, 364, 5–6); подобные имена носили в эпоху Рамессидов стольники азиатского происхождения[209]. Иногда Баи изображен как носитель опахала, но сам он нигде не упоминает об этом престижном титуле (Pomorska, 1987, 190). Можно думать, что Сиптах — не более чем подставное лицо, за которым стоял истинный правитель Египта, но не следует считать, что канцлером Баи двигал только злой умысел. Известна статуя царя Сиптаха, сидящего на коленях у взрослого, чья фигура была намеренно уничтожена (Мюнхен, Глиптотека 122; Drekhahn, 1980, 35–38). Судя по имени царя — Мернептах-Сиптах, памятник создан не в первые годы царствования. Было высказано много версий относительно того, у кого на коленях сидит царь. Таусерт исключается, так как она, скорее всего, проявляла враждебность к Сиптаху. Это мог быть Баи, на которого, несомненно, опирался юный царь[210].

---

[208] Drenkhahn, 1980, 2–15; Kitchen, LÄ V, 955–956. — О дате коронации см.: Helck, 1992b, 270, n. 12 — если Сети II действительно был похоронен через 70 дней после кончины. Ранее называли другую дату — 27-й день 4-го месяца *ахет* (Helck, 1959, 123–124).

[209] Как правило, этого азиата Баи отождествляют с загадочным Ирсу, чье имя встречается в исторической части Большого папируса Харриса. Однако подобное отождествление не основано ни на каких фактах, к тому же толкование «Ирсу» как имени некоего лица оспаривается — см. ниже, с. 518. О Баи см. также: Posener, 1977.

[210] Эту точку зрения отстаивает Р. Дренкхан (Drenkhahn, 1980, 36). Однако память Баи после его смерти не преследовалась и, кроме того, на троне, где сидит этот человек, изображены царские геральдические растения.

В начале царствования картуши царя содержали имя Схаэнра с эпитетами «возлюбленный Амоном» или «избранный Ра» и «Рамсес-Сиптах». Позже, на 3-м году правления, он поменял имя и стал именоваться «Ахенра-избранный Ра» и «Мернептах-Сиптах». Большинство его надписей составлены чиновниками нубийской администрации и встречаются в Нубии и Верхнем Египте[211], тогда как источники с именем Таусерт (не считая ее гробницы и заупокойного храма) обнаружены к северу от Фив. Значительное число надписей царя, найденных в Нубии, может свидетельствовать о том, что власть египтян там вновь окрепла (Drenkhahn, 1980, 3). Это было необходимо — достаточно вспомнить о грозном вторжении нубийцев при Мернептахе и отпадении Юга при Аменмесесе. Но возможно и другое: сын Аменмесеса пользовался популярностью в Нубии благодаря своему отцу.

Правление Сиптаха было отмечено семейными раздорами, о которых мы уже говорили, и обычной для фараона деятельностью: была вырублена гробница (KV № 47; Drenkhahn, 1980, 4–5; Reeves, 1990b, 105–108), заложен заупокойный храм, делались посвятительные надписи на уже существующих памятниках. Сиптах взошел на трон совсем юным — в 12 лет. «Главный канцлер всей страны» Баи взял инициативу в свои руки[212]. Вдова Сети II Таусерт сохранила титулы старшей царской жены, но ее собственные памятники странным образом отсутствуют.

На левом дверном косяке храма в Амаде мы видим Баи, преклоняющего колено колени перед картушем Сиптаха, на правом — Таусерт с систром в руке и перечнем ее титулов царицы[213]. Это единственный памятник, где изображены вместе Баи и Таусерт, но они разделены проемом ворот: Баи с именем Сиптаха изображен с одной стороны, Таусерт — с другой. Сцены эти «подписаны» командующим армией Куша Пиаи, известным также по граффито в большом храме в Абу Симбеле. На остальных памятниках вместе с Сиптахом изображен только Баи. Продолжая поддерживать юного фараона, Баи присвоил себе некоторые права царей, если не богов (Drenkhahn, 1980, 42–44). От заупокойного храма Сиптаха сохранился только заклад в фундамент. Неясно, подвергся ли этот храм разрушению, или он вообще не был построен, но, видимо, его предполагалось посвятить в равной степени Сиптаху и Баи[214]. Гробницы их в Долине царей также стоят рядом — напротив друг друга, хоть и различаются по размерам[215]. Последнее датированное свидетельство о Баи — на фрагментах кувшина для вина, обнаруженных в закладе в фундамент их заупокойного храма, — относится к 4-му году правления Сиптаха. Итак, Баи владел виноградником; такие владения могли быть только у членов царской семьи и храмов. Последнее свидетельство о самом Сиптахе — граффито царского сына Куша Хори от 6-го года, найденное в Бухене (KRI IV, 365, № 2; Hein, 1991, 101).

---

[211] При этом нет оснований полагать, что царь посещал Нубию. О Баи, напротив, известно, что он дошел как минимум до Бухена: Donadoni, 1957; Dewachter, 1981, 6.

[212] Превосходный рассказ о карьере Баи: Drenkhahn, 1980, 42–57.

[213] PM VII, 69, 28–29; Drenkhahn, 1980, 44; KRI IV, 366. — Несмотря на то что Таусерт в царствование Сиптаха носила титулы царицы, она не обязательно была его супругой, как часто указывается в литературе.

[214] Drenkhahn, 1980, 46–50. — Единственный обнаруженный там скарабей с именем Таусерт, вероятно, попал туда случайно.

[215] Гробница KV № 13 (Баи), Altenmüller, 1989; Reeves, 1990b, 133; KV № 47 (Сиптах) — см. выше, с. 511.

Дата в гробнице Таусерт — 6-й год, 18-й день 2-го месяца *ахет* — может относиться к новому этапу работ, который начался, например, после получения известия о кончине Сиптаха[216]. Погребение царя состоялось на 22-й день 4-го месяца *ахет* (Drenkhahn, 1980, 14). Так как процесс мумификации занимал примерно 70 дней, Сиптах, по всей видимости, скончался на 13-й день 2-го месяца *ахет*, то есть на пять дней раньше даты, указанной в гробнице Таусерт[217].

ТАУСЕРТ. Ок. 1188–1186 годов до н. э.

После смерти Сиптаха вновь встал вопрос о престолонаследии. Наследников мужского пола у династии не осталось, и Таусерт стала фараоном, продолжив летоисчисление по правлению Сиптаха — так, будто она унаследовала престол непосредственно у Сети II. Она явно ждала этого момента, не скрывая своих амбиций. Сооружение ее гробницы в Долине царей (KV № 14) началось в конце 2-го года правления Сети II, когда Аменмесес царствовал уже более года — вскоре он обосновался в Фивах. Гробницу едва начали вырубать, когда по вине Аменмесеса работы были прерваны, но после возвращения в Фивы Сети II они так и не возобновились. Кончина Сети II дала толчок к продолжению работ: граффито над входом в гробницу Таусерт недвусмысленно сообщает о погребении ее супруга-царя на 1-м году правления Сиптаха. Неясно, были ли нанесение такой надписи и спешка с похоронами нормальной практикой или чем-то неподобающим.

Гробница Таусерт — одна из двух в Долине царей, принадлежащих царицам, наряду с гробницей Хатшепсут. Она достигает 112 м в длину, являясь одной из самых больших в Долине. По ходу работ можно судить о положении царицы в различные периоды ее жизни (Altenmüller, 1992). Первая половина гробницы была такой же, как у царских усыпальниц, но меньших размеров. Таусерт изображена одна или позади Сиптаха, не принимая участия в ритуальных действах. Имена Сиптаха после его смерти были стерты и заменены именами Сети II; возможно, таким образом царица желала утвердить свое право на трон и связать напрямую собственное царствование с царствованием мужа. Новый этап ее жизни отмечен двумя граффити: одно датировано 6-м годом, 18-м днем 2-го месяца *ахет*, второе осталось незаконченным (Altenmüller, 1992, 152–154). Граффити обнаружены в едва начатом зале, который расположен после зала, предназначенного для саркофага. Уже в проекте этот зал имел поистине царские размеры. К его сооружению приступили еще при жизни Сиптаха, что не обязательно свидетельствует о соправлении, но все может быть симптомом надвигавшегося переворота. Сколько бы ни было гипотетических объяснений, факт остается фактом: после смерти Сиптаха Таусерт стала единоличным

[216] В. Хельк (Helck, 1992b, 270, n. 12) полагает, что фараон Сиптах скончался не на 6-м, а на 7-м году правления. В этом случае Таусерт носила царский титул еще при жизни Сиптаха.

[217] Мумия и саркофаг Сиптаха обнаружены в гробнице Аменхотепа II: Drenkhahn, 1980, 6; Reeves, 1990b, 248.

правителем, вдвое увеличила длину гробницы и закончила ее грандиозным залом для саркофага, достойным фараона — то есть ее самой. В связи со своим новым статусом она также переустроила уже готовую часть гробницы. В Гурне она повелела возвести заупокойный храм, от которого сохранились лишь заклады в фундамент, но по размерам он примерно втрое превосходил храм Сиптаха (PM II, 447; Drenkhahn, 1980, 23–26).

Остальные надписи с именем Таусерт обнаружены к северу от Фив, преимущественно в Дельте. На дверном косяке в Абидосе нанесены жертвенные формулы с именами Ра-Хорахти, Бастет и Нейт, причем Осирис нигде не упоминается (KRI IV, 353, 10–11). В Гермополе царица лишь заменила имена Сиптаха своими. Другие ее памятники обнаружены в Мемфисе и Гелиополе. В Гелиополе, кроме того, найдена замечательная статуя из кремниевого песчаника, на которой приведен эпитет царицы: «возлюбленная Хатор, владычицы Красной горы»; а в титулатуре на тыльном опорном столбе содержится другой эпитет: «та, которую наделил властью сам Ра»[218]. Заклады в фундамент, обнаруженные в Кантире, свидетельствуют о том, что царица намеревалась возвести «храм миллионов лет» (KRI IV, 352, № 19; Drenkhahn, 1980, 27–30). Еще более необычная находка — двойная сокровищница с ее именем, обнаруженная в Бубастисе (Simpson, 1959a; Drenkhahn, 1980, 30–32); в ней хранились золотые и серебряные вазы. С какой целью и почему эти ценные предметы были спрятаны здесь — ради сохранения, сокрытия украденного, повторного использования металла? — неизвестно. Три лица, чьи имена указаны на некоторых вазах, служили в Дельте, что опять же связывает клад с местом его обнаружения: это певица богини Нейт, музыкантша богини Бастет и некий стольник Атумемтанеб, форма имени которого может указывать на его неегипетское происхождение; он носил титул «царского вестника во всех чужеземных странах» (KRI IV, 372, 13; Drenkhahn, 1980, 31 и n. 97)[219].

На Синае найдено много вотивных предметов с именами Сети II и Таусерт (PM VII, 364), а также рельеф Сети II (PM VII, 351), но ничего — с именами Аменмесеса или Сиптаха. Ручка кувшина с именем Сети II, обнаруженная в Телль эль-Фаре (Юг), и фрагмент вазы с именем Таусерт из Телль Дейр Алла (Weinstein, 1981b, 22) указывают на то, что у этих царей были какие-то отношения с Азией. Аменмесес же и Сиптах, по-видимому, оставались на Юге (никаких следов деятельности Аменмесеса в Ханаане нет: Giveon, 1984).

Царствовала Таусерт недолго: последнее свидетельство относится к 8-му году (KRI IV, 407, 16; 408, 12), что соответствует данным Манефона (148–149), согласно которому царица Туорис правила семь лет, причем именно в ее времена будто бы была взята Троя. Память царицы не подвергалась преследованиям; о ней, как и о Рамсесе II, мы еще вспомним в связи с историей воздвижения статуи при Рамсесе VI (P. Turin 1879, Vº I = P. Turin 32 согласно Р. Дренкхан: Drenkhahn, 1980, 34–35).

---

[218] Bakry, 1971b, 17–26; Drenkhahn, 1981; Staehelin, 1989, 153–156; KRI IV, 352, № 20.

[219] На стеле из Билгаи (в нескольких километрах к югу от Мансуры: KRI IV, 341–343; Gardiner, 1912) имени царя не сохранилось, но, судя по косвенным данным, речь идет о царствовании женщины. Таким образом, этот памятник можно включить в число источников о правлении Таусерт, происходящих из Дельты.

ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ЦАРЯХ XIX ДИНАСТИИ

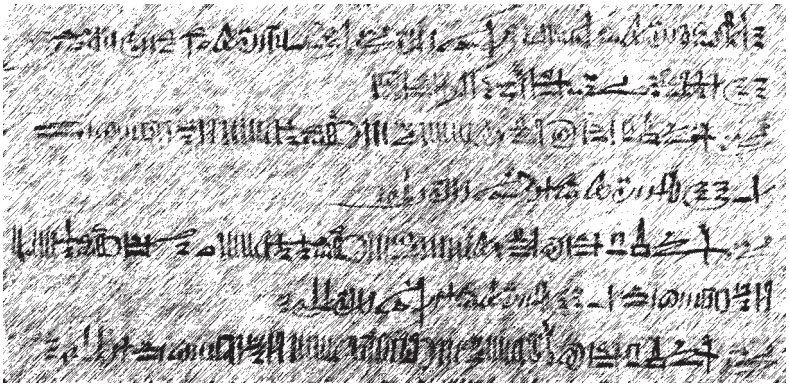
Весь период поздней XIX династии словно вне «истории»: в стране не происходит ничего, кроме династических смут. Административные структуры позволили Египту выжить, даже несмотря на то, что в течение последнего царствования государство впало в состояние анархии, с которой боролся новый царь, Сетнахт: вполне возможно, что истории об этом не искажают реальность.

Визирь Хори, вступивший в должность в самом конце царствования Сети II, занимал ее вплоть до воцарения Рамсеса III. На первом году правления Сиптаха вице-королем Куша стал Сети; похоже, что при Сети II, после мятежа Аменмесеса, эта должность оставалась вакантной. На 3-м году правления Сиптаха в Нубии появилось новое лицо, ответственное за реорганизацию управления, — Хори, сын Кама, который вскоре сменил Сети в качестве вице-короля. Уроженец Севера, а точнее Бубастиса, он долго пребывал в этой должности и передал ее своему сыну Хори уже при Сетнахте (Habachi, LÄ III, 635, n. 29). О роли, которую в царствование Сиптаха играл Баи, также уроженец Севера, уже было сказано.

Примечательно отсутствие сведений о нескольких годах правления Таусерт, словно ее авторитет фараона не был подкреплен реальной властью.

Часть седьмая

ЭПОХА РАМЕССИДОВ. XX ДИНАСТИЯ (ок. 1188–1078 годов до н. э.)



Глава I
ПЕРЕХОД ВЛАСТИ. СЕТНАХТ. Ок. 1188–1185 годов до н. э.

Можно было бы подумать, что после кончины Таусерт трон сразу же перешел к Сетнахту. На самом же деле вопрос о престолонаследии встал после смерти Сиптаха и Сетнахт, возможно, уже тогда был соперником Таусерт; два или три года он царствовал одновременно с царицей (Altenmüller, 1988).

Сведения о Сетнахте содержат всего два источника: «историческая часть» Большого папируса Харриса[1] и Элефантинская стела (Drenkhahn, 1980; Drenkhahn, 1981; KRI V, 671–672). Текст на стеле ныне содержит (и, видимо, содержал с самого начала) 19 строк. Главное в нем — дата в 15-й строке, которая, согласно повествованию, фиксирует момент, когда все внешние враги были побеждены, а все мятежи внутри страны подавлены: 2-й год, 10-й день 2-го месяца *шему*.

Все прочие имена, кроме царского, встречающиеся в обоих источниках, больше нигде не отмечены. В процессии в Мединет Абу Рамсес III ставит Сети II перед Сетнахтом, пропуская Аменмесеса, Сиптаха и Таусерт (KRI V, 205, 12), и поэтому исследователи полагают, что эти трое считались незаконными царями. Однако о мумии Сиптаха заботились так же, как о мумиях других

[1] W. Erichsen, Papyrus Harris I (BAe V), Bruxelles, 1933, листы 75–79 папируса. Перевод: Breasted, AR IV, § 397–412.

фараонов. Анархия, которая, судя по тексту стелы, царила до указанной даты, в современной науке рассматривается как последствие династического кризиса, начавшегося после смерти Сиптаха, а не Сети II. Под «пустыми годами» в тексте Большого папируса Харриса может подразумеваться скорее время единоличного правления Таусерт, а не период междуцарствия от Таусерт до Сетнахта. Но описание событий в папирусе наводит также на мысль об угрозе Египту со стороны племен, против которых боролся Мернептах и из-за которых смута охватила юг, запад и восток[2]. Рамсес III, продолживший эту борьбу, подчеркивает, что угроза не была устранена. Долгое время считалось, что в тексте упомянут «некий сириец по имени Ирсу», под которым подразумевается Баи. На самом же деле никаких упоминаний о Баи после 4-го года правления Сиптаха нет. Приписываемая ему роль вожака банды грабителей плохо согласуется с тем, что мы о нем знаем, а современный грамматический анализ данного отрывка показывает, что никакого Ирсу не существовало (Kruchten, 1981b, 62). Область Хару, откуда, видимо, прибыл так называемый Ирсу и которую еще недавно считали Сирией, прилегала к Египту и частично располагалась в Дельте, так она начиналась в землях Чару (см. выше, с. 217)[3]. Область же, где началась смута, о которой говорится в папирусе, — несомненно, та самая, куда уже вторгался Мернептах: описание осажденных городов перекликается с событиями прошлого (P. Harris I, 75, 9). В восточной Дельте возник поддержанный азиатскими наемниками (*сечетиу*) заговор с целью захвата власти в Египте (Элефантинская стела, 10–12). Не исключено, что имел место сговор между Таусерт и ее приверженцами на Востоке, но доказать это невозможно. Заговор мог возникнуть и независимо от царицы, в силу отсутствия в Египте реальной власти. Однако в Бубастисе был обнаружен тайник с золотыми и серебряными вазами, что поразительно соотносится с отрывком из текста стелы: «Они оставили (букв.: отложили) золото, серебро и медь, добро из Египта, которые хотели отдать *сечетиу*, чтобы их богатыри поскорее стали у них правителями Египта, — но их планы провалились» (Элефантинская стела, 10–12; перевод согласно Р. Дренкхан: Drenkhahn, 1980, 64). Но совпадение может быть и случайным. Одна короткая фраза в Большом папирусе Харриса, похоже, подтверждает гипотезу о том, что Сетнахт являлся соперником царицы и вынужден был свергнуть ее: «Он очистил великий трон Египта», прежде чем стать «владыкой двух земель на троне Атума» (P. Harris I, 75, 8–9).

Итак, Сетнахт избавил страну от анархии и внешней угрозы. Его царствование было коротким: самая поздняя известная дата поставлена полтора месяца спустя после даты, указанной на Элефантинской стеле. Таким образом, ему оставалось царствовать десять месяцев[4]; впрочем, он вполне мог править и еще несколько лет, но о них мы не имеем никаких сведений. О происхождении этого царя ничего неиз-

---

[2] В своей надписи от 5-го года Рамсес III открыто говорит, что в период, предшествовавший его правлению, Египет оставался практически незащищенным (стк. 20–22; KRI V, 22, 4–6).

[3] О локализации Хару — региона, которому А. Х. Гардинер (Gardiner, AEO I, 181*) приписывает небывалые размеры, — см.: Nibbi, 1985b, 44–88. А. Нибби считает, что Хару совпадает в границах с Вади Тумилат и соседними с ним областями на востоке и севере, причем на севере этот регион не простирался дальше Яффы, о чем недвусмысленно сообщается в P. Anastasi III, 1, 10.

[4] KRI V, 1, 15: 2-й год, 25-й день 3-го месяца *шему*; его сын взошел на престол в 26-й день первого месяца *шему*.

вестно. Включение имени бога Сетха в состав царского имени, а также тот факт, что и его сын, и все их потомки именовались Рамсесами, могут указывать на их связи с царями предыдущей династии — например, с Рамсесом II, которым так восхищался Рамсес III[5]. Сетнахт редко ставил свое имя на памятники предшественников. Порой состояние его картушей заставляет думать, что они ставились на поверхность со сбитой ранее надписью, а иногда — что надписи были сделаны его сыном, Рамсесом III, благодаря которому до нас дошло имя царицы Тийи-Меренисет, матери наследника (KRI V, 1–7).

Сетнахт скончался на 25-й день первого месяца *шему* и был похоронен в гигантской гробнице Таусерт (KV № 14) — погребение осуществил его сын (Altenmüller, 1992, 158). Чтобы похоронить там отца, Рамсес вынужден был лишить Таусерт ее гипогея (Altenmüller, 1992, 160).

[5] По мнению Г. Эллиота Смита (Elliot Smith, 1912, 86), мумия Рамсеса III обнаруживает заметное внешнее сходство с мумиями первых царей XIX династии.

Глава II
РАМСЕС III.
Ок. 1185–1153 годов до н. э.

ЦАРСТВОВАНИЕ. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Царствование Рамсеса III — последний значительный период в истории Нового царства. Оно продлилось более 30 лет, неспокойных, наполненных войнами, которым изображения и тексты, созданные от имени царя, придают колоссальный размах. Анархия, по всей видимости, не уменьшила главных богатств Египта, так что Рамсес III располагал немалыми средствами. Сразу же после воцарения он приступил к строительству гигантского заупокойного храма, которое, несмотря на войны, продолжалось в течение первого десятилетия его правления; этот храм стал последним крупным памятником Нового царства. Два огромных по размерам памятника Рамсес III возвел и в Карнаке: один — перед вторым пилоном храма Амона, второй — у священного озера храма Мут. Кроме того, начались работы в храме Хонсу в Карнаке, строились сооружения и на остальной территории Египта. В Большом папирусе Харриса Рамсес III перечисляет несметные богатства храмов Египта так, будто это были его собственные поступления. Однако, скорее всего, он лишь составил перечень даров, полученных храмами от щедрот предыдущих царей.

Рамсес III взошел на престол на 26-й день первого месяца *шему* (Helck, 1959, 124), будучи

взрослым человеком лет тридцати и отцом нескольких детей. В царствование Сетнахта, когда страна переживала трудности, Рамсес III играл далеко не последнюю роль[6]. В отличие от других царей, особенно Рамсеса II или своих собственных наследников — Рамсеса IV и Рамсеса VI, он не оставил памятников, датируемых 1-м годом его правления — а этот год, как правило, всегда знаменовался начинаниями[7]. Впрочем, тексты, датированные правлением Рамсеса III, вообще немногочисленны, если не считать огромного корпуса документов из Дейр эль-Медина и памятников вельмож той эпохи. На 5-м и 15-м годах своего правления царь предпринял поездки по стране с целью проверки состояния храмов. Три большие надписи, сделанные в этот отрезок времени, касаются военных действий, и хотя, как мы увидим, войны велись только с внешними противниками, они серьезно осложнили ситуацию в долине Нила. Боевые действия закончились на 11-м году правления Рамсеса III. Две торжественные стелы и приуроченная к этим событиям версия «Благословения Птаха», известного уже при Рамсесе II, были высечены на 12-м году правления на фасаде первого пилона в Мединет Абу, в благодарность за возвращение мира. Возможно, существует связь между тотальной инвентаризацией 15-го года и неспокойным временем, продлившемся с 5-го по 11-й год, когда к ущербу от войн прибавилось отсутствие должного контроля, вызванное застоем и общей нестабильностью. Датированные памятники второй половины царствования посвящены в основном делам религии: в храме в Карнаке, возведенном перед вторым пилоном[8], на 16-м году правления Рамсеса III были высечены указы в поддержку культа Амона, а на внутренней стене первого двора по оси север-юг большого храма — двойная стела от 20-го года (KRI V, 237–247; PM II, 131 (483–484)). Стела от 24-го года в Мемфисе посвящена культу царской статуи (свидетельства об этом культе появляются со 2-го года правления Рамсеса III: KRI V, 227). По мере того как царских памятников становится все меньше, множится число документов из Дейр эль-Медина. Не является ли это симптомом возрастающего недовольства, закончившегося на 29-м году правления Рамсеса III волнениями?

Нам мало известно о семье царя. Единственный раз великая царская супруга упоминается (возможно, еще при ее жизни) в надписи на постаменте одной из статуй перед храмом Рамсеса III внутри ограждения храма Мут: это царица Исида[9], дочь некоей женщины Хабаджилат, чье ближневосточное имя говорит о растущем влиянии выходцев из Азии при царском дворе[10]. Несомненно, была и другая жена, но ее имя

---

[6] Christophe, 1951a, 366–367. — В Большом папирусе Харриса (75, 2) Рамсес III называет себя «царем рехит», собираясь рассказать о своих деяниях во благо страны, сразу перед рассказом об анархии, царившей в последние годы XIX династии. Значит ли это, что восстанавливать спокойствие в стране он начал с западной Дельты, где обитали эти рехит (Nibbi, 1987d, 92)?

[7] Hornung, 1971b, 56. — Впрочем, строительство храма в Мединет Абу началось сразу после восшествия царя на престол.

[8] Три декрета — от 6-го, 7-го и 16-го годов — были высечены на стене храма одновременно: KRI V, 234–237, Nelson, 1936.

[9] Černý, 1958. Иногда царица носит прическу, украшенную длинными стеблями с шарами на концах, но это еще не говорит о том, что она была принцессой, вышедшей замуж за собственного отца. См.: Van Siclen, 1974 и Dodson, 1987a, 227.

[10] В указателе Лексикона египтологии это имя передано как Habasillatu, что, по мнению В. Хелька, на аккадском означает «шафран» (LÄ II, 309, n. 25). К. Зееле (Seele, 1955, 193, n. 26) переводит его как «побег тростника».

нигде не указано[11]. Не исключено, впрочем, что имя царицы Исиды стало известно благодаря сыновнему благочестию одного из ее отпрысков, фараона Рамсеса VI, который волей обстоятельств впоследствии занял трон[12], так как сам Рамсес III, кажется, не слишком был склонен афишировать имя царицы[13], равно как и раскрывать информацию о своих сыновьях. Рамсес III, во всем подражавший Рамсесу II, имел немало потомков: все его преемники, от Рамсеса IV до Рамсеса IX, были его детьми или внуками. Вероятно, напряженные отношения между членами царской семьи, спровоцированные их властолюбием, привели к заговору против царя. Рамсес III скончался в 14-й день 3-го месяца *шему*, процарствовав 31 год и 2 месяца.

ВОЙНЫ

Военные конфликты, освещенные и проиллюстрированные памятниками времен Рамсеса III, привязаны к трем датам — 5-й, 8-й и 11-й годы правления царя. На стенах большого храма в Мединет Абу каждая из них вводит длинное повествование. Ядром надписей являются подробные списки вражеских племен. Войны 5-го и 11-го годов велись против «ливийцев», война 8-го года — против «народов моря». Таким образом, можно говорить о «трех кампаниях» времени правления Рамсеса III. Между тем на стенах большого храма упомянуты еще «нубийская» и «сирийская» войны; «сирийская» война упоминается и на карнакских памятниках[14]. Даты проведения двух этих кампаний не указываются, а поскольку названные области, как считается, в ту эпоху либо жили спокойной жизнью, либо были недоступны для египтян, то реальность этих войн зачастую ставится под сомнение.

Всем этим событиям времен Рамсеса III посвящено много исследований. Еще в XIX веке по поводу идентификации этих племен выдвигалось много версий. В «народах моря» видели «эгейцев», или филистимлян, известных из Библии, или же народы, населявшие Хеттскую империю, Киликию, Кипр, — приход захватчиков вынудил их переселиться на новые земли. Все это привело к появлению огромной научной литературы, посвященной войне с «народами моря». Война эта произошла в промежутке между двумя другими — первой и второй «ливийскими» войнами. Предполагалось, что в перерывах между этими тремя кампаниями царил мир.

---

[11] Грист (Grist, 1985) считает, что царица Тийя (QV 52) была женой Рамсеса III и матерью Рамсеса IV; см., однако, выше, с. 559 и примеч. 125.

[12] В таком случае именно Рамсес VI велел высечь имя царицы на статуе Рамсеса III, стоящей перед храмом внутри ограждения храма Мут: PM II, 273 (2); KRI V, 367 (1) a; об узурпированной им статуе см.: Kitchen, 1982b, 124–125.

[13] См. пустые картуши царицы в храме в Мединет Абу: MH IV, 203, 206, 207; V, 310, E, F; 339, 340.

[14] Все тексты, касающиеся войн Рамсеса III, приведены в KRI V, 8–88; Epigraphic Survey, 1930–1932, I–II (перевод: Edgerton, Wilson, 1936); локализация сцен: PM II, 483–522, passim. Изображения и тексты Карнака: Epigraphic Survey, 1935–1936; PM II, 34 и 274. К этому следует добавить листы 76 и 77 Большого папируса Харриса. Общая библиография, посвященная этому разделу папируса, сведена в работе: Maderna-Sieben, 1991, 57, n. 2, с переводом — правда, очень традиционным — интересующих нас листов (Ibidem, 65–67). Другой перевод: Breasted, AR IV, § 403–405. Об изображениях: Gaballa, 1976, 120–129.

Но эта трактовка событий требует пересмотра. По словам самого Рамсеса III, западные враги уже давно обосновались у границ Египта (см. выше, с. 496). Судя по краткому изложению событий в Большом папирусе Харриса, войны шли в ином порядке; впрочем, конкретных сведений об их хронологической последовательности не приводится (P. Harris I, 76, 7–77, 6). Общая картина, которая вырисовывается на основании источников царствования Рамсеса III, аналогична той, что имела место при Мернептахе — просто потому, что ничего не изменилось. Как и прежде, царь был вынужден обороняться от вторжений с юга, запада и северо-востока.

Из стран юга упоминается только Куш, и равнинный, и пустынный, но рассказ о событиях в Нубии в западной части внешней стены храма в Мединет Абу сохранился на редкость плохо (KRI V, 8–9).

На западе угроза по-прежнему исходила от племен, населявших земли чемеху, расположенные, как мы видели, приблизительно на широте Куша (см. выше, с. 563–564): это были лебу, объединившиеся с мешуэш (Wainwright, 1962). Племена чехену в войне никакой роли не играли, хотя этот этноним иногда появляется в царских эпитетах. Чехену были потеснены отрядами лебу, мешуэш и сепеду — так повторились события времен Мернептаха. Как бы то ни было, когда они пришли в движение, племена-захватчики находились там, где их когда-то остановил Мернептах. Большая надпись от 5-го года правления Рамсеса III в Мединет Абу является основным источником сведений об этих событиях. В рассказе о первом столкновении чаще всего упоминаются лебу. В качестве главного противника они фигурируют и в Большом папирусе Харриса; в нем перечислены еще пять племен, неизвестных по другим источникам, зато не названы сепеду, не раз упомянутые в других текстах Рамсеса III. В сцене демонстрации царем трофеев, добытых в эту кампанию, четыре ряда пленников обозначены исключительно как лебу[15].

В большой надписи от 5-го года правления Рамсеса III после поэтического, но малосодержательного сообщения о победе над народами Запада следует резкий переход к «народам Севера» — филистимлянам и чекер, причем их этнонимы, как правило, сопровождаются детерминативами мужчины и женщины, то есть речь идет не об армии, а о народе в целом. О происхождение этих народов ничего не сказано, но они не входили в число тех, с которыми воевал Мернептах.

В большой надписи от 8-го года правления Рамсеса III врагами Египта являются уже не лебу, а только народы Севера (об этом тексте см.: Edel, 1985; Helck, 1987d). Мы видим грандиозные сцены битв как на суше, так и на воде, причем во время сражений на воде враги находятся так близко к берегу, что царь, не покидая твердой земли, может поражать их стрелами. Тексты, сопровождающие эти сцены, не изобилуют сведениями, но, как и в случае с появлением некоторых из этих народов при Мернептахе, воображение исследователей распалила одна фраза: «чужаки Севера, которые были на своих островах». Результатом стала идея о том, что эти «моряки» проникли в устья Нила, а после поражения «их войско было рассеяно по морю (*w3ḏ-wr/уадж-ур*)». Итак, родину этих народов всегда искали на далеких морских островах — в Эгейском море или у берегов Турции, из чего были сделаны далеко идущие выводы об отношениях между

[15] KRI V, 18, 8–11; см. также: KRI V, 20, 5. — Из пяти вождей лебу двое изображены в виде филистимлян: KRI V, 24, 14.

Египтом, Азией и средиземноморским регионом в целом. Но под островами, судя по всему, имелись в виду части Дельты, разделенные рукавами Нила и каналами (Vandersleyen, 1985, 46). Очевидно, что по этим водным путям могла проходить навигация, и не обязательно их проводить по морю. Выражение, повсеместно переводимое как «проникнуть в устья Нила», содержит слово, всегда обозначающее только дороги, по которым идут, а не плывут (*wꜣwt/yaym*), а глагол «проникать» не относится к судоходству. Так как царь готовится противостоять этим народам, направляясь в Джахи — область, которую долго время считали Палестиной (AEO I, 145* и 182*), — противоречие между взятым им направлением и «устьями Нила» удивило переводчиков (Edgerton, Wilson, 1936, 43, n. 21a).

В надписи от 8-го года помимо уже упомянутых в связи с событиями 5-го года филистимлян (пелесет) и чекер названы и другие народы Севера. Шекелеш и шарданы появились при Мернептахе. Так как последние служили в египетской армии еще в царствование Рамсеса II, а при Рамсесе III сражались в составе как египетских, так и вражеских войск, шарданы-враги иногда именуются шарданами «из *pꜣ jm/na uam*» (KRI V, 104, 12), что вовсе не обязательно означает «с моря» (см. выше, с. 54 и примеч. 54). Рамсес III вел борьбу и с другими народами Севера — дануна (или дениенами)[16] и уашеш[17], которых встретил в Джахи. В «Восхвалениях царской резиденции» — как известно, речь в этом тексте идет о городе Пи-Рамсесе — сказано, что он расположен между Джахи и Та-Мери (Египтом). Следовательно, область Джахи простиралась как минимум до пелусийского рукава Нила и восточного края Дельты.

Ошибочной версии о «вторжении народов моря» противоречит перечень земель, опустошенных вследствие «вторжения», в надписи от 8-го года правления Рамсеса III: «Ни одна земля не могла удержать их рук, начиная с Хета, Кеди, Каркемиша, Ирчу, Ирсы». Отсюда возникает вопрос о единственном лагере, разбитом в Аморе. Если придерживаться традиционных географических представлений, согласно которым Хета (хетты) находилась в Малой Азии, Кеди — у залива Искендерун, а Каркемиш — на Евфрате, и если видеть в Ирчу Арцаву на южном побережье Турции, то есть Киликию или Памфилию (AEO I, 129*–132*; Moran, 1987, 193, n. 2), в Ирсе/Иресе — Кипр, а в Аморе — государство Амурру царя Азиру в районе Нахр-эль-Кебира, следует признать, что «волна вторжения» прокатилась по огромной территории. Однако эти данные не являются абсолютно достоверными, и хотя предложить иную локализацию пока трудно, есть все основания поставить под сомнение уже существующую. В любом случае, судя по описанию, захватчики передвигались главным образом внутри материка.

Рассматривая кампании Мернептаха, мы уже говорили о том, что хеттов, упомянутых на Стеле Израиля, следует искать не в Малой Азии, а в Палестине (см. выше, с. 501). Теперь мы знаем также, что Кеди находился к югу от Угарита, между этим городом и Египтом (см. выше, с. 280–281). Примечательно, что в рамессидском «Восхвалении резиденции» хеттский князь и князь Кеди переписываются по поводу организации путешествия в эту резиденцию. Отождествление Ирчу с Арцавой — не более чем гипотеза, как и все, что касается местоположения этого государства. В сцене в Мединет Абу мы

[16] Этот народ, проживавший близ Аданы в Малой Азии, не имеет ничего общего с данайцами Гомера. См.: Van Schoonwinkel, 1990a, 195–197.

[17] Туреш не принимали участия в сражениях, но вождь «туреш из *pꜣ jm/na uam*» изображен среди семи вождей Севера на «бастионе» у входа в храм в Мединет Абу: KRI V, 104, 14.

видим Рамсеса III, атакующего крепости, которые, исходя из внешнего вида их защитников, принято называть хеттскими. Сохранилось название одной из них: «Город Арцава (Ирчу)» (Edgerton, Wilson, 1936, 95; MH II, pl. 87). «Если речь действительно идет об Арцаве, представленные здесь события целиком вымышлены», — полагает А. Х. Гардинер (Gardiner; AEO I, 131*), считая, что сцена просто скопирована с рельефов Рамсеса II[18]. У. Ф. Эджертон и Дж. А. Уилсон также сомневаются в том, что Рамсес III доходил до Арцавы. Но если речь идет о южном побережье Малой Азии, надо иметь в виду, что и Рамсес II туда не доходил. Вместо того чтобы уличать египтян в историческом «подлоге»[19], можно поискать Ирчу в палестинских землях. Амор же, который неожиданно появляется в начале надписи от 5-го года, — единственное и не очень характерное слово для обозначения восточных областей, тогда как в остальном тексте речь идет только о западных племенах. Рамсес III осадил город Амор во время своей азиатской кампании. Скорее всего, Амор находился ниже Амурру царя Азиру, если именно в этих местах обитали библейские «аморреи» и «хеттеяне» (см. выше, с. 445, 501). Что касается страны Ирса/Ирес, то речь явно идет не о Кипре: вероятно, эта местность располагалась на континенте — не исключено, что поблизости от Египта (Vandersleyen, 1994b). Итак, немногие имеющиеся у нас сведения заставляют думать о территориях, географически близких к Египту. Остается Каркемиш, локализация которого, как и во времена Тутмоса III, затруднена: может быть, это название нескольких городов? Вопрос должен быть поставлен, даже если в настоящее время на него невозможно ответить.

Насколько красноречивы рельефы с изображением битвы от 8-го года правления, настолько скуден рассказ о ней. Сражение, видимо, велось на двух фронтах. Колесницы сокрушили сухопутное вражеское войско. Врагов, которые прибыли в лодках, вытащили на берег и убили, а лодки и имущество потопили (надпись от 8-го года, строки 18–24; KRI V, 40, 5–41, 3).

После сражения с народами Севера возникла новая угроза, теперь уже со стороны народов Запада, главное столкновение с которыми произошло на 11-м году правления Рамсеса III. Лебу на этот раз не играли существенной роли — они лишь натравливали на египтян племя мешуэш, которым предводительствовал Мешашар, сын Капура. Итак, в войне участвовали одни мешуэш. Некоторые географические указания напоминают события времен Мернептаха: Упта и Песочный замок[20] — места, возле которых произошли кровопролитные сражения; общий ориентир — страна Чемеху, словно мешуэш были лишь частью большого народа. Чехену же в очередной раз оказываются жертвами захватчиков (KRI V, 60, 7; надпись от 11-го года, стк. 14), что не помешало «официально» представить их убитыми или взятыми в плен царем (KRI V, 47, 2; 56, 8, 12).

В Большом папирусе Харриса (76, 9–11) между войнами с народами Севера и народами Запада упомянута еще одна кампания — против *шасу* из Сеира, то есть кочевников Эдома, чьи шатры были в результате разграблены. Видны большие отличия

---

[18] Того же мнения придерживается Р. Антес (Anthes, 1930), считая, что существование Кеди (Anthes, 1930, 28, n. 2) и Нахарины (Anthes, 1930, 29, n. 1) при Рамсесе III выглядит неправдоподобно. См. также: Murnane, 1990, 60, n. 65, и 61.

[19] Л. Леско (Lesko, 1980) крайне скептичен по вопросу о том, вел ли Рамсес III войны в действительности.

[20] Егип. *dmj ḥwt-šʿt*/ город Песочный храм, отождествляемый ныне с Ком Фирин. — *Науч. ред.*

от некоторых сцен и текстов в Мединет Абу и Карнаке, в которых царь осаждает крепости. Сохранились два названия: город Ирчу и «Тунип хеттов» (MH II, pl. 87–88), из народов упоминаются главным образом *сечетиу* (KRI V, 78, 10; 79, 4; 80, 14; 84, 15; 87, 8; упоминание Нахарины: KRI V, 88, 8). Источники, касающиеся войн Рамсеса III, изучены еще очень плохо, но мы до сих пор не можем расширить горизонт наших знаний о них. Триумфальные сцены на фасаде большого пилона в Мединет Абу, посвященные уничтожению врагов с Юга и с Севера, содержат длинные географические списки. Последние содержат около 250 названий народов, которые ставят ученых в тупик, так как почти все они не идентифицированы[21].

Помимо письменных данных важны и великолепные рельефы (Widmer, 1975), которые приводят в замешательство исследователей. Если судить о военных деяниях царя по площади поверхностей, занятых сценами сражений, Рамсес III был великим воином. Между тем он, в отличие от Тутмоса I, Тутмоса III, Аменхотепа II, Сети I и Рамсеса II, не уводил войско далеко от Египта[22]. Запертый в своей стране, он сумел лишь сдержать врагов, угрожавших ее границам и даже проникших на ее территорию. Возникает некоторое несоответствие между грандиозностью изображений и тем фактом, что они посвящены сражениям с не самыми сильными племенами, главным образом кочевыми (поэтому археология здесь мало чем может помочь). Эти детальные сцены — богатейший источник этнографических данных о племенах, которые почти не оставили после себя других следов. Странным образом они контрастируют со скудостью конкретных сведений в текстах: там фигурируют лишь отдельные названия, которые теряются на фоне многословных восхвалений в адрес могущественного царя, — возможно, их длина была обратно пропорциональна его реальной мощи.

Наш взгляд на военную деятельность Рамсеса III настолько отличается от общепринятого, что значительная часть исследований, посвященных этой проблеме, противоречит ему, особенно в том, что касается географии сражений и путей продвижения «захватчиков». Во всех этих исследованиях затрагиваются прежде всего вопросы, связанные с «островами Эгейского или Средиземного морей» и «морем» вообще[23].

Последствия столкновений между Рамсесом III и различными племенами, угрожавшими Египту, ощущались еще долго после его царствования. Серьезная угроза со стороны народов Запада не была устранена. Вокруг храма Тота в Гермополе (эль-Ашмунейне) Рамсес возвел пояс укреплений 15-метровой высоты, «дабы удержать чужеземцев чехену, которые переходят свои исконные границы». Подобные работы велись и в окрестностях храмов Осириса в Абидосе и Упуаута в Асьюте, но их цель не была открыто обозначена. Итак, вторжение угрожало не Дельте, а Среднему Египту. На широте эль-Ашмунейна, а возможно, и по всей пустыне вплоть до Абидоса, обитали чехену — одно из племен Девяти Луков, своего рода западный буфер Египта, — и чтобы достичь долины, лебу и мешуэш должны были вытеснить чехену. Победа над

[21] KRI V, 94–96 (Simons, 1937, № XXVII); 98–100 (Simons, 1937, № XXVIII); М. Астур (Astour, 1968) полагает, что многие из указанных мест находились в Месопотамии и областях, лежащих за Тигром. Можно ли этому верить?

[22] При этом мы не знаем, действительно ли Рамсес III вел свои войска в битву; см.: Morschauser, 1988.

[23] Подробную библиографию см. в детальном обзоре: Stadelmann, LÄ V, 814–822. Помимо уже упомянутых исследований, посвященных войнам Мернептаха, см.: Stadelmann, 1968; Schaden, 1979; Hölbl, 1983; Raban, 1988; Singer, 1988.

этими племенами и на этот раз не устранила угрозу с их стороны. Даже побежденные, эти народы Запада продолжали вторгаться в Египет: об их набегах сообщается в Фивах на 28-м году правления Рамсеса III, на 1-м году правления Рамсеса VI, затем при Рамсесе IX и Рамсесе XI, вплоть до III Переходного периода (XXI–XXIV династии), когда «ливийцы» стали доминировать в Египте, а вскоре и захватили власть фараонов.

Что касается юга, то мы уже видели, что ни стабильности, ни мира там в действительности не было. Куш в конце концов тоже подчинит себе Египет — так будет основана XXV династия.

Некоторые народы Севера впоследствии еще заставили говорить о себе[24]. Это главным образом чекер и филистимляне, обосновавшиеся с тех пор в области, получившей их имя,— Палестине. Исследователи пытаются отыскать следы филистимлян, сопоставляя стратиграфию с событиями, описанными в египетских текстах, но такие синхронизмы не всегда подтверждаются надписями, обнаруженными в различных местах[25].

ЕГИПЕТ И ЕГО СОСЕДИ В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ СРАЖЕНИЯМИ

Азия

В результате обзора войн, которые вели Мернептах и Рамсес III, может показаться, что Египет утратил все свои завоевания. Еще совсем недавно в науке господствовало мнение, что в эпоху Рамессидов египетская «империя» в Палестине выглядела достаточно прочной. В египетском присутствии видели оккупацию, обеспеченную гарнизонами в различных городах. Между тем по мере дальнейших археологических раскопок, особенно в Израиле, становится очевидным, что сведений об этой оккупации очень мало (это отметил уже Р. Штадельман — Stadelmann, 1968, 166–171; см. также: Weinstein, 1981b, 17–23). Несколько зданий, египетских по типу, были сочтены «резиденциями губернатора», что подтверждается и другими находками (Oren, 1984). Лучше всего изучена резиденция, которая находится в Бет-Шане: мы знаем даже имя того, кто занимал ее при Рамсесе III, — Рамсес-Усерхепеш[26], судя по имени, «египтизированный» азиат. В этом же городе найдена сидящая статуя Рамсеса III. Одеяние царя — чисто египетское,

[24] Вполне возможно, что шарданы, шекелеш, туреш имеют какое-то отношение к сардам с Сардинии, сикулам, тирсенам или этрускам, но период, прошедший от появления этих народов в Египте до их расселения в классическую эпоху, слишком велик. Бытует мнение, что они, как Улисс, скитались по морю и лишь после долгих блужданий достигли, наконец, земли, где в итоге и обосновались. Мы не знаем, пришли ли они в Египет в полном составе, и не знаем, что с ними стало после поражения. Те, кто достиг другой части Средиземноморья, не обязательно были потомками этих побежденных; они могли двинуться в путь не из Египта, а из другого региона, откуда начали свой путь и те, кто некогда вторгался в Египет.

[25] Dothan T., 1982, 1985; Dothan T., Dothan M., 1992; Mazar, 1988. — А. Рабан (Raban, 1988) обращает внимание на ряд археологических находок в портах Левантийского побережья и связывает их с приходом «народов моря». Однако эта связь — не более чем гипотеза, а то и вымысел автора.

[26] Oren, 1984, 49. — Вопреки данным справочника Портер-Мосс (PM VII, 378), Рамсес-Усерхепеш не строил храмы в Бет-Шане: Wimmer, 1990, 1078. О Бет-Шане в тот период см. также: Wimmer, 1993.

но, судя по стилю, породе камня и неискусной работе, она вышла из рук местного ремесленника (Bietak, 1991, 40). Надо полагать, что Рамсес III стал последним фараоном, при котором египетское присутствие в Азии было еще заметно. Перечень немногочисленных артефактов, составленный археологами, заканчивается в целом именно на этом царствовании (Oren, 1984, 56; Giveon, 1983b; Goldwasser, 1984, 83–87). Помимо Бет-Шана артефакты были обнаружены в Лахише, Телль эш-Шариа (Телль Сера) и Телль эль-Фаре (Юг). После 8-го года правления Рамсеса III египетская администрация больше не контролировала эту территорию. Осталось лишь несколько островков сопротивления в быстро меняющемся мире, где на главные роли постепенно выдвигаются филистимляне и израильтяне (Bietak, 1991). Еще одно доказательство ухода египтян из мира «ханаанеев» — отсутствие собственно египетских храмов, посвященных культу египетских богов (Wimmer, 1990). Только в Тимне и на Синае сохранились надежные свидетельства бытования там египетских культов и присутствия египтян во времена Рамсеса III[27], но в географическом смысле эти регионы, особенно Синай, были отделены от Азии и находились ближе к Египту. Существование храма Амона в Газе (Wimmer, 1990, 1086–1088) является лишь гипотезой, основанной на отрывке из Большого папируса Харриса (9, 1–3): царь построил в Джахи храм, названный «храм Рамсеса III в Па-Ханаане, который посещает народ Речену». Однако до сих пор не доказано, что Па-Ханаан — это Газа (в книге Fischer-Elfert, 1986, 231 это отождествление также отрицается). Область Джахи простиралась по меньшей мере до Пи-Рамсеса, а страна Речену соседствовала и с Дельтой, и с Синаем. На Синае найдена стела от 23-го года правления Рамсеса III, содержащая только полную титулатуру царя с восхвалением богини Хатор, владычицы бирюзы. Почтение этой богине выражается и в рассказе об экспедиции на Синай из Большого папируса Харриса (78, 5–8), состоявшейся, по всей видимости, как раз на 23-м году.

Нубия

В Нубии Рамсес III не создал ничего примечательного: имена царя обнаружены только на памятниках его предшественников, а также на стелах вице-короля Нубии Хори. Есть искушение приписать последнему создание всех текстов, упоминающих о Рамсесе III, в этом регионе, а также обнаруженной в Кубане притолоки[28]. В Каср Ибриме найдены два постамента статуй царя (Plumley, 1979).

Впрочем, египетское присутствие в Нубии при XX династии вообще было очень зыбким. Следы его, сохранившиеся в шестнадцати местах, относятся главным образом к царствованиям Рамсеса III, Рамсеса IV и Рамсеса IX. В Бухене и Амаре обнаружены следы деятельности всех троих, в других местах, за редким исключением, — лишь кого-то одного из них, причем такое распределение надписей по территории Нубии пока не получило объяснения (Hein, 1991, 102–106).

Об экспедиции в Пунт Большой папирус Харриса (77, 8–78, 1) сообщает как об одном из самых значительных событий царствования Рамсеса III. Экспедиция поднялась

[27] О Тимне см.: La Chronique Archéologique в Revue biblique 79, 1972, 601–602 (Тимна и прилегающие местности); Kitchen, 1976a, 311–312; Giveon, LÄ VI, 594.

[28] PM VII, 83. Говоря о храме в Та-Сети, П. Гранде (Grandet, 1983, 108–109) высказывает мнение, что это — здание в западной Амаре, но его предположение безосновательно.

по Нилу, преодолев четвертый порог[29]. На обратном пути корабли причалили у гористого побережья Коптоса, где товары перенесли на берег. Далее их грузят на ослов и носильщиков, (затем?) на пристани Коптоса товары были перенесены на суда другого типа, которые спустились по реке до Пи-Рамсеса[30]. Ослабление египетского влияния в Нубии в тот период выразилось и в уменьшении поставок золота (Vercoutter, 1959, 137). Ситуация не была спокойной, и нет никаких оснований считать вымыслом сражения с нубийцами, изображенные в Мединет Абу.

В начале царствования Рамсеса III пост вице-короля Нубии мог занимать все тот же Хори, сын Кама. Сын этого Хори, также Хори (II), был вице-королем уже на 5-м году правления Рамсеса III и оставался в должности еще при Рамсесе IV[31].

Остальной мир

При Рамсесе III и его преемниках оазисы к западу от Египта упоминаются только в списках поставок продукции (Giddy, 1987, 89, 125, n. 303) или людей — местных уроженцев, которые нанимались работать на строительстве царских гробниц (Giddy, 1987, 93, P. Turin 2074). Описание ситуации, сделанное Мернептахом и Рамсесом III, объясняет многое: сообщение с Египтом периодически прерывалось из-за лебу и мешуэш, если только эти племена не обосновались в оазисах.

Контакты с микенским миром ограничивались торговлей, о чем свидетельствуют несколько редких экземпляров ваз (Bell M., 1982). Некоторые из них все же являются египетскими имитациями (Bell M., 1983), так как к началу царствования Рамсеса III ввоз этих товаров прекратился.

РАМСЕС III – СТРОИТЕЛЬ. ИСКУССТВО ПРИ РАМСЕСЕ III

Самым значительным памятником этого царствования, бесспорно, является большой храм в Мединет Абу[32]. Поразительная сохранность памятника объясняется несколькими обстоятельствами. Помимо религиозных функций он выполнял и светские —

---

[29] «Большая река с обратной водой» обозначает часть Нила, которая протекает с северо-востока на юго-запад там, где находится четвертый порог; см. выше, с. 245–246.

[30] Этот переход — один из самых весомых аргументов сторонников версии, что путь экспедиции в Пунт пролегал через Вади Хаммамат и Красное море. Перевалка груза, действительно, имела место, а берег Красного моря, где она, вероятна, происходило, может быть «гористым побережьем Коптоса». Однако это лишь гипотеза. О проблеме путешествия в Пунт, см. выше, с. 265–267.

[31] Habachi, LÄ III, 635, № 30. — Вице-король Хори II, путешествуя в сопровождении большой свиты, написал собственной рукой два граффити около Вади эс-Себуа. Так как среди сопровождавших были два музыканта и одна плакальщица (Žaba, 1974, 136–142; KRI V, 274–276), возникло предположение, что путешествие это было похоронной процессией — Хори, унаследовав должность своего отца, перевозил мумию последнего в Бубастис, откуда они оба были родом.

[32] Stadelmann, LÄ III, 1261–1268. — О руководителе строительных работ: De Meulenaere, 1989, 55–58.

к храму примыкал дворец (Uphill, 1972). На обширной огороженной территории храма располагалась администрация фиванского некрополя, а вокруг него образовалось поселение, которое к началу христианской эпохи оказалось полностью заброшенным.

Войны не помешали возвести здесь большой храм. Расположение надписей, видимо, соответствует ходу работ. Большая надпись от 5-го года правления и сцены первой войны расположены на внутренних стенах второго двора, сцены же, посвященные войнам с народами Севера, а также Большая надпись от 8-го года — на фасаде 2-го пилона, выходящего в первый двор. На той стороне первого пилона, которая повернута к первому двору, высечена надпись от 11-го года, а на другой его стороне — последняя надпись от 11-го года и три надписи от 12-го года правления Рамсеса III. Даже с учетом перерывов между событиями, составлением текста и его нанесением на камень, к 5-му году задняя часть храма была, вероятно, построена, стены второго двора были подготовлены для отделки, а к 12-му году был завершен первый пилон.

Вопреки распространенному мнению об упадке искусства в эпоху Рамессидов, особенно после правления Рамсеса II, следует признать, что большой храм в Мединет Абу замечателен — как грандиозностью замысла, так и своими рельефами. Хотя колоколообразные колонны первого двора слишком приземисты и контуры их не отличаются изяществом, а колонны в форме царских статуй тяжеловесны, они не портят впечатления от памятника в целом. Неоднократно подчеркивалось, что образцом для Рамсеса III служил Рамессеум (Nims, 1976), но, так или иначе, это не было слепым подражанием и два эти храма различны по стилю. Впрочем, и войны Рамсеса III не были похожи на войны Рамсеса II. Скульпторы изобразили народы, неизвестные при Рамсесе II, с большой этнографической точностью: военные сцены на громадной северной стене освещают события значительно ярче и подробнее, чем тексты. Однако батальные рельефы Рамсеса III лишены напряженности и драматичности сцен битв Рамсеса II: мы видим победу, а не усилия, приложенные для ее достижения (Gaballa, 1976, 128).

Самая впечатляющая из скульптурных композиций этого времени — сцена охоты на диких животных на обратной стороне южного выступа фундамента большого пилона в Мединет Абу (PM II, 515 (185); PKG, pl. 309b). На верхнем уровне царь преследует газелей и ослов, на нижнем — убивает быков. Образ царя не поражает ни драматизмом, ни физическим совершенством, зато сцена с мечущимися, обезумевшими газелями и ослами, тремя быками, агонизирующими в прибрежном тростнике, — одна из самых ярких и захватывающих картин, созданных в Древнем Египте. Сердце разрывается, когда смотришь на этих изнемогающих гордых животных — их сознание обуреваемо ужасом скорой смерти. Художник изобразил трепетный тростник, послушно сгибающийся под порывами ветра: мы видим, насколько густы заросли, в которых разворачивается трагедия. Эта рельефная композиция уникальна не только для того времени, но и для египетского искусства в целом. Реалистичность изображений, плавные контуры растений и животных заставляют вспомнить о смелых решениях художников Амарнской эпохи, которая тогда уже была далеким прошлым, или же о критском искусстве, хотя произведение выполнено в чисто египетском стиле. Кем был автор этого неожиданного шедевра, нам неизвестно.

Большие укрепленные ворота в крепостной стене храма со стороны входа — «бастион» — выдают пристрастия царя ко всему азиатскому. Помещения внутри этой высокой башни расположены на разных этажах, как это принято на Ближнем Востоке (Haeny, 1967). В них царь мог уединяться с женщинами, в том числе со своими дочерьми[33].

Малый храм, возведенный там, где сегодня располагается первый двор большого храма в Карнаке, похож на тот, который Рамсес III построил внутри ограды храма Мут. Что касается храма Хонсу, то при Рамсесе III работы лишь начались, и его имя встречается только в самой дальней части памятника. Помимо этих сооружений Рамсес III оставил в Карнаке и Луксоре множество прекрасных рельефов и надписей, особенно на внешней стене задней части луксорского храма[34]. На другом берегу Нила царь продолжил строительство гробницы в Долине царей[35], начатое при Сетнахте, которого Рамсес III похоронил в огромной гробнице, принадлежавшей Таусерт. Ввиду масштабности общего замысла и художественного оформления, это сооружение можно считать высшим достижением архитектуры царских гробниц (Hornung, 1984, 419). Царя похоронили, возможно, в саркофаге, предназначавшемся еще для Сети II[36], и его мумия оставалась здесь, пока ее не пришлось прятать от грабителей; она была обнаружена в тайнике в Дейр эль-Бахри. В самом начале своего царствования Рамсес III велел также соорудить и покрыть рельефами гробницы для своих сыновей в Долине цариц[37].

За пределами Фив имя Рамсеса III встречается в разных местах Египта на частных памятниках многочисленных чиновников, выражавших тем самым свои верноподданические чувства. Помимо статуй и стел Рамсес III оставил во многих городах Египта архитектурные памятники. В Дельте, в Телль эр-Ретабе, он расширил храм Рамсеса II (Manuel II, 824). О строительной деятельности царя в Атрибисе свидетельствуют несколько обнаруженных там блоков (Gohary S., 1979, 78). В Пи-Рамсесе, главной столице в то время, он соорудил или перестроил дворец, а также изменил название города, заменив имя Рамсеса II своим (Bietak, LÄ V, 130–131). В Гелиополе обнаружены остатки оборонительных сооружений (Saleh, 1983, II, 45–61), возможно, для отвращения угрозы, нависшей над городом при Мернептахе, а затем и при самом Рамсесе III. Также была осуществлена перестройка храма Осириса в Абидосе (Manuel II, 656). В Эдфу он украсил своим именем рамессидский пилон (см. выше, с. 478–479). Отдельные блоки с его именем найдены в Ахмиме (Kuhlmann, 1983, 23), Эль-Кабе (Manuel II, 838, n. 4) и Филах (Farag et al., 1979, 282). В Большом папирусе Харриса перечислены многие другие места, где велись работы, но следов этих сооружений археологи до сих пор не обнаружили (Christophe, 1953).

---

[33] Stadelmann, LÄ III, 1262. — Молодые женщины поддерживают царя за локоть (Epigraphic Survey, MH VIII, passim, например, pl. 654) — недвусмысленное приглашение к любовным играм.

[34] PM II, 323 (135), 334 (210), 335 (223). — О часовне в Луксоре известно только из текста: Otto, 1963; van Dijk, 1979.

[35] Гробница KV № 11, PM I, 518–527; Reeves, 1990b, 115 и 248; о гробнице KV № 3 см. ниже, примеч. 37.

[36] Dodson, 1986. — Сам саркофаг хранится в Лувре, крышка саркофага — в Кембридже; PM I, 526.

[37] Kitchen, 1982b, 118–119. — Ф. Абиц (Abitz, 1986) добавляет к ним шестую гробницу — KV № 3 в Долине царей, предназначенную для царевича, чье имя нам неизвестно. Так же считает и Н. Ривз (Reeves, 1990b, 133–134). Есть также мнение, что гробница KV № 41 в Долине цариц принадлежала Пентауру (Leblanc, 1989, 45) — царевичу, замешанному в заговоре против царя (см. ниже, с. 535–537).

Искусство скульптуры в это царствование по прежнему процветало. Превосходными образцами являются статуя царя со штандартом (Каир GG 42150, Saleh, Sourouzian, 1986, № 225) и колоссальная статуя из розового гранита, голова которой хранится в Бостоне (Boston MFA 75.10; Manuel III, pl. 130, 2). Очевидно, что египетские ваятели еще не утратили своего мастерства и умели создавать вдохновенные творения.

АРИСТОКРАТИЯ

Имена значительных историечских деятелей этого периода назвать трудно. Кроме известных нам двух визирей, несомненно, были и другие. Хори I, начавший свою карьеру в Мемфисе при Сети II и продолживший ее в Фивах при Сиптахе, занимал свою должность и при Сетнахте, и при Рамсесе III: по-видимому, он пережил без особых трудностей смутный период между XIX и XX династиями (De Meulenaere, 1973; Helck, LÄ III, 1). Имя Хори встречается еще на 10-м году правления Рамсеса III. Его сменил визирь Та, известный с 16-го, а может, и с 12-го года (Gutgesell, LÄ VI, 133–135). В 29-м году Та занимал одновременно две должности — визиря Севера и визиря Юга, и мы не знаем, кого он сменил в Мемфисе. Источники касаются его главным образом в связи с социальными волнениями в Дейр эль-Медина — поселении, которое находилось в его ведении. В 29-м году на него возложили и другие обязанности, в частности по доставке из Верхнего Египта кумиров богов для участия в царском празднике *сед*[38]. После 29-го года о Та ничего не известно. Так как на 1-м году правления Рамсеса IV верховный жрец Амона ведал делами, которыми обычно занимался визирь (Černý, 1975, 627), а визирь Рамсеса IV впервые упоминается лишь на 2-м году его правления (KRI VI, 76, 13–16), вполне возможно, что после смерти Та должность эта оставалась вакантной (Valbelle, 1985, 196).

Правитель Фив Пасер получил известность благодаря часовне, блоки которой использовались впоследствии при восстановлении западного бастиона в Мединет Абу (Schott, 1957; KRI V, 384–390).

Великими жрецами Амона были Бакенхонсу, занимавший этот пост еще при Сетнахте, затем Усермаатранахт и его брат (?) Рамсеснахт (Bierbrier, LÄ II, 1244; V, 128). Храмы становились все более независимыми от светской власти в лице визиря, что подтверждается и пассажем из Большого папируса Харриса (59, 10–60, 1). Долгое время его истолковывали в том смысле, что царь снял с должности мятежного визиря, на самом же деле речь идет о конфликте, в котором царь встал на сторону служителей храма в Атрибисе и против визиря, желавшего сохранить главенство над жрецами. Ни бунта визиря, ни его увольнения не было (Kruchten, 1979a, 43).

Стольники, в большинстве своем иноземцы, еще никогда не были так многочисленны и влиятельны — и при дворе[39], и за пределами Египта, где они являлись представи-

[38] Это путешествие божественных статуй изображено в Эль-Кабе, в гробнице Сетау (№ 4; KRI V, 430, 207).

[39] См.: Kitchen, 1976a, 311–312, о Рамсесэмперра; вероятно, именно ему мы обязаны сознанием надписи Рамсеса III в Тимне.

телями царя (Schulman, 1986). Именно из них главным образом состояли суды, разбиравшие дела заговорщиков, большинство которых, впрочем, также были стольниками.

Нубией правили представители семейства из Бубастиса — два Хори (Habachi, 1957a, 97–98, 101). Из того же города и, возможно, из той же семьи происходил и Иирои, начальник жрецов богини Бастет, замешанный в заговоре и казненный. К тому моменту он стал начальником жрецов Сохмет, а его сын Хори — «отцом бога» в культе Бастет.

Помимо этих высокопоставленных лиц нам известно немало второстепенных деятелей — по крайней мере тех, чьи памятники малоинтересны и немногочисленны (ср.: Kitchen, Gaballa, 1980). Здесь могут помочь лишь документы из Дейр эль-Медина, излагающие, иногда в мельчайших подробностях, «историю в истории». Они касаются «мастеров гробницы» и их семейств. Этот термин обозначает ведомство, ответственное за сооружение царских гробниц (Černý, 1973, 1–20).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Сведения об экономическом положении Египта в то время очень неоднородны. В первую очередь это многочисленные документы из Дейр эль-Медина, освещающие мельчайшие подробности повседневной жизни (Valbelle, 1985), а также Большой Папирус Харриса с перечислением богатств, которыми храмы обязаны щедрости царей, особенно Рамсеса III[40].

Этот перечень храмового имущества демонстрирует, с одной стороны, богатство Египта в целом, а с другой — неравномерность распределения продуктов земледелия, если вспомнить о хроническом полуголодном существовании обитателей Дейр эль-Медина. Не следует забывать и о богатствах храмов, в которых отправлялся культ статуй царя, о чем известия сохранились с самого начала царствования[41]. В Дейр эль-Медина даже об элитных мастерах, вырубавших в скале царские гробницы и занимавшихся их отделкой, заботились так плохо, что они взбунтовались из-за нехватки съестных припасов; в то же время состоянию храмов и их доходам уделялось огромное внимание. Были проведены серьезные проверки для определения ущерба, причиненного войнами. Подобные инспекционные мероприятия уже проводились при Мернептахе, чье царствование также не обошлось без вооруженных конфликтов. Первую из них Рамсес III предполагал провести на 5-м году своего правления, но мы не знаем, состоялась ли она: в этом году велись войны, которые могли помешать ее осуществлению. Сведения о первой проверке ограничиваются простым упоминанием о ней в связи со второй (KRI V, 232, 13–14), предпринятой на 15-м году: последняя надежно засвидетельствована пространными надписями в Тоде, Карнаке, Эдфу и Элефантине (KRI V, 232–234, 349, № 147; Christophe, 1958, 18–23; Grandet, 1990). Ответственным

[40] Janssen J.-J., 1979b; Helck, 1987b; Kessler D. Tempelbesitz, LÄ VI, 369; Gutgesell M. Wirtschaft, LÄ VI, 1275–1278. — Этот дисбаланс мог привести к тому, что основную экономическую функцию стали выполнять храмы, а не дворец; однако в его существовании есть сомнения (Janssen J.-J., 1986, 365).

[41] Helck, 1966b; Aldred, 1969b, 81; Kitchen, 1973; Kessler, 1975.

за ее проведение был Пенпата, «начальник хранителей архивов казны фараона». Работа велась планомерно: сначала обследовались южные территории, затем проверяющие продвигались к северу (Helck, 1958b; Kitchen, 1984a, 551; Grandet, 1990).

В то время как в Дейр эль-Медина должны были вот-вот вспыхнуть серьезные волнения, визирь, ведавший делами в этом поселении, был занят подготовкой к празднику *сед*. Он отправился в Верхний Египет, но не с целью обеспечить доставку продовольствия для жителей Дейр эль-Медина, а для того, чтобы привезти статуи богов: последние должны были принять участие в торжестве, состоявшемся, вероятно, в Пи-Рамсесе на 30-м году правления Рамсеса III, так как на 29-м году подготовка к нему уже шла полным ходом (Hornung, Staehelin, 1974, 40; Hornung et al., 1990, 9 и n. 21).

Нам известно только о беспорядках в Дейр эль-Медина благодаря изобилию сохранившихся там документов. Помимо всего прочего, ее обитатели были более образованны и потому, вероятно, менее склонны подчиняться властям, чем остальное население долины. Беспорядки, по всей видимости, стали следствием плохого управления страной — легкомыслия, некомпетентности и коррумпированности ее руководителей. В Дейр эль-Медина бунтовщики схватили визиря Та — второго после фараона человека в Египте — и предъявили ему крайне серьезные претензии. То был кризис власти и доверия к ней, благоприятствующий анархическим стремлениям. Начиная с 28-го года правления Рамсеса III некий Пенанукет, жрец храма Хнума на Элефантине, занимался хищениями и воровством в течение 15 лет, прежде чем власти обеспокоились этим[42]. Даже в фиванском некрополе тайно совершались «святотатства», предвосхищающие ограбления гробниц в конце правления XX династии (Valbelle, 1985, 191, n. 8; Gardiner, 1948, 55, 5–14).

Оправданием для руководства страны могло служить лишь то обстоятельство, что границам долины Нила по-прежнему угрожали лебу и мешуэш. Набеги этих племен, иногда вызывавшие прекращение работ в царских гробницах, могли парализовать также сельское хозяйство и перевозки. К примеру, угроза такого набега остановила работы в гробнице Рамсеса III на 28-м году его правления (Kitchen, 1985, 178–179).

КАТАСТРОФА В КОНЦЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

Царствование Рамсеса III закончилось трагически. Наверное, и в целом оно может считаться драматичным: ему предшествовали беспорядки в конце правления XIX династии, которые пережил и сам Рамсес, унаследовавший трон отца. Враги угрожали стране со всех сторон. Экономика клонилась к упадку в силу различных причин — возможно, в первую очередь потому, что огромная часть земель и государственного имущества находилась, по милости царя, в ведении храмов и не контролировалась царской властью. К этому можно добавить неэффективную администрацию и коррупцию. Важнейшими событиями конца царствования стали волнения 29-го года и заговор против царя.

[42] Peet, 1924. — О других персонажах, связанных с «Элефантинским делом», см.: Sauneron, 1950; Habachi, 1965.

Беспорядки в Дейр эль-Медина

Серьезные волнения, вспыхнувшие в Дейр эль-Медина (Janssen J.-J., 1979a, 1992), были вызваны в первую очередь вспышками голода из-за недостаточных поставок продовольствия.

Поведение населения во время этого бунта не совсем понятно. Выражение «начать забастовку» буквально звучит как «пройти за стены», то есть за пределы поселка. В некоторых случаях рабочие с женщинами и детьми выходили на дороги (Valbelle, 1985, 191): таким образом, бунтовщики не только прекращали работу или оставляли свои рабочие места, но и покидали свое поселение-гетто. Затем рабочие собирались возле одного из храмов: местом сбора поочередно являлись храмы Хоремхеба, Тутмоса III, Рамсеса II, Сети I и Мернептаха. Это объяснимо: в храмах хранились запасы продовольствия, которые могли спасти положение (и к которым, действительно, иногда прибегали). По-видимому, храмы были также своего рода центрами сбора, где можно было найти того, перед кем изложить претензии. Административный центр Дейр эль-Медина находился между самим поселком и Рамессеумом. Именно там Рамсес III начал рыть «большой колодец», достигший в его правление глубины 22 м. При Рамсесе IV и его преемнике работы были продолжены и глубина колодца достигла 50 м, но вода так и не появилась, хотя это было необходимо (Ventura, 1987), так как поселок находился далеко от Нила и доставка воды представляла серьезную проблему.

Незадолго до «забастовки» 29-го года Та стал визирем и Севера, и Юга (о Та в Мемфисе см.: Schulman, 1988b, 66). Вероятно, он был в курсе происходящего, но в момент начала забастовки отсутствовал. Беспорядки продолжались с 10-го по 17-й день 2-го месяца *перет*, когда наконец жителям были розданы продукты, вода и предметы одежды. Это принесло временное успокоение, однако в следующем месяце волнения вспыхнули вновь — по тем же причинам. Когда визирь Та на 28-й день 4-го месяца *перет* вернулся в Фивы, его обвинили в расхищении продовольствия, предназначавшегося рабочим. Разумеется, Та представил оправдания, хотя и в письменной форме: предстать перед бунтовщиками он, видимо, не осмелился. Он приказал распределить продукты, причем норма выдачи составила около половины прежней. Обман был разгадан достаточно быстро. Визирь был обвинен в крупных хищениях, но мы не знаем до сих пор, был ли он виновен. После 29-го года Та уже не упоминается, а ситуация между тем ничуть не улучшилась: забастовки, вызванные отсутствием продуктов питания, произошли спустя несколько недель после волнений во 2-м месяце *перет*, затем — на 31-м году царствования Рамсеса III и на 1-м году царствования Рамсеса IV (Janssen, 1992).

Заговор против царя

Существует ли связь между волнениями, заговором против царя и окончанием карьеры Та? Заговор действительно имел место. Принято считать, что он произошел в конце царствования Рамсеса III, хотя точная дата нигде не указывается. Именно заговор, как правило, называют причиной смерти царя, поскольку известно, что беспорядки нарастали. Мы располагаем лишь косвенными сведениями об этих событиях. Перечислим источники: Юридический папирус из Турина (KRI V, 350–360; перевод:

De Buck, 1937) с частичным отчетом о ходе судебных разбирательств и о наказании заговорщиков; две части другого документа — Папирусы Ли и Роллен (KRI V, 360–363), где рассказывается о магических операциях, к которым прибегли заговорщики; Папирус Рифо (KRI V, 363–366), подтверждающий, что царем, против которого устроили заговор, действительно был Рамсес III (о процессе см.: V. Poláček, 1962). Вводная часть текста Туринского юридического папируса содержит прямую речь царя, открывающего судебное разбирательство, на котором будут судить заговорщиков. Царь говорит о себе так, будто находится среди богов, в ином мире; иными словами, текст был составлен уже при Рамсесе IV, как и Большой папирус Харриса. Это подтверждает версию о том, что заговор имел место незадолго до смерти царя и даже мог быть ее причиной. Если допустить, что судебное разбирательство назначил сам Рамсес III, то ход событий мог быть таким: заговорщики напали на него и ранили, а скончался он позднее. Х. Гёдике (Goedicke, 1963a) полагает, что царь прожил еще 21 день. Следует отметить, что на мумии царя нет следов ранений, но ведь есть немало других способов убийства. Если же текст папируса составлен при Рамсесе IV, то вполне возможно, что судебное разбирательство открыл именно он, представ посредником между миром живых и миром мертвых.

Насколько можно судить на основании того немногого, что нам известно из Туринского юридического папируса, дело было очень серьезным. Душой заговора были царица Тийя, действовавшая вместе со своим сыном, чье настоящее имя неизвестно, а в отчете его называют Пентауром. «Штаб» заговора находился в царском гареме[43]. Основной его причиной обычно считают соперничество между царицами-матерями, одна из которых хотела возвести на трон своего сына, не имевшего на это прав. Сын Рамсеса III, унаследовавший в итоге престол, появляется вместе с отцом на 22-м году его правления — это будущий Рамсес IV, за которым следует другой царевич, чьи имя и титулы указывают на будущего Рамсеса VI (Kitchen, 1982b, 118; KRI V, 214, 4; 215, 5). Хотя Рамсес IV здесь еще не носит титула, подтверждавшего его статус официального наследника, решение, похоже, уже было принято, и это могло вызвать ревность и обиды, породившие заговор[44]. Так или иначе, отказ Рамсеса III от присвоения титула наследника, который снял бы все вопросы, может свидетельствовать о колебаниях царя в выборе преемника.

Проблема престолонаследия действительно существовала. В своем храме в Мединет Абу, который был завершен до 12-го года правления Рамсеса III, рядом с рельефными изображениями царевичей, царевен и даже царицы[45] царь нигде не указывает их имен — даже имени старшей царской жены (см. выше, с. 521–522). В заговоре поражает и число его участников, и высокое положение большинства из них, и беспощадность расправы, пронизанной духом мщения и вызвавшей большой страх. Во главе заговора стоял некий дворцовый управляющий(?) по имени Пабаккамен. Его обвинили в тайном сговоре с Тийей и женщинами гарема. Договорившись с ними, он начал

[43] Обычно говорится о «гареме», но это не означает, что заговор возник именно там. См.: Ward, 1983, 69.

[44] Дж. Г. Брестед считал, что Тийя была мачехой Рамсеса III, а Пентаур — его младшим братом. См.: Drenkhahn, LÄ V, 118, n. 25.

[45] Kitchen, 1982b, 120–124. — В батальных сценах также отсутствуют имена изображенных князей (KRI V, 88, 6; 10).

передавать послания их матерям и братьям: «Поднимайте людей! Вызывайте возмущение среди противников нападения на их господина». Среди заговорщиков было шесть стольников, десять гаремных слуг, а также командующий войсками Куша, сестра которого находилась в гареме. Состав судебной комиссии менялся от заседания к заседанию. В конце концов, в ней остались только стольники, перед которыми предстал и царевич Пентаур. Царевич был осужден и должен был покончить жизнь самоубийством. Четыре сотрудника судебного ведомства, два судьи, один военный и один стражник были признаны виновными в том, что помогали поддерживать связь между женщинами гарема и одним из обвиняемых уже после начала процесса. Большинство осужденных были приговорены к смертной казни, главным образом к самоубийству. Из 36 человек 20 были осуждены не за активное участие в заговоре, а за то, что знали о нем и не донесли[46]. Об истинных причинах заговора нигде не говорится. Пентаур был обвинен в том, что слышал, как его мать обсуждала заговор с женщинами гарема, но это не обязательно означает, что царевич был еще мал и воспитывался в гареме. Тем не менее он, вероятно, находился под влиянием матери, так как главную роль играла она, а не он.

Как бы то ни было, в начале 32-го года своего правления, на 14-й день 3-го месяца *шему*, Рамсес III скончался. Случилось это в Фивах, так как о его кончине и восшествии на престол Рамсеса IV рабочих в Дейр эль-Медина известили уже на 16-й день[47]. Царь был погребен на 24-й день первого месяца *ахет* в предназначенной для него гробнице в Долине царей (№ 11).

[46] Именно это обстоятельство в свое время испугало и Синухе.

[47] KRI V, 553, 5; 557, 15; 558, 3; Drenkhahn, LÄ V, 115 и n. 3; Helck, LÄ V, 120 и n. 2. — Я. Черный (Černý, 1936, 112) опубликовал документы, доказывающие, что Рамсес IV взошел на трон на 15-й день 3-го месяца *шему*, но ученый полагал (как и В. Хельк: Helck, 1992b, 269), что в тот же день скончался и Рамсес III. Однако новый царь восходил на трон лишь на следующий день после кончины предшественника (Barta, 1980).

Глава III
XX ДИНАСТИЯ ПОСЛЕ РАМСЕСА III

НАСЛЕДИЕ РАМСЕСА III

В отличие от Рамсеса II, Рамсес III не оставил подробного перечня своих отпрысков. Вероятно, он думал об этом, так как в Мединет Абу он повелел изобразить длинную вереницу царевичей и принцесс — но их имена и титулы не указаны. Всего детей было 45 — 31 сын и 14 дочерей (PM II, 502 (104–107)), — но неизвестно, соответствует ли действительности это внушительное число, или царь таким образом опять соревновался с Рамсесом II — на этот раз в количестве детей. Из всех сыновей Рамсеса III только десять оставили след в истории. Кроме того, нам известно имя одной дочери — Тентипет.

Преемники Рамсеса III, фигурирующие в этой процессии его безымянных потомков, впоследствии поставили рядом с некоторыми изображениями имена. Полагаясь главным образом на эти скудные и ненадежные сведения, а также на известную нам информацию о близких и далеких потомках царя, историки попытались реконструировать генеалогическое древо рода Рамсеса III. В процессе распутывания этого клубка появилось немало исследований. Картина, представленная ниже (по сути, это первый обзор истории XX династии после смерти Рамсеса III и вплоть до конца Нового царства), во многом основывается на трудах К. А. Кит-

чена, привлекающих своей ясностью и историческим правдоподобием, хотя многие детали еще требуют подтверждения[48].

Когда Рамсес III взошел на престол, у него уже было несколько сыновей. Одновременно со своей гробницей он еще в самом начале правления приказал соорудить гробницы в Долине цариц, предназначавшиеся в том числе для тех его сыновей, которые не получат трон. Гробницы эти изначально не предназначались для кого-то конкретного и могли послужить любому царевичу в случае его кончины. Так, например, Парахорунемеф, Хаэмуас и Рамсес-Аменхорхепешеф умерли раньше отца (им достались гробницы QV 42, 44, 45). Тот, кто унаследовал трон Рамсеса III под именем Рамсеса IV, с рождения именовался — по счастливой случайности — просто Рамсесом. У него тоже имелась гробница в Долине цариц (№ 53), так как, не будучи старшим сыном, он не рассчитывал получить трон (Kitchen, 1982b, 118). Рамсес IV царствовал шесть лет и несколько месяцев. Следующим царем стал его сын под именем Рамсеса V — матерью его, скорее всего, была царица Тентипет, причем с рождения он носил имя Аменхорхепешеф — таково было имя и двух братьев его отца. Правление Рамсеса V длилось всего лишь три года и несколько месяцев. Нам известно о двух его женах, но наследников он не оставил. Трон перешел к одному из его дядьев, Аменхерхерпешефу II, который царствовал под именем Рамсеса VI чуть больше семи лет. Столько же времени правил, под именем Рамсеса VII, и его сын Итамон, чей сын умер раньше отца. Далее трон должен был перейти к следующему сыну Рамсеса III, Ментухорхепешефу, но тот скончался раньше своего племянника Рамсеса VII. На престол должен был взойти один из его сыновей, но у власти оказался загадочный персонаж, Рамсес VIII, умерший менее чем через год. Наконец, царем стал сын Ментухорхепешефа, правивший под именем Рамсеса IX. Возможно, Рамсес VIII не был законным представителем династии, так как Рамсес IX чтил память Рамсеса VI и Рамсеса VII, но не Рамсеса VIII. Царствование Рамсеса IX длилось 17 или 18 лет. Когда он взошел на трон, прошло всего 27 лет после смерти Рамсеса III — этот отрезок времени равен одному поколению, был поделен между пятью царями. Сын Рамсеса IX, Рамсес X, царствовал чуть больше двух лет. Наконец, его сын Рамсес XI, последний из Рамессидов, правил Египтом на протяжении 26 лет.

На этом заканчивается история и XX династии, и Нового царства, но ее факел не угас окончательно. Нельзя со всей определенностью утверждать, что мать Псусеннеса I была дочерью Рамсеса XI (Kitchen, 1986, 537–541), но известно, что цари XXI династии причисляли себя к Рамессидам. Семейные связи между двумя параллельными линиями XXI династии очень многочисленны, и в то время Египет вовсе не был разделен надвое: он стал, согласно Истории Унамона, единым владением Амона.

Стремительная смена фараонов на троне явилась своего рода расплатой за долгое царствование Рамсеса III, хотя обстоятельства смерти этих царей нам неизвестны.

---

[48] Kitchen, 1982b, 1984b (генеалогическое древо, 132); см. также: Dodson, 1987a, 227–229, расширенная и более полная генеалогия. Основные работы, предшествующие труду К. А. Китчена: Seele, 1960 (очень сложная генеалогическая реконструкция, пункт за пунктом опровергнутая Китченом); Monnet, 1965; Murnane, 1971–1972; Wente, 1973. Э. Додсон возражает и Дж. М. Гристу (Grist, 1985).

РАМСЕС IV. Ок. 1153–1146 годов до н. э.

После смерти Рамсеса III на трон взошел наследный принц Рамсес. Оба события произошли в Фивах. Новый царь взял тронное имя Усермаатра-Сетепенамон[49].

Обстоятельства наследования им трона не вполне ясны. Даже если этот царь стал наследником еще при жизни отца, ему понадобилось приложить усилия, чтобы доказать законность захвата власти. С самого начала царь взял первое имя Усермаатра, как это сделали его отец и его великий предок Рамсес II. Вслед за Рамсесом IV этот акт преклонения перед деяниями предков — возможно, вызванный также необходимостью утвердить династическую преемственность — совершили Рамсес V, Рамсес VII и Рамсес VIII. Различались лишь добавляемые к имени Усермаатра эпитеты: Рамсес II был «избранным Ра», Рамсес III — «любимым Амоном», Рамсес IV — «избранным Амоном», Рамсес V — «созданным Амоном», Рамсес VII — «избранным Ра и любимым Амоном», Рамсес VIII — «полезным Амону». Выбранное Рамсесом II первое имя продолжало быть популярным и после конца Нового царства. Рамсес IV спустя некоторое время отказался от него и взял имя Хекамаатра, но сохранил эпитет «избранный Амоном». Новое имя засвидетельствовано уже в начале 2-го года его правления, но еще около года наряду с ним использовалось и первое (Helck, LÄ V, 120 и n. 1).

Если первой целью заговора против Рамсеса III являлось свержение старого царя — быть может, уже неспособного как следует управлять страной, — то второй неизбежно должно было стать отстранение законного наследника. Защищая память отца, Рамсес IV подтверждал и собственное право на трон[50] и ради этого приказал составить отчет от имени своего отца — не столько о процессе против заговорщиков, сколько о понесенных ими наказаниях. Возможно, это была своего рода «чистка», устроенная победителем. Он также повелел составить длинный перечень деяний, совершенных Рамсесом III на благо Египта, особенно построенных им больших храмов; за перечнем следует хвалебный рассказ, подводящий итоги царствования. О желании Рамсеса IV узаконить власть a posteriori свидетельствуют и сцены в завершенной фиванской гробнице Аменемопе, первого жреца-пророка богини Мут и третьего жреца-пророка Амона (TT 148). В этой гробнице представлена серия сцен из прошлого: одна датирована 27-м годом правления Рамсеса III, на другой представлены события, произошедшие до этого 27-го года, — назначение Аменемопе первым жрецом-пророком Мут в присутствии Рамсеса III и наследного принца Рамсеса. Под сценами изображен верховный жрец Амона Рамсеснахт, тесть Аменемопе. Этот верховный жрец, известный с 1-го года правления Рамсеса IV, карьера которого продолжалась до начала царствования Рамсеса IX, мог сыграть важную роль, обеспечивая поддержку династии (Kitchen, 1982b, 116–117) или даже контролируя порядок престолонаследия.

Поиски подходящего места для гробницы Рамсеса IV в Долине царей начались на удивление поздно — через пятнадцать месяцев после восшествия царя на престол

[49] Подробный обзор см. в: Hornung et al., 1990, 7–18.

[50] Вполне возможно, что в большой процессии царских детей в Мединет Абу Рамсес IV повелел поставить свое имя рядом с изображением царевича, идущего первым и до тех пор бывшего анонимным: Kitchen, 1982b, 118, 120, 122. См. ниже, с. 548.

(Helck, 1992b, 267, n. 2; LÄ V, 124, n. 12). Быть может, в попытке наверстать упущенное время со следующего месяца власти увеличили число рабочих — с 60 до 120 (KRI VI, 76–77; Valbelle, 1985, 197). Кроме того, резко упростились планировка и оформление гробницы, лишившейся большинства сцен, посвященных божествам (Hornung, 1984, 419–420).

Рамсесом IV владела неистовая страсть к строительству: можно сказать, что этим и ограничилась его деятельность как правителя. Программа работ была обширной. Судя по плану его заупокойного храма в Фивах, сооружению предстояло стать грандиозным. Были обнаружены заклады в фундамент (PM II, 424–425; Thausing, 1971, 5–6; Bietak, 1972, 17–26; Arnold, 1979, 5; KRI VI, 48–49) с первым именем царя, появившимся на 2-м году его правления, но похоже, что работы остановились на начальной стадии. Здание предполагалось возвести у входного пандуса в храм Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри[51], вплотную к обрабатываемым полям, причем его расположение по отношению к пандусу говорит о том, что последний как будто собирались сделать частью древнего ансамбля. На территории памятника найдены многочисленные фрагменты статуй, некоторые — с картушами Рамсеса V, а также изрядное число фрагментов, в том числе колонн и капителей, с картушами Рамсеса VI: следовательно, эти два царя продолжили возведение храма, но не смогли довести его до конца. Множество блоков из известняка и песчаника взяли из соседних храмов, особенно из храмов Хатшепсут, Рамсеса II и Рамсеса III (Hayes, 1959, II, 372). Трудно сказать, кто именно из трех Рамсесов занимался растаскиванием блоков — возможно даже, все трое. К северу от первого храма начали сооружать второй, более скромный — вероятно, на месте нижнего храма Тутмоса III (PM II, 424; KRI VI, 48); в закладах в фундамент найдено несколько предметов с именем Рамсеса IV, относящихся к началу его царствования. Остатки последнего начатого здания обнаружены около Мединет Абу (PM II, 454, 459; KRI VI, 50–51). Оно также идентифицировано по закладу в фундамент, на предметах из которого указано имя Рамсеса IV, также характерное для начала царствования.

Надо ли думать, что Рамсес IV, движимый непомерным честолюбием, решил возвести на левом берегу три здания одновременно, но, будучи не в состоянии воплотить эти планы в реальность, стал добавлять свои картуши и тексты на многочисленные памятники предшественников? Исследование всех этих переделок еще не завершено[52]. По виду именных картушей (одни содержат имя Усермаатра, другие — Хекамаатра) эти источники можно разделить на две группы. Очевидно, что по крайней мере половина их относится к первым двум годам царствования и что царь, едва взойдя на престол, решил присвоить уже существующие памятники, нанося на них свои тексты. В Карнаке его внимание сначала привлек храм Амона, затем храм Рамсеса III — от первого двора до Ахмену, по оси север-юг, и двор тайника[53] до девятого

[51] В действительности так называемый храм Рамсеса IV с колоннадой примыкал с севера к трем длинным крытым дорогам, идущим в юго-восточном направлении от всего ансамбля Дейр эль-Бахри, из которых первой (южной) была крытая дорога Ментухотепа Санхкара, а третьей (северной) — Хатшепсут (PM II, pl. XXXIII). — *Науч. ред.*

[52] См. перечень: Helck, LÄ V, 120 и примеч. 15–36, а также тексты, приведенные в KRI VI, 33–64; эти две публикации не во всем совпадают.

[53] Особый интерес представляет большой текст KRI VI, 3–9 (Helck, 1957), где речь идет о надписи с именем царя на дереве *jšd/ишед* в Гелиополе.

пилона. В Луксоре и Мединет Абу его интересовали в первую очередь стены и пилоны. В Мединет Абу, на двух крыльях большого пилона, он велел — в самом начале царствования — изобразить сцену, посвященную признанию богами законности своей власти: имя царя на листьях дерева *jšd*/*ишед* (Balanites aegyptiaca/баланитес египетский: Baum, 1988, 265–273) пишут Атум — с одной стороны и Тот — с другой; здесь же присутствуют фиванская триада и богиня Сешат, которая пишет царское имя на табличке[54].

Вторая волна «кампании» по добавлению надписей коснулась тех же храмов, но делалось это уже от имени царя Хекамаатра. На этот раз царь взялся за колонны. В большом гипостильном зале Карнака поверхность колонн была лишь частично использована Сети I и Рамсесом II; к 166 картинам и сценам, созданным при них, Рамсес IV добавил еще 181, почти завершив таким образом художественное оформление большого зала[55]. Он также добавил свои тексты на обелиск Тутмоса I[56]. Именно в этот, второй период развернулись работы в храме Хонсу, основанном отцом царя. Есть нечто общее между тем, что делалось здесь в большом гипостильном зале: только в этих двух местах, если говорить о Карнаке, царь не ограничился добавлением картушей и текстов, но повелел высечь и рельефы (Roth, 1983, 47; Christophe, 1949b). В Луксоре эта вторая волна коснулась колонн, на постаментах которых вырезали 160 царских картушей (KRI VI, 47, 15–16). В Мединет Абу новые картуши появились в проходе «бастиона» и двух дворах (KRI VI, 52 (E); 55 (F–H); 56–57 (K–M)).

В Абидосе, на стенах храмов Сети I и Рамсеса II, также обнаружены картуши и тексты Рамсеса IV. Он начал здесь и строительство своего храма, от которого, в очередной раз, обнаружен лишь заклад в фундамент (KRI VI, 35–36). Работы в Абидосе велись только в первые годы царствования, имя Хекамаатра фигурирует здесь лишь на стелах и статуях.

За пределами этих двух крупных центров царские резчики высекли имена Рамсеса IV на памятниках в Арманте, Тоде, Эль-Кабе, Эдфу, а также в нубийской Анибе.

Этот «ажиотаж первого года правления» коснулся и статуй, так как царь вновь открыл каменоломни в Вади Хамаммат, закрытые со времен Сети II. Они почти не использовались в эпоху Нового царства, и только Рамсес IV отправил туда несколько экспедиций (HG 24–25; PM VII, 333–334)[57]. Первой из них руководил Усермаатранахт, среди многочисленных титулов которого был и такой: «посланник царя к труднодоступной горе». Экспедиция отправилась в путь в 14-й день 2-го месяца *перет* 1-го года правления Рамсеса IV, то есть через семь месяцев после восшествия царя на престол. Целью было привезти камень *bḫn*/*бехен* (граувакку) для «больших статуй», но среди 406 человек, входивших в состав экспедиции, было много военных и полицейских. Было необходимо ознакомиться с ситуацией в этих местах и обеспечить безопасность

[54] PM II, 489 (47) (49); KRI VI, 53–54, B, D; перевод: Lalouette, 1985, 347.

[55] Christophe, 1955a, 89 и pl. 28; не считая сотни картушей, которые он высек на 91 малой колонне зала (ibid., 61–63) и на базах колонн (Roth, 1983, 45–46; KRI VI, 880 (118)).

[56] KRI VI, 31–32. — Это картуш второго типа, который присутствует на рамессидском колоссе восьмого пилона (Goyon, Traunecker, 1980, 145).

[57] Д. Вальбель (Valbelle, 1985, 107) полагает, что всего снарядили шесть экспедиций, но некоторые из них были настолько незначительными, что не заслуживают внимания. Именно в те годы была составлена карта вади (Goyon, 1949), найденная в Дейр эль-Медина (Valbelle, 1985, 198). Об этой карте см. также: Harrell, Brown, 1992 (с возражениями выводам Ж. Гуайона).

в области, давно не посещавшийся людьми фараона (HG № 89; KRI VI, 1)[58]. Верховный жрец Монту сообщает о своем присутствии там в самом конце 1-го года (HM № 86; KRI VI, 2). Еще одна экспедиция отправляется в начале 2-го года (HM № 240; KRI VI, 9–11). Наконец, на 3-м году правления Рамсеса IV очень большая экспедиция — 8368 человек — извлекла пользу из того, что было сделано в ходе предыдущих, по сути оказавшихся подготовительными. Руководителем ее на этот раз был верховный жрец Амона Рамсеснахт, а его помощниками — несколько стольников и другие высокопоставленные чиновники (HM № 12; KRI VI, 12–14)[59]. Это была самая крупная — и последняя — экспедиция в истории Нового царства, но относительно скромная по сравнению с теми, что снаряжались в эпоху Среднего царства[60]. Нам известны статуи Рамсеса IV из граувакки, но их очень немного, к тому же некоторые могли быть узурпированы у предыдущих правителей[61].

После трех лет бурной активности царь, кажется, был полностью удовлетворен сделанным. На стеле в храме Осириса в Абидосе, датированной началом 4-го года правления, царь длинными речами выражает свое почтение Осирису, Исиде и их сыну Хору-защитнику-его-отца. Почти в столь же пространных выражениях он говорит о том, чего ожидает от бога взамен. Это вполне земные желания: «Ты дашь мне здоровье, жизнь, долгие годы жизни и царствования, крепость всем моим членам, зрение моим глазам, слух моим ушам, радость сердца каждый день… Позволь мне есть досыта, пить до опьянения… И да будешь ты благосклонен к земле Египта, твоей земле, в мое царствование, и удвоишь для меня многолетие и долгое правление царя Усермаатра-Сетепенра (Рамсес II), великого бога. Ведь полезных деяний, которые я совершил за четыре года[62] в твоем храме, преумножая дары тебе и изыскивая все прекрасное и все полезное для твоего святилища каждый день, много больше, чем тех, которые Усермаатра-Сетепенра, великий бог, совершил для тебя за 67 лет. Дай мне долгий срок жизни и царствования, как дал ты Хору, своем сыну, на троне, на котором я восседаю»[63].

Это горячая мольба к Осирису повторяется и на другой стеле (Каир JE 48831; KRI VI, 20–25). Мысли о том, что переход трона от отца — Рамсеса III к сыну — Рамсесу IV был отягощен злодеянием, кажется, неотступно преследовали последнего, который

---

[58] Согласно тексту стелы от 3-го года правления Рамсеса IV, царь лично участвовал в одной из разведывательных экспедиций: «Он открыл доступ в Землю Бога, которого не знал никто из живущих до сих пор, путь, который ускользал от взгляда человека: никто не мог даже представить, как можно приблизиться к нему. Он обозрел драгоценный карьер, чтобы создать великолепный памятник своему отцу и своей родне — всем богам и всем богиням Египта…» (строки 8–10; перевод по: Christophe, 1949a, 12); «Земля Бога» означает «Восток».

[59] Christophe, 1949a; Steinmann, 1984, 31–35. — Стела от 3-го года правления Рамсеса IV из Коптоса (KRI VI, 16) посвящена возвращению из этой экспедиции. Фраза «900 умерших, которые никогда не вернулись» в надписи HM № 12 (Goyon G., 1974, 197) — возможно, ошибка перевода.

[60] При Ментухотепе IV — 13 000 человек; при Сесострисе I — более 18 000.

[61] Каир JE 91712 (PM II, 7); Карнак in situ (PM II, 174; KRI VII, 48); Лондон, Британский музей 1816 (James, 1960; HT 10, pl. 29) соответственно KRI VI, 37, 43 и KRI VII, 325. Две последних (одна — точно, вторая — возможно) были узурпированы. Следует отметить, что грауваккa не использовалась в строительстве.

[62] На самом деле — за три года, так как стела датирована началом 4-го года правления Рамсеса IV.

[63] Стела Каир JE 48876; KRI VI, 17–20; строки 15–25. Аналогичный текст, созданный, по всей видимости, при этом же царе, сообщает о 66 годах правления Рамсеса II (см.: Helck, 1963a, 39–42; KRI VI, 42).

считал историю Осириса и Хора похожей на свою собственную и видел в этих богах покровителей, лучше всего способных понять его: Хору также было нелегко доказать свои права на трон отца (Derchain, 1980).

К северу от Абидоса памятников Рамсеса IV не обнаружено вплоть до Файюма, где его имя нанесено на колонну эпохи Среднего царства (KRI VI, 35 D). В Мемфисе найдена статуя, по всей видимости, не узурпированная; но в то же время царь высек свои имена на колоссе Рамсеса II, стоящем сегодня перед Каирским вокзалом, и на косяке ворот времен Мернептаха (KRI VI, 34–35). В Гелиополе, где царь расширил храм Рамсеса II, обнаружен фрагмент обелиска (CG 17026; KRI VI, 30–31; Saleh, 1981, 43–57). В Дельте обнаружена всего одна статуя — в Небеше (KRI VI, 34 (26)); других следов деятельности царя в этой области не обнаружено.

На 5-м году правления Рамсеса IV состоялась экспедиция на Синай, в Серабит эль-Хадим, с целью добычи драгоценных камней. Вероятно, по этому случаю там построили (или, скорее, лишь восстановили) несколько зданий, так как, по словам одного из участников экспедиции, ее целью было «возведение храма миллионов лет Рамсеса-Мериамона во владении Хатор, владычицы бирюзы» (PM VII, 353–355, 364; KRI VI, 26–30, особенно KRI VI, 27, 14–15). В Тимне, намного восточнее этих мест, обнаружены три фаянсовых фрагмента с именем царя (KRI VI, 33 (25A)). Несколько скарабеев с именем Рамсеса IV, найденных в Палестине, и камень с его именем из Телль Делхамийя, к югу от Генисаретского озера (Bietak, 1991, 40), не позволяют сделать исторических заключений (в работе Weinstein, 1981b, 23, Рамсес IV вообще не упоминается).

В противоположной части египетских владений, в Нубии, следы деятельности Рамсеса IV также скудны. О вице-короле Хори (II), занимавшем эту должность еще при Рамсесе III, известно лишь по надписям в Бухене (PM VII, 133; KRI VI, 80–81). Несколько упоминаний о царе есть в Герф Хусейне (PM VII, 37 (Хаи)), Ибриме (Plumley, 1979, 129), Анибе (KRI VI, 63), Бухене (PM VII, 134) и западной Амаре (KRI VI, 63–64; атрибуция ненадежна). В Каве, отдаленной области, почти не посещавшейся египтянами, полководец Рамсеснахт оставил граффито на стене храма Тутанхамона (KRI VI, 880 (119)).

Скончался царь на 7-м году правления, в 3-м месяце *ахет* (см. ниже, с. 546), процарствовав чуть более шести лет и восьми месяцев. Умер он не в Фивах, так как в этом городе датировали документы его царствованием уже после его кончины, не зная о ней[64]. Он был похоронен в своей гробнице в Долине царей (KV № 2)[65], но его мумию обнаружили в гробнице Аменхотепа II (Reeves, 1990b, 196 и 249). Рамсесу IV было 50 лет или чуть больше[66].

---

[64] Krauss, 1984, 40; например, найденный в Дейр эль-Медина остракон (207) датирован 23-м днем 3-го месяца *ахет* правления Рамсеса IV.

[65] Reeves, 1990b, 115–117. Полная публикация гробницы: Hornung et al., 1990. Сохранился план гробницы, выполненный на папирусе (Турин, кат. 1885; Vittmann, LÄ IV, 736, C 4; KRI VI, 58–60); Э. Хорнунг (Hornung, 1988) установил, что речь идет о гробнице Рамсеса IV. На другой стороне папируса указаны размеры другой царской гробницы — вероятно, Рамсеса V, сооружение которой продолжил Рамсес VI (KRI VI, 223–224).

[66] Smith G. E., 1912, 87. Дж. Харрис, Э. Уэнте (Harris, Wente, 1980, 202) полагают, что царю было 35–45 лет, скорее всего 40.

Супруга царя, царица Тентипет, или Дуатентипет, носила титул «супруги бога». О ее статусе царицы свидетельствует картуш вокруг имени (KRI VI, 77 (57); 86 (65); о ее гробнице см.: QV 74, Leblanc, Abdel-Rahman, 1991). Предположительно, она была матерью наследника.

Нам известно несколько деятелей того времени, чье положение было стабильнее, а жизнь — продолжительнее, чем у царей, но наш интерес к ним обусловлен скорее выдающимися памятниками, чем примечательными деяниями. Например, Неферренепет, верховный жрец Птаха, упоминается в качестве визиря со 2-го года правления Рамсеса IV; он сохранял за собой эту должность до времен Рамсеса VI[67]. Рамсеснахт был верховным жрецом Амона вплоть до эпохи Рамсеса IX, после чего должность перешла к его сыну Аменхотепу (Bierbrier, LÄ V, 128; Helck, 1967, 138–139; 1984d; Bell L., 1980). Возможно, жрец Амона Аменемопе возвел для себя примечательную гробницу именно потому, что был зятем Рамсеснахта (TT 148; Gaballa, Kitchen, 1981, 161–180; см. выше, с. 540).

Среди знати наиболее многочисленную группу составляли стольники (об их роли см.: Helck, 1958a, 269–276; Malek, 1988, 134). Из 13 или 14 стольников, так или иначе упомянутых в связи с заговором против Рамсеса III, только один, Хори, встречается и в других источниках — если, конечно, речь идет о том самом Хори, сыне Птахэмуйи (KRI VI, 83–85; Malek, 1988), так как это имя было в те времена довольно распространенным. Нам известны имена еще восьми стольников, один из которых, Себекхотеп, руководил экспедицией 3-го года на Синай[68].

В целом царствование Рамсеса IV производит не слишком благоприятное впечатление. Царь был помешан на самоутверждении и исполнен непомерных амбиций. Он придумал множество проектов, призванных укрепить его власть, мало заботясь обо всем прочем. Государственными делами он не занимался, и коррупция при нем процветала. Скандальные дела о хищениях в левобережных Фивах демонстрируют слабость власти и обнищание населения (Valbelle, 1985, 198). Первая забастовка произошла уже через месяц после восшествия Рамсеса IV на престол. Чуть позднее, сразу же после погребения Рамсеса III, требования персонала «гробницы» были удовлетворены, велись даже переговоры о компенсациях, но ни спокойствие, ни доверие восстановить не удалось: на 2-м году засвидетельствована 11-дневная забастовка, вызванная все теми же причинами — задержкой поставок продовольствия[69].

Конечно, можно подумать, что цари, редко посещавшие Фивы, просто забыли о древней столице, оставив на произвол судьбы строителей царских гробниц, а центром активной деятельности фараонов отныне стал север Египта (Goedicke, 1975, 1–2). Однако постепенное оскудение числа исторических документов с юга страны не компенсируется известиями об оживленной деятельности в Мемфисе или в Дельте.

---

[67] KRI VI, 76, 13–16, 78–79, 348, с другими ссылками, касающимися Дейр эль-Медина. См.: J.-Cl. Goyon, Traunecker, 1980, 129–132.

[68] KRI VI, 85–86; список стольников времен Рамсеса IV в работе Malek, 1988, 134–136 не содержит имен тех, кто принимал участие в процессе над заговорщиками. О гробницах стольников в северной Саккара см. также: Malek, 1985.

[69] Černý, 1975, 607; Valbelle, 1985, 195–197. См. также: Eyre, 1979 по поводу остракона из Сиднея, который М. Гутгезелль (Gutgesell, 1983, 357–358), передатировал временем Рамсеса IX; К. Дж. Эйр не принимает эту датировку (Eyre, 1987, 23).

Л. А. Кристоф, серьезно интересовавшийся эпохой Рамсеса IV, постарался продемонстрировать и положительные стороны этого царствования. По крайней мере, в одном с ним нельзя не согласиться: произведения искусства — барометра цивилизации — встречаются хоть и редко, но свидетельствуют о том, что египетские художники того времени ничуть не уступали своим предшественникам[70].

РАМСЕС V. Ок. 1146–1143 годов до н. э.

Сын Рамсеса IV носил имя Аменхорхепешеф, как и многие его дядья и кузены; он наследовал своему отцу под именем Усермаатра Схеперенра Рамсеса (V) Аменхорхепешефа-Мериамона. Восшествие на престол состоялось, вероятно, между 10-м и 18-м днями 3-го месяца *ахет*[71]. Видимо, Рамсес V правил еще меньше, чем его отец: самая поздняя надежно установленная дата — 4-й год, последний день 4-го месяца *ахет*[72], то есть его царствование продолжалось три года и несколько месяцев[73]. Срок этот подтверждается и другими данными: гробница в Долине царей (KV № 9) была едва намечена, и ее сооружение продолжилось уже при Рамсесе VI[74]. Судя по останкам, Рамсес V скончался в юном возрасте[75] от какой-то инфекционной болезни[76].

На крошечном фаянсовом фрагменте из Тимны сохранился нижний край картуша Рамсеса V. Он — последний засвидетельствованный здесь фараон: Египет постепенно утрачивает свое влияние в Азии. Несколько фаянсовых предметов с именем этого царя обнаружено на Синае (KRI VI, 221 (1)). В Нубии единственное напоминание о Рамсесе V — его картуши, высеченные каким-то верноподданным чиновником (возможно, самим вице-королем Хори) на колонне южного храма в Бухене вместе с именами Рамсеса IV (KRI VI, 225 (7); 63 (50); 80 (2)).

---

[70] Christophe, 1949b, 55–56, 1950–1951. Отметим великолепный бюст Каир JE 36351 (PM II, 77; Manuel III, pl. 131, 2).

[71] Pestman, 1982. — Против предложения М. Гутгезелля (Gutgesell, 1983, 73, с ним согласился В. Хельк: Helck, 1992, 272, n. 32) датировать коронацию Рамсеса V 29-м днем 3-го месяца *перет* выступил Р. Краус (Krauss, 1984, 40–41); см. также выше, с. 544.

[72] Помимо источников, уверенно датируемых 4-м годом, было предложено отнести к этому царствованию и некоторые административные документы, даты в которых поставлены без имени царя, — от 7-го года (KRI VIII, 80–81) и даже 9-го (Černý, 1973a, 235). Против такого увеличения срока царствования Рамсеса V: Hornung, 1979, 248 и n. 6; Černý, 1975, 611, об остраконе Каир CG 25598 (KRI VI, 365–366), судя по данным которого, промежуток времени между 3-м годом Рамсеса V и 1-м годом Рамсеса VI был очень коротким.

[73] Рамсес VI взошел на трон в следующем сезоне — *перет* (между 28-м днем первого месяца и первым днем 2-го месяца *перет*; см.: von Beckerath, 1984b, 7). Царствование Рамсеса V продолжалось еще два или два с небольшим месяца после того, как он отметил годовщину своей коронации; Р. Краус (Krauss, 1984, 42) приписывает Рамсесу V еще и 5-й год правления, не приводя никаких пояснений.

[74] Reeves, 1990b, 117–119. Рамсес VI занимался также строительством огромного храма в Асасифе, которое было начато при Рамсесе IV (PM II, 424–425) и продолжено при Рамсесе V.

[75] G. E. Smith, 1912, 91–94, полагает, что Рамсес V был моложе своего предшественника, а Рамсес VI — старше Рамсеса V, но младше Рамсеса IV.

[76] Предполагали, что это была оспа, так как на коже его мумии имеются характерные следы, но эту версию оспаривает доктор М. Бюкай (Bucaille, 1987, 55 и fig. 16).

В Египте царские памятники ограничиваются небольшим числом стел, кроме того, он часто добавлял свои картуши на памятники своих предшественников. За пределами Фив обнаружено лишь несколько обломков, стела в Гелиополе (KRI VI, 221 (2); Saleh, 1981, 45) и наскальная стела в западной Силсиле (KRI VI, 224 (6)). В Карнаке, если не считать плохо сохранившейся стелы, найден фриз колонны с картушами (KRI VI, 222 (3); 223 (4)). В Рамессеуме под имена Рамсеса V были переделаны картуши Рамсеса II (PM II, 439). В храме Сети I в Гурне, на стеле некоего Хекамаатранахта, Рамсес V изображен совершающим жертвоприношение (Stadelmann, 1976).

Рамсес VI достроил для себя гробницу, предназначавшуюся для Рамсеса V, но мы не знаем, велел ли он соорудить для своего злополучного племянника другую взамен (Amer, 1985, 67). Так как мумии того и другого были обнаружены в гробнице Аменхотепа II, появилось предположение, что Рамсес VI похоронил Рамсеса V в общей для них обоих гробнице (Reeves, 1990b, 249). Но в гробнице Рамсеса VI нет ни малейшего упоминания о его племяннике, а кроме того, Рамсес V явно имел собственную. О ней вполне определенно сообщает надпись на остраконе, обнаруженном в Долине царей: на следующий день после погребения царя плотники поставили в гробнице двери. Но эта гробница до сих пор не обнаружена или не идентифицирована (Amer, 1985, 67; Valbelle, 1985, 202).

Несколько важных документов придают царствованию Рамсеса V немного колорита: большой Папирус Вильбура (фискальный документ); Завещание Наунахте (частный документ); Юридический папирус, касающийся «Элефантинского дела» — коррупционных разоблачений в среде администрации. Папирус Вильбура, — огромный документ, содержащий перечень засеянных зерновыми культурами земель от Миньи до Файюма[77]. Он датирован 4-м годом, анализ текста позволяет отнести его ко времени правления Рамсеса V. Этот папирус содержит очень подробную информацию о состоянии сельского хозяйства, хотя и в очень небольшой части страны, в том числе ценнейшие сведения о различных слоях населения, занятых возделыванием земли, и о принципах сбора налогов[78].

Папирус Наунахте представляет собой завещание женщины: в нем она распределяет свое имущество между детьми в соответствии с их заслугами, — бесценное свидетельство юридической независимости египетских женщин (Černy, 1945a; Théodoridès, 1966; LÄ II, 288–289).

Папирус, посвященный скандалу на Элефантине, показывает, какого размаха достигли в те времена коррупция и недобросовестность чиновников. Причиной стало поведение жреца храма Хнума на Элефантине — он стал заниматься незаконными поборами с местных жителей еще при Рамсесе III и безнаказанно продолжал лихоимствовать вплоть до 4-го года правления Рамсеса V. Нам до сих пор неизвестно, проводилось ли по делу судебное разбирательство и был ли наказан виновный (см. выше, с. 534).

За время этого короткого царствования успели проявить себя лишь немногие. Мы встречаем тех же деятелей, что и при Рамсесе IV; в царствование Рамсеса V они ничем особым не отметились. Дядя царя, Мериатум, был в то время главным жрецом в Гелиополе (Dodson, 1990, 89, n. 14).

---

[77] О регионе, описанию которого посвящен папирус, см.: Gomaà et al., 1991.

[78] Публикация с переводом и комментариями: Gardiner, 1949. Экономическим и социальным аспектам этого документа посвящено немало исследований: Виноградов, 1969; Menu, 1970; Стучевский, 1982; J.-J. Janssen, 1986; Katary, 1989.

РАМСЕС VI. Ок. 1143–1136 годов до н. э.

Рамсес V скончался, не оставив наследника, и права на престол перешли к следующему из еще живущих сыновей Рамсеса III. Как и его племянник и предшественник, новый царь[79] носил личное имя Аменхорхепешеф, а царские имена взял себе следующие: Небмаатра-Мериамон Рамсес (VI) Аменхорхепешеф, бог и князь Гелиополя[80]. Его царствование, которое началось между 27-м днем первого месяца и 12-м днем 2-го месяца *перет* (von Beckerath, 1984b), не было продолжительным: последняя надежная дата — 7-й год, 8-й день 3-го месяца *ахет,* но, так как его наследник взошел на престол в 4-м месяце *перет*, Рамсес VI должен был править семь полных лет и еще какое-то время (J.-J. Janssen, 1978; Ventura, 1983). Итак, фараон царствовал приблизительно 7 лет и 2 месяца. Визирь Неферренепет лично зачитал мастерам в Дейр эль-Медина письмо, извещавшее о смене власти, так как местом кончины Рамсеса V и воцарения Рамсеса VI были не Фивы[81].

Правление Рамсеса VI не слишком отличалось от предыдущих: кое-какие достижения были достигнуты лишь в сфере искусства. Внутреннее состояние общества ухудшалось, возрастала нестабильность.

Рамсес VI был одержим желанием подтвердить свои права на трон. Так, он высек свое имя и титулы перед изображениями второго и третьего царевичей в сцене с процессией в Мединет Абу, поставив перед первым принцем имя своего брата Рамсеса IV — первого сына Рамсеса III, ставшего царем. Он добавил также титулы и имена к следующим шести фигурам в процессии — очевидно, имена царевичей — сыновей Рамсеса III[82].

Как и Рамсес IV, он ставил свое имя на многие памятники, нередко заменяя даже имена двух своих предшественников. В этих действиях некоторые ученые видели — ошибочно — признак систематических преследований их памяти и неприязни к ним. Между тем замена одного имени другим не обязательно связана с мотивами личного свойства[83]. Это последний фараон, чье имя встречается на Синае (KRI VI, 279). В Мегиддо был найден постамент бронзовой статуи, но большого значения он не имеет, так как содержащиеся на нем тексты весьма традиционны и характерны для долины Нила, а бронза — как и другой металл в древности — могла быть завезена откуда угодно (KRI VI, 278)[84].

---

[79] Обзор царствования: Amer, 1985; Kitchen, LÄ V, 124.

[80] Фатхи Хассанейн (Hassanein, 1991, 65) полагает, что первый Рамсес в процессии царевичей Мединет Абу — это Пентаур, казненный за участие в заговоре против Рамсеса III. Он мог быть отцом Рамсеса VI, который хотел возродить о нем память в Мединет Абу; главный аргумент в пользу этой гипотезы — синий *урей* царевича, идущего первым. Это малообоснованное предположение оспорено К. А. Китченом.

[81] Дата письма не сохранилась; KRI VI, 364, 4; перевод: Černý, 1973b, 16.

[82] Об интерпретации этого списка см. выше, с. 539, примеч. 48; KRI VI, 322–324. Если сравнить имена царевичей, перечисленные по порядку К. А. Китченом (KRI V, 367–375), с именами в списке из Мединет Абу, мы увидим, что он пропустил в этом списке одно имя, а именно — Сетхорхепешефа-«старшего» (QV № 43), который был некогда «старшим сыном царя», то есть официальным наследником трона (Kitchen, 1982, 121; см. объяснение выше, с. 552–553).

[83] Г. Бьёркман (Björkman, 1971) убедительно показал, что практика замены царских имен еще при XVIII династии не преследовала никакого злого умысла. Против предположения о преследовании памяти Рамсеса IV и Рамсеса V Рамсесом VI см.: Kitchen, 1982, 122.

[84] Историческая интерпретация этой единичной находки: Weinstein, 1981b, 23; Bietak, 1991, 41, 46, 50.

В самом Египте за пределами Фив, если пока не касаться стел и статуй, имя Рамсеса VI встречается на некоторых зданиях. Еще меньше памятников, созданных в это царствование: несколько архитектурных обломков найдены в Мемфисе и Гелиополе (Christophe, 1956, 24–27); в Файюме имя царя добавлено на колонны времен Среднего царства; граффито какого-то верноподданного обнаружено в храме Сети I в Вади Мия; на пилоне храма в Арманте имена царя высечены поверх имен Рамсеса IV (KRI VI, 328–329); в Эль-Кабе обнаружен блок с его именем (Grandet, 1990, 99).

Впрочем, нелегко разделить то, что создавалось по инициативе царя, с одной стороны, и по инициативе чиновников — с другой. Памятники этого периода остались также от представителей администрации, таких как визирь Неферренепет в Мемфисе, верховный жрец Птаха Птахмос и первый жрец-пророк Амона (Schulman, 1988b, 67–69). Нубия все еще контролировалась египтянами. Вице-король Сиесе известен благодаря стеле в западной Амаре[85]; имя Рамсеса VI нанесено на ворота местного храма[86]. Два граффити с именем царя найдены в Вади эс-Себуа (KRI VII, 359 (59)). В Каср Ибриме на фрагменте плиты присуствует царское имя, которое принадлежит или Рамсесу IV, или Рамсесу VI; данный фрагмент — последний памятник времен Нового царства в этих местах (Plumley, 1979, 129). На другом берегу Нила, в Анибе, находится гробница самого знаменитого представителя царя в Нубии — Пеннута. Помимо научно-исторического значения она обладает и художественной ценностью, и поэтому была спасена от затопления при постройке плотины[87]. Тексты в этой гробнице касаются в основном фонда, основанного Пеннутом как представителем Ууата, для обеспечения культа статуи Рамсеса VI в храме Хора в Миаме (Анибе) — статуи, подаренной лично Пеннутом[88]. Царь отблагодарил Пеннута, но не лично, а через вице-короля, чье имя по непонятной причине не указано[89].

Основное внимание царь уделял Фивам, но, по всей видимости, ничего там не построил. Он не стал продолжать работы в карнакском храме Хонсу, которые велись при его отце и брате. Ему мы обязаны последней триумфальной сценой эпохи Нового царства на втором пилоне в Карнаке (PM II, 38 (141)) и одной сценой в Мединет Абу (PM II, 432 (3–4)). Кроме этого, он едва ли не повсеместно старался заменить имя Рамсеса IV своим (Amer, 1985, 69). Фрагменты надписей, оставшиеся в задуманном Рамсесом IV большом храме возле Асасифа, не позволяют сказать, смог ли Рамсес VI завершить строительство и намеревался ли он вообще это сделать[90].

---

[85] Černý, 1959, 74–75. — Неизвестно, оставался ли Сиесе в этой должности и после царствования Рамсеса VI. Следующим известным нам вице-королем был Нахерха, сын которого также стал вице-королем, но уже при Рамсесе IX (Habachi, LÄ III, 635, 31–34).

[86] PM VII, 159 (4–5). — Вице-короля по имени Рамсес-*ntw* (?), чье изображение и имя видел в тех же местах Г. У. Файрман, не учли в своих работах ни Л. Хабаши, ни Г. А. Белова (Белова, 1978, 174).

[87] PM VII, 76–77; KRI VI, 350–357; Breasted, AR IV, § 474–483. — Гробница была восстановлена на новом месте в Амаде.

[88] О дарениях статуй см.: Aldred, 1969b, 81; Drenkhahn, 1975, 44; Morkot, 1990, 333.

[89] Культ статуй царя также засвидетельствован в Фивах: KRI VI, 335–337; P. Turin 1879, v º I.

[90] Заупокойный храм царя все же упомянут в тексте времен Рамсеса IX (PM II, 174 (516); KRI VI, 537, 2–3; Helck, 1984d, 54).

Единственный законченный при нем памятник — грандиозная гробница, большей частью сооруженная именно в это царствование, так как — по крайней мере в части художественного оформления — Рамсес V успел сделать немного[91]. Во многих деталях проект Рамсеса VI откатывал наазд нововведения Рамсеса IV: на 2-м году правления он уменьшил число задействованных на строительстве гробницы рабочих с 120 до 60[92]. Почему это было сделано, неясно, но явно не в целях экономии, так как сама гробница имеет огромные размеры[93]. Он восстановил тот план, от которого отказались при Рамсесе VI, и добавил несколько религиозных текстов (Hornung, 1984, 420). Он также вернул в потолочную роспись (в двух местах) астрономическую тематику, которая встречается также в гробницах Рамсеса VII и Рамсеса IX (Neugebauer, Parker, 1964, 1–3). Рамсес VI продолжил рытье большого колодца в Дейр эль-Медина в тщетной надежде найти воду — возможно, для того, чтобы обеспечить поселку ремесленников бóльшую независимость от внешних поставок (Ventura, 1987, 156–157).

Дата погребения Рамсеса V — первый день 2-го месяца *ахет* 2-го года — можно рассматривать как свидетельство серьезных беспорядков, охвативших в то время страну (Каир O. CG 25254; KRI VI, 343; Černý, 1975, 612). Царя похоронили примерно через 16 месяцев после его кончины, а значит — через 14 месяцев после обычного срока погребения (спустя 70 дней с момента смерти). К тому моменту работы в гробнице, предусмотренной для Рамсеса V, только начались и продвигались очень медленно. Вполне возможно, что такая нерасторопность была вызвана хорошо знакомыми нам причинами: помимо волнений, случившихся на 1-м году правления Рамсеса VI, долине Нила угрожали народы Запада, и это[94] могло задержать погребение фараона. Одна из статуй представляет царя, держащего за волосы «ливийца»[95]. Связать эту статую с каким-то определенным эпизодом войн с народами Запада невозможно (надписи на изваянии не сообщают никаких данных о пленнике), но она напоминает о том, что эти народы были постоянным источником беспокойства и царь был вынужден отражать их нападения[96]. Эти набеги были опустошительны — самые почитаемые памятники становились объектами вандализма (Helck, 1984d, 55–56). Кроме того, факт смерти Рамсеса V от инфекционной болезни позволяет предположить, что в стране свирепствовала эпидемия. В этом случае становится ясно, зачем в начале царствования Рамсеса VI стали срочно вырубать шесть гробниц в Долине

---

[91] KV 9; Ventura, 1988, 152–156; Abitz, 1989; Reeves, 1990b, 117–119. — О необычности этой гробницы см. также: Barguet, 1978.

[92] Судя по остракону Берлин 12654. К датировке см.: Eyre, 1987, 29.

[93] О смысле такой экономии см.: Amer, 1985; Kitchen, LÄ V, 124. — Царский саркофаг, оставшийся незаконченным, почти в два раза больше саркофага Рамсеса III; см.: Aldred, 1979, 96–98.

[94] Скорее по этой причине, чем из-за гражданской войны: P. Turin 2044; KRI VI, 342, 11–343, 1; частичный перевод: Černý, 1975, 613; Amer, 1985, 67 и n. 8; Kitchen, 1985b, 178; 1990, 22. — Местность, на которую напали «враги», перебив ее жителей, называется Пер-Небит. Не она ли отмечена на жертвеннике Шешонка I? Тогда она располагалась недалеко от Гелиополя Великого (Ихнасийя эль-Медина) (DNG II, 92) — именно в той области, где обосновались народы Запада.

[95] Каир CG 42152; PM II, 142; KRI VI, 286 (Leclant et al., 1979, fig. 182–183). Аналогичная статуя (Каир JE 67842, PM II, 179; KRI VI, 287c) была узурпирована Рамсесом VI.

[96] См. триумфальную сцену (выше, с. 549), на которой, к сожалению, невозможно идентифицировать побежденных.

цариц вместо того, чтобы завершать сооружение царских гробниц. После погребения «зараженного»(?) царя вход в Долину царей был запрещен на протяжении шести месяцев. Вероятно, из-за этого работы при Рамсесе VI возобновились здесь поздно, лишь в сезоне *шему* 3-го года его правления[97].

Вписав имена братьев в сцене процессии царевичей в Мединет Абу, Рамсеса VI продемонстрировал, насколько для него важны семейные связи. Это подтверждается и тем фактом, что Рамсес подарил своей матери Исиде, скончавшейся во время его царствования, гробницу в Долине цариц (QV № 51) (PM I, 756; KRI VI, 345–347). Супругу царя звали Небухесбед; мы знаем о ней только благодаря упоминанию в надписи ее дочери Исиды (KRI VI, 282, 11). Рамсес VI даровал этой принцессе титул «супруга бога» (KRI VI, 321–322; Amer, 1985, 68), который она включила в свой картуш (KRI VI, 282, 321–322, 347–348), став последней носительницей этого титула в эпоху Нового царства (Gitton, Leclant, LÄ II, 804, 19). Нам известно также о двух сыновьях царя: Итамоне, который унаследовал трон, и Панебенкемете (KRI VI, 287, 7; Kitchen, 1982, 124).

Рамсес VI был последним царем, оставившим после себя значительное количество статуй[98]. Среди них наиболее примечательны изваяние царя с покоренным врагом, а также бюст из красного гранита[99]. Резкие черты лица Рамсеса VI контрастируют с мягкими, тонкими контурами лиц его предшественников, Рамсеса III и Рамсеса IV, а торс свидетельствует о его недюжинной физической силе. Рамсес VI также узурпировал несколько памятников своих предшественников — например, Рамсеса V с кумиром Амона в руках (Каир CG 42153; KRI VI, 286; Leclant et al., 1979, fig. 181). Картуши царя обнаружены на колоссе Рамсеса II, который сегодня стоит перед вторым пилоном в Карнаке (Christophe, 1955b, 46–48).

На фоне кратких царствований фараонов примечательна стабильность положения высших должностных лиц. Визирь Рамсеса IV Неферренепет занимал эту должность до начала царствования Рамсеса VI, пока его не сменили Неби и Рамсеснахт (KRI VI, 349–350). Карьера другого Рамсеснахта, верховного жреца Амона, также началась при Рамсесе IV, но продолжилась и после царствования Рамсеса VI; на 7-м году правления этого царя Рамсеснахт поставил стелу, содержащую текст оракула (Vernus, 1975, 104, n. c; KRI VI, 283, 2; Helck, 1984d).

Быть может, именно невзгоды того времени неожиданно заставили просвещенных людей искать себе досуг. Потрясающее впечатление производит гимн богине Мут, который некий Пасер с завидным терпением перенес на плиту, расчерченную, словно кроссворд, на квадраты. Текст гимна вписан в них таким образом, чтобы по вертикали и по горизонтали читались два разных текста (Stewart, 1971; KRI VI, 288–321).

---

[97] Ventura, 1988, 152–153. Реконструкция хронологии и событий в целом содержится в работе Ventura, 1988, 152–156, по данным P. Turin, 1923, 2073, 2082, 2083. Текст P. Turin 2044 (KRI VI, 340–343) касается, вероятнее всего, погребения Рамсеса V. Д. Вальбель (Valbelle, 1985, 36) датировала документ царствованием Рамсеса V, но довод в пользу этой датировки — продолжительная карьера Ментумоса — выглядит слабым, так как эта карьера длилась не 61 год, а около 52 лет.

[98] Примерно 25 статуй, не считая ушебти; см. также: Jaeger, 1986; KRI VII, 360; Amer, 1985, 68–69.

[99] Статуя Каир CG 634, ныне — Порт-Саид 4093 (из Бубастиса); Manuel III, pl. 130, 1.

РАМСЕС VII. Ок. 1135–1128 годов до н. э.

После Рамсеса VI воцарился Итамон — скорее всего, его сын[100]. Он взял себе тронное имя Усермаатра Сетепенра-Мериамон[101].

Этот фараон царствовал семь полных лет и еще некоторое время (Eyre, 1980). На трон он взошел в 4-м месяце *перет* (J.-J. Janssen, 1966, 92; von Beckerath, 1971, 11–12). До нас дошло пять гимнов в его честь. В некоторых гимнах содержатся косвенные данные о беспорядках в обществе — будто бы существовал заговор с целью разделить страну[102]. Упомянуты также столкновения в районе Дельты (*уадж-ур*), где царь имел дело с уже привычными северными врагами — Хару, лебу (?), Хатти[103]. Никаких других известий за эти семь лет не сохранилось, но данные о резком росте цен на зерно (J.-J. Janssen, 1975a, 551–552) свидетельствуют о неурожае и панике, охватившей общество.

Единственным сколь-нибудь значительным памятником этого периода является гробница царя (№ 1 в Долине царей)[104] — очень скромная в сравнении с гробницей Рамсеса VI — даже тексты в ней переделаны и сокращены в соответствии с ее уменьшенными размерами. Мумия фараона не найдена, а о его семье мы знаем лишь то, что у него был сын, умерший еще при жизни отца (O. Louvre N 497; KRI VI 389).

Любопытная деталь: ушебти царя обнаружены не только в Фивах, но и в Каве, в Нубии (KRI VI, 388–389)[105]. В Египте, в верхней Дельте, имя Рамсеса VII встречается на фрагменте архитрава в Телль эль-Йахудийя и в примечательной гробнице быка Мневиса в Гелиополе. Из Мемфиса происходит статуя царя со штандартом, здесь же он добавил свое имя на колонны Рамсеса II (KRI VI, 380–385). В Карнаке удалось обнаружить его имя в проходе 4-го пилона, там же обнаружена его статуэтка (KRI VI, 385 (4), D). На юге имя царя отмечено в Эль-Кабе (KRI VI, 388 (8)) и на фрагменте стелы на Элефантине (Junge, 1987, 59).

По всей видимости, Рамсес VII скончался, не оставив наследника, и на трон взошел загадочный персонаж — Сетхорхепешеф Рамсес VIII.

РАМСЕС VIII. Ок. 1127 года до н. э.

Единственное надежное свидетельство об этом царе сохранилось в сцене с процессией царевичей в Мединет Абу. В этом списке нет ни Рамсеса V (Аменхорхепешефа), ни Рамсеса VII (Итамона) — возможно, потому, что они были внуками Рамсеса

---

[100] На дверном косяке в Дейр эль-Медина (KRI VI, 388, 7–8) Рамсес VII повелел высечь посвящение «своему отцу» Рамсесу VI.

[101] Kitchen, LÄ V, 124; Hornung et al., 1990, 20–21. —О порядке наследования трона упомянутыми здесь царевичами Итамоном и Сетхорхепешефом см.: Janssen, 1978; Helck, 1959, 126–128; von Beckerath, 1984e.

[102] Condon, 1978, 18, pl. 21, 6–7: где *jm/uам* — скорее Нил, чем море. См.: Condon, 1978, 19, pl. 22, 3, где воды «Нила» поднимаются.

[103] Condon, 1978, 20–21, pl. 88, 11–89, 6. — Более вероятно чтение «лебу», чем «Ливан». Хатти (хетты) здесь, скорее всего, племя, обосновавшееся рядом с Египтом, а не где-то в Сирии. См. выше, с. 501.

[104] Hornung, 1984; Reeves, 1990b, 119; Hornung, 1990, публикует все материалы по гробнице.

[105] Картуш царя обнаружен в расположенном здесь храме; см.: KRI VI, 389 (9B).

III, а в списке указаны только его сыновья (Kitchen, 1972b). Рядом с именем царевича Сетхорхепешефа, внесенном в этот список Рамсесом VI, добавлены царские картуши Усермаатра-Ахенамона Рамсеса-Мериамона Сет-(хор)-хепешефа. Поэтому родилось мнение, что трон наконец унаследовал последний оставшийся в живых сын Рамсеса III (KRI VII, 370, (6))[106], но надежных доказательств этому нет. Действительно, одного из сыновей Рамсеса III звали Сетхорхепешеф, и в Долине цариц для него была приготовлена гробница (QV № 43). Хотя она так и осталась незанятой, титул «старшего сына» царя, который этот царевич носил еще при жизни отца, должен был привести его на трон все же первым — прежде Рамсеса IV и остальных. Итак, Рамсес VIII не может быть отождествлен с этим царевичем (Kitchen, 1972b, 186). Предполагали также, что этот Сетхорхепешеф, представитель побочной линии рода фараонов, сумел ненадолго захватить власть и воспользовался совпадением своего имени с именем царевича, изображенного в Мединет Абу, чтобы высечь там свои царские имена (Hassanein, 1991). Таким образом, царевич, известный нам благодаря гробнице в Долине цариц, вполне может быть тем самым, чье имя Рамсес VI внес в список в Мединет Абу. Разнобой же в титулах в гробнице и в списке царевичей не является серьезным контраргументом, так как надписи эти сделаны в разное время. Таинственный Рамсес VIII был, вероятно, узурпатором, и именно поэтому его преемник не уделял ему никакого внимания, зато память Рамсеса VII и Рамсеса VI он окружил всяческим почитанием (Kitchen, 1984b). Примечательно, что никто не подумал стереть картуши этого узурпатора, но ведь нам неизвестны обстоятельства, при которых он взошел на трон. Ни гробницы с именем Рамсеса VIII в Долине царей, ни его мумии обнаружено не было.

Только два чиновника — писец фараона Хори и жрец, секретарь владения бога Амона Кинебу — упоминают Рамсеса VIII: один — на стеле[107], второй — в своей гробнице в фиванском некрополе (TT 113; KRI VI, 440–446). Имя этого царя сохранилось также на фаянсовой бляшке неизвестного происхождения (KRI VI, 438, 12–13), скарабеи же, приписываемые Рамсесу VIII, вероятно, не имеют к нему отношения, а имя Ахенамон относится скорее к статуе Рамсеса II[108] (KRI 438, 14–16). Таким образом, следы присутствия египтян в Азии при этом царе являются мнимыми (Bietak, 1991, 40, n. 39, 40). Само его царствование было очень коротким: засвидетельствован только один год, точнее 3 месяца и 19 дней, в течение которых в гробнице Кинебу велись отделочные работы (Amer, 1981).

РАМСЕС IX. Ок. 1126–1108 годов до н. э.

Рамсес IX носил имена Неферкара-Сетепенра Рамсес Хаэмуас-Мериамон. Ничего определенного о его происхождении сказать нельзя, но нам известны несколько его сыновей: Ментухорхепешеф, Небмаатра и, вероятно, Аменхорхепешеф, который

[106] Первые три имени его именной титулатуры нам неизвестны.

[107] Берлин 2081; KRI VI, 439–440; примечательно, что на этой стеле из Абидоса в обоих именных картушах бог Сет заменен Атумом.

[108] Имеется в виду, что статуя фараона Рамсеса II тоже носила имя-эпитет Ахенамон (KRI II, 455), именно оно и было запечатлено на мелких амулетах. — *Науч. ред.*

и унаследовал трон под именем Рамсеса X. Имена царевичей типичны для XX династии. Если вернуться к списку сыновей Рамсеса III, исключив из него тех, кто скончался раньше отца и занял свои гробницы в Долине цариц — Парахорунемефа, Хаэмуаса, Аменхорхепешефа и Сетхорхепешефа, а также тех, кто успел поцарствовать, — Рамсеса (IV), Аменхорхепешефа-младшего (Рамсеса VI), остаются три имени: Ментухорхепешеф, Мериатум и Мериамон. Если учесть, что одному из сыновей обычно давали имя деда, отцом Рамсеса IX мог быть царевич Ментухорхепешеф, сын Рамсеса III, скончавшийся до того, как пришла его очередь на трон, но оставивший наследников. Два других сына Рамсеса IX носили имена двух своих дядьев. Небмаатра — тронное имя Рамсеса VI. Итак, после смерти последнего сына Рамсеса III старший из оставшихся в живых его внуков, потомок Ментухорхепешефа, получил права на трон и короновался, насколько мы можем судить, на 21-й день первого месяца *ахет* (von Beckerath, 1984b, 7–8). Процарствовал он немало — 17 или 18 лет[109]. К сожалению, от этого продолжительного правления сохранилось мало исторических документов.

Тематика исторических исследований постепенно сужается, ограничиваясь вопросами династической генеалогии, о которых говорилось выше. Фараон больше не отправляется в далекие походы против своих «врагов»; теперь эти враги бесчинствуют внутри страны и бесстыдно грабят ее, тогда как у государственной власти нет ни средств, ни желания восстанавливать порядок, даже в Долине царей. В атмосфере безвластия и коррупции внешние враги и местные грабители объединяются и оскверняют царские захоронения.

Нам известны три вице-короля Нубии того времени, образующие своего рода династию: Нахерха, его сын Унтауат и внук Рамсеснахт[110]. Карьера четвертого вице-короля, Сетмоса, вероятно, началась в конце правления Рамсеса IX (Bohleke, 1985). Так как царствование Рамсеса IX оказалось долгим, такое число вице-королей не кажется странным, но распространенный взгляд на Нубию тех времен как на мирную страну, все еще находящуюся под влиянием египтян, является неверным. Серьезные волнения всколыхнули регион еще при Рамсесе III; при Рамсесе IX золотые рудники в Нубии приходилось охранять от бедуинов *шасу* из области *Му-кед*, то есть Верхней Нубии (Helck, 1967, 140; 1975d, 99), привлекая для этого различные племена *нехси*, причем фараон не вмешивался в эти дела[111]. Более того, благодарственное письмо от имени Амона и царя, посланное этим нубийским защитникам, написал не царь, а верховный жрец Амона Рамсеснахт, вообще не упомянув в нем вице-короля. Письмо верховного жреца, обнаруженное в архивах храма Амона, причем не в Нубии, является свидетельством или злоупотребления властью со стороны Рамсеснахта, или бессилия вице-королей. Единственное упоминание о царе в Нубии, относящееся к тому времени, — это одна строка текста, высеченного на 6-м году в нижней части стены храма Рамсеса II в западной Амаре (PM VII, 159, 9–14; KRI VI, 461; Kitchen, 1984a, 552; Hein, 1991, 57).

---

[109] Последняя точная дата — 24-й день 2-го месяца *ахет* 18-го года правления (P. BM 10054; KRI VI, 495, 14). К царствованию Рамсеса IX относят также документ, датированный 4-м месяцем 19-го года (P. Turin 2075; KRI VI, 653, 16).

[110] Habachi, LÄ III, 635, 32–34; KRI VI, 525–527; Vercoutter, 1974b, 22.

[111] Упоминание о «могучей руке фараона» означает, что сам царь не принимал участия в операции (Morschauser, 1988).

Официальных текстов с именами вице-королей в Нубии[112] обнаружено очень немного: одна надпись вице-короля Рамсеснахта в Бухене (PM VII, 135; KRI VI, 527 (2)) и еще одна — в Семне, где он изображен со своим сыном Унтауатом (KRI VI, 530). Другие свидетельства египетского присутствия в Нубии исходят от чиновников более низкого ранга: Хорнахта в восточной Серре; писца Панахора в Абу Симбеле; наместника Куша Усермаатранахта на Саи[113]; начальника казны владыки Двух земель в Нубии Бакенура, статуя которого найдена среди руин в Гебель Баркале (PM VII, 222; KRI VI, 528; Hein, 1991, 67); Ранефера, верховного жреца Хора в стране Баки (Кубане) (PM VII, 82; KRI VI, 527–528).

Об оазисах никаких сведений нет. Очевидно, они находились в руках мешуэш и лебу, чем, возможно, объясняется приход в долину жителей оазисов Дахла и Харга — согласно папирусу от 8-го года[114], они были наняты в качестве «рабочих гробницы» в Дейр эль-Медина. В этом же папирусе приведено письмо визиря, в котором он информирует персонал о набеге мешуэш (KRI VI, 609, 5–6). Примерно в это же время архивы Дейр эль-Медина были перенесены в Мединет Абу, где нашли убежище и сами жители (Eyre, 1987, 25). Набеги мешуэш, а также других «иноземцев» (*ḥ3stjw/хастиу*) продолжились и на 10-м году правления Рамсеса IX (KRI VI, 638, 4; 637, 8–9, etc.). На 13-м году рабочие Долины царей сообщали о набегах лебу, союзников мешуэш (KRI VI, 564, 14–16). Эта неспокойная обстановка сохранялась в течение многих лет — по меньшей мере до 15-го года правления Рамсеса IX (Černý, 1975, 618).

На 16-м и 17-м годах правления Рамсеса IX правитель города и визирь Хаэмуас (Helck, LÄ I, 898–899; KRI VI, 523–524) с неимоверной энергией стал расследовать непрекращающиеся грабежи в царских гробницах, а также в Долине цариц и гробницах знати; сохранились записи допросов и протоколы судебных заседаний (Peet, 1930; P. Abbot, P. Amherst (Британский музей) 10021, 10054). Виновные были найдены, но расследование выявило, что не все подозрения (или доносы) были оправданны. Только одна древняя царская гробница — Себекемсафа II и его жены — действительно была разграблена; пострадало и совсем недавнее погребение царицы Исиды, супруги Рамсеса III. Многие рабочие, специализировавшиеся на обработке меди — очень редкого материала, были отпущены, так как обвинения против них оказались ложными. По этой истории можно судить, насколько непростая обстановка сложилась на левом берегу Фив: правитель города Пасер враждебно относился к главе полиции некрополя Пауpaa, который и возбудил расследование, не принесшее желаемого им результата. Пауpaa занимал эту должность и спустя два десятка лет, когда при Рамсесе XI были предприняты новые расследования (Peet, 1930, 132, 19). В конце концов те, чья вина была доказана, подверглись столь ужасной казни, что память о ней сохранялась долгие годы, а на 17-м году правления Рамсеса IX были даже реквизированы некоторые из украденных предметов, хранившиеся у скупщиков (Aldred, 1979, 94).

---

[112] Стела Унтауата (Британский музей 792) — несомненно абидосская (KRI VI, 525); его статуя (Каир CG 42158) найдена в тайнике в Карнаке (KRI VI, 526).

[113] PM VII, 128, 107, 164; KRI VI, 526 (28, 3) и (29, 3), 527 (30).

[114] P. Turin 2074, см.: Černý, 1945b; Giddy, 1987, 93 (и n. 323), 129. — Прочитанное в Айн Асиле (Балат; PM VII, 295) «имя Рамсеса IX» — Неферкара (Fakhry, LÄ I, 977) на самом деле является именем Пепи II или другого царя, правившего в конце Древнего царства; результаты раскопок в Айн Асиле подтверждают тот факт, что этот поселок существовал уже в глубокой древности.

Если 16-й — это год расследования, то сами кражи могли произойти значительно раньше. Граффито от 9-го года правления Рамсеса IX в гробнице Рамсеса VI сообщает о проверке, проведенной писцом и рисовальщиком некрополя. Не идет ли речь о первой попытке проникновения в эту гробницу, впоследствии бесцеремонно опустошенной (Aldred, 1979, 92; KRI VI, 658–659)? На 18-м году правления Рамсеса IX разграблению подвергся Рамессеум (Peet, 1930, 62, 7). Не исключено, что именно эти случаи впоследствии стали предметом расследований на 9-м году правления Рамсеса XI (Peet, 1930, 117).

Возможно, упомянутый выше визирь Хаэмуас был тем самым, чье присутствие засвидетельствовано в Мемфисе: там он исполнял обязанности визиря и верховного жреца Птаха[115]. Хаэмуас сменил в Фивах визиря Небмаатранахта, упомянутого в документах из Дейр эль-Медина на 14-м году правления Рамсеса IX (KRI VI, 524, P. Abbott (Британский музей) 10221, 4, 6).

По крайней мере на 2-м году правления Рамсеса XI верховным жрецом Амона был все еще Рамсеснахт; на 10-м году эту должность занимал уже его сын Аменхотеп[116], авторитет которого в то время достиг своего апогея (судя по рельефам, которые он велел высечь в Карнаке на внешней западной стене, соединяющей седьмой и восьмой пилоны[117]). Стена эта тянется от беседки Тутмоса III на севере до восьмого пилона на юге. В центре, в неглубокой нише, мы видим две монументальные фигуры верховного жреца: в парике, шкуре гепарда и с длинным посохом. Эти фигуры стоят лицом к лицу по обеим сторонам от колонны с надписями. Слева и справа от ниши изображен царь в синей короне; он стоит на пьедестале и как будто только что вышел из этой ниши, встречая идущего навстречу верховного жреца, который на этот раз уже без парика и гепардовой шкуры. Аменхотеп радостно воздевает руки, двое слуг суетятся вокруг него, а перед ним стоят дары. Сцены сопровождаются длинными надписями. Возле головы Аменхотепа (KRI VI, 456, 14–15; 457, 11–12) высечены его титулы и имя: «Аменхотеп, оправданный, занимающий место своего отца, первого жреца-пророка Амона-Ра, царя богов, Рамсеснахта, оправданного». Как считает Л. Белл (Bell L., 1980, 17), это напоминает декларацию восхождения Аменхотепа на трон. Ведь многочисленные милости, оказанные ему, связаны со «множеством прекрасных памятников, которые он воздвиг во владении Амона-Ра» (KRI VI, 532–543). Помимо даров «золотом и серебром» к Аменхотепу в пользу храма Амона поступают налоги, которые прежде собирал фараон: это налог с урожая и с персонала владений Амона[118]. Смысл этих изменений не вполне ясен. Может быть, речь идет об имуществе Амона в целом, описанном в Большом папирусе Харриса? В то же время следует учитывать, что царь проживал далеко — в Пи-Рамсесе, а в Фивах (быть может, и по всей стране, но источники каса-

[115] PM III, 859, стела; Wildung, LÄ II, 1261, n. 61. — Эта стела (Филадельфия E 13578) отсутствует в KRI: вероятно, К. А. Китчен не согласен с ее датировкой. При Рамсесе XI тоже был визирь по имени Хаэмуас.

[116] Другой сын Рамсеснахта, Несамон, возможно, был верховным жрецом Амона не между Рамсеснахтом и Аменхотепом, а в конце царствования Рамсеса XI. См.: L. Bell, 1980, 16–26.

[117] PM II, 172 (505), (506). — Фотографии хорошего качества: Schwaller de Lubicz, 1982, II, pl. 376–377; тексты: KRI VI, 455–458; 539; Lefebvre, 1929b. См. также: Breasted, AR IV, § 492–498.

[118] Полный перевод этого отрывка: Lalouette, 1985, 356–357.

ются только Фив) разрасталась коррупция: возможно, поэтому фараон сделал Аменхотепа своим доверенным лицом, рассматривая Фивы как надежное место для хранения сокровищ. Во всем этом обычно видят признаки укрепления могущества жречества Амона, подтачивавшего царскую власть. Более того, тот факт, что изображение верховного жреца по размеру не уступает изображению царя, посчитали свидетельством высокомерия Аменхотепа, но эта интерпретация была оспорена (Wente, 1966, 87, n. 60; Стучевский, 1981). Царь все же несколько выше жреца, ибо стоит на пьедестале, из чего был сделан вывод, что изображен не сам царь, а его статуя[119]. Так или иначе, для Аменхотепа впоследствии настали трудные времена: он будет смещен. Нам неизвестна дата конца его карьеры — возможно, трагического; свидетельств о том, что он занимал эту должность после 17-го года правления Рамсеса IX, нет (P. BM 10069, 4, 3; 10053, 1, 5), но в документах времен Рамсеса XI встречаются смутные намеки на то, что он был отстранен от должности.

Несмотря на продолжительность царствования Рамсеса IX, следов его деятельности осталось мало. Несомненно, обстановка была неспокойной — фактически царила анархия. Основные свидетельства об этом периоде истории сохранились в Фивах. Здесь царь отгородил стеной двор между третьим и четвертым пилонами (на юге). В этом дворе был обнаружен фрагмент стелы. В южной части перекрывающей стены проделана дверь, ведущая во двор тайника; по обе стороны от нее стоят два сфинкса (PM II, 75–76; KRI VI, 451–455; Amer, 1982, 12–14; о стеле: Helck, 1963a, 42–44).

В левобережных Фивах расположен самый значительный памятник времен Рамсеса IX — его гробница. Царя похоронили в ней, но после серии ограблений в некрополе мумию извлекли, и она закончила свои странствования в тайнике в Дейр эль-Медина (Reeves, 1990b, 119–120; 250; KRI VI, 459–461). Несколько фрагментов рельефов, в том числе с упоминанием об уровне разлива Нила на 7-м году правления Рамсеса IX, обнаружено в Мединет Абу (KRI VI, 459 (10)). Однако никаких следов заупокойного храма царя не найдено.

Сын царя, Рамсес Ментухорхепешеф, носил все титулы, полагающиеся наследнику, но скончался еще при жизни отца; тем не менее он получил право на гробницу в Долине царей (№ 19) (Reeves, 1990b, 134–135). В ней был вырублен только один коридор, огромный и величественный, в глубине которого остался заброшенный забой — в том же состоянии, что и в момент приостановки работ[120]. Прекрасные, изящные изображения царевича и богов на стенах этой едва начатой гробницы свидетельствуют о сохранении художественных традиций, несмотря на все невзгоды того времени. На таком же высоком уровне выполнена и отделка гробницы его отца, точнее, той ее части, которую успели закончить до кончины фараона, — фактически одного коридора. Остальные элементы художественного оформления, вплоть

[119] Federn, 1959, несмотря на утверждения Э. Уэнте (Wente, 1966, 86). Очевидно, правящий царь должен был быть изображен в другой обстановке — например, под балдахином. Действительно, царь отдает распоряжения трем стольникам, и именно они, а не царь, обращаются к Аменхотепу. Но отсутствие царя не мешает изображать его так, словно он там был. Разве не изображали в Египте римских императоров, которые никогда там не были?

[120] Э. Томас (Thomas E., 1966, 131) полагает, что речь может идти о гробнице Рамсеса VIII, при котором работы остановились на начальной стадии.

до последнего зала, значительно ниже по качеству: работу явно спешили закончить за те 70 дней, которые отделяют кончину фараона от захоронения его мумии. Эта спешка, отрицательно сказавшаяся на художественном уровне рельефов, не отразилась, тем не менее, на рельефных сценах религиозного содержания: в целом их содержание было таким же, как и в гробнице Рамсеса VI, но было много и новых элементов (Abitz, 1992, особенно с. 165–169 и 184). Сохранить высокий художественный уровень было уже невозможно, но в то же время оставалось желание сохранить обязательные сцены на религиозную тематику. Этот конфликт мотиваций объясняется сложившейся ситуацией. На 18-м году правления Рамсеса IX угроза со стороны народов Запада, голод, мятежи, ограбления гробниц и расследования по этим преступлениям должны были замедлять, а порой и прерывать работы[121]. Поэтому к моменту кончины царя сооружение его гробницы продвинулось мало. Ситуация оставалась нестабильной вплоть до конца XX династии. Так или иначе, это последняя гробница, оформление которой доведено до конца, в соответствии с замыслом. В гробницах Рамсеса X (KV № 18) и Рамсеса XI (KV № 4) отделка была едва начата, а работы в гробнице Рамсеса X продвинулись еще меньше, чем в гробнице царевича Ментухорхепешефа (PM I, 545, 501; Abitz, 1992, 184, n. 5).

Высокой оценки заслуживает труд не только художников, но и скульпторов того времени. Именно к этому царствованию относятся изваяние распростертого царя со скарабеем в руках (Эдинбург) и статуя верховного жреца Рамсесснахта, известная под названием «жрец с обезьяной» (Каир CG 42162; Leclant et al., 1979, fig. 185, 186)[122].

Отправившись от Фив дальше на юг и достигнув Элефантины, мы увидим имя царя на блоке со сценой привода пленников (Junge, 1987, 59–60). К северу от Фив картуши царя встречаются в Антиноополе, в храме Рамсеса II; в царствование Рамсеса IX также прошли торжественные похороны быка Аписа (PM III, 785). В Мемфисе найден фрагмент стелы от 13-го года его правления (KRI VI, 450–451; Amer, 1982, 11–12); в Гелиополе обнаружены различные предметы (Amer, 1982, 15, n. 8), а также часовня сына Рамсеса IX, Небмаатра, верховного жреца Ра в Гелиополе (Saleh, 1981, 65–74; KRI VI, 465–467; Moursi, 1972, 73–79)[123].

В заброшенной гробнице фараона Аменмесеса в Долине царей (KV № 10) присутствует имя царицы Бакетурел, дочери некой госпожи Тахат. Поскольку никаких упоминаний о супруге в гробнице этого фараона нет и непохоже, чтобы царские надписи и тексты, посвященные этой царице, были сделаны одной рукой, возникло предположение, что царица конца XX династии Бакетурел приходилась бабушкой другой, более известной нам Бакетурел, супруги Рамсеса XI, и узурпировала эту гробницу Учитывая, что она носила титулы матери и супруги царя, царица Бакетурел из гробницы Аменмесеса могла быть женой Рамсеса IX и матерью Рамсеса X (Dodson, 1985; Dodson, 1987a, 224–226).

---

[121] Подробный обзор этих простоев в работе представлен в книге: Valbelle, 1985, 208–215.

[122] Надпись Несамона, сына Рамсесснахта, посвященная статуе отца (KRI VI, 531), была добавлена позднее (Bell L., 1980, 17).

[123] Обнаруженный в Гезере фрагмент инкрустации с картушем первого имени царя не позволяет сделать исторических выводов (KRI VI, 449 (1)).

РАМСЕС X. Ок. 1108–1106 годов до н. э.

О Рамсесе X нам известно так же мало, как и о Рамсесе VIII. Звали его Аменхорхепешеф (это был третий царь, носивший это семейное имя), и он приходился, вероятно, сыном Рамсесу IX, но ни в одном источнике об этом не говорится определенно (Kitchen, 1984b, 129; Dodson, 1987a). Его тронное имя звучало как Хепермаатра-Сетепенра, но ни имя Небти, ни имя Хора Золота этого царя нам неизвестны. Воцарение Рамсеса X состоялось в 27-й день первого месяца *перет* (Beckerath von, 1984b, 8–9); засвидетельствован третий год его правления (KRI VI, 687, 6), который, по всей видимости, стал последним[124]. Возможно, трон унаследовал сын Рамсеса X от царицы Тити, обладавшей высокими титулами — «дочь царя, сестра царя и мать царя»; ее гробница обнаружена в Долине цариц (№ 52)[125].

Гробница самого Рамсеса X в Долине царей (KV № 18) не найдена. Более того, не обнаружено ни предметов погребальной утвари, ни мумии царя[126]. Имя его встречается в Карнаке — в надписи в нижней части четвертого пилона (Kitchen, 1984a, 552) и на сфинксе Рамсеса IX, у входа в южный двор, между третьим и четвертым пилонами. Таким образом, все свидетельства о Рамсесе X сконцентрированы в одном месте. За пределами Карнака имя Рамсеса X присутствует на колонне храма в Анибе (Нубия) (KRI VI, 678–679). В документах есть сведения и о нескольких вельмож, чья длинная карьера не прерывалась в течение этого короткого царствования; должность визиря по-прежнему занимал Хаэмуас (KRI VI, 681, 1; 693, 2).

РАМСЕС XI. Ок. 1105–1078 годов до н. э.

Эпоха Нового царства заканчивается неспокойным, но неожиданно долгим царствованием последнего из Рамессидов: для Рамсеса XI отмечено 27 лет правления. Согласно предложенной К. А. Китченом генеалогии, этот царь был сыном Рамсеса X и последним потомком Рамсеса III; он носил имя своего деда — Хаэмуас.

Его картуши содержат имена Менмаатра-Сетепенптах Рамсес Хаэмуас-Мерерамон, и выбор их не был случайным: Менмаатра — тронное имя Сети I, а имя Хаэмуас связывает Рамсеса XI со многими представителями рода Рамессидов. Его супругой, а возможно и сестрой, была Бакетурел (Dodson, 1987a, 225, 228).

Предполагаемая дата восшествия Рамсеса XI на престол — 20-й день 3-го месяца *шему*[127]. Его царствование четко разделяется на два периода. На протяжении первого,

---

[124] Вопреки мнению Р. Паркера (Parker, 1957b), который считает, что этот фараон царствовал девять лет. См.: Helck, 1984b, где полностью опровергается мнение М. Бирбрайера (Bierbrier, 1975b), а также: Krauss, 1984, 42–43.

[125] Kitchen, 1984b, 131–132; Dodson, 1987a, 227–229. Дж. М. Грист (Grist, 1985) считал эту царицу второй женой Рамсеса III и матерью Рамсеса VI — по мнению К. А. Китчена, ошибочно (Kitchen, 1986, 569, § 495).

[126] Reeves, 1990b, 120; Valbelle, 1985, 124 и n. 3. — Тексты в первом коридоре: KRI VI, 679 (3).

[127] Cannuyer, 1990, 98–105. — Против возражений В. Хелька (Helck, 1990, 211–212), который считал датой воцарения 18–24-й день 4-го месяца *шему*, см.: Cannuyer, 1993.

длительностью в 18 лет, в Верхнем Египте царила анархия и, возможно, полыхала гражданская война; власть в этой области находилась в руках вице-короля Куша Па-*нехси*, сам же фараон пребывал в Пи-Рамсесе. Второй период начался на 19-м году его правления, когда по инициативе царя Верхний Египет перешел под управление Херихора[128]. Он настолько отличался от первого, что было принято новое летоисчисление, получившее название *wḥm mswt/ухем месут* — «Обновление рождений», или просто «Возрождение». Первый год новой эры пришелся на 19-й год царствования Рамсеса XI (P. Abbott = Британский музей 10221; KRI VI, 764, 3), но ее начальная дата не совпадает с годовщиной восшествия царя на престол. Зничит, речь идет не об очередной монархической демагогии — случились события, резко изменившие положение вещей (Cannuyer, 1993, 20).

Нам неизвестно ничего определенного о царствовании Рамсеса XI до 9-го года, когда было предпринято расследование случаев ограблений, совершенных в Рамессеуме и, посреди бела дня, в храме в Мединет Абу (Peet, 1930, 116–119; P. BM 10053). Воровство в настолько важных местах культа стало возможным, вероятно, в условиях серьезных волнений, из-за которых охрана храмов была ослаблена. Считается, что шла уже гражданская война, на что ссылается в своих показаниях одна из обвиняемых в ходе следствия по делу об ограблениях. Эта «война верховного жреца» (Peet, 1930, 155; P. BM 10052, 13, 24), несомненно, имела отношение к «устранению» верховного жреца Аменхотепа — речь идет скорее о его «смещении», чем об убийстве, если только употребленный здесь термин не означает «его бунт». Единственным хронологическим ориентиром для этих событий служит заявление, сделанное в первый год эры «Возрождения», то есть на 19-м году правления Рамсеса XI (P. Mayer A, 6, 4–11; KRI VI, 815, 5–11; Wente, 1966, 73); допрашиваемое лицо связывает происшествия, ставшие предметом расследования, с этим «устранением» верховного жреца, и выясняется, что последний из расследуемых фактов имел место спустя девять месяцев после этого примечательного события, но точных дат в протоколе допроса нет. Затем, как рассказывает обвиняемый, порядок был восстановлен, но верховного жреца Аменхотепа он уже не упоминает. Как долго продолжалась смута, установить невозможно, но не исключено, что значительно дольше девяти месяцев, указанных обвиняемым. Предположение о том, что «устранение верховного жреца» и беспорядки, которые могли быть причиной, итогом или частью этого события, имели место на 8-м году правления Рамсеса XI, возникло вследствие того, что на 9-м году верховный жрец Амона, чье имя не указано, вел расследование серии ограблений, совершенных в Мединет Абу и в Рамессеуме не раньше прошлого года. На 8-м году правления Рамсеса XI бригада ремесленников, занятых в Долине царей, насчитывала не более 15 человек: явный признак того, что ситуация была неспокойной. Но давно ли начались эти беспорядки? В конце царствования Рамсеса IX Рамессеум уже подвергался ограблению (P. Turin 2018; Černý, 1973a, 108; Valbelle, 1985, 105). Итак, мы точно знаем лишь одно: Аменхотепа сместили между 17-м годом правления Рамсеса IX и 19-м годом правления Рамсеса XI. Какой-то верховный жрец упомянут в папирусе времен Рамсеса X, но имя его утрачено. Так как оно начинается на «А», речь могла идти и об Аменхотепе (KRI VI, 686, 4; Černý,

[128] Приведенная здесь реконструкция событий основывается на замечательном исследовании Т. Пита (Peet, 1930, уточнения: Wente, 1966; Černý, 1975, 628–634); см. также: Aldred, 1979.

1975, 629, n. 4). Некоторые ученые считают, что расследование от 9-го года правления Рамсеса XI мог вести сам Аменхотеп, восстановленный в должности после «смещения», но, возможно, это был его преемник.

С. Олдред, пытаясь выяснить, зачем вице-король Куша Па*нехси* прибыл в Фивы, предположил, что верховный жрец Аменхотеп, смещенный своим соперником, обратился за помощью к фараону. Возможно, Рамсес XI попросил вице-короля Куша Па*нехси* (Bierbrier, LÄ IV, 661–662) ввести в Фивы нубийские войска, чтобы восстановить там порядок и вернуть верховному жрецу его полномочия[129]. Олдред полагает, что Па*нехси* мог повести себя наподобие итальянского кондотьеры: воспользоваться царившей в Фивах анархией и самовольно, без приказа царя и согласия Аменхотепа, установить там свои порядки[130]. Па*нехси* прибыл в Фивы не позже 9-го года правления Рамсеса XI (P. BM 10053, начало; Wente, 1966, 86). Через три года, на 12-м году правления Рамсеса XI, Па*нехси* все еще хозяйничает там — он даже отменяет подати зерном, чтобы обеспечить снабжение рабочих из Долины царей. Он носит более высокие титулы, чем было положено вице-королю Куша: «носитель опахала справа от царя, царский писец, военачальник, управляющий житницами фараона, царский сын Куша, управляющий землями Юга, полководец фараона». На том же 12-м году правления Рамсеса XI был составлен полный перечень похищенного имущества — на обратной стороне папируса от 17-го года правления Рамсеса IX, содержащей аналогичный список (P. BM 10068 = P. Ambras; Peet, 1930, 79–102). За этим перечнем следует список из 182 домов, расположенных в левобережных Фивах, между храмом Сети I и «поселением Майунехес (?)» — иными словами, они принадлежали тем, кто жил за пределами поселка Дейр эль-Медина и территории храма Мединет Абу. Очевидно, список был необходим для расследования. Благодаря ему нам известно положение дел на западном берегу Нила после беспорядков в начале правления Рамсеса XI. Па*нехси* оставался в Фивах в течение нескольких лет.

Судя по некоторым отрывочным данным, его присутствие там имело для города не только положительные стороны. На 2-м году эры «Возрождения» один из допрашиваемых, сторож «дома фараона», сказал: «Я покинул дом фараона, когда пришел Па*нехси* и сместил моего начальника, хотя тот не совершил никакого проступка» (Peet, 1930, 125; P. BM 10383, 2, 5). В то время было убито много людей, но мы не знаем, шла ли речь о казнях, назначенных судом, или о стихийных жестокостях (KRI VI, 827, 7; P. Mayer A v° 13). По некоторым косвенным данным можно предположить, что отряды вице-короля вели себя в Фивах как на завоеванной территории, безнаказанно чиня произвол. Более того, Па*нехси* не ограничился фиванским регионом и повел свое войско на север, где разорил город Хардаи (Кинополь), находившийся примерно в 400 км к северу от Фив (Peet, 1930, 152; P. BM 10052, 10, 18). Ни время, ни цель этого похода нам неизвестны. Почувствовав свою силу, Па*нехси* спустился в долину и позволил своим отрядам разорять город за городом, став реальной угрозой для фараона — если только эта угроза не существовала с самого начала, только фараон не осознавал ее.

[129] Эта версия была высказана еще Ю. фон Бекератом (Beckerath von, 1951, 93), ее придерживаются также Э. Уэнте, С. Олдред (Wente, 1966, 84–85; Aldred, 1979, 95). Другие исследователи полагают, что Па*нехси* было поручено низвергнуть власть верховного жреца, которая стала невыносимой (см., например: Černý, 1975, 633).

[130] Этой версии придерживается и И. Стучевский (Стучевский, 1983).

На 17-м году своего правления, в 25-й день 4-го месяца *ахет*, Рамсес XI отправил к вице-королю из своей северной резиденции управляющего и стольника Йенеса с письмом, в котором просил Па*нехси* закончить изготовление «паланкина великой богини» и погрузить его на корабль стольника. Он прислал также драгоценные камни и цветы, необходимые царским ремесленникам для работы (Wente, 1990, n. 39 (P. Turin 1896)). Итак, царь уделял внимание ничтожным делам, в то время как часть Египта, возможно, была предана огню и мечу! Либо фараон был слеп, либо так он пытался исправить ситуацию. Спустя два года положение Па*нехси* резко изменилось: он был объявлен врагом. В папирусе эры «Возрождения» имя вице-короля неизменно сопровождается иероглифом «враг» (Gardiner A 14). Он был оттеснен обратно в Нубию, куда позднее отправилась карательная экспедиция против него.

Царь назначил в Фивы нового человека — Херихора[131], военачальника, которому удалось отбросить Па*нехси* на юг и восстановить порядок в городе. Рамсес XI лично прибыл в Фивы, чтобы оценить ущерб, причиненный Па*нехси*. Эти события оказались настолько важными для страны, что стали вехой для отсчета эры «Возрождения» (*wḥm mswt*/*ухем месут*). Одно из первых, если не первое, распоряжений касалось учреждения судебной комиссии для расследования новых, еще более кощунственных, чем прежде, грабежей, совершенных до первого года эры Возрождения. Грабители проникли в гробницы Сети I и Рамсеса II; в Долине цариц с саркофага царицы Хабаджилат, чья гробница и ранее подвергалась осквернению, было содрано серебро и золото (?) (P. BM 10052, 1, 18; Peet, 1930, 143), которые грабители поделили между собой, разломав на куски. И в этом случае, и в ряде других оправданием служил голод (Peet, 1930, 153, P. BM 10052, 11, 7–8; Breasted, AR IV, § 553, P. Mayer A, 3, 5). Почти все признания были добыты с помощью угроз и пыток. Судя по датам допросов и интенсивности их графика, они были одним из актов реставрации власти фараона в этой области после изгнания Па*нехси*.

Сравнивая относительно малые убытки от краж, совершенных жителями Фив, с тяжестью ущерба, причиненного царским гробницам, и варварским обращением с мумиями, С. Олдред предположил, что грабежи — дело рук распоясавшихся солдат Па*нехси*, которые вели себя в фиванском некрополе так же бесцеремонно, как в Хардаи. Простые воры не проявляли крайней жестокости, не допускали святотатства. Согласно недатированному папирусу Mayer B, пятеро человек на протяжении четырех дней выносили предметы из гробницы Рамсеса VI, но забрали они только медные вазы и одежды, то есть предметы, полезные в домашнем обиходе или легко сбываемые; царский саркофаг остался, по-видимому, нетронутым. Судя по современному состоянию саркофага, он был безжалостно разгромлен — вряд ли это было дело рук тех пяти воров. Огромный памятник из розового гранита весом в несколько тонн был выпотрошен и опрокинут на бок; священные умащения, в изобилии используемые при погребении, еще не успели застыть и потекли по перевернутому саркофагу, после чего и сам он, и его крышка были разбиты. Чтобы произвести такой разгром, требуются усилия массы народа, а простому вору громить саркофаг незачем. С. Олдред полагает, что разорение царских гробниц произошло в последние годы пребывания Па*нехси*

[131] Redford, LÄ II, 1129–1133; М. А. Бонэм (Bonhême, 1987a, 26–34; Bonhême, 1987b — эта работа целиком посвящена Херихору) полагает, что царствовать Херихор начал только после смерти Рамсеса XI.

в Фивах и было вызвано то ли «свирепостью, свойственной нубийцам», то ли яростью самого Па*нехси*, когда он (вероятно, на 18-м году правления Рамсеса XI) был вынужден отступить перед Херихором и уйти из Египта. Разгромленные гробницы не подлежали восстановлению; именно в то время царские мумии вместе с погребальными принадлежностями были извлечены оттуда и перенесены в храм в Мединет Абу[132]. Шесть лет спустя — по всей видимости, на 6-м году эры «Возрождения», — мумии Сети I и Рамсеса II, лишенные украшений, были помещены в другие саркофаги. «Ренессанс» коснулся всех областей: на 5-м году эры «Возрождения» Унамону было поручено доставить лес для ремонта великой ладьи Амона (см. ниже, с. 566); на 6-м году у местных жителей были выкуплены архивы, украденные из храма в Мединет Абу, причем точный перечень документов позволяет утверждать, что до наших дней сохранилось большинство папирусов (Peet, 1930, 178–180).

Вполне вероятно, что с восстановлением царской власти и прибытием в Фивы Херихора возобновились работы в храме Хонсу, который при Рамсесе XI был почти закончен. В какой-то момент Херихор принял полную царскую титулатуру, первый картуш которой содержал только его титул — «Первый жрец-пророк Амона», а второй — имя: «Сын Амона, Херихор». Многочисленные эпитеты, характерные для царственных особ, и в частности сравнивающие Херихора с богом Ра, встречаются повсюду. Впрочем, в храме Хонсу эта титулатура «выставлена напоказ» только во дворе с портиком, за пилоном, и не встречается с внешней стороны. В большом гипостильном зале храма Амона Херихор повелел высечь текст на стене, закрывающей третий пилон с южной стороны, а текст, посвященный реставрации памятников, в сопровождении своих картушей, на десятке баз колонн (KRI VI, 730 (11); Roth, 1983, 43–45). Судя по надписи на статуе, обнаруженной в тайнике в Карнаке, Херихор носил многочисленные титулы самых высоких рангов, но без каких-либо претензий на царский статус. Неясно, получил ли он все эти титулы разом, когда царь доверил ему спасение Фив, или нет. Теперь он — «первый жрец-пророк Амона-царя богов, градоправитель, визирь, царский сын Куша, верховный военачальник двух земель, тот, кто умиротворяет две страны ради своего владыки Амона». Поскольку ни один из его памятников не содержит датировок, восстановить этапы его карьеры с того момента, как он появился на исторической сцене (судя по всему, на первом году эры «Возрождения», хотя это до сих пор не доказано), невозможно[133].

На 7-м году эры «Возрождения», то есть на 25-м году правления Рамсеса XI, некий Паианх носил в точности те же титулы, которыми владел Херихор до своего воцарения, или, скорее, за пределами тех мест, где он мог выступать в качестве царя. Так как Херихор на всех своих памятниках и даже в своих картушах назван «верховным жрецом Амона», можно предположить, что на 7-м году эры «Возрождения» он скончался, а Паианх унаследовал его должность и титулы[134] (Kitchen, LÄ IV, 1052; Bierbrier, 1973).

---

[132] Годные материалы из гробниц, оставшиеся после жестоких грабежей, официально использовались при перезахоронении царей ввиду дефицита драгоценных материалов или просто ради экономии, см.: Reeves, 1990b, 277–278; Taylor, 1992; Helck, 1984a (о времени Рамсеса IX).

[133] Никаких свидетельств о Херихоре за пределами Фив нет; упоминать эль-Хибу только потому, что там был обнаружен папирус с отчетом Унамона, некорректно.

[134] Надежных доводов в пользу гипотезы, согласно которой Паианх был сыном Херихора, нет; см.: Wente, 1975b; Kitchen, 1986, 569, § 496.

Однако не исключено, что между Херихором и Паианхом эту должность недолгое время занимал Несамон, сын верховного жреца Рамсеснахта и младший брат Аменхотепа (Bell L., 1980, 1973). На 10-м году (эры «Возрождения»?) Паианх предпринял поход в Нубию. Сохранилась обширная переписка, датированная этим годом (Wente, 1967, 16–17). Некоторые письма отправлены из Нубии, где как раз находился Паианх. Их основными адресатами в Фивах были Джехутимос и Бутехамон — отец и сын, служившие «писцами некрополя» и представлявшие династию писцов, известную со времен Хоремхеба[135]. Джехутимос в какой-то момент сопровождал Паианха в Нубии. Даже оттуда военачальник, одновременно являвшийся визирем, при помощи доверенных лиц следил за ситуацией в фиванском регионе, но его письма касаются лишь второстепенных вопросов. Паианх не «руководит» по переписке ни регионом, ни страной, и это вполне может означать, что фараон благополучно правил, а административные структуры функционировали независимо от Паианха, находившегося далеко на юге. «Что касается фараона — да будет он жив-невредим-здоров! — как он мог никогда не посетить эту страну (Нубию)?» — осмелился написать Паианх одному из своих адресатов. «А что касается фараона — да будет он жив-невредим-здоров! — какой он верховный правитель после всего этого?» (Wente, 1990, 183, n. 301 = 1967, n. 21).

Па*нехси*, Херихор и Паианх — главные действующие лица в царствование Рамсеса XI. Между тем были и другие вельможи. Так, помимо двух названных визирей нам известны еще трое. Один из них, Небмаатранахт, на 1-м и 2-м годах правления Рамсеса XI председательствовал на судебных заседаниях во время допросов грабителей царских гробниц. Двое других, Рамсес-Ментуэрхатеф и его сын Уненнефер, возможно, занимали эту должность поочередно после Хаэмуаса, визиря Рамсеса IX (J.-J. Janssen, 1967), и до Небмаатранахта. Но об их деятельности нам почти ничего неизвестно.

Документы из левобережных Фив сохранились значительно лучше, чем документы из остальных регионов страны, и мы не знаем, обладал ли Паианх какой-либо властью в остальной части Фив и в Египте в целом. Если его целью было устранение Па*нехси*, он ее не достиг. В Анибе, административной столице Нубии, найдена гробница Па*нехси*. Поскольку Паианх, как до него Херихор, носил титул вице-короля Нубии[136], эту должность занимали в то время два человека, один из них — номинально. Па*нехси* оставался главой Нубии: он был последним, кто действительно обладал титулом вице-короля, и единственным из них, чья гробница находится в Нубии. Судя по имени, он мог быть родом оттуда.

Не считая этого нубийского эпизода, мы не знаем почти ничего о том, что происходило тогда в Египте и сопредельных странах. Восстановив с помощью Херихора порядок в Фивах, Рамсес XI вернулся в свою северную резиденцию еще до смерти Херихора и возвышения нового лидера, Паианха. Если не считать храма Хнума, памятников, созданных при этом царе, известно очень немного (Farag et al., 1979, 282; KRI VI, 731).

Из-за плачевного состояния, в котором находилась Долина царей — разграбленные гробницы (Reeves, 1990b, 275), оскверненные мумии, — Рамсес XI, очевидно, потерял

[135] Helck, LÄ I, 884–887. — А. Нивински (Niwinski, 1984b) показал, что лиц, носивших имя Бутехамон, было несколько.

[136] Habachi, LÄ III, 635, № 35–36.

интерес к древнему некрополю. Его гробница (KV № 4) осталась незаконченной, его мумия вообще не обнаружена. Возможно, он был первым фараоном, велевшим похоронить себя на Севере. Херихор, вероятно, соорудил себе гробницу в Фивах, но она также не найдена (H. W. Müller, 1979).

Представленная выше реконструкция царствования Рамсеса XI носит гипотетический характер. Следует указать на ее слабые места: это в первую очередь хронология, особенно хронология эры «Возрождения». В многочисленных документах из Дейр эль-Медина указаны только годы царствования, но не названо имя царя, так что их датировка основывается на данных палеографии (почти все документы записаны иератическим письмом) и на упоминании известных персонажей. Из 19 документов, датированных К. А. Китченом эрой «Возрождения» (KRI VIII, 84), девять содержат только указание на год, без добавления «*wḥm mswt*/*ухем месут*». Десять документов, упоминающих эру «Возрождения», относятся к периоду между 1-м и 7-м годами, но при этом отсутствуют источники от 3-го года. Старое летоисчисление параллельно с новым указывается только для первого года эры «Возрождения», то есть для 19-го года правления Рамсеса XI: следовательно, новое летосчисление стало регулярно употребляться с 19-го года. В некоторых случаях, когда указание на эру «Возрождения» опущено, сопоставление этих документов с другими, датированными более надежно, позволяет с уверенностью отнести их к этой эре, однако сомнения иногда остаются. Так, письмо от 10-го года, отправленное писцом Джехутимосом из Анибы (резиденции Па*нехси*!) своему сыну и коллеге Бутехамону, не содержит упоминаний об эре «Возрождения»[137], как и другое письмо из этой подборки — единственное, содержащее дату (2-й год)[138]. Этот 10-й год, если речь идет об эре «Возрождения», должен совпадать с 28-м годом правления Рамсеса XI. В течение всего периода «Возрождения» в документах не отмечено ни одной даты, которую можно рассматривать как год царствования Рамсеса XI. Последний документ этой подборки датирован 7-м годом эры «Возрождения», то есть 25-м годом правления Рамсеса XI[139]; существует также письмо от 27-го года, с указанием имени царя, но без упоминания «эры», из чего был сделан вывод об ее окончании[140]. Если это так, 10-го года эры «Возрождения» не было. А между тем вся хронология военных действий, которые Паианх вел в Нубии против Па*нехси*, основывается на этой дате — 10-й год (Wente, 1967, 11–17). Другие датировки (после 10-го года) установлены благодаря граффити в фиванском некрополе, упоминающим Бутехамона. Эти документы касаются той же семьи, что и упомянутые выше письма. В. Хельк относит их к эре «Возрождения», последним годом которой был 12-й, то есть 31-й год правления Рамсеса XI, что может подтверждаться и граффити Бутехамона, датированными 31-м годом. Если же 10–12 годы не относятся к эре «Возрождения»,

---

[137] Wente, 1967, 37, n. 9; Cerny, 1939, 17, 11. — Об отнесении этого 10-го года к эре «Возрождения» см.: Kitchen, 1986, 21, § 18.

[138] Wente, 1990, уверенно датирует почти все эти письма (№ 290–324) эрой «Возрождения», но это не более чем предположение.

[139] «7-й год эры Возрождения, 28-й день 3-го месяца *шему*». Надпись посвящена ответу оракула по случаю процессии ладьи Амона. Паианх упоминается здесь со всеми титулами, некогда принадлежавшими Херихору, который к тому времени, видимо, уже скончался (см. тем не менее: Bell L., 1980, 16–26).

[140] Wenig, 1967b; стела из Абидоса: 27-й год, 8-й день 4-го месяца *шему* Рамсеса XI: KRI VI, 701 (2). Выходит, что эра «Возрождения» закончилась после смерти Херихора.

то их можно отнести к началу царствования Рамсеса XI, а то и к правлению Смендеса либо Псусеннеса I.

Этот же вопрос встает в связи с надписями от 6-го года на мумиях Сети I и Рамсеса II. Ответ на этот вопрос имеет тем большую важность, что перед нами — единственное датированное упоминание о верховном жреце Херихоре, если не считать сообщения из Истории Унамона (Egberts, 1991; Scheepers, 1992), где дата «5-й год» не сопровождается указанием на эру «Возрождения». Искусно выстроенная К. А. Китченом хронология зиждется на одновременном упоминании в том же 5-м году верховного жреца Херихора и Смендеса в Танисе, еще не фигурирующего там в качестве царя (Kitchen, 1986, § 2, 14, 16, 22, 206–212). Жанровая принадлежность «Истории» — официальный отчет или роман — до сих пор является предметом дискуссии (Scheepers, 1992). Несомненно, текст отличается определенным историческим правдоподобием, несмотря на элементы художественности и красочность изложения, нехарактерные для делового стиля[141], но проблема хронологии царствования Рамсеса XI вызвана в том числе попытками согласовать данные из Истории Унамона с другими документами. С учетом всего этого, на 6-м году правления Рамсеса XI верховным жрецом Амона уже мог быть Херихор, а гробницы Сети I и Рамсеса II могли подвергнуться осквернению до указанной даты.

Все это весьма неточно, и поэтому напомним еще раз: ни одну из хронологических схем, предложенных для периода заката XX династии, нельзя исключать. То же самое можно сказать о поведении и характерах главных действующих лиц: тезисы о вражде между Херихором и Па*нехси*, а также о слабоумии Рамсеса XI относятся к области гипотез.

[141] Согласно традиционному толкованию, Унамон доплыл до Библа и даже до Кипра, что представляется малоправдоподобным, так как в эту эпоху египетское влияние в Азии полностью сошло на нет. См. разумные возражения в работе: Nibbi, 1985d.

ЭПИЛОГ

Несмотря на лакуны в источниках и трудности их интерпретации, мы можем создать вполне связную историю Древнего Египта, проследить не только развитие страны, но и изменения в окружающем ее мире на протяжении целого тысячелетия. Степень нашей осведомленности о событиях в долине Нила в тот или иной исторический период не определяется скудостью или богатством источников — ведь и это является отражением соотвествующей эпохи. Причины взлетов и падений нельзя объяснить с катрезианской ясностью — они очень сложны и образуют целый комплекс: климат, капризы Нила, личности царей — счастливые или же неудачливые, демографическая и экономическая ситуация, растущее давление чужеземных племен, а также особенности египетского менталитета, идеологии, верований.

Древнее царство, появившееся в результате прогресса культуры доисторических обществ, переживало небывалый расцвет на протяжении нескольких веков и династий, после чего внезапно пришло в упадок. В течение Первого Переходного периода страна находилась в состоянии раздробленности: власть принадлежала местным правителям, номархам. На них легла тем более значительная ответственность, что каждый из них отчитывался за свои действия только перед самим собой и местными жителями, вождем

и покровителем которых он являлся. Трения между этими островками власти, очевидно, были вызваны личными амбициями, а возможно, и внутренними неурядицами. Речь идет о номах, расположенных в наименее плодородном регионе Египта или даже скорее Верхнего Египта. В наиболее плодородных номах — 13-м, 14-м, 15-м и 16-м — не отмечено событий, за исключением совсем локальных. Похоже, они пользовались автономией, хотя после восстановления контактов между Севером и Югом, возможно, находились в определенной зависимости от Гераклеополя. Между фиванскими князьями как новой силой и царями X династии вспыхнул конфликт из-за 8-го нома. Благодаря объединению при XI династии всей долины Нила под властью одного царя, последний получил в свое распоряжение значительные средства; яркое подтверждение тому — грандиозный храм Ментухотепа II в левобережных Фивах. Однако установленная этим царем система, подобная феодальной, поставила под угрозу единство страны. Местные князья подчинились царю, однако остались на своих местах и время от времени поднимали мятежи, датировать которые затруднительно — попытки вернуть себе независимость могли предприниматься где угодно и когда угодно. Таким образом, при XI династии основы государства были расшатаны.

Аменемхету I пришлось восстанавливать власть царя во всей стране, вновь усмиряя недовольных, что и привело к его убийству. В последние годы своего правления, следуя примеру Ментухотепа II, Аменемхет I обратил взгляд на Нубию. Освоение долины Нила в южном направлении происходило поэтапно, пока в начале эпохи Нового царства египтяне не остановились в ста километрах от пятого порога. Это завоевание началось великими деяниями Сенусерта I, который дошел до второго порога Нила и даже продвинулся дальше. Впоследствии Сенусерт III сделал этот рубеж официальной границей египетских владений и укрепил его. Но все эти завоевания были утрачены во II Переходный период; после его окончания, при Камосе, южная граница Египта вновь проходила по первому порогу. Камос восстановил египетское присутствие в Бухене, Яхмос I дошел до острова Саи, Аменхотеп I — до четвертого порога, Тутмос I достигнет крайней южной точки по течению Нила, где когда-либо проходила граница Египта, — Кениссы. Но фараоны были одержимы идеей дальнейшей экспансии на юг. Экспедиции отправлялись за установленные границы и достигали далекого Пунта — источника сказочных богатств, своего рода Эльдорадо. Несомненно, именно богатства тропической Африки были причиной снаряжения стольких военных экспедиций против нубийских племен: последние не столько угрожали долине Нила, сколько образовывали барьер между Египтом и торговыми центрами Центральной Африки.

Сенусерт I окончательно укрепил царскую власть, и во время его долгого правления страна процветала. Впрочем, и последующие цари XII династии правили в атмосфере благоденствия и порядка, что привело к созданию множества ценнейших произведений искусства. Как всегда, мы можем сформулировать лишь гипотетические причины такого расцвета: волевой характер царей, благоприятный для земледелия режим разливов Нила (регулярные отметки, сделанные при Аменемхете III в Кумме и Семне, свидетельствуют об очень высоких уровнях подъема воды), освоение земель Файюма. Фараоны в эту эпоху почти не покидали пределов страны, лишь изредка выезжая на Юг. На севере основное внимание уделялось Синаю, где добывали бирюзу, малахит и медь. На востоке, в Гебель Зейт, добывали галенит, а в Вади Хаммамат — добротный камень для статуй.

Эра благоденствия внезапно закончилась после правления Аменемхета III. Наступил II Переходный период, отчасти явившийся продолжением эпохи XII династии. Царствования фараонов, начиная с двух последних представителей этой династии, были очень краткими. Цари XIII династии строили мало, хотя произведения искусства того времени по своему уровню зачастую не уступают лучшим творениям времен XII династии. Отныне власть не всегда переходит от отца к сыну: трон занимают одни семьи, затем другие — возможно, связанные с первыми узами родства. Так, три брата — Неферхотеп I, Сахатор и Себекхотеп IV, сыновья Хаанхефа и Кеми, занимали трон поочередно, но общая продолжительность трех царствований составила лишь около 20 лет. Таким образом, средняя продолжительность правлений сокращается, и это нельзя объяснить постоянными цареубийствами. Все эти цари, чьи родители иногда хорошо известны нам, считались «сыновьями Ра», в соответствии с очень древними и священными представлениями.

Стремительная смена правителей должна была привести к ослаблению государственной власти. Этим объясняется тот факт, что полчища чужеземцев-гиксосов, не встречая сопротивления, моментально захватили весь Египет. Основанная ими XV династия стала править в раздробленной стране со слабой властью. Как и при XI династии, борьба против захватчиков началась в Фивах, то есть на юге Верхнего Египта. Возможно, «варвары», разнеженные «прелестями Нила», утратили боеспособность, потому и были постепенно вытеснены из страны.

Яхмоса, окончательно восстановившего единство страны, с античных времен считают родоначальником новой эпохи и новой, XVIII, династии — первой династии Нового царства. Отныне цари, не довольствуясь возвращением Нубии и дальнейшим продвижением на юг, стали вести завоевательную политику и на севере. В чем причина этого? Может быть, злосчастное вторжение гиксосов показало ненадежность северо-восточной границы? А может быть, дело в том, что фараоны, проникнув вслед за отступавшими гиксосами в Ханаан, узнали о богатствах этой земли, где «течет молоко и мед»? Или же благодаря изобретению колесницы экспедиции смогли продвинуться дальше, чем суда, плывшие по Нилу? Яхмос дошел только до южных рубежей Азии; Аменхотеп I, похоже, не интересовался этими землями, а Тутмос I после кампании в Нубии, где он зашел за четвертый порог, двинулся на север, в земли Речену — область, прилегавшую к Дельте и включавшую в себя Галилею. За этими землями располагалась Нахарина; Тутмос I дошел до «большой реки Нахарины», то есть, вероятно, до Нахр эль-Кебира. Именно этому фараону Египет обязан максимальным расширением своей территории. Его внук, Тутмос III, проследовал маршрутами деда, закрепив южную границу в Кениссе, а на севере также достиг «большой реки Нахарины» и даже перешел ее, чтобы пройтись по этим землям военным маршем или совершить набег, подобно тому как спустя столетия Цезарь форсировал Рейн. Тутмос III предпринял в Азию множество походов, что свидетельствует о неспособности фараона полностью подчинить себе эти области: они представляли собой мозаику городов-государств, зависимых от местных правителей, таких как князья Мегиддо и Кадеша. Начиная с царствования Аменхотепа II притязания египтян в Азии стали значительно скромнее, а Нахарина оказалась почти вне пределов их досягаемости. Отныне Египет был вынужден говорить на равных с местными государствами. Войны на время уступили место переговорам и дипломатическим бракам: Тутмос IV, Аменхотеп III и Аменхотеп IV были женаты на царевнах из Митанни.

Внутреннее спокойствие, мирные отношения с соседями, богатства, стекавшиеся в страну в виде дани или товаров, привели Египет к процветанию — возможно, именно это стало причиной бурного развития всех направлений искусства. Расцвет культуры наблюдался при Хатшепсут, затем при Тутмосе III и, наконец, во второй половине царствования Аменхотепа III. Неизбежным следствием брожения умов, сопровождающего развитие искусства, стало появление более зрелых, чем раньше, философских идей. Последние существенно видоизменяются; культ Солнца был господствующим, и это породило амарнское учение об абстрактном, невидимом боге, чье могущество и милости проявляются лишь лишь в сиянии лучей Солнца, «светила», Атона. Одновременно с религиозным свободомыслием, материальным воплощением которого стал новый город, Ахетатон, в искусстве развивалась свобода от оков реальности: так родилось амарнское искусство. Смерть такого неординарного правителя, как Эхнатон, знаменовала конец египетского величия.

В Азии, где единственными государствами, с которыми Египту приходилось считаться, были Митанни и Амурру, политическое равновесие нарушилось с возникновением новой державы. Хеттский царь Суппилулиума I подчинил Митанни, стал угрожать Амурру и наладил отношения с Египтом. Установившийся после Эхнатона порядок престолонаследия, сложный и остающийся для нас загадкой, ослабил позиции Египта на международной арене. Нескольким военачальникам — Хоремхебу, Нахтмину, а позднее Рамсесу — удалось сохранить египетское присутствие в Азии при Тутанхамоне, Эйе и самом Хоремхебе. Именно семейство военных основало XIX династию: это событие знаменует открытие второго этапа истории Нового царства, именуемого эпохой Рамессидов. Возможно, боевая кровь новой династии повлияла на ее пристрастия в искусстве — вплоть до Рамсеса III огромную популярность завоевывают батальные сцены. Сражались ли Рамессиды больше других или они просто охотнее рассказывали о своих сражениях? Дать однозначный ответ мешают проблемы локализации топонимов, возникающие при изучении маршрутов этих войн. Неясно, с какими народами сражался Сети I — с теми, которые населяли соседние с Египтом земли или же совсем далекие? На юге этот царь воевал в Иреме — стране, которая, по мнению одних ученых, лежала недалеко от третьего порога, а по мнению других — в районе пятого, если не дальше. На севере врагами были Амурру и хетты, египетское войско штурмовало Кадеш. О каком именно Кадеше идет речь — о том, который стоял на Оронте, или о том, который находился в Галилее? Каких хеттов и амореев встретил Сети I — тех, что обитали далеко на севере, или тех, что населяли Галилею? Те же вопросы возникают и при изучении войн Рамсеса II. Как бы то ни было, прямое противостояние между Египтом и Хеттским царством выявило равенство сил, что привело к прекращению военных действий и заключению мирного договора.

Никем не оспариваемая власть первых фараонов XIX династии способствовала масштабному строительству. Религиозный характер архитектуры объясняется различными причинами. Например, возведение храмов в Абидосе и большого гипостильного зала в Карнаке стало следствием восстановления власти Амона после святотатств Амарнской эпохи. Ухудшение климата и угрожающее снижение уровня разлива Нила объясняет число храмов, которыми Рамсес II усеял Нубию вплоть до третьего порога. После невероятно долгого царствования Рамсеса II пожилой фараон Мернептах оказался в невыигрышной ситуации: Галилея и Нубия стремились освободиться от власти

Египта, а племена, населявшие западную пустыню — в первую очередь лебу из страны Чемеху, — рвались в нильскую долину. Вполне вероятно, что всеобщая паника (возможно, вызванная ухудшением климата) притягивала соседние народы к Египту как к единственному убежищу. Это напоминает ситуацию, в которой оказались Иосиф и его братья, а затем и их отец Иаков: спасаясь от голода, они бежали из Галилеи. Положение выглядело настолько опасным, что Мернептах был вынужден дать жестокий отпор врагам. После смерти Мернептаха Египет стал жертвой династических распрей: царей уже волновало не процветание страны и не грозящие ей опасности — их целью был трон. Самый темный момент в истории этих интриг — захват власти царицей Таусерт, против которой восстали Сетнахт и его сын, будущий Рамсес III.

Ситуация выровнялась: фараоны вновь царствовали безраздельно. Несмотря на интриги в верхах, Египет процветал; при Рамсесе III появилось много великолепных построек. Но угроза, с которой столкнулся Египет при Мернептахе, не исчезла и, более того, усилилась с появлением новых племен. Рамсесу III пришлось защищать страну от нападений с четырех сторон: на западе и юге — от мешуэш и лебу из страны Чемеху, на севере и северо-западе — от пришедших из Азии народов пелесет (то есть филистимлян), чекер, шекелеш, дануна и других. Массовое вторжение было остановлено, но проникновение чужеземных народов и набеги продолжались до конца Нового царства. Благодаря усилиям Рамсеса III Египет получит передышку, но лишь на короткое время. Вероятно, из-за того, что царь занимался главным образом борьбой с внешними врагами, внутреннее положение ухудшалось. Произошел, по выражению Паскаля Вернюса, «кризис ценностей». Случился раскол между вельможами и богачами, отягощенными тщеславием, взяточничеством, беспринципностью и не стеснявшимися этого, и остальным населением, кое-как сводившим концы с концами. Рамсес III был убит в результате заговора придворных; бездушие чиновников привело к голоду и беспорядкам, среди которых наиболее серьезными были забастовки жителей Дейр эль-Медина — поселка художников и мастеров Долины царей.

Восемь следующих Рамсесов, похоже, были подвержены тщеславию больше всех своих предшественников: они не творили «историю», а лишь передавали власть от одного члена семьи другому. После Сети I фараоны жили, как правило, в Пи-Рамсесе на границе между Дельтой и Азией, далеко от долины Нила и фиванского региона, хотя и сооружали гробницы в Фивах, соблюдая традицию. Тяжелые условия жизни и упадок сознания общественного долга привели к воровству и грабежам: осквернялись храмы и гробницы, включая царские. В долине Нила царила анархия и, возможно, даже началась гражданская война, которую развязал (или которой воспользовался) вице-король Куша Па*нехси*. Для усмирения Па*нехси* царь отправил двух великих жрецов Амона и полководцев — сначала Херихора, а потом Паианха. Фивы были заброшены; последний из Рамессидов, Рамсес IX, вероятно, даже отказался от идеи сооружать там себе гробницу.

Источники, касающиеся последних лет существования Нового царства, мало что сообщают нам. История Египта теперь не выходит за пределы династических проблем, территория страны вновь сокращается, ограничиваясь долиной Нила. Напротив, внешний мир все глубже проникает в его владения: преемниками Рамессидов стали представители народов Запада. Возможно, одним из них был уже Херихор, так как пять из его сыновей носили, вероятно, «ливийские» имена (Kitchen, 1990, 23).

СПИСОК ЦАРЕЙ

Даты при именах царей и периодизация истории Египта — не более чем приблизительные ориентиры, позволяющие составить общее представление о развитии событий во времени. Отметим, что в этом списке не учитываются соправления царей ни XII, ни XVIII династий, за исключением предполагаемого, но все еще очень спорного соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Сроки правления царей XIII–XVII династий, кроме тех, что отмечены «звездочкой», даются по Туринскому папирусу.

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
IX/X династия		2160–2137		
Хети				
Хети		Мерибра		
Хети		Небкаура		
Хети				
		Мерикара		
XI династия		2137–1994	143 года	
1	Ментухотеп I	Сехертауи	16	2137–2121
2	Интеф I			
3	Интеф II	Уаханх	49	2121–2072
4	Интеф III	Нахтнебтепнефер	8	2072–2064
5	Ментухотеп II	Небхепетра	51	2064–2013
6	Ментухотеп III	Санхкара	12	2013–2001
7	Ментухотеп IV	Небтауира	7	2001–1994
	XII династия	1994–1797		
1	Аменемхет I	Схотепибра	29	1994–1964
2	Сенусерт I	Хеперкара	45	1964–1919
3	Аменемхет II	Небукаура	38	1919–1881
4	Сенусерт II	Хахеперра	8	1881–1873
5	Сенусерт III	Хакаура	19	1872–1854

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
6	Аменемхет III	Нимаатра	45	1853–1809
7	Аменемхет IV	Маахерура	9 (3 мес., 27 дн.)	1809–1800
8	Нефрусебек	Себеккара	3 (10 мес., 24 дн.)	1800–1797
	XIII династия	1797–1634		
1	Угаф	Хутауира	3* (3 мес., 24 дн.)	
2	Аменемхет V (=Аменемхет-Сенебеф)	Сехемкара	3*	
3		Схотепибра	1	
4	Иуфни (Интеф?)			
5	Аменемхет VI (= Амени Интеф Аменемхет)	Санхибра		
6	Небнену	Сменкара	? (…, 4 дн.)	
7	Хорнеджхеритеф	Хотепибра	? (…, 3 дн.?)	
8		Суаджкара	? (…, 6 дн.)	
9		Неджемибра		
10	Себекхотеп I	Хаанхра	? (…, 12 дн.?)	
11	Ренсенеб		4 мес.	
12	Хор I	Ауибра	? (7 мес. или дн.)	
13	(Каи) Аменемхет VII	Седжефакара	7	
14	Себекхотеп II (= Аменемхет Себекхотеп Пенчени)	Сехемра-Хутауи	6*	
15	Хенджер	Усеркара	4*	
16	Мермеша	Сменхкара		
17	Интеф IV	Схотепкара		
18	Сетх	[…]ибра		
19	Себекхотеп III	Сехемра-Суаджтауи	3 (2 мес.)	
20	Неферхотеп I	Хасехемра	11	
21	Сахатор		Меньше года	
22	Себекхотеп IV	Ханеферра	8*	
23	Себекхотеп V	Хахотепра	4 (8 мес., 27 дн.)	

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
24	Ибиа	Уахибра	10 (8 мес., 18 дн.)	
25	Эйе	Мернеферра	13 (или 23) (8 мес., 8 дн.)	
26	Себекхотеп VI	Мерхотепра	2 (2 мес., 9 дн.)	
27	Суаджту	Санхенра	3 (2 мес., … дн.)	
28	Неферхотеп II Инед	Мерсехемра	3 (1 мес., … дн.)	
29	Хори	Суаджкара	1 (…мес., 8 дн.)	
30	Себекхотеп VII	Мерка(у)ра	2 (…мес., 4 дн.)	
31–34		?		
35	Дедумес	Джедхотепра/ Джеднеферра		
36	Иби	[…]маатра		
37	Хор	[…]убенра		
38		С[…]кара		
39		[…]енра		
40–43		?		
44		Мерхеперра		
45		Меркара?		
Не классифицированные (по порядку, в котором они упомянуты в тексте)				
a	Абаи (Иби)			
b	Аакен			
c	Ху-икер			
d		Неркара		
e	Себекаи			
f	Себекхотеп IX	Маара		
g		Схаэнра		
h	Ментуусер			
i	Ментухотеп VI	Суджара		
j	Ментуэмсаф	Джеданхра		
k	Сенебмиу	Суахенра		
l	… (или Аменемхет VII)	Седжефакара (?)	1*	

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
m	Санхиптах	Схекаэнра	1*	
n	Амени Ааму (или Кемау) (=Аменемхет VI?)			
o	Сенусерт IV	Снеферибра	1*	
p	Ментухотеп V	Меранхра	1*	
q	Упуаутемсаф	Сехемра-Неферхау		
r	Снааиб	Менхаура		
s	Себекхотеп VIII	Сехемра-Сусертауи	3*	
t	Джехути	Сехемра-Сментауи		
u	Рахотеп	Сехемра-Уаххау		
v	Себекемсаф I	Сехемра-Уаджхау	6*	
w	(Хентихетиэмсаф?)			
	XIV династия			
	Нехси	Аазехра	Меньше года	
		Мерджефара		
	XV династия	1634–1526		
1	Шеши (Салитис/ Шарек)	Мааибра	19	
2	Йакобхер (Бнон/ Беон)	Мерусерра		
3	Хиан (Апахнан/ Пахнан)	Сусеренра		
4	Иенсес (Ианнас)			
5	Апопи	Небхепешра Ааусерра, Аакененра	40	
6	Хамуди		11*	
	XVI династия			
	XVII династия	1634–1543		
1	?			
2	?	Сехемра	3	
3	Интеф V?	Сехемра–Херухормаат	16	
4	Неферхотеп III Ихернеферт	Сехемра-Санхтауи	1	

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
5	Ментухотепи	Санхенра	1	
6	Небирирау I	Суадженра	19	
7	Небирирау II			
8		Сменра		
9	Бебианх	Сусеренра	12?	
10	Себекемсаф II	Сехемра-Шедуасет/ Шедтауи		
11	Интеф VI	Сехемра-Упмаат		
12	Интеф VII	Небухеперра		
13		Снахтенра		
14	Таа	Секененра		
15	Камос	Уаджхеперра	3*	
	XVIII династия	1543–1292		
1	Яхмос	Небпехтира	25 (4 мес.)	1543–1518
2	Аменхотеп I	Джосеркара	20 (7 мес.)	1517–1497
3	Тутмос I	Аахеперкара	12 (9 мес.)	1496–1483
4	Тутмос II	Аахеперенра	3 (2 мес.)	1483–1480
5	Хатшепсут	Мааткара	21 (9 мес.)	1479–1457
6	Тутмос III	Менхеперра	53 (11 мес.)	1479–1424
7	Аменхотеп II	Аахепрура	25 (10 мес.)	1424–1398
8	Тутмос IV	Менхепрура	9 (8 мес.)	1397–1387
9	Аменхотеп III	Небмаатра	38	1387–1348
10	Аменхотеп IV/ Эхнатон	Неферхепрура-Уанра	17	1359–1342 или 1348–1331
11	Нефернефруатон	Анх(ет)хепрура	(?)	
12	Сменхкара	Анххепрура	(?)	
13	Тутанхатон/ Тутанхамон	Небхепрура	9 (…)	1339–1329/ 1328–1318
14	Эйе	Хеперхепрура	4 (1 мес.?)	1329–1325/1318–1314
15	Хоремхеб	Джосерхепрура	13 или 27?	? –1294
	XIX династия	1292–1186		
1	Рамсес I	Менпехтира	1 (4 мес.)	1292–1291
2	Сети I	Менмаатра	11	1290–1279

Имя, данное при рождении		Тронное имя	Продолжительность: годы (месяцы, дни)	Очень приблизительные даты
3	Рамсес II	Усермаатра-Сетепенра	66 (2 мес.)	1279–1212
4	Мернептах Хотепхормаат	Баэнра-Мериамон	9 (6 мес.?)	1211–1202
5	Сети II Мернептах	Усерхепрура-Сетепенра	5	1201–1196
6	Аменмесес-Хекауасет	Менмира-Сетепенра	3 (8 мес.?)	1200–1197
7	Рамсес/Мернептах-Сиптах	Ахенра-Сетепенра	5? (? мес.)	1195–1189
8	Таусерт-Меретенмут	Сатра	2	1188–1186
	XX династия	1188–1078		
1	Сетнахт	Усерхаура-Сетепенра	2 (? мес.)	1188–1185
2	Рамсес III Хекаиуну	Усермаатра/Мериамон	31 (2 мес.)	1185–1153
3	Рамсес IV-Хекамаат	Усермаатра/ Хекамаатра-Сетепенамон	6 (8 мес.)	1153–1146
4	Рамсес V Аменхорхепешеф-Мериамон	Усермаатра-Сехеперенра	3 (2 мес.)	1146–1143
5	Рамсес VI Аменхорхепешеф-Нечерхекаиуну	Небмаатра-Мериамон	7 (2 мес.)	1143–1136
6	Рамсес VII Итамон-Нечерхекаиуну	Усермаатра-Сетепенра-Мериамон	7	1135–1128
7	Рамсес VIII Сетхорхепешеф-Мериамон	Усермаатра-Ахенамон	? (3 мес., 19 дн.?)	1127
8	Рамсес IX Хаэмуас-Мериамон	Неферкара-Сетепенра	17 или 18	1126–1108
9	Рамсес X Аменхорхепешеф Сетепенра	Хепермаатра	2 (7 мес.)	1108–1106
10	Рамсес XI Хаэмуас-Мererамон-Нечерхекаиуну	Менмаатра-Сетепенптах	26	1105–1078
10 а	Херихор-Сиамон	Хем-нечер тепи эн Амон	6?	1086–1080?

БИБЛИОГРАФИЯ*

Abdalla A. Two Monuments of Eleventh Dynasty Date from Dendera in the Cairo Museum // JEA. 1993. 79. P. 248–254.

Abd el-Maqsoud M. Un monument du roi *ꜥ3-sḥ-Rꜥ Nḥsy* à Tell Haboua (Sinaï Nord) // ASAE. 1983. 69. P. 3–5.

Abdel-Raziq M. Das Sanktuar Amenophis' III. im Luxor-Tempel. Tokyo, 1986.

Abitz F. Ramses III. in den Gräbern seiner Söhne, Freiburg Schweiz. Göttingen, 1986.

Abitz F. Baugeschichte und Dekoration des Grabes Ramses' VI. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1989.

Abitz F. The Structure of the Decoration in the Tomb of Ramesses IX // After Tutankhamun. 1992. P. 165–185.

Actes du symposium international sur la Nubie organisé par l'Institut d'Égypte et tenu au siège de l'Institut les 1er. 2 & 3 Mars 1965. Le Caire, 1969.

Adams B. Ancient Hierakonpolis. With an Introduction by Professor H. S. Smith. Warminster, 1974.

Adams W. Y. Nubia. Corridor to Africa. London, 1977.

Adams W. Y. The First Colonial Empire: Egypt in Nubia 3200–1200 B.C. // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1984. 26. P. 36–71

Agam J. Ägyptologische Beiträge aus Israel // GM. 10. 1974. S. 45–47.

Agam J. Zur Wache an der "Fürstenmauer" — Sinuhe, B 19 // GM. 1982. 54. S. 7–10.

Ägypten — Dauer und Wandel. Symposium anläßlich des 75 jährigen Bestehens des DAI Kairo am 10. und 11. Oktober 1982. Main, 1985.

Ägyptisches Museum Berlin, Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz. Berlin: Östlicher Stülerbau am Schloss Charlottenburg, 1967.

Ägyptisches Museum. Staatliche Museen zu Berlin — Stiftung Preussischer Kulturbesitz, K.-H. Priese (hrsg.). Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1991.

Aharoni Y. The Land of 'Amqi // IEJ. 1953. 3. P. 153–161.

Aharoni Y. Zephath of Thutmose // IEJ. 1959. 9. P. 110–122.

Aharoni Y. Some geographical remarks concerning the campaigns of Amenhotep II // JNES. 1960. 19. P. 177–183.

Aharoni Y. Anaharath // JNES. 26. P. 212–215.

Aharoni Y. The Land of the Bible. A Historical Geography / transl. by Anson F. Rainey. Revised and Enlarged Edition. Philadelphia: The Westminster Press, 1979.

Aharoni Y. The Archaeology of the Land of Israel. From the Prehistoric Beginnings to the End of the First Temple Period / ed. by M. Aharoni, transl. by A. F. Rainey from the Hebrew. Philadelphia: Westminster Press, 1982.

Ahituv S. (The Alliance-Oath of the Canaanite Vassals to the Pharaoh) // Studies in Bible and the Ancient Near East. Presented to Samuel E. Loewenstamm on His Seventieth Birthday / ed. by Yitschak Avishur and Joshua Blau. Jerusalem, E. Rubinstein's Publishing House, 1978. P. 55–60. [на иврите].

* Статьи из Лексикона египтологии (Lexikon der Ägyptologie) в библиографию не включены.

Ahituv S. Economic Factors in the Egyptian Conquest of Canaan // IEJ. 1978a. 28. P. 93–105.
Ahituv S. Canaanite Toponyms in Ancient Egyptian Documents. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University; Leiden: E. J. Brill, 1984.
Ahlstrom G. W., Edelmann D. Merneptah's Israël // JNES. 1985. 44. P. 59–62.
Albouy M., Boccon-Gibod H., Golvin J.-C., Govon J.-C., Martinez P. Karnak. Le temple d'Amon restitué par l'ordinateur. Paris, 1989.
Albright W. F. An indirect synchronism between Egypt and Mesopotamia, ca. 1730 B. C. // BASOR. 1945. 99. P. 9–18.
Albright W. F. Some Important Recent Discoveries: Alphabetic Origin and the Idrimi Statue // BASOR. 1950. 118. P. 11–20.
Albright W. F. Abram the Hebrew. A new archaeological interpretation // BASOR. 1961. 163. P. 36–54: II. The caravan trade of the early second millenium, 40–43.
Albright W. F. The Eighteenth-Century Princes of Byblos and the Chronology of Middle Bronze // BASOR. 1964. 176. P. 38–46.
Albright W. F. Chap. XX: "The Amarna Letters from Palestine" // CAH II. 1975a. 2. P. 98–116.
Albright W. F. Chap. XXXIII: "Syria, the Philistines and Phoenicia" // CAH II. 1975b. 2. P. 507–536.
Aldred C. Amenophis redivivus // BMMA 14 (1955–1956). Number 5 (January 1956). P. 114–121.
Aldred C. Hair Styles and History // BMMA 15. Number 6 (February). 1957a. P. 141–147.
Aldred C. The End of the El-'Amarna Period // JEA. 1957b. 43. P. 30–41.
Aldred C. Year Twelve at El-'Amarna // JEA. 1957c. 43. P. 114–117.
Aldred C. The Beginning of the El-'Amarna Period // JEA. 1959a. 45. P. 19–33.
Aldred C. Two Theban Notables during the Later Reign of Amenophis III // JNES. 1959b. 18. P. 113–120.
Aldred C. The Tomb of Akhenaten at Thebes // JEA. 1961. 47. P. 41–60; A. T. Sandison, appendix. P. 60–65.
Aldred C. Valley Tomb n° 56 at Thebes // JEA. 1963. 49. P. 176–178.
Aldred C. The Second Jubilee of Amenophis II // ZÄS. 94. 1967. P. 1–6.
Aldred C. Two Monuments of the Reign of Horemheb // JEA. 1968. 54. P. 100–106.
Aldred C. Middle Kingdom Art in ancient Egypt 2300–1590 B.C. London: Alec Tiranti Ltd., 1969a.
Aldred C. The "New Year" Gifts to the Pharaoh // JEA. 1969b. 55. P. 73–81.
Aldred C. The Foreign Gifts Offered to Pharaoh // JEA. 1970a. 56. P. 105–116.
Aldred C. Some Royal Portraits of the Middle Kingdom in Ancient Egypt // MMJ. 1970b. 3. P. 27–50.
Aldred C. Akhenaten and Nefertiti. New York: The Brooklyn Museum in Association with The Viking Press, 1973.
Aldred C. Chap. XIX: "Egypt: The Amarna Period and the End of the Eighteenth Dynasty" // CAH II. 1975. 2. P. 49–97.
Aldred C. The Horizon of the Aten // JEA. 1976. 62. P. 184.
Aldred C. More Light on the Ramesside Tomb Robberies // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 92–99.
Aldred C. Egyptian Art in the Days of the Pharaohs. 3100–320 BC. London: Thames and Hudson, 1980.
Aldred C. Akhenaten, King of Egypt. London and New York: Thames and Hudson, 1988.
Aldred C., Barguet P., Desroches-Noblecourt Chr., Leclant J., Müller H.-W. L'Empire des Conquérants. L'Égypte au Nouvel Empire (1560–1070). Paris: Gallimard, 1978.
Aldred C., Cenival J.-L. de, Debono F., Desroches-Noblecourt Chr., Lauer J.-Ph., Leclant J., Vercoutter J. Le Temps des Pyramides. De la Préhistoire aux Hyksos (1560 av. J.-C.), Paris, Gallimard, 1978.
Aldred C., Sandison A. T. The Pharaoh Akhenaten: A Problem in Egyptology and Pathology // Bulletin of the History of Medicine, Baltimore. 1962. 36. P. 293–316.

Aling C. F. A Prosopographical Study of the Reigns of Thutmosis IV and Amenhotep III. Ann Arbor, 1976.
Allam S. Le droit égyptien ancien. État de récherches et perspectives // ZÄS. 1978. 105. P. 1–6.
Allam S. La problématique des quarante roulaux de lois // Studien Westendorf. 1984. P. 447–453.
Allam S. Le Hm-kA était-il exclusivement prêtre funéraire? // RdE. 1985. 36. P. 1–15.
Allen J. P. Two Altered Inscriptions of the Late Amarna Period // JARCE. 1988. 25. P. 117–126.
al-Masri Y. S. S. Preliminary Report on the Excavations in Akhmim by the Egyptian Antiquities Organization // ASAE. 1983. 69. P. 7–13.
Alt A. Das Stützpunktsystem der Pharaonen an der phönikischen Küste und im syrischen Binnenland // Beiträge zur biblischen Landes-und Altertumskunde. Stuttgart, 1950. 68. S. 97–133.
Alt A. Neue Berichte über Feldzüge von Pharaonen des Neuen Reiches nach Palästina // ZDPV. 1954. 70. S. 33–75.
Altenmüller H. Zur Lesung und Deutung des Dramatischen Ramesseumpapyrus // JEOL VI. 1965–1966. 1967. No. 19. S. 421–442.
Altenmüller H. Zur Frage der Vergöttlichung der Vezirs (Pa-)Rahotep // JEA. 1975. 61. S. 154–160.
Altenmüller H. Tausret und Sethnacht // JEA. 1982. 68. S. 107–115.
Altenmüller H. Bemerkungen zu den Königsgräbern des Neuen Reiches // SAK. 1983. 10. S. 25–61.
Altenmüller H. Untersuchungen zum Grab des Bai (KV 13) im Tal der Könige von Theben // GM. 1989. 107. S. 43–54.
Altenmüller H. Bemerkungen zu den neu gefundenen Daten im Grab der Königin Twosre (KV 14) im Tal der Könige von Theben // After Tutankhamun. 1992. S. 141–164. (plans, fig.).
Altenmüller H., Moussa A. M. Die Inschrift Amenemhets II. aus dem Ptah-Tempel von Memphis. Ein Vorbericht // SAK. 1991. 18. S. 1–48.
Altman A. The Fate of Abdi-Ashirta // Ugarit-Forschungen. 1977. 9. P. 1–11.
Altman A. The Revolutions in Byblos and Amurru during the Amarna Period and Their Social Background // Bar-Ilan Studies in History / ed. by Pinhas Artzi, Ramat-Gan. Bar-Ilan University Press, 1978. P. 3–24.
Altman A. Trade between the Aegean and the Levant in the Late Bronze Age. Some Neglected Questions // Society and Economy. 1988. P. 229–237.
Amer A. A. A. Reflections on the Reign of Ramesses VI // JEA. 1985. 71. P. 66–70.
Amer A. A. M. A. A Unique Theban Tomb Inscription under Ramesses VIII // GM Heft. 1981. 49. P. 9–12.
Amer A. A. M. A. Notes on Ramesses IX in Memphis and Karnak // GM. 1982. 57. P. 11–16 (fig., ill.).
Andreu G. Le policier *sꜥšꜣ*. A propos de quelques talâtât du IXe pylône de Karnak // BIFAO. 1987. 87. P. 1–20.
Andrews R. D., Bailey D. M. Excavations at El-Ashmunein, I: The Topography of the Site based on the Survey. London, 1983.
Antelme R. Bentanta — fille et épouse de pharaon // Akten München 1985. 1991. 4. P. 27–34.
Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub. Leipzig: Hinrichs, 1928.
Anthes R. Die Vorführung der gefangenen Feinde vor den König // ZÄS. 1930. 65. S. 26–35.
Anthes R. Die Maat des Echnaton von Amarna, Supplement to the Journal of the American Oriental Society. Baltimore, 1952. Number 14, April–June.
Anthes R. Die Berichte des Neferhotep und des Ichernofret über das Osirisfest in Abydos // Festschrift Ägyptisches Museum Berlin. 1974. S. 15–49.
Anthes R. Zur Echtheit der Lehre des Amenemhet // Fragen an die altägyptische Literatur. 1977. S. 41–54.
Anus P. SA'AD Ramadan, Habitations de prêtres dans le temple d'Amon de Karnak // Kêmi. 1971. 21. P. 217–238.

Anus P. Un domaine thébain d'époque "amarnienne" sur quelques blocs de remploi trouvés à Karnak // BIFAO. 1971. 69. P. 69–88.
Arkell A. J. Varia Sudanica // JEA. 1950. 36. P. 24–40.
Arnold D. Zur frühen Namensform des Konigs *mnṯw-ḥtp nb-ḥtp-rᶜ* // MDAIK. 1969. 24. S. 38–42.
Arnold D. Der Tempel des Königs Mentuhotep von Deir el-Bahari. Bd. I. Architektur und Deutung. Bd. II. Die Wandreliefs des Sanktuares. Zeichnungen von Wolf-Günther Ledge und Reginald Coleman. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1974.
Arnold D. Gräber des Alten und Mittleren Reiches in El-Tarif. Mit einem Beitrag von Wolfgang Schenkel und Zeichnungen von Wolf-Günther Legde. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1976.
Arnold D. The Temple of Mentuhotep at Deir el-Bahari. From the Notes of Herbert Winlock. New York, 1979.
Arnold D. Der Tempel des Königs Mentuhotep von Deir el-Bahari. Bd. III: Die königlichen Beigaben, mit einem Beitrag von Dorothea Arnold. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1981.
Arnold D. Der Pyramidenbezirk des Königs Amenemhet III. in Dahschur. Bd. I: Die Pyramide. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1987.
Arnold D. The Pyramid of Senwosret I. With Contributions by Dorothea Arnold and an Appendix by Peter F. Dorman. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1988.
Arnold D. Amenemhat I and the Early Twelfth Dynasty at Thebes // MMJ. 1991. 26. S. 5–48.
Arnold D. The Pyramid Complex of Senwosret I. With contributions by Dorothea Arnold and Felix Arnold and an appendix by Cheryl Haldane. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1992.
Arnold Dieter and Dorothea. Der Tempel Qasr el-Sagha. Aufnahmen unter Mitarbeit von Andreas Brodbeck. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1979.
Arnold D., Settgast J., mit einem Beitrag von Jan Assmann. Vierter Vorbericht über die vom Deutschen Archäologischen Institut Kairo im Asasif unternommenen Arbeiten (5. und 6. Kampagne) // MDAIK. 1968. 23. S. 9–25.
Arnold F., in collaboration with *Arnold D.*, *Edwards I. E. S., Osing J.* The Control Notes and Team Marks. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1990.
Arnold F. The High Stewards of the Early Middle Kingdom // GM. 1991. 122. P. 7–14.
Arnold F. New Evidence for the Length of the Reign of Senwosret III? // GM. 1992. 129. P. 27–31.
Artzi M., Perlman I., Asaro F. Alašiya of the Amarna Letters // JNES. 1976. 35. P. 171–182.
Artzi P. The Rise of the Middle-Assyrian Kingdom. according to El-Amarna Letters 15 & 16. A Contribution to the Diplomatic History of Ancient Near East in the Mid-Second Millenium B.C.E. // Bar-Ilan Studies in History / ed. by Pinhas Artzi, Ramat-Gan. Bar-Ilan University Press, 1978. P. 25–41.
Assmann J. Eine Traumoffenbarung der Göttin Hathor. Zeugnisse "Persönlicher Frömmigkeit" in thebanischen Privatgräbern der Ramessidenzeit // RdE. 1978. 30. S. 22–50.
Assmann J. Die "Loyalistische Lehre" Echnatons // SAK. 1980. 8. S. 1–32.
Assmann J. Krieg und Frieden im alten Ägypten: Ramses II. und die Schlacht bei Kadesch, Mannheimer Forum. Mannheim, 1983–1984. S. 175–231.
Assmann J. Ägypten. Theologie und Frömmigkeit einer frühen Hochkultur. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1984.
Assmann J. Priorität und Interesse: Das Problem der Ramessidischen Beamtengräber // Problems and Priorities. 1987. S. 31–41.
Astour M. C. Mesopotamian and Transtigridian Place Names in the Medinet Habu Lists of Ramses III // JAOS. 1968. 88. P. 733–752.
Astour M. C. Some Recent Works on Ancient Syria and the Sea People // JAOS. 1972. 92. P. 447–459.

Astour M. C. Ugarit and the Great Powers // Ugarit in Retrospect. Fifty Years of Ugarit and Ugaritic. Winona Lake (Indiana), 1981. P. 3–29.
Åström P. Aegyptiaca at Hala Sultan Tekke // Opuscula Atheniensia. Stockholm, 1984. 15. P. 17–24.
Aufrere S. Remarques sur la transmission des noms royaux par les traditions orale et écrite // BIFAO. 1989. 89. P. 1–14.
Awadalla A. Un document prouvant la corégence d'Amenemhat et de Sesostris I // GM. 1990. 115. P. 7–14.
Azim M. La fouille de la cour du Xe pylône. Rapport préliminaire // Karnak VI. 1980. P. 153–165.
Azim M. Découverte et sauvegarde des blocs de Sésostris ler, extraits du IXe pylône de Karnak // Prospection et Sauvegarde des Antiquités de l'Égypte. Actes de la table ronde organisée à l'occasion du centenaire de l'IFAO. 8–12 janvier 1981 / éd. par Nicolas-Christophe Grimal. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1981. P. 49–56.
Azim M. Découverte de dépôts de fondation d'Horemheb au IXe pylône de Karnak // Karnak VII. 1982. P. 93–120.
Azim M. Le grand pylône de Louqsor // Mélanges Vercoutter. 1985. P. 19–41.
Azim M., Traunecker C. Un mât du IXe pylône au nom d'Horemheb // Karnak VII. 1982. P. 75–92.
Badawy A. A History of Egyptian Architecture, 3 vol. Giza; Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1954, 1966, 1968.
Badawy A. The transport of the colossus of Djehutihetep // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1963. 8. P. 325–332.
Badawy A. Preliminary Report on the Excavations by the University of California at Askut (First Season, October 1962 — January 1963) // Kush. 1964. 12. P. 47–53.
Badawy A. A Monumental Gateway for a Temple of King Sety I. An Ancient Model Restored // Miscellanea Wilbouriana. 1972. 1. P. 1–20.
Badawy A. M. Aberrations about Akhenaten // ZÄS. 1973. 99. 2. P. 65–72.
Badawy A. M. The Names Per-Ha'y/Gem-Aten of the Great Temple at 'Amarna // ZÄS. 1975. 102. P. 10–13.
Bailey D. M., Davies W. V., Spencer A. J. British Museum Expedition to Middle Egypt. Ashmunein (1980). London: British Museum. Departments of Egyptian, and Greek and Roman Antiquities, 1982. British Museum Occasional Paper, 37.
Baines J. The Inundation Stela of Sebekhotpe VIII // AcOr. 1974. 36. P. 39–54 (4 pl.)
Baines J. The Sebekhotpe VIII Inundation Stela: An Additional Fragment // AcOr. 1976. 37. P. 11–20.
Baines J. The Stela of Emhab: Innovation, Tradition, Hierarchy // JEA. 72. 1986. P. 41–53.
Baines J. The stela of Khusobek: private and royal military narrative and values // Form und Mass. 1987. P. 43–61.
Baines J., Malek J. Atlas of Ancient Egypt. Oxford: Phaidon, 1980.
Bakry H. S. K. Was there a Temple of Horus at Heliopolis? // MDAIK. 22. 1967. P. 53–59.
Bakry H. S. K. Reconstruction of the Third Pylon at Karnak // ASAE. 60. 1968. P. 7–14.
Bakry H. S. K. Recent Discoveries in the Delta, The Discovery of a statue of prince Merenptah at Tell el-Maskhutah in the Eastern Delta. A Statue of Ramesses IV (1151–1145 B.C.) found at Tell el-Far'ûn, The Discovery of a Statue of Queen Twosre (1202–1194? B.C.) at Madinet Nasr, Cairo // RSO. 1971. 46. P. 1–15, 17–26.
Bakry H. S. K. The Discovery of a Temple of Sobk in Upper Egypt // MDAIK. 1971. 27. P. 131–146.
Bakry H. S. K. Akhenaten at Hēliopolis // CdE XLVII. 1972. Nos. 93–94. P. 55–67.
Bakry H. S. K. The discovery of a temple of Merenptah at Ōn // Aegyptus. 1973. 53. P. 3–21.
Balensi J. Tell Abu Hawam: Un Cas Exceptionnel? // Society and Economy. 1988. P. 305–311.

Balout L., Roubet C. La momie de Ramsès. Contribution scientifique à l'Egyptologie. Sous la direction de Lionel Balout et C. Roubet, avec la participation de Ch. Desroches-Noblecourt, etc. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations (A.D.P.F.), 1985.
Barakat Abu el-Ayun. The Temple of Kha'-'Akhet in Western Thebes // MDAIK. 1981. 37. P. 29–33.
Barber E. J. W. New Kingdom Egyptian Textiles: Embroidery vs. Weaving // AJA. 1982. 86. P. 442–445.
Barbotin Chr. Un fragment de texte d'inspection de Merenptah à Tôd // RdE. 1991. 42. P. 251–252.
Barbotin Chr., Clere J.-J. L'inscription de Sésostris Ier à Tôd // BIFAO. 91. 1991. P. 1–33.
Bareš L. A Note to the Thirteenth Dynasty at Abusir // VA. 4. 1988. P. 117–120.
Barguet P. Le temple d'Amon-Rê à Karnak. Essai d'exégèse. Le Caire, 1962.
Barguet P. Le pharaon Aménophis IV Akhénaton et l'exaltation du pouvoir royal // Cahiers d'Histoire. Publiés par les Universités de Clermont-Lyon-Grenoble. Grenoble, 1968. 13. P. 27–30 (= Mélanges d'Histoire André Fugier).
Barguet P. Remarques sur quelques scènes de la salle du sarcophage de Ramsès VI // RdE. 1978. 30. P. 51–56.
Barnett R. D. The Sea Peoples = CAH. Vol. II. Chapter XXVIII. 1969 (24 p.).
Barta W. Zwei ramessidische Stelen aus dem Wadi Sannûr // MDAIK. 1965. 20. S. 98–101.
Barta W. Das Selbstzeugnis eines altägyptischen Künstlers (Stele Louvre C 14). Berlin: Verlag Bruno Hessling, 1970.
Barta W. Die ägyptischen Sothisdaten und ihre Bezugsorte // JEOL [VIII]. No. 26. 1979–1980. S. 26–34.
Barta W. Thronbesteigung und Krönungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme // SAK. 1980. 8. S. 33–53.
Barta W. Der Dekankalender des Nutbildes und das Sothisdatum aus dem 7. Regierungsjahr Sesostris' Ill. // SAK. 1981a. 9. S. 85–103.
Barta W. Bemerkungen zur Chronologie der 6. bis. 11. Dynastie // ZÄS. 1981b. 108. S. 23–33.
Barta W. Akencheres and die Witwe des Nibhururia // GM. 1983a. 62. S. 15–21.
Barta W. Bemerkungen zur Rekonstruktion der Vorlage des Turiner Königspapyrus // GM. 1983b. 64. S. 11–13.
Barta W. Noch einmal zu den Namensformen Chephren und Lamares // GM. 1985. 85. S. 7–12.
Barta W. Zur Konstruktion der ägyptischen Königsnamen, V. Die Eigennamen der ägyptischen Könige // ZÄS. 1989. 116. S. 1–9.
Barta W. Zur Konstruktion der ägyptischen Königsnamen // ZÄS. 1987. 114. S. 3–10 and 105–113.
Barta W. Zur Konstruktion der ägyptischen Königsnamen, VI. Alphabetisches Verzeichnis der Königsnamen und ihrer Epitheta in Übersetzung // ZÄS. 1989. 116. S. 111–137 (tables).
Barta W. Zur Konstruktion der ägyptischen Königsnamen. III. Die Horus-, Herrinnen- und Goldnamen von der Herakleopolitenzeit bis zu den Argeaden // ZÄS. 1988a. 115. S. 1–8.
Barta W. Zur Konstruktion der ägyptischen Königsnamen. IV. Die Königsnamen der Ptolemäer und Römer sowie der späteren Kuschiten // ZÄS. 1988a. 115. S. 87–95.
Barta W. Das Kalendarium des Papyrus Ebers mit der Notiz eines Sothisaufgangs // GM. 1988b. 101. S. 7–12.
Basch L. Les bateaux-corbeilles des Haou Nebout // CRIPEL. 1976. 4. P. 11–51.
Basch L. Le navire *mnš* et autres notes de voyage en Égypte // The Mariner's Mirror. Greenwich, 1978. 64. P. 99–123.
Bass G. F. Cape Gelidonya and Bronze Age Maritime Trade // Orient and Occident. Essays presented to Cyrus H. Gordon on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday / ed. by Harry A. Heffner, Jr. Kevelaer: Verlag Butzon & Bercker; Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1973. P. 29–37.
Baum N. Arbres et arbustes de l'Égypte ancienne. La liste de la tombe thébaine d'Ineni (no. 81). Leuven: Departement Oriëntalistiek/Uitgeverij Peeters, 1988.

Beaux N. Le Cabinet de Curiosités de Thoutmosis III. Plantes et animaux du “Jardin botanique” de Karnak. Leuven: Departement Oriëntalistiek / Uitgeverij Peeters, 1990.
Beck-Hartmann R. Der Ramessidische Manierismus in der privaten Flachbildkunst // Amosiadès. Mélanges Vandersleyen. 1992. S. 37–41.
Beinlich H. Konkordanz der Tutanchamun-Kataloge // GM. 1984. 71. S. 11–26.
Beinlich H., Saleh M. Corpus der hieroglyphischen Inschriften aus dem Grab des Tutanchamun. Mit Konkordanz der Nummernsysteme des ‘Journal d’Entrée’ des Ägyptischen Museums Kairo, der Handlist to Howard Carter’s Catalogue of Objects in Tut’ankhamun’s Tomb und der Ausstellungs-Nummer des Ägyptischen Museums. Kairo; Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum, 1989.
Beinlich-Seeber Chr., Shedid A. G. Das Grab des Userhat (TT 56). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1987.
Beit-Arieh I. Canaanites and Egyptians at Serabit el-Khadim // Egypt, Israel, Sinai. 1987. P. 57–67.
Beit-Arieh I., Giveon R., Sass B. Explorations at Serâbît el-Khâdim — 1977 // Tel Aviv. 1978. 5. P. 170–174.
Bell B. The Dark Ages in Ancient History. I. The First Dark Age in Egypt // AJA. 1971. 75. P. 1–26.
Bell B. Climate and the History of Egypt: the Middle Kingdom // AJA. 1975. 79. P. 223–269.
Bell L. Once More the a.w: “Interpreters” or “Foreigners”? // Newsletter ARCE. No. 87 (October 1973). P. 33.
Bell L. Only One High Priest Ramessenakht and the Second Prophet Nesamun His Younger Son // Serapis. 1980. 6. P. 7–27.
Bell L. Dira Abu el-Naga: The Monuments of the Ramesside High Priests of Amun and Some Related Officials // MDAIK. 1981. 37. P. 51–62.
Bell L. Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // JNES. 1985a. 44. P. 251–294.
Bell L. Aspects of the Cult of the Deified Tutankhamun // Mélanges Mokhtar I. 1985b. P. 31–59.
Bell L. La parenté de Toutankhamon // Louqsor. 1986. P. 47–49.
Bell L., Johnson J. H., Whitcomb D. The Eastern Desert of Egypt: Routes and Inscriptions // JNES. 43. 1984. P. 27–46.
Bell M. R. Preliminary Report on the Mycenaean Pottery from Deir el-Medîna (1979–1980) // ASAE. 1982. 68. P. 143–163.
Bell M. R. Gurob Tomb 605 and Mycenaean Chronology // Mélanges Mokhtar I. 1985. P. 61–86.
Bell M. R. An Armchair Excavation of KV 55 // JARCE. 1990. 27. P. 97–137.
Белова Г. А. Титулатура «царских сыновей Куша» как источник для исследования их функций // ВДИ. 1978. № 2 (144). С. 153–175.
Bennett J. Notes on the “aten” // JEA. 1965. 51. P. 207–209.
Bentley J. Amenophis III and Akhenaten: Co-Regency Proved? // JEA. 1980. 66. P. 164–165.
Ben-Tor D. Commemorative Scarab of Amenhotep IV (Akhenaton) // The Israel Museum Journal. Jerusalem (Spring 1983). 2. P. 39–41.
Ben-Tor D. The Scarab. A Reflection of Ancient Egypt. Jerusalem: The Israel Museum, 1993.
Beran T. Ausgrabungen in Bogazkôy // AfO. 1963. 20. P. 243–248.
Berg D. A. Early 18th Dynasty expansion into Nubia // JSSEA. 1987. 17. P. 1–14.
Berlandini J. Varia memphitica III // BIFAO. 1979. 79. P. 249–265.
Berlandini J. Les tombes amarniennes et d’époque Toutânkhamon à Sakkara, critères stylistiques // L’Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 195–212.
Berlandini J. La chapelle de Séthi I. Nouvelles découvertes: les déesses *Ṯsmt* et *Mn-nfr* // BSFE. 99 (mars 1984). P. 28–52.
Berlandini J. Petite statuaire memphite au Musée du Louvre. La dyade de Sementaouy et la statuette de Tchay // RdE. 1986. 37. P. 3–11.
Berlandini-Grenier J. Le dignitaire ramesside Ramsès-em-per-Rê // BIFAO. 1974. 74. P. 1–19.
Berlandini-Grenier J. Senenmout, stoliste royal, sur une statue-cube avec Neferourê // BIFAO. 1976. 76. P. 111–132.

Берлев О. Д. Семья царя *Śḫm-rˁ šd-tꜣ.wj Śbk-m-sꜣ.f* и его место среди царей позднего Среднего царства // ВДИ. 1961. № 3 (77). С. 100–107.
Берлев О. Д. Новая царская семья эпохи позднего Среднего царства // Палестинский сборник. 1965. 13. С. 15–31.
Берлев О. Д. Египетский военный флот в эпоху Среднего царства // Палестинский сборник. 1967. 17. С. 6–20.
Berlev O. D. Les prétendus «citadins» au Moyen Empire // RdE. 1971. 23. P. 23–48.
Berlev O. D. A Contemporary of King Sewah-en-re' // JEA. 1974a. 60. P. 106–113.
Берлев О. Д. Стела Вюрцбургского университетского музея (XIII династия) // Палестинский сборник. 1974b. 25. С. 26–31.
Berlev O. Un don du roi Rahotep // Miscellanea Vergote. 1976. P. 31–41.
Берлев О. Д. Статуэтка царицы эпохи позднего Среднего царства из Кавы // Мероэ. История, история культуры, язык древнего Судана: Сб. ст. М., 1977. С. 60–63.
Berlev O. D. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies Presented to Hans Jakob Polotsky / ed. by Dwight W. Young. East Gloucester (Mass.): Pirtle & Polson, 1981. P. 361–377.
Берлев О. Д. Стела, поставленная по заказу царевны *ḥnwt-ṯmḥw* // Археологические памятники северо-западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 151–159.
Berman L. M. Amenemhet I. Ph. D. Diss. Yale University, 1985.
Bibliographie du Soudan: Beiträge zur Sudan Forschung, выходит с 1986.
Bickel S. Les domaines funéraires de Thoutmès IV // BSEG. 1989. 13. P. 23–32.
Bickel S., Chappaz J.-L. Missions épigraphiques du Fonds de l'Égyptologie de Genève au Speos Artemidos // BSEG. 12. 1988. P. 9–24.
Bidoli D. Zur Lage des Grabes des Amenophis, Sohn des Hapu // MDAIK. 1970. 26. P. 11–14.
Bierbrier M. L. The length of the reign of Sethos I // JEA. 1972. 58. P. 303.
Bierbrier M. L. Hrere, Wife of the High Priest Paiankh // JNES. 32. 1973. P. 311.
Bierbrier M. L. The Late New Kingdom in Egypt (c. 1300–664 B. C.). A Genealogical and Chronological Investigation / with a Foreword by K. A. Kitchen. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1975.
Bierbrier M. L. The Length of the Reign of Ramesses X // JEA. 1975. 61. P. 251.
Bierbrier M. Notes on Deir el-Medina. II. The Career of Paneb // JSSEA. 8. 1977–1978. P. 138–140.
Bierbrier M. L. Piay in Cambridge // JEA. 1982. 68. P. 85–92.
Bierbrier M. L. Notes de prosopographie thébaine. 14. The Family of Sennedjem // CdE. 1984. 59. P. 199–213.
Bierbrier M. Les bâtisseurs de Pharaon. La confrérie de Deir el-Médineh. Monaco: Editions du Rocher, 1986 (перевод с английского книги: *Bierbrier M. L.* The Tomb-Builders of the Pharaohs. London: BM Publications, 1982).
Bierbrier M. L. The Vizier Parahotep and the High Priest of Onuris Minmose in the Townley Papers // CdE. 1988. 63. P. 213–220.
Bietak M. Theben-West (Luqsor). Vorbericht über die ersten vier Grabungskampagnen (1969–1971). Wien: Hermann Böhlaus Nachf., 1972.
Bietak M. Tell el-Dab'a II. Der Fundort im Rahmen einer archäologisch-geographischen Untersuchung über das ägyptische Ostdelta. Mit einem geodätischen Beitrag von Josef Dorner und Heinz König. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975.
Bietak M. Urban Archaeology and the "Town Problem" in Ancient Egypt // Egyptology and the Social Sciences. Five Studies / ed. by Kent R. Weeks. With Contributions by Manfred Bietak, Gerhard Haeny, Donald B. Redford, Bruce G. Trigger, Kent R. Weeks. Cairo: The American University in Cairo Press, 1979a.

Bietak M. Avaris and Piramesse: Archaeological Exploration in the Eastern Nile Delta. Mortimer Wheeler Archaeological Lecture 1979. Oxford: Oxford University Press, 1981 — Proceedings of the British Academy. London, 1979b. 65. P. 225–290.
Bietak M. Eine Stele des ältesten Königssohnes des Hyksos Chajan // MDAIK. 1981. 37. S. 63–71.
Bietak M. Problems of Middle Bronze Age Chronology. New Evidence from Egypt // AJA. 1984b. 88. P. 471–485.
Bietak M. Eine Palastanlage aus der Zeit des späten Mittleren Reichs und andere Forschungsergebnisse aus dem östlichen Nildelta (Tell el-Dab'a 1979–1984) // Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1984b. 121. Nr. 14. S. 313–349.
Bietak M. Zum Königreich des aA-zH-Ra Nehesi // SAK. 1984c. 11. S. 59–75.
Bietak M. Ein altägyptischer Weingarten in einem Tempelbezirk // Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1985a. 122. S. 267–278.
Bietak M. Zu den nubischen Bogenschützen aus Assiut: ein Beitrag zur Geschichte der Ersten Zwischenzeit // Mélanges Mokhtar I. 1985b. S. 87–97.
Bietak M. Canaanites in the Eastern Nile Delta // Egypt, Israel, Sinai. 1987a. P. 41–56.
Bietak M. Comments on the "Exodus" // Egypt, Israel, Sinai. 1987b. P. 163–171.
Bietak M. The C-Group and the Pan-Grave Culture in Nubia. Nubian Culture, 1987c.
Bietak M. Zur Herkunft des Seth von Avaris // Ägypten und Levante. Zeitschrift für ägyptische Archäologie undderen Nachbargebiete. Wien, 1990. 1. S. 9–16.
Bietak M. Zur Landnahme Palästinas durch die Seevölker und zum Ende der ägyptischen Provinz Kana'an // MDAIK. 1991. 47. S. 35–50.
Bietak M. Minoan Wall-Paintings Unearthed at Ancient Avaris // Egyptian Archaeology. 1992. 2. P. 26–28.
Bietak M., Strouhal E. Die Todesumstände des Pharaos Seqenenre' (17. Dynastie). Vorbericht // Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien. Wien, 1974. 78. S. 29–52.
Bille-de-Mot E. Die Revolution des Pharao Echnaton. München: Georg D. W. Callwey, 1965.
Bimson J. J. Redating the Exodus and Conquest. Sheffield, 1978 = Journal for the Study of the Old Testament. Supplement Series, 5.
Bisson de la Roque F. Tôd: (1934 à 1936). Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1937.
Bisson de la Roque F., Clère J. J. Rapport sur les fouilles de Médamoud, 1927. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1928.
Bittel K. H. The Capital of the Hittites. Oxford, 1970.
Björkman G. Egyptology and Historical Method // Orientalia Suecana. 13 (1964). Uppsala, 1965. P. 9–33.
Björkman G. Kings at Karnak. A Study of the Treatment of the Monuments of Royal Predecessors in the Early New Kingdom. Uppsala, 1971.
Björkman G. Neby, the Mayor of Tjaru in the Reign of Tuthmosis IV // JARCE. 1974. 11. P. 43–51.
Blackman A. M. The Rock-Tombs of Meir VI. London: Egypt Exploration Fund, 1953.
Blankenberg-van Delden C. The Large Commemorative Scarabs of Amenhotep III. Leiden: E. J. Brill, 1969.
Blankenberg-van Delden C. More Large Commemorative Scarabs of Amenophis III // JEA. 1976. 62. P. 74–80.
Blankenberg-van Delden C. Once Again Some More Commemorative Scarabs of Amenophis III // JEA. 63. 1977. P. 83–87.
Blankenberg-van Delden C. Ahmes Merytamon und Ahhotep I, Consort of Senakhtenre Tao I? // GM. 47. 1981. S. 15–19.
Blankenberg-van Delden C. A Genealogical Reconstruction of the Kings and Queens of the Late 17th and Early 18th Dynasties // GM. 1982. 54. P. 31–45.

Blankenberg-van Delden C. Kamosis // GM. 1982. 60. P. 7–8.
Blankenberg-van Delden C. Queen Ahmes Merytamon // GM. 1983. 61. P. 13–16.
Blankenberg-van Delden C. Ahmes Satamon Once Again // JEA. 1986. 72. P. 192–193.
Bleiberg E. L. Commodity Exchange in the Annals of Thutmose III // JSSEA. 1981. 11. P. 107–110.
Bleiberg E. L. The Location of Pithom and Succoth // Egyptological Miscellanies. 1983. P. 21–27.
Bleiberg E. L. Historical texts as political propaganda during the New Kingdom // BES. 1985/86. 7. P. 5–14.
Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I, Die Phraseologie. Berlin: Akademie-Verlag, 1970.
Blumenthal E. Die Datierung der *Nḥri*-Graffiti von Hatnub. Zur Stellung der ägyptischen Gaufürsten im frühen Mittleren Reich // AoF. 1976. 4. S. 35–62.
Blumenthal E. Die Koptosstele des Königs Rahotep (London U.C. 14327) // Ägypten und Kusch. 1977. S. 63–80.
Blumenthal E. Die Lehre für König Merikare // ZÄS. 1980. 107. S. 5–41.
Blumenthal E. Die Prophezeiung des Neferti // ZÄS. 1982. 109. S. 1–27.
Blumenthal E. Die erste Koregenz der 12. Dynastie // ZÄS. 1983. 110. S. 104–121.
Blumenthal E. Die Lehre des Königs Amenemhet (Teil I) // ZÄS. 1984. 111. S. 85–107; (Teil II) // ZÄS. 1985. 112. S. 104–115.
Blumenthal E. Die "Gottesväter" des Alten und Mittleren Reiches // ZÄS. 1987. 114. S. 10–35.
Bockenheimer S., Eickhoff U., Metzel E., Voigt K. Radiologisch-äquidensitographische Untersuchungen der Kalottenverletzungen des Pharao Seqenenre // Fortschritte auf dem Gebiete der Röntgenstrahlen und der Nuklearmedizin. Stuttgart, 1978. 128. S. 691–694.
Богословская И. В., Богословский Е. С. Сиро-палестинская богиня Кудшу в древнем Египте (совместно с Богословской) // Палестинский сборник. Л., 1978. 26 (89). С. 140–164.
Bogoslovsky E. The Two Best Egyptian Statuettes in the Collection of the Museum of Fine Arts, Moscow // Études et Travaux. 1973. 7. P. 21–40.
Богословский Е. С. Два памятника сподвижника Аменхотпа III // ВДИ. 1974. № 2 (128). С. 86–96.
Bogoslowski E. S. Die "Auf-den-Ruf-Hörenden" in der Privatwirtschaft unter der 18. Dynastie // Ägypten und Kusch. 1977. S. 81–95.
Bogoslowski E. S. Hundred Egyptian Draughtsmen // ZÄS. 1980. 107. P. 89–116.
Bogoslowski E. S. On the System of the Ancient Egyptian Society of the Epoch of the New Kingdom. According to Documents from Deir el-Medina // AoF. 1981. 8. P. 5–21.
Bogoslovskij E. S., Perepelkin Ju. Ja. Die Revolution von Amen-hotp IV. I. Band (russisch). Moskau, 1967. 592 S. (Akademie der Wissenschaften der UsSSR. "Nauka"-Verlag) // GM. 1983. 61. S. 53–63.
Bohleke B. An Ex Voto of the Previously Unrecognized Viceroy Setmose // GM. 1985. 85. P. 13–24.
Bökönyi S. Subfossile Elefantenknochen aus Vorderasien // Hachmann. 1986. S. 187–189.
Bomann A. H. The Private Chapel in Ancient Egypt. A study of the chapels in the Workmen's Village at El Amarna with special reference to Deir el Medina and other sites. London; New York: Kegan Paul International, 1991.
Bongioanni A. Considerations sur les "noms" d'Aten et la nature du rapport souverain-divinité à l'époque amarnienne // GM. 68. 1983. P. 43–52.
Bongioanni A. Addenda et Corrigenda à "Considérations sur les 'noms' d'Aten et la nature du rapport souverain-divinité à l'époque amarnienne" dans GM 68 // GM. 1984. 71. P. 93.
Bongioanni A. A proposito del "prenomen" Aa-kheperu-Re della tomba di Anj ad el-Amarna // DE. 1987. 8. P. 7–13.
Bongrani Fanfoni L. Ay, Tutankhamen e Mutnedjemet // Studi classici e orientali. Pisa, 1980. 30. P. 61–67.

Bongrani Fanfoni L. La stele di Hatscepsut a Thutmosi III presso il Museo Gregoriano Egizio // Scritti in onore di Orsolina Montevecchi. A cura di Edda Bresciani, Giovanni Geraci, Sergio Pernigotti, Giancarlo Susini. Bologna: Editrice CLUEB (Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna), 1981. P. 39–40.
Bonhême M.-A. Les noms royaux dans l'Égypte de la Troisième Période Intermédiaire. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale, 1987.
Bonhême M.-A. Le Livre des Rois de la Troisième Période Intermédiaire. I: XXIe Dynastie. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale, 1987.
Bonhême M.-A., Forgeau A. Pharaon. Les secrets du pouvoir. Préface de Jean Leclant. Paris: Armand Colin, 1988.
Bonnel R. G. The ethics of el-Amarna // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 71–97.
Bonnet Ch. Kerma. Territoire et métropole. Quatre leçons au Collège de France. Le Caire: IFAO, 1986.
Bonnet Ch. Kerma, royaume africain de Haute Nubie // Nubian Culture, Past and Present. Main Papers Presented at the Sixth International Conference for Nubian Studies in Uppsala, 11–16 August, 1986 / ed. by Tomas Hägg. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1987.
Bonnet Ch., Valbelle D. Le village de Deir el-Médineh. Étude archéologique (suite) // BIFAO. 1976. 76. P. 317–342.
Bonnet Ch., Valbelle D. Le village de Deir el-Médineh. Reprise de l'étude archéologique // BIFAO. 1975. 75. P. 429–446.
Boochs W. Weitere Bemerkungen zu den sogenannten Tributen // GM. 1984a. 71. S. 61–66.
Boochs W. Eristische Dialektik // GM. 1984b. 80. S. 85–87.
Borchardt L. Der ägyptische Titel "Vater des Gottes" als Bezeichnung für "Vater oder Schwiegervater des Königs" // Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, Philol.-hist. Kl. 57. Leipzig, 1905. S. 254–270.
Borchardt L. Der Porträtkopf der Königin Teje im Besitz von Dr. James Simon in Berlin. Leipzig: Hinrichs, 1911.
Borchardt L. Die Mittel zur zeitlichen Festlegung von Punkten der ägyptischen Geschichte und ihre Anwendung. Kairo: Selbstverl., 1935.
Borchardt L., Ricke H. Die Wohnhäuser in Tell el-Amarna. Unter Mitarbeit von Abel, Breith, Dubois, Hollander, W. Honroth, Kirmse, Marcks, Mark, Rösch. Mit einem Anhang von Stephan Seidlmayer. Herausgegeben von der Deutschen Orient-Gesellschaft in Zusammenarbeit mit dem Deutschen Archäologischen Institut Kairo durch Volkmar Fritz und Rainer Stadelmann. Berlin: Gebr. Mann, 1980.
Borghouts J. F. The First Hittite Marriage Record: Seth and the Climate // Mélanges Gutbub. 1984. P. 13–16.
Börker-Klähn J. Die archäologische Problematik der Hurriter-Frage und eine mögliche Lösung // Haas. 1988. S. 211–247.
Bosse-Griffiths K. Two Lute-Players of the Amarna Era // JEA. 1980. 66. P. 70–82.
Bosticco S. Museo Archeologico di Firenze. Le stele egiziane dall' Antico al Nuovo Regno, Parte I, Roma, Istituto Poligrafico dello Stato. Libreria dello Stato, 1959.
Bothmer B. V. A New Fragment of an Old Palette // JARCE. 1969–1970. 8. P. 5–8.
Bothmer B. V. On Photographing Egyptian Art // SAK. 1978. 6. P. 51–53.
Bothmer B. V. Amenhotep I in London and New York. An Iconographical Footnote // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. P. 89–91.
Botti G., Romanelli P. Le sculture del Museo Gregoriano Egizio, con prefazione di Bartolomeo Nogara, appendice storico-archivistica di Carlo Pietrangeli. Città del Vaticano: Tipografia Poliglotta Vaticana, 1951.
Bouriant U., Legrain G., Jequier G. Monuments pour servir à l'étude du culte d'Atonou en Égypte. I: Les tombes de Khouit-atonou. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1903.
Bourriau J. Museum Acquisitions, 1985. Egyptian Antiquities Acquired in 1985 by Museums in the United Kingdom // JEA. 1987. 73. P. 191–195.

Bourriau J. Pharaohs and Mortals. Egyptian Art in the Middle Kingdom. Catalogue. With a Contribution by Stephen Quirke. Exhibition organised by the Fitzwilliam Museum, Cambridge 19 April to 26 June, Liverpool 18 July to 4 September 1988, Cambridge etc., Cambridge University Press / Cambridge, Fitzwilliam Museum, 1988.

Bourriau J. A Private Stela of the Reign of Tutankhamun in the Fitzwilliam Museum // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. P. 110–113.

Bowman H., Stross F. H., Asaro F., Hay R. L., Heizer R. F., Michel H. V. The Northern Colossus of Memnon. New Slants // Archaeometry. Oxford, 1984. 26. P. 218–229.

Brack Annelies und Artur. Das Grab des Tjanuni. Theben Nr. 74. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977.

Brack Annelies und Artur. Das Grab des Haremhab. Theben Nr. 78. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1980.

Brack Artur. Diskussionsbeitrag zu dem Titel *ḫkrt njswt* // SAK. 1984. 11. S. 183–186.

Bradbury L. The Tombos Inscription: A New Interpretation // Serapis. 1985. 8. P. 1–20.

Bradbury L. Reflections on Traveling to "God's Land" and Punt in the Middle Kingdom // JARCE. 25. 1988. P. 127–156.

Braunstein-Silvestre F. Quand le cheval arrive-t-il en Égypte? // Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-Eastern Africa / ed. by Lech Krzyz aniak and Michal Kobusiewicz. Proceedings of the International Symposium Organized by the Archaeological Commission of the Polish Academy of Sciences, Poznan Branch and Held under the Auspices of the Commission on Terminology of the Prehistory of the Near East and North Africa of the International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences, Dymaczewo near Poznan, 9–13 September, 1980. Poznań: Polska Akademia Nauk, 1984. P. 271–275.

Breasted J. H. The battle of Kadesh: a study in the earliest known military strategy // The University of Chicago: the decennial publications. Ser. 1. Vol. 5. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1903.

Brentjes B. Einige Bemerkungen zum Ur im Alten Orient // Säugetierkundliche Mitteilungen. München, 1971. 19. S. 344–351.

Brentjes B. Das Pferd im Alten Orient // Säugetierkundliche Mitteilungen. München, 1972. 20. S. 325–353.

Bresciani E. Un edificio di Kha-anekh-Ra Sobek-hotep ad Abido (MSS Acerbi, Biblioteca Comunale di Mantova) // EVO. 1979. 2. P. 1–20.

Bresciani E. L'attività archeologica dell'Università di Pisa in Egitto: 1977–1980 // EVO. 3. 1980. P. 1–36.

Bresciani E. La stele Cat. 1908 del Museo Civico di Bologna a gli altri monumenti del primo araldo del re, scriba del re, scriba dell'esercito a scriba delle reclute, Senu // MDAIK. 1981. 37. P. 85–95.

Bresciani E. Iconografia e culto di Premarres nel Fayum // EVO. 1986. 9. P. 49–58.

Brier B., Pafundi V. J., Jr. A Gold Foil Lake Scarab Text of Amenhotep III // VA. 1991. 7. P. 15–27.

Brinkman J. A. Foreign Relations of Babylonia from 1600 to 625 B. C.: The Documentary Evidence. Summary [Chronologies in Old World Archaeology. Archaeological Seminar at Columbia University 1970–1971] // AJA. 76. 1972. P. 271–281.

Broadhurst C. An artistic interpretation of Sety I's war reliefs // JEA. 1989. 75. P. 229–234.

Brock E. C. The Tomb of Merenptah and its Sarcophagi // After Tutankhamun. 1992. P. 122–140.

Brovarski E. The House of *Ḫww* // Serapis. 1970. 2. P. 39–40.

Brovarski E. Senenu, High Priest of Amūn at Deir el-Bahri // JEA. 1976. 62. P. 57–73.

Brovarski E. Two Monuments of the First Intermediate Period from the Theban Nome // Studies Hughes. 1976. P. 31–41.

Brovarski E. The Inscribed Material of the First Intermediate Period from Haga ed-Dir. Ph.D. diss. University of Chicago, 1984.

Brovarski E., Murnane W. J. Inscriptions from the Time of Nebhepetre Mentuhotep II at Abisco // Serapis. 1969. 1. P. 11–33.
Brunner H. Der “Gottesvater” als Erzieher des Kronprinzen // ZÄS. 1961. 86. S. 90–100.
Brunner H. Die Geburt des Gottkönigs, Studien zur Überlieferung eines altägyptischen Mythos. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
Brunner H. Die Sonnenbahn in ägyptischen Tempeln // Archäologie und Altes Testament. S. 27–34.
Brunner H. Eine Inschrift aus der Frühzeit Amenophis’ IV // ZÄS. 1971. 97. S. 12–18.
Brunner H. Die südlichen Räume des Tempels von Luxor. Unter Mitarbeit von Johanna Dittmar, Lucie Lamy, Frank Teichmann und mit einem Abschnitt von Emma Brunner-Traut. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977.
Brunner H. Die Statue “Ramses-meri-Amun-der-Gott” // MDAIK. 1981. 37. S. 101–106.
Brunner-Traut E. Noch einmal die Fürstin von Punt. Ihre Rasse, Krankheit und ihre Bedeutung für die Lokalisierung von Punt // Festschrift Ägyptisches Museum. Berlin, 1974. S. 71–85.
Bruyn M. J. de. The Battle of Qadesh: Some Reconsiderations // To the Euphrates and Beyond. Archaeological studies in honour of Maurits N. van Loon. Rotterdam, 1989. P. 135–165.
Bryan B. M. The Title “Foster Brother of the King” // JSSEA. 1978–1979. 9. P. 117–123.
Bryan B. M. The Career and Family of Minmose, High Priest of Onuris // CdE LXI. 1986. No. 121. P. 5–30.
Bryan B. M. Portrait Sculpture of Thutmose IV // JARCE. 1987. 24. P. 3–20.
Bryan B. M. Private Relief Sculpture Outside Thebes and Its Relationship to Theban Relief Sculpture // The Art of Amenhotep III. 1990. P. 65–80.
Bryan B. M. The Reign of Thutmose IV. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1991.
Bryce T. R. The death of Niphururiya and its aftermath // JEA. 1990. 76. P. 97–105.
Bucaille M. Les momies des pharaons et la médecine, Ramsès II à Paris, Le pharaon et Moïse. Paris, 1987.
Buchholz H.-G. Ägäische Funde und Kultureinflüsse in den Randgebieten des Mittelmeers. Forschungsbericht über Ausgrabungen und Neufunde, 1960–1970 // Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1974/75. S. 325–462.
Buchholz H.-G. Der Metallhandel des Zweiten Jahrtausends im Mittelmeerraum // Society and Economy. 1988. S. 187–228.
Buck A. de. The judicial papyrus of Turin // JEA. 1937. 23. P. 152–164.
Burton R., Speke J. Aux sources du Nil. La découverte des grands lacs africains, 1857–1863. Paris, 1968.
Butzer K. W. Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1976.
Caminos R. A. Late-Egyptian Miscellanies. London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press., 1954.
Caminos R. A. Papyrus Berlin 10463 // JEA. 1963. 49. P. 29–37.
Caminos R. A. The Shrines and Rock-Inscriptions of Ibrim. London: Egypt Exploration Society, 1968.
Caminos R. A. The New-Kingdom Temples of Buhen. Vol. I–II. London: Egypt Exploration Society, 1974.
Caminos R. A. Amenophis III’s Vizier Amenhotep at Silsilah East // JEA. 1987. 73. P. 207–210.
Caminos R. A., James T. G. H. Gebel es- Silsilah I. The Shrines. London: Egypt Exploration Society, 1963.
Rubio Campos J. Damnatio Memoriae de Senenmut // Boletín de la Asociación Española de Egiptología. Madrid, 1990. 2. P. 61–74.
Cannuyer Chr. Akhet-Aton: Anti-Thèbes ou sanctuaire du globe? A propos d’une particularité amarnienne méconnue // GM. 86. 1985. P. 7–9.

Cannuyer Chr. Brelan de “pharaons” Ramsès XI, Thoutmosis III, et Hatshepsout // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 98–115.
Cannuyer Chr. Encore la date de l’accession au trône de Ramsès XI // GM. 1993. 132. P. 19–20.
Capart J. Deuxième rapport sommaire sur les fouilles de la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth à El-Kab // ASAE. 38. 1938. P. 623–640.
Cardon P. D. Amenmesse: An Egyptian Royal Head of the Nineteenth Dynasty in the Metropolitan Museum // MMJ. 1979. 14. P. 5–14.
Carter H. Report on the tomb of Zeser-ka-Ra Amenhetep I, discovered by the Earl of Carnarvon in 1914 // JEA. 1916. 3. P. 147–154.
Casperson L. W. The Lunar Dates of Thutmose III // JNES. 1986. 45. P. 139–150.
Castel G., Gout J.-F., Soukiassian G. Fouilles de Gebel Zeit (Mer Rouge) — Première et deuxième campagnes (1982–83) // ASAE. 1984–1985. 70. P. 99–105.
Castel G., Soukiassian G. Dépôt de stèles dans le sanctuaire du Nouvel Empire au Gebel Zeit // BIFAO. 1985. 85. P. 285–293.
Castel G., Soukiassian G. Les mines de galène pharaoniques du Gebel el-Zeit (Égypte) // BSFE. Juin 1988. 112. P. 37–53.
Castel G., Soukiassian G. Gebel el-Zeit. I: Les mines de galène (Égypte, IIe millénaire av. J.-C.). Le Caire: Institut Français d’Archéologie Orientale, 1989.
Catling H. W. Analysis of Pottery from the Mycenaean Period // The Impact of the Natural Sciences on Archaeology. London; Oxford, 1970. P. 175–178.
Cauville S., Gasse A. Fouilles de Dendera. Premiers résultats // BIFAO. 1988. 88. P. 25–32.
Cazelles H. La “lettre du général” (Ugaritica V). Les enseignes et la bataille de Kadesh // Mélanges Dunand II. 1970–1971. P. 31–50.
Cazelles H. La localisation de Goshen: problème de méthode // La Toponymie Antique. Actes du Colloque de Strasbourg 12–14 Juin 1975. Leiden: E. J. Brill, 1977. P. 143–150.
CEDAE = Centre d’études et de documentation sur l’ancienne Egypte. Collection scientifique, Le Caire. Le Centre a entrepris, avec de nombreux collaborateurs, la publication archéologique et épigraphique de divers monuments pharaoniques: издается с 1967.
Cenival J.-L. de. Les textes de la statue E. 25550 du Musée du Louvre // RdE. 1965. 17. P. 15–20.
Černý J. Datum des Todes Ramses’ III. und der Thronbesteigung Ramses’ IV. // ZÄS. 1936. 72. S. 109–118.
Černý J. The will of Naunakhte and the related documents // JEA. 31. 1945. P. 29–53.
Černý J. The Storehouses of This // Studi in memoria di Ippolito Rosellini nel primo centenario della morte (4 giugno 1843–4 giugno 1943). Università degli studi di Pisa. II. Pisa: Industrie grafiche V. Lischi & Figli, 1955. P. 27–31.
Černý J. Queen Ēse of the Twentieth Dynasty and Her Mother // JEA. 1958. 44. P. 31–37.
Černý J. Two King’s Sons of Kush of the Twentieth Dynasty // Kush. 7. 1959. P. 71–75.
Černý J. The Contribution of the Study of Unofficial and Private Documents to the History of Pharaonic Egypt // Fonti. 1963. P. 31–57.
Černý J. Three Regnal Dates Of the Eighteenth Dynasty // JEA. 1964. 50. P. 37–39.
Černý J. A Note on the Chancellor Bay // ZÄS. 1966. 93. P. 35–39.
Černý J. A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Le Caire: Institut français d’Archéologie orientale du Caire, 1973 = Bibliothèque d’Étude. 50.
Černý J. The Valley of the Kings. Fragments d’un manuscrit inachevé. Le Caire: Institut français d’Archéologie orientale du Caire, 1973 = Bibliothèque d’Étude. 61.
Černý J. Egypt from the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-first Dynasty = CAH. 1975. Vol. II. Chapter XXXV. P. 606–657.
Chappaz J.-L. Un manifeste littéraire du Moyen Empire. Les lamentations de Kha-khéper-réséneb // BSEG. No. 2 (Novembre 1979). P. 3–12.
Chappaz J.-L. Le premier édifice d’Aménophis IV à Karnak // BSEG. 1983. 8. P. 13–45.

Chappaz J.-L. Le sarcophage de Houner, épouse du vizir Râ-hotep, et deux fragments inédits du Musée d'Art et d'Histoire de Genève // CdE LXI. 1986. No. 121. P. 31–42.
Chappaz J.-L. La mission 1985 de la Commission du Fonds de l'Egyptologie à la porte du Xe pylône de Karnak // BSEG. 1987a. 11. P. 7–16.
Chappaz J.-L. Un nouvel assemblage de talâtât: une paroi du *Rwḏ-mnw* d'Aton // Karnak VIII. 1987b. P. 81–119.
Chappaz J.-L. Un cas particulier de corégence: Hatshepsout et Thoutmosis III // Individu, société et spiritualité. Mélanges Théodoridès, 1993. P. 87–110.
Charles R.-Pl. Les monuments égyptiens du Musée de Marseille. La statue-cube de Sobek-hotep, gouverneur du Fayoum // RdE. 1960. 12. P. 1–26.
Charpentier G. Recueil de matériaux épigraphiques relatifs à la botanique de l'Égypte antique. Paris: Trismégiste, 1981.
Charpin D. Une mention d'Alasia dans une lettre de Mari // Revue d'Assyriologie. Paris, 1990. P. 125–127.
Chéhab M. Noms de personnalités égyptiennes découverts au Liban // Bulletin du Musée de Beyrouth. Paris, 1969. 22. P. 1–47.
Chéhab M. Découvertes phéniciennes au Liban // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici. Roma, 5–10 Novembre 1979. Vol. 1–3. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche, 1983. P. 165–172.
Cherpion N. Mode et société à l'époque amarnienne, Revue des archéologues et historiens d'art de Louvain. Louvain, 1977. 10. P. 18–25.
Cherpion N. Quelques jalons pour une histoire de la peinture thébaine // BSFE. Octobre 1987. 110. P. 27–47.
Cherpion N. En reconsidérant le grand sphinx du Louvre A 23 // RdE. 1991. 42. P. 25–41.
Chevereau P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires du Moyen Empire // RdE. 1991. 42. P. 43–88.
Chevereau P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires du Moyen Empire // RdE. 1992. 43. P. 11–34.
Christophe L. La stèle de l'an III de Ramsès IV au Ouâdi Hammâmât (No 12) // BIFAO. 48. (1949a). P. 1–38.
Christophe L. L'offrande solennelle de Ramsès IV à la triade thébaine dans le temple de Khonsou à Karnak // BIFAO. 1949b. 48. P. 39–56.
Christophe L.-A. Ramsès IV et le musée du Caire // CHE Série III, fasc. 1. 1950. P. 47–67.
Christophe L.-A. La carrière du prince Merenptah et les trois régences ramessides // ASAE. 1951a. 51. P. 335–372.
Christophe L.-A. Notes géographiques à propos des campagnes de Thoutmosis III // RdE. 1951b. 6. P. 89–114.
Christophe L.-A. Les fondations de Ramsès III entre Memphis et Thèbes // CHE Série V. Fasc. 4. Octobre 1953. P. 227–249.
Christophe L.-A. Temple d'Amon à Karnak. Les divinités des colonnes de la grande salle hypostyle et leurs épithètes. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1955a.
Christophe L.-A. Deux notes sur le rapport de M. Chevrier (Karnak, 1953–1954) // ASAE. 1955b. 53. P. 43–48.
Christophe L.-A. Quatre enquêtes ramessides // BIE. 1956. 37. P. 5–37.
Christophe L.-A. Le pylône "ramesside" d'Edfou // ASAE. 1958. 55. P. 1–23.
Christophe L.-A. La face sud des architravcs surmontant les colonnes 74–80 de la grande salle hypostyle de Karnak // BIFAO. 1960. 60. P. 69–82.
Christophe L.-A. Abou-Simbel et l'épopée de sa découverte. Bruxelles: P. F. Merckx, 1965a.
Christophe L.-A. Les temples d'Abou Simbel et la famille de Ramsès II // BIE. 1965b. 38 (sessions 1956–1957). P. 107–130.

Christophe L.-A. Campagne internationale de l'UNESCO pour la sauvegarde des sites et monuments de Nubie. Bibliographie préparée. Paris: Unesco, 1977.
Clère J. J. Une nouvelle forme du nom d'Horus de Neb-Hépet-Rē Mentouhotep II // JNES. 1950. 9. P. 37–39.
Clère J. J. Notes sur la chapelle funéraire de Ramsès I à Abydos et sur son inscription dédicatoire // RdE. 1957. 11. P. 1–38.
Clère J. J. La légende d'une scène d'oracle // Festschrift Schott. 1968. P. 45–49.
Clère J. J. Sur l'existence d'un temple du Nouvel Empire à Dêbôd en Basse-Nubie // Ägypten und Kusch. 1977. P. 107–113.
Clère J. J. La stèle de Sânkhptah, Chambellan du Roi Râhotep // JEA. 68. 1982. P. 60–68.
Clère J. J. Un dépôt de fondation de Séthos Ier // Mélanges Vercoutter. 1985. P. 51–57.
Clère J. J. Une sculpture baroque de l'époque ramesside (Caire JE 35258) // Mélanges Mokhtar I. 1985. P. 155–165.
Clère J. J., Vandier J. Textes de la première période intermédiaire et de la XIème dynastie, Ier fascicule. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1948.
Cline E. Amenhotep III and the Aegean: A Reassessment of Egypto-Aegean Relations in the 14th Century B.C. // Orientalia. 1987. 56. P. 1–36.
Colombot D. Les *Mḏꜣy.w*. Châteauneuf-sur-Loire (édition privée), 1991a.
Colombot D. Meluhha du 14' au 2e siècle av. JC., 33 Rencontre assyriologique internationale. Paris, 1991b.
Condon V. Seven Royal Hymns of the Ramesside Period. Papyrus Turin CG 54031. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1978.
Connolly R. C., Harrison R. G., Abdalla A. B., Ahmed S. An Analysis of the Interrelationships between Pharaohs of the 18th Dynasty // MASCA Journal Mummification Supplement. Philadelphia, 1980. Vol. 1. No. 6. P. 178–181.
Cooney J. D. Amarna Reliefs from Hermopolis in American Collections. The Brooklyn Museum, 1965.
Couyat J., Montet P. Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1911–1913.
Cozzolino C. The land of Pwnt // Atti VI Congresso. 1993. II. P. 391–398.
Crocker P. T. Mykeense keramiek uit El-Amarna // Hermeneus, Maandblad voor de antieke Cultuur. 1965–1966. 37. P. 248–254.
Crocker P. T. Status Symbols in the Architecture of el-'Amarna // JEA. 1985. 71. P. 52–65.
Cruz-Uribe E. The Father of Ramses I: OI 11456 // JNES. 1978. 37. P. 237–244.
Cruz-Uribe E. An Eighteenth Dynasty Statue from Diospolis Parva // Sarapis. 1980. 5. No. 2. P. 40–42.
Cruz-Uribe E. The Fall of the Middle Kingdom // VA. 3. 1987. P. 107–112.
Curto S. Il torinese colosso di Osimandia, Bollettino della Società Piemontese di Archeologia e Belle Arti. Torino: Nuova Serie, 1964. 18. P. 5–26.
Curto S. Il tempio di Ellesija. Torino: Museo Egizio di Torino, 1970.
Danelius E., Steinitz H. The Fishes and other Aquatic Animals on the Punt-Reliefs at Deir el-Bahri // JEA. 53. 1967. P. 15–24.
Daneri Rodrigo A. An Enigmatic Inscription at Aksha // JSSEA. 1985. 15. P. 68–71.
Daneri Rodrigo A. Further Notes on the War Reliefs at Aksha // JSSEA. 1988. 18. P. 99–105.
Daressy G. Remarques et notes // RecTrav. 14. 1893. 20–38. P. 165–185.
Daressy G. Remarques et notes // RecTrav. 16. 1894. 42–60. P. 123–133.
Daressy G. La chapelle d'Uazmès // ASAE. 1900. 1. P. 97–108.
Daressy G. Cercueils des cachettes royales. (CG; 61001–61044). Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1909.
Daressy G. Les listes des princes du commencement de la XVIIIe dynastie à Deir el-Médineh // Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion. Paris: Champion, 1922. P. 283–296.

Darnell J. C. Irem and the Ghost of Kerma // GM. 1986. 94. P. 17–23.
Darnell J. C. Supposed Depictions of Hittites in the Amarna Period // SAK. 1991. 18. P. 113–140.
Darnell J. C., Jasnow R. On the Moabite Inscriptions of Ramesses II at Luxor temple // JNES. 1993. 52. P. 263–274.
Daumas F. La civilisation de l'Égypte pharaonique. Paris; Grenoble: Arthaud, 1965.
Daumas F. Derechef Pépi Ier à Dendara // RdE. 1973. 25. P. 7–20.
Dautzenberg N. Plazierungsvorschläge zu zwei Könige der 13. Dynastie // GM. 1992a. 127. S. 17–19.
Dautzenberg N. Seneferibre Sesostris IV. — ein König der 17. Dynastie? // GM. 1992b. 129. S. 43–48.
David R. A Guide to Religious Ritual at Abydos. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1981.
Davies Norman de Garis. The rock tombs of El Amarna. Pt. 1–6. London: Egypt Exploration Fund, 1903–1908.
Davies Norman de Garis. Akhenaten at Thebes // JEA. 1923. 9. P. 132–152.
Davies Nina de Garis. The tombs of Menkheperrasonb, Amenmose, and another (nos. 86, 112, 42, 226). London: Egypt Exploration Society, 1933.
Davies Norman de Garis. The tomb of Nefer-hotep at Thebes. New York, 1933. Vol. 1–2.
Davies. A Corpus of Inscribed Egyptian Funerary Cones / ed. by M. F. Laming Macadam. Part I. Plates. Oxford: printed for The Griffith Institute at The University Press by Charles Batey, 1957.
Davies W. V. An Inscribed Axe Belonging to the Ashmolean Museum, Oxford // JEA. 1974. 60. P. 114–118.
Davies W. V. Readings in the Story of Sinuhe and Other Egyptian Texts // JEA. 1975. 61. P. 45–53.
Davies W. V. A Royal Statue Reattributed. London: British Museum. Department of Egyptian Antiquities, 1981a.
Davies W. V. Two Inscribed Objects from the Petrie Museum // JEA. 1981b. 67. P. 175–178.
Davies W. V. The Origin of the Blue Crown // JEA. 1982. 68. P. 69–76.
Dawson W. R. A bronze dagger of the Hyksos period // JEA. 1925. 11. P. 216–217.
Decker W. Die physische Leistung Pharaos. Untersuchungen zu Heldentum, Jagd und Leibesübungen der ägyptischen Könige. Köln, 1971.
Decker W. Sportliche Elemente im altägyptischen Krönungsritual. Überlegungen zur Sphinx-Stele Amenophis' II // SAK. 1977. 5. S. 1–20.
Decker W. Sport und Spiel im alten Ägypten. München: Verlag C. H. Beck, 1987.
Decker W., Klauck J. Königliche Bogenschiessleistungen in der 18. ägyptischen Dynastie. Historische Dokumente und Aspekte für eine experimentelle Überprüfung // Kölner Beiträge zur Sportwissenschaft 3. Jahrbuch der Deutschen Sporthochschule. Köln, 1974; Schondorf: Hofmann-Verlag, 1974. S. 23–55.
Defossez M. Note lexicographique sur le mot *ḥwtf* // RdE. 1987. 38. P. 187–190.
Dehler D. Die Familie Amenophis' III. Hambourg, 1982 (неизданная диссертация).
Dehler D. Mry-msw und der Nubienfeldzug Amenophis' III. im Jahre 5 // SAK. 1984. 11. S. 77–83.
Delange E. Catalogue des statues égyptiennes du Moyen Empire, 2060–1560 avant J.-C. Musée du Louvre. Paris: Ministère de la Culture et de la Communication. Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1987.
Delia R. D. A New Look at Some Old Dates: A Reexamination of Twelfth Dynasty Double Dated Inscriptions // BES. 1. 1979. P. 15–28,
Delia R. D. A Study of the Reign of Senwosret III. Ann Arbor University Microfilm International, 41, 2, Ph.D., Columbia University 12. 1980.
Delia R. D. Doubts about Double Dates and Coregencies // BES. 1982. 4. P. 55–69.

Della Monica M. La classe ouvrière sous les Pharaons. Étude du village de Deir el Medineh. 2e édition revue et corrigée. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient. Adrien et Jean Maisonneuve, 1980.
Della Monica M. Mursili II e l'Egitto // Studi Bresciani. 1985. P. 161–167.
Del Monte G. F., Tischler J. Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes 6. Wiesbaden: Reichert, 1978.
Delvaux L. La statue Louvre A 134 du premier prophète d'Amon Hapouseneb // SAK. 15. 1988. P. 53–67.
Demarée R. J. The *ꜣḫ iḳr n rˁ*-Stelae. On Ancestor Worship in Ancient Egypt. Academisch proefschrift. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1983.
Derchain Ph. (sic). Débris du temple-reposoir d'Aménophis Ier et d'Ahmes Nefertari à Dra' Abou'l Naga' // Kêmi. 1969. 19. P. 17–21.
Derchain Ph. Elkab 1966–1969, Les temples // CdE. 1970. 45. P. 25–27.
Derchain Ph. Elkab I. Les monuments religieux à l'entrée de l'Ouady Hellal. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1971.
Derchain Ph. Comment les Égyptiens écrivaient un traité de la royauté // BSFE. Nos. 87–88 (mars et mai 1980). P. 14–17.
Derchain Ph. Magie et politique. A propos de l'hymne à Sésostris III // CdE LXII. 1987. Nos. 123–124. P. 21–29.
Derchain Ph. Éloquence et politique. L'opinion d'Akhtoy // RdE. 1989. 40. P. 37–47.
Derchain Ph. Les débuts de l'histoire. Rouleau de cuir Berlin 3029 // RdE. 1992. 43. P. 35–47.
Der Manuelian P. Studies in the Reign of Amenophis II. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1987.
Der Manuelian P., Loeben Chr. E. New Light on the Recarved Sarcophagus of Hatshepsut and Thutmose I in the Museum of Fine Arts, Boston // JEA. 1993. 79. P. 121–155.
Derry D. E. An X-ray examination of the mummy of king Amenophis I // ASAE. 1934. 34. P. 47–48.
Desroches Noblecourt Ch. La cave de Toutankhamon // L'Amour de l'Art, 29me année, Nouvelle Série, numéros 40, 41 et 42, édité par la Société des Publications périodiques de l'I.P.D. Paris, 1949. P. 62–65.
Desroches Noblecourt Ch. Interprétation et datation d'une scène gravée sur deux fragments de récipient en albâtre provenant des fouilles du palais d'Ugarit // Schaeffer C. F.-A. Ugaritica III. Sceaux et cylindres hittites, épée gravée du cartouche de Mineptah, tablettes chyprominoennes et d'autres découvertes nouvelles de Ras Shamra. Avec des contributions de Chr. Desroches-Noblecourt, H. S. Güterbock, P. Krieger, E. Laroche, O. Masson, J. Vandier. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1956. P. 179–220.
Desroches Noblecourt Ch. L'ancienne Égypte. L'extraordinaire aventure amarnienne. Photographies de F. L. Kenett. Paris: Éditions des Deux-Mondes, 1960.
Desroches Noblecourt Ch. Toutankhamon. Vie et mort d'un pharaon. Paris: Hachette, 1963.
Desroches Noblecourt Ch. Nouvelles acquisitions. Musée du Louvre. Département des Antiquités égyptiennes // Revue du Louvre. 1974. 24. P. 43–54.
Desroches Noblecourt Ch. La statue colossale fragmentaire d'Aménophis IV offerte par l'Égypte à la France (Louvre E. 27112) // Monuments et mémoires. Fondation Eugène Piot. Paris, 1974a. 59. P. 1–44.
Desroches Noblecourt Ch. Groupe d'un haut fonctionnaire du Nouvel Empire et de son épouse // Revue du Louvre. 26. 1976. P. 84–92.
Desroches Noblecourt Ch. Un couple de seigneurs du palais sous Aménophis II // Revue du Louvre. 29. 1979. P. 280–290.
Desroches Noblecourt Ch. Le soleil sous les pharaons // Le Courrier du CNRS. Paris, Juin 1979. P. 9–17.
Desroches Noblecourt Ch. Touy, mère de Ramsès II, la reine Tanedjmy et les reliques de l'expérience amarnienne // L'Égyptologie en 1979. 2. 1982. P. 227–243.

Desroches Noblecourt Ch. Les fouilles du Musée du Louvre à Tôd en 1982–1983 // BSFE. 100 (juin 1984a). P. 8–30.
Desroches Noblecourt Ch. Le “bestiaire” symbolique du libérateur Ahmosis // Studien Westendorf. 1984b. P. 883–894.
Desroches Noblecourt Ch. Le grand pharaon Ramsès II et son temps. Exposition d’antiquités du Musée égyptien du Caire, Palais de la Civilisation, Montréal, 1er juin — 29 septembre 1985. Montréal, 1985.
Desroches Noblecourt Ch. La femme au temps des pharaons. Paris: Stock/Laurence Pernoud, 1986.
Desroches Noblecourt Ch. Le mammisi de Ramsès au Ramesseum // Memnonia 1. Paris, 1990/1991. P. 25–46.
Desroches Noblecourt Ch. Les trois saisons du dieu et le débarcadère du ressuscité // MDAIK. 1991. 47. P. 67–80.
Desroches Noblecourt Ch. La Grande Nubiade ou le parcours d’une égyptologue, Paris: Stock/Pernoud, 1992.
Desroches Noblecourt Ch., Donadoni S., Edel E. avec la collaboration de *Nims Ch., Clere P., Badie A., Fathy M., Nelson F. M. et Ulmann S. T.* Grand Temple d’Abou Simbel. La Bataille de Qadech. Description et inscriptions. Dessins et photographies. Le Caire: Centre de documentation et d’études sur l’ancienne Égypte, 1971.
Desroches-Noblecourt Chr., Kuentz Ch. Le petit temple d’Abou Simbel. “Nofretari pour qui se lève le dieu-soleil”. I. Étude archéologique et épigraphique. Essai d’interpretation. II. Planches: Le Caire, 1968.
Desroches Noblecourt Ch., Leblanc Ch. Considérations sur l’existence des divers temples de Monthou à travers les âges, dans le site de Tôd. État de la question en octobre 1983 // BIFAO. 1984. 84. P. 81–109.
Desroches Noblecourt Ch., *Leblanc Ch., Abdel Maqsoud M.* Les vestiges du règne d’Amenophis IV découverts dans la domaine de Monthou à Tôd // ASAE. 70. 1984–1985. P. 253–276.
Desroches Noblecourt Chr., Nelson M. Ramses Le Grand. Exposition au Grand-Palais // Archéologia. Paris, 1976. No. 95 (Juin). P. 18–50.
Dever W. G. Tel Gezer // IEJ. 1972. 22. P. 158–160.
Dewachter M. Une nouvelle statue du vice-roi de Nubie Ousersatet à Khartoum // Archeologia. Paris, 1974. No. 72 (Juillet). P. 54–58.
Dewachter M. Contribution à l’histoire de la cachette royale de Deir el-Bahari // BSFE. No. 74 (Octobre 1975). P. 19–32.
Dewachter M. Un fonctionnaire préposé aux marches méridionales à l’époque d’Aménophis II: (Pa-)Hekaemsasen // CRIPEL. 1976. 4. P. 53–60.
Dewachter M. Le roi Sahathor et la famille de Neferhotep I // RdE. 28. 1976. P. 66–73.
Dewachter M. Le vice-roi Nehy et l’an 52 de Thoutmosis III // RdE. 28. 1976. P. 151–153.
Dewachter M. Nubie — Notes diverses (II). § 6 — Un commandant militaire du règne de Ramsès II: le «chef des archers de Kouch» Nakhtmin. § 7 — A propos de la succession des deux vice-rois de Nubie Houy (I) et Paser (I) // BIFAO. 1979. 79. P. 311–317.
Dewachter M. A propos de deux groupes monumentaux de Karnak // BSFE. Nos. 87–88 (mars et mai 1980). P. 18–27.
Dewachter M. Nubie — Notes diverses (III). § 9 à 11 // Bulletin du centenaire. 1981. P. 3–10.
Dewachter M. La date du papyrus de Néféroubenef // RdE. 1984. 35. P. 199–200.
Dewachter M. Le roi Sahathor — Compléments (cf. RdE 28, 66–73) // RdE. 1984. 35. P. 195–199.
Dewachter M. Les “premiers fils royaux d’Amon”. Compléments et remarques // RdE. 1984. 35. P. 83–94.
Dewachter M. Nouvelles informations relatives à l’exploitation de la nécropole royale de Drah Aboul Neggah // RdE. 1985. 36. P. 43–66.

Dewachter M. Remarques à propos d'huisseries en pierre retrouvées au temple Nord de Ouadi es-Séboua // CRIPEL. 1985. 7. P. 23–37.
Dewachter M. L'apparition du Papyrus Prisse (pBN 183–194) // RdE. 1988. 39. P. 209–210.
De Wit C. La statuaire de Tell el Amarna. Anvers: Standaard-Boekhandel S.A., 1950.
De Wit C. Un Syrien à la cour des Ramsès // AIPHOS. Bruxelles, 1960. 15 (1958–1960), dédié à Georges Contenau. P. 71–73.
Diebner B. J. Erwägungen zum Thema "Exodus" // SAK. 1984. 11. S. 595–630.
Dietrich M., Loretz O. Das Land Qt // Ugarit-Forschungen 12. 1980. S. 390.
Dixon D. M. The Origin of the Kingdom of Kush (Napata — Meroë) // JEA. 1964. 50. P. 121–132.
Dixon D. M. The Transplantation of Punt Incense Trees in Egypt // JEA. 1969. 55. P. 55–65.
Dodson A. Nefertiti's Regality: a Comment // JEA. 1981. 67. P. 179.
Dodson A. The Tomb of King Amenmesse: Some Observations // DE. 1985. 2. P. 7–11.
Dodson A. Was the Sarcophagus of Ramesses III Begun for Sethos II? // JEA. 1986. 72. P. 196–198.
Dodson A. The Takhats and Some Other Royal Ladies of the Ramesside Period // JEA. 1987a. 73. P. 224–229.
Dodson A. Two Thirteenth Dynasty Pyramids at Abusir // VA. 1987b. 3. P. 231–232.
Dodson A. The Tombs of the Kings of the Thirteenth Dynasty in the Memphite Necropolis // ZÄS. 1987c. 114. P. 36–45.
Dodson A. M. The Tombs of the Kings of the Early Eighteenth Dynasty at Thebes // ZÄS. 1988. 115. P. 110–123.
Dodson A. Hatshepsut and 'her father' Mentuhotpe II // JEA. 1989. 75. P. 224–226.
Dodson A. Crown prince Djhutmose and the royal sons of the Eighteenth Dynasty // JEA. 1990. 76. P. 87–96.
Dodson A. On the Internal Chronology of the Seventeenth Dynasty // GM. 1991. 120. P. 33–38.
Dodson A. KV 55 and the end of the reign of Akhenaten // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 135–139.
Dodson A. On the Origin, Contents and Fate of Biban el-Moluk Tomb 55 // GM. 1993. 132. P. 21–28.
Doha M. M. Architectural development of New Kingdom temples in Nubia and the Soudan // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 141–152.
Donadoni S. Il viaggio in Nubia di Ramessese Siptah // Studi classici e orientali 6. Pisa, 1956. P. 109–111.
Donadoni S. Campagna di scavi a Qubān // Oriens Antiquus. 3. 1964. P. 130–131.
Donadoni Roveri A.-M. Objets peu connus du Musée de Turin // BSFE. 104 (octobre 1985). P. 12–30.
Dondelinger E. Der Jenseitsweg der Nofretari. Bilder aus dem Grab einer ägyptischen Königin. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1973.
Donohue V. A. The Vizier Paser // JEA. 1988. 74. P. 103–123.
Doresse M. Les temples atoniens de la région thébaine // Orientalia. 1955. 24. P. 113–135.
Doresse M. Observations sur la publication des blocs des temples atoniens de Karnak: The Akhenaten Temple Project // GM. Heft 46. 1981. P. 45–79.
Doresse M. Une statuette d'Akhenaton d'époque amarnienne et le culte quotidien de l'Aton // BSEG. 9–10 (1984–85). P. 89–102.
Dorman P. F. The Monuments of Senenmut. Problems in Historical Methodology, London; New York: Kegan Paul International, 1988.
Dorman P. F. The Tombs of Senenmut. The Architecture and Decoration of Tombs 71 and 353. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1991.
Dothan M. The Foundation of Tel Mor and of Ashdod // IEJ. 1973. 23. P. 1–17.
Dothan T. The Philistines and Their Material Culture. New Haven; London: Yale University Press / Jerusalem: Israel Exploration Society, 1982.
Dothan T. Aspects of Egyptian and Philistine Presence in Canaan during the Late Bronze — Early Iron Ages // The Land of Israel. 1985. P. 55–75.

Dothan T. The Impact of Egypt on Canaan during the 18th and 19th Dynasties in the Light of the Excavations at Deir el-Balah // Egypt, Israel, Sinai. 1987. P. 121–135.
Dothan T. et M. People of the Sea. The Search of the Philistines. New York, 1992 (рец.: Vandersleyen, в DE 29, 1994, 147–151).
Drenkhahn R. Ein Privatstiftung des Vizekönigs Setau in Elkab // SAK. 1975. 3. S. 43–48.
Drenkhahn R. Die Elephantine-Stele des Sethnacht und ihr historischer Hintergrund. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980.
Drenkhahn R. Ein Nachtrag zu Tausret // GM. 1981. Heft 43. S. 19–22.
Drenkhahn R. Eine Umbettung Tutanchamuns? // MDAIK. 1983. 39. S. 29–37.
Dreyer G. Eine Statue Thutmosis' II. aus Elephantine // SAK. 1984. 11. S. 489–499.
Drioton E. Un document sur la vie chère à Thèbes au début de la XVIIIe dynastie // BSFE. 12 (février 1953). P. 10–19.
Drioton É., Vandier J. L'Égypte, troisième édition refondue et augmentée. Paris: Presses Universitaires de France, 1952.
Drower M. S. Syria c. 1550–1400 B. C. = CAH. Vol. II. Chapter X. Part 1. 1973.
Drower M. S. Ugarit. = CAH. Vol. II. Chapter XXI (b). §§ IV and V, 1975.
du Mesnil du Buisson R. Études sur les dieux phéniciens hérités par l'Empire romain. Leiden: E. J. Brill, 1970.
Dunand M. La sixième campagne de fouilles de Byblos (mai-juin 1927) // Syria. Paris, 1928. 9. P. 173–186.
Dunand M. Fouilles de Byblos: 1926–1932. T. 1. Atlas I. Paris: Geuthner, 1939.
Dunand M. Fouilles de Byblos: 1926–1932. T. 1. Texte I. Paris: Geuthner, 1937.
Dunham D. An Egyptian statuette of the Middle Kingdom // The Worcester Art Museum annual 3. 1937–1938. P. 8–16.
Dunham D. Unique Egyptian Sculpture of a Falcon is Reconstructed // Archaeology. 1971. 24. P. 272–273.
Dunham D., Janssen J. M. A. Semna Kumma. = Second Cataract Forts. Vol. I. Excavated by George Andrew Reisner. Boston: Museum of Fine Arts, 1960.
Dzierżykrai-Rogalski T. Sur l'infirmité du pharaon Siptah (XIXe dynastie) // Études et Travaux. 1978. 10. P. 121–131.
Dziobek E. The Architectural Development of Theban Tombs in the Early Eighteenth Dynasty // Problems and Priorities. 1987. P. 69–79.
Dziobek E. Das Grab des Ineni Theben Nr. 81. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992.
Dziobek E. Some Kings' Sons Revisited // GM. 1993. 132. P. 29–32.
Dziobek E., Dorman P. F. Additional Name Stones of Senenmut // GM. 1990. 119. P. 7–12.
Eaton-Krauss M. The khat Headdress to the End of the Amarna period // SAK. 1977. 5. P. 21–39.
Eaton-Krauss M. Miscellanea Amarnensia // CdE LVI. 1981. No. 112. P. 245–264.
Eaton-Krauss M. Seti-Merenptah als Kronprinz Merenptahs // GM. 1981. Heft 50. P. 15–21.
Eaton-Krauss M. Middle Kingdom Coregencies and the Turin Canon // JSSEA. 1982. 12. P. 17–20.
Eaton-Krauss M. Die Throne Tutanchamuns: Vorläufige Bemerkungen // GM. 1984a. 76. S. 7–10.
Eaton-Krauss M. JE 49536: Horemhab and the Abydene Triad // SAK. 1984b. 11. P. 501–508.
Eaton-Krauss M. The titulary of Tutankhamun // Form und Mass. 1987. P. 110–123.
Eaton-Krauss M. Tutankhamun at Karnak // MDAIK. 1988. 44. P. 1–11.
Eaton-Krauss M. The coffins of Queen Ahhotep, consort of Seqeni-en-Re and mother of Ahmose // CdE. 1990. 65. P. 195–205.
Eaton-Krauss M. Neue Forschungen zum Schatz des Tutanchamun // Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte. Mainz am Rhein, 1991. 22. S. 97–105.
Eaton-Krauss M. The Sarcophagus in the Tomb of Tut'ankhamūn // After Tutankhamun. 1992. P. 85–90.

Eaton-Krauss M., Fay B. Beobachtungen an den Memnonskolossen // GM. 1981. Heft 52. S. 25–29.
Eaton-Krauss M., Murnane W. J. Tutankhamun, Ay, and the Avenue of Sphinxes between Pylon X and the Mut Precinct at Karnak // BSEG. 1991. 15. P. 31–38.
Edel E. Neue keilschriftliche Umschreibungen ägyptischer Namen aus den Boğazköytexten // JNES. 7. 1948. S. 11–24.
Edel E. KBo I 15 + 19, ein Brief Ramses' II. mit einer Schilderung der Kadesschlacht // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archaologie. Berlin, Neue Folge 15. (19). Band, Dezember 1949. S. 195–212.
Edel E. Die Stelen Amenophis' II. aus Karnak und Memphis mit dem Bericht über die asiatischen Feldzüge des Königs // ZDPV. 1953. 69. Heft 2. S. 97–176.
Edel E. Die Abfassungszeit des Briefes KBo I 10 (Hattusil — Kadasman — Ellil) und seine Bedeutung für die Chronologie Ramses'II // JCS. 1958. 12. S. 130–133.
Edel E. Der geplante Besuch Hattusilis III. in Ägypten // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1960. Nr 92. S. 15–20.
Edel E. Zur Familie des *sn-msjj* nach seinen Grabinschriften auf der Qubbet el Hawa bei Assuan // ZÄS. 90. 1963. S. 28–31.
Edel E. Die Ortsnamenlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Bonn: Peter Hanstein Verlag GMBH, 1966.
Edel E. Neue Identifikationen topographischer Namen in den konventionellen Namenzusammenstellungen des Neuen Reiches // GM. Heft 11. 1974. S. 19–21.
Edel E. Neue Identifikationen topographischer Namen in den konventionellen Namenszusammenstellungen des Neuen Reiches // SAK. 3. 1975. S. 49–73.
Edel E. Ägyptische Ärzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof. Neue Funde von Keilschriftbriefen Ramses' II. aus Boğazköy. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976.
Edel E. Der Brief des ägyptischen Wesirs Pasijara an den Hethiterkönig Hattusili und verwandte Keilschriftbriefe // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Jahrgang 1978. Nr. 4. P. 117–158.
Edel E. Bemerkungen zu den Schiesssporttexten der Könige der 18. Dynastie // SAK. 1979. 7. S. 23–39.
Edel E. Beiträge zu den ägyptischen Sinaiinschriften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983 = Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I: Philologisch-Historische Klasse. Jahrgang 1983a. Nr. 6.
Edel E. Der ägyptisch-hethitische Friedensvertrag zwischen Ramses II. und Hattušili Ill. // Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Band I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. Lieferung 2: Staatsverträge, Gütersloh, Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1983b. S. 135–153.
Edel E. Der Seevölkerbericht aus dem 8. Jahre Ramses' III. (MH II, pl. 46, s. 15–18): Übersetzung und Struktur // Mélanges Mokhtar I. 1985. S. 223–237.
Edel E. Die Inschriften der Grabfronten der Siut-Gräber in Mittelägypten aus der Herakleopolitenzeit. Eine Wiederherstellung nach den Zeichnungen der Description de l'Égypte. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. Рец. Franke // SAK. 1987. 14.
Edgerton W. F. The Thutmosid succession. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1933.
Edgerton W. F. Historical records of Ramses III: the texts in Medinet Habu Vol.s I and II / transl. with explanatory notes by William F. Edgerton and John A. Wilson. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1936.
Edgerton W. F. Chronology of the twelfth dynasty // JNES. 1. 1942. P. 307–314.
Edwards I. E. S. The Prudhoe lions // AAA. 1939. 26. P. 3–9.
Edwards I. E. S. Lord Dufferin's Excavations at Deir-El-Bahri and the Clandeboye Collection // JEA. 1965. 51. P. 16–28.
Edwards I. E. S. Les pyramides d'Égypte / traduit de l'anglais par Denise Meunier. Paris, 1967.

Edwards I. E. S. Toutankhamon, sa tombe et ses trésors. Paris, 1978.
Edwards I. E. S. Sebekemsaf's Heart-scarab // Mélanges Mokhtar I. 1985. P. 239–245.
Edzard D. O. Die Beziehungen Babyloniens und Ägyptens in der mittelbabylonischen Zeit und das Gold // JESHO. 1960. 3. S. 38–55.
Egberts A. The Chronology of The Report of Wenamun // JEA. 1991. 77. P. 57–67.
Eggebrecht A. et al. L'Egypte Ancienne. Paris, 1986.
Eggebrecht E., Eggebrecht A. Ägyptens Aufstieg zur Weltmacht. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1987 (выставка).
Egypte. Paris: Pierre Bordas et fils, 1984.
Egypt's Golden Age. The Art of Living in the New Kingdom. 1558–1085 B. C. Catalogue of the Exhibition. Boston: Museum of Fine Arts, 1982.
Egyptian Historical Records of the later Eighteenth Dynasty / transl. by Barbara Cumming. I (Urk. IV 1227–1368), II (1369–1539), III (1539–1645). Warminster, 1982, 1984.
Egyptian Historical Records of the later Eighteenth Dynasty / transl. by Benedict G. Davies. IV. Warminster, 1992.
Eigner D. Das thebanische Grab des Amenhotep, Wesir von Unterägypten: die Architektur // MDAIK. 1983. 39. S. 39–50.
Eissfeldt O. CAH II, 2, chap. XXVI: «Palestine in the Time of the Nineteenth Dynasty», a) The Exodus and Wanderings. Cambridge, 1975a. P. 307–330.
Eissfeldt O. CAH II, 2, chap. XXXIV: «The Hebrew Kingdom». 1975b. P. 537–605.
el-Adly Sanaa Abd El-Azim. Die Berliner Lederhandschrift (pBerlin 3029) // WdO. 1984. 15. S. 6–18.
el-Alfi M. Recherches sur quelques scarabées de Ramsès II // JEA. 1972. 58. P. 176–181.
el-Gayar el-Sayed, Jones M. P. A Possible Source of Copper Ore Fragments Found at the Old Kingdom Town of Buhen // JEA. 1989. 75. P. 31–40.
el-Khouly A. An Offering-Table of Sesostris I from El-Lisht // JEA 64 (1978), 44
el-Khouly A., Martin G. Th. Excavations in the Royal Necropolis at el-'Amarna, 1984. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1987.
el-Sabbahy A.-F. King's Son of Kush under Hatshepsut // GM. 1992. 129. P. 99–102.
el-Saghir M. Das Statuenversteck im Luxortempel. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992.
el-Sayed R. Documents relatifs à Sàïs et ses divinités. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 1975.
el-Sayed R. Quelques précisions sur l'histoire de la province d'Edfou à la 2e période intermédiaire (Étude des stèles JE 38917 et 46988 du Musée du Caire) // BIFAO. 1979. 79. P. 167–207.
el-Sayed R. A propos de la statue de Pasar CG. 630 au Musée du Caire // BIFAO. 1980. 80. P. 207–231.
el-Sayed R. Au sujet du célèbre Amenhotep, grand intendant de Memphis (statue Caire CG 1169) // ASAE. 1982. 68. P. 123–127.
el-Tanbouli M. A. L. Some Remarks on the Temple of Gerf Hussein // Acts 1st ICE. 1979. P. 635–640.
Engel H. Die Siegesstele des Merenptah. Kritischer Überblick über die verschiedenen Versuche historischer Auswertung des Schluss-abschnitts // Biblica. 1979. 60. S. 373–399.
Engelbach R. Notes of inspection: April 1921 // ASAE. 1921. 21. P. 188–196.
Engelbach R. The so-called Hyksos monuments // ASAE. 1928. 28. P. 13–28, 80.
Engelbach R. The so-called coffin of Akhenaten // ASAE. 1931. 31. P. 98–114.
Engelbach R. The quarries of the western Nubian Desert: a preliminary report // ASAE. 1933. 33. P. 65–74.
Engelbach R. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. 1940. 40. P. 133–165.

Epigraphic Survey. Reliefs and Inscriptions at Karnak I et II. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1935–1936. OIP 25, 35.
Epigraphic Survey. The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192, in cooperation with The Department of Antiquities of Egypt. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1980. OIP 102.
Epigraphic Survey. Reliefs and Inscriptions at Karnak IV. The Battle Reliefs of King Sety I. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1986. OIP 107.
Epigraphic Survey. Reliefs and Inscriptions at Luxor Temple — Vol. 1, Plates 1–128. The Festival Procession of Opet in the Colonnade Hall, with Translations of Texts, Commentary, and Glossary. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1994 = OIP 112.
Epstein C. A New Appraisal of Some Lines from a Long-known Papyrus // JEA. 1963. 49. P. 49–56.
Erman A. Zwei Rekrutenaushebungen in Abydos aus dem Mittleren Reich // ZÄS. 1900a. 38. S. 42–45.
Erman A. Geschichtliche Inschriften aus dem Berliner Museum. Aus der Ketzerzeit // ZÄS. 1900b. 38. S. 112–114.
Erman A. Teti der Kleine // ZÄS. 38. 1900c. S. 150.
Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Leipzig: Hinrichs, 1926–1963.
Ertman E. L. The Cap-Crown of Nefertiti: Its Function and Probable Origin // JARCE. 1976. 13. P. 63–67.
Ertman E. L. Some Probable Representations of Ay // GM. 1981. 51. P. 51–55.
Evers H. G. Staat aus dem Stein: Denkmäler, Geschichte und Bedeutung der ägyptischen Plastik während des Mittleren Reichs. München: Bruckmann, 1929. Bd. 1–2.
Eyre C. J. A ‘Strike’ Text from the Theban Necropolis // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 80–91.
Eyre C. J. The Reign-Length of Ramesses VII // JEA. 1980. 66. P. 168–170.
Eyre C. J. The Use of Data from Deir el-Medina // BiOr. 1987. 44. P. 21–32 (рец. на Gutgesell, 1983).
Eyre Ch. J. The Semna stelae: quotation, genre, and functions of literature // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 134–165.
Fairman H. W. A Block of Amenophis IV from Athribis // JEA. 1960a. 46. P. 80–82.
Fairman H. W. The supposed Year 21 of Akhenaten // JEA. 1960b. 46. P. 108–109.
Fairman H. W. Tutankhamun and the end of the 18th Dynasty // Antiquity. 1972. 46. P. 15–18.
Fakhry A. The Egyptian Deserts. The Inscriptions of the Amethyst Quarries at Wadi el Hudi. Cairo: Government Press, 1952.
Fakhry A. The Pyramids. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1969.
Farag N., Iskander Z. The Discovery of Neferwptah. Cairo: General Organisation for Government Printing Offices, 1971.
Farag S. Une inscription memphite de la XIIe dynastie // RdE. 1980. 32. P. 75–82.
Farag S., Wahba G., Farid A. Inscribed Blocks of the Ramesside Period and of King Taharqa, found at Philae (Notizie da File, III) // Oriens Antiquus. 1979. 18. P. 281–289.
Farid A. Blocks from a Temple of Tuthmosis III at Dakka // CdE LIV. 1979. No. 107. P. 1–7.
Farid A. A Preliminary Report on the Clearance of the Temple of the Monthu and Re’it-Taui at Armant. Season July-August 1980 // Oriens Antiquus. 1983. 22. P. 67–72.
Farid S. Preliminary report on the Excavations of the Antiquities Department at Tell Basta (Season 1961) // ASAE. 1964. 58. P. 85–98.
Fattovich R. The Problem of Punt in the Light of Recent Field Work in the Eastern Sudan // Akten München 1985. 1991. 4. P. 257–272.
Fattovich R. Punt: the archaeological perspective // Atti VI Congresso. II. 1993. P. 399–405.
Faulkner R. O. The battle of Megiddo // JEA. 1942. 28. P. 2–15.
Faulkner R. O. The Battle of Kadesh // MDAIK. 1958. 16. P. 93–111.

Faulkner R. O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford: Printed for The Griffith Institute at the University Press by Vivian Ridler, 1962.
Faulkner R. O. Egypt from the Inception of the Nineteenth Dynasty to the Death of Ramesses III = CAH. 1966. Vol. II. Chapter XXIII.
Fay B. Nefertiti Times Three // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 1986. 23. P. 359–376.
Fay B. Amenemhat V–Vienna/Assuan // MDAIK. 1988. 44. P. 67–77.
Fazzini R. A. Report on the 1983 Season of Excavation at the Precinct of the Goddess Mut // ASAE. 1984–l986. 70. P. 287–307.
Fecht G. Amarna-Probleme (1–2) // ZÄS. 1960. 85. P. 83–118.
Fecht G. Zur Frühform der Amarna-Theologie. Neubearbeitung der Stele der Architekten Suti und Hor // ZÄS. 1967. 94. S. 25–50.
Fecht G. Das "Poème" über die Qadeš-Schlacht // SAK. 1984. 11. S. 281–333.
Federn W. Roi ou statue royale? // CdE XXXIV. 1959. No. 68. P. 214.
Federn W. Dahamunzu (KBo V 6 iii 8) // JCS. 1960. 14. P. 33.
Feucht E. Verjüngung und Wiedergeburt // SAK. 1984. 11. S. 401–417.
Feucht E. The *ḫrdw n kꜣp* Reconsidered // Pharaonic Egypt. The Bible and Christianity / ed. by Sarah Israelit-Groll. Jerusalem: The Magnes Press, The Hebrew University, 1985. P. 38–47, 343–345.
Firth Cecil M., Quibell J. E. Excavations at Saqqara. The Step Pyramid. Le Caire: Impr. de l'IFAO. 1935. Vol. 1–2.
Fischer H. G. A God and a General of the Oasis on a Stela of the Late Middle Kingdom // JNES. 1957. 16. P. 223–235.
Fischer H. G. The Nubian Mercenaries of Gebelein during the First Intermediate Period // Kush. 1961. 9. P. 44–80.
Fischer H. G. Inscriptions from the Coptite nome. Dynasties VI–XI. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1964 = Analecta Orientalia 40.
Fischer H. G. Dendera in the Third Millennium B.C. down to the Theban Domination of Upper Egypt. New York University, Locust Valley, New York: J. J. Augustin Publisher, 1968.
Fischer H. G. Two Tantalizing Biographical Fragments of Historical Interest // JEA. 1975. 61. P. 33–37.
Fischer H. G. The Ancient Egyptian Attitude Towards the Monstrous // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Papers Presented in Honor of Edith Porada / ed. by Ann E. Farkas, Prudence O. Harper and Evelyn B. Harrison. Mainz on Rhine: Verlag Philipp von Zabern, 1987. P. 13–26.
Fischer H. G. On Some Reinterpretations of Royal Names // GM. 1989. 108. P. 21–29.
Fischer H. G. Marginalia, 6. The full name of Neshi // GM. 1991. 122. P. 21–30.
Fischer-Elfert H.-W. Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Textzusammenstellung. 2, erweiterte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
Fischer-Elfert H.-W. Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Übersetzung und Kommentar. Wiesbaden: Verlag Otto Harrassowitz, 1986.
Foster J. L. The Conclusion to The Testament of Ammenemes, King of Egypt // JEA. 1981. 67. P. 35–47.
Fouilles de El Kab: documents, livr. I–II, par Jean Capart, Jean Stiénon, Marcelle Werbrouck. livr. III, par B. Van der Walle, Fondation Égyptologique Reine Élisabeth. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1940–1954.
Fouquet A. Deux hauts-fonctionnaires du Nouvel Empire en Haute-Nubie // CRIPEL. 1975. 3. P. 127–140.
Fox M. V. A Study of Antef // Orientalia. 1977. 46. P. 393–423.
Fox P. Tutankhamun's Treasure. London: Oxford University Press, 1951.
Franke D. Ein bisher nicht gedeuteter Beititel der Sieglervorsteher in der 13. Dynasties *sḏmj šnʿ* "Richter der Arbeiter im Arbeitshaus" // GM. 1982. 53. S. 15–21.

Franke D. Personendaten aus dem Mittleren Reich (20.–16. Jahrhundert v. Chr.). Dossiers 1–976. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1984a.
Franke D. Probleme der Arbeit mit altägyptischen Titeln des Mittleren Reiches // GM. 1984b. 83. S. 103–124b.
Franke D. Ursprung und Bedeutung der Titelsequenz *Z3b R3-Nḫn* // SAK. 1984c. 11. S. 209–217.
Franke D. Zwischen Herakleopolis und Theben: Neues zu den Gräbern von Assiut. Besprechung von: Elmar Edel, Die Inschriften der Grabfronten der Siut-Gräber in Mittelägypten aus der Herakleopolitenzeit. Eine Wiederherstellung nach den Zeichnungen der Description de l'Egypte // SAK. 1987. 14. S. 49–60.
Franke D. Zur Chronologie des Mittleren Reiches (12. — 18. Dynastie). Teil 1: Die 12. Dynastie // Orientalia. 1988. 57. S. 113–138.
Franke D. Anchu, der Gefolgsmann des Prinzen (Grabrelief Boston MFA 1971.403) // Miscellanea Aegyptologica Helck. 1989. S. 67–87.
Franke D. Erste und Zweite Zwischenzeit — Ein Vergleich // ZÄS. 1990. 117. S. 119–129.
Franke D. The career of Khnumhotep III. of Beni Hasan and the so-called "decline of the nomarchs" // Middle Kingdom Studies. 1991. P. 51–67.
Franken H. J. "Palestine in the Time of the Nineteenth Dynasty", (b) Archaeological Evidence // CAH II. 1975. 2. Chap. XXVI. P. 331–337.
Freed R. E. The Development of Middle Kingdom Egyptian Relief Sculptural Schools of Late Dynasty XI with an Appendix on the Trends of Early Dynasty XII (2040–1878 B.C.). New York University Ph.D. 1984.
Freu J. La lettre EA 116 de Rib Addi, prince de Byblos, au pharaon Akhenaton et les Hittites à el Amarna // Annales de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines de Nice (= Hommage à Pierre Fargues). 1974. 21. P. 15–47.
Freu J. Les guerres syriennes de Suppiluliuma et la fin de l'ère amarnienne // Hethetica. 1992. XI. P. 39–101.
Friedman F. 3ḫ in the Amarna Period // JARCE. 1986. 23. P. 99–106.
Friedrich J. Hethitische Texte in Umschrift IV: Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache // Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Leipzig: Peiser, 1930. Bd. 34.
Fritz W. Bemerkungen zum Datierungsvermerk auf der Amarnatafel KN 27 // SAK. 1991. 18. S. 207–214.
Froriep S. Das Fayum im alten Ägypten — landesplanerisch betrachtet // Antike Welt. Feldmeilen 12. Heft 2. Mainz am Rhein, 1981. S. 27–38.
Fulco W. J. The Canaanite God Resep. New Haven: Connecticut, American Oriental Society, 1976.
Fuscaldo P. Aksha (Serra West): El templo de Ramsès II. I: La lista topografica del atrio // Revista de Estudios de Egiptología. Buenos Aires, 1990. 1. P. 17–46.
Fuscaldo P. Aksha (Serra West): The Dating of the Site // Atti VI Congresso. I. 1993. P. 195–199.
Gaál E. Osiris-Amenophis III in Ugarit (Nmry.mlk.'lm) // Studia aegyptiaca I. Recueil d'études dédiées à Vilmos Wessetzky à l'occasion de son 65e anniversaire. Budapest, 1974. P. 97–99.
Gaál E. Women of Alalah and Arrapha in Egypt, Studia aegyptiaca II. Budapest, 1976. P. 207–213.
Gaballa G. A. Minor War Scenes of Ramesses II at Karnak // JEA. 1969. 55. P. 82–88.
Gaballa G. A. Two Dignitaries of the XIXth Dynasty // MDAIK. 1974. 30. P. 15–24.
Gaballa G. A. Narrative in Egyptian Art. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1976.
Gaballa G. A. The Memphite Tomb-Chapel of Mose. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1977.
Gaballa G. A., Kitchen K. A. Ramesside Varia I // CdE XLIII. 1968. No 86. P. 259–270.
Gaballa G. A., Kitchen K. A. The festival of Sokar // Orientalia. 1969. 38. P. 1–76.
Gaballa G. A., Kitchen K. A. Ramesside Varia IV. The Prophet Amenemope, His Tomb and Family // MDAIK. 1981. 37. P. 161–180.
Gabolde L. Le règne de Thoutmosis II (et celui de ses successeurs immédiats jusqu'à la fin de la régence d'Hatchepsout), thèse inéd. Université de Lyon, 1987a. II.

Gabolde L. A propos de deux obélisques de Thoutmosis II, dédiés à son père Thoutmosis I et érigés sous le règne d'Hatshepsout-pharaon à l'ouest du IVe pylône // Karnak VIII. 1987b. P. 143–158.
Gabolde L. La chronologie du règne de Thoutmosis II, ses conséquences sur la datation des momies royales et leurs répercutions sur l'histoire du développement de la Vallée des Rois // SAK. 1987c. 14. P. 61–81.
Gabolde L. La "Cour de Fêtes" de Thoutmosis II à Karnak // Karnak IX. 1993. P. 1–100.
Gabolde L., Gabolde M. Les temples "mémoriaux" de Thoutmosis II et Toutânkhamon. (Un rituel destiné à des statues sur barques) // BIFAO. 1989. 89. P. 127–178.
Gabolde M. Ay, Toutankhamon et les martelages de la stèle de la Restauration de Karnak (CG 34183) // BSEG. 1987. 11. P. 37–61.
Gabolde M. Le droit d'aînesse d'Ankhesenpaaton (à propos de deux récents articles sur la stèle UC 410) // BSEG. 1990. 14. P. 33–47.
Gabolde M. Le père divin Aÿ, thèse inédite. Univ. Lyon II, 1992a.
Gabolde M. Baketaton fille de Kiya? // BSEG. 1992b. 16. P. 27–40.
Gabolde M. La postérité d'Aménophis III, Égyptes. Histoires & Cultures, Avignon 1 (mars — avril — mai 1993). P. 29–34.
Gabra G. Preliminary Report on the Stela of *Ḥtpi* from El-Kab from the time of Wakhankh Inyôtef II // MDAIK. 1976. 32. P. 45–56.
Gabra G. The Site of Hager Edfu as the New Kingdom Cemetery of Edfu // CdE LII. 1977. No. 104. P. 207–222.
Gabra G., Farid A. Neue Materialien zu königlichen Baudenkmälern in Edfu // MDAIK. 1981. 37. S. 181–186.
Gadd C. J. chap. XVIII. «Assyria and Babylon», c. 1370–1300 B.C. // CAH II. 1975. 2.
Galanopoulos A. G. Die ägyptischen Plagen und der Auszug Israels aus geologischer Sicht, Das Altertum, 10. Berlin, 1964. S. 131–137.
Galanopoulos A. G. Tsunami. Bemerkungen zum Aufsatz «Die Santorin-Katastrophe und der Exodus» von W. Krebs // Das Altertum 13. Berlin, 1967. S. 19–20.
Gamer-Wallert I. Das Grab des Hohenpriesters des Ptah, *mrj-ptḥ*, in Saqqara // WdO. Bd. 14. 1983. S. 99–129.
Gardano G. La lettura del santuario di Aton nei rilievi della tomba di Meryra. Torino: Edizioni quaderni di studio, 1968.
Gardiner A. H. The inscription of Mes: a contribution to the study of Egyptian juridical procedure. Leipzig: Hinrichs, 1905.
Gardiner A. H. Four papyri of the 18th dynasty from Kahun // ZÄS. 43. 1906a. P. 27–47.
Gardiner A. H. A statuette of the high priest of Memphis, Ptahmose // ZÄS. 1906b. 43. P. 55–59.
Gardiner A. H. The admonitions of an Egyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto). Leipzig: Hinrichs, 1909.
Gardiner A. H. The stele of Bilgai // ZÄS. 1912. 50. P. 49–57.
Gardiner A. H. The defeat of the Hyksos by Kamōse: the Carnarvon tablet, no. 1 // JEA. 1916. 3. P. 95–110.
Gardiner A. H. The Delta residence of the Ramessides // JEA. 1918. 5. P. 127–138, 179–200, 242–271.
Gardiner A. H. Late-Egyptian stories. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1932.
Gardiner A. H. Ramesside administrative documents. London: Privately printed for the editor by Lund, Humphries & Co., 1940.
Gardiner A. H. The Wilbour papyrus / ed. by Alan H. Gardiner. Oxford: publ. for the Brooklyn Museum at the Oxford Univ. Pr., 1941.
Gardiner A. H. Davies's copy of the great Speos Artemidos inscription // JEA. 1946a. 32. P. 43–56.

Gardiner A. H. The Wilbour Papyrus. Vol. II. Commentary. Vol. III. Translation. Oxford: Published for The Brooklyn Museum At The Oxford University Press, 1948.
Gardiner A. H. The accession day of Sesostris I // JEA. 1946b. 32. P. 100.
Gardiner A. H., Sir. The Reading of the Geographical Term // JEA. 1957. 43. P. 6–9.
Gardiner A. H. The Royal Canon of Turin. Oxford: Printed for The Griffith Institute at the University Press by Vivian Ridler, 1959.
Gardiner A. H., Sir. The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Oxford: Printed for The Griffith Institute at the University Press by Vivian Ridler, 1960.
Gardiner A. H., Sir. Egypt of the Pharaohs. An Introduction. Oxford: at the Clarendon Press, 1961.
Gardiner A. H., Sir. Once again the Proto-Sinaitic Inscriptions // JEA. 1962. 48. P. 45–48.
Gardiner A. H., Faulkner R. O. The Wilbour Papyrus. Vol. IV. Index, Published for The Brooklyn Museum At The Oxford University Press, 1952.
Garelli P. Le Proche-Orient asiatique des origines aux invasions des peuples de lâ mer. Paris: «Nouvelle Clio», 1969. 2.
Garelli P., Nikiprowetzky V. Le Proche-Orient asiatique. Les Empires assyriens. Israël. Paris: «Nouvelle Clio», 1974. 2 bis.
Gasse A. Rapport préliminaire d'une mission épigraphique à Deir Abou Hennes // ASAE. 1983. 69. P. 95–102.
Gasse A. Une expédition au Ou-adi Hamm-am-at sous le règne de Sebekemsaf Ier // BIFAO. 1987. 87. P. 207–218.
Gasse A. DE nouvelles découvertes au Ou-adi Hammamat // BSFE. 1987. 110. Octobre. P. 14–17.
Gasse A. Amény, un porte-parole sous le règne de Sésostris Ier // BIFAO. 1988. 88. P. 83–94.
Gauthier H. Le livre des rois d'Égypte: recueil de titres et protocoles royaux, noms propres de rois, reines, princes et princesses, noms de pyramides et de temples solaires, suivi d'un index alphabétique. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1907–1917. T. 1–5.
Gauthier H. Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. Le Caire: Société Royale de Géographie d'Égypte, 1925–1931. T. 1–7.
Gautier J. É. Mémoire sur les fouilles de Licht / par J.-E. Gautier et G. Jéquier. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1902.
Gelb I. J. Shanhar // AJSL. 1936–1937. 53. P. 253–255.
Georgiou H. Relations between Cyprus and the Near East in the Middle and Late Bronze Age // Levant. London, 1979. 11. P. 84–100.
Gerhardt K. Waren die Köpfchen der Echnaton-Töchter künstlich deformiert? // ZÄS. 1967. 94. S. 50–62.
Germer R. Einige Bemerkungen zum angeblichen Opiumexport von Zypern nach Ägypten // SAK. 1981. 9. S. 125–129.
Germer R. Die angebliche Mumie der Teje. Probleme interdisziplinärer Arbeiten // SAK. 1984. 11. S. 85–90.
Geschenk des Nils. Aegyptische Kunstwerke aus Schweizer Besitz. Archäologische Sammlung der Universität Zürich — Historisches Museum Bern — Kunstmuseum Luzern — Musée d'art et d'histoire Genève. Eine Ausstellung des ägyptologischen Seminars der Universität Basel. In Zusammenarbeit mit dem Schweizerischen Bankverein. Basel, 1978.
Gessler-Löhr B. Zur Datierung einiger königlicher Truchsesse unter Amenophis III // Festschrift von Beckerath. 1990. S. 53–73.
Gestermann L. Hathor, Harsomtus und *Mnṯw-ḥtp.w* II. // Studien Westendorf. 1984. S. 763–776.
Gestermann L. Kontinuität und Wandel in Politik und Verwaltung des frühen Mittleren Reiches in Ägypten. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987.
Geus F., Labre Y. La Nubie au sud de Dal: exploration archéologique et problèmes historiques // CRIPEL. 1974. 2. P. 103–123.

Giddy L. L. Egyptian Oases. Bahariya, Dakhla, Farafra and Kharga During Pharaonic Times. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1987.
Giddy L. L., Jeffreys D. G., Malek J. Memphis, 1989 // JEA. 76. 1990. P. 1–15.
Gilbert P. Contribution à l'iconographie du pharaon Aij // CdE. 1941. 16. P. 45–47.
Gilbert P. Littérature égyptienne // Histoire des littératures 1. Littératures anciennes orientales et orales, Encyclopédie de la Pléiade. Paris: Gallimard éditeurs, 1955.
Giles F. J. Ikhnaton. Legend and History. London: Hutchinson, 1970.
Gill M. A. V. The Minoan 'Frame' on an Egyptian Relief // Kadmos. Berlin, 1969. 8. P. 85–102.
Ginter B., Heflik W., Kozłowski J. K., Śliwa J. Excavations in the Region of Qasr el-Sagha, 1979. Contributions to the Holocene Geology, the Predynastic and Dynastic Settlement in the Northern Fayum Desert // MDAIK. 1980. 36. P. 105–169.
Gitton M. Le palais de Karnak // BIFAO. 1974. 74. P. 63–73.
Gitton M. L'épouse du dieu Ahmes Néfertary. Documents sur sa vie et son culte posthume. Paris: Les Belles Lettres, 1975.
Gitton M. La résiliation d'une fonction religieuse: Nouvelle interprétation de la stèle de donation d'Ahmès Néfertary // BIFAO. 1976a. 76. P. 65–89.
Gitton M. Le rôle des femmes dans le clergé d'Amon à la 18e dynastie // BSFE. No. 75 (mars 1976b). P. 31–46.
Gitton M. Nefertary II // OLP. 1977. 8. P. 125–127.
Gitton M. Nouvelles remarques sur la stèle de donation d'Ahmes Néfertary // BIFAO. 1979a. 79. P. 327–331.
Gitton M. Ramsès // Supplément au Dictionnaire de la Bible IX. 1979b. P. 1117–1121, carte: 1111–1112.
Gitton M. Les divines épouses de la 18e dynastie. Paris: Les Belles-Lettres, 1984.
Giveon R. Toponymes ouest-asiatiques à Soleb // Vetus Testamentum. Leiden, 1964. 14. P. 239–255.
Giveon R. Two Egyptian Documents Concerning Bashan from the time of Ramses II // RSO. 1965. 40. P. 197–202.
Giveon R. Thutmosis IV and Asia // JNES. 1969. 28. P. 54–59.
Giveon R. Le temple d'Hathor à Serabit-el-Khadem // Archeologia. Paris, 1972. No 44 (janvier-février). P. 64–69.
Giveon R. Hyksos Scarabs with Names of Kings and Officials from Canaan // CdE. XLIX. 1974. No. 98. P. 222–233.
Giveon R. Two Inscriptions of Ramesses II // IEJ. 1975. 25. P. 247–249.
Giveon R. New Egyptian Seals with Titles and Names from Canaan // Tel Aviv. 1976. 3. P. 127–133.
Giveon R. Inscriptions of Sahurē' and Sesostris I from Wadi Kharig (Sinai) // BASOR. 1977. No. 226 (April). P. 61–63.
Giveon R. The Stones of Sinai Speak. Tokyo: Gakuseisha, 1978a.
Giveon R. The XIIIth Dynasty in Asia // RdE. 1978b. 30. P. 163–167.
Giveon R. A New Hyksos King // Tel Aviv. 1980b. 7. P. 90–91.
Giveon R. Resheph in Egypt // JEA. 66. 1980b. P. 144–150.
Giveon R. Ya'qob-har // GM. 1981. Heft 44. P. 17–20.
Giveon R. The Hyksos in the South // Fontes atque Pontes. 1983a. P. 155–161.
Giveon R. An inscription of Rameses III from Lachish // Tel Aviv. 1983b. 10. P. 176–177.
Giveon R. Amenmesse in Canaan? // GM. 1984. 83. P. 27–29.
Giveon R. Egyptian Scarabs from Western Asia from the Collections of the British Museum. Freiburg: Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985.
Giveon R. The Impact of Egypt on Canaan in the Middle Bronze Age // Egypt, Israel, Sinai. 1987. P. 23–40.

Giveon R. Scarabs from Recent Excavations in Israel / ed. by David Warburton and Christoph Uehlinger. Freiburg Schweiz: Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988.
Glanville S. R. K. Records of a royal dockyard of the time of Thuthmosis III: papyrus British Museum 10056 // ZÄS. 1931. 66. P. 105–121.
Godron G. Deux objets du Moyen Empire mentionnant Sobek // BIFAO. 1965. 63. P. 197–200.
Godron G. L'Elephantine-du-Sud // CdE XLIX. 1974. No 98. P. 238–253.
Goedicke H. The inscription of *Ḥr-wr-rˁ* (Sinai no. 90) // MDAIK. 1962. 18. P. 14–25.
Goedicke H. Was Magic used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? // JEA. 1963a. 49. P. 71–92.
Goedicke H. A Cylinder Seal of a Ruler of Byblos of the Third Millenium // MDAIK. 1963b. 19. P. 1–6.
Goedicke H. The Location of *ḫnt-ḥn-nfr* // Kush. 1965. 13. P. 102–111.
Goedicke H. The Capture of Joppa // CdE XLIII. 1968. No 86. P. 219–233.
Goedicke H. Ägäische Namen in ägyptischen Inschriften // WZKM. 1969. 62. S. 7–10.
Goedicke H. Re-Used Blocks from the Pyramid of Amenemhet I at Lisht. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1971.
Goedicke H. Some Remarks Concerning the Inscription of Ahmose, Son of Ebana // JARCE. 1974a. 11. P. 31–41.
Goedicke H. The Berlin Leather Roll (P Berlin 3029) // Festschrift Ägyptisches Museum. Berlin, 1974b. P. 87–104.
Goedicke H. The Report of Wenamun. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1975.
Goedicke H. A New Hyksos Inscription // JSSEA 7. No. 4 (August 1977a). P. 10–12.
Goedicke H. The Date of the "Antef-Song" // Fragen an die altägyptische Literatur. 1977b. P. 185–196.
Goedicke H. "Irsu, the Kharu" in Papyrus Harris // WZKM. 1979. 71. P. 1–17.
Goedicke H. The Background of Thutmosis III's Foreign Policy // JSSEA. 1979–1980. 10. P. 201–213.
Goedicke H. The "400-Year Stela" Reconsidered // BES. 1981. 3. P. 25–42.
Goedicke H. Another Look at an Old Object // BES. 1982. 4. P. 71–77.
Goedicke H. Studies in the Hekanakhte Papers. Baltimore: Halgo, Inc., 1984a.
Goedicke H. Abi-Sha(i)'s Representation in Beni Hasan // JARCE 21 (1984b). 1985b. P. 203–210.
Goedicke H. The Coast is Clear // Studien Westendorf. 1984c. P. 485–489.
Goedicke H. "The Canaanite Illness" // SAK. 1984. 1984d. 11. P. 91–105.
Goedicke H. The "Battle of Kadesh": A Reassessment // Perspectives on the Battle of Kadesh. 1985. P. 77–121.
Goedicke H. zmꜣ-tꜣwy // Mélanges Mokhtar I. 1985a. P. 307–324.
Goedicke H. The Quarrel of Apophis and Seqenenre'. San Antonio: Van Siclen Books, 1986a.
Goedicke H. The End of the Hyksos in Egypt // Egyptological Studies in Honor of Richard A. Parker. Presented on the Occasion of his 78th Birthday December 10, 1983 / ed. by Leonard H. Lesko. Hanover; London: Published for Brown University Press by University Press of New England, 1986b. P. 37–47.
Goedicke H. Ramesses II and the Wadi Tumilat // VA. 1987. 3. P. 13–24.
Goedicke H. Studies in "The Instructions of King Amenemhet I for his Son". Text and Plates. San Antonio: Van Siclen Books, 1988a = Varia Aegyptiaca Supplement, 2/1–2.
Goedicke H. The Northeastern Delta and the Mediterranean // The Archaeology of the Nile Delta, Egypt: Problems and Priorities. Proceedings of the Seminar held in Cairo, 19–22 October 1986, on the occasion of the fifteenth anniversary of the Netherlands Institute of Archaeology and Arabic Studies in Cairo / ed. by E. C. M. van den Brink. Amsterdam: Netherlands

Foundation for Archaeological Research in Egypt (Nederlandse Stichting voor Archeologisch Onderzoek in Egypte), 1988b. P. 165–175.
Goedicke H. The Prayers of Wakh-'ankh-antef-'Aa // JNES. 1991a. 50: 4. P. 235–253.
Goedicke H. Egyptian Military Actions in "Asia" in the Middle Kingdom // RdE. 1991b. 42. P. 89–94.
Goelet O., Jr. *w3ḏ-wr* and Lexicographical Method // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy, 1992. P. 205–214.
Goetze A. Zur Schlacht von Qades // OLZ. 1929. 32. S. 832–838.
Goetze A. Anatolia from Shuppiluliumash to the Egyptian War of Muwatallish // CAH II. 1975a. 2. Chap. XXI. P. 117–129.
Goetze A. The Hittites & Syria (1300–1200 B.C.) // CAH II. 1975b. 2. Chap. XXIV. P. 252–273.
Gohary J. Akhenaten's Sed-festival at Karnak. London; New York: Kegan Paul International, 1992.
Gohary J. D. Nefertiti at Karnak // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 30–31.
Gohary S. G. The Doorway of the Priest Hori-em-hab of Athribis // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 75–79.
Goldwasser O. Hieratic Inscriptions from Tel Sera' in Southern Canaan // Tel Aviv. 1984. 11. P. 77–93.
Goldwasser O. A cartouche of Semenkhkare from Canaan // GM. 1990. 115. P. 29–32.
Golénischeff W. S. Offener Brief an Herrn Professor G. Steindorff // ZÄS. 1902–1903. 40. P. 101–106.
Golvin J.-C., Goyon J.-C. Les bâtisseurs de Karnak. Paris: Presses du CNRS, 1987.
Gomaà F. Chaemwese, Sohn Ramses' II. und Hohenpriester von Memphis. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973.
Gomaà F. Ägypten während der Ersten Zwischenzeit. Wiesbaden: In Kommission bei Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1980.
Gomaà F. Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches. I: Oberägypten und das Fayyum; II: Unterägypten und die angrenzenden Gebiete. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986–1987.
Gomaà F., Müller-Wollermann R., Schenkel W. Mittelägypten zwischen Samalüt und dem Gabal Abu Sir. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1991.
Good W. On the Reading of *nfr.nfrw.itn Nfrt.i.ti* // DE. 1992. 23. P. 13–14.
Gordon A. The Tomb of the Vizier Amenhotep at Thebes // MDAIK. 1983. 39. P. 71–80.
Gordon A. Who was the Southern Vizier During the Last Part of the Reign of Amenhotep III? // JNES. 1989. 48. P. 15–23.
Görg M. Megiddo in den Ächtungstexten // Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft. Berlin, 1976. 88. S. 94–96.
Görg M. Bevölkerungspolitische Strukturen in Südpalästina (mit Nord-östl. Sinai) zum ausgehenden 13. Jh. (im Lichte ausserbiblischer Quellen) ("Kadesch in Geschichte und Überlieferung." Materialien zur Tagung der Arbeitsgemeinschaft der deutschsprachigen Kath. Alttestamentler vom 23.–27. Sept. 1979 in Bamberg) // Biblische Notizen. Beiträge zur exegetischen Diskussion. Bamberg, 1979. Heft 9. S. 51–53.
Görg M. Weitere Beobachtungen zum sogenannten Moab Feldzug Ramses'II // Görg M. Beiträge zur Zeitgeschichte der Anfänge Israels. Dokumente — Materialien — Notizen. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1989. S. 123–134.
Görg M. Sinai und Zypern als Regionen der Erzgewinnung. Beobachtungen zur Namengebung nach Mineralien in Ägypten und im Alten Orient // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy. 1992. S. 215–221.
Gosline Sh. L. Reevaluation of the Tomb of Amenhotep, Governor of Bahria // DE. 1987. 8. P. 15–20.

Götter Pharaonen. Ausstellungskatalog Villa Hügel Essen Juni — September 1978. Mainz: Zabern Verlag, 1979.
Gout-Minault A. Deux fonctionnaires de la XIXe Dynastie en poste au Soudan (Saï- inventaire 1126, 1147–1150 et 1153) // Hommages à la mémoire de Serge Sauneron 1927–1976. I: Égypte pharaonique. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1979. P. 33–41.
Goyon G. Le papyrus de Turin dit "des Mines d'Or" et le Wadi Hammamat // ASAE. 1949. 49. P. 337–392.
Goyon G. Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. Paris: Imprimerie Nationale. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1957.
Goyon G. Les inscriptions des carrières et des mines // Textes et langages II. 1973. P. 193–205.
Goyon J.-C. Momification et recomposition du corps divin: Anubis et les canopes // Funerary Symbols and Religion. Essays dedicated to Professor M. S. H. G. Heerma van Voss on the occasion of his retirement from the Chair of the History of Ancient Religions at the University of Amsterdam / ed. by J. H. Kamstra, H. Milde, K. Wagtendonk. Kampen: J. H. Kok. 1988. P. 34–44.
Goyon J.-C. Quelques aspects méconnus de la monarchie pharaonique, L'idéologie du Pouvoir monarchique dans l'Antiquité, Actes du Colloque de la Société des Professeurs d'Histoire ancienne de l'Université tenu à Lyon et à Vienne les 26–28 juin 1989. Paris: Diffusion de Boccard, 1991. P. 3–7.
Goyon J.-C., Traunecker C. Documents de l'Allée des Processions // Karnak VI. 1980. P. 129–152.
Graefe E. Untersuchungen zur Wortfamilie *bj3*-. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. Köln, 1971.
Graefe E. Das Grab des Schatzhausvorstehers und Bauleiters Maya in Saqqara // MDAIK. 1975. 31. S. 187–220
Graefe E. Das sogenannte Senenmut-Kryptogramm // GM. 1980. Heft 38. S. 45–51.
Graefe E. Untersuchungen zur Verwaltung und Geschichte der Institution der Gottesgemahlin des Amun vom Beginn des Neuen Reiches bis zur Spätzeit. Band I: Katalog und Materialsammlung. Band II: Analyse und Indices. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981.
Graefe E. Keine Mitregentschaft im Mittleren Reich? // Ständige Ägyptologen Konferenz. Basel, 1982 (не издано).
Graindorge C., Martinez Ph. Karnak avant Karnak: les constructions d'Aménophis Ier et les premières liturgies amoniennes // BSFE. 1989. 115 (Juin). P. 36–64.
Grandet P. Deux établissements de Ramsès III en Nubie et en Palestine // JEA. 1983. 69. P. 108–114.
Grandet P. Un texte historique de Ramsès III à el-Kâb (et autres textes ramessides) // RdE. 1990. 41. P. 95–99.
Grapow H. Studien zu den Annalen Thutmosis des Dritten und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reiches. Berlin: Akademie-Verlag, 1949.
Gratien B. La nécropole SAC 4 de l'île de Saï: l'occupation Kerma // Mélanges Vercoutter. 1985. P. 93–105.
Gratien B. Saï I: La nécropole Kerma. Préface de Jean Vercoutter. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1986.
Gratien B. Prosopographie des Nubiens et des Égyptiens en Nubie avant le Nouvel Empire. Lille: Université Charles de Gaulle — Lille III, 1991.
Grdseloff B. Édôm d'après les sources égyptiennes // Bulletin des études historiques juives 1946. 1. P. 69–99.
Grdseloff B. Une stèle scythopolitaine du roi Séthos Ier. Comprenant le texte intégral d'une communication intitulée: "Une Rébellion des Hébreux en Palestine du Nord sous le règne de Séthos Ier", lue au Caire, à l'Institut d'Égypte, à la séance du 8 janvier 1945. Le Caire: Imprimerie Le Scribe Egyptien S.A.E., 1949.

Green F. W. Notes on some inscriptions in the Etbai district // PSBA. 1909. 31. P. 247–254, 319–322.
Green M. The Syrian and Lebanese Topographical Data in the Story of Sinuhe // CdE LVIII. Nos. 115–116 (1983). P. 38–59.
Griffith F. L. The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh. London: Trübner, 1889.
Griffith F. L. The Petrie papyri: hieratic papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle Kingdom). Vol. 1–2. London: Quaritch, 1898.
Grimal N.-Chr. La stèle triomphale de Pi(‘ankh)y au Musée du Caire. JE 48862 et 47086–47089. Le Caire: Institut français d’Archéologie orientale, 1981.
Grimal N.-Chr. Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIXe dynastie à la conquête d’Alexandre. Paris: Imprimerie Nationale / Diffusion de Boccard, 1986.
Grimal N. Histoire de l’Égypte ancienne. Paris: Fayard, 1988.
Grimm A. Calembour, Trommelwettstreit oder Kampf auf Leben und Tod in der autobiographischen Steleninschrift des Emhab? // JEA. 1989. 75. S. 220–224.
Grist J. The Identity of the Ramesside Queen Tyti // JEA. 1985. 71. P. 71–81.
Groll S. Israelit, The Egyptian Administrative System in Syria and Palestine in the 18th Dynasty. A Model of High Integrative Level // Fontes atque Pontes. 1983. P. 234–242.
Grzymski K. Medewi/Bedewi and MDA/Bedja // GM. 58. 1982. P. 27–30.
Guterbock H. G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by his Son, Mursili II // JCS. 1956. 10. P. 41–68, 75–98, 107–130.
Guterbock H. G. Toward a definition of the term Hittite // Oriens. 10. 1957. P. 233–239.
Guterbock H. G. Mursili’s accounts of Suppiluliama’s dealings with Egypt // Revue Hittite et Asianique. Paris, 1960. 18. P. 57–63.
Guidotti M. C. Ceramica dipinta dall’area della tomba di Bakenrenef a Saqqara // EVO. 1996. 19. P. 51–67.
Gundlach R. Der Denkstein des Königs Ahmose. Zur Inhaltsstruktur der Königsnovelle // Fragen an die altägyptische Literatur. 1977. S. 217–239.
Gundlach R. Die Felsstelen Amenophis’ III. am 1. Katarakt (zur Aussagenstruktur königlicher Historischer Texte) // Form und Mass. 1987. S. 180–217.
Gunn B. Notes on the Aten and his names // JEA. 1923. 9. P. 168–176.
Gutgesell M. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el-Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Teil I: Die 20. Dynastie. Band I und II. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1983.
Gutgesell M. Arbeiter und Pharaonen. Wirtschafts- und Sozialgeschichte im Alten Ägypten. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1989.
Gutgesell M., Schmitz B. Die Familie des Amenmesse // SAK. 1981. 9. S. 131–141.
Haas V. (hrsg.) Hurriter und Hurritisch, XENIA. Konstanzer Althistorische Vorträge und Forschungen 21. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1988.
Habachi L. Une “vaste salle” d’Amenemhat III à Kiman-Farès (Fayoum) // ASAE. 1937. 37. P. 85–95.
Habachi L. The monument of Biyahmū // ASAE. 1940. 40. P. 721–732.
Habachi L. Notes on the Altar of Sekhemrē’-sewadjtowĕ Sebkhotpe from Sehēl // JEA. 1951. 37. P. 17–19.
Habachi L. Graffito of the Chamberlain and Controller of Works Antef at Sehel // JEA. 1953. 39. P. 50–59.
Habachi L. Khatâ`na-Qantir: Importance // ASAE. 1954. 52. P. 443–562.
Habachi L. Tell Basta. Le Caire: Imprimerie de l’Institut français d’archéologie orientale, 1957.
Habachi L. Two Graffiti at Sehēl from the Reign of Queen Hatshepsut // JNES. 1957a. 16. P. 88–104.
Habachi L. The Graffiti and Work of the Viceroys of Kush in the Region of Aswan // Kush. 1957b. 5. P. 13–36.

Habachi L. God's Fathers and the Role They Played in the History of the First Intermediate Period // ASAE. 1958. 55. P. 167–190.
Habachi L. The First Two Viceroys of Kush and their Family // Kush. 1959. 7. P. 45–62.
Habachi L. Notes on the Unfinished Obelisk of Aswân and Another Smaller One in Gharb Aswân // Древний Египет: Сборник статей. М.: Издательство восточной литературы, 1960b. P. 216–236.
Habachi L. Five Stelae from the Temple of Amenophis III at Es-Sebua, now in the Aswan Museum // Kush. 1960b. 8. P. 45–52.
Habachi L. Four Objects Belonging to Viceroys of Kush and Officials Associated with Them // Kush. 1961. 9. P. 210–225.
Habachi L. King Nebhepetre Menthuhotp: His Monuments, Place in History, Deification and Unusual Representations in the Form of Gods // MDAIK. 1963. 19. P. 16–52.
Habachi L. A Family from Armant in Aswân and in Thebes // JEA. 1965a. 51. P. 123–136.
Habachi L. Varia from the Reign of King Akhenaten, The graffito of Bak and Men at Aswân and a graffito close by originally showing the King before the hawk-headed Aton // MDAIK. 1965b. 20. P. 70–92.
Habachi L. The Triple Shrine of the Theban Triad in Luxor Temple // MDAIK. 1965c. 20. P. 93–97.
Habachi L. Three Monuments of the Unknown King Sehetepibre Pedubastis // ZÄS. 1966. 93. P. 69–74.
Habachi L. The Qantir Stela of the Vizir Rahotep and the Statue "Ruler-of-Rulers" // Festgabe für Dr. Walter Will, Ehrensenator der Universität München, zum 70. Geburtstag am 12. November 1966. Köln etc.: Carl Heymans Verlag, 1966. S. 67–77.
Habachi L. Setau, the famous Viceroy of Ramses II and his Career // CHE 10. Nubie par divers archéologues et historiens. Le Caire, 1966. P. 51–68 = Sixteen Studies on Lower Nubia. 1981. P. 121–138.
Habachi L. Nakht, propriétaire de la tombe No 397 de la nécropole thébaine et sa famille // Kêmi. 1968. 18. P. 51–56.
Habachi L. Features of the Deification of Ramesses II. Glückstadt: Verlag J. J. Augustin, 1969a.
Habachi L. Divinities Adored in the Area of Kalabsha, with a Special Reference to the Goddess Miket // MDAIK. 24. 1969b. P. 169–183 = Sixteen Studies on Lower Nubia. 1981. P. 271–282.
Habachi L. La reine Touy, femme de Séthi I, et ses proches parents inconnus // RdE. 1969c. 21. P. 27–47.
Habachi L. The Administration of Nubia during the New Kingdom, with Special Reference to Discoveries made during the Last Few Years // Actes du Symposium international sur la Nubie: organisé par l'Institut d'Égypte et tenu au siège de l'Institut les 1er, 2 et 3 mars 1965. Mémoires de l'Institut d'Égypte 59. Le Caire, 1969d. P. 65–78.
Habachi L. Akhenaten in Heliopolis, Beiträge zur ägyptischen Bauforschung and Altertumskunde Herausgegeben vom Schweizerischen Institut für ägyptische Bauforschung and Altertumskunde in Kairo, 12. Zum 70. Geburtstag von Herbert Ricke. Wiesbaden: In Kommission im Franz Steiner Verlag GMBH, 1971a. S. 35–45.
Habachi L. The Jubilees of Ramesses II and Amenophis III with Reference to Certain Aspects of their Celebration // ZÄS. 1972a. 97. P. 64–72.
Habachi L. The Second Stela of Kamose and his Struggle against the Hyksos Ruler and his Capital. Glückstadt: Verlag J. J. Augustin, 1972b.
Habachi L. The Four Hundred Year Stela Originally Standing in Khatâ'na-Qantir or Avaris-Piramesse, Actes du XXIXe Congres des Orientalistes. Paris, 1973. Egypte 1. P. 41–44.
Habachi L. Graffiti in the Area of the First Cataract // Textes et langages II. 1973a. P. 185–192.
Habachi L. The Two Rock-Stelae of Sethos I in the Cataract Area Speaking of Huge Statues and Obelisks // BIFAO. 1973b. 73. P. 113–125.

Habachi L. Aménophis III et Amenhotep, fils de Hapou, à Athribis // RdE. 1974. 26. P. 21–33.
Habachi L. A High Inundation in the Temple of Amenre at Karnak in the Thirteenth Dynasty // SAK. 1974. 1. P. 207–214.
Habachi L. Sethos I's Devotion to Seth and Avaris // ZÄS. 1974. 100, 2. P. 95–102.
Habachi L. Three Large Rock-Stelae Carved by Ramesses III near Quarries // JARCE. 1974. 11. P. 69–75.
Habachi L. Building Activities of Sesostris I in the Area to the South of Thebes // MDAIK. 1975. 31. P. 27–37.
Habachi L. New Light on Objects of Unknown Provenance (I). A Strange Monument of Amenemhet IV and a Similar Uninscribed One // GM. 1977. Heft 26. P. 27–36.
Habachi L. King Amenmesse and Viziers Amenmose and Kha'emtore: Their Monuments and Place in History // MDAIK. 1978. 34. P. 57–67.
Habachi L. The So-Called Hyksos Monuments Reconsidered. Apropos of the Discovery of a Dyad of Sphinxes // SAK. 1978. 6. P. 79–92.
Habachi L. Rock-Inscriptions from the Reign of Ramesses II on and around Elephantine Island // Festschrift Elmar Edel. 1979. P. 227–237.
Habachi L. Unknown or Little-known Monuments of Tutankhamun and of his Viziers // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 32–41.
Habachi L. A Score of Important Officials Serving the Neferhotep Family as Revealed from Three Objects in the Heqaib Sanctuary // Serapis. 1980. 6. P. 47–56.
Habachi L. The Military Posts of Ramesses II on the Coastal Road and the Western Part of the Delta // BIFAO. 1980. 80. P. 13–30.
Habachi L. New Light on the Neferhotep I Family, as Revealed by Their Inscriptions in the Cataract Area // Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan. 1981. P. 77–81.
Habachi L. New Light on the Vizier Iymeru, Son of the Controller of the Hall, Iymeru // Bulletin du centenaire. 1981. P. 29–39.
Habachi L. Viceroys of Kush During the New Kingdom // Sixteen Studies on Lower Nubia. 1981. P. 155–168.
Habachi L. Viceroys of Kush During the Reigns of Sethos I and Ramesses II and the Order in Which They Assumed Their Function // Sixteen Studies on Lower Nubia. 1981. P. 139–154.
Habachi L. The Family of the Vizier Ibi' and His Place among the Viziers of the Thirteenth Dynasty // SAK. 1984. 11. P. 113–126.
Habachi L. The Sanctuary of Heqaib. With Contributions by Gerhard Haeny and Friedrich Junge. Photographs by Dieter Johannes. Text and Plates. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985a.
Habachi L. Devotion of Tuthmosis III to his Predecessors: à propos of a Meeting of Sesostris I with his Courtiers // Mélanges Mokhtar I. 1985b. P. 349–359.
Habachi L. A hitherto unknown viceroy of Kush // Mélanges Vercoutter. 1985c. P. 137–146.
Habachi L. Studies on the Middle Kingdom. Budapest: Université Loránd Eötvös, Chaire de l'Égyptologie, 1987 = Studia Aegyptiaca, 10 (репринты статей 1937–1984).
Hachmann R. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen in Kāmid el-Lōz in den Jahren 1971 bis 1974. Unter Mitarbeit von Rudof Echt, Dietz Otto Edzard, Martin Metzger et al. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1982a.
Hachmann R. Der Rabisu von Kumidi // Archéologie au Levant. Recueil à la mémoire de Roger Saidah. Lyon: Maison de l'Orient, 1982b. P. 133–145.
Hachmann R. Der Palast eines syrischen Kleinkönigs der späten Bronzezeit in Kāmid el-Lōz // Palast und Hütte. Beiträge zum Bauen and Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- and Frühgeschichtlern. Tagesbeiträge eines Symposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung. Bonn: Bad Godesberg, veranstaltet von 25.–30. November 1979 in Berlin. Herausgegeben von Dietrich Papenfuss and Volker Michael Strocka. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1982c. S. 21–41.

Hachmann R. Die ägyptische Verwaltung in Syrien während der Amarnazeit // ZDPV. 1982d. 98. S. 17–49.
Hachmann R. Bericht über die Ergebnisse des ausgrabungen in Kāmīd el-Lōz in den Jahren 1977 bis 1981. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1986.
Haeny G. Zum Hohen Tor von Medinet Habu // ZÄS. 1967. 94. S. 71–78.
Haeny G. Basilikale Anlagen in der ägyptischen Baukunst des Neuen Reiches. Dissertation. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1970.
Haeny G. Untersuchungen im Totentempel Amenophis' III. Herausgegeben von Gerhard Haeny. I: Herbert Ricke, Der Totentempel Amenophis' III. Baureste und Ergänzung; II: Labib Habachi und Gerhard Haeny, Zur Ausstattung des Tempels. Statuen, Reliefreste, Inschriften. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1981.
Hafemann I. Zum Problem der staatlichen Arbeitspflicht im alten Ägypten. II: Auswertung der Expeditionsinschriften des Mittleren Reiches // AoF. 1985. 12. S. 179–215.
Haider P. W. Zum Moab-Feldzug Ramses' II // SAK. 1987. 14. S. 107–123.
Hall R. M. 'Crimpled' Garments: a mode of Dinner Dress // DE. 1986. 5. P. 37–45.
Hallo W. W., Simpson W. K. The Ancient Near East. A History. Under the General Editorship of John Morton Blum. New York; Chicago; San Francisco; Atlanta: Harcourt Brace Jovanovich. Inc., 1971.
Hanke R. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Neue Veröffentlichungen und Studien. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1978.
Hankey V. The Aegean Interest in El Amarna // Journal of Mediterranean Anthropology and Archaeology. Xanthi 1. 1981. P. 38–49.
Hankey V., Tufnell O. The Tomb of Maket and its Mycenaean Import // The Annual of the British School at Athens. London, 1973. 68. P. 103–111.
Harari I. Les dispositions juridiques prises par Séti Ier à Kanais // DE. 1987. 7. P. 87–104.
Harari I. A propos d'une clause essentielle du traité entre Ramses II et Hateusili // DE. 1988. 10. P. 89–94.
Harari I. E. The historical meaning of the legal words used in the treaty established between Ramesses II and Hattusili III, in year 21 of the reign of Ramesses II // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 422–435.
Hari R. Horemheb et la reine Moutnedjemet ou la fin d'une dynastie. Genève: Editions de Belles-Lettres, 1965. P. 20.
Hari R. Un Scarabée inédit d'Hatshepsout. Scarabées à légende architecturale // JEA. 1974. 60. P. 134–139.
Hari R. Les stèles de Nakhtmin, Premier Prophète de Min et d'Isis // Genava. Genève, 1975. 23. P. 5–12.
Hari R. La reine d'Horemheb était-elle la soeur de Nefertiti? // CdE LI. 1976. No. 101. P. 39–46.
Hari R. Mout-Nefertari, épouse de Ramses II: une descendante de l'hérétique Ai? // Aegyptus. 1979. 59. P. 3–7.
Hari R. Une reine énigmatique: Nebou-Hotepti // BSEG. 1980. No. 4 (Novembre). P. 45–48.
Hari R. La "damnatio memoriae" amarnienne // Mélanges Gutbub. 1984. P. 95–102.
Hari R. La religion amarnienne et la tradition polythéiste // Studien Westendorf. 1984. P. 1039–1055.
Hari R. Quelques remarques sur l'abandon d'Akhetaton // BSEG. 1984–85. 9–10. P. 113–118.
Hari R. La tombe thébaine du père divin Neferhotep (TT 50). Genève: Editions de Belles-Lettres, 1985.
Haring B. Libyans in the Theban region, 20th dynasty // Atti VI Congresso. 1993. II. P. 159–165.
Harrak A. Assyria and Hanigalbat. A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Century B.C. Hildesheim, 1987.
Harrell J. A., Brown V. M. The Oldest Surviving Topographical Map from Ancient Egypt: (Turin Papyri 1879, 1899, and 1969) // JARCE. 1992. 29. P. 81–105.

Harris J. E., Weeks K. R. X-Raying the Pharaohs. London: Macdonald, 1973.
Harris J. E., Wente E. F. An X-Ray Atlas of the Royal Mummies. Edited. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980.
Harris J. E., Wente E. F., Cox Ch. F., el-Nawaway I., Kowalski Ch. J., Storey A. T., Russell W. R., Ponitz P. V., Walker G. F. Mummy of the "Elder Lady" in the Tomb of Amenhotep II: Egyptian Museum Catalog Number 61070, Science, Washington 200. No. 4346 (9 June, 1978). P. 1149–1151.
Harris J. R. How Long was the Reign of Horemheb? // JEA. 1968. 54. P. 95–99.
Harris J. R. Nefertiti rediviva // AcOr. 1973a. 35. P. 5–13.
Harris J. R. Nefernefruaten // GM. 1973b. Heft 4. P. 15–17.
Harris J. R. The Date of the "Restoration" Stela of Tutankhamun // GM. 1973c. Heft 5. P. 9–11.
Harris J. R. Nefernefruaten regnans // AcOr. 1974a. 36. P. 11–21.
Harris J. R. Kiya // CdE XLIX. 1974b. No 97. P. 25–30.
Harris J. R. Desiderata // GM. 1974c. Heft 11. P. 9–10.
Harris J. R. The Folding Stool of a Famous Soldier // AcOr. 1976. 37. P. 21–25.
Harris J. R. Akhenaten or Nefertiti? // AcOr. 1977a. 38. P. 5–10.
Harris J. R. A Fine Piece of Egyptian Faience // Burlington Magazine, London 119. No. 890 (May 1977b). P. 340–343.
Harris J. R. Some Well Known Egyptian Pieces Reconsidered // Arts of Asia, Hong Kong 13. No. 6 (November/December 1983). P. 76–79.
Harris J. R. Akhenaten and Nefernefruaten in the Tomb of Tut'ankhamūn // After Tutankhamun. 1992. P. 55–72.
Harrison R. G. An Anatomical Examination of the Pharaonic Remains Purported to be Akhenaten // JEA. 1966. 52. P. 95–119.
Harrison R. G., *Abdallah A. B.* The Remains of Tutankhamun // Antiquity. 1972. 46. P. 8–14.
Hassanein F. Le problème historique du prince Seth-her-khopchef, fils de Ramses III. A propos de la tombe no. 43 de la Vallée des Reines // Akten München 1985. 1991. 4. P. 63–66.
Hayes W. C. Horemkha'uef of Nekhen and his Trip to It-towe // JEA. 1947. 33. P. 3–11.
Hayes W. C. Career of the great Steward Henenu under Nebhepetrē' Mentuhotpe // JEA. 1949. 35. P. 43–49
Hayes W. C. Inscriptions from the Palace of Amenhotep III // JNES. 1951. 10. P. 35–40, 156–183; 231–242.
Hayes W. C. The Scepter of Egypt. A Background for the Study of the Egyptian Antiquities in The Metropolitan Museum of Art. Part I: From the Earliest Times to the End of the Middle Kingdom. New York: Harper & Brothers in co-operation with the Metropolitan Museum of Art, 1953a.
Hayes W. C. Notes on the Government of Egypt in the late Middle Kingdom // JNES. 1953b. 12. P. 31–39.
Hayes W. C. The Scepter of Egypt. A Background for the Study of the Egyptian Antiquities in The Metropolitan Museum of Art. Part II: The Hyksos Period and the New Kingdom (1675–1080 B.C.). Cambridge; Massachusetts: Published for The Metropolitan Museum of Art by Harvard University Press, 1959.
Hayes W. C. Varia from the Time of Hatshepsut // MDAIK. 1957. 15. P. 78–90.
Hayes W. C. A Selection of Tuthmoside Ostraca from Dēr el-Bahri // JEA. 1960. 46. P. 29–52.
Hayes W. C. CAH I, 1, chap. VI: «Chronology», § I. Egypt — to the end of the Twentieth Dynasty. 1970. P. 173–193.
Hayes W. C. A Papyrus of The Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. Papyrus Brooklyn 35.1446. Edited with Translation and Commentary. New York: The Brooklyn Museum, 1972.
Hayes W. C. CAH I, 2, chap. XX: «The Middle Kingdom in Egypt: Internal History from the Rise of the Heracleopolitans to the Death of Ammenemes III». 1971. P. 464–531.

Hayes W. C. CAH II, 1, chap. II: «Egypt. From the Death of Ammenemes III to Seqenenre II». 1973a. P. 42–76.
Hayes W. C. CAH II, 1, chap. IX: «Egypt. Internal Affairs from Tuthmosis I to the Death of Amenophis III». 1973b. P. 313–416.
Hein I. Die ramessidische Bautätigkeit in Nubien. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.
Heinsohn G. Who were the Hyksos? Can archaeology and stratigraphy provide a solution to the "enigma of world history"? // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 207–219.
Heintz J.-G. Index Documentaire d'El-Amarna — I.D.E.A., 1 — Liste/Codage des textes. Index des ouvrages de référence. Avec la collaboration de D. Bauer, A. Marx et L. Millot. Programmation J. Françon. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982.
Helck W. Der Einfluss der Militärführer in der 18. ägyptischen Dynastie / von Hans Wolfgang Helck. Leipzig: Hinrichs, 1939.
Helck W. Eine Stele des Vizekönigs *Wśr-Śt.t* // JNES. 1955. 14. S. 22–31.
Helck W. Urkunden des ägyptischen Altertums IV. Urkunden der 18. Dynastie (Heft 17–22). Berlin, 1955–1958.
Helck W. Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten. Berlin: Akademie-Verlag, 1956.
Helck W. Ramessidische Inschriften aus Karnak. I. Eine Inschrift Ramses' IV // ZÄS. 1958. 82. S. 98–140.
Helck W. Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reichs. Leiden; Köln: E. J. Brill, 1958a.
Helck W. Ramessidische Inschriften II. Die Inschrift Ramses' III. vom Cachette-Hof in Karnak // ZÄS. 1958b. 83. S. 27–38.
Helck W. Bemerkungen zu den Thronbesteigungsdaten im Neuen Reich // Studia biblica et orientalia. Vol. III: Oriens antiquus = Analecta biblica n. 12. Roma, 1959. S. 113–129.
Helck W. Die ägyptische Verwaltung in den syrischen Besitzungen // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1960. № 92. S. 1–13.
Helck W. Die Opferstiftung des *śn-mwt* // ZÄS. 1960. 85. S. 23–34.
Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Übersetzung zu den Heften 17–22, Bearbeitet und übersetzt. Berlin: Akademie-Verlag, 1961.
Helck W. Entwicklung der Verwaltung als Spiegelbild historischer und soziologischer Faktoren // Fonti. 1963. S. 59–80.
Helck W. Ramessidische Inschriften aus Karnak // CdE XXXVIII. 1963. No 75. S. 37–48.
Helck W. Chronologische Kleinigkeiten // CdE XLI. 1966. No 82. S. 233–243.
Helck W. Nilhöhe und Jubiläumsfest // ZÄS. 1966. 93. S. 74–79.
Helck W. Zum Auftreten fremder Götter in Ägypten // Oriens Antiquus. 1966. 5. S. 1–14.
Helck W. Zum Kult an Königsstatuen // JNES. 1966. 25. S. 32–41.
Helck W. Eine Briefsammlung aus der Verwaltung des Amuntempels // JARCE. 1967. 6. S. 135–151.
Helck W. Die Bedrohung Palästinas durch einwandernde Gruppen am Ende der 18. und am Anfang der 19. Dynastie // Vetus Testamentum, Leiden 18. 1968. S. 472–480.
Helck W. Matenalien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. 6 vol. Wiesbaden, 1960–1969; Inge Hofmann, Indices zu W. Helck, Materialien. Wiesbaden, 1969.
Helck W. Der Text der "Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn". Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969a.
Helck W. Die Besucherinschriften // Das Sonnenheiligtum des Königs Userkaf. Band II: Die Funde. Wiesbaden: Schweizerisches Institut für ägyptische Bauforschung and Altertumskunde in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 1969b. S. 115–121.
Helck W. Die Tochterheirat ägyptischer Könige // CdE XLIV. 1969c. No. 87. S. 22–26.
Helck W. Amarna-Probleme // CdE XLIV. 1969d. No. 88. S. 200–213.
Helck W. Eine Stele Sebekhoteps IV. aus Karnak // MDAIK. 1969e. 24. S. 194–200.
Helck W. Überlegungen zur Geschichte der 18. Dynastie // Oriens Antiquus. 1969f. 8. S. 281–327.

Helck W. Рец. Edel, 1966, Ortsnamenlisten, Göttingische Gelehrte Anzeigen, 221. Göttingen; Berlin, 1969g. S. 72–86.
Helck W. Die Prophezeiung des Nfr.tj. Textzusammenstellung. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1970.
Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr., 2. verbesserte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.
Helck W. Das Datum der Schlacht von Megiddo // MDAIK. 1972. 28. S. 101–102.
Helck W. Probleme der Zeit Haremhebs // CdE XLVIII. 1973a. No. 96. S. 251–265.
Helck W. Die Lage der Stadt Tunip // Ugarit-Forschungen. 1973b. 5. S. 286–288.
Helck W. Die altägyptische Gaue. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974.
Helck W. Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975a (2-е изд., 1983).
Helck W. Abgeschlagene Hände als Siegeszeichen // GM. 1975c. Heft 18. S. 23–24.
Helck W. Die grosse Stele des Vizekönigs *śtꜣw* aus Wadi es-Sabua // SAK. 1975d. 3. S. 85–112.
Helck W. Zum Datum der Eroberung von Auaris // GM. 1976a. Heft 19. S. 33–34.
Helck W. Einige Bemerkungen zu Artikeln in SAK 2 // SAK. 1976b. 4. S. 115–124.
Helck W. Ägyptische Statuen im Ausland — Ein chronologisches Problem // Ugarit-Forschungen. 1976c. 8. S. 101–115.
Helck W. Die Lehre für König Merikare. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977a.
Helck W. Zum thebanischen Grab Nr. 353 // GM. 1977b. Heft 24. S. 35–40.
Helck W. Der Verfasser einer Königsinschrift // Fragen an die altägyptische Literatur. 1977c. S. 241–256.
Helck W. Ein indirekter Beleg für die Benutzung des leichten Streitwagens in Ägypten zu Ende der 13. Dynastie // JNES. 1978. 37. S. 337–340.
Helck W. Die Weihinschrift Sesostris' I. am Satet-Tempel von Elephantine // MDAIK. 1978. 34. S. 69–78.
Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979.
Helck W. Geschichte des alten Ägypten. Photomechanischer Nachdruck mit Berichtigungen und Ergänzungen. Leiden; Köln: E. J. Brill, 1981a.
Helck W. Wo errichtete Thutmosis III. seine Siegesstele am Euphrat? // CdE LVI. 1981b. No. 112. S. 241–244.
Helck W. Die Datierung des Schatzmeisters Sennefer // GM. 1981c. Heft 43. S. 39–41.
Helck W. Probleme der Königsfolge in der Übergangszeit von 18. zu 19. Dyn. // MDAIK. 1981d. 37. S. 207–215.
Helck W. Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend von Chr. Leiden; Köln, E. J. Brill, 1975b. Рец. E. Endesfelder // OLZ. 1982. 77. S. 437–441.
Helck W. Zu den Königinnen Amenophis' II // GM. 1982a. 53. S. 23–25.
Helck W. Was geschah in KV 55 ? // GM. 1982b. 60. S. 43–46.
Helck W. "Korruption" im Alten Ägypten // Korruption im Altertum. Konstanzer Symposium Oktober 1979 / hrsg. von Wolfgang Schuller. München: R. Oldenbourg Verlag, 1982c. S. 65–70.
Helck W. Fortschritt und Reaktion. Innenpolitische Gegensätze im Alten Ägypten, Hamburg, Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften, in Kommission beim Verlag Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen, 1983.
Helck W. Schwachstellen der Chronologie-Diskussion // GM. 1983. 67. S. 43–49.
Helck W. Zur Verfolgung einer Prinzessin unter Amenophis III // GM. 1983a. 62. S. 23–24.
Helck W. Chronologische Schwachstellen II, 3. Das ältere Monddatum Thutmosis' III., 4. Das zweite Monddatum Thutmosis' III. // GM. 1983c. 69. S. 37–40 et 40–42.
Helck W. Der Anfang des Papyrus Turin 1900 and "Recycling" im Alten Ägypten // CdE LIX. No. 118 (1984a). S. 242–247.

Helck W. Chronologische Schwachstellen III // GM. 1984b. 70. S. 31–32.
Helck W. Kijê // MDAIK. 1984c. 40. S. 159–167.
Helck W. Zur Datierung der Hohenpriesterinschrift PM II², 174 (516) // Orientalia. 53. 1984d. S. 52–56.
Helck W. Politische Spannungen zu Beginn des Mittleren Reiches // Ägypten. Dauer und Wandel, 1985. S. 45–52.
Helck W. Der Aufstand des Tetian // SAK. 1986. 13. S. 125–133.
Helck W. Politische Gegensätze in alten Ägypten. Ein Versuch. Hildesheim: Gerstenberg-Verlag, 1986a.
Helck W. Aegypten im frühen Neuen Reich, Grundzüge einer Entwicklung, Ägyptens Aufstieg zur Weltmacht, 1987a. S. 11–27.
Helck W. The Dissolution of the Palace Economy in the Ramesside Period // Proceedings of the Fourth International Symposium at the Swedish Institute in Athens. 10–16 June 1984: The Function of the Minoean Palaces. Stockholm: Svenska Instituti i Athen, 1987b. P. 17–19.
Helck W. Ein militärischer Terminus der frühen 18. Dynastie // SAK. 1987c. 14. S. 125–127.
Helck W. Nochmals zu Ramses' III. Seevölkerbericht // SAK. 1987d. 14. S. 129–145.
Helck W. Nochmals zur angeblichen Mitregentschaft Sesostris' I. mit seinem Vater Amenemhet I // Orientalia. 1989. 58. S. 315–317.
Helck W. Drei Ramessidische Daten // SAK. 1990. 17. S. 205–214.
Helck W. Zur Lage der ägyptischen Geschichtsschreibung // Akten München, 1985. 1991. 4. S. 1–13.
Helck W. Der Amtsbereich des Vezirs Ramose unter Amenophis III // GM. 1992. 129. S. 53.
Helck W. Begräbnis Pharaos // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy. 1992b. P. 267–276.
Helck W., Eberhard O., Westendorf W. (éd.) Lexikon der Ägyptologie. 7 vol. Wiesbaden, 1975–1992.
Hellbing L. Alasia Problems. Göteborg: Paul Åströms Forlag, 1979.
Helwin H. Gehörte die Königin von Punt zu den chondrodystrophen Zwergen? // Gegenbaurs Morphologisches Jahrbuch. Leipzig, 1974. 120. S. 280–289.
Herrmann S. Der Alttestamentliche Gottesname // Evangelische Theologie. München, 1966. S. 26. S. 281–293.
Herzog R. Punt. Glückstadt: Verlag J. J. Augustin, 1968.
Herzog R. Kulturelle Kontinuität der Bedja vom Altertum bis zur Gegenwart // Ägypten. Dauer und Wandel, 1985. S. 161–172.
Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum. Part 4. Budge E.A.W., ed. London, 1913.
Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in The British Museum. Part V. Budge E.A.W., ed. London, The British Museum, 1914.
Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. Part 9 / ed. by James T. G. H. London: Published by The Trustees of the British Museum, 1970.
Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. The British Museum. Part 10 / ed. by Bierbrier M. L. London: Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Publications Limited, 1982.
Higazy el-Sayed, Bryan B. M. A New Stela of Thutmose IV from the Luxor Temple // VA. 2. 1986. P. 93–100.
Hintze F. Die Felsenstele Sethos' I. bei Qasr Ibrim // ZÄS. 1962. 87. S. 31–40.
Hintze F. Das Kerma-Problem // ZÄS. 1964. 91. S. 79–86.
Hintze F., Reineke W. Fr. Felsinschriften aus dem Sudanesischen Nubien: I. Texte; II. Tafeln, Publikationen der Nubien-Expedition 1961–1963. Berlin (DDR), 1989.
Ходжаш С. И. Египетские скарабеи позднего Среднего царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1973. № 3 (125). С. 56–79.

Hodjache S., Berlev O. Objets royaux du Musée des Beaux-Arts Pouchkine à Moscou // CdE LII. 1977a. No. 103. P. 22–39.
Hodjache S. I., Berlev O. D. Le père du fondateur de la dynastie des princes de *tjḥḫtj* en Nubie // Ägypten und Kusch. 1977b. P. 183–188.
Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow; Leningrad: Aurora Art Publications, 1982.
Hoelzl Ch. The Mastaba of Senwosret-ankh and Surrounding Tombs (в печати).
Hoffmeier J. K. Reconsidering Egypt's Part in the Termination of the Middle Bronze Age in Palestine // Levant. London, 1989. 21. P. 181–193.
Hoffmeier J. K. Some Thoughts on William G. Dever's «"Hyksos", Egyptian Destructions, and the End of the Palestinian Middle Bronze Age» // Levant. London, 1990. 22. P. 83–89.
Hoffmeier J. K. James Weinstein's «Egypt and the Middle Bronze IIC/Late Bronze 1A Transition»: A Rejoinder // Levant. London, 1991. 23. P. 117–124.
Hofmann I. C-Gruppen-Sprache und Nobiin // GM. 1983. 65. S. 39–43.
Hölbl G. Die historischen Aussagen der ägyptischen Seevölkerinschriften // Griechenland, die Agäis und die Levante während der "Dark Ages" von 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Akten des Symposions von Stift Zwettl (NÖ). 11.–14. Oktober 1980. Herausgegeben von Sigrid Deger-Jalkotzy. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1983. S. 121–143.
Holmes Y. L. The Location of Alashiya // JAOS. 1971. 91. P. 426–429.
Holmes L. The isy-ars Controversy // Egyptological Studies. 1982. P. 317–334.
Hölscher U. The excavation of Medinet Habu. The Temples of the Eighteenth Dynasty. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1939.
Hölscher W. Libyer und Ägypter: Beiträge zur Ethnologie und Geschichte libyscher Völkerschaften nach den altägyptischen Quellen. Glückstadt; Hamburg; New York: Augustin, 1937.
Horn S. H. Shechem. History and Excavations of a Palestine City // JEOL VI/18. (1964). 1965. P. 284–306.
Hornung E. Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
Hornung E. Einführung in die Ägyptologie. Stand — Methoden — Aufgaben. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967a.
Hornung E. Neue Materialien zur ägyptischen Chronologie // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1967b. 117. S. 11–16.
Hornung E. Les dieux de l'Egypte. L'un et le multiple. Monaco, 1986; франц. перевод книги: Der Eine und die Vielen. Darmstadt, 1971.
Hornung E. Das Grab des Haremhab im Tal der Könige. Bern: Francke Verlag, 1971a.
Hornung E. Politische Planung und Realität im alten Ägypten // Saeculum. München, 1971b. 22. S. 48–58.
Hornung E. Gedanken zur Kunst der Amarnazeit // ZÄS. 1971c. 97. S. 74–78.
Hornung E. Das Grab einer ägyptischen Königin // BiOr. 1975a. 32. S. 143–145.
Hornung E. Das Grab Thutmosis' II // RdE. 1975b. 27. S. 125–131.
Hornung E. Grundzüge der ägyptischen Geschichte. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978a.
Hornung E. Struktur und Entwicklung der Gräber im Tal der Könige // ZÄS. 1978b. 105. S. 59–66.
Hornung E. Chronologie in Bewegung // Festschrift Elmar Edel. 1979. S. 247–252.
Hornung E. Monotheismus im pharaonischen Ägypten // Monotheismus im Alten Israel und seiner Umwelt. Biblische Beiträge, 14 / hrsg. von Othmar Keel. Fribourg: Verlag Schweizerisches Katholisches Bibelwerk, 1980. S. 83–97.
Hornung E. Die Israelstele des Merenptah // Fontes atque Pontes. 1983. S. 224–233.
Hornung E. Zum Grab Ramses' VII // SAK. 1984. 11. S. 419–424.
Hornung E. Zum Turiner Grabplan // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. S. 138–142.

Hornung E. Zwei Ramessidische Königsgräber: Ramses IV. und Ramses VII. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1990.
Hornung E. The Tomb of Pharaoh Seti I. Das Grab Sethos' I. Photographed by Harry Burton (The Metropolitan Museum of Art), with a contribution by/ mit einem Beitrag vom Marsha Hill. Zürich; München: Artemis Verlag, 1991a.
Hornung E. Sedfest und Geschichte // MDAIK. 1991b. 47. S. 169–171.
Hornung E. Zum Grab Sethos' I. in seinem ursprünglichen Zustand // After Tutankhamun. 1992a. S. 91–98.
Hornung E. The Rediscovery of Akhenaten and His Place in Religion // JARCE. 1992b. 29. P. 43–49.
Hornung E., Staehelin E. Studien zum Sedfest. Genève: Éditions de Belles-Lettres, 1974.
Hornung E., Staehelin E. Skarabäen und andere Siegelamulette aus Basler Sammlungen. Mainz: In Kommission bei Philipp von Zabern, 1976.
Hornung E., Staehelin E. Sethos — ein Pharaonengrab. Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig. Dokumentation zu einer Ausstellung des Ägyptologischen Seminars der Universität Basel im Antikenmuseum (5. Dezember 1991 bis 29. Marz 1992), Basel: Gesellschaft der Freunde eines Schweizerischen Orient-Museums, 1991.
Hoving T. Tutankhamun. The Untold Story. New York: Simon and Schuster, 1978.
Ingham M. F. The Length of the Sothic Cycle // JEA. 1969. 55. P. 36–40.
Iversen E. The Inscription of Herwerrē' at Serâbit-al-Kâdem // Studien Westendorf. 1984. P. 507–519.
Iversen E. Reflections on Some Ancient Egyptian Royal Names // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. P. 78–88.
Izre'el Sh. When was the «General's Letter» from Ugarit written? // Society and Economy. 1988. P. 160–175.
Jacquet J. Fouilles de Karnak Nord. Quatrième campagne 1971 // BIFAO. 1972. 71. P. 151–160.
Jacquet J. Karnak-Nord V. Le trésor de Thoutmosis ler. Étude architecturale. Fascicule I: Texte et Fascicule II: Planches. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1983.
Jacquet-Gordon H., Bonnet Ch., Jacquet J. Pnubs and the Temple of Tabo on Argo Island // JEA. 1969. 55. P. 103–111.
Jaeger B. Essai de classification et datation des scarabées Menkhéperrê. Fribourg: Suisse, Editions Universitaires / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982a.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (I) // GM. 1982b. 60. P. 47–66.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (II) // GM. 1983a. 62. P. 25–36.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (III) // GM. 1983b. 68. P. 55–70.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (IV) // GM. 1984a. 70. P. 67–81.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (V) // GM. 1984b. 72. P. 49–64.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (VI) // GM. 1984c. 74. P. 43–58.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (VII) // GM. 1984d. 83. P. 125–135.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (VIII) // GM. 1985a. 84. P. 85–97.
Jaeger B. Les scarabées à noms royaux de la XVIIIe dynastie. Travaux préliminaires en vue d'un corpus (IX) // GM. 1985b. 86. P. 69–79.

Jaeger B. Une statue inconnue de Ramsès VI dans le “Recueil d’Antiquités” de Caylus // GM. 1986. 92. P. 41–63.
James P. J. Egypt: The Centre of the Problem (=Bronze to Iron Age Chronology in the Old World: Time for a Reassessment. Section 10) // The Journal of the Ancient Chronology Forum. Oppington. Kent 1. 1987. P. 50–62.
James T. H. G. A Schist Statuette of Ramesses IV // The British Museum Quarterly. London, 1960. 22. P. 75–77.
James T. H. G. A Group of Inscribed Egyptian Tools // The British Museum Quarterly. London, 1961. 24. P. 36–43.
James T. H. G. The Hekanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents. New York, 1962.
James T. H. G. Egypt: from the Expulsion of the Hyksos to Amenophis I = CAH Vol. II. Chapter VIII. 1973. P. 289–312.
James T. H. G. Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum. I. From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII. Brooklyn N.Y.: The Brooklyn Museum, 1974.
James T. H. G. Pharaoh’s People. Scenes from Life in Imperial Egypt. London; Sydney; Toronto: The Bodley Head, 1984.
Jansen-Winkeln K. Das Attentat auf Amenemhet I. und die erste ägyptische Koregentschaft // SAK. 1991. 18. S. 241–264.
Jansen-Winkeln K. The Career of the Egyptian High Priest Bakenkhons // JNES. 1993. 52. P. 221–225.
Janssen J. M. A. De traditioneele Egyptische autobiographie vóór het Nieuwe Rijk. Deel 1. De texten; Deel 2. Vertaling en commentaar. Leiden: Brill, 1946.
Janssen J. M. A. La stèle de Montouemhat trouvée à Semna // Archív Orientální. Praha, 1953. 20. P. 442–445.
Janssen Jac. J. Eine Beuteliste von Amenophis II. und das Problem der Sklaverei im alten Aegypten // JEOL. VI/17 (1963). 1964. S. 141–147.
Janssen Jac. J. A Twentieth-Dynasty Account Papyrus (Pap. Turin no. Cat. 1907/8) // JEA. 52. 1966. P. 81–94.
Janssen Jac. J. Vizier Mentehetef // JEA. 1967. 53. P. 163–164.
Janssen Jac. J. Commodity Prices from the Ramessid Period. An Economic Study of the Village of Necropolis Workmen at Thebes. Leiden: E. J. Brill, 1975.
Janssen Jac. J. Kha’emtōre, a Well-to-do Workman // OMRO. 1977. 58. P. 221–232.
Janssen Jac. J. Year 8 of Ramesses VI Attested // GM. 1978. Heft 29. P. 45–46.
Janssen Jac. J. Background Information on the Strikes of Year 29 of Ramses III // Oriens Antiquus. 1979a. 18. P. 301–308.
Janssen Jac. J. The Role of the Temple in the Egyptian Economy During the New Kingdom // State and Temple Economy in the Ancient Near East. Proceedings of the International Conference Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 10th to the 14th of April 1978 / ed. by Edward Lipinski. II. Leuven: Departement Oriëntalistiek, 1979b. P. 505–515.
Janssen Jac. J. El-Amarna as a Residential City // BiOr. 1983. 40. P. 274–288.
Janssen Jac. J. Agrarian Administration in Egypt During the Twentieth Dynasty // BiOr. 1986. 43. P. 351–366.
Janssen Jac. J. The Year of the Strikes // BSEG. 1992. 16. P. 41–49.
Jaritz H. Zum Heiligtum am Gebel Tingar // MDAIK. 1981. 37. S. 241–246.
Jaritz H. The Investigation of the Ancient Wall Extending from Aswan to Philae, First Preliminary Report // MDAIK. 1987. 43. P. 67–74.
Jaroš K. Sichem. Eine archäologische und religionsgeschichtliche Studie mit besonderer Berücksichtigung von Jos 24. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976.

Jaroš-Deckert B. Das Grab des *Jnj-jtj.f*. Die Wandmalereien der XI. Dynastie. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1984.
Jaroš-Deckert B. Statuen des Mittleren Reichs unter der 18. Dynastie, Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum. Lose-Blatt-Katalog Ägyptischer Altertümer. Kunsthistorisches Museum Wien. Mainz; Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1987.
Jeffreys D. G. The Survey of Memphis. Part 1: The Archaeological Report. London: The Egypt Exploration Society, 1985.
Jeffreys D. G., *Malek J., Smith H. S.* The Survey of Memphis, 1982 // JEA. 1984. 70. P. 23–32.
Jeffreys D. G., Smith H. S. Memphis and the Nile in the New Kingdom: A Preliminary Attempt at a Historical Perspective // Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. 1988. P. 55–66.
Jéquier G. Manuel d'archéologie égyptienne. Les éléments de l'architecture. Paris: Picard, 1924.
Johnson S. B. Two Wooden Statues From Lisht: Do They Represent Sesostris I? // JARCE. 17. 1980. P. 11–20.
Johnson W. R. A la recherche des décors perdus // Louqsor. 1986. P. 50–52.
Johnson W. R. Images of Amenhotep III in Thebes: Styles and Intentions // The Art of Amenhotep III. 1990. P. 26–46 = *Johnson W. R.* The Dazzling Sun Disk. Iconographie Evidence that Amenhotep III Reigned as the Aten personified // K.M.T. 1991. 1. P. 14–23, 60–63, 65–66.
Johnson W. R. The Deified Amenhotep III as the Living Re-Horakhty: Stylistic and Iconographic Considerations // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 231–236.
Junge F. Elephantine, 11. Funde und Bauteile. 1.–7. Kampagne, 1969–1976. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1987.
Junge F. Ein Bruchstück vom Kopf einer Achenaten-Statue aus Elephantine // MDAIK. 1991. 47. S. 191–194.
Junker H. Ermenne: Bericht über die Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien auf den Friedhöfen von Ermenne (Nubien) im Winter 1911/12. Wien; Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1925.
Kadish G. E. British Museum Writing Board 5645: The Complaints of Kha-Kheper-Rē'-Senebu // JEA. 1973. 59. P. 77–90.
Kadry A. Some Comments on the Qadesh Battle // Bulletin du centenaire. 1981. P. 47–55.
Kadry A. Officers and Officials in the New Kingdom. Budapest, 1982.
Kaiser W. Ein neues Werk der Amarnazeit // Jahrbuch der Stiftung Preussischer Kulturbesitz. Köln; Berlin, 1963. 2. S. 133–136.
Kaiser W. Elephantine. Bericht über die 1. und 2. Grabungskampagne // ASAE. 1973. 61. S. 87–91.
Kaiser W., Dreyer G., Grimm G., Haeny G., Jaritz H., Müller Ch. Stadt und Tempel von Elephantine. Fünfter Grabungsbericht // MDAIK. 1975. 31. S. 39–84.
Kaiser W., Dreyer G., Grossmann P., Mayer W., Seidlmayer S. Stadt und Tempel von Elephantine. Achter Grabungsbericht // MDAIK. 1980. 36. S. 245–291.
Kaiser W., Dreyer G., Jaritz H., Krekeler A., Schläger T., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine. 13./14. Grabungsbericht // MDAIK. 1987. 43. S. 75–114.
Kaiser W., Grossmann P., Haeny G., Jaritz H. Stadt und Tempel von Elephantine. Erster Grabungsbericht // MDAIK. 1970. 26. S. 87–139.
Kákosy L. Solar Disk or Solar Globe? // Studien Westendorf. 1984. P. 1057–1067.
Kaplan M. F., Harbottle G., Sayre E. V. Multi-disciplinary Analysis of Tell el Yahudiyeh Ware // Archaeometry. Oxford, 1982. 24. P. 127–142.
Karkowski J. The Problem of the Origin of the Thutmoside Blocks Found in Faras // Études et Travaux. 1972. 6. P. 83–92.
Karkowski J. A Note on the "Hathor Rock" at Faras // Études et Travaux. 1975. 8. P. 117–124.
Karkowski J. Quelques remarques sur les temples de Buhen // Études et Travaux. 1978. 10. P. 69–81.

Karkowski J. Faras V. The Pharaonic Inscriptions from Faras. Warszawa: PWN- Éditions scientifiques de Pologne, 1981.
Karlshausen Ch., De Putter Th. Why did Akhenaten forsake the use of pink granite? // GM. 1992. 130. P. 21–23.
Karnak, L'Égypte grandiose. Les Dossiers. Histoire et Archéologie, 61. Dijon: Éditions Faton, 1982.
Karnak-Nord IV (1949–1951). Fouilles conduites par Cl. Robichon, rapport de P. Barguet et J. Leclant. Fascicule 1 (Texte). Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1954.
Katary S. L. D. Land Tenure in the Ramesside Period. London; New York: Kegan Paul International, 1989.
Kees H. Die weisse Kapelle Sesostris' I. in Karnak und das Sedfest // MDAIK. 1958. 16. S. 194–213.
Kees H. Ancient Egypt. A Cultural Topography / transl. from the German by Ian F. D. Morrow / ed. by T. G. H. James. Chicago: Ill., The University of Chicago Press, 1961.
Kees H. Ein Handelsplatz des MR im Nordostdelta // MDAIK. 1962. 18. S. 1–13.
Kees H. Die Hohenpriester des Amun von Karnak von Herihor bis zum Ende der Äthiopenzeit. Leiden: E. J. Brill, 1964.
Kemp B. J. The Osiris Temple at Abydos // MDAIK. 1968. 23. P. 138–155.
Kemp B. J. The Window of Appearance at El-Amarna and the Basic Structure of this City // JEA. 1976. 62. P. 81–99.
Kemp B. J. A Building of Amenophis III at Kôm El-'Abd // JEA. 1977. 63. P. 71–82.
Kemp B. J. Amarna Reports I. London: The Egypt Exploration Society, 1984.
Kemp B. J. Amarna Reports II. London: The Egypt Exploration Society, 1985.
Kemp B. J. Amarna Reports III. London: The Egypt Exploration Society, 1986.
Kemp B. J. Amarna Reports IV. London: The Egypt Exploration Society, 1987.
Kemp B. J. Amarna Reports V. London: The Egypt Exploration Society, 1989.
Kemp B. J. Discovery and Renewal at Amarna // Egyptian Archaeology. 1991. 1. P. 19–22.
Kemp B. J. Amarna from the Air // Egyptian Archaeology. 1992. 2. P. 15–17.
Kemp B. J., Merrillees R. S. Minoan Pottery in Second Millennium Egypt. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1980.
Kemp B., O'Connor D. An Ancient Nile Harbour. University Museum Excavations at the 'Birket Habu' // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. London, 1974. 3. P. 101–136.
Kempinski A. Tell el-'Ajjûl — Beth-Aglayim or Sharuhen? // IEJ. 1974. 24. P. 145–152.
Kempinski A. Syrien und Palästina (Kanaan) in der letzten Phase der Mittelbronze IIB-Zeit (1650–1570 v. Chr.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983.
Kenyon K. M. CAH II, I, chap. XI: «Palestine in the time of the Eighteenth Dynasty». 1973. P. 526–556.
Kerma, royaume de Nubie. L'antiquité africaine au temps des pharaons (Ch. Bonnet, éd.). Genève, 1990 (выставка).
Kessler D. Eine Landschenkung Ramses III. zugunsten eines "Grossen der *thrw*" aus *mr-mšʿ.f* // SAK. 1975. 2. S. 103–134.
Kessler D. Historische Topographie der Region zwischen Mallawi und Samalut. Wiesbaden: In Kommission bei Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1981.
Kessler D. Eine Stele Sethos' I. aus Kom el-Lufi (Minia) // SAK. 1983. 10. S. 215–220.
Kessler D. Die Asiatenkarawane von Beni Hassan // SAK. 1987. 14. S. 147–165.
Kessler D. Widderallee, Widderstab und das Sedfest // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy. S. 343–353.
Kestemont G. La société internationale mitannienne et le royaume d'Amurru à l'époque amarnienne // OLP. 1978. 9. P. 27–32.

Kestemont G. Accords internationaux relatifs aux ligues hittites (1600–1200 av. J. C.). Dossier C: Le dossier égyptien // OLP. 1981. 12. P. 15–78.
Khawam R. Un ensemble de moules en terre-cuite de la 19e dynastie // BIFAO. 1971. 70. P. 133–160.
Kitchen K. A. Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs. A Study in Relative Chronology. Liverpool University Press, 1962.
Kitchen K. A. A Long-Lost Portrait of Princess Neferurē' from Deir el-Bahri // JEA. 1963. 49. P. 38–40.
Kitchen K. A. Some New Light on the Asiatic Wars of Ramesses II // JEA. 1964. 50. P. 47–70.
Kitchen K. A. Ancient Orient and Old Testament. London: The Tyndale Press, 1966.
Kitchen K. A. Ramesses VII and the Twentieth Dynasty // JEA. 1972. 58. P. 182–194.
Kitchen K. A. Ramesside Texts // Textes et langages. II. 1973a. P. 81–88.
Kitchen K. A. A Donation Stela of Ramesses III from Medamūd // BIFAO. 1973b. 73. P. 193–200.
Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. 8 vol. Oxford, 1975–1990. = KRI.
Kitchen K. A. The Great Biographical Stela of Setau, Viceroy of Nubia // Miscellanea Vergote. 1976. P. 295–302.
Kitchen K. A. A Pre-Ramesside Cartouche at Timna // Orientalia. 1976a. 45. P. 262–264.
Kitchen K. A. Two Notes on Ramesside History // Oriens Antiquus. 1976b. 15. P. 311–315.
Kitchen K. A. Historical Observations on Ramesside Nubia // Ägypten und Kusch. 1977. P. 213–225.
Kitchen K. A. Aspects of Ramesside Egypt // Acts 1st ICE. P. 383–389.
Kitchen K. A. Some Ramesside Friends of Mine // JSSEA. 1978–1979. 9. P. 13–20.
Kitchen K. A. Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramesses II, King of Egypt. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1982a.
Kitchen K. A. The Twentieth Dynasty Revisited // JEA. 1982b. 68. P. 116–125.
Kitchen K. A. A Note on Bandeau Texts in New Kingdom Temples // Studien Westendorf. 1984a. P. 547–553.
Kitchen K. A. Family Relationships of Ramesses IX and the Late Twentieth Dynasty // SAK. 1984b. 11. P. 127–134.
Kitchen K. A. Les suites des guerres libyennes de Ramsès III // RdE. 1985. 36. P. 177–179.
Kitchen K. A. The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.). Second Edition with Supplement. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1986.
Kitchen K. A. Amenmesses in Northern Egypt // GM. 1987. 99. P. 23–25.
Kitchen K. A. The Arrival of the Libyans in Late New Kingdom Egypt // Libya and Egypt. 1990. P. 15–27.
Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Translated and Annotated: Translations. I. Ramesses I, Sethos I and Contemporaries. Oxford; Cambridge (Mass.): Blackwell, 1993.
Kitchen K. A., Gaballa G. A. Raniesside Varia II // ZÄS. 96, 1. 1969. P. 14–28.
Kitchen K. A., Gaballa G. A. Ramesside Varia III: A Behdetite, a Theban and a Thinite // Serapis. 6. 1980. P. 75–81.
Klemm D. D., Klemm R., Steclaci L. Die pharaonischen Steinbrüche des Silifizierten Sandsteins in Ägypten und die Herkunft der Memnon-Kolosse // MDAIK. 1984. 40. S. 207–220.
Klengel H. Mitanni: Probleme seiner Expansion und politischen Struktur // Revue hittite et asianique. 36. Paris, 1978. S. 91–115.
Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Wien; München: Verlag Anton Schroll & Co., 1980.
Klengel H. Sumar/Simyra und die Eleutheros-Ebene in der Geschichte Syriens // Klio, Berlin 66 (1984), 5–18
Klengel H. Syria 3000 to 300 B.C. A Handbook of Political History. Berlin, 1988.
Klinger J. Überlegungen zu den Anfänger des Mitanni-Staates // Haas. Hurriter. 1988. S. 27–42.
Knapp A. B. An Alashiyan Merchant at Ugarit // Tel Aviv. 1983. 10. P. 38–45.

Knudtzon J. A. Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig: Hinrichs, 1907–1915. Teil 1–2.
Koch R. Die Erzählung des Sinuhe. Bruxelles: Édition de la Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1990.
Kochavi M. The first two seasons of excavations at Aphek-Antipatris // Tel Aviv. 1975. 2. P. 17–42.
Koefoed-Petersen O. Catalogue des statues et statuettes égyptiennes. Copenhague: en commission chez E. Munksgaard, 1950.
Koenig Y. Les textes d'envoûtement de Mirgissa // RdE. 1990. 41. P. 101–125.
Kondo J. Hieratic inscriptions from the tomb of Amenophis III // Orient. Tokyo, 1990. 26. P. 94–101.
Kozloff A. P., Bryan B. M. Egypt's Dazzling Sun. Amenhotep III and his World. With Lawrence M. Berman and an essay by Elisabeth Delange. Cleveland: Published by The Cleveland Museum of Art in cooperation with Indiana University Press, 1992 (выставка).
Krack N. Le roi était-il réellement seul en char? // Amosiadès. Mélanges Vandersleyen. 1992. P. 175–197.
Krauss R. Untersuchungen zu König Amenmesse (1. Teil) // SAK. 1976. 4. S. 161–199.
Krauss R. Untersuchungen zu König Amenmesse (2. Teil) // SAK. 1977. 5. S. 131–174.
Krauss R. Das Ende der Amarnazeit. Beiträge zur Geschichte und Chronologie des Neuen Reiches. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1978.
Krauss R. Probleme des altägyptischen Kalenders und der Chronologie des Mittleren und Neuen Reiches in Ägypten. Berlin: Freie Universität, 1981.
Krauss R. Sothis, Elephantine and die altägyptische Chronologie // GM. 1981. Heft 50. S. 71–80.
Krauss R. Zur historischen Einordnung Amenmesses und zur Chronologie der 19./20. Dynastie // GM. 1981. Heft 45. S. 27–33.
Krauss R. Talfestdaten — eine Korrektur // GM. 1982. 54. S. 53.
Krauss R. Der Bildhauer Thutmose in Amarna. Mit einem Beitrag von Heinrich Newesely // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 1983. 20. S. 119–132.
Krauss R. Zu den Familienbeziehungen der Königin Tachat // GM. 1983. 61. S. 51.
Krauss R. Korrekturen und Ergänzungen zur Chronologie des MR und NR — ein Zwischenbericht // GM. 1984. 70. S. 37–43.
Krauss R. Sothis- und Monddaten. Studien zur astronomischen und technischen Chronologie Altägyptens. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1985.
Krauss R. Kija — ursprüngliche Besitzerin der Kanopen aus KV 55 // MDAIK. 1986. 42. S. 67–80.
Krauss R. Zum archäologischen Befund im thebanischen Königsgrab Nr. 62 // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. Berlin, 1986. 118. S. 165–181.
Krauss R. 1913–1988: 75 Jahre Büste der NofretEte/Nefret-iti in Berlin // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 1987. 24. S. 87–124.
Krauss R. Drei Korrekturen und eine Ergänzung zu Ronald A. Wells 'Amarna Calendar Equivalent' // GM. 1988. 103. S. 39–44.
Krauss R. Neues zu den Stelenfragmenten UC London 410 + Kairo JE 64959 // BSEG. 1989. 13. S. 83–87.
Krauss R. Einige Kleinfunde mit Namen von Amarnaherrschern // CdE. 1990. 65. S. 206–218.
Kruchten J.-M. Que vient faire la couronne de Basse Egypte dans le second cartouche d'Horemheb? // GM. 1979. Heft 35. P. 25–30.
Kruchten J.-M. Une révolte du vizir sous Ramsès III à Athribis? // AIPHOS. 1979. 23. P. 39–51.
Kruchten J.-M. Comment on écrit l'histoire égyptienne: la fin de la XIXe dynastie vue d'après la section "historique" du papyrus Harris I // AIPHOS. 1981. 25. P. 51–64.
Kruchten J.-M. Le Décret d'Horemheb. Traduction, commentaire épigraphique, philologique et institutionnel. Bruxelles: Éditions de l'Université de Bruxelles, 1981.

Kruchten J.-M. Convention et innovation dans un texte royal du début de l'époque ramesside: la stèle de l'an 1 de Séthi Ier découverte à Beith-Shan (Musée archéologique de Jérusalem, no. 5.884) // AIPHOS. 1982. 26. P. 21–62.
Kruchten J.-M. Les annales des prêtres de Karnak (XXI–XXIIImes dynasties) et autres textes contemporains relatifs à l'initiation des prêtres d'Amon. Leuven: Departement Oriëntalistiek / Uitgeverij Peeters, 1989.
Kruchten J.-M. Un fragment de statue d'Amenhotep fils de Hâpou // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy. P. 363–366.
Kuchman L. Egyptian Clay Anthropoid Coffins // Serapis. 1977–1978. 4. P. 11–22.
Kuchman L. Titles of Queenship. Part II: The Eleventh Dynasty and the Beginning of the Middle Kingdom: The Wives of Nebhepetre Mentuhotep // JSSEA. 1978–1979. 9. P. 21–25.
Kuentz Ch. La "stèle du mariage" de Ramsès II // ASAE. 1925. 25. P. 181–238.
Kuhlmann K. P. Der Thron im alten Ägypten. Untersuchungen zu Semantik, Ikonographie und Symbolik eines Herrschaftszeichens. Glückstadt: Verlag J. J. Augustin, 1977.
Kuhlmann K. P. Der Felstempel des Eje bei Akhmim // MDAIK. 1979. 35. P. 165–188.
Kuhlmann K. P. Archäologische Forschungen im Raum von Achmim // MDAIK. 1982. 38. S. 347–354.
Kuhlmann K. P. Materialien zur Archäologie und Geschichte des Raumes von Achmim. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1983.
Kühne C. Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn, Verlag Butzon & Bereker/Neukirchener Verlag, 1973.
Kuschke A. Beiträge zur Siedlungsgeschichte der Biḳā' // ZDPV. 1958. 74. S. 81–120.
Kuschke A. Das Terrain der Schlacht bei Qadeš und die Anmarschwege Ramses' II. Summarium einer ebenso kritischen wie selbstkritischen Bestandsaufnahme, vorwiegend im Hinblick auf die geographischen Gegebenheiten // ZDPV. Wiesbaden, 1979. 95. S. 7–35.
Lacau P. Une stèle du roi "Kamosis" // ASAE. 1939. 39. P. 245–271.
Lacau P. Une stèle juridique de Karnak. Le Caire, 1949.
Lacau P., Chevrier H. Une chapelle de Sésostris Ier à Karnak. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1956–1969.
Lacau P., Chevrier H. avec la collaboration de *Bonheme M.-A.* et *Gitton M.* Une chapelle d'Hatchepsout à Karnak. I–II. Le Caire: Le Service des Antiquités de l'Égypte avec la collaboration de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 1977–1979.
Lacovara P. The Hearst Excavations at Deir el-Ballas: The Eighteenth Dynasty Town // Studies in Ancient Egypt the Aegean, and the Sudan. 1981. P. 120–124.
Lacovara P. The Internal Chronology of Kerma, Beiträge zur Sudanforschung 2, 1987, 51–74.
Lalouette C. Textes sacrés et textes profanes de l'ancienne Égypte. Mythe, contes et poésie. Traductions et commentaires. Vol. 1–2. Paris: Gallimard, 1984–1987.
Lalouette C. L'empire des Ramsès. Paris: Fayard, 1985.
Lange K., Hirmer M., Otto Eb., Desroches-Noblecourt Chr. L'Egypte. 5e éd. Paris, 1975.
Laroche-Traunecker F. Données nouvelles sur les abords du temple de Khonsou // Karnak VII. 1982. P. 313–337.
Lauffray J. Karnak d'Égypte. Domaine du divin. Dix ans de recherches archéologiques, et de travaux de maintenance en coopération avec l'Égypte. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1979.
Lauffray J. Les travaux du Centre Franco-Egyptien d'étude des temples de Karnak de 1972 à 1977 // Karnak. 1980. VI. P. 1–65.
Lauffray J. Urbanisme et architecture du domaine d'Aton à Karnak d'après les "talatat" du IXe pylône // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 265–269.
Lawrence A. W. Ancient Egyptian Fortifications // JEA. 1965. 51. P. 69–94.
Leahy A. The Osiris "Bed" Reconsidered // Orientalia. 1977. 46. P. 424–434.
Leahy A. The Name of Osiris Written // SAK. 1979. 7. P. 141–153.

Leahy A. A Protective Measure at Abydos in the Thirteenth Dynasty // JEA. 1989. 75. P. 41–60.
Leblanc Chr. Piliers et colosses de type “osirique” dans le contexte des temples de culte royal // BIFAO. 1980. 80. P. 69–89.
Leblanc Chr. Le culte rendu aux colosses “Osiriaques” durant le Nouvel Empire // BIFAO. 1982. 82. P. 295–311.
Leblanc Chr. Les tombes No. 50 [Anonyme] et No. 60 [Nebet-taouy] de la Vallée des Reines [Rapport préliminaire] // ASAE. 1983. 69. P. 29–52.
Leblanc Chr. Diodore, le tombeau d’Osymandyas et la statuaire du Ramesseum // Mélanges Mokhtar. 1985. II. P. 69–82.
Leblanc Chr. Henout-taouy et la tombe No 73 de la Vallée des Reines // BIFAO. 1986. 86. P. 203–226.
Leblanc Chr. Ta Set Neferou. Une nécropole de Thèbes-Ouest et son histoire. I: Géographie — Toponymie historique de l’exploration scientifique du site. Le Caire: Nubar Printing House, 1989.
Leblanc Chr., Abdel-Rahman I. Remarques relatives à la tombe de la reine Douatentipet // RdE. 1991. 42. P. 147–169.
Lebrun R. Hymnes et prières hittites, Homo Religiosus 4. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain, 1980.
Leclant J. Fouilles et travaux en Égypte et au Soudan, ежегодная хроника археологиечских исследований с 1948–1950, начатая Жаном Лекланом в журнале Orientalia 19, 1950; начиная с номера 54, 1985 велась Жаном Лекланом и Жизель Клерк.
Leclant J. Egypt in Nubia during the Old, Middle, and New Kingdom // Africa in Antiquity I. The Essays. 1978. P. 62–73.
Leclant J. Un parc de chasse de la Nubie pharaonique // 2000 ans d’histoire africaine. Le sol, la parole et l’écrit. Mélanges en hommage à Raymond Mauny. Paris: Société française d’histoire d’outre-mer, 1981. P. 727–734.
Leclant J., Yoyotte J. Notes d’histoire et de civilisation éthiopiennes. A propos d’un ouvrage récent // BIFAO. 1952. 51. P. 1–39.
Leek F. F. How Old was Tut’ankharnūn? // JEA. 1977. 63. P. 112–115.
Leemans W. F. The Trade Relations of Babylonia and the Question of Relations with Egypt in the Old Babylonian Period // JESHO. 1960. 3. P. 21–37.
Lefebvre G. Histoire des grands prêtres d’Amon de Karnak jusqu’à la XXIe dynastie. Paris: Geuthner, 1929a.
Lefebvre G. Inscriptions concernant les grands prêtres d’Amon Romê-Roij et Amenhotep. Paris: Geuthner, 1929b.
Lefebvre G. Romans et contes égyptiens de l’époque pharaonique. Traduction avec introduction, notices et commentaire. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949.
Lefebvre G. Inscription dédicatoire de la chapelle funéraire de Ramsès I à Abydos // ASAE. 1951. 51. P. 167–200.
Legrain G. Second rapport sur les travaux exécutés à Karnak // ASAE. 1904. 4. P. 1–40.
Legrain G. Sur quelques monuments d’Aménôthès IV provenant de la cachette de Karnak // ASAE. 1906. 7. P. 228–231.
Legrain G. Statues et statuettes de rois et de particuliers. Le Caire: Impr. de l’IFAO, 1906a. T. 1–3.
Legrain G. Notes d’inspection // ASAE. 1906b. 7. P. 33–57.
Legrain G. Notes d’inspection // ASAE. 1908a. 8. P. 54–60, 248–275.
Legrain G. Notes d’inspection // ASAE. 1908b. 9. P. 271–284.
Lehmann G. A. Die Šikalājū — ein neues Zeugnis zu den “Seevölker” — Heerfahrten im späten 13. Jh. v. Chr. (RS 34.129) // Ugarit-Forschungen. 1979. 11. S. 481–494.
Lello G. Thutmose III’s First Lunar Date // JNES. 1978. 37. P. 327–330.
Leprohon R. J. The Reign of Amenemhat III. Toronto: Dissertation, 1980.

Leprohon R. J. A New Look at an Old Object. Stela M.F.A. 13.3967/20.1222 // JSSEA. 1982a. 12. P. 75–76.
Leprohon R. J. Intef III and Amenemhat III at Elephantine // Egyptological Miscellanies. 1983. P. 103–108.
Leprohon R. J. The Reign of Akhenaten Seen through the Later Royal Decrees // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 93–103.
Leprohon R. J. Museum of Fine Arts Boston. Department of Egyptian and Ancient Near Eastern Art. Fascicle 3. Stelae II. The New Kingdom to the Coptic Period. Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum. Loose-leaf Catalogue of Egyptian Antiquities. Mainz; Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1991.
Lepsius K. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, 12 Bd.; Text, 5 Bd. Berlin; Leipzig, 1849–1859.
Le Saout F. Nouveaux fragments au nom d'Horemheb // Karnak. 1982. VII. P. 259–263.
Le Saout F. Un magasin à onguents de Karnak et le problème du nom de Tyr: mise au point // Karnak. 1987. VIII. P. 325–338.
Le Saout F., Ma'arouf Abd el-Hamid, Zimmer T. Le Moyen Empire à Karnak: Varia 1 // Karnak. 1987. VIII. P. 293–323.
Le Saout F., Traunecker C. Les travaux au IXe pylône de Karnak: Annexe épigraphique // Karnak. 1982. VII. P. 67–74.
Switalski Lesko B. The Senmut Problem // JARCE. 1967. 6. P. 113–118.
Lesko L. H. A Little More Evidence for the End of the Nineteenth Dynasty // JARCE. 1966. 5. P. 29–32.
Lesko L. H. The Wars of Ramses III // Serapis. 1980. 6. P. 83–86.
Letellier B. Autour de la stèle de Qadech: une famille de Deir el-Médineh // RdE. 1975. 27. P. 150–163.
Letellier B. La cour à péristyle de Thoutmosis IV à Karnak // BSFE. No. 84 (mars 1979). P. 33–49.
Letellier B. Thoutmosis IV à Karnak. Hommage tardif rendu à un bâtisseur malchanceux // BSFE. 122 (Octobre 1991). P. 36–52.
Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. A Book of Readings. Vol. I: The Old and Middle Kingdoms. Vol. II: The New Kingdom. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973, 1976.
Lichtheim M. Ancient Egyptian Autobiographies Chiefly of the Middle Kingdom. A Study and an Anthology. Freiburg: Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988.
Lilyquist Chr. A Note on the Date of Senebtisi and other Middle Kingdom Groups // Sarapis 5. 1979. No. 1. P. 27–28.
Lilyquist Chr. The Gold Bowl Naming General Djehouty: A Study of Objects and Early Egyptology // MMJ. 1988. 23. P. 5–68.
Limme L. Les oasis de Khargeh et Dakhleh d'après les documents égyptiens de l'époque pharaonique // CRIPEL. 1973. 1. P. 39–58.
Lindblad I. Royal Sculpture of the Early Eighteenth Dynasty in Egypt. Stockholm: Medelhavsmuseet, 1984.
Lipińska J. The Portraits of Tuthmosis III newly discovered at Deir el-Bahari // Mélanges offerts à Kazimierz Michałowski. Warszawa, 1966. P. 129–138.
Lipińska J. Inscriptions of Amenemone from the Temple of Tuthmosis III at Deir el-Bahari // ZÄS. 1969. 96. 1. P. 28–30.
Lipińska J. Deir el-Bahari. II. The Temple of Tuthmosis III. Architecture. Varsovie: PWN — Éditions scientifiques de Pologne, 1977.
Lipińska J. The Temple of Tuthmosis III. Statuary and Votive Monuments. Varsovie: PWN — Éditions Scientifiques de Pologne, 1984.
Lipińska J. The Mysterious Temple *Dśr-mnw* // VA. 1988. 4. P. 143–149.

Lipiński E. An Ugaritic Letter to Amenophis III Concerning Trade with Alašiya // Iraq. London, 1977. 39. P. 213–217.
Lipiński E. Vingt-cinq ans de recherches archéologiques en Israël // Recherches archéologiques en Israël. Publication jubilaire des Amis Belges de l'Université Hébraïque de Jérusalem à l'occasion du vingt-cinquième anniversaire de l'Institut d'Archéologie Reine Élisabeth de Belgique. Leuven: Peeters, 1984. P. 23–97.
Liverani M. Le lettere del Faraone a Rib-Adda // Oriens Antiquus. 1971. 10. P. 253–268.
Liverani M. Elementi "irrazionali" nel commercio amarniano // Oriens Antiquus. 11. 1972. P. 297–317.
Liverani M. Aziru, servitore di due padroni // Studi orientalistici in ricordo di Franco Pintore. A cura di Onofrio Carruba, Mario Liverani, Carlo Zaccagnini. Pavia: GJES Edizioni, 1983. P. 93–121.
Loeben Chr. E. Eine Bestattung der grossen königlichen Gemahlin Nofretete in Amarna? Die Totenfigur der Nofretete // MDAIK. 1986. 42. S. 99–107.
Loeben Chr. E. No Evidence of Coregency: Zwei getilgte Inschriften aus dem Grab von Tutanchamun // BSEG. 1991. 15. P. 81–90.
Löhr B. Ahanjāti in Heliopolis // GM. 1974. Heft 11. P. 33–38.
Löhr B. Ahanjāti in Memphis // SAK. 1975. 2. P. 139–187.
Logan Th. J., Williams B. The Identity of the Meritamun Found by Winlock at Deir el-Bahri // Serapis 4. 1977–1978. P. 23–29.
Long R. D. A Re-examination of the Sothic Chronology of Egypt // Orientalia. 1974. 43. P. 261–274.
Long R. D. Ancient Egyptian Chronology, Radiocarbon Dating and Calibration // ZÄS. 1976. 103. P. 30–48.
López J. L'auteur de I'Enseignement pour Mérikarê // RdE. 1973. 25. P. 178–191.
López J. Rapport préliminaire sur les fouilles d'Hérakléopolis (1966) // Oriens Antiquus. 1974. 13. P. 299–316.
Loret V. Quelques notes sur l'arbre âch // ASAE. 1916. 16. P. 33–51.
Lorton D. The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts Through Dyn. XVIII. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1974a.
Lorton D. Terminology Related to the Laws of Warfare in Dyn. XVIII // JARCE. 1974b. 11. P. 53–68.
Lorton D. The Internal History of the Herakleopolitan Period // DE. 1987. 8. P. 21–28.
Lorton D. Egypt's Easternmost Delta before the New Kingdom // DE. 1987a. 7. P. 9–12.
Luft U. Zur Chronologie der Schreiben aus Illahun // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. S. 149–153.
Luft U. Das Archiv von Illahun und Sesostris III // BiOr. 1983. 40. S. 288–294.
Luft U. Das Archiv von Illahun. Briefe 1, Hieratische Papyri aus den Staatlichen Museen zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz, 1. Berlin: Akademie Verlag, 1992a.
Luft U. Die chronologische Fixierung des ägyptischen Mittleren Reiches nach dem Tempelarchiv von Illahun. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1992b.
Luft U. Nei=loj. Eine Anmerkung zur kulturellen Begegnung der Griechen mit den Ägyptern // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy, 1992c. S. 403–410.
Luft U. Asiatics in Illahun: A preliminary report // Atti VI Congresso. II. 1993. P. 291–297.
Macadam M. F. L. Gleanings from the Bankes Mss // JEA. 1946. 32. P. 57–64.
Macadam M. F. L. A Royal Family of the Thirteenth Dynasty // JEA. 1951. 37. P. 20–28.
MacDonald J. The status and role of the Na'ar in Israelite Society // JNES. 1976. 35. P. 147–170.
MacDonald J. The Supreme Warrior Caste in the Ancient Near East // Oriental Studies Presented to Benedikt S. J. Isserlin by Friends and Colleagues on the Occasion of his Sixtieth Birthday 25 February 1976 / ed. by R. Y. Ebied and M. J. L. Young. Leiden: E. J. Brill, 1980. P. 39–71.

Mackay E. The representation of shawls with a rippled stripe in the Theban tombs // JEA. 1924. 10. P. 41–43.
MacQuitty W. Abu Simbel and the Glories of Ancient Egypt. London, 1965.
Maddin R., Muhly J. D. Some Notes on the Copper Trade in the Ancient-Mid-East // Journal of Metals. New York 26, No. 5 (May 1974). P. 24–30.
Maderna-Sieben C. Der historische Abschnitt des Papyrus Harris I // GM. 1991. 123. S. 57–90.
Maeir A. M. Hyksos Miscellanea // DE. 1989. 14. P. 61–68.
Mahmud Abdulla el-Sayed. A New Temple for Hathor at Memphis. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1978.
Malaise M. Aton, le sceptre ouas et la fête sed // GM. 1981. Heft 50. P. 47–64.
Malamat A. Campaigns of Amenhotep II and Thutmose IV to Canaan (A discussion of possible epigraphic evidence from Palestine) // Scripta Hierosolymitana. Publications of the Hebrew University, Jerusalem. Vol. VIII. Studies in the Bible. Jerusalem: At the Magnes Press, 1961. P. 218–231.
Málek J. Two Monuments of the Tias // JEA. 1974. 60. P. 161–167.
Malek J. The Second Stela of the High Priest of Memphis Ptahemhēt Ty (Amherst 213) // GM. 1976. Heft 22. P. 43–46.
Malek J. A Graffito of Year 17 of Amenemhēt II at el-Hôsh // GM. 1977. Heft 24. P. 51–52.
Malek J. The Original Version of the Royal Canon of Turin // JEA. 1982. 68. P. 93–106.
Malek J. The Tomb-chapel of Hekamaetre-neheh at Northern Saqqara // SAK. 1985. 12. P. 43–60.
Malek J. The Royal Butler Hori at Northern Saqqâra // JEA. 1988. 74. P. 125–136.
Malek J. An Early Eighteenth Dynasty Monument of Sipair from Saqqâra // JEA. 1989. 75. P. 61–76.
Malek J. The Annals of Amenemhet II // Egyptian Archaeology. 1992. 2. P. 18.
Malek J., Quirke S. Memphis, 1991: Epigraphy // JEA. 1992. 78. P. 13–18.
Manetho, with an english translation by William G. Waddell, Loeb Classical. London, 1940.
Manfredi M. Scavi in Egitto // Atene e Roma. Firenze, 1965. Nova Serie 10. P. 93–95.
Manniche L. The Wife of Bata // GM. 1975. Heft 18. P. 33–38.
Manniche L. The Complexion of Queen Ahmosi Nefertere // AcOr. 1979. 40. P. 11–19.
Manniche L. The Maru Built by Amenophis III. Its Significance and Possible Location // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 271–273.
Maragioglio V., Rinaldi C. Note sulla piramide di Ameny 'Aamu // Orientalia. 1968. 37. P. 325–338.
Maragioglio V., Rinaldi C. Note complementari sulla tomba di Neferu-Ptah // Orientalia. 42. 1973. P. 357–369.
Marciniak M. Ostraca hiératiques de Deir el-Bahari // Acts 1st ICE. P. 453–455.
Mariette A. Abydos: description des fouilles exécutées sur l'emplacement de cette ville. Paris: Franck; Impr. Nationale, 1869–1880. T. 1–2.
Mariette A. Karnak: étude topographique et archéologique; avec un appendice comprenant les principaux textes hiéroglyphiques découverts ou recueillis pendant les fouilles exécutées à Karnak. Leipzig: Hinrichs, 1875. T. 1–2.
Martin G. T. Egyptian Administrative and Private-Name Seals Principally of the Middle Kingdom and Second Intermediate Period. Oxford: Griffith Institute. Ashmolean Museum, 1971.
Martin G. T. The Royal Tomb at El-'Amarna. The Rock Tombs of El-'Amarna, Part VII. I. The Objects. London: Egypt Exploration Society, 1974.
Martin G. T. Le tombeau d'Horemheb à Saqqarah // BSFE. Nos. 77–78 (octobre 1976 et mars 1977). P. 11–25.
Martin G. T. Excavations at the Memphite Tomb of Horemheb, 1978: Preliminary Report // JEA. 1979a. 65. P. 13–16.
Martin G. T. Private-Name Seals in the Alnwick Castle Collection // MDAIK. 1979b. 35. P. 215–226.

Martin G. T. Queen Mutnodjmet at Memphis and el-Amarna // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 275–278.
Martin G. T. Notes on a Canopic Jar from Kings' Valley Tomb 55 // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 111–124.
Martin G. T. Shabtis of Private Persons in the Amarna Period // MDAIK. 1986b. 42. P. 109–129.
Martin G. T. The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-Chief of Tut'ankhamūn. I: The Reliefs, Inscriptions, and Commentary. London: Egypt Exploration Society, 1989a.
Martin G. T. The Royal Tomb at el-'Amarna. II: The Reliefs, Inscriptions, and Architecture. = The Rock Tombs of el-'Amarna, 7. London: Egypt Exploration Society, 1989b.
Martin G. T. A Bibliography of the Amarna Period and its Aftermath. The Reigns of Akhnaten, Smenkhkare, Tutankhamun and Ay (c. 1350–1321 BC). London; New York, Kegan Paul International, 1991a.
Martin G. T. The Hidden Tombs of Memphis. New Discoveries from the Time of Tutankhamun and Ramesses the Great. London: Thames and Hudson, 1991b.
Martin G. T., Raven M. J., Aston D. A. The Tomb-Chambers of Iurudef: Preliminary Report on the Saqqâra Excavations, 1985 // JEA. 1986a. 72. P. 15–22.
Martin K. Einige Bemerkungen zur "gefiederten Kartusche" // Festschrift von Beckerath. 1990. S. 175–184.
Martin-Pardey E. Zum Koptosdekret Antef V // Festschrift von Beckerath. 1990. S. 185–197.
Martín Valentín F. J. La tumba de Kheruef (TT 192): "Indicios de una corregencia" // Boletín de la Asociación Española de Egiptología. Madrid, 1991. 3. P. 213–240.
Maspero G. Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire // ZÄS. 1883. 21. P. 62–79.
Maspero G. Le pays d'Alasia // RecTrav. 1888. 10. P. 209–210.
Massare C. Anatomo-radiologie et vérité historique. A propos du bilan xéroradiographique de Ramsès II // Bruxelles Médical. Bruxelles, 1979. 59. P. 163–170.
Matthiae G. S. Ebla et l'Égypte à l'Ancien et au Moyen Empire // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Damas, 1979–1980. 29–30. P. 189–199.
Matzker I. Die letzten Könige der 12. Dynastie (Ägyptologie). Frankfurt am Main; Bern; New York: Peter Lang, 1986.
Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien, mit einer analytischen Bibliographie. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966.
Maystre Ch. Excavations at Tabo, Argo Island, 1965–1968 // Kush. 15. 1967–1968. 1973. P. 193–199.
Maystre Ch. Un objet du grand-prêtre memphite Ty (Louvre E 8420) // RdE. 1975. 27. P. 175–179.
Maystre Ch. Le grand-prêtre memphite du relief Berlin 12411 // Ägypten und Kusch. 1977. P. 303–307.
Maystre Ch. Les grands prêtres de Ptah de Memphis. Freiburg: Schweiz, Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992.
Mazar A. Some Aspects of the «Sea Peoples» Settlement // Society and Economy. 1988. P. 251–260.
McDowell A. G. Jurisdiction in the Workmen's Community of Deir el-Medîna. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1990.
McDowell A. Agricultural Activity by the Workmen of Deir el-Medina // JEA. 1992. 78. P. 195–206.
Megally M. Recherches sur l'économie, l'administration et la comptabilité égyptiennes à la XVIIIe Dynastie d'après le Papyrus E. 3226 du Louvre. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 1977.
Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxford: At the Clarendon Press, 1982.
Menu B. Le régime juridique des terres et du personnel attaché à la terre dans le Papyrus Wilbour. Lille, 1970.

Menu B. La “stèle” d’Ahmès Nefertary dans son contexte historique et juridique. A propos de: M. Gitton, “La résiliation d’une fonction réligieuse: nouvelle interprétation de la stéle de donation d’Ahmès Nefertary” // BIFAO. 1977. 77. P. 89–100.
Menu B. Considérations sur le droit pénal au Moyen Empire égyptien dans le p. Brooklyn 35.1446 (texte principal du recto): responsables et dépendants // Bulletin du centenaire. 1981. P. 57–76.
Menu B. Droit-économie-société de l’Égypte ancienne (Chronique bibliographique 1967–1982). Versailles: Bernadette Menu, 1983.
Menu B. L’obélisque de la Concorde. Versailles: Editions du Lunx, 1987.
Merrillees R. S. The Cypriote Bronze Age Pottery Found in Egypt. Lund: Studies in Mediterranean Archaeology, 1968.
Merrillees R. S. Aegean Bronze Age Relations with Egypt [Chronologies in Old World Archaeology. Archaeological Seminar at Columbia University 1970–1971] // AJA. 1972. 76. P. 281–294.
Merrillees R. S. Mycenaean Pottery from the Time of Akhenaten in Egypt // Acts of the International Archaeological Symposium “The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean”. Nicosia (27th March-2nd April 1972). Nicosia: Department of Antiquities, Cyprus and Zavallis Press Ltd, 1973. P. 175–186.
Merrillees R. S. The Cypriot Bronze Age Pottery Found in Egypt. A Reply // Report of the Department of Antiquities. Nicosia: The Department of Antiquities, Cyprus, 1975. P. 81–90.
Merrillees R. S. with the Collaboration of *J. Evans*. An Essay in Provenance: the Late Minoan I B Pottery from Egypt // Berytus. Beirut, 1980. 28. P. 1–45.
Merrillees R. S., Winter J. Bronze Age Trade between the Aegean and Egypt. Minoan and Mycenean Pottery from Egypt in The Brooklyn Museum // Miscellanea Wilbouriana. 1972. 1. P. 101–133.
Meshel Ze’ev. Was There a «Via Maris» ? // IEJ. 1973. 23. P. 162–166.
Meulenaere H. de. Deux vizirs de Ramsès II // CdE. XLI. 1966. No. 82. P. 223–232.
Meulenaere H. de. Le vizir ramesside Hori // AIPHOS. Vol. 20 (1968–1972). Dedié à la mémoire de Jacques Pirenne. Bruxelles, 1973. P. 191–196.
Meulenaere H. de. Contributions à la prosopographie du Moyen Empire // Bulletin du centenaire. 1981. P. 77–85.
Meulenaere H. de. Le directeur des travaux Minmose // MDAIK. 1981. 37. P. 315–319.
Meulenaere H. de. Deux personnages d’Elkab // CdE. 1988. 63. P. 207–212.
Meulenaere H. de. Notes de prosopographie thébaine. Quatrième série, Amenmose, flabellifère de Ramsès III // CdE. 1989. 64. P. 55–73.
Mey P. avec le concours de *G. Castel et J. C. Goyon*. Installations Rupestres du Moyen et du Nouvel Empire au Gebel Zeit (près de Râs Dib) sur la Mer-Rouge // MDAIK. 1980. 36. P. 299–318.
Meyer Chr. Senenmut. Eine prosopographische Untersuchung. Dissertation. Hamburg: Verlag Borg GmbH, 1982.
Meyer Chr. Zum Titel “*ḥmt njswt*” bei den Töchtern Amenophis’ III. und IV. und Ramses’ II // SAK. 1984. 11. S. 253–263.
Meyer Chr. Zur Verfolgung Hatschepsuts durch Thutmosis III // Miscellanea Aegyptologica Helck. 1989. S. 119–126.
Meyer E. Geschichte des alten Ägyptens. Berlin: Grote, 1887. Bd. 2.
Meyer E. Bericht über eine Expedition nach Ägypten zur Erforschung der Darstellungen der Fremdvölker // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1913. S. 769–801.
Meyer G. Hurija und Piphururija // GM. 1992. 126. S. 87–92.
Миньковская Э. Е. Культ Дедуна в Куше // Древний Восток. I. К семидесятилетию профессора М. А. Коростовцева. М., 1975. С. 192–205.

Moftah R. Studien zum ägyptischen Königsdogma im Neuen Reich. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985.
Mokhtar Mohamed Gamal el-Din. Ihnâsya el-Medina (Herakleopolis Magna). Its Importance and Its Role in Pharaonic History. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1983.
Mond R., Myers O. H. Temples of Armant: a preliminary survey. Vol. 1–2. London: Egypt Exploration Society, 1940.
Monnet J. Remarques sur la famille et les successeurs de Ramsès III // BIFAO. 1965. 63. P. 209–236.
Montet P. Le pays de Negaou, près de Byblos, et son dieu // Syria. Paris, 1923. 4. P. 181–192.
Montet P. Byblos et l'Égypte: quatre campagnes de fouilles à Gebeil 1921–1922–1923–1924. Paris: Geuthner, 1928–1929. T. 1–2.
Montet P. Tanis: douze années de fouilles dans une capitale oubliée du Delta égyptien. Paris: Payot, 1942.
Montet P. Le roi Ougaf à Médamoud // RdE. 1951. 8. P. 163–170.
Montet P. Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'ancienne Égypte et la Syrie // Kêmi. 1954. 13. P. 63–76.
Montet P. Géographie de l'Égypte ancienne. I: La Basse Egypte; II: La Haute Egypte. Paris: Imprimerie Nationale/ Librairie C. Klincksieck, 1957–1961.
Montet P. Les constructions et le tombeau de Chéchanq III à Tanis. Paris, 1960.
Moran W. L. Les lettres d'El-Amarna. Correspondance diplomatique du pharaon. Traduction avec la collaboration de V. Haas et G. Wilhelm. Traduction française de Dominique Collon et Henri Cazelles. Paris: Les Éditions du Cerf, 1987.
Morenz S. Die Stellung der Frau im alten Ägypten. Leipzig: Karl-Marx-Universität — Ägyptisches Museum, 1982.
Morgan J. de. Fouilles à Dahchour. T. 1–2. Vienne: Holzhausen, 1895–1903.
Morgan J. de. et al. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique, I. Haute Egypte. Vienne, 1894.
Morkot R. G. Nubia in the New Kingdom: the Limits of Egyptian Control // Egypt and Africa. 1991. P. 294–301.
Morschauser S. Observations on the Speeches of Ramesses II in the Literary Record of the Battle of Kadesh // Perspectives on the Battle of Kadesh. 1985. P. 123–206.
Morschauser S. On the "Plunder of Dapur" // BES. 1985/86. 7. P. 15–28.
Morschauser S. N. The Mighty Sword of Pharaoh // VA. 1988. 4. P. 151–164.
Moursi M. I. Die Hohenpriester des Sonnengottes von der Frühzeit Ägyptens bis zum Ende des Neuen Reiches. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1972.
Moursi M. I., Balbousch M. Funde aus dem Tempel Ramses' II. im Tell el-Hisn bei Heliopolis // MDAIK. 1975. 31. P. 85–91.
Moussa A. M. A Sandstone Base of a Sphinx with a Cartouche of *Mꜣʿ-ḫrw-Rʿ* // Orientalia. 1991. 60. P. 158.
Muhammed M. Abdul-Qader, Recent Finds: Karnak third Pylon // ASAE. 1966. 59. P. 143–155.
Muhly J. D. Copper and Tin. The Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metals Trade in the Bronze Age // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. New Haven: Connecticut, 1973. 43. P. 155–535.
Müller H. W. Ein ägyptiseher Königskopf des 15. Jahrhunderts v. Chr. Ein Beitrag zur Stilentwieklung der Plastik der 18. Dynastie // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst, Dritte Folge Band III/IV. München, 1952/53. S. 67–84.
Müller H. W. Ein Meisterwerk der Ägyptischen Plastik vom Ausgang der XVIII. Dynastie. Eine Neuerwerbung der Staatlichen Sammlung Ägyptischer Kunst // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst, Dritte Folge, 18. München, 1967. S. 7–32.
Müller H. W. Goldschmuck and ein Faiencekelch aus dem Grabe des Herihor (?) // Pantheon. München, 1979. 38. S. 237–246.

Müller H. W. Bemerkungen zu den Kacheln mit Inschriften aus Qantir und zu den Rekonstruktionen gekachelter Palasttore // MDAIK. 1981. 37. S. 339–357.
Müller H. W. Der "Armreif" des Königs Ahmose und der Handgelenkschutz des Bogenschützen im Alten Ägypten und Vorderasien. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1989.
Müller H. W. Zwei weitere Sichelschwerter // Festschrift von Beckerath. 1990. S. 215–222.
Müller I. Der Vizekönig Merimose // Ägypten und Kusch. 1977. S. 325–329.
Müller I. Die Verwaltung der nubischen Provinz im Neuen Reich // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin, 1982. 23. S. 465–470.
Müller I. Eine Stele des Mittleren Reiches von Elephantine // Forschungen und Berichte. 1984. 24. S. 30–33.
Müller M. Zum Bildnistypus Thutmosis' I // GM. 1979. Heft 32. S. 27–38.
Müller M. Die Kunst Amenophis' III. und Echnatons. Basel: Verlag für Ägyptologie, 1988.
Müller W. M. Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern. Leipzig: Engelmann, 1893.
Müller W. M. Egyptological researches. Washington, 1910. Vol. 2.
Müller-Wollermann R. Bemerkungen zu den sogenannten Tributen // GM. 1983. 66. S. 81–93.
Müller-Wollermann R. Ein Tribut an die Methode // GM. 1984. 77. S. 51–55.
Müller-Wollermann R. Die sogenannte ober- und unterägyptische Gerste // VA. 1987. 3. S. 39–42.
Munro I. Zusammenstellung von Datierungskriterien für Inschriften der Amarna-Zeit nach J. J. Perepelkin "Die Revolution Amenophis' IV." Teil 1 (russ.), 1967 // GM. 1986. 94. S. 81–87.
Munro P. Die Namen Semenech-ka-Re's. Ein Beitrag zur Liquidierung der Amarna-Zeit // ZÄS. 1969. 95. 2. S. 109–116
Murnane W. J. Once Again the Dates for Tuthmosis III and Amenhotep II // The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. New York, 1970–71. 3. P. 1–7.
Murnane W. J. The Accession Date of Sethos I // Serapis. 1975–1976. 3. P. 23–33.
Murnane W. J. A Note on the Personnel of the Sinai Expeditions in the Reign of Amenemmes III // GM. 1975a. Heft 15. P. 27–33.
Murnane W. J. The Earlier Reign of Ramesses II and His Coregency with Seti I // JNES. 1975b. 34. P. 153–190; Addenda // GM. 1976a. 19. P. 41–43.
Murnane W. J. A Hitherto Unpublished Funerary Cone // GM. 1976b. Heft 19. P. 39–40.
Murnane W. J. On the Accession Date of Akhenaten // Studies Hughes. 1976b. P. 163–167.
Murnane W. J. Ancient Egyptian Coregencies. Chicago, Illinois: The Oriental Institute, 1977.
Murnane W. J. The Bark of Amun on the Third Pylon at Karnak // JARCE. 1979. 16. P. 11–27.
Murnane W. J. Unpublished Fragments of Hatshepsut's Historical Inscription from Her Sanctuary at Karnak // Serapis. 1980. 6. P. 91–102.
Murnane W. J. In Defense of the Middle Kingdom Double Dates // BES. 1981a. 3. P. 73–82.
Murnane W. J. The Sed Festival: A Problem in Historical Method // MDAIK. 1981b. 37. P. 369–376.
Murnane W. J. The El-Amarna Boundary Stelae Project: A Preliminary Report // Newsletter ARCE 128 (Winter 1984). P. 40–52.
Murnane W. J. The "First Occasion of the Discovery" of Akhet-aten // SAK. 14. 1987. P. 239–246.
Murnane W. J. Rhetorical History? The Beginning of Thutmose III's First Campaign in Western Asia // JARCE. 1989. 26. P. 183–189.
Murnane W. J. The Road to Kadesh. A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak. Second Edition Revised. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1990.
Murnane W. J. Servant, Seer, Saint, Son of Hapu, Amenhotep, called Huy // K. M. T. 1991. 2. P. 2, 9–13, 56–59.
Murnane W. J., Jr. The Hypothetical Coregency between Amenhotep III and Akhenaten: Two Observations // Serapis. 1970. 2. P. 17–21.

Murnane W. J., Jr. The “King Ramesses” of the Medinet Habu Procession of Princes // JARCE. 1971–1972. 9. P. 121–131.
Murnane W. J., van Siclen Ch. C. III. The Boundary Stelae of Akhenaten. London; New York, Kegan Paul International, 1993.
Myśliwiec K. Le portrait royal dans le bas-relief du Nouvel Empire. Varsovie: PWN — Éditions Scientifiques de Pologne, 1976.
Myśliwiec K. Iconographic, Literary and Political Aspects of an Ancient Egyptian God’s Identification with the Monarch // Proceedings of the Thirty-First International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa. Tokyo — Kyoto, 31st August — 7th September 1983 / ed. by Yamamoto Tatsuro. Vol. I. Tokyo: The Toho Gakkai (The Institute of Eastern Culture), 1984. P. 108–110.
Na’aman N. The origin and historical background of several Amarna letters // Ugarit-Forschungen. 1979. 11. P. 673–684.
Na’aman N. The Inheritance of the Sons of Simeon // ZDPV. 1980. 96. P. 136–152.
Na’aman N. Economic Aspects of the Egyptian Occupation of Canaan // IEJ. 1981. 31. P. 172–185.
Na’aman N. The Town of Ibirta and the Relations of the ‘Apiru and the Shosu // GM. 1982. 57. P. 27–33.
Na’aman N. Pharaonic Lands in the Jezreel Valley in the Late Bronze Age // Society and Economy. 1988. P. 177–185.
Nagy I. Statue-bloc de Thotmès premier fils royal de Nekhbet // Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts. Budapest, 1983. 60–61. P. 3–8.
Nakhla Sh. M. Relative and Absolute Dating with Respect to Ancient Egyptian Chronology // ASAE. 1988. 67. P. 131–155.
Naster P. Le poignard de Kamosis au Cabinet des Médailles à Bruxelles // Miscellanea Vergote. 1976. P. 419–426.
Naville É. Bubastis (1887–1889). London: Kegan Paul, Trench, Trübner, 1891.
Naville É. The XIth dynasty temple at Deir el-Bahari. Pt. 1–3. London: K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1907, 1910, 1913.
Needler W. A Dagger of Ahmose I // Archaeology. A Magazine Dealing With the Antiquity of the World. New York, 1962. No 15. P. 172–175.
Needler W. Looking at ancient Egypt in the Royal Ontario Museum // The Connoisseur. London, 1967. Vol. 166. No. 668 (October). P. 95–100.
Nelson H. H. The battle of Megiddo. Chicago: Private ed., 1913.
Nelson H. H. Three decrees of Ramses III from Karnak // JAOS. 1936. 56. P. 232–241.
Nelson H. H. The Great Hypostyle Hall at Karnak. Vol. I. Part 1: The Wall Reliefs / ed. by William G. Murnane. Chicago, Illinois: The Oriental Institute, 1981. OIP 106.
Neugebauer O., Parker R. A. Egyptian Astronomical Texts II. The Ramesside Star Clocks. Providence, Rhode Island: Brown University Press / London: Lund Humphries, 1964.
Newberry P. E. Beni Hasan. Pt. 1–4. London: Egypt Exploration Fund, 1893–1900.
Newberry P. E. El Bersheh. Pt. 1–2. London: Egypt Exploration Fund, 1894–1895.
Newberry P. E. Extracts from my notebooks // PSBA. 1901. 23. P. 218–224.
Newberry P. E. Extracts from my notebooks // PSBA. 1903. 25. P. 130–138.
Newberry P. E. Egyptian antiquities: scarabs; an introduction to the study of Egyptian seals and signet rings. London: Constable, 1906.
Newberry P. E. The Timins collection of ancient Egyptian scarabs and cylinder seals. London: Constable, 1907.
Nibbi A. The Sea Peoples and Egypt. Park Ridge, New Jersey: Noyes Press, 1975.
Nibbi A. Remarks on the Two Stelae from the Wadi Gasus // JEA. 1976. 62. P. 45–56.
Nibbi A. Ancient Egyptians in the Sinai // Palestine Exploration Quarterly. London, 1977. 109. P. 125–128.
Nibbi A. The Lake of Reeds of the Pyramid Texts and Yam Sûph // GM. 1978. Heft 29. P. 95–100.

Nibbi A. The *sṯt* Sign // JEA. 1978. 64. P. 56–64.
Nibbi A. A Further Note on the Fifth Dynasty Anchor from Abusir // GM. 1979a. Heft 33. P. 41–46.
Nibbi A. Some Remarks on the Assumption of Ancient Egyptian Sea-Going // The Mariner's Mirror. London, 1979b. 65. P. 201–208.
Nibbi A. Some Remarks on Ass and Horse in Ancient Egypt and the Absence of the Mule // ZÄS. 1979c. 106. P. 148–168.
Nibbi A. Ancient Egypt and Some Eastern Neighbours. Park Ridge, New Jersey: Noyes Press, 1981a.
Nibbi A. Some Remarks on the Two Monuments from Mersa Gawasis // ASAE. 1981b. 64. P. 69–74.
Nibbi A. The nHsy.w of the Dahshur Decree of Pepi I // GM. 1982a. 53. P. 27–32.
Nibbi A. A Note on the Lexikon Entry: Meer // GM. 1982b. 58. P. 53–58.
Nibbi A. Ancient Byblos Reconsidered. Oxford: DE Publications, 1985a.
Nibbi A. Wenamun and Alashiya Reconsidered. Oxford: DE Publications, 1985b.
Nibbi A. The Lebanon (sic) and Djahy in the Egyptian Texts // DE. 1985c. 1. P. 17–26.
Nibbi A. Lapwings and Libyans in Ancient Egypt. Oxford: DE Publications, 1986a.
Nibbi A. Phoenician from Carpenter like *Fnḫ*(*w*)? A New Approach to an Old Problem // DE. 1986b. 6. P. 11–20.
Nibbi A. Ancient Egyptian Pot Bellows and the Oxhide Ingot Shape. Oxford: DE Publications, 1987a.
Nibbi A. Some Remarks on the Lexikon Entry: Zeder, Cedar // DE. 1987b. 7. P. 13–27.
Nibbi A. Some Remarks on the Lexikon Entry: Syrien, Syria // DE. 1987c. 8. P. 33–47.
Nibbi A. The *rḫj.t* People as Permanent Foreigners in Ancient Egypt // DE. 1987d. 9. P. 79–96.
Nibbi A. Canaan and Canaanite in Ancient Egypt. Oxford: DE Publications, 1989a.
Nibbi A. The problems of Sile and *Ṯꜣrw* // DE. 1989b. 14. P. 69–78.
Nibbi A. Some further remarks on the Haunebut // ZÄS. 1989c. 116. P. 153–160.
Nibbi A. A contribution to our understanding of *Kmt* // DE. 1990. 16. P. 63–72.
Nibbi A. A Note on the *ḥnmmt* // DE. 1991. 21. P. 49–57.
Nibbi A. Some problems concerning Byblos // Akten München 1985. 1991. 4. P. 309–317.
Nibbi A. The Two Lands: the Black and the Red // DE. 1992. 22. P. 9–23.
Nims Ch. F. Tuthmosis III's Benefactions to Amon // Studies Wilson. 1969. P. 69–74.
Nims Ch. F. The Transition from the Traditional to the New Style of Wall Relief under Amenhotep IV // JNES. 1973. 32. P. 181–187.
Nims Ch. F. Ramesseum Sources of Medinet Habu Reliefs // Studies Hughes. 1976. P. 169–175.
Niwiński A. The Bab el-Gusus Tomb and the Royal Cache in Deir el-Bahri // JEA. 1984a. 70. P. 73–81.
Niwiński A. Butehamon — Schreiber der Nekropolis // SAK. 1984b. 11. S. 135–156.
Nofret-Die Schöne. Die Frau im Alten Ägypten. "Wahrheit" and Wirklichkeit. Roemer- and Pelizaeus-Museum Hildesheim, 15. Juli 1985–4. November 1985. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1985.
Nofret-Die Schöne. Die Frau im Alten Ägypten. "Wahrheit" and Wirklichkeit. Roemer- and Pelizaeus-Museum Hildesheim, 15. Juli 1985–4. November 1985. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1985 (выставка).
Nordström H.-Å. A-Group and C-Group in Upper Nubia // Kush. 1966. 14. P. 63–68.
North R. Phoenicia-Canaan Frontier "Lᵉbô'" of Hama // Mélanges Dunand II. 1970–1971. P. 73–103.
North R. Akhenaten Secularized? // Biblica. 1977. 58. P. 246–258.
Noth M. Die Wege der Pharaonenheere in Palästina und Syrien: Untersuchungen zu den hieroglyphischen Listen palästinensischer und syrischer Städte // ZDPV. 1937. 60. S. 183–239.

Noth M. Die Wege der Pharaonenheere in Palästina und Syrien: Untersuchungen zu den hieroglyphischen Listen palästinensischer und syrischer Städte // ZDPV. 1938. 61. S. 26–65, 277–304.
Noth M. Die Annalen Thutmoses III. als Geschichtsquelle // ZDPV. 1943. 66. S. 156–174.
Nubian Culture, Past and Present. Main Papers Presented at the Sixth International Conference for Nubian Studies in Uppsala, 11–16 August, 1986 / ed. by Tomas Hägg. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1987.
Obsomer C. Les campagnes de Sésostris dans Hérodote. Essai d'interprétation du texte grec à la lumière des réalités égyptiennes. Bruxelles: Connaissance de l'Égypte ancienne, 1989.
Obsomer C. Les lignes 8 à 24 de la stèle de Mentouhotep (Florence 2540) érigée à Bouhen en l'an 18 de Sésostris Ier // GM. 1992. 130. P. 57–74.
Obsomer C. Hérodote, Strabon et le "mystère" du labyrinthe d'Égypte // Amosiadès. Mélanges Vandersleyen. 1992. P. 221–333.
Obsomer C. di.f prt-ḫrw et la filiation *ms*(*t*).*n*/ *ir*(*t*).*n* comme critères de datation dans les textes du Moyen Empire // Individu, société et spiritualité. Mélanges Théodoridès. 1993. P. 163–200.
Obsomer C. La date de Nésou-Montou (Louvre C1) // RdE. 1993b. 44. P. 103–140.
Ockinga B. G. The Burden of Kha'kheperrē'sonbu // JEA. 1983. 69. P. 88–95.
Ockinga B. G. On the Interpretation of the Kadesh Record // CdE LXII. 1987. Nos. 123–124. P. 38–48.
Ockinga B. G. New Light on Tutankhamun. The Tomb of Sennedjem at Awlad Azzaz, Sohag, Atti del VI Congresso Internazionale di Egittologia. Abstracts. Torino, 1991. P. 310–311.
O'Connor D. Abydos and the University Museum: 1898–1969 // Expedition. 12. Number 1 (Fall 1969). P. 28–39.
O'Connor D. Nubia before the New Kingdom // Africa in Antiquity I. The Essays. 1978. P. 48–61.
O'Connor D. Abydos: The University Museum — Yale University Expedition [The University Museum in Egypt. The Present] // Expedition. 21. No. 2 (Winter 1979). P. 46–49.
O'Connor D. The University Museum Excavations at the Palace-City of Malkata [The University Museum in Egypt. The Present] // Expedition. 21. No. 2 (Winter 1979). P. 52–53.
O'Connor D. The Chronology of Scarabs of the Middle Kingdom and the Second Intermediate Period // JSSEA. 1985. 15. P. 1–41.
O'Connor D. The Locations of Yam and Kush and Their Historical Implications // JARCE. 1986. 23. P. 27–50.
O'Connor D. The Location of Irem // JEA. 1987. 73. P. 99–136.
O'Connor D. The Nature of Tjemhu (Libyan) Society in the Later New Kingdom // Libya and Egypt. 1990. P. 29–113.
O'Mara P. F. Some Indirect Sothic and Lunar Dates from the Late Middle Kingdom in Egypt. La Canada, Calif., Paulette Publishing Co., 1984.
Omlin J. Amenemhet I., und Sesostris I. Die Begründer der XII. Dynastie, thesis Ruprecht-Karl-Universität in Heidelberg, 1962.
Omm Sety Hanny el Zeini. Abydos: Holy City of Ancient Egypt. Los Angeles: L L Company, 1981.
Oren E. D. "Governor's Residencies" in Canaan under the New Kingdom: a Case Study of Egyptian Administration // JSSEA. 1984. 14. P. 37–56.
Oren E. D. The "Ways of Horus" in North Sinai // Egypt, Israel, Sinai. 1987. P. 69–119.
Osing J. Zur Geschichte der späten 19. Dynastie // SAK. 1979. 7. S. 253–271.
Osing J. Zum ägyptischen Namen für Zypern // GM. 1980. Heft 40. S. 45–51.
Osing J. Le tombeau de Nefersekherou à Zawyet Sultan // BSFE. No. 123 (Mars 1992). P. 6–30.
Otten H. Ein weiterer Ramses-Brief aus Boğazköy // Festschrift Elmar Edel. 1979. S. 314–316.
Otto Eberhard. Eine Bauinschrift Ramses' III. in Luxor // ZÄS. 1963. 90. S. 93–97.
Otto Eberhard. Eine Darstellung der "Osiris-Mysterien" in Theben // Festschrift Schott. 1968. S. 99–105.

Otto Eckhart. Erwägungen zum Palästina-Abschnitt der “Israel-Stele” des Merenpta // XX. Deutscher Orientalistentag. Vom 3. bis 8. Oktober 1977 in Erlangen. Vorträge. Herausgegeben von Wolfgang Voigt. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1980. S. 131–133.
Owen D. I. An Akkadian Letter from Ugarit at Tel Aphek // Tel Aviv. 1981. 8. P. 1–17.
Padró J. Notes sur la tombe de Séhou à Héracléopolis Magna // Atti VI Congresso. 1993. II. P. 377–381.
Padró J., Molina F. Un vase de l’époque des Hyksos trouvé à Almuñécar (Province de Grenade, Espagne) // Hommages Daumas. 1986. P. 517–524.
Page A. Egyptian Sculpture, Archaic to Saite, from the Petrie Collection. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1976.
Palmer L. R. The Khyan Lid Deposit at Knossos // Kadmos. Berlin, 1981. 20. P. 108–128.
Pankhurst R. Early Pharaonic Contacts with the Land of Punt // Quaderni di Studi Etiopici. Asmara, 1984. 5. P. 5–19.
Parant R. L’affaire Sinouhé. Tentative d’approche de la justice répressive égyptienne au début du IIe millénaire av. J.C. Aurillac, 1982
Parker R. A. The Calendars of Ancient Egypt. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1950.
Parker R. A. The Lunar Dates of Thutmose III and Ramesses II // JNES. 1957a. 16. P. 39–43.
Parker R. A. The Length of Reign of Ramses X // RdE. 1957b. 11. P. 163–164.
Parker R. A. Once again the Coregency of Thutmose III and Amenhotep II // Studies Wilson. 1969. P. 75–82.
Parker R. A. The Beginning of the Lunar Month in Ancient Egypt // JNES. 1970. 29. P. 217–220.
Parker R. A. The Sothic Dating of the Twelfth and Eighteenth Dynasties // Studies Hughes. 1976. P. 177–189.
Parker R. A. Some Reflections on the Lunar Dates of Thutmose III and Ramesses II // Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan. 1981. P. 146–148.
Parkinson R. B. Teachings, discourses and tales from the Middle Kingdom // Middle Kingdom Studies. 1991. P. 91–122.
Parlebas J. Sur l’origine de la valeur *ḏḥwty* de X2 et le groupe dans les noms de personnes // GM. 1975. Heft 15. P. 39–43.
Patanè M. Miscellanea. La date de l’exode // VA. 1988. 4. P. 233–236.
Pawlicki F. Inscriptions des colonnes proto-doriques du Temple d’Hatchepsout à Deir el-Bahari // Études et Travaux. 1983. 12. P. 67–77.
Peet T. E. The Rhind mathematical papyrus British Museum 10057 and 10058: introduction, transcription, translation and commentary. London: Univ. Pr. of Liverpool; Hodder & Stoughton, 1923.
Peet T. E. A historical document of Ramesside age // JEA. 1924. 10. P. 116–127.
Peet T. E. The great tomb-robberies of the twentieth Egyptian dynasty: being a critical study, with translations and commentaries, of the papyri in which these are recorded. Oxford: Clarendon Pr., 1930. Vol. 1–2.
Pendlebury J., Stringfellow D. Preliminary report of excavations at Tell el-ᶜAmarnah 1930–1 // JEA. 1931. 17. P. 233–244.
Pendlebury J. D. S. The City of Akhenaten. Part III. The Central City and the Official Quarters. The Excavations at Tell El-Amarna during the Season 1926–1927 and 1931–1936. 2 Vol.s. London: Egypt Exploration Society, 1951.
Perdu O. Khenemet-nefer-hedjet: une princesse et deux reines du Moyen Empire // RdE. 1977. 29. P. 68–85.
Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. М., 1967. Ч. I; рец.: Bogoslovskij, 1983, Munro, 1986.
Perepelkin Y. Y. The secret of the gold coffin. M., 1978 (англ. перевод книги: *Перепелкин Ю. Я.* Тайна золотого гроба. 2-е изд. М., 1969).

Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.
Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. М., 1984. Ч. II.
Pernigotti S. In margine al dossier di Hapuseneb // EVO. 1981. 4. P. 177–179.
Pestman P. W. The 'Last Will of Naunakhte' and the Accession Date of Ramesses V // Gleanings from Deir el-Medîna. 1982. P. 173–181.
Peterson B. J. A Stela of the Viceroy Hori 1 // AcOr. 1963. 27. P. 3–9.
Peterson B. J. Two Egyptian Stelae // Orientalia Suecana. Uppsala, 1965–1966. 14–15. 1966. P. 3–8.
Peterson B. J. Hatschepsut und Nebhepetre Mentuhotep // CdE XLII. 1967. No. 84. S. 266–268.
Peterson B. J. Archäologische Funde aus Sesebi (Sudla) in Nord-Sudan // Orientalia Suecana. Uppsala, 1967. 16. 1968. S. 3–15.
Peterson B. J. Ein Denkmalfragment aus dem Mittleren Reiche // AfO. 22. 1968/69. S. 63–64.
Peterson B. J. Ausgewählte ägyptische Personennamen nebst prosopographischen Notizen aus Stockholmer Sammlungen // Orientalia Suecana. Uppsala, 1970–1971. 19–20. S. 3–22.
Peterson B. A Sarcophagus Puzzle // CdE LIII. 1978. No. 106. P. 222–225.
Peterson B. J., George B. Två faraoner. Arkeologi och historia kring Sesostris I och Tutanchamun. Stockholm: Askild & Kärnekull i samarbete med Medelhavsmuseet och Statens historiska museum, 1973.
Petrie W. M. F. A season in Egypt, 1887. London: Field & Tuer, 1888.
Petrie W. M. F. Hawara, Biahmu and Arsinoë. London: Field & Tuer, 1889a.
Petrie W. M. F. Historical scarabs: a series of drawings from the principal collections arranged chronologically. London: Nutt, 1889b.
Petrie W. M. F. Tell el Amarna. London: Methuen, 1894.
Petrie W. M. F. Koptos. London: Quaritch, 1896.
Petrie W. M. F. Naqada and Ballas: 1895. London: Quaritch, 1896.
Petrie W. M. F. Abydos. Pt. 1–3. London: Egypt Exploration Fund, 1902–1904.
Petrie W. M. F. Ehnasya: 1904. London: Egypt Exploration Fund, 1905.
Petrie W. M. F. Researches in Sinai. London: Murray, 1906.
Petrie W. M. F. Scarabs and cylinders with names: illustrated by the Egyptian collection in University College, London. London: British School of Archaeology in Egypt, 1917.
Petrie W. M. F. A history of Egypt from the earliest kings to the XVIth dynasty. Vol. 1–3. 10th ed. London: Methuen, 1923.
Petrie W. M. F. City of Shepherd Kings and Ancient Gaza V. London: British School of Egyptian Archaeology, 1952.
Petrie W. M. F., Wainwright G. A., Gardiner A. H. Tarkhan I and Memphis V. London: British School of Archaeology in Egypt, 1913.
Philips A. K. Horemheb, Founder of the XIXth Dynasty? O. Cairo 25646 Reconsidered // Orientalia. 1977. 46. P. 116–121.
Phillips J. Egypt in the Aegean during the Middle Kingdom // Akten München. 1985. 4. 1991. P. 319–333.
Piankoff A. La tombe de Ramsès Ier // BIFAO. 1957. 56. P. 189–200.
Piankoff A. Les Peintures dans la Tombe du roi Aï // MDAIK. 1958. 16. P. 247–251.
Pinches Theophilus G., Newberry P. E. A cylinder-seal inscribed in hieroglyphic and cuneiform in the collection of the Earl of Carnarvon // JEA. 1921. 7. P. 196–199.
Pintore F. Transiti di truppe e schemi epistolari nella Siria egiziana dell'età di El-Amarna // Oriens Antiquus. 1972. 11. P. 101–131.
Pintore F. La prassi della marcia armata nella Siria egiziana dell'età di el-Amarna // Oriens Antiquus. 1973. 12. P. 299–318.
Пиотровский Б. Б. Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки // Africana. Этнография, история, лингвистика. Л., 1969. С. 3–11.

Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
Pirelli R. Punt in Egyptian myth and trade // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 383–390.
Plumley J. M. Qasr Ibrîm 1963–1964 // JEA. 1964. 50. P. 3–5.
Plumley J. M. Gods and Pharaohs at Qasr Ibrim // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 127–131.
Poláček A. Le décret d'Horemheb à Karnak: Essai d'analyse socio-juridique // Le droit égyptien ancien. Colloque organisé par l'Institut des Hautes Études de Belgique les 18 et 19 mars 1974. Bruxelles: Institut des Hautes Études de Belgique, 1976. P. 87–111.
Poláček V. Quelques remarques sur les «Procès Secrets» en Ancienne Égypte // CdE XXXVII. 1962. No 73. P. 23–30.
Polz D. Die Särge des (Pa-)Ramessu // MDAIK. 1986. 42. S. 145–166.
Polz D. Jamuenedjeh, Meri und Userhat // MDAIK. 1991. 47. S. 281–291.
Pomerance L. The Possible Role of Tomb Robbers and Viziers of the Eighteenth Dynasty in Confusing Minoan Chronology // AJA. 1973. 77. P. 224.
Pomorska I. Les flabellifères à la droite du roi en Égypte ancienne. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987.
Posener G. Princes et pays d'Asie et de Nubie: textes hiératiques sur des figurines d'envoûtement du Moyen Empire. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1940.
Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion Éditeur, 1956.
Posener G. Les Asiatiques en Égypte sous les XIIe et XIIIe dynasties (à propos d'un livre récent) // Syria. Paris, 1957. 34. P. 145–163.
Posener G. Dictionnaire de la civilisation égyptienne, en collaboration avec Serge Sauneron et Jean Yoyotte. Paris: Fernand Hazan, 1959.
Posener G. De la divinité du Pharaon. Paris: Imprimerie Nationale, 1960.
Posener G. Philologie et archéologie égyptiennes: L'enseignement pour le roi Mérikarê, Annuaire du Collège de France, Paris 62e-66e années, 1962–1966; особенно 64e, 1964, 306–307; 65e, 1965, 343–346.
Posener G. L'apport des textes littéraires à la connaissance de l'histoire égyptienne // Fonti. 1963. P. 11–30.
Posener G. Néshi du procès de Mès // RdE. 1964. 16. P. 213–214.
Posener G. Une stèle de Hatnoub // JEA. 1968. 54. P. 67–70.
Posener G. Relations with Egypt, p. 1–29 // Syria and Palestine (C. 2160–1780 B.C.). Relations with Egypt (§§ I–III) = CAH. 1965. Vol. I. Chapter XXI.
Posener G. La complainte de l'échanson Bay // Fragen an die altägyptische Literatur. 1977. P. 385–397.
Posener G. Les quarante rouleaux de lois // GM. 1977. Heft 25. P. 63–66.
Posener G. L'auteur de la Satire des Métiers // Livre du centenaire. 1980. P. 55–59.
Posener G. Notes de transcription // RdE. 1981. 33. P. 138–140.
Posener G. Cinq figurines d'envoûtement. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale, 1987.
Posener G. Le vizir Antefoqer // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. P. 73–77.
Priebatsch H. Y. Jerusalem und die Brunnenstrasse Merneptahs // ZDPV. 91. 1975. S. 18–29.
Putter T. de. L'identification de l'origine du matériau de la statue de dieu-faucon des Musées Royaux d'Art et d'Histoire // BMRAH. 1991. 62. P. 47–52.
Putter T. de. Le "problème de Semna" (Nubie) revisité: nouveaux arguments en faveur d'un "event" climatique au Moyen Empire // Atti VI Congresso. 1993. I. P. 125–127.
Putter T. de. Les inscriptions de Semna et Koumma (Nubie): niveaux de crues exceptionnelles ou d'un lac de retenue artificiel du Moyen Empire? // SAK. 1993. 20. P. 255–288.
Quack J. F. Studien zur Lehre für Merikare. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.

Quaegebeur J. Рец. на Thausing et al. Das grosse ägyptische Totenbuch // CdE. 1970. 45. S. 299–302.
Quaegebeur J. Aménophis, nom royal et nom divin: questions méthodologiques // RdE. 1986. 37. P. 97–106.
Quinn S. A New Kingdom stela in Girton College showing Amenophis I wearing the *ḫprš* // JEA. 1991. 77. P. 169–175.
Quirke S. The Hieratic texts in the Tomb of Nakht the Gardener, at Thebes (No. 161) as Copied by Robert Hay // JEA. 1986a. 72. P. 79–90.
Quirke S. The Regular Titles of the Late Middle Kingdom // RdE. 1986b. 37. P. 107–130.
Quirke S. Frontier or Border? The Northeast Delta in Middle Kingdom Texts // Proceedings of Colloquium "The Archaeology, Geography and History of the Egyptian Delta in Pharaonic Times". Wadham College 29–31 August, 1988. Oxford: Oxford, DE Publications, 1989. P. 261–274.
Quirke S. The Administration of Egypt in the Late Middle Kingdom. New Malden: SIA Publishing, 1990.
Quirke S. Royal power in the 13th Dynasty // Middle Kingdom Studies. 1991. P. 123–139.
Raban A. The Constructive Maritime Role of the Sea Peoples in the Levant // Society and Economy. 1988. P. 261–294.
Radwan A. Amenophis III, dargestellt und angerufen als Osiris (*wnn-nfrw*) // MDAIK. 1973. 29. S. 71–76.
Radwan A. Der Trauergestus als Datierungsmittel // MDAIK. 1974. 30. S. 115–129.
Radwan A. Concerning the Identification of the King with the God // Magazine of the Faculty of Archaeology. 1 Gizah, 1976. P. 24–36.
Radwan A. Ramses II. und seine Mutter vor Osiris // SAK. 1978. 6. S. 157–161.
Radwan A. Zwei Stelen aus dem 47. Jahre Thutmosis' III // MDAIK. 1981. 37. S. 403–407.
Radwan A. Zur Stellung des Königs in der Zweiten Zwischenzeit // Festschrift von Beckerath. 1990. S. 223–233.
Rainey A. F. A Front Line Report from Amurru // Ugarit-Forschungen. 1971. 3. P. 131–149.
Rainey A. F. Amenhotep II's Campaign to Takhsi // JARCE. 1973a. 10. P. 71–75.
Rainey A. F. Reflections on the Battle of Qedesh // Ugarit-Forschungen. 1973. 5. P. 280–282.
Rainey A. F. The Military Camp Ground at Taanach by the Waters of Megiddo // Eretz-lsrael. 1981. 15. P. 61*-66*.
Rainey A. F., Cochavi-Rainey Z. Comparative grammatical notes on the treaty between Ramses II and Hattusili III // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 796–823.
Rammant-Peeters A. Les couronnes de Nefertiti à el-Amarna // OLP. 1985. 16. P. 21–48.
Randall-MacIver D., Mace A. C. El Amrah and Abydos, 1899–1901. London: Egypt Exploration Fund, 1902.
Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. I–III. Glückstadt: Verlag J. J. Augustin, 1935, 1949–1952, 1977.
Ratié S. La Reine Hatchepsout. Sources et problèmes, Lugdunum Batavorum, E.J. Brill, 1979.
Raven M. J. The Antef diadem reconsidered // OMRO. 1988. 68. P. 77–90.
Raven M. J. La tombe du scribe Tia // Saqqara. 1990. P. 104–105.
Ray J. The Parentage of Tutankhamun // Antiquity. 1975. 49. P. 45–47.
Read J. G. Early Eighteenth Dynasty Chronology // JNES. 1970. 29. P. 1–11.
Reconstitution du caveau de Sennefer dit "Tombe aux vignes": Thиbes-Ouest, Cheikh Abd el Gournah, XVIIIe dynastie. Paris: Fondation Kodak-Pathe, 1985.
Reddé M., Golvin J.-C. Du Nil à la Mer Rouge: documents anciens et nouveaux sur les routes du désert oriental d'Égypte // Karthago. Revue d'archéologie méditerranéenne. Paris; Leuven, 1986/87. 21. P. 5–64.
Redford D. B. The Coregency of Tuthmosis III and Amenophis II // JEA. 1965. 51. P. 107–122.
Redford D. B. On the Chronology of the Eighteenth Dynasty // JNES. 1966. 25. P. 113–124.

Redford D. B. History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt. Seven Studies. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
Redford D. B. The Hyksos Invasion in History and Tradition // Orientalia. 1970. 39. P. 1–51.
Redford D. B. New Light on the Asiatic Campaigning of Horemheb // BASOR. No. 211 (October, 1973a). P. 36–49.
Redford D. B. Studies on Akhenaten at Thebes. I. A Report on the Work of the Akhenaten Temple Project of the University Museum, University of Pennsylvania // JARCE. 1973b. 10. P. 77–94.
Redford D. B. Notes and News from Egypt // SSEA. 3. No. 2 (January 1973c). P. 1–5.
Redford D. B. A New Dated Inscription from the Reign of Horemheb // SSEA 4. No. 1 (July 1973d). P. 6–23.
Redford D. B. Studies on Akhenaten at Thebes. II. A Report on the Work of the Akhenaten Temple Project of the University Museum, The University of Pennsylvania, for the Year 1973–4 // JARCE. 1975. 12. P. 9–18.
Redford D. B. The Sun-Disc in Akhenaten's Program: Its Worship and Antecedents, I // JARCE. 1976. 13. P. 47–61.
Redford D. B. Preliminary Report of the First Season of Excavation in East Karnak, 1975–76 // JARCE. 1977a. 14. P. 9–32.
Redford D. B. The Oases in Egyptian History to Classical Times. Part II. c. 2100 B.C. — c. 1650 B.C. // SSEA 7. No. 2 (March 1977b). P. 2–4; Part III. c. 1650 B.C.–1000 B.C. // SSEA 7. No. 3 (May 1977b). P. 2–6.
Redford D. B. The Historical Retrospective at the Beginning of Thutmose III's Annals // Festschrift Elmar Edel. 1979. P. 338–342.
Redford D. B. A Gate Inscription from Karnak and Egyptian Involvement in Western Asia During the Early 18th Dynasty // JAOS. 1979a. 99. P. 270–287.
Redford D. B. The Sun-Disc in Akhenaten's Program: Its Worship and Antecedents, II // JARCE. 1980. 17. P. 21–38.
Redford D. B. Interim Report on the Excavations at East Karnak (1979 and 1980 Seasons) // JSSEA. 1981. 11. P. 243–262.
Redford D. B. A Bronze Age Itinerary in Transjordan (Nos. 89–101 of Thutmose III's List of Asiatic Toponyms) // JSSEA. 1982a. 12. P. 55–74.
Redford D. B. An Offering Inscription from the 2nd Pylon at Karnak // Studies in Philology in Honour of Ronald James Williams. A Festschrift Edited by Gerald E. Kadish and Geoffrey E. Freeman. Toronto: The Society for the Study of Egyptian Antiquities by Benben Publications, 1982b. P. 125–131.
Redford D. B. Interim Report on the Excavations at East Karnak (1981–1982 Seasons), Stratigraphy and Architecture, S. Redford, Excursus: FK Burial 2 // JSSEA. 1983. 13. P. 203–224.
Redford D. B. A Head-Smiting Scene from the 10th Pylon // Fontes atque Pontes. 1983. P. 362–373.
Redford D. B. Akhenaten. The Heretic King. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984.
Redford D. B. The Ashkelon Relief at Karnak and the Israel Stela // IEJ. 1986. 36. P. 188–200.
Redford D. B. Pharaonic King-Lists, Annals and Day-Books. A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History. Mississauga: Benben Publications, 1986a.
Redford D. B. The Tod Inscription of Senwosret I and Early 12th Dynasty Involvement in Nubia and the South // JSSEA. 1987. 17. P. 36–55.
Redford D. B. An Egyptological Perspective on the Exodus Narrative // Egypt, Israel, Sinai. 1987a. P. 137–161.
Redford D. B. Egypt, Canaan, and Israel. Princeton: Princeton University Press, 1992.
Redford D., Orel S., Redford S., Shubert S. East Karnak Excavations, 1987–1989 // JARCE. 1991. 28. P. 75–106.
Redmount C. A. Wadi Tumilat Survey // Newsletter ARCE 133 (Spring 1986). P. 19–23.

Reeves C. M. Belzoni, the Egyptian Hall, and the date of a long-known sculpture // JEA. 1989. 75. P. 235–237.
Reeves C. N. Akhenaten after all? // GM. 1982a. 54. P. 61–71.
Reeves C. N. Tuthmosis IV as "great-grandfather" of Tut'ankhamūn // GM. 1982b. 56. P. 65–69.
Reeves C. N. Miscellanea Epigraphica // SAK. 13. 1986. P. 165–170.
Reeves C. N. New Light on Kiya from Texts in the British Museum // JEA. 1988. 74. P. 91–101.
Reeves N. The Complete Tutankhamun. The King. The Tomb. The Royal Treasure. Foreword by the Seventh Earl of Carnarvon. London: Thames and Hudson, 1990a.
Reeves C. N. Valley of the Kings. The decline of a royal necropolis. London; New York, Kegan Paul International, 1990b.
Reeves N. The Archaeological Analysis of KV 55 1907–1990 and A Select Bibliography of KV 55 Literature Introduction to the 1990 Second Edition // The Tomb of Queen Tîyi: The Discovery of the Tomb, by Theodore M. Davis. Sketch of the Life of Queen Tîyi, by Gaston Maspero. Note on the Estimate of the Age Attained by the Person Whose Skeleton was Found in the Tomb, by G. Elliot Smith. The Excavations of 1907, by Edward Ayrton. Catalogue of the Objects Discovered, by George Daressy. Illustrations, by E. Harold Jones. San Francisco: KMT Communications, 1990c.
Reineke W.-F. Ein Nubienfeldzug unter Königin Hatschepsut // Ägypten und Kusch. 1977. S. 369–376.
Rendsburg G. Merneptah in Canaan // JSSEA. 1981. 11. P. 171–172.
Reviv H. Some Comments on the Maryannu // IEJ. 1972. 22. P. 218–228.
Riad H. Le culte d'Amenemhat III au Fayoum à l'époque ptolémaïque // ASAE. 1958. 55. P. 203–206.
Ricke H. Eine Ausgrabung im Totentempel Amenophis' III. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965.
Ricke H., Hughes G. R., Wente E. F. The Beit el-Wali Temple of Ramesses II. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1967.
Riefstahl E. Thebes in the Time of Amunhotep III. Norman: University of Oklahoma Press, 1964.
Ritner R. K. The Site of the Wild Bull-Hunt of Amenophis III // JEA. 1986. 72. P. 193–194.
Robichon C., Varille A. Description sommaire du temple primitif de Médamoud. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1940.
Robins G. The Value of the Estimated Ages of the Royal Mummies at Death as Historical Evidence // GM. 1981a. Heft 45. P. 63–68.
Robins G. ḥmt nsw wrt Meritaton // GM. 1981b. Heft 52. P. 75–81.
Robins G. Ahhotpe I, II and III // GM. 1982a. 56. P. 71–77.
Robins G. Meritamun, Daughter of Ahmose, and Meritamun, Daughter of Thutmose III // GM. 1982b. 56. P. 79–87.
Robins G. s3t nsw nt ḫt.f Tjʿ3 // GM. 1982c. 57. P. 55–56.
Robins G. A Critical Examination of the Theory that the Right to the Throne of Ancient Egypt Passed through the Female Line in the 18th Dynasty // GM. 1983a. 62. P. 67–77.
Robins G. The God's Wife of Amun in the 18th Dynasty of Egypt // Images of Women in Antiquity / ed. by Averil Cameron and Amélie Kuhrt. London; Canberra, Croom Helm, 1983b. P. 65–78.
Robins G. Two Statues from the Tomb of Tutankhamun // GM. 1984a. 71. P. 47–50.
Robins G. The Proportions of Figures in the Decoration of the Tombs of Tutankhamun (KV 62) and Ay (KV 23) // GM. 1984b. 72. P. 27–32.
Robins G. The Role of the Royal Family in the 18th Dynasty up to the End of the Reign of Amenhotpe III: 1. Queens // Wepwawet 2 (Summer 1986). P. 10–14.
Robins G. The role of the royal family in the 18th dynasty up to the reign of Amenhotpe III: 2. Royal children // Wepwawet. 1987. 3. P. 15–17.
Robins G. The Mother of Tutankhamun (2) // DE. 1992. 22. P. 25–27.

Robins G., Shute C. C. D. The Physical Proportions and Living Stature of New Kingdom Pharaohs // Journal of Human Evolution. London, 1983. 12. P. 455–465.
Roccati A. Gebelein nelle lotte feudali // RSO. 1967. 42. P. 65–74.
Roccati A. Plaidoyer pour le paysan plaideur // Individu, société et spiritualité. Mélanges Théodoridès, 1993. P. 253–256.
Roeder G. Debod bis Bab Kalabsche. Bd. 1–3. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1911–1912.
Roeder G. Zwei hieroglyphische Inschriften aus Hermopolis (Ober-Ägypten) // ASAE. 1954. 52. S. 315–442.
Roeder G. Thronfolger und König Smench-ka-Rê (Dynastie XVIII) // ZÄS. 1958. 83. S. 43–74.
Roeder G. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Ausgrabungen der Deutschen Hermopolis-Expedition in Hermopolis 1929–1939, Band II. Herausgegeben von Rainer Hanke. Hildesheim: Verlag Gebrüder Gerstenberg, 1969.
Roehrig C. H., Dorman P. F. Senimen and Senenmut: A Question of Brothers // VA. 3. 1987. P. 127–134.
Rogge E. Statuen des Neuen Reiches und der Dritten Zwischenzeit, Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum. Lose-Blatt-Katalog Ägyptischer Altertümer. Kunsthistorisches Museum Wien, Ägyptisch-orientalische Sammlung, Lieferung 6. Mainz; Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1990.
Röllig W. Politische Heiraten im Alten Orient // Saeculum. Freiburg; München, 1974. 25. S. 11–23.
Romano J. F. Observations on Early Eighteenth Dynasty Royal Sculpture // JARCE. 1976. 13. P. 97–111.
Romano J. F. A Relief of King Ahmose and Early Eighteenth Dynasty Archaism // BES. 1983. 5. P. 103–115.
Romer J. with an Appendix by Charles Cornell van Siclen III. Tuthmosis I and the Bibân El-Molûk: Some Problems of Attribution // JEA. 1974. 60. P. 119–133.
Romer J. The Tomb of Tuthmosis III // MDAIK. 1975. 31. P. 315–351.
Romer J. People of the Nile. New York. 1982.
Romer J. Histoire de la Vallée des Rois, traduit de l'anglais par A. Forgeau. Paris, 1991.
Rommelaere C. Les chevaux du Nouvel Empire égyptien. Bruxelles: Connaissance de l'Égypte Ancienne, 1991.
Rosenvasser A. Preliminary Report on the Excavations at Aksha by the Franco-Argentine Archaeological Expedition, 1962–63 // Kush. 1964. 12. P. 96–101.
Rosenvasser A. The Stela Aksha 505 and the Cult of Ramesses II as a God in the Army // RIHAO. 1972. 1. P. 99–114.
Rosenvasser A. Aksha: la estela de la "Bendición de Ptah" // RIHAO. 1978. 4. P. 9–61.
Rosenvasser A. Aksha: Otra versión de la "Estela de Kuban" // RIHAO. 5. 1980. 1984. P. 7–28.
Rosenvasser A. Notes relating to Inscriptions found at Aksha // Kush. 1962. 10. P. 116–117.
Roth A. M. Some New Texts of Herihor and Ramesses IV in the Great Hypostyle Hall at Karnak // JNES. 1983. 42. P. 43–53.
Rothenberg B. Pharaonic Copper Mines in South Sinai // IAMS. Institute for Archaeo-Metallurgical Studies. London, 1987. 10/11 (June/December). P. 1–7.
Royal Tombs of the Early Eighteenth Dynasty // MDAIK. 32. 1976. P. 191–206.
Rowton M. B. Comparative Chronology at the Time of Dynasty XIX // JNES. 1960. 19. P. 15–22.
Rowton M. B. The Material from Western Asia and the Chronology of the Nineteenth Dynasty // JNES. 1966. 25. P. 240–258.
Ruffle J., Kitchen K. A. The Family of Urhiya and Yupa, High Stewards of the Ramesseum // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 55–74.
Russmann E. R., Finn D. Egyptian Sculpture. Cairo and Luxor. London: British Museum Publications, 1990.

Ryholt K. S. B. A Reconsideration of some Royal Nomens of the Thirteenth Dynasty // GM. 1990. 119. P. 101–113.
Saad R. M. New Light on Akhenaten's Temple at Thebes // MDAIK. 1967. 22. P. 64–67.
Saad R. The Stelae of Zernikh. Recent Documentation and Information // MDAIK. 1974. 30. P. 215–220.
Saad R., Manniche L. A Unique Offering List of Amenophis IV Recently Found at Karnak // JEA. 1971. 57. P. 70–72.
Sa'ad R., Traunecker C. Textes et reliefs mis au jour dans la grande cour du temple de Karnak (1969) // Kêmi. 1970. 20. P. 165–186.
Sadek A. I. The Amethyst Mining Inscriptions of Wadi el-Hudi. Part I: Text. Part II: Additional Texts, Plates. Warminster: Aris & Phillips, 1980–1985.
Sadr K. L'expansion territoriale de la culture Pan-Grave // Archéologie du Nil Moyen 2. 1987. P. 265–291.
Sadr K. The Medjay in Southern Atbai // Archéologie du Nil moyen 4. 1990. P. 63–86.
Salamé-Sarkis H. Ardata — Ardé dans le Liban-Nord. Une nouvelle cité cananéenne identifiée // Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Beyrouth 47. 1972. P. 121–145.
Salamé-Sarkis H. Matériaux pour une histoire de Batrun // Berytus. Beirut, 1987. 35. P. 101–119.
Saleh A.-A. The *Gnbtyw* of Tuthmosis III's Annals and the South Arabian Geb(b)anitae of the Classical Writers // BIFAO. 1972a. 72. P. 245–262.
Saleh A.-A. Some Problems Relating to the Pwenet Reliefs at Deir el-Bahari // JEA. 58. 1972b. P. 140–158.
Saleh A.-A. Excavations at Heliopolis. Ancient Egyptian Ounû. Vol. I–II (The Site of Tell el-Hisn-Matarîyah). Cairo: Cairo University Faculty of Archaeology, 1981–1983.
Saleh M., Sourouzian H. Die Hauptwerke im Ägyptischen Museum Kairo. Offizieller Katalog. Herausgegeben vom Antikendienst Arabische Republik Ägypten. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1986.
Samson J. Royal Inscriptions from Amarna (Petrie Collection University College, London) // CdE XLVIII. 1973. No. 96. P. 243–250.
Samson J. Royal Names in Amarna History. The Historical Development of Nefertiti's Names and Titles // CdE LI. 1976. No. 101. P. 30–38.
Samson J. Nefertiti's Regality // JEA. 1977. 63. P. 88–97.
Samson J. Amarna. City of Akhenaten and Nefertiti. Nefertiti as Pharaoh. With an Introduction by Professor H. S. Smith. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1978.
Samson J. Akhenaten's Successor // GM. 1979. Heft 32. P. 53–58.
Samson J. Akhenaten's Coregent Ankhkheprure-Nefernefruaten // GM. 1982a. 53. P. 51–54.
Samson J. Nefernefruaten-Nefertiti "Beloved of Akhenaten", Ankhkheprure Nefernefruaten "Beloved of Akhenaten", Ankhkheprure Smenkhkare "Beloved of the Aten" // GM. 1982b. 57. P. 61–67.
Samson J. E. The History of the Mystery of Akhenaten's Successor // L'Égyptologie en 1979. 1982c. 2. P. 291–297.
Samson J. Evidence and Surmise // GM. 1983. 63. P. 65–66.
Sandars N. K. The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean, 1250–1150 B. C. Revised edition. London: Thames and Hudson, 1985.
Sandman M. Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1938.
Satzinger H. Sebekemsauf — ein Fixpunkt? // GM. 1973. Heft 5. S. 17–20.
Satzinger H. Votivstatuen mit Emblemstäben // Acts 1st ICE. S. 565–567.
Sauneron S. Trois personnages du scandal d'Éléphantine // RdE. 1950. 7. P. 53–62.
Sauneron S. Le dégagement du temple d'Esné: mur nord // ASAE. 1952. 52. P. 29–39.
Sauneron S. L'Égyptologie. "Que sais-je?" No 1312. Paris: Presses Universitaires de France, 1968a.

Sauneron S. Quelques monuments de Soumenou au Musée de Brooklyn // Kêmi. 18 (1968b). P. 57–78.
Sauneron S., Sa'ad R. Le démontage et l'étude du IXe pylône à Karnak // Kêmi. 1969. 19. P. 137–178.
Sauneron S., Vérité J. Fouilles dans la zone axiale du IIIe pylône à Karnak II. La statue de famille de Tétiky // Kêmi. 1969. 19. P. 267–276.
Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien: ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik. Lund: Ohlsson, 1941.
Säve-Söderbergh T. The navy of the eighteenth Egyptian dynasty. Uppsala: Lundequistska Bokhandeln; Leipzig: Harrassowitz, 1946.
Säve-Söderbergh T. The Hyksos Rule in Egypt // JEA. 1951. 37. P. 53–71.
Säve-Söderbergh T. The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period // Kush. 4. 1956. P. 54–61.
Säve-Söderbergh T. The Stela of the Overseer of Works Benya, called Pahekmen // Orientalia Suecana. Uppsala, 1960a. 1961. 9. P. 54–61.
Säve-Söderbergh T. The Paintings in the Tomb of Djehuty-hetep at Debeira // Kush. 1960b. 8. P. 25–44.
Säve-Söderbergh T. The Tomb of the Prince of Teh-khet, Amenemhet // Kush. 1963. 11. P. 159–174.
Säve-Söderbergh T. Middle Nubian Sites. Vol. I: Text and Vol. II: Lists and Plates. The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia [Publications], 4/1–2. Partille: Paul Åström Editions, 1989.
Säve-Söderbergh T. Teh-khet. The Cultural and Sociopolitical Structure of a Nubian Princedom in Tuthmoside Times // Egypt and Africa. 1991. P. 186–194.
Säve-Söderbergh T., Troy L. New Kingdom Pharaonic Sites. The Finds and the Sites. Vol. 5:2 (Text) and 5:3 (Lists and Plates). The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia [Publications], 5:2/3. Uppsala: The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia, 1991.
Sayce A. H. Some Old Empire inscriptions from El-Kab // PSBA. 1899. 21. P. 111–114.
Sayed A. M. A. H. Discovery of the Site of the 12th Dynasty Port at Wadi Gawasis on the Red Sea Shore. (Preliminary Report on the Excavations of the Faculty of Arts, University of Alexandria, in the Eastern Desert of Egypt — March 1976) // RdE. 1977. 29. P. 138–178
Sayed A. M. A. H. New Light on the Recently Discovered Port on the Red Sea Shore // CdE LVIII. 1983. Nos. 115–116. P. 23–37.
Scamuzzi E. L'art égyptien au musée de Turin. Paris: Hachette, 1966.
Scandone Matthiae G. Ebla und Aegypten im Alten und Mittleren Reich // Antike Welt, Feldmeilen 13. Heft 1. Mainz am Rhein, 1982. S. 14–17
Scandone Matthiae G. La statuaria regale egiziana del Medio Regno in Siria: motivi di una presenza // Ugarit-Forschungen. 1984. 16. P. 181–188.
Scandone Matthiae G. Un sphinx d'Amenemhat III au Musée d'Alep // RdE. 1989. 40. P. 125–129.
Schaden O. J. Some Observations on the Sea Peoples // Studies in Honor of Tom B. Jones / hrsg. von Marvin A. Powell Jr. und Ronald H. Sack. Kevelaer: Verlag Butzon & Bercker/Neukirchen-Vluyn, Neukirchener Verlag, 1979. P. 143–155.
Schaden O. J. Report on the 1978 Season at Karnak // Newsletter ARCE 127 (Fall 1984). P. 44–64.
Schaefer A. Zur Entstehung der Mitregentschaft als Legitimationsprinzip von Herrschaft // ZÄS. 1986. 113. S. 44–55.
Schäfer H. Amarna in Religion und Kunst. Leipzig: Hinrichs, 1931.
Schaeffer C. F.-A. Ugaritica III. Sceaux et cylindres hittites, épée gravée du cartouche de Mineptah, tablettes chypro-minoennes et d'autres découvertes nouvelles de Ras Shamra. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1956 (египетские предметы: 212–223).

Schaeffer C. F.-A. Une épée de bronze d'Ugarit (Ras Shamra) portant le cartouche de Mineptah // RdÉ. 1957. 11. P. 139–143.
Scharff A. Die Ausgrabung von Kerma // OLZ. 1926. 29. S. 89–98.
Scheepers A. Le voyage d'Ounamon: un texte "littéraire" ou "non-littéraire"? // Amosiadès. Mélanges Vandersleyen, 1992. P. 355–365.
Schenkel W. Frühmittelägyptische Studien. Bonn, 1962.
Schenkel W. Die Bauinschrift Sesostris' I. im Satet-Tempel von Elephantine // MDAIK. 1975. 31. S. 109–125.
Schenkel W. Die Bewässerungsrevolution im Alten Ägypten. Mainz/Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1978.
Schenkel W. Königsmutter *Nfr.w*: Phantom oder Realität // GM. 96. 1987. S. 93–94.
Schenkel W., Sledzianowski B. Ein chronologischer Fixpunkt für die Kunstgeschichte der zweiten Zwischenzeit Ägyptens: *Sbk-m-zꜣw=f* // GM. 1972. Heft 3. S. 21–24.
Schlögl H. A. Eine kolossale Schabti-Figur des Bürgermeisters Kenamun // BSEG. 1983b. 8. S. 91–96.
Schlögl H. A. Echnaton — Tutanchamun. Fakten und Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983a; 4., erweiterte Auflage. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993.
Schlott-Schwab A. Die Ausmasse Ägyptens nach altägyptischen Texten. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1981.
Schmidt J. D. Ramesses II. A Chronological Structure for his Reign. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1973. (Рец.: Kitchen // JEA. 1975. 61. P. 265–270).
Schmitz B. Untersuchungen zum Titel *sꜣ-njśwt* "Königssohn", Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Ägyptologie, 2. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1976.
Schmitz B. Bemerkungen zu einigen königlichen Geschenken // SAK. 1977. 5. S. 213–219.
Schmitz F.-J. Amenophis I. Versuch einer Darstellung der Regierungszeit eines ägyptischen Herrschers der frühen 18. Dynastie. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1978.
Schneider H. D. Gleanings in the Egyptian Collection at Leiden I. Four Stelae // OMRO. 1971. 52. P. 8–21.
Schneider H. D. Maya l'amateur de statues. A propos de trois statues fameuses du Musée de Leyde et d'une sépulture oubliée à Saqqarah // BSFE. No 69 (Mars 1974). P. 20–48.
Schneider H. D. A l'ombre de Toutankhamon // Saqqara. 1990. P. 94–103.
Schneider Th. Asiatische Personennamen in ägyptischen Quellen des Neuen Reiches, Freiburg Schweiz, Universitätsverlag / Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1992.
Scholz P. Fürstin Iti — "Schönheit" aus Punt // SAK. 1984. 11. S. 529–556.
Schoske S. [hrsg.] Abstracts of Papers. Resumées des Communications. Resümees der Referate. Fourth International Congress of Egyptology. Quatrième Congres International d'Egyptologie. Vierter internationaler Ägyptologen-Kongress. Munich-Miinchen, 26 August — 1 September. München: Internationaler Ägyptologen-Verband, 1985.
Schott E. Eine Antef Statuette // Festschrift Elmar Edel. 1979. S. 390–396.
Schott S. Wall Scenes from the Mortuary Chapel of the Mayor Paser at Medinet Habu / transl. by Elizabeth B. Hauser. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1957.
Schott S. Kanais. Der Tempel Sethos I. im Wâdi Mia. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1961.
Schott S. Der Denkstein Sethos' I. für die Kapelle Ramses' I. in Abydos. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.
Schulman A. R. Egyptian Representations of Horsemen and Riding in the New Kingdom // JNES. 1957. 16. P. 263–271.
Schulman A. R. Military Rank, Title and Organization in the Egyptian New Kingdom. Berlin: Verlag Bruno Hessling, 1964a.
Schulman A. R. Some Observations on the Military Background of the Amarna Period // JARCE. 1964b. 3. P. 51–69.

Schulman A. R. Some Remarks on the Alleged “Fall” of Senmū’t // JARCE. 1969–1970. 8. P. 29–48.
Schulman A. R. The Royal Butler Ramessesemperrē’ // JARCE. 1976. 13. P. 117–130.
Schulman A. R. Setau at Memphis // JSSEA. 1977–1978. 8. P. 42–45.
Schulman A. R. ‘Ankhesenamun, Nofretity, and the Amka Affair // JARCE. 1978a. 15. P. 43–48.
Schulman A. R. Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom // JNES. 1979. 38. P. 177–193.
Schulman A. R. Chariots, Chariotry, and Hyksos // JSSEA. 1979–1980. 10. P. 105–153.
Schulman A. R. The *nʿrn* at Kadesh Once Again // JSSEA. 1981. 11. P. 7–19.
Schulman A. R. A Stela of Qudshu from Memphis // BES. 1982a. 4. P. 81–91.
Schulman A. R. The Battle Scenes of the Middle Kingdom // JSSEA. 1982b. 12. P. 165–183.
Schulman A. R. The Nubian War of Akhenaton // L’Égyptologie en 1979. 2. 1982c. P. 299–316.
Schulman A. R. The Royal Butler Ramesses-sami’on // CdE LXI. 1986. No. 122. P. 187–202.
Schulman A. R. The Ubiquitous Senenmut // BES. 1987/88. 9. P. 61–81.
Schulman A. R. Ceremonial Execution and Public Rewards. Some Historical Scenes on New Kingdom Private Stelae, Freiburg Schweiz, Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988a.
Schulman A. R. Memphis 1915–1923: the Trivia of an Excavation // Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. 1988b. P. 81–91.
Schwaller de Lubicz R. A. Le Temple de l’Homme, Apet du Sud à Louqsor. Paris: Caractères, 1958.
Schwaller de Lubicz R. A. Les temples de Karnak. Contribution à l’étude de la pensée pharaonique. Photographies de Georges et Valentine de Miré. Notices, schémas et dessins de Lucie Lamy. Tome 1–2. Paris: Dervy-Livres, 1982.
Schwartz J., Brooks G., Herrmann J. The Merenptah Palace Project of 1983–84 // Expedition. 1984. 26. No. 3. P. 31–36.
Scott G. D. III. Ancient Egyptian Art at Yale. New Haven: Yale University Art Gallery, 1986.
Scranton R. L. Of Myth and Santorin // Studies Hughes. 1976. P. 191–199.
Seele K. C. The coregency of Ramses II with Seti I and the date of the great hypostyle hall at Karnak. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1940.
Seele K. C. Some Remarks on the Family of Ramesses III // Ägyptologische Studien hrsg. von O. Firchow. Hermann Grapow zum 70. Geburtstag gewidmet. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. P. 296–314.
Seele K. C. Ramesses VI and the Medinet Habu Procession of the Princes // JNES. 1960. 19. P. 184–204.
Seidlmayer S. J. Wirtschaftliche und gesellschaftliche Entwicklung im Übergang vom Alten zum Mittleren Reich: Ein Beitrag zur Archäologie der Gräberfelder der Region Qau-Matmar in der Ersten Zwischenzeit // Problems and Priorities. 1987. S. 175–217.
Sethe K. Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht: Texte des Mittleren Reiches / zusammengestellt von Kurt Sethe. Leipzig: Hinrichs, 1924.
Sethe K. Urkunden des ägyptischen Altertums VII. Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches. Leipzig: Hinrichs, 1935.
Settgast J. Einige Skarabäen mit Königsnamen aus Kairiner Privatbesitz // MDAIK. 1962. 18. S. 50–53.
Settgast J. Ein anthropoider Sarkophagdeckel der 19. Dynastie // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 1972. 10. S. 245–248.
Several M. W. Reconsidering the Egyptian Empire in Palestine during the Amama Period // Palestine Exploration Quarterly. London, 1972. 104. P. 123–133.
Seyfried K. -J. Beiträge zu den Expeditionen des Mittleren Reiches in die Ost-Wüste. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1981.
Shaw I. M. E. Egyptian Chronology and the Irish Oak Calibration // JNES. 1985. 44. P. 295–317.

Shaw I., Jameson R. Amethyst Mining in the Eastern Desert: A Preliminary Survey at Wadi el-Hudi // JEA. 1992. 79. P. 81–97.
Shea W. H. A Date for the Recently Discovered Eastern Canal of Egypt // BASOR. No. 226 (April, 1977). P. 31–38.
Shea W. H. The Conquests of Sharuhen and Megiddo Reconsidered // IEJ. 1979. 29. P. 1–5.
Shehata A. Report on the Excavations of the Department of Antiquities at Ezbet Rushdi // ASAE. 1959. 56. P. 207–226.
Shinnie P. L. Trade Routes of the Ancient Sudan 3,000 BC — AD 350 // Egypt and Africa. 1991. P. 49–53.
Silverman D. P. The so-called portal temple of Ramesses II at Abydos // Akten München 1985. 1989. 2. P. 269–277.
Simons J. J. Handbook for the study of Egyptian topographical lists relating to western Asia. Leiden: Brill, 1937.
Simpson W. K. The Single-Dated Monuments of Sesostris I: An Aspect of the Institution of Coregency in the Twelfth Dynasty // JNES. 1956. 15. P. 214–219.
Simpson W. K. Sobkemhet, A Vizier of Sesostris III // JEA. 1957. 43. P. 26–29.
Simpson W. K. A Reconstruction of a Silver and Gold Vessel from Bubastis // AJA. 1958. 62. P. 226.
Simpson W. K. The Vessels with Engraved Designs and the Repoussé Bowl from the Tell Basta Treasure // AJA. 1959a. 63. P. 29–45.
Simpson W. K. The Hyksos Princess Tany // CdE XXXIV. 1959b. No 68. P. 233–239.
Simpson W. K. The vizier Weha'u in Papyrus Lythgoe and Ostr. Moscow 4478 // JEA. 1963. 49. P. 172.
Simpson W. K. Heka-Nefer and the Dynastic Material from Toshka and Arminna. New Haven; Philadelphia: The Peabody Museum of Natural History of Yale University / The University Museum of the University of Pennsylvania, 1963a.
Simpson W. K. Papyrus Reisner I. The Records of a Building Project in the Reign of Sesostris I. Transcription and Commentary. Boston: Museum of Fine Arts, 1963b.
Simpson W. K. Studies in the Twelfth Egyptian Dynasty: I–II // JARCE. 1963c. 2. P. 53–63.
Simpson W. K. Accounts of the Dockyard Workshop at This in the Reign of Sesostris I. Papyrus Reisner II. Transcription and Commentary. Boston: Museum of Fine Arts, 1965a.
Simpson W. K. The Stela of Amun-wosre, Governor of Upper Egypt in the Reign of Ammenemes I or II // JEA. 1965b. 51. P. 63–68.
Simpson W. K. Provenance and date of the stela of Amun-wosre // JEA. 1966. 52. P. 174.
Simpson W. K. Papyrus Reisner III. Transcription and Commentary. Boston: Museum of Fine Arts, 1969a.
Simpson W. K. The Dynasty XIII Stela from the Wadi Hammamat // MDAIK. 1969b. 25. P. 154–158.
Simpson W. K. A Horus-of-Nekhen Statue of Amunhotpe III from Soleb // BMFA. 69. 1971. No. 358. P. 152–164.
Simpson W. K. A Tomb Chapel Relief of the Reign of Amunemhet III and Some Observations on the Length of the Reign of Sesostris III // CdE XLVII. 1972. Nos 93–94. P. 45–54.
Simpson W. K. The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions and Poetry. New Edition. With Translations by R. O. Faulkner, Edward F. Wente, Jr., William Kelly Simpson. New Haven; London: Yale University Press, 1973a.
Simpson W. K. Papyri of the Middle Kingdom // Textes et langages II. 1973b. P. 63–72.
Simpson W. K. The Publication of Texts in Museums: Boston, Museum of Fine Arts // Textes et langages III. 1973c. P. 203–207.
Simpson W. K. The Terrace of the Great God at Abydos: The Offering Chapels of Dynasties 12 and 13. New Haven; Philadelphia: The Peabody Museum of Natural History of Yale University / The University Museum of the University of Pennsylvania, 1974a.

Simpson W. K. A Commemorative Scarab of Amenophis III of the Irrigation Basin/Lake Series from the Levant in the Museum of Fine Arts, Boston, and Remarks on the Two Other Commemorative Scarabs // JEA. 1974b. 60. P. 140–141.
Simpson W. K. Egyptian Statuary of Courtiers in Dynasty 18 // BMFA. 1979. 77. P. 36–49.
Simpson W. K. Papyrus Reisner IV. Personal Accounts of the Early Twelfth Dynasty. Transcription and Commentary. With Indices to Papyri Reisner I–IV and Palaeography to Papyrus Reisner IV. Sections F, G. Prepared by Peter Der Manuelian. Boston: Museum of Fine Arts, 1986.
Simpson W. K. Lepsius Pyramid LV at Dahshur: the Mastaba of Si-Ese, Vizier of Amenemhet II // Pyramid Studies. Essays Edwards. 1988. P. 57–60.
Simpson W. K. Mentuhotep, Vizier of Sesostris I, Patron of Art and Architecture // MDAIK. 1991. 47. P. 331–340.
Singer I. Takuhlinu and Haya: Two Governors in the Ugarit Letter from Tel Aphek // Tel Aviv. 1983. 10. P. 3–25.
Singer I. The Origin of the Sea Peoples and their Settlement on the Coast of Canaan // Society and Economy. 1988. P. 239–250.
Smith G. E. The royal mummies. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1912.
Smith H. S. Kor. Report on the Excavations of the Egypt Exploration Society at Kor, 1965 // Kush. 1966. 14. P. 187–243.
Smith H. S. The Fortress of Buhen. The Inscriptions. London: Egypt Exploration Society, 1976.
Smith H. S., Smith A. A Reconsideration of the Kamose Texts // ZÄS. 1976. 103. P. 48–76.
Smith R. W., Redford D. B. The Akhenaten Temple Project. Vol. 1: Initial Discoveries. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1976.
Smith S. T. A Model for Egyptian Imperialism in Nubia // GM. 1991a. 122. P. 77–102.
Smith S. T. Askut and the Role of the Second Cataract Forts // JARCE. 1991b. 28. P. 107–132.
Smith S. T. The House of Meryka at Askut and the Beginning of the New Kingdom in Nubia // Atti VI Congresso. 1993. II. P. 497–509.
Smith W. S. The Land of Punt // JARCE. 1962. 1. P. 59–61.
Smith W. S. Interconnections in the Ancient Near East. A Study of the Relationships between the Arts of Egypt, the Aegean, and Western Asia. New Haven; London: Yale University Press, 1965.
Smith W. S. The Art and Architecture of Ancient Egypt. Revised with Additions by William Kelly Simpson. Harmondsworth: Penguin Books, 1981.
Smither P. C. The Semnah despatches // JEA. 1945. 31. P. 3–10.
Snape S. R. Ramose Restored: A Royal Prince and His Mortuary Cult // JEA. 1985. 71. P. 180–183.
Sneh A., Weissbrod T., Perath I. Evidence for an Ancient Egyptian Frontier Canal, American Scientist. New Haven, 1975. Conn. 63. P. 542–548.
Solia V. A Group of Royal Sculptures from Abydos // JARCE. 1992. 29. P. 107–122.
Sourouzian H. Henout-mi-Rê, fille de Ramses II et grande épouse du roi // ASAE. 1983. 69. P. 365–371.
Sourouzian H. Les monuments du roi Merenptah. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1989.
Sourouzian H. A Bust of Amenophis II at the Kimbell Art Museum // JARCE. 1991a. 28. P. 55–74.
Sourouzian H. La statue d'Amenhotep fils de Hapou, âgé, un chef-d'oeuvre de la XVIIIe dynastie // MDAIK. 1991b. 47. P. 341–355.
Spalinger A. Some Notes on the Battle of Megiddo and Reflections on Egyptian Military Writing // MDAIK. 1974. 30. P. 221–229.
Spalinger A. A Critical Analysis of the "Annals" of Thutmose III (Stücke V–VI) // JARCE. 1977. 14. P. 41–54.
Spalinger A. A New Reference to an Egyptian Campaign of Thutmose III in Asia // JNES. 1978. 37. P. 35–41.

Spalinger A. J. Egyptian-Hittite Relations at the Close of the Amarna Period and Some Notes on Hittite Military Strategy in North Syria // BES. 1979a. 1. P. 55–89.
Spalinger A. Some Additional Remarks on the Battle of Megiddo // GM. 1979b. Heft 33. P. 47–54.
Spalinger A. J. The Northern Wars of Seti I: An Integrative Study // JARCE. 1979c. 16. P. 29–47.
Spalinger A. Traces of the Early Career of Ramesses II // JNES. 1979d. 38. P. 271–286.
Spalinger A. J. Historical Observations on the Military Reliefs of Abu Simbel and Other Ramesside Temples in Nubia // JEA. 1980a. 66. P. 83–99.
Spalinger A. A Fragmentary Biography // JSSEA. 1979–1980b. 10. P. 215–228.
Spalinger A. Remarks on the Family of Queen *Ḫʿ.s-nbw* and the Problem of Kingship in Dynasty XIII // RdE. 1980c. 32. P. 95–116.
Spalinger A. Considerations on the Hittite Treaty between Egypt and Hatti // SAK. 1981. 9. P. 299–358.
Spalinger A. J. Aspects of the Military Documents of the Ancient Egyptians. New Haven; London: Yale University Press, 1982.
Spalinger A. The Historical Implications of the Year 9 Campaign of Amenophis II // JSSEA. 1983. 13. P. 89–101.
Spalinger A. J. The Will of Senimose // Studien Westendorf. 1984. P. 631–651.
Spalinger A. J. Notes on the Reliefs on the Battle of Kadesh // Perspectives on the Battle of Kadesh. 1985a. P. 1–42.
Spalinger A. J. Remarks on the Kadesh Inscriptions of Ramesses II: The “Bulletin” // Perspectives on the Battle of Kadesh. 1985b. P. 43–75.
Spalinger A. Read the Text // VA. 1987. 3. P. 50–52.
Spalinger A. Some Revisions of Temple Endowments in the New Kingdom // JARCE. 1991. 28. P. 21–39.
Spanel D. B. Beni Hasan in the Herakleopolitan Period, Ph.D. diss. Univ. of Toronto, 1984a.
Spanel D. The Date of Ankhtifi of Mo’alla // GM. 1984b. 78. P. 87–94.
Spanel D. B. Ancient Egyptian Boat Models of the Herakleopolitan Period and Eleventh Dynasty // SAK. 1985. 12. P. 243–253.
Spencer A. J. Excavations at el-Ashmunein. II: The Temple Area. London: Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Publications, 1989.
Spencer A. J., Bailey D. M. British Museum Expedition to Middle Egypt. Ashmunein (1985). London: British Museum, Departments of Egyptian, and Greek and Roman Antiquities, 1986.
Spencer P. The Egyptian Temple. A Lexicographical Study. London: Kegan Paul International, 1984.
Stadelmann R. Ein Beitrag zum Brief des Hyksos Apophis // MDAIK. 1965. 20. S. 62–69.
Stadelmann R. Syrisch-Palästinensische Gottheiten in Ägypten. Leiden: E. J. Brill, 1967.
Stadelmann R. Die Abwehr der Seevölker unter Ramses III // Saeculum. Freiburg; München, 1968. 19. S. 156–171.
Stadelmann R. Eine Stele der späten Ramessidenzeit aus dem Tempel Sethos’ I. in Gurna // MDAIK. 1976. 32. S. 207–215.
Stadelmann R. Die lange Regierung Ramses’ II // MDAIK. 1981. 37. S. 457–463.
Stadelmann R. Die Herkunft der Memnon-Kolosse: Heliopolis oder Aswan? // MDAIK. 1984. 40. S. 291–296.
Stadelmann R. Die ägyptischen Pyramiden. Vom Ziegelbau zum Weltwunder. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985.
Stadelmann R. Ramses II., Harmachis und Hauron // Form und Mass. 1987. S. 436–449.
Stadelmann R. Königliche Votivstelen aus dem Torraum des Totentempels Sethos’ I. in Gurna. Mit einem Beitrag von Jürgen Osing // MDAIK. 1988. 44. S. 255–294.
Staehelin E. Zum Ornat an Statuen regierender Königinnen // BSEG. 1989. 13. S. 145–156.
Stager L. E. Merenptah, Israel and Sea Peoples. New Light on an Old Relief // Eretz-Israel. 18. 1985. P. 56*–64*.

Stasser T. Ahmès Hénout Téméhou: état de la question // Amosiadès. Mélanges Vandersleyen. 1992. P. 367–373.
Steckeweh H. Die Fürstengräber von Qâw. Leipzig: Hinrichs, 1936.
Stein H. E. The Israel Stele // Papers for Discussion. Presented by the Department of Egyptology, Hebrew University, Jerusalem. Vol. I: 1981–1982 / compiled and ed. by Sarah Groll, H. Emily Stein. Jerusalem: The Hebrew University, 1982. P. 156–165.
Steindorff G. Aniba. Bd. 1–2 in 3 Bd. Glückstadt; Hamburg: Augustin, 1935–1937.
Steinmann F. Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reichs. IV. Bemerkungen zur Arbeitsorganisation // ZÄS. 1984. 111. S. 30–40.
Steinmann F. Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reiches. III: Bemerkungen zu den an Titel und Berufsbezeichnungen angeknüpften Angaben über Dienstverhältnisse etc. // ZÄS. 1982. 109. S. 149–156.
Steinmann F. Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reichs. II: Klassifizierung der Berufsbezeichnungen und Titel // ZÄS. 1982. 109. S. 66–72 (2 tables).
Steinmann F. Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reiches // ZÄS. 1980. 107. S. 137–157.
Stewart H. M. Some Pre-'Amārnah Sun-Hymns // JEA. 1960. 46. P. 83–90.
Stewart H. M. Egyptian Funerary Statuettes and the Solar Cult // Bulletin of the Institute of Archaeology. London, 1964. 4. P. 165–170.
Stewart H. M. A Crossword Hymn to Mut // JEA. 1971. 57. P. 87–104.
Stewart H. M. Egyptian Stelae, Reliefs and Paintings from the Petrie Collection. Part One: The New Kingdom. Warminster: Aris and Phillips Ltd., 1976.
Stewart H. M. Egyptian Stelae, Reliefs and Paintings from the Petrie Collection. Part Two: Archaic Period to Second Intermediate Period. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1979.
Stock H. Studien zur Geschichte und Archäologie der 13. bis 17. Dynastie Ägyptens unter besonderer Berücksichtigung der Skarabäen dieser Zwischenzeit. Glückstadt; Hamburg; New York: Augustin, 1942.
Stock H. Die erste Zwischenzeit Ägyptens. Untergang der Pyramidenzeit, Zwischenreiche von Abydos und Herakleopolis, Aufstieg Thebens. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1949.
Stock H. Der Hyksos Chian in Bogazköy // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1963. Nummer 94. S. 73–80.
Störk L. Die Nashörner. Verbreitungs- und kulturgeschichtliche Materialen unter besonderer Berücksichtigung der afrikanischen Arten und des altägyptischen Kulturbereiches. Hamburg: Verlag Born GmbH, 1977.
Störk L. Was störte den Hyksos Apophis am Gebrüll der thebanischen Nilpferde? // GM. 1981. Heft 43. S. 67.
Strange J. Caphtor/Keftiu. A New Investigation. Leiden: E. J. Brill, 1980.
Strauss-Seeber Chr. Zum Statuenprogramm Ramses' II. im Luxortempel // Tempel und Kult. Herausgegeben von Wolfgang Helck. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. S. 24–42.
Strouhal E. Queen Mutnodjmet at Memphis: Anthropological and Paleopathological Evidence // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 317–322.
Stubbing F. H. CAH II, 1, chap. XIV: «The Rise of Mycenaean Civilization»; § III: The Egyptian Connexion; § IV: Danaus and the Hyksos. 1973.
Стучевский И. А. «Первый жрец» Амуна Аменхотеп и Рамсес IX // ВДИ. 1981. № 3 (157). С. 3–20.
Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982; ср. рец. J. J. Janssen. Agrarian Administration, 1986.

Стучевский И. А. (Москва) — «Притеснение» «первого жреца» Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси // ВДИ. 1983. № 1 (163). С. 3–20.
Sturm J. Der Hettiterkrieg Ramses' II. Wien: Ahnenerbe-Stiftung-Verlag, 1939.
Sweeney D. The Great Dedicatory Inscription of Ramses II at Abydos (lines 1–79) // Papers for Discussion. Presented by the Department of Egyptology, Hebrew University, Jerusalem. Vol. II: 1983–1985 / compiled and ed. by Sarah Groll, Frances Bogot. Jerusalem: The Hebrew University, 1985. P. 134–327.
Symons D. Some Cypriot Exports to Egypt? // Report of the Department of Antiquities. Nicosia: Cyprus, 1984. P. 92–95.
Symposia Celebrating the Seventy-Fifth Anniversary of the Founding of the American Schools of Oriental Research (1900–1975) / ed. by Frank Moore Cross. Cambridge Mass.: American Schools of Oriental Research, 1979.
Szafrański Z. E. Problem of Power-Concentration in Hands of One Family in Edfu at the Time of Sobekhetep IV. Genealogical Tree — Preliminary Study // L'Égyptologie en 1979. 1982. 2. P. 173–175.
Szafrański Z. E. Buried Statues of Mentuhotep II Nebhepetre and Amenophis I at Deir el-Bahari // MDAIK. 1985. 41. P. 257–263.
Szafrański Z. E. Observations on the Second Intermediate Period Relief // Festschrift von Beckerath. 1990. P. 245–251.
Tait W. J. Game-Boxes and Accessories from the Tomb of Tut'ankhamūn. Oxford: The Griffith Institute, 1982.
Tawfik S. Aton Studies // MDAIK. 1973. 29. P. 77–86.
Tawfik S. Aton Studies // MDAIK. 1975. 31. P. 159–168.
Tawfik S. Aton Studies. 5. Cult Objects on Blocks from the Aton Temple(s) at Thebes // MDAIK. 1979. 35. P. 335–344.
Tawfik S. Aton Studies. 6. Was Nefernefruaten the Immediate Successor of Akhenaten? // MDAIK. 1981. 37. P. 469–473.
Tawfik S. Tutanchamuns Grab. Provisorium oder kunstvolles Novum? // Studien Westendorf. 1984. P. 1131–1139.
Taylor J. H. Aspects of the History of the Valley of the Kings in the Third Intermediate Period // After Tutankhamun. 1992. P. 186–206.
Tefnin R. La date de la statuette de la dame Toui au Louvre // CdE XLVI. 1971. No. 91. P. 35–49.
Tefnin R. Contribution à l'iconographie d'Aménophis I: la statuette 42.099 du Musée du Caire // AIPHOS. Vol. 20. (1968–1972). Dedié à la mémoire de Jacques Pirenne. Bruxelles, 1973a. P. 433–437.
Tefnin R. L'an 7 de Touthmosis III et d'Hatshepsout // CdE XLVIII. 1973b. No. 96. P. 232–242.
Tefnin R. La chapelle d'Hathor du temple d'Hatshepsout à Deir el-Bahari. La recherche de l'harmonie dans l'architecture égyptienne // CdE. L. 1975. Nos. 99–100. P. 136–150.
Tefnin R. La statuaire d'Hatshepsout. Portrait royal et politique sous la 18e Dynastie. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1979.
Tefnin R. Image, écriture, récit. A propos des représentations de la bataille de Qadesh // GM. 1981. Heft 47. P. 55–78.
Tefnin R. Une statue de reine British Museum et Karnak et les paradoxes du portrait égyptien // JEA. 1983. 69. P. 96–107.
Tefnin R. Lecture d'un espace architectural. Un fragment du temple d'Hatshepsout à Deir el-Bahari // CdE LX. 1985. Nos. 119–120. P. 303–321.
Terrace E. L. B. Egyptian Paintings of the Middle Kingdom. The Tomb of Djehuty-nekht. New York: George Braziller, 1968.
Terrace E. L. B., Fischer H. G. Treasures of Egyptian Art from the Cairo Museum. Boston: Museum of Fine Arts, distributed by New York Graphic Society Ltd., Greenwich, Connecticut, 1970.

Thabit H. T. Tomb of Djehuty-hetep (Tehuti Hetep), Prince of Serra // Kush. 1957. 5. P. 81–86.
Thausing G. Die österreichische Ausgrabungen im Asasif // Österreichische Hochschulzeitung. Wien, 15 Juni 1971. S. 5–6.
Thausing G., Goedicke H. Nofretari. Eine Dokumentation der Wandgemälde ihres Grabes. Einleitung und Kommentar. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1971.
The City of Akhenaten Part I. Excavations of 1921 and 1922 at el-Amameh. Th. E. Peet et L. Wooley. London: Egypt Exploration Society, 1923.
The city of Akhenaten. Part II. The North Suburb and the Desert Altars, H. Frankfort et J. D. S. Pendlebury. London: Egypt Exploration Society, 1933.
The Excavations at Malkata-South 1972–1980 / ed. by Waseda University Egypt Archaeological Mission. Tokyo: Waseda University, 1985.
The Luxor Museum of Ancient Egyptian Art. Catalogue. Cairo: American Research Center in Egypt, 1979.
Thebes. La vallée des Reines, La vallée des Rois, Les tombes des nobles thébains. Dijon, 1990. Les Dossiers de l'archéologie, n° 149–150.
Théodorides A. Le rôle du Vizir dans la Stèle Juridique de Karnak // RIDA. 1962. 9. P. 45–135.
Théodorides A. Le "testament" de Naunakhte // RIDA. 1966. 13. P. 31–70.
Théodorides A. Les Égyptiens anciens, "citoyens", ou "sujets de Pharaon"? // RIDA. 1973. 20. P. 51–112.
Théodorides A. Les relations de l'Egypte pharaonique avec ses voisins // RIDA. 1975. 22. P. 87–140.
Thera and the Aegean World III. Vol. I: Archaeology; vol. II: Earth Sciences; vol. III. Chronology (Proceedings of the Third International Congress, Santorini, Greece, 1989). London, 1990.
The Temple of Queen Hatshepsut. Results of the Investigations and Conservation Works of the Polish-Egyptian Archaeological Mission 1972–1973. Warsaw: PKZ, 1980.
Thomas A. P. Two Monuments from Abydos in Bolton Museum // Glimpses of Ancient Egypt. 1979. P. 20–25.
Thomas A. P. Gurob: A New Kingdom Town. Vol. I: Introduction and Catalogue of Objects in the Petrie Museum. Vol. II: Plates. Warminster: Aris & Phillips, 1981.
Thomas E. The Royal Theban Necropoleis. Princeton, 1966.
Thomas E. The Tomb of Queen Ahmose (?) Merytamen, Theban Tomb 320 // Serapis. 1980. 6. P. 171–182.
Thomson J. K. A Statue of Prehirwenmef, son of Ramesses II // JEA. 1987. 73. P. 220–224.
Tietze Chr. Amarna. Analyse des Wohnhäuser und soziale Struktur der Stadtbewohner // ZÄS. 1985. 112. S. 48–84.
Tietze Chr. Amarna (Teil II). Analyse der ökonomischen Beziehungen der Stadtbewohner // ZÄS. 1986. 113. S. 55–78.
Tosi M., Roccati A. Stela e altre epigrafi di Deir el Medina n. 50001 — n. 50262. Torina: Edizioni d'Arte Fratelli Pozzo, 1972.
Toutankhamon et son temps. Petit Palais, Ville de Paris, Ministère d'État Affaires Culturelles, 1967.
Trad M., Mahmud A. Varia Musée du Caire: 2 — Another Commemorative Lion-hunt Scarab of Amenophis III // ASAE. 1984–1985. 70. P. 359–361.
Traunecker C. Rapport préliminaire sur la chapelle de Sésostris Ier découverte dans le IXe pylône // Karnak. 1982a. VII. P. 121–126.
Traunecker C. Annexe No. 2. Estimation des dimensions de l'obélisque ouest du VIIe pylône // Karnak. VII. 1982b. S. 203–208.
Traunecker C. Données nouvelles sur le début du règne d'Aménophis IV et son oeuvre à Karnak // JSSEA. 1984. 14. P. 60–69.
Traunecker C. Aménophis IV et Néfertiti. Le couple royal d'après les talatates du Ixe pylône de Karnak // BSFE. Octobre 1986. 107. P. 17–44.

Traunecker C. Les dieux de l'Égypte, Que sais-je?, 1194. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
Traunecker C., Golvin J.-C. Karnak. Résurrection d'un site. Fribourg (Suisse): Office du Livre, 1984.
Traunecker C., Traunecker F. Sur la salle dite "du couronnement" à Tell-el-Amarna // BSEG. 1984–85. 9–10. P. 285–307.
Trigger B. Nubia under the Pharaohs. London: Thames and Hudson, 1976.
Trigger B. G., KEMP B. J., O'Connor D., Lloyd A. B. Ancient Egypt. A Social History. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
Troy L. One Merytamun Too Many. An Exercise in Critical Method // GM. 1981. Heft 50. P. 81–96.
Troy L. Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History. Uppsala, 1986.
Tufnell O. Studies on Scarab Seals. Vol. II: Scarab Seals and their Contribution to History in the Early Second Millennium B.C. With Contributions by G. T. Martin and William A. Ward. Part 1: Text, Part 2: Inventory — Plates — Index. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1984.
Тутанхамон и его время / под ред. И. Е. Данилова, И. С. Кацнельсон. М., 1976.
Tylor J. J. Wall drawings and monuments of El Kab. The Tomb of Sebeknekht. London: Egypt Exploration Fund, 1896.
Uphill E. P. The Office *sḏꜣwty bity* // JEA. 1975. 61. P. 250.
Uphill E. P. The Temples of Per Ramesses. Warminster: Aris & Phillips, 1984.
Valbelle D. Satis et Anoukis. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1981.
Valbelle D. "Les ouvriers de la tombe". Deir el-Médineh à l'époque ramesside. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1985.
Valbelle D. Les neuf arcs. L'égyptien et les étrangers de la préhistoire à la conquête d'Alexandre. Paris: Armand Colin, 1990.
Valloggia M. Remarques sur les noms de la reine Sébek-Ka-Rê Néferou Sébek // RdE. 1964. 16. P. 45–53.
Valloggia M. Les vizirs des XIe et XIIe dynasties // BIFAO. 1974. 74. P. 123–134.
Valloggia M. Recherche sur les "messagers" (*wpwtyw*) dans les sources égyptiennes profanes. Genève; Paris: Librairie Droz, 1976.
Valloggia M. This sur la route des Oasis // Bulletin du centenaire. 1981. P. 185–190.
van den Boorn G. P. F. The Duties of the Vizier. Civil Administration in the Early New Kingdom. London; New York: Kegan Paul International, 1988.
Vandersleyen C. Une tempête sous le règne d'Amosis // RdE. 1967. 19. P. 123–159.
Vandersleyen C. Deux nouveaux fragments de la stèle d'Amosis relatant une tempête // RdE. 1968a. 20. P. 127–134.
Vandersleyen C. Un titre du vice-roi Mérimose à Silsila // CdE XLIII. No 86. 1968b. P. 234–258.
Vandersleyen C. Des obstacles que constituent les cataractes du Nil // BIFAO. 1971. 69. P. 253–266.
Vandersleyen C. Les "démonstratifs" dans l'inscription d'Ahmès fils d'Abana à Elkab // CdE XLV. 1970. No 89. P. 68–75.
Vandersleyen C. Les guerres d'Amosis. Fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1971.
Vandersleyen C. Objectivité des portraits égyptiens // BSFE. No. 73 (Juin 1975). P. 5–27.
Vandersleyen C. Aménophis III incarnant le dieu Neferhotep // Miscellanea Vergote. 1976. P. 535–542.
Vandersleyen C. Une stèle de l'an 18 d'Amosis à Hanovre // CdE LII. 1977. No. 104. P. 223–244.
Vandersleyen C. // DE l'usage du relief dans le creux à l'époque ramesside // BSFE. No. 86 (octobre 1979a). P. 16–38.
Vandersleyen C. Sur quelques statues usurpées par Ramsès II (British Museum 61 et Louvre A 20) // Acts 1st ICE. 1979b. P. 665–669.

Vandersleyen C. La statue d'Amenophis I (Turin 1372) // Oriens Antiquus. 1980a. 19. P. 133–137.
Vandersleyen C. Les deux Ahhotep // SAK. 1980b. 8. P. 237–241.
Vandersleyen C. Sources égyptiennes pour l'Éthiopie des Grecs // Bulletin du centenaire. 1981. P. 191–195.
Vandersleyen C. Un seul roi Taa sous la 17e dynastie // GM. 1983a. 63. P. 67–70.
Vandersleyen C. L'identité d'Ahmès Sapaïr // SAK. 1983b. 10. P. 311–324.
Vandersleyen C. Amarnismes: le "disque" d'Aton, le "roi" asexué // CdE LIX. 1984. No. 117. P. 5–13.
Vandersleyen C. L'iconographie de Toutankhamon et les effigies provenant de sa tombe // BSEG. 1984–85. 9–10. P. 309–321.
Vandersleyen C. Le Dossier Egyptien des Philistins // The Land of Israel. 1985. P. 39–54.
Vandersleyen C. Le sens de Ouadj-our (*W3ḏ-wr*) // Akten München. 1985. 4. 1991. P. 345–352.
Vandersleyen C. Ouadj-Our ne signifie pas "mer": qu'on se le dise! // GM. 1988. 103. P. 75–80.
Vandersleyen C. Les deux jeunesses d'Amenhotep III // BSFE. 111 (Avril 1988a). P. 9–30.
Vandersleyen C. Pount sur le Nil // DE. 1988b. 12. P. 75–80.
Vandersleyen C. Suggestion sur l'origine des Πέρσαι, τῆς ἐπιγονῆς // Proceedings of the XVIII International Congress of Papyrology. Basil G. Mandilaras, ed. Vol. 2. Athens, 1988c. P. 191–201.
Vandersleyen C. Le jardin de Mentouhotep // BSEG. 1989a. 13. P. 161–163.
Vandersleyen C. Les inscriptions 114 et 1 du Ouadi Hammamât (11e dynastie) // CdE. 1989b. 64. P. 148–158.
Vandersleyen C. Ankhesenamon et le naos doré (C 108) // GM. 1990a. 119. P. 127–128.
Vandersleyen C. The Sculpture in the Round of Amenhotep III: Types and Purposes // The Art of Amenhotep III. 1990b. P. 1–8.
Vandersleyen C. Royal Figures from Tut'ankhamūn's Tomb: Their Historical Usefulness // After Tutankhamun. 1992. P. 73–84.
Vandersleyen C. Inepou; un terme désignant le roi avant qu'il ne soit roi // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy, 1992b. P. 563–566.
Vandersleyen C. L'Histoire de l'Art au service de l'Histoire // Atti VI Congresso. I. 1993. P. 629–633.
Vandersleyen C. Le nez de Touthmosis III // Individu, société et spiritualité. Mélanges Théodoridès. 1993a. P. 257–262.
Vandersleyen C. Les scènes de lamentation des chambres alpha et gamma dans la tombe d'Akhénaton // RdE 44. 1993b. P. 192–194.
Vandersleyen C. Rahotep, Sébekemsaf Ier et Djéhouty, rois de la 13e dynastie // RdE. 1993c. 44. P. 189–191.
Vandersleyen C. La localisation de Naharina // OLP. 1994a. 25. P. 27–35.
Vandersleyen C. L'Asie des Egyptiens: Babylone, Assour, la Crète, Chypre // OLP. 1994a. 25. P. 37–47.
Vandersleyen C. La Titulature de Mentouhotep II // Essays in Egyptology in honor of Hans Goedicke / ed. by Betsy M. Bryan and David Lorton. San Antonio: Van Siclen Books, 1994c. P. 317–320.
Vandersleyen C. L'Euphrate, Aram Naharaïm et la Bible // Le Muséon: revue d'études orientales. 107. Louvain, 1994d. P. 5–15.
Vandersleyen C. Ramsès II admirait Sésostris Ier // Chief of Seers. Egyptian Studies in Memory of Cyril Aldred / ed. by Elizabeth Goring, Nicholas Reeves, and John Ruffle. London; New York: Kegan Paul International, in Association with National Museums of Scotland, Edinburgh, 1997. P. 285–290.
Vandersleyen C. Emheb, le prince nubien qui jouait du tambour // Hommages à Jean Leclant. Vol. 2: Nubie, Soudan, Éthiopie. Contributions réunies par Catherine Berger, Gisèle Clerc et Nicolas Grimal. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1994. P. 399–402.

van de Walle B. Précisions nouvelles sur Sobek-Hotep, fils de Min // RdE. 1963. 15. P. 77–85.
van de Walle B. La princesse Isis, fille et épouse d'Aménophis III // CdE XLIII. 1968. No 85. 36–54
van de Walle B. La statue-bloc du "Directeur des Travaux" Hor (MMA, Ny, 23.8) // ZÄS. 1971. 97. P. 130–140.
Vandier J. Nouvelles acquisitions. Musée du Louvre. Département des Antiquités Égyptiennes // Revue du Louvre. 1922. 22. P. 89–102.
Vandier J. La famine dans l'Égypte ancienne. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1936.
Vandier J. Mo'alla. La tombe d'Ankhtifi et la tombe de Sébekhotep. Aquarelles de Youssef Khafaga, Dessins de J. Vandier-d'Abbadie. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1950.
Vandier J. Manuel d'Archéologie Egyptienne, 6 vol. Paris: Éditions A. et J. Picard, 1954–1978.
Vandier J. Une inscription historique de la première période intermédiaire // Studies in Egyptology and Linguistics in honour of H. J. Polotsky. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1964. P. 9–16.
Vandier J. Une statuette de la reine Tiy // Fondation Eugène Piot. Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1965. 54. P. 7–23.
Vandier J. Toutânkhamon, sa famille, son règne // Journal des Savants. Paris, 1967. P. 65–91.
Vandier J. La statue d'un grand prêtre de Mendès // JEA. 1968a. 54. P. 89–94.
Vandier J. Nouvelles acquisitions. Musée du Louvre. Département des antiquités égyptiennes // Revue du Louvre. 1968. 18. P. 95–108.
Vandier J. Une statue présumée du nomarque de Siout, Hâpidjéfa // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1971a. P. 356–375.
Vandier J. Ramsès-Siptah // RdE. 1971b. 23. P. 165–191
van Dijk Jac. The Luxor Building Inscription of Ramesses III // GM. 1979. Heft 33. P. 19–29.
van Dijk Jac. The Development of the Memphite Necropolis in the Post-Amarna Period // Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. 1988a. P. 37–46.
van Dijk Jac. The symbolism of the Memphite Djed-pillar // OMRO. 1986b. 66. P. 7–20.
van Dijk Jac. The Overseer of the Treasury Maya: a biographical sketch // OMRO. 1990. 70. P. 23–28.
van Dijk Jac., Eaton-Krauss M. Tutankhamun at Memphis // MDAIK. 1986. 42. P. 35–41.
Vanlathem M.-P. Le temple périptère de Thoutmosis III à Elkab // CdE LXII. 1987. Nos. 123–124. P. 30–37.
van Rinsveld B. Le dieu-faucon égyptien des Musées Royaux d'Art et d'Histoire // BMRAH. 1991. 62. P. 15–45.
Vanschoonwinkel J. Datation de l'éruption minoenne de Théra (Santorin). // Pact. Revue du Groupe européen d'études pour les techniques physiques, chimiques et mathématiques appliquées à l'archéologie chimiques et mathématiques appliquées à l'archéologie, 25. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1990. P. 117–124.
Vanschoonwinkel J. Mopsos: légendes et réalité, Hethitica X, Bibliothèque des cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. 1990a. P. 185–211.
van Seters J. A Date for the "Admonitions" in the Second Intermediate Period // JEA. 1964. 50. P. 13–23.
van Seters J. The Hyksos. A New Investigation. New Haven; London: Yale University Press, 1966.
van Siclen III Ch. C. The Accession Date of Amenhotep III and the Jubilee // JNES. 1973. 32. P. 290–300.
van Siclen III Ch. C. A Ramesside Ostracon of Queen Isis // JNES. 1974. 33. P. 150–153.
van Siclen III Ch. C. The Temple of Meniset at Thebes // Serapis. 1980. 6. P. 183–207.
van Siclen III Ch. C. The Chapel of Sesostris III at Uronarti. San Antonio: Texas, privately published, 1982a.

van Siclen III Ch. C. Two Theban Monuments from the Reign of Amenhotep II. San Antonio: Texas, (privately published), 1982b.
van Siclen III Ch. C. Trois commentaires sur les ostraca de Deir el-Bahari // RdE. 1982–1983. 34. P. 140–142.
van Siclen III Ch. C. The So-Called Gateway of Tuthmosis I at Karnak North // GM. 1984. 80. P. 83.
van Siclen III Ch. C. The Alabaster Shrine of King Amenhotep II. San Antonio: Van Siclen Books, 1986a.
van Siclen III Ch. C. Amenhotep II's Bark Chapel for Amun at North Karnak // BIFAO. 1986b. 86. P. 353–359.
van Siclen III Ch. C. A New Document for Senenmut // VA. 1986c. 2. P. 151–154.
van Siclen III Ch. C. Three Blocks of Amenhotep III from Medinet Habu // VA. 1986d. 2. P. 189–206.
van Siclen III Ch. C. The Building History of the Tuthmosid Temple at Amada and the Jubilees of Tuthmosis IV // VA. 1987a. 3. P. 53–66.
van Siclen III Ch. C. An Obelisk of Tuthmosis III from El Kab Restored // VA. 1987b. 3. P. 135.
van Siclen III Ch. C. Amenhotep II and the Mut Temple Complex at Karnak // VA. 1987c. 3. P. 281–282.
van Siclen III Ch. C. New Data on the Date of the Defacement of Hatshepsut's Name and Image on the Chapelle Rouge // GM. 1989. 107. P. 85–86.
van Siclen III Ch. C. Egyptian Antiquities in South Texas. Part 2: A Kohl Jar of Queen Meresger // VA. 1992. 8. P. 29–32.
Varille A. L'hymne au soleil des architectes d'Aménophis III Souti et Hor // BIFAO. 1942. 41. P. 25–30.
Varille A. Inscriptions concernant l'architecte Amenhotep fils de Hapou. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1968.
Vaumas É. de. Sur le mouvement tournant effectué par Ramsès II à la veille de la bataille de Qadesh // Mélanges Dunand II. 1970–1971. P. 51–67.
Vaux R. de. Les Hurrites de l'histoire et les Horites de la Bible // Revue Biblique 74. Paris, 1967. P. 481–503.
Ventura R. More Chronological Evidence from Turin Papyrus Cat. 1907 + 1908 // JNES. 1983. 42. P. 271–277.
Ventura R. Living in a City of the Dead. A Selection of Topographical and Administrative Terms in the Documents of the Theban Necropolis. Freiburg: Schweiz, Universitätsverlag / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986.
Ventura R. On the Location of the Administrative Outpost of the Community of Workmen in Western Thebes // JEA. 1987. 73. P. 149–160.
Ventura R. The Largest Project for a Royal Tomb in the Valley of the Kings // JEA. 1988. 74. P. 137–156.
Vercoutter J. Les Haou-nebout ( ) // BIFAO. 1947. 46. P. 125–158; BIFAO. 1949. 48. P. 107–209.
Vercoutter J. New Egyptian Texts from the Sudan // Kush. 1956. 4. P. 66–82.
Vercoutter J. Upper Egyptian Settlers in Middle Kingdom Nubia (Stelae Khartoum Mus. 11778, 372 A and 2647, Statue Khartoum Mus. 5516) // Kush. 1957. 5. P. 61–69.
Vercoutter J. The Gold of Kush. Two Gold-washing Stations at Faras East // Kush. 1959. 7. P. 120–153.
Vercoutter J. Preliminary Report of the Excavations at Aksha by the Franco-Argentine Archaeological Expedition, 1961 // Kush. 1962. 10. P. 109–116.
Vercoutter J. Excavations at Aksha, September 1961- January 1962 // Kush. 1963. 11. P. 131–139.
Vercoutter J. Semna South Fort and the Records of Nile Levels at Kumma // Kush. 1966a. 14. P. 125–164.

Vercoutter J. Le cimetière “Kerma” de Mirgissa // Mélanges offerts à Kazimierz Michalowski. Warszawa, 1966b. P. 205–216.
Vercoutter J. Mirgissa I. Paris: Direction Générale des Relations Culturelles, Scientifiques et Techniques, Ministère des Affaires Étrangères avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique, 1970.
Vercoutter J. Une campagne militaire de Séti I en Haute Nubie. Stèle de Saï S. 579 // RdE. 1972. 24. P. 201–208.
Vercoutter J. La XVIIIe dynastie à Saï et en Haute-Égypte // CRIPEL. 1973. 1. P. 7–38.
Vercoutter J. État des recherches à Saï // BSFE. No 70–71 (Juin et Octobre 1974a). P. 28–36.
Vercoutter J. Saï 1972–1973 // CRIPEL. 1974b. 2. P. 11–26.
Vercoutter J. Mirgissa II. Les nécropoles. Paris: Direction Générale des Relations Culturelles, Scientifiques et Techniques, avec la collaboration du Centre National de la Recherche Scientifique, 1975a.
Vercoutter J. Le roi Ougaf et la XIIIe dynastie sur la IIme, Cataracte (Stèle de Mirgissa IM.375) // RdE. 1975b. 27. P. 222–234.
Vercoutter J. Mirgissa III. Les nécropoles de Mirgissa. Deuxième Partie. Études Anthropologiques. Études Archéologiques. Paris: Direction Générale des Relations Culturelles, Scientifiques et Techniques avec la collaboration du Centre National de la Recherche Scientifique, 1976a.
Vercoutter J. Égyptologie et climatologie. Les crues du Nil à Semneh // CRIPEL. 4. 1976b. P. 139–172.
Vercoutter J. Les poids de Mirgissa et le “standard-cuivre” au Moyen Empire // Ägypten und Kusch. 1977. P. 437–445.
Vercoutter J. Le pays Irem et la pénétration égyptienne en Afrique (stèle de Saï S. 579) // Livre du centenaire. 1980. P. 157–178.
Vercoutter J. Les “Affamés” d’Ounas et le changement climatique de la fin de l’Ancien Empire // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 327–337.
Vercoutter J. Préface // Gratien B. Saï I: La nécropole Kerma. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1986.
Vercoutter J. A propos des *Mni* = Ménès // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 1025–1032.
Vercoutter J. L’Égypte et la Vallée du Nil. Tome 1: Des origines à la fin de l’Ancien Empire. 12000–2000 av. J.-C. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
Vercoutter J., Leclant J., Snowden F. M., Jr., Desanges J. The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the Fall of the Roman Empire. New York: William Morrow and Company, Inc., 1976.
Vergnieux R. Recherches sur les monuments thébains d’Amenophis IV à l’aide d’outils informatiques. Univ. Lyon II, 1992 (неизданная диссертация).
Vergote J. Joseph en Égypte. Genèse chap. 37–50 à la lumière des études égyptologiques récentes. Louvain; Leuven: Publications Universitaires / Instituut voor Oriëntalisme, 1959.
Vergote J. Toutankhamon dans les archives hittites. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1961.
Vergote J. Le Roi Moiris-Marēs // ZÄS. 1962. 87. P. 66–76.
Verner M. Periodical Water-Vol. Fluctuations of the Nile // Archív Orientální. Praha, 1972. 40. P. 105–123.
Vernus P. La stèle C 3 du Louvre // RdE. 1973. 25. P. 217–234.
Vernus P. Une formule des shaouabtis sur un pseudo-naos de la XIIIe dynastie // RdE. 1974a. 26. P. 100–114.
Vernus P. Sur une formule des documents judiciaires de l’époque ramesside // RdE. 1974b. 26. P. 121–123.
Vernus P. Un texte oraculaire de Ramsès VI // BIFAO. 1975. 75. P. 103–110.
Vernus P. Les Hurrites dans les sources égyptiennes // Problèmes concernant les Hurrites. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1977 (= Publications de l’URA, 8). P. 41–49.

Vernus P. Athribis. Textes et documents relatifs à la géographie, aux cultes et à l'histoire d'une ville du Delta égyptien à l'époque pharaonique. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 1978.
Vernus P. L'apport des sources égyptiennes au problème hurrite // Revue hittite et asianique. Paris, 1978. 36. P. 199–204.
Vernus P. Un décret de Thoutmosis III relatif à la santé publique (P.Berlin 3049, vo XVIII–XIX) // Orientalia. 1979. 48. P. 176–184.
Vernus P. La stèle du roi Sekhemsankhtaouyrê Neferhotep Iykhernofret et la domination Hyksôs (stèle Caire JE 59635) // ASAE. 1982. 68. P. 129–135.
Vernus P. Sur deux inscriptions du Moyen Empire (Urk. VII, 36; Caire JE 51911) // BSEG. 13. 1989a. P. 173–181.
Vernus P. A propos de la stèle du pharaon *Mnṯw-ḥtpi* // RdE. 1990. 41. P. 221.
Vernus P. La date du Paysan Eloquent // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 1033–1047.
Vernus P. Affaires et scandales sous les Ramsès. La crise des valeurs dans l'Égypte du Nouvel Empire. Paris: Pygmalion/ Gérard Watelet, 1993.
Vernus P., Yoyotte J. Les Pharaons. Paris, 1988.
Vikentiev Vl. La traversée de l'Oronte. La chasse et la veillée de nuit du pharaon Aménophis II, d'après la grande stèle de Mit-Rahineh // BIE. 1949. 30. P. 251–307.
Vila A. L'armement de la forteresse de Mirgissa-Iken // RdE. 1970. 22. P. 171–199.
Vila A. La prospection archéologique de la Vallée du Nil au sud de la cataracte de Dal (Nubie Soudanaise). Fascicules 1–15. Paris: CNRS, 1975–1985.
Vincentelli I., Tiradritti F. La Presenza Egea in Egitto // Marazzi M., Tusa S., Vagnetti L., eds. Traffici Micenei nel Mediterraneo. Problemi storici e documentazione archeologica. Taranto, 1986. P. 327–334.
Виноградов И. В. О так называемых «держателях земли» в папирусе Вильбур // ВДИ. 1969a. № 1 (107). С. 31–44.
Виноградов И. В. Качественное определение земли по материалам папируса Вильбур // ВДИ. 1969b. № 4 (110). С. 18–23.
Vittmann G. Nochmals zur Datierung der Wiener Statue des Sebekemsaf // GM. 1973. Heft 5. S. 39–42.
Vittmann G. Was there a Coregency of Ahmose with Amenophis I? // JEA. 1974. 60. P. 250–251.
Vittmann G. (Bibliographie) // AfO 29–30, 1983–1984, 498–593 (1980–1981); AfO 31, 1984, 342–396 (1982); AfO 33, 1986, 406–487 (1983).
von Beckerath J. Tanis und Theben. Historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten. Glückstadt: J. J. Augustin, 1951.
von Beckerath J. Notes on the Viziers 'Ankhu and 'Iymeru in the Thirteenth Egyptian Dynasty // JNES. 1958. 17. P. 263–268.
von Beckerath J. Die Könige mit dem Thronnamen *sḫm-rˁ ḫw-tꜣwj* // ZÄS. 1959. 84. S. 81–85.
von Beckerath J. Untersuchungen zur politischen Geschichte der Zweiten Zwischenzeit in Ägypten. Glückstadt; New York: J. J. Augustin, 1965.
von Beckerath J. Zur Begründung der 12. Dynastie durch Ammenemes I // ZÄS. 1965. 92. S. 4–10.
von Beckerath J. Die Dynastie der Herakleopoliten (9./10. Dynastie) // ZÄS. 1966. 93. S. 13–20.
von Beckerath J. Ein Denkmal zur Genealogie der XX. Dynastie // ZÄS. 1971. 97. S. 7–12.
von Beckerath J. Die Chronologie der XII. Dynastie und das Problem der Behandlung gleichzeitiger Regierungen in der ägyptischen Überlieferung // SAK. 1976. 4. S. 45–57.
von Beckerath J. Nochmals die Regierungsdauer des Haremhab // SAK. 1978. 6. S. 43–49.
von Beckerath J. Ein Wunder des Amun bei der Tempelgründung in Karnak // MDAIK. 1981. 37. S. 41–49.
von Beckerath J. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1984a.
von Beckerath J. Drei Thronbesteigungsdaten der XX. Dynastie // GM. 1984b. 79. S. 7–9.

von Beckerath J. Eine Bemerkung zu der vermuteten Koregenz Amenophis' III. und IV // GM. 1984c. 83. S. 11–12.
von Beckerath J. Noch einmal zu den Bezugspunkten der Sothisdaten // GM. 1984d. 83. S. 13–15.
von Beckerath J. Bemerkungen zum Problem der Thronfolge in der Mitte der XX. Dynastie // MDAIK. 1984e. 40. S. 1–5.
von Beckerath J. Bemerkungen zum Turiner Königspapyrus und zu den Dynastien der ägyptischen Geschichte // SAK. 1984f. 11. S. 49–57.
von Beckerath J. Das Kalendarium des Papyrus Ebers und das Sothisdatum vom 9. Jahr Amenophis' I // SAK. 1987. 14. S. 27–33.
von Beckerath J. Nochmals zur Regierung Tuthmosis' II // SAK. 1990. 17. S. 65–74.
von Beckerath J. Gedanken zu den Daten der Sed-Feste // MDAIK. 1991. 47. S. 29–33.
von Beckerath J. Zur Regierung Sethnachtes // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy. 1992. S. 63–67.
von der Way T. Die Textüberlieferung Ramses' II. zur Qadeš-Schlacht. Analyse und Struktur. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1984.
von Falck M., Klie S., Schulz A. Neufunde ergänzen Köningsnamen eines Herrschers der 2. Zwischenzeit // GM. 1985. 87. S. 15–23.
Vycichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven: Peeters, 1983.
Vycichl W. Le nom des Hyksos // BSEG. 1982. No. 6. P. 103–111.
Wachsmann Sh. Aegeans in the Theban Tombs. Leuven: Uitgeverij Peeters, 1987.
Wahbah G. Two Ramesside Blocks Discovered on Philae // MDAIK. 1978. 34. P. 181–183.
Wainwright G. A. Meneptah's Aid to the Hittites // JEA. 1960. 46. P. 24–28.
Wainwright G. A. Some Sea-Peoples // JEA. 1961. 47. 71–90.
Wainwright G. A. The Meshwesh // JEA. 1962. 48. P. 89–99.
Wainwright G. A. Abimilki's news of the Danuna // JEA. 1963. 49. P. 175–176.
Walberg G. The Tod Treasure and Middle Minoan Absolute Chronology // Opuscula Atheniensia. Stockholm, 1984. 15. P. 173–177.
Wall Paintings of the Tomb of Nefertari. Scientific Studies for their Conservation. First Progress Report, July, 1987. A Joint Project of the Egyptian Antiquities Organization and the Getty Conservation Institute. Cairo: The Egyptian Antiquities Organization / Century City: J. Paul Getty Trust, 1987.
Wallet-Lebrun Chr. Notes sur le temple d'Amon-Rê à Karnak (1) // BIFAO. 1982. 82. P. 355–362; BIFAO. 1984. 84. P. 317–333.
Ward W. A. Egypt and the East Mediterranean From Predynastic Times to the End of the Old Kingdom // JESHO. 1963. 6. P. 1–57.
Ward W. Un Cylindre syrien inscrit de la deuxième période intermédiaire // Syria. Paris, 1965. 42. P. 35–44.
Ward W. A. Scarabs' Seals and Cylinders from Two Tombs at Amman // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Amman, 1966. 11. P. 5–18.
Ward W. A. The Nomarch Khnumhotep at Pelusium // JEA. 1969. 55. P. 215–216.
Ward W. A. Egypt and the East Mediterranean World 2200–1900 B.C. Studies in Egyptian Foreign Relations during the First Intermediate Period. Beirut: American University of Beirut, 1971.
Ward W. A. A New Chancellor of the Fifteenth Dynasty // Miscellanea Vergote. 1976. P. 589–594.
Ward W. A. Some Personal Names of the Hyksos Period Rulers and Notes on the Epigraphy of their Scarabs // Ugarit-Forschungen. 1976. P. 353–369.
Ward W. A. Studies on Scarab Seals. Vol. I. Pre-12th Dynasty Scarab Amulets. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1978.
Ward W. A. Remarks on Some Middle Kingdom Statuary Found at Ugarit // Ugarit-Forschungen. 1979. 11. P. 799–806.

Ward W. A. Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. With a Glossary of Words and Phrases Used. Beirut: American University of Beirut, 1982.
Ward W. A. Reflections on Some Egyptian Terms Presumed to Mean "Harem, Haremwoman, Concubine" // Berytus. Beirut, 1983. 31. P. 67–74.
Ward W. A. Essays on Feminine Titles of the Middle Kingdom and Related Subjects. Beirut: American University, 1986.
Watanabe Ya., Seki K. The Architecture of "Kom el Samak" at Malkata South. A Study of Architectural Restoration. Tokyo: Waseda University, 1986.
Watson Ph. J. An Ushabti of the Viceroy of Kush Amenhotep // JEA. 1991. 77. P. 167–168.
Weatherhead F. Painted Pavements in the Great Palace at Amarna // JEA. 1992. 38. P. 179–194.
Weeks K. R. The Theban Mapping Project and Work in KV 5 // After Tutankhamun. 1992. P. 99–121.
Wegner M. Die Stilentwickelung der thebanischen Beamtengräber // MDAIK. 1933. 4. S. 38–164.
Weidner E. F. Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi. Leipzig, 1923.
Weigall A. E. P. A report on the excavation of the funeral temple of Thoutmosis III at Gurneh // ASAE. 1906. 7. P. 121–141.
Weigall A. E. P. A report on the antiquities of Lower Nubia (the first cataract to the Sudan frontier) and their condition in 1906–7. Oxford: Univ. Pr., 1907a.
Weigall A. E. P. A report on some objects recently found in sebakh and other diggings // ASAE. 1907b. 8. P. 39–50.
Weigall A. E. P. Upper Egyptian notes // ASAE. 1908. 9. P. 105–112.
Weigall A. E. P. Travels in the Upper Egyptian deserts. Edinburgh; London: Blackwood, 1909.
Weill R. Les successeurs de la XIIe dynastie à Médamoud // Revue de l'Égypte ancienne / Société Française d'Égyptologie. Paris, 1929. 2. P. 144–171.
Weinstein J. M. A Statuette of the Princess Sobeknefru at Tell Gezer // BASOR. No. 213 (February, 1974). P. 49–57.
Weinstein J. M. Egyptian Relations with Palestine in the Middle Kingdom // BASOR. No. 217 (February, 1975). P. 1–16.
Weinstein J. Sharuhen — City I at Tell el-Ajjul // Newsletter ARCE. No. 95 (Fall 1975 — Winter 1976). P. 13.
Weinstein J. A New Shawabti of the Viceroy Nehy // JARCE. 1978. 15. P. 39–42.
Weinstein J. The Montet Jar Once Again // AJA. 1981a. 85. P. 222.
Weinstein J. M. The Egyptian Empire in Palestine. A Reassessment // BASOR. No. 241 (Winter 1981b). P. 1–28.
Weinstein J. The Gold Scarab of Nefertiti from Ulu Burun // Bass G. E., Pulak C., Collon D., Weinstein J. The Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun: 1986 Campaign // AJA. 1989. 93. P. 17–29.
Weippert M. Ein ugaritischer Beleg für das Land "Qadi" der ägyptischen Texte? // ZDPV. 1969. 85. S. 35–50.
Wells R. A. The Amarna M, X, K Boundary Stelae Date: A Modern Calendar Equivalent // SAK. 1987. 14. P. 313–333.
Wells R. A. On Chronology in Egyptology // GM. 1989. 108. P. 87–95.
Wenig S. Eine neue Statue des Oberdomänenverwalter Jupa aus der 19. Dynastie // Forschungen und Berichte. 1967a. 8. S. 95–98.
Wenig S. Einige Bemerkungen zur Chronologie der frühen 21. Dynastie // ZÄS. 1967b. 94. S. 134–139.
Wente E. F. The Suppression of the High Priest Amenhotep // JNES. 1966. 25. P. 73–87.
Wente E. F. Late Ramesside Letters. Chicago: Illinois, The University of Chicago Press, 1967.
Wente E. F. Hathor at the Jubilee // Studies Wilson. 1969. P. 83–91.

Wente E. F. A Prince's Tomb in the Valley of the Kings // JNES. 1973. 32. P. 223–234.
Wente E. F. Thutmose III's Accession and the Beginning of the New Kingdom // JNES. 1975a. 34. P. 265–272.
Wente E. F. Was Paiankh Herihor's Son? // Древний Восток. I. К семидесятилетию профессора М. А. Коростовцева. М., 1975b. С. 36–38.
Wente E. F. The Gurob Letter to Amenhotep IV // Serapis. 1980. 6. P. 209–215.
Wente E. F. Some Graffiti from the Reign of Hatshepsut // JNES. 1984. 43. P. 47–54.
Wente E. F. A New Look at the Viceroy Setau's Autobiographical Inscription // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 347–359.
Wente E. F. Letters from Ancient Egypt / ed. by Edmund S. Meltzer. Atlanta (Georgia): Scholars Press, 1990.
Wente E. F., Harris J. E. Royal Mummies of the Eighteenth Dynasty: A Biologic and Egyptological Approach // After Tutankhamun. 1992. P. 2–20.
Wente E. F., van Siclen III Ch. C. A Chronology of the New Kingdom // Studies Hughes. 1976. P. 217–261.
Werbrouck M. Le temple d'Hatshepsout à Deir el Bahari. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1949.
Werner E. K. Identification of Nefertiti in Talatat Reliefs Previously Published as Akhenaten // Orientalia. 1979. 48. P. 324–331.
Westendorf W. Amenophis IV. in Urgottgestalt // Pantheon. München, 1963. 21. P. 269–277.
Westendorf W. Das angebliche Doppeldeterminativ (Gott und König) beim Wort "Vater" in den Texten der Amarnazeit // MDAIK. 1969. 25. S. 202–211.
Wheeler. Diary of the Excavation of Mirgissa Fort 14 November 1931 to 3 February 1932 // Kush. 1961. 9. P. 87–179.
Widmer W. Zur Darstellung der Seevölker am Grossen Tempel von Medinet Habu // ZÄS. 1975. 102. S. 67–77.
Wild H. A Bas-relief of Sekhemrē-sewadjtowĕ Sebkhotpe // JEA. 1951. 37. P. 12–16.
Wild H. Contributions à l'iconographie et à la titulature de Qen-Amon // BIFAO. 1957. 56. P. 203–237.
Wildung D. Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. Teil I. Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien. Berlin: Verlag Bruno Hessling, 1969.
Wildung D. Ramses, die grosse Sonne Ägyptens // ZÄS. 1972. 99, 1. P. 33–41.
Wildung D. Göttlichkeitsstufen des Pharao // OLZ. 1973. 68. S. 549–565.
Wildung D. Zwei Stelen aus Hatschepsuts Frühzeit // Festschrift Ägyptisches Museum. Berlin, 1974. S. 255–268.
Wildung D. Imhotep und Amenhotep. Gottwerdung im alten Ägypten. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1977.
Wildung D. Ein Würfelhocker des Generals Nes-Month // MDAIK. 1981. 37. S. 503–507.
Wildung D. L'Age d'or de l'Egypte. Le Moyen Empire, Office du Livre. Fribourg, 1984.
Wildung D. Nouveaux aspects de la femme en Egypte pharaonique. Résultats scientifiques d'une exposition // BSFE. 102 (Mars 1985). P. 9–26.
Wildung D. Métamorphoses d'une reine. La tête berlinoise de la reine Tiyi // BSFE. No. 125 (Octobre 1992). P. 15–28.
Wildung D. [et alii]. Aufbau und Zweckbestimmung der Königsliste von Karnak // GM. Heft 9. 1974. S. 41–48.
Willems H. O. Ein bemerkenswerter Sargtyp aus dem frühen Mittleren Reich // GM. 1983. 67. S. 81–90.
Willems H. O. The Nomarchs of the Hare Nome and Early Middle Kingdom History // JEOL. 28. 1983–1984. 1985. P. 80–102.
Williams B. The Date of Senebtisi at Lisht and the Chronology of Major Groups and Deposits of the Middle Kingdom // Serapis. 1975–1976. 3. P. 41–55.

Wilson J. A. Buto and Hierakonpolis in the Geography of Egypt // JNES. 1955. 14. P. 209–236.
Wilson J. A. Akh-en-aton and Nefert-iti // JNES. 1973. 32. P. 235–241.
Wimmer S. Egyptian temples in Canaan and Sinai // Studies in Egyptology. Lichtheim, 1990. P. 1065–1106.
Wimmer S. Ein Ächtungstext aus Israel/Palestina // Atti VI Congresso. 1993. II. S. 571–578.
Winlock H. E. Bas-reliefs from the temple of Rameses I. at Abydos. New York, 1921a.
Winlock H. E. On queen Tetisheri, grandmother of Ahmose I // Ancient Egypt. London, 1921b. P. 14–16.
Winlock H. E. The tombs of the kings of the seventeenth dynasty at Thebes // JEA. 1924. 10. P. 217–277.
Winlock H. E. Notes on the reburial of Tuthmosis I // JEA. 1929. 15. P. 56–68.
Winlock H. E. Excavations at Deir el Bahri: 1911–1931. New York: Macmillan, 1942.
Winlock H. E. The slain soldiers of Neb-Hepet-Rēᶜ Mentu-hotpe. New York, 1945.
Winlock H. E. The Rise and Fall of the Middle Kingdom in Thebes. New York: The Macmillan Company, 1947.
Winlock H. E. The Treasure of three Egyptian Princesses. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1948.
Wysocki Z. The Temple of Queen Hatshepsut at Deir el Bahari. Its Original Form // MDAIK. 1986. 42. P. 213–228.
Yeivin S. The Third District in Tuthmosis III's List of Palestino-Syrian Towns // JEA. 1950. 36. P. 51.
Yeivin S. Who were the *mnṯyw*? // JEA. 1965. 51. P. 204–206.
Yeivin Sh. Amenophis II's Asiatic Campaigns // JARCE. 1967. 6. P. 119–128.
Yeivin Sh. The Israelite Conquest of Canaan, Istanbul, Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1971.
Youssef A. A.-H., Leblanc Ch., Maher M. Le Ramesseum. IV. Les Batailles de Tunip et de Dapour. Le Caire: Centre d'études et de documentation sur l'ancienne Égypte, 1977.
Yoyotte J. Un porcine doré: La porte du IVe pylône au grand temple de Karnak // CdE XXVIII. 1953. N° 55. P. 28–38.
Yoyotte J. Égypte ancienne // Histoire Universelle 1. Des origines à l'Islam, Encyclopédie de la Pléiade. Paris: Gallimard éditeurs, 1956. P. 103–285.
Yoyotte J. Le Soukhos de la Maréotide et d'autres cultes régionaux du dieu-crocodile d'après les cylindres du Moyen Empire // BIFAO. 1957a. 56. P. 81–95.
Yoyotte J. A propos de l'obélisque unique // Kêmi. 1957b. 14. P. 81–91.
Yoyotte J. Le bassin de Djâroukha // Kêmi. 1959. 15. P. 23–33.
Yoyotte J. Égypte ancienne // Histoire de l'Art 1. Le Monde non-chrétien, Encyclopédie de la Pléiade. Paris: Gallimard éditeurs, 1961. P. 95–382.
Yoyotte J. Un souvenir du "pharaon" Taousert en Jordanie // Vetus Testamentum. Leiden, 1962. 12. P. 464–469.
Yoyotte J. Die XVIII. Dynastie (etwa 1550–1314) // Fischer Weltgeschichte Band 3. Die altorientalischen Reiche II. Das Ende des 2. Jahrtausends / hrsg. von Elena Cassin, Jean Bottéro, Jean Vercoutter. Frankfurt am Main: Fischer Bücherei, 1966. S. 222–260.
Yoyotte J. La date supposée du couronnement d'Hatshepsout // Kêmi. 1968. 18. P. 85–91.
Yoyotte J. Les trésors des Pharaons. Les Hautes Époques. Le Nouvel Empire. Les Basses Époques. Introduction de Christiane Desroches Noblecourt. Genève: Éditions d'Art Albert, Skira, 1968.
Yoyotte J. Les sementiou et l'exploitation des regions minières à l'ancien Empire // BSFE. No. 73 (Juin 1975). P. 44–55.
Yoyotte J. Une monumentale litanie de granit: les Sekhmet d'Aménophis III et la conjuration permanente de la déesse dangereuse // BSFE. Nos 87–88 (mars et mai 1980). P. 46–75.

Yoyotte J. Le général Djehouty et la perception des tributs syriens. Causerie au sujet d'un objet égaré // BSFE. No. 92 (Octobre 1981). P. 33–51.
Yoyotte J. Pas de matriarcat chez les pharaons, Science et Avenir. Paris, 1981b. 415. P. 62–68.
Yoyotte J. Le roi Mer-djefa-Rê et le dieu Sopdou. Un monument de la XIVe dynastie // BSFE. 114 (Avril 1989a). P. 17–63.
Yoyotte J. Les souvenirs tanites du roi Aasehre Nehesy // BSFFT 2/3. 1989b. P. 119–137.
Yoyotte J., Chuvin P. Le delta du Nil au temps des pharaons // L'Histoire. Paris, 1983. 54 (mars). P. 52–62.
Yurco F. J. Amenmesse: Six Statues at Karnak // MMJ. 1979. 14. P. 15–31.
Yurco F. J. Amenhotep III and Ramesses II: The Standing Colossi at Luxor // Acts 1st ICE. 1979a. P. 687–690.
Yurco F. J. Merenptah's Canaanite Campaign // JARCE. 1986. 23. P. 189–215.
Žába Z. The Rock Inscriptions of Lower Nubia (Czechoslovak Concession). Prague: Universita Karlova, 1974.
Žabkar L. V., Žabkar J. J. Semna South. A Preliminary Report on the 1966–68 Excavations of the University of Chicago Oriental Institute Expedition to Sudanese Nubia // JARCE. 19. 1982. 1984. P. 7–50.
Zaccagnini C. On Late Bronze Age Marriages // Studi Bresciani. 1985. P. 593–605.
Zayed Abd el Hamid. Miscellaneous Notes II. Some Notes on the Building of the Temple of Sety I at Abydos // ASAE. 1962. 57. P. 115–124
Zayed Abdel Hamid. Une représentation inédite des campagnes d'Aménophis II // Mélanges Mokhtar I. 1985. P. 5–17.
Zibelius K. Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1972.
Zibelius-Chen K. Die ägyptische Expansion nach Nubien. Eine Darlegung der Grundfaktoren. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1988.
Zibelius-Chen K. Politische Opposition im Alten Ägypten // SAK. 1990. 17. S. 339–360.
Ziegler C. Découvertes dans les musées du Mans // RdE. 1985. 36. P. 185–187.
Zivie A. Découverte à Saqqarah. Le vizir oublié. Paris: Seuil, 1990.
Zivie A.-P. Un monument associant les noms de Ramsès I et du Séthi I // BIFAO. 1972. 72. P. 99–114.
Zivie A.-P. Quelques remarques sur un monument nouveau de Mérenptah // GM. 1975. Heft 18. P. 45–50.
Zivie A.-P. Trois saisons à Saqqarah: les tombeaux du Bubasteion // BSFE. 98 (octobre 1983). P. 40–56.
Zivie A.-P. Un chancelier nommé Nehesy // Mélanges Gutbub. 1984. P. 245–252.
Zivie A.-P. Cavaliers et cavalerie au Nouvel Empire: à propos d'un vieux problème // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 379–388.
Zivie A.-P. 'Aper-el et ses voisins: considérations sur les tombes rupestres de la XVIIIe dynastie à Saqqarah // Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. 1988. P. 103–112.
Zivie A.-P. Le trésor funéraire du vizir 'Aper-El // BSFE. 116 (Octobre 1989). P. 31–44.
Zivie Chr. M. Giza au deuxième millénaire. Le Caire: Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 1976.
Zivie Chr. M. La stèle d'Aménophis II à Giza. A propos d'une interprétation récente // SAK. 1980. 8. P. 269–284.
Zivie-Coche Chr. Une curieuse statue de la reine Ti'aa à Giza // Mélanges Mokhtar II. 1985. P. 389–401.
Zonhoven L. M. J. A Systematic Bibliography on Deir el-Medîna // Gleanings from Deir el-Medîna. 1982. P. 245–298.
Zyhlarz E. The Countries of the Ethiopian Empire of Kash (Kush) and Egyptian Old Ethiopia in the New Kingdom // Kush. 1958. 6. P. 7–38.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAA	Annals of archeology and anthropology / issued by the Institute of Archaeology, University of Liverpool. Liverpool: Univ. Pr.
AcOr	Acta Orientalia. Societates Orientales Batava, Danica, Norvegica / Societates Orientales Danica, Norvegica, Svecica. Leiden; Copenhagen
Acts 1st ICE	Acts. First International Congress of Egyptology, Cairo, October 2–10, 1976 / ed. by Walter F. Reineke. Berlin: Akademie-Verlag, 1979
Aegyptus	Aegyptus. Rivista Italiana di Egittologia e di Papirologia. Milano
AEO	*Gardiner A. H.* Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I–II Text. Vol. III. Plates with Extra Plates. Oxford University Press, 1947
AfO	Archiv für Orientforschung: internationale Zeitschrift für die Wissenschaft vom Vorderen Orient. Berlin; Graz; Wien
Africa in Antiquity, 1978	Africa in Antiquity. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan. I. The Essays. II. Steffen Wenig, The Catalogue. New York: The Brooklyn Museum, 1978
Africa in Antiquity, 1979	Africa in Antiquity. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan. Proceedings of the Symposium Held in Conjunction with the Exhibition, Brooklyn, September 29 — October 1, 1978 / ed. by Fritz Hintze. Berlin: Akademie-Verlag, 1979 = Meroitica. Schriften zur altsudanesischen Geschichte and Archäologie, 5
After Tutankhamun	After Tutᶜankhamun. Research and Excavation in the Royal Necropolis at Thebes / ed. and with an Introduction by C. N. Reeves. Foreword by the Earl of Carnarvon. London; New York: Kegan Paul International, 1992
Ägypten und Kusch	Ägypten und Kusch. Zusammengestellt und herausgegeben von Erika Endesfelder, Karl Heinz Priese, Walter-Friedrich Reineke und Steffen Wenig. Berlin: Akademie Verlag, 1977
Ägypten. Dauer und Wandel	Ägypten- Dauer und Wandel. Symposium anläßlich des 75jährigen Bestehens des DAI Kairo am 10. und 11. Oktober 1982. (Sonderschrift 18 des DAI, Kairo); Mainz, 1985
ÄIB	Ägyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin, hrsg. von der Generalverwaltung. Bd. II. Leipzig, 1913
AIPHOS	Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles.
AJA	American journal of archaeology / Archaeological Institute of America. Menasha, Wis.: Archaeological Institute of America

AJSL	The American journal of Semitic languages and literatures. Chicago
Akten München 1985	Akten des vierten Internationalen Ägyptologen-Kongresses München 1985. Herausgegeben von Sylvia Schoske. Band 1: Methoden und Geschichte der Ägyptologie — Informatik — Keramologie — Anthropologie. Band 2: Archäologie — Feldforschung — Prähistorie. Band 3: Linguistik — Philologie — Religion. Band 4: Geschichte — Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte — Rechtsgeschichte — Nachbarkulturen. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1988–1991
Alex	*Meeks D.* L'Annie lexicographique. Vol. I–III. Paris, 1977–1979
Amosiadès. Mélanges Vandersleyen	Amosiadès. Mélanges offerts au Professeur Claude Vandersleyen par ses anciens étudiants. Articles rassemblés et édités par Claude Obsomer et Ann-Laure Oosthoek. Louvain-la-Neuve: Université Catholique de Louvain. Institut Catholique. Collège Erasme, 1992
Antiquity	Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology / Quarterly Journal of Archaeological Research. Gloucester; Newbury; Cambridge
AoF	Altorientalische Forschungen. Berlin
Archaologie und Altes Testament	Archäologie und Altes Testament. Festschrift für Kurt Galling zum 8. Januar 1970. Herausgegeben von Arnulf Kuschke and Ernst Kutsch. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1970
Archeologie du Nil Moyen	Archéologie du Nil Moyen. Lille
ASAE	Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire
Aspekte der spätägyptischen Religion	Aspekte der spätägyptischen Religion / hrsg. von Wolfhart Westendorf. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979
Atti VI Congresso	Atti del VI Congresso Internazionale di Egittologia. Vol. I–II. Torino: Comitato Organizzativo del Congresso, 1993
BASOR	Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven; Cambridge (Mass.); Philadelphia
BES	Bulletin of the Egyptological Seminar. New York
Biblica	Biblica: commentarii editi a Pontificio Instituto Biblico. Roma
BIE	Bulletin de l'Institut Égyptien. Alexandrie d'Égypte
BIFAO	Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire
BiOr	Bibliotheca orientalis / uitg. vanwege het Nederlandsch Instituut voor het Nabije Oosten te Leiden onder redactie van F. M. Th. Böhl. Leiden: Inst.
BMFA	Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston, Mass.
BMMA	The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, New York. New York
BMRAH	Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Bruxelles
Breasted, AR	Breasted, James Henry: Ancient records of Egypt: historical documents from the earliest times to the Persian conquest / collected, ed., and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1–5. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1906–1907

BSEG	Bulletin. Société d'Égyptologie Genève. Genève
BSFE	Bulletin de la Société Française d'Égyptologie. Réunions trimestrielles. Communications archéologiques. Paris
BSSFT	Bulletin de la Société Française des Fouilles de Tanis. Paris
Bulletin du centenaire	Bulletin du centenaire, Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 1981 = Supplément au Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale 81 (1981)
CAH I, 1	The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. I. Part 1. Prolegomena and Prehistory / ed. by I. E. S. Edwards, the late C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge: At the University Press, 1970
CAH I, 2	The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. I. Part 2. Early History of the Middle East / ed. by I. E. S. Edwards, the late C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge: At the University Press, 1971
CAH II, 1	The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. II. Part 1. History of the Middle East and The Aegean Region c. 1800–1380 B.C. / ed. by I. E. S. Edwards, the late C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge: At the University Press, 1973
CAH II, 2	The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. II. Part 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C. / ed. by I. E. S. Edwards, the late C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge: At the University Press, 1975
CdE	Chronique d'Égypte. Bulletin périodique de la Fondation égyptologique Reine Élisabeth. Bruxelles
CHE	Cahiers d'Histoire Égyptienne. Egyptian History Papers. Le Caire
CRIPEL	Cahier de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille. Études sur l'Égypte et le Soudan anciens. Paris; Lille
DE	Discussions in Egyptology. Oxford
DNG	Gauthier, Henri: Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. T. 1–7 . Le Caire: Société Royale de Géographie d'Égypte, 1925–1931
Egypt and Africa	Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam / ed. by W. V. Davies. London: British Museum Press in association with the Egypt Exploration Society, 1991
Egypt, Israel, Sinai	Egypt, Israel, Sinai. Archaeological and Historical Relationships in the Biblical Period / ed. by Anson F. Rainey. Tel Aviv University, 1987
Egyptian Archaeology	Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egypt Exploration Society. London
Egyptological Miscellanies	Egyptological Miscellanies. A Tribute to Professor Ronald J. Williams / ed. by J. K. Hoffmeier & E. S. Meltzer = The Ancient World. (Special Vol.) 6. Nos. 1–4 (1983)
Eretz-Israel	Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies. Jerusalem

Études et Travaux	Études et Travaux. Travaux du Centre d'Archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Warszawa
EVO	Egitto e Vicino Oriente. Rivista della sezione orientalistica dell'Istituto di Storia Antica. Università degli Studi di Pisa. Pisa
Expedition	Expedition: The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania. Philadelphia
Festschrift Ägyptisches Museum Berlin	Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. Berlin: Akademie-Verlag, 1974
Festschrift Elmar Edel	Festschrift Elmar Edel. 12. Marz 1979. Unter Mitwirkung von Agnes Wuckelt und Karl-Joachim Seyfried herausgegeben von Manfred Görg und Edgar Pusch. Bamberg, 1979
Festschrift Schott	Festschrift für Siegfried Schott zu seinem 70. Geburtstag am 20. August 1967 / hrsg. von Wolfgang Helck. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968
Festschrift von Beckerath	Festschrift Jürgen von Beckerath. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1990
Fontes atque Pontes	Fontes atque Pontes. Eine Festgabe für Hellmut Brunner. Herausgegeben von Manfred Görg. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1983
Fonti	Le Fonti Indirette della Storia Egiziana. Studi ... raccolti da Sergio Donadoni. Roma: Centro di Studi Semitici, Istituto di Studi del Vicino Oriente — Universita, 1963
Form und Mass	Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987 / hrsg. von Jürgen Osing and Günter Dreyer. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1987
Forschungen und Berichte	Forschungen und Berichte. Archäologische Beiträge. Staatliche Museen zu Berlin. Berlin
Fragen an die altägyptische Literatur	Fragen an die altägyptische Literatur. Herausgegeben von Jan Assmann, Erika Feucht, Reinhard Grieshammer. Studien zum Gedenken an Eberhard Otto. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1977
Gleanings from Deir el-Medina	Gleanings from Deir el-Medina / ed. R. J. Demarée, Jac. J. Janssen. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1982
Glimpses of Ancient Egypt	Orbis Aegyptiorum Speculum. Glimpses of Ancient Egypt. Studies in Honour of H. W. Fairman / ed. by John Ruffle, G. A. Gaballa and Kenneth A. Kitchen. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1979
GM	Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. Göttingen
Handbuch	*von Beckerath J.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1984a
Helck	*Helck W.* Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975a (2е изд., 1983)
HG	*Goyon G.* Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. Paris: Imprimerie Nationale. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1957

HM	*Couyat J., Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1912
Hommages Daumas	Hommages à François Daumas. Tome I–II. Montpellier: Publication de la Recherche — Université de Montpellier, 1986
HT	Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum. London
IEJ	Israel Exploration Journal. Jerusalem
Individu, société et spiritualité. Mélanges Théodoridès	Individu, société et spiritualité dans l'Égypte pharaonique et copte. Mélanges égyptologiques au Professeur Aristide Théodoridès, édités par Christian Cannuyer et Jean-Marie Kruchten, avec l'aide de l'Association Montoise d'Égyptologie. Ath; Bruxelles; Mons, 1993
JAOS	Journal of the American Oriental Society. New Haven; Baltimore
JARCE	Journal of the American Research Center in Egypt. Cambridge (Mass.); Boston; Princeton; New York
JCS	Journal of Cuneiform Studies. New Haven; Connecticut
JEA	The Journal of Egyptian Archaeology. London
JEOL	Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Gezelschap Ex Oriente Lux. Leiden: Brill
JESHO	Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden
JNES	Journal of Near Eastern studies: the journal of the Department of Oriental Languages and Civilizations of the University of Chicago. Chicago, Ill.: Univ. of Chicago Pr.
JSSEA/SSEA	The Journal of the Society of the Study of Egyptian Antiquities / The SSEA Journal. Toronto
K.M.T.	KMT: A Modern Journal of Ancient Egypt. San Francisco: KMT Communications
Karnak	Cahiers de Karnak. Le Caire: Centre Franco-Égyptien d'Étude des Temples de Karnak
Karnak IX	Cahiers de Karnak IX 1993. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1993
Karnak VI	Cahiers de Karnak VI, 1973–1977. Le Caire: Centre franco-égyptien d'études des temples de Karnak, 1980 = Vol. dédié à la mémoire de Serge Sauneron
Karnak VII	Cahiers de Karnak VII, 1978–1981. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations (A.D.P.F.), 1982
Karnak VIII	Cahiers de Karnak VIII, 1982–1985. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1987
Kêmi	Kêmi: revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes. Paris: Geuthner
KRI	Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. I–VIII. Oxford: B. H. Blackwell Ltd, 1969–1990
Kush	Kush. Journal of the Sudan Antiquities Service. Khartoum

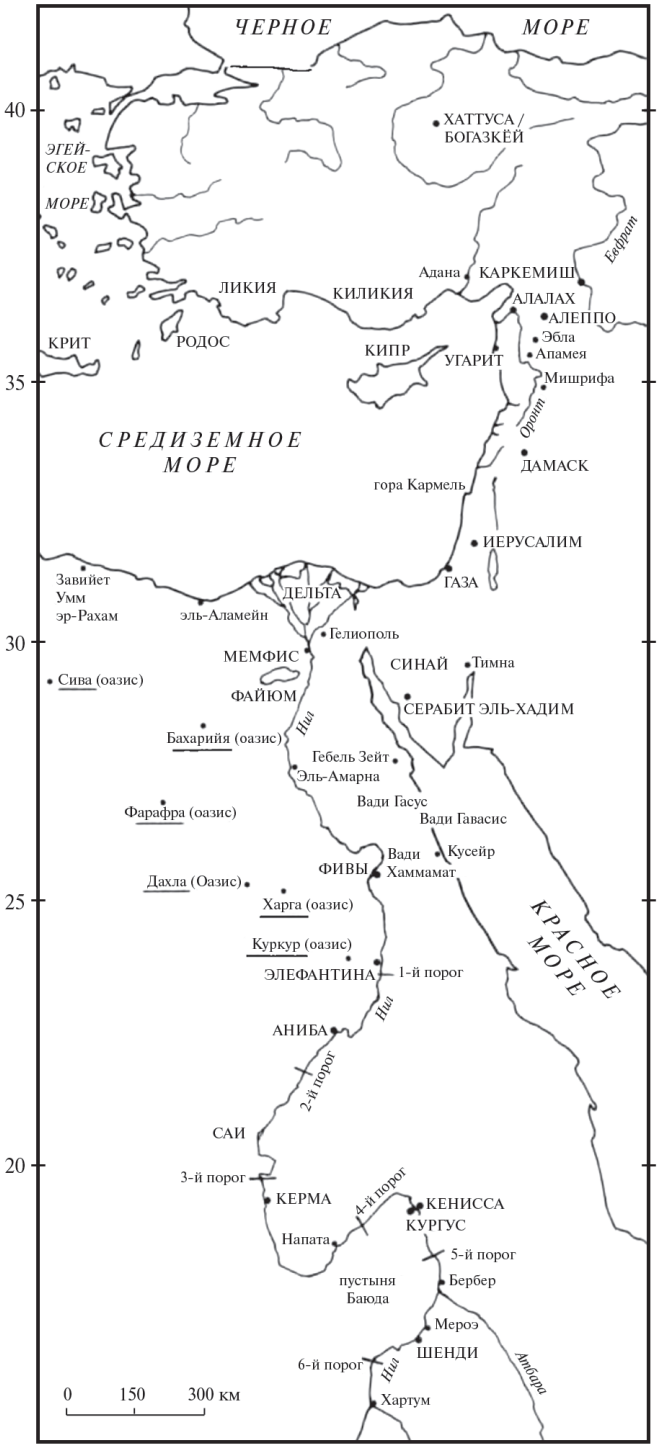
LÄ	Lexikon der Ägyptologie. Bd. I–VI. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1975–1986
LD	*Lepsius C. R.* Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien. Bd. I–VI. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849–1859
LdR	*Gauthier H.* Le livre des rois d'Égypte: recueil de titres et protocoles royaux, noms propres de rois, reines, princes et princesses, noms de pyramides et de temples solaires, suivi d'un index alphabétique. T. 1–5; Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1907–1917
L'Egyptologie en 1979	L'Égyptologie en 1979. Axes prioritaires de recherches. Tomes 1–2. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1982
Libya and Egypt	Libya and Egypt, c 1300–750 BC / ed. by Anthony Leahy. London: Centre of Near and Middle Eastern Studies, School of Oriental and African Studies, University of London, and the Society for Libyan Studies, 1990
Livre du centenaire	Livre du centenaire, 1880–1980, Institut français d'archéologie orientale. Publié sous la direction de Jean Vercoutter. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1980. (27 x 35.5 cm; XLIII, 521 p., frontispiece, maps, plans incl. folding, fig., ill., pl. incl. folding)
Louqsor	Louqsor, temple du ka royal, Les Dossiers. Histoire et Archéologie, 101. Dijon: Éditions Faton, 1986
Manuel	*Vandier J.* Manuel d'Archéologie Egyptienne, 6 vol. Paris: Éditions A. et J. Picard, 1954–1978
MDAIK	Mitteilungen des Deutschen Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo / Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo. Berlin; Wiesbaden; Mainz
Mélanges Dunand I–II	Mélanges offerts à M. Maurice Dunand I–II = Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Beyrouth 45 (1969) and 46 (1970–1971)
Mélanges Gutbub	Mélanges Adolphe Gutbub. Montpellier: Publication de la Recherche — Université de Montpellier, 1984
Mélanges Mokhtar	Mélanges Gamal Eddin Mokhtar. Publié sous la direction de Paule Posener-Kriéger. Vol. I et II. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1985
Mélanges Vercoutter	Mélanges offerts à Jean Vercoutter. Réunis par Francis Geus et Florence Thill. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1985
Memphis et ses necropoles au Nouvel Empire	Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. Nouvelles données, nouvelles questions. Actes du colloque CRNS. Paris, 9 au 11 octobre 1986, édités par Alain-Pierre Zivie. Avant-propos de Jean Leclant. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1988
MH	Epigraphic Survey. Medinet Habu I–VIII. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1930–1969, OIP 8, 9, 23, 51, 83, 84, 93, 94
MHT	*Schenkel W.* Memphis–Herakleopolis–Theben. Die epigraphischen Zeugnisse der 7.–11. Dynastie Ägyptens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1965

Middle Kingdom Studies	Middle Kingdom Studies / ed. by Stephen Quirke. New Malden: SIA Publishing, 1991
MIO	Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
Miscellanea Aegyptologica Helck	Miscellanea Aegyptologica. Wolfgang Helck zum 75. Geburtstag, herausgegeben von Hartwig Altenmüller und Renate Germer. Hamburg: Archäologisches Institut der Universtät Hamburg, 1989
Miscellanea Vergote	Miscellanea in honorem Josephi Vergote. Edenda curaverunt P. Naster, H. De Meulenaere et J. Quaegebeur. Leuven: Departement Oriëntalistiek, 1976 = Orientalia Lovaniensia Periodica 6/7 (1975–1976)
Miscellanea Wilbouriana 1	Miscellanea Wilbouriana 1, Brooklyn (N.Y.). The Brooklyn Museum, 1972
MMJ	Metropolitan Museum Journal. New York
Newsletter ARCE	Newsletter of the American Research Center in Egypt. Princeton; New York
OIP	The University of Chicago. Oriental Institute Publications. Chicago, Ill.
OLP	Orientalia Lovaniensia Periodica. Leuven
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung: Monatsschrift für die Wissenschaft vom Vorderen Orient und seine Beziehungen zum Kulturkreis des Mittelmeers. Berlin
OMRO	Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden / Ministerie van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen. Leiden: Brill
Orientalia	Orientalia. Commentarii periodici pontificii instituti biblici / Commentarii trimestres a facultate studiorum orientis antiqui pontificii instituti biblici in lucem edidit in urbe. Nova Series. Roma
Perspectives on the Battle of Kadesh	Perspectives on the Battle of Kadesh / ed. by Hans Goedicke. Baltimore: Halgo, Inc., 1985
PKG	Vandersleyen C. (et alii). Das Alte Ägypten. Propyläen Kunstgeschichte, 15. Berlin: Propyläen Verlag, 1975
PM	*Porter B., Moss R. B.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Griffith Institute, Ashmolean Museum. Oxford: Clarendon Press
Problems and Priorities	Problems and Priorities in Egyptian Archaelogy / ed. by Jan Assmann, Günter Burkard and Vivian Davies. London; New York: Kegan Paul International, 1987
PSBA	Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. London
Pyramid Studies. Essays Edwards	Pyramid Studies and Other Essays Presented to I. E. S. Edwards / ed. by John Baines, T. G. H. James, A. Leahy, A. F. Shore. London: The Egypt Exploration Society, 1988
RdE	Revue d'Égyptologie. Le Caire / Paris
REA	Revue de l'Égypte ancienne / Société Française d'Égyptologie. Paris: Champion

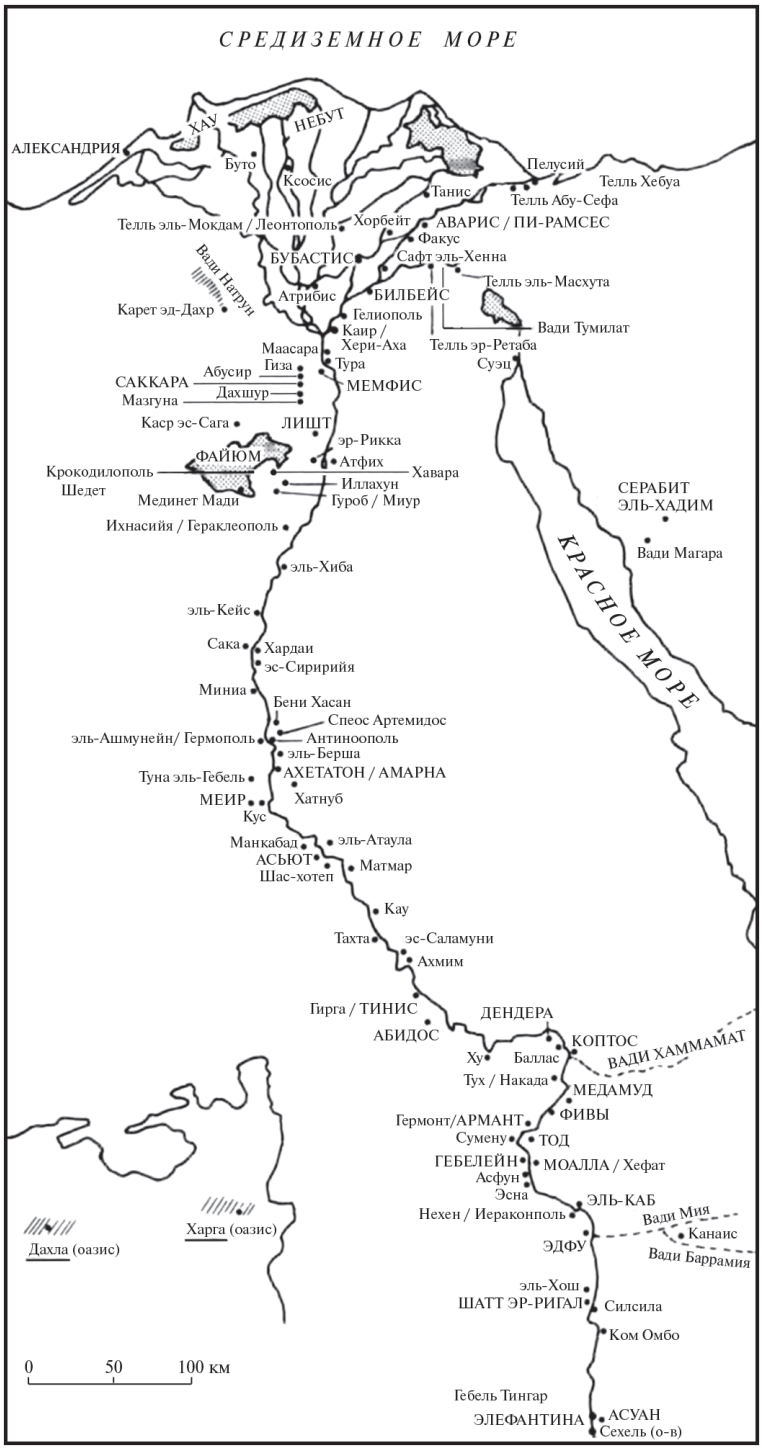
RecTrav	Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes / Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Paris
Revue du Louvre	La Revue du Louvre et des Musées de France. Paris
RIDA	Revue Internationale des Droits de l'Antiquité, 3e série. Bruxelles
RIHAO	Revista del Instituto de Historia Antigua Oriental. Buenos Aires
RSO	Rivista degli Studi Orientali. Roma
SAK	Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg
Saqqara	Saqqara. Aux origines de l'Égypte Pharaonique. Les Dossiers de l'Archéologie, n° 146–147, mars-avril 1990. Dijon: Éditions Faton, 1990
Serapis	Serapis. A Student Forum on the Ancient World / The American Journal of Egyptology. Chicago
Sinai	*Gardiner A. H., Peet T. E., Černý, Ja.* The Inscriptions of Sinai. Edited and completed. Part I. Introduction and Plates, Part II. Translations and Commentary. London: Egypt Exploration Society, 1952–1955
Sixteen Studies on Lower Nubia	*Labib Habachi*. Sixteen Studies on Lower Nubia. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'Archeologie orientale, 1981
Society and Economy	Society and Economy in the Eastern Mediterranean (c. 1500–1100 B.C.). Proceedings o f the International Symposium held at the University of Haifa from the 28th of April to the 2nd of May 1985 / M. Heltzer/E. Lipinski (eds.). Leuven, 1988
SSEA	Newsletter. The Society for the Study of Egyptian Antiquities. Toronto
Studi Bresciani	Studi in onore di Edda Bresciani pubblicati a cura di S. F. Bondi, S. Pernigotti, F. Serra e A. Vivian. Pisa: Giardini Editori e Stampatori, 1985
Studien Westendorf	Studien zu Sprache and Religion Ägyptens. Zu Ehren von Wolfhart Westendorf überreicht von seinen Freunden and Schülern. Band 1: Sprache. Band 2: Religion. Göttingen, 1984
Studies Hughes	Studies in Honor of George R. Hughes. January 12, 1977. Chicago (Ill.): The Oriental Institute, 1976
Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan	Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan. Essays in honor of Dows Dunham on the occasion of his 90th birthday, June 1, 1980 / ed. by William Kelly Simpson and Whitney M. Davis. Boston: Department of Egyptian and Ancient Near Eastern Art, Museum of Fine Arts, 1981
Studies in Egyptology. Lichtheim	Studies in Egyptology Presented to Miriam Lichtheim. Vol.s I–II / ed. by Sarah Israelit-Groll. Jerusalem: The Magnes Press, the Hebrew University, 1990
Studies Wilson	Studies in Honor of John A. Wilson. September 12, 1969. Chicago (Ill.): The University of Chicago Press, 1969
Tel Aviv	Tel Aviv. Journal of the Tel Aviv University Institute of Archaeology, Tel Aviv

Textes et langages I–III	Textes et langages de l'Égypte pharaonique. Cent cinquante années de recherches. 1822–1972. Hommage à Jean-François Champollion. Tomes I–III. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1973–1974
The Art of Amenhotep III	The Art of Amenhotep III: Art Historical Analysis. Papers Presented at the International Symposium Held at The Cleveland Museum of Art, Cleveland, Ohio, 20–21 November 1987 / ed. by L. M. Berman. Cleveland: Published by The Cleveland Museum of Art in cooperation with Indiana University Press, 1990
The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kakosy	The Intellectual Heritage of Egypt. Studies presented to László Kákosy by Friends and Colleagues on the Occasion of his 60th Birthday / ed. by Ulrich Luft. Budapest, 1992
The Land of Israel	The Land of Israel: Cross-roads of Civilizations. Proceedings of the Conference held in Brussels from the 3th to the 5th of December 1984 to mark the Twenty-Fifth Anniversary of the Institute of Archaeology Queen Elisabeth of Belgium at the Hebrew University of Jerusalem. In Memory of Prof. Y. Yadin and Prof. Ch. Perelman / ed. by E. Lipinski. Leuven: Uitgeverij Peeters, 1985 = Orientalia Lovaniensia Analecta, 19
TPPI	*Clère J. J., Vandier J.* Textes de la première période intermédiaire et de la XIème dynastie, Ier fascicule. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1948
Ugarit-Forschungen	Ugarit-Forschungen, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn
Urk. Üb.	Urkunden der 18. Dynastie. Übersetzung zu den Heften 5–16. Herausgegeben von E. Blumenthal, I. Müller, W.F. Reineke. Unter der Leitung von A. Burkhardt. Berlin: Akademie-Verlag, 1984
Urk. IV	Urkunden der 18. Dynastie. Hrsg. von K. Sethe. Hefte 1–16. Leipzig: Hinrichs, 1906–1909; Urkunden der 18. Dynastie / hrsg. von W. Helck. Hefte 17–22. Berlin: Akademie-Verlag, 1955–1958. (Urkunden des aegyptischen Altertums. Abt. 4)
VA	Varia Aegyptiaca. San Antonio (Texas)
Wb.	Wörterbuch der ägyptischen Sprache. I–V. Blgst. I–V / hrsg. von A. Erman und H. Grapow. Vierte Ausgabe. Berlin: Akademie-Verlag, 1982
WdO	Die Welt des Orients. Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes. Wuppertal / Göttingen
Wepwawet	Wepwawet. Research Papers in Egyptology. University College. London
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien
ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. Leipzig / Berlin
ZDPV	Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Wiesbaden
ВДИ	Вестник древней истории. Москва

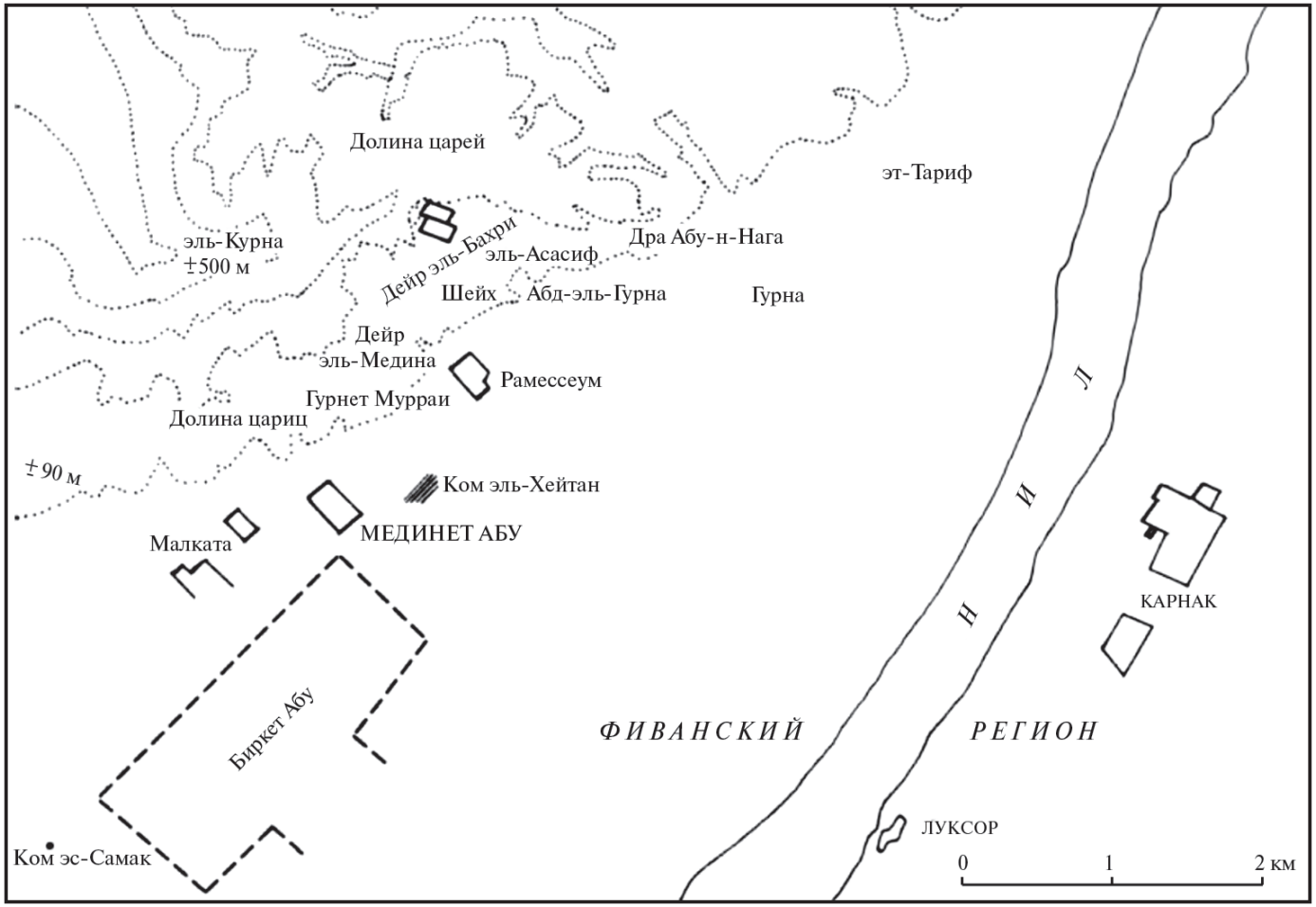
КАРТЫ



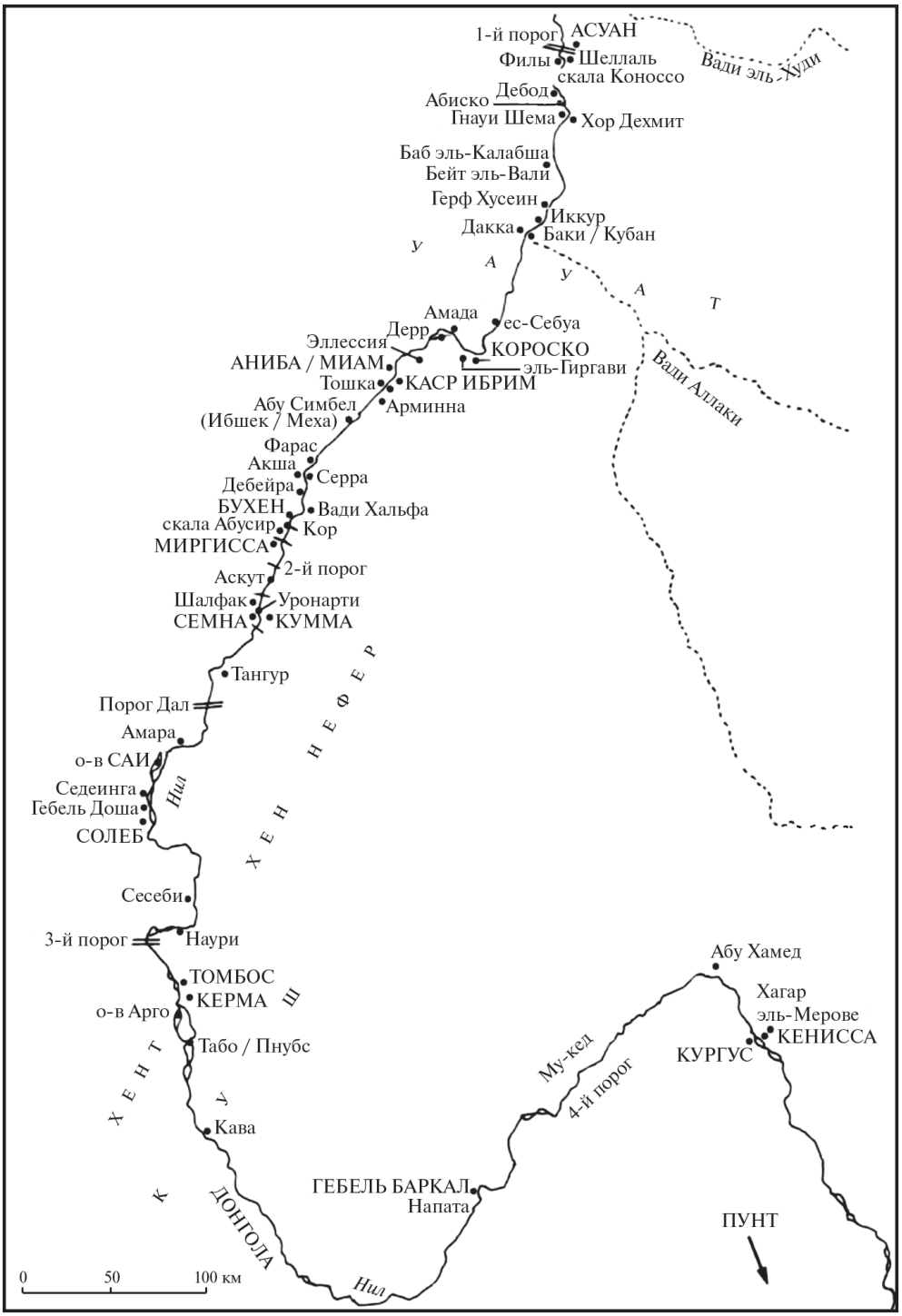
Карта 1. Долина Нила и Ближний Восток



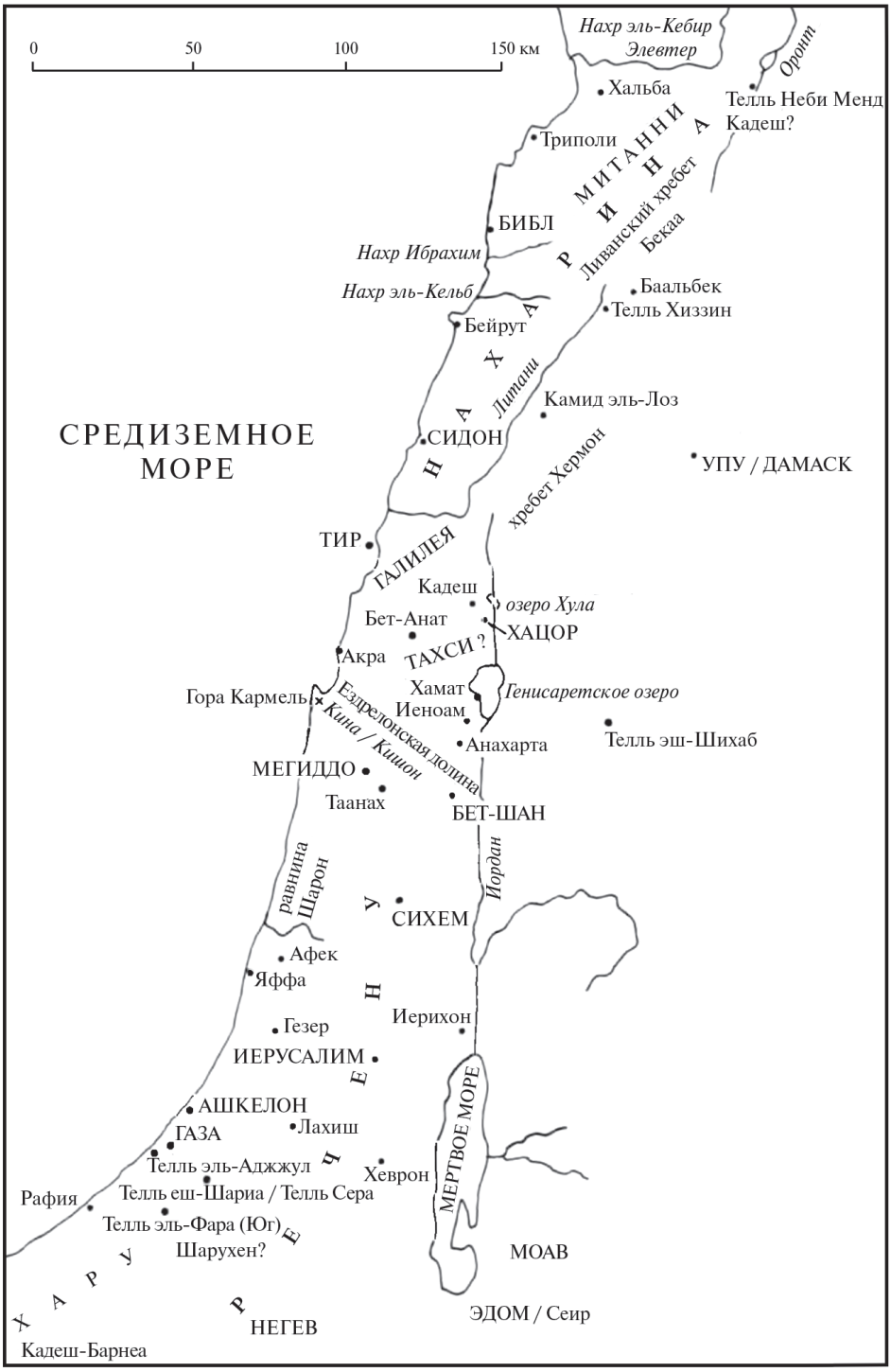
Карта 2. Египет



Карта 3. Фиванский регион



Карта 4. Нубия



Карта 5. Ближний Восток

УКАЗАТЕЛИ

Ссылки на страницы касаются также примечаний внизу этих страниц.
Послесловие в указатель не включено.

Список сокращений

арх. — архитектор, начальник работ
канц. — канцлер
ст. — стольник
р. — река
ген. — генерал
вжр. — верховный жрец
н. — наместник
упр. — управляющий
в. — военный
нм. — номарх
жр. — жрец
п. — писец
каз. — начальник казны
ТТ — фиванская гробница
в.-к. — вице-король

Локализация топонимов уточняется следующими сокращениями:
Аз. (Азия), Ег. (Египет), Нуб. (все, что южнее первого порога)

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аазехра, см. Нехси 172, 575
Аакен 152, 574
Аакененра, см. Апопи 152, 176, 177, 575
Аам (Хаусерра) (XVI династия?) 179
Аанен (ТТ 120) 358, 395, 424, 427
Аат, царица 118, 119
Аата, мятежник 210, 216, 220
Ааусерра, см. Апопи 175–178, 192
Аахепрура, сын Тутмоса IV 296, 321, 576
Абаи 152, 574
Абдиаширта из Амурру 343, 444
Абду 176
Абимилки, царь Тира 392, 393, 401
Абишему, царь Библа 124
Азиру из Амурру 343, 392, 393, 444, 524, 525
Айтагама из Кадеша 393
Акенхерес 403
Акиззи из Катны 393
Аменемнеху, в.-к. 265, 289
Аменемопе, сын Аменхотепа II 313, 322
Аменемхеб Маху, в. (ТТ 85) 284, 285, 294, 297, 298, 303
Аменемхет из Чеку 325
Аменемхет-«часовщик» 232, 248
Аменемхет, 3-й жр. Амона 358
Аменемхет I (Схотепибра), визирь и царь 37, 59, 61, 63, 64, 67–80, 82, 83, 89, 91, 92, 94, 108, 115, 122, 124, 129, 165, 364, 439, 568, 572
Аменемхет II (Небукаура) 74, 88, 89, 92, 95–99, 101, 102, 105–107, 113–115, 124, 126, 129, 130, 150, 572
Аменемхет III (Нимаатра) 92, 96, 107, 113–126, 128, 129, 137, 141, 142, 156, 158, 166, 177, 568, 569, 573
Аменемхет IV (Маахерура) 92, 118–120, 122, 125, 127–130, 156, 573
Аменемхет V (Сехемкара) 134, 137, 139, 143, 158, 162, 166, 573
Аменемхет VI (Санхибра) 139, 140, 153, 573, 575
Аменемхет VII (Седжефакара) 137, 142, 143, 153, 162, 573, 574
Аменемхет Амени, см. Амени из Бени Хасана 87
Аменемхет-анх, царевич 96
Аменемхет-Себекхотеп, см. Себекхотеп II 142, 143, 573
Аменемхет-Сенебеф (Сехемкара), см. Аменемхет V 137, 138
Аменемхет Сурер, упр. (ТТ 48) 350, 355, 358
Аменемхет, сын Тутмоса IV 321
Аменемхет, царевич 295, 320
Амени Ааму (Кемау) 140, 153, 156, 575
Амени, визирь 99, 125
Амени, в Пророчестве Неферти, см. Аменемхет I 68
Амени из Бени Хасана 83, 85, 87, 88, 90
Амени, комендант Семны 123
Аменисенеб 144
Амени, см. Аменемхет VI 139
Амени, сын Ментухотепа 72, 84, 85
Амени, сын Рахотепа 155
Аменмесес 492, 504–514, 517, 558, 577
Аменмесес, сын Тутмоса I 239, 241
Аменмесес, упр. (ТТ 89) 339
Аменофис, см. Аменхотеп 231, 490
Аменусер, визирь (ТТ 131) 259, 290, 293
Аменхорунемеф, сын Рамсеса II, см. Аменхорхепешеф I 460, 462
Аменхорхепешеф III, младший, сын Рамсеса III, см. Рамсес IV 539
Аменхорхепешеф II, старший, сын Рамсеса III (также Рамсес-Аменхорхепешеф) 539
Аменхорхепешеф IV, см. Рамсес V 539, 546, 552, 577
Аменхорхепешеф I, сын Рамсеса II 459, 461
Аменхорхепешеф V, сын Рамсеса IX, см. Рамсес X 553, 554, 559, 577
Аменхотеп III (Небмаатра) 14, 60, 85, 206, 224, 229, 235, 255, 269, 272, 308, 311, 317, 319–322, 326, 327, 331–368, 371, 372, 374, 375, 377–380, 389, 390, 393, 396, 397, 411, 415, 418–420, 422, 424, 425, 431, 432, 448, 455, 478, 480–483, 489, 491, 502, 569, 570, 572, 576
Аменхотеп II (Аахепрура) 90, 224, 226, 239, 255, 272, 292–301, 303–316, 318, 319, 321, 323, 325, 327, 331, 332, 360, 425, 448, 483, 526, 544, 547, 569, 576
Аменхотеп IV (Неферхепрура) 206, 320, 326, 335, 341, 343, 345, 350, 357, 359, 360, 363, 364–382, 384, 388–391, 393, 394, 396–398, 402, 415, 420, 424, 455, 489, 569, 572, 576

Аменхотеп I (Джосеркара) 64, 178, 181, 191, 206, 207, 210, 215, 217, 220, 221, 223, 224, 228, 230–239, 241, 246, 247, 249, 250, 255, 257, 276, 331, 447, 568, 569, 576
Аменхотеп, визирь 347, 348, 355
Аменхотеп, жр. Амона 91, 545, 556, 557, 560, 561, 564
Аменхотеп, п. 265
Аменхотеп, правитель оазиса Бахарийя 450
Аменхотеп, сын Хапу, п. 348, 350, 355–357, 361, 362, 366, 389, 451
Аменхотеп, сын Хеби, арх. 354
Аменхотеп Хеви, в.-к. (ТТ 40), см. также Хеви 420, 421
Аменхотеп Хеви, упр. 358
Амменемес, см. Аменемхет 67, 97
Амон, бог 13, 14, 49, 52, 69, 91, 107, 108, 110, 149, 169, 183, 193, 209, 213, 215, 216, 221, 222, 224, 232, 234, 236, 239, 240, 243, 252, 253, 257, 260, 267–270, 274–276, 278, 280, 281, 287, 290, 292, 294, 299, 303, 305, 308, 309, 312, 319, 320, 325, 328, 332, 333, 334, 337, 339, 341, 353, 356, 358, 365, 374, 382, 383, 384, 386, 390, 391, 396, 404, 411, 412, 416–419, 424, 426, 431, 432, 441, 443–446, 448, 457, 458, 464, 467, 473, 474, 484, 485, 489, 495, 499, 503, 505, 508, 511, 520, 521, 528, 532, 539–541, 543, 545, 549, 551, 553, 554, 556, 557, 560, 563, 565, 566, 570, 571
Амон-Камутеф, бог 270
Амон-Мин 438
Амон-Ра 141, 153, 214, 216, 348, 456, 556
Амуненши 80
Ани из Амарны 398
Анукет, богиня 110
Анхесенамон, царица 394, 408, 415, 425, 429, 431
Анхесенпаатон та-шерит, царевна 372, 415
Анхесенпаатон, царевна, царица 371, 373, 382, 397, 398, 400, 403, 415–417
Анхетхепрура, возлюбленный (-ая) Неферхепрура 403
Анхетхепрура, возлюбленный (-ая) Уанра 403
Анхотеп, в.-к. 476
Анхтифи из Моалла 35, 39, 40
Анху, визирь 136, 137, 143, 144, 158, 159, 161
Анхурхау (ТТ 359, список) 181, 189, 357
Анххепрура 402–406, 416, 422, 432, 455, 576
Анххепрура, возлюбленный Атоном 402
Анххепрура, возлюбленный Атоном, Нефернефруатон-правитель 402
Анххепрура, возлюбленный Неферхепрура 402, 404
Анххепрура, возлюбленный Неферхепрура, Нефернефруатон, возлюбленный Уанра 402
Анххепрура, возлюбленный Неферхепрура, Нефернефруатон, возлюбленный Эхнатоном 402
Анххепрура, возлюбленный Уанра, Нефернефруатон, возлюбленный Эхнатоном 402, 404
Анххепрура Нефернефруатон 370, 403–406, 409, 416, 418
Анххепрура Сменхкара Джосерхепру, см. Сменхкара Джосерхепру 403, 406, 410
Апахнан/Пахнан, см. Хиан 174, 575
Аперэль/Апериа, визирь 366, 399
Апис (бык) 360, 362, 486, 558
Апопи (Небхепешра, Ааусерра, Аакененра) 152, 175–178, 180, 190, 192, 193, 194, 197–200, 212, 234, 575
Артадама I, царь Митанни 320, 324, 342
Арташшумара, царь Митанни 342
Астарта, богиня 202, 314, 430
Ати, царица Пунта 266
Атон, бог 328, 345, 360, 364–366, 369, 375, 378–380, 383, 384, 386–388, 390, 391, 396–399, 402–405, 413, 414, 416–418, 422, 423, 425, 570
Атум, бог 90, 147, 221, 233, 240, 518, 542, 553
Атумемтанеб, ст. 513
Ауибра 138, 141, 573
Ахенамон, статуя Рамсеса II, см. также Рамсес VIII 553
Ахмену, храм 281, 291–294, 309, 478, 541
Ахтой, см. Хети 36
Ашахебусед, ст., см. Рамсес-Ашахебусед 487
Ашшурнадинаххе, царь Ассирии 392
Ашшурубаллит, царь Ассирии 392

Б

Баи, канц. 15, 506, 510, 511, 514, 518
Бакенур, каз. 555
Бакенхонсу, вжр. Амона 14, 441, 478, 484, 485, 503, 532
Бакетатон, царевна 360, 372
Бакетурел, царица 506, 558, 559
Бак, скульптор 366, 376, 378, 389, 399

Бастет, богиня 500, 513, 533
Беби, сын Себекхотепа VII 151
Бебианх, см. Сусеренра 184, 576
Беби, визирь 50
Беби, см. Дедусебек 160, 187
Беназен, ст., см. Рамсесэмперра 487
Бенгаи 396
Бенер 147
Бениа Пахекамен (ТТ 343) 274
Бент-Анат, дочь Рамсеса II 458, 459, 460, 491, 492
Бентешина из Амурру 463, 464, 469, 470
Бнон/Беон 174, 575
Бурнабуриаш II, царь Вавилона 392, 401, 408
Бутехамон, п. 564, 565

Г

Геб, бог 233, 316, 452
Гемпаатон, храм 371, 375–377, 379, 380, 383, 387, 391, 419, 432
Герегтауиэф Ииибхентира 67
Геродот 102, 105, 109, 115, 119, 120, 486
Гилухепа, царица 337, 342, 361

Д

Даги, визирь (ТТ 103) 50
Девкалион 228
Дедумес (Джедхотепра, Джеднеферра) 151, 169, 574
Дедун, бог 112, 137, 267, 324
Дедусебек 160, 187
Джари, в. 38, 43
Джеми, ген. 40
Джер 92, 137
Джефа(?)кара 153
Джефахапи, нм. Асьюта, см. Хапиджефа 87, 88
Джехути, арх. 269, 274
Джехути, бог 194
Джехути, в.-к. 213, 216, 220
Джехути, ген. 286
Джехутимос, вжр. Птаха 360
Джехутимос, визирь 358
Джехутимос, в.-к. 340, 390
Джехутимос, отец Бутехамона 422, 564, 565
Джехутимос, скульптор 388
Джехутинахт, нм. эль-Берши 87, 88
Джехути (Сехемра-Сментауи) 154, 183, 189, 575
Джехутихотеп, нм. эль-Берши 99, 102, 113, 362
Джосер 103, 262
Джосер (Аз.) 486
Джосер-Ахет, храм 267, 269, 270
Джосер-Джосеру, храм 260, 261, 269, 274
Джосер-Мену, храм 269
Джосерхеперра 195
Джосерхепрура, см. ХОРЕМХЕБ 425, 576
Дра Абу-н-Нага (Ег.) 13
Дуатентипет, царица, см. Тентипет 545

И

Иаму, каз. 236
Иамунеджех, ст. (ТТ 84) 284, 286, 294
Ианнас, см. Иенсес 175, 575
Иарет, царица 313, 319, 325
Ибеб, вжр. Мендеса 426
Иби 152, 574
Ибиа, визирь 154, 159, 161
Ибиа (Уахибра) 150, 152, 154, 161, 163, 574
Ибша, ааму 103
Игаи, бог 106
Идрими, царь Алалаха 286
Иенсес 174, 175, 575
Ийе, 2-й жр. Амона 426, 427
Иимеру, визирь 136, 158, 160
Иимеру-Неферкара, визирь 158
Икуи, мать Интефа Великого 41
Ими, мать Ментухотепа IV 62
Имисба (ТТ 65, список) 189
Имхотеп, визирь 241
Имхотеп, советник 356
Инебни 262, 289
Инед (Мерсехемра), см. Неферхотеп II 151, 574
Инени (ТТ 81) 249–251, 256, 258, 290
Ини, см. Себекхотеп VI 151, 184
Интеф, докладчик (ТТ 155) 290
Интеф, другие 41, 50, 63, 70, 124
Интеф I (Сехертауи) 41, 42, 43, 572
Интеф II (Уаханх) 37, 38, 40–44, 48, 49, 73, 74, 91, 118, 135, 139, 140, 181, 572
Интеф III (Нахтнебтепнефер) 41, 43–46, 121, 572
Интеф IV (Схотепкара) 144, 573
Интеф V (Сехемра-Херухормаат) 185, 186, 195, 575
Интеф VI (Сехемра-Упмаат) 181, 185, 186, 190, 196, 576
Интеф VII (Небухеперра) 13, 181, 182, 185–188, 190, 195, 196, 197, 200, 220, 576
Интеф Великий, нм. (?) 42, 79, 80
Интеф-икер, визирь 63, 76, 82–85, 89, 90

Интефнахт 43, 50
Инхапи, царица 196
Иосиф 225, 571
Ипи, визирь 50, 73
Ипи из Амарны 398
Ипи из Мемфиса 384, 399
Ипу, мать Сат-ях 294
Ипшемуиб, царь Библа 125, 128
Ирджанен (ТТ 306, список) 189
Ирсу 510, 518
Исетнеферт, дочь Хаэмуаса или Рамсеса II 491, 492
Исетнеферт, супруга Рамсеса II 458–461, 491
Исида, богиня 188, 212, 424, 427, 439, 446, 543
Исида, дочь Аменхотепа III 360, 361, 362
Исида, дочь Рамсеса VI 551
Исида, дочь Хабаджилат, жены Рамсеса III 521, 522
Исида, мать Тутмоса III 243, 253, 264
Итамон, см. Рамсес VII 539, 551, 552, 577
Ита, царевна 95, 96, 98
Итерури из Эль-Каба 241
Иуйя, отец Тийи 320, 333, 336, 337, 361, 424
Иуни II, в.-к. 450, 476
Иуни I, в.-к. 450
Иунмутеф, бог 253, 443
Иупа, упр. 480, 487
Иути 317
Иуф 199
Иуфни 139, 140, 573
Иухетиб 185
Иухетиб, мать Себекхотепа III (?) 145
Ихени, мятежник 338
Ичу, владелец палетки 173, 175
Иштар, богиня, см. Шаушка 347, 464
Иштармува, царь Амурру, см. Шаушкамува 464, 468

Й

Йакин-Илум из Библа 139, 147, 163
Йакобхер (Мерусерра) 174, 175, 575
Йантин из Библа 139, 147, 163
Йати, см. Атон 369
Йенес, ст. 562

К

Ка из Бухена 200
Кадашман-Энлиль, царь Вавилона 343
Кадеш, богиня 202, 430
Каи 106
Каи Аменемхет, см. Аменемхет VII 142, 573
Какара Ин 67
Камос (Уаджхеперра) 138, 142, 149, 162, 165, 175–177, 180–182, 186, 187, 189–194, 196, 197, 199–202, 205, 209, 210, 214–220, 224, 234, 238, 289, 568, 576
Кауаб, сын ХЕОПСА 486
Кебси, нм. Эль-Каба 184
Кеми, мать Неферхотепа I, Сахатора и Себекхотепа IV 146, 148, 569
Кеминебу, царица (?) 96
Кенамон (ТТ 93) 299, 312
Кенхорхепешеф, п. 447, 491
Кесу-уадж 153
Кен(хорхепешеф) (список) 181
Кийя, царица 369, 370, 395–397, 400, 401, 406, 409, 410, 415
Кинебу (ТТ 113) 553
Куригальзу, царь Вавилона 361

Л

Лупакки, хеттский ген. 393

М

Мааибра, см. Шеши 174, 575
Маара, см. Себекхотеп IX 141, 152, 574
Маат, богиня 118, 359, 384, 438, 473
Маати, начальник врат 41
Мааткара 243, 259, 260, 263, 265, 576
Маатхорнефрура, царица 458, 471
Маи, вжр. Амона 391
Маи из Амарны 389
Майя, каз. 419, 422, 423, 431
Майяти, царевна, см. Меритатон 401
Манефон 34, 36, 63, 67, 69, 70, 78, 96, 118, 119, 133–135, 152, 167–177, 179, 180, 198, 211, 218, 225, 227–229, 231, 238, 242, 262, 271, 275, 317, 403, 438, 440, 456, 488, 490, 509, 513
Махерепра 322
Маху, в., см. Аменемхеб Маху 284
Маху из Амарны 372, 398
Маху, п. 340
Мекетатон, царевна 371, 372, 382, 388, 398, 400, 422
Мекетра, канц., упр. 61, 71
Мемнон, колосс 332, 354, 356, 358, 361, 362, 481
Менес 33, 46, 447

Менехкара Сегерсени 67
Менмаатра-Сетепенптах, см. Рамсес XI 559, 577
Менна (TT 69) 350
Менофрес, эпоха 439
Менпехтира, см. Рамсес I 439, 576
Мен-сет, храм 235
Мен, скульптор 366, 378, 389
Ментуиуи, ст. 284, 294
Ментумос 551
Ментуусер, визирь 423
Ментуусер (или Усермонту) 152, 184, 574
Ментухорхепешеф, сын Рамсеса III 539, 554
Ментухорхепешеф, сын Рамсеса IX 553, 557, 558
Ментухотеп I 41, 42, 43, 44, 572
Ментухотеп III (Санхкара) 58, 59, 61, 62, 64, 67, 79, 80, 541, 572
Ментухотеп II (Небхепетра) 15, 33, 37, 38, 40, 42, 43, 45–52, 55–59, 61, 62, 64, 68–70, 73, 76, 79, 81, 105, 107, 108, 138, 147, 149, 152, 155, 180, 181, 199, 224, 268, 269, 271, 541, 568, 572
Ментухотеп IV (Небтауира) 61–64, 67, 69, 129, 543, 572
Ментухотеп VI (Суаджара) 151, 152, 574
Ментухотеп V (Меранхра) 153, 575
Ментухотеп, визирь 89, 91, 99
Ментухотеп, ген. 82
Ментухотеп из Гермонта 107
Ментухотепи (Санхенра) 151, 154, 183, 184, 576
Ментухотеп, отец бога 145
Ментухотеп, сын Хеви 72, 84, 85
Ментухотеп, царица 154
Ментуэмсаф (Джеданхра) 152, 574
Ментуэмхет, ген. 124
Менхеперрасенеб, вжр. Амона (TT 86) 283, 290, 312
Менхеперкара 260
Менхеперра, см. Тутмос III 257, 260, 297, 390, 576
Менхеперра, сын Тутмоса III 295
Менхепрура, см. Тутмос IV 315, 323, 326, 576
Меркара 152, 574
Мерджефара 172, 173, 575
Меренра 56, 110
Мерертети, нм. Асьюта 45, 48
Мериаи, сын Деди 502
Мериамон, сын Рамсеса III 508
Мерикара 36–40, 43, 50, 54, 55, 572
Мериатум, сын Рамсеса II 459, 547
Мериатум, сын Рамсеса III 554
Мерибра Хети 36, 572
Меримос, в.-к. (TT 383) 339, 340, 347, 390
Мериптах, вжр. Амона 358
Мериптах, вжр. Птаха 358
Мерира II 364, 372, 386, 387, 398, 399, 402, 405, 409
Мерира из Амарны I 387, 398
Мерира, сын Рамсеса II 459
Мери, сын Менхута 90
Меритамон, дочь Рамсеса II 458, 459
Меритамон, дочь Тутмоса III 264
Меритамон, супруга Аменхотепа I 224, 231, 232, 237, 255
Меритамон, царевна 196, 232
Меритатон, дочь Эхнатона 370–373, 381, 383, 395, 397, 398, 400–403, 405, 406, 409, 422
Меритатон та-шерит, царевна 372
Меритра-Хатшепсут, царица 251, 255, 294, 295, 298, 313
Мерит, супруга Сеннефера 310
Мери, уполномоченный в Куше 508
Мермеша (Сменхкара) 134, 144, 176, 177, 573
Мернеджем, в.-к. 476
Мернептах (Баэнра-Мериамон) 14, 59, 206, 229, 354, 426, 445, 447, 456, 458, 459, 461, 469, 476, 477, 487, 488, 490–505, 507–509, 511, 518, 523–527, 529, 531, 533, 535, 544, 570, 571, 577
Мернептах-Сиптах, см. также Сиптах 510, 511, 577
Мернеферра Эйе 150, 574
Мерсегер, супруга Сенусерта III (?) 105
Меру, каз. 45, 101
Мерхеперра 152, 574
Мерхотепра, см. Себекхотеп VI 141, 150, 151, 184, 574
Месех 73
Месехти из Асьюта 41
Мессуи, в.-к. 499, 503
Мехи 453
Мешашар, сын Капура 525
Микерин 310
Мин, бог 49, 52, 70, 90, 154, 187, 216, 337, 424, 427
Минемхет из Коптоса 187
Минептах, см. Мернептах 490
Минмос, вжр. Онуриса 485
Минмос, ст. 284, 286, 293, 294, 300, 309, 313, 316, 317

Мин, правитель Тиниса 299
Мин-Хор, бог 153
Мисфрагмутосис 211, 225, 228, 299
Мневис (бык) 383, 552
Монту, бог 49, 52, 82, 91, 107, 110, 134, 143, 147, 183, 216, 217, 233, 240, 294, 303, 353, 445, 446, 481, 543
Монту-Ра, бог 52
Мос, см. Аменмесес 508
Муваттали, хеттский царь 463, 464, 467–470
Мурсили III, хеттский царь 470
Мурсили II, хеттский царь 391, 407, 411, 430
Мут, богиня 270, 317, 347, 351, 353, 379, 390, 418, 419, 424, 426, 445, 456, 458, 509, 520–522, 531, 540, 551
Мутемнебу, сестра Тийи 426
Мутемуйя, царица 319, 320, 332, 333, 338, 358
Мутнеджемет, царица 394, 430, 431, 433
Мутнеферт, дочь (?) Тутмоса I 239
Мутнеферт, царица 239, 241

Н

Напхурурейя 359, 394, 407, 408
Нафтета, см. Нефертити 369
Нахерха, в.-к. 549, 554
Нахман 176
Нахт, арх. 424
Нахт, визирь 398
Нахт, ген. 416, 422, 427, 430, 570
Нахт, отец Ийе 426, 427
Нахт, сын Себекемсафа II 188
Небамон 294
Небамон (TT 90) 317
Небамон, визирь 324, 449
Небамон и Ипуки (TT 181) 380
Небанх 146, 148, 160, 161
Небкаура Хети 36, 38, 572
Небемхет, царица 155
Небетах, царевна 360, 361
Небеттауи, царевна 458, 459
Небету, царица 294
Неби, визир 551
Неби, правитель Чару 325, 327
Небирирау I 160, 161, 181, 182, 184, 576
Небирирау II 162, 184, 195, 576
Небмаатра (XVI династия?) 201
Небмаатра, вжр. Ра 558
Небмаатра-Мериамон, см. Рамсес VI 548, 577
Небмаатранахт II, визирь 564
Небмаатранахт I, визирь 556
Небмаатра, см. Аменхотеп III 332, 336, 338, 356, 366, 405, 576
Небмаатра, сын Рамсеса IX 553, 554
Небнену (Сменкара) 140, 573
Небнефер, из Дейр-эль-Медина 508
Небнефер, начальник землемеров 334, 358
Небнечеру, вжр. Амона 484
Небпехтира, См. Яхмос 211, 217, 236, 439, 576
Небукауранахт, см. Саренпут II 113
Небукаура, см. Аменемхет II 96, 572
Небухаэс, Царица 159, 160, 161, 185, 186, 195
Небухесбед, царица 551
Небухотепти, мать Себекхотепа II (?) 143
Небухотепти-младшая, царевна 143
Небхепетра, см. Ментухотеп II 42, 49, 56, 57, 64, 103, 107, 180, 181, 572
Небхепешра, см. Апопи 176, 177, 575
Небхепрура, см. Тутанхамон 394, 407, 408, 416, 418, 419, 425, 576
Неджемибра 140, 573
Неджем, сын Аменхотепа II 313, 316, 317
Неджех, кушитский царь 200
Нейт, богиня 147, 513
Немти, бог 140
Нени, царица 145
Непри, бог 77
Неркара 152, 574
Несамон, вжр. Амона 556, 558, 564
Несумонту, ген. 74, 81
Нектанеб I 351
Нефер 238
Неферкара 35, 39, 40, 184
Неферкара-Сетепенра, см. Рамсес IX 553, 555, 577
Нефернефруатон, см. Анххепрура Нефернефруатон 370, 402–406, 416, 418, 576
Нефернефруатон, царевна 371, 398
Нефернефруатон, эпитет Нефертити 382, 395, 402, 403, 424
Нефернефрура, царевич (?) 422
Нефернефрура, царевна 371, 372, 398, 403
Неферренепет II, визирь 548
Неферренепет I, визирь 480, 485, 549, 551
Неферсехеру, упр. (TT 107) 350, 355, 357, 366
Неферт I, царица 102
Нефертари, дочь Рамсеса II 459
Нефертари-Меретенмут, царица 223, 458–460, 473, 474
Нефертари, супруга Тутмоса IV 319

Нефертари, супруга Яхмоса, см. Яхмос-Нефертари 129, 191, 196, 213, 215–217, 219, 221, 223, 224, 231, 232, 234–236, 238, 250, 252, 256, 359, 505
Неферти 63, 68, 69, 73, 77
Нефертити, царица 17, 256, 359, 369–371, 375, 377, 379, 381–383, 386, 388, 394–398, 400–403, 405, 406, 409, 412, 415, 416, 419, 422, 424, 430
Неферхепрура-Уанра 576
Неферхепрухерсхепер 398
Неферхотеп III (Сехемра-Санхтауи, Ихернеферт) 14, 147, 154, 156, 182, 183, 575
Неферхотеп II (Мерсехемра Инед) 147, 151, 155, 165, 574
Неферхотеп I (Хасехемра) 14, 137, 139, 142, 146–149, 155, 160–163, 569, 573
Неферхотеп, (TT 49) 424
Неферхотеп, бог 348
Неферхотеп из Дейр-эль-Медина 508
Неферхотеп, отец бога 418
Неферхотеп, п. 103, 188
Неферхотеп, п. Папируса Булак 143
Неферхотеп, царевна 160, 161
Нефрубити, царевна 239, 241
Нефрукаит, царица 43
Нефру, мать Интефа II 42, 44
Нефру, мать Интефа III 44
Нефрура, царевна 215, 243, 252, 253, 263–265, 272, 273, 294
Нефрусебек (Себекнефру) 92, 118, 119, 127–129, 144, 156, 223, 261, 359, 573
Нефру, царевна 69
Нефру, царица 50, 79, 96
Нехбет, богиня 234, 374
Нехери, нм. Гермополя 51, 64, 68
Нехи, в.-к. (TT D1) 286, 289, 292, 307
Нехси (Аазехра) 152, 170, 172, 173, 575
Нехси, царский посланник 266, 275
Нечерхеджет, Хорово имя Ментухотепа II 49, 52, 56
Неши, каз. 193, 222
Нибхурурейя 394, 407, 408
Никмадду II, царь Угарита 392
Нимаатра 118, 119, 142, 144, 573
Ниусерра 79, 80, 486

О

Онурис, бог 485
Осирис, бог 15, 90, 92, 107, 112, 137, 144, 147, 154, 161, 184, 186, 234, 272, 349, 377, 411, 433, 439, 446, 447, 478, 485, 513, 526, 531, 543, 544
Осоркон II 480

П

Паатонемхеб 430
Пабаккамен 536
Паианх, вжр. Амона 563, 564, 565, 571
Паири (TT 139) 402, 404
Панахор, п. 555
Панахт (TT A 20) 224
Панебенкемет, царевич 551
Панеб из Дейр-эль-Медина 508, 509
Па*нехси*, в.-к. 560–566, 571
Па*нехси*, визирь 491, 503
Па*нехси* из Амарны 398
Панчени, см. Себекхотеп II 142
Парамессу, визирь 438, 439
Парамессу, визирь, см. Рамсес I 170, 438
Парахорунемеф, сын Рамсеса III 539, 554
Парахорунемеф, сын Рамсеса II, см. Рахорунемеф 460, 461
Парахотеп, два визиря, см. также Рахотеп 438, 485
Параэмхеб, визирь 63, 509
Пареннефер, вжр. Амона 404
Пареннефер, ст. (TT 188) 374, 380, 381, 398
Пареху, царь Пунта 266
Пасер II, в.-к. 476
Пасер I, в.-к. 426
Пасер, визирь (TT 106) 293, 357, 449, 471, 483, 484
Пасер, другой правитель Фив? 555
Пасер, н. Файюма 319
Пасер, п. 551
Пасер, правитель Фив 532
Пауах, вжр. Гелиополя 398
Пауах, п. 402, 404
Паураа, начальник полиции 555
Пахемнечер, вжр. Птаха 509
Пахери из Эль-Каба 241
Пахет, богиня 271
Пенанукет, жр. Хнума 534
Пенбуи, п. 418
Пениати, арх. 234, 274
Пеннут из Анибы 549
Пенпата, архивист 534
Пенсохмет, визирь 503
Пентаур, сын Рамсеса III 531, 536, 537, 548
Пенту, визирь 422, 423
Пенту из Амарны 398

Пепи II 40, 56, 57, 79, 184, 555
Петубаст II 139
Пиаи, комендант Куша 511
Пийе 37, 489
Пинеджем I 235, 251, 354
Пирьяваса, н. Кумиду 393
Псусеннес I 423, 539, 566
Птах, бог 97, 140, 188, 221, 292, 294, 333, 354, 358, 360, 384, 399, 418, 427, 430, 433, 446, 448, 461, 467, 472–474, 479, 480, 485, 486, 496, 502, 509, 521, 545, 549, 556
Птахемхет Ти, вжр. Птаха 433
Птахмос, вжр. Амона 332, 333
Птахмос, вжр. Птаха 358, 360, 549
Пудухепа, хеттская царица 471
Пуимра (TT 39) 275, 290

Р

Ра-Атум, бог 334
Ра, бог 44, 47, 49, 56, 69, 74, 128, 138, 146, 170, 175, 178, 182, 194, 271, 278, 327, 332, 336, 347, 348, 374, 379, 384, 386, 388, 397, 402, 404, 411, 418, 457, 467, 473, 474, 485, 497, 511, 513, 540, 558, 563, 569
Ра, докладчик 321, 327
Рамессу, визирь, см. Рамсес I 347, 366, 434, 438, 456, 474
Рамос, визирь (TT 55) 347, 350, 355, 357, 358, 365, 366, 374, 375, 380, 381, 398
Рамос из Амарны 398
Рамсес III (Усермаатра-Мериамон) 206, 247, 281, 306, 354, 451, 472, 476, 477, 489, 494–502, 507, 514, 517–541, 543–545, 547, 548, 551, 552, 554, 555, 559, 570, 571, 577
Рамсес II (Усермаатра-Сетепенра 551
Рамсес II (Усермаатра-Сетепенра) 12, 17, 30, 92, 141, 169, 170, 206, 208, 222, 225–227, 229, 245, 248, 256, 270, 272, 280, 286, 288, 335, 340, 341, 345, 348, 351–354, 357, 360, 362, 367, 394, 432–434, 437–439, 441, 444, 445, 447–492, 495, 503, 505, 508, 509, 513, 519, 521, 522, 524–526, 530, 531, 535, 538, 540–542, 544, 552, 553, 558, 562, 566, 570, 577
Рамсес IV (Усермаатра-Хекамматра-Сетепенамон 540
Рамсес IV (Усермаатра-Хекамматра-Сетепенамон) 451, 456, 489, 521, 522, 528, 529, 532, 535–537, 539–549, 551, 553, 577
Рамсес IX (Неферкара-Сетепенра) 21, 91, 451, 506, 522, 527, 528, 539, 540, 545, 549, 550, 553–560, 571, 577
Рамсес I (Менпехтира) 170, 433, 436–441, 448, 452, 457, 576
Рамсес VIII (Усермаатра-Ахенамон) 539, 540, 552, 553, 557, 559, 577
Рамсес VII (Усермаатра-Сетепена-Мериамон) 539, 540, 550, 552, 553, 577
Рамсес VI (Небмаатра-Мериамон) 513, 521, 522, 527, 536, 539, 541, 545–553, 556, 558, 559, 562, 577
Рамсес V (Усермаатра-Сехеперенра) 451, 539–541, 546–548, 550–552, 577
Рамсес XI (Менмаатра-Сетепенптах) 206, 436, 439, 527, 539, 555–566, 577
Рамсес X (Хепермаатра-Сетепенра) 539, 554, 558–560, 577
Рамсес-Аменхорхепешеф, царевич, см. Аменхорхепешеф II старший 461, 539
Рамсес-Ашахебусед, ст., см. Ашахебусед 487
Рамсес-Ментуэрхатеф, визирь 564
Рамсеснахт, в. 487
Рамсеснахт, вжр. Амона 532, 540, 543, 545, 551, 554, 556, 558, 564
Рамсеснахт, визирь 551
Рамсеснахт, в.-к. 554, 555
Рамсеснахт, ген. 544
Рамсес-Сиптах, см. Сиптах 510, 511
Рамсес-Сиптах, царевич 507
Рамсес-Усерхепеш, правитель Бет-Шана 527
Рамсесхаэмнечеру, канц., см. Баи 510
Рамсесэмперра, ст. 487, 503, 532
Ранефер, вжр. Гора в Баки 555
Ра-Хорахти, бог 90, 147, 150, 170, 363, 370, 373–376, 378, 380, 381, 384, 385, 395, 446, 463, 473, 474, 513
Рахорунемеф, сын Рамсеса II, см. Парахоруне—меф 459
Рахотеп, 2 визиря, см. также Парахотеп 485
Рахотеп (Сехемра-Уаххау) 151, 154–156, 182, 438, 485, 575
Редис 82, 83
Редитнес, мать визиря Эйе 160
Редиухнум 43
Ренени, правитель Эль-Каба 236
Рененутет, богиня 120
Рен-икер, п. 76
Ренсенеб 141, 157, 573
Ренсенеб, ген. 143
Ренсенеб, дочь Небухаэс 160
Ренсенеб, из Эль-Каба, гробница 9 160
Рессенеб, визирь 158
Рессенеб из Эль-Каба 161

Рехмира, визирь (ТТ 100) 290, 293, 299, 310
Решеф, бог 202, 314, 430, 484
Рибадди из Библа 343
Ромарои, вжр. Амона 485, 503, 508
Руджмену, храм 376, 378

С

Салитис 168, 170, 173, 174, 176, 575
Самонту 95, 123
Самут, 4-й жр. Амона 358
Санх 63
Санхенра, см. Ментухотепи 151, 183, 576
Санхенра, см. Суаджту 151, 182, 574
Санхибра 138, 139, 140, 573
Санхибтауи, Хорово имя Ментухотепа II 49
Санхптах, канц. 154
Сапаир 191
Сапаир 202, 221
Сапаир, сын Секененра Таа, см. Яхмос Сапаир 181, 190, 241
Саренпут II, нм. Элефантины 97, 99, 102, 113
Саренпут I, нм. Элефантины 83, 87
Сатамон, дочь Аменхотепа III 353, 357, 360, 361, 362
Сатамон, другая царевна 213, 215, 361
Сатджехути, царица 191, 196
Сатет, богиня 42, 44, 79, 87, 91, 110, 147, 155, 273
Саткамос, царица 222, 224
Сатра, мать Сети I 439, 577
Сатхатор, царевна 96
Сат-ях, супруга Тутмоса III 253, 264, 294, 298
Сахатор 95, 97, 98, 149
Сахатор (Менуаджра) 146, 148, 149, 160, 569, 573
Сахура 79, 80, 486
Себа, правитель Тиниса 423
Себекаи 152, 574
Себекемсаф II (Сехемра-Шедтауи-Шедуасет) 155, 160, 161, 181, 182, 185–188, 195, 197, 555, 576
Себекемсаф I (Сехемра-Уаджхау) 134, 146, 151, 154–156, 182, 186, 575
Себек, бог 57, 71, 102, 119, 120, 128, 129, 134, 135, 140, 142, 146, 147, 149–151, 162, 176, 198, 223, 261, 319, 359
Себекемса(у)ф, визирь 160
Себекемсаф-Хаанхес, царица 155
Себекемсаф, царица 188, 195, 199
Себекемхеб, дочь Себекемсафа I 155
Себекемхеб из Бухена 200
Себекемхет, визирь 114
Себекнахт, визирь 160
Себекнахт из Эль-Каба (гробница 10) 160
Себекнахт, правитель Эль-Каба 184
Себекхотеп, каз. 47
Себекхотеп, п. 185
Себекхотеп Па*нехси*, каз. 345
Себекхотеп, правитель Файюма 319
Себекхотеп, правитель Файюма (см. ТТ 63) 319, 327
Себекхотеп, ст. 545
Себекнефру, см. Нефрусебек 128
Себекхотеп III (Сехемра-Суаджтауи) 113, 137, 142, 143, 145, 146, 155, 157, 161, 182, 573
Себекхотеп II (Сехемра-Хутауи, Панчени) 120, 121, 142–144, 158, 159, 162, 182, 573
Себекхотеп IV (Ханеферра) 20, 135, 141, 142, 146–149, 156, 158, 160–165, 569, 573
Себекхотеп IX (Маара) 141, 152, 574
Себекхотеп I (Хаанхра) 140, 141, 149, 155, 573
Себекхотеп VIII (Сехемра-Сусертауи) 120, 141, 153, 182, 195, 575
Себекхотеп VII (Мерка(у)ра) 150, 151, 155, 574
Себекхотеп VI (Мерхотепра Ини) 141, 150, 160, 165, 184, 574
Себекхотеп V (Хахотепра) 148, 150, 161, 163, 573
Седжефакара, см. Аменемхет VII 142, 153, 573
Секененра Таа 175, 176, 177, 180–182, 186, 187, 189, 190–192, 195–197, 205, 210, 214, 215, 237, 238, 239, 256, 576
Секет (XVI династия) 179
Сенанх, каз. 110
Сенеб 236
Сенеби II, нм. Меира 88, 148
Сенебмиу (Суахенра) 153, 574
Сенебсен, царица 148, 160, 161
Сенебтиси 96
Сенебхенаэс, царица 145
Сенебхенаэф, визирь 154, 159
Сенем-ях (ТТ 127) 275, 290
Сененмут (ТТ 71, 353) 243, 259, 260, 263, 264, 269, 270, 272–274, 451
Сени, в.-к. 254
Сенимос, наставник 241
Сенисенеб, мать Тутмоса I 237, 239, 241
Сенмен, наставник (ТТ 252) 263, 264
Сеннаи, супруга Сеннефера 310

Сеннефер (ТТ 96) 255, 299, 310, 312
Сеннефер, другой 430
Сеннуи, супруга Хапиджефа 82, 88
Сенусерт III (Хакаура) 20, 30, 64, 71, 79, 83, 99, 101, 102, 105, 106–118, 120–122, 124–126, 128–130, 142, 146, 147, 162, 176, 200, 207, 244, 292, 359, 568, 572
Сенусерт II (Хахеперра) 23, 72, 92, 96, 99, 101–103, 105, 106, 108, 113, 114, 129, 130, 483, 572
Сенусерт IV (Снеферибра) 153, 183, 575
Сенусерт I (Хеперкара) 41, 56, 61, 63, 64, 69–96, 98, 99, 102, 110, 112, 115, 122, 126, 129, 144, 162, 166, 180, 219, 230, 260, 272, 291, 364, 479, 483, 568, 572
Сенусерт, отец бога 64, 68
Сепедхер из Бухена 200
Сетау, в.-к. 340, 462, 475, 476, 484, 488, 495, 532
Сетепенра, дочь Аменхотепа IV 371, 372, 398
Сетепенра, сын Рамсеса II 469
Сетепенра, эпитет Рамсеса II 457, 462, 543, 577
Сети II (Усерхепрура-Сетепенра) 63, 206, 490, 492, 504–514, 517, 518, 531, 532, 577
Сети I (Менмаатра) 13, 15, 19, 141, 169, 170, 280–282, 309, 391, 423, 431, 437–449, 451–453, 455, 457, 458, 460–463, 466, 470, 475, 477–479, 483, 484, 487, 526, 535, 542, 549, 559, 561, 562, 563, 566, 570, 571, 576
Сети, визирь 170, 439
Сети, в.-к. 514
Сети-Мернептах, сын Мернептаха, см. Сети II 492, 504
Сети-Мернептах, сын Сети II (?) 506
Сети, отец Рамсеса I 438
Сетмос, в.-к. 554
Сетнахт (Усерхаура-Сетепенра) 14, 514, 517–519, 521, 531, 532, 571, 577
Сетх, бог 46, 169, 170, 172, 174–177, 212, 228, 439, 440, 445, 449, 467, 471, 479, 488, 492, 518
Сетхорхепешеф, старший, сын Рамсеса III 461, 548, 553, 554
Сетхорхепешеф, сын Рамсеса II, см. Аменхорхепешеф I 460
Сетхорхепешеф, царевич, см. Рамсес VIII 552, 553, 577
Сехемра-Хутауи, см. Себекхотеп II 120, 141–143, 573
Сешат, богиня 542
Сиатум, царевич 321
Сиесе, визирь 99
Сиесе, в.-к. 549
Синухе 69, 71, 74–77, 79, 80, 92, 94, 112, 223, 495, 537
Сиптах (Ахенра-Сетепенра) 15, 206, 319, 505–507, 509–514, 517, 518, 532
Сменкара, см. Небнену 140, 573
Смендес 566
Сменра 182, 184, 195, 576
Сменхкара Джосерхепру 367, 370, 398, 402–406, 409, 410, 415, 416, 425, 576
Снааиб (Менхаура) 153, 575
Снахтенра 21, 181, 187–189, 196, 576
Снеференра 183
Снеферибра 153, 183, 575
Снофру 23, 54, 79, 80, 107, 180
Сопду, бог 103, 172
Сохмет, богиня 14, 79, 347, 354, 362, 533
Страбон 119, 169, 479
Суаджкара 138, 140, 151, 573, 574
Суадженра 151, 183, 184, 576
Суаджту (Санхенра) 151, 574
Суахенра 152, 153, 574
Суппилулиума I, хеттский царь 342, 343, 371, 391–394, 398, 401, 405–408, 420, 430, 570
Сусеренра, см. Бебианх 184, 576
Сусеренра, см. Хиан 174, 176, 182, 184, 575
Суталийя, царица, см. Сутеритери 507
Сутеритери, царица 507
Сутех, бог 177
Сути, арх. 352
Схаэнра 152, 174, 511, 574
Схотепкара, см. Интеф IV 144, 573
Схотеп-Атон (?) 417
Схотепибенра 139
Схотепибра 69, 73, 75, 76, 139, 140, 163, 572, 573

Т

Таа (Секененра), см. Секененра 21, 175–178, 181, 187, 189, 190, 191, 195, 197, 205, 215, 238, 576
Та, визирь 532, 534, 535
Тадухепа, царица 342, 347, 361, 395, 396, 397
Танетамон, дочь Тутмоса IV 322
Тани, царевна 175, 178
Тархунта-залма, хеттский ген. 393
Таурт, богиня 359

Таусерт 14, 15, 206, 506, 507, 509–514, 517–519, 531, 571
Тахарка 502
Тахат, царица (XIX династия) 506, 510
Тахат, царица (XX династия) 558
Таэмуаджси, супруга Пасера II 426
Тем, царица 50, 58
Тенимену, храм 376
Тентипет, дочь Рамсеса III 538
Тентипет, мать Рамсеса V 539, 545
Тентхапи, царица 196
Теон Александрийский 439
Тетиан, мятежник 210, 216, 220
Тети, в.-к. 216, 220
Тети, дама 236
Тетики, правитель Фив 220, 224
Тети, сын Минхотепа (Пепи) 187, 192, 194
Тети-шери, царица 189, 196, 209, 212, 213, 216, 220–222
Тетмосис 211, 225, 231
Тиаа, дочь Тутмоса IV 318, 319, 322, 327
Тиаа, мать Сиптаха (?) 319, 507
Тиаа, мать Тутмоса IV 313, 318, 319, 439
Тиа, мать визиря Сети 170, 439
Тиа, сестра Рамсеса II 439, 441
Тиа, шурин (зять?) Рамсеса II 441
Тийя-Меренисет, царица 519
Тийя, супруга Эйе 394, 424–427
Тийя, царица, XX династия 536
Тийя, царица, супруга Аменхотепа III 14, 129, 223, 256, 320, 332–334, 336, 337, 341, 345, 346, 350, 355, 358–361, 363–365, 367, 371, 372, 378, 379, 395, 398–401, 404, 409, 410, 415, 422, 424, 522, 536
Тити, царица 559
Тудхалийя, хеттский царь 464
Туи, Лувр E 10655 337
Туи, мать Рамсеса II 441
Туйу, мать Тийи 336, 337, 361, 395, 424
Туппи-Тешуп, царь Амурру 430
Тутанхамон (Небхепрура) 13, 206, 296, 299, 311, 340, 341, 352, 353, 360, 361, 371, 373, 389–391, 394, 398, 400–410, 412, 414–433, 439, 455, 482, 544, 570, 576
Тутимайос (?) 168, 169
Тутмос III (Менхеперра) 14, 16, 26, 27, 30, 41, 42, 54, 57, 91, 99, 115, 134, 202, 206–208, 210, 211, 215, 218, 224–228, 234, 235, 238, 240–244, 248–253, 255–265, 267–304, 306–310, 312–314, 317–319, 323, 325, 327, 331, 344, 349, 356, 363, 376, 419, 422, 455, 480, 482, 525, 526, 535, 541, 556, 569, 570, 576
Тутмос II (Аахеперенра) 231, 234, 238–243, 247, 251–258, 260, 262, 263, 269, 272, 273, 325, 356, 455, 576
Тутмос IV (Менхепрура) 206, 255, 270, 272, 276, 296, 297, 306, 310, 313–328, 331–333, 335, 337, 342, 349, 358, 368, 376, 415, 424, 431, 451, 455, 569, 576
Тутмос I (Аахеперкара) 26, 30, 129, 185, 199, 201, 209, 210, 220, 223, 224, 231, 232, 234–255, 258, 260, 266, 268, 270, 272, 273, 278, 284, 291, 295, 307, 309, 336, 526, 542, 568, 569, 576
Тутмос, сын Рамсеса II 360
Тутмос, сын Тутмоса III 295, 313
Тутмос, царевич 360
Туту из Амарны 378, 392, 398
Тушратта II, царь Митанни 320, 342, 343, 347, 359, 361, 371, 393, 395
Тэйе, каз. 265

У

Уаджет, царица, см. Иарет 319
Уаджит (10-й ном Верхнего Египта) 43
Уаджит, богиня 240
Уанра, эпитет Аменхотепа IV 374, 378, 384, 394, 396, 398, 402, 403, 576
Уахка II, нм. Кау 114
Уахнеферхотеп, сын Неферхотепа I 147
Убенсену, сын Аменхотепа II 313, 316, 317
Угаф (Хутауира) 137, 146, 147, 162, 573
Унамон 539, 563, 566
Унас 486
Уненнефер, вжр. Амона и вжр. Осириса 485
Уненнефер, вжр. Амона, см. Пареннефер 404
Уненнефер, визирь 564
Уни 23, 110
Унтауат, в.-к. 554, 555
Унтауат, внук в.-к. 555
Упуаут, бог 15, 137, 151, 153, 526
Упуаутемсаф (Сехемра-Неферхау) 153, 156, 195, 575
Урет-Хекау, богиня 484
Урхийя, ген. 487
Урхи-Тешуп, хеттский царь 470
Усеркаф 286, 486
Усер, визирь, см. Аменусер 259
Усеренра 184

Усермаатра-Ахенамон, см. Рамсес VIII 553, 577
Усермаатранахт, в Вади Хаммамат 542
Усермаатранахт, вжр. Амона 532
Усермаатранахт, в Нубии 555
Усермаатра-Сетепенамон, см. Рамсес IV 540, 577
Усермаатра-Сетепенра-Мериамон, см. Рамсес VII 577
Усермаатра-Сетепенра, см. Рамсес II 577
Усермаатра-Сехеперенра, см. Рамсес V 577
Усермаатра, см. Рамсес II 457, 473, 489, 540, 541, 577
Усермонту (Ментуусер) 152
Усер, н. Элефантины 340
Усерсатет, в.-к. 297, 298, 305, 306, 307, 311, 312
Усерхат (ТТ 47) 353, 358
Ухау, визирь 159
Уххотеп I, II, III, нм. Меира 87, 88

Ф

Фетекти 61
Фивы, богиня города 183

Х

Хаанхеф, отец бога 146, 148, 149, 569
Ха-Ахет, храм 269, 270
Хабаджилат, царица 521, 562
Хабехент (ТТ 2, список) 180, 181, 189, 191, 447
Ха, бог 97, 324
Хаи, визирь 480, 485
Хаи из Куша 421
Хайэмахет, храм 376
Хакаурасенеб 122
Хамуди 172, 173, 178, 197, 212, 217, 575
Ханеферра, см. Себекхотеп IV 20, 103, 105, 148, 149, 573
Хапиджефа III, нм. Асьюта 99
Хапиджефа I, нм. Асьюта 82, 87, 88
Хапу 97, 101, 348, 350, 355–357, 361, 362, 366, 389, 451
Хапусенеб, вжр. Амона (ТТ 67) 274, 333
Хар, каз. 179
Хармахис, бог 309, 316, 479
Хармахис-Хепри-Ра-Атум, бог 316
Хасехемра, см. Неферхотеп I 20, 146, 573
Хаснебу, царица, см. Небухаэс 159
Хатор, богиня 42, 79, 107, 112, 123, 139, 146, 150, 161, 193, 217, 224, 240, 264, 308, 325, 345, 348, 359, 379, 445, 473, 474, 475, 479, 485, 503, 513, 528, 544
Хаттусили III, хеттский царь 458, 468, 469, 470, 471, 472
Хатшепсут (Мааткара), царица и царь 27, 59, 129, 168, 206, 218, 223, 228, 229, 231, 234–236, 238–243, 249–253, 255, 256, 258–277, 289–293, 295, 309, 333, 359, 363, 448, 482, 512, 541, 570, 576
Хаусерра 179
Хаэмтери, в.-к. 499, 503, 507–509
Хаэмуас, визирь 555, 556, 559
Хаэмуас, см. Рамсес XI 559, 564, 577
Хаэмуас, сын Мернептаха 492
Хаэмуас, сын Рамсеса II 458, 459, 460–462, 469, 485, 486, 492
Хаэмуас, сын Рамсеса III 539, 554
Хаэмхет (ТТ 57) 350, 355
Хекамаатра, см. Рамсес IV 540–542, 577
Хеби, правитель Мемфиса 339, 354
Хеброн 231, 242
Хевиа из Амарны 359, 360, 364, 372, 386, 398, 399, 426
Хеви, визирь 72, 358
Хеви, в.-к. 472, 475
Хеви, в.-к. (ТТ 40), см. Аменхотеп Хеви 416, 420, 421, 423, 426
Хевит, царица 142
Хекаиб (культ, святилище) 44, 92, 99, 121, 147, 148, 150, 155
Хекамаатранахт 547
Хеканахт 73, 475
Хеканефер, царевич Миама 340, 421
Хекарешу, наставник 317, 320, 321, 327, 332
Хекаэрнехех, наставник (ТТ 64) 317, 319–321, 327, 331
Хема из Асуана 97, 99
Хенджер (Усеркара) 142–144, 156–158, 184, 573
Хенену (Хену), упр. 55, 59, 60, 61
Хенмес, визирь 139
Хентихетиэмсаф(-сенеб) (?) 156, 575
Хенун 45
Хенутмира, дочь Рамсеса II 441, 458, 459
Хенуттамеху, царевна 195
Хенуттаунебу, царевна 360–362
Хеопс 22, 71, 125, 299, 486
Хепермаатра-Сетепенра, см. Рамсес X 559, 577
Хеперхепрура, см. Аи 425, 576
Херихор, вжр. Амона и царь 560, 562–566, 571, 577

Херишеф, бог 107
Хертихотеп 166
Херти, царевна 178
Херуэф, упр. (ТТ 192) 348, 350, 355, 357–359, 363, 365, 366, 374, 379–381, 398
Хети 36, 38, 43, 45, 47, 50, 57
Хети, визирь 125
Хети, нм. Асьюта 38
Хети, отец Мерикара 36, 39
Хети, сын Дуауфа 75
Хефрен 299
Хиан (Сусеренра) 173–176, 179, 197, 198, 575
Хирхуф 495
Хнемет-нефер-хеджет, царицы 95, 96, 98, 102, 105, 118, 119, 129, 223, 359
Хнемет, царевна 96
Хнум, бог 82, 110, 147, 240, 273, 534, 547, 564
Хнумхотеп II, каз. 103
Хнумхотеп II, нм. Бени Хасана 71, 72, 88, 100, 102, 103, 114
Хнумхотеп I, нм. Бени Хасана 72, 76
Хонсуэмуасет, царевич 151
Хонсуэмхеб 155
Хор II 152, 574
Хор I (Ауибра) 96, 141–143, 573
Хор, арх. 352
Хораа 149
Хорахти, бог 374, 386
Хор, бог 19, 39, 42, 46, 48, 49, 107, 112, 118, 128, 129, 138, 139, 141, 142, 145, 153, 176, 177, 188, 190, 194, 200, 213, 216, 222, 233, 245, 270, 290, 337, 341, 375, 383, 384, 386, 418, 432, 434, 439, 446, 472, 543, 544, 549, 555, 559
Хоремсаф, упр. 114
Хоремхауф 187
Хоремхеб (Джосерхепрура) 17, 26, 170, 171, 307, 353, 389, 390, 391, 394, 408, 412, 416, 418–434, 437–439, 448, 451, 455, 482, 488, 535, 564, 570, 576
Хоремхеб, п. (ТТ 78) 327
Хоремхет, докладчик 97
Хори II, в.-к. 529, 533, 544
Хори I, сын Кама, в.-к. 476, 514, 528, 529, 532, 533, 546
Хори, вжр. Онуриса 485
Хори, визирь 509, 514
Хори, п. 553
Хори, ст. 545
Хори (Суаджкара) 151, 574
Хор-Мин, упр. 450
Хорнахт из восточной Серры 555
Хорнахт из Дендеры 37
Хорнахт, п. 188
Хорнеджхеритеф, сын Ааму или сын Кемау (Хотепибра) 139, 140, 163, 573
Хорон, бог 314, 419, 479
Хорурра 123
Хотепибра, см. Хорнеджхеритеф 139, 140, 163, 573
Хотепи из Эль-Каба 38, 40
Хотепти, царица 119
Хурейя 407
Хусебек, в. 108
Хут Атон, храм 387
Хутауира, см. Угаф 136, 137, 573
Хутбенбен, храм 371, 376, 379, 383, 385, 387

Ц

Цаннанца, хетт 407
Цензорин 207
Цитана, хеттский ген. 393

Ч

Чануни (ТТ 74) 276, 313, 327
Чаруджет, царевна 175, 178
Ченуна, упр. 327
Чехемау 57
Чечи 43
Чурои (список царей) 447

Ш

Шарек, см. Салитис 173–175, 575
Шаушка, богиня 464
Шаушкамува, царь Амурру 463, 468
Шедуасет (Шедтауи), см. Себекемсаф II 181, 182, 184, 188, 576
Шепсескаф 486
Шеши (Мааибра) 174, 179, 575
Шешонк I 227, 550
Шу, бог 386, 477

Э

Эйе, визирь 160, 184
Эйе (Хеперхепрура) 161, 341, 352, 394, 398, 408, 416, 419, 420, 422–433, 455, 458, 482, 570, 576
Эйе, царица, супруга Себекхотепа II 143, 159
Эмхеб 194

Эхнатон 12, 17, 91, 141, 206, 208, 226, 268, 323, 335, 339, 340, 342, 348, 352, 355, 359–364, 366–373, 377–380, 382–413, 415–420, 422–427, 429, 432, 460, 489, 570, 576

Я

Ях, бог 194, 200, 238
Яхве, бог 229
Ях, мать Ментухотепа II 45, 47, 48
Яхмос из Амарны 398
Яхмос из Бухена 194
Яхмос Интеф (?), кушитский царь 200
Яхмос Меритамон, царевна 196, 224
Яхмос Небетта, царевна 195
Яхмос (Небпехтира) 15, 21, 33, 46, 134, 157, 171, 178, 180, 181, 187, 191, 193–197, 199, 201, 202, 205, 209–225, 227–234, 236, 238, 239, 246, 247, 268, 307, 331, 439, 503, 568, 569, 576
Яхмос-Нефертари, царица 15, 129, 191, 196, 213, 215–217, 219, 221, 223, 224, 231, 232, 234–236, 238, 250, 252, 359
Яхмос Пеннехбет, в. 218, 219, 224, 233, 243, 244, 248, 254, 255, 263, 264
Яхмос Сапаир, царевич 181, 190, 221, 241
Яхмос Сатаит, в.-к. 216, 220
Яхмос-Сатамон, царевна 195, 215
Яхмос, сын Абана, в. 201, 209–211, 215, 217, 218, 220, 222, 232, 233, 241, 244, 246, 247, 294
Яхмос Тумериси, царевна 195
Яхмос Тури, в.-к. 220, 236, 247
Яхмос Хенутемпет, царевна 195
Яхмос Хенуттамеху, царевна 195
Яхмос Хумаи (TT 224) 312
Яхмос царевич, при Аменхотепе I 215
Яхмос царевич, сын ЯХМОСА 191, 215, 216, 224, 231, 252
Яхмос, царица 195, 199, 237–239, 241, 251, 268
Яхнефер, каз. 187, 188
Яххотеп I 186, 189, 190, 193, 195, 196, 209, 213–217, 221–223
Яххотеп II 189–191, 195, 196, 199, 216, 223

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Ааму 23, 37, 54, 57, 68, 69, 98, 103, 104, 117, 140, 145, 163, 168, 192, 199, 219, 271, 284
Абгиг (Ег.) 85, 91
Абидос (Ег.) 12, 15, 20, 38, 40, 51, 58, 61, 64, 70, 80, 89–92, 107, 114, 122, 133, 141, 142, 144, 146, 147, 149, 150, 152–155, 158, 184, 185, 188, 190, 197, 213, 217, 221, 225, 234, 249, 268, 325, 354, 388, 434, 437–439, 442, 446–448, 451, 452, 455, 457, 461, 464, 470, 478, 484–486, 513, 526, 531, 542–544, 553, 565, 570
Абиско (Нуб.) 57, 64
Абу Симбел (Нуб.) 74, 97, 103, 117, 123, 341, 445, 450, 458–460, 462–464, 471–474, 476, 480, 482, 484, 487, 492, 507, 508, 511, 555
Абусир (Ег.) 156, 222, 286
Абусир, скала (Нуб.) 262
Абу Хамед (Нуб.) 247
Аварис (Ег.) 15, 16, 168–174, 176–178, 190, 192, 193, 197, 210, 211, 212, 217–219, 271, 277, 432, 449, 479
Адана (Аз.) 524
Адонис, р. (Аз.) 53
Азия, азиатский 16, 21–27, 53, 55, 57, 71, 80, 81, 96, 98, 99, 104, 108, 109, 113, 124, 163, 169–172, 178, 179, 189, 199, 201, 202, 206, 210, 213, 214, 218, 219, 229, 230, 232, 245, 246, 247, 249, 254, 255, 263, 265, 276, 277, 280, 283, 286–288, 291, 295, 297, 298, 299–303, 305, 306, 314, 320, 322–324, 335, 341, 342, 344, 369, 391, 392, 396, 398, 399, 411, 420, 426, 449, 463, 469–472, 476, 490, 492–494, 500, 501, 503, 507, 510, 513, 518, 521, 524, 525–528, 546, 553, 566, 569, 570, 571
Айн Асил (Ег.) 555
Акайта (Нуб.) 246, 390, 462
Аккадцы (Аз.) 168
Акра (Аз.) 282, 443
акуаш 499
Акша (Нуб.) 449, 462, 470, 472, 474, 475, 480, 492
Алалах (Аз.) 171, 286, 287, 288, 305, 306

Алашия (Аз.) 343
Александрия (Ег.) 476, 477, 483
Алеппо (Аз.) 284, 322, 466
Альмуньекар (Испания) 175, 178
Амада (Нуб.) 78, 97, 292, 297, 300, 302, 303, 308, 325, 391, 492–494, 496, 498, 501, 507, 511, 549
Аманус, гора (Аз.) 81
Амара западная (Нуб.) 446, 462, 470, 472, 474–476, 478, 479, 492, 508, 528, 544, 549, 554
Амарна (эль-) (Ег.) 12, 16, 253, 260, 262, 320, 323, 326, 334, 343, 346, 349, 352, 355, 359, 360, 364, 367, 370–372, 376, 378–389, 391–393, 395–399, 401, 402, 404, 407–409, 413, 414, 416, 423, 425, 430, 431, 472
Амки, равнина (Аз.) 393, 394, 406, 408, 420
Аммийя (Аз.) 344
Амнис (Крит) 344, 345
Амор (Аз.) 524, 525
Аморрейцы (амориты) (Аз.) 444
Амурру (Аз.) 168, 343, 392–394, 430, 442, 444, 445, 463, 464, 467, 469, 470, 524, 525, 570
Анатолия (Аз.) 393
Анахараф (Анахарта) (аз.) 301, 302, 304
Аниба (Нуб.) 83, 103, 111, 233, 249, 340, 341, 421, 475, 508, 542, 544, 549, 559, 564, 565
Антиноополь (Ег.) 388, 479, 558
Апамея (Аз.) 285, 302
Аравия Южная (Аз.) 27, 266, 289
Арамеи (Аз.) 344
Ардата (Аз.) 282
Армант (Гермонт) (Ег.) 39, 51, 58, 59, 71, 90, 91, 107, 122, 145, 216, 225, 249, 270, 272, 275, 276, 284, 285, 288, 293, 308, 325, 388, 479, 480, 542, 549
Арминна (Нуб.) 194, 200
Аррапха (Аз.) 306
Аруна (Аз.) 278
Арцава (Аз.) 343, 344, 361, 524, 525
Асар-эн-неби (Ег.) 502
Аскут (Нуб.) 111, 121, 139
Ассирия, ассирийский (Аз.) 19, 334, 343, 345, 392, 470
Асфун (Ег.) 150, 258
Асьют (Ег.) 18, 36, 38, 41, 43, 87, 88, 99, 140, 293, 340, 388, 526
Атбара, р. (Нуб.) 495
Атрибис (Ег.) 19, 139, 356, 364, 388, 479, 492, 494, 495, 497, 498, 499, 501, 502, 531, 532
Атфих (Ег.) 37, 150, 193, 497
Афек (Аз.) 301, 303, 304
Ахейцы 499
Ахетатон (Ег.) 16, 17, 357, 367, 370, 373, 376, 381–386, 388, 389, 398–400, 412, 570
Ахмим (Ег.) 12, 17, 90, 91, 293, 337, 388, 416, 424, 427, 428, 479, 531
Ашер, племя (Аз.) 229
Ашкелон (аз.) 109, 286, 445, 469, 492, 493
Ашмейк (Нуб.) 110
Ашшур (Аз.) 246, 285

Б

Баальбек (Аз.) 150, 163, 302, 393
Баб эль-Калабша (Нуб.) 473
Багдад (Аз.) 174
Баки (Нуб.) 339, 555
Балат (Ег.) 146, 555
Баллас (Ег.) 49, 51, 154, 190
Бахарийя, оазис (Ег.) 192, 193, 450
Баюда (пустыня) (Нуб.) 233
Беджа (Нуб.) 201
Бейрут (Аз.) 128, 302, 444, 463
Бейт эль-Вали (Нуб.) 457, 460, 462, 463, 473, 475
Бекаа, долина (аз.) 81, 248, 302, 393, 394, 465, 466
Бени Хасан (Ег.) 40, 51, 68, 71, 72, 76, 83, 85, 87, 90, 97, 99, 100, 102–104, 114, 153, 176, 192, 271
Бербер (Нуб.) 233, 267
Бет-Анат (Аз.) 469
Бет-Шан (Аз.) 442, 443, 456, 461, 472, 527, 528
Библ (Аз.) 23–26, 53, 55, 109, 124, 125, 128, 139, 147–149, 163, 166, 223, 281, 283, 293, 306, 343, 430, 444, 463, 566
Бийахму (Ег.) 119
Билбейс (Ег.) 496–498, 500
Билгаи (Ег.) 513
Биркет Абу (Ег.) 347
Богазкёй (Аз.) 174, 367, 461, 470, 471
Болото Азии (Сечет) 254, 283
Болото Нахарины 444
Бубастис (Ег.) 71, 122, 142, 172, 174, 176, 299, 347, 348, 354, 479, 497, 501, 513, 514, 518, 529, 533, 551
Буто (Ег.) 240
Бухен (Нуб.) 57, 79, 81, 82, 83, 111, 112, 124, 147, 162, 163, 194, 200, 213, 214, 216, 219, 237, 249, 270, 289, 292, 308, 325, 391, 438, 441, 449, 474, 475, 484, 508, 511, 528, 544, 546, 555, 568

В
Вавилон (Аз.) 25, 27, 167, 285, 305, 322, 343, 345, 392, 445
Вади Аббад (Ег.) 340, 442
Вади Аллаки (Нуб.) 85, 246, 339, 340, 390, 476
Вади Аталла (Ег.) 86
Вади Баррамия (Ег.) 340
Вади Гавасис (Ег.) 22, 83, 84, 85
Вади Гасус (Ег.) 22, 85, 95, 97, 103
Вади Иса (Ег.) 86
Вади Магара (Синай) 117, 261
Вади Мия (Ег.) 324, 447, 549
Вади Насб (Синай) 117
Вади Натрун (Ег.) 71, 336
Вади Тумилат (Ег.) 37, 39, 71, 81, 124, 172, 325, 503, 518
Вади Хальфа (Нуб.) 237, 238, 247
Вади Хаммамат (Ег.) 51, 56, 59–63, 70, 72, 80, 83, 86, 103, 106, 107, 117, 148, 149, 150, 155, 158, 266, 289, 309, 345, 391, 449, 476, 482, 509, 529, 568
Вади Хариг (Синай) 85
Вади Шатт эр-Ригал (Ег.), см. Шатт эр-Ригал 47, 138, 155, 185
Вади эль-Худи (Ег.) 62, 63, 64, 70, 80, 83, 86, 97, 103, 106, 117, 123, 128, 149, 324
Вади эс-Себуа (Нуб.) 446, 462, 472, 475, 476, 492, 495, 529, 549
Вал правителя 69, 71, 77

Г
Газа (Аз.) 179, 265, 277, 278, 286, 287, 293, 392, 443, 472, 503, 528
Галилея (Аз.) 280, 301–304, 306, 323, 393, 465, 469, 569, 570, 571
Гебелейн (Ег.) 46, 47, 49, 51, 52, 55, 57, 91, 107, 139, 142, 146, 151–153, 161, 174–176, 183, 187, 188, 197, 198
Гебель Агге (Нуб.) 112
Гебель Ахмар (Ег.), см. Гелиополь 354
Гебель Баркал (Нуб.) 88, 233, 254, 276, 277, 279, 283, 292, 340, 391, 440, 449, 475, 498, 555
Гебель Доша (Нуб.) 292
Гебель Зейт (Ег.) 104, 117, 139, 140, 166, 184, 187, 199, 290, 345, 391, 476, 568
Гебель Тингар (Ег.) 308
Гезер (Аз.) 128, 175, 306, 323, 343, 361, 445, 493, 494, 498, 558
Гелиополь (Ег.) 19, 90, 91, 92, 147, 193, 212, 214, 217, 221, 240, 277, 290, 293, 305, 308, 309, 327, 345, 354, 383, 388–390, 398, 438, 449, 479, 482, 485, 491, 492, 494, 496–500, 503, 513, 531, 541, 544, 547–550, 552, 558
Гелиополь южный (Фивы) (Ег.) 374, 384, 417
генебтиу (Нуб.) 289
Генисаретское озеро (Аз.) 81, 279, 283, 301, 303, 304, 323, 442, 443, 445, 544
Гераклеополь (Ег.) 34, 36–38, 40, 46, 48, 107, 122, 479, 497, 568
Гермополь (Ег.) 97, 192, 193, 293, 309, 325, 333, 351, 363, 370, 387, 388, 397, 414, 479, 502, 513, 526
Герф Хусейн (Нуб.) 76, 474, 475, 544
Гесем (Гошен) (Ег.) 225
Гиза (Ег.) 16, 71, 299, 308, 309, 313, 315–319, 325, 419, 427, 455, 479, 484, 486
Гиксосы, см. общий указатель 15, 21, 26, 27, 98, 124, 152, 156, 161, 163, 165, 167–172, 174–180, 183, 187, 190–194, 197–202, 209–214, 218, 219, 221, 222, 225, 227, 229, 271, 314, 479, 493, 569
Гнауи Шема (Нуб.) 97
Голанские высоты 81
Голова юга 157, 158
Горькие озера (Ег.) 37
Греция 344, 345
Группа С (Нуб.) 83
Гурес 324
Гурна (ег.) 41, 153, 193, 324, 344, 358, 362, 439, 442, 448, 457, 478, 479, 505, 513, 547
Гурнет Мурраи (Ег.) 356
Гуроб (ег.) 213, 319, 359, 360, 381, 384, 419, 438, 497
Гутут (ег.) 497

Д
Дакка (Нуб.) 292
Дамаск (Аз.) 248, 344, 393, 394, 444, 469
Данайцы 344, 524
Дануна (Аз.) 524, 571
Дапур (Аз.) 461, 469
Дарфур (Африка) 233
Дахла, оазис (Ег.) 86, 146, 555
Дахшур (Ег.) 19, 20, 24, 70, 79, 95–97, 105, 107, 114, 119, 121, 125, 141, 143, 156, 165
Дебейра (Нуб.) 289
Дебод (Нуб.) 507
Девять Луков 456, 500
Дейр эль-Бахри (Ег.) 42, 46, 49–52, 56, 58, 59, 61, 70, 107, 141–143, 149, 151–153, 155, 189, 196, 224, 231, 235, 238, 240–242, 250, 251,

255, 258, 260–263, 266–269, 272–274, 308, 488, 531, 541
Дейр эль-Медина (Ег.) 206, 236, 249, 450, 451, 455, 478, 484, 487, 502, 507, 508, 510, 521, 532–535, 537, 542, 544, 545, 548, 550, 552, 555–557, 561, 565, 571
Дельта Восточная (Ег.) 26, 37, 39, 55, 56, 68, 103, 109, 150, 170, 172, 173, 228, 248, 254, 343, 394, 439, 465
Дельта (Ег.) 15, 21–25, 37, 39, 40, 46, 47, 54–56, 59, 61, 68, 71, 75, 76, 81, 106, 108, 121, 122, 134, 150, 158, 163, 166, 171, 172, 199, 218, 219, 222, 223, 228, 253, 254, 265, 271, 280, 281, 293, 309, 323, 342, 347, 356, 374, 390, 420, 421, 439, 443–445, 448, 449, 465, 477, 479, 491–497, 500, 501, 505, 513, 518, 521, 524, 526, 528, 531, 544, 545, 552, 569, 571
Дендера (Ег.) 37, 46, 49, 51–53, 57, 70, 71, 150, 176, 217, 293, 308, 485
Дениены (Аз.) 499, 524
Дерр (Нуб.) 462, 473, 474
Дехмит (Нуб.), см. Хор Дехмит 97, 123
Джаиуни (Аз.) 232, 248
Джамур (Аз.) 281, 282
Джаруха (Ег.) 337
Джати (Нуб.) 57
Джахи (Аз., Ег.) 219, 276, 281, 282, 286, 323, 394, 442, 449, 465, 471, 524, 528
Джесджес, оазис (Ег.) 192
Диосполь (Ег.) 135
Долина кедров 465
Долина цариц (Ег.) 12, 354, 439, 458, 531, 539, 551, 553–555, 559, 562
Донгола (Нуб.) 233, 246, 247, 446
Дра Абу-н-Нага (Ег.) 154, 178, 181, 188–190, 193, 196, 197, 216, 223, 234, 235

Е

Евреи (Аз.) 225, 228, 229, 343
Евфрат, р. (Аз.) 30, 54, 219, 245, 246, 248, 283, 284, 285, 303, 322, 524
Ездрелонская долина (Аз.) 170, 277, 287, 304, 465
Земля бога 60, 103, 543

Йам, страна (Нуб.) 23, 495

И

Иаму-кехек (Нуб.) 233
Ибехет (Нуб.) 339
Ибрим (Нуб.), см. Каср Ибрим 232, 233, 249, 270, 292, 307, 308, 446, 475, 528, 544, 549
Ибшек (Нуб.) 112, 474
Идахет (Нуб.) 60
Иераконполь (Ег.) 91, 107, 270, 327, 438
Иерихон (Аз.) 140
Иерусалим (Аз.) 109, 227, 343, 444
Избет Рушди (Ег.) 71
Избет Хелми (Ег.) 15, 71, 171
Избет эс-Сагира (Ег.) 106
Израиль, Израильтяне (Аз.) 24, 225–227, 229, 445, 492–496, 501, 503, 524, 527, 528
Иихтиб (Нуб.) 60
Икачи (Аз.) 302
Икен (Нуб.), см. Миргисса 110, 124
Иккур (Аз.) 111
Илион (Троя) (Аз.) 344, 345
Иллахун (Ег.) 102, 112, 114, 121, 128
Имет (Ег.) 76
Инет Хези (ег.) 43
Иордания (Аз.) 487
Иордан, р. (Аз.) 248, 393, 442
Ипу (Ег.) 424
Ирем (Нуб.) 246, 267, 324, 339, 446, 462, 570
Иренем (Аз.) 467
Ирина (Аз.) 285
Ирката (Аз.) 285, 286, 344
Ирпех (Аз.) 305, 306
Ирса (Ирес) (Аз.) 24, 524, 525
Ирчету (Аз.) 282
Ирчу (Аз.) 24, 524, 525, 526
Иси (Аз.) 288
Итурин (Аз.) 303
Иудея (Аз.) 225, 444
Иунерчу (Иунереч) (Аз.) 282
Иунтиу сетиу (Нуб.) 219, 232, 254, 267, 499
Ихнасийя эль-Медина (Ег.) 34, 479, 550
Ичтауи (Ег.) 69, 70, 79, 158

К

Кабен (Аз.), см. Кепен 305, 306
Кава (Нуб.) 155, 341, 391, 419, 421, 475, 544, 552
Кадеш (Аз.) 278–280, 282, 302, 311, 322, 393, 394, 407, 420, 442–444, 460–468, 471, 473, 477, 483, 569, 570
Кадеш, Галилейский или Неффалимов (колена Нафтали) 280, 282, 302, 303, 323, 444, 466
Кадеш, на Оронте 280–282, 284–286, 301–303, 322, 444
Кадеш-Барнеа 280

Каир (Ег.) 15, 19, 36, 59, 70, 122, 152, 395, 443
Камид эль-Лоз (Аз.) 392, 443
Камуат эль-Хермель (Аз.) 466
Кана (Аз.) 469
Канаис (Ег.) 447, 448
Кантир (Ег.) 69, 71, 106, 108, 150, 170, 175, 481, 507, 513
Карабана (Ег.), см. Рабана 496, 497
Кардуниаш (Аз.), см. Вавилон 343
Карет эд-Дахр (Ег.) 71
Кари (Нуб.) 234, 324, 336, 338, 353
Каркемиш (Аз.) 24, 246, 280, 284, 344, 393, 407, 408, 430, 467, 524, 525
Кармель, горный массив (Аз.) 170, 278, 302, 303, 443, 465, 493
Карнак (Ег.) 14, 18, 21, 41, 44, 51, 52, 64, 89, 91, 93, 107, 108, 120, 122, 128, 134, 136, 137, 139, 141, 147, 149, 150, 151, 153, 155, 158, 160, 166, 183–185, 188, 191, 193, 194, 197, 209, 213–215, 219, 221, 222, 224, 234, 235, 240, 242–244, 249, 252, 253, 255, 266, 267, 270, 272–277, 280, 281, 292–294, 300–302, 304, 305, 308, 309, 311, 318, 319, 322, 325, 326, 341, 347, 351–354, 356, 365, 366, 369, 371–377, 381–384, 388, 391, 398, 410, 419, 420, 424, 427, 428, 434, 438, 442–444, 446, 448, 453, 457, 458, 460, 463, 464, 470, 472, 478, 481, 486, 492–495, 499, 500, 506, 508, 509, 520–522, 526, 531, 533, 541–543, 547, 549, 551, 552, 555, 556, 559, 563, 570
Карнак, восточный 376, 410
Карнак, северный 97, 217, 249, 260, 270, 309, 325
Карнак, южный 270
Каср Ибрим (Нуб.) 232, 233, 249, 270, 292, 307, 308, 446, 475, 528, 549
Каср эс-Сага (Ег.) 103
Катна (Аз.) 96, 301, 302, 322, 323, 393
Кау эль-Кебир (Ег.) 114
Кахун (Ег.) 102, 103, 118, 119, 139, 143, 157, 364, 366
Кедем 81, 223, 232, 248
Кедер (Аз.) 442–444
Кеди (Кеду) (Аз.) 24, 280, 281, 467, 524, 525
Кемет 69, 232, 254, 394, 496
Кенисса (Нуб.) 244, 246, 568, 569
Кенсет (Нуб.) 244
Кепен (Кепени) (Аз.) 55, 139, 147, 223, 283
Керма, город и народ (нуб.) 57, 82–84, 88, 111, 124, 143, 162, 163, 174, 179, 199, 200, 220, 232, 233, 246, 247, 495
Кефтиу (Аз.) 55, 288, 323, 344, 345
Кешу (Аз.) 80, 81
Кидония (Крит) 344
Киликия (Аз.) 280, 467, 522, 524
Кина (Кишон), р. (Аз.) 278
Кинза (Аз.) 393
Кинопольский (15-й ном Верхнего Египта) 193
Кипр, остров (Аз.) 55, 288, 522, 524, 525, 566
Кифера, остров (Греция) 344
Кицщуватна (Аз.) 280
Кносс (Крит) 16, 174, 222, 344
Ком Омбо (Ег.) 149, 234, 270, 292
Ком эль-Акариб, возле Ихнасийя эль-Медина (Ег.) 107, 128
Ком эль-Ахмар, возле Гелиополя (Ег.) 482, 492
Ком эль-Нана (Ег.) 383
Ком эль-Хейтан (Ег.) 14, 344
Ком эль-Хисн (Ег.) 122
Ком эс-Самак (Ег.) 347
Коноссо, скала (Нуб.) 49, 51, 52, 124, 146, 147, 317, 319, 321, 324, 332
Коптос (Ег.) 22, 59, 60, 61, 71, 74, 85, 90, 91, 93, 122, 146, 154, 187, 188, 220, 302, 309, 529, 543
Кор (Нуб.) 83, 111, 162
Кордофан (Африка) 233
Короско (Нуб.) 69, 76, 82
Красное море 22, 23, 30, 59, 60, 61, 85, 139, 200, 226, 246, 247, 266, 529
Крит, критский 16, 24, 55, 99, 167, 171, 174, 222, 223, 288, 323, 344, 345, 530
Крокодилополь (Ег.) 119, 128, 319
Кубан (Нуб.) 83, 84, 103, 111, 118, 238, 249, 292, 339, 341, 449, 456, 476, 528, 555
Кумиду (Камид эль-Лоз) (Аз.) 392, 393, 443
Кумма (Нуб.) 82, 83, 111, 112, 116, 117, 119, 120, 122, 127, 143, 255, 292, 308, 568
Кургус (Нуб.) 244, 246, 267, 307
Куркур, Оазис (Ег.) 56
Курустама (Аз.) 342, 407
Кус (Ег.) 187, 190, 192, 193, 271
Кусейр (Ег.) 60
Куш, кушитский (Нуб.) 57, 82–84, 98, 110, 111, 162, 163, 192–194, 199, 200, 219, 232, 233, 244, 246, 254, 265, 277, 286, 287, 289, 305, 324, 327, 338–341, 353, 386, 416, 420, 421, 423, 441, 443, 459, 463, 488, 489, 493, 498, 499, 502, 503, 508, 511, 514, 523, 527, 537, 555, 560, 561, 563, 571

Л
Лабиринт 102, 119
Лахиш (Аз.) 175, 444, 493, 528
Лебу 477, 493–503, 523, 525, 526, 529, 534, 552, 555, 571
Леонтополь (Ег.) 107
Ливан (Аз.) 23, 24, 26, 53, 54, 81, 88, 98, 281, 284–286, 323, 343, 444, 465, 552
Ливия, ливийцы 21, 23, 24, 27, 53, 54, 57, 104, 167, 233, 420, 442, 445, 462, 463, 477, 492–496, 498, 500, 501, 522, 527, 550
Ликия, ликийский (Аз.) 467
Ликтос (Крит) 344
Литани, р. (Аз.) 81, 248, 280, 282, 283, 286, 303, 305, 322, 342, 393, 443, 444, 465, 469
Лишт (Ег.) 36, 64, 68–71, 74, 79, 89, 90, 91, 93, 102, 108, 122, 135, 145–147, 150, 156, 158, 165, 187, 495
Луксор (Ег.) 13, 14, 47, 211, 221, 240, 270, 285, 291, 303, 317, 319, 322, 341, 346, 348, 350–352, 363, 366, 374, 375, 394, 415, 419, 456–458, 462, 464, 470, 477, 478, 481, 491, 502, 531, 542
Луку (Аз.) 499

М
Маасара (Ег.) 211, 213, 214, 219, 221, 234
Маджаи (Нуб.) 200, 201, 493, 499
Мазгуна (Ег.) 127, 156
Малката (Ег.) 334, 337, 345–348, 351, 355, 356, 358, 362, 366, 371
Манкабад (Ег.) 388
Маншийет эс-Садр (Ег.) 456, 481, 482
Мапасин (Аз.) 303
Марианну (Аз.) 286, 303
Марса Алам (Ег.) 85
Матарийя (Ег.) 19, 74
Матмар (Ег.) 388, 479
Махамид Кибли (Ег.), см. Сумену 479
Мегиддо (Аз.) 109, 168, 206, 218, 257, 276, 278, 279, 280, 282, 285, 287, 304, 343, 548, 569
Медамуд (Ег.) 107, 115, 137, 142, 143, 145, 146, 153, 155, 293, 308, 325, 375, 388, 394
Мединет Абу (Ег.) 255, 270, 347, 356, 380, 419, 425, 439, 451, 472, 502, 517, 521–524, 526, 529, 530, 532, 536, 538, 540–542, 548, 549, 551–553, 555, 557, 560, 561, 563
Мединет Мади (Ег.) 119, 120, 128, 486
Меир (Ег.) 18, 36, 40, 68, 87, 88
Меки (Аз.) 80, 81
Мектиринет (Аз.) 303, 304
Мемфис (Ег.) 34, 48, 52, 91, 97, 103, 122, 140, 144, 150, 152, 168, 169, 173, 191, 193, 207, 214, 217, 218, 221, 222, 240, 249, 277, 281, 299–304, 312, 316, 325, 333, 334, 336, 339, 346, 347, 350, 351, 354, 355, 358, 360, 367, 384, 388, 390, 399, 416, 420, 433, 438, 441, 448–450, 461, 464, 475, 478–480, 484–486, 496–500, 503, 509, 513, 521, 532, 535, 544, 545, 549, 552, 556, 558
Мендес (Ег.) 426
Ментиу (Аз.) 55, 81, 108, 125, 168, 219, 233, 254, 444
Менус (Аз.) 80, 81
Мером (Аз.) 469
Мероэ (Нуб.) 233
Мертвое море (Аз.) 280, 323, 470
Месен (Ег.) 309
Месопотамия (Аз.) 98, 99, 248, 445, 526
Мессения (Греция) 344
Меха (Нуб.) 472, 474
Мешуэш 494, 496, 497, 498, 501, 502, 523, 525, 526, 529, 534, 555, 571
Миам (Нуб.), см. Аниба 233, 340, 421, 508, 549
Микены, микенский (Греция) 176, 272, 288, 307, 344, 345, 391, 476, 529
Минойский 16, 171, 288
Минья (Ег.) 486, 547
Миргисса (Нуб.) 97, 110, 111, 124, 136, 137, 145, 162, 163, 174, 184, 188, 199, 289
Мисия (Аз.) 467
Митанни (Аз.) 201, 232, 248, 283, 305, 320, 323, 324, 327, 334, 342, 343, 347, 359, 393, 396, 398, 569, 570
Миу (Нуб.) 246, 267, 288, 324, 339
Миур (Ег.) 497
Мишрифа (Аз.) 96, 279
Моав (Аз.) 470
Моалла (Ег.) 39, 40
Му-кед (Нуб.) 30, 219, 246, 247, 554
Мутир 477

Н
Наʿарен (Аз.) 467
Навплия (Греция) 344, 345
Накада (Ег.) 492
Напата (Нуб.) 88, 247, 249, 255, 300, 307, 311, 327, 336, 338, 341, 475
Народы запада 386, 523, 525–527, 550, 558, 571

«Народы моря» 21, 23, 24, 27, 477, 493, 494, 499, 500, 522, 524, 527
Народы Севера 23, 24, 463, 500, 523–525, 527, 530
Наури (Нуб.) 447
Нахараим (Аз.) 248
Нахарина (Аз.) 24, 25, 247, 248, 277, 278, 280–286, 300, 303, 305, 306, 322, 324, 336, 337, 342, 396, 397, 443, 444, 469, 525, 526, 569
Нахр Ибрахим, р. (Аз.) 53
Нахр эль-Кебир, р. (Аз.) 248, 280, 282, 392, 394, 463, 466, 469, 569
Нахр эль-Кельб, р. (Аз.) 248, 284, 461, 463–465, 470
Небеша (Ег.) 309, 544
Небсит (Ег.) 73
Негау 53
Негев (Аз.) 27, 223, 284, 302, 443
Нейраб (Аз.) 124
Немиу (Нуб.) 267
Немиу-ша 80
Неферуси (Ег.) 114, 176, 187, 192, 193, 194, 220
Нехен (Ег.), см. Иераконполь 107, 341
Нехси(у) 47, 57, 76, 83, 97, 110, 111, 192, 245, 265, 286, 306, 338, 495, 554
Нигер, р. (Африка) 220
Нил, р. 11–14, 22, 24, 30, 39, 47, 53, 56, 57, 59–61, 63, 71, 73, 81, 84–87, 103, 104, 110, 116, 117, 119, 120–122, 124, 127, 143, 153, 159, 162, 165, 168, 172, 192, 193, 200–202, 206, 214, 217–221, 232, 233, 243–249, 254, 266, 287, 307, 308, 311, 321, 323, 324, 333, 338, 342, 370, 387, 390, 397, 418, 448, 457, 472–476, 480, 494–500, 502, 521, 523, 524, 529, 531, 534, 535, 548–550, 552, 557, 561, 567–571
Ниневия (Аз.) 347
Ном (Нижний Египет), 1-й 43, 68, 87, 324
Ном (Нижний Египет), 2-й 39
Ном (Нижний Египет), 3-й 39, 496
Ном (Нижний Египет), 4-й 39, 40
Ном (Нижний Египет), 6-й 172
Ном (Нижний Египет), 7-й 299
Ном (Нижний Египет), 8-й 39, 43, 568
Ном (Нижний Египет), 9-й 43
Ном (Нижний Египет), 10-й 43, 44
Ном (Нижний Египет), 13-й 38, 48, 87, 88
Ном (Нижний Египет), 14-й 87, 88
Ном (Нижний Египет), 15-й 51, 64, 68, 72, 87, 88, 193, 383
Ном (Нижний Египет), 16-й 71, 72, 87
Ном (Нижний Египет), 17-й 72, 193
Ном (Нижний Египет), 20-й 40
Ном (Нижний Египет), 22-й 37
Нубет (Ег.), см. Омбос 492
Нубия (Верхняя), см. Судан 83, 84, 162, 476, 554
Нубия (Нижняя), см. Уауат 39, 40, 56, 76, 83, 85, 149, 199, 324
Нубия, нубийский 39, 53, 56, 57, 67–69, 76, 80–90, 97, 98, 103, 106, 109, 110, 112, 115, 123, 124, 137, 145, 149, 158, 162, 163, 167, 172, 189, 191, 192, 194, 199, 200, 210, 213, 215, 216, 219, 220, 222, 231–234, 236–238, 244, 246, 247, 249, 252, 254, 262, 267, 270, 286–289, 292, 297, 300, 305, 307, 308, 311, 312, 324, 325, 328, 334, 338–341, 351, 369, 373, 375, 379, 390, 391, 421, 426, 438, 446, 449, 450, 457, 462, 463, 472, 474–476, 478, 480, 482, 484, 490, 492–495, 498, 499, 502, 505, 507, 508, 511, 514, 523, 528, 529, 533, 542, 544, 546, 549, 552, 554, 555, 559, 561, 562, 564, 565, 568–570
Нухашше (Аз.) 279, 280, 285, 323, 344, 393

О

Омбос (Ег.), см. Нубет, Тух, Накада 170, 492
Оронт, р. (Аз.) 25, 248, 279, 280, 282, 284–286, 301–303, 305, 306, 322, 393, 444, 445, 465–468, 570

П

Палестина (Аз.) 24, 26, 81, 108, 109, 163, 167, 168, 170, 175, 201, 202, 210, 218, 225, 227, 229, 285, 286, 301, 305, 306, 324, 335, 345, 361, 392, 465, 470, 472, 493, 498, 501, 503, 524, 527, 544
Памфилия (Аз.) 524
Па-Ханаан 442, 443, 528
Па-Хати (Аз.), см. Хета 305, 306
Педжетишу 501
Пелусий (Ег.) 76, 169, 225
Пер-Берсет (Ег.) 496, 500
Периришепсет (Ег.) 497, 498, 501
Периру (Ег.) 496, 497
Пер-Небит (Ег.) 550
Перунефер (Ег.) 299, 304, 312
Пер-Хатор (Ег.) 193
Першак (Ег.) 192
Пехель (Аз.) 442, 443
Пи-ир (Ег.) 494, 496

Пи-Рамсес (Ег.) 439, 449, 464, 465, 479, 480, 481, 484, 485, 488, 491, 498, 505, 510, 524, 528, 529, 531, 534, 556, 560, 571
Пифом (Ег.) 225
Пнубс (Нуб.) 292, 308, 475
Пунт (Африка) 22, 23, 27, 57, 59, 60, 84, 85, 95, 97, 98, 103, 206, 245–247, 261, 265–268, 272, 274, 275, 277, 289, 308, 339, 346, 421, 443, 446, 475, 528, 529, 568
Пустыня Восточная (Ег.) 47, 60, 61, 85, 89, 248, 340, 447, 448, 501
Пустыня Западная (Ег.) 47, 86, 106, 145, 571

Р

Рабана (Ег.), см. также Карабана 497, 498
Рамессеум (Ег.) 34, 46, 123, 360, 455, 457, 460, 464, 469, 470, 478, 480, 481, 483, 487, 530, 535, 547, 556, 560
Рамсес (Ег.), см. Пи-Рамсес 449
Рамсес-Мериамон 465, 544, 553
Рафия (Аз.) 443
Рахену (Ег.) 60
Ребиу (Аз.) 302
Ременен(е) 23, 343, 442, 444
Рехит (Ег.) 421, 443, 521
Речену (Аз., Ег.) 24, 81, 108, 117, 128, 168, 192, 198, 219, 247, 248, 265, 277–283, 285, 287, 303, 305, 311, 323, 342, 420, 421, 442–445, 494, 528, 569
Речену (Верхняя) (Аз.) 80, 81, 280, 281
Рог ремли (Нуб.) 254, 338, 498
Роиту (Аз.) 282

С

Саи, остров (Нуб.) 82, 110, 111, 174, 219, 233, 234, 246, 247, 249, 270, 289, 292, 308, 339, 341, 446, 475, 476, 555, 568
Сака (Ег.) 193
Саккара (Ег.) 12, 17, 36, 64, 71, 128, 133, 142, 176, 231, 262, 266, 321, 331, 334, 358, 362, 366, 399, 418, 419, 420, 423, 430, 431, 433, 441, 447, 458, 484, 486, 487
Саккара северная 17, 545
Саккара южная 144
Сангар (Аз.) 25, 305, 306, 322, 345
Санторин (Тира), остров (Греция) 227, 228, 229
Сарды, Сардиния 494, 499, 527
Сатуна 477
Сафт эль-Хенна (Ег.) 172
Сафф эд-Даваба (Ег.) 42
Седеинга (Нуб.) 341
Седжефатауи (Ег.) 216
Сеир (Аз.) 470, 525
Секемем (Секемкем) (Аз.) 108, 109
Сема-Бехдет (Ег.) 374
Семна (Нуб.) 82, 83, 84, 106, 110–112, 116, 117, 119, 120–124, 137, 139, 143, 153, 162, 233, 249, 255, 260, 292, 297, 339, 340, 555, 568
Семна южная (Нуб.) 111, 121
Сенджар (Аз.) 285
Сепеду (Нуб.) 523
Сепермеру (Ег.) 497
Серабит эль-Хадим (Синай) 70, 85, 106, 117, 118, 122, 221, 234, 249, 259, 271, 290, 317, 325, 345, 544
Серапеум (Ег.) 360, 486
Серра (Нуб.) 289, 555
Сесеби (Нуб.) 390
Сетиу, см. Иунтиу 46, 233, 324
Сетрое, Сетроитский, ном (Ег.) 168, 172
Сехель, остров (Ег.) 110, 145, 146, 148, 265, 273, 308, 484, 486
Сечет (Аз.) 108, 219, 254
Сечетиу (Аз.) 46, 75, 76, 80, 98, 125, 168, 219, 302, 323, 336, 420, 442, 501, 518, 526
Сибини (Аз.) 303
Сидон (Аз.) 322, 323, 392
Силсила (Ег.) 234, 273, 308, 334, 340, 348, 351, 355, 374, 432, 455, 457–459, 480, 485, 486, 491, 502, 503, 507, 547
Силэ 217
Синай 23, 27, 55, 70, 71, 79–81, 85, 97, 98, 103, 104, 106, 108, 109, 116, 117, 119, 122, 123, 127, 199, 218, 219, 234, 236, 249, 254, 261, 262, 264, 265, 271, 290, 309, 317, 319, 325, 345, 346, 348, 359, 391, 449, 452, 455, 479, 482, 507, 513, 528, 544, 545, 546, 548, 568
Сирия 24, 26, 55, 95, 96, 99, 109, 248, 280, 284, 288, 305, 322, 335, 465, 501, 518, 552
Сикулы 499, 527
Сихем (Аз.) 108, 343
Сицилия 344, 494
Соко (Аз.) 303
Сокхоф (Ег.), см. Чеку 225
Солеб (Нуб.) 60, 229, 338, 339, 340, 341, 342, 347, 348, 351, 358, 362, 363, 373, 390, 415, 420
Сомали 266
Спеос Артемидос (Ег.) 168, 271, 448
Средиземное море 22–24, 322, 494, 495, 499, 500, 526

Средиземноморье восточное 54, 55, 345, 527
Судан 83, 149, 155, 163, 233, 266, 492, 494, 495, 498, 499, 502
Сумену (Ег.) 102, 129, 140, 146, 147, 162, 176, 198, 223, 354, 359, 427, 479
Сумур (Аз.) 281, 282, 287, 392
Суну (Ег.) 76
Суэц (Ег.) 59, 479

Т

Таанах (Аз.) 278, 306
Табо (Нуб.) 325
Та-Мери (Ег.) 449, 524
Тангур (Нуб.) 244, 262, 265, 289
Танис (Ег.) 19, 118, 122, 141, 142, 144, 150, 169, 172, 225, 423, 477, 479, 566
Та-Сети (Ег., Нуб.) 68, 82, 97, 324, 338, 528
Тахси (Аз.) 285, 300, 302, 303, 305, 306, 307, 311, 322, 323, 344
Тахта (Ег.) 337
Телль Абу-Сефа (Ег.) 309
Телль Афек (Аз.) 472
Телль Дейр Алла (Аз.) 513
Телль Делхамийя (Аз.) 544
Телль Небеша (Ег.), см. Небеша 76
Телль Неби Менд (Аз.) 280, 286, 445, 466
Телль Сера (Аз.), см. Телль эш-Шариа 528
Телль Хиззин (Аз.) 150
Телль эд-Даба (Ег.) 15, 16, 56, 128, 140, 167, 169, 170, 172, 178, 228, 432
Телль эль-Аджжул (Аз.) 175, 202, 219, 277
Телль эль-Амарна (Ег.), см. эль-Амарна 382
Телль эль-Йахудийя (Ег.) 97, 168, 552
Телль эль-Мокдам (Ег.) 107, 172
Телль эль-Фара (Юг) (Аз.) 219, 513, 528
Телль эль-Фул (Аз.) 277
Телль эль-Хебуа (Ег.) 172
Телль эр-Ретаба (Ег.) 39, 479, 531
Телль эс-Сафи (Аз.) 175
Телль эш-Шариа (Телль Сера) (Аз.) 528
Телль эш-Шихаб (Аз.) 445
Тентааму 220
Тепиху (Ег.) 497
Теххет (Техенут) (Нуб.) 289
Тигр, р. (Аз.) 248, 303, 526
Тимех(е) (Нуб.) 495
Тимна (Аз.) 123, 288, 449, 470, 507, 528, 532, 544, 546
Тинаи (Тинаиу) (Аз.) 288, 344
Тинис (Ег.) 37, 38, 39, 40, 43, 44, 85, 90, 142, 290, 299, 312, 423, 485
Тир (Аз.) 53, 54, 248, 281, 282, 302, 303, 392, 393, 401, 443, 444, 463, 503
Тира, остров (Крит), см. Санторин 227, 228
Тирсены 499
Тиурик (Нуб.) 324
Тод (Ег.) 42, 50, 51, 58, 70, 71, 77, 91, 95, 98, 99, 139, 145, 153, 155, 293, 308, 325, 375, 388, 502, 533, 542
Томбос (Нуб.) 185, 219, 244, 245, 246, 247, 249, 262, 340
Тошка (Нуб.) 74, 84, 97, 103, 112, 117, 123, 194, 200, 421
Триполи (Аз.) 282, 465
Троя (Аз.) 344, 513
Туна эль-Гебель (Ег.) 424
Тунип (Аз.) 232, 248, 280, 282, 286, 322, 323, 466, 469, 526
Тура (Ег.) 120, 309, 334, 351, 497
Туреш 499, 524, 527
Тух (Ег.) 249

У

Уаг (Нуб.) 60
Уадж-ур 22, 24, 54, 59–61, 85, 266, 386, 444, 477, 500, 523, 552
Уарчет (Аз.) 281, 282
Уауат (Нуб.) 39, 40, 47, 56, 57, 75, 76, 82, 83, 97, 101, 103, 149, 277, 287, 289, 324, 493, 499, 508, 549
Уашеш 524
Уганда 266
Угарит (Аз.) 25, 96, 124, 280, 286, 302, 303, 342, 349, 392, 463, 467, 472, 503, 524
Узу (Аз.) 443
Уллаза (Аз.) 281, 282, 443, 444
Умм эль-Кааб (Ег.) 80, 137, 144
Упа (Аз.) 469
Упта (Нуб.), см. Рог земли 498, 525
Уронарти, остров (Нуб.) 111, 112, 162, 233, 292, 308

Ф

Файюм (Ег.) 34, 37, 57, 59, 71, 91, 102, 103, 108, 119, 120, 121, 123, 126, 128, 135, 139, 147, 150, 151, 158, 193, 222, 319, 320, 327, 486, 497, 498, 544, 547, 549, 568
Факус (Ег.) 150
Фарас (Нуб.) 111, 112, 124, 270, 419, 475
Фарафра, оазис (Ег.) 496

Фарбет (Ег.) 481
Фенеху 80, 81, 214, 219, 254, 286, 342, 421, 439, 444
Фест (Крит) 344, 345
Фивы (Ег.) 12, 17, 34, 37, 38, 46, 51, 57–59, 70, 73, 79, 89, 123, 135, 143, 145–147, 149, 150, 154, 155, 158, 161, 177, 178, 183–185, 187, 188, 190, 193, 194, 197–199, 207, 209, 213, 216, 220–222, 224, 236, 240, 241, 249, 255, 269, 274, 293, 294, 297, 299, 300, 307–310, 312, 317, 319, 325, 331, 333, 334, 336, 339, 340, 346, 347, 350–352, 354, 355, 358, 360, 364, 366, 370–376, 379–383, 387–390, 396–398, 404, 409, 411, 416, 417, 419–421, 423–425, 443, 446, 448, 450, 456–458, 478, 480, 484–486, 487, 488, 491, 505, 509–513, 527, 531, 532, 535, 537, 540, 541, 544, 545, 547–549, 552, 555–558, 561–565, 568, 569, 571
Фракия (Европа) 109

Х

Хавара (Ег.) 119, 128
Хагар эль-Мерове (Нуб.) 244, 247, 249, 288
Хальба (Аз.) 284, 466
Хамат (Аз.) 285, 442, 443
Ханаан, ханаанейский (Аз.) 22, 27, 140, 171, 345, 367, 392, 394, 445, 493, 501, 513, 569
Ха (Нуб.) 97
Хапиру (Аз.) 343, 344, 393, 442
Харга, оазис (Ег.) 86, 192, 290, 496, 498, 555
Хардаи (Ег.) 192, 561, 562
Хару (Аз., Ег.) 278, 280, 286, 323, 386, 463, 493, 494, 498, 503, 518, 552
Хатаана (Ег.) 61, 140
Хатичен (Аз.) 303
Хатнуб (Ег.) 40, 51, 68, 86, 99, 106
Хатти (Аз.) 285, 305, 306, 343, 393, 552
Хаттуса (Аз.) 407, 408, 471, 501
Хау-уебут (Ег.) 54, 222, 223, 254, 265, 323, 342, 420, 421, 500
Хацор (Аз.) 280, 286, 443
Хашабу (Аз.) 302, 303
Хебену (Ег.) 271
Хеврон (Аз.) 444
Хелкур (Аз.) 279
Хеммис (Ег.) 253
Хенем (Аз.) 442, 444
Хен-Нехен (Ег.) 68
Хенти-иауш (Аз.) 80, 81
Хенти-Мин (Ег.) 424
Хенти-ше 98, 343
Хентхеннефер (Нуб.) 214, 219, 244, 287, 338, 340, 421, 476
Хери-Аха (Ег.) 502
Хериу-Ша 81
Хермель (Аз.) 465
Хермон, гора (Аз.) 81
Хета (аз.), см. Хетты 24, 288, 306, 443, 444, 469, 501, 524
Хеттеяне (Аз.) 501, 525
Хетты (Аз.) 21, 27, 288, 305, 306, 342, 343, 392–394, 406, 408, 420, 442, 444, 445, 456, 458, 464, 466–471, 484, 488, 493, 501, 524, 526, 552, 570
Хефат (Ег.) 39
Хех (Нуб.) 110
Хинном (долина) (Аз.) 444
Хорбейт (Ег.) 481
Хор Дехмит (Нуб.) 97
Хула, озеро (Аз.) 280, 282, 302, 303
Хурриты (Аз.) 27, 168
Хутненнесу (Ег.), см. Ихнасийя 34

Ч

Чаау (Ег.) 60
Чару (Ег.) 212, 217, 277, 281, 325, 327, 443, 465, 503, 518
Чекер 523, 524, 527, 571
Чеку (Сокхоф) (Ег.) 325
Чемеху (Нуб.) 47, 57, 68, 83, 462, 494–499, 523, 525, 571
Чехену 46, 57, 76, 442, 444, 445, 462–493, 495, 496, 498, 501, 523, 525, 526

Ш

Шабтуна (Аз.) 465, 466, 467
Шалфак (Нуб.) 111, 265
Шамаш-Эдом (Шемшу-Итум) (Аз.) 301, 302, 304
Шарданы 477, 499, 500, 524, 527
Шарон, равнина 303
Шарухен (Аз.) 210, 214, 216, 218, 219, 223, 227, 277
Шасу 54, 229, 246, 254, 285, 322, 442, 443, 466, 467, 470, 493, 525, 554
Шас-хотеп (Ег.) 38
Шатт эр-Ригал (Ег.) 19, 45, 49–51, 97, 139, 146, 147, 234
Шедет (Ег.) 119, 128, 147, 150, 151, 319
Шекелеш 494, 499, 524, 527, 571
Шейх Абд-эль-Гурна (Ег.) 274
Шемшу-Итум (Аз.), см. Шамаш-Эдом 301

Шенди (Нуб.) 233
Шмик (Нуб.) 82

Э

Эбла (Аз.) 25, 140, 163, 166
Эгейское море 222, 499, 500, 523, 526
Эгея, эгейский 98, 99, 272, 288, 307, 344, 345, 476
Эглон (Аз.) 444
Эдом (Аз.) 226, 470, 525
Эдфу (Ег.) 85, 145, 149, 151, 153, 154, 161, 183, 187, 188, 194, 197–200, 248, 249, 258, 292, 324, 325, 348, 478, 479, 531, 533, 542
Элевтер, р. (Аз.) 248, 281
Элефантина (Ег.) 16, 42–44, 49, 51, 58, 68, 75–77, 87, 91, 92, 97, 99, 110, 121, 122, 124, 127, 137, 138, 139, 145–150, 155, 158, 162, 166, 194, 199, 207, 234, 249, 255, 258, 270, 289, 292, 300, 308, 325, 340, 354, 374, 388, 390, 449, 478, 484, 533, 534, 547, 552, 558
Элефантина южная (Бухен) (Нуб.) 124
Эллессия (Нуб.) 292, 340
Эль-Каб (Ег.) 38, 40, 51, 118, 145, 151, 160, 161, 183, 184, 187, 198, 199, 210, 211, 218, 220, 222, 224, 232, 234, 236, 241, 248, 270, 292, 308, 325, 340, 354, 448, 475, 480, 486, 531, 532, 542, 549, 552
эль-Аламейн (Ег.) 477, 479
эль-Амра (Ег.) 221
эль-Кантара (Ег.) 217
эль-Асасиф (Ег.) 546, 549
эль-Атаула (Ег.) 91, 140
эль-Ашмунейн (Ег.) 271, 325, 427, 479, 509, 526
эль-Бабейн (Ег.) 502, 503
эль-Берша (Ег.) 12, 18, 40, 68, 87, 88, 99, 102, 113, 333, 351, 362
эль-Гиргави (Нуб.) 76, 82, 83
эль-Кейс (Ег.) 193
эль-Маскута (Ег.) 71
эль-Хиба (Ег.) 249, 563
эль-Хош (Ег.) 97
эр-Рикка (Ег.) 509
Эсна (Ег.) 293
эс-Саламуни (Ег.) 424
эс-Себуа (Нуб.), см. также Вади эс-Себуа 462, 474
эс-Сиририйя (Ег.) 503
Этруски 499, 527
эт-Тариф (Ег.) 42, 52
Эфиопия 109

Я

Яффа (Аз.) 277, 286, 301, 302, 463, 472, 518
Яхетеб (Нуб.) 60

Научное издание

Вандерслейен Клод

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

Том 2

От конца Древнего царства до конца Нового царства

2-е издание, исправленное

Редактор *В. А. Петров*
Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*
Корректоры *М. К. Одинокова, Н. Ю. Сулейманова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 20.12.2022.
Формат 70 × 100 1/16. Усл. печ. л. 57,2.
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 300 экз.)

ООО «Академия Исследования Культуры»
197376, С.-Петербург, ул. Чапыгина, д. 6, лит. А, пом. 3-Н

ISBN 978-5-9500-3456-5